

БОГ – ВЕЛИЧАЙШАЯ ИЗ ФИКЦИЙ

14 ноября 1984

Бхагаван, откуда явился дьявол, когда он предстал перед Адамом и Евой в образе змея?

Необходимо понять очень простой принцип. Если вы солгали однажды, то вы будете вынуждены лгать тысячу и один раз, чтобы скрыть первую ложь. И все же скрыть ее не удастся.

Эта тысяча и одна ложь не сделают из нее правды. Они могут подавить ее, но она остается. И в действительности все это снова ложь, и, как всякая ложь, она снова нуждается в сокрытии. Никакой правдой не скрыть лжи.

Правду скрывать не нужно. Когда говоришь правду, она самоочевидна, полна. Ей не нужно ничего другого, никакой поддержки. Она в самой себе содержит свою подлинность.

Ложь пуста. В ней нет очевидности. Но, рассказывая одну ложь за другой, можно дурачить людей. Может быть, одну ложь они и смогут раскрыть, но когда рассказана тысяча и одна ложь, в этой массе очень трудно обнаружить ложь основную.

Бог — вот основная ложь.

Настолько основная, что в мире нужны тысячи теологов, чтобы скрыть ее.

И все же она не скрыта. Бог все еще не является самоочевидным. Все еще требуются доказательства. Все еще нет достаточных аргументов. Все аргументы оказываются лежащими вне логики. Да, они могут убедить кого-то, кто уже убежден. Но какой смысл убеждать человека, который уже убежден, который воспринял, который верит. Ему не нужны аргументы, не нужны доказательства.

И все аргументы о Боге, все доказательства не смогли обратить за всю историю человечества ни одного атеиста. Здесь есть о чем подумать.

И затем, когда основная ложь высказана, нужно окружать ее, затуманивать ее много большим количеством лжи.

История соблазнения Евы и Адама дьяволом; история падения человечества - все это ложь для поддержки другой лжи. Но заняться этим очень интересно, интересно посмотреть на уловки так называемых мессий, аватар, так называемых теологов. Перед тем, как я войду в эту историю, я хотел бы, чтобы вы узнали ее полную версию. Она известна не полностью. Рассказывают только половину истории, поскольку вторая половина стала неудобной.

Адам и Ева не были первыми, кого создал Бог. Настоящая история такова, что Ева была второй. Бог создал одну женщину, но то была не Ева. Он создал Адама и одну женщину. Когда я всматриваюсь в эту историю, мне представляется это очень явственно. Бог создал мужчину и

женщину, но он должен был быть - и он был - еврейским Богом. Это еврейская история, и он должен был быть абсолютным евреем: он создал только одну кровать, такую маленькую, что и для одного человека она не была удобна. На такую маленькую кровать невозможно было положить вместе мужчину и женщину. Поэтому первая ночь - первая ночь медового месяца - превратилась в кошмар. Первым столкновением было: «Кто будет спать на этой кровати?»

Конечно, мужчина был великим мужским шовинистом, но еще не было доказано, что он является самым лучшим во всех отношениях, и еще не было прецедента. Они были первыми людьми. Женщина была очень упорной; она сказала, что она будет спать на кровати. Всю ночь они ссорились, дрались подушками - первая стычка - и... и на следующий день Бог вынужден был убрать эту женщину. С тех пор не было настоящей женщины.

Мне кажется, даже вымышленная история может быть использована для исследования ума, создавшего ее. Настоящую женщину пришлось убрать. Затем была создана Ева, но не как независимое существо; она была создана из ребра, извлеченного из тела Адама. Теперь она будет зависимой. Она будет лишь частью. Первая женщина была единственной независимой женщиной. Не было вопроса о том, что она ниже, а Адам выше. Но вторая женщина с самого начала была ниже; она - лишь малое ребро, взятое из тела Адама, ничего больше; она лишь часть, никакое не целое. От этой точки начинается деградация женщины. Падение Адама наступило позже, но деградация женщины, ее рабство началось с этого: настоящую женщину Бог забрал обратно.

У этого Бога тоже был ум мужского шовиниста. Почему бы ему не сказать, что вы оба равны, что не нужно драться? Он был, должно быть, настоящим евреем. Он не мог сделать кровать немного побольше, где могли бы разместиться оба. Это не только вопрос кровати, помните это. Я пытаюсь сказать вам: Бог не мог создать равенство между женщиной и женщиной, не мог сделать так, чтобы они чувствовали себя удобно в сосуществовании, без чьей-либо игры во власть. Естественно, он сам - мужчина. Он не убрал Адама. Он взял женщину, аннигилировал ее, просто прикончил. А вторая женщина - это женщина ложная, псевдоженщина.

С самого начала Бог сделал так, чтобы вторая женщина была псевдоженщиной.

Так история показывает, что никогда не предполагалось, что Ева будет равной. Как часть может быть равна целому?

Но когда вы ставите кого-то в подчиненное положение, абсолютно несправедливое, нечестное, то обязательно должно случиться восстание. Люди, придумавшие эту историю, должно быть, не осознавали, что придумывают. И никто не интерпретировал ее так, как я. Женщина, должно быть, несла в себе великий гнев. Женщина, должно быть, хотела как-то показать Богу: «Если ты можешь быть нечестным, то я тоже могу разрушить то, что ты пытаешься создать». Она собирается бунтовать. Христиане и евреи сделали в этой истории очень важным змея. Но это лишь оправдание.

Главное заключается в том, что в тот момент, когда вы пытаетесь усилить рабство, подчиненность, вы сеете зерна революции, бунта. Это - бунт.

Почему змей не смог уговорить Адама? Это было бы намного проще, ведь мужчина считается более разумным, более рациональным, более склонным к приключениям, более эгоистичным. И

все эти качества могли бы помочь змею, дьяволу, возбудить Адама против приказов Бога - спровоцировать его на бунт, на неподчинение. И это представляется абсолютно логичным, соответствующим психологии.

Женщина за всю историю человека никогда не бунтовала. На самом деле бунтовал, и многократно, только мужчина. Женщина не бунтовала никогда. Но первая женщина была мятежной, и дьявол нашел, что проще уговорить женщину... что было неправильно, абсолютно неправильно, поскольку все религии мира поддерживаются не мужчиной, но женщиной. Женщина - стеновой хребет всех религий мира. Если она поддержала кого-то, то это священник, а не дьявол; это Бог, а не дьявол.

Мужчина является лишь поверхностной опорой религии - очень незначительной. Ему не присуща глубокая связь с религией.

Но женщина по всему миру, во всех религиях является главной опорой. Иначе все эти религии исчезли бы.

Поэтому есть только две возможности: или эти религии исходят от дьявола, что представляется естественным выводом из этой истории - все эти религии не что иное, как стратегии дьявола, и он все еще продолжает старый трюк манипулирования женщиной, а через нее и мужчиной, - или вся эта история придумана для осуждения женщины. Те, кто придумали эту историю, придумали ее для осуждения женщины: она опасна, она может очень просто прийти к согласию с дьяволом - мужчина должен осознавать это.

В средние века папы и христианство проделали такую невероятную, неправдоподобную работу. Они заставили тысячи женщин признаться в том, что они ведьмы. Слово «ведьма» - не плохое слово, за ним не стоит какой-либо мерзкий смысл. Но христиане в средние века сделали его мерзким словом. «Ведьма» означает просто «мудрая женщина». Ничего другого оно не означает, но они изменили смысл этого слова, они сделали так, чтобы оно означало то, что они хотели: ведьма - это та, которая состоит в половой связи с дьяволом.

Не только обыкновенную женщину заставляли признаваться и сжигали заживо... Раз женщина согласилась с тем, что она ведьма и имеет половую связь с дьяволом, то, конечно, ей нельзя было позволить оставаться среди живых ни на одно мгновение. Она привносит дьявола в кровь человеческую. Она оскверняет все человечество. Она должна быть сожжена заживо. И так поступали не только с обыкновенными женщинами, даже монахини, настоятельницы монастырей - и их заставляли признаваться.

Достаточно было малейшего подозрения, любой мужчина, каждый мог донести папе, епископу, священнику о том, что эта женщина, эта монахиня кажется ему ведьмой. Этого было достаточно, чтобы начать расследование. И папа учредил специальный суд - Великую Инквизицию с огромным офисом и сотнями людей, работавшими для него по этим расследованиям с тем, чтобы дьявол был уничтожен повсюду, где бы он ни сеял свое семя.

И монахини на своих исповедях выражались более ясно, поскольку, естественно, они знали, что такое исповедь, они знали, что есть дьявол, они знали, какого рода половые связи могут быть с дьяволом. Они знали все эти вещи и подавляли свою сексуальность.

Весьма вероятно, что они мечтали завести любовные дела с дьяволом. О ней бы думали, как о мученице: «Ведь ты стараешься помочь Божьим людям искоренить дьявола. Ты готова рисковать своей жизнью».

Они в деталях описывали, как приходит дьявол, как он выглядит, с двумя рогами... вместо пальцев копыта. И не только это, они описывали, что у дьявола раздвоенный половой орган. Такое богатое воображение. И после того, как призналась одна монахиня, каждая следующая выражалась даже еще более ясно, с большим воображением. Почему раздвоенный половой орган? Потому, что дьявол мог одновременно иметь сношения с двумя, он мог одновременно использовать два входа в женское тело. В это верили, и их сжигали. И они шли на костер с радостью, поскольку тем самым они помогали великому делу мессии, Бога.

Теперь и в этой истории: мужчина остается в стороне, не отвечает по-настоящему за грех. Настоящая ответственность ложится на женщину. Змей соблазняет ее ум, так я вижу это. И на Востоке о змеях думают совсем иначе. Они не являются символом дьявола; только в христианстве и иудаизме змей - символ дьявола. На Востоке змея - мудрейшее животное на земле.

В Индии поклоняются змее. Поклонению змее посвящен особый день года, миллионам змей всех видов дают молоко, поклоняются им... поскольку на Востоке полагают, что змея - это символ мудрости. Почему? Потому что энергия кундалини в вашем теле движется точно так же, как движется змея. Поэтому кундалини переводится, как «энергия змеи».

Если вы когда-либо видели змею, стоящую на хвосте, вы удивились бы, ведь у нее нет костей. Стоять на хвосте - это чудо, ведь нет же костей, как поддерживать себя? Обычно, когда змея отдыхает, она свивает свое тело в форме кольца. В этом смысл кундалини. Кундалини означает кольцо, концентрические круги. Так обычно происходит с внутренней энергией каждого, она отдыхает в форме кольца.

Другое странное обстоятельство, касающееся змей, заключается в том, что они не имеют ушей. Тем не менее, змея танцует под определенную мелодию. Когда ученые обнаружили, что у змей нет ушей, они не могли поверить этому. Как же может так быть, что она танцует под определенную музыку? Лишь позднее они поняли, что, хотя у нее нет ушей - это правда, - но все ее тело чувствует вибрацию музыки. Поэтому она танцует, не слыша музыки, она танцует, чувствуя ее.

Запомните разницу: не слушая музыку - она не может слышать, не имеет никакой возможности слышать, - но чувствуя вибрацию музыки, чувствуя волны музыки, набегающие на ее тело. Ее тело настолько чувствительно, что оно начинает двигаться вместе с этими вибрациями. Это в точности соответствует внутренней змеиной энергии - кундалини. Она тоже начинает подниматься при определенной музыке. У этой энергии нет ушей, нет даже тела; она - просто чистая энергия, но определенная музыка чрезвычайно помогает ей.

И на Востоке обнаружили, какая музыка, какие песнопения помогают. Например, постоянное распевание слова «аум» ударяет по вашей спящей энергии. Действие звуков «аум» таково, что оно заставляет подниматься, вставать внутреннюю змею. То же самое происходит при звуке «ху». Это может происходить и при других звуках. Но, как было обнаружено, эти два звука работают совершенно определенно.

Восточная музыка совершенно отличается от западной. Западная музыка - это, в лучшем случае, развлечение. В худшем случае, она также ударяет по змее, но не вверх, а в точности наоборот, вниз. Поэтому большая часть западной музыки сексуальна. Это та движущаяся вниз энергия, что становится сексуальностью. Та же энергия, движущаяся вверх, становится духовностью. И когда змея достигает высшей точки вашего существа, седьмой чакры, удар энергии открывает эту чакру - в точности, как цветок лотоса. Это происходит в точности так же, как с цветком лотоса, поэтому лотос имеет такое огромное значение на Востоке.

Но идиоты придумали эту историю: дьявол явился в виде змея и соблазнил ум Евы, спровоцировал ее на бунт. Бог сказал, что нельзя есть от двух деревьев: древа познания и древа жизни. Если вы беспристрастны, не имеете предубеждений, то скажите, кто наносит вред человеку, Бог или дьявол? Бог отстраняет человека от познания. А когда вы отрезаны от познания, то кто вы, как не овощ: капуста или кабачок. Он просто отрезает от познания. И в этом была идея Бога: постоянно держать человека в состоянии овоща, растения. Конечно, овощи не бунтуют. Овощи зависимы.

Знание опасно. Разум опасен.

Если вы посмотрите без предубеждения, то увидите, что змей - друг человека, а не враг его. И даже в этой истории он исполняет восточную концепцию мудрости, хотя люди, придумавшие эту историю, не думали, что такая интерпретация возможна. Но со мной все возможно. Змей - не дьявол. Необходимо понять само слово «дьявол». Оно происходит от того же санскритского корня, что и слово «дивный» (чудесный, божественный). Поэтому «дьявол» и «дивный» имеют сходные значения. За ними обоими один санскритский корень; в санскрите он становится словом «дэва», в русском «дивный» и «дьявол».

Теперь снова та часть этой истории, о которой не рассказывают в церквях... Дьявол был ангелом, дивным, божественным существом, как и другие ангелы, продолжающие петь аллилуйя Богу. Он прекратил петь аллилуйя Богу - он был, должно быть, самым разумным ангелом — и начал поднимать вопросы, вопросы, на которые нет ответа, ведь если бы Бог был способен ответить на эти вопросы, то не было бы необходимости изгонять дьявола с небес. Что же это за Бог... не может ответить на вопрос, но может сотворить все сущее? Он должен знать все, ведь он создатель всего. И если определенный ангел задает вопросы, они должны приветствоваться.

Но Бог представляется большим диктатором, деспотом. Никаких вопросов - он дает только заповеди: делайте это, не делайте этого, но никаких вопросов.

Спрашивать почему - это не для вас. Делайте или умирайте, но не спрашивайте почему.

А этот ангел начинает спрашивать почему. Как следствие этого, он низвергнут. Это тот ангел, которого порицают под именем дьявола, сатаны и под другими именами. И это тот дьявол, который вложил в ум Евы идею: «Бог боится, что если вы отведаете от древа познания и древа жизни, то станете равными Богу, а он не хочет никого, равного себе. Он хочет оставаться превосходящим всех, самым высоким, единственным, кто знает, единственным, кто понимает, единственным, кто дает заповеди. Он очень завистлив, он не желает иметь соперников».

«Но если вы не отведаете от этих двух деревьев, вы никогда не узнаете, что есть жизнь. Вы никогда не сможете исследовать это загадочное и прекрасное существование».

Почему он выбрал Еву? Почему он не выбрал Адама? Это было бы более непосредственным, - но на то была причина. Адам - мужского рода, Бог - мужского рода. Этот ангел был низвергнут потому, что спрашивал, потому, что сомневался. Он понимает, что Ева страдает, потому что Бог был очень недобр и негуманен по отношению к ней. Она от рождения была создана рабыней. Она не может стать независимой, поэтому глубоко внутри она несет возможность восстания.

Адаму нечего сказать против Бога. На самом деле он пользуется благосклонностью Бога, ведь, когда он поссорился с первой женщиной. Бог забрал ее обратно. Он избранный, по-настоящему единственный порожденный сын Божий. Он особенный. Ради него Бог уничтожил женщину. Ради него он создал другую женщину, подчиненную ему во всех отношениях. Поэтому было бы трудно заронить идею восстания в ум мужчины. У него есть коренная заинтересованность в господствующей верхушке, незыблемых основах мироустройства. Бог - это истеблишмент, господствующая верхушка, и эта верхушка его уважает. Почему же он должен бунтовать? Для восстания нужно поискать кого-то, кто недоволен, у кого есть рана, нанесенная Богом. И здесь змей показывает свою мудрость, свое понимание.

Вы можете видеть мою работу - я работал больше над женщиной, чем над мужчиной. Почти семьдесят процентов моих санньясинов - женщины, и это по той простой причине, что женщина на протяжении веков была самой эксплуатируемой, самой подавленной во всем мире; подвергалась негуманному обращению со стороны каждого... Будда, Рама, Кришна, Махавира - все осуждали ее, что же говорить об обыкновенных людях. Она страдала больше всех... и страдание было таким долгим, что она полностью забыла, что есть и некоторый другой путь.

Я знаю: змей был мудрым.

На самом деле Бог представляется очень злым, когда настаивает на том, что нельзя есть плодов познания, нельзя есть плодов жизни.

Это зло. И он говорит: «Если вы не подчинитесь мне, я выгоню вас из Эдема. Тогда вы не будете больше под моей защитой; тогда вы будете сами по себе. В саду Эдемском вам не нужно заботиться о пропитании. Вам не нужно беспокоиться ни о чем, обо всем позаботились за вас, - но это концентрационный лагерь. Вокруг сада Эдемского были, должно быть, электрические провода. Но змей может пройти сквозь электрические провода без всякого труда.

Мне Бог представляется очень злым, когда он так настаивает на том, что непокорность - это величайший грех.

Я хотел бы сказать вам: покорность - величайший грех.

Прислушайтесь к своему разуму, и если что-то кажется вам правильным, делайте это, - но не подчиняйтесь, следуйте своему разуму.

Если ваш разум обнаруживает что-то неправильное, тогда, не взирая ни на какой риск, ни на какие последствия, идите против приказа.

Нет приказа выше вашего разума.

А Бог считает это обязательным... поэтому неподчинение становится изначальным грехом; все

остальные грехи - лишь следствия его. Его не беспокоят воры, грабители, убийцы, насильники, нет, здесь нет никаких проблем. Если бы Адам насильничал, ну и ладно. Конечно, он не мог насиловать других женщин, поскольку их не было, но были животные. И известны люди, которые насильствовали животных. Да и сам он был как животное. Он мог убивать животных для пропитания. Он был бы каннибалом, если там были бы другие человеческие существа, но их не было, поэтому он поедал других животных. Но и сам он был животным и ничем другим.

Но нет, это не грехи и даже не преступления. Богу все это представляется совершенно нормальным. Все эти преступники мира: все насильники, все садисты, все мазохисты, Адольф Гитлер, Чингисхан, Тамерлан, Иосиф Сталин - с ними все в порядке, нет проблем. Величайший грех - это неподчинение.

Странно слышать такое от Бога, Бог должен был бы сказать своим детям: «Будьте разумными. Заостряйте свой интеллект и следуйте за своим внутренним бытием и сознанием».

Но он хочет, чтобы они оставались зависимыми от него во всем. Это желание диктатора.

Поэтому я не могу осуждать дьявола, я уважаю его, очень уважаю его, потому что благодаря ему развился человек, существует человечество и оно способно давать таких людей, как Чарльз Дарвин, Микеланджело, Галилей, Коперник, Альберт Эйнштейн, Фрейд, Маркс. Благодаря ему были Будда, Иисус, Пифагор, Гераклит, Сократ - благодаря ему. Вся хвала - дьяволу. Без него... только капуста и кабачки, ничего другого.

Ева, конечно, очень легко убедил Адама. Тот, кто придумал эту историю, понимал кое-что в психологии: мужчина, если он любит женщину, готов сделать все, что она захочет. Если встанет вопрос выбора между его возлюбленной и Богом, он выберет возлюбленную. Любовь настолько значительна для мужчины, что он может рискнуть садом Эдема и всеми его удовольствиями.

И, кроме того, ее аргументы были сильными, ведь женщина просто повторяла то, что сказал ей змей: «Странно, что в этом прекрасном саду нам не говорят: “Здесь есть ядовитые деревья; не ешьте их плодов, иначе умрете”. Нам не сказали: “Здесь есть деревья, не обладающие питательными свойствами, не ешьте от них; они просто утомляют вашу пищеварительную систему, напрасно перегружают ее”. Нас предупредили лишь о двух деревьях, которые мы сами по себе не нашли бы. Как бы мы их нашли в таком большом саду?» Ведь это же был не ботанический сад, в котором рядом с каждым деревом находится табличка с его названием! Было бы чисто случайным совпадением, если бы они натолкнулись на эти два дерева, - а он запрещает именно их. Эти аргументы представляются совершенно логичными, совершенно практичными и прагматическими.

Женщина более практична, обладает большим прагматизмом, ближе к земле, чем мужчина. Женщина не спорит, не может много спорить, но у нее относительно некоторых вещей есть инстинктивное чувство, интуитивное чувство. И для нее без всяких аргументов было ясно: «Отстраняя нас от познания... а ведь познание открывает все горизонты приключения, открытия. И что мы будем делать здесь, если мы ничего не знаем? Какой смысл вообще нам быть здесь? И древо жизни... мы будем жить здесь и умрем и никогда не узнаем, что есть жизнь. А если мы не можем узнать, что есть жизнь, то как мы узнаем, что есть смерть? Так что он закрыл нам настоящие двери к существованию».

Это змей показал ей древо познания. Но эта история оставалась неполной, поскольку Бог, должно быть, шпионил за ними. У диктаторов всегда есть ФБР, КГБ, Скотленд Ярд и все такое. Они в сильном страхе; они постоянно следят, не делает ли кто-нибудь то, что идет против их приказов. Поэтому люди были схвачены уже на первом дереве; они съели только плоды познания. Они не смогли добраться до второго дерева. И они были немедленно изгнаны, ведь теперь можно было быть уверенным, что они найдут и второе.

Раз вы отведали от древа познания, то теперь не успокойтесь, не узнав все о жизни, смерти, о том, что случается раньше, что случается позже, и о том, зачем все это.

Теперь уже недалеко - вторым должно стать древо жизни. Н пока они не отведали плодов жизни и не стали вечными, их нужно выгнать и захлопнуть за ними двери. И они были изгнаны прочь голыми, одинокими в огромном мире. И того, кто выбросил их голыми, одинокими в этом огромном мире, без одежды, без еды хотя бы на несколько дней, без какого-нибудь пристанища... вы называете Богом?

Я думаю, лучше будет, если мы поменяем местами... Это дьявол приказывает: «Не ешьте от этих двух деревьев». А Бог - это тот, кто является в образе змея и провоцирует их на бунт.

И с тех пор, с тех пор, когда двери Эдема закрылись для человечества, человечество не потеряло, оно выиграло.

Человек постоянно рос, постоянно развивался. Да, служители Бога все еще старались. Хотя вы и были выброшены из Эдема, его агенты еще среди вас... Ватикан, шанкарачарья, имам. И он продолжает посылать своего единственного порожденного сына, и паигамбару, и тиртханкару, и аватару - для чего? Чтобы и сейчас отстранить вас от познания конечного секрета жизни.

Все религии против науки.

Все религии против познания истины.

Все они в почете у верования, а верование - это незнание.

И, конечно, они против познания вечного источника жизни, ведь если человек узнает, что он вечен, то он скажет Богу: «Отправляйся в ад». Кто будет беспокоиться о нем? Разве вы будете думать о нем, когда познаете вечность, когда узнаете, что вы сами вечны? Почему я совершенно не беспокоюсь о Боге? Даже мои родители всегда говорили мне: «Не говори против Бога - кто знает? Может быть, он есть. Если не хочешь верить в него, не верь, но хотя бы не говори ничего против него». Мои преподаватели говорили мне: «Разве ты не боишься?»

Я говорил: «Но почему я должен бояться того, кого нет? Я есть. Бога нет. Он должен чувствовать страх. Почему я должен бояться?»

«Я есть, я был, я буду».

В тот день, когда я узнал истину моего сознания, вечность моего сознания, слово «бог» стало просто бесполезным.

Дьявол сослужил потрясающую службу человечеству.

В тот день, когда человечество поймет реальность, будут разрушены все храмы Бога, потому что он с самого начала был против нас. И если вам нужен какой-то храм, создайте храм для дьявола, для змея. Ведь все, что вы есть, все, что вы имеете... человек, добравшийся до Луны... все открытия в биологии, позволяющие человеческому телу жить молодым и здоровым, по крайней мере, триста лет...

Вы удивитесь тому, что в Советской России все еще есть люди, вблизи Кавказских гор, есть племя, в котором легко найти людей ста пятидесяти, ста шестидесяти лет. И не на больничной койке с ногами, подвешенными в воздухе, нет - они еще работают, еще живы. На Кавказе можно найти человека, который женится в сто двадцать лет! Шесть поколений его потомков рядом с ним, живут. А он собирается снова жениться.

В Индии, в маленькой ее части, которая была частью Кашмира, а затем насильственно, незаконно отторгнута Пакистаном, есть люди, которым в среднем по сто пятьдесят лет, и это не удивительно для них. Они удивляются тому, что другие умирают так рано. Ученые работают над тем, в чем здесь причина. Является ли причиной климат, в котором они живут? Или пища, которую они едят? Или их раса, которой присущ такой возраст? В чем причина? Пока еще не найдено ничего, что отличало бы их от вас.

Так что кажется, что они просто жили отдельно в горах и идея о семидесяти годах не гипнотизировала их. Они не думали о том, что нужно жить только семьдесят лет. Это какой-то глубокий гипноз. На протяжении веков все знали, сколько должен прожить человек - семьдесят лет. Если же вы живете с соблюдением правил гигиены, с хорошим питанием, в хорошем климате, заботитесь о своем теле, то, может быть, проживете восемьдесят, девяносто лет, - но это все.

Мне вспоминается Бернард Шоу. В восемьдесят пять лет он уехал из Лондона. Странно, ведь он так долго прожил в Лондоне, Лондон был для него всем; там были все его друзья, все, кто ценил его, интеллигенция. Это было в те дни, когда Лондон был столицей мира. И в восемьдесят пять лет он неожиданно решает уехать из Лондона.

И он начал ходить по всем кладбищам окрестных деревень. Его друзья спрашивают: «Вы сходите с ума? Что вы делаете? Что вы там ищете?»

Он ответил: «Я хочу найти кладбище, где лежали бы люди, прожившие более ста лет. Я перееду в эту деревню». И он переехал в ту деревню, где он нашел на могилах надписи о том, что кто-то прожил сто, кто-то сто десять, кто-то сто двадцать лет, - он переехал в эту деревню. Он сказал: «В этой деревне правильная психология». И он прожил действительно долго. Может быть, психология помогла. Психология также создает климат вокруг вас.

На самом деле человек может жить столько, сколько он хочет, ведь по природе тело оснащено всем необходимым, чтобы постоянно обновлять себя. Это единственный механизм - наука не изобрела таких механизмов, - который может обновлять сам себя. Тело постоянно обновляется, отбрасывает все старые клетки, создает новые живые клетки. Это такой чудесный, удивительный процесс. В борьбе со всеми микробами, которые могут убить его, тело мгновенно производит антитела. И всякий раз, когда возникает необходимость, эти антитела начинают рваться к нужной точке. Если вы случайно порежете палец и начнет течь кровь, что произойдет с вашими внутренними химическими процессами?

Со всех концов вашего тела к поврежденной точке немедленно начнут рваться клетки крови. Внутри вас существуют определенные каналы связи: есть неприятность, нельзя терять слишком много крови, поэтому клетки крови должны двигаться туда и создать там защитный слой, чтобы прекратить кровотечение. Эти клетки крови - разумные ребята, на самом деле, может быть, даже более разумные, чем вы. И они делают свою работу быстро и абсолютно правильно, корректно, безошибочно.

В теле постоянно протекают тысячи процессов. Это самообновляющаяся жизнь. Ей не отведено фиксированного времени; наука может очень легко справиться с тем, чтобы человек жил триста, пятьсот, тысячу лет. И естественно, если вы можете жить тысячу лет, мудрость будет все время возрастать. Это накапливающийся процесс. И, исходя из самой этой возможности жить дольше, откроются новые двери познания, которые в свою очередь сделают жизнь еще длиннее.

Эта история прекрасна; я всегда любил ее. Но она использовалась неправильно. Она использовалась для того, чтобы доказать вам, что вы - следствие изначального греха Адама и Евы. Вы рождены в изначальном грехе, само ваше рождение - в грехе; вы - следствие его. Единственный путь - это подчиниться Богу. Верить, никогда не сомневаться. Тогда Бог примет вас обратно, будет приветствовать ваше возвращение.

Но хотите ли вы вернуться в сад Эдема, снова стать Адамом и Евой.

По крайней мере, я отказываюсь идти туда - ведь я не могу выполнить это идиотское условие.

Но миллионы людей пытаются выполнить его. Христиане, мусульмане, индусы - все стараются выполнить его, разделаться с тем, что сотворили и Адам, и Ева, и змей.

Своим людям я говорю: нам не нужно разделяться с этим. Они сотворили великую революцию. Нам нужно пойти дальше, исследовать больше и знать больше.

Мы не должны оставлять в темноте, в неведении ни одного уголка существования и нашего собственного бытия. Мы повсюду должны нести свет.

И если этого не случится, вы будете в горе, вы будете в муке. Ваши верования не помогут; ваша вера не поможет.

И этот Эдемский сад - лишь вымысел. Он не существует нигде, кроме как в невротических умах, психопатических умах, где существуют вещи, подобные этой. И эта история основывается на одном и только на одном моменте: подчинение или неподчинение.

Я учу вас неподчинению. Для подчинения не нужно ничего - ни разума, ни смелости. Для подчинения ничего не нужно.

Для неподчинения нужно все, ведь вы собираетесь быть сами собой.

А если вы не будете сами собой, вы никогда не узнаете, кто вы есть.

БЕСЕДА 17

БЕЗУКОРИЗНЕННЫЙ ОБМАН

15 ноября 1984

Бхагаван, почему священные книги должны были изобрести идею дьявола?

Нет священных книг.

Все книги написаны человеком, но каждая религия обманывала людей тем, что ее книги — единственно священные. И говоря: «Это единственная священная книга», они имеют в виду, что она написана Богом.

И все они представляют странные аргументы, абсолютно нелогичные, лишённые очевидности. Например, индусы говорят, что Веды священны и что это единственное собрание священных книг - Вед всего четыре, - а всякий, кто претендует на то, что его книга, отличная от Вед, священна, просто совершает грех перед Богом.

Если вы заглянете в эти четыре Веды, - а первым усилием должна быть попытка найти в них некоторую внутреннюю очевидность, - то вы удивитесь, поскольку в Ведах содержатся вещи, которые мог написать только человек. Их я называю внутренними доказательствами. Никаких внешних доказательств не требуется. Например, в Ведах есть место, где брамин молит Бога: «Прибавь молока моим коровам, урожай этого года у меня должен быть лучше, чем у всех соседей».

Зачем Богу писать об этом? И если это написал Бог, то кому он молится. В другом месте брамин молит Бога: «Уничтожь всех моих врагов. Убей их. Искорени их целиком, полностью». Такое мог придумать только человеческий ум. Невозможно представить, что это написал Бог. А Веды полны такого хлама; девяносто процентов просто хлам.

Если вдруг докажут, что эти Веды написаны Богом, то такого Бога нужно поместить в психиатрическую лечебницу. Что здесь священного? Просить: «Мои враги должны быть убиты, полностью истреблены», - что в этом священного? И что священного в этом: «У меня урожай должен быть лучше, чем у моих соседей?» - это определено человеческое, не священное. Однако индусы поклоняются этим книгам, даже не задумываясь, чему же они поклоняются.

Поэтому первое, что нужно запомнить: нет священных книг, есть только хорошо написанные и плохо написанные. Да, есть шедевры, но ни одна из так называемых священных книг не входит в категорию шедевров. Я хочу настоять на этом факте: эти книги не только не являются священными, они в соответствии с человеческими стандартами не являются даже шедеврами.

Например, книга Майкла Найми «Книга Мирдада», или книга Халиля Джебрана «Пророк», или книга Рабиндраната «Гитанджали», или книга Федора Достоевского «Братья Карамазовы» - это шедевры. Ни одна из священных книг - Веды, Гита, Коран, Библия, Тора - ни одна священная книга даже не приближается к этим шедеврам. Поэтому они не только не священные, они даже недостойны называться шедеврами.

Но каждая религия настаивает на том - ведь от этого зависит весь ее бизнес, - что ее книга должна быть священной, иначе кто будет слушать ее? И книга решает, что вам следует делать, чего не следует делать. Книга снимает с ваших плеч всю ответственность. Она освобождает вас от необходимости быть ответственным человеком самому по себе. Она диктует вам и не

позволяет вам спорить, поскольку нельзя же спорить с Богом. Раз вы приняли книгу, как священную, о каких-либо аргументах не может быть и вопроса. Вы должны принимать все, что она говорит.

Христиане верят, что Библия священна, что священны оба Завета, Ветхий и Новый. Для евреев священен только Ветхий Завет; Новый Завет исходит от этого безумного человека, Иисуса. Он не является священным. Но если вы заглянете в Ветхий Завет, то на каждом шагу будете наталкиваться на такое гнилое содержание, что даже любая третьесортная газетенка окажется намного лучше. Если хотите понапрасну тратить свое время, можете проводить его, читая любую третьесортную газетенку, этого будет довольно.

Новый Завет - это не что иное, как собрание заметок четырех учеников Иисуса, всего того, что Иисус мог бы сказать или мог бы сделать. И все четверо в своих заметках отличаются друг от друга. Поэтому не верится, что они являются свидетелями тех событий, о которых пишут. Слова, собранные ими, пришли от Иисуса. Иисус, точно, человеческое существо, и в этом была проблема... он ведь пытался доказать, что является единственным порожденным сыном Божьим. А евреи не были готовы поверить в это. И были совершенно правы.

Иисус так и не смог доказать, что является сыном Божьим. И почему он должен быть сыном Божьим? Для меня представляется простым, логичным, понятным следующее: или каждый - сын Бога, дочь Бога, или никто. Но если каждый - сын Божий, если каждая - дочь Божья, тогда Иисус теряет всю свою особость, необыкновенность; тогда он просто такой же, как все. Тогда какой же у него авторитет?

Чтобы навязывать свой авторитет, он должен держать себя над вами. Вы - просто люди; он - божественен. Вы - просто следствие изначального греха Адама и Евы; он - нет. Он - следствие великого акта, случившегося между Святым Духом и Марией. Странно... вы - продукт изначального греха, а он - продукт некоторого духовного акта. Все, что делает Дух Святой, настолько не свято, ведь нет даже согласия матери Иисуса. А она чья-то жена - это совершенно точно преступление. Если бы она, по крайней мере, хотела. Она ничего не знала об этом. Ее сделали беременной, быть может, под воздействием хлороформа или какой-нибудь анестезии - она, должно быть, не осознавала, спала, абсолютно не понимала, что происходит.

А что говорит Иисус... нет ничего, что придавало бы его словам вид божественного; это обыкновенная мудрость, прошедшая через века. Но христианин должен верить в святость Библии, в то, что она написана Богом. Странно, ведь мы знаем, что она написана четверьмя апостолами... В самой Библии сказано, что она написана четверьмя людьми. Она получена даже не из первых рук, она написана не Иисусом. Она - из вторых рук.

Но христиане продолжают декларировать ее святость. В этом есть коренные интересы: если она не священна, то кто будет верить в нее? И если вы раз приняли что-то, как священное, то это ваша вина. Тогда вы будете принимать все, тогда вы будете принимать всякий абсурд, всякое несоответствие. Вы не будете задумываться - как можно задумываться над тем, что написано Богом? Оно должно быть принято полностью, целиком.

По этой причине каждая религия старается укрепить идею о том, что ее книга - священная книга. Конечно, они должны одновременно отвергать другие святые книги потому, что все эти священные книги очень противоречат друг другу, из них невозможно будет извлечь никакого

смысла. Они должны быть отвергнуты.

Индусы не принимают Библию, Тору, Коран как священные книги. Ни христиане, ни евреи, ни мусульмане не признают священными Веды. Что говорить о христианах, евреях, мусульманах - эти три религии, возникли вне Индии; но есть другие религии, отличные от индуизма, которые возникли в Индии: джайнизм, буддизм, сикхизм, - и они не верят, что Веды священны.

Будда порицает Веды, критикует Веды так решительно, как только можно, за то, что Веды поддерживают - вы удивитесь, и это священная книга - Веды поддерживают все виды насилия. В ритуале, предписываемом Ведами, нужно приносить в жертву животных. Вы удивитесь тому, что сейчас индусы постоянно обращаются в правительство - создают проблемы, движения, мятежи - с тем, чтобы запретить забивать коров. Но Веды, их священная книга, полна примеров, когда в их особых ритуалах забивают корову: гомедх яджна, ритуал забивания коровы. И не то чтобы коров забивали и потом выбрасывали; брамины, забивавшие коров, их и съедали.

Если вы были в Индии или встречались где-нибудь с индийцами, то могли натолкнуться на фамилию Шарма, являющуюся очень распространенной. Это фамилия браминов. Но человек, которого вам представят как доктора Шарму, профессора Шарму, даже он может не знать, что означает его фамилия. В ритуалах, предписываемых Ведами, забивание коров было названо шарман, и брамин, занимавшийся этим, назывался Шарма. Люди с фамилией Шарма - потомки тех браминов.

Конечно, Будда был в гневе, и забивали не только животных, забивали даже людей. Так же, как были гомедх яджаны, были и нармедх яджаны - ритуалы принесения в жертву человека. И, конечно, должна была поедаться и плоть человека, потому что брамин ничего не убивает без необходимости. Теперь ни один индус не говорит о том факте, что их Веды полны каннибализма, насилия, нарушения вегетарианства. И эти книги написаны Богом! Будда и Махавира, оба громили Веды. Конечно, ответить Будде и Махавире было нечем.

Но беда в том, что сам Будда стал превалировать, он склонил на свою сторону миллионы людей. Когда он умер, его слова стали священными. Игра осталась той же самой. Сменились игроки, но правила игры остались теми же, и теперь для последователей Будды возник вопрос: «У индусов есть Веды - священные книги; у джайнов есть их священные книги. Если у нас не будет священных книг, мы проиграем в этой гонке, в этом состязании».

Так что это вопрос состязания. Кого беспокоит, что делал Будда всю свою жизнь? Его высказывания собраны и стали священными. Будда говорил: «Бога нет», но его высказывания приобретают то же значение, что и Веды. И с Махавирой произошло то же. Он говорил: «Бога нет», но его высказывания становятся священными. Они неоспоримы.

Я говорил с буддийскими монахами, с джайнскими монахами, и они понимали мою точку зрения и говорили: «Мы понимаем, но, пожалуйста, не поднимайте этого вопроса публично. Публично мы не можем признать этого». Например, джайнский монах не может пользоваться современным туалетом по такой странной причине: там вода, а Махавира сказал: «Нельзя испражняться в воду». И он был прав, потому что в Индии люди делают в реке все, что угодно, и они же пьют эту воду. Их быки купаются в той же реке - их коровы, лошади, другие животные. Они купаются там, люди стирают в реке одежду; всякое случается. Потом они пьют эту воду.

Поэтому совершенно правильно Махавира говорит: «Хотя бы не испражняйтесь и не мочитесь в воду». Но теперь это стало священными словами. Поэтому джайнский монах, джайнская монахиня не могут пользоваться туалетом, ведь там вода. В частных беседах они смеялись вместе со мной, говорили: «Это правда, но публично мы не можем так говорить, мы не можем идти против священных книг».

Однажды группа монахинь, пять монахинь, очень интересовавшихся мной, - джайнских монахинь - остановились... Они не могли остановиться в гостинице. Я жил в семье друзей, а выше был свободен еще этаж. Человек пока не вселился туда, и мой друг попросил его: «Не переезжайте еще пять дней; эти монахини хотели бы побыть здесь, а если вы переедете, они не смогут оставаться. Так что позвольте им в течение пяти дней попользоваться вашим домом».

Я жил в этом доме, поэтому им было бы проще - в противном случае джайнское общество не позволило бы им встречаться со мной. Джайнское общество боялось, что я могу развратить их умы, и они определенно были правы. Если я получаю шанс развратить кого-нибудь, я стремлюсь развратить его - ведь это единственный способ поставить вас правильно. Вы стоите на головах. Чтобы поставить вас правильной стороной вверх, я должен многое изменить в вас.

Они не могли приходить ко мне - какое оправдание могли они найти своим ежедневным хождениям сюда из храма, где они остановились бы? А если бы люди узнали, что и я живу в этом доме и поэтому они приходят сюда, тогда их престиж подвергся бы риску. А они были очень уважаемыми монахинями. Поэтому мой друг сказал: «Лучше всего им остановиться наверху. Там никого нет, они никого не будут беспокоить». После наступления темноты никто не посещал их. Джайнскую монахиню никто не может посещать после захода солнца; тогда она становится недостижимой. Так принято для защиты ее безбрачия, для защиты ее подавленной сексуальности. Поэтому было так устроено, что после наступления темноты они могли спускаться вниз и встречаться со мной, чтобы никто не узнал, - а этот дом стоял за городом, далеко от того места, где проживало сообщество джайнов.

Но на следующее утро, когда я гулял по саду, ко мне подбежал человек, охранявший дом, и сказал: «Что за женщины остановились наверху? Всю ночь я недоумевал, что они делают. Они что-то носили ведрами и выливали на улицу». Наконец, он пошел туда с факелом, чтобы посмотреть, и был удивлен: то были странные женщины; они не могли мочиться в туалете; они мочились в маленькое ведро и, когда оно наполнялось, выливали его наружу. Я сказал им об этом. Они ответили: «Ах, мы понимаем, но так было бы против священных книг».

Буддийские монахи ходят босыми. Будда и Махавира, оба сказали: «Не пользуйтесь кожей, поскольку, если вы пользуетесь кожей для каких-либо целей - будь то обувь, одежда или что-то еще, - это значит, что нужно убивать животных. Вы можете не убивать их сами, вы можете не знать, кто убивает их, но косвенно вы являетесь причиной их убийства. Поэтому вы должны знать о своей ответственности; не пользуйтесь ничем, сделанным из кожи».

Махавира был очень требователен, поэтому джайны не пользуются обувью. И я спрашивал джайнских монахов и монахинь... ходить сейчас и во времена Махавиры - в этом есть некоторая разница; раньше ходили по чистой земле, а сейчас бедные монахи и монахини ходят жарким летом по раскаленному асфальту... их ноги изранены, но носить обувь они не смеют. Я говорил: «Это совершенно верно. Но посмотрите на мою обувь, она сделана не из кожи. Теперь делают синтетическую кожу, она искусственная, для такой обуви не требуется никого убивать. Вы

можете пользоваться обувью из ткани». Но им достаточно одного слова «обувь»; это против священных книг.

И я видел этих несчастных женщин и мужчин и говорил им: «Что вы делаете - я же подсказываю вам, что делать, но вы не понимаете». Их ноги кровоточат, они оборачивают их в ткань, и я говорю: «Вот же обувь из ткани, только хорошо сделанная, сделанная лучше, более удобная. А то, что вы делаете, выглядит глупо. И носить такую тяжесть на ногах...» - они ведь должны наматывать ткань очень тщательно, чтобы не потерять ее при ходьбе и чтобы не падать. Но и это они делают только тогда, когда находятся не на виду у своего сообщества. Если сообщество узнает, что вы покрываете свои ноги тканью, то это будет означать, что вы пытаетесь обманывать. Вы нарушаете приличия.

Будда не был так требователен по поводу кожи. Может быть, этот вопрос не возникал потому, что применение кожи было уже признанным фактом. Джайнское монашество было очень старым; во времена Будды им было уже по крайней мере пять тысяч лет. И Будда пытался доказать, что он является двадцать четвертым тиртханкарой джайнов, поэтому он должен был следовать всем их предписаниям. Он должен был ходить босыми ногами, и его санньясины, его бхикку, его монахи должны были делать то же самое, поэтому этот вопрос не поднимался.

Но в другом источнике произошла странная вещь. Будда сказал: «Все, что ни будет дано вам, когда вы просите, не отвергайте. Это будет оскорблением». И он был заботлив, ведь если бы он разрешил людям отвергать, то они стали бы выбирать то, что им хочется, выбирать только хорошие вещи, а другие вещи отвергали бы. «Так что принимайте все, что дается вам, с благодарностью и пользуйтесь этим. И не выбрасывайте ничего из того, что дано вам». Он вынужден был быть заботливым, потому что знал, что люди будут выбрасывать все, что им не нравится, а все, что им нравится, будут использовать.

Однажды случилось так: монах возвращался с подаянием и над ним пролетела птица и уронила кусочек мяса в его чашу для подаяний. Никто не мог когда-либо представить себе, что нечто подобное может случиться. Никто не подавал мяса, поскольку все знали, что Будда вегетарианец и его монахи вегетарианцы. Но птице было неизвестно, что это буддийский монах.

Монах был в затруднении: что делать? Он не может выбросить мясо, поскольку это будет против приказа Будды. Он не может использовать его, съесть его, поскольку это тоже будет против приказа Будды. Поэтому он пришел в коммуну, встал там со своей чашей для подаяния и сказал Будде: «Бханте, скажите, что мне делать. Птица уронила кусочек мяса в мою чашу для подаяний. Я не могу выбросить его, потому что это против вашего приказа. Я не могу и съесть его, потому что мы вегетарианцы. Что же мне делать? Я в затруднении».

Даже Будда на мгновение оказался в затруднении. Что делать? Если он скажет: «Выброси вон», - тогда он разрешит выбрасывать, одно исключение может стать правилом. Тогда люди смогут цитировать его: «Вещи можно выбрасывать - в определенных ситуациях можно выбрасывать». Если он скажет: «Съешь его», — тогда он разрешит есть мясо; это может стать прецедентом для других. Но, взвесив «за» и «против», он подумал: «Птицы не роняют мясо каждый день». Поэтому он сказал: «Мы вегетарианцы, и мы останемся строгими вегетарианцами, но вам разрешается съесть его, чтобы никто никогда не выбрасывал то, что дано ему».

Теперь все буддисты едят мясо — этого случая было достаточно. Буддийские монахи, собирая

подавание, оговаривают особые условия, посылают извещение через своего агента: «Подайте мне мясо. Если вы мне подадите мясо, я съем его, вопроса нет; если оно попадет в мою чашу для подаяний, я съем его». Так что весь Китай является буддийским и ест мясо; Япония является буддийской и ест мясо; Корея - во всей Азии, за исключением Индии, все едят мясо.

Такой небольшой инцидент... но человек так изворотлив. И буддийский монах спорит: «Так сказано в книгах, священных книгах. Даже сам Будда сказал: “То, что упадет в вашу чашу для подаяний, можно есть”». Будда никогда не мог подумать, что люди так ловко будут пользоваться этим. Очень легко посылать извещения. Каждый джайнский монах посылает извещение, когда хочет мяса, и ему готовят его. Ему не разрешается просить, поэтому он не просит прямо, но посылает извещения через агента. И постепенно люди узнают его вкусы, что ему нравится больше всего, и готовят это.

Между Буддой и Махавирой было много споров по большому числу вопросов. По одному из пунктов Махавира говорил: «Вегетарианство означает, что вы не должны есть мясо; очевидно, вы не должны убивать никого, и вы не должны разрешать никому другому убивать для вас».

Но Будда немного отличался в этом вопросе. Он говорил: «Если животное умирает само, естественной смертью, то что плохого в том, что вы едите его мясо?» В этом заключалось его расхождение с Махавирой. И в этом Будда логичен... насилие - это убийство, а не поедание мяса. Если животное умирает естественной смертью и вы едите его мясо, вы не совершаете никакого насилия. Но он никогда не думал, что этот спор с Махавирой...

И все эти споры были из-за борьбы за обладание званием тиртханкары - кто тиртханкара. Будда или Махавира? И было еще шесть претендентов. Все восемь постоянно спорили друг с другом по самым незначительным вопросам, несущественным деталям. И вот эта маленькая, крошечная деталь, - но Будда выступил в данном споре лучше, по крайней мере, в том, что касалось аргумента о недопустимости насилия. Причина не в том, что вы едите мясо, а в том, что вы уничтожаете жизнь. И если обойтись без уничтожения жизни... если жизнь покинула тело сама, тогда почему бы не есть? В чем проблема? Где здесь насилие?

Его аргументация была сильной, но он не осознавал, что эта аргументация не останется лишь частью их спора с Махавирой, - она определит судьбы миллионов людей. Теперь весь Китай, одна четвертая часть мира, и остальные азиатские страны, являющиеся все буддийскими, - Цейлон, Бирма, Таиланд, Индонезия, Вьетнам, Япония, Корея, Тибет, - все они едят мясо.

В любой мясной лавке вы найдете объявление, написанное крупными буквами: «Здесь продается мясо только мертвых животных». Вот и все. Что еще вам нужно? И откуда они берут так много животных, умирающих естественной смертью? Это чудо, что миллионы людей каждый день получают мясо; в нем никогда нет недостатка. Животные имеют большие математические способности! Они все время умирают естественной смертью в точном соответствии с потребностями всех этих людей. В других странах такого не происходит. Это случается только в буддийских странах. Их убивают; их забивают на мясо. Но для монахов и мирян такого объявления достаточно. Ведь в священной книге написано, что есть мясо животного, умершего естественной смертью, не является насилием.

Будда всю свою жизнь пытался настаивать на том, что нет священной книги. Теперь священной является его книга, священной является книга Махавиры.

Коран, священная книга мусульман, такая детская, такая примитивная - ведь Мухаммед был неграмотным. Он сам писать не мог. Он говорил, а кто-то другой должен был записывать. Он был потрясен, когда услышал голос. Он был в горах, ухаживая за овцами и козами. И он услышал: «Пиши!» Он оглянулся вокруг, никого не было. Он снова услышал: «Пиши!» «Я необразованный, я не умею писать. И кто ты?» Никого не было вокруг. Он, должно быть, сильно испугался, был потрясен. А это как раз симптом неуравновешенного ума, который ошибочно воспринимает голос своего подсознания так, как будто он исходит извне.

Это его собственное подсознание. Но для сознания свое собственное подсознание располагается очень далеко. Оно внутри. Но если ум неуравновешен... имеется достаточно доказательств того, что ум Мухаммеда был неуравновешен, ведь вся его жизнь была жизнью фанатика - фанатика, убивающего людей и посредством убийства обращающего их: «Или вы станете правоверными, или готовьтесь умереть». Ислам завоевал третью часть мира - не аргументами, но мечом. Мухаммед не был способен спорить. У него не было способностей к чтению, или письму, или размышлению.

Поэтому, когда он услышал свое подсознание, он бросился домой, дрожа, как в лихорадке, по-настоящему испуганный. Он лег в кровать и сказал своей жене: «Я не могу рассказать никому другому, что Бог разговаривал со мной. Я не могу поверить в это. Я, должно быть, сошел с ума - может быть, я перегрелся в этих пустынных горах, и постоянное хождение по жаре сделало меня безумным или вроде этого. Я слышал и хочу рассказать тебе, чтобы сбросить с себя эту тяжесть».

Женщина убедила его - это я говорю вам снова и снова: лидерам нужны последователи, чтобы они могли убедиться, что они лидеры. Эта женщина убедила его: «Это был действительно Бог, ты не сумасшедший. Бог говорил с тобой».

Эта женщина, должно быть, любила Мухаммеда, ведь ей было сорок лет, а ему только двадцать шесть. И он был бедным, некультурным, хотя эта богатая женщина и вышла за него замуж. Она, должно быть, любила этого человека.

Поэтому она убедила его: «Не беспокойся. Придет еще больше голосов. Это только начало, поэтому Бог и говорит:

“Пиши!” Если не умеешь писать, не беспокойся. Ты только рассказывай, что говорится тебе, мы будем записывать». Вот так был написан Коран. И он не был написан в один день, или в один месяц, или в один год, потому что Мухаммед не умел ясно выражаться. Это заняло у него всю жизнь. Когда время от времени что-то приходило ему в голову, он говорил: «Записывайте».

Коран записывался на протяжении многих лет, и то, что получилось, оказалось почти бессмысленным. Он не мог получиться таким даже у обыкновенного разумного человека, что же говорить о Боге - если есть какой-нибудь Бог. И если эти книги - доказательства существования такого Бога, то этот Бог действительно неразумен. Вот и в Коране говорятся странные вещи, которым продолжают следовать мусульмане, - ведь это священо.

Мухаммед сам был женат на девяти женах. Он был бедным. Он не мог позволить себе и одной жены. Но поскольку в него влюбилась богатая женщина, а ей было сорок лет, тогда как ему только двадцать шесть, то вскоре она умерла, и ему остались все ее деньги. Поэтому он женился

на всех красивых женщинах, которых мог найти. И он установил в Коране: «Каждый мусульманин наделен правом иметь четырех жен», - это особый почет мусульманам от Бога.

Ни одна другая религия не разрешает иметь одновременно четырех жен. И откуда взять четырех жен? В природе количества мужчин и женщин почти равны, поэтому пропорция: одна жена для одного мужа - кажется весьма естественной, ведь при этом общее соответствие сохраняется. Но если мужчина должен жениться на четырех женах, он забирает жен трех других мужчин. Что делать этим троим? Это стало стратегией мусульманства. Трое других мусульман должны захватывать жен других людей - не мусульман - и обращать их в мусульманство. На самом деле в тот момент, когда женщина выходит замуж за мусульманина, она уже становится мусульманкой, особого обращения не требуется.

И особенно много женщин, тысячи женщин, они захватывали в Индии. Индусское общество было в затруднительном положении, поскольку индусы не верят в обращение, как и евреи. Это две старейших религии, которые не верят в обращение. Еврей - это еврей по рождению. Индус - это индус по рождению. И если индусская женщина стала мусульманкой, то она пала. Она стала неприкасаемой, она не может вернуться назад.

Итак, они повсюду разыскивали женщин, и это чрезвычайно способствовало росту их народонаселения. Понимаете смысл? Один мужчина, если в его распоряжении имеется много женщин, может произвести на свет много детей, но одна женщина может родить только одного ребенка в год. Ей требуется самое меньшее один год, чтобы родить одного ребенка. Численность мусульман возросла мгновенно, поскольку каждый мусульманин наделен правом иметь четырех жен.

И посредством меча... Это удивительно, что люди верят в такое. Коран говорит: «Если вы не можете обратить кого-то в ислам, лучше убейте его, тогда вы хотя бы освободите его от несправедливой жизни, которой он жил». Ради его же пользы освободите его! И они освободили миллионы людей и продолжают освобождать. Они освобождают разными путями. Если вы станете мусульманином, вы тоже освободитесь, ведь Бог сострадатель.

Быть мусульманином - это просто верить в три вещи: один Бог, один пророк Мухаммед, одна святая книга Коран. Вот и все, эти три верования - и вы спасены. Если вы не желаете быть спасенными этими тремя верованиями, тогда меч спасет вас незамедлительно. Но они не позволят вам жить несправедливой жизнью. И они знают, что есть праведная жизнь; а все другие жизни, отличные от их жизни, несправедливы. Вот они, священные книги. Все эти священные книги - тяжелый груз на душе человечества.

Поэтому я прежде всего хочу сказать, что нет священных книг - включая и мои. Все книги человеческие.

Да, есть книги, хорошо написанные, и есть книги, не так хорошо написанные, но нет категории священных и несвященных книг.

Вы спрашиваете меня: Почему все священные книги, должны были создать концепцию дьявола?

Арифметика здесь очень простая. Арифметика здесь такова, что невозможно создать Бога, не

создав при этом дьявола. Это абсолютно необходимо для существования Бога, иначе на кого вы будете сваливать все плохое и неправильное в этом мире? Если есть только Бог, то он отвечает за все, за Бухенвальд и другие концентрационные лагеря Адольфа Гитлера, где в газовых камерах в течение секунд испарились миллионы евреев.

После второй мировой войны, когда все это было предано гласности, никто не мог поверить своим глазам. Даже немцы не могли поверить этому, поскольку они не осознавали, что происходит. Миллионы скелетов... у этих людей забирали все. Даже если у них были золотые зубы, то и это отнимали у них. Золотые зубы ценились выше человеческой жизни. И перед тем, как послать людей в газовую камеру, их полностью уничтожали как личность, как индивидуальность.

Прежде всего они должны были раздеться и обнажить себя; затем полностью сбривались их волосы, бороды, усы. Те, кто как-то выжил, говорят, что, глядя в зеркало, они не могли поверить: «Неужели это я». Отнимали все. Они стояли там обнаженные, обритые, и им говорили, что их готовят к приему ванны - просто для соблюдения гигиены и чистоты. Они входили в те газовые камеры, просто собираясь принимать ванну, - так говорили им. Они уже не выходили оттуда и не могли рассказать другим, что это за ванна. Оказавшись в камере, человек умирал в течение нескольких секунд. Это была печь для сжигания людей заживо - такая быстрая и такая эффективная. Вы понимаете: немецкая эффективность, немецкая бюрократия. Это все было очень хорошо засекречено, поскольку умерли миллионы людей, а никто в стране даже не слышал о том, что творится.

И те люди, которые творили это, совершали священное дело, поскольку для них Адольф Гитлер был воплощением Илии. Он был пророком: «Все, что он делает, правильно. Такова, должно быть, воля Бога, что евреи больше не нужны». Поэтому они были совершенно убеждены в правоте того, что делали. Они никогда не задумывались, что совершают преступление, они просто следовали приказам пророка. И его книга была священной: для нацистов книга Адольфа Гитлера «Майн кампф (Моя борьба)» так же священна, как Библия для христиан, как Веды для индусов. И что бы ни сказал Адольф Гитлер - это были слова Бога.

Но вы спрашиваете, зачем нужен дьявол? Это очень просто. Кому вы собираетесь делегировать все то плохое, что творится в мире, что все время нарастает: страдание, горе, боль? Если есть только один Бог, тогда, конечно, он один отвечает за все. Чтобы спасти его от такой ответственности, бедный дьявол...

Итак, первый вымысел - это Бог, и чтобы сохранить его в чистоте и добре - он ведь добрый парень, - вам нужен для контраста злой парень. И вы можете валить все плохое на плохого парня, на дьявола.

В Германии Адольф Гитлер был пророком Бога. В Англии он был дьяволом. Матери пугали им своих детей. Если дети гуляли на улице и не хотели возвращаться домой, достаточно было сказать: «Адольф Гитлер идет», - и они бежали домой. В Англии и в других странах, которые захватил или собирался захватить Адольф Гитлер, его считали воплощением дьявола.

Дьявол нужен всем религиям. В этом заключена безопасность для Бога. Адам и Ева впади в немилость, совершили изначальный грех из-за дьявола. С другой стороны, Бог был так добр: он дал им все. И он дал им добрый совет, что есть, чего не есть. И он заботился о них, но этот

дьявол все разрушил. И с тех пор все, что творится плохого, происходит из-за вмешательства дьявола.

Дьявол абсолютно необходим, поскольку существование - смесь добра и зла. Я, как человек, говорящий, что Бога нет, могу сказать, что нет и дьявола, поскольку исчезает сама необходимость в дьяволе. Причиной ему был Бог. Теперь нет самой этой причины; нет и дьявола. И я воспринимаю существование во всей его всеобщности, в его хорошем и плохом, в том, как оно есть, не переваливая плохое на чью-то голову, поскольку это совершенно бесполезно.

На протяжении всех этих тысячелетий происходило вот что: все хорошее приписывали Богу, хорошее совершается по Его благословию, а все плохое сваливали на дьявола, это его дела. Но это не помогло. Хорошего не стало больше, количество плохого не уменьшилось. На самом деле стало больше плохого, а хорошего уменьшилось. Если вы посмотрите на историю, то увидите, что побеждает дьявол, а Бог теряет почву под ногами — ведь в мире становится все больше и больше нечеловеческого, мерзкого; поднимается все больше и больше животного. И ситуация не улучшается. Так что такой способ деления на хорошее и плохое ничего не дает - это разделение в своей основе неестественно и неправильно.

Хорошее и плохое - две стороны одной монеты, это как день и ночь, жизнь и смерть, любовь и ненависть. Если вы принимаете их полную неразрывную целостность, то возникает возможность для огромных изменений. Тогда хорошее может быть положено в центр вашего бытия, а плохое может использоваться как средство для хорошего.

Яд может использоваться как лекарство. И все, что религии называют плохим, может использоваться потрясающе благословенным образом.

Например, они осудили секс, как плохое, он исходит от дьявола. На самом деле Зигмунд Фрейд... Один еврей написал историю о том, как змей соблазняет бедную Еву, а затем приходит другой еврей, Зигмунд Фрейд, и говорит, что змей - это не что иное, как фаллический символ. Для него все имеет значение фаллического. Куда он ни посмотрит, повсюду находит фаллические символы и ничего другого. Ракета - фаллический символ, флагшток - фаллический символ, все - только назовите это, - и он найдет в нем фаллический символ, отсюда и змей тоже. Змея осуждали, как дьявола, теперь Фрейд делает его сексуальным символом. Но осуждение продолжается.

Вы осуждаете секс и становитесь неспособными к преобразованию его энергии. А секс - это просто энергия. Она может двигаться в любом направлении, вниз, вверх. Если вы воспринимаете ее, то только благодаря этому восприятию она начинает двигаться вверх, поскольку вы дружите с ней. В тот момент, когда вы отвергаете ее, вы создаете в себе враждебность, разделенность.

Эта разделенность между Богом и дьяволом не только там, в священных книгах. Она проникла в вас, она сделала вас шизофрениками. Одна ваша часть думает: «Это я, хорошая часть. А та плохая часть должна принадлежать дьяволу». Вы расколоты. Как теперь вы сможете изменить ту часть, которую отринули от своего бытия? Она ведь есть. И она сильна. То, что вы отвергаете ее, только делает ее более сильной, вы ведь не расходуете ее, постоянно накапливаете, постоянно подавляете ее.

Девяносто процентов умственных болезней в мире - это не что иное, как подавленная сексуальность, и пятьдесят процентов болезней тела - из-за подавленной сексуальности.

Если мы сможем естественно воспринимать сексуальность, то эти девяносто процентов умственных болезней просто исчезнут, исчезнут и эти пятьдесят процентов физических болезней, исчезнут бесследно.

И мы впервые встретим человеческие существа в совершенно новом веке здоровья, благополучия, целостности.

Для меня только эта целостность священна; когда больше нет шизофрении, когда вы едины, цельны - и достаточно смелы, чтобы воспринимать все окружающее таким образом: «Это я. Что бы это ни было, это я. И я буду использовать это так полно, как только смогу».

И у вас есть разум, чтобы использовать это. И совершенно нет проблем. Проблемы вытекают одна из другой и создаются людьми, заинтересованными в этих проблемах.

И заинтересованность в них людей препятствует полному исчезновению проблем - в противном случае что случится с этими людьми, что станет с их профессиями? Все их интересы заключаются в том, чтобы удержать человечество таким, какое оно есть.

Но сейчас мы подошли к тому, что или вы должны измениться и отбросить все, разделяющее вас, должны стать цельными; или готовьтесь совершить глобальное самоубийство, ведь существует лишь определенный уровень боли, который можно вынести.

К концу этого столетия мы дойдем до той точки, когда боль станет абсолютно невыносимой.

И тогда есть только две возможности: самоубийство или санньяса.

Под санньясой я понимаю только то, что вы воспринимаете себя во всей своей целостности. Вы не избегаете ни одной своей части, вы не прячете ничего во тьме.

Вы выносите себя на свет и видите себя глазами друга - ведь это ваша энергия, и над этой энергией вы должны работать. Когда вы приходите к ней, как друг, она тоже становится вашим другом.

И подружиться с собой - одно из величайших явлений, которое может случиться с человеком.

Иисус говорит: «Возлюбите врагов своих, как себя». Но он полностью забывает, что никто не любит себя - как можно любить врага?

И даже более трудное высказывание... он говорит: «Возлюбите ближнего своего, как себя». Это еще труднее. Можно любить врагов, потому что они далеко, но ближние, соседи, они просто стучатся в вашу дверь - как можно любить их, да еще как себя?

Я говорю: не совершайте эту ошибку. Вы ведь не любите себя, поэтому, если вы начнете делать со своим соседом то, что проделали с собой, вы убьете его! Ведь себя вы убили.

Вы живете посмертным существованием.

Пожалуйста, не делайте этого со своим соседом и никогда не делайте этого со своим врагом. Что он вам сделал? Почему вы так мерзки по отношению к нему? Конечно, это ваше прирожденное право делать с собой все, что вам захочется, но делать тоже самое с соседом или врагом вашим прирожденным правом не является.

Нет, я хотел бы сказать вам, что вы никогда не любили себя. Забудьте врага, забудьте соседа - прежде полюбите себя.

И соберите все свое хорошее и плохое вместе, не разделяйтесь - будьте цельными.

И в своей цельности вы увидите, что вне вас нет ни Бога, ни дьявола. Они лишь проекции вашей внутренней разделенности.

И тогда вовне вы тоже увидите целостность, потрясающее единение тьмы и света, смерти и рождения.

Вы увидите единение и целостность, повсюду рука об руку работающие вместе. Ничто не идет против другого. Все дополняет друг друга.

То, что вы называете хорошим, и то, что называете плохим, являются дополнениями друг друга. Они не могут существовать порознь, они могут существовать только вместе.

И сложить себя в единое целое - это путь увидеть вселенную в ее всеобщности, в ее целостности.

БЕСЕДА 18

СУПРУЖЕСТВО - МОГИЛА ЛЮБВИ

16 ноября 1984

Бхагаван, Ваша связь с Вашими, учениками представляется уникальной среди религий; скажете ли вы что-нибудь об этом?

Она уникальна по той простой причине, что вовсе не является связью. Нам нужно будет глубоко осознать саму идею связи, только тогда мы сможем понять, что происходит между мной и вами.

Старые религии, все как одна, воспринимают связь Учителя и ученика точно так же, как связь между отцом и сыном, братом и сестрой, мужем и женой.

Связь между Учителем и учеником была одной из таких связей. Связь между отцом и сыном, братом и сестрой - это статическое явление. Она остается одинаковой, не меняется. Это как бы мертвая связь.

Можно увидеть это, сравнивая ее со связью между двумя любовниками, любовником и возлюбленной. Их связь очень хрупка, каждый момент непредсказуемо меняется; никто не может сказать, что произойдет завтра или даже в следующее мгновение. Это порождает страх; непредсказуемость, неизвестное будущее, естественно, разрушило связь между любовниками и создало что-то подобное отношению отец-мать, брат-сестра - и это что-то есть супружество.

Супружество необходимо для того, чтобы избежать страха перед переменами; супружество необходимо для того, чтобы сделать связь твердой.

Но любовь - это такое явление, которое умирает в тот момент, когда вы делаете ее незыблемой. В тот момент, когда вы делаете ее статичной, она исчезает.

Любовь - как весенний ветерок; он приходит, и когда он приходит, то приносит потрясающее благоухание, красоту, - но он уходит.

Когда он приходит, у вас появляется ощущение, что он останется навсегда. И это чувство так сильно, что нельзя сомневаться в нем, нет возможности сомневаться в нем.

Под влиянием этой определенности вы даете обещания, ваша возлюбленная дает обещания, совсем не осознавая, что все это - лишь весенний ветерок.

Он приходит, когда приходит, и он уходит, когда уходит. Он не в ваших руках. Вы не можете удержать его в кулаке. Вы можете почувствовать его, когда ваша рука раскрыта, - тогда можно почувствовать его прохладу, - но в тот момент, когда ваш кулак сжат, ветерка нет, нет прохлады, нет благоухания.

Из страха человек превратил любовь в подобие связи вас с вашим отцом, вашей матерью, вашей сестрой, вашим братом.

Человек совершенно забыл, что мать не выбирают, отца не выбирают, не выбирают брата или сестру. Они даны вам, как внешние факторы.

Но женщина, которую вы полюбите, - это единственное, что не дается вам при рождении, что не определяется рождением, что требует сознательного выбора. Это также порождает страх.

Только подумайте: если бы вы должны были выбирать своих мать и отца, братьев и сестер, ваша жизнь была бы чересчур беспокойна - кого выбрать, кого не выбирать. Но все это дается вам по рождению, их предоставляет вам природа; они по природе своей - биологические явления.

Любовь имеет психологическую природу. Она полностью зависит от вас. И вследствие того, что она полностью зависит от вас, она порождает страх: можно совершить ошибку.

Невозможно совершить ошибку, став сыном своей матери, что тут можно поделаться? Каждая мать прекрасна, каждый сын прекрасен. Каждый отец великий, каждый сын особенный. Вас не спрашивали, вы даже не думали об этом. Для вас это все случилось. Вы были просто следствием всех этих связей - мать, отец, брат, сестра. Не в ваших руках, не в ваших возможностях что-либо поделаться с этим.

Но когда вы влюбляетесь, тогда возникает страх, неопределенность, колебание, беспокойство... делаете ли вы правильный шаг или нет; создана ли эта женщина для вас и созданы ли вы для нее? Не является ли ваша любовь просто слепым увлечением? Или в этом есть что-то большее? Любовь ли это? Или это лишь биологическое влечение? Тысяча и одна проблема поднимаются в вас.

И самым трудным является вопрос: продлится ли эта любовь долго.

Поэтому до того, как она исчезнет, до того, как она уйдет за пределы вашей досягаемости, вам нужна некоторая поддержка со стороны закона, со стороны государства, со стороны общества - некоторая гарантия.

Вы не можете полагаться только на эту женщину, на этого мужчину. Это слишком рискованно. Вы не знаете человека, кто он, кто она; и какое будущее ждет вас, вы не знаете. Вы вынуждены предпринимать некоторые меры, чтобы сделать любовь стабильной. На самом деле, вы просите о следующем: было бы хорошо, если бы вы родились вместе со своей женой.

Вы удивитесь, но в джайнизме есть такая идея - идея о том, что каждый человек рождается вместе с партнером. Ни мальчики, ни девочки не рождаются поодиночке, рождаются только близнецы: один - мальчик, другой - девочка. Отсюда в санскрите для обозначения слов «жена» и «сестра» используется одно слово багни; это очень странно, что для них используется одно и то же слово. Оно очень древнего происхождения. Постепенно значением его стало только «сестра», но первоначально оно обозначало и сестру, и жену. На самом деле это был один человек, сестра и жена.

Эта идея не правильная, не историческая. Она является проекцией находящегося в вас глубокого желания, заключающегося в том, что было бы лучше не подвергаться этому огненному испытанию выбором, чтобы Бог, природа, существование, хуз... кто-нибудь сделал бы за вас этот выбор. И люди всеми возможными способами всегда старались сделать так, чтобы за них решали другие, не они. Поэтому во всех старых обществах любовные дела не пользуются благосклонностью. Они знают, они пережили это; за миллионы лет они насмотрелись на то, что может случиться из-за любовных дел. Поэтому лучше, чтобы выбирал отец, выбирали родители...

В Индии все еще так и есть. В девяноста девяти процентах случаев выбор лежит на родителях, а не на людях, собирающихся вступить в брак. Всего лишь несколько лет назад невозможно было мальчику увидеть девочку или девочке увидеть мальчика, если они предназначались в супруги друг другу. Это считалось проявлением неуважения: вы не доверяете своим старшим. Они пережили гораздо больше, они знают жизнь. Что знаете вы? И как вы собираетесь выбирать? Какой критерий вы будете использовать? Просто красивое лицо? Хороший цвет кожи? Форма носа? Хорошая фигура? Каким образом вы собираетесь решать? После того, как женитесь, все это уже не будет иметь значения.

После вступления в брак кого беспокоит нос жены или глаза мужа? На самом деле никто не смотрит друг на друга. Старшие знают гораздо лучше: имеются другие критерии, над которыми следует думать, которые следует рассматривать. И они должны рассматриваться старшими с обеих сторон, - а этих двух людей даже не спрашивают. Да, могут спросить некоторых посторонних людей; могут спросить хироманта, могут спросить астролога.

Видите смысл? Смысл в том, что они снимают с вас груз - перекладывают его на звезды, на линии вашей ладони, на схему вашего рождения, на астронома, на астролога, - и они принимают всю ответственность на себя, отец, дед, мать, бабка, дядя, вся семья, родственники. Все они будут обсуждать, и решать, и рассматривать каждый аспект. Что вы знаете?

До настоящего времени такова была практика во всем мире. И причиной было то, что любовь хрупка, ненадежна. Поэтому если природа не дает жены или мужа при рождении, то должно

решать общество, оно должно заменить природу. Но вы не должны решать, поскольку завтра ваш выбор может измениться. На самом деле, он будет изменяться.

Любовь - это изменяющаяся связь, она не стабильна. Поэтому и возник брак, супружество.

Супружество — смерть любви.

Да, вы строите прекрасное самадхи, самадхи из мрамора, прекрасный мемориал, но это могила, как бы вы ее ни называли.

Почему же все общества во всем мире пришли к этому? Это не простое совпадение. Они пришли к решению ослабить лежащий на человеке груз беспокойства, суматохи, напряжения, боли - чтобы защитить семью, детей, будущее. И миллионы людей стали следовать этому. И тысячи лет никто не поднимал ни единого вопроса, никто даже не работал глубоко над тем, зачем нужен брак.

Он нужен потому, что одной любви недостаточно. Сегодня она есть; она как гость. Да, когда она есть, ее слишком много, она переполняет. Но точно так же, когда она уходит, она уходит полностью - как будто ее никогда и не было. Она приходит вместе с большими волнениями, она заполняет все ваше существо, дает вам ощущение того, что все достигнуто. Но когда она уходит, она ускользает так тихо, что не издает ни единого звука при своем уходе, вы не слышите ее уходящих шагов. Вы узнаете об этом только тогда, когда ее уже нет. И точно так же, когда она уходит, вы чувствуете, что все потеряно.

Если вы разумны - как очень немногие люди, - если вы разумны, то вы будете благодарны тем прекрасным моментам, которые пришли и вот теперь уходят.

Вы будете чувствовать огромную благодарность, поскольку тем нескольким мгновениям не было необходимости приходить. Они пришли сами по себе, не спрашивая, достойны ли вы их или нет.

Они дали вам потрясающее переживание, вкус жизни, ощущение цветения.

Если вы разумны, эти мгновения останутся навсегда с вами - молодость, свежесть, благоухание - и разовьют вашу способность любить глубже, более интенсивно.

Но лишь немногие люди разумны. Девяносто девять процентов людей будут в отчаянии, в гневе; они немедленно забудут те прекрасные мгновения, поскольку любовь их обманула. Но это только вы так думаете.

Любовь никогда не говорила вам: «Я останусь с тобой навсегда». Это было ваше предположение.

Вы сделали предположение - любовь здесь ни при чем. Вы не распорядились ее приходом, как вы можете распорядиться тем, чтобы заставить ее остаться, не уходить? Но девяносто девять процентов людей неразумны. Эволюция добралась лишь до этого состояния. Эти девяносто девять процентов людей обратят моменты любви в моменты ненависти. Они будут ненавидеть другого человека, они возложат на него всю ответственность. Они постараются всеми способами сделать так, чтобы тот человек почувствовал себя виноватым: «Ты обманул меня,

ввел в заблуждение». А тот, другой, будет делать то же самое, поскольку принадлежит все к тем же девяноста девяти процентам.

Поэтому бывшие возлюбленные становятся врагами. Там, где была любовь, теперь ненависть, мстительность.

Чтобы избежать этого, в обществе постарались устроить так, чтобы вы женились до того, как вас захватит вихрь любви. Поэтому супружество детей было общим правилом во всем мире. Вам не разрешалось стать взрослыми, поскольку тогда вы потеряете контроль - любовь может поразить вас, - так что лучше держать вас в безопасности. Все общества постарались устроить так, чтобы любовь была как можно дальше от вашей жизни. Лучшим способом было супружество детей.

Вы удивитесь: в Индии случалось так, что брак заключался, когда дети были еще в утробах. Люди договаривались, что если будет мальчик у меня и девочка у тебя или мальчик у тебя и девочка у меня, то они поженятся. Они оба еще не родились, еще не известно, кто будет мальчиком, кто будет девочкой, может быть, оба получатся мальчиками - тогда, конечно, договор разрывается - или обе получатся девочками...

Но люди заключали договоры и следовали им. Это было вопросом престижа, вопросом данного слова. Никого не беспокоило, что за существа в утробах, какого вида, - нет, знать это не было необходимости. Просто общество нашло, что лучше заключать брак как можно скорее; если не в утробе, то как только дети родятся.

Моя мать вышла замуж, когда ей было семь лет. О чем может думать семилетний ребенок? Моему отцу было одиннадцать лет. Что может знать о любви и ее проблемах одиннадцатилетний мальчик? Моя мать рассказывала мне, что вся деревня была в напряженном ожидании церемонии, все люди собрались перед домом, и из столицы прибыл большой оркестр. И только ей не позволили пойти и посмотреть. Все дети были на улице, а она не могла понять, в чем дело, почему ей нельзя. Ее вынуждены были привязать к столбу в доме, поскольку она рвалась наружу - так много интересного происходило там. Весь дом был на улице, никто не остался внутри; только ей не разрешили выйти.

Что может понимать семилетняя девочка? Она не может понимать, что такое супружество. Но стратегия была такой: «Пусть вступают в брак маленькие дети. Когда они начнут жить вместе, они полюбят точно так же, как любят сестру, как любят мать». Это не та любовь, которая захватывает вас, овладевает вами, изменяет вас, делает вас способными рисковать даже жизнью. Это не та безумная любовь.

Нет, это просто товарищеские отношения. Два человека живут вместе, спят вместе, едят вместе, бывают вместе: в боли, в удовольствии, в здоровье, в болезни, в заботе друг о друге. Это создает товарищеские отношения. И миллионы людей на земле думали, что эти товарищеские отношения и есть любовь. И общество сделало абсолютно все, чтобы после заключения брака никакая любовь не была возможна.

Женщине не разрешается никуда выходить. В мусульманских странах им не разрешается показывать своих лиц. Первое, что мусульманская жена должна спросить у своего мужа, это: «Кто те люди, перед которыми я могу открывать свое лицо?» - ведь это считается величайшим преступлением, если она откроет свое лицо перед кем-то, кого ее муж не назвал. Поэтому муж

говорит ей: «Вот те люди, которым ты можешь показывать свое лицо, и никто другой не должен видеть тебя».

Индусская жена находится почти в том же положении - она не может открыть даже свою гхоонгхату, свою вуаль, перед своим мужем, если при этом присутствует кто-то из старших. Это считается неуважительным. Жена не выходит в общество, не посещает клубы, не ходит за покупками. Она остается привязанной к дому. Весь ее мир заключен в четырех стенах. У нее нет никакой возможности встретиться с кем-то и влюбиться.

Те, кто обладал могуществом, устраивались даже еще лучше. Например, у царей было много цариц, много жен. Естественно, они боялись - иметь тысячу жен опасно. Царь старился, но каждый раз мог снова жениться на новой молодой, красивой женщине, которую встречал в своем царстве. Если он просил ее руки, ему нельзя было отказать; он обладал наипервейшим правом.

Поэтому лагерь его жен разрастался. Естественно, туда ходили слуги, а это было опасно. Поэтому слуг превращали в евнухов. И один царь превращал в евнухов сотни слуг, ведь они должны были ходить во дворец, а если они мужчины, это было опасно. Женщины допускались, но не все виды работ женщины способны выполнять. Тогда из мужчин насильно делали евнухов, и только после этого они допускались во дворец.

Общество старалось предохранить вас от любви. И нельзя сказать, что это было абсолютно неправильным... Ведь в этой стране, в Америке, и в западных странах, а также на Востоке для тех немногих людей, которые приняли западный образ жизни, супружество детей является преступлением. И, конечно, они запретили такое супружество законом, поскольку это абсолютное безобразие: жениться детям, ничего не знающим о том, что это такое. И потом люди должны жить друг с другом всю свою жизнь, на это решится лишь тот, кому нечего делать со своей жизнью.

Но даже если законодательство, например, индийское законодательство, объявляет детский брак преступлением, строго наказуемым... законы ведь написаны людьми, получившими образование на Западе, не знающими своего собственного народа. Они учились в Лондоне, они знают Лондон, они знают Париж, они знакомы с современными идеями, но они не знают своих людей. А эти люди ничуть не беспокоятся об их конституции. Детское супружество все еще продолжает иметь место. И кто накажет за это? Ведь в это верит констебль, в это верит техсилдар, в это верит уполномоченный сборщик налогов, вся деревня... каждый верит в это. Кому вы собираетесь навязывать свои законы, с помощью кого вы собираетесь проводить свои законы? Поэтому конституция хороша, следуйте ей в Дели и поклоняйтесь ей там. Люди же полагаются на свой древний опыт.

Поэтому я хотел бы, чтобы было понятно, что не так глупо то, что они делают, поскольку опыт этого столетия в странах, где любовь стала обыденным явлением, - этот опыт не является хорошим. Он вызвал в людях глубокую тревогу, боль, отчаяние, побудил их к самоубийству. Он не дал им тех поэтов, которых всегда обещал.

Вам следует читать поэзию, наслаждаться поэзией; но, пожалуйста, не следуйте ей, ведь поэты не пишут, исходя из реального переживания. Поэты, пишущие о любви, - это поэты, не пережившие любви. Эта поэзия о любви - подделка, подделка под переживание, которое они

упустили. Конечно, их умозрительная любовь становится огромной, приобретает многомерность - они хорошие поэты, они могут перенести свое воображение на бумагу в красивых словах, - но не пытайтесь любить, следуя их поэзии, не пытайтесь жить ею. Вы окажетесь в канаве, поскольку эти поэты не знают, что любовь очень хрупка.

Они все говорят, что любовь вечна, любовь постоянна; настоящая любовь никогда не умирает... все абсолютно не так. Настоящая любовь умирает скорее, чем ненастоящая. Ненастоящая любовь может жить долго; она ненастоящая, как она может умереть? Это как пластмассовый цветок. Если вы притворяетесь, вы можете продолжать притворяться, сколько вам будет угодно.

Но если что-то случается с вами, а затем однажды исчезает, испаряется, - что вы можете с этим поделать? У вас в глазах могут стоять слезы, но что вы можете сделать? Этого больше нет. С этим ничего не поделаешь. Вы не сделали это частью бытия; вы не можете навсегда удержать это. Вы не можете предотвратить это; оно как нечто, находящееся вне вас, проходящее мимо вас подобно ветру - может быть, даже не осознаваемое вами: вы просто попались ему на пути, и ветер, пролетая мимо, коснулся вас, поиграл вашими волосами, поиграл вашим телом - и улетел.

Идиот все время обращает свою любовь в ненависть, потому что она снова и снова обманывает его. И он снова и снова надеется, что она будет постоянной. И когда любовь превращается в мщение, в ощущение того, что вас все обманывают, все обводят вокруг пальца, все эксплуатируют - все они обещали, но никто не сдержал обещания, - тогда, естественно, вы начинаете кипеть внутри. Вся энергия вашей любви превращается в энергию ненависти. Таково переживание людей, которые следовали в любви указаниям поэтов.

Имеются два типа связей. Один тип - стабильная связь: связь с вашим отцом, с вашей матерью, с вашей сестрой. Другой тип - любовь, хрупкая любовь, а также связь с Учителем - это явление почти того же рода.

Как я многократно говорил вам, сексуальная энергия, направленная вниз, служит биологии, а сексуальная энергия, направленная вверх, служит духовности. Но это одна и та же энергия; как вы ее назовете, не имеет значения. Давайте назовем ее Х-энергией, поскольку, когда вы называете ее секс-энергией, тогда глубоко внутри возникает некоторое осуждение. Поэтому давайте называть ее Х-энергией, что будет по звучанию напоминать и о сексе, но Х чище, его трудно осудить.

Эта Х-энергия, движущаяся вниз, становится сексуальной любовью. Если эта Х-энергия движется вверх, она становится духовной любовью. Мужчина, влюбляющийся в женщину, на самом деле падает. Женщина, влюбляющаяся в мужчину, на самом деле падает. Это выражение абсолютно точно. Любовь - это падение.

Но если иногда вы чувствуете, что поднимаетесь в любви, то это означает, что вы нашли настоящего Учителя, с которым у вас возникает отношение того же рода, но в иной плоскости.

Это не биология, это отношение не связано с телом; это не имеет ничего общего с психологией, природой. Но что-то в Учителе тянет вас вверх, точно так же, как что-то в женщине тянет вас вниз.

Меня много раз спрашивали, почему никогда не было женщин Учителей. Я никогда не говорил

правды. А правда в том, что мужчине очень трудно почувствовать подъем энергии по направлению к женщине. Биологическая перестановка... это очень трудно. Иногда так все же случалось. Было несколько женщин Учителей, но это большая редкость. Трудность заключается в том, что с женщиной вы немедленно чувствуете, что ваша энергия движется вниз. Вы можете влюбиться в женщину и при этом думать, что это связь Учитель - ученик. Для женщины вероятность стать Учителем очень мала; ее можно не принимать во внимание, она очень мала.

Подобное может случиться, случается, когда женщина влюбляется в Учителя - мужчину - и оказывается не в состоянии понять, движется ли ее энергия вверх или вниз. Здесь нужно небольшое понимание, ясность, осознанность, иначе энергия этой женщины может начать падать. У нее может вскружиться голова от Учителя. Тогда Учитель уже ничем не сможет ей помочь. А если Он ничем не может помочь, она станет мстительной. Ее любовь немедленно превратится в ненависть.

Итак, должно быть очень ясно понято, что это одна и та же энергия, X-энергия. Если в присутствии кого-то - мужчины или женщины, не имеет значения, - она начинает движение вверх, то возникает явление связи Учителя и ученика.

Старые религии сделали так, чтобы этого не случилось. Всеми возможными способами с энергией, движущейся вверх, они делали то же самое, что и с энергией любви, движущейся вниз. Как они изобрели детский брак, так они изобрели и обращение детей в веру. Это то же самое. Забирая ребенка для крещения, что вы делаете? Ребенок беспомощен, ничего не знает, а вы крестите его? Вы пытаетесь сделать из него христианина, даете ему учителя.

Или вы забираете его для обрезания, делаете его евреем и даете ему раввина. То же самое делают индусы, то же самое делают мусульмане, то же самое делают джайны, то же самое делают буддисты. Каждая религия старается делать так, чтобы ребенок был обращен в религию своей семьи, родителей, предков до того, как он начнет спрашивать, до того, как он начнет задавать вопросы. Раз он начинает спрашивать: «Что есть истина? Что есть Бог? Кто есть я?» - то будет совсем не просто крестить его. Он спросит: «Сначала ответьте на мой вопрос. Только тогда я смогу стать вашим учеником».

Раз он способен спрашивать, как вы думаете, сможете ли вы сделать ему обрезание? Он сделает обрезание всем вам! Что это за чушь? Вы ведь не сумасшедшие. Итак, делайте это до того, как он сможет доставить вам неприятности. К тому времени, когда он сможет доставить вам неприятности, он уже будет обусловлен, полон дерьма. Он думает, что он еврей, он думает, что он индус, он думает, что он христианин. Он верит в это. Если у него есть какие-то проблемы, он идет к раввину, он идет к священнику. Он идет в католическую церковь исповедаться в грехах.

То, что они сделали с любовью, они сделали и с медитацией. X-энергия, движущаяся вниз, - это любовь, X-энергия, движущаяся вверх, - это медитация. Они искалечили и то и другое.

Первое, они искалечили вас, поскольку боялись, что у вас будут неприятности, а они хотели бы предохранить вас от них. Второе, они боялись, что вы можете заблудиться - ведь только их религия может спасти вас, только их религия находится на правильном пути; без нее вы заблудитесь. В обоих случаях я могу понять их беспокойство и могу понять также, что они действуют, исходя из заботы о вас. Но это по-настоящему нехорошо. Даже в том, что касается любви, хотя она и может доставлять неприятности, беспокойство, боль... но она стоит того,

поскольку всякий вызов в жизни стоит того, чтобы его принять. Вам не нужно никакое предохранение, иначе вы останетесь искалеченными.

Мать боится, что если ребенок начнет ходить, то может упасть. И он обязательно будет много раз падать, пока не научится ходить правильно. А если она будет слишком защищать, предохранять его, не будет позволять ему ходить из-за возможности падения - не просто возможности, обязанности падения, - то этот ребенок будет искалечен на всю свою жизнь. Забота была правильной, но то, что она делала, нельзя принять. С осторожностью, но ребенку нужно разрешать. Мать должна быть бдительной, в случае необходимости должна быть рядом, но ребенку должна быть дана свобода ходить, падать, подниматься, ходить снова - учиться хождению.

То же справедливо и для любви. Брак - один из безобразнейших институтов, изобретенных человеком. Но он был изобретен с глубокой заботой, исходя из доброй воли. Я не сомневаюсь в наличии у них доброй воли. Я лишь сомневаюсь в их мудрости. Их намерение правильное, но разум их весьма посредственный. Если бы вместе со своими добрыми намерениями они также имели бы разум, тогда они сделали бы все возможное для того, чтобы ребенок узнал о любви, об их любви, об их тревогах, об их проблемах, об их неудачах, об их отчаяниях. Они дали бы ему осознать, что эти вещи есть, что рано или поздно вихрь любви может захватить его. Это естественно. Не надо бояться. Но помните: то, что говорят поэты, - неправда.

Любовь - это не нечто постоянное, вечное. Не берите критерий поэтов, что истинная любовь вечна, а неистинная мимолетна... нет! Как раз наоборот. Истинная любовь весьма мимолетна, - но что это за мгновение! Оно такое, что ради него можно оставить вечность, ради него можно рискнуть всей вечностью. Кто захочет, чтобы это мгновение было постоянным? И почему постоянство должно цениться так высоко?

Жизнь ведь изменяется, течет; только смерть постоянна. Только в смерти останавливаются часы и остаются там, где остановились. Они не движутся потом. Но в жизни они все время в движении и движутся каждый день новыми путями.

И почему нужно быть ограниченными одной любовью? Зачем нужно заставлять себя ограничиваться одной любовью? Природа ведь не имеет такого стремления.

Природа устремляет вас любить так много, как это только возможно, поскольку то, что вы можете узнать от одной женщины, вы не узнаете от другой. То, что вы можете узнать и пережить от одного мужчины, не будет пережито от другого.

Каждая любовь уникальна. Между ними нет состязания. Нет ссоры. И чем больше вы любите, тем больше вы обогащаете свое бытие.

Поэтому я за всяческие неприятности, за беспокойства, за муки, за отчаяние - одно только я хотел бы добавить: будьте разумными. Эти неприятности не от того, что любовь ушла, они от того, что вы идиот. Поэтому, если вам и нужно оставить что-то, то оставьте свой идиотизм. Но люди оставляют любовь и цепляются за свои идиотические умы.

Будьте разумными, и тогда любовь даст вам все цвета радуги, вы будете наполнены многими людьми, многими возможностями, ведь женщина затрагивает лишь один аспект вашего бытия, а

другие остаются ненасыщенными, голодными. Один человек касается одной части вашего сердца, а другие части остаются без роста. Если вы цепляетесь за него, одна часть разрастается в монстра, а все остальные сжимаются.

Если мне будет позволено дать совет миру, то он будет таким: помогите людям пережить так много любви, как это возможно. Позвольте им войти в суматоху, в вихрь, позвольте им найти свои корни в этом вихре.

Не пытайтесь прятать их в доме, не закрывайте окон и дверей. Конечно, в доме они будут иметь все удобства, но они будут мертвыми. Тогда самый лучший комфорт - в могиле, без беспокойства, без проблем, никто не навредит вам более; даже смерть теперь бессильна. Чего более безопасного, более комфортного, более роскошного еще можно ожидать? Мраморное надгробие и имя, написанное на нем золотыми буквами. Но вы мертвы.

Нет, это не способ жить и переживать жизнь, переживать то, что я называю божественностью.

И это же справедливо для медитации - даже более справедливо. Ведь если они разрушили вашу любовь, то они не разрушили вашу духовность; они разрушили только вашу биологию, ваше любовное бытие. Но они пытались также разрушить ваше высшее бытие. Забирая ребенка к раввину, к брамину, к имаму, они разрушают и более высокие возможности, - а причина остается той же самой, только теперь она еще более опасна.

В том, что касается первого, у вас может быть неприятность, но эта неприятность не такая большая. Люди попадают в такую неприятность и выходят из нее, она не представляет большой проблемы. Но духовная часть вашего бытия огромна, обширна, бесконечна. Если вы потеряетесь в ней, вы можете оказаться не в состоянии найти путь домой. Вы можете идти и идти все дальше и дальше от дома.

А что такое дом? Евреи думают, что дом - это Тора, христиане думают, что дом - это Библия, индусы думают, что дом - это Гита. А люди, ставшие мостами, ведущими к Торе, к Библии, к Гите, - это Учителя. Нет, они не Учителя. Они лишь преподаватели. Они преподают вам все то, что преподавалось им, не то, что они пережили сами.

Отсюда отличие и уникальность связи между мной и учениками.

Я не преподаватель.

Я совсем ничего не преподаю вам. Я не мост между вами и Библией, между вами и Гитой, между вами и Кораном.

Я не мост между вами и Богом.

Нет, я не даю вам никаких учений, догм, кредо, философий, теологии.

Поэтому поймите различие между преподавателем и Учителем.

В старых религиях преподавателей называют Учителями. Они просто преподаватели. Они знают учение. Это учение было передано им другими преподавателями, они передают его вам. Они ничего не пережили, через их учение и вы ничего не переживете. Все это лишь красивые слова,

они могут дать вам лишь утешение - как вы сами знаете.

Учитель - это прежде всего не преподаватель. Учитель делится с вами своим бытием, а не своей философией.

Учитель отображает себя на вас, позволяет вам настолько приблизиться, что вы видите свое лицо в Его зеркале.

Учитель - это в точности зеркало.

Он никогда ничего не делает ученику. Позвольте мне подчеркнуть это. Учитель - не делатель, ведь если я начну что-то делать для вас, я могу испортить ваше бытие. Я могу дать вам маску, дисциплину, я могу превратить вас во что-то, чем вы не являетесь. Учитель не может делать этого.

Преподаватель делает это. Он дает вам учение; он преподает вам дисциплину и затем усиливает ее с помощью алчности, убеждения, страха - всеми возможными способами. Он старается отлить вас в литейную форму: каким должен быть христианин, каким должен быть буддист... Для буддийского монаха имеются тридцать три тысячи правил. Я не думаю, что смогу запомнить тридцать три тысячи правил, - что говорить о следовании им, я не могу запомнить их! И всякий, кто делает это, окажется в ситуации, которая случилась в басне Эзопа.

Многоножка выходит на утреннюю прогулку. У многоножки сто ног. Лягушка смотрит на нее, не верит своим глазам, моргает ими, смотрит снова... сто ног! Как она управляет ими? Какую ногу следует поднимать первой, какую второй, третьей, четвертой - сотня ног! Если забыть номер, можно наступить на свою же ногу и упасть.

Лягушка поднимается, прыгает, останавливает многоножку и спрашивает у нее: «Тетушка, мне не следовало бы останавливать вас во время вашей утренней прогулки, но у меня в уме возник один очень философский вопрос, который я не могу разрешить, - я же просто лягушка, вы знаете. Только вы можете помочь».

Многоножка сказала: «В чем проблема?»

Лягушка объяснила ей: «Вот в чем проблема. Я увидела ваши сто ног, пересчитала их; а проблема такая: как вы управляетесь с ними?»

Многоножка сказала: «Я никогда не задумывалась над этим. Я постараюсь и пойму, как я управляюсь. Я никогда не думала об этом — я на самом деле никогда не смотрела вниз и не считала своих ног. Вы великолепны, вы математик и философ».

И многоножка постаралась - можете представить себе, что должно было случиться. Она немедленно упала, все ее сто ног перепутались. Она сильно разгневалась на лягушку и сказала: «Никогда больше никому не задавайте таких вопросов. Держите свою философию при себе. Вы идиотка - я прекрасно управлялась всю свою жизнь, и не только я, миллионы многоножек прекрасно управляются. Никто не падает, как я. Но теперь я боюсь. Вы заронили такой вопрос в мою голову, что если я не освобожусь от него, то не смогу ходить совсем. Скажите теперь, как мне освободиться от этого вопроса»,

Лягушка сказала: «Я не знаю. Я сама озадачена. Я спросила вас потому, что вы очень опытная, пожилая многоножка, вы ходите каждый день на утреннюю прогулку; если вы не можете разрешить этот вопрос, то как я могу? Я просто бедная лягушка».

Я не знаю, что случилось потом с многоножкой, но могу представить себе, что вся ее жизнь была испорчена. Снова и снова к ней возвращался вопрос: «Сто ног! Я ставлю правую ногу на правильное место?»

У жизни свои собственные пути. В тот момент, когда вы начинаете управлять чем-то, вы это портите.

Разрешите жизни ее свободу.

Дайте свободу любви и не руководствуйтесь фиксированными идеями.

Испытывайте переживание - не идите по жизни с идеей о постоянной или непостоянной любви. Испытывайте переживание, и вы узнаете ее, узнаете, что она есть.

Не пользуйтесь чужими критериями о том, что истинно и что нет. Все эти преподаватели испортили человечество. Они говорят вам, как ходить, какая нога должна быть первой, какая второй, и если вы будете ставить их в каком-то другом порядке, то вы грешник, вы падете в ад. Ад далеко, вы падете здесь! Вы можете оказаться даже неспособными достичь ада, потому что для этого нужны ноги. Это долгое путешествие. Только очень опытные преподаватели, профессора, философы способны добраться туда. Это не дело обыкновенного человека добираться до ада. Это долгое, долгое путешествие, и очень трудное.

Функция Учителя - не формовать вас по шаблону определенной идеи, но отобрать у вас все костыли, все подпорки, которыми общество снабдило вас.

Конечно, вначале вы будете чувствовать себя очень испуганными - нет никаких подпорок, никаких костылей, нет больше самой земли, на которой вы стояли. Будет великий страх, но его надо встретить лицом к лицу. Только встав к нему лицом, проходя сквозь него, можно будет его преодолеть.

Любовь доставит вам неприятности, беспокойства, муки, но проблему создает лишь недостаток разумности.

Будьте просто разумными и поймите, что любовь ничего не сделала. Она лишь дала вам несколько прекрасных, потрясающе восторженных мгновений. И она не попросила ничего взамен.

Это не было торговой сделкой, то был бескорыстный дар.

И что же вы за человек - вы не чувствуете даже благодарности? Вы чувствуете жажду мщения?

Человек, давший вам возможность ощутить эти несколько мгновений, женщина, мужчина, - будьте благодарны, чрезвычайно благодарны этому человеку.

Да, этих мгновений больше нет. С этим ничего не поделаешь. Их нельзя вернуть назад, и даже

если бы был способ вернуть их обратно, они не были бы такими же. Это было бы повторением. Они не принесут вам той же радости, того же восторга. И хорошо, что их нельзя вернуть назад, иначе воспоминание об этих нежно хранимых в памяти мгновениях будет испорчено.

Уважайте этого человека, будьте благодарны ему за то, что без всякой причины - она незнакомка, вы незнакомец, - без всякой причины, без торговли, без всякого бизнеса... вселенная таинственным образом управилась так; что-то проявилось между вами.

И это было питанием для вас обоих. Это сделало вас зрелыми.

Может быть, завтра снова какой-то весенний ветерок подует на вас. Но никогда не просите о возврате прошлого. Это невозможно, и невыполнимость этого вам на благо. Храните будущее открытым, доступным.

Не несите в себе никакого недовольства, поскольку оно закроет вам будущее. Если вы гневаетесь на одну женщину, на одного мужчину, то вы гневаетесь на всех женщин и всех мужчин, ведь одна женщина - это представительница всех женщин, один мужчина - представитель всех мужчин. Если вы начинаете чувствовать ненависть, гнев, вы закрываете двери и окна. Теперь весенний ветерок не ворвется в ваш дом.

Для тех, кто достиг высокого уровня, я не преподаватель. Я не хочу превращать вас в собрание некоторых моих идей. Во мне нет никакой идеи о вас. Я не несу в себе никакого образа, которому должен соответствовать каждый.

Весь мой подход заключается в убеждении, что каждая индивидуальность уникальна и никто не может предсказать, чем она в конце концов станет.

Даже Учитель не может предсказать, чем вы будете, ведь предсказание возможно только по поводу вещей, но не сознания.

Сознание непредсказуемо.

Что собирается расцвести в вас - это станет известно только тогда, когда оно расцветет.

Поэтому Учитель может сделать только одно - Он может устранить все, что препятствует вашему цветению. Но тогда Учитель будет выглядеть очень тяжелым человеком.

Преподаватель будет выглядеть очень сострадательным человеком, ведь он дает вам всяческие наставления, он принимает на себя всю ответственность. Он показывает вам путь; он ведет вас по этому пути, а вы должны только следовать.

Учитель не заинтересован в том, чтобы вы следовали за Ним. Нет, напротив: вы не должны следовать за Ним, в противном случае вы упустите возможность стать собой. Что же Он делает тогда? На самом деле вся Его функция - отрицательная. Он уничтожает ваши костыли, ваши подпорки. Он делает вас уязвимыми для всех видов страха, беспокойства, вызова. Все это отрицательное.

В том, что касается положительного. Он не делает ничего. Он просто зеркало.

Он позволяет вам подойти поближе и увидеть свое лицо в Его зеркале. Он не хочет, чтобы вы имитировали и стали похожими лицом на Него. Он хочет, чтобы вы смотрели на Него.

У Него нет идей. Это означает, что вся пыль с зеркала удалена. Его зеркало чисто.

Вы можете подойти ближе и посмотреть, и вы найдете свое лицо. Зеркало просто отражает; оно не делает, оно не действует.

Моя связь с вами определенно уникальна.

Прежде всего, это не связь, поскольку какую связь вы можете иметь с зеркалом? Вы можете увидеть свое лицо и испытать благодарность, испытать признательность, - но это не связь. Какую связь с вами может иметь зеркало? Это невозможно.

Зеркало просто есть. Оно не связано с вами никакими путями. Оно просто существует.

Поэтому наша связь уникальна, ведь если вы обратитесь к другим религиям, то Учитель - не Учитель даже, это они называют его Учителем, - то учитель, так называемый учитель, будет иметь тысячу и одно требование, которое вы должны исполнить, поскольку он собирается совершить для вас великую работу. «Учитель» имеет условия, которые должны быть выполнены. Если вы не сможете выполнить их, тогда последует порицание; если вы выполните их, тогда последует похвала, награда.

Я не могу порицать вас, я не могу вознаграждать вас - ведь у меня нет никаких условий, которые вы должны были бы выполнять.

Быть моим учеником - это ваше решение. Это не имеет со мной ничего общего.

Воспринимать меня как своего Учителя - это ваше решение, это не имеет со мной ничего общего. Я не ищу тех, кто обращается в новую религию; я не христианский миссионер. Я не прилагаю усилий к тому, чтобы обратить людей к моему способу мыслить, к моему образу жизни. Нет, совсем нет. Иначе за эти тридцать пять лет я обратил бы без проблем миллионы людей. Они были готовы обратиться; я не был готов обращать.

Это ваше решение. Всегда помните, что бы ни случилось здесь - это ваше решение.

Если вы санньясин - это ваше решение.

Если вы отбрасываете санньясу, это ваше решение.

Если вы принимаете ее снова, это ваше решение.

Я все оставляю на вас.

Поэтому наша связь уникальна: она абсолютно односторонняя; с моей стороны нет связи.

Это должно быть абсолютно ясно: с моей стороны нет связи.

С вашей стороны... все постоянно изменяется. Когда вы впервые приходите сюда, вы - как

студенты. Это один вид связи с вашей стороны. Вы хотите научиться чему-то. Побыв вблизи меня, вы понимаете, что учиться недостаточно. Нужно некоторое переживание. Вы становитесь учениками, становитесь санньясинами. Это ваше решение. Вы просто указываете этим, что хотите быть ближе ко мне. Что еще есть санньяса? Это просто ваша декларация о том, что вы хотели бы быть ближе ко мне. С вашей стороны исчезает студент и появляется ученик.

А затем наступает последняя стадия, когда вы чувствуете, что даже переживания недостаточно: нужно бытие.

Посмотрите на эти три момента. Преподавание - самая отдаленная вещь, и скучная; нужно переживание, - но оно вне вас. Вы становитесь тем, кто переживает, и переживание есть, оно прекрасно, восторженно, блаженно, но вы знаете, что оно есть в качестве объекта; оно внутри, но оно все еще является объектом. Нет, вы хотите быть в центре своего бытия.

И тогда вы подходите еще ближе: ученик превращается в приверженца.

Приверженец означает, что с вашей стороны связь тоже исчезла.

Теперь вы абсолютно счастливы просто идти по тому пути, по которому идете. Теперь вы понимаете, почему не было связи с моей стороны.

Я наслаждаюсь моим одиночеством, и вы начинаете наслаждаться вашим одиночеством.

Поэтому связь не статична, как связь отца и сына, брата и сестры; она не является статичной. Она не похожа на супружество. Нет закона, запрещающего вам отбросить санньясу или заставляющего вас быть санньясином. Постепенно вы понимаете, что и ваша связь исчезает. Когда вы были студентами, связь с преподавателем, с Учителем была очень сильна. Когда вы ученики, связь хрупка, как связь возлюбленных. Когда вы становитесь приверженцами, вы... достигаете.

Теперь вы можете расцветать в вашей уединенности.

Есть благодарность. Есть приятие, есть признательность, бесконечная благодарность, - но нет связи, нет требований с вашей стороны или с моей стороны.

Тогда это как две свечи, горящие бок о бок, стоящие так близко, что их пламя сливается в одно.

БЕСЕДА 19

МЕДИТАЦИЯ - НАУКА ОСОЗНОВАНИЯ

17 ноября 1984

Бхагаван, в чем различие между наукой, искусством и религией?

Наука открывает, искусство измышляет, придумывает, религия делает и то и другое. Истинная религия открывает; псевдорелигия измышляет.

На протяжении веков над умами людей превалировала псевдорелигия. Она - не что иное, как

вымысел. Такая религия ближе к искусству и абсолютно против науки.

Вот почему никогда не было конфликта между искусством и религией. Глубоко внутри они делали одно и то же.

Искусство измышляло объективно, а так называемая религия измышляла субъективно. Они очень легко могли сойтись вместе, поскольку их игра была одинаковой. И по всему миру они соединились. На протяжении столетий искусство служило так называемой религии. Прекрасные церкви, синагоги, храмы - тысячелетиями искусство не делало ничего, кроме как служило религии.

Если вы увидите храмы Кхаджурахо в Индии... Когда-то там была тысяча храмов; сейчас одни руины, но двадцать или тридцать храмов еще остались нетронутыми, выжили. Чтобы осмотреть один храм, потребуется целый день. Он весь полон произведений искусства, каждый укромный уголок. Создание одного храма требовало сотен лет, над ним работали тысячи скульпторов.

Вы не найдете ни одного квадратного дюйма на храме, который бы не был оформлен художественно. Один храм несет тысячи статуй на своих внешних стенах, так же выглядят остальные тридцать храмов, так же выглядели, наверное, и те храмы, что лежат сейчас в руинах. Даже в этих руинах находят сокровища искусства. Я не думаю, что есть еще где-нибудь в мире такая красота, созданная из камня.

Строение каждого храма почти одинаково. Внешние стороны храма, внешние стены, уставлены так называемыми статуями митхун - это обнаженные мужчины и женщины, любящие друг друга, занимающиеся любовью во всех возможных позах, которые только можно вообразить или представить себе. Одна только поза отсутствует, она известна в Индии под названием миссионерской, - это когда мужчина находится сверху женщины; только она пропущена: она была принесена в Индию христианскими миссионерами. Для индийского ума сама идея о том, что мужчина должен быть сверху женщины, выглядит безобразной... Представляется несправедливой. Женщина такая хрупкая, и этот зверь поверх ее красоты. Нет, индийцы никогда не считали такую позу человеческой. В Индии она известна как миссионерская, поскольку индийцы впервые увидели эту позу у христианских миссионеров, иначе у них не возникло бы и мысли, что так можно делать.

Но, за исключением этой позы, там вы найдете все виды поз, поскольку в Индии сексология существует уже по крайней мере пять тысяч лет. Самому старому сексологическому трактату пять тысяч лет — это Камасутры Ватсяяны. Во времена Ватсяяны писать сутры о сексе - кама означает секс, - изречения о сексе, наставления по сексу не считалось зазорным, ведь Ватсяяна уважается как один из великих провидцев Индии. И говорят, что только такой провидец, как Ватсяяна, мог дать эти прекрасные сутры. Они раскрывают хитросплетения и загадки энергии секса и то, как она может быть преобразована.

Эти храмы в Кхаджурахо несут на своих внешних стенах прекрасных женщин, прекрасных мужчин - и все они в позах любви. Внутри храмов нет любовных поз. Внутри — пустой храм, нет даже статуи Бога. Идея заключается в том, что вы входите в храм только после того, как вы прошли через свою сексуальность с полным осознанием ее, во всех ее фазах, во всех ее измерениях, - только после того, как вы пришли к точке, в которой секс не имеет значения для вас. В противном случае вы вне храма, ваш интерес у наружных стен.

Итак, это символ того, что если вы еще интересуетесь сексом, то храм не для вас. Но откровение, выраженное этими стенами, не направлено против секса; это внешние стены храма, храм построен из них, и вы должны пройти сквозь двери храма и пойти дальше. А дальше нет ничего, кроме предельной пустоты.

Сколько художников, каменотесов, скульпторов были заняты созданием этих храмов; тысяча храмов, целый город храмов, сколько лет потребовалось на это[И это не единственное место: есть Аджанта, группа пещер, созданных буддистами. Целая гора... и внутри горы они на многие мили прорыли пещеры. В пещерах можно найти изумительные произведения искусства, все они прекрасны. Вся жизнь Будды в камне... В первой пещере, в которую вы входите, находится изображение рождения Будды. И это не маленькие пещеры; каждая пещера, по крайней мере, в четыре раза больше, чем это помещение. Они были высечены в твердом камне.

Из пещеры в пещеру постепенно разворачивается вся жизнь Будды, а в последней пещере - спящий Будда. Статуя, должно быть, такой же длины, как это помещение. Это последнее мгновение его жизни, когда он говорил ученикам: «Если у вас есть какие-нибудь вопросы, спрашивайте меня; иначе я уйду в вечный сон - навсегда». У него не было даже подушки, он использовал в качестве подушки свою руку. Так огромна эта статуя и так прекрасна!

Есть пещеры Эллары, также открытые в горах. Есть индусские храмы в Джаганатх Пури, в Конараке. Вы не можете представить себе, что создавало искусство на протяжении столетий. Прекрасные кафедральные соборы в Европе; и все величайшие художники... Микеланджело... что делали эти люди? Они служили религии.

Нигде в мире не было конфликта между искусством и религией. Для меня это означает, что это была псевдорелигия, и религия, и искусство - они измышлены, придуманы. Не было между ними внутреннего противостояния; они двигались вдоль одной и той же линии выдумывания, измышления, изобретения. Конечно, искусство делало гораздо более подлинную работу, гораздо более искреннюю, чем работа священника, поскольку то, что измышлял последний, было абсолютным вымыслом. Под этим не было никакого основания. Бог был вымыслом, его небеса и ад были вымыслом. И все эти вымыслы должны были соответствовать людям, жившим там, где существовала данная религия.

Например, в Тибете, очевидно, нельзя иметь небеса того же вида, что и в Индии. Индия - жаркая страна, настолько жаркая, что небеса нуждаются в кондиционировании воздуха. Конечно, этого слова не было в те времена, но описание полностью соответствует кондиционированию воздуха. Описание говорит: «Двадцать четыре часа в сутки прохладный воздух, свежесть, аромат, как весной. Никогда не бывает лета, никогда не бывает сезонов дождей. Никогда не бывает холодных зим; просто прохлада - не холод, но прохлада - и такая атмосфера круглый год. Постоянная весна». Но тибетский священник не воспринимает этого. Их так мучит холод, их небеса теплые, обогреваемые - там никогда не бывает холодно. Они даже не упоминают о прохладе, ведь для тибетцев даже прохлада неприемлема. Там должно быть тепло.

Тибетские священные книги говорят: «Нужно мыть свое тело хотя бы раз в год». Когда Далай-лама и его люди бежали из Тибета в Индию, многие из них приходили повидаться со мной. Привычки отмирают очень трудно. Они даже в Индии не принимали ванну или душ. И они носили ту же одежду, что и на Тибете. Я говорил им: «У меня сильная аллергия на запахи, поэтому садитесь в другом углу комнаты, если не знаете, как чистить свое тело и каждый день

менять одежду». Они говорили: «Каждый день! Но в священных книгах говорится, что достаточно раза в год!»

В разных странах разные вымыслы. В мусульманских странах очень широко была распространена гомосексуальность - распространена она и сейчас. Странно, но это проявляет какое-то значительное свойство человеческого ума. Если вы будете обнаружены как гомосексуалист, за это последует самое страшное наказание. Вас просто обезглавят, меньшего наказания не положено. И вместе с тем, это очень распространенное явление, настолько распространенное, что согласно Корану на небесах для великих религиозных мудрецов сделаны нужные приготовления: там есть прекрасные женщины, там есть и прекрасные мальчики. Все эти вымыслы соответствуют конкретному складу ума, климату, стране и не имеют никакой основы в реальности.

Реальность не надо выдумывать, ее нужно открывать. Реальность уже есть.

Поэтому наука открывает, и истинная религия открывает тоже.

Все религии, существовавшие в мире до настоящего времени, - христианство, иудаизм, ислам, индуизм - никогда не ощущали конфликта с искусством, но испытывали потрясающий антагонизм с наукой. Никто не замечал этого факта.

Почему все религии не идут против искусства и почему они идут против науки? Потому что с искусством они находят некоторое сходство. Они используют искусство, но не могут использовать науку и не находят с ней сходства в основах. На самом деле они находят, что наука прямо противоположна им. Они выдумывают, создают какие-то измышления; а вся работа науки - раскрывать истину, реальность, как она есть.

Им невозможно победить науку - им невозможно даже предстать перед лицом истины.

Я очень любил эту историю. Однажды тьма пришла к Богу и сказала: «Я никогда не делала солнцу ничего плохого, но оно все время мучит меня. Куда бы я ни пошла, оно добирается до меня, я и вынуждена бежать отсюда. Я не могу даже отдохнуть. Я не хочу жаловаться, но с меня довольно. Как долго это будет продолжаться? И ведь я абсолютно чиста. Я ничего не сделала против солнца. Я ничего не сказала против него. Я вообще впервые говорю об этом».

Бог немедленно приказал вызвать солнце. Солнце было вызвано, и Бог спросил его: «Почему ты мучаешь и тревожишь тьму?»

Солнце сказало: «О чем вы говорите? Я никогда не встречало ничего, что называлось бы тьмой». И Бог оглянулся вокруг. Куда делась тьма? Она исчезла. Солнце сказало: «Как только вы сможете привести ко мне тьму, я немедленно извинюсь, или что там еще нужно. Я не знаю, может быть, неосознанно, не зная того, я задело ее. Но дайте мне хотя бы посмотреть на нее - на ту, что выражает недовольство по моему поводу».

Эта история говорит о том, что папка с делом тьмы против солнца все еще не закрыта. Бог оказался не в состоянии свести обе стороны вместе перед собой. Иногда ему удается, и приходит тьма; иногда ему удается, и приходит солнце; но он не в состоянии свести их обоих вместе. А пока они не сойдутся вместе, дело не может быть решено.

Как тьма может предстать перед лицом солнца? Ведь тьма - это не нечто существующее, это просто отсутствие света. Поэтому там, где есть свет, отсутствия его не может быть. И это то, что делали псевдорелигии, создавая вымыслы, эксплуатируя людей - их воображение, их страх, их алчность, их горе, их страдание, их нищету - все. А когда наука начала свои открытия, каждая религия стала очень бдительной и готовой всеми возможными способами воспрепятствовать науке.

Ведь когда открывается истина, ложь умирает сама по себе; ее не нужно убивать. Она просто исчезает.

Поэтому я и говорю вам, что сейчас самое время для первой религии.

Триста лет псевдорелигии боролись против науки. Теперь они устали, насытились и очень хорошо знают, что наука победит; что она уже победила.

Поэтому старые религии потеряли почву под ногами. Вы должны понять это. То, что вы видите в церквях, в синагогах, в мечетях, в храмах, - это мертвое тело религии, которая когда-то была живой. Это только труп. Но они притворяются, что все еще живы, надеются, что случится какое-то чудо.

Но чудеса никогда не случаются. И не будут случаться.

У науки прочные корни.

Если вы теперь хотите, чтобы в мире было что-то, что назвалось бы религией, вы должны начать с самой азбуки, с самой стартовой черты — с религии, которая является наукой, не вымыслом.

Точно так же, как наука открывает объективный, внешний мир, религия открывает внутренний мир.

Как наука относится к объективному существованию, так религия относится к субъективному существованию.

Их методы в точности сходны. Наука называет свой метод наблюдением, религия называет свой метод осознанием. Наука называет свой метод экспериментом, религия называет свой метод переживанием. Наука хочет, чтобы вы вступали в эксперимент без всякого предубеждения в уме, без всякого верования. Вы должны быть открыты и доступны. Вы собираетесь быть открытыми для реальности, какой бы она ни была, даже если она пойдет против ваших идей. Вам придется отбросить эти идеи, - но реальность не может быть отвергнута.

Стремлением науки является рискнуть вашим умом ради реальности, отстранить ваш ум ради реальности. Считается лишь реальность, а не то, что вы думаете о ней. Ваши мысли могут быть правильными, могут быть неправильными, но решать это будет реальность. Ваш ум не будет решать, что правильно и что неправильно.

Точно такая же ситуация с подлинной религией, с научной религией.

Если мне будет позволено, я хотел бы описать науку, как нечто, имеющее два измерения, внешнее и внутреннее. Тогда слово «религия» можно опустить. Имеется две науки: одна -

объективная наука; другая - субъективная наука.

Так и происходит; назвать ли ее религией или наукой, не имеет значения, названия не имеют значения. Но методология в точности одинакова; входить с верованием нельзя. Ни один верующий никогда не узнает истины. Верить - это упускать.

Вы должны отложить в сторону свою идеологию. Как бы красиво она ни выглядела, какой бы систематической она ни выглядела, как бы вы ни устроили и ни украсили ее психологически, вы должны устранить ее и всмотреться вглубь.

В этом весь метод медитации, осознания, бдительной настороженности и внимания.

Медитация, вкратце, - это отстранение ума. Поэтому люди, говорящие, что медитация - это тренировка ума, абсолютно неправы. Это не тренировка ума, поскольку если вы тренируете ум, то он становится сильнее. Легче устранить его, когда он слабее, когда он не тренирован. Когда он тренирован, он окажет вам упорное сопротивление.

Поэтому гораздо труднее будет тому, кто практиковался в концентрации, поскольку концентрация - это умственное явление. Да, она делает ваш ум лучше, тренирует его, делает его более пронизательным. Но устранить такой ум будет очень трудно. Вы прежде усилили его. Вы выкристаллизовали его.

Так случилось с Гурджиевым и всей его школой. Там была тренировка ума. Он называл это кристаллизацией, это самое подходящее слово.

Обыкновенный ум - это хаос, свалка. Тренировка Гурджиева делает ваш ум выкристаллизованным и, вместе с тем, центрированным. И он полагал, что чем больше ум становится выкристаллизованным, тем ближе вы подходите к дому. Здесь он был неправ. Выкристаллизованный ум обладает определенными способностями. Например, он в состоянии читать чьи-то мысли, что не может обыкновенный ум - он не может прочесть и своих, как же читать чьи-то еще.

Но кристаллизация - это не просто. Это трудный и долгий процесс - годы труда, работы, которая будет казаться вам абсолютно ненужной, но вы должны ее делать, поскольку так говорит учитель. Например, ученикам Гурджиева говорят выкопать канаву в милю длиной, и все ученики целый день копают. А вечером приходит Гурджиев и говорит: «Забросайте ее. Только тогда получите еду. Чтобы я не видел эту канаву, когда утром выйду на прогулку».

Абсурд...! Вы подумаете, что этот человек сумасшедший. Нет, он не сумасшедший. Он работал очень аккуратно, математически. Ученики начинают забрасывать канаву. Весь день они копали, весь день они думали: «Зачем ее копать?» Теперь они думают: «Зачем ее забрасывать обратно?» И никто не знает - завтра утром он может сказать: «Выкопайте ее снова». Известно, что этот человек так и делал.

Таким способом он пытается сделать вас человеком не обыкновенного, слабого ума, которому нужны различные аргументы, уговоры, чтобы он занялся чем-нибудь... но и тогда ничем не занимающегося. Он пытается научить вас, что не нужно тревожиться вопросом «почему». Думать - это работа учителя; это не ваша работа. Если человек идет этим путем год за годом, то

он с удивлением обнаруживает в себе вещи, не случавшиеся с ним ранее. Например, вы проходите рядом с ним, и он читает ваши мысли.

Так случилось... Когда я преподавал в университете, один из моих студентов очень сильно интересовался Гурджиевым. И поэтому он спросил меня: «Я не спрашиваю, прав Гурджиев или нет. Пожалуйста, лишь объясните мне, что за методологию применял Гурджиев и могу ли я воспользоваться ею».

Я сказал: «Если так, я могу объяснить метод. Но я не отвечаю за то, что случится с вами, когда...»

Он сказал: «Конечно, вы не отвечаете».

«...ведь вы не даете мне даже шанса сказать, правильно это или нет; вы просто хотите узнать». Я сказал: «Как профессор, я расскажу вам этот метод. Испробуйте его. Метод прост. Делайте что-нибудь, например, бегайте трусцой... Наступит момент, когда вы почувствуете, что больше не можете бежать; и тогда вам нужно продолжить бег. Внезапно наступит момент, когда вы с удивлением почувствуете, что, продолжая бег, вы вызываете прилив новой энергии... А ведь вы чувствовали, что бежать больше невозможно».

Есть три слоя энергии. Первый: обыкновенная энергия, которую вы используете в повседневной работе: едите, ходите пешком, трудитесь, печатаете, то, другое - это поверхностный слой. Ниже его находится более мощный слой энергии. Если, делая что-то, вы подходите к точке, когда заканчивается тонкий верхний слой, тогда это не означает, что ваша энергия закончилась; закончился только верхний слой. Верхний слой говорит: «Стоп». Но не останавливайтесь, продолжайте. Вскоре откроется, станет доступным второй слой. Вы думали, что больше не можете бежать, а теперь можете бегать часами!

Затем снова подходит момент, когда вы чувствуете: «Если я продолжу бег, я упаду и умру». Это не просто усталость - это почти смерть. Раньше была усталость, теперь это почти как смерть. Это ваш третий слой, он огромен. Если вы продолжите и скажете себе: «Хорошо, если наступает смерть - хорошо. Но я не остановлюсь», - тогда откроется третий слой, и вы увидите такую энергию, которой никогда не видели в себе.

Иногда это происходит случайно. Вы устали. Весь день работали и все... и внезапно дом охватывает огонь! Вы собирались забраться в постель и забыть обо всем на свете... и вот пожар в доме! Вы забываете всю свою усталость. Вдруг вы снова свежи, молоды — так свежи и молоды, как никогда не были. И вы бежите и туда, и сюда и делаете все, что нужно, - может быть, потребуется целая ночь, чтобы погасить огонь. И вы будете гасить его и не почувствуете усталости.

Что произошло? Вот на этом Гурджиев и пытается построить свою методологию. Когда ваш ум осознает эти три слоя, тогда с каждым слоем к вам присоединяются новые силы. С помощью обыкновенного слоя нельзя сделать многого. Ученые говорят, что даже самый талантливый человек использует только пятнадцать процентов своей энергии - самый талантливый, это не относится к каждому... Пятнадцать процентов своей энергии, быть может, использовал Альберт Эйнштейн.

Средний, обыкновенный человек никогда не превосходит семи процентов. Эйнштейн, использующий пятнадцать процентов, начинает осознавать то, что не осознаете вы. Он живет во вселенной, отличной от той, в которой живете вы. Его вселенная настолько обширна, что вы даже не можете ее себе представить. Говорят, что когда он был жив, в мире было лишь двадцать человек, точно понимавших, что означает теория относительности. Только двадцать человек во всем мире понимали правильно, что он имеет в виду! А если вы познаете тридцать, пятьдесят процентов своей энергии... кто знает, сколько ее хранится в вас?

Так что, этот мой студент... Он был мусульманином, а мусульмане - фанатичные люди, очень упрямые; достойные доверия, но идиотические. Идиоты всегда заслуживают доверия, поскольку они не умеют сомневаться, они не умеют не доверять. Я сказал ему работать, и он начал работать. Он был сыном лесоруба, поэтому я сказал: «Пойдите со своим отцом и рубите лес, столько сколько сможете. И когда почувствуете, что вот-вот упадете, что не можете поднять топора, тогда в этот момент вы должны поднять топор. Тогда самое время начать работу. До этого момента все было лишь поверхностным. Отсюда исходит Гурджиев». Так он и сделал.

Однажды он прибежал ко мне, потрясенный и испуганный. Он сказал: «Что происходит? Я ехал в автобусе... странная мысль, у меня никогда не было таких мыслей раньше. Передо мной, спиной ко мне, сидел человек, и я подумал: “Может ли он лишь от одной моей мысли упасть со своего сиденья на пол автобуса”. И этот человек упал!»

Он просто подумал: «Может ли это случиться?» - и это случилось. Он очень испугался, но решил, что это могло быть простым совпадением. Поэтому он испытал на другом человеке. И этот другой человек тоже упал. И водитель сказал: «Что происходит?» Человек упал без всякой причины, не было рывка, не было поворота. Затем падает другой сидящий человек, он не спит; глаза открыты.

Мой студент спросил этих двоих, что случилось. Они сказали: «Не знаем». Но перед тем, как пойти ко мне, он решил, что надо бы испытать еще раз и что лучше всего попробовать на водителе. И он испытал это на водителе и вызвал тем самым аварию автобуса, в которой погибло два человека и многие были травмированы.

Тогда он прибежал ко мне. Он сказал: «Что происходит?»

Теперь, не зная того, он обрел энергию, с помощью которой он мог проецировать свои идеи в головы других, и они выполняли его приказы. Теперь его ум становится выкристаллизованным, становится более внимательным. Это был только второй слой. Я сказал ему: «Хотите ли пройти в третий слой? В третьем слое вы сможете вызывать смерть. Если вы доверяете себе, я могу дать вам метод войти в третий слой. Но тогда, эта сила... способны ли вы использовать ее правильно?»

Он сказал: «Нет. Я могу использовать ее неправильно. И простите меня. Я был неправ с самого начала, когда сказал вам: “Не говорите мне, прав Гурджиев или нет, дайте мне только метод”, - ведь я читал его книгу и был под сильным впечатлением от нее. Я не хочу погружаться в это. Это опасно».

Концентрация, тренировка, тренировка йоги, другие методы этих хваленых мантр - они все усиливают ваш ум, делают его сильнее, делают его способным использовать силы, таящиеся в

вашем подсознании, в вашей бессознательности, в вашей коллективной бессознательности. И если вы не осознаете, - а вы действительно не осознаете, — то это все равно, что давать меч, обнаженный меч, в руки ребенку. Либо он поранит себя, либо убьет кого-нибудь другого; но что-то нехорошее случится обязательно. Невозможно представить себе, что из этого получится что-то хорошее.

Брамины в Индии на протяжении тысяч лет использовали тренировку ума, чтобы держать всю страну у себя в рабстве. В Индии за пять тысяч лет не случилось ни одной революции. А за эти годы были все возможности к тому, чтобы произошли тысячи революций. Брамины сделали четвертую часть Индии неприкасаемой...

Эти люди не смеют касаться вас. И не только они не смеют касаться вас, они настолько грязны - страдают из-за своей плохой, злой кармы прошлой жизни, - что даже их тени, падающей на вас, достаточно, чтобы потревожить ваше существование. Вам нужно немедленно омыть себя. Видели ли вы такую глупость? Тень человека, павшая на вас, делает вас грязным. Тень не существует! Тень не может коснуться вас. Тень не может нести никакой грязи.

В Индии на протяжении тысяч лет четвертая часть страны жила в таком рабстве, что эти люди должны были ходить с колокольчиком на шее, как ходят быки или коровы, чтобы по звуку колокольчика становилось известно об их приближении. Колокольчик должен был звонить постоянно, чтобы каждый, заслышав его, мог убежать, убежать даже от тени этих людей. А сзади они должны были прикреплять длинную щетку, наподобие хвоста, - для того, чтобы все время очищать путь, по которому они проходили, ведь туда падала тень и эта тень должна была быть счищена, поскольку позже мог появиться какой-нибудь брамин и пройти по земле, по которой ходил неприкасаемый, ачхут на их языке.

Какой же властью обладали эти брамины? Они не были царями, у них не было армий; они не имели светской власти царей. Но у них был очень тренированный ум, который от поколения к поколению становился все более тренированным. Александр Великий пишет об этом в своих воспоминаниях...

Он пришел в Индию до Иисуса Христа. И это было то, что потрясло его больше всего, - конечно, он столкнулся со многими вещами, произведшими на него впечатление, но это было самым сильным впечатлением.

Он был учеником Аристотеля. Учеником Сократа был Платон, учеником Платона был Аристотель, учеником Аристотеля был Александр Великий. Когда Александр возвращался после вторжения в Индию, он вспомнил, что Аристотель просил его: «Когда вернешься, принеси мне четыре Веды, о которых индусы думают, что это единственные написанные Богом книги. Конечно, это самые древние книги на Земле, поэтому, написаны ли они Богом или нет, но они самое древнее сокровище; принеси мне эти четыре Веды. Я не хочу ничего другого».

Поэтому Александр осведомился: «Могу ли я найти человека, у которого есть все четыре Веды?»

И люди сказали: «Да, в нашей деревне живет великий ученый-брамин, древний, очень старый, ему, может быть, двести лет. У него есть все четыре Веды. Они перешли ему по наследству, так что нет никакого опасения, что они не подлинны. Им две тысячи лет - вы можете получить их у него».

Александр пошел к брамину и попросил Веды у него - он никогда не видел такого старого человека. Он действительно никогда не видел такого человека.

Старик посмотрел в его глаза и сказал: «Хорошо. Завтра утром, когда взойдет солнце, я дам тебе четыре Веды».

Александр был чрезвычайно счастлив. Он сказал: «Чтобы вы ни попросили сделать для вас, вы окажете тем мне великую честь... поскольку мне говорили: “Ни один брамин не даст вам всех Вед”. А вы ни о чем не просили».

Старик сказал: «Нет. Ни один брамин ни о чем не просит. Все, что ему нужно, он получает. Те, которые просят, они не брамины. Приходите завтра утром и увидите».

Всю ночь Александр не мог уснуть. Что произойдет завтра утром? Что он за человек? И что же сделал этот старик... У него было четыре сына. Он позвал всех четверых, усадил их вокруг домашнего очага, огонь в котором поддерживался на протяжении тысяч лет, все двадцать четыре часа в сутки, день за днем, год за годом, - они все сели вокруг огня, и отец сказал: «Каждый из вас возьмет по одной Веде. Читайте страницу и бросайте ее в огонь; читайте другую и бросайте в огонь. До утра вы должны покончить со всеми четырьмя Ведами».

Они сделали так, как сказал отец, и когда утром Александр пришел к ним, а пришел он немного раньше, он был озадачен, он не мог понять, что же он видит. Что случилось? Они бросали в огонь последние страницы.

Александр сказал: «Что происходит?»

Старик сказал: «Ничего. Возьмите этих моих четверых сыновей, Они - четыре Веды. Это Риг Веда, это Яджур Веда, это Сама Веда, это Атхарва Веда». Александр сказал: «Но я просил книги».

Он сказал: «Они помнят каждое слово. Этим мы занимались всю ночь».

Александр спросил: «Как может человек запомнить целую книгу за одну ночь?»

Старый брамин сказал: «Вы не знаете браминов. Это наша тренировка. Все наше обучение заключается в том, чтобы настолько заострить память, что, раз прочитав что-нибудь, было бы невозможно забыть это».

Эта история попала в руки другого великого царя, Акбара, мусульманина. Он не мог поверить этому, поскольку Веды - это большие, объемные собрания. Он осведомился у своего двора: «Найдется ли кто-нибудь, кто мог бы повторить этот случай передо мной».

Вызвался один человек, который сказал: «Это ничто. Я знаю брамина из моей деревни, который может в тысячу раз больше. Это ничто». Тот человек был призван ко двору великого Акбара. А среди его окружения были ученые в области санскрита, арабского, персидского, пракрита, пали, других древних языков, ведь он сам был великим ученым и хотел, чтобы его окружали самые лучшие ученые. Было тридцать человек, знавших тридцать разных языков.

И были сделаны соответствующие приготовления; человек, приведенный из деревни, выглядел

как деревенский житель, простой брамин... Суть сделанных приготовлений состояла в том, что каждый должен был составить и держать в уме одно высказывание на своем языке. Так что было тридцать высказываний на тридцати языках. А тот человек знал только один язык - санскрит. Поэтому в эти тридцать языков санскрит не был включен.

Этот человек подходит к первому ученому; тот говорит первое слово из своего высказывания, и звучит гонг. Затем он подходит ко второму ученому, который говорит свое первое слово, и снова звучит гонг. Он снова и снова обходит этих тридцать человек: второй круг, второе слово, гонг; третий круг... пока не заканчиваются все высказывания. И после этого он повторяет все тридцать предложений... он так и сделал.

Он был, должно быть, великим компьютером. Но если компьютеры могут делать это, то почему не может ум? Если ум сумел создать компьютеры... и я пока еще не слышал о компьютере, создающем ум. Ум обладает гораздо большей силой. Вы можете тренировать его многие годы, и псевдорелигии разработали эти методы концентрации.

Запомните, концентрация не является медитацией, поскольку концентрация - это тренировка ума, а медитация - это отстранение ума.

На самом деле слово «медитация» - это неправильное слово, поскольку на Западе никогда не было ничего похожего на медитацию. На санскрите соответствующим словом является дхьяна. Такая же проблема была, когда буддийские монахи пришли в Китай; они не могли подобрать правильного слова для перевода слова «дхьяна» на китайский, поэтому они написали «дхьяна», что по-китайски звучит, как «дзана». Отсюда японский дзэн; это превращение слова «дхьяна».

«Медитация» так же дает неправильное представление, как если бы вы медитировали над чем-нибудь - как если бы это была какая-то деятельность, не сильно отличающаяся от концентрации. Вы концентрируетесь на чем-то, размышляете над чем-то, вы медитируете над чем-то, но вы всегда связаны с чем-то. А то, что есть дхьяна, - это отбрасывание всех объектов, отбрасывание всего, на чем можно концентрироваться, над чем можно размышлять, над чем можно медитировать; отбрасывается все, ничего не остается - только тот, кто концентрируется, только тот, кто размышляет.

Чистое осознание - вот что такое дхьяна.

В русском и английском языке нет подходящего слова, поэтому вы должны понимать, что слово «медитация» мы используем для обозначения дхьяны.

Дхьяна означает состояние бытия, в котором нет мысли, нет объекта, нет сновидения, нет желания, нет ничего – только пустота.

В этой пустоте вы познаете себя. Вы открываете истину. Вы открываете свою субъективность.

Это совершенное безмолвие.

Есть методы отстранения ума, как есть и методы тренировки ума. Но на Западе и, более всего, в Америке... поскольку если Запад плох, то Америка еще хуже. Я как-то просматривал американские книги - не сейчас; четыре года я не прикасался к книгам. Все книги, являющиеся

бестселлерами в Америке, так или иначе связаны с тем, как увеличить свою силу воли, как влиять на людей и победить друзей, как увеличить богатство, ум... но все они говорят о тренировке ума. Конечно, если вы тренируете ум, вы будете более конкурентоспособными, вы сможете легче исполнить свои амбиции. Вы сможете легче манипулировать людьми. Вы сможете легче эксплуатировать людей. Вы сможете использовать других людей для достижения своих целей. Фридрих Ницше написал книгу «Воля к власти». В ней — само существо всего западного подхода: воля к власти.

Воля к власти нуждается прежде всего в том, чтобы вы имели силу воли. А сила воли - это другое название для натренированности, выкристаллизованности вашего ума. Нет, эти методы не подходят. Вы должны изучать методы отстранения ума. Сила воли и так уже мощна; не делайте ее более мощной, иначе вы воспитаете своего собственного врага. Она уже выкристаллизовалась. Ваша школа, ваш колледж, ваш университет - все они сделали это.

После девяти лет пребывания профессором в университете я подал в отставку, сказав вице-канцлеру: «Я не могу делать эту работу, поскольку она разрушает людей».

Он сказал: «Что вы имеете в виду под разрушением людей? Студенты любят вас. Они не позволят вам уйти. И я не вижу, на каком основании вы говорите, что не можете продолжать разрушать людей».

Я сказал: «Вы не поймете, поскольку, хотя вы и родились в Индии, но Индии не знаете. Вы получили образование на Западе - он всю свою жизнь провел на Западе. Все эти книги, все эти психологии, которым я должен учить, я преподаю против своей воли. Я знаю, что это все принесет вред людям. Их умы уже в плохой форме, а теперь это только усиливается. Их цепи станут крепче, рабство их ума станет много сильнее».

Псевдорелигии полагаются на тренировку ума.

Первая работа настоящей религии - отстранить ум.

И, так или иначе, это очень просто. Тренировки ума очень сложны. Очень трудно подготовить ум к концентрации, поскольку он все время протестует, он все время возвращается назад к старым привычкам. Вы снова тянете его, а он убегает. Вы снова приводите его к предмету, на котором концентрировались, и вдруг обнаруживаете, что думаете о чем-то другом, что забыли, на чем концентрировались. Это нелегкая работа.

Но отстранить ум - очень просто, совсем не трудно. Все, что вам нужно делать, - это наблюдать.

Что бы ни происходило в вашем уме, не вмешивайтесь, не пытайтесь прекратить это. Не делайте ничего, поскольку, чтобы вы ни делали, это станет тренировкой.

Поэтому совсем ничего не делайте. Просто наблюдайте.

Наблюдение - это не делание. Точно так же, как вы наблюдаете восход солнца, или облака на небе, или людей, проходящих по улице, так же наблюдайте и за движением мыслей и сновидений, ночных кошмаров - относятся они к делу или не относятся, последовательны ли они или нет, - просто наблюдайте все, что проходит. А там всегда суматоха, как в час пик. Вы же

просто наблюдаете; отстраненно, безразлично, равнодушно.

Псевдорелигии не позволяют вам оставаться безразличными; вот они говорят, что алчность - это плохо. Когда приходит алчная мысль, вы вскакиваете, чтобы предотвратить ее, иначе вы станете алчными. Гнев - это плохо; если проходит гневная мысль, вы немедленно вскакиваете - вы должны изменить ее, вы должны быть добрыми и сострадательными, вы должны любить своих врагов, как самих себя. Если возникает что-то против вашего соседа... нет, вы должны любить ближнего своего, как самих себя. Все старые религии дали вам понятия о том, что хорошо и что плохо, что правильно и что неправильно, и если проходит плохое, вы, конечно, должны прекратить его. Вы должны вмешаться, вы должны вскочить и устранить это. Вы упускаете самое главное.

Я не говорю вам, что правильно и что неправильно. Все, что я говорю вам, это: наблюдать - правильно, не наблюдать - неправильно.

Я все абсолютно упрощаю: будьте наблюдательными, бдительными.

Это вас не касается - если приходит алчная мысль, дайте ей пройти; если приходит гнев, пусть проходит. Кто вы такой, чтобы вмешиваться? Зачем так отождествлять себя со своим умом? Почему вы сразу же начинаете думать: «Я жадный... Я злой»? Ведь это всего лишь злобная мысль посетила вас. Пусть она пройдет; вы просто наблюдайте.

Есть древняя история... Человек, ушедший из города, возвращается и находит свой дом в огне. А то был один из красивейших домов в городе, и человек очень любил его. Многие были готовы дать за дом двойную цену, но он никогда не согласился бы продать его; а теперь дом просто горит у него на глазах. Собрались тысячи людей, но ничего нельзя было сделать.

Огонь так сильно распространился, что если и попытаться, то спасти уже ничего невозможно. Поэтому он впадает в глубокую печаль. Его сын подбегает к нему и шепчет на ухо:

«Не беспокойся. Я вчера продал дом, и за очень хорошую цену, тройную... Предложение было таким хорошим, что я не мог ждать тебя. Прости меня».

Но отец говорит: «И хорошо, если ты продал дом за цену, в три раза превышающую его стоимость». После этого отец тоже становится наблюдателем, как и другие зеваки. Мгновение до этого он не был сторонним наблюдателем, все происходящее очень сильно касалось его. Тот же дом, тот же пожар, все то же самое, - но теперь это его не касается. Он радуется, как радуются и все остальные.

Затем подбегает второй сын и говорит отцу: «Что вы делаете? Вы смеетесь, - а дом в огне?»

Отец говорит: «Разве ты не знаешь, твой брат продал его».

Сын говорит: «Он лишь договорился о продаже, но ничего еще не оформлено. И тот человек не собирается покупать дом сейчас». Снова все изменилось. Слезы, которые исчезли, снова вернулись; улыбки больше нет, сердце сильно бьется. Сторонний наблюдатель куда-то делся. Снова все происходящее касается его.

А затем приходит третий сын и говорит: «Тот человек - человек слова. Я как раз иду от него. Он сказал: “Не имеет значения, сгорел дом. или нет, он мой. Я заплачу цену, на которую согласился. Ни я, ни вы не знали, что в доме будет пожар”». И снова отец становится сторонним наблюдателем. Снова происходящее больше не касается его. На самом же деле ничего не изменилось; только лишь мысль «Я владелец, я как-то связан с домом» и создает все различие. В следующий момент он чувствует: «Меня все это не касается. Кто-то другой купил его, я ничего не могу с этим поделать, пусть дом сгорит».

Это такая простая методология наблюдения за умом, что вам ничего не нужно делать... Большинство мыслей ума не являются вашими, а лишь мыслями ваших родителей, ваших преподавателей, ваших друзей, книг, кинофильмов, телевидения, газет... Попробуйте подсчитать, много ли мыслей принадлежат лично вам, и вы удивитесь, что вашей ни одной мысли нет. Все они не ваши, все они заимствованы - или навязаны другими людьми, или же вы сами, по глупости, взвалили их сами на себя. Но нет ни одной вашей.

Ум есть, он действует, как компьютер, буквально, как биокомпьютер. Но вам не следует отождествлять себя с этим компьютером. Если компьютер перегревается, то это не вы перегреваетесь. Если компьютер разозлится и начнет выдавать сигналы в виде какого-то неприличного слова, то это не должно вас беспокоить. Вы увидите, что что-то неправильно, что где-то неправильно. Но сами вы остаетесь отстраненными.

Просто небольшая сноровка... я никогда даже не называл отстранение ума методом, поскольку такое название все утяжеляет; я называю это сноровкой. Просто делая, вы однажды сделаете. Много раз вы будете терпеть неудачу; об этом не нужно переживать... ничего не теряется, неудачи естественны. Если вы будете просто делать, то однажды у вас получится.

Когда отстранение получилось, когда хотя бы на единое мгновение вы стали сторонним наблюдателем, тогда вы знаете, как становиться наблюдателем - наблюдателем, сидящим на холме, далеко в стороне. А весь ум пребывает глубоко внизу, в темной долине, и вам ничего не нужно с ним делать.

Самое странное свойство ума заключается в том, что, когда вы начинаете за ним наблюдать, он начинает исчезать. Как свет рассеивает тьму, так и наблюдение рассеивает ум - со всеми его мыслями, со всеми его приспособлениями.

Итак, медитация - это просто наблюдение, осознание. И то, что открывается при медитации, не имеет ничего общего с измышлением, выдумыванием. Медитация ничего не измышляет; она просто открывает то, что есть.

А что же есть? Вы входите и обнаруживаете бесконечную пустоту, так потрясающе красивую, такую безмолвную, такую полную света, благоухания, словно вы вошли в царство Божье.

Я так и называю это - вы вошли в божественное.

И, раз побывав в этом пространстве, вы выходите оттуда совершенно новым человеком, новой личностью. Теперь вы нашли свое подлинное лицо. Все маски исчезли.

Вы вернетесь в тот же самый мир, но ваша жизнь будет уже другой.

Вы будете жить среди тех же самых людей, но относиться к ним будете иначе, будете иметь к ним другой подход.

Вы будете подобно лотосу: в воде, однако совершенно воды не касаясь.

Религия – это открытие цветка лотоса внутри вас.

БЕСЕДА 20

ПРОСВЕТЛЕНИЕ СФАБРИКОВАТЬ НЕЛЬЗЯ

18 ноября 1984

Бхагаван, являетесь ли Вы учителем мира?

Прежде всего, я даже не школьный учитель, не преподаватель, а вы спрашиваете, являюсь ли я учителем мира.

Но эта глупая идея - быть учителем мира - является очень древней в Индии. Шанкара, Рамануджа, Валлабха, Нимбакара, сотни других людей на протяжении веков провозглашали себя учителями мира. Странно... они никогда не выходили даже за пределы своих маленьких государств, не то чтобы ходить по всей Индии. Они ничего не знали о мире, но провозглашали себя учителями мира.

Мир о них ничего не знает. Мир не признает их. Как они могут быть учителями мира? Но они нашли тому логическое обоснование, и все приняли это обоснование. Таким обоснованием стало следующее: всякого, кто побеждает в споре по теологическим, философским вопросам, в интерпретации так называемых священных текстов, всякого, кто побеждает в таких состязаниях, проигравшая сторона признает своим учителем. И тогда победитель идет по всей стране, вызывая на состязание всякого, кто претендует на звание учителя мира. Победенный, конечно, вынужден признать победителя учителем мира. Победенный должен следовать за победителем в качестве ученика.

Эти люди использовали простые лингвистические, логические дискуссии для решения вопроса о том, кто является учителем мира. Но выиграть в логическом споре - это детская игра. Вам можно не иметь никаких переживаний, вам просто нужно быть хорошим логиком. Вы можете ничего не знать о том, что есть истина, вы просто хорошо умеете спорить. Это совершенно различные свойства.

В Греции такие люди назывались софистами. С течением времени они были осуждены; но вначале они были такими же уважаемыми, как и учителя мира в Индии. Работой софистов было спорить и учить, как спорить. А ведь аргументирование - это просто игра, совсем как шахматы. Она не имеет ничего общего с истиной. Еще никто не достиг истины с помощью аргументации. Да, вы можете победить кого-то. Вы можете даже победить человека, имевшего переживание. Если вы достаточно ясно выражаетесь и себе в поддержку можете призвать язык и логику, то это нетрудно. В то время, когда Сократ вышел на греческую сцену, софисты там были повсюду. Именно Сократ был тем, кто осудил софистику. Он сказал: «Я могу спорить от лица любой из сторон. Скажите, на какой стороне мне быть: на стороне Бога или против Бога, - я могу спорить

от лица любой из сторон и выиграю спор». И он показал это. Он спорил от лица обеих сторон и побеждал на стороне и тех и других. И он первым сказал: «Какой смысл во всей этой аргументации?»

Я все это знаю, поскольку так случалось и со мной. Когда я был студентом университета, я любил только одну игру, и этой игрой был спор. Я ненавидел все другие игры, поскольку все они казались мне очень детскими. Если вы знаете искусство спора, то нет игры, которая могла бы сравниться с ним. Я переезжал из одного университета в другой для участия в дебатах, в состязаниях по ораторскому искусству.

Это случилось в университете Наджпура... Обычно выходили два человека: я и еще один человек; один из нас был за, а другой против того предмета, который выставлялся в качестве объекта спора. В тот раз человек, который должен был выступать против предмета спора, неожиданно заболел. Было уже пора отправляться в университетскую аудиторию, а у него вдруг случилось расстройство желудка. Он сказал: «Невозможно; я не могу справиться с этим, я не могу идти, я не продержусь в аудитории и пяти минут, как вынужден буду бежать в туалет... Как я пробуду там непрерывно три или четыре часа? И никто не знает, когда наступит наша очередь... невозможно».

Поэтому я сказал: «Не беспокойся. Об этом позабочусь я».

Он сказал: «Как ты собираешься позаботиться об этом?»

Я сказал: «Увидишь».

Я должен был выступать за предмет спора. Это было моим постоянным подходом, кто бы ни выступал против меня... Состязание прежде всего проводилось среди колледжей-участников - нужно было победить во всех таких состязаниях, - затем состязание проводилось в рамках университета, нужно было выиграть и его. Потом от каждого университета выбиралось по одному человеку. Они решали, кто из них будет за, а кто против. Это всегда было большой проблемой, поскольку люди, естественно, хотели выступать на более сильной стороне.

Для меня это никогда не было проблемой. Я всегда говорил: «Выбирайте себе сторону, какую хотите, оставшаяся будет моей».

«Но, - говорили они, - так не бывает. Мы должны тянуть жребий, кто за, кто против, или пойдём к вице-канцлеру, чтобы он решил. Тебе все так просто, ты даешь нам возможность выбирать. В чем тут секрет?»

Я говорил: «Секрета нет. Если вы знаете, как спорить, то не имеет значения, о чем спорить. Если вы не умеете спорить, тогда тоже не имеет значения, о чем спорить».

В тот раз я выступал за. Я высказался, и настала очередь моего противника; его имя было Карл. Я встал и прошел на противоположную сторону. Председательствовал вице-канцлер Наджпурского университета. Он сказал: «Что! Вы только что высказались за и теперь выступаете против?»

Я сказал: «Что поделаешь? Человек, которому следовало выступать против, страдает от поноса.

Это не моя вина, а выступать снова для меня не проблема».

«Но, - сказал он, - только что вы выступали “за”». Я сказал: «Да, я высказался “за”. Теперь послушайте мое выступление “против”. Забудьте, что я - один и тот же человек. Зачем беспокоиться о личности выступающего? Нужно выслушивать аргументы. Вас не должно касаться, кто именно спорит, вас должна затрагивать аргументация». Он сказал: «Хорошо».

Я высказался против. И выиграл оба приза. Выступление «против» принесло мне первый приз, выступление «за» - второй. И я сказал вице-канцлеру: «Посмотрим, что вы скажете сейчас? Конечно, когда я спорил вместо другого человека, я старался сделать все, как можно лучше. Когда я спорил от себя, я прекрасно знал, что стану первым, и нечего было беспокоиться. Но сам я ни “за”, ни “против”. Я абсолютно нейтрален. Это просто игра, а вы воспринимаете ее так серьезно».

Вот это и сделал Сократ в Греции. И софистика благодаря Сократу... Понимание, переживание, осознанность одного человека осудили все движение софистики, - а это было движение с почти тысячелетней историей. Софисты были очень уважаемыми людьми: цари посылали своих сыновей изучать софистику.

Функцией учителя было научить тому, как спорить за любую из сторон и при этом выигрывать. Его не заботила истина. Его заботой была победа, завоевание. Сократ осудил софистику; он сказал, что подход в споре не должен заключаться в завоевании, в достижении победы. Подход должен заключаться в познании истины. А вы даже имя истины используете для удовлетворения своего эго.

Однако в Индии такая софистика продолжалась вплоть до настоящего времени. Конечно, при этом она не называлась софистикой. Само это слово прекрасно; оно происходит от слова софия, что означает мудрость. Но софистика не была мудростью. То, что происходило под именем мудрости, было просто глупостью, игрой, но не поиском истины.

До Сократа софисты были очень уважаемыми, но после него само это слово стало предосудительным. Сократ доказал это так основательно и окончательно, что после него на Западе игра в софистику полностью прекратилась. Философы продолжали спорить, но их споры были не ради победы, но ради открытия, а это совершенно иная позиция.

В Индии же это продолжалось до настоящего времени. Там все еще есть джагадгуру - джагадгуру означает учитель мира; учитель мира - это прямой перевод слова джагадгуру. И вы удивитесь, как много в Индии учителей мира. Каждый шанкарачарья является учителем мира, поскольку изначальный Шанкарачарья был действительно софистом. Он ходил по стране тысячу лет назад и побеждал всех известных, уважаемых философов и ученых; он победил всех, кто вызывался спорить с ним, от одного конца страны до другого. Его ученики написали книгу Шанкара-Диг-Виджайя - завоевание мира Шанкарой. Но то был их мир. Он победил буддистов, джайнов, атеистов, других толкователей Вед и стал самым знаменитым учителем мира. А мир ничего не знает о нем.

Но как лягушка в маленьком колодце думает, что это целый мир, так и для Шанкары Индия была целым миром. За пределами Индии люди не были настоящими человеческими существами. Приговор, вынесенный Шанкарой, был точно таким же, какой выносила Индия на протяжении

десяти тысяч лет: за пределами Индии живут недочеловеки, Индия - избранная страна, избранная раса, арии.

Адольф Гитлер получил идею об арийцах, ариях, из Индии. Из Индии он получил и символ - свастику на флаге. Это индийский символ, один из древнейших символов Индии, и слово «ариец» - индийское. И в основном все европейцы произошли от той же расы, что и индийцы. Это доказываются их языками: немецкий, английский, французский, итальянский, испанский, датский, шведский - все они имеют свои корни в санскрите. От тридцати до семидесяти процентов их слов выводятся от санскритских корней. Это просто означает, что изначально все эти люди произошли от одной расы.

Поэтому немцы являются ариями, арийцами. Но идея о том, что арии - избранный народ, пришла из Индии. Вот почему в Индии к Адольфу Гитлеру была очень большая симпатия - здесь две причины: Индия была против британцев, они ведь поработили ее на три столетия, эксплуатировали ее; а Адольф Гитлер пообещал, что Индия будет родиной ариев. Поэтому один из величайших индийских лидеров, Сабах Чандра, бежал из Индии, добрался до Германии, и Адольф Гитлер никого так не встречал и не приветствовал, как Сабаха. А ведь он был никем - он бежал из британской тюрьмы.

Стоит вспомнить то, что сказал Адольф Гитлер, принимая Сабаха Чандру. Он сказал: «Я лидер небольшой группы ариев. Этот человек, Сабах Чандра, пришел из изначальной родины ариев. Я представляю лишь маленький фрагмент; он представляет целую арийскую расу. Воздадим ему уважение, которого он заслуживает». Адольф Гитлер послал Сабаха в Японию, чтобы убедить японцев начать атаку с другой стороны.

Идея о том, что вы особенные, нуждается в каком-то доказательстве, и аргументация является весьма изощренным способом доказательства. Меч не является таким уж изощренным способом доказательства вашей правоты, но аргументы в споре таковыми являются. Внешне все выглядит очень культурно, но глубоко внутри игра-то та же самая: то же самое эго, то же самое заблуждение. Очень жаль, что в Индии не было Сократа. Я встречался с этими учителями мира, они настолько укрепились в идее, что они - учителя мира, что это звание стало наследственным. Когда умирает один шанкарачарья, он пишет завещание в пользу того, кто будет его преемником. Этот преемник становится учителем мира... не победив в дебатах ни единого человека. Я дискутировал со многими этими учителями мира. Они полностью забыли, что такое спор.

Мне вспомнилось... У меня был конфликт с одним джагадгуру, с одним учителем мира - то был мой первый конфликт с шанкарачарьей - на всемирной религиозной конференции. Он рассказывал простую историю, очень простую историю, которой я до того пользовался много раз. У меня нет ничего против этой истории; история красива и существенна для объяснения одной истины. И вопрос не в истине, а в том, как он говорил, что он учитель мира...

Он рассказывал историю. Может быть, вы слышали: десять слепых людей перебираются через реку, держась за руки. Когда они добрались до другого берега, один из них сказал: «Лучше пересчитаться. Мы слепые. Вдруг кто-нибудь остался в реке, течение сильное. Кого-нибудь могло унести, давайте пересчитаемся».

Поэтому они начали пересчитываться. Попробовал один - получилось девять, он ведь начал

считать с человека, стоявшего рядом, исключив себя. Конечно, он дошел до цифры девять. Попытался второй... снова девять. Тогда они очень испугались, один человек потерялся. Попытался третий, снова девять; результат один и тот же. Человек потерялся.

Один человек, сидевший в стороне, наблюдал все это событие. Он рассмеялся над глупостью этих слепых. Он подошел к ним поближе и сказал: «В чем проблема? Почему вы плачете и рыдаете?»

Они сказали: «Мы потеряли одного из наших друзей. Нас было десять, а теперь только девять. Одного унесла река».

Тот человек был, как кажется, очень несерьезным, жизнерадостным. Он сказал: «Давайте сделаем одну вещь. Встаньте в линию и пересчитайтесь так, как я скажу вам. Одного из вас я ударю по голове, и он скажет “один”, потом ударю два раза по голове второго, и он скажет “два”. Затем я ударю три раза по голове третьего человека, и он должен сказать “три” ...»

Они сказали: «Совершенно правильно». И, конечно, их оказалось десять. Они все пали в ноги тому человеку и сказали: «Ты спас нас».

Это древняя история из самого, может быть, древнего собрания историй, из Панча Тантры. На Западе известны басни Эзопа; эти басни - истории из Панча Тантры. Все истории Эзопа очень древние - на самом деле никогда не было такого человека, как Эзоп. Панча Тантре по крайней мере пять тысяч лет. Она включает все басни, которые были у Эзопа, и много, много других.

Будда любил объясняться посредством басен, он брал их из Панча Тантры. Когда на Западе люди начали постепенно узнавать о Будде, первым именем для Будды стало Бодхисат. А где из Бодхисат это имя превратилось в Эзопа, пока не известно. Но это имя Будды, превратившееся в Эзопа. Все басни Эзопа встречаются у Будды.

Этой басни среди басен Эзопа нет. Она одна из самых значительных. На протяжении пяти тысяч лет мудрые люди рассказывали ее: «Запомните, вы должны начинать считать с себя, вы первые, и вы несете самую главную ответственность. Запомните, что у другого человека второй номер. Другой человек никогда не станет первым номером, у него нет такой возможности. И тот другой доступен вашему взору, вашим чувствам. Этот другой человек - объект, стоящий вовне, видимый, осязаемый, а вы - вы внутри, там, куда не достигают ваши чувства. Поэтому есть все возможности к тому, чтобы забыть себя, не пересчитать себя».

Я сам пользовался этой историей много раз. Но в тот день она была предметом спора, шанкарачарья рассказывал ее с надменным видом; я вынужден был встать и сказать: «Вся эта история абсурдна». Там было, самое меньшее, пять тысяч человек. Это был шок. В то время я был еще совершенно неизвестен в Пенджабе. Это было мое первое посещение Пенджаба. А пенджабцы и сикхи... это опасные люди, и бросить вызов их джагадгуру...

Наступила мертвая тишина. Джагадгуру сказал - он, должно быть, и не думал, что кто-нибудь может доказать абсурдность этой истории; за пять тысяч лет ни у одного человека она не вызвала вопросов - он сказал: «Подойдите к микрофону и докажите, что эта история абсурдна».

Я сказал: «Это так просто, что не требует доказательств. Как эти люди узнали, что их было десять? Они, должно быть, пересчитались до того, как вошли в реку. А если они могли правильно пересчитаться до вхождения в реку, то странно, что после выхода из реки они забыли, как сделать это. Скажите мне, как они узнали, что их было десять».

Теперь был шокирован он. Как они узнали? Если их пересчитал кто-то другой, то и в этом случае они бы знали, как это делается. Теперь они знают — нужно получить от человека удар по голове - теперь они знают, в чем была ошибка: они не считали себя. Если их пересчитывал кто-то другой, то они тоже бы знали, как это делается. Если они знали сами, как считать, то что произошло в этой маленькой речке - их арифметические способности унесло вместе с потоком? Я сказал: «Сначала вы должны ответить на этот вопрос, иначе вся эта история абсурдна».

Он не смог ответить. Он начал трястись. Он был старым человеком, через три месяца он умер. Он так разгневался, что я сказал людям: «Посмотрите, как он разгневан. Вся эта мудрость, этот покой, это молчание - куда они исчезли? Вместе с арифметикой этих десяти слепых? Он одиннадцатый слепой!»

Он пришел в такое неистовство, что если бы остался там на сцене, то мог бы сказать что-нибудь, или сделать что-нибудь, или напасть на меня, поэтому он просто бросился прочь со сцены. Я сказал: «Посмотрите, он бежит. И это ваш джагадгуру, учитель мира. Он не может объяснить простой истории, которую сам рассказал, - что же говорить о других вещах!» Но вот таким именно образом и действует софистика. Она может доказать все, что угодно, как правильное, она может доказать все, что угодно, как неправильное.

В Джабалпуре, где я провел по крайней мере двадцать лет, был один шанкарачарья, джагадгуру, учитель мира, и он жил поблизости от меня. Время от времени я, бывало, изводил его. Всякий раз, когда я видел у него людей, я приходил к нему. Как-то раз, когда я пришел к нему, он сказал: «Сегодняшнее собрание распускается».

Я сказал: «Распускаете вы собрание или нет, меня вы распустить не можете. Я собираюсь остаться и немного поспорить с вами». Я сказал ему: «Никто в мире вас не знает, - а вы все же называете себя учителем мира? Есть ли у вас для этого какие-нибудь основания?»

Он сказал: «У меня нет никаких оснований, но я не поднимаю таких вопросов на публике. Они не поймут».

Я сказал: «Да, они не поймут из-за таких людей, как вы, которые не дают ходу правильным вопросам. Это правильный вопрос. Вы знаете, что мир о вас ничего не знает, что мир не воспринимает вас как учителя». Я сказал ему: «Последуйте моему совету, и я дам вам надежные основания».

Он сказал: «Что это за надежные основания? Я готов следовать вашему совету».

Я сказал: «Просто сделайте одну вещь. У вас есть один ученик, который постоянно служит вам, - тот был почти как слуга - так вот, измените его имя».

Он спросил: «Но как это может помочь?»

Я сказал: «Только послушайте. Назовите его Джагат, мир. Джагат - очень распространенное в Индии имя, вот и назовите его Джагат, а вы, конечно, являетесь его гуру, учителем; назвав его Джагат, вы локально станете джагадгуру».

Он сказал: «Это правильно. Тогда никто не сможет меня упрекнуть в том, что я называюсь джагадгуру».

Эти дураки... но в начале этого столетия одно из самых ложных религиозных движений в мире принесло на Запад эту идею. Этим движением была теософия. Теософия была мировым движением, и она перевела слово «джагадгуру» как учитель мира. И точно так же, как евреи ожидают мессию, так и буддисты ожидают пришествия Будды. Его имя будет Майтрея, друг. И сейчас то самое время, предсказанное Буддой, «...когда я вернусь». Так что теософское движение воспользовалось благоприятной возможностью. Теософия представляет собой смесь всех религий: христианства, мусульманства, буддизма, джайнизма, индуизма; они собрали из всех религий все то, что представлялось им хорошим, достойным. Но иногда при этом может получиться самая идиотская вещь. Вот красивый нос, отрежьте его. Чьи-то глаза прекрасны, возьмите их. У кого-то красивые руки, отрубите их. Вы собираете все эти конечности от различных людей и складываете их вместе. Вы что думаете, получите самого прекрасного человека в мире? У вас будет просто труп, а не то что живой человек. И нос, который выглядел прекрасно на одном лице, может оказаться совсем не таким красивым в новой комбинации. Глаза, выглядевшие красиво с одними волосами, с волосами одного цвета, у другого человека могут оказаться совсем некрасивыми.

Этот собранный человек мертв, и все части его разобщены; нет нити, которая могла бы связать их. Вот что такое теософия. Она взяла все красивое ото всех возможных мест. Они проделали огромную работу. И когда они натолкнулись на идею о том, что сейчас то самое время, когда должен прийти Будда, они начали - ведь только в этом случае их религия будет иметь твердые основания. В противном случае это всего лишь работа досужего ума: одни ученые потрудились над джайнскими источниками, другие - над буддийскими источниками, еще одни - над индусскими источниками.

А потрудиться даже над одним источником - это большая работа. Так много буддийских книг, так много джайнских книг. Эти источники не так бедны, как христианские - одна только Библия. Они не так бедны, как мусульманские - один только Коран. У этих источников тысячи книг, и комментарии к этим книгам, и потом комментарии к комментариям, и комментарии к комментариям к комментариям. На протяжении столетий... одна книга могла порождать серии из тысяч комментариев, один комментарий на другой. Найти наилучшую часть совсем не просто, но теософы потрудились потрясающе.

У них в Адьяре - городе, расположенном в индийском штате Мадрас, - одна из самых ценных библиотек, где они собрали всевозможные источники по вопросам религии. Они нашли и обработали даже те религии, которые давно исчезли и не имеют последователей. Если они были не в состоянии найти подлинные источники, они добывали сведения из других религий соответствующей эпохи, ведь эти религии постоянно спорили между собой. Одна религия могла исчезнуть, но ее аргументация подбиралась какой-нибудь другой религией того времени, которая была еще жива. Они собирали из этих источников, из вторичных источников, и накопили огромную литературу. И они собрали по всему миру огромное число последователей, поскольку люди уже насытились старыми религиями. Было очень привлекательным то, что они

взяли самую существенную сердцевину от каждой религии и создали таким образом теософию: тео означает Бог, софия означает мудрость - мудрость о Боге.

Но если бы у них не оказалось основателя, подобного Гаутаме Будде, Иисусу Христу, Кришне, Махавире, Мухаммеду, авторитетного человека, который мог бы исходя из своего собственного переживания сказать, что это так... то они остались бы лишь учеными. Ученые могли сказать: «Это написано в такой-то книге, на такой-то странице». Но у них самих не было переживания. Так что у этой религии не было основания. Поэтому теософы начали искать кого-нибудь, кого можно было бы объявить джагадгуру, учителем мира. Вот так выражение учитель мира попало в английский язык как перевод слова «джагадгуру».

Они готовили основателя среди маленьких мальчиков. Они искали гениев, и всякий раз, когда находился мальчик, казавшийся очень талантливым, интеллектуальным, имевшим потенциал... они спрашивали себя, можно ли его подготовить и сформировать так, чтобы он стал тем самым. Это был странный эксперимент, никогда не проводившийся ранее. Буддами рождаются, ими не становятся. А вот они впервые пытались сделать Будду. Наш век привык к вещам, готовым для употребления. Поэтому они старались сделать Будду «на заказ». Конечно, они не были уверены, что из этого конкретного человека получится, или не получится, основатель, поэтому они проводили эксперимент по крайней мере с пятью людьми, о которых я знаю. Может быть, они испытывали большее число...

Один из них - Дж. Кришнамурти. Вторым был Нитьянанда, старший брат Дж.Кришнамурти. Третьим был англо-индиец, четвертым - цейлонец, и пятым был также индиец. А шестым был немец! И они пытались их готовить, применяя суровую тренировку и дисциплину. От слишком интенсивной подготовки Нитьянанда умер. Он был хрупким человеком, недостаточно сильным, а они готовили его в соответствии со всеми законами своей религии. Другой бы сошел с ума, он же предпочел умереть. Он умер только лишь от тренировок — ведь нужно было спать только по три часа в сутки, три раза в день нужно было принимать омовения, нужно было есть определенную пищу, а не все подряд; нельзя было общаться с женщинами, касаться женщин или даже разговаривать с ними - все это были различные виды подготовки.

Чтобы убить вас, достаточно и одной религии, а они собрали все религии. И мальчики были маленькими: Кришнамурти было девять лет, когда они взяли его, Нитьянанда - одиннадцать. Они обычно совершали омовения в реке Адьяр недалеко от главного местопребывания теософского движения. Рядом жил их отец, который был бедным человеком; мать их умерла, и отец испытывал большие трудности, потому что должен был целыми днями работать в качестве клерка и после этого заботиться о двух маленьких детях, готовить им еду, отправлять их в школу. И он как раз искал какую-нибудь возможность получить помощь для своих детей.

И помощь пришла от Бога. Лидбитер, человек, который был одним из лидеров теософов и о котором думали, что он способен узнавать будущее... Но это оказалось совершенно не так, потому что все пятеро, которых он выбрал, так или иначе потерпели поражение. Он каждый день видел этих мальчиков и понял, что они могут быть потенциальными жертвами. Он предложил их Анни Безант, которая была президентом мирового теософского движения.

Это было очень похоже на Иоанна Крестителя, который говорил: «Я пришел лишь для того, чтобы подготовить почву для мессии, который придет. Не мое дело передать вам послание. Мое дело подготовить почву для того, чтобы, когда придет мессия, вы смогли узнать его, и понять

его, и следовать за ним». И когда Иисус пришел, Иоанн перекрестил его и сказал его людям: «Теперь мессия пришел. Мое дело окончено, теперь он примет его на себя, а я удаляюсь в пустыню». Он, конечно, не смог отправиться в пустыню - он был схвачен римлянами и обезглавлен; брошен в темницу и обезглавлен, поскольку был самым страстным человеком. Его слова всегда были полны огня. Он был в полном смысле слова пророком и к тому же революционером.

Теософы говорили: «Наша функция - подготовить почву. Вскоре придет мессия, Майтрея, друг всех, воплощение Гаутамы Будды, учитель мира, и он преобразует весь мир». Та же самая идея: спасение, избавление, преобразование всего мира; его приход просто необходим. Он уже в пути.

Они не объявили мессией никого, потому что они сами не были уверены, что получится из этих шестерых. Один умер. Если бы они объявили его; а он был гораздо более разумным, чем Дж.Кришнамурти... Если бы им нужно было выбирать из этих двоих, они выбрали бы Нитьянанду, но он вовремя умер, до того, как они смогли заставить его стать учителем мира. Другой, Радж Гопал, еще один индеец, оказался посредственностью. Они сами увидели, что его нельзя объявлять учителем мира. Самое больше, он мог быть помощником учителя мира, но не самим учителем мира.

Немецкий парень, видя, что они все больше и больше склоняются на сторону Кришнамурти... Кришнамурти после Нитьянанды был, конечно, первым кандидатом. Немецкий парень, видя, что они склоняются к выбору Кришнамурти, немедленно откололся от группы и объявил в Германии новое движение - антропософию. Теософия означает... тео означает Бог, софия означает мудрость. Антропософия означает... антропо означает человек, софия означает мудрость. Он сказал: «Бог и все разговоры о Боге абсурдны, бессмысленны. Мы должны думать о человеке, мы должны открывать мудрость, спрятанную в человеке». Таким образом, немецкое теософское движение превратилось в антропософское.

Лидбистер, о котором думали, что он знает будущее, прежде всего не знал, что Нитьянанда умрет и не стоит зря терять на него время, - а они потратили на него двадцать лет, - не знал, что этот немецкий парень расколует движение, что не стоит тратить зря время, поскольку Радж Гопал окажется посредственностью... Цейлонца забрали обратно его родители.

Даже отец Кришнамурти пытался взять его обратно, и это дело слушалось в высшем суде Мадраса. Поскольку, когда отец услышал, что происходит там, - один мальчик убит... Он отдал своих мальчиков, думая, что они получают хорошее образование, станут кем-то; сам он ничего не мог сделать для них. Теперь один мальчик убит; другой еще там, они убьют и его; это странные люди, что творится у них, не известно никому постороннему...

Кришнамурти было запрещено даже встречаться с отцом, поскольку учитель мира должен быть выше всех привязанностей; у него нет отца, нет матери. Точно так же ведет себя Иисус по отношению к своей матери. Мать приходит повидаться с ним, услышав, что он проповедует в городе и там собралась толпа. Кто-то из толпы говорит: «Иисус, вон стоит твоя мать, она хочет повидаться с тобой». Как неприятно выглядит то, что говорит Иисус: «Скажите этой женщине, что у меня нет матери. У меня только отец - тот, что на небесах».

Тому же они учили и Кришнамурти. В конце концов отцу не оставалось ничего другого, как пойти в суд и сказать: «Мой сын должен быть возвращен». Но в Индии тогда правила британцы

- кто стал бы слушать бедного индийского клерка? А Анни Безант была очень влиятельной женщиной - влиятельной в Англии, влиятельной в Индии, влиятельной во всем мире. Джордж Бернард Шоу хотел жениться на ней. Она отказала; он был ниже ее. Она была президентом Индийского национального Конгресса. Хотя по национальности она была англичанкой, ее так уважали в Индии, что избрали президентом Индийского национального Конгресса, несмотря на то, что Индийский национальный Конгресс боролся против Британии. И она же была президентом мирового теософского движения.

Поэтому, естественно, ему было очень трудно. Дело все длилось и длилось, переходило из одного суда в другой, из высшего суда в верховный. Из верховного суда Анни Безант взяла дело в тайный совет, находившийся в Лондоне. Это было очень ловким шагом. После верховного суда в Индии это была последняя надежда.

Тайный совет находился в Англии; она взяла дело туда, и, поскольку теперь дело должно было слушаться в Англии, она забрала туда и Кришнамурти. Раз он находился вне Индии, индийские законы были неприменимы к нему. И еще у него был британский паспорт, тот самый, который дала ему Анни Безант. Анни Безант сделала его британским гражданином, поэтому законы Индии не распространялись на него.

Кришнамурти собирались объявить учителем мира. Были сделаны большие приготовления. В 1925 году в Голландии была созвана всемирная конференция всех теософов. На это великое событие собрались шесть тысяч представителей со всех стран мира. Кришнамурти собирался объявить себя учителем мира, и немедленно должно было начаться великое преобразование мира.

Но Кришнамурти так устал от этих теософов. Они были отвратительны ему настолько, насколько это только возможно. И то, что они задумали, не было его желанием - оно было навязано ему насильно. От его имени другими писались книги, а он должен был подписываться под ними; он должен был быть объявлен учителем мира, поэтому предварительно ему нужно было проявить некоторую мудрость. Так что есть книга «У ног Учителя», про которую Кришнамурти не помнит, что он когда-либо писал ее, а между тем это одна из лучших книг, произведенных теософией. Это редкая книга, шедевр; это, должно быть, работа Лидбитера, поскольку он был искусным писателем, искусным оратором, или, может быть, это результат объединенного труда многих людей.

Эта книга сама по себе имеет огромную ценность. Кто ее написал, не имеет значения. Но Кришнамурти даже не помнит. Он говорит, что... три часа сна - и целыми днями он падал от желания спать... они распевали мантры и читали тибетские и китайские священные тексты, объясняли ему их смысл, а его тут как бы и не было вовсе... Он пребывал почти в состоянии зомби. Они получали его подпись везде, где им было нужно.

Он хорошо отомстил им. В первый день конференции он встал и объявил: «Я вовсе не учитель мира, и я распускаю организацию, созданную для меня». Специально для учителя мира была создана особая организация «Звезда Востока», ветвь теософского движения. Она должна была иметь учреждения по всему миру, секретарей, фонды, земли — все, в чем нуждался Кришнамурти, как учитель мира. Ему жертвовались замки, дворцы - и всю эту ветвь из тысяч человек он распустил. Он вернул все замки и все дворцы их владельцам и сказал: «Я покончил с этим». Лидбитер снова потерпел провал.

И почему Кришнамурти так ожесточился против идеи учителя мира? Эти теософы формировали его. То была непрерывная пытка. И вот в первый раз он смог свободно заговорить перед мировой аудиторией; теперь они ничего не сделают ему. Анни Безант разрыдалась. Но что теперь можно было сделать? А ведь он до последнего мгновения говорил: «Да, да», - а в последний момент повернулся на сто восемьдесят градусов и сказал: «Нет, я ничей не учитель».

Теософы, должно быть, по-настоящему мучили его - для его же собственного блага. На нем все еще есть шрамы, они не излечиваются. Кришнамурти все еще не излечен. Он все еще гневается на тех людей, уже давно умерших. Ни одного из них уже нет в живых. Но он все еще несет в себе следы тех лет, что провел с ними... с девяти до двадцати пяти лет, это было слишком много, ведь они пытались впихнуть в него всю мудрость мира. Мудрость таким путем не приходит. Они впихивали в него, заставляли его, старались, чтобы он все запомнил, и он делал все, что они ему говорили, ведь он был в их руках. Все это вместе привело к бунту - шрамы были так глубоки, так глубоки были раны.

Мне жаль его. То, что делали теософы, не имеет сейчас особой важности. Они все умерли, все мертвы уже как минимум сорок лет. Теософское движение исчезло, у него нет почвы. Мне жаль Кришнамурти. Если он не сможет избавиться от этого гнева, от этой ярости, то его раскрытие не будет полным. Он должен выбраться из этой ловушки. Это всего лишь память, но он попался в память, как в ловушку. Без этого он потрясающе разумный человек. Но память окружает его со всех сторон; что-нибудь напомнит ему прошлое, и у него немедленно портится настроение.

Как-то раз случилось так... мои санньясины ходят послушать его. Если у меня спрашивают, я говорю: «Конечно, можете идти. Можете идти, куда захотите. Если вы не спрашиваете у меня, какое кино вам посмотреть, то почему спрашиваете, кого пойти слушать? Идите, особенно к Кришнамурти, идите и садитесь впереди». Они не знают, почему я говорю: «Садитесь впереди». Когда в первый раз в Бомбее несколько моих санньясинов отпрашивались у меня, я сказал: «Идите и садитесь впереди». Они сказали: «Но почему?» Я сказал: «Это я скажу вам позже».

Они пошли и сели впереди, заняли весь первый ряд, и в тот момент, когда Кришнамурти увидел красное и оранжевое, цвета санньясинов... он так разгневался и начал выступать против санньясы, против Учителя и учеников. Санньясины были потрясены. Что случилось? Он собирался говорить о чем-то другом; он забыл обо всем и говорил только об этом. И с тех пор такое случалось повсюду, поскольку теперь мои санньясины есть везде. Куда бы он ни отправился, он находит моих санньясинов и ведет себя, совсем как бык; вы показываете красное, и немедленно, завидев красных санньясинов, он становится подобным слону в посудной лавке. Он теряет над собой контроль. Он забывает, против кого он говорит.

Эти люди ничего не сделали ему. Я ему ничего не сделал. Но люди, о которых он думает, были его учителями, людьми, ради которых, как его учили, он должен самоотречься, по отношению к которым он должен быть учеником, которым он должен подчиняться во всем. Их духи все еще преследуют его. Если он не избавится от этих духов, он не сможет расцвести полностью. Тогда что-то внутри него будет оставаться привязанным к мертвому, к прошлому. А человек, привязанный к прошлому, к мертвому, не может быть полностью живым. Он несет так много мертвого груза, что не может видеть настоящее, он не может видеть ничего другого.

Я - не учитель мира. Я вовсе не учитель, поскольку я ничему не учу.

Обучение означает формирование. Обучать означает давать вам определенную доктрину. Обучение означает слова, идеологии, философии.

Я не даю вам ничего. Все, что я делаю, - это пытаюсь разрушить все, что вы, быть может, собрали где-то. Вы могли взять от меня, ведь вы — все еще собиратели. Как к магниту, вещи все время цепляются к вам, они идут к вам ото всех направлений, а я хочу разрушить это состояние постоянного накопления хлама. Но это трудно.

В тот день, когда я объявил о создании Самбодхи Сансад, Совета Просветленных, я огласил и несколько имен, также в качестве шутки. Но люди так глупы. Я огласил имя Сомендры, сказав, что он просветленный, хотя он и не санньясин больше. И вы знаете, что случилось? В точности то, что я и предполагал, что предсказывал. Он немедленно написал письмо... вдруг я стал «Возлюбленный Бхагаван». «Это случилось, - в письме снова и снова повторялось только одно, - это случилось».

Просветление не приходит таким путем. Это не Восточное стандартное время. Это случается, и даже очень просто: двести пятьдесят долларов и два уикенда - и это случится. Как это случилось Вернеру Эрхарду. Он, должно быть, был индийским гуру, делающим большой бизнес в Калифорнии. И это случилось ему. Посмотрев на его имя, можно подумать, что он немец: Вернер Эрхард. Но это не так, он еврей. Он изменил свое имя - хороший ход, только евреи могут так. Если вы еврей, кто будет слушать вас? И слышал ли кто-нибудь, чтобы еврей стал просветленным? Он изменил свое имя. Бросил семью, жену, отца, мать, сбежал оттуда. И, конечно, Калифорния - то самое место, чтобы это случилось. И с тех пор это случается с любым и каждым. Когда вы заплатили двести пятьдесят долларов, нельзя сказать, что этого не случилось. Выглядело бы глупо - зачем тогда вы платили двести пятьдесят долларов?

Сомендра поступил точно так же... немедленно письмо:

«Это случилось, это случилось». И как я ожидал... он написал также письмо Тиртхе, спрашивая: «А с тобой это случилось или нет?» Ведь он постоянно состязался с Тиртхой, это состязание беспокоило его. Он вышел из санньясы не по какой-либо иной причине, а из-за состязания с Тиртхой. Он хотел быть каким-нибудь образом выше Тиртхи.

И он пытался добиться этого всеми возможными способами. Но когда он не смог справиться... Поэтому за той же датой отправилось письмо и к Тиртхе: «Случилось ли это с тобой или нет?» А я сознательно не включил Тиртху в Совет Самбодхи. Я ожидал этих двух писем. Удостоверения о просветлении не требуется - кто слышал о таком? Никогда в истории просветление не случалось путем получения удостоверения о просветленности. А дураки поверили немедленно. В конце концов, дураки есть дураки.

И помните, я говорю не только о Сомендре, это обо всех вас, о каждом. Помните, это играет в очень утонченные игры. Игры так тонки, их работа иногда так деликатна. Она почти как нейрохирургия - может быть, еще тоньше. Если при операции на мозге у нейрохирурга дрожит рука, он может оборвать в мозгу тысячи нервных сплетений. Рука должна оставаться абсолютно твердой, и нужно быть абсолютно уверенным, куда идет инструмент, ведь в маленьком черепе помещаются миллионы нервных клеток. И все эти клетки вносят свой вклад в вашу жизнь. Все управляется этими семью миллионами клеток - ваш секс, ваша любовь, ваша поэзия, ваша математика, ваша боль, ваше удовольствие. Все контролируется этими клетками мозга.

Когда вы ощущаете что-то в своей руке, то на самом деле ощущение возникает не там; ощущение возникает в голове и проектируется на руку. Есть нейрохирурги, которые говорят, что теперь мы умеем вживлять в голову электроды. Одно из самых загадочных явлений мозга - то, что он абсолютно нечувствителен. Когда ваш череп вскрыт, в него можно вводить любой инструмент, и вы не почувствуете его, поскольку внутренние структуры мозга лишены чувствительности. Если что-нибудь оставить там, вы никогда не почувствуете этого.

Во Второй Мировой войне - это случилось три года спустя после войны - одному человеку вскрыли череп по некоторой другой причине. У него был какой-то нарост, который причинял неприятности, головную боль, ухудшение зрения. Вот в связи с этим наростом - узнать, рак это или нет, - и вскрыли его череп. Хирурги были озадачены. Это была пуля, а нарост образовался вокруг нее, закрыл ее - и человек жил три года, не зная, что у него в голове пуля. Пуля попала ему в голову, а в военном госпитале его лечили так, как если бы он был просто ранен на вылет. Рану вылечили, пуля осталась.

Теперь, как говорят нейрохирурги, можно вживить электрод... на черепе, в мозгу есть семьсот очень важных точек. Эти семьсот точек контролируют всю вашу жизнь. Они представляют собой в точности семьсот центров акупунктуры для тела. То, что делает акупунктура, делали в Китае на протяжении столетий, - это попытка через тело управлять центрами мозга.

Каждый центр мозга соединен с определенным центром в теле. Поэтому, например, когда вы испытываете сексуальный оргазм, вы думаете, что это происходит в ваших гениталиях? Вы неправы, это происходит в вашей голове. Теперь имеется возможность вживить электрод в сексуальный центр вашего мозга и вручить вам пульт дистанционного управления, который можно носить в кармане. В любое время вы нажимаете на пульт и немедленно испытываете сексуальный оргазм - гораздо более сильный; он зависит от того, как сильно вы нажимаете. Вы можете испытывать столько оргазмов, сколько пожелаете.

Вы удивитесь тому, что когда этот эксперимент был проведен Дельгадо на белых мышках... Странно, почему они сделали это на белых мышках; может быть, они думали, что черная мышь не так разумна или что-то еще. Белой мышке-самцу в его сексуальный центр мозга вживлялся электрод, и ему показывали кнопку, расположенную перед ним. Он должен был нажать ножкой на педаль, чтобы испытать сексуальный оргазм.

Можно ли поверить в это: за один час он испробовал семьсот раз! - и умер! Да! Что еще можно было ожидать? То была такая великая радость, он забыл о еде. Перед ним стояла пища, вода... он даже не взглянул. Прекрасные самки белой мыши... совсем никакого интереса, ведь это кнопка дает то, чего никогда не случалось раньше. И она была под его управлением - он мог нажимать ее все глубже, глубже и глубже и продолжать бесконечно.

Все эти религии до настоящего времени просто работали над этими мозговыми центрами, не зная того, вживляя идеи в определенные центры вашего мозга посредством упражнений, тренировки, закрепления. Йога - это не что иное, как изменение химии вашего тела и создание возможности для вас управлять своими мозговыми центрами. Вот почему йог может оставаться без пищи так долго, как захочет. Это не значит, что он не голоден. Он просто все время подавляет себя с помощью определенной тренировки, которой он обучен, - можно даже не осознавать этого, такая это тренировка. Он знает позу, в которой нужно сидеть и в которой голод не возникает. В этой позе подавляется определенный центр мозга, и вы чувствуете себя

так, как будто только что поели.

Йог может оставаться без воды в течение нескольких дней. Он может оставаться без дыхания. Он может выпить любой яд, который убивает человека, лишь коснувшись языка; он может выпить этого яда столько, сколько вы захотите. Йогов фотографировали, просвечивали рентгеновскими лучами; яд не воздействует на них совсем, он просто проходит через их систему, не взаимодействуя с ней. Они ведь знают, что делать с системой, они таким образом подготовили свое тело - изнурительными, тяжелыми, многолетними процедурами, но они добились этого, испытали это.

Мусульманские факиры подрезают себе язык снизу у основания. Они подрезают его очень постепенно. Приходит время, когда язык больше не держится. Когда он не держится, его можно повернуть вверх и закрыть им нос изнутри. Тогда дышать невозможно: рот закрыт, нос закрыт. Но при определенном положении язык нажимает на нужный центр мозга, который позволяет существовать, оставаться живым, без дыхания.

Все религии делают то, что, может быть, не осознается человеком. На самом деле, наверное, даже сами так называемые учителя не осознают, что делают, но результаты их деятельности налицо. Эти результаты не имеют ничего общего с реализацией, просветлением, осознанием. Они не имеют ничего общего с познанием истины вашего бытия и бытия всей вселенной.

Поэтому помните, когда я говорю что-нибудь... например, я называл имя Сомендры, но я не просто смеялся над Сомендрой. Мои слова не относились к Сомендре. Вы должны посмотреть на себя. Здесь находится Сантош. Знаете, что он написал? Можно было точно предсказать... Я знал, что он напишет: «Бхагаван, на меня не произвело большого впечатления то, что я объявлен просветленным. Но меня очень впечатлило то, что я избран в совет просветленных».

Видите противоречие? Сначала: «На меня не произвело впечатления то, что я объявлен просветленным», - тогда зачем вообще беспокоиться и писать мне? Ведь никто другой не написал ничего! Вы хотите показать мне, что это не произвело на вас впечатления, что вы выше этого. Просветление гораздо ниже вас; оно не впечатлило вас. Но на вас это произвело впечатление - иначе не было бы нужды писать это письмо. Зачем напрасно тратить бумагу? Зачем это напрасное письмо?

Если на вас это не произвело впечатления, хорошо. Я объявлял вас просветленным не для того, чтобы произвести на вас впечатление. И в том же самом предложении он говорит: «Но меня впечатлило то, что я включен в совет просветленных». Почему на вас произвело впечатление то, что вы включены в совет просветленных? Если вас не впечатляет просветление, то что значит для вас этот совет? Он не значит ничего. Если просветление ничего не значит, то быть включенным в совет значит для вас так много?

Вы ничего не скроете от меня. Просветление на вас произвело впечатление. Если бы ваше имя не было объявлено, вы были бы в том же положении, что и Сомендра. Он так постоянно, и так безнадежно, желал, чтобы его считали главным учеником. И моя забота заключается в том, чтобы здесь не было главных учеников. Нет учителя, нет обучаемых, тогда какой смысл быть главным? Кто главный ученик? Никто не главный ученик.

И почему на вас должен производить впечатление факт включения в комитет? Это то же самое

эго, входящее через заднюю дверь. Вы захлопнули перед ним парадную дверь: «На меня это не произвело впечатления», - быть под впечатлением от этого было бы эгоистично. Вы захлопнули перед ним парадную дверь, а оно говорит: «Хорошо, я войду через заднюю дверь». И оно незамедлительно входит в том же самом предложении.

Моя работа здесь может быть названа абсолютно неблагодарной.

Я должен бить вас, я должен ранить вас, я должен удалить из вашего сознания обширную раковую опухоль.

А вы продолжаете подкармливать ее. Я пытаюсь ее удалить, а вы пытаетесь ее взращивать. Эго проявляется даже в том, чтобы не проявлять никакого эго.

Теперь Сомендра распространяет по всей Европе новость о том, что он объявлен просветленным. Прямо сейчас он собрал сто пятьдесят человек в Голландии - и среди них много санньясинов, большинство из них санньясины. Он стал просветленным. Слышали ли вы когда-нибудь, чтобы человек стал просветленным с помощью удостоверения? Я что, получил от кого-нибудь удостоверение? Это не вопрос каких-либо удостоверений, это не вопрос объявления. Просветление - вопрос вашей реализации, и оно может случиться в тот момент, когда вы получаете мое письмо. А теперь, когда Сомендра услышит то, что я говорю сегодня, его просветление исчезнет.

Третье письмо я получил от Гунакара из Германии, который много раз становился просветленным и много раз непросветленным. Всякий раз, когда он приезжает в Германию, он становится просветленным. Затем он возвращался и когда приходил ко мне, я объяснял ему, и в ответ он говорил: «Да, это глупо, но что делать? Такое большое желание...» И он снова становился непросветленным. С тех пор, как я прибыл в Америку, он больше не появлялся. Может быть, из страха... ведь всякий раз, когда он приходил ко мне, он становился непросветленным. Когда он приезжает в Германию... Германия намного лучше. У него есть прекрасный замок и несколько санньясинов, заботящихся о нем, и тогда он становится снова просветленным, и все они признают его просветление.

Я получил его письмо. Он очень разгневан, поскольку у него было великое состязание, такое же, как у Сомендры с Тиртхой. У него было состязание с Сомендрой. Оба были кандидатами на просветление. Теперь, когда этот Сомендра получил его, Гунакар очень разгневался; он написал мне очень сердитое письмо, в котором говорится: «Я хочу отбросить санньясу и забыть все это. Как мог Сомендра стать просветленным?»

Какое вам дело до того, что Сомендра стал просветленным? Пусть становится! Но раньше Гунакара? Это невозможно. А он объявлял себя просветленным много раз, но ему нужно удостоверение; вот о чем было это письмо: «Срочно необходимо удостоверение». Иначе как он сможет сражаться с Сомендрой? Они слали друг другу письма и писали там странные вещи, рассказывающие, что такое есть просветление, - абсурдные вещи, бессмысленные вещи; оба занимались одним и тем же.

Я сказал им обоим: «Не тратьте зря время. Это не способ доказать ваше просветление, и даже если вы убедите Сомендру, что вы просветленный, будете ли вы просветленным? Или если Сомендра убедит вас, что он просветленный, будет ли он просветленным? Тогда все просто,

взаимное понимание: вы оба признаете друг друга просветленными, и покончим с этим.. Это проблема только для вас двоих».

Нет, вам трудно понять меня, мои способы, мои инструменты. Вам трудно уловить, что я делаю, почему я так делаю.

Все, что происходит здесь вокруг, нужно только для одного: чтобы разгрузить вас от всего того, что вас отягощает, сделать вас такими легкими, что если у вас вырастут крылья, то вы полетите.

Единственный правильный комментарий пришел от Майтреи. Он сказал Шиле: «Бхагаван шалит». Это правда.

БЕСЕДА 21

ПРОСВЕТЛЕНИЕ – ЕДИНСТВЕННЫЙ ПУТЬ ДОМОЙ

19 ноября 1984

Бхагаван, что такое просветление? Развивались ли переживание и идея просветления с течением времени?

Просветление не есть что-то особенное, это одно из самых простых и естественных явлений. Лишь из-за самой своей простоты и естественности оно стало необыкновенно трудным для человеческого понимания.

Человеческий ум притягивает трудное. В трудном есть вызов, что-то, требующее доказательства, что-то необходимое для того, чтобы почувствовать свой характер. Человек интересуется путешествием на Луну. Это абсолютно бессмысленно. Там совершенно ничего нет; мертвая планета. Но человек готов рисковать своей жизнью, чтобы добраться до мертвой планеты, где он не встретит никого, с кем можно было бы просто поздороваться.

Человеку интересно забраться на Эверест. Вершина, высочайшая вершина мира, так узка, что вы вряд ли устоите на ней. Там ничего нельзя делать, там нечего делать... вечные снега. Но за сто лет сотни искателей приключений взбирались на Эверест. Большинство из них умерли в пути, но это не отвратило новых искателей приключений, новых восходителей.

Нужно очень ясно понять смысл: трудное притягивает, потому что оно удовлетворяет эго.

Невозможное очень притягательно; оно тянет вас рисковать всем, даже жизнью. Ведь если вы сможете справиться с тем, о чем раньше думали, как о невозможном, то вы удовлетворите свое эго таким способом, которым до вас никто не сумел его удовлетворить. Вы первый человек, подобно Эдмунду Хиллари на Эвересте, первый человек в истории, но какой в этом смысл? Что вы выиграли? Что выиграло человечество? Нет, никто не задается таким вопросом. Глубоко внутри все знают ответ. Поэтому никто и не задает такого вопроса.

Чем труднее, чем невозможнее - тем притягательнее: в самой невозможности - очарование. Для эго неинтересно простое, неинтересно обыкновенное, повседневное, то, что делает каждый. Из-за этого глупого эго религии превратили просветление тоже во что-то трудное, может быть,

самое трудное во всем существовании. Так должно быть. Это осознание Бога, это осознание вечности. Это простирается за пределы смерти; это движение к самой загадке существования.

Все религии в мире эксплуатировали ваше эго. А эго очень равнодушно к тому, что его эксплуатируют; оно просто готово к тому, чтобы его эксплуатировали: покажите ему цель, дайте ему путь, сделайте этот путь трудным, почти невозможным. Я говорю почти невозможным; я не говорю абсолютно невозможным, поскольку, если вы сделаете путь абсолютно невозможным, эго потеряет надежду. Вы должны держать зажженной свечу надежды. Трудно, но возможно - почти невозможно, но все-таки возможно. Возможно только для редких сверхчеловеческих созданий.

Все религии выучили эту простую стратегию, с помощью которой они завлекают человека. И они хотели бы, чтобы этот интерес сохранялся всю его жизнь. Здесь нет того, чего вы достигаете сегодня и с чем кончаете завтра. Религия не имеет дела с товаром, который можно получить сегодня и который кончится завтра. Она имеет дело с товаром, который вы никогда не получаете, вы получаете лишь надежду на него.

И вы все время надеетесь, пока не придет смерть и не уничтожит вас. Само просветление абсолютно просто, но сказать так - значит уничтожить все духовенство. Сказать, что просветление обыкновенно, - значит удалить саму основу всех религий, все их великие священные писания, великих учителей, раввинов, мессий. Какой смысл будет во всех этих людях, если просветление — обыкновенное, простое, человеческое переживание?

Нет, все они будут отрицать, что оно простое и человеческое. Все они будут настаивать на том, что переживание - это сверхчеловеческое, труднодоступное. Индусы говорят, что нужны тысячи жизней, чтобы достичь его. Буддисты говорят, что даже Гаутама Будда, такой сверхчеловек, должен был пройти через миллионы жизней до того, как он сумел добраться до вершины, которая называется просветлением. На самом деле сама идея распространения жизни на миллионы жизней является следствием того, что переживание просветления делают таким трудным, таким невозможным, таким далеким, что одной жизни становится недостаточно.

Как это можно достичь просветления за одну жизнь? Одна жизнь так коротка. Может быть, в этом причина того, что в мусульманстве, иудаизме, христианстве не существует ничего эквивалентного просветлению. Эти три религии родились вне Индии. Эти три религии верят только в одну жизнь. За одну жизнь все, что вы можете сделать, это лишь поверить в спасителя, в мессию: цепляйтесь за его передник, и он примет вас. Нельзя полагаться на свои собственные усилия, какие усилия вы можете предпринять?

Просто взгляните на свою жизнь. Половина жизни тратится понапрасну на сон, умывание, еду, переодевание, бритье. Самые важные годы жизни тратятся на изучение всякого хлама: географии, истории, геометрии. Когда вы выходите из университета, вам почти тридцать. Если вы занимались получением степеней доктора философии или доктора литературы, то вам уже за тридцать. Лучшее время вашей жизни утекло в песок. Теперь вам нужно жениться, и жена, и дети, и служба, и политика... все ваше время отнято этим.

Если посчитать, то за семьдесят лет не найдется и семи часов, которые были бы абсолютно вашими. Нет, всю жизнь вы постоянно заняты... кинофильмами, телевидением, радио, церковью, синагогой, вещами, которые, быть может, вам совсем не интересны... Богом... Я не

могу себе представить, что за человек тот, кто интересуется Богом. И зачем? Что плохого он сделал вам? Вы не знаете даже, существует он или нет, но каждое воскресенье слушаете проповеди о Боге. Люди читают одну и ту же Библию, одну и ту же Гиту, каждый день непрерывно, всю свою жизнь.

И как много лет жизни отведено вам? Всего лишь семьдесят. Как-нибудь просто сядьте и задумайтесь над тем, как понапрасну растрачивается ваша жизнь и сколько времени из нее остается именно вам. Вы не найдете и семи часов. Я абсолютно уверен, что невозможно будет найти и семи часов за семьдесят лет жизни. Если иногда у вас и есть время, то тут как тут друзья, пикники, футбольные матчи, Олимпийские игры. Вас зазывают со всех сторон.

Поэтому эти три религии никогда не разрабатывали идею просветления. В русском и английском языках нет эквивалента восточному слову, обозначающему просветление. «Просветление» - очень бедная замена. В западных языках человека, хорошо образованного, культурного, называют просветленным, просвещенным. Целое столетие, ознаменовавшееся началом развития наук, называют веком просвещения (просветления). В западных книгах по истории «очень просвещенным (то есть просветленным) человеком» называют Бертрана Рассела. По каждому вопросу его позиция очень прогрессивна; он ничего не принимает на веру просто потому, что такова традиция, - нет, он раздумывает надо всем.

Если что-то не удовлетворяет его рационально, он в это не верит. Он родился христианином, но написал книгу «Почему я не христианин», поскольку нашел в Библии множество логических противоречий, заблуждений, несообразностей и не смог принять их. И он написал прекрасную книгу, в которой представлены все его аргументы, почему он не может признать Иисуса. Он хотел бы признать его, но не может из-за противоречивости его высказываний. Он не может признать его потому, что у Иисуса нет ни логики, ни доказательства.

Какое доказательство Иисус предложил в обоснование того, что он единственный порожденный сын Божий? Так может сказать любой. Любой сумасшедший может объявить об этом. Было много сумасшедших, объявлявших то же самое. Все, кто объявлял об этом, все они были сумасшедшими. Ни у них, ни у Иисуса не было ни единого доказательства. То, что он говорит, и то, как он себя ведет, противоречит одно другому. Он говорит: «Блаженны смиренные». Но сам он совсем не смиренный человек. Он очень высокомерен, очень раздражителен, очень эгоистичен. О чем еще может объявить эго, как не об этом: «Я единственный рожденный сын Божий».

Махавира, по крайней мере, признает двадцать три других тиртханкары. Он лишь двадцать четвертый. Будда признает двадцать четыре своих жизни, которые он прожил перед тем, как стал Буддой; и он признает тот факт, что Буддой могут стать и другие люди. Любой, кто пытается, стремится, способен стать Буддой. Это не его монополия. Но Иисус представляется монополистом, настоящим евреем: единственный рожденный сын Божий. Он закрывает все двери, никто другой не может быть сыном Божьим - никто до него, никто после него. Он несравненно уникален.

У индусов есть двадцать четыре аватары, и индуизм, джайнизм, буддизм - все эти три религии, рожденные в Индии, верят в циклы. Одно творение - один цикл. И это представляется очень близким к современной физике и ее достижениям. Современная физика узнала, что существуют черные дыры, - это очень странная вещь, черная дыра. И есть белые дыры. Все, что подходит

близко к черной дыре, просто втягивается в нее. Например, если рядом с черной дырой пройдет Земля, она будет втянута в нее. Это будет процесс, обратный сотворению Земли. Земля исчезнет, распадется на электроны, протоны, нейтроны, на основные элементы, из которых она состоит. Сейчас имеются гипотезы о том, что черные дыры - это одна сторона, а белые дыры - другая сторона одного и того же явления. Черная дыра все втягивает и уничтожает, а белая дыра сотворяет все снова. Из белой дыры постоянно изливаются новые Земли, новые звезды, новые Солнца.

Всеми тремя религиями Индии признавалось, что мы живем лишь в одном сотворении. Оно представляет собой цикл, подобный тому, как солнце встает, потом садится, потом снова встает, потом снова садится, образуя цикл. Согласно джайнам, в одном цикле имеются двадцать четыре тиртханкары. Джайны ничего не говорят о всей вселенной и о вечности. Есть миллионы циклов, бесконечное число циклов. Нет начала и нет конца. В каждом цикле будет двадцать четыре тиртханкары. Если подсчитать всех тиртханкар во всех циклах, их будут миллионы и миллионы. Поэтому Махавира не представляет из себя ничего уникального. Он не пытается говорить: «Я единственный; после меня все прекращается».

Что случилось с Богом после Иисуса? Воспринял ли он идею о контроле над рождаемостью? Или Дух Святой больше не интересуется женщинами? Может быть, он стал на самом деле святым? Что случилось с Богом?

В Индии религии сделали просветление очень трудным делом, но стратегия у них при этом иная. Один цикл продолжается миллионы лет. Если вы смогли достичь просветления за один цикл, то вам повезло; в противном случае души переходят из одного цикла в другой - и снова, снова и снова лишь только движутся по одному и тому же порочному кругу.

Один человек, богатый молодой человек, слушая Будду, попросил, чтобы его посветили в монахи. Будда сказал: «Вам нужно подумать об этом. Не будьте так торопливы», - ведь Будда знал этого человека. Он был хорошо известен в столице: может быть, он был самым богатым человеком после царя. И он жил так роскошно, что даже сам царь завидовал ему, ведь царь должен думать о многих вещах, о целом царстве, а этот человек не нес никакой ответственности.

Он жил так роскошно, как только может жить человек. Поэтому Будда знал его, знал, что он никогда даже не ходил по голой земле; целыми днями он спал, а ночи проводил в музыке, в танцах, с вином, с девушками. Он пьяница. Это чудо, что он пришел таким ранним утром. Может быть, он явился прямо от вина и женщин. Вместо того, чтобы отправиться спать, он, может быть, подумал: «Хотя бы один раз я должен послушать этого человека. Так много людей ходят к нему, говорят о нем, собираются вокруг него».

Его имя, имя этого молодого человека, было Шрони. Шрони означает того, кто умеет слушать, слышать. Так что само это имя имеет значение. Он слышал Будду впервые, и он подошел к нему и сказал: «Посвятите меня».

Будда сказал: «Подумайте над этим. Я знаю вас. Я знаю о вас».

Шрони сказал: «Если я что-то решил, то решил. Я не привык думать о чем-то дважды. Дайте мне посвящение прямо сейчас». Раз он был так решителен. Будда дал ему посвящение. Шрони стал буддийским монахом. Но он был последним из прибывших. Сарай, караван-сарай, где пребывал

Будда, был переполнен буддийскими монахами.

Места для сна внутри караван-сарая ему не нашлось, поэтому он вынужден был спать прямо на ступенях. А у Будды была такая идея, что монах может иметь только три куска ткани для одежды. Один кусок он использует в качестве постели - длинный кусок одеяния, - им также он и укрывается, поэтому становится похожим на спальный мешок. Два куска он использует для себя: один для верхней половины тела, второй для нижней. Вот чем разрешено пользоваться буддийским монахам. На каменной ступени с тонким куском одеяния... он не мог спать, было к тому же так много комаров. И всю ночь монахи входили и выходили, входили и выходили, а он лежал как раз на ступенях, поэтому просыпался всякий раз, когда кто-то входил или выходил.

Когда под утро он наконец, усталый, уснул, пришел Будда, разбудил его и сказал: «Еще есть время; возвращайтесь домой. Никто не знает, что вы стали санньясином. Когда люди узнают, вам будет трудно вернуться. Возвращайтесь. Я знаю, всю ночь вы не могли уснуть. Это трудно, кругом комары, и разрешены лишь три одеяния, и места здесь нет. А вы ведь самый младший монах, всего лишь один день, поэтому вы не можете занять место кого-либо из более старших монахов. Здесь установлено старшинство, а вы самый последний».

Шрони сказал: «Не беспокойте меня. Какую ступеньку я занял, такую и занял. Теперь как бы ни пришлось страдать, я буду страдать. Я не умею оглядываться назад. Вопрос о возвращении назад для меня просто не возникает; я никогда не оглядываюсь назад».

Будда сказал: «Это хорошо, поскольку в прошлой жизни вы уже были монахом и из-за таких же вот трудностей вернулись назад. Поэтому я подумал, что вы и теперь поступите точно так же, ведь люди все время ходят по одному и тому же порочному кругу, действуют по старой привычке. Они продолжают двигаться в колесе привычек. Я пришел спросить вас именно потому, что в прошлой жизни вы вернулись назад. Это хороший знак того, что вы выросли, что вы прекратили возвращаться назад. Но идти вперед не просто; потребуется, может быть, несколько жизней такой определенной настойчивости, как сейчас; если вы будете продолжать, продолжать и продолжать так, то вы сможете достичь нирваны», - вот так буддист определяет просветление.

Бертран Рассел не может быть назван просветленным человеком. Он очень большой интеллект, человек рациональный, очень прогрессивный, способный сбросить пути привычного, традиционного. Но причины, из которых он исходит, все идет от ума. Он обнаруживает, что Иисус противоречив, - это утверждение ума, - что он высокомерен и вместе с тем говорит о смирении. Он говорит людям: «Блаженны нищие», - и после этого обещает им царство Божье. Здесь очевидное противоречие. Если бедность - это блаженство, тогда все святые на небесах должны быть самыми нищими, ведь это блаженство. А люди, живущие в аду, должны быть богатыми, сверхбогатыми, если идти этим логическим путем.

Иисус говорит: «Скорее верблюд пройдет сквозь игольное ушко, чем богатый пройдет врата небесные». Хорошо, куда же пойдут богатые люди? Должны же они куда-нибудь пойти. Так что все богатые и сверхбогатые... короче, хотите повстречаться с Фордами, Рокфеллерами и Морганями, нужно отправляться в ад. Они все там со всеми своими богатствами. Ведь если богатые люди не могут попасть на небеса, то как туда попадут их богатства? Кто возьмет их? А может быть, ад будет и есть прямо сейчас самое роскошное место для жизни. Вы найдете здесь весь Голливуд; где же им еще быть? Все актеры и актрисы должны быть в аду.

«Блаженны нищие, ибо их есть царствие Божье». Но что такое царство Божье? Оно бедное или богатое? Если называть его «царство», это значит, что богатое, потрясающе богатое. Вот странная логика: бедность позволяет стать богатыми в ином мире; богатство отправляет прямо в ад.

Это странно. Это против всей математики, ведь эти бедные люди не смогут наслаждаться царством Божиим - они познали только нищету. Только богатые люди подготовлены к тому, как пользоваться богатством. Действительно, это их нужно брать на небеса и в царство Божье. Они подготовлены, они будут наслаждаться богатством. Что собираются делать там бедные люди? И что это за аргумент о том, что нищета делает вас блаженным в глазах Бога?

Бертран Рассел не мог согласиться со всем этим. Поэтому его и называют одним из самых просвещенных людей двадцатого столетия. Но это не соответствует тому значению просвещения, просветления, в котором я использую это слово. Я использую это слово вынужденно. В буддизме есть слово «нирвана». «Нирвана» буквально означает то, что вы сидите со свечой темной ночью и задуваете свечу. Внезапно свет исчезает, и все вокруг - тьма. Со светом исчезают и все объекты, которые были видны благодаря свету. Теперь - бесконечная тьма и молчание.

Нирвана просто означает прекращение света свечи и пребывание в абсолютной тишине. В буддизме слово тьма не предполагает плохого смысла. Тьма спокойна, в ней есть глубина. Свет на поверхности; тьма бесконечно глубока. Свет всегда ограничен, он имеет пределы. Тьма не имеет границ, она беспредельна.

Свет приходит и уходит. Тьма есть всегда. Когда есть свет, вы не можете видеть ее. Когда света нет, вы ее видите. Но она всегда есть; вы не можете найти ей причину. Свет имеет причину. Вы зажигаете огонь, подкладываете дрова. Когда дрова кончатся, свет исчезает. Есть причина - он ее следствие. Но тьма не имеет причины ни в чем, она не является следствием. Это беспричинная вечность.

Нирвана - очень простое явление. Оно просто означает «задуть маленькую свечу своего эго».

И внезапно... Реальность была всегда, но как раз из-за свечи эго вы не могли разглядеть ее. Теперь свечи больше нет, есть реальность. Она была всегда. Вы никогда не теряли ее. Невозможно потерять ее, даже если постараться.

Это сама ваша природа. Как можно потерять ее?

Это вы - само ваше бытие. Да, вы можете забыть свою реальность, но это самое большее.

Теперь обратите внимание. Реальность - это не достижение. Достижение находится в будущем, далеко. Достижение может быть трудным, почти невозможным, может требовать времени, требовать воли и борьбы. Нет, реальность - это не достижение. Вы не теряли ее. Нет способа потерять ее, даже если вы захотите. Куда бы вы ни пошли, она пойдет с вами. Она - это также и вы.

Как можно убежать от себя? Можно попытаться, но вы всегда найдете себя.

Можно спрятаться за деревьями и горами, в пещерах, но когда бы вы ни оглянулись, вы увидите себя. Куда вы уйдете от себя?

Поэтому нирвана в точности подобна тьме. Свет уходит, и остается вся ваша реальность, во всей ее красоте, благословении, блаженстве.

Но в русском и английском языках нет слова для перевода слова «нирвана». Джайны используют слово «мокша». «Мокша» означает абсолютную свободу, предельную свободу, свободу ото всех пут. И величайшие путы представляет ваше эго. Другие путы - лишь части эго: алчность, вожделение, амбиция, гнев. Все, что в других религиях считается грехом, в джайнизме рассматривается лишь как путы.

Но корнем, главным корнем всего дерева вашего рабства является эго.

Поэтому отрубите главный корень, и все остальные корни отомрут сами по себе. Не стоит отвлекаться на обрубание маленьких корней, ветвей, листьев, они ведь вырастут снова.

Отрубите главный корень, и все дерево умрет.

И когда спадут все ваши путы, то что останется? Неопутанное сознание, свобода.

Эта свобода не является чем-то политическим или экономическим. Она не имеет ничего общего со словом «свобода» и с тем, что под ним подразумевается. Это просто ничем не связанное существование. Нигде вокруг себя вы не находите ничего, что сдерживало бы вас. Вы больше не привязаны ни к чему. Это состояние непривязанности они называют мокшей. Разницы нет, различна лишь терминология.

Патанджали, основатель системы йоги, дает свое собственное название. Он называет это «кайвалья». «Кайвалья» означает «абсолютная уединенность, абсолютное единство», когда нет нужды ни в ком другом. Обычно вы постоянно нуждаетесь в ком-то другом: отец, мать, брат, жена, дети. Вы постоянно страстно желаете кого-то другого. Вы не можете жить одни. Вы боитесь оставаться одни. Вы никогда не испытывали этого, но все же боитесь. Потому что с самого детства вам ни разу не говорили, что нужно уметь различать два слова: одиночество и уединенность... Все словари продолжают утверждать, что это синонимы. Это не так. Эти два слова так далеки друг от друга, как только могут быть далеки слова.

Одиночество - это там, где вы теряете другого. Уединенность - это там, где вы находите себя.

Уединенность - это обнаружение своего истинного и подлинного бытия.

Одиночество - это просто поиск другого, чтобы занять себя, ведь если другого нет, вы не знаете, что делать с собой. Всякий раз, когда вы одиноки, вы начинаете создавать для себя что-то или кого-то.

На протяжении двадцати лет я непрерывно путешествовал по Индии. И я всегда путешествовал в купе с кондиционированием воздуха. Всегда была, правда небольшая, вероятность того, что в купе будет еще один пассажир, - редко, ведь очень немногие люди ездят в купе с кондиционированием воздуха. Но иногда мне представлялась великая возможность

понаблюдать за другими людьми. А путешествие иногда длилось двадцать четыре часа, тридцать шесть часов или даже больше.

Я жил как раз посередине Индии и путешествовал повсюду. Поэтому, если я ехал в Калькутту, это занимало двадцать четыре часа в одном направлении, а если я ехал из Калькутты в Бомбей, это занимало сорок восемь часов. А если я ехал до Гаухати, то на это требовалось шесть дней, и надо было менять так много поездов... Но то был великий эксперимент — находиться с кем-то в одном купе двадцать четыре часа. Я не разговариваю с ним. А он пытается, он говорит: «Далеко ли вы едете?»

А я говорю: «Я еду в Калькутту. Я еду из Джабалпура. Моего отца зовут так-то. Мою мать зовут так-то. Моя профессия...» Как раз, чтобы выбить мусор из человеческих голов. И я отвечаю на все сразу.

Он говорит: «Я не спрашивал вас об этом».

Я говорю: «Я отвечаю сразу на все, поскольку потом, будьте добры, молчите - ни одного вопроса за сорок восемь часов. Если вы хотите спросить что-нибудь еще, спрашивайте прямо сейчас. Пусть все вопросы разрешатся в самом начале. В противном случае вы вскоре спросите: «Где вы живете? Сколько у вас братьев?» Я скажу вам, что у меня одиннадцать братьев и сестер... и все!»

Он говорит: «Вы странный человек. С такими я никогда не встречался... Я только спросил: «Далеко ли вы едете?» - а вы рассказываете мне все: как зовут вашего дедушку, какой работой вы обычно занимаетесь...»

Я сказал: «Я стараюсь покончить со всем этим сразу, чтобы вам ничего не оставалось на потом».

И затем я храню молчание и просто наблюдаю за этим человеком - ему трудно. Он открывает свой чемодан, и он знает - я это знаю, — и он знает, что я знаю о том, что он делает это совершенно бессмысленно. Он закрывает чемодан, кладет его обратно, — но чем заняться? Он открывает окно, и он знает, что глупо открывать окно в купе с кондиционированием воздуха. И он знает, что я здесь, поэтому закрывает окно снова. Он начинает читать ту же самую газету, которую читал утром, снова с самого начала, идет в туалет, возвращается, вызывает проводника, чтобы тот принес чаю. Сорок восемь часов...

И через несколько часов он говорит: «Вы на самом деле не будете разговаривать?» Я храню молчание. Я не отвечаю на его вопрос, поскольку раз решено, значит решено. Потом мало-помалу он забудет обо мне, ведь сколько он обо мне может помнить? Но сейчас он страдает.

В купе с кондиционированием воздуха я видел людей, покрытых испариной, таких нервных, дрожащих. Никого нет; никто не причиняет им вреда. Я абсолютно безвреден. В самом начале я сказал им: «Я абсолютно безвреден, вам не нужно беспокоиться по моему поводу. Можете спать. Можете делать все, что вам угодно, я не буду вмешиваться. Можете танцевать, можете петь, можете гримасничать, можете делать все, что хотите. Я не тот человек, чтобы вмешиваться в чью-то жизнь. Просто не разговаривайте со мной, поскольку это будет вмешательством в мою жизнь».

И на протяжении двадцати четырех часов я наблюдаю горе и страдание без причины. У него прекрасное, комфортабельное купе, с кондиционером, чистое, хорошее питание, всегда к услугам проводник. Но это для него не вопроса Это для него не проблема. Настоящая проблема в том, что он не находит вокруг себя никого, с кем можно было бы заняться. Хотя бы кого-нибудь, пусть даже врага, хотя бы что-нибудь, пусть даже ссору. Тогда он будет занят и сможет забыть себя. Я не позволяю ему забыть себя - вот в чем неприятность. Он в испарине. Он нервничает, поскольку знает только одно: он в одиночестве. Но он никогда не испытывал уединенности.

И когда он сходит на своей станции, я снова говорю ему: «Вот посмотрите. Запомните одну вещь. Я был в том же самом купе. Я не покрывался потом. Я не нервничал. Я не открывал и не закрывал постоянно свой чемодан. Я без необходимости не вызывал проводника. Я не читал снова и снова одну и ту же газету. Почему вы делали все это? Видите ли вы разницу? Я был уединен, а вы были одиноки. Запомните это. Может быть, когда-нибудь это поможет вам».

Кайвалья означает уединенность. Это слово Патанджали для обозначения просветления. В русском и английском языках нет слова, которое смогло бы передать эти потрясающие проникновения в сущность. Слово просветление было выбрано по той простой причине, что вы становитесь как бы полны света.

Да, это проблеск света, беспричинный - идущий не извне, но от взрыва изнутри. После него внезапно возникает состояние, когда нет проблемы, нет вопроса, нет поиска.

Внезапно вы оказываетесь дома, впервые в непринужденной обстановке, вы никуда не идете, впервые вы в состоянии «здесь и сейчас»...

Просветление — это очень простое и обыкновенное переживание.

Я подчеркиваю это снова и снова, поскольку я не священник, я не раввин, я не мессия. У меня нет желания эксплуатировать никого в мире.

Моя функция совершенно иная. Я хочу разделить с вами то, что переполняет меня.

Мне ничего не нужно взамен. Уже то, что вы разделяете со мной мои переживания, обязывает меня по отношению к вам; я благодарен вам.

Вот почему я говорю, что это первая религия в мире: все те религии заставляли вас быть благодарными мессии, тиртханкаре, Учителю - но почему?

Почему вы должны быть благодарны Иисусу, или Будде, или кому-нибудь еще? Если у Будды имеется чего-то так много и он переотягощен этим, подобно облаку, полному дождя, в огромном желании пролиться на вас, - а так оно и есть: Будда хочет пролиться на вас, — тогда кто должен чувствовать себя обязанным? Он или земля, принимающая дождь, открывающая свое сердце и приветствующая его?

Настоящий Учитель благодарен ученику, приверженцу. Лишь псевдоучитель старается удовлетворить свое эго посредством учеников, толпы учеников, количества учеников.

И поскольку все уже и так есть в вас в силу вашей собственной природы, я не даю вам ничего.

Все, что я делаю, это просто помещаю перед вами зеркало, чтобы вы могли взглянуть в него. Зеркало ничего не теряет в вашем изображении, когда вы смотрите в него. Или вы думаете, что оно становится менее зеркалом от того, что вы посмотрелись в него? Вы посмотрелись в него дважды, вы посмотрелись в него трижды - и оно израсходовалось, растратилось?

Нет, на самом деле, чем больше вы смотрите в зеркало, тем больше вы чистите его, ведь вам нужно смотреться в него. Если в него никто не смотрится, на нем собирается пыль. Зеркало благодарно вам за то, что вы смотрите в него и все время чистите его. Но само зеркало не дает вам ничего. Хотя, так или иначе, оно дает вам... оно дает вам вас. Оно отстраняет все ваши неправильные идеи о себе и показывает вам ваше оригинальное лицо.

Вы спросили, Шила: Развивались ли переживание и идея просветления с течением времени?

Переживание остается тем же самым. Оно не может развиваться, поскольку оно — не вещь. Это такое переживание, когда все вещи и мысли отброшены - просто чистое зеркало, пустота. Каким образом пустота может стать еще более пустой? Если она может стать еще более пустой, то, прежде всего, это значит, что она пустотой не является.

Пустота, уединенность, свобода - все эти различные названия могут быть только полными.

Это подобно кругу в геометрии. Нельзя начертить полкруга; или можно? Если это половина, то, значит, не круг. Перед этим вы могли подумать, что можете начертить полкруга, что в этом неправильного? Вы не можете начертить полкруга, потому что, именно потому, что это половина, а не круг. Это лишь дуга. Круг же всегда полный. Он не может быть другим. Поэтому, когда бы ни случилось просветление, десять тысяч лет назад, сейчас или через десять тысяч лет в будущем, это будет то же самое переживание. В том, что касается переживания, оно одно и то же.

Но идея развивается, концепция развивается. Вы должны понимать различие между переживанием и идеей. Переживание имеет место, когда вы абсолютно бездумны, бессловесны, в абсолютной пустоте, без движения, в предельном покое. Когда вы переводите переживание на язык слов, оно становится идеей, оно становится концепцией. Тогда, конечно, как развивается язык, развивается человек, так развивается и идея, развивается концепция.

Например: иудаизм, христианство, мусульманство используют очень сырые и примитивные термины - царство Божье. Это очень примитивный способ указания на просветление. Но Иисус - бедный человек, некультурный, необразованный, сын плотника, рожденный в очень примитивной стране.

Будда родился за пятьсот лет до Иисуса, но то была вершина развития Индии. Индия с тех пор никогда не достигала таких высот, даже теперь, и, может быть, никогда не достигнет. Языки развились до такой точности, до такой научности выражений, до такой прекрасной поэтичности. Ни один язык не может состязаться с санскритом. В мире есть прекрасные языки, потрясающе прекрасные языки. Но ни один язык не может состязаться с санскритом. У него такая длительная история развития, что для переживания, подобного просветлению...

В русском и английском языках потребовалось использовать слово «просветление», и вы должны знать, что в результате может возникнуть неправильное понимание из-за того, что

слово просветление-просвещение используется также и в других контекстах. Бертран Рассел просветленный человек. Кант просветленный человек. Гегель просветленный человек. Но ни один из них не является просветленным в том смысле, в котором я использую это слово. Они далеки от просветления — гораздо дальше вас, поскольку они больше вас пребывают в своем разуме, у них гораздо более натренированные умы, поэтому они заключены в свои умы, как в тюрьму. И они даже не слышали... Бертран Рассел прожил сто лет и даже не слышал о просветлении в том смысле, в котором я использую это слово.

Будда говорил на другом языке, языке, который развивался бок о бок с санскритом. Он говорил на пали. Махавира говорил на пракрите, другом языке, может быть, еще более древнем, чем санскрит, может быть, самом древнем из всех языков в мире. Само его название указывает на это. Вам следует понять: «праkrit» означает «природный», а «санскрит» означает «очищенный». Само слово «санскрит» означает «очищенный», «культурный». Праkrit - это язык, не являющийся очищенным, утонченным. Это не язык ученых, образованных людей; это язык масс. Но он пережил, конечно, гораздо больше, чем санскрит, поскольку санскрит - это не что иное, как очищенный праkrit, это как в случае с сырой нефтью: вы очищаете ее, и она становится бензином, вы очищаете ее дальше, и она становится чем-то еще...

Санскрит - это очищенный праkrit. Праkrit похож на необработанный алмаз, только что добытый из шахты, не отшлифованный, не ограненный, еще не получивший своей формы. Но в нем тоже есть своя красота, поскольку в нем есть естественность. Санскрит очень утончен, очень отшлифован. Десять тысяч лет миллионы браминов очищали его, придавали ему такие качества, которых нет ни в одном другом языке.

Очень трудно переводить что-либо с санскрита, поскольку в санскритском алфавите пятьдесят две буквы - охвачены почти все возможности. Вы не сможете произнести больше звуков, чем пятьдесят два. Они покрывают все возможности человека по произнесению звуков. При переводе возникают проблемы, поскольку у вас нет пятидесяти двух букв. Поэтому отсутствующие буквы приходится как-то воссоздавать. То же относится и к словам.

Поскольку переживание просветления насчитывает тысячи лет, различные люди используют различные языки, используют различные слова - «нирвана», например. «Нирвана» - это санскритское слово. Будда, на самом деле, никогда не использовал этого слова. Пали - язык масс, и поэтому Будда использовал слово «ниббана». Это сырое, грубое слово, ниббана. Санскрит ограничил его, сделал его округлым: нирвана... в этом слове есть музыка.

Но ожидать такой же утонченности от Иисуса нельзя. Иисус в затруднении. Он вынужден пользоваться доступными для него словами Ветхого Завета. И он, должно быть, ощущал эти трудности, в результате которых попал в ненужные неприятности. Если бы он использовал какие-нибудь другие слова, а не «царство Божье», он, быть может, не был бы распят, и христианства не было бы вовсе.

«Царство Божье» породило подозрение у римлян, правивших Иудеей. Они подумали, что этот человек действительно имеет в виду царство, ведь римляне никогда не были настроены философски. Они не такие, как греки. Они не породили ни одного Сократа, или Платона, или Аристотеля, или Гераклита, или Диогена, ни одного человека, который мог бы войти в созвездие философов. Римляне были солдатами, великими солдатами. Но жизнь солдата и его работа очень недолговечны. Поэзия же продолжается долго, философия длится долго. Но римляне были

лишь солдатами. Они не могли себе представить то, о чем говорит этот человек. Они испугались. Они действительно были испуганы. Царь Ирод, восседавший на иудейском троне, слышал эту еврейскую историю: «Вскоре родится мессия. И когда родится мессия, вы будете спасены от страданий». Естественно, Ирод подумал: «Это означает, что вы будете спасены и от рабства тоже, станете свободными от власти Римской империи». Он приказал своим солдатам: «Найдите всех детей моложе двух лет и убейте их всех. Не оставляйте ни одного ребенка моложе двух лет», - ведь евреи говорили: «Мессия родился, ему уже теперь около двух». И слух об этом распространился очень быстро, как лесной пожар, поскольку все ждали мессию. Они так много страдали, у них не было ничего, кроме надежды. А это был чистый слух. Но Ирод так испугался, что приказал произвести массовое избиение всех детей моложе двух лет.

Иосиф и Мария как раз услышали, что может произойти, что уже началось в столице. Они поскорее отправились в деревню, в маленькую деревню. Вифлеем был очень маленькой деревней, настолько маленькой... Может быть, об этом была какая-то история, я не знаю, ведь говорят, что евреи смеялись над той идеей, что мессия родился в Вифлееме. Они говорили: «Слыханное ли это дело, чтобы мессия родился в Вифлееме?» Может быть, это было что-то похожее на индийский город под названием Хошьяпур. Хошьяпур означает «город мудрых», но слух об этом городе такой, что каждый человек там - идиот. Если вы путешествуете по Пенджабу вблизи тех мест, не спрашивайте никого, откуда он. Если он из Хошьяпура, будут трудности. Тогда последует: «Почему вы задаете этот вопрос? Что вы имеете в виду? Вы что думаете, мы все идиоты?»

Немедленно возникнут неприятности, поскольку житель Хошьяпура не может согласиться с этой мыслью, но слух этот кажется достаточно старым... Даже во времена Акбара, четыреста, пятьсот лет назад, миф о Хошьяпуре уже существовал. И история говорит, что все они объясняли Акбару: «Мы такие же нормальные люди, как все остальные. Но мы не можем произносить название нашего города, когда кто-то спрашивает об этом. Если мы говорим Хошьяпур, люди начинают смеяться и говорят: “Вы, должно быть, шутите”. Никто не верит. А если поверят, то думают, что мы идиоты».

Поэтому они попросили Акбара: «Пожалуйста, пришлите следственную комиссию рассмотреть дела Хошьяпура и объявить, идиоты мы или нормальные люди, чтобы просто покончить с этим вопросом». Никто не знает, от кого это пошло. Может быть, само название Хошьяпура подсказало эту мысль: «Город мудрых». Название подсказало мысль, поскольку оно означает город мудрых... ведь так трудно найти хотя бы одного мудрого человека, - а здесь целый город мудрых, скорее всего, там все люди дураки.

Акбар послал комиссию. Одиннадцать весьма образованных людей из двора Акбара прибыли в Хошьяпур, а в Хошьяпуре были сделаны тщательные приготовления, чтобы встретить их и доказать: «Мы не идиоты». Все шло хорошо. Эти одиннадцать человек были удивлены тем, что все эти слухи - абсолютная чепуха, что все эти люди нормальные, лучше чем нормальные. Каждый вел себя наилучшим образом. Все выглядели более чем нормальными. Их ответы были мудры, они ведь готовились несколько месяцев. Когда комиссия собирается прибыть на три дня, а вы должны доказать раз и навсегда... от этой дурной славы нужно было избавиться.

Все шло хорошо, и комиссия была очень счастлива. Глава комиссии сказал: «Я очень счастлив, и я скажу великому Акбару: “Эти люди не только нормальные, они гораздо больше, чем нормальные, они гораздо лучше”». И жители Хошьяпура тоже были чрезвычайно счастливы.

Они отправились провожать комиссию и провожали ее на расстояние многих миль. Невозможно было убедить их вернуться назад, так они были счастливы. За всю свою жизнь они не были так счастливы, ведь теперь сам великий Акбар объявит: «Вы превосходите нормальных людей».

Возвращаясь, они начали обсуждать, не совершил ли кто-нибудь какой-нибудь ошибки или чего-нибудь такого? Один человек сказал: «Я совершил ошибку, но я побоялся сказать, ведь вы убьете меня». Он был поваром - лучшим поваром в Хошьяпуре, - он готовил пищу тем одиннадцати членам комиссии.

Они спросили: «Какую ошибку?» В Индии есть небольшая специя, она называется джира, небольшая специя, ничего значительного, но она придает хороший вкус пище... Он сказал: «Я забыл положить джиру в дал».

Они сказали: «Ты испортил все. Что подумают члены комиссии? Они подумают: “Эти люди абсолютные идиоты, они не знают даже о джире, о которой знает любой деревенщина. Даже идиоты знают, для чего существует джира!” Что они подумают? И ты так много дней молчал!»

Они пустили своих лошадей вскачь, остановили комиссию и сказали: «Дайте нам еще один день».

Комиссия спросила: «В чем проблема?»

Они сказали со слезами на глазах: «Еще один день».

Но комиссия сказала: «Нет проблем. Все прошло совершенно прекрасно. Мы подготовили наш отчет, и вы будете объявлены царем превосходящими всех».

Они сказали: «Мы не согласны. Была совершена великая ошибка - и вы знаете это. Вы лишь из благородства и доброты говорите нам: “Вы превосходите идиотов”. Но мы и есть идиоты».

Комиссия спросила: «А что случилось?»

Они сказали: «Что не случилось?» И они вывели к ним повара, уже избитого к тому времени.

И члены комиссии спросили: «Что вы сделали с этим человеком?»

Они сказали: «Его нужно было бы убить. Он забыл положить джиру в ваш дал».

Они сказали: «Джиру? Но мы ни разу не почувствовали этого. И он готовил все так вкусно, кто стал бы думать о джире? Но одно точно, вы - город идиотов. Возвращайтесь». Они выбросили уже написанный отчет и сказали: «Отныне вы идиоты».

Так что кое-что о Вифлееме должно быть правдой. Я не знаю, в чем тут дело, почему евреи настойчиво, снова и снова говорили Иисусу и его апостолам: «Слыханное ли это дело, чтобы мессия родился в Вифлееме?» Это была маленькая деревня, очень маленькая деревушка, почти ничто. Люди Ирода убивали детей сначала в Иерусалиме. Когда они начали убивать детей в Иерусалиме, Иосиф и Мария бросились бежать в Египет. Это было единственное место, которое знали евреи. Они вышли из Египта - то было великой мечтой Моисея; он вывел евреев из Египта.

Теперь, посадив на осла Марию и маленького Иисуса — ему было, наверное, полтора года или около того, - они отправились в Египет. По пути случилась одна красивая история. Они уже отошли подальше от опасных мест, и Мария спросила: «Иосиф, ты уже придумал, какое имя мы дадим нашему маленькому мальчику?»

В тот момент, когда она сказала это, Иосиф ударился о камень и сказал: «Иисус!»

Мария сказала: «Правильно, это красивое имя. Оно подходит ему».

И Иисус был привезен в Египет. Все, что он знал, он лишь слышал от других. Он далеко и много путешествовал, но все же он был некультурным человеком, необразованным. Он не смог разработать концепции, не смог дать очищенной идеи просветления. Этого не случилось, потому что Иисус не способен был дать ее. Дураки, которые следовали за Иисусом - и помните, следуют только дураки: папы, и так называемые христианские святые, и мудрецы... - все они следовали за ним, и все они застряли там, где Иисус оставил их, ведь он был последним словом Бога. Так что развития не случилось, в противном случае они пришли бы к прекрасным концепциям, прекрасным идеям.

Ислам остановился там, где остановился и Мухаммед, а он был даже еще более необразованным, чем Иисус. Но Будда был очень культурным человеком, сыном великого царя. Самые великие ученые учили его тем знаниям, которые были известны в те дни. Махавира тоже был очень культурным. Он также был сыном великого царя. Поэтому они нашли изысканные слова, и процесс развития идеи просветления продолжился. В Индии он никогда не прекращался, поскольку в Индии есть традиция составления комментариев, которой нет ни в одной другой стране.

Люди думают, что того, что сказал Иисус, достаточно. Когда я говорил об евангелии от Фомы, я получил много писем от христиан: «В чем необходимость комментариев? Того, что сказал Фома, достаточно». Конечно, ведь все достаточно ясно, поскольку Фома тоже был необразованным человеком; его идеи не были очень сложными, их не трудно было объяснить. Но если я захочу сделать что-нибудь сложное из чего-нибудь простого, то я смогу это сделать. Мне это не трудно. И когда они слышали от меня о Фоме, они начали писать мне письма: «Мы никогда не знали, что Фома имеет такое понимание».

Все это не имеет ничего общего с Фомой; это мое понимание. Это мое ружье на плече бедного Фомы. Я использую его, как трамплин; я использовал всех этих людей, как трамплины. Я не утверждаю, что мои слова совпадают с их пониманием. Разве это возможно? Я пришел двадцать пять столетий спустя после Будды; могут ли мои слова совпадать с его пониманием? Двадцать пять столетий не прошли бесследно. Поэтому, когда я говорю о Будде, мои слова не обязаны совпадать с пониманием Будды, они отражают мое понимание. Я использую его слова и вкладываю в них свое понимание. В Индии было так все время, что и привело к существенному развитию многих идей.

Гита Кришны — имеется тысяча комментариев к ней. Тысяча людей, самых разных, использовали свой разум, свои переживания и вложили их в уста Кришны. Конечно, если Кришна вернется, он будет в большом гневе, особенно на меня, поскольку я вложил в его уста много того, с чем он не может согласиться. Но он не придет, так что у меня нет проблем. Я не думаю, что мы с ним встретимся где-нибудь. А если даже и встретимся, я могу просто

попросить у него прощения.

БЕСЕДА 22

ТЕОЛОГИЯ - ДЖУНГЛИ ЛЖИ

20 ноября 1984

Бхагаван, Вы говорите, что Бога нет. Объясните, почему человек отважился отправиться в духовное царство в поисках Бога?

Существование само по себе не имеет смысла.

Ничто в нем не имеет смысла. Смысл просто никак не относится к существованию. У существования нет цели, которой оно пытается достичь. Существование никуда не идет.

Оно просто есть.

Смысл связан с целью - с некоторым предназначением, с некоторым достижением... Проблему смысла вносит человеческий ум.

Ум - вот коренная причина всех вопросов, возникающих в вас. Ум не может непринужденно покоиться, оставляя вещи такими, какие они есть. В этом заключается природа ума. Океаны не тревожатся о Боге. Горы не размышляют о Боге. Деревья не думают о Боге.

Взгляните на это под другим углом. В океане тонет корабль. Морален океан или аморален? Сам этот вопрос неуместен. Океан не уничтожает корабль преднамеренно, у него нет мотивов. Он от этого ничего не выигрывает. Он не стремится делать это. Если бы кораблекрушение не произошло, океан не пришел бы в отчаяние. Если оно произойдет, океан не будет праздновать победу. На самом деле для океана само существование корабля не представляет никакой заботы. Поэтому крушение корабля со стороны океана не является ни моральным, ни аморальным. Океан вне морали.

Мораль - это игра человеческого ума. Существование ничего не знает о ней.

О ней ничего не знают животные. Ее не осознают птицы. Только один человек.

А человек выделяется из всего существования своим умом. Ум дает человеку совершенно новое измерение.

Человек спрашивает: «Почему вообще есть существование? Кто создал его? За всем этим должна быть какая-то цель», - ведь ум не может постичь чего-либо, не имеющего цели. Ум устроен очень по-еврейски, он думает в понятиях бизнеса: а что мне от этого будет? Если от этого ничего не будет, то зачем это делать? Нельзя сказать: «Просто ради самого дела». Тогда вы просто безумны, вы сошли с ума.

Мне вспомнилось: кто-то спросил Пикассо - он рисовал что-то на пляже, вблизи океана. Человек стоял рядом и смотрел. Он не мог понять, что это такое. Действительно, очень трудно постичь картины Пикассо. И гений его проявляется в том, что он довел свои картины до

состояния, адекватного существованию. Они неразрывно связаны с существованием. Нельзя спросить об их смысле, об их назначении, о том, что они такое. Но тот человек был совершенно прав. Он спросил: «Я ждал, я наблюдал за вами. Что вы делаете? Что это такое? Что это за картина?»

Пикассо посмотрел на него и сказал: «Я знаю, что вы ждали, вы наблюдали, и меня беспокоило, что вы собираетесь спросить меня. Я не знаю. Я сам не знаю, что это такое, и не стремлюсь узнать. Никто не спрашивает у цветов: “Что вы такое? Почему вы? Почему вы красные, почему вы голубые, почему вы желтые? Почему у вас такая форма, а не другая, и почему вы растете в это время года, а не в другое? И почему у вас такой аромат, а не другой?” Никто не спрашивает у цветов».

«Никто не спрашивает у облаков: “Куда вы плывете? В чем цель всего вашего движения?” Никто не спрашивает у звезд. Все существование в постоянном движении. Все движется, ничто не статично. Никто не спрашивает. Так почему же люди все время мучат бедного художника вопросами? Я просто наслаждаюсь тем, что пишу. Разве этого недостаточно? Я чрезвычайно счастлив тем, что вот так получилось. Я не знаю, что это такое».

Тот человек подумал просто: «Он сумасшедший!»

Но художникам все прощается. Люди вовсе и не ждут от них душевного здоровья. И поэтам все прощается. Вы же знаете, что все они немного не в себе, иначе зачем же заниматься поэзией, рисованием, когда в мире есть так много вещей, которые нужно делать? Зарабатывать горы денег, быть премьер-министрами или президентами, царями и царицами... А эти дураки растрачивают понапрасну свое время, свои жизни. И если спросить их: «Для чего?» - они не смогут ответить.

Человек направился прочь. Он сказал: «Я так и думал, что вы не знаете, что делаете: Ни один сумасшедший не знает, что делает».

Пикассо рассмеялся и сказал: «Это правильно. Я предпочел бы быть сумасшедшим, чем разумным, чем рациональным бизнесменом. Я хочу быть частью этого существования».

Ум - это часть общества. Это не часть существования. Поэтому для своего роста ум нуждается в обществе.

Чем лучше устроено общество, тем более искусным, умелым является мозг.

Вопрос о Боге возник в самом начале, может быть, десять тысяч лет назад, потому что в Риг Веде - древнейшем священном тексте - встречается одно из важнейших высказываний. Это высказывание таково: «Мы не знаем, кто создал мир. Мы не знаем, создал ли его кто-нибудь или нет». Это было, должно быть, в самом начале, когда у человека начались первые шевеления мысли: «Кто создал мир? Мы не знаем».

Да, теолог еще не появился; еще не появился человек с готовым ответом. Он придет очень скоро, он недалеко. Раз вы сказали: «Мы не знаем, кто создал мир», - ловкий человек из ваших рядов придет с готовым ответом. Он скажет: «Вы не знаете - я знаю». И немедленно он станет выше вас. Он станет мудрым человеком, священником, раввином, мессией - он ведь знает, а вы не

знаете.

Позднее священники осудили это высказывание из Риг Веды, назвав его Насдиа Сутра, что означает - отрицательная сутра. Это название дано, быть может, теми людьми, которые притворяются, что знают. Но люди, написавшие эти сутры, поднявшие эти вопросы, были более непосредственны. Они просто говорили: «Мы не знаем. И, кажется, нет способа узнать, кто создал все существование, и создавал ли вообще его кто-нибудь. Может быть, оно было всегда. Есть ли необходимость в том, чтобы было начало и был конец?» Да, в человеческой истории есть начало и конец. В кинофильме есть начало и конец.

Но у существования нет начала и нет конца.

Однако ум не может постичь того, что начала нет. Ум может представить себе то, что начало отстоит так далеко, как это только возможно, на миллионы световых лет назад, ум может представить себе любое начало, но он не в состоянии постичь вселенную, у которой начала нет.

Ум ощущает некоторую внутренне присущую ему неспособность постичь безначальное и бесконечное, что и есть истина.

Но ум жаждет ответа на вопрос: «Кто все это начал?» И чтобы удовлетворить ум... иначе, задавая вопросы и не находя ответов, он становится безумным; становится все более и более отчаявшимся от безнадежности. Это становится постоянной мукой. Мы не знаем смысла нашей жизни, поэтому возникают и тысячи других вопросов... почему мы живем? Если мы лишь случайны, лишены какой-либо цели - однажды мы возникли, однажды исчезнем, не оставив за собой и следа, - то ум не в состоянии постичь всего этого. Он хочет творить историю; он хочет оставить после себя свое имя. Он возводит пирамиды, стоящие тысячи лет. Он создает монументы. Даже обыкновенные люди...

В Джабалпуре, где я жил многие годы, находится одно из красивейших мест. Одна из красивейших рек Индии, Нармада, протекает на протяжении почти двух миль между двумя горами из мрамора, чисто белые горы из мрамора тянутся по обеим берегам на протяжении двух миль - горы из мрамора. Можно видеть их отражение в реке, а в полнолуние все вокруг становится просто сказкой. Вы не можете представить себе этого.

Когда я привез туда одного из моих профессоров, доктора С.К.Саксену... потому что я неоднократно говорил ему: «Как-нибудь вы должны съездить туда со мной». Наконец, он сказал: «Я не верю, что где-нибудь может быть так, как в сказочной стране, но если вы настаиваете, я поеду». Он жил за сто двадцать миль от Джабалпура. Ну вот, я взял его с собой в ночь полнолуния в мраморные скалы. И в тот момент, когда мы вышли на реку Нармаду... он оглядывался по всем сторонам. В начале, на протяжении полумили, это была обыкновенная река. Дальше она внезапно входила в мраморный мир.

Он не мог поверить своим глазам. Он сказал мне: «Простите, что я сомневался. Подвезите меня поближе к горам, я хочу коснуться их и посмотреть, есть ли они или это какой-то трюк, фокус. Это действительно похоже на сказку, но я хочу прикоснуться и посмотреть, настоящие ли они, не сон ли это, не привезли ли вы меня в какой-то волшебный мир».

Я вынужден был направить лодку ближе к горам. Он прикоснулся к ним и взял с собой

небольшой камень. Я спросил его: «Что вы делаете?»

Он сказал: «Я возьму его как напоминание, что это был не сон. Этот камень будет напоминать мне, что то была реальность. Иначе утром я начну сомневаться. Это правда, в которую невозможно поверить». Но если вы спросите о смысле этой красоты, то этого смысла нет. Если вы спросите о назначении этой красоты, то назначения нет. Это предельная красота, чистая красота. Но задумайтесь об этом, и ум немедленно спросит: «Зачем?»

Ум прежде всего хочет знать: «Почему? Где? Кем? Для какой цели?» Таково первое побуждение ума всех человеческих существ... можете представить себе, с чем они сталкивались... небо, полное звезд, - только представьте себя Адамом и Евой, первыми мужчиной и женщиной на Земле. В вас это не порождает ни единого вопроса, поскольку вы даже не смотрите на звезды; вы привыкли к ним, вы воспринимаете их, как данное. Но первыми проблесками, первыми шевелениями разумного ума... все было сказочной страной. Все было знаком вопроса.

Так много звезд. Почему? Кто создал их?

Так много деревьев, так много цветов - кто все время раскрашивает их?

Восход, закат - все было взволнованно, восторженно.

И все вопросы слились в один, и этим вопросом является Бог.

Бог - это не простой вопрос. Все эти вопросы о предназначении, смысле, мотивах, начале, конце... Ловкий священник эксплуатировал ситуацию простого человеческого ума. Он говорил: «Вы не знаете - я знаю». Бог - изобретение этих ловких людей, которые сказали: «Все это создал Бог». И потом они начали измышлять о Боге, поскольку их спрашивали: «Кто этот Бог? Где он живет? Почему он сотворил все это?» Они вынуждены были придумать: «Бог всемогущий, всесильный; он может сделать все».

Как раз на днях я получил письмо. Я получаю много писем от христиан. Этот бедный парень говорит: «Вы не знаете, а чудеса случаются! Я видел чудо; оно случилось со мной. Мой грузовик завяз в грязи, я старался, как мог, но ничего не помогало. Тогда я помолился Богу - и внезапно, о чудо! Грузовик сдвинулся. А вы говорите, что чудес не бывает».

Этот бедный парень думает, что Бог так интересуется им и его грузовиком, застрявшим в грязи, что, когда он помолился, Бог тут же бросился бежать, как если бы он был механизмом. Молитва - как телефонный звонок. Бог немедленно побежал, все устроил, и грузовик выбрался на дорогу. «А вы говорите, что чудес не бывает». И все эти христиане рассказывают о своих переживаниях чудес, в точности подобных этому.

Человеческое эго находит большое удовлетворение в том, что Бог заботится о вас, знает о вас, знает даже о вашем грузовике, застрявшем в грязи. Но человек, написавший то письмо, не осознает, о чем он говорит. То, о чем он написал, не имеет ничего общего с Богом и касается лишь эго. Удовлетворяя ваше эго, ловкий священник сыграл в игру, так отвечая на вопросы, поднятые вашим умом, что одним выстрелом оказались убиты два зайца.

Ответ был удовлетворением для эго и удовлетворением для ума. Если бы он не удовлетворял эго,

вы отвергли бы такой ответ. Вы бы засомневались. Вы подняли бы тысячу и один вопрос, - но это весьма удовлетворено ответом. Сомнение означало бы, что ваше это не удовлетворено. Сомнение лучше отбросить. Это гораздо более правильно; ведь ваше это удовлетворено. Бог сотворяет мир; он всемогущий, вездесущий, всеведущий. Он знает все: прошлое, настоящее, будущее. Если он не знает всего, то он не узнает и о вас, и о вашем грузовике, застрявшем в грязи в Орегоне. Вы понимаете всю эту идею ума и эго, вы постигаете их игры?

К настоящему времени насчитывают по меньшей мере два миллиона галактик. Наше Солнце, наша Луна, наша Земля, все планеты и все звезды, видимые невооруженным глазом, - это одна галактика. Наше Солнце находится в центре нашей Солнечной системы. Все движется вокруг Солнца. Солнце - центр одной Солнечной системы. Открыто по меньшей мере два миллиона галактик. Их гораздо больше - в этом можно быть твердо уверенными, поскольку мы не добрались до края вселенной и никогда не доберемся. Ум не в состоянии постичь этого. Ум всегда думает, что где-то должен быть край.

Когда Колумб пытался убедить людей... никто ведь не собирался идти с ним; никто не был готов. Одна лишь безумная королева Испании сказала: «Я дам денег. Пытайтесь». Для нее деньги не были проблемой. Кроме того, была известна ее склонность к безумным затеям, а эта идея захватила ее: «Очень хорошо. Если вы потеряетесь, значит потеряетесь; пеняйте на себя. Я оплачу путешествие, но вы найдите людей».

Колумбу были нужны по крайней мере девяносто человек, чтобы управлять кораблем, обеспечивать питание и все остальное. Он оценил, что путешествие займет не менее трех месяцев от момента отплытия до возвращения домой. Чтобы осуществить кругосветное путешествие и вернуться домой, нужно будет по меньшей мере три месяца. Этот подсчет оказался неверным. Но поскольку помогала королева, нашлось некоторое количество смелых людей, отчаянных людей, которые готовы были пойти с ним. И вот он отправился, а вместе с ним девяносто человек.

Папа послал Колумбу последнее предупреждение: «Я говорю вам, не делайте этой глупости. Вы будете раскаиваться, ведь сказано в Библии, что Земля плоская, поэтому однажды, когда вы подойдете к краю Земли, ваш корабль упадет вниз. Куда еще вы попадете с самого края Земли? Вы попадете в вечный ад! Обязательно должен быть край, вы не можете всегда и везде двигаться вперед. Земля плоская, поэтому у нее есть край, и вы упадете, а вместе с вами эти девяносто дураков — и они упадут. Я делаю вам последнее предупреждение: не идите против Бога!»

Но Коперник, Колумб, Галилей - эти люди не легковерны. Это не серая масса, которую может эксплуатировать священник. Колумб сказал: «Я иду. Лучше упасть с края, - но я, по крайней мере, своими глазами увижу край Земли, плоскость Земли. И я увижу, что случится после падения: где мы приземлимся, приземлимся ли мы где-нибудь вообще или будем все время падать. Посмотрим».

Но когда потекли дни... недели, месяцы... девяносто человек, бывших с ним, начали пугаться. Еще три дня - и запасы продовольствия кончатся. Они плыли уже два месяца и двадцать семь дней: «Он обещал, что через три месяца мы будем дома. Но нигде не видно и признака этого...» Все они собрались среди ночи, когда Колумб спал, чтобы убить его и повернуть назад. Ведь живым он назад не повернет, не такой он человек, чтобы поворачивать назад; он предпочтет упасть в вечную пропасть. Он не такой человек, чтобы повернуть назад. Невозможно даже

говорить об этом.

Но Колумб подозревал, что эти люди могут испугаться. Он сам был в сомнении: три месяца заканчиваются, но нигде ни единого признака конца пути. Нет ни дома, ни края земли - ничего нет, и кажется, что этот океан будет длиться и длиться вечно. Поэтому, когда он увидел, что эти девяносто человек собрались, - он лишь притворился спящим, но он не спал, - он подкрался подслушать их. Они закрыли дверь; но он подслушивал. Они говорили: «Бросим его в океан и повернем назад. Это единственный выход. Иначе мы умрем. Он умрет, и мы умрем. Он умрет из-за своего упрямства; а мы - из-за чего нам умирать?»

Колумб постучал в дверь; они испугались. Они открыли дверь, увидели Колумба. Колумб вошел. Он сказал: «Вы совершенно правы. Не нужно устраивать заговоров; можете бросить меня в океан. Но послушайте одно: запасов продовольствия только на три дня. Если пойдете назад, продовольствия нужно будет по меньшей мере на два месяца и двадцать семь дней. Три дня не помогут. Что вы будете делать через три дня?»

«Доберетесь ли вы до дома за три дня? Абсолютно точно нет. Мои вычисления, может быть, и неправильные, но эти вычисления вы можете проделать и сами: мы шли сюда два месяца и двадцать семь дней. Возвращение назад займет такое же время - если не будет безветрия, если вы не собьетесь с пути. Если вы пойдете назад правильным курсом, в чем нет уверенности, тогда вам потребуется много пропитания. У вас столько нет. Хотя у вас и будет на одного человека меньше».

«Вы идиоты! Послушайте меня. Лучше идти вперед: может быть, за три дня мы доберемся - ведь путь вперед открыт. Мы можем добраться, мы можем не добраться, но вероятность добраться есть. И я абсолютно уверен, что мы доберемся, поскольку сегодня я видел птиц, летающих в небе. Я видел несколько листьев, плавающих в океане. Так что земля где-то рядом. Мы можем не добраться до дома, но мы доберемся куда-нибудь».

Логика была абсолютно ясной. Даже эти идиоты смогли понять, что это было правдой. Идти назад была бы верная смерть. Через три дня начнется голод. И без разума Колумба... Если же идти вперед, то была вероятность успеха, ведь он мог оказаться прав. Еще оставалось три дня. Они переменили свои намерения. Они попросили прощения. Колумб сказал: «Нет проблем. Я сам много раз сомневался в том, что делаю. Я не беспокоюсь о себе. Я беспокоюсь о вас, это ведь не ваш проект; это мой проект, а вы без нужды оказываетесь его жертвами. Но подождите еще три дня, дайте мне мои три месяца целиком».

И через три дня он достиг Америки.

Он не попал домой. Он не достиг Индии. Это было его второй идеей, если они не доберутся до Испании, то хотя бы на полпути доберутся до Индии - с другой стороны. Ведь в одну сторону движение уже было открыто; между Испанией и Индией, между Англией и Индией путь был открыт. Они предполагали добраться хотя бы до Индии с другой стороны. И он подумал: «Это Индия». Вот почему люди, живущие там, жившие там, люди, которым принадлежит эта страна, называются «красные индейцы». Это не их название, это название, которое дал им Колумб. Они были красного цвета, а он думал, что то была Индия, поэтому и назвал их красными индейцами.

Священник делал разом две вещи. Он удовлетворял ваш ум, как бы погружал его в состояние

комы: Бог есть, он знает все, и он сотворил все; и когда есть всезнающий, всеильный, вездесущий Бог, вам не нужно беспокоиться о предназначении, о цели; он позаботится обо всем этом. Он уже позаботился. Он создал человека, как наивысшее творение, призванное править всем миром животных, гор, океанов, деревьев. Он создал человека по своему подобию.

Только подумайте над этим высказыванием: «Бог создал человека по своему подобию».

Священник исполняет две вещи. Он говорит: «Вы созданы Богом по его собственному подобию, вы получаете что-то от Бога... вы Его наследники». Это помогает, утешает, устраняет беспокойство, тревогу, страх. У вас есть кто-то настолько могущественный, настолько всезнающий, настолько вездесущий, что совершенно не нужно беспокоиться о том, что он куда-то уйдет, когда у вас будут какие-нибудь неприятности и вы позовете его. Он присутствует везде. Поэтому вы можете молиться, он слушает вас. И он всемогущ, не сомневайтесь, он сделает то, о чем вы молитесь. Он может сделать все.

Поэтому вы можете просить о чем угодно, если вы просите с полной верой... вы увидите трюк. Эти трюки священник проделывал в течение всей истории человечества: «С полным доверием...» Но доверие никогда не может быть полным; «верование без сомнения...» Верование никогда не может быть без сомнения. Вот какие условия он ставит вам: если ваша молитва не исполняется, знайте, почему она не исполнилась, - не потому, что Бог не слушает вас, не потому, что он глух, не потому, что он больше не заботится о вас, не потому, что он ушел в отставку или умер, нет, - ваша вера была абсолютной. В вас есть сомнение, где-то там, в стороне, за углом. Вы испытываете сомнение, так что виноваты вы.

И когда, в конце концов, грузовик вылезает из грязи, так радостно думать, что из двух миллионов галактик, - а в каждой галактике множество солнечных систем, и в каждой солнечной системе одно солнце и множество планет - ваша крошечная Земля... Это очень крошечная Земля. Солнце в шестьдесят тысяч раз больше Земли, а это весьма среднее солнце; это не самое большое солнце, просто солнце среднего размера. Есть солнца в тысячи раз больше нашего.

Так что это маленькая Земля, и на этой маленькой Земле эта крошечная Америка, этот крошечный Орегон, ранчо «Большая Грязь»... ваш великий грузовик, увязший в грязи, - и он спешит к вам. Это так радостно.

Итак, если вы все время молитесь Богу, то в конце концов обнаружите, что вашу молитву слышали. Это радует. Тогда вы полностью забываете, что еще было сомнение. Нет, когда все так радует, кто станет беспокоиться о таких неудобных, неприятных истинах. Нет, человек все полностью забывает, он так переполнен радостью в своей вере. Человек удовлетворен еще и тем, что его вера так сильна, что Бог вынужден слушать его.

Теперь эти дураки пишут мне, что молят за меня Бога, чтобы Бог простил меня. Они должны молиться мне, чтобы я простил их Бога, он ведь достаточно помучил человечество. Он и вся его компания мессий, аватар, тиртханкар, паигамбар, все это великое скопище, все священники всего мира, все они сосали кровь человеческую. Им следовало бы молить меня, чтобы я простил их Бога, и их мессий, и их тиртханкар, и их аватар.

Но они просят, чтобы я был прощен, поскольку я не знаю, что чудеса существуют; поскольку я не

знаю, что Иисус - истинный мессия, на самом деле единственный рожденный сын Божий. Они молятся за меня... Не менее дюжины писем в день: «В церкви мы будем молить Иисуса, Бога, чтобы вы были прощены».

Бога нет. Даже если бы я захотел простить его, это было бы бессмысленно. Нет Бога, которого я могу прощать.

И я не могу простить компанию, которая использует имя Бога и до сих пор эксплуатирует все человечество. Я не могу простить и не могу забыть, поскольку эта компания – наихудшая шайка преступников, какая только может быть. Они воспользовались вашей слабостью.

Ум слаб, ему в качестве поддержки нужен смысл. Они дают его - ложную поддержку, обещание, которое не будет выполнено. И они удовлетворяют эго, являющееся одним из величайших препятствий на пути познания существования. Таким образом, двумя способами они совершают неисчислимое преступление. С одной стороны, они перекрыли уму дорогу к поиску, поскольку дали ему готовые ответы...

Истинная религия скажет: «Ваш вопрос справедлив, отправляйтесь в поиск. И нет ответа, который вам может дать кто-нибудь. Любой ответ, данный вам кем-то, будет неправильным».

Запомните это. Вопрос не в том, правилен ответ или нет. Если он дан вам кем-то другим, сам этот факт, что он дан вам кем-то другим, а не найден вами самими, означает, что он ложен.

Вы должны найти ответ сами, вы должны рисковать всем для того, чтобы найти его.

Вопрос справедлив. Ответ неправильный.

Поэтому высказывание Риг Веды: «Мы не знаем, почему есть это существование, кто создал его, есть ли вообще тот, кто его создал», - является единственным подлинным высказыванием во всей Риг Веде, - а священники называют его «Отрицательной Сутрой». Они думают, что какой-то атеист... ведь Риг Веда - книга, написанная не одним человеком, это сборник. Сотни поэтов, провидцев, ученых внесли в нее свой вклад. Она почти как Британская энциклопедия. Четыре Веды содержат все знания тех дней, имевших место десять тысяч лет назад, содержат все, что было известно, все вопросы, которые возникали тогда. Они содержат все, это настоящая энциклопедия. Они должны быть поставлены рядом с энциклопедиями; они - не святыне книги. Святынь нет вообще.

Это похоже на то, как евреи и христиане сильно беспокоятся по поводу «Песни Песней Соломона» в Ветхом Завете. Они хотели бы, чтобы ее там не было. Но что они могут сделать? Она там есть. И теперь слишком поздно изымать ее оттуда. А они действительно стесняются ее. Ни один раввин ее не комментирует. Ее не комментирует ни один христианский священник. А ведь это единственное прекрасное место во всей Библии. Но поскольку это песнь любви и поет ее Соломон, восхваляющий свою возлюбленную, она оказывается очень чувственной. Я не думаю, что когда-либо хоть какой-нибудь поэт приближался по чувственности к песне Соломона. Ваши Д.Г. Лоуренс, Генри Миллер и другие могут многому поучиться у песни Соломона.

Но евреи продолжают прятать ее, христиане продолжают прятать ее. Если вы просто будете

ходить в церковь, вы так никогда и не узнаете, что есть нечто, подобное песне Соломона. Ни один раввин не собирается комментировать ее, ему стыдно. Ведь Соломон представляется настолько подлинным в своих ощущениях, эмоциях, в своей чувственности, что кажется, что он как будто очень хорошо знаком с Зигмундом Фрейдом и что, может быть, Зигмунд Фрейд чему-то научился у Соломона. Впрочем, Соломону нет нужды беспокоиться о Зигмунде Фрейде.

Вы удивитесь тому, что песня Соломона - еврейское и христианское явление, но в Индии Соломона называют «Сулейман», так по-индийски произносится Соломон. В Индии есть пословица: если кто-то пытается быть очень мудрым, то ему говорят: «Не пытайся быть Сулейманом». Это значит: не притворяйся Соломоном, не притворяйся мудрым, как Соломон.

Эта пословица в Индии очень древняя. И Индия прекрасно воспринимает Соломона, поскольку она легко воспринимает Кхаджурахо. Песня Соломона должна быть выгравирована на стенах храмов в Кхаджурахо - только там она будет приличествовать, там, где камень превращен в такую чувственную красоту. Тысячи мужчин и женщин, высеченные в камне, выглядят так реально, что вам хочется обнять их. Вам будет стыдно за то, что вы не так прекрасны, не так пропорционально сложены. Песня Соломона будет самой подходящей книгой для храмов Кхаджурахо, Конарака, Пури. И в Индии это одна из древнейших пословиц: «Не пытайся быть Соломоном». Но евреи и христиане не воспринимают Соломона как действительно мудрого человека. Во всей Библии он представляется единственно иным человеком.

То же самое происходит и с Насдия Сутрой в Риг Веде. Для меня это единственная подлинная сутра. Кто бы ни написал десять тысяч лет назад: «Мы не знаем. У нас есть только вопросы и нет ответов», - он был, наверное, человеком потрясающей смелости.

И эта смелость нужна для того, чтобы искать, разыскивать и найти, - но найдете вы не Бога; вы найдете себя.

Вы не найдете создателя, но найдете созидательную энергию, которая окружает вас изнутри и извне.

Если вы слушаете других, то тогда Бог - создатель. Если вы ищете в себе, то тогда находите божественность — созидательность.

Когда священник начал отвечать, что Бог есть, а люди начали спрашивать о Боге, они забыли, почему вообще возник вопрос о Боге. Вопрос был: «Кто создал мир?» Священник отвечал: «Бог». И в каждой стране священник мог свободно воображать себе, что такое Бог, как он выглядит.

Китайский Бог похож на китайца. У него не может быть такой бороды, как у меня. Китаец не может позволить себе иметь такую бороду, как у меня, это невозможно. У них лишь жиденькие бородки - волоски можно пересчитать по пальцам. У китайского Бога такая же борода. Когда один мой китайский друг принес мне статую китайского Бога, я сказал ему: «Вы могли бы быть немного более великодушными, хотя бы со своим Богом. Что это за борода... всего двенадцать волосков? И плоский нос, выступающие скулы... это китаец».

Индусский Бог должен быть индусом. Я рассказывал вам о Кхаджурахо. Если вы видели тех женщин, то это индусские женщины, причем не сегодняшние, а тех дней, когда они были высечены в камне. Женщин этих создавали по живым образцам, иначе невозможно было бы

выдержать всех пропорций. Таких округлых грудей, как у статуй Кхаджурахо, невозможно найти нигде в мире. Но у индийских женщин такие груди были. Если у женщины не было таких грудей, таких полных, таких округлых, она не считалась красивой. В ней что-то было упущено, она не могла быть настоящей матерью. Хотя, с другой стороны, я понимаю, что у маленьких детей могли быть проблемы с такими большими грудями.

Когда я посещал... а я посещал Кхаджурахо много раз, поскольку Кхаджурахо - одно из изумительнейших явлений, эти тридцать храмов. Я спросил как-то гида, ставшего в конце концов санньясином, - сейчас он санньясин, этот гид из Кхаджурахо, - я спросил его: «Если груди такие округлые, то ребенку будет очень трудно пить молоко из них. Его носик утонет в груди. Он будет задыхаться. Ротик будет пить, носик будет закрыт, он задохнется».

Он сказал: «Вы странный человек. Я здесь уже тридцать лет, я показывал эти храмы тысячам людей, но никто не был обеспокоен этим вопросом. Даже я сам не подумал... а ведь верно».

Я сказал: «Попытайтесь подумать».

Он сказал: «Не нужно и пытаться, это абсолютно верно». При такой округлой груди носик обязательно будет закрыт, и ребенок не сможет дышать. Для детей это должно было быть настоящей проблемой. Я просмотрел все самые древние священные книги Индии; Калидас, Бхавабхути, все великие поэты описывают груди точно такими же.

На Западе грудь исчезает. На Востоке она тоже не осталась такой, какой была. Что-то идет не так. Что-то изменилось. На Западе женщина пытается быть равной мужчине во всем. Ее психология теперь другая. Теперь она хочет носить ту же одежду, что и мужчина. Естественно, ее тело меняет свои формы. Вместе с одеждой, вместе с психологией, вместе с желаниями меняется и тело: ее груди и бедра исчезают. Она становится ровной, как палка, что сверху, что снизу. Это безобразно, но если она не прекратит свое стремление уподобиться мужчине... тело следует за умом. Оно постепенно, постепенно приходит в соответствие с идеей, вынашиваемой умом.

Я гостил у племен, очень древних племен, где женщина сильнее мужчины. Когда вы впервые видите это, вы не можете поверить себе. Во всем мире мужчина выше, сильнее, мускулистее; женщина мельче, не имеет такой мускулатуры. Но у этих племен в центральной Индии выше женщина. У женщины есть мускулатура. Женщина делает всю работу, мужчина ухаживает за детьми. Естественно, он усох, он уже не тот мужчина, поскольку не применяет свою мускулатуру. Он стал женой, жена стала мужем.

Раз психология изменяется... и почему это произошло в центральной Индии? Потому что мужчина нашел, что так легче. Можно жениться на стольких женщинах, сколько захочется, поэтому мужчина начал брать себе в жены много женщин. И он начал посылать их на работы: «Иди на ферму, иди в сад, иди на реку, иди к колодцу за водой ». Что бы все эти женщины делали, сидя дома? Он начал отдыхать, а женщины работать. И конечно, когда женщины работают, они оставляют детей с мужем, говоря ему: «Посмотри за детьми, поухаживай за ними».

Постепенно, постепенно женщина стала выше, сильнее. Теперь ситуация такова, что мужчина не может поколотить женщину. В центральной Индии женщина колотит мужчину, и это

признается нормальным, тогда как в остальных частях Индии признается нормальным, когда мужчина бьет жену. Ему не надо даже извиняться за это. Это его право. Подобное справедливо и для центральной Индии; жена может колотить мужа, это ее право. Если он плохо заботился о детях, он должен быть наказан.

По всему миру женщина осталась маленькой, поскольку мужчина навязывал ей такую психологию: «Я больше, сильнее. Я твоя опора, твоя защита, залог твоей безопасности». И он делает женщину слабее, ведь чем слабее она, тем больше она будет зависеть от него. Поэтому не надо давать ей образования, не надо позволять ей работать, поэтому она слаба в финансовом отношении, слаба в плане образования. Она должна зависеть от вас. Куда она пойдет? Что она может делать? Как она будет зарабатывать на жизнь? Это невозможно.

Когда Бхавабхути, Калидас и другие поэты и эти безвестные скульпторы, изображавшие женщин... это не было лишь игрой воображения, поскольку так женщина изображалась не в одном только месте. По всей Индии в любом храме вы найдете такие же статуи, статуи такого же рода, с такой же фигурой. Это было обычным явлением. Но оно начало исчезать с приходом в Индию мусульман.

Когда мусульмане ворвались в Индию, они привели женщин, носивших вуаль, которая называлась буркха, черная вуаль, покрывающая все тело. Они редко видят солнечный свет; многие, может быть, вообще не видели солнца за всю свою жизнь. Они редко видят других людей, кроме своих мужей, своих детей. Их тела бледны - должны быть такими, - слабы, хрупки. У них нет больших округлых грудей; их тела не могут поддерживать таких грудей. Когда мусульманские женщины пришли в Индию... а мусульмане были очень заинтересованы в женщинах других народов, поскольку религия разрешает им иметь четырех жен. В своем собственном обществе они не могли найти столько, поскольку пропорция всегда остается одинаковой - мальчиков и девочек рождается примерно поровну.

Вы удивитесь - у природы есть свой собственный способ подсчета, своя собственная арифметика. На сто девочек рождается сто десять мальчиков, поскольку к тому времени, когда они станут зрелыми, десять мальчиков умрут. Мальчики слабее: их сопротивляемость к болезням ниже, чем у женщин.

Так что сто девочек и сто десять мальчиков - вот естественная пропорция. Мальчиков на десять больше, потому что десять из них умрут до достижения брачного возраста. К тому времени, когда им будет по шестнадцать, количества сравняются.

Таким образом, представляется естественным следующее устройство: один мужчина, одна женщина - так должно быть. Как можно получить трех других женщин, откуда? Поэтому мусульмане захватывали чужих женщин. Вместе с мусульманами в Индию вошла паранджа, гхоонгхат, - индийская женщина также начала прятать себя в свое сари, в сари, ниспадающее через голову, чтобы никто не мог видеть ее лица. И она начала носить одежды, скрывающие ее груди. Раньше она радовалась своему телу. С приходом мусульман в Индию она начала бояться своего тела. Психологически она усохла. Быть женщиной стало грехом, это стало опасным. После мусульманского периода в Индии женщина потеряла свою былую красоту, свои былые пропорции. Она больше не женщина Кхаджурахо.

Я говорил, что в Ветхом Завете Соломон - единственный подлинный, реалистичный, живой

человек. Он не священник, он не раввин и не пророк. Он истинный человек, человеческое существо. И он не стыдится быть человеческим существом или иметь человеческие качества.

То же справедливо и по отношению к Насдиа Сутре в Риг Веде. Мы не знаем, кто написал ее, но кто бы ни написал ее, человечество многим обязано этому неизвестному человеку. Десять тысяч лет назад, когда все дрожали перед священниками... а то, что делали все священники, было лишь чистым суеверием. Они не позволяли людям читать священные книги, ведь, если люди прочтут священные книги, они узнают, что там написано. Узнают, что все это хлам, — но священник постоянно повторяет все это, а санскрит - такой красивый и поэтичный язык, что даже чтение ежедневной газеты на нем будет выглядеть поэзией. Газета будет выглядеть великой поэзией.

Санскрит настолько музыкален, что, слушая его, вы забудете о том, что вам нужно еще и понимать смысл. Вы просто полюбите его и будете наслаждаться его напевностью, его музыкой, его ритмом. И это качество санскрита священник использует очень умело. Он не позволяет массам читать священные книги, поэтому они никогда по-настоящему не понимали, что же там написано. Для общения массы вынуждены пользоваться другими языками. Санскрит только для священников, для браминов. И они хранят в тайне от всех, что там написано.

Женщины полностью отрезаны от священных книг, поскольку ни одной из них не разрешается читать священных текстов, не разрешается читать Веда. Полностью запрещено читать их шудрам, составляющим четвертую часть населения страны, поэтому оказывается, что они даже не слышали о священных книгах... что же говорить о чтении их... Если какой-нибудь брамин распевает священные тексты, а шудра, прячась, старается подслушать его - этого достаточно: он может понести самое суровое наказание, смертельное наказание. И даже сам Рама, человек, которому индусы поклоняются, как воплощению Бога, совершил такой негуманный акт, единственный акт, но этого достаточно, чтобы осудить его навсегда.

Один брамин пришел к Рама со своим только что умершим юным сыном и сказал: «Мой сын умер. И это говорит о том, что какой-то шудра, какой-то неприкасаемый где-то в вашем царстве читает Веда». Какая здесь связь с шудрой, читающим Веда? Сейчас их могут читать все, кто угодно, они есть во всех библиотеках, все шудры читают их, и ни один брамин от этого не умирает. И почему сын именно этого брамина должен был умереть, когда какой-то шудра где-то читал Веда?

Немедленно был организован великий розыск. В итоге нашли, что один шудра не читал, но слышал священные тексты. Кто-то распевал их, а он слушал, поскольку пение было таким прекрасным. В этом не было ничего плохого, но этого оказалось достаточно. Он был приведен ко двору, и Рама приказал залить ему в оба уха расплавленный свинец, чтобы он никогда не мог больше слушать.

И этот человек - воплощение Бога. Так и было сделано - такая жестокость! И это не помогло сыну брамина. Он умер, он не вернулся к жизни. Если бы он вернулся к жизни, тогда в этом был бы какой-то смысл. Сын не вернулся к жизни, а тот человек на всю жизнь стал глухим. И, может быть, оказались разрушенными клетки его мозга, его глаза - кто знает? - ведь в священных книгах не описывается, что стало с тем человеком, умер он или остался жив.

Вы вливаете огонь в оба его уха. А уши соединены с носом, соединены с глазами, соединены с

мозгом; вы, может быть, разрушили такую тонкую ткань его мозга, что если он и остался жив, то стал подобен роботу. И в чем был его грех? Он услышал, как какой-то брамин распевает мантру, которую он не в состоянии даже понять, поскольку не знает санскрита.

Священник старался делать так, чтобы люди не знали многого о священных книгах; они не должны спрашивать, они не должны сомневаться: «Их функция - верить, молиться, поклоняться, и они будут вознаграждены в предстоящей жизни после смерти».

Бог - величайшая ложь, которая только может быть выражена словами.

Сейчас я смеюсь, потому что несколько раз бывал в судах. Раз я был в суде, и мне сказали: «Примите присягу именем Бога».

Я сказал: «Не упоминайте имени Бога, поскольку я не могу присягать истине именем величайшей лжи».

Судья не мог поверить своим ушам; он сказал: «О чем вы говорите?»

Я сказал: «Бог - это величайшая ложь. А вы говорите мне принять присягу именем Бога? Если вы этого хотите, я сделаю так, но помните, я принимаю присягу истине именем лжи. Тогда истина ничего не значит, присяга ничего не значит, и вы даете мне абсолютную свободу лгать с самого начала».

Поэтому он сказал: «Ну что же, есть другие альтернативы. Можете принять присягу на любом священном писании, в которое вы верите».

Я сказал: «Я не верю ни в одно священное писание. Я не встречался ни с одним священным писанием».

После чего он сказал: «Тогда есть последняя возможность: примите присягу именем конституции Индии».

Я сказал: «Я не готов принимать присягу именем этих священных писаний, в которых содержатся некоторые красивые высказывания, которые хранят в себе прекрасную поэзию, которые написаны поэтами, провидцами. Некоторые из них, может быть, знали истину; но в целом я не рассматриваю ни одну из этих книг как свякую, поэтому и не принимаю присяги. Вы что же, на самом деле думаете, что я приму присягу именем конституции, написанной политиками третьего сорта, наихудшими людьми страны?»

Тогда он сказал: «Тогда что делать? Присягу необходимо принять».

Я сказал: «Я могу присягнуть своим собственным авторитетом. Это единственный способ. Другого нет. Все другие способы созданы священниками, я не верю в священников».

Священники дали вам величайшую ложь, и затем, чтобы защитить свою ложь, они сотворили еще больше лжи, придумав, что Бог наказывает вас, что он вознаграждает вас, что он посылает вам особых посланников, что где бы ни случились неприятности, где бы ни случилось страдание, он приходит... Странно, что люди продолжают верить в это. Люди живут в страдании и горе, а он не собирается приходить - разве только для того, чтобы вытащить

грузовик! Великое чудо.

И люди умирают... так много войн... так много людей убито. А он не приходит. Как вы думаете, эти миллионы евреев, уничтоженных в газовых камерах в Германии, - многие из них были раввинами, очень знающими людьми, - они что, не молились? Он приходит, чтобы вытащить грузовик у ранчо «Большая Грязь», а что же эти миллионы евреев и сотни раввинов, уничтоженных в газовых камерах, к ним он не приходит вовсе?

Что случилось в России? После революции было убито по меньшей мере десять миллионов людей. И не богатых людей - где в России вы найдете десять миллионов богатых? - бедных людей, для которых и была совершена революция, чьим именем была совершена революция, чьим именем правила коммунистическая партия, и их убивали по ничтожным поводам... этих бедных людей. А Россия была очень бедной, одной из беднейших стран мира, потому что царь и сверхбогачи, окружавшие его, сотни лет так сильно эксплуатировали всю страну, что почти каждый голодал, страдал от болезней, умирал.

Вот человек, у которого две курицы, посмотрите на этого бедняка: у него только две курицы - это все, что у него есть. Он может продавать по два яйца в день и немного зарабатывать на этом, немного подрабатывать и еще где-нибудь, где можно подработать... теперь коммунистическая партия говорит, что все принадлежит государству; теперь эти две курицы - собственность государства. Этот бедный человек не понимает коммунизма или чего-то такого. Он понимает только одно, что у него этих двух куриц отнимают. Он пытается не отдавать их - его расстреливают, поскольку он борется против коммунизма! Он просто борется за своих двух куриц, без которых ему не прожить... такие бедные люди.

Миллионы людей расстреляны, а ведь они все были ортодоксальными, православными христианами. Русская церковь - самая ортодоксальная церковь в мире. Ватикан ничто по сравнению с нею. Она не зависела от Ватикана. Из-за своей ортодоксальности... русская церковь полагала, что Ватикан слишком либерален. Она же была абсолютно ортодоксальна. Все эти люди, молившиеся каждое воскресенье в церкви, - что случилось с ними? Что случилось с Богом? Он что, неожиданно исчез из России? Испугался коммунистической партии? Испугался Сталина? Испугался, что его расстреляют? Что случилось со всей его всеохватной мудростью, состраданием, любовью? Все исчезло, а эти миллионы людей просто умирали, умирали непрерывно.

Поэтому священники вынуждены изобретать чудеса. Они должны изобретать великие вымыслы, истории, в которых Бог творит великие вещи. Он никогда не совершает своих чудес перед вами - ни единого очного свидетельства, все только описано в книгах.

Иисус поднял Лазаря из могилы. И вот человек, воскресивший мертвого, абсолютно бессилён на кресте. Самое время было показать чудо. Он мог бы превратить крест в корону, в золотой трон. Вот это было бы чудо. Но в этот момент он ничего не может сделать. Он молит Бога... А ведь до этого чуда творил он - сейчас же сам просит Бога о чуде. А Бог полностью глух. Иисус кричит: «Ты покинул меня?» Но с неба ответа нет.

Бога создали священники; потом, для поддержки этой лжи, они нагородили лжи еще больше. И они на протяжении тысяч лет все время громоздили одну ложь на другую. А люди все время пытались найти какую-нибудь истину среди этой лжи. Вы потеряетесь в этой теологической

лжи; в джунглях лжи. Нет, это не путь к истине. Путь к истине лежит как раз в обход всякой теологии: христианской, индусской, мусульманской, джайнской, буддийской - в обход всякой теологии.

В обход всего, что измыслили священники.

Оставайтесь неразрывно со своим вопросом, ищите и спрашивайте внутри себя.

Лучше спросить: «Кто я?», чем спрашивать, кто создал мир. Если даже вы узнаете, что вы будете делать с этим? Я говорю: «Мир создал А». Ну и что? Вы спросите: «Кто создал А?»

Настоящий религиозный вопрос совершенно не имеет ничего общего с богом.

Подлинным вопросом является: «Кто есть я?»

И единственный способ узнать ответ - это быть безмолвным, быть бдительным, быть осознанным, наблюдать свои мысли и позволить им исчезнуть.

Однажды вы обнаружите, что все стало безмолвным, ни единого шепота мысли, все остановилось, как если бы остановилось время. И внезапно вы просыпаетесь от долгого, долгого сна, от кошмара. И, раз узнав свое бытие, вы узнаете бытие целого, ведь ваше бытие - не остров. Оно не отделено от целого. Оно - часть целого континента, целого существования.

И раз вы познали свою часть, вы познали вкус существования. Ведь вкус существования везде одинаков. И в тот момент, когда человек познает себя, он познает, что все религии были бизнесом, деловым учреждением, основанным ловкими людьми. Вас обманывали.

В тот момент, когда вы познаете себя, вы познаете такое блаженство, что в этом блаженстве исчезают все сомнения, все вопросы.

Наблюдали ли вы такой простой факт? Когда вы счастливы, вы никогда не спрашиваете себя: «Почему я счастлив?» Но когда вы в горе, вы спрашиваете: «Почему я в горе?» Когда ваша голова здорова, вы не задаетесь вопросом: «Почему я не страдаю от головной боли?» Но когда голова болит, вы непременно спрашиваете: «Откуда эта головная боль?»

Я стараюсь напомнить вам, что когда внутри себя вы полны блаженства, тогда исчезают все вопросы - исчезают без ответа; растворяются, не возникают.

И когда у вас нет вопросов, нет сомнений, нет веры, но вы предельно завершены, предельно удовлетворены, то в этом состоянии и приходит познание.

Человек становится Соломоном.

Беседа 23

НЕ БЫТЬ СОБОЙ - ЕДИНСТВЕННЫЙ СПОСОБ ОБМАНУТЬ МОИ ОЖИДАНИЯ

21 ноября 1984 года

Бхагаван, может быть, мы каким-то образом обманули Ваши ожидания, раз Вы вынуждены заговорить снова?

Невозможно обмануть мои ожидания. Это не в вашей власти. Вы можете обмануть ожидания Моисея, если не будете следовать десяти его заповедям. Я не давал вам никаких заповедей. Вы не можете выступить против меня. Вы очень легко можете обмануть ожидания Иисуса, поскольку все, что он говорит вам, чему учит вас, идет против человеческой природы, а вы - человеческие существа, тщетно пытающиеся быть сверхчеловеческими. Вы обязательно потерпите неудачу.

Я не давал вам никаких сверхчеловеческих идей. Я никогда никаким образом не убеждал вас выходить за пределы обыкновенного. Как вы можете обмануть мои ожидания?

Иисус говорит: «Любите врагов своих, как самих себя». Может быть, вам трудно найти противоречие. Сначала вы воспринимаете кого-то, как своего врага. Само это восприятие означает, что вы возненавидели его. А теперь Иисус говорит: «Любите его». Он говорит: «Любите человека, которого вы ненавидите». В непосредственном переводе его высказывание означает: любите человека, которого ненавидите.

Люди делают и так, правда с прямо противоположной стороны. Они ненавидят человека, которого любят. И в тот момент, когда Иисус говорит: «Любите врагов», - он не осознает того факта, что вы не можете любить даже друга без того, чтобы не ненавидеть его, что любовь и ненависть - две стороны одного и того же явления. Всякого, кого вы любите, вы и ненавидите. Иногда берет верх ненависть, и любовь уходит вниз, а иногда берет верх любовь, и уходит вниз ненависть. И в течение двадцати четырех часов вы можете наблюдать, как точка на колесе любви и ненависти по отношению к одному и тому же человеку идет то вверх, то вниз.

Иисус говорит о любви, но, кажется, он не знает о ней ничего, поскольку первое, что нужно знать, - это то, что любовь и ненависть - не две разные вещи. Их невозможно разделить. Если хотите любить, то должны и ненавидеть. Да, ваша любовь может быть настолько понимающей, что впитает в себя и ненависть, что вы воспримете ненависть, как существенную часть любви, что вы не станете ненавидеть ненависть.

Вы не можете обмануть мои ожидания по той простой причине, что я никогда и ничего не ждал от вас.

Все эти мессии чего-то ждут от вас. Вы должны сделать это, вы должны сделать то. Раз вы не соответствуете идее о том, какими вы должны быть, то тем самым вы обманываете их ожидания. То, что вы будете все время подводить их, абсолютно неизбежно, ведь вы не можете соответствовать чьей-то чужой идее.

У вас есть своя собственная сущность, которая нуждается в самореализации.

Вы не отвечаете передо мной за исполнение моей идеи.

Свою идею реализовал я сам. Теперь дело за вашей идеей, вашим бытием, вашей сущностью, которая должна быть реализована.

Никто другой не может навязать вам свою идею. Но на протяжении веков тысячею и одним способом люди правили людьми. Они правят вами посредством денег. Они правят вами посредством политики; они правят вами посредством осведомленности. Они правят вами, создавая определенный образ социального уважения.

Например, я хотел бы сказать кое-что о Махатме Ганди. В его ашраме каждодневным страхом было то, что ученик мог обмануть его ожидания. Ведь то, что он требовал от этих бедных людей, было так неестественно, настолько лишено всякого здравого смысла, что если они не были абсолютными идиотами, то они обязаны были обманывать его ожидания. Это было единственным способом спасти себя, иначе он их уничтожил бы. В ашраме Махатмы Ганди вы не могли выпить чаю. Этого было достаточно, чтобы расстроить его. Чай - такая невинная вещь. Буддийские монахи пьют его на протяжении тысяч лет, чтобы помочь себе в медитации, ведь он сохраняет бдительность, бодрствование. Когда вы засыпаете, выпейте чашку чая, и он придаст вам немного осознанности.

Есть история о том, как Бодхидхарма решил оставаться без сна двадцать четыре часа. Но тело есть тело, веки устают. А когда они устают, глаза закрываются. Он так разгневался, что отрезал свои веки и бросил их в траву. Тогда его глаза перестали закрываться. Это символический рассказ. Этого не было, этого не могло быть, поскольку я очень хорошо знаю Бодхидхарму. Он последний, кто делает такое. Но история эта очень значительна, хотя это просто история: из этих век выросло растение, которое стало чайным кустом. И поскольку то были веки такого человека, как Бодхидхарма, чай до сих пор несет в себе качества, придающие осознанность. Это значительная история.

В каждом буддийском монастыре чай является первым делом. Но в ашраме Ганди, если кого-то заставляли пить чай, это считалось великим грехом. Считалось, что он обманывал учителя. А учитель был садомазохистом. Все приверженцы дисциплины, будьте махатмы, мудрецы, раввины, святые, начальники, учителя, руководители - все приверженцы дисциплины глубоко внутри диктаторы.

Дисциплина - хорошее название для мерзкой вещи - диктаторства.

Но вы не можете бунтовать против приверженца дисциплины. Вы можете бунтовать против диктатора. Вы можете бунтовать против Сталина, вы можете бунтовать против Муссолини, но вы не можете бунтовать против Махатмы Ганди, и в этом опасность.

Почему вы не можете бунтовать против Махатмы Ганди? Потому что перед тем, как наказывать вас, он мучит сам себя. Он садист и мазохист одновременно. Перед тем, как мучить вас, он мучит себя больше, чем вас. Вы не можете бунтовать. Этот человек не просто мучит вас, как Иосиф Сталин. Он измучил себя, он наказал себя гораздо больше, чем вас. Как против него можно бунтовать? Невозможно найти никакого оправдания для бунта.

У Ганди был один ашрам в Южной Африке в начале его карьеры в качестве махатмы. Он назывался «Ашрам Феникса». Там он так сильно мучил свою жену и своих детей, что я удивляюсь, почему никто не побеспокоился и не подумал об этом. А люди, подобные лорду Аттенборо, делали фильмы о Ганди, в которых совершенно опущено все существенное, все, что должно было быть вынесено на людское обозрение. Может быть, эти люди, подобные Аттенборо, полностью слепы - ослеплены своим Махатмой.

Что он делал со своей женой? Прежде всего она должна была чистить туалет... а вы не знаете индийских туалетов. Нечего сравнивать с западным туалетом. Западный туалет можно чистить, нет проблем. Там нечего чистить, он уже чист. Но индийский туалет по-настоящему грязен. И Кастурба, жена Ганди, не могла сказать «нет», поскольку сам Ганди тоже чистил. Когда муж чистит... она знала, что он махатма. Она знала, что это грязная работа, и ей не нравилось убирать грязь за чужими людьми, выносить ее из дома на задний двор и выбрасывать все это дерьмо в яму - у Ганди ведь была идея, что дерьмо не должно пропадать. Все должно быть использовано.

Он был настоящим скрягой. Дело не в том, что он страдал от запоров - всю свою жизнь он повсюду носил с собой клизму, - то была его психология. Дерьмо должно быть собрано и выброшено в яму позади дома, затем поверх него нужно набросать земли, чтобы оно стало удобрением для урожая следующего года.

Кастурбе так трудно было делать это. Вы не представляете себе, как это делается в Индии. В Индии четвертую часть страны низвели до такого состояния, что этим людям не разрешается делать никакую другую работу. Им доступна только такая работа, они должны выполнять ее. Они родились, чтобы выполнять ее; это их судьба. Так что они собирают дерьмо в ведра и несут его на своих головах, на расстояние в мили. В Индии Кастурба никогда и не подумала бы, что ей придется делать это, поскольку она принадлежала к высшей касте. Она не была шудрой, неприкасаемой.

Но Ганди сам носил, и он был Махатмой. А когда он делает это сам, он приобретает над вами некоторое тонкое, едва уловимое право. Вы должны понимать эту тонкую политику власти в таких маленьких вещах. Ведь он встает в три утра, поэтому и все остальные должны вставать в три утра. И когда старый человек встает в три утра... вы молодые, вы будете чувствовать вину за то, что не встаете вместе с ним. И если вас застанут спящим, то это значит, что вы обманываете ожидания учителя. Что же делать учителю? Он не будет наказывать вас. Он накажет себя, поскольку он вынашивает эгоистическую идею о том, что если он истинно чист, то вокруг него ничто не может идти неправильно, все должно быть исключительно правильно. Если что-то идет неправильно, то это означает, что что-то нечисто в нем, поэтому он должен очистить себя постом.

Поэтому, если кто-то подводит его, он будет мучить себя. Это накладывает на вас еще больший груз. Первое — чувство вины за то, что вы обманули его ожидания. Второе - чувство вины за то, что теперь он страдает из-за вашей глупости, ведь вы могли проснуться в три часа, не такое уж это большое дело. И теперь на несколько дней, никто не знает... поскольку он всегда начинает «пост до смерти». Хотя он никогда и не постился до смерти, но всякий раз начинал смертельный пост.

Тогда всем нужно было начинать уговаривать Ганди; тогда все лидеры страны должны были мчаться в его ашрам и просить: «Из-за ошибки одного человека не наказывайте всю страну». После уговоров через два-три дня он соглашался принимать пищу... А того одного человека обвиняла вся страна. Он уже был наказан больше, чем вы можете себе представить. Куда бы он ни пошел, люди говорили о нем: «Из-за этого человека Ганди держит смертельный пост». А если Ганди умрет, они убьют этого человека, они не оставят его в живых.

Однажды ночью Ганди вышвырнул из дома беременную Кастурбу за то, что она отказалась

чистить отхожее место. Беременная женщина, женщина, не знающая никакого другого языка, в чужой стране, абсолютно зависима от него, а он захлопнул перед ней дверь, выбросил ее на улицу и сказал: «Если ты не чистишь отхожее место, то это не твой дом, тогда ты не моя. Если не можешь следовать моим наставлениям, если даже моя жена подводит меня, тогда кто же будет слушать меня?» Кастурба плакала, на дворе холодная зима, и наконец решила, что вынуждена согласиться чистить отхожее место. И только тогда, когда она согласилась, ей было разрешено войти внутрь.

Не представляет труда чем угодно обмануть ожидания такого человека, например, курением сигареты, чашкой чая... чем угодно.

Он не разрешал давать образование своим детям. Он не посылал их в школу. Они хотели ходить в школу, их мать хотела того же. Естественно, она хотела, чтобы они были образованными: «Иначе кто их будет кормить. А у них впереди вся жизнь. Вы сами образованны, вы адвокат, вы зарабатываете на жизнь. И вы махатма - даже если вы не будете зарабатывать на жизнь, у вас есть тысячи приверженцев. Но ваши дети... и вы не посылаете их даже в начальную школу».

А он был против того образования, которое дается в школах, колледжах, университетах. Почему? Потому что оно порождает сомнение, оно разрушает людскую веру. Потому что оно обучает людей науке, технологии, а он выступает против всего этого, против вещей таких простых и нужных; вы не можете представить себе, как в двадцатом веке человек может выступать против телефона!

Телефон никому не причинил никакого вреда. Можно выступать против ядерного оружия, я понимаю, - но против телефона?... железных дорог?... поездов?... самолетов? Он был против всего, за исключением прялки, - вот единственная технология, которую он воспринимал. Кроме этой, все иные технологии были злом, все науки были злом, так зачем же посылать детей учиться этим дьявольским наукам, технологии, логике, философии и разрушать их веру, их веру в Бога? Нет. Он не станет посылать их.

Его старший сын Харидас сбежал. Он понимал: «Этот человек собирается полностью разрушить наши жизни». Он добрался до семейства одних родственников и рассказал им всю историю, все, что случилось, и то, что он хочет в школу. Только взгляните на ситуацию: мальчик вынужден бежать из дома, чтобы пойти в школу. Мальчики бегут из школы, чтобы не ходить туда... а Харидас вынужден был уйти из дома и просить какого-то дядю, дальнего родственника: «Пожалуйста, помогите мне. Я хотел бы ходить в школу. Дальше я посмотрю, но пусть меня хотя бы примут, ведь образование абсолютно необходимо».

Ганди очень разгневался. Пророк ненасилия был в гневе, в яростном гневе. Он сказал: «Отныне этот дом закрыт для Харидаса. Ему запрещается входить в него, и никто из моей семьи не должен встречаться с ним. Даже его мать, его братья, его сестры - никто не должен встречаться и видаться с ним. Если кто-нибудь встретится с ним, то отправится туда же. Он подвел меня». Вы навязываете такие глупые идеи... то, что делал Харидас, было абсолютно правильным. Он вынужден был оказать сопротивление. Другие дети не сбежали, они были слабовольными. У Харидаса был некоторый характер. И позднее он показал, что у него был некоторый характер.

Ганди обычно говорил: «Все религии как одна». То было тоже политической уловкой. «Все религии как одна; индус, мусульманин, христианин, джайна, буддист, сикх... все религии как

одна». Но основной политикой при этом было захватить всех этих людей и их голоса, удержать Индию от раскола, чтобы партия Ганди правила над всей Индией, а не только над какой-то ее частью.

На их молитвенных собраниях, проходивших каждое утро, цитировался Коран, читалась Библия, воспроизводились также и другие святыя книги. Читалось несколько отрывков из Библии, несколько отрывков из Торы, несколько отрывков из Корана... И здесь тоже была великая хитрость, я ведь заглядывал в те отрывки, которые они читали: эти отрывки совпадали по смыслу с Гитой. Из Библии выбирались только те отрывки, которые по смыслу совпадали с Кришной, ведь Ганди называл Гиту своей «матерью». Он никогда не называл Коран «мой отец» или Библию «моя тетя», ну хоть бы... только Гита была его матерью. Все эти выбираемые им фрагменты вводили в заблуждение. Они представлялись просто разными переводами одного и того же послания, как будто они были одним и тем же посланием. Все, что было против Гиты - или просто отличалось от Гиты, не то, чтобы шло против нее, - все это исключалось.

Поэтому он обманывал мусульман, обманывал христиан, обманывал джайнов, обманывал буддистов, обманывал сикхов, всех. И все они думали, что этот человек сверхмудрец; в этом смысл слова «махатма» - великая душа. Как будто души бывают великими и маленькими, души - это просто души, не великие и не маленькие. Но великая душа... махатма... ведь он так либерален, непредвзят... А он был предвзят целиком и полностью.

Харидас знал это. Поэтому он сделал вот что: он обратил себя в мусульманство. Он поступил хорошо. Я приветствую его. Двери дома Ганди были закрыты для него. Ганди отказался от него, объявив: «Он больше не мой сын. Я больше не его отец. Он совершенно обманул мои ожидания. Если бы он умер, было бы лучше». Какой же грех он совершил? Он отправился в школу! Но он был по-настоящему разумным мальчиком. Как только он оставил школу, он обратился в мусульманство.

И мусульмане возрадовались. Их радовала идея, что старший сын Ганди нашел приют в исламе. Они стали называть его «Махатма Абдулла Ганди».

Они сохранили «Махатма» и «Ганди», чтобы люди помнили, кто он, и изменили «Харидас» на «Абдулла», что буквально и означает «Харидас». «Абд-Аллах»... слуга Бога, точно такое же значение имеет и «Харидас» - слуга Бога. Это арабский перевод слова «Харидас», так что это в точности одно и то же.

Но Ганди был шокирован! Представьте себе, его сын пошел в школу - и этого оказалось достаточно, чтобы отказаться от сына, а теперь сын стал еще и мусульманином! Ганди рыдал. И это человек, который говорит, что все религии одно и то же. Тогда в чем же разница? Является ли он индуистом или мусульманином, какая разница? Ведь даже его имя - не что иное, как арабский перевод санскритского имени — точный перевод.

По случайному совпадению была одна встреча в Бомбее. По случайному совпадению Ганди ехал в том же поезде, из которого выходил Харидас. Кастурба в конце концов была матерью; она хотела хотя бы взглянуть на своего сына. Она знала, что муж не разрешит им поговорить, но Ганди не разрешил ей даже увидеть его. Он сказал: «Помни, ты не должна видеть его. Для нас он умер. Став мусульманином, он нанес мне пощечину». Он забыл про свой синтез всех религий... а тем временем каждый день продолжались все те же молитвы.

Очень легко обмануть ожидания людей такого типа.

Мои ожидания обмануть нельзя, невозможно. Нет возможности обмануть мои ожидания; я ведь не навязываю вам никакой дисциплины, как вы можете подвести меня? Я не даю вам никакой доктрины, против которой вы могли бы пойти. Как вы можете пойти против меня?

Я всего лишь постоянно говорю вам: «Будьте подлинно самими собой».

Единственный способ обмануть мои ожидания - это не быть собой. Можете ли вы сделать это? И очень хорошо, что не можете.

Я начал говорить не потому, что вы не оправдываете моих надежд. То, что я начал говорить, не имеет к вам никакого отношения. Просто я человек, живущий от мгновения к мгновению.

Однажды я почувствовал желание отправиться в мир безмолвия. И я замолчал.

Другой бы на моем месте не отправился бы в безмолвие, поскольку столь многое было не завершено, так много еще нужно было сделать. Но меня это не беспокоит. Ведь однажды я умру, и все останется незавершенным - что же, мне откладывать и смерть?

Я проживаю жизнь так же, как я буду проживать смерть, от мгновения к мгновению.

Если дела не завершены, пусть остаются незавершенными. Может быть, такова их судьба. Может быть, кто-то другой завершит их. Кто я, чтобы беспокоиться?

Поэтому однажды я остановился, я почувствовал желание остановиться. Однажды я сказал, я просто сказал Шиле - и в тот момент она была бедной Шилой, - я сказал ей: «Я собираюсь прекратить говорить». Она была потрясена. Что произойдет со всем движением? Как выживут санньясины? Они привыкли слышать меня каждый день; это стало их пищей, ежедневной пищей.

Но я никогда ничего не предусматриваю, я очень непредусмотрительный человек. Что я чувствую, то и делаю, совершенно не задумываясь о последствиях. Я готов с радостью принять любые последствия.

И снова была бедная Шила. Я сказал ей: «Сегодня я собираюсь заговорить!»

Она попросила меня: «Но нужно сделать приготовления, и то, и другое... Нельзя ли завтра?»

Я сказал: «Нет. Это ваше дело, приготовления и прочее. Я собираюсь говорить сегодня».

Это никак не связано с вами. Это просто мой способ жизни, от мгновения к мгновению, оставаясь спонтанным, оставаясь непредсказуемым. Я не знаю, завтра я могу не заговорить, я могу снова остановиться. Я не могу гарантировать завтра, поскольку завтра не в моих руках, оно открыто, не предрешено. Посмотрим, когда оно придет. Посмотрим, что оно принесет.

И так я жил всю свою жизнь.

Однажды я оставил свою семью. Они все беспокоились обо мне. Они хотели, чтобы я пошел в

научный колледж, но я отказался. Я сказал: «Это мне неинтересно. Я буду изучать философию, религию, психологию. Мне интересно это, поскольку я собираюсь бороться - всю свою жизнь - против философов, теологов, священников, психологов».

Мой отец сказал: «Странный интерес - ты собираешься бороться с этими людьми?»

Я сказал: «Да, и поэтому я должен изучать их так глубоко, как это только возможно. С наукой у меня нет конфликта. Науку я собираюсь использовать, но религиозные деятели, философы - со всеми этими людьми я собираюсь бороться».

Отец мой сказал: «Образумишься ли ты когда-нибудь или нет? Я не собираюсь платить ни единого пайса за твое обучение в любом художественном колледже».

Я сказал: «Я не прошу ни единого пайса. Даже если вы дадите деньги, я не приму их». Он не подумал, что я говорил серьезно. Он так сильно любил меня.

Я покинул дом, не взяв ни единого пайса у своих родителей. Я проехал без билета восемьдесят миль до ближайшего университета. Когда отец увидел, что я действительно ушел, он ринулся за мной на станцию. Но когда он добрался туда, поезд уже ушел. Он спрашивал. Люди сказали: «Да, мы видели его; он уехал».

Он поехал за мной на следующем поезде, нашел меня и сказал: «Не воспринимай мои слова так серьезно. Я просто пытался как-то убедить тебя, чтобы ты пошел в научный колледж, стал доктором, стал инженером. Что ты выиграешь от искусства?»

Я сказал: «Смысл совсем не в этом. Я не собираюсь выигрывать. И я не могу представить себя доктором. Я лучше покончу с собой. Строить мосты, дома... Я не представляю себя инженером. Этого нет в моем существе. Я не чувствую в себе ни единого отзвука этого — ни один колокольчик назвонит во мне». При виде доктора я скажу: «Бедный парень. Всю свою жизнь он будет думать о болезнях, заболеваниях, больных людях и полностью забудет, что вся его жизнь, его собственная жизнь, каждое мгновение просто утекает в трубу. Он думает о жизнях других людей, о том, как спасти их, и он полностью забыл, что сам он еще не спасен».

Он сказал: «Прости меня. Иди в художественный колледж. Я буду присылать тебе денег».

Я сказал: «Я не могу принять их. Вы знаете меня. Вы сказали, что не дадите мне ни пайса». Я сказал: «Даже если вы дадите мне деньги, я не приму их». Сейчас вы даете, и я не принимаю».

И я не принял от него денег. По ночам я работал журналистом дневной газеты, редактором, а днем ходил в университет. И отец был действительно очень сильно обеспокоен. Снова и снова, каждый месяц, он приезжал. Так прошло два года. Затем однажды, когда он приехал, я сказал: «Хорошо, я приму». Он не сказал ни единого слова. Я сказал: «Вы ничего не говорите. Если вы скажете хоть одно слово, тогда, как я сказал уже раньше, вы будете давать мне деньги, а я буду отказываться от них. Поэтому договоримся так: и вы не даете мне денег, и я не отказываюсь от них. Вы просто кладете деньги здесь на мой стол, всякий раз, когда чувствуете, что я нуждаюсь в них. Ни вы не даете, ни я не беру».

И так продолжалось шесть лет. Он постоянно клал деньги. Он не говорил мне: «Это для тебя», -

поскольку, если бы он сказал это, были бы неприятности. И я не говорил о деньгах; деньги не были предметом обсуждения, поскольку мы договорились о них раньше. Конечно, я не говорю, что если я находил на столе деньги, то не пользовался ими...

Я жил, не думая о прошлом, не думая о будущем.

И я нашел, что это единственный способ жить. В противном случае, вы только притворяетесь, но не живете.

Вы надеетесь жить, но не живете.

Вы помните, что жили, но вы не жили.

Или это воспоминание, или это воображение, но это никогда не реальность.

И я никогда не делал так, чтобы кто-то отвечал передо мной. Постарайтесь понять мой основной подход. Все религии говорят, что вы несете ответственность перед Богом, перед Иисусом, перед Буддой, перед родителями, перед учителями, перед теми и перед этими. Никто из них не сказал, что вы несете ответственность только перед собой.

А я говорю вам, что вы не отвечаете перед Богом, поскольку Бог нигде не существует.

Вы не отвечаете перед Иисусом, поскольку Иисус не отвечает перед вами. С какой стати вы будете нести ответственность перед Иисусом?

Вы не отвечаете перед родителями, поскольку они не спросили вас: «Мы собираемся дать тебе жизнь, готов ли ты прийти в мир или нет?» Вы пришли к ним совершенно случайно.

Я говорю вам, что вы отвечаете только перед собой.

И чудо этого высказывания в том, что, если вы отвечаете перед своим собственным бытием, вы найдете, что многие обязательства исполняются, будучи совсем не предусмотренными.

Я никогда не нес ответственности перед своими родителями, но я не думаю, что кто-то другой мог бы исполнить свою ответственность перед родителями лучше, чем это сделал я. Но я не делал этого. Это было просто следствием моей ответственности перед самим собой. В тот момент, когда я реализовал себя, в тот момент, когда я был благословлен истиной, я, конечно, захотел поделиться этим, и было естественно, что я делился со своим отцом, со своей матерью, со своими братьями, со своими сестрами, которых я знал больше, чем кого бы то ни было. И я делился с ними.

Я никогда не просил их стать санньясинами - никогда. Стать санньясинами было их решением. Если они захотели стать санньясинами, то было их решением. Я не обращаю людей в свою веру. Я думаю об обращении, как об одной из самых грязных вещей, которую кто-то может сделать по отношению к вам. Христианские миссионеры продолжают делать это с людьми, обращают их.

Кто вы, чтобы обращать кого-то? Вы можете открыть людям свое сердце. Если там у вас есть какой-то свет, вы можете делиться им с другими. Если они почувствуют это, они начнут искать в себе. Это не будет обращением; это будет превращением.

Если вы хорошо знаете меня, вы будете стараться хорошо узнать и себя.

Это единственный способ.

Хорошо зная меня, вы не можете чувствовать ответственности передо мной. Вы будете чувствовать ответственность, предельную ответственность, перед собой.

Так много жизни вы потратили впустую, и кто знает, сколь мало еще осталось?

Поэтому каждое мгновение нужно проживать интенсивно, полно, объемлюще.

Вы можете подвести себя. Вы не можете обмануть моих ожиданий.

Человек, который мог бы подвести меня, мертв. То был я сам, перед тем, как узнал. Вот тот человек, который мог бы обмануть мои надежды. Но вместо того, чтобы подвести меня, он умер. Поскольку моя жизнь была только в его смерти. Только после смерти он дал пространство для роста моей жизни. Поэтому я благодарен тому мертвому человеку, каким я был. И я останусь благодарным навечно.

Вы не можете обмануть мои ожидания, поскольку вы не несете передо мной никакой ответственности. Вы или можете самореализоваться, и тогда будете благодарными, признательными, или можете остаться нереализованными, и тогда вы будете гневаться на меня - как будто я предотвратил ваш рост.

Я не могу ни помочь вашему росту, ни предотвратить его.

Я могу только делиться своим ростом, представлять себя вам в предельной обнаженности, чтобы вы могли видеть, что происходит с тем, кто приходит домой, с тем, кто прибывает.

И этот проблеск может включить процесс преобразования; не обращения, но преобразования.

Бхагаван, в чем разница между христианским способом быть самоотверженным, скромным и смиренным и Вашим способом быть без эго, быть обыкновенным?

Христианский путь быть смиренным, скромным, самоотверженным является неправильным в самой основе. Слова, которые они используют, могут звучать точно так же, как и те, которые использую я, но они не означают того же самого. Когда Иисус говорит: «Будьте смиренными», - что он имеет в виду? Он имеет в виду нечто противоположное эго: эго, стоящее на голове, но все же эго... хотя и вверх ногами. Когда я говорю: «Будьте обыкновенными», - то обыкновенность не идет против эго; обыкновенный человек не является смиренным.

Я не смиренный человек.

Я не эгоист. Я как раз в точности посередине.

Смиренный человек прямо противоположен эгоисту. Мне вспомнилась небольшая история. Было три христианских монастыря, расположенных очень близко друг от друга и принадлежащих трем различным орденам. Однажды по чистой случайности главы всех трех монастырей встретились на утренней прогулке. Они сели немного отдохнуть под деревом.

Один из них сказал: «Ваши монастыри тоже творят дело господа нашего, - он тщательно подбирал слова. - Ваши монастыри тоже творят дело господа нашего, но в том, что касается учености, вы не можете превзойти наш монастырь».

Второй глава сказал: «Я согласен, я совершенно согласен. Ваши монастыри тоже творят дело господа нашего, но в том, что касается служения бедным, больным, престарелым, сиротам, вы не можете даже приблизиться к нам. Вы далеко позади».

Третий монах сказал: «Вы оба правы. Ваши монастыри тоже творят дело господа нашего, это верно. В первом монастыре есть великие ученые. Во втором монастыре есть великие служители людям бедным, больным. Но в том, что касается смирения, мы выше всех».

Смирение - это не что иное, как эго, стоящее вверх ногами. Смиренный человек - это не тот, у кого нет эго; он подавил свое эго, заставил эго стоять на голове. Он старается стать самым смиренным человеком во всем мире.

Но что есть эго? Кто-то старается стать самым богатым человеком в мире - это эго. А кто-то старается стать самым смиренным человеком в мире - это что, не эго? Если президент думает, что он на самой вершине, тогда это эго. А когда праведник начинает говорить, что он выше всех в том, что касается смирения, а все остальные ниже, тогда это что, не эго?

Нужно очень тщательно проанализировать Иисуса. Он говорит: «Блаженны кроткие, ибо они наследуют царство Божье». С одной стороны, быть кроткими... но зачем быть кроткими? Какой мотив? Мотив дается в другой части высказывания: чтобы наследовать царство Божье - великая кротость! Иисус также говорит: «Если кто-то ударит тебя в одну щеку, обрати к нему и другую». И эти утверждения выглядят так прекрасно, потому что вы были так сформированы, слушая их снова и снова, а ведь вы полностью забыли, что их нужно анализировать, понять психологически. Требуется великое исследование, исследование в глубину. Утверждения, подобные этому, нуждаются в исследовании.

Когда кто-то ударит вас в одну щеку, Иисус говорит: «Оборотите к нему и другую». Это выглядит так, как будто он учит вас ненасилию, учит вас любви, состраданию. Но то, чему он вас учит... он учит вас быть сверхчеловеком и низводить другого до положения недочеловека. Задумывались ли вы когда-нибудь над тем, что если кто-то ударил вас, а вы подставляете ему другую щеку, то что вы делаете этому ударившему? Не говорите ли вы ему: «Посмотри, я праведник». Да, вы не говорите, но эта мысль все равно присутствует. Она звучит очень громко, хотя вы и не произносите: «Посмотрите на мою праведность, на мою смиренность, на мою кротость; вы ударили меня в одну щеку, я подставляю вам другую».

Когда Иисус преподавал это послание своим ученикам, один из них спросил его: «А если он ударит и в другую?» Иисус не подумал о возможности такого вопроса. Да, это возможно, ведь если вы сами предлагаете другую щеку, было бы такой неблагодарностью не принять предложение. И если удар по первой щеке доставил вам такое большое удовольствие, что вы приветствуете удар по второй, то этот удар может оказаться еще более сильным.

Поэтому тот человек спросил: «Тогда что же нам делать?» Иисус сказал: «Вы должны прощать семь раз». Человек сказал: «Хорошо». То, как он сказал «хорошо», ясно показывает, что этот человек знает, что семь раз он может допустить, но если будет восьмой, тогда всего лишь одним

ударом... «Я покажу ему: то, что он не смог сделать за семь раз, я смогу сделать за один». Посмотрев на этого человека, видя, как он сказал «хорошо», Иисус говорит: «Нет! Семьдесят семь раз». Но и семьдесят семь раз когда-нибудь кончатся.

Иисус не пытается разрешить проблему, он просто откладывает ее. Сначала он отложил ее на два раза, потом на семь раз. Теперь, видя этого человека и то, что нет никакой разницы... после семи раз он будет делать точно то же, что делал бы после двух раз, после первого раза. Но он снова откладывает, тянет, теперь на семьдесят семь раз. Но я говорю, что и семьдесят семь раз кончатся, тогда... ваше смирение тоже кончится? Тогда что вы будете делать?

Нет, это неправильный путь. Вы не смиренны. Напротив, вы унижаете другого человека. Иисус сказал вам подставить ему другую щеку. Глубоко внутри он говорит: «Унизьте его». Может быть, он сам не осознает, что говорит. Может быть, он думает, что дает вам великое учение. Я не сомневаюсь в его искренности, но вопрос совсем не в его искренности. Вопрос в самом его утверждении, в принципе. Какая основная психология заключена в нем? Кто-то ударяет вас, и вы подставляете ему другую щеку; вы низводите его до положения недочеловека, и глубоко внутри исполняется ваше эго - вы так благочестивы.

Но эго, исполненное благочестия, гораздо более опасно, чем эго, исполненное чего-то плохого, мерзкого, поскольку от мерзкого эго можно избавиться, но невозможно избавиться от благочестивого эго. Благочестивое эго - это сокровище, которое должно быть сбережено, сохранено: тот человек сделал вас праведником. Это именно то, что делал сам Иисус, когда был на кресте. Даже на кресте он унижает людей. Он просит Бога: «Прости этих людей, ибо они не ведают, что творят». Как будто он ведаёт!

На самом деле эти люди прекрасно знают, что творят. Они знают, что они распинают его за то, что он провозгласил себя мессией, а в священных книгах сказано, что мессия будет распят и случится чудо. Он будет воскрешен Богом - и это будет единственным доказательством, что он истинный мессия, иначе он мессия ложный.

Они прекрасно знали, что делали. Но даже на кресте... благочестивое эго все еще берет последнее слово: «Бог, отец, прости этих людей. Они не ведают, что творят». Только он знает, а никто другой не знает. И что же он знает? Всего несколько мгновений назад он сам спрашивал у Бога: «Не покинул ли ты меня?» То было сомнение. Он был шокирован тем, что чудо не происходило, что ничего не происходило, что небо было абсолютно тихим. Нет ответа... в его уме должны подняться все виды сомнения.

На кресте думаешь о себе, а ведь он объявлял себя... и сам верил в это. Я никогда не сомневался в его искренности. Он не дурачил, не обманывал. Он не был мошенником. Он был чистосердечным душевно больным человеком. Он верил, что является мессией, пришедшим спасти все человечество. И он сам пошел на распятие - весьма вероятно существование некоторого странного заговора.

Только Гурджиев говорил об этом, он был первым, кто заговорил об этом. Христиане, конечно, об этом не говорят. А евреев распятие никогда не волновало; они даже никогда не упоминают о том, что этот сын плотника был распят. Они просто проигнорировали его - какой-то сумасшедший парень. В их исторических книгах, в их религиозных книгах нигде не упоминается распятие, о нем говорится только в христианских книгах. В Новом Завете, который был написан

триста лет спустя после распятия Иисуса, так называемого распятия.

У Гурджиева было несколько очень значительных идей. Я могу назвать их только идеями, поскольку их подлинность не может быть установлена по каким-то другим источникам; но Гурджиев - человек проницательного ума. Одна идея заключалась в том, что предание об Иисусе не является историческим. Это драма, театральное представление, которое из года в год разыгрывалось в старые времена, точно так же, как в Индии из года в год на протяжении пяти тысяч лет разыгрывается предание о Раме. Даже сегодня в каждой деревне, в каждом городке и в каждом большом городе, даже в самой маленькой деревушке есть своя собственная группа актеров, разыгрывающих предание о Раме, Рамлилу. Это предание разыгрывается каждый год в одно и то же время. Никогда, вероятно, не было такого человека, как Рама. Это только предание, но оно разыгрывается непрерывно на протяжении пяти тысяч лет и тем самым как бы приобрело историчность.

Гурджиев говорил, что распятие Иисуса и все предание о нем было театральным представлением, которое разыгрывалось каждый год. Так что такого исторического события не было. Я не соглашаюсь с этим, ведь если бы это было так, то евреи продолжали бы разыгрывать это предание точно так же, как индусы продолжают разыгрывать свое. Почему они остановились? Что случилось? Предание прекрасно; почему евреи перестали разыгрывать его? И ни один еврейский источник не упоминает о нем, даже как о предании. И если оно разыгрывалось на протяжении тысяч лет, то невероятно то, что не нашлось других источников, в которых бы упоминалось о нем. И почему все так внезапно прекратилось две тысячи лет назад? Нет. Это не могло быть просто театральным представлением. И представление не может создать столько волнений в мире. Представление не может породить христианства. Представление не может сотворить всего того, что христиане сделали для человечества. Нет, ни одно представление не обладает такой силой.

Его вторая идея также была очень значительной, и были моменты, когда я думал, что он прав. По первой идее я с ним совершенно не согласен. Вторая идея заключается в том, что Иуда не предавал Иисуса - он был его ближайшим учеником. Сам Иисус уговорил Иуду передать его в руки врагов. И здесь тоже нет никаких источников. Гурджиев был странным человеком, но иногда он наткнулся на определенные фрагменты, на определенные аспекты истины.

Я вижу здесь некоторую вероятность истины, ведь у Иуды не было необходимости предавать. Они никогда не боролись друг против друга. Не было сомнения в том, что он будет его преемником, поскольку Иуда был самым грамотным, самым культурным, самым образованным человеком среди учеников Иисуса. Все остальные были очень обыкновенными людьми, представителями масс. Он был единственным среди них - он был гораздо лучше образован, гораздо более культурен, чем сам Иисус. Было абсолютно ясно, что он займет его место, когда Иисус уйдет. С ним никто не мог состязаться. И не было конфликта. Не было борьбы, и совершенно невероятно, чтобы он продал своего учителя за тридцать Серебренников. И если он был действительно так сильно настроен против Иисуса, то зачем он покончил с собой после распятия Иисуса?

Христиане не говорят о самоубийстве Иуды, а оно очень значительно. Может быть, Гурджиев прав. Может быть, Иисус уговорил Иуду, приказал ему: «Пойди и передай меня в их руки. И передай им меня так, чтобы они не догадались, что это я послал тебя. Поэтому, если они предложат тебе какую-то плату, бери». Они предложили тридцать серебренников. Он принял с

благодарностью и привел их к тому месту, где стоял Иисус. Иисуса схватили, и на следующий день он был распят. Кажется, Гурджиев добирается здесь до смысла, ведь Иисус знает наперед, что завтра он будет распят. Откуда он знает это? Он знает, что Иуда собирается передать его в руки врагов. Откуда он это знает?

Христиане скажут: «Он все знает, он всеведущий, он сын Божий». Но что случилось с сыном Божьим на кресте? Внезапно Бог отказался от сына?... забыл его?... не услышал его молитвы? Нет, вероятно, он сам все знает, ведь это его собственный план: он должен быть передан в руки первосвященника, и сделать это может только Иуда, поскольку он так послушен, на него можно положиться. Остальные были эмоционально привязаны к Иисусу; только Иуда был привязан к Иисусу интеллектуально. Остальные были ненадежны. Они могли сказать: «Нет, мы не можем сделать этого. Как мы можем сделать такое для тебя? О чем ты говоришь?» И даже если бы их удалось послать, они вернулись бы, никому ничего не сказав об Иисусе. Они были простыми людьми.

Только Иуда был цельным человеком. И Иисус говорит ему: «Это единственный способ действовать. Ты передаешь меня в руки первосвященника, и пусть они распинают меня, пусть Бог покажет чудо воскрешения, чтобы нас признали тут же. И мы сможем преобразовать весь мир и спасти каждого от его страдания». И Иуда поверил в это. Он не против Иисуса, и он не предает его; он на самом деле подчиняется ему, подчиняется высшей силе. Только очень послушный ученик может сделать такое. Но он также и верит, что распятие не повлечет никаких неприятностей. Распятие - это только игра. Ведь Иисус - сын Божий.

Вам нужно поставить себя на место Иуды, тогда вы поймете, что он не предавал. Он никогда, ни на одно мгновение, не думал, что это предательство. Он просто исполняет план и подчиняется приказу Учителя. И ведь сказано же в писаниях: «Мессия будет предан своим собственным учеником». Так что все написано в писаниях. Он знает писания, он единственный, кто умеет читать. Эту роль должен сыграть ученик, это всего лишь роль, он совершенно уверен в том, что после воскрешения мир будет спасен. И он делает великую услугу человечеству. Он не предает Иисуса, он исполняет его миссию на земле.

Идея Гурджиева немного диковинная, но заслуживает обсуждения. В любом случае, правильная она или нет, одно ясно совершенно точно: Иисус очень стремился быть распятым, стремился гораздо сильнее, чем первосвященник великого храма евреев. Он рвался в Иерусалим на ежегодный праздник, ведь по всей стране было известно, что если в это время Иисус войдет в храм... Год назад он учинил хаос в храме, он перевернул лавки менял, разбросал их, избил их и объявил: «Так больше не может продолжаться в доме отца моего. Храм — дом отца моего».

Поэтому весь год непрерывно повсюду разносился слух: «В следующий раз, если он придет, священники будут готовы». В прошлом году они не были готовы, все произошло неожиданно, они не смогли ничего сделать. Но на этот раз они приготовятся, и они убедили римского правителя Понтия Пилата: «Этот человек представляет религиозную опасность для нас и политическую для вас».

Иисус знал. Все эти слухи доходили до него через учеников, людей, странников, но он по-прежнему рвался на праздник. Для чего? Он стремился стать мучеником. Это другое название инстинкта самоубийства — хорошее название. Но он верил, безумно верил, что никто не причинит ему вреда. Когда спаситель - Бог, кто может причинить ему вред? Но на кресте его

надежды исчезли. Однако все еще остается эго, надменность смиренного человека - человека, который всегда прощает, даже если его распинают: «Эти бедные люди должны быть прощены».

И кто были эти бедные люди? Образованные раввины - всю свою жизнь они проводили в изучении Торы, - первосвященник и сотни других раввинов, ведь храм евреев был одним из величайших храмов в мире. Там работали, действовали сотни священников. И конфликт главного священника, первосвященника, с Иисусом был эгоистическим. Если бы у Иисуса не было эго, конфликт не возник бы.

Было заведено такое правило: каждый год в храме открывалось самое главное место для поклонения, святыня, и единственным человеком, который входил туда, был первосвященник, после чего двери закрывались. Только ему позволялось произносить имя Божье. Вот почему - вы удивитесь - в еврейских книгах не пишут б-о-г. Бог, ведь это было бы произнесением полного имени. Пропускается «о», вместо «о» оставляется пустое место: «б», пустое место для «о» и затем «г». Вы не должны произносить имя Бога, если не являетесь достаточно чистыми.

Только первосвященник был наделен правом произносить имя Бога; остальные не имели права даже слышать его. Поэтому двери в святыню закрывались, плотно закрывались, и там была только одна дверь. После чего он произносил «Бог» и молился об искуплении евреев: «Пошли нам мессию».

А этот человек, Иисус, в прошлом году ворвался в храм, разрушил всю структуру храма, всю систему храма и объявил себя мессией. И не только это - он объявил: «Я единственный рожденный сын Божий. И это дом отца моего, и что за дела вы тут делаете? Я не разрешаю здесь таких дел. Убирайтесь из храма!»

Это был определенный вызов первосвященнику, ведь явился еще более первый священник, явился мессия, молитва услышана. Он послал не только мессию, он послал своего сына. Так вот, с этим сыном нужно как-то покончить, иначе теряется назначение, функция первосвященника и тысяч других священников, всего храма.

Иисус рвался, был схвачен, распят, но даже при распятии его высокомерие остается тем же. Он просил, чтобы те люди были прощены, ведь они не ведали, что творили. Если вы всмотритесь глубже в это высказывание, то будете удивлены, поскольку то, что проявляется на поверхности, не вся реальность. Поэтому, когда христиане говорят о смирении, это означает подавление эго. Но эго входит через заднюю дверь, провозглашая: «Я самый смиренный человек». Когда они говорят о самоотверженности, они предлагают вам быть самоотверженными, быть смиренными.

Как-то раз один христианский монах пришел повидаться со мной. Он путешествовал по всей Индии, и один из моих христианских друзей послал ему письмо с тем, что если он будет проезжать через мой город, то должен повидаться со мной. Мой друг написал письмо и мне: «Брат такой-то и такой-то приезжает на днях, и он самый смиренный человек, с которым вы когда-либо встретитесь, абсолютно самоотверженный. Он точно такой, как вы учите. Поэтому я посоветовал ему повстречаться с вами, и я умоляю вас также встретиться с ним. Это человек, с которым стоит повстречаться».

Брат такой-то и такой-то появился однажды утром. Он носил с собой Библию и был похож на индусского монаха, выглядел очень просто, благородно. Но я не предложил ему сесть.

Он сказал: «Ваш друг послал меня».

Я сказал: «Я получил письмо, но почему вы носите с собой этот хлам?»

Он сказал: «Хлам? Это Святая Библия».

Я сказал: «Это святая чепуха».

Его глаза стали огненными, и он сказал: «Что вы за человек? Мой друг сказал, что я буду хорошо встречен. Вы даже не предложили мне сесть и назвали мою Святую Библию «святой чепухой», хламом. Я не могу больше оставаться здесь».

Я сказал: «Я не хочу, чтобы вы оставались здесь, поскольку вы не тот человек, которого описывал в письме мой друг: брат такой-то и такой-то очень смиренный, самый смиренный человек, с которым вы встретитесь когда-либо. Вы не смиренный человек. Если бы вы были смиренным, то что плохого вы увидели бы в том, что я назвал вашу Библию хламом? Вы должны были рассмеяться. Вы должны были сказать: “Хорошо, это ваше мнение”».

И если я не предложил вам сесть, то я и не запретил. Вот стул. Почему вы ждали, чтобы я предложил вам сесть? Смиренный человек? Вы могли сесть; я не запретил вам. И только подумайте о своем гневе - вы в ярости». Я сказал:

«Теперь я говорю, пожалуйста, садитесь. Положите свою святую Библию сюда на стол».

Он сказал: «Нет. Я не могу оставаться здесь ни единого мгновения. Вы опасный человек. Вы разрушили мое двадцатилетнее смирение».

Я сказал: «Смирение, практиковавшееся в течение двадцати лет и разрушенное в двадцать секунд, не многого стоит».

Вы можете подавить самость, вы можете подавить эго, вы можете вести себя так, как ведет смиренный человек. Вы можете натренировать себя, но все это цирк, натаскивание. Глубоко внутри вы остаетесь тем же, всякий, кто знает, как поскрести ваш тонкий слой натасканности, может в секунды выявить вашу реальность.

Когда я говорю быть без эго, я не говорю подавить эго, я говорю попытаться понять эго.

Я не говорю бороться с ним.

Я говорю осознать его.

И чем больше вы осознаете эго, тем его меньше. В тот день, когда вы полностью осознаете эго, оно больше не обнаружится.

Когда эго не обнаруживается, тогда в вас возникает качество, подобное благоуханию, - оно является смирением, оно является тем, что я называю «обыкновенностью», просто чтобы была разница со «смирением». Слово «смиренный» так неправильно использовалось религиозными людьми, что я вынужден использовать слово «обыкновенность», поскольку ни одна религия не использует этого слова.

Поэтому я не хочу использовать слова «смиранный», «самоотверженный». Я хотел бы, чтобы вы просто поняли, что я такой же обыкновенный, как и всякий другой. И это понимание приходит путем осознания эго, не путем подавления эго.

Одна женщина написала письмо, в котором она говорит: « Вы не джентльмен; и не только это - вы даже не христианин ». Я начал размышлять: «Быть христианином является ли необходимым условием для того, чтобы быть джентльменом? Тогда весь мир, не относящийся к христианам, не является джентльменским. Только христиане - джентльмены».

И мой опыт, и ваш опыт показывают, что это не так. Христиане вследствие эгоистических высказываний Иисуса продолжают плыть в том же эгоистическом потоке - их папа непогрешим.

Я думал, бывало, что повстречался уже со всеми видами идиотов, но, прибыв сюда, в Орегон, понял, что это не так. Орегонский идиот - это особая категория.

Беседа 24

ПСИХОЛОГИЯ ВАШЕГО СУЩЕСТВА - ЗОЛОТОЙ КЛЮЧ

22 ноября 1984 года

Бхагаван, в чем заключается функция ума в религии ?

Ум - самое сложное явление во всем существовании.

Будет немного трудно понять функцию ума в религии. Вам потребуется пройти через три двери.

Во-первых, это позиция по отношению к уму современной западной психологии. Психология говорит, что ум имеет три функции: познание, размышление, чувствование. Через познание мы осознаем весь окружающий нас объективный мир. Все, что мы видим, слышим, ощущаем на вкус, на запах, на осязание, - все это и есть познание. Мир узнается через познание. Пять чувств - пять путей познания мира.

Но через познание невозможно узнать себя.

Посредством лишь познания вы узнаете только мир вещей, поэтому-то западная психология отбросила идею вашей сущности, вашего внутреннего «я». Это очень странная ситуация, поскольку они говорят, что вы осознаете мир посредством познания, и при этом они отрицают вас. Кто осознает объективный мир? Кто видит восходы и закаты? Конечно, не глаз.

Есть кто-то позади глаза, но сам глаз не может видеть того, кто позади него.

Кто слышит звук, музыку, песню, птиц, поющих поутру? Не ухо. Ухо — всего лишь коридор. Кто-то стоит в конце коридора. Вы распознаете окно, но вы не распознаете человека, стоящего позади окна и смотрящего на небо.

Западная психология находится в очень глупом положении из-за этого отрицания.

Вы распознаете знание.

Вы распознаете познаваемое.

Но вы не распознаете познающего.

Без познающего может ли быть знание? Как может быть что-либо познано? Но странно, ни один западный психолог даже не поднимает этого вопроса.

Познавание, конечно, не может помочь пройти внутрь. Все пять чувств - это пути, ведущие вас вовне, прочь от вашего центра. И у них нет способа повернуться к самому центру. Для этого должно быть познано что-то другое.

Мы обсудим это. Коль скоро распознаны эти три функции, давайте сначала обсудим их.

Познавание - это познание мира, другого мира, всего мира, не считая себя. Вы приобретаете знание обо всем и остаетесь абсолютно невежественными по отношению к себе. Видите странность ситуации?

Знание все время растет, а познающий уменьшается.

А этот познающий - самое существенное, поскольку это вы.

Второе - размышление, другая функция ума. Размышление производит философию, теологию, науку.

Но размышление не может дать вам истины о вашем бытии, поскольку размышление всегда связано с тем, что поставляет вам познавание. Оно зависит от познавания.

Например, слепой человек не может размышлять о свете. У него нет способа размышлять о свете, поскольку, прежде всего, у него нет глаз. Не произошло познавания света. Нет объекта. Он не может сфокусировать свое размышление на чем-то, чего нет. Невозможно, чтобы глухой человек размышлял о музыке. Как он может размышлять о ней? Невозможно выразить ее в понятиях.

Поэтому философия зависит от познавания, но она только размышляет, она никогда не идет дальше размышления. Она никогда не ставит экспериментов.

Наука - дальнейший шаг. Она - следствие философии. Когда размышление начинает экспериментировать, начинает искать факты... ведь само по себе размышление остается вымыслом. Мысль - это просто воздух, если вы не докажете ее какими-то фактами. Наука возникает как результат долгой традиции философии, когда философия насыщается, все ходит вокруг, вокруг и вокруг и не может ухватить ничего, что можно назвать фактическим.

Да, философия познает, что есть логическое, но логическое не является обязательно действительным, не является обязательно реальным. Иногда логическое оказывается недействительным.

Иногда действительное оказывается нелогическим. Они не являются синонимами.

Но и философия, и наука оказываются бессильными в том, что касается религии. Да, они могут

создать теологию. Теология - это не что иное, как философия о Боге. В этом смысл слова теология. «Тео» означает Бог; «логия» означает логику - логическое размышление о Боге. Не может быть ничего более абсурдного. Вы не знаете Бога. Познавание не предоставляет нам Бога. Вот почему наука постоянно преуспевает, а теология постоянно терпит поражение, ведь наука путем познания имеет некоторое основание для вхождения в объективную реальность.

У теологии же нет путей, ведущих через познание. Поэтому она просто остается размышлением о вымысле. Она размышляет о Боге.

Вы не знаете Бога. Как вы можете размышлять о нем?

Перед тем, как начать размышление, вы должны иметь некоторого рода переживание.

Поэтому теология - это псевдорелигия, притворяющаяся религией, но не религия.

Третьей функцией, признаваемой психологией, является чувствование. Чувствование дает вам целое измерение в виде всех искусств, поэзии, живописи, музыки, танца, литературы, но чувствование не имеет способов связи с фактическим. Оно может дать вам прекрасную поэзию, но оно не может доказать, что это факт. Никто и не просит поэтов доказывать фактическое: это было бы бессмысленно. Поэзия и не предполагает поставлять вам факты, она предполагает давать вам прекрасное, наслаждение прекрасным - что и есть чувствование.

Если нет того, кто чувствует, вы думаете, закат солнца будет прекрасным? Вы ошибаетесь. Закат солнца будет, но он не будет прекрасным. Ничто не будет прекрасным, ничто не будет безобразным, ничто не будет хорошим, ничто не будет плохим. Все это разделение идет лишь через ваше чувствование.

То же является справедливым и по отношению к познанию. Вы удивитесь. Сначала ваш ум откажется верить в это, но это факт, так что с этим ничего не поделаешь. В тот момент, когда вы закрываете глаза, все цвета в комнате исчезают - для вас. Если глаза закроют все, тогда все цвета в комнате исчезнут для всех. Тогда в этой комнате не будет цвета, поскольку для цвета необходима встреча света и глаза. В точке их встречи возникает цвет. Если глаза закрыты, точки встречи нет. Свет будет, но не будет глаза, чтобы вступить с ним в контакт и посредством этого контакта создать цвет.

Каждый луч света состоит из семи цветов радуги. Ваши одежды красные по одной странной причине. Они не красные. Ваши одежды поглощают шесть цветов из луча света - все, за исключением красного. Красный отражается назад. Остальные шесть поглощаются. Поскольку красный отражается, он попадает в глаза других людей, поэтому они видят ваши одежды красными.

Это очень противоречивая ситуация: ваши одежды не красные, вот почему они кажутся красными. Если они кажутся синими, значит они не синие. Если они кажутся зелеными, значит они не зеленые, поскольку, какими бы они ни казались, это означает, что этот цвет не поглощается. Остальные шесть цветов поглощаются, только один остается вовне. И цвет, оставшийся вовне, достигает глаз людей, и, естественно, они связывают этот цвет с вашей одеждой. Он пришел от вашей одежды. Но когда я закрываю свои глаза, ваши одежды немедленно перестают быть красными, поскольку мои глаза не будут создавать цвет.

Итак, даже наука может сказать лишь то, что она имеет дело только с фактами, но не с истиной.

Это факт, что ваша одежда красная, но это не истина.

Найдите различие между фактом и истиной. Факт означает: вот так вещи предстают перед вашими органами чувств. Истина означает: вот такими вещи являются, без всяких ссылок на ваши органы чувств.

Теология не имеет ничего общего с познанием, поэтому она - чистый вымысел. Философия тоже вымысел, но наполовину, поскольку она может повернуть к теологии, тогда она становится более вымыслом; или она может повернуть к науке, тогда она перестает быть вымыслом, она становится фактической.

Но ни один из этих трех предметов - наука, философия, теология - не имеет никаких средств узнать человека, познающего посредством всех этих трех функций, стоящего за всеми этими тремя функциями: познанием, размышлением, чувствованием. И поскольку посредством этих трех функций человек оказывается недоступным, психология просто отвергает его. Это самая опасная ошибка, совершенная западной психологией.

Вторая дверь, второй возможный способ взглянуть на функции ума в отношении религии - это западный психоанализ. Западный психоанализ снова разделяет ум на три части: сознательный ум, бессознательный ум и коллективный бессознательный ум. Это разделение принадлежит Юнгу, и я использую его, поскольку оно является шагом вперед по сравнению с классификацией Фрейда. Разделение Фрейда таково: сознательный ум, подсознательный ум, бессознательный ум. На самом деле подсознательный ум — это всего лишь граница между сознательным и бессознательным, он не очень важен, поэтому я и не использую классификацию Фрейда.

Разделение Юнга гораздо более важно. Он говорит, что у вас есть сознательный ум, посредством которого вы размышляете, понимаете. Все три функции психологии осуществляются посредством сознательного ума. Как раз под ним, в девять раз больше сознательного, лежит бессознательный ум, обладающий огромными возможностями, приходящий к жизни в ваших снах, в ваших фантазиях. Он обладает такими возможностями, как телепатия, ясновидение, передача мыслей на расстояние. Он может читать в умах других людей, он может проецировать свои мысли в умы других людей, и они будут думать, что это их мысли.

Он обладает определенной способностью, которая известна как «гипноз». Гипноз - это род преднамеренного сна, не естественного сна, а сна особого рода. В обыкновенном сне вы теряете все контакты с внешним миром. В гипнозе... «гипноз», само это слово, означает сон, но я использую его, чтобы отделить от обыкновенного сна. Обыкновенный сон — это когда вы разъединяетесь со всем внешним миром, миром объектов. Гипноз - это когда вы разъединены со всем внешним миром, исключая одного человека, человека, создавшего в вас этот сон и остающегося с вами в контакте. Вы не будете слышать ничего другого. Если заговорит кто-то другой, вы не будете слышать, но если заговорит человек, погрузивший вас в гипноз, вы будете слышать его. Если он приказывает вам, вы подчиняетесь. Если он скажет вам сделать что-то, вы сделаете. И этот бессознательный ум в состоянии гипноза может делать то, что выглядит чудом.

Например, вы можете ходить по огню. Таких людей много по всему миру: мусульманские суфии ходят по огню, буддийские монахи ходят по огню на Цейлоне, в Индии, в Китае, на Яве, на

Суматре. Это происходит каждый год, во многих местах, во многих храмах, свидетелями тому тысячи людей. И вы можете ходить по огню. Все, что для этого нужно, это в состоянии гипноза получить приказ от человека, загипнотизировавшего вас, о том, что вы можете ходить и не сгорите.

Бессознательный ум настолько мощен, что он может изменить саму вашу физиологию. Вы можете ходить по огню и не сгореть. Возможно и другое. Вы в гипнотическом сне; в вашу руку кладется холодный камень, и вам говорят, что он раскален докрасна, чистый огонь, - и ваша рука будет обожжена. Нет, не камень обжег вам руку. Что же случилось? Ваш бессознательный ум настолько мощен, что тело слушается его. Религии в полной мере использовали способности бессознательного ума.

В Индии почти в каждой деревне можно увидеть людей, протыкающих себе щеку острой с одной стороны и вытаскивающих ее с другой. Два отверстия - в обеих щеках - и ни единой капли крови. И часами они могут ходить в таком состоянии, с острой во рту. А когда острогу вынимают, нет ни капли крови, и раны заживают моментально. Не остается ни единого шрама. Но для этого нужно то же самое средство - гипноз.

Сейчас в России используют гипноз для обучения. Ребенок спит в наушниках, и очень, очень тихим голосом, чтобы не побеспокоить сон, его учат. А утром он помнит, чему его учили. Он помнит гораздо лучше, чем если бы он пытался запомнить это в сознательном состоянии, ведь, когда вы в сознательном состоянии, ваш ум занят еще тысячей и одной вещью. Но когда вы в гипнотическом сне, ваш ум ничего не делает. Он просто поглощает все, что вливается в него.

Теперь они используют это для внушения, обучения коммунизму. Они применяют это к заключенным, военнопленным. В Китае это использовалось так широко, что когда люди, захваченные в плен во время корейской войны, возвращались в свои страны, они оказывались совершенно другими - они были коммунистами. А ведь они отправились бороться с коммунизмом. Они отправлялись с явной антикоммунистической позицией, - а когда возвращались из лагерей для военнопленных, оказывались коммунистами, абсолютными коммунистами. И никто ничего не говорил им, все делалось во сне. Но такой сон нужно специально устроить, он должен быть гипнотическим, не обыкновенным сном.

И так может быть устроено, собственно, все религии на протяжении столетий так и делали, а вы этого не знали. Например, если вы перед тем, как пойти спать, распеваете мантру, все время распеваете, распеваете, распеваете, распеваете, распеваете, пока не уснете, то это не будет обыкновенный сон. Вы сами в себе создали гипнотический сон. Это самогипноз. И теперь ваш сон будет совершенно иным. И конечно, утром вы почувствуете разницу. Вы будете более свежими, более обновленными, более ясными, чистыми, молодыми, освеженными, ведь в гипнозе ничто не движется, вся активность прекращается. Это был самогипноз, никто не заставлял вас.

Вы можете гипнотизировать себя и внушать самим себе. Например, вы можете постоянно распевать какую-нибудь мантру с мыслью о том, что сегодня ночью вы увидите Кришну, Кришна явится в вашем сне. На фоне этой мысли вы все время распеваете мантру... и Кришна явится вам в вашем сне, такой реальный, как и все остальное, что вы видите. Вы сможете прикоснуться к нему, вы сможете разговаривать с ним, он будет отвечать вам. Нет сомнений в том, что это он. Вот так христиане видят Христа, индусы видят Кришну, буддисты видят Будду, и после таких

видений их вера абсолютно лишается всяких сомнений. Теперь поколебать их веру можно, только разрушив созданную ими же самими гипнотическую обусловленность.

Люди, захваченные в плен в Китае, все были религиозными людьми, пришедшими из разных стран. Все они вернулись антирелигиозными людьми. Вся их религия была изъята тем же самым способом, которым она вначале была вложена в них - тем же методом.

Бессознательное имеет потрясающие силы. Оно может передавать мысли. Оно иногда устанавливает мысленную связь, даже если вы не практиковались в этом. Например, когда умирает сын, то может быть так, что мать, находящаяся даже за тысячи миль, почувствует, что происходит что-то неладное, поскольку у нее установлена с сыном определенная связь. Сын - часть ее. Девять месяцев он был неотъемлемой частью ее физиологии, ее психологии, всего. Его фундамент все еще связан с ней.

Случилось так: один из моих друзей - очень хорошо известный поэт профессор Рамешвар Шукла, псевдоним которого «Анчал». Мы ехали с ним вдвоем из Джабалпура в Нагпур в одном автомобиле. Было, наверное, полпервого ночи. Мы были примерно на полпути между Джабалпуром и Нагпуром, как он внезапно что-то услышал. Я не слышал ничего. Он сказал: «Вы слышали что-нибудь?»

Я сказал: «Нет».

Он сказал: «Странно, но я услышал это трижды».

Я спросил его: «Что вы услышали?»

Он сказал: «Я услышал: “Мунна, Мунна, Мунна”».

Я спросил: «Это что-то значит для вас?» Я понятия не имел о том, что Мунна было его детским именем. В Индии это популярное имя, Мунна. До того, как дети получают полное имя, их зовут Мунна, Паппу или вроде этого, каким-нибудь бессмысленным словом. Мунна было его детским прозвищем.

И он сказал: «Меня называл так только мой отец, никто другой», - а в тот момент ему самому было около шестидесяти, он был главой колледжа и хорошо известным поэтом. Кто бы стал называть его Мунной? Только его отец, а отец жил в Аллахабаде.

Я сказал: «Будет лучше, если мы остановимся где-нибудь и вы немедленно позвоните в Аллахабад».

Он сказал: «Чепуха. Зачем?»

Я сказал: «Не говорите, что это чепуха. Ведь если только ваш отец называл вас Мунной и вы слышали это имя три раза, а я ничего не слышал, то это означает, что что-то шевельнулось в вашем подсознании, и это должно быть связано с вашим отцом».

Он сказал: «Вы верите в эти вещи?»

Я сказал: «Это не вопрос веры; для меня все это очень научно».

Мы остановились в Сеони, большом городе между Джабалпуром и Нагпуром, это было единственное место, где мы смогли найти телефон. Мы позвонили. Его отец умер ровно в полпервого и перед смертью позвал три раза: «Мунна, Мунна, Мунна», - поскольку тот был его единственным сыном. И точно в двенадцать тридцать мой друг услышал его. Это, конечно, не имеет ничего общего с сознательным умом. Но подсознание может иметь такую связь.

В примитивных обществах можно найти многих людей, способных устанавливать связь друг с другом на расстоянии в сотни миль, посылать сообщения, принимать сообщения так же точно или, может быть, еще точнее, чем мы это делаем посредством сознательного ума. В письме вы можете допустить ошибку; при передаче сообщения по телефону что-то может произойти. Погода может оказаться неподходящей, вы можете подключиться к неправильному номеру - все возможно. Но когда одно подсознание связывается с другим, ничего неправильного не случается.

Этот бессознательный ум имеет потрясающие неисследованные силы. И поскольку они не исследованы, религия эксплуатирует их. К подсознательному, к его неисследованным возможностям может быть сведено множество религиозных чудес. И однажды все чудеса можно будет объяснить подсознательным умом и его возможностями. Все его возможности еще не раскрыты.

Но бессознательное не может помочь вам познать себя. Это за пределами его возможностей. Это не в его власти.

Третья часть разделения Юнга - это коллективное подсознание, которое глубже и еще фундаментальнее обычного подсознания, поскольку подсознание было индивидуальным, это ваше подсознание, которое в вас с тех пор, как вас зачали в утробе матери. Я не говорю, с тех пор, как вы были рождены. Нет, все началось с того момента, как вас зачали, поскольку с того момента начало расти не только ваше тело, вместе с ним начал расти и ваш ум. Поэтому первый отпечаток на ваш ум наложен вашей матерью. Все, что происходит с психологией вашей матери за эти девять месяцев, обязано наложить отпечаток на всю вашу жизнь.

Поэтому любое образованное общество в мире должно заботиться о психологии матери в эти девять месяцев. Ведь речь идет не только о ее уме - она создает внутри себя другой ум, который будет продолжаться; если она злится, то что-то злобное входит в подсознание ее ребенка. Если она несчастна, что-то несчастное входит в ее ребенка.

Но коллективное подсознание насчитывает миллионы и миллионы лет. Оно несет опыт ваших праотцов и праотцов их праотцов. Оно несет... если человек произошел, согласно Дарвину, от обезьяны, то где-то в коллективном подсознании хранится переживание обезьяны. Но обезьяна — это не начало.

Ученые говорят, что человек вышел из моря. Первая жизнь появилась, должно быть, в море, в виде рыб, возможно. Ваше коллективное подсознание несет все это, все эти переживания. Вы несете в себе всю историю жизни на этой планете, и она воздействует на вас. Вы не знаете о ней, но она манипулирует вами, она заставляет вас делать что-то, думать о чем-то, поступать определенным образом.

Но даже это подсознание, коллективное подсознание, не имеет пути к вашему существу.

Оно может отвести вас назад ко всем тем телам, через которые прошло ваше бытие. Может быть, отсюда и пошла идея перевоплощения. Только подумайте об этом: может быть, это и дало восточным людям идею перевоплощения, как будто они уже где-то существовали до этой жизни. Будда говорит, что в одной из своих жизней он был слоном. Может быть, он входит в свое коллективное подсознание и вспоминает там не свое индивидуальное, но коллективное переживание. Но когда вы вспоминаете это переживание, оно выглядит индивидуальным.

Тот день, когда вы сможете пройти глубже, нырнуть глубже в коллективное подсознание, будет очень решающим днем... продолжают ли жизни индивидуально? Одна жизнь рождается в одном теле, потом в другом теле, потом еще в одном - или это просто коллективная эволюция оставляет свои следы в каждом индивидууме, и он вспоминает эти следы. Но когда он вспоминает, он чувствует: «Я был слоном».

Индусы говорят, что первым воплощением Бога была рыба. Странно... только подумайте об этом. Почему они должны были так решить? В мире так много животных, почему первым воплощением Бога должна быть рыба? У индусов есть другое воплощение Бога - получеловек, полуживотное. Никто не побеспокоился обдумать эти факты с психологической точки зрения. Может быть, это воспоминание о чем-то очень глубоком в вашем коллективном подсознании, о том, что вы ощущаете как «рыбу». И это определенно означает, что жизнь воплощается в виде рыбы. Вы можете назвать ее Богом, не имеет значения. Это просто одно и то же. И идея, сама идея, пришедшая к индусам, - а этой идее десять тысяч лет, это не новая идея... О том, к кому пришла эта идея, я могу сказать, что он, должно быть, глубоко нырнул в коллективное подсознание и нашел там жизнь, возникающую как «рыба».

И вторая идея является даже еще более важной. Одним из воплощений Бога является Нарасинга, получеловек, полулев. Конечно, если человек в своем развитии прошел стадию животных, то было время, когда он был полуживотным, получеловеком. Перепрыгнуть невозможно... в десять часов вы обезьяна, а в десять пятнадцать вы человек - такого не может быть. Где-то между десятью и десятью пятнадцатью вы должны быть полуобезьяной и получеловеком, преобразующимся, меняющимся. И скорее всего это верно, коль скоро большинство людей, коснись даже сегодняшнего дня... наполовину люди, наполовину обезьяны. Разделение может проходить двумя способами: или вы разделяете человека на нижнюю половину, обезьяну, и верхнюю половину, человека, или вы разделяете человека на внешнюю половину, обезьяну, и внутреннюю половину, человека, или наоборот.

Представляется, что в человеке так много от животного, что гипотеза Дарвина имеет право на существование. Произошел ли он от обезьяны или нет, смысл не в этом; смысл в том, что человек растет где-то из животного. Но куда девается животное? Куда уходит ваше детство, когда вы становитесь юными? Оно становится частью вашего подсознания. Ничто никуда не уходит. Не может уйти. Некуда уходить. Оно просто все время складывается внутри вас. Но то, что случилось в жизни миллионы лет назад, должно быть где-то и в вашей жизни - конечно, на такой глубине, до которой нелегко добраться. Глубина должна быть океанической. Атлантический и Тихий океаны в некоторых точках имеют глубину пять миль. Я думаю, что человеческое подсознание много, много глубже, пяти миль недостаточно, ведь целая жизнь... так много изменений, так много преобразований.

Но, даже измерив всю глубину коллективного подсознания, вы не сможете пройти к себе.

Ваше существо все еще остается тем, кто измеряет, тем, кто пытается познать. Вы не сводимы к объекту. Позвольте мне подчеркнуть это.

Вы не сводимы к объекту. Вы всегда - субъект, всегда и всегда. Что бы вы ни знали, вы - познающий, вы никогда не познаваемое.

Третья дверь, третье измерение идет от восточной психологии, которая признает и «четвертое». Западная психология признает только три функции, западная психология признает только три разделения. Восточная психология признает четыре: бодрствующее сознание, грезящее сознание, спящее сознание и четвертое. Четвертое не имеет имени; его называют турийя - четвертое, просто «четвертое». И они хорошо сделали, не дав ему имени, поскольку оно так обширно и неопределенно, что дать ему имя - значит наложить ограничение. значит придать смысл, значит сделать его объектом. Поэтому они не дали ему имени, они просто называют его четвертым.

Западной психологии и западному психоанализу нужно это четвертое - они испытывают огромную потребность в четвертом. Без четвертого они неполны - неполны, нелогичны, иррациональны, поскольку постоянно остается в стороне самый важный фактор вашего существования, вы сами. Вот Фрейд рассматривает страх, долг, подавление, секс, алчность - его творения велики, его исследования велики, но ни разу он не рассматривает свое собственное существо.

В Индии самым знаменитым фрейдистом-психоаналитиком был доктор Лалджирам Шукла; он был руководителем психологических исследований в Индусском университете в Бенаресе. Так случилось, что один из моих друзей, который учился со мной в Джабалпуре, - после окончания я переехал в университет Саугара, а он в университет Бенареса - влюбился в дочку доктора Лалджирама Шуклы. Доктор Шукла был очень знаменитым человеком. Постепенно он согласился на их брак. Они были из одной и той же касты, так что проблем не было. Этот мальчик был из очень богатой семьи. И он был единственным сыном - все хорошо.

Лалджирам Шукла очень хотел совершить бракосочетание быстро, поэтому он привел мальчика - теперь тот сам уже очень знаменитый историк в университете Джабалпура, глава факультета истории, доктор Байджнатх Шарма, - он привел его из общежития в свой дом и сказал: «Зачем тебе жить там? Ты ведь станешь моим названным сыном. Тебе не нужно жить в общежитии, можешь жить в моем доме, у меня такой большой дом. И во всем этом доме живу только я, моя дочь и моя жена, три человека. Здесь ты можешь иметь все для себя».

Постепенно Байджнатх начал говорить с ним обо мне, поскольку находился под сильным впечатлением от меня - он пробыл со мной четыре года. И разбудил такое большое любопытство в Лалджираме, что тот сказал: «Может быть, ты пригласишь его. Я хотел бы повидаться с этим человеком, который произвел на тебя такое большое впечатление. Я слышал это не только от тебя - все, кто приезжает из этой части страны на мой факультет, начинают произносить это имя. Оно доходит до меня из столь многих источников, что я не могу больше ждать. Отправь ему телеграмму, чтобы он немедленно приезжал и погостил бы у меня несколько дней, столько дней, сколько у него получится».

Телеграмма пришла ко мне. Я подумал, что это будет хорошей возможностью немного сразиться с великим психологом. Я сражался с религиозными людьми, со всякими людьми, но великий

фрейдист - это хорошая возможность!

Я послал телеграмму: «Приезжаю немедленно и буду вашим гостем столько, сколько у вас получится». Даже моя телеграмма испугала его: «столько, сколько у вас получится...» Не собирается ли он здесь поселиться навсегда?

Байджнатх сказал: «Я ничего не могу сказать о нем. Он может остаться здесь жить навсегда, - но ошибка ваша. Вы попросили его: “Можете оставаться здесь столько, сколько у вас получится”. Он ответил вам: “Я останусь столько, сколько у вас получится”».

Лалджирам сказал: «Неприятности начались. Я боюсь, что будут неприятности».

Я добрался туда ночью, около двенадцати часов. Он приехал встретить меня. Он был старым человеком. Мы поехали домой. По пути он не сказал мне ни слова. Путь был долгим, поскольку мой поезд доходил только до Мугалсарая, не прямо до Бенареса, и от Мугалсарая я должен был ехать автомобилем до Бенареса. Мугалсарай стоит по одну сторону Ганга, а Бенарес - по другую. Поэтому есть поезда, идущие до Бенареса, и есть поезда, идущие до Мугалсарая, но этот конкретный поезд, первый попавшийся мне... поэтому он приехал подобрать меня в Мугалсарае, - но ни один из нас не сказал ни слова.

Байджнатх чувствовал себя очень неловко. Он сказал: «В чем дело? Вы оба молчите?»

Лалджирам сказал: «Я молчу потому, что если я скажу что-то, а он возразит, то мы не уснем всю ночь. А почему он молчит, я не знаю».

Я сказал: «Я просто молчу, жду утра». Он сказал: «Что вы имеете в виду?» Я сказал: «Вы начали! Подождем до утра. Пожалуйста, не начинайте прямо сейчас. Я устал... длительное путешествие, и сейчас, посреди ночи... подождите до утра!»

Он сказал: «Вы нарушили мой сон. Что вы собираетесь делать утром?»

Я сказал: «Утро значит утро. Я не собираюсь давать вам никакого ключа».

И утром Байджнатх рассказал мне: «Всю ночь он ходил по коридору. Я просил его два или три раза: “Вам нужно пойти спать. О чем вы думаете?” Он ответил: “Я думаю о том, что случится утром”. Я возразил: “Что случится? Ничего не случится. Мой друг абсолютно безвреден. Можете идти спать”. Но он не мог. Он пытался, - но снова вставал и ходил. Он сказал: “В эту ночь мне не уснуть”».

Утром... это было зимнее утро, поэтому мы сели на солнышке, и из университета пришли все его аспиранты, его доценты, ученые-исследователи, около тридцати пяти человек. Было также несколько профессоров его факультета.

Я сказал: «Теперь мы можем начать. Утро наступило». Он сказал: «Что же, давайте начнем с самого начала. Есть ли Бог или нет?»

Я ответил ему: «Это не с самого начала. Бог не может быть первым. Должно было быть что-то до Бога. У него должны были быть отец и мать, иначе как это он неожиданно возник в существовании? И если он может неожиданно возникать в существовании, тогда зачем

беспокоиться вообще о чем-либо. Целое существование - Бог - неожиданно возникает в существовании. Если это будет нашей окончательной позицией, если мы должны будем принять то, что Бог не создан, тогда почему бы нам не принять и такую простую вещь, что и существование не создано?

Зачем без необходимости вносить вымысел? Это основной принцип науки: использовать наименьший из возможных объем гипотез. Все, что может быть отброшено, должно быть отброшено. Нужно пользоваться минимальным объемом гипотез. Это основа всякого научного исследования.

Бог - бесполезная гипотеза. Он никак не поможет. Вопрос-то остается тем же самым: «Кто создал его?» Вопрос не изменился, поэтому и его постановка бесполезна». После этих слов я сказал: «Спросите о чем-то, относящемся к делу, существенном. Я приехал к вам сюда издалека не для того, чтобы обсуждать с вами Бога. И какое дело фрейдисту до Бога? Я приехал к вам, как к психологу. Так будет лучше, в этом случае у вас будет твердая почва под ногами. С такими вещами, как Бог и прочее, у вас будут проблемы. Возвращайтесь на свою почву, я хочу испытать вас на вашей твердой почве».

Итак, я прежде всего сказал этому человеку: «Вся ваша психология упускает самый важный смысл. Вы говорите о сознательном, подсознательном, бессознательном, но вы не говорите о четвертом, турийя, а четвертое стоит за всем остальным».

Я показал вам три двери: разделенные по восточному принципу, это бодрствующее сознание, грезящее сознание, спящее сознание; разделенные по принципу психоанализа, это сознание, подсознание, коллективное подсознание; разделенные по принципу психологии, это познание, размышление, чувствование. Это единственные деления, которые до настоящего времени создал человек. Но только восточная психология признала четвертое, не дав ему имени. И четвертое - это дверь в религию. Что есть это четвертое?

Вы видите вещи там, во внешнем мире, - это объективный мир, люди, деревья, горы, океаны. Затем вы видите мысли, чувства, эмоции, гнев, алчность - это ваш внутренний мир. Но кто тот смотрящий? Вот два мира: внешний мир и внутренний мир, - но кто смотрящий?

Спросить, кто этот смотрящий, значит поднять основной религиозный вопрос.

Вопрос о Боге - это не религиозный вопрос. Это очень детский вопрос.

Религиозный вопрос таков: кто тот смотрящий, смотрящий на мысли, эмоции, смотрящий на вещи, на людей, на горы, на облака... кто этот смотрящий, спрятанный за всем этим?

Наблюдатель на холмах не делает ничего, кроме как просто наблюдает. Ни малейшего действия, чистое зеркало, которое отражает все, что проходит перед ним...

Путь к этому наблюдателю очень прост. Вы отбрасываете объекты наблюдения, поскольку они закрывают наблюдателя - как будто солнце со всех сторон закрыто облаками, и вы не видите его. Легко отбросить внешние объекты; вы просто можете закрыть глаза, и внешних объектов больше нет. Трудности возникают с внутренними объектами. Они лишь тени внешних объектов — преходящие мысли, преходящие грезы, преходящие фантазии. Не боритесь с ними. Если вы боретесь с ними, вы становитесь актером; вы более не наблюдатель. Вы забыли, что должны

оставаться просто наблюдателем.

Это простая сноровка. Если раз получилось, дальше не будет никаких трудностей, но в первый раз это определенно трудно. Это все равно, как плавание. Когда вы видите других людей, плавающих в реке или в океане, вы изумляетесь, ведь вы сами не умеете плавать. А они говорят, что это очень просто, здесь нет проблем.

В моей деревне был один очень хороший, старый, добрый человек. Все любили его, он был таким простым и таким невинным, хотя ему было за восемьдесят. А рядом с моей деревней протекала река. Он устроил себе на реке особое место, где он принимал свои омовения. Насколько каждый в деревне мог вспомнить, всегда его видели там, день за днем, год за годом; дождливый ли сезон, лето, зима - не имеет значения; здоров ли он или болен - не имеет значения. Он был там точно в пять часов утра, на своем месте. А это было самое глубокое место на реке, поэтому обычно туда никто не ходил, и оно было довольно далеко.

Люди обычно ходили на реку; она была всего в ста метрах от моего дома, но то место было на расстоянии двух миль. И поскольку наши холмы подходили близко к реке, нужно было преодолеть одну гору, потом другую, потом только вы достигали того места. Но то было прекрасное место. Когда я осознал это, я стал ходить туда. И мы немедленно стали друзьями, поскольку... вы знаете меня, что я за человек. Если он собирался быть там в пять, то я приходил туда в три. Один день, два дня, три дня... Он сказал: «В чем дело? Ты решил победить меня?»

Я сказал: «Нет. В этом нет смысла, но я собираюсь сюда в три - точно так же, как вы решили быть здесь в пять».

Он спросил: «Умеешь ли ты плавать?»

Я сказал: «Не знаю, но вам не нужно беспокоиться. Если кто-то умеет плавать, то и я смогу. Если вы умеете, тогда в чем проблема? Одно точно: плавание доступно человеку, этого достаточно. Самое большее, я могу утонуть - так что же? Однажды умрет каждый. Это не имеет значения».

Он сказал: «Ты опасен. Я научу тебя плавать».

Я ответил: «Нет». Я сказал ему: «Вы просто сидите здесь, а я прыгну. Не пытайтесь спасти меня; даже если я буду звать вас, не слушайте меня».

Он сказал: «Что же ты за ребенок? Ты будешь кричать: “Спасите меня”, - а я не спасу тебя?»

Я сказал: «Да. Я не буду кричать. Я просто сделаю все абсолютно уверенно. Может быть, когда я буду тонуть, умирать или задыхаться или когда вода попадет мне в нос или рот, я закричу: “Спасите меня”, - но я хочу, чтобы было ясно: я не хочу, чтобы в этом случае меня кто-либо спасал. Или я узнаю, что такое плавание, или я утону, узнав, что плавание не для меня».

И до того, как он смог бы меня остановить, я прыгнул. Конечно, я два или три раза скрывался под водой и поднимался на поверхность. А он стоял там на берегу, ожидая, так что, если бы я позвал его... но я просто махал руками и не собирался его звать. Три или четыре раза я скрывался под водой, поднимался на поверхность, разбрасывал руки наугад, ведь у меня не было

понятия, как плавать, - но что делать? Когда вы тонете, вы используете все способы, какие только возможны. И в течение пяти минут я освоил это дело.

Я вернулся и сказал ему: «Вы предлагали учить меня тому, что я смог освоить в течение пяти минут? Мне просто нужно было рискнуть И дать себе отчет в том, что, самое большее, это может означать смерть».

Плавание - это сноровка, это не искусство, которому нужно учиться. Вас просто нужно бросить в воду. Вы обязательно начнете бултыхаться и двигать руками и ногами, и вскоре вы заметите, что если вы разбрасываете руки и ноги гармонично, синхронно, то вода сама держит вас.

Я сказал этому старому человеку: «Я видел мертвые тела, плывущие по реке. Если мертвый человек может плавать, не хотите ли вы сказать, что я живой и не смогу? Даже мертвые знают, как это делается». В дождливый сезон, во время паводка, много раз так случалось, что целые деревни заливало водой, - многие люди, мертвые тела, мертвые животные проплывали по реке. Поэтому я сказал: «Даже мертвые люди плывут, и быстро. А я живой, поэтому дайте мне шанс выучиться самому, мне кажется, что это всего лишь сноровка. Какое искусство может быть здесь? Это не мастерство или какое-то трудное для понимания искусство. Все, что я вижу, это то, что люди разбрасывают свои руки, - и я могу разбрасывать свои».

Вы должны запомнить: наблюдение - это не какое-то искусство, какое-то умение, нет; это сноровка. Все, что вы должны запомнить, - это не тонуть в реке, которая протекает внутри вас. А как вы тонете в ней? Вы тонете, если так или иначе становитесь активными.

Если вы остаетесь неактивными, не делаете ничего... просто наблюдаете: «Я не предполагаю делать что-либо, приходит гнев, пусть проходит. До свидания». Если приходит какая-то мысль, хорошая или плохая, она вас не беспокоит. Вы просто наблюдаете, ничего не называете по именам, не порицаете, ведь все это действия.

Действие вводит вас в ум. Бездействие выводит вас из ума. Действие - это мост между вами и умом; при бездействии этот мост отбрасывается, и вы стоите совершенно одни.

И в тот момент, когда вы не активны, ни в чем не участвуете, возникает переживание чуда.

Это ваше участие дает жизнь уму — его мыслям, чувствам, эмоциям - это ваше участие дает ему жизнь.

Когда вы не участвуете, они просто рассеиваются, оставляя чистую пустоту: вы одни, в вашей предельной уединенности.

Время остановилось. Когда останавливается ум, останавливается и время. И впервые в жизни вы видите того, кто смотрит, вы наблюдаете наблюдателя.

Вы начинаете осознавать осознанность, и именно об этом и есть вся религия.

Но вы должны помнить четвертое. Трех разделений, сделанных тремя различными группами людей в мире, недостаточно, вам нужно четвертое.

И это четвертое просто — наблюдательность, внимательность, бдительность.

Я ПРОТИВ РЕЛИГИЙ, НО Я ЗА РЕЛИГИЮ

23 ноября 1984

Бхагаван, если не будет Бога, не будет дьявола, то какой вообще смысл в религии? Нужна ли религия санньясинам?

Религия не имеет ничего общего с Богом, дьяволом, небом и адом.

Нужно понять слово «религия». Слово это значительно: оно означает объединение вместе разрозненных частей таким образом, чтобы эти части больше не были частями, но стали целым. Корень слова религия таков: объединение вместе разрозненных частей таким образом, чтобы часть больше не являлась частью, но стала целым. В этом объединении каждая часть становится целым.

Каждая часть по отдельности мертва; соединенные вместе, они дают новое качество, качество целого. Внести это новое качество в вашу жизнь и есть цель религии.

Религия не имеет ничего общего с Богом или дьяволом. Но то, как религии действовали в мире, привело к изменению ее качества целостности, самой ее ткани, и это вместо того, чтобы сделать ее наукой объединения, стремящейся из человека разрозненного сделать человека цельного. Обычно вас много, толпа. Нужно переплавить эту толпу в одно целое, так чтобы все в вас начало функционировать гармонично, без конфликта, без разделения, без борьбы, когда ничто не выше, ничто не ниже... вы просто одно гармоничное целое.

Религии всего мира помогли человечеству забыть само значение этого слова.

Они против цельного человека, поскольку цельный человек не нуждается в Боге, не нуждается в священнике, не нуждается в церкви.

Цельному человеку достаточно самого себя. Он цельный.

И для меня это делает его святым - ведь он цельный (holy - святой, whole - цельный).

Он настолько исполнен, настолько завершен, настолько удовлетворен, что нет никакой психологической потребности в фигуре отца, Бога, который где-то на небесах заботится о вас.

Он настолько блажен в данном мгновении, что не удастся заставить его бояться завтрашнего дня. Завтра не существует для цельного человека. Все лишь в этом мгновении - нет ничего ни вчера, ни завтра.

Цельным человеком нельзя манипулировать с помощью таких по-детски глупых стратегий: если ты сделаешь это, достигнешь небес и всех удовольствий там; если ты сделаешь то, попадешь в ад и будешь страдать вечно.

Цельный человек просто посмеется над всей этой чепухой.

У него нет страха перед будущим, для него ад невозможен; у него нет алчности по отношению к будущему, для него рай невозможен. Ему не нужна защита, никто не наставляет его, никто не ведет его куда-то. У него нет цели, нет мотивации.

Каждое мгновение настолько законченно, что оно не ждет своего завершения другим мгновением, которое наступает иногда в этой жизни, а иногда, может быть, и в следующей жизни...

Каждое мгновение полно, переполнено, заполнено до отказа, и он знает только одно — огромную признательность этому прекрасному существованию.

Но и это он не высказывает в словах, ведь существование не понимает языка. Эта признательность в самом его существе.

Поэтому, что бы он ни делал, в этом есть признательность. Он ничего не делает, просто сидит в молчании, и в этом уже есть признательность. Это не то, как... мусульмане пять раз в день благодарят Бога. А что делается между этими пятью молениями? Между этими пятью молениями никакой благодарности нет. Такая благодарность - всего лишь ритуал. Она - не ваша жизнь.

Шила только что принесла брошюру от одного христианского общества, которое «празднует неделю прощения во всем мире». Любой город может стать членом этого общества, но только город. Тогда этот город появляется на мировой карте Общества Прощения. И люди, занимающиеся этим делом, на самом деле выглядят серьезными, но то, что они делают, выглядит так по-детски, является таким идиотским. В понедельник вы прощаете себя — так это происходит, — во вторник вы прощаете своих соседей, в среду вы прощаете своих врагов, затем вы прощаете свою нацию, затем вы прощаете все нации... целая программа на семь дней.

В сопроводительном письме говорится: «Если вы прощаете себя, нацию, нации, весь мир, вы достигнете огромного счастья. Чувство обиды - это плохо, чувство покаяния, сожаления - это хорошо». Эти люди посылают вместе со своим письмом карту мира, на которой отмечены многочисленные города, так что эта ассоциация работает, должно быть, многие годы. Наш город новый, поэтому они приглашают нас принять участие в их глупой игре.

Раз в году на протяжении семи дней вы прощаете... тогда чем вы занимаетесь целый год? А если вы прощаете непрерывно на протяжении целого года, тогда на следующий год ваше участие заканчивается, поскольку на следующий год у вас не будет недели для прощения - не останется никого, кого надо прощать, вы уже простили всех. Но эти люди занимаются подобным годами, ежегодно - как видно, прощение не преобразует вас.

В сопроводительном письме говорится: «Всегда прощайте первыми». Не упускайте шанса простить первыми, быть лидерами, быть хозяевами прощения. Видите смысл? Даже в прощении находится состязание, находится игра эго... «Будьте первыми». Но если каждый старается быть первым, тогда кто же станет первым? Кто-то вынужден быть вторым: он уже проиграл игру; он больше не хозяин своей судьбы, своего предназначения. Так что торопитесь! Простите другого до того, как он простит вас, тогда вы останетесь хозяевами своей судьбы, лидерами, первыми - и награда ваша будет велика.

Но для того, чтобы простить кого-нибудь, сначала нужно стать разгневанным, взбешенным, настроенным против, ненавидящим, обиженным, может быть, даже мечтающим уничтожить другого. Если всего этого нет, то как прощать? Нужно целый год носить в себе рану, дожидаясь этих семи дней прощения. В каждом феврале наступают эти семь дней, и в это время нужно делать все возможное, чтобы быть первым. И конечно, человек, простивший больше других, будет больше и вознагражден. Но может ли много прощать человек, если в нем совсем нет никакой обиды? Как прощать? За что прощать?

Например, я не могу прощать никого в мире. Я не вижу ни одной причины, по которой я должен прощать кого-либо; во мне нет ни единой раны, ни единой обиды. Когда Шила читала мне этот памфлет, я пытался себе представить, что если бы я должен был прощать, то кого. Я был абсолютно пуст, ни одного ответа, не возникло ни одного имени человека, которого мне следовало бы простить... И прежде всего потому, что я никогда не был в положении обиженного. У меня нет ни одного врага в мире. Есть миллионы людей в мире, которые думают, что они - мои враги, но что касается меня, то я думаю, что нет никого, кто был бы моим врагом. Поэтому, если я попытаюсь прощать, то кого мне прощать?

Было настоящим удовольствием наблюдать это общество, - а это всемирное общество, и членами его являются сотни городов. И они, должно быть, думают, что делают что-то чрезвычайно значительное. Но глубоко внутри они сеют в вас семена эго: «Будьте первыми...»

Религия так много сделала против человечества, причем с добрыми намерениями. У этих людей не было дурных намерений, но они были определенно идиотами, не знающими точно, что они делают и как функционирует психология человечества.

Они эксплуатировали человека. Возьмем, например... Иисус говорит: «Не хлебом единым жив человек». Верно, абсолютно верно - ведь ему для жизни нужно еще много вымыслов, просто хлеба недостаточно. Ему нужен Бог, ему нужен дьявол, ему нужно небо, ему нужен ад, и папы, и церковь, и молитва, и прощение... «Не хлебом единым жив человек», - говорит Иисус - совершенно верно. Отбросьте все эти вымыслы, и неожиданно возникнет вопрос: если нет Бога, если нет дьявола, то что есть вся религия?

Все эти религии дали вам свои вымыслы потому, что ваша психология испытывает в них определенную потребность. Или вы выходите за пределы, положенные умом, - это и есть настоящая религия, - или вы создаете вымыслы, чтобы ваш ум не чувствовал пустоты, бессмысленности, одиночества, ощущения щепки, плывущей по течению, без цели впереди, без истока позади.

Одна из величайших потребностей человеческого ума - быть нужным.

Существование кажется абсолютно индифферентным к вам. Можете ли вы сказать, что оно испытывает потребность в вас? Без вас все идет совершенно прекрасно. Были восходы, были закаты, цвели цветы, приходили и уходили времена года. Когда вас не было, все было точно так же. Однажды вас снова не станет, и все будет точно так же. Существование просто продолжается и продолжается. Оно не дает вам удовлетворения в вашей величайшей потребности - быть нужными. Напротив, оно дает вам ощущение того, что вы его не волнуете. Может быть, оно даже не знает, что вы существуете.

Мне вспоминается одна из историй Панча Тантры. Эти истории потрясающе психологичны. По мосту через реку идет слон, а на слоне сидит комар. Слон так тяжел, а мост - просто временный мосток. Бедные деревенские жители наводят мостки, когда проходят дожди, спадает вода и река становится маленькой. Они делают временные деревянные мостки для себя. На восемь месяцев такого мостка прекрасно хватает. Но он построен не для слона, поскольку в бедной деревне никто не может содержать слона. На мосток же взошел и проходил по нему дикий слон. Комар, сидевший на голове слона, сказал: «Дядюшка, кажется, что мой вес и твой вес - это слишком для такого мостка».

Слон сказал: «А я и не знал, что ты сидишь у меня на голове. Что ты там делаешь?» Вот в этой маленькой истории слон даже не осознает комара, - но комар думает: «Я и ты, мы вместе, - это так много для этого бедного мостка».

Каждый человек гораздо меньше по сравнению с этой огромной вселенной, чем комар по сравнению со слоном. Разница между комаром и слоном не велика, но между человеком и существованием... разница неизмерима.

Но помните, человек делает то же самое, что и комар. Если вы собираетесь жениться, вы идете к астрологу и спрашиваете: «Благоприятствуют ли звезды?» То же самое говорил и бедный комар: «Дядюшка...», - пытаюсь связать себя со слоном. Вы пытаетесь связывать себя со звездами: благоприятствуют ли они вашей женитьбе? И конечно, астролог эксплуатирует вас.

Несколько месяцев я провел в Раджпуре в качестве профессора. Я проехал всю Индию, но Раджпур показался мне странным местом. Вам удастся пройти каких-нибудь два или три дома, и вы наткнетесь на большую вывеску, объявляющую: «Здесь живет великий астролог». Вы прошли всего два, три дома, и вот есть кто-то, кто знает, как избавить вас от духов, как вывести из вас демонов. Человека такого рода в Раджпуре называют оджха, тот, кто изгоняет демонов, духов из человеческого ума.

И в те дни я проходил каждый день, самое меньшее, по восемь миль, поэтому я заглянул почти во все уголки Раджпура, и везде на стенах были объявления, рекламы. Там, должно быть, были люди, страдающие от духов и демонов, иначе как могло так много народу заниматься этим бизнесом - и заниматься успешно? Они казались самыми уважаемыми людьми.

Как раз перед моим домом жил один очень знаменитый астролог. Из самых отдаленных мест к нему приходили люди по самым разным вопросам, не только по поводу женитьбы. В Индии, если вы начинаете какое-нибудь дело, вы идете к астрологу: «В какой день, в какое время звезды будут благоприятствовать мне?» Вот подходящее время для церемонии открытия вашего магазина. Если вы собираетесь в путешествие, первое, что вы делаете, вы идете к астрологу: «В какое время? Я еду на юг; благоприятствуют ли звезды тому, что я поеду на юг в такой-то день? Или мне лучше подождать?» И астролог назначает вам дату и время.

И я видел, что этот человек занимается подобным целый день. Иногда бывало так, что поезд отходит в полночь, а вы должны выходить из дома в то время, которое назначил астролог. Поэтому вы выходите из дома в полдень, так как именно в этот момент звезды благоприятствуют вам. Вы выходите из дому в полдень и потом двенадцать часов стоите на станции и ждете поезда; но из дома вы должны выйти в тот момент, когда звезды благоприятствуют вам.

Один из моих друзей... он тоже был профессором, но профессором по санскриту. Он был великим верующим во всю эту чепуху. Всякий раз, когда он отправлялся повидаться со своей семьей, он консультировался у астролога. И иногда у него возникали большие трудности, поскольку астролог говорил: «В этом месяце вам не следует выезжать. Этот месяц совершенно не благоприятствует вам».

Мой друг приходил ко мне и говорил: «Очень тяжело; в этом месяце я точно должен был поехать. А вот астролог говорит, что мне не следует ехать в этом месяце».

Я сказал ему: «Подождите. Позвольте узнать, что за астролог. Я же знаю его очень хорошо; он живет как раз напротив моего дома. Есть же способы. Вы дадите астрологу рупию, и потом он спросит вас: «Какой день, какое время?» А я заранее дам ему рупию и скажу: “Придет этот несчастный парень; пожалуйста, назовите этот день и это время”, - тогда вы сможете попасть на поезд и добраться до дома».

Я устроил таким образом множество браков. Ему нужно было дать всего одну рупию. Однажды он сказал: «Но вы странный парень. Вы постоянно даете рупии за других, ради их поездок, их дел, их браков».

Я сказал: «Я наслаждаюсь игрой. Я вижу их глупость и вижу вашу хитрость. Всего за одну рупию посмотреть такую игру - это не дорого. И ведь это не только вы, этим занимались все ваши предки. Вы распоряжаетесь браками людей, а ваша жена каждый день пилит и бьет вас. Что случилось с вашей астрологией? Хотя бы для себя вы могли бы выбрать подходящую женщину. А эти дураки продолжают ходить к вам, прекрасно зная, что трудно найти мужа, находящегося больше под каблуком жены, чем вы. Но они все еще продолжают спрашивать: “Я собираюсь жениться; окажется ли этот брак успешным, спокойным?” — и спрашивают они у вас! И пока они сидят здесь, входит ваша жена и начинает кричать на вас, оскорблять вас, неужели эти дураки не видят всего этого? И что вы знаете о звездах?»

Но трюк в том, что астрологическая книга индусов везде одна и та же. Если вы спросите у одного астролога, он вам даст ответ. Поезжайте в Бенарес и спросите у другого астролога, он даст вам точно такой же ответ, ведь они оба полагаются на одну и ту же астрологическую книгу. Поезжайте в Калькутту, и вы получите такой же ответ. Это убеждает вас в том, что эти астрологи, должно быть, знают, ведь три человека из разных городов не могут сговориться против вас. А они и не знают друг друга, не имеют понятия о том, что вы консультируетесь с другими людьми. Вы можете консультироваться по всей Индии и получите тот же самый ответ, ведь книга-то везде одна и та же. Они консультируют по одной и той же книге; звезды никого не волнуют, никто ничего не знает о звездах, только то, что говорит эта книга.

Как я сказал вам, величайшая потребность человека - быть нужным. Иначе он чувствует себя шокированным. Деревья, облака, Солнце, Луна, звезды, горы... кажется, ничто не замечает вас.

Все существование кажется индифферентным; есть вы или вас нет, это никого не волнует. Это обстоятельство очень сильно поражает ум. И тогда входит религия, так называемая религия...

Настоящая религия всеми способами пытается помочь вам отбросить эту потребность, чтобы вы смогли увидеть то, что и ни у кого другого нет никакой потребности в вас, что, испрашивая внимания к себе, вы просите о вымысле.

Но так называемые религии, существующие на Земле в столь многих формах... индуизм, иудаизм, христианство, мусульманство, буддизм, джайнизм и многие другие «измы». На Земле имеется три сотни религий, но все они делают в точности одно и то же. Они все делают одинаковую работу; они дают вам одно и то же удовлетворение.

Они говорят, что есть Бог, который заботится о вас, который смотрит за вами, который следит за тем, чтобы у вас все было хорошо, - заботится о вас настолько хорошо, что посылает вам святую книгу для руководства вашей жизнью, посылает своего рожденного сына помочь вам выйти на правильный путь. Он посылает мессий и пророков, чтобы вы не блуждали в потемках, - здесь они эксплуатируют вторую вашу слабость: страх дьявола, пытающегося всеми возможными способами подтолкнуть вас на неверный путь.

В индуизме есть одна история. Гаутама Будда, пока жил, стал очень влиятельным человеком. Он был человеком потрясающего обаяния, и он был очень логическим, рациональным человеком, настроенным против всех суеверий. Брамины очень испугались, как бы этот человек не уничтожил всю их профессию. Брамины на протяжении тысяч лет жили только за счет психологической эксплуатации. Вся их функция заключается в эксплуатации ваших психологических потребностей. Папа, епископ, священник - все они делают то же самое. У вас есть определенная психологическая потребность, и они знают, что эту потребность можно эксплуатировать.

Кроме того, вы испытываете также некоторый обязательный страх. Он возникает в тот момент, когда вы выходите из утробы матери - при самом этом разделении. До этого разделения страха в вас не было, ведь вы не были одиноки. Материнская утроба - самое удобное место... вы просто плавали в ней. Все ваши нужды исполнялись без всякого труда с вашей стороны. Не было тревог, не было проблем, не было голода, не было безработицы, не было войны, не было смерти. Вы были полностью изолированы, защищены, и все ваши потребности удовлетворялись.

Ребенок в материнской утробе не испытывает страха, там нет причины для него. Но раз он вышел из утробы матери, великий страх пробегает по всему его существу. Его берут... как вырывают дерево из земли, с корнем. Целое дерево потрясено и дрожит; вырваны его корни, разрушено само его основание. Оно не знает другого способа пропитания, оно не знает другого способа существования. О нем заботилась земля, а его вырвали с корнем.

И я говорю не о поэтических образах. Сейчас существуют научные приборы, которые могут определить, чувствует ли дерево страх или нет, что-то вроде кардиограммы. Они немедленно показывают... Вы укрепляете прибор на дереве, укорененном в земле, цветущем, играющем с ветром, танцующем в солнечных лучах. И график на кардиограмме очень гармоничен, одинаков, нет изменений... потрясающее спокойствие в существе дерева. Потом вы вырываете его - и внезапно график дрожит. Линии начинают метаться вверх и вниз. Гармония потеряна. И по мере того, как вы вытягиваете его, на графике возникает хаос. Дерево проходит через величайшую муку.

И вы удивитесь, узнав, что когда вы проделываете это с одним деревом, то другие деревья, стоящие рядом... их графики тоже начинают показывать страх. То, что происходит с одним деревом, может случиться и с ними. Это не так далеко: «Если этот человек поступает так с этим деревом, то он может поступить так и со мной». Все деревья вокруг - все их графики начинают показывать, что они боятся; возникает тревога.

Когда ребенок выходит из утробы, это величайшее потрясение в его жизни. Даже смерть не будет таким большим потрясением, ведь смерть придет без предупреждения. Самое вероятное, смерть придет, когда человек будет без сознания. Но когда он выходит из утробы матери, он в сознании. На самом деле, он впервые приходит в сознание. Его девятимесячный сон, спокойный сон, нарушается - и вот обрезается нить, связывавшая его с матерью.

В тот момент, когда обрезается нить, связывавшая его с матерью, возникает исполненный страха индивидуум.

Это неправильный способ; но вот так все и происходит до сих пор. Неосознанно такой способ рождения помогает священникам и так называемым религиям эксплуатировать человека. Ребенка следует извлекать из материнской утробы медленнее, постепеннее. Не следует причинять ему такого потрясения — и ведь так можно сделать. Можно обустроить все по-научному. В помещении не должно быть яркого света, ведь девять месяцев ребенок жил в абсолютной темноте и у него очень хрупкие глаза, которые никогда не видели света. А во всех ваших больницах яркие лампы, и ребенок внезапно сталкивается со светом... Из-за этого большинство людей страдают слабыми глазами; позднее они вынуждены пользоваться очками. Ни одному животному не нужны очки. Видели ли вы когда-нибудь животных в очках, читающих газету? Их глаза совершенно здоровы всю их жизнь, до самой смерти. Только человек... И все начинается в самом начале. Нет, ребенок должен рождаться в темноте или при очень мягком свете, может быть, при свечах. Лучше всего была бы темнота, но если нужен свет, будет достаточно свечей.

А что доктора делают до настоящего времени? Они не дают даже небольшого времени ребенку освоиться с новой реальностью. Тот способ, которым они встречают ребенка, безобразен. Они держат ребенка за ножки вниз головой и шлепают его по задку. Идея этого глупого ритуала в том, чтобы помочь ребенку дышать. Поскольку в утробе матери он сам не дышал; для него мать и дышала, и ела, и делала все остальное.

Но такая встреча с миром, когда вас подвешивают вниз головой и шлепают по задку, - это не очень хорошее начало.

Однако доктор торопится. Иначе ребенок начнет дышать сам; ребенка нужно бы оставить лежащим на животе матери, поверх ее живота. До перерезания связывающей нити его следует оставить на животе матери. Он был там внутри живота, внизу; теперь он снаружи. Это не большое изменение. Мать рядом, он может касаться ее, чувствовать ее. Он узнает ее вибрацию. Он прекрасно осознает, что это его дом. Он вышел, но это его дом. Пусть он побудет с матерью еще немного, чтобы освоиться с матерью снаружи; изнутри он уже знает ее. И не обрезайте нить, соединяющую его, пока он не начнет дышать сам.

Что же делается сейчас? Мы обрезаем нить и шлепаем ребенка, чтобы он дышал. Но это насилие над ним, это абсолютно ненаучно и неестественно.

Пусть сначала он начнет дышать сам. Это займет несколько минут. Не спешите так. Это вопрос всей человеческой жизни. Можете выкурить свою сигарету двумя-тремя минутами позже; можете прошептать милые глупости своей подружке несколькими минутами позже. Это никому не причинит вреда. Зачем эта гонка? Вы не можете дать ему нескольких минут? Ребенку больше не нужно. Просто предоставьте его самому себе, в пределах трех минут он начнет дышать. Когда

он начнет дышать, он уверится, что может жить сам. Тогда можно обрезать нить, теперь она не нужна; так вы не заставите ребенка испытать потрясение.

Потом самым важным является следующее: не кладите его в одеяла и в кровать. Нет, девять месяцев он был без одеял, обнаженным, без подушек, без простыней, без кровати - не вносите так быстро столько изменений. Ему нужна небольшая ванна с тем же водным раствором, что был в утробе матери, - это в точности океанская вода: то же количество солей, тот же состав химических веществ, все в точности так же.

Это еще одно доказательство того, что жизнь впервые возникла в океане. Она возникла в океанской воде.

Вот почему беременная женщина начинает есть соленое, ведь матка постоянно поглощает соль - ребенку нужна в точности такая же соленая вода, как в океане. Так что приготовьте соленую воду в маленькой ванне, и пусть ребенок лежит в ней, он будет чувствовать, что ему рады. Это состояние, к которому он привык.

В Японии один дзэнский монах провел удивительный эксперимент: трехмесячный ребенок может плавать. Он начал постепенно. Сначала он попробовал с девятимесячным ребенком, затем с шестимесячным и, наконец, с трехмесячным. И я сказал ему, что он может продолжать еще. Даже только что родившийся ребенок может плавать, ведь он плавал в материнской утробе.

Так что дайте ребенку шанс побыть в условиях, подобных материнской утробе. Он будет более уверенным в себе, и ни один священник не сможет так легко эксплуатировать его, рассказывая об адском огне и прочей чепухе.

Но вот что стало обыкновением в жизни человечества: с одной стороны, человеку нужен Бог, покровитель, наставник, опора, а с другой стороны - ад. Так человек и живет в постоянном страхе перед всем, что священник считает плохим.

А что является плохим и что - хорошим? В каждом обществе эти понятия свои. Плохое и хорошее определяются конкретным обществом; плохое и хорошее не обладают неизменной ценностью.

Да, есть состояние осознанности, когда вы выходите за пределы ума и можете видеть все непосредственно без всякого предубеждения, без всякой идеологии, закрывающей ваши глаза. Когда вы видите непосредственно, вы тут же узнаете, что хорошо и что плохо. Не нужно ничего никому говорить. Не нужно никому давать никаких заповедей.

А каждое общество все время декларирует: это хорошо, это плохо. Но как предохранить вас от совершения того, что они называют плохим? Проблема в том, что то, что они называют плохим, по большей части является естественным - и поэтому привлекает вас. Это плохо, но это естественно — естественное же обладает глубокой привлекательностью. Им нужно создать много страха, чтобы он стал сильнее естественной привлекательности. Поэтому и должен был быть изобретен ад.

Есть религии, которые не удовлетворяются одним адом. И я понимаю, почему им не хватает одного ада. Христианство удовлетворяется одним адом по той простой причине, что

христианский ад вечен, расположен в длину. Но у индусов, джайнов, буддистов вечного ада нет, поэтому они вынуждены идти по вертикали - у них семь адов! И каждый следующий ад становится все более и более мучительным, более и более нечеловеческим.

И я удивляюсь... эти люди, описавшие ад во всех кровавых подробностях, назывались праведниками... Эти люди, если бы у них только был шанс, очень легко стали бы Адольфами Гитлерами, Иосифами Сталиными, Мао Цзе-дунами. У них были все соответствующие идеи; чего у них не было, так это только власти. Но в тонких вещах они обладали и властью, правда, не до настоящего времени. Их власть заключалась в том, что они были первосвященниками, папами, шанкарачарьями, и эта власть помогала им бросать вас в ад когда-то в будущем, после смерти.

Смерть сама по себе - это очень страшно. Но для них этого недостаточно, а ведь естественные инстинкты на самом деле очень сильны.

Почему же они против естественных инстинктов. Потому что эти естественные инстинкты идут против их коренных интересов.

Позвольте мне объяснить вам. В Индии Кришна имел шестнадцать тысяч жен. Что сказать о пятнадцати тысячах девятистах девяти мужчинах, потерявших своих жен? Эти жены были украдены, уведены силой. Они были матерями, женами. Некоторые были не замужем, большинство были замужними. Если женщина была красива, этого было достаточно, чтобы Кришна забрал ее в концентрационный лагерь своих жен. Это был, наверное, почти город - шестнадцать тысяч жен! Как теперь воспрепятствовать этим пятнадцати тысячам девятистам девяти мужчинам... если они соберутся вместе, они могут убить его и забрать своих жен. Им нужно воспрепятствовать.

Священник должен придумать способы, ведь он находится под защитой Кришны. Кришна обладает властью, светской властью, в его руках армия, суд, закон, он защищает священника. Индусский закон говорит, что если вы убьете шудра, неприкасаемого, то достаточным наказанием будет десять лет тюрьмы, но если вы убьете брамина, то наказание будет смертельным. И не только в одной жизни, но в предстоящих семи жизнях вас будут снова и снова убивать; только тогда наказание будет исполнено.

Светская власть защищает священника, священник защищает светскую власть.

Священник говорит: «Кришна - не обыкновенный человек, он - совершенное воплощение Бога, и вы должны быть счастливы, что он выбрал вашу жену себе в супруги. Вы должны радоваться, должны быть счастливыми, должны блаженствовать. К вам придут великие радости в раю. Поэтому не обижайтесь, не гневайтесь, не бунтуйте. Лучше примите это легко, счастливо, радостно, с благодарностью - он выбрал вашу жену, а не чью-то другую».

Теперь естественный инстинкт этого человека должен бы бороться с ним самим. У него забрали мать его детей, у него забрали жену - и против ее воли. И что же это за общество? Но нет, его естественный инстинкт уничтожают, уничтожают двойным способом. Первое, если вы принимаете это охотно, вы будете вознаграждены - огромные удовольствия, много красивых женщин, тысячи радостей - на небесах. Второе, если вы обижаетесь, гневаетесь, собираетесь совершить что-то насильственное против Кришны, воплощения Бога, то вы будете страдать в

седьмом аду. Поэтому, выбирайте...

Все, что было против коренных интересов... например, нищета: все религии учат: «Блаженны нищие». Так говорит не только Иисус. Иисус говорит это очень точно, полно, в одном высказывании, в одной сентенции: «Блаженны нищие, ибо их есть царствие Божие». Но это учение всех религий: вы должны принимать свою нищету, как блаженство, как дар Божий. Это ведь испытание вашей веры. Если вы сможете пройти через это огненное испытание нищетой без ропота, не думая, что оно каким-то образом несправедливо, если вы сможете пройти через это, как будто это дар Божий, тогда царство Божье ваше.

Великим утешением для Лазаря являются слова Иисуса, обращенные к нему... Случилось так: Лазарь был очень беден, а один самый богатый человек в деревне устраивал пир в честь своего дня рождения. Лазарь был голоден, испытывал жажду и, проходя по деревне, попросил немного воды. А слуги вышвырнули его. Они сказали: «Разве не видишь, что наш хозяин дает пир и собрались великие гости? А ты просто нищий. И как это у тебя хватило наглости войти в дом и просить воды. Отправляйся в ад! Убирайся отсюда как можно скорее». Иисус сказал Лазарю: «Не беспокойся. Увидишь. В раю ты будешь наслаждаться всеми удовольствиями, а этот человек будет страдать в адском огне и будет просить: “Лазарь, подай мне немного воды”».

Великое утешение! - но и великая стратегия защиты богатых от бедных. Богатых немного, бедных много. Если они проникнутся идеей о том, что бедность - это не блаженство, а проклятье, они убьют всех богатых.

Стратегия хорошо работает дважды: утешение для бедных в том, что нищета - это блаженство; защита для богатых, чтобы бедные не бунтовали.

Религии были причиной того, что бедность все еще продолжает существовать в мире, иначе для нее совсем нет причины - особенно сейчас, когда наука и технология могут всю землю превратить в рай.

Религиозные люди не хотели бы превращения земли в рай, ведь что тогда случится с их раем?

Они хотели бы, чтобы земля оставалась такой же бедной, такой же голодной, такой же больной, как она есть, поскольку от этого зависит весь их бизнес. Богатые жертвуют церкви, поскольку она защищает их. Жертвуют и бедные, которым не хватает даже на пропитание. Они жертвуют церкви, поскольку она дает им руководство. И эта жизнь так мала. Этой жизни осталось так немного; большая ее часть прошла, осталось немного - и это пройдет. Потом будет вечная жизнь, вечная радость. Церковь указывает путь. Иисус указывает путь.

Естественные инстинкты, такие, как секс, голод... Эти религиозные люди учат вас поститься. И это против природы. Поститься так же плохо, как и переедать. Это значит, что что-то не в порядке с вами психологически. Может быть, вы чувствуете такую пустоту, что постоянно набиваете себя всем, что попадает под руку, пытаясь заполнить эту психологическую пустоту.

Вот постящийся человек - он поедает сам себя; пост - это медленное самоубийство.

Очень странно... Джайны в Индии против поедания мяса, против невегетарианской пищи. Я был на одной из их конференций, всеиндийской конференции джайнов, и там присутствовали

все их секты, все их великие ачарьи, их великие учителя. Я спросил простую вещь, Я спросил у них: «Вы продолжаете проповедовать посты, - джайны постятся больше всех в мире, - но рассматривали ли вы такой простой факт, что, когда вы поститесь, вы поедаете собственное мясо? Поскольку каждый день в начале поста исчезает около килограмма вашего веса. Куда он уходит? Позже будет исчезать по полкилограмма, вы не сможете позволить себе килограмм - ваши запасы становятся все меньше и меньше».

«Очень здоровый человек может жить без пищи три месяца. Так много питания накапливается в его теле; но никто не является настолько здоровым. Чтобы быть таким здоровым, нужно снова стать лесным охотником. Другого способа нет. Эти охотники иногда вынуждены поститься по многу дней, поскольку охота - это вам не холодильник, к которому вы подходите, открываете - и там все есть. Сегодня вы можете что-то найти, а неделю, две, вы найти ничего не можете, никакой пищи. Охотнику нужен запас питания на те дни, когда он не может добыть пищи. Когда он добывает пищу, он съедает ее много. Когда он не может добыть, он постится».

Но джайны - не охотники. Они даже не земледельцы. Они просто бизнесмены. Учить поститься этих людей... Каждый год на протяжении десяти дней у них бывают святые дни, во время которых многие постятся, причем все десять дней непрерывно. И я знаю многих моих друзей, которые в эти десять дней думают только о еде и ни о чем другом. Они не могут думать ни о чем другом. Вы рассказываете о прекрасном кинофильме; они говорят: «Не сейчас...» Вы кладете перед ними журнал «Плейбой»; они не интересуются им. Как вы думаете, будет ли мужчина, постящийся семь дней, интересоваться журналом «Плейбой»? Он даже не поднимет его. Я сажал их к себе в автомобиль, чтобы посмотреть, что случится с ними. В Индии во многих городах все кондитерские и рестораны сосредоточены на одной улице. Поэтому я привозил их на эту улицу понаблюдать их реакцию.

Психологи поняли такой факт, что если вам дать посмотреть десять фотографий с обнаженными девушками... а вы можете и не знать, что при этом делает психолог: он следит за вашими глазами. Девушка вам понравилась... немедленно ваши глаза расширяются, расширяются зрачки. Зрачок глаза немедленно становится более открытым. Психолог может рассказать, какая девушка из десяти вам понравилась, не спрашивая вас об этом. И вы удивитесь, как будто он делает какой-то фокус или что-то в этом роде... «Как он смог прочесть мои мысли?» Не нужно читать ваши мысли, надо просто следить за вашими глазами. Если зрачок неожиданно расширяется, это означает, что он хочет съесть ее, поглотить ее.

Я видел, как то же самое происходило с этими джайнами. Когда они видели сладости, я замедлял ход автомобиля и следил за их глазами. Их зрачки становились огромными! Обнаженная женщина не производила никаких изменений в их глазах. Восемь дней, девять дней, десять дней они ничего не ели - кто станет пожирать глазами девушку? У кого хватит на это энергии? Но смотреть на кондитерский магазин... можно было видеть, как неожиданно их лица оживлялись, зрачки расширялись. Они постоянно думают... даже ночью им снится еда. В течение десяти дней они ничего не делают, кроме как фантазируют о еде.

Вот и это против их религии. Их священники говорят им: «Во время поста вы не должны думать о еде». Во-первых, поститься неестественно; во-вторых, когда вы поститесь, то думать о еде естественно. Но и это запрещено: думать о еде нельзя. Поэтому во время поста джайны ходят в храм. Целыми днями они слушают, много монахов проводят церемонии; они все время слушают эти их церемонии. Читаются священные книги, и они все время слушают священные книги.

Я бывал в этих местах, и, увидев кого-то знакомого, я подходил к нему, тряс его за плечо и говорил: «Вы на самом деле слушаете того человека или вы думаете о какой-нибудь еде?»

Он отвечал: «Как вы узнали? Действительно, этот человек напомнил мне моего повара. И я чувствовал себя очень плохо, ведь это плохо думать о великом мудреце, как о поваре. Это... но как вы догадались спросить меня об этом?»

Я говорил: «Я просто проходил мимо. Я постоянно все исследую. Меня интересует, например, что вы делаете в этом храме? Зачем вы здесь?» Единственной целью было забыть в храме о еде. Но как храм может заставить кого-либо забыть о еде, когда тело голодает и каждая клеточка его просит пищи?

Почему религии наставляют вас против ваших естественных инстинктов? По простой причине - чтобы привить вам чувство вины.

Позвольте мне повторить это слово «вина».

В этом слове весь фокус того, как они уничтожают вас, эксплуатируют вас, формируют вас по своему шаблону, оскорбляют вас, создают в вас неуважение к самим себе.

Когда возникает чувство вины, когда вы начинаете чувствовать: «Я виновен, я грешник», - их работа сделана. Тогда кто может спасти вас? Тогда нужен спаситель. Но прежде всего нужно создать болезнь.

Я слышал о двух молодых людях. У них был такой бизнес: один молодой человек входил в городок ночью и бросал угольным дегтем в двери, окна, после чего уходил из городка. Утром все озадачены. Их двери и окна испорчены. Как теперь их отчистить? И тогда неожиданно появляется второй человек - они партнеры в этом бизнесе - и объявляет: «Отчищаю угольный деготь». Поэтому все кидаются к нему: «Пожалуйста, приходите в мой дом и отчистите окна». А первый тем временем совершает то же самое в другом городке. К тому времени, когда второй заканчивает чистку одного городка, первый уже подготовил ему для чистки второй городок. Один грязнит дома, другой очищает их. Они партнеры - они участвуют в этой игре на равных.

Священник сначала возбуждает чувство вины - это он бросает вам в лицо угольный деготь. Теперь нужен кто-то, кто очистит его. И это не обычное видимое лицо; постоянно забрасывают угольным дегтем вашу невидимую реальность. Вы сами не можете найти способа очистить ее, ведь вы не знаете, что есть эта реальность.

Все, что вы знаете, это то, что священник убедил вас в вашей виновности.

И у него есть для этого абсолютное объяснение: вы думаете о сексе, вы думаете о еде во время поста, посреди ночи вам нельзя пить воду - ночью ничто не должно касаться рта. Но летом в Индии трудно не пить воды. Родители не разрешают пить даже своим маленьким детям. Даже маленькие дети вынуждены ночью пить украдкой. С самого начала их делают воришками, им прививают чувство вины, поскольку они знают, что делают что-то плохое.

В моем доме, пока была жива бабушка, были запрещены помидоры, поскольку, как она считала,

краснота помидора напоминает мясо. И я много раз спрашивал ее: «Видели ли вы когда-нибудь мясо?»

Она никогда не видела мяса, но отвечала: «Я знаю, что мясо похоже на помидоры. Не приносите помидоров в дом». Я не ел помидоров до семнадцати лет. Я не ел лука до двадцати одного года, поскольку он не был разрешен в доме. Есть лук, картофель было великим грехом... видели ли вы более невинный овощ, чем картофель?

Но джайнизм против всего, что растет под землей. Все, что растет под землей, запрещено есть джайнам. Поскольку лучи солнца не добираются туда, растущее под землей оказывается тяжелым. Эту тяжесть джайны превращают в своего рода духовность. Если вы будете есть то, что растет под землей, то пойдете вниз, станете тяжелыми, а вам нужен свет. Чтобы иметь крылья, вам нужно быть светом, поэтому все, что растет под землей, есть нельзя. Странный аргумент... но его повторяют тысячи лет, и люди верят этому. Они все еще верят. И если вы съели, вы чувствуете вину, поскольку это было против вашей совести.

Совесть формируется обществом.

Вы спрашиваете меня: «Если нет Бога, нет дьявола, нужна ли религия?» Только тогда и нужна религия. Когда есть Бог и есть дьявол, для религии не остается места. Этих двоих достаточно, чтобы занять все пространство. Эти двое настолько большие вымыслы, что для религии не остается пространства.

Прежде всего, вы должны убить Бога и дьявола, обоих, полностью, чтобы освободить пространство для религии.

Тогда религия не будет эксплуатировать ваши психологические потребности, она будет преобразовать ваше бытие, чтобы вы могли идти выше ваших психологических потребностей и увидеть, что эти потребности не являются истинными.

Например, если вы чувствуете свои психологические потребности, то вы одиноки. Если вы вышли за пределы своих психологических потребностей, то чувствуете себя уединенными. В уединенности есть сила; в одиночестве - слабость. Одиночество - это значит всегда спрашивать другого, всегда полагаться на другого. Отсюда власть другого над вами, ваша власть над другим. Какую власть имеет муж над женой? Какую власть жена имеет над мужем? Просто такую: без другого вы чувствуете себя одинокими, а когда вы чувствуете себя одинокими, возникает страх. Странно, два труса, два человека, полные страха, вместе начинают чувствовать великое.

Их одиночества удваиваются. Они должны теперь чувствовать себя еще более одинокими, и на самом деле это случается, рано или поздно, после медового месяца. Вы не найдете жены и мужа... они могут сидеть рядом, но они не вместе - они оба одиноки. И тогда они оба злятся, поскольку другой не удовлетворяет их потребности. Поэтому для дрызг достаточно любого повода. По крайней мере, в дрызгах они забывают свое одиночество; дрызги выполняют свое назначение. Но когда вы становитесь выше своей психологии...

Как раз на днях я рассказывал вам, как вы можете стать выше своей психологии, своего ума, этих трех разделений - как вы можете достичь четвертого, турийи. И когда вы достигли четвертого, неожиданно вы видите, что преобразились. Это не одиночество, это просто уединенность, и это

истина.

И так прекрасно быть уединенным, никто не забирает у вас никакого пространства, не закрывает никакого пространства в вас. Нет потребности в ком-либо, не нужно, чтобы кто-либо испытывал потребность в вас, — это такая великая сила, что впервые вы чувствуете, что родились.

Религия - это способ выйти из ума, ведь ум фрагментарен, разделен, он как толпа, его много. А когда вы идете поверх него, есть одно сознание, неразделенное, неразделимое, индивидуальное.

И знать это неразделимое сознание - это знать все. Ничего больше не нужно.

Вы спрашиваете меня: «Нужна ли религия Вашим санньясинам?»

Не религия, как вы ее знаете, но религиозность, о которой я говорю. А в действительности я не могу сказать, что и религиозность нужна санньясинам.

Быть санньясином - это быть религиозным. Если вы не религиозны, как вы можете быть санньясином? Но религия, запомните еще раз, в моем смысле этого слова...

Санньясин знает, что он уединен, знает, что нет Бога, нет дьявола, нет ада, нет рая. Он знает свою гармонию и творит ее; и он знает свою дисгармонию и не творит ее.

Он знает, что приносит ему блаженство, - он творит это; и он знает, что создает ненужные страдания, - он не творит этого. Здесь нет вопроса о прекращении, о надеянии; он просто отбрасывает это. Когда вы видите, что в вашей руке скорпион, нужно ли, чтобы вам рассказывали: «Пожалуйста, отбросьте это». До того, как кто-то скажет: «Отбросьте это!», - вы уже отбросите. Все, что вам нужно, это знать, что у вас в руке скорпион.

Сознание делает вас осознающими, просто осознающими, что хорошо, что плохо. И хорошее начинает случаться, а плохое начинает исчезать.

БЕСЕДА 26

МЕНЯ НЕ ИНТЕРЕСУЮТ ВАШИ ДЕЙСТВИЯ - МЕНЯ ИНТЕРЕСУЕТ ВАШЕ СОЗНАНИЕ

24 ноября 1984

Бхагаван, есть ли в Вашей религии, такая вещь, как грех?

Грех - это метод псевдорелигии.

Истинная религия совершенно не нуждается в концепции греха. Псевдорелигия не может жить без концепции греха, ведь грех - это метод возбуждения чувства вины в людях.

Вам нужно будет понять целую стратегию греха и вины. Если не возбудить в человеке чувства вины, его невозможно поработить психологически. Невозможно заключить его в тюрьму определенной идеологии, определенной системы веры.

Но когда в уме человека создано чувство вины, тем самым у него забирается вся смелость. В нем

уничтожается все рискованное. В нем подавляется всякая возможность быть когда-либо индивидуальным по-своему.

С понятием вины в нем почти убивается человеческий потенциал. Он никогда не сможет стать независимым. Чувство вины будет держать его в зависимости от мессии, от религиозного учения, от Бога, от концепции ада и рая и от многого другого.

И чтобы возбудить чувство вины, нужна всего лишь одна простая вещь: нужно начать называть ошибки, заблуждения - грехами.

Это просто человеческие ошибки. Если кто-то допускает ошибку в математике - дважды два, а у него получается пять, - не говорят же, что он совершил грех. Он невнимателен, он не смотрит на то, что делает. Он не подготовился, он не выполнил домашнего задания. Он, конечно, делает ошибку, но ошибка – это не грех. Она может быть исправлена. Ошибка не возбуждает в нем чувства вины. Самое большее, она заставит его почувствовать свою глупость.

То, что делали псевдорелигии, - а все религии в мире до настоящего времени являются псевдорелигиями, - это то, что они эксплуатировали ошибки, заблуждения, совершенно человеческие, и порицали их как грех.

Грех означает, что это не просто ошибка, - вы пошли против Бога, вот значение слова грех. Адам и Ева совершили изначальный грех: они ослушались Бога. Всякий раз, когда кто-то обвиняет вас в совершении греха, он так или иначе говорит, что вы ослушались Бога.

Никто не знает, кто есть этот Бог, что за него и что против него. На Земле имеются триста псевдорелигий. Только подумайте о трех сотнях наук, о трех сотнях школ физики, которые обвиняют друг друга, отыскивают друг у друга ошибки, провозглашают: «Только наша школа истинная, а все остальные уводят человечество в сторону».

Какая будет ситуация на Земле, если будет три сотни школ физики, три сотни школ химии, три сотни школ медицины, три сотни школ математики, - что это будет за ситуация? Вся Земля сойдет с ума. А в том, что касается религии, именно так и случилось.

И когда я говорю три сотни, я не считаю сект внутри религий. Например, я считаю христианство как одну религию, не разделяя ее на католичество, протестантство, православие. А на самом деле это три религии. И потом есть еще подсекты. Если сосчитать их всех, тогда триста будет слишком маленьким числом; может быть, их будет три тысячи. И каждая вам несет слово Божье. И все их высказывания противоречивы.

Если вы слушаете все религии, то не сможете даже вздохнуть, поскольку все, что вы делаете, - грех. По счастью, вы обусловлены только одной псевдорелигией, поэтому вы не осознаете, что есть и другие идиоты - вы не одни, - делающие то же самое. У них другие правила, но они играют в ту же самую игру.

Например, джайнский монах... сейчас джайнизм - очень небольшая религия, всего лишь триста тысяч человек. У нас больше санньясинов, чем всех последователей джайнизма. Но и у них есть две главные секты, подобные католикам и протестантам. И потом есть по меньшей мере тридцать подсект и каждая секта верит, что именно она представляет истинный джайнизм, а

двадцать девять остальных или дурачат себя, или обманывают других.

Одной из таких сект является Терапант. Слово «Терапант» означает «Твой путь», путь Бога. Монах этой секты постоянно держит свой нос закрытым – двадцать четыре часа в сутки, днем и ночью, даже когда спит, - закрытым одеждой, поскольку дышать прямо - это грех. Вы все совершаете грех и уже натворили его так много, что никакой надежды нет. Всю свою жизнь вы совершали грех. За исключением этих немногих семисот человек - в этой секте всего семьсот монахов, - за исключением этих семисот человек, весь мир полон грешников.

Лишь этого достаточно, чтобы бросить вас в седьмой ад, поскольку с каждым вздохом вы убиваете миллионы зародышей. А согласно джайнизму, мельчайший зародыш, которого вы даже не видите своим невооруженным глазом - чтобы увидеть его, вам нужен микроскоп, вам нужно увеличение хотя бы в тысячу раз, - эти мельчайшие зародыши имеют такую же душу, как и вы. Нет качественной разницы. Убьете ли вы человека или зародыш, это все равно по отношению к Богу. В его глазах и вы, и он заслуживаете одинаковое обращение.

В тот момент, когда вы выдыхаете, вы выбрасываете горячий воздух. Этого горячего воздуха достаточно, чтобы убить миллионы зародышей вокруг вас. Когда вы вдыхаете, вы со вдохом поглощаете миллионы зародышей, которые будут убиты внутри вас. Поэтому с каждым вдохом и выдохом вы делаете такое, по сравнению с чем кажется ничтожным сделанное Адольфом Гитлером, Иосифом Сталиным и Мао Цзе-дуном за всю их жизнь, - а вы делаете это простым дыханием.

Даже ночью им нельзя снимать одежду. С этими людьми трудно разговаривать, поскольку одежда закрывает их рот и нос. Ведь когда вы говорите, воздух выходит из вашего рта, поэтому и говорить они не могут с открытым ртом. Таким образом исключается прямой удар. Но разговаривать с этими людьми очень трудно; очень трудно даже понимать, что они говорят. Они просто бормочут с закрытым ртом, с закрытым носом...

И люди, верящие в Терапант, не ставшие монахами, постоянно чувствуют свою вину за то, что они дышат. Я, бывало, останавливался у немногих своих терапантских друзей в Бомбее, и тяжелым грузом на их душах лежало то, что они еще не сумели отречься от мира и стать монахами, - ведь если не отречься от мира и не стать монахом, невозможно избежать греха. Если даже дыхание – грех, то можно подумать, что все – грех.

Моим другом был один из старейших сенаторов Индии.

Он был известен как отец индийского парламента. Он очень долго был членом парламента, с 1916 по 1978 год. С ним состязался в этом только один человек в мировой истории, Уинстон Черчилль. Всех остальных он победил - так долго и непрерывно он избирался. Но он был очень посредственным человеком. Может быть, это и было причиной того, что люди снова и снова избирали его. Он не был хитрым; он в действительности не мог быть политиком. Иначе, человек, остававшийся более полувека членом парламента, стал бы премьер-министром, президентом. Но он не смог стать даже министром или губернатором штата. Он был прост - лучше сказать, он был простаком.

Ко мне его привела смерть сына. Его сын тоже был политиком, причем многообещающим. Он уже был заместителем министра и на следующих выборах должен был стать министром. И его

отец, его имя было Сетх Говиндадас, возложил на сына все свои амбиции. Он сам не смог стать премьер-министром Индии, но его сын должен был стать. И сын Яыл очень молод, поэтому у него были все возможности к пятидесяти-шестидесяти годам стать премьер-министром.

Но внезапно он умер в возрасте тридцати шести лет. Его смерть явилась огромным потрясением для отца. Отец был очень богатым человеком. Отцу Сетха Говиндадаса Британское правительство в свое время дало титул раджи, титул царя, хотя он и не был царем. У него было так много богатств, так много земель, и он так хорошо служил Британскому правительству, что правительство признало его заслуги и дало ему титул раджи.

Сетх Говиндадас, сын Раджи Гокулдаса, основал весь свой престиж на том, что стал бунтовать против Британского правительства и бороться за свободу. Благодаря этому люди и избирали его все время в парламент. Бедным людям этого было достаточно: он так богат и, несмотря на то, что правительство так уважало его отца, взбунтовался против отца, взбунтовался против правительства, и отец отрекся от него - вот что стало основной характеристикой Сетха Говиндадаса. Кроме этого, он не обладал никакими особыми качествами, разумностью или чем-то подобным. Благодаря ему и его сын пошел по той же стезе. Сын был хитер и разумен, хорошо образован.

Смерть сына была огромным ударом для Сетха Говиндадаса. Он начал ходить по праведникам и спрашивать: «Почему так случилось?» И куда бы он не пришел – простой ответ у всех псевдорелигий одинаков, - все говорили: «Вы, должно быть, совершили грех в своей прошлой жизни. Это вам наказание».

Я хотел бы подчеркнуть то, что он ходил к различным религиозным праведникам, но ответ был везде одинаковым.

Была одинаковой стратегия: «Вы совершили какой-то грех, это его результат. Теперь кайтесь! Теперь совершайте что-нибудь хорошее, будьте добродетельны». Конечно, добродетели, предписываемые всеми этими праведниками, были различны. Один индусский монах предложил: «Отныне и навсегда прекратите есть соль». Он спросил: «Но как это поможет?»

Монах сказал: «Это поможет потому, что, когда вы не едите соль, вся пища становится безвкусной, - без соли особенно безвкусной становится индийская пища. А есть не ради вкуса - это добродетель; есть ради вкуса - грех. Есть ради вкуса - следовать за телом, тогда тело манипулирует вашей душой, порабощает ее. Вот в чем грех, тело берет верх над душой; тело является хозяином, а душа действует, как раба, куда тело ведет ее, туда она и идет».

Монах сказал: «Поворачивайте ваше тело в другую сторону: что бы оно ни говорило вам, не делайте этого. Ваше тело будет просить соли - не ешьте соль. Постепенно прекращайте есть сахар. Постепенно сделайте всю пищу абсолютно безвкусной, чтобы есть лишь ради поддержания жизни, данной вам Богом. Когда вы не интересуетесь этой жизнью, вы готовитесь к жизни будущей». Соль - это потребность тела. Вашему телу нужно определенное количество соли, иначе вы ослабнете. Все, что запрашивает ваше тело, не является плохим. Тело запрашивает что-то, потому что это является его потребностью.

Эти люди превращают вашу физическую потребность в грех.

Естественно, ваше тело будет постоянно просить соли. Вы будете заставлять себя не есть соль, а ваше тело будет непрерывно просить соли и стремиться к ней. Это создаст проблему: или вы мучите свое тело, или вы начинаете есть соль и совершаете грех. Оба пути, всего лишь из-за простой соли, приводят вас к тому, что вы становитесь больным человеком. Ваша психика более не является здоровой.

Встречаясь со многими этими людьми ... а Сетх Говиндадас был известным человеком, поэтому каждый праведник был рад встретиться с ним, счастлив встретиться с ним и всегда был готов предложить ему какие-нибудь идеи. Я жил в его городе двадцать лет. У него ни разу не возникло мысли прийти ко мне. На самом деле любой политик в Индии боится встретиться со мной, боится, что его увидят со мной или узнают, что он приходил ко мне. Массы отвернутся от такого политика - даже если это политик не маленький. Этот человек был очень уважаемым на протяжении пятидесяти лет, более пятидесяти лет он был членом парламента. Тогда чего ему было бояться? Но он никогда не приходил ко мне.

Он слышал обо мне. Люди говорили, даже премьер-министр. Пока он был в парламенте, сменилось много премьер-министров. Один премьер-министр, Лалбахадур Шастри, справился обо мне. Сетх Говиндадас сказал: «Я слышал это имя, но я не знаком с ним лично». Лалбахадур сказал мне: «Это странно. Этот человек - член парламента от вашего избирательного округа, и он не знает вас».

Я сказал: «Вы должны понять его позицию. Если он придет повидаться со мной... я, конечно, не пойду к нему, у меня нет причин встречаться с ним. Я никогда ни за кого не голосовал, потому что все эти идиоты одинаковы. Разные только ярлыки, поэтому смысла голосовать нет. Я никогда не голосовал. И зачем мне идти...? Так что здесь нет вопроса. А он... вы должны понять, вы политик. Хватит ли у вас смелости прийти ко мне домой?»

Он был очень приятным человеком. Он рассмеялся и сказал: «Вы правы, теперь я понимаю. Всякий, кто придет в ваш дом, столкнется с трудностями. Этот человек может потерять свое кресло».

Индира постоянно спрашивала его обо мне, что я делаю, чем занимаюсь. Она хотела встретиться со мной; дата встречи назначалась, по крайней мере, пять раз, и в последний момент она находила какие-то оправдания и так и не смогла повидаться со мной... Ее коллеги говорили ей: «Ведь это опасно. То, что вы пойдете повидаться с ним, будет очень опасно для вашей политической карьеры. Оппозиционная партия воспользуется этим, как важнейшим фактором против вас». Поэтому каждый раз она откладывала.

Но когда сын умер, этот старик – может быть, в глубокой печали – забыл о своей политике и парламенте и пришел ко мне. И он сказал: «Куда бы я не пошел, они все говорят, что я, должно быть совершил какой-то грех и поэтому страдаю от потери моего юного сына. И они предлагают меры к тому, чтобы я не страдал в будущей жизни».

Я ответил: «Они дали вам достаточно, чтобы вы страдали прямо сейчас, в этой жизни. И вам нужно было бы спросить, какой грех вы совершили в своих прошлых жизнях. Они все должны ответить разное; они не могут знать, какой грех вы совершили в прошлых жизнях, они все должны строить разные догадки. И глупо... вы что, думаете, что, просто прекратив есть соль и сахар, вы станете добродетельным? Вы станете только виноватым».

Он сказал: «Вы правы. Я таким и стал. Я следовал за всеми этими людьми, я думал, что они мудрые люди, а они лишь запутали меня. Все, что я делаю, плохо. А все, что они предлагают мне делать, выглядит неестественным, насильственным. Я терплю неудачи, даже если стараюсь».

Грех - это стратегия вашего уничтожения, вашего разрушения, убийства вас, как индивидуальности.

И тогда вы в руках священника.

Тогда вы делаете все, что он скажет. Вы не можете спорить, потому что это написано в священных книгах. А спорить со священными книгами - снова грех. Священная книга должна рассматриваться как личность.

Я находился в Джабалпуре в Пенджабе. По утрам, когда я отправлялся на прогулку, я проходил через помещение, где сикхи содержали маленький храм, - они были из тех людей, что могли себе это позволить; то был дом очень богатого человека. Это был красивый мраморный храм, маленький храм, в котором они хранили Гуру Грантх Сахиб, их святую книгу. Все было в порядке. Там была святая книга, но рядом с книгой находилась зубная паста, щетка и кувшин, полный горячей воды, поскольку была зима.

Я спросил моего хозяина: «В чем дело? Я могу понять храм. Я могу понять Гуру Грантх Сахиб... На самом деле использовать слово «сахиб» - это значит делать книгу человеком. Слово «сахиб» не применяется к вещам, это слово употребляется, когда вы платите дань уважения кому-либо. Оно пришло в Индию с британцами. Они были хозяевами, и индийцы начали называть их сахибами. Это очень старое слово, сахиб означает «очень уважаемый человек». Но книгу никто не называет сахиб. А вот сикхи назвали свою книгу Гуру Грантх Сахиб - гуру означает Учитель.

Десятый гуру сикхов провозгласил: «Я - последний гуру, отныне и навсегда Учителем у нас будет книга, - в этой книге собраны высказывания всех десяти Учителей, включая его, последнего. - Отныне и навсегда не будет Учителя, только книга». Итак, «гуру» означает Учитель, «грантх» означает собрание, поскольку это не книга, написанная одним человеком, но собрание высказываний десяти человек. И, наконец, «сахиб» означает «достойный, уважаемый человек».

Я сказал: «Я понимаю, что вы платите дань уважения высказываниям своих Учителей, но что это за глупость? Зачем вы держите здесь эту воду, зубную пасту, зубную щетку?»

Он сказал: «Вы не знаете наших обычаев. Учителю по утрам нужно омыwać рот, чистить зубы - книга...»

И я сказал: «Хорошо, но знали ли ваши десять Учителей зубную щетку, зубную пасту? В те времена не было зубной пасты».

Он сказал: «Верно. Это очень современно». Пятьсот лет назад, конечно, зубная паста «Бинака»...? И сделано в Швейцарии - гуру нужно давать что-то импортное. Эта же зубная паста «Бинака» изготавливается той же компанией в Индии, но гуру нужно предлагать импортную зубную пасту. Если вы так не делаете, то испытываете чувство вины, ведь все сикхи так делают. По утрам вы приносите завтрак - а ведь вы знаете, что это книга... Вы знаете это, вы же не

слепые. В обеденное время - обед, и каждый раз все уносится обратно. Книга ничего не ест, но это уже не имеет значения.

Если ваше общество сформировало вас на какую-либо глупость, а вы не хотите ее делать, то ваше сознание будет терзать вас.

Вы должны понимать эти два слова: сознание и совесть. Сознание - это ваше.

Совесть дается вам обществом. Это то, что налагается поверх вашего сознания.

Различными обществами на ваше сознание налагаются различные идеи, но каждое из обществ то или иное всегда взваливает на вас. А раз что-то взвалено поверх вашего сознания, вы уже не слышите свое сознание, оно далеко от вас. Между вашим сознанием и вами стоит толстая стена совести, которую общество навязало вам с самого вашего детства, - и эта стена работает.

До шестнадцатилетнего возраста я ничего не ел по ночам. В джайнском доме это невозможно. Невозможно найти, чего бы поесть, поскольку с заходом солнца всякая еда заканчивается.

Если что-то остается, то раздается нищим; в доме нельзя найти ничего съедобного. Поэтому невозможно украсть или отправиться на кухню, когда родители уснули. Ничего нет, ничего невозможно найти.

В маленькой деревне невозможно выйти из дома - все знают друг друга. Невозможно пойти в ресторан, потому что они немедленно скажут: «Что...!» Они сами могут и не быть джайнами, но они знают, что вы джайн. Они скажут: «Хорошо! Завтра пусть только твой отец пройдет мимо... Так ты начал есть по ночам?» Поэтому даже если вы чувствуете голод, утолить его нет возможности. До шестнадцатилетнего возраста я никогда не ел по ночам.

Когда мне было шестнадцать, вся школа отправилась на пикник в соседний замок - это была очень красивая гора, покрытая джунглями, - и я отправился вместе со всеми. Все школьники из моего класса, исключая меня, были индусами или мусульманами. Я был единственным джайном. Они не позаботились... День был так прекрасен, было так много интересного, на что можно было посмотреть и чем повосхищаться, и поэтому они не позаботились приготовить еду днем.

Они сказали: «Есть будем ночью». Наступала ночь полнолуния, прекрасная река была рядом с замком, и поэтому решили: «Мы будем есть ночью». Ради меня они не собирались готовить днем, а я не мог сказать им: «Я не могу есть ночью». Я подумал, что лучше поголодать, чем становиться посмешищем, они ведь рассмеялись бы и сказали: «Тогда займись приготовлением еды». А я сам никогда ничего не готовил, даже чашки чая.

Даже сейчас я не смогу приготовить чашки чая. На самом деле, я не знаю, где кухня. Я не найду ее, если только кто-нибудь не проводит меня. Я не знаю, где кухня в этом доме. А в своем собственном доме меня вообще не пускали ни на какую кухню. Вот почему я не могу приготовить даже чашки чая. Меня не пускали на кухню, потому что я общался с мусульманами, и индусами, и неприкасаемыми. Мне говорили: «Если ты не изменишь свои привычки...»

Весь дом обычно ел на кухне, а я ел вне кухни; я был изгнанником, поскольку они не могли

полагаться на меня, мало ли откуда я мог прийти. С кем я разговаривал, к кому прикасался, они не имели понятия: «Или сейчас же принимай ванну и тогда сможешь войти...» Ну и сколько же раз я должен был принимать ванну? Поэтому я решил так, я сказал: «Хорошо, не будем спорить каждый день. Я буду есть в другом месте и буду там совершенно счастлив».

Те мальчишки на пикнике приготовили по-настоящему прекрасную еду, и она была еще прекраснее, потому что я был так голоден... и запахи... и они начали уговаривать меня: «Никто не расскажет твоим родителям, обещаем, что никто ничего не будет рассказывать». Я был голоден, а с другой стороны, их еда и то, как они готовили ее, все было по-настоящему восхитительно. Они уговаривали и обещали, и я подумал: «Если все эти люди отправятся в ад, то о чем беспокоиться? Я тоже могу отправиться в ад. Действительно, что без своих друзей я буду делать в раю? Эти джайнские монахи не составят хорошей компании. Они не нравятся мне, и я не очень-то нравлюсь им. Вот эти люди мне нравятся, и все они точно отправятся в ад». Так мне было сказано с самого начала: есть ночью - величайший грех.

Сейчас это выглядит странно... но во времена Махавиры в этом, может быть, был некоторый смысл, ведь в большинстве домов не было света. Люди были так бедны, что ели, бывало, в темноте и могли съесть какое-нибудь насекомое или что-то еще. Махавира беспокоился не о ночи, он беспокоился о том, что люди могли съесть насекомых, муравьев, что-либо живое. В этом была его проблема: если съесть живое, то будет совершен грех. Поэтому, чтобы окончательно закрыть эту проблему, он объявил: «Есть ночью - это грех». Сейчас же по ночам света больше, чем днем, теперь это не проблема. Но священные книги написаны двадцать пять столетий назад, и Махавира захлопнул двери. Ничего нельзя добавить, ничего нельзя отнять. Там окончательное слово.

Поэтому я подумал, что самое большее - это я отправлюсь в ад, но все мои друзья будут там, и они прекрасные повара - так что это стоит того. Поэтому я сказал: «Хорошо». Но до этого момента я не осознавал явления совести. Я поел с ними. Еда была восхитительна, а я был голоден. Целый день лазанья по горе сделал меня более, чем голодным. Но где-то глубоко внутри поднялся бунт. Я почувствовал тошноту, и когда я кончил есть, меня вырвало. С пищей было все в порядке, потому что ни у кого другого не было тошноты, не было рвоты; пища не была недоброкачественной. Пока я не выбросил из себя все, я не мог уснуть. Почти полночи ушло у меня на то, чтобы очиститься от этой пищи, и только тогда я смог уснуть.

В тот день я открыл, что тошнота была не из-за пищи, а из-за шестнадцатилетнего вдалбливания идеи о том, что есть ночью - грех. Это было чисто психологическое отравление, не пищевое. И оно было сделано священником, монахами, моими родителями, моим обществом.

Совесь — это полицейский, поставленный внутри вас обществом.

Общество старается контролировать вас и ваше поведение двумя способами: полицейский снаружи, суд снаружи, судья снаружи, тюрьма снаружи - и полицейский внутри, страх наказания, страх ада, Бог -судья, его суд... перед ним ничего нельзя спрятать. Вы будете стоять обнаженными, и все ваши грехи будут написаны на вас. Их невозможно спрятать.

Так что до настоящего времени общество использовало очень тонкую технологию: создать в вас совесть постоянным повторением, что определенные вещи - это грех, а определенные вещи - это добродетель.

Добродетель будет вознаграждена тысячекратно. Здесь вы жертвуете одну рупию, а на небесах получаете вознаграждение в тысячу рупий.

Так они играют на вашей алчности. Это хороший бизнес.

Это почти лотерея - беспроигрышная. Не важно, выпадет или нет ваш номер. Вы даете одну рупию здесь брамину - запомните, не сделайте ошибки. «Брамину, - говорит священная книга. - Отдайте ее брамину, а не кому-нибудь другому», - брамины же и пишат священные книги! Отдайте ее брамину, и все, что вы дадите, в тысячекратном размере получите от Бога на небесах. Так обещает Бог. И брамин будет свидетельствовать перед ним в вашу пользу.

В книгах браминов говорится: «Когда вы жертвуете брамину, смотрите, никогда не давайте старой коровы, которая уже не дает молока». Великолепно! Ведь так и поступают люди в Индии. Когда корова становится очень старой, что с ней делать? Она больше не дает молока. Она больше не приносит телят, из которых можно выращивать коров и быков. Она слишком стара и лежит на вас ненужным грузом. Или отдать ее мяснику... это означало бы, что вы становитесь партнером в убийстве коровы. На самом деле вы главный партнер: если вы не отдадите ее мяснику, он не сможет убить ее. Вы отдали ее мяснику; вы должны будете отвечать за это своим страданием.

Знаете ли вы, что говорят священные книги браминов? Убить корову - почти равносильно убийству десяти браминов.

Убить одного брамина - равносильно убийству десяти человек. Кто же захочет продавать корову мяснику? И с мясника не получишь много денег. Лучший способ - пожертвовать ее брамину. Поэтому люди так и делают.

Брамины знали, что так все и делается. Брамины были в затруднении: они не могут отказываться от жертвы; жертва должна приниматься с благодарностью. Но что же делать с этой старой коровой? Брамин не может продать ее мяснику. Брамин и сам беден. И эти старые коровы со всей деревни начинают скапливаться вокруг него. Поэтому он вынужден был написать в своей священной книге - ясно, что это не слово Божье, зачем Богу беспокоиться о коровах, - что не следует жертвовать брамину именно старых коров. Брамину нужно жертвовать молодую корову, которая дает достаточно молока, тогда вы будете вознаграждены.

Так что эти люди, действующие как посредники между вами и Богом, между вами и небом, на самом деле являются самыми хитрыми людьми.

Они уничтожили самое ценное в вас, ваше сознание. Они перекрыли его слой за слоем. Ваше сознание ушло глубоко вниз; поверх него - слои обусловленности.

Вы спрашиваете: есть ли в моей религии место для греха? Нет.

Грех - это изобретение священника, а я не священник.

Грех - это метод псевдорелигии, а я не мессия, не аватара, не паигамбара. Я не создаю псевдорелигию.

Псевдорелигия абсолютно нуждается в концепции греха, ведь через грех она возбуждает в вас чувство вины. Через чувство вины она заставляет вас дрожать внутри.

Теперь вам как-то надо очиститься от вины.

Священные книги браминов говорят: «Не бойтесь. Пожертвуйте брамину, и ваша вина будет прощена». Но жертвуйте брамину - и в соответствии с размером вины, конечно. Если ваша вина велика, велик ваш грех, вы должны жертвовать больше. Тогда стройте храмы...

Бирла был крупнейшим монополистом и сверхбогачом в Индии. Он построил сотни храмов по всей стране. Страна полна храмов. Людям нужны дома; они не получают их. Богу не нужны дома, а в Индии вы найдете миллионы храмов. В таком городе, как Варанаси, из четырех домов - три храма. Кто живет в них? Люди живут на улицах, - а миллионы храмов пустуют, миллионы церквей пустуют, миллионы мечетей пустуют.

Бирла везде, где сумел, построил прекрасные храмы, великие храмы. Я встречался с ним. Тот старый человек, о котором я говорил, Сетх Говиндадас, был другом Джугала Кисоре Бирлы, главы семейства Бирла. Когда Говиндадас начал все больше и больше интересоваться мной, он начал говорить обо мне с другими людьми. Он разговаривал и с Джугалом Кисоре Бирлой и сказал ему: «Вам разок нужно повстречаться с ним, когда он будет в Дели».

В очередной приезд в Дели я остановился у Говиндадаса. Он сказал мне: «Джугал Кисоре очень интересуется вами, и он старый человек. Будет выглядеть не очень любезно, если мы скажем ему прийти сюда, он, кроме того, болен. От вашего имени я обещаю, что приведу вас в его дом».

Я сказал: «Раз вы обещали, тогда все в порядке. Но какова цель? Для меня все, что он делает, является идиотизмом. Он выбрасывает на ветер огромные суммы денег, строя мраморные храмы по всей стране, и думает, что так зарабатывает добродетель для рая. Ведь так говорится в священных книгах: постройте храм - и в раю вам будет дан дворец, мраморный дворец. Он рассчитывает - он бизнесмен, - он рассчитывает, сколько мраморных дворцов получит на небесах. Он и там должен быть самым богатым, если сможет, - а то все эти деньги останутся здесь, когда он умрет».

Он никогда не верил своим сыновьям: они промотают его деньги, и все улетит в трубу. Пока этого не случилось, почему бы не перевести все свои деньги в рай? То, что он делает, - это простой банковский перевод.

Я сказал: «Он идиот, но если вы обещали, я пойду».

Я пришел к нему. Он проявил большое уважение. Он приветствовал меня и сказал — немедленно, в тот момент, когда я сел, - он сказал: «Я хотел бы, чтобы вы сделали две вещи. Я слышал о вас от многих людей. Говиндадас - единственный, на кого я полагаюсь, - они принадлежали к одной и той же касте и как-то были связаны друг с другом. - Я не согласился бы на встречу с вами, кроме как при посредничестве Говиндадаса, он сумеет сохранить все это в тайне. Я не хотел бы, чтобы кто-нибудь знал о том, что мы встретились».

Я сказал: «Вас беспокоит встреча со мной? Я думал, что это я беспокоюсь. Я и пришел потому, что Говиндадас обещал вам, иначе бы я не пришел. Если бы вы просто пригласили меня, я

отказался бы».

И я сказал Говиндадасу: «Посмотрите. Вы убеждали меня, что он старый и больной, поэтому я и пришел сюда. А он говорит, что хочет держать это в секрете. Какой смысл встречаться с таким трусливым человеком? И что он может сделать? И что он может понять от меня?» Тем не менее я сказал: «Да, я пришел, скажите, что вы хотите, ведь это вы пригласили меня. Так скажите же».

Он сказал: «Я слышал о вас и знаю о вас. Если вы можете сделать две вещи, я готов оказать всяческую финансовую поддержку, какую вы захотите. Я дам вам открытый чек».

Я сказал: «Расскажите мне, что это за две вещи. Открытый чек меня не очень интересует; хотелось бы узнать об этих двух вещах, они, должно быть, какие-нибудь идиотские».

И точно, они оказались идиотскими. Одна была такой:

«Вы отправляетесь распространять индуизм по всему миру, а я оказываю вам всяческую финансовую поддержку. Обратите в индуизм столько людей, сколько сможете. И второе: организуйте в стране движение за то, чтобы правительство распорядилось прекратить убийство коров. Если можете сделать эти две вещи, о финансах не беспокойтесь».

Я сказал: «Я вовсе не беспокоюсь о финансах. Можете оставить ваш открытый чек при себе. Он мне никогда не потребуется. Я не настолько глуп, чтобы понапрасну тратить свое время, превращая христианина в индуиста, вытаскивая его из одного колодца и бросая в другой. Я понапрасну тратил бы свое время. Он совершенно утонул в одном колодце, счастливо утонул, теперь без нужды вытаскивать его... и, чтобы вытащить его, потребуется столько усилий, ведь остальные, находящиеся в том же колодце будут тянуть его обратно. Они не позволят ему выбраться из дыры, поскольку никто не хочет, чтобы кто-то выбрался из его дыры, ушел из-под его власти. И если мне как-то удастся вытащить его, я должен бросить его в другой колодец. Какой во всем этом смысл? Ради вашего чистого чека? А моя жизнь будет растрачиваться впустую».

«Он останется в той же игре. Может быть, лишь жаргон станет другим. Теперь вместо Библии он будет носить Гиту, но он будет носить книгу, поклоняться книге. Теперь вместо Христа он будет говорить о Кришне». И вы удивитесь тому, что лингвисты обнаружили, что слово «Христос» - нечто иное, как форма слова «Кришна». Перейдя из санскрита в бенгали, оно стало «христо»; из «Кришна» оно стало «христо». Из бенгали... Теперь легко видно, как «христо» стало «Христос». Греческое слово «Христос» - не что иное, как транслитерация, передача буквами другого алфавита слова «Кришна».

Поэтому я сказал ему: «На самом деле между Христом и Кришной нет никакой разницы; они оба - одно и то же слово. И я совершенно не интересуюсь такой абсолютно ненужной работой. Если хотите, я могу вытащить людей из их колодцев, христианский ли это колодец, индусский, иудейский или мусульманский, - но при одном условии: я оставлю их свободными и дам им знать следующее: «Теперь не падайте в другой колодец». Если хотите, я могу сделать это. Но я буду вытаскивать и индуса тоже, поскольку для меня нет разницы. Я должен вытягивать всякого, кто упадет в колодец, индус ли это, христианин или мусульманин. А в том, что касается вашего второго предложения...»

Человечество умирает.

Может быть, еще двадцать-тридцать лет - и эта Земля умрет, ведь человек так плохо поступал по отношению к самому себе, к другим, к природе, к окружающей среде.

И за всю свою историю человек только и готовился к окончательной войне - одно только приготовление, одна лишь цель.

И сейчас он подошел очень близко к этой цели; у него есть все для того, чтобы уничтожить всю эту Землю. На самом деле у нас есть в семьсот раз больше ядерной энергии, чем нужно для уничтожения этой маленькой Земли. Мы можем разрушить семьсот таких планет, как эта, - так много энергии уже накоплено. И мы каждый день увеличиваем запасы, никто не знает, для чего... Поэтому я сказал: «А вы хотите, чтобы я побеспокоился, чтобы больше не убивали коров? Если на Земле не будет человека, вы думаете, будут коровы... или вороны? С человеком исчезнет вся жизнь. Поэтому, если вас действительно интересует жизнь, то самое важное, что нужно делать прямо сейчас, - это спасти человека от самого себя».

Тогда Бирла сказал: «Я знал наперед, я говорил Говиндадасу, что все, что я слышал об этом человеке, опасно. Нам работать вместе невозможно».

Я ответил: «Вы говорите “работать вместе” - я всю свою жизнь буду работать против вас, и мне не нужен ваш открытый чек. Хотя, если у вас есть смелость и хоть какой-то характер, дайте мне ваш открытый чек. И я буду бороться против вас».

Он повернулся к Говиндадасу и сказал: «Уберите прочь от меня этого человека. Я очень болен, стар, он доведет меня до сердечного приступа».

Я сказал ему: «Сердечный приступ будет для вас самым лучшим выходом. По крайней мере, вы прекратите строить эти храмы по всей стране. Вы прекрасно знаете, что у миллионов людей нет домов».

А в Индии люди, имеющие дома... вы не можете представить себе, что это за дома. У кого их нет, их позиция так или иначе ясна. Но те, кто имеет дома, - их вообще нельзя назвать домами. Я путешествовал по деревням... ни в одном доме нет ванной комнаты, ни в одном доме нет туалета. Нет, вы должны ходить на берег реки или водоема или туда, где есть вода. И люди все делают там. И пьют эту же воду. Я вынужден был перестать ездить по деревням, это все так мерзко, так не по-человечески.

И что такое дом в Индии? Просто навес, который вы не построили бы и для коровы. И они живут в том же доме вместе со своими коровами, своими быками и другими животными. Семьи разрастаются. Поэтому в одном доме можно увидеть тридцать человек, сорок человек, со всеми животными. Каждый дом - как Ноев ковчег. Все виды... и такой запах! Такая вонь, что только подумаю, начинаю испытывать глубокую жалость к этим людям.

Но так происходит не только в Индии, а по всему третьему миру. В Африке, в Китае - по всему третьему миру. Вы строите храмы Богу. А Богу очень легко живется в открытом небе; у него нет проблем. Он всемогущ. Холод не вызовет у него ни воспаления легких, ни двустороннего воспаления легких. Дожди не промочат его. Он не обгорит на жарком солнце. Зачем нужно

строить дома для Бога?

Но проблема в алчности. Индуизм говорил индусу: «Строй дома для Бога - тогда будешь вознагражден». Христианам говорят: «Стройте дома для бедных, больницы для бедных, школы для бедных - сирот, стариков, больных, - и тогда будете вознаграждены». Но у обоих желание быть вознагражденными. Во всех религиях доминирует лишь один мотив.

На мой взгляд, истинно религиозный человек может нести идею ошибки, заблуждения, но у него не может быть идеи греха.

Истинно религиозный человек не может наносить другому человеку ран, создавая в нем чувство вины.

А ведь причина проста: если вы хотите быть мессией, вы должны создать грех, должны создать чувство вины.

Человек, посвятивший Иисуса в ученичество, Иоанн Креститель, всю свою жизнь нес единственное послание:

«Кайтесь, кайтесь, кайтесь, ибо мессия грядет. Готовьтесь. Кайтесь в своих грехах и готовьтесь». Но как каяться? Сначала нужно иметь чувство вины. Поэтому испытывайте чувство вины, кайтесь, и мессия придет спасти вас.

Мне вспоминается маленькая воскресная школа в одной деревне. Все дети ходят в воскресную школу, и священник учит их и спрашивает их, после своей длительной проповеди, о красоте, радости, славе небесной, которые получают христиане... и все дети волнуются, по-настоящему стремятся поскорее вскочить в автобус и ехать на небеса. Зачем попусту тратить время здесь?

И затем под конец он спрашивает: «Теперь скажите мне, что абсолютно необходимо, чтобы попасть на небеса?»

Один малыш поднял руку. Священник сказал: «Да, встань и скажи, что необходимо».

Он сказал: «Совершить грех».

Священник возмутился: «Что! Я говорил вам не совершать грехов, а ты отвечаешь, что нужно совершить грех, чтобы попасть на небеса!»

Мальш сказал: «Да. Так получается по вашей проповеди, что если не совершить греха, то не будет чувства вины. А если нет вины, то как каяться? А если не каяться, то пути на небеса не будет. Сначала нужно совершить грех. Почувствовать вину, покаяться, и тогда придет мессия и возьмет на небеса».

Я думаю, что этот ребенок был абсолютно математичен и логичен. То, что он сказал, было абсолютно правильным. Вот так все устроили религии: совершайте грех. Если вы не грешите, то они вам покажут, что вы все-таки, не зная того, грешите. Должны же вы просто что-то делать - этого и достаточно! Из этого что-нибудь можно будет извлечь. Если вы вовсе ничего не делаете, то и этого будет достаточно.

Я разговаривал с одним епископом и сказал ему: «Если человек просто сидит тихо, ничего не делает, тогда он, по крайней мере, не совершает греха. Допускаете ли вы это?»

Он ответил: «Нет. Бог послал вас сюда что-то делать, служить, исполнять долг, а вы сидите и ничего не делаете. Это великий грех».

Я сказал: «Тогда все буддийские монахи отправятся в ад, ведь они учат: сиди тихо, ничего не делай. Только таким путем станешь сознательным».

А когда вы становитесь сознательными, совесть просто распадается на части, поскольку она - артефакт, искусственное изобретение, выдуманное обществом.

Она может быть иудейской, она может быть католической, она может быть протестантской и так далее; коммунистической, социалистической, фашистской и так далее.

Ваше сознание возникает в тишине, оно возникает только в тишине, когда вся ваша энергия никуда не идет, не вовлечена ни в какое действие. Когда вся энергия не вовлечена ни в какое действие, куда же ей идти? Она начинает собираться в самом центре вашего существа, подобно столбу, плотному столбу энергии, который отбрасывает совесть и все идеи о грехе, все идеи о вине. Но помните, вместе со всем этим уходят также и мессия, раввин, священник. Со всем этим уходит Бог, дьявол, рай, ад - вся чепуха, о которой до сих пор думают, что она и есть религия. Это не религия.

Я совершенно не нуждаюсь в концепции греха.

В моей коммуне вы не сможете совершить греха.

Вы здесь уже три-четыре года; совершил ли кто-нибудь какой-нибудь грех? Четыре тысячи человек живут здесь четыре года, и не совершен ни один грех; как вы думаете, может ли такое случиться в католическом монастыре? Четыре тысячи человек, живущих в католическом монастыре, двадцать четыре часа в сутки... грех, и грех, и грех, и ничего другого не будет.

Потому что все, что вы делаете... закурите сигарету - и вы совершили грех. Влюбитесь в женщину - и вы совершили грех. Предались наслаждению поспать разок подольше - и вы совершили грех. Вам понравилась книга, занесенная Ватиканом в черный список...

Мои книги в черном списке. Даже книги, в которых я говорил об Иисусе, и говорил очень деликатно, тактично, чтобы никого не обидеть, - даже эти книги.

По ошибке одно христианское издательство в Англии, издательство Шелдон, принадлежащее христианской ассоциации, опубликовало мои книги. Сначала они опубликовали «Горчичное зерно», а потом заинтересовались мной. После этого они опубликовали другие книги, и сотрудники издательства Шелдон увлеклись мною. Они забыли, что являются частью христианской ассоциации, что они принадлежат ей и при этом публикуют книги, внесенные Ватиканом в черный список! Они опубликовали восемь книг. Тогда им стало ясно, что совершена ошибка. Теперь они отставили все восемь книг. Они вернули все авторские права.

Каждый год Ватикан составляет черный список, какие книги следует читать, какие книги читать

не следует. Сейчас они не могут делать того, что проделывали в прошлом. В прошлом они, бывало, сжигали книги. В основании Ватикана, в основании собора Святого Петра имеется огромная библиотека всех книг, сожженных в прошлом. Один экземпляр они сохраняли, но тысячи... это означает, что они сожгли тысячи книг, полностью стерли их с лица земли. Где бы ни обнаруживались эти книги, их повсюду сжигали. А того, кто сопротивлялся, убивали или сжигали вместе с книгами.

В библиотеку Ватикана не допущен никто. Эту библиотеку должна забрать ООН, немедленно. Она не принадлежит Ватикану. Эта библиотека может открыть тысячи истин, изобретений, открытий, которым папы на протяжении веков не давали ходу, сжигая книги. Сейчас они так не могут делать, но одно они все же делают: они публикуют, секретно, черный список. И в этот черный список они могут поместить любую книгу. И тогда ни одному католику не разрешается читать ее. Если вы читаете, вы совершаете грех, великий грех - неподчинение непогрешимому папе.

Я не вижу никакой необходимости в грехе. Да, вы - человеческие существа и будете жить, как человеческие существа, и иногда вы будете совершать ошибки. Например, если вы курите сигарету, это может быть ошибкой, это может быть неправильным. Но вы наносите этим вред себе, вред достаточный, вас не нужно наказывать за это в аду. Вы достаточно наказываете сами себя. Эта сигарета может вызвать у вас туберкулез, или рак, или, как минимум, сократит вашу жизнь на несколько лет. Сигарета делает это сама, не нужно приходить никакому дьяволу и забирать вас в ад и сжигать вас там. Вы делаете это сами и расплачиваетесь за это. Это не касается никого; вы сами расплачиваетесь, сами сжигаете себя - лучше не придумайтесь.

Но если вы становитесь сознательными, сигареты исчезают. Поэтому я не говорю вам не курить - это было бы чем-то вроде заповеди. Я говорю становиться более сознательными. И если в вашей сознательности сигарета исчезает... Она обязательно исчезнет, потому что сознательный человек не может быть настолько глуп, чтобы впускать в себя дым... и потом выпускать его, и снова впускать, и снова выпускать... отравляя себя, отравляя атмосферу - и расплачиваясь за все это.

Меня не интересуют ваши действия; меня интересует ваше сознание.

Если ваше сознание разрешает вам что-то делать, это правильно - делайте это. И не беспокойтесь ни о каких священных писаниях, ни о каких пророках. А если ваше сознание не разрешает, не делайте этого. Даже если Бог говорит вам: «Делай!» - это не имеет никакого значения, не делайте этого. Поэтому и не стоит вопрос о ваших действиях. Я не выношу решений по поводу ваших действий.

Я даю вам главный ключ, но вовсе не принимаю решений по поводу каждого простого, единичного действия, не решаю, является оно хорошим или плохим, - это невозможное дело.

Я говорил вам, что у буддийских монахов тридцать три тысячи правил. Вот так они и поступают, поскольку по каждому единичному поводу им нужно идти к Будде и спрашивать у него, хорошо это или плохо. И он должен устанавливать правило, что это хорошо, а то плохо. Один человек создал тридцать три тысячи правил! Хорошо, что это не продолжалось все двадцать пять столетий, иначе... вы делаете миллионы вещей. Я не собираюсь беспокоиться по поводу каждой отдельной маленькой вещи, которую вы делаете.

Меня заботит самое фундаментальное, самое главное: ваше сознание.

Меня не касается то, что вы делаете, меня касается ваш делатель. И когда этот делатель осознан, невозможно делать ничего плохого. Тогда все, что вы делаете, хорошо.

Поэтому, если вы спросите меня, что хорошо, что плохо, я скажу: все, что вы делаете сознательно, - хорошо, все, что вы делаете бессознательно, - плохо.

Но я совершенно не использую слово грех. Даже если вы делаете что-то плохое, это обыкновенная человеческая ошибка, ради которой не нужно изобретать ада, не нужно изобретать небес, не нужно кому-то приходиться и спасать вас, искупать ваши грехи, освобождать вас. Вы сами - тот единственный, кто позволяет другим накладывать на себя оковы.

Пожалуйста, запомните одно: другие могут наложить на вас оковы, но никто не сможет спасти вас.

Только вы сами можете спасти себя — и только лишь одним путем: запретив другим сковывать вас, налагать на вас все более и более тяжелые цепи, воздвигать вокруг вас все более и более высокие стены.

Вы — мессии для самих себя, вы сами - свое спасение.

Беседа 27

РЕЛИГИЯ -ПОСЛЕДНЯЯ РОСКОШЬ

27 ноября 1984

Бхагаван, Вы против всех религий? Разве не является религия чем-то существенно необходимым человеку?

Да, я против всех религий, поскольку я за религию.

Уже того, что так много религий, достаточно для доказательства, что что-то не так в самой основе, что мы оказались неспособными открыть истину о религии, ведь истина может быть только одна - счет на сотни может идти только в отношении лжи. Вымыслов вы можете создать столько, сколько захотите, это ваша фантазия. Но истина — это не ваша фантазия.

Истина - это откровение. Она уже есть. Вам не нужно выдумывать ее; ее нужно открывать.

Я против всех религий, поскольку все эти религии - не религии. Если бы они были религиями, во всем мире была бы одна религия. Невозможно одновременно существовать даже двум религиям, что говорить о трехстах религиях - это абсолютный абсурд.

Странно, что человек продолжает мириться с этим. Все эти религии - вымыслы, созданные различными людьми, различными обществами, в различных географических условиях, Они не имеют ничего общего с религией как таковой, ведь религия — это не география, не история. Религия - не расовая, не национальная категория. Все эти категории не имеют отношения к религии.

Думаете ли вы когда-нибудь о науке в терминах наций, рас, стран, исторических периодов, географических условий? Если вода кипит при ста градусах здесь, сегодня, то она кипела при ста градусах всегда, везде, в прошлом, она будет кипеть при ста градусах и в будущем. Не будет никакой разницы, кипятит ли воду иудей, или индус, или христианин, или коммунист; верит ли он в Бога или нет; грешник он или праведник. Не будет никакой разницы; вода будет все равно кипеть при ста градусах. Это истина, и не нужно создавать о ней никаких вымыслов.

Религиозное переживание - это истина. Когда вы открываете его, вы не обнаруживаете, что оно христианское, или индусское, или мусульманское, или буддийское. Оно не имеет ничего общего со всеми этими словами.

В тот момент, когда вы открываете религиозную истину, все пространство, все время становятся несущественными. Эта истина находится вне времени и пространства. Она нематериальна. Пять тысяч лет назад, пять тысяч лет вперед - она точно такая же.

Вселенная всегда остается подлинно сама собой.

Она не надевает ложных масок и не меняет их так, что когда подходит одна маска, то она делает одно, а когда подходит другая, делает другое. У вселенной нет масок - она предельно обнажена. Она — не такая, как вы; у нее нет индивидуальности.

У истины нет индивидуальности.

У вас есть не только индивидуальность, у вас много индивидуальностей, поскольку вам нужны разные лица в различных ситуациях, с различными людьми. Когда вы разговариваете с женой, вам нужна одна индивидуальность, индивидуальность мужа. Когда вы разговариваете со своей подружкой, вы делаете это иначе; вы используете индивидуальность любовника. Когда вы разговариваете со священником, вы, конечно, ведете себя по-другому.

А когда вы разговариваете со слугой, ведете ли вы себя так же, как с раввином, папой, махатмой? Нет, когда слуга проходит через вашу комнату, вы даже не замечаете, что мимо вас проходит человек. Слуга - это не человек. Вы не говорите ему здравствуй, он и не ожидает от вас никакого приветствия. Он приходит и уходит, делает свою работу — он робот, за это ему платят. Вы продолжаете читать свою газету, вы не бросите ни единого взгляда на этого человека. Вы не спросите у него ничего, даже: «Как дела?». Нет, ничего такого не предполагается; вы хозяин.

Но когда вы приходите в учреждение и становитесь перед своим боссом, тогда ситуация меняется на противоположную - теперь вы слуга. И вот вы стоите, а босс продолжает листать свои бумаги, как будто вас здесь нет, как будто никого здесь нет. Он, может быть, ничего и не ищет в этих бумагах. Он, может быть, переворачивает их просто для того, чтобы показать вам, где ваше место, ему совершенно не нужно обращать на вас никакого внимания.

Если вы понаблюдаете за собой, то увидите, сколько раз за двадцать четыре часа вы изменяете свою индивидуальность. И это становится таким автоматическим процессом, что вам не нужно прикладывать для этого никаких усилий; изменение становится автоматическим. Вы видите, что приходит жена, - индивидуальность автоматически изменяется. Вы видите, что приходит босс, - индивидуальность автоматически изменяется. Это так давно вошло у вас в привычку, что теперь...

О человеке нужно понять одну вещь: в человеческом уме есть нечто от робота.

Когда вы учите что-то, вы должны быть наблюдательными. Например, когда вы учитесь вождению автомобиля, вы должны быть наблюдательными, бдительными по отношению ко многим вещам: дорога, люди, другие машины. Вы должны осознавать руль, вы должны осознавать тормоза, вы должны осознавать коробку передач. И когда человек начинает учиться, он находит, что очень трудно одновременно следить за столь многими вещами. А когда вы выучились, что происходит? Тогда вы можете вести автомобиль и петь, вести и разговаривать, вести и слушать радио. Ваш ум отложил «вождение автомобиля» в другой раздел, и этот раздел - раздел робота в вашем уме. Теперь обо всем, о чем вы заботились раньше сами, заботится робот.

То же случается и с вашими индивидуальностями. Поэтому вы даже не осознаете, как быстро они меняются - без звука, без видимого изменения, - но если вы понаблюдаете, то увидите, что все изменилось.

Я путешествовал в поезде из Дели в Амритсар. В моем купе находилась женщина, молодая, очень красивая. И на каждой станции мужчина, который путешествовал вместе с ней, - у него не было места в этом купе, поскольку купе было на двух человек, и он вынужден был ехать в другом, - но на каждой станции он прибежал, иногда приносил сладости, иногда приносил фрукты, иногда то, иногда другое.

Я спросил у этого мужчины: «Вы женаты на этой женщине?»

Он сказал: «Да. Мы женаты семь лет».

Я сказал: «Не надо мне врать. Вы не женаты и семи дней».

Он выглядел шокированным, но спросил: «Как вы догадались?»

Я сказал: «Свидетельств достаточно. Ни один муж не будет прибегать на каждой станции со сладостями, фруктами и спрашивать: “Нужно ли тебе что-нибудь?” - и обнимать, и целовать. - Ни один муж... тем более женатый семь лет. Невозможно! Вы вовсе не женаты на ней».

Он сказал: «Это правда. Она жена другого человека. Я также женат, и женат семь лет, но на другой женщине. И с женой я веду себя действительно так, как вы говорите. Даже если я могу взять место в том же купе, я не беру. Я еду в другом купе, нахожу любое оправдание. И раз оставив ее в купе, я только на конечной станции захожу к ней снова». И он снова спросил: «Но как вам удалось узнать?»

Я сказал: «Ничего трудного в этом нет, это так просто. Даже через семь дней супружества, то глупое поведение, которое вы настойчиво демонстрировали на каждой станции, отбрасывается, просто исчезает, поскольку это поведение до игры, а не после».

Он спросил: «Что вы имеете в виду под этими “до игры” и “после игры”?»

Я сказал: «В точности эти слова: до игры... Перед тем, как вы овладеете женщиной, - это до игры; вы уговариваете ее. А то, что вы делаете со своей женой, - это после игры. Тогда вы надеетесь, что этот вагон как-нибудь упадет в реку, сойдет с рельсов... произойдет какое-то

чудо, и вы уже не встретите эту женщину на станции, до которой едете. Вы фантазируете себе тысячу и одну ситуацию, представляете что-нибудь вроде: «Случаются же чудеса. Она может потеряться. Кто-нибудь украдет ее, или, может быть, кто-нибудь убьет ее; все возможно в этом большом мире, каждый день случается так много». Но ничего не случается. Вы находите свою жену и снова стоите с ней, говорите ей милые глупости: «Как бы я хотел быть с тобой, как я скучал по тебе, как постоянно вспоминал о тебе». Да, вы вспоминали, но совершенно по другой причине!»

Существование не имеет индивидуальности. В нем нет вопроса об индивидуальности, оно просто есть, чем бы оно ни было.

И чтобы переживать существование таким, как оно есть, необходимо познать истину.

И самый ближний путь - двинуться к существованию из вашего собственного центра, поскольку именно там вы соединяетесь с существованием. Ваши руки могут коснуться цветка; ваши глаза могут видеть цвет облаков, неба, солнечного заката. Ваши уши могут слышать музыку птиц, шум журчащей воды, или ветерок, пробегающий сквозь деревья, или лист, тихо падающий в листопад, но все же что-то шепчущий...

Но между вами и облаком есть промежуток, есть промежуток между вами и падающим листом, между вами и звездами. Как бы близко вы ни подошли, промежуток есть. Само слово «близость» означает двух человек, две сущности, не одну. Промежуток есть, как бы ни был он мал. В любви вы можете подойти к человеку на самое близкое расстояние, но, может быть, на несколько мгновений - я не говорю на несколько часов, несколько дней, - может быть, лишь на несколько мгновений вы подойдете очень близко к человеку, но все же... промежуток есть. Вы можете кричать, но ваш звук не долетит. Вы можете простирать руки, но они не коснутся. Промежуток, может быть, и маленький, достаточен, чтобы сохранить вас, как две отдельные сущности.

Вы хотели бы стать, как одно, и в этом горе всех возлюбленных и причина неудачи всякой любви. Любовь обязательно терпит неудачу, поскольку стремится сделать невозможное.

Здесь нет ничьей вины. Они, подходя близко... момент близости так прекрасен, что они хотели бы стать еще ближе, но наступает предел. Где это ограничение? Другой есть другой, и нет возможности вам двоим стать, как одно.

Жан Поль Сартр говорит: «Другой - это ад». Этот человек не психоаналитик, но так часто случается, что художники, поэты, романисты, драматурги, артисты открывают что-то такое, что так называемые эксперты, которые должны были бы открывать, стараются, стараются, но не находят. Вот и Фрейд не смог обнаружить, что другой - это ад, не сделали этого ни Юнг, ни Адлер, ни вся компания, последовавшая за ними. Жан Поль Сартр в маленьком предложении говорит нечто потрясающе глубокое и основательное, что является откровением: другой - ад. Почему?

Потому что вы хотите слиться, сплавиться, чтобы разделение между вами исчезло и вы стали бы одним, объединенным... чтобы вы могли смотреть глазами своей возлюбленной, и ощущать запах, и ощущать вкус, и слышать не как отдельные существа, но как единое целое с человеком, которого любите... чтобы оба ваши центра вошли друг в друга и стали одним центром. Вот куда проникает мудрый взгляд Сартра. Он сказал: «Другой - ад». Ясно почему.

Другой - это другой и все время остается другим.

Что бы вы ни делали, все терпит неудачу. И в этом нет вины другого.

Другой тоже старается делать все возможное, но вы остаетесь другим. Оба стараются, но оба терпят неудачу, потому что то, к чему они стремятся, невозможно.

Уединенность каждого - самое его существо. Никакое посягательство на него невозможно, вы не можете посягнуть на существо другого человека. И это хорошо, потому что если люди могли бы посягать на существо других людей, то для человечества не осталось бы надежды. Тогда не было бы никакой надежды на настоящую свободу. Ведь почему только один человек должен посягать - многие могут посягать на вас. Ваша чистота, ваша праведность, ваша индивидуальность потеряют все свое значение.

Сартр прав. Он понял смысл, он понял то, что другой продолжает оставаться другим, а любящее сердце хочет слиться с возлюбленным в одно целое. Это всегда обречено на неудачу. В этом горе возлюбленных.

Поэтому, когда он говорит, что другой - это ад, он говорит многое. Он говорит, что другого ада нет, только одно это переживание, когда вы подходите так близко, что чувствуете, еще один шаг - и рай ваш, но этот один шаг не может быть преодолен.

Цель перед вами. Вы стоите в дверях, но почему-то не можете даже постучать в дверь. Она здесь, ждет, не просто ждет - приветствует, но вы как-то парализованы. Вокруг другого человека какой-то невидимый круг, который вы не можете преодолеть, и в этот момент вы начинаете осознавать, что такой же круг есть и вокруг вас. Круги, когда они подходят близко, касаются друг друга, но только окружности кругов, большее невозможно.

Отвернуться от двери рая — вот что такое ад, другого ада нет.

Упрямая реальность другого, который остается «другим», становится вашим поражением, становится поражением и того другого человека тоже. Вам нельзя оставаться застрявшими в этой точке. Попробуйте понять: в существовании, в жизни, ничто не остается статичным; или вы идете вперед, или удаляетесь прочь. Вперед вы не можете двигаться - ваша голова ударяется о невидимую стену, и нет пути, но ничто не остается статичным, вы начинаете удаляться прочь... и болезненная память о поражении, болезненная память о достижении такой близости и все же потере...

Самое близкое, где вы можете подойти друг к другу, это в любви, но любовь становится мукой; в конце концов любовь становится мукой.

Поэтому блаженны те, кто никогда не любил: они никогда не узнают, что другой - это ад. Защитить вас от этого переживания стараются все общества, так или иначе они стараются, чтобы любви не было; супружество — вот это хорошо. И, конечно, прожив с кем-то годы, вы начинаете испытывать определенное чувство компании, определенную потребность в другом. Другой становится привычкой.

Если жена уходит из дома на несколько дней, вы чувствуете себя потерянными. Вы хотели,

чтобы она ушла хоть на несколько дней, но когда она уходит, вы чувствуете себя потерянными. Вы не можете найти ничего в своем собственном доме. Внезапно вам начинает не хватать жены - и вы думаете, что это из-за любви? Нет, она стала вашей привычкой, она взяла в свои руки всю заботу о вас; без нее вы не знаете, что делать. Даже ругаться с ней стало рутинной частью вашей жизни. Теперь не с кем ругаться в доме. Вы ходите из одной комнаты в другую - скучаете даже по ругани. Вы приходите домой поздно, никто не выговаривает вам... вы просто отправляетесь в постель. А выговоры каждую ночь стали такой рутинной частью вашей жизни, что без них вы не можете уснуть. Это все равно как игрушка для ребенка.

Я сплю на трех подушках: по одной с каждой стороны и третья под головой. И когда я путешествовал по Индии, я вынужден был возить все три подушки с собой, а я пользуюсь очень большими подушками, может быть, самого большого размера. Я иногда останавливался у кого-нибудь, он открывал мои чемоданы и в одном из них — в большом чемодане, в самом большом из имеющихся, - находил только три подушки! Он спрашивал меня: «Что! В этом большом чемодане вы возите только три этих подушки...?»

Я говорил: «Без этих двух я не могу спать. Эти две являются неотъемлемой принадлежностью моего сна. Если кто-то берет одну из моих подушек, мне становится трудно спать. Мне не хватает ее всю ночь».

Жена хотела отправиться отдохнуть на несколько дней. Она выжата — я думаю, это точное слово, выжата — своими детьми, своим мужем. Наступает время, когда все становится уже слишком. Но когда она отправляется на отдых, она начинает скучать по детям, по их шуму, по их возне. Она начинает скучать по мужу. На кого ворчать?

Ворчание - это такое испытание власти, такая радость. И бедный парень ничего не может сделать, так много власти у его жены. И она знает, что на стороне ее мужчина - лев. Это придает еще больше радости ворчанию, придиркам, обращению с ним, как с мышкой, - никак иначе. Может быть, на стороне ты и лев, но когда приходишь домой, подожми хвост и помни, что здесь ты не босс.

Она начинает скучать... с кем ругаться? Она начинает скучать по всей той заботе, которой она окружила мужа; теперь некому о нем позаботиться. Ей на память приходят всякие мелочи: по утрам она приносит мужу газету. Ей это никогда не нравилось; сама идея о том, что муж сидит перед ней, спрятавшись за газетой... она знает, почему он читает газету — просто для того, чтобы не видеть ее, не общаться с ней. Но теперь, далеко от дома, она начинает думать о том, подаст ли кто-нибудь ему газету или нет. И как он найдет свои ботинки... и одежду? И он обязательно сделает какую-нибудь глупость на кухне. В доме может возникнуть пожар - все возможно... «Что я сделала? Зачем я приехала сюда? И здесь ничто не радует...» Все эти мечты, бывшие у нее дома, уплывают прочь. Теперь она жаждет как можно скорее вернуться.

Они стали друг для друга привычкой. Это не любовь.

Все общества испытали эту простую формулу защиты вас от переживания - которое так или иначе ужасно, но может стать и преобразованием.

Оно никогда не стало преобразованием для Жана Поля Сартра. Мне жаль этого человека. Он подошел очень близко, когда сказал, что другой - это ад. Но, даже подойдя так близко, в этом

своём понимании он все же упускает что-то более значительное. Его ударение все еще падает на то, что другой несет ответственность за ад, которым является. Нет, другой не отвечает за это. Сартр все же не видит еще одной части, еще одной половины: вы, со своей стороны, тоже являетесь другим. Создаете ли вы ад для другого человека? Не создаете. Будьте немного более понимающими. Тогда ведь и другой тоже не создает ада. Не взваливайте все на другого.

Это лишь естественное явление, что в переживании любви вы можете подойти на самое ближнее расстояние, но лишь на расстояние. Вы не можете сплавиться в одно существо.

Впервые ваша уединенность становится кристально ясной.

Вы уединены, не имеет значения как.

И все эти вымыслы, что, может быть, существует кто-то, просто созданный для вас, что, может быть, есть кто-то, кто заполнит этот промежуток, эту пустоту в вас... никто не может сделать этого. Не потому, что никто не хочет, нет, каждый хотел бы, но это невозможно по самой природе вещей. И это хорошо, я повторяю, что это невозможно по самой природе вещей, поскольку если бы это было возможно, то не было бы необходимости в религии - не было бы потребности в религии.

Вы спрашиваете меня: «Есть ли для человека какая-нибудь существенная потребность в религии?» Да, но она возникает только после того, как вы испытаете переживание, что ваша уединенность абсолютна.

Вы не обманете себя дружбой, любовью, деньгами, властью. Вы не сможете обманывать себя долго. Придет момент, когда вы увидите, что все ваши усилия потерпели неудачу.

Вы все так же уединены, как и были.

Это момент, когда входит религия. Религия - это не что иное, как поворот на сто восемьдесят градусов - от другого к себе.

Вы испытали другого; это не работает. Другой не виноват. Не он создал этот универсальный закон. Другой - такая же часть этого универсального закона, как и вы. Если ваше понимание пройдет немного глубже... Сартр был как раз на краю, где он мог бы повернуться к себе. Но он остановился там: другой - ад. Он обвинил другого, но он не повернулся, чтобы дать шанс себе.

Вы в своей жизни пытались сблизиться со многими людьми, добивались до самого отдаленного человека и пытались приблизить его к себе. Вы преуспевали в этом, вы подходили к нему очень близко, и в последний момент, когда казалось, что еще всего лишь один шаг... и неудача. Человеческий ум говорит вам: «Может быть, это не тот человек. Поищи другого. Продолжай искать другого». Ум все время подает вам надежду: «Если не получилось с этой женщиной, этим мужчиной, может получиться с кем-то другим. Может быть, ты пытался не с тем человеком».

Ум все время находит утешения, оправдания, объяснения, но все это тщетно.

Эти объяснения, оправдания, утешения будут удерживать вас в стороне от религии.

Сартр мог бы стать одним из религиозных людей, но это очень редко: это обыкновенное

явление, но очень редкое, поскольку никто не хочет обыкновенного; все стремятся к необыкновенному.

Религия наступает тогда, когда терпит неудачу любовь.

Я за любовь. Всю свою жизнь я учил в пользу любви. Причина здесь странная. Но я эксцентричный человек.

Я учил вас выступать за любовь, потому что знаю: если вы не пройдете той критической точки, когда другой становится адом, вы никогда не станете религиозным человеком.

Я не за любовь. Все мои усилия за религию.

Псевдорелигии дают вам готовые к применению формулы, а я хочу дать вам настоящее переживание, но не могу дать вам его. Я могу только показать вам путь, могу объяснить, как это случается, и после этого оставить вас свободно экспериментировать, если хотите.

Если любовь еще не потерпела неудачу, тогда вы еще недостаточно взрослые для религии. Вы еще не достигли нужного возраста. Не имеет значения, сколько вам лет; может быть шестьдесят, может быть семьдесят, не имеет значения.

Если вы все еще надеетесь, что любовь может преуспеть, тогда вы еще не достигли нужного возраста.

Но если вы уже полностью осознали, что это против природы вещей, что существование так не работает... Вы - это вы, другой - это другой.

Если вы хотите вкусить переживание существования, оно не идет через другого, оно проходит непосредственно через вас. Оно проходит через вас, посредством вас.

И только любовь и ее неудача могут бросить вас внутрь себя. Ничто другое не может вас бросить внутрь, поскольку все остальное много ниже любви.

Деньги - вы можете иметь их достаточно, вы можете пресытиться ими, но это не значит, что вы подвинетесь в сторону религии. Есть так много других вещей. Вы можете начать думать, что деньги бесполезны, но деньги дают вам власть. Они могут сделать вас президентом страны. Может быть, это то, что вы ищете. Вы можете стать президентом или премьер-министром страны. А жизнь коротка; большую ее часть вы потратили, зарабатывая деньги, и теперь будете тратить ее, добывая власть. Это как лестница; ранг за рангом, вы должны карабкаться по лестнице. И всегда есть ранг выше вашего, подающий вам сигнал: «Забирайся выше, здесь то, что тебе нужно».

И когда вы достигаете того ранга, оказывается, есть ранг еще выше. И рано или поздно какой-нибудь упрямый идиот преуспевает в достижении последнего ранга, откуда больше некуда идти, поскольку выше ранга нет - лестница кончилась. А когда вы затратили так много усилий, чтобы достичь этого, можете ли вы сказать тем, кто сражается вниз: «Не рвитесь. Я ничего не нашел здесь. Я потратил всю свою жизнь и теперь стою на высшей ступеньке лестницы, и все, что я могу сделать, это спрыгнуть вниз и покончить с собой. Ничего другого здесь нет». Теперь это

будет означать, что вы признали свою глупость. Нет, человек, так тяжело работавший, чтобы добраться до верха... к тому времени, когда он добирается, он почти рядом с могилой. Теперь ему лучше продолжать, продолжать улыбаться - улыбкой Джимми Картера.

Мне действительно жаль Джимми Картера. Он по-настоящему несчастный человек. Он вынужден был спуститься с наивысшего ранга - обратно на землю. Теперь вся его улыбка исчезла. Я видел его фотографии после того, как он проиграл выборы, постоянно следил за его фотографиями: ни одной фотографии с той большой улыбкой, которая, может быть, была самой большой в мире. Что случилось с той улыбкой? Та улыбка была фальшивой. Даже когда он был на последней ступени, она была фальшивой. Но когда вы были в такой фальшивой игре, в игре политики, вы настолько привыкли к ней, что потерять ее подобно самоубийству...

Американцы - очень мудрый народ. Они покончили с двадцатью процентами своих президентов. Это большая мудрость. Они спасли двадцать процентов своих президентов от той ситуации, в которую попал Джимми Картер. Если бы кто-нибудь застрелил его, пока он улыбался, он, по крайней мере, кончил бы свою жизнь с улыбкой. Смерть все равно придет. Она придет, но улыбки не будет.

Всякий, становящийся президентом страны, старается остаться президентом до смерти. Каждый хочет умереть президентом, премьер-министром, каким бы ни был наивысший пост. Он ведь всю свою жизнь посвятил росту своей фальшивой индивидуальности, так позвольте ему теперь иметь честь умереть президентом или премьер-министром страны. Да, он заслужил это; он тяжело трудился для этого. И по большей части так и происходит: или его убивают, или он умирает от сердечного приступа.

Со времени обретения независимости в Индии было шесть премьер-министров. Первым премьер-министром был Джавахарлал Неру, наилучший политик из всех политических лидеров в мире, и прежде всего потому, что он не был политиком. Он был втянут в борьбу за свободу Индии и не думал о власти. Он не предполагал быть политиком. У него была такая чувствительная душа, что он мог бы стать великим поэтом, художником, музыкантом, кем угодно, но не политиком.

Я несколько раз встречался с ним. Он был в абсолютном согласии с моими идеями, но сказал со слезами на глазах: «Все, что вы говорите, может преобразовать все будущее Индии, но вы не имеете ни малейшего представления о коллективном уме масс. Они не поймут, что вы говорите; они будут против вас. Вы не преуспеете в преобразовании их ума, вы можете преуспеть только в том, чтобы быть распятым ими».

Он был потрясен китайским вторжением в Индию. Он слег и уже никогда не смог оправиться от этого потрясения. Он умер премьер-министром Индии. Он был великим проповедником мира, братства, любви, он создал блок стран третьего мира против Советского Союза и Америки, так что теперь эти два лагеря не единственные в мире, есть еще один лагерь, нейтральный. И он преуспел в создании нейтрального третьего лагеря.

Китай был частью этого лагеря, Китай был самой большой частью его, самой важной частью, и Китай атаковал Индию. На гималайских границах очень трудно победить китайцев. Индийцы живут не в Гималаях, а на равнинах. Одна сторона Гималаев индийская, другая сторона китайская. На другой стороне живут миллионы китайцев, они привычны к вечным снегам

Гималаев. Они умеют сражаться. Вы не выжили бы в их условиях. В Гималаях, если идет сражение, никто не может их победить.

То же самое случилось и с Германией... Так было в первую мировую войну; так было, когда Наполеон напал на Россию; так было в первую мировую войну, когда Германия напала на Россию. Во вторую мировую войну Гитлер совершил ту же ошибку: он напал на Россию. Так случилось потому, что Россия огромна, одна шестая часть суши на всей Земле, и от шести до девяти месяцев она покрыта снегом, так что сражаться можно лишь на протяжении трех месяцев. С того момента, когда начинает падать снег, никто не может сражаться с русскими. Они привычны к снегу; их психология за миллионы лет привыкла к нему. Это их дом. Но для всякого другого - это смерть.

Там кончился Наполеон. Там кончилась первая мировая война, там же кончился и Адольф Гитлер. То, что он напал на Россию, на самом деле было вызовом. Поскольку там был разбит Наполеон, там была разбита Германия, Адольфу Гитлеру хотелось доказать, что Россия не является непобедимой. Но все разрешилось по чисто природным обстоятельствам. Когда начинает падать снег, никто не может победить Россию; невозможно сражаться с русскими.

То же самое относится и к китайцам. В Китае живет одна четвертая часть населения Земли - это величайшая из всех стран мира. И когда Китай напал на Индию, он занял тысячи миль в Гималаях, и Индия ничего не смогла с этим сделать. Это было таким серьезным потрясением для Джавахарлала, который до этого был очень здоровым, что он вдруг начал усыхать, умирать. Насколько я понимаю, он умер психологической смертью. Чтобы быть более точным, он совершил психологическое самоубийство. Он потерял все надежды на мир, на отсутствие войн в мире, ведь Китай был ближайшим другом Индии... если нельзя доверять ближайшему другу, то кому доверять? Он просто потерял всю радость. Он вдруг стал старым.

Вторым премьер-министром был Лалбахадур Шастри. Он очень сильно интересовался мной и обещал, хотя его партия и коллеги были против, что постарается реализовать мои идеи. Он умер от сердечного приступа в СССР. Его секретарь сообщил мне, что на протяжении всего пути он читал мою книгу «Семена революции». А в ночь его сердечного приступа в его руках была другая моя книга «Совершенный Путь».

Третий премьер-министр Индии убита только что. Она была самой смелой, и она была готова делать даже то, что шло против ума масс. Я предложил ей вывести из кабинета таких людей, как Морари Десаи. Она сказала: «Он один из наиболее упрямых фанатиков и верит, что он всегда прав...» Он был заместителем премьер-министра, вторым человеком после Индиры Ганди, но она сказала, что постарается выкинуть его, и сделала это.

Четвертым премьер-министром был Морари Десаи. Никто не считал, что на него стоит покушаться, поэтому он все еще жив и теперь пытается стать святым мудрецом - снова та же игра эго. Чаран Сингха, пятого премьер-министра, не стоит даже упоминать. А Раджив, мы еще должны посмотреть, достоин ли он своего деда и своей матери или нет. У меня есть внутренняя убежденность в том, что он не разочарует страну.

Джимми Картер внезапно постарел на десять лет после того, как проиграл выборы; в один день пронесли десять лет. Когда люди у власти, они могут сохранять свое лицо. Может быть, они красятся, но выглядят все еще молодо, оживленно, сильно и на самом деле являются такими,

поскольку с ними успех. Хотя в последней точке успеха они находят, что все тщетно, но стоит ли говорить об этом? Весь мир будет смеяться. Об этом лучше помолчать и продолжать улыбаться. Так что вы можете двигаться от денег к власти или от власти к деньгам. Есть много путей.

Я слышал об одном богатом американце, который пресытился всеми теми деньгами, которые заработал... он напрасно растратил всю свою жизнь. Кто-то предложил: «Почему бы вам не отправиться на Восток и не поискать там какого-нибудь махатму, какого-нибудь мудреца, который смог бы научить вас, как быть спокойным, тихим и благословенным?» Поэтому он ринулся в Индию, отправился в Гималаи и спросил, кто тут величайший праведник - как будто есть маленькие праведники и большие праведники.

Но он был человеком, знавшим, что такое деньги, и знавшим, что, если у вас мало денег, вы маленький человек, если у вас побольше денег, вы человек побольше, а если у вас денег еще больше, то вы самый большой человек. То же должно быть верно и для духовности - сколько ее у вас? Он всю свою жизнь прожил среди количества. Деньги - это количество. Духовность - это количество. Духовность не передается, но в Индии, как и везде, люди думают одинаково. Они сказали: «Да, есть один, величайший мудрец, величайший махатма, добраться до него очень трудно. Многие искали его и умерли или навечно затерялись в снегах».

Но богач сказал: «Мне нечего терять, я уже видел все удовольствия мира, и больше ничто не интересует меня. Этот вызов, что его еще никто не нашел, волнует меня. Я попробую». Снова в нем потекли соки, как тогда, когда он пустился в погоню за деньгами, — все то же эго. «Никто не нашел его; я найду. Опишите мне лицо этого человека, скажите, на какой вершине он живет, и я пойду». Они все подробно описали ему, и он пошел.

Это было действительно мучительное путешествие, но он знал, как мучительно ему было, когда он зарабатывал деньги. Если он смог добраться до вершины в том, что касалось денег, он справится и с этим путешествием. И он справился: в лохмотьях, почти умирающий, он, наконец, добрался и увидел человека, сидящего на вершине. Он упал, не в знак благодарности, а от усталости. Американцы ведь не знают, как падать в ноги при встрече с Учителем, - он просто упал. Он терял надежду, он был почти на краю, думая: «Надеяться не на что». И в этот момент тот человек, тот старый мудрец оказался перед ним. Он падает, и поскольку еще не умер, умудряется говорить, он простирает свои руки, хватая за ноги мудреца и говорит: «Вы великий мудрец, а я прибыл из Америки, за многие тысячи миль. Но это ничего. Это гималайское паломничество, пешком, на ногах... но я счастлив, что добрался. Теперь скажите мне, пожалуйста, что мне следует делать».

Махатма сказал: «Сначала окажите мне любезность. Нет ли у вас сигареты - американской?»

Этот человек был чрезвычайно потрясен. Но он слышал, что мудрецы - странные люди; может быть, в этом есть какой-то трюк. Он вытащил сигареты и зажигалку, дал одну мудрецу и сказал: «Теперь, что вы скажете мне?»

И мудрец сказал: «Пожалуйста, возвращайтесь тем путем, которым пришли. Но запомните: если вы придете снова, не забудьте принести сигарет; они, доставляют такой покой, такое блаженство. Я по-настоящему люблю их».

Вы можете переходить от одной глупости к другой, но если потерпите неудачу в любви... а неудача в любви не означает того, что вы обыкновенно имеете в виду: что возлюбленная или возлюбленный изменяет вам. Нет, это не неудача; на самом деле это возможность избежать неудачи. Если ваша возлюбленная изменит вам до неудачи, неудачи в моем смысле, она спасет вас, она снова даст вам надежду. Вы устремитесь за другой женщиной.

Неудача, которую я имею в виду, наступает тогда, когда вы достигаете точки, где хотели бы слиться с другим, и внезапно обнаруживаете универсальный закон, препятствующий такому слиянию.

Тела могут встречаться; существа не могут.

В такой момент вы можете начинать озлобляться против любви - вот так и все религии стали озлобленными против любви, но это псевдорелигии. Нет, я не вижу, что вы должны озлобиться. На самом деле вы должны прийти в восторг, поскольку нашли фундаментальный закон жизни, добрались до точки, откуда возможен поворот внутрь себя. Больше некуда идти.

Вы можете попасть в самого себя. Если это случится, тогда вы скажете: «Другой - это рай, не ад». Тогда вы измените это высказывание, поскольку другой дал вам шанс потерпеть неудачу в слиянии, сплавлении, дал вам шанс повернуться к себе; вы будете благодарны ему всегда. Тогда другой - это рай.

И раз вы вошли в свое собственное существо, вы вошли в храм. Именно это и имеет отношение к религии.

И это вхождение в себя - предельный рост.

Вы внезапно расцветаете.

Это не медленный последовательный рост, нет. Слово «рост» дает неправильное впечатление, как что-то медленное, медленное... Нет, это внезапный взрыв. В один момент вы были ничем; в другой момент - качественный скачок, вы стали всем. Поскольку вы вкусили свое существо, и это существо — в точности то же, что и существо вселенной. Но есть только одна дверь. Другой двери нет. Никакая церковь не поможет вам, никакая синагога не поможет вам, никакой храм не поможет вам.

Есть только одна дверь, которая может помочь вам, - и она внутри вас.

Прыгнув в себя, вы ныряете в существование.

В этот момент вы ощущаете потрясающее единство со всем существованием.

Тогда вы более не одиноки, более не уединенны, поскольку нет никого другого.

Есть только вы, распространившиеся во всех направлениях, во всех возможных проявлениях. Это вы цветете в деревьях; это вы движетесь в белых облаках. Это вы в океане, в реке. Это вы в животных, в людях.

И это не то, что вы должны нафантазировать, представить себе. Так делали псевдорелигии. Они

говорят вам: «Думай, что ты един со всей вселенной. Концентрируйся. Натаскивай свой ум на то, что ты заодно со всей вселенной». Да, если вы стараетесь, вы можете поверить в это, в то, что вы едины со всем, но это будет просто вера.

Ко мне привели одного суфия; у него было много последователей. Многие из его последователей приходили ко мне и говорили: «Когда придет наш учитель, мы хотели бы, чтобы вы встретились». А он имел обыкновение приходить в это место раз в год.

Поэтому я сказал: «Когда бы он ни пришел, приведите его ко мне».

Они сказали: «Он совершенный человек. Он видит Бога повсюду».

Я сказал: «Я не буду комментировать этого, пока не увижу его». День настал, он прибыл. Я сказал его ученикам: «Ведите его прямо ко мне. Пусть он будет моим гостем». Они привели его ко мне прямо со станции, и он пребывал в экстатической дрожи, если это так можно назвать. Его глаза, его тело - все было не в обычновенном состоянии, оно как бы вибрировало. Всякий мог видеть это. И он обычно крепко обнимал деревья. У меня был прекрасный сад. Только я называл его садом, все остальные обычно называли его джунглями. Это были действительно джунгли, поскольку мне не нравятся английские сады - хорошо подстриженные, симметричные. Нет, я хотел что-то вроде джунглей, естественное, без всякой симметрии.

Он вошел в дверь, а как раз рядом с дверью стояло прекрасное розовое дерево. Он обнял его. Оно было в цвету и издавало один из самых прекрасных ароматов. Он начал кричать от радости. Я вынужден был оттащить его от дерева. Я сказал: «Это дерево еще недостаточно сильное. Вы убьете его. Пожалуйста, войдите в дом, и, если хотите обнимать деревья, у меня есть много больших деревьев, с которыми вы можете проделывать и объятия, и борьбу, и гимнастику, и все, что хотите. Но это дерево - не мучьте его»

Внезапный гнев: «Что! Вы говорите, что я мучаю дерево? Я люблю его».

Я сказал: «Я знаю. Иногда можно обнимать кого-то с любовью. Так обычно случалось со мной, когда я путешествовал по Пенджабу».

Пенджаб - это, должно быть, Орегон в Индии. Почему-то все идиоты страны умудрились жить в Пенджабе. Мне бывало так трудно добраться от платформы до автомобиля, поскольку каждый обнимался, все от любви, а пенджабские объятия... вы не представляете себе: все мое тело ощущало боль, особенно ребра. Я говорил своим друзьям: «Пожалуйста, эти объятия, я не готов принимать так много любви. Это слишком. Вам нужно прекратить это, иначе я перестану приезжать в Пенджаб». Эти идиоты не знают, что «обнимать» не значит сокрушать ребра другого человека. И они точно делали это с большой любовью, но с большой любовью можно и убить.

Поэтому я сказал суфию: «Вы пришли ко мне в дом. Не гневайтесь. Это дерево еще недостаточно сильное, и оно очень особенное, не ломайте его. Я стал просветленным под розовым деревом. Поэтому мои люди принесли семя от материнского дерева. Они посадили и вырастили его, но оно еще недостаточно сильное для ваших объятий. Войдите внутрь».

Он вошел внутрь и начал говорить в той же манере, в которой говорил, должно быть, с

учениками: «Я вижу Бога повсюду, только Бога и ничего больше».

Я сказал: «Если вы видите только Бога и ничего больше, тогда с кем вы разговариваете? Если есть только Бог и никого другого нет, то с кем вы разговариваете? И с какой целью? Бог должен все знать. Храните молчание». И когда все его ученики ушли, я сказал ему: «Я знаю, что случилось с вами. Вы гипнотизировали себя на протяжении тридцати лет, что Бог - повсюду, и теперь это стало у вас постоянным постгипнотическим состоянием. И вы продолжаете все это, поскольку прекрасно знаете, что если прекратите говорить об этом, то все исчезнет за несколько часов».

Он сказал: «Нет, это не может исчезнуть. Я вижу Бога повсюду».

Я возразил: «Тогда на три дня прекратите говорить о Боге и не делайте ничего. Не повторяйте этого “Бог повсюду”; на три дня забудьте об этом. Тридцать лет вы делали свою работу, теперь в течение трех дней позвольте мне показать, что вы приобрели за тридцать лет».

И не было... не потребовалось и трех дней. Уже на следующее утро он сказал мне: «То, что я приобрел за эти тридцать лет, вы разрушили за один день. Вы против религии. Вы - враг религии».

Я сказал: «Конечно, я враг религии - религии того рода, в которую верите вы. И я против всей этой чепухи, ведь какой смысл тридцать лет практиковаться, если все можно разрушить за один день? Тогда практикуйтесь хоть триста лет, все будет потеряно в три дня! Или хоть три жизни - будет разрушено в три месяца. Это не ваше переживание; это просто навязанная вам идея».

Поэтому я не говорю, чтобы вы начали думать так, как будто все божественно и все есть Бог. Это хлам. Никогда не начинайте с того, что в своей основе является верой. Просто прыгните в себя и не спрашивайте меня, что найдете там. Поскольку, если я скажу, что вы найдете там, вы немедленно начнете гипнотизировать себя на этом. Тогда вы и найдете это, но то не будет истиной. То будет лишь галлюцинацией.

Просто прыгните внутрь - и тогда узнаете. Вы почувствуете. Вы испытаете переживание.

Религия - это переживание истины.

Человеку нужна религия; это последняя роскошь, предельная роскошь.

Ниже ее - любовь. И я так много учил о любви, что вы можете подойти к критическому моменту, когда почувствуете, что другой - это ад, ведь это точка поворота. Сартру был нужен кто-то, кто сказал бы ему: «Другой - это ад». А что о вас? Вы так много старались, чтобы стать единым с другим, почему бы не постараться еще немного, чтобы стать единым с собой, ведь это не будет трудно. Вы уже заодно с собой, вам только нужно заглянуть вовнутрь. Немного повернуться - и все случится.

Но тогда вы - не христианин, не индус, не мусульманин, не иудей, вы просто религиозный человек.

Я за религию, за религиозность, и я определенно против всех религий, поскольку все они

псевдо.

Беседа 28

ЗАПОВЕДЕЙ НЕТ, ЕСТЬ ЛИШЬ НЕСКОЛЬКО ПРОСЬБ

26 ноября 1984 года

Бхагаван, что Вы думаете о десяти заповедях Моисея? Есть ли у Вас какие-нибудь заповеди для нас?

Моисей - один из самых харизматических лидеров, известных миру, но он не религиозный человек.

Он законодатель. Но быть законодателем - это одно, а быть религиозным человеком - совершенно другое. Он решает, что хорошо, что плохо для его людей.

Но хорошо и плохо - это не вечные понятия. В один момент что-то хорошо, в следующий момент это не хорошо. Что-то хорошо в одном контексте, а в другом контексте это может стать своей прямой противоположностью.

Законы мертвы. Раз вы определили их, они стали фиксированными. Они не изменяются вместе с контекстом, с ситуацией, со временем. Они не могут меняться, они - не живые существа.

Моисей выводил своих людей из рабства, давал им великую надежду на будущее, воодушевлял их, но не мог сделать их религиозными. И так как он не мог сделать их религиозными, он был вынужден заменить религию законами. Законы - плохая замена сознательности. Но когда сознательности нет, ничего не остается, как издавать законы и следовать законам.

Почему Моисей не смог сделать своих людей религиозными? Он сам не был религиозным человеком. Его встреча с Богом - не что иное, как галлюцинация. Бог не существует, поэтому те, кто повстречались с Богом, повстречались со своим воображением. Скитаться по горячей, обжигающей дикой пустыне годами; голодать, испытывать жажду; люди умирают, умирают их надежды... кажется, нет конца этому поиску земли обетованной.

Он взошел на гору подумать, поразмышлять, помолиться Богу. Он был, должно быть, в безнадежной ситуации. Люди спрашивали - и не было ответа, они спрашивали: «Где обещанная земля? Похоже, что у тебя нет и понятия, где она. Ты оторвал нас от корней. Конечно, мы были рабами, но, по крайней мере, мы жили. Теперь мы умираем».

Люди выбирают рабство по той простой причине, что если альтернативой является смерть, то лучше быть рабом. По крайней мере, можно жить, и есть вероятность когда-нибудь освободиться от рабства. Но когда вы мертвы, вероятность исчезает. Так что ничего плохого нет в том, чтобы выбирать рабство, когда альтернативой является смерть.

Моисей вывел своих людей из рабства, дал им самые разные мечты, и эти мечты постепенно начали превращаться в пыль пустыни. Проходили дни, проходили месяцы, проходили годы, и люди умирали так, как этого еще никто не видел. Сорок лет он скитался по пустыням Ближнего Востока. За сорок лет из каждых четырех человек трое умерли. Не стало трех четвертей

первоначального народа; и те, кто еще оставались, не могли сказать, что они живы. Эти сорок лет были таким страданием, что было бы намного лучше, если бы они умерли. Они были, как скелеты.

Естественно, Моисей испытывает огромную муку, великую боль. Он не думал, что случится такое. Он не обманывал своих людей; он был искренним с ними, его намерения были добрыми. Не было другого пути вывести этих людей из египетского рабства, если не дать им великой надежды.

Но такое случалось со всеми великими лидерами. Когда они добиваются успеха, потом наступает момент их неудачи.

Такое случилось в Индии. Махатма Ганди вел страну сорок лет и заставил людей поверить в свои слова: «Когда наступит независимость, все ваши проблемы будут решены. Не будет нищеты, не будет страданий, не будет мятежей, не будет насилия. Эти индо-мусульманские мятежи, в которых тысячи людей погибают, сжигаются заживо, порождены британским правлением». Легко все свалить на британское правление. Вы страдаете, потому что вы в рабстве. Вы бедны, потому что вас эксплуатируют. Вы не можете жить уважаемой жизнью, потому что вы под каблуком Британской Империи. Люди поверили ему, точно так же, как евреи поверили Моисею. Они последовали за ним. Независимость наступила... и это был великий момент неудачи для Махатмы Ганди, поскольку не так просто устранить все свои проблемы, лишь освободившись от британского правления.

Вашим проблемам миллионы лет. Британцы же были в Индии только триста. До этого вы были бедны, голодны, необразованны. В действительности Британская Империя делала все для поднятия стандарта жизни в Индии. Она внедрила самые разные технологии, науки. Она ввела медицину, школы, но никто не думает об этом. Кто будет благодарить человека, поработившего вас? Они - причина всех мятежей, всех убийств, всех кровопролитий.

Поэтому люди ждали: «Когда уйдут британцы, мы впервые заживет как люди: не будет бедности, жизнь будет устлана розами. Но жизнь не только не осталась такой же, она стала хуже, поскольку британские правители знали, как править. За триста лет они создали систему контроля, систему сохранения дисциплины. Теперь вместе с ними все это исчезло. А люди, пришедшие к власти, не имели понятия о том, что такое власть. Что делать с властью? Как пользоваться ею? И неожиданно возник потрясающий взрыв насилия, которого до этого не знала Индия, может быть, не знала и ни одна другая страна.

Ганди был полностью сокрушен. Вот британцы ушли, а насилия в миллион раз больше, ведь у британцев была определенная дисциплина, власть, и они справлялись со страной триста лет. Теперь не было никого; каждый был свободен делать то, что хотел. Тысячи людей были убиты, сожжены; сжигались поезда, останавливались и просто поджигались, и никому не разрешалось выходить из поезда. Поджигались дома. Вся страна была в хаосе. В Пакистане убивали индусов. В Индии убивали мусульман. И лидеры не знали, что делать. Сам Ганди сказал: «Теперь никто не слушает меня». А он был абсолютным лидером людей на протяжении сорока лет. Его голос был голосом страны. И теперь он говорит: «Никто не слушает меня. Я стал фальшивой монетой, бесполезным человеком».

До обретения Индией независимости он говорил, бывало, что хотел бы прожить сто двадцать

лет, поскольку после наступления независимости будет настоящая жизнь; а сейчас - что за жизнь? Но когда страна стала независимой, она вся запылала в огне, повсюду были насилие, разрушение, даже его сторонники, самые надежные сторонники, больше не слушали его. Впервые он сказал: «Теперь я не хочу жить до ста двадцати лет». Может быть, когда Натхурам Годзе выстрелил в него, он почувствовал освобождение, поскольку нес тяжелый груз. Он не мог показать людям своего лица; у него не было ответа.

Такая же проблема встала и перед Моисеем. Он пошел в горы только потому, что хотел уйти от толпы, ведь они постоянно мучили его, спрашивали его: «Где обещанная земля? Мы не видим никакой земли обетованной. Проходят дни, мы не встречаем никакого оазиса. Люди умирают от жажды, и если нам встречается оазис, то совсем непросто найти пищу». Ведь они все были бедными людьми, у них не было денег, они были рабами. Им нечем было платить, все, что они несли с собой... так, какая-то мелочь. Стоит запомнить караван Моисея. Что несли с собой люди? Кто-то вел своего осла, кто-то тащил повозку, кто-то нес пару глиняных горшков, немного одежды... Не было ничего ценного. У них ничего не было. И по пути они продавали все, что несли с собой, - всю эту мелочь они продавали за хлеб.

Моисей испытывал, должно быть, ужасную боль. Никто не подумал об этом. Я никогда не встречал ни одной еврейской книги, в которой бы содержалось размышление о ситуации Моисея. Он отправился в горы не для того, чтобы медитировать, - это великая роскошь; Моисей не мог себе ее позволить, то было не время для медитации, - он отправился, чтобы просто убежать от этой толпы, посидеть немного и обдумать план. Что-то нужно было делать, иначе бы он нес ответственность за смерть целой нации. И он ведь обещал им...

Помните всегда, вот так работает человеческий ум: когда вы начинаете обещать, вы забываете, что есть предел; не надо преувеличивать. Ум очень легко начинает преувеличивать. Он наслаждается преувеличением. Он преувеличивает двумя путями. Всего лишь небольшая боль, а он создает вокруг нее такую суматоху. Всего лишь небольшое страдание, а он становится величайшим страдальцем мира. Всего лишь небольшое удовольствие, а вы уже на вершине целого мира, как будто никто другой не знает, что такое удовольствие. Вы влюбляетесь в женщину и думаете: «Такой любви никогда не было и никогда не будет. Наша любовь уникальна». Так случается повсюду, и каждый думает: «Наша любовь уникальна».

Ум все преувеличивает, усиливает - он усилитель, и вы верите ему.

У людей Моисея были настоящие проблемы. И здесь не было преувеличения. Уже невозможно было утешать их дальше: «Подождите еще немного, мы приближаемся, приближаемся». Казалось же, что они удаляются, удаляются. Не было видно ни единого признака того, что они приближались. В этом состоянии муки, в обжигающе горячей пустыне, на горе, - а на горе еще жарче, поскольку на горах в пустыне не растут деревья, не растет зелень, — там, на горе, у него возникает галлюцинация. При таком состоянии ума у любого возникнет галлюцинация.

Он начинает разговаривать с Богом. Его человеческий ум не находит ответа. Это состояние галлюцинации: он видит сон с открытыми глазами. И он верит, что Бог дает ему совет, десять заповедей: «Вот эти десять правил. Иди к своим людям и дай им эти десять заповедей. Если они будут следовать этим десяти заповедям, все будет хорошо». Его галлюцинация - это не религиозное переживание. Прежде всего, нет Бога. Даже если есть, то он не говорит на древнееврейском. Как это вы подумали, что Бог - еврей? Если Бог есть и он узнает, что вы

называете его евреем, как вы думаете, будет он счастлив? Но Бога нет вообще, так что нет и этой проблемы.

Галлюцинации возникают не только у Моисея; другие религиозные лидеры - конечно, так называемые религиозные лидеры - испытывали то же самое. Он приходит и с великой уверенностью говорит своим людям: «Бог дал нам десять заповедей. Вы найдете землю обетованную только в том случае, если вы живете правильно, исполняя волю Бога. Но сначала вы должны стать достойными этого».

Вот хорошая стратегия. Эти бедные люди и не могут стать достойными исполнения этих десяти заповедей, и не могут спросить снова: «Где же обетованная земля?» Я не думаю, что он был политиком, но кто знает, это хорошая политическая стратегия - дать людям определенную идею: «Исполняйте; а если не исполните, тогда вся ответственность ляжет на вас, меня вы не сможете обвинять. Я заранее предупредил вас, что эти десять заповедей необходимо исполнить».

А эти десять заповедей не могут быть исполнены ни одним нормальным человеческим существом.

Сама их структура такова, что, как вы сами убедитесь, она идет против ваших естественных инстинктов, вашей биологии, вашей психологии, вашей физиологии. И скорее всего, чем обвинять лидера, вы начнете сами испытывать чувство вины, ведь это из-за вас обетованная земля оказывается недостижимой.

Я не думаю, что Моисей вообще был религиозным человеком. Он великий революционер и, конечно, обаятельный лидер, человек не среднего калибра, величественный. Не просто держать людей в скитаниях по пустыне на протяжении сорока лет и при этом поддерживать в них живую надежду. Это была великая стратегия, сознательная или бессознательная. Мне кажется, что она была бессознательной. Ему точно казалось, что с ним разговаривал Бог, что он видел Бога, что эти десять заповедей от него. И, дав эти десять заповедей евреям, он снова доказал, что евреи - избранный Богом народ.

Вы спрашиваете меня, есть ли у меня какие-нибудь заповеди для вас?

Прежде всего, для меня само слово заповедь (по-английски «заповедь» - commandment) безобразно. Оно хорошо для командира в армии. Само слово означает, что вы должны подчиняться. Не должно возникать вопросов, заповедь не подлежит сомнению. И заповедь идет от Бога - вы должны исполнять ее. И заповедь от Бога дает Моисею власть держать этих людей в спокойствии, в дисциплине, под его правлением.

Я не командир, и я не хочу, чтобы кто-нибудь был под моей властью.

Я не представляю никакого Бога, каким бы он ни был, иудейским, индусским, мусульманским, христианским. Я не являюсь ничьим представителем.

Я представляю просто себя. И авторитет, который у меня есть, мой собственный.

Я могу авторитетно сказать вам, каково мое переживание, но я не могу быть авторитарным с

вами. Заметьте разницу: все, что я говорю, я говорю от авторитета моего собственного переживания. Но с вами я не авторитарен.

Если я говорю: «Верьте мне, - тогда я становлюсь авторитарным с вами. Не сомневайтесь во мне... Если верите, то рай - ваш. Если сомневаетесь, попадете в ад».

Я не обещаю вам никаких небес. Я не пугаю вас никаким адом.

Да, мои слова несут присущий им авторитет, но они не авторитарны. Они не поработают вас.

Поэтому, конечно, я не могу давать вам никаких заповедей. Это оскорбляло бы вас, это унижало бы вас. Это отняло бы у вас вашу целостность, вашу свободу, вашу ответственность. Нет, я не могу совершить такого преступного деяния.

Я могу попросить вас, я могу пригласить вас разделить со мной мое переживание. Я могу стать для вас гостеприимным хозяином, а вы будете моими гостями. Это приглашение, приветствие, - но не заповедь.

Какие просьбы я могу обратиться к вам? Это будет выглядеть немного странно, поскольку Моисей, Иисус, Мухаммед, Кришна, Махавира, Будда - никто не обращался к вам с просьбами. У них для вас были только приказы: «Следуй или попадешь в ад». Они не дают вам даже шанса подумать. Они сокращают само ваше существование, само ваше существо, сводят его до состояния объекта. Они сокращают вас до номера расчета в армии. Они не уважают вашу индивидуальность. Поэтому я вижу что-то нерелигиозное во всех этих людях. Они особенные; он особенный потому, что видел Бога своими собственными глазами... Как же вы можете быть равны ему? По какому праву вы задаете ему вопросы? Он видел самого Бога, разговаривал с ним. Он принес вам послание; он посланник.

Он - единственный рожденный сын. Что вы с этим можете сделать? Вы не можете быть равными Иисусу. Все, что вы можете, - это следовать, имитировать, быть в психологическом рабстве, которое опаснее любого другого рабства.

Экономическое рабство - ничто по сравнению с рабством психологическим.

Я вспоминаю Диогена. Я люблю этого парня, Диогена, по той простой причине, что он не заявляет никакого авторитета от лица Бога. Он не дает никаких приказов, заповедей, наставлений другим. Он жил голым - не по какой-нибудь религиозной причине, не для того, чтобы попасть на небеса; он совсем не беспокоился о небесах и аде. Он жил обнаженным, потому что говорил: «Я таким родился. Таким меня захотела природа. Почему я должен быть другим? Я собираюсь быть просто естественным».

Однажды случилось так, что он пошел на реку. Он в то время носил с собой чашу для подаяний, в которую складывал пищу или наливал воду. Он бежал к реке - ему хотелось пить, - а рядом с ним бежала собака, которая добралась до реки раньше и начала пить. Диоген сказал: «Великолепно. Эта собака гораздо более независима, чем я». Он выбросил свою чашу в реку и сказал собаке: «Учитель, ты действительно показал мне способ. Я носил с собой этот груз напрасно».

Несколько воров схватили его: в те времена людей хватали и продавали в рабство, а он выглядел для этого вполне заманчиво. Он был очень здоровым человеком и имел, определенно, выразительную внешность. Воры были уверены, что получат за него большие деньги, если смогут удержать его. Их было трое, а он - один, но они не были уверены, что даже втроем смогут одолеть его. Он мог бы убить всех троих. Они пошли за ним, колеблясь, попытаться ли им осуществить свою идею или отказаться, от нее, поскольку Диоген выглядел опасным. И кто знает, может быть, он был сумасшедшим, ведь он ходит голым и так радуется, а радоваться-то ему нечему.

Диоген услышал, о чем они думают и говорят, и сказал:

«Не беспокойтесь. Вы хотите украсть меня? Вы хотите продать меня на рынке?»

Они были потрясены. Они сказали: «Вот проблема. Если мы скажем да, он бросится на нас».

Но Диоген ответил: «Не бойтесь. Я сам собираюсь на рынок. Вы можете пойти со мной и можете продать меня. Я знаю только одно: никто не может сделать меня рабом. Так что вы получите деньги и будете счастливы. А я знаю точно, что никто не может сделать меня рабом. Так зачем мне беспокоиться? Пойдем со мной».

Они не смогли даже сказать: «Мы не хотим идти с тобой», - поскольку этот человек выглядел так странно, он мог заставить их силой идти вместе с собой. Поэтому они сказали: «Хорошо, если ты так говоришь, мы пойдём». Он пошел впереди, а они за ним, и он выглядел, как император, а они - как рабы.

Когда они добрались до рынка, где торговали рабами, он поднялся на платформу, куда обычно ставили рабов, чтобы люди могли рассмотреть их со всех сторон, измерить, взвесить, заглянуть в зубы, - точно так же, как покупают лошадь или быка, - они щупали мускулы, сильный раб или слабый, молодой или старый. Но эти три вора не могли сказать Диогену: «Пожалуйста, поднимись на платформу». Он сам забрался на нее, и то, что он сказал с платформы, стоит запомнить. Он сказал: «Послушайте!» - так громко, что весь рынок смолк, видя голого человека и такого здорового, такого прекрасного, такого пропорционального. Они никогда не видели такого раба.

На всем рынке установилась полная тишина, все люди собрались там, и Диоген сказал: «Впервые продается хозяин. Любой раб из вас может купить хозяина. Но помните, вы покупаете хозяина». Те три вора спрятались в толпе, поскольку подумали, что толпа может разгневаться, их могут схватить; «Это вы привели сюда этого человека».

Но одному богачу эта идея очень понравилась. Человек говорит: «Продается хозяин; любой раб может купить его». Богач спросил: «Кому ты принадлежишь?»

Диоген сказал: «Я, конечно, принадлежу себе, но я обещал этим трем вора, поэтому деньги пойдут им. Они прячутся где-то здесь. Они шли за мной. Я, на самом деле, заставил их прийти сюда - на полпути они пытались сбежать, да и сейчас они пытаются затеряться в толпе. Их трое. Вам нужно будет отдать деньги этим людям. А я пойду с вами. В том, что касается принадлежности, то я принадлежу себе, и никто другой не может владеть мною».

Богач сказал: «Мне это подходит. Я не возьму тебя как раба. Я приму тебя как хозяина. Достаточно твоего пребывания в моем доме, твоего присутствия». Ворам заплатили. Диоген вступил на колесницу богача, и тот вел себя в точности так, как если бы он был рабом, а Диоген - хозяином.

Этот эпизод описывает определенное явление: если вы по-настоящему независимы психологически, то никто не может сделать вас рабом. Да, вас могут убить, но никто не сможет сделать вас рабом.

И все эти люди, отдававшие заповеди, наставления, показывавшие, как жить, как есть, как одеваться, что делать, чего не делать, - все эти люди так или иначе стараются сделать вас психологическими рабами. Я не могу называть таких людей религиозными.

Для меня религия начинается с психологической свободы.

Я не могу давать никаких заповедей, но я могу обратиться к вам с некоторыми просьбами. До сих пор никто не делал этого, поэтому это может показаться немного не от мира сего, но что я могу поделать? Я могу обратиться к вам с некоторыми приглашениями.

Моя первая просьба, или приглашение, такова: не позволяйте умирать своему сомнению.

Это самое драгоценное, что у вас есть, поскольку когда-нибудь сомнение поможет вам открыть истину.

Все эти люди говорят: «Верь!» Их первое усилие направлено на то, чтобы разрушить ваше сомнение. Начните с веры, поскольку если вы не начинаете с веры, то на каждом шагу у вас будут возникать вопросы.

Поэтому я хотел бы, чтобы моей первой просьбой к вам было: сомневайтесь, пока не откроете. Не верьте до тех пор, пока не узнаете сами.

Раз вы верите, вы никогда не сможете узнать сами. Верование - это яд, самый опасный яд; ведь оно убивает ваше сомнение. Оно убивает ваши вопросы. Оно отнимает у вас ваш самый точный инструмент.

Все, что достигла наука за триста лет, все это - благодаря сомнению. А за десять тысяч лет религия не достигла ничего - из-за веры.

Вы можете видеть, всякий, у кого есть глаза, может видеть, сколь многого достигла наука, несмотря на все препятствия со стороны религиозных людей. В чем была основная сила науки? В сомнении.

Сомневайтесь, все время сомневайтесь, пока не дойдете до точки, где больше не сможете сомневаться. А вы не сможете больше сомневаться только в том случае, если узнаете что-то сами. Тогда не будет вопроса о сомнении, не будет способа для сомнения. Такова моя первая просьба.

Моя вторая просьба: никогда не имитируйте.

Ум - это имитатор, ведь имитация - это так просто. Быть кем-то очень трудно. Стать кем-то очень легко: все, что для этого нужно, — это быть лицемером, что не представляет собой большой проблемы. Глубоко внутри вы остаетесь теми же самыми, но на поверхности - вы все время раскрашиваете себя согласно какому-то образу.

Христианин старается стать похожим на Христа - это и означает слово «христианин». Вы хотели бы уподобиться Христу. Вы на пути к нему, может быть, еще далеко, но все же движетесь помаленьку. Христианин означает человека, который старается помаленьку стать Христом, мусульманин (по-английски «мусульманин» - Mohammedan) означает человека, который старается стать Мухаммедом. Но, к сожалению, это невозможно; этого нет в самой природе вещей. Вселенная создает только уникальные существа. У нее нет понятия о копиях, дубликатах, ксероксах; существование не имеет понятия об этом - только оригиналы.

И каждая индивидуальность настолько уникальна и оригинальна, что стараться стать Христом - значит совершать самоубийство. Стараться стать Буддой значит совершать самоубийство.

Поэтому вторая просьба такая: не имитируйте. Если хотите знать, кто вы, пожалуйста, избегайте имитации, имитация - способ избежать познания себя.

Мне всегда нравилось одно высказывание Фридриха Ницше, и я, как и сейчас, во многих случаях находил его загадочно верным. Ницше говорит: «Первый и последний христианин умер две тысячи лет назад, на кресте». Первый и последний... Все остальные просто косные, неумелые люди. Они всеми способами стараются быть христианами, а это совершенно невозможно. Существование и его законы не позволяют этого.

Вы не можете изменить законы вселенной.

Вы можете только быть собой и ничем другим.

И это прекрасно - быть собой.

Все оригинальное имеет красоту, свежесть, аромат, живость. Все имитируемое мертво, тупо, фальшиво, искусственно.

Вы можете притворяться, но кого вы обманываете? Кроме себя вы не обманываете никого. И какой смысл обманывать? Что вы выиграете от этого?

Те же религиозные люди, Моисей, Махавира, Будда, те же религиозные люди говорили вам, что если вы будете имитировать в точности так, как предписано ими, то вы достигнете великого наслаждения на небесах, в раю. Все они как-то усиливали вашу алчность, вождление. Они говорят об отсутствии желаний, - но ради чего? Видите ли вы противоречие, присущее всем религиям? Они говорят: «Отбросьте желания, так вы достигнетерая». А что это такое, не желать? Это величайшее желание. И какие другие желания вы отбрасываете ради этого? Носить красивые одежды - отбросить. Иметь прекрасный дом - отбросить. Есть хорошую еду — отбросить. Все это желания. Все это мелочи, а что вы получите взамен? Целый рай.

Эти люди не учат вас отсутствию желаний. Напротив, они дают вам, как предмет сделки, великое желание — вам нужно лишь отбросить ваши маленькие глупые желания. И из-за этого

великого желания вы готовы имитировать, ведь это единственный способ исполнить его. Вы готовы имитировать. Тысячи людей живут, даже сейчас, по наставлениям Будды. Может быть, они хороши для Гаутамы Будды, он, должно быть, радуется им; я не спорю. Но сам он никого не имитировал, этого вы совсем не видите. Старался ли Иисус имитировать кого-либо? Если у вас есть немного разума, совсем немного разума, этого довольно. Не нужно быть гением, чтобы понять этот простой факт. Кого имитировал Христос? Кого имитировал Будда? Кого имитировал Лао-цзы? Никого. Вот почему они расцвели. А вы имитируете.

Первое, что нужно понять, это то, что отсутствие имитации - один из фундаментов религиозной жизни.

Не будьте ни христианином, ни мусульманином, ни индусом - тогда вы сможете открыть, кто вы есть. До этого открытия вы уже покрыли себя всеми видами ярлыков и потом все время читаете эти ярлыки и думаете, что это вы: вы мусульманин, вы христианин. Эти ярлыки наклеены на вас вами самими или вашими родителями, вашими доброжелателями. Они все ваши враги. Всякий, кто пытается извлечь вас из вашего бытия, - ваш враг.

Это мое определение: всякий, кто помогает вам остаться, - какова бы ни была цена, каковы бы ни были последствия, - решительно оставаться самими собой, тот ваш друг.

Я - не мессия, и я - не пророк. Я только друг, а друг не может сделать то, что вы просите. Какие заповеди я могу дать вам? Нет, никаких. Я не могу сказать вам, что делать и чего не делать. Я могу только объяснить вам, что или вы можете быть собой, или вы пытаетесь притворяться кем-то другим. Пытаться и притворяться проще, поскольку так вы и действуете.

Как вы думаете, хорошо ли в фильме лорда Аттенборо Ганди играет человек, представляющий Ганди? Он играет очень хорошо; он выглядит очень похожим на Ганди. Аттенборо вынужден был объездить весь мир, чтобы найти человека, похожего на Ганди. Это было очень трудно, а этот человек просто зашел в офис, - и Аттенборо сказал: «Как? А я искал повсюду». То был просто бедный актер из одного маленького театра. Он похож на Ганди, носит одежды, как у Ганди, ходит, как Ганди, говорит, как Ганди, что же еще нужно? Но вы что думаете, он стал Ганди? Иногда он действовал даже лучше Ганди, ведь Ганди все делал впервые, а он во второй раз. У него была возможность отбросить все ошибки и погрешности. Он мог исправиться. Случилось так...

Друзья Чарли Чаплина на его пятидесятилетие устроили особые приготовления для празднования. По всей Англии были приглашены люди играть роль Чарли Чаплина. Их выбирали по деревням. Потом были состязания следующего уровня, по округам, потом следующие состязания, уровнем еще выше. И наконец финальное состязание состоялось в Лондоне. Чарли Чаплин был шутником, он сказал: «Подходящее время, чтобы разыграть шутку». Поэтому он с задней двери вступил в состязание. Но шутка обернулась против него - он стал вторым! Кто-то другой стал первым. Судьи не узнали, что Чарли Чаплин играл сам себя; то, что он оказался вторым, стало известно позже. Кто-то другой преуспел больше в том, чтобы быть Чарли Чаплином.

Поэтому возможно, что христианин пройдет немного дальше Христа, буддист пройдет немного дальше Будды. Но это все игра, вы лишь так действуете; это не ваше существо. Держите дистанцию между существом и деланием. Вы без проблем можете делать что-то против своего

существа. Существо очень терпеливо, очень спокойно и тихо; оно не тревожит вас. Если вы хотите играть чью-то роль, оно позволит вам.

Этот человек, оказавшийся лучше Чарли Чаплина, все же знает, что он не Чарли Чаплин. Его бытие - это его бытие; он просто играл. И когда он узнал, что обошел самого Чарли Чаплина в том, чтобы быть Чарли Чаплином, он не мог поверить этому. Он извинился перед Чарли Чаплиным: «Простите меня, у меня не было и понятия о том, что вы были в этом состязании».

Чарли Чаплин сказал: «Я думал разыграть шутку, но сам стал посмешищем. Но вы открыли великую истину, что игра и бытие - две разные вещи».

Но в обычной жизни вы не играете роль христианина, вы начинаете думать, что вы христианин. Медленно, медленно, медленно, обусловленные обществом, родителями, образованием, вы становитесь христианином. Вы полностью забываете, что не родились христианином. И вы полностью забыли, в чем ваш потенциал. Вы двигались прочь от направления, в котором мог лежать ваш потенциал. Вы ушли очень далеко, вам нужно вернуться назад.

Когда я говорю это людям, это ранит. Но я не могу делать иначе. Вы прошли многие мили в бытии христианином; вам нужно возвращаться многие мили назад, и это будет трудной задачей. И если вы не вернетесь в ту точку, от которой вы отклонились, вы не сможете никогда открыть себя, а это все, что должно быть открыто.

Моя третья просьба такова: остерегайтесь знания. Стать знающим так мало стоит. Везде можно найти священные книги, везде есть библиотеки, университеты; так легко стать знающим. А раз вы стали знающими, вы стали очень уязвимыми, поскольку теперь эго хочет верить, что это - ваше знание, и не просто знание, но и сама ваша мудрость. Эго хочет выдать знание за свою собственную мудрость. И вы начинаете верить, будто действительно знаете.

Вы не знаете ничего. Вы знаете только книги и то, что в них написано. Наверное, и книги эти написаны такими же людьми, как вы. Девяносто девять процентов книг написаны другими читателями. На самом деле, если вы прочли десять книг, ваш ум настолько переполняется всяким хламом, что вам хочется вылить все это в одиннадцатую. Что еще вы с ним будете делать? Вам же нужно будет разгрузить себя.

Число книг продолжает расти. Каждый год на каждом языке выпускается тысячи и тысячи книг. Опасность никогда не была так велика, как сегодня, поскольку никогда раньше знание не было так легко доступно вам - через все виды средств массовой информации. Теперь есть не только книга; вы можете получать знания из газеты, из журнала, по радио, по телевидению, и все эти источники становятся все более и более доступными. Опасность становится еще сильнее.

Я был профессором в двух университетах и наблюдал сотни профессоров. Это самое снобистское племя в мире. Профессор думает о себе, что является представителем другой породы, - ведь он знает. И что же он знает? Лишь слова, а слова - это не переживание. Вы можете все время повторять слово любовь, любовь, любовь, миллионы раз; но это не даст вам вкуса любви. Если вы прочтете книги о любви, а о любви тысячи книг, романов, поэм, рассказов, исследований, диссертаций, то узнаете о любви так много, что забудете, что сами-то никогда не любили, что не знаете, что есть вся эта любовь, - но вы знаете все о любви, знаете все, что написано в книгах.

Поэтому третье: остерегаться знания, быть бдительным к тому, чтобы в любой момент вы могли отложить свое знание в сторону, чтобы оно не закрывало вам видения. Его не должно быть между вами и реальностью. Вы должны идти в реальность предельно обнаженными. Но если между вами и реальностью так много книг, тогда все, что вы видите, - не реальность. Реальность, пока она достигнет вас, будет разрушена вашими книгами, она уже не будет иметь ничего общего с реальностью.

Четвертое... Я не буду говорить «молитесь», поскольку нет Бога, которому молиться. Я не могу говорить, как это делают все религии, что молитва сделает вас религиозными. Она даст вам ложную религиозность, поэтому в моей религии слово молитва полностью отброшено. Бога нет, поэтому разговаривать с пустым небом - предельная глупость. Есть опасность в том, что вы начнете слышать голоса с неба и выйдете за пределы нормы. Тогда вы станете ненормальными. Тогда вы будете больше не в состоянии что-либо делать, вам нужно будет психиатрическое лечение.

Поэтому, пока этого не случилось - пока Бог не ответил вам, - пожалуйста, не просите. Ведь это в вашей власти — не просить, не молиться. Бог не может заставить вас молиться и просить. Если вы молитесь, просите, настаиваете, он может ответить — вот в чем опасность. И раз вы услышали ответ, тогда вы не будете слушать никого. Тогда вас нужно заставить пройти психиатрическое лечение, иначе вы станете душевнобольными.

Мое слово, заменяющее слово «молитва», - «любовь». Забудьте слово «молитва», замените его любовью.

Любовь не к какому-то невидимому Богу. Любовь к видимому - к человеческим существам, животным, деревьям, океанам, горам. Расправьте крылья любви так широко, как только можете.

И помните, любви не нужна система веры. Любит даже атеист. Любит даже коммунист. Любит даже материалист.

Любовь - это нечто, присущее вам, а не нечто, навязанное извне. Нельзя сказать, что может любить только христианин или только индус, — это ваш человеческий потенциал. И я хотел бы, чтобы вы полагались скорее на свой человеческий потенциал, чем на ложную обусловленность христианства, иудаизма, индуизма... Не несите их с собой, но несите с собой любовь, это частица вашего бытия - любовь без всякого запрета, без всякого табу.

Все эти религии наложили на любовь табу. Можно понять их стратегию. Стратегия такова, что если любовь находится под запретом, то ваша энергия любви начинает двигаться к молитве. Это просто: вы блокируете путь любви, она находит, другой путь. Вы заблокировали ей путь к реальности, она постарается достичь нереального. Вы заблокировали человеческие возможности, она испытает что-нибудь воображаемое, какую-нибудь галлюцинацию.

Все религии против любви, потому что это опасно: если человек входит в любовь, он может перестать думать о церкви, храме, мечети, священнике. Почему он должен думать? Он может совсем не думать о молитве, ведь он знает что-то более существенное, что-то, дающее большую пищу. Он знает что-то более основательное, зачем ему обращаться к мечтам?

Только подумайте о следующем: попуститесь один день и на следующее утро вспомните, о чем

вы мечтали. Конечно, вы мечтали о еде, о пире - это совершенно ясно. Только попоститесь один день, и вам это будет сниться всю ночь... Что случилось? Вы отбросили реальное, но все ваше существо хочет его. Если вы отбросили реальное, то единственное, что остается, - найти ему замену, нереальное. О чем бы вы ни мечтали, проверьте: сама эта мечта говорит о том, что вы упустили реальность. У человека, живущего в реальности, мечты исчезают. Ему не о чем мечтать, ему нечего видеть в снах. Когда он отправляется спать, он оканчивает дневную работу. Он оканчивает, и ничто не переходит в его сны.

Зигмунд Фрейд, Юнг, Адлер - все эти люди работали над сновидениями. Им следовало бы заглянуть в жизнь хотя бы одного человека, у которого исчезли сновидения, это дало бы им ключ к пониманию проблемы. Но эти люди так же глупы, как и остальные. Вы не можете себе представить, как Фрейд боялся приведений. Вы так не боитесь их.

Юнг был исключен из психоаналитического движения по той простой причине, что он верил в приведения. Однажды, когда Зигмунд Фрейд и Юнг сидели в гостиной у Фрейда, Юнг начал говорить о приведениях. Он очень интересовался приведениями. И как раз когда он начал говорить о приведениях, в шкафу раздался сильный взрыв. Фрейд упал со стула и сказал: «Я говорил вам много раз: упомяните о дьяволе, и он тут как тут, - а вы не слушаете». Даже Юнг был потрясен. Они открыли шкаф; там ничего не было. Откуда взялся этот звук, как будто взорвалась бомба? Он закрыл шкаф и снова сел. Они снова начали говорить о приведениях, ведь как можно остановиться после такого переживания? И снова последовал взрыв! Это был конец. После этого Фрейд никогда не виделся с Юнгом.

Фрейд так сильно боялся смерти, что с ним нельзя было говорить об этом. Его учеников предупреждали, особенно новеньких, никогда не упоминать слово «смерть». Дважды случилось так, что люди упоминали что-то, связанное со смертью, и он падал в припадке, терял сознание. Он так сильно боялся смерти, что даже слова «смерть» было достаточно для того, чтобы он потерял сознание. И эти люди создали психоанализ, это ваши великие ученые в области ума.

Юнг боялся мертвых тел. И это естественный закон: то, чего вы боитесь, тем вы и восхищаетесь. Поэтому он хотел отправиться в Египет посмотреть на древние мумии, эти мертвые тела, хранившиеся в пирамидах, а теперь находящиеся в египетском музее. Много раз он хотел отправиться. Заказывались билеты, иногда он добирался до аэропорта, но начинал нервничать, так нервничать, так дрожать, что возвращался обратно - прерывал путешествие. Он никогда так и не смог добраться до Египта. Он предпринял дюжину попыток и всякий раз начинал нервничать. Сама мысль увидеть мертвое тело возрастом три, четыре, пять тысяч лет выводила его из нормы.

Эти люди не знали ни одного человека, у которого исчезли сновидения. Например, я не могу видеть сны, даже если захочу; это невозможно. Я пытался, но у меня не получалось. Я пытался много раз, придумывал их, ведь нет книг, где говорилось бы о том, как создать сновидение, поэтому я придумывал их по-своему. Я отправляюсь спать, думая о чем-нибудь, представляя что-нибудь в зрительных образах, так чтобы это осталось во сне и стало бы сновидением. Но когда наступает сон, эти зрительные образы исчезают. Сон есть, но того, что я представлял себе, нет.

Если вы живете реальной жизнью подлинно, искренне, полно, сновидения прекращаются. Если вы любите, вы никогда не подумаете о молитве, поскольку знаете реальное - зачем же вам следовать за нереальным, за псевдо? А все эти религии знали только одно: прекратите реальное,

вам нужно следовать за нереальным.

Пятое, что я хотел бы сказать вам: живите от мгновения к мгновению - в каждый момент умирайте для прошлого. С ним покончено. Не нужно даже отмечать, хорошим оно было или плохим. Нужно знать только одно: с ним покончено, его больше нет. Его больше не будет... ушло и ушло навсегда; зачем теперь на него напрасно тратить время?

Никогда не думайте о прошлом, поскольку вы растрчиваете настоящее, которое является единственной реальной вещью в ваших руках. И никогда не думайте о будущем, поскольку никто не знает, что будет завтра, как будет завтра, как все повернется, где вы приземлитесь, - вы не можете себе представить этого.

Думаете ли вы о том, что случится с нашей коммуной? Думали ли вы когда-нибудь, что мы осядем в Орегоне, в Америке? Мне кажется, что вряд ли кто-нибудь даже в сновидениях, в мечтах, в галлюцинациях думал об Орегоне. Но мы приземлились здесь. Так случается каждый день. Вы не замечаете этого: вчера вы напрасно тратили время, думая о сегодняшнем дне, а он повернулся не по вашим мыслям и планам, и теперь вы волнуетесь, зачем напрасно тратили время, - и снова вы тратите его напрасно.

Оставайтесь в мгновении, истинно в мгновении, предельно здесь и сейчас, как если бы не было вчера и не будет завтра, - только тогда вы сможете быть полностью здесь и сейчас.

И эта полнота пребывания в настоящем соединяет вас с существованием, поскольку существование не знает прошлого, не знает будущего. Оно всегда здесь и сейчас.

Существование знает только одно время - настоящее. Язык образует три времени и создает в вашем уме три тысячи напряженных состояний.

Существование знает только одно время, и оно - настоящее, и оно - совсем не напряженное состояние, оно - предельное расслабление.

Когда вы полностью здесь, вчера не тянет вас назад, завтра не тянет вас куда-то еще, вы полностью расслаблены.

Для меня быть в мгновении - это медитация, предельное пребывание в мгновении. И тогда все так прекрасно, так благоуханно, так свежо. Ничто не стареет. Ничто никуда не идет.

Это мы приходим и уходим; существование остается, как оно есть. Это не время проходит, это мы приходим и уходим. Но вот заблуждение: вместо того, чтобы увидеть, что это мы проходим, мы создали великое изобретение, часы, - и теперь время проходит.

Только подумайте, если бы на Земле не было человека, проходило бы время? Вещи еще есть, океан еще набегаёт на берег, разбивая свои волны о скалы. Солнце всходит, солнце садится, но нет утра, нет вечера. Нет времени как такового. Время - это изобретение ума, в своей основе время существует только тогда, когда есть вчера и завтра; настоящее мгновение - это не часть времени.

Когда вы просто здесь, просто сейчас, времени нет. Вы дышите, вы живете, вы чувствуете, вы

открыты для всего, что происходит вокруг.

Вы религиозны, когда каждое ваше мгновение становится медитацией.

Вот эти пять просьб к вам.

Беседа 29

Я УЧУ ВАС БЛАГОГОВЕНИЮ ПЕРЕД ЖИЗНЬЮ

27 ноября 1984

Бхагаван,

Моисей дал нам десять заповедей, а Вы говорили только о шести просьбах; не будете ли Вы любезны дополнить список до десяти?

Кажется, я никогда не был способен выучить арифметику. Может быть, уже слишком поздно. Я думал, что высказал вам только пять просьб, но если я высказал шесть, тогда, конечно, я должен дополнить список до десяти. Почему число десять кажется завершенным? За этим есть какая-то причина. Человек начал считать на своих пальцах, и поскольку у него десять пальцев, то число десять дает представление о завершенности. Пять было бы лучше; не такое завершенное, как десять, но и не такое незавершенное, как шесть.

Шесть просьб. Все религии мира без исключения давали человеку сверхчеловеческие идеалы. Они удовлетворяют эго. Вы хотели бы быть сверхчеловеческим существом, но вы существо лишь человеческое. Даже если роза захочет стать лотосом, это желание приведет к огромному разочарованию, поскольку потенциал розы - быть розой. Как может она быть лотосом?

Но все религии всеми возможными путями дают вам идеалы гораздо выше человеческих. Единственным результатом попыток быть сверхчеловеком является то, что вы упускаете возможность быть человеком.

Вместо того, чтобы достигнуть сверхчеловеческого уровня, вы в результате этих глупых усилий скорее упадете ниже человеческого уровня - станете недочеловеком.

Важно будет вспомнить Фридриха Ницше и его идею сверхчеловека. Адольф Гитлер взял эту идею у Фридриха Ницше, он пытался на свой манер создать целую расу суперменов. И создал прямо противоположное. Он создал наинизший вид человеческих существ, - но под именем суперменов. Фридрих Ницше больше, чем кто-либо другой, несет ответственность за то, что человечество пришло к такому кризису. Адольф Гитлер и люди, подобные ему, - просто пигмеи; но Ницше - гигант. Всю свою жизнь он распространял идею сверхчеловека.

Он находил поддержку в учении Чарльза Дарвина, и его логика выглядит простой, точной, оправданной. Он говорит: «Чарльз Дарвин и его теория эволюции доказывают, что однажды маленькая ветвь обезьян превратилась в человеческие существа. Масса, конечно, осталась обезьянами, но небольшая группа стала людьми». Это случилось, должно быть, миллионы лет назад - если это вообще случилось. Уверенности в этом нет. Ученые больше не соглашаются с Чарльзом Дарвином, поскольку если некоторые обезьяны превратились в человеческие

существа, то почему за миллионы лет другие обезьяны не превращались в человеческие существа? По крайней мере, некоторые из них должны были бы превратиться в человеческие существа. Но обезьяны - это обезьяны.

Мы обнаружили древние скелеты обезьян; они такие же, как и у современных обезьян, - эволюции нет. То же относится и к человеку. Самые древние скелеты, найденные в Пекине, в Китае, почти такие же, как у вас, - ничего особенного не произошло. Кажется, что эволюции нет. Может быть, у нас больше вещей, больше технологии, гораздо более высокий стандарт жизни, но сам человек - он может летать на самолете или в ракете, - но само человеческое существо точно такое же, как и в те времена, когда он вел воловью упряжку.

Может быть, вместо развития человек потерял многие качества, ведь, когда человек был охотником, у него была огромная сила. Она была нужна ему. Он сражался без всякого оружия, он обнаженным боролся с тиграми и львами. Современный человек ничто в сравнении с ним. Его жизнь была непрерывной борьбой. Мы не смогли бы выжить в такой жизни. Мы потеряли ту силу, мускулы, может быть, даже волю. Если такая ситуация возникнет снова, многим из нас будет лучше покончить с собой, чем жить голыми в джунглях и сражаться с дикими животными. Вы обнаружите, что вы слабейшее животное на Земле. Даже собака может доказать этот факт, а собака ведь больше не живет в джунглях. Она приручена. С вами она ослабела, она ведь двоюродная сестра волков. Она не может сражаться с волками, но с человеком... она без всякого труда может убить вас.

Действительно, почему человек был вынужден придумать мечи, ружья, пушки? Чтобы обеспечить замену силе, потерянной в ходе естественного развития. Вы не сможете сделать того, что может лев своими зубами. Вы не сможете сделать того, что может лев своими когтями. Вам нужно подыскать замены, которые были бы посильнее когтей льва, его зубов. И, кроме того, вы хотели бы сражаться на расстоянии - поэтому человек придумал стрелы, пули. Это способы сражаться на расстоянии, поскольку когда вы близко, то даже с ружьем в руках вы чувствуете себя слишком беспокойно. Увидев льва и услышав его рев, вы можете напрочь забыть о ружье - вы перестанете владеть собой. На расстоянии, сидя на вершине дерева, в абсолютной защищенности - лев туда не доберется, - можно стрелять во льва.

Какая произошла эволюция? Но Фридрих Ницше основал всю свою идею на теории эволюции Чарльза Дарвина. Он сказал: «Самая прекрасная сцена в моей жизни произошла тогда, когда я сидел в моем саду и по улице проходил батальон солдат: звук их башмаков сливался в гармонию, их ружья сверкали на утреннем солнце...» И Ницше сказал: «За всю свою жизнь я не видел ничего более прекрасного». Он не говорит о закате, он не говорит о восходе, он не говорит о цветах, он не говорит о полете птицы, - но о солдатах... звук их башмаков гораздо более музыкален, чем любой Бетховен или Моцарт. Сверкание их ружей на утреннем солнце для него более восхитительно, чем само солнце. Утро могло быть полно цветов и птиц, но это не подходит ему. Солдат будет сверхчеловеком.

Эта идея попала в идиотский ум Адольфа Гитлера. Очень трудно вложить идею в ум идиота, но, раз вложив, извлечь ее оттуда уже невозможно. Абсолютно невозможно. Идиот будет исполнять ее; и Гитлер исполнил ее - результатом стала вторая мировая война. Может быть, вы не думали в том направлении, что эта война была следствием философии «сверхчеловека».

Джордж Бернанд Шоу все время описывал сверхчеловека, как будто просто быть человеком - это

что-то безобразное, что-то противное, что-то, чего мы должны стыдиться. Но Бернард Шоу никоим образом не был оригинальным в этой философии. Все религии делали это на протяжении столетий, говоря вам, что вы должны превзойти себя. Такие, как есть, вы обязательно попадете в ад. Если вы не превзойдете себя, не будет вам искупления, не будет вам спасения.

Шри Ауробиндо, один из великих философов современной Индии, был также полон этого дерьма - идеи сверхчеловека. «Пришло время появиться сверхчеловеку», - и он готовил почву для появления сверхчеловека. Ауробиндо умер; сверхчеловек не появился. Сверхчеловек не появится никогда, это вымысел. Это вымысел, придуманный священником, который хочет осудить вас. Ему нужно сравнение, иначе осудить вас невозможно.

Нужно придумать что-то более высокое, превосходящее, чтобы вас можно было сравнить с этим — и низвести вас до праха.

Я хотел бы, чтобы вы запомнили мою седьмую просьбу: воспринимайте с великой радостью то, что вы человек.

Уничтожьте все идеалы, созданные для осуждения вас. Уничтожьте их, пока они не уничтожили вас. Они уже причинили человечеству достаточно вреда. Миллионы людей жили под грузом этих идеалов, раздавленные, с чувством вины, как черви.

Джайны говорят, что сверхчеловек обладает определенными качествами - их тиртханкары, их двадцать четыре сверхчеловека, уже достигли этого состояния. Я говорю вам; никто не достиг его, поскольку эти качества не могут быть достигнуты ни одним человеческим существом. Когда вы услышите об этих качествах, вы поймете, почему я так уверен... «Сверхчеловек не потеет». Для любого человеческого существа невозможно не потеть, если, конечно, он не сделан из пластика; только пластик не потеет.

Но реальное человеческое тело специально предназначено для того, чтобы потеть; потение не бесцельно. Это естественный способ поддержания постоянной температуры вашего тела. Когда вы входите в тепло и в жару, ваше тело начинает потеть. Это естественный метод кондиционирования воздуха. Тело начинает испарять накопленную воду, так что тепло работает не против вашего тела, а на испарение воды, освобождаемой телом, и ваше тело остается не затронутым, сохраняет постоянную температуру.

Потение абсолютно необходимо. Если бы вы не потели, у вас немедленно началась бы лихорадка. А интервал между вашей температурой и температурой, когда ваше тело перестает жить, не очень велик - чуть меньше семи градусов. Если тридцать шесть и шесть - ваша нормальная температура, то при температуре сорок три и три вы умрете. Интервал не очень велик; смерть всегда рядом. Потеть, вы предохраняете тело от перегрева, ведь тепло начинает действовать на воду, которую вы высвобождаете, начинает испарять ее. Оно включается в другую работу, оставляя ваше тело вне своего воздействия. Это естественная система.

Джайны говорят, что их сверхчеловеки, их тиртханкары, не испражняются, не мочатся. Ведь это делают обыкновенные человеческие существа, подобные животным, как может такой человек, как Махавира...? Невозможно представить Махавиру, сидящим в туалете. Джайны не могут представить себе этого, может быть, вы можете. Со мной вы почти испортились, но джайны не

могут представить себе Махавиру, сидящим в туалете. Невозможно! Для чего он там сидит? Все это глупые идеи, но двадцать пять столетий джайны несли эти идеи.

Иисус — это сверхчеловек. Он ходит по воде. Я слышал об одном американском христианине, который посещал святую землю. Он пришел посмотреть Галилейское озеро, где, как предполагается, Иисус ходил по воде. Лодочник, увидев американца, очень обрадовался. Он спросил американца: «Не желаете ли совершить прогулку по озеру? Это то самое озеро, по которому ходил Господь Иисус Христос».

Американец, как всякий американец, сказал: «Сначала о главном. Сколько это стоит?»

Лодочник ответил: «Немного, двадцать пять долларов за целое путешествие».

Тогда американец сказал: «Теперь я знаю, почему ходил ваш Господь. Мне не нужна эта прогулка вокруг озера. Но одно теперь мне ясно: почему он ходил по воде. Даже я не могу позволить себе потратить двадцать пять долларов на такое маленькое озеро, а этот бедный человек, разве он мог позволить себе?»

Иисус превращает камни в хлеба, превращает воду в вино, возвращает мертвых к жизни. Это качества сверхчеловека, и все это - просто вымысел. Ничего этого не было. Иисус не ходил по воде, не превращал камни в хлеба, не превращал вино в воду, не возвращал мертвых к жизни. Если он все это делал, то и папа должен бы сделать что-нибудь такое — просто в качестве примера. Не нужно превращать большие скалы, достаточно маленькой скалы... вы ведь представитель Иисуса, он поможет вам. Ваша неудача - это его неудача.

И никто не думает о том, что если Иисус был способен превращать камни в хлеба, то почему весь Средний Восток живет в такой нищете? Этого одного человека было бы достаточно. Он все превратил бы. Если можно получать хлеб из камня, то в чем трудность превратить камень в алмаз? Если вода может стать вином, то почему бы не создать целый океан вина? Если вы знаете секрет, как превратить в вино одну каплю воды, то вы знаете секрет превращения в вино всей воды на Земле.

И если он был способен возвращать к жизни мертвых, то почему только одного Лазаря? Так много людей умерли, пока он был здесь. История с Лазарем выглядит трюком. Похоже, что этот человек только притворился мертвым. Он не умер; это подстроенное чудо. Это можно сделать очень просто; в Индии это делалось много раз, так что мы знаем, как это делается. Просто один человек должен притвориться мертвым, а для этого нужна лишь небольшая подготовка в задержке дыхания.

Когда вы вдыхаете, тело после вдоха, естественно, хочет выбросить из себя использованный воздух, чтобы мог войти свежий. Когда вы поглотили кислород воздуха, воздух, который вы вдохнули, становится бесполезным; не только бесполезным, но опасным, поскольку теперь в нем остается только двуокись углерода. Вы должны быстро выбросить его из себя. Так что это не против вас - то, что воздух стремится выйти, - это за вас. Это ваш телесный механизм. Весь ваш химический состав зависит от этого; раз кислород взят клетками вашей крови, воздух должен быть немедленно, как можно скорее, выброшен, а когда вы выбрасываете воздух... Ваша потребность в кислороде постоянна.

Вы не осознаете этого, но ваша потребность в кислороде постоянна. Вы забираете кислород не только через нос, вы забираете его через маленькие поры, расположенные по всей вашей коже. Если ваше тело покрасить так густо, что будут закрыты все поры, и оставить открытым только нос, вы умрете через три часа. Больше вы не проживете.

Тогда вы узнаете, что все тело само постоянно впитывает в себя кислород. Это дыхание. Эти поры в вашей коже, они не бесполезны. Когда нужно, они выбрасывают наружу воду: это потение. Кроме того, они непрерывно поглощают воздух. Когда вы выдыхаете, немедленная потребность тела - снова вдохнуть, поскольку клетки вашей крови непрерывно обегают все тело, доставляя кислород туда, где он нужен, и возвращаются пустыми к сердцу, где они хотят наполниться снова. Для наполнения их вам нужно набрать свежего воздуха.

Единственный способ сохранения вашего дыхания в неподвижном состоянии требует определенного упражнения йоги, при котором вы учитесь оставаться в точно срединной точке, когда дыхание не идет ни внутрь, ни наружу - или наполовину внутрь, наполовину наружу. В этой точке достигается определенное равновесие, и тогда на несколько минут вы можете оставаться без дыхания. Иисус бывал в Индии. Он путешествовал по Египту, Индии, Ладакху и, может быть, также по Тибету. Он, должно быть, выучил где-нибудь этот простой метод. В Индии уже есть люди, которые могут делать это не только на протяжении часов, но и дней, - в маленьких деревушках; чтобы найти их, не нужно отправляться в Гималаи.

В своей собственной деревне в детстве я видел три раза трех разных людей, ложившихся в могилу и полностью закопанных там - могила почти два метра глубиной. Невозможно представить себе, что на глубине двух метров они могли дышать. Семь дней, пятнадцать дней, а последний раз я видел двадцать один день... и через двадцать один день могилу раскапывают. Человека находят почти белым, как будто мертвым, без дыхания.

Я был там. Я брал с собою зеркало, потому что обнаружить дыхание рукой часто оказывается невозможным, но если поместить рядом с носом зеркало, то оно немедленно покажет всякий вдох и выдох. Пульса не было. Там присутствовали доктора - не было пульса, не было дыхания. А тот человек говорил: «Когда вы поднимете меня, проделайте в точности следующее: положите меня в определенную позу и не делайте ничего сами - только положите меня в определенную позу». Его нужно было положить в определенную позу, и через пять-семь минут он начинал дышать. Постепенно его бледность исчезала, возвращался пульс, сердце начинало биться.

Этот Лазарь не был мертвым. Он был близким другом и учеником Иисуса. То была просто игра, ведь евреи спрашивали: «Можешь ли ты воскрешать мертвых? Если можешь, тогда ты - мессия, тогда ты - сверхчеловек». Все это было подстроено. И помните, ни один еврейский источник не упоминает об этом. Такое большое событие - мертвый вернулся к жизни. Вы думаете, это не новость? Но ни один еврейский источник даже не упоминает о том, что что-либо подобное рассказывали об Иисусе. Они не упоминают даже имени Иисуса.

Эти истории или были придуманы позднее, или были подстроены, чтобы доказать, что Иисус был сверхчеловеком.

Сначала выставляются определенные требования к тому, кто является сверхчеловеком, а потом люди начинают доказывать, что они именно такие. В результате вы получаете или шарлатанов, обманщиков, мошенников, или, если они честные, искренние люди, они начинают

чувствовать себя такими низкими, едва ли достойными называться людьми; начинают чувствовать себя грешниками. Их вина так тяжела, ведь они не смогли сделать ничего из того, что должен делать сверхчеловек.

О Гаутаме Будде говорят, что всякий раз, когда он проходил через лес, на деревьях неожиданно начинали расти зеленые листочки - даже если для этого было неподходящее время года. Буддисты говорят, что это признак сверхчеловека. Даже деревья... лишь его вибрация, и деревья в лесу забывают свои естественные законы, забывают, что не время цвести. Мог быть листопад, но поскольку проходит Будда, листопад превращается в весну. Где бы ни проходил Будда - там весна. Где бы он ни был - там цветут деревья. Это неправда. Это абсурд, и ни один джайнский источник, а эти источники современны Будде, не упоминает об этом, хотя это должно было быть великим событием. Будда ходил на протяжении сорока лет, тысячу раз проходил через леса; вся страна должна была бы полниться слухами о том, что этот человек... но ни один джайнский источник даже не упоминает об этом. Ни один индусский источник не упоминает об этом.

Буддийским источникам нельзя верить. Они написаны буддистами и много лет спустя после смерти Будды. Прошло триста лет, когда первая община решила записать все, чтобы люди знали и помнили, что был такой человек, как Гаутама Будда. Они очень постарались, чтобы доказать, что он сверхчеловек, - но в соответствии с их представлением о сверхчеловеке. Он не ходит по воде. Он потеет. Это не буддийские критерии, и с ними нет проблем. И даже если бы он мог превращать воду в вино, я не думаю, что он стал бы это делать; он стал бы делать прямо противоположное, превращал бы вино в воду - вот это было бы чудо. У каждого свои представления о сверхчеловеке.

Все религии навязывали свое представление о сверхчеловеке.

И все они говорили вам, что если вы добродетельны, если вы делаете все, что предписано священными книгами, если вы следуете им с верой, то это случится и с вами. Они дали вам идеал, который вы не в состоянии исполнить, поэтому вы и испытываете чувство вины. Вы чувствуете себя недостойными, ничтожными, и вся ваша энергия, которая могла бы помочь вам стать подлинными человеческими существами, растрачивается понапрасну на все эти глупости.

Поэтому моя седьмая просьба: будьте подлинными человеческими существами,

В существовании нет иерархии.

Малейшая травинка имеет равную ценность с величайшей звездой на небе.

В существовании нет иерархии, никто не ниже, никто не выше. Каждый сам по себе сущность. Одно дерево высокое, другое дерево не такое высокое. Это не означает, что высокое дерево является более великим, превосходящим, а маленькое дерево - не таким великим, не превосходящим. Нет, в природе нет иерархии. Маленькое дерево обладает потенциалом быть маленьким. Оно привело свой потенциал к воплощению, оно счастливо, блаженно. Оно не сравнивает себя с высоким деревом. А высокое дерево не смотрит сверху вниз глазами президента или премьер-министра, рассматривающего обыкновенных людей. Высокое дерево - это просто высокое дерево. Оно реализовало свой потенциал. Оба сделали в точности одно и то же; каким бы ни был их потенциал, они привели его к реализации и эта реализация - это блаженство. Что вы реализуете - не имеет значения.

Реализация своего потенциала - вот блаженство. Так что помните, нет иерархии, никто не выше вас, никто не ниже вас. Собака есть собака, подлинно собака. Да, вы можете извратить собаку. Люди так и делают. С этими прирученными животными они делают то же, что так называемые праведники делают с ними.

Вы - как прирученные животные для этих праведников. Они пытаются подстричь вас по своему образу, где-то удлинить, растянуть ваши руки, подрубить ноги. У них есть определенное представление; вы должны соответствовать этому представлению. Не представление для вас, вы для представления. И то же самое вы все время делаете с собаками, кошками и другими животными, бедными животными, как-то попавшими в ваши капканы. Что бы вы ни сказали, они должны исполнять это. Конечно, учение требует мук. Вы видели в цирке танцующего слона? Чтобы слон танцевал... ему и ногу-то поднять тяжело. Нужен один подъемный кран, чтобы поднять одну ногу, другой подъемный кран, чтобы поднять другую... танец должны создавать подъемные краны. Но как они справляются с этим в цирках? Мучением - только мучением.

Они кладут горячие, обжигающе горячие железные пластины и заставляют слона ходить по ним. Одна пластина горячая, другая холодная. Естественно, на горячей пластине он поднимает свою ногу; на холодной он опускает ногу. На следующем шаге все наоборот: эта сторона холодная, та горячая, поэтому эту ногу он опускает, а другую поднимает. Это учение занимает годы... И каждая пластина имеет свой цвет; а слоны - мудрые животные, очень мудрые, поэтому они выучивают, что красная плитка или красная пластина горячая, а зеленая — холодная. После того, как слоны выработали такое представление, у них появилась ассоциация, и вы просто используете красные и зеленые пластины. Ни одна из них не горячая, все холодные, но слон уже обусловлен: на красной он поднимает ногу, даже не попробовав, горячая или холодная эта плитка или пластина - это не имеет значения. Их так же учат сидеть на стуле. Слон, сидящий на стуле...

Но вы видите лишь результат долгого мучительного учения. То же самое делаете вы с собаками, кошками, то же самое делают в цирке с другими животными.

Ваши так называемые религии делают то же самое с вами.

Все человечество они загнали в цирк... все человеческое. Мотивом при этом является то, что вы станете сверхлюдьми. Сверхчеловек не умирает. Раз вы прошли за пределы своей человечности... которая согласно христианству - грех; быть человеком - грех, родиться человеком - грех.

Много раз я удивлялся... я ведь немного сумасшедший, поэтому я удивляюсь странным вещам, которым никто не удивляется. Адам и Ева были изгнаны из сада Эдема, а все эти животные, птицы, миллионы самых разных пород, как они вышли из сада Эдема? С Адамом и Евой все ясно, они ослушались Бога, пошли за дьяволом. Они совершили изначальный грех, - но как же со всем животным царством? Они тоже совершили изначальный грех? Дьявол и их спровоцировал на бунт? Странно, что ни один еврейский, ни один христианский философ, теолог, ученый не спросил: «Откуда взялись все эти животные? И почему?»

Человек рождается в грехе. Животные, конечно, не рождаются в грехе; поэтому если кто-нибудь и выше вас, то это животные. С такой математикой я могу справиться.

Так что запомните седьмую просьбу: воспринимайте свою человечность с радостью, как дар существования, - а не так, что это вас изгнали из сада Эдема, не так, что это наказание, не так, что вы должны раскаиваться.

Иисус все время говорит: «Покайтесь! Покайтесь!» Но в чем? В том, что Адам и Ева съели яблоко? И мы должны каяться за это? Мой доктор Деварадж не разрешит мне, ведь всю свою жизнь я ел яблоки - не одно, по меньшей мере, шесть в день. Это было моей основной диетой. Если кто-то и совершил изначальный грех, то это я. Эти бедные Адам и Ева... только одно яблоко. И они, должно быть, разделили его пополам; может быть, и змей принял в этом участие. Я не знаю, ведь люди, придумавшие эти истории, не дали никакого ключа к пониманию. Лишь небольшой фрагмент, и они думают, что этого достаточно.

Мы все еще в саду Эдема, другого сада Эдемского нет.

Мы уже в нем. И как кто-то может быть изгнан из существования? Только взгляните на абсурдность этой идеи. Даже если бы Бог захотел, он не смог бы никого изгнать из существования. Куда бы он ни изгнал кого-либо, там все еще было бы существование - и все еще его творение. И все, что создает Бог, должно быть святым - или он создает и несвятое? Поэтому, если он изгоняет вас, вы все еще ходите по святой земле, по святой планете.

В этой истории нет смысла. Она придумана лишь для того, чтобы покрепче привязать вас к той идее, что если вы не разделаетесь с тем, что сделал Адам, то вы никогда не поднимитесь выше вашей человечности. А что такого сделал Адам? Он ослушался. Вместо того, чтобы слушаться Бога, он послушался дьявола. Конечно, дьявол оказался более логичным, более убедительным, более привлекательным.

Бог в этой истории кажется лишенным смелости. Если их уговаривал дьявол, Бог мог бы поспорить с ними. Это было бы гораздо более по-джентльменски, чем вывозить их прочь на автомобиле Форда. Зачем обижать их. А то был, должно быть, фордовский автомобиль модели Т, самый древний, без заднего хода. Поэтому Адам и Ева едут и едут - и не могут вернуться назад. Идея заднего хода пришла позднее. Когда Форд попытался вернуться домой и обнаружил, что это занимает так много времени... нужно было объехать вокруг всего города, только тогда можно было вернуться; если пропустить хотя бы один поворот, то снова надо объезжать весь город. Отсюда ему пришла идея заднего хода. Но модель, которой пользовался Бог, появилась еще до этой идеи Форда; у нее не было заднего хода.

Почему он гневается? И если он гневается, то должен гневаться на змея, на дьявола - не на этих невинных людей. Но в этой истории змей по-прежнему остается жить в саду Эдема. История ничего не говорит о змее — что с ним случилось? Он все еще живет там. И, должно быть, соблазняет других людей есть яблоки. Кажется, что он агент Бога.

Для того, чтобы вживить в вас идею о вашем рождении в изначальном грехе, различные религии использовали различные методы, но должны были делать это. Вот почему Иисус рождается от девственницы, ведь родиться от секса — это родиться в грехе. Секс - это грех.

Я снова не перестаю удивляться, как это Святой Дух сделал девственницу Марию беременной. Я не думаю, что он применял искусственное осеменение. Каким образом эта бедная женщина стала беременной? И христиане сделали из бедного Иисуса внебрачного ребенка, лишь бы

удержать его подалеже от греха секса. Все остальные рождаются от секса, рождаются в грехе — лишь Иисус рождается не так. Иисус особенный.

Странными способами пользовались эти люди. В различных религиях используются различные методы. Например, как родился Будда? Его мать была беременна, беременна девять месяцев. Она могла родить в любой день, сегодня, завтра. Она сказала, что хочет посетить дворец своей матери. Она была дочерью соседнего царя и супругой другого царя, отца Гаутамы Сиддхарты.

До настоящего времени в Индии, в деревнях, сохранился обычай, что если беременная женщина попросит о чем-то, то ей нельзя отказывать. И я понимаю психологию этого обычая. Это основательная мудрость. У беременной женщины не должно быть отрицательного настроения. Беременная женщина должна все время оставаться в положительном настроении. Она попросилась пойти и повидаться с отцом и матерью. Шудходхана, отец Будды, обеспокоился, поскольку время для путешествия было неподходящее, но ее желание не могло быть не выполнено. Поэтому немедленно была вызвана колесница, немедленно она была послана.

И как раз в пути, когда она отдыхала под сааловым деревом... Это прекрасное дерево с очень густой тенью. Даже на горячем солнце под сааловым деревом прохладно. Чтобы укрыться от горячего солнца, стоявшего прямо над головой, она пережидала под сааловым деревом. И история такова: она родила Гаутаму Будду стоя, пока шла к сааловому дереву.

Может быть, ни одна женщина никогда не рожала стоя. Это странная поза. Женщина испытывает такую боль, что стоять...

Но это еще ничего; история, настоящая история начинается только сейчас. Будда родился стоя! Обыкновенно из утробы матери первой выходит головка. Очень редко очень немногие идиоты пытаются выйти по-другому, высовывают сначала ножки. Очень немногие идиоты... ведь естественный путь - высунуть сначала головку. Но Будда родился ножками вперед - стоя! Мать стояла, Будда стоял, но подождите... он еще прошел семь шагов! Гаутама Будда прошел семь шагов. Первое, что он сделал, это прошел семь шагов; и второе, что он сделал, это объявил: «Я величайший Будда в мире». Сверхчеловек! Как бы вы могли сделать такое? Вы не можете по той простой причине, что уже родились. Можете попытаться лишь в следующей жизни, но и это зависит от женщины, поедет ли она во дворец к своей матери, остановится ли под сааловым деревом или нет...

Зачем эти глупые истории? Чтобы сделать этого человека особенным, отличным от вас. Чтобы унижить вас. Это отвратительно!

Как оскорблено человечество всеми этими религиями!

Пришло время людям сказать: «Прекратите всю эту чепуху. Нет сверхчеловека и никогда не было - мы все человеческие существа. А все эти истории - лишь обман воображения».

Восьмая просьба.

Все религии учили вас бороться с естеством.

Предосудительно все, что естественно.

Религии говорят, что вы должны делать что-то противоестественное, только тогда вы сможете вырваться из темницы биологии, физиологии, психологии, из всех стен, окружающих вас.

Но если вы в гармонии со своим телом, со своим умом, со своим сердцем, тогда, говорят религии, вы никогда не сможете выйти за свои пределы.

Вот здесь я против всех религий.

Они посеяли отравленные семена в ваше бытие, поскольку вы не смеете любить своего тела, хотя и живете в нем.

Тело служит вам семьдесят, восемьдесят, девяносто, даже сто лет, и наука не сумела еще придумать механизма, сравнимого с телом. Его сложность, его чудеса, которые оно постоянно творит для вас... а вы и не подумаете поблагодарить его.

Вы рассматриваете свое тело, как врага, а ваше тело - друг.

Оно заботится о вас всеми возможными способами, когда вы бодрствуете, когда вы спите. Даже во сне оно продолжает заботиться о вас. Когда вы спите, а по вашей ноге начинает ползти паук, ваша нога сбрасывает его прочь, не беспокоя вас. Ваша нога имеет свой собственный маленький мозг. Поэтому за маленькими делами не нужно обращаться к центральной нервной системе, обращаться к мозгу - с этим справится сама нога. Если вас кусает комар, ваша рука поднимается и убивает его, а ваш сон не нарушается. Даже пока вы спите, ваше тело постоянно защищает вас и делает такое, что обычно не предполагается ожидать от него... не предполагается, что у руки есть мозг, но определенно она имеет что-то, что может быть названо очень маленьким мозгом. Может быть, каждая клетка вашего тела имеет в себе свой маленький мозг. А в вашем теле миллионы клеток, миллионы маленьких мозгов, движущихся повсюду, постоянно заботящихся о вас.

Вы все время едите различные вещи, не беспокоясь о том, что случается после того, как вы проглатываете их. Вы не спрашиваете у своего тела, сможет ли его механизм, его химическое строение переварить то, что вы едите. Но каким-то образом ваше внутреннее химическое строение постоянно работает на протяжении почти столетия. У него есть автоматическая система для замены частей, работающих неверно. Оно отбрасывает их прочь, создает новые части, и вы этого совершенно не касаетесь. Это все время происходит само по себе. Тело само обладает определенной мудростью.

А религии говорят, что тело — ваш враг, вы должны морить его голодом, вы должны истязать его, ведь если вы не морите его голодом, не мучите его, то как вы сможете от него освободиться? Единственный способ освободиться - это обрубить все ваши привязанности к нему.

Они учат вас ненавидеть свое тело, и это нечто весьма опасное.

Сама эта идея превращает вашего лучшего друга в наихудшего врага.

Эти религии все время говорят вам: «Вы всегда должны бороться, вы должны идти против течения. Не слушайте тела - что бы оно ни сказало, делайте наоборот». Джайнизм говорит:

«Тело голодает, пусть голодает. Морите его голодом, ему нужен такой уход». Оно служит вам без всякой платы с вашей стороны, без жалования, без средств, а джайнизм говорит идти против него. Когда оно хочет уснуть, старайтесь бодрствовать.

То же самое делал Гурджиев в этом двадцатом веке. Это, конечно, дает великую силу эго. Когда тело хочет пищи, вы говорите нет. «Нет» несет в себе великую силу. Вы хозяин. Вы низвели тело до положения раба - и не только раба, вы заставили тело закрыть свой рот: «Все, что я решу, должно быть сделано; ты не вмешивайся». Гурджиев делал нечто противоположное тому, что делал джайнизм. Джайнизм морит вас голодом - но метод тот же самый и результат тот же самый; Гурджиев заставлял своих учеников все время есть. Когда тело говорит нет, он скажет: «Продолжай...» Каждая ночь была пиковой точкой для учеников Гурджиева.

Он был великим поваром и в том, что касается экзотических кушаний, был несравненным, но это не делает его религиозным человеком. Он обычно готовил странные блюда, которых вы никогда не ели, ваше тело совершенно не привычно к усваиванию их, что за ингредиенты клал он в эти блюда! И потом он обычно стоял и заставлял каждого есть; никто не смел сказать нет Учителю. Тело бунтовало, но он настойчиво заставлял их есть, а потом начинался прием спиртного. Потом он заставлял всех выпивать. Вскоре, посреди ночи... Ритуал продолжался, бывало, от трех до шести часов, это было не простым делом. Посреди ночи из всех только Гурджиев оставался бодрствующим. Все остальные были без сознания, страдали рвотой, лежали вповалку в самых различных позах. То было мертвое место, омерзительное.

Но какова цель? Цель была все та же: научить, как бороться с телом. Старые ученики постепенно начинали привыкать к этому. Их не рвало, хотя они и съедали так много, что у них шло горлом, но их не рвало. Теперь они это достаточно умело контролировали. Ученики, следовавшие за ним из России, были самой старшей группой. Они выпивали столько вина, сколько он хотел, и никогда не падали без сознания. Это давало великую силу: вы больше не раб своего тела, вы - хозяин своего тела. Это та же самая сила, которую получают джайнские монахи, постясь месяцами. Удовлетворяется то же самое эго.

Моя восьмая просьба к вам такова: не боритесь со своим телом.

Это не враг ваш, это ваш друг. Это дар вам от природы. Это часть природы. Оно связано с природой всеми возможными путями. Вы соединены мостами не только с дыханием, вы соединены с солнечным лучом, вы соединены с ароматом цветов, вы соединены с лунным светом. От вас идут мосты во всех направлениях; вы - не изолированный остров. Отбросьте эту идею. Вы - часть целого континента, и еще... природа дала вам индивидуальность. Это я и называю чудом.

Вы неотъемлемая часть существования, и все же вы обладаете индивидуальностью. Существование сотворило чудо, сделало нечто невозможное возможным.

Пребывая в гармонии со своим телом, вы будете в гармонии с природой, с существованием.

Поэтому вместо того, чтобы идти против течения, идите по течению. Будьте в состоянии всепрятия. Позвольте случаться жизни. Не вызывайте ничего силой, как бы хорошо это ни называлось. Не нарушайте своей гармонии ради какой-то святой книги, ради какого-то святого идеала.

Нет ничего более ценного, чем быть в гармонии, в согласии с целым.

Моя девятая просьба.

Все религии соглашаются в одном: настоящая жизнь начинается после смерти. Эта жизнь - лишь репетиция, но не настоящий спектакль. Настоящий спектакль случится после смерти. Здесь вы лишь готовитесь к представлению. Поэтому жертвуйте всем, чтобы подготовиться к спектаклю, который случится после смерти.

Они учат жертвовать. Жертвуйте любовью, жертвуйте жизнью, жертвуйте радостью, жертвуйте всем. Чем больше вы жертвуете, тем больше вы сможете принять участия в драме, великой драме после смерти. Они пытаются сфокусировать ваш ум на жизни после смерти.

Один человек спрашивал меня - я был в Калькутте, то был один из богатейших людей Индии, Саху Шанти Прасад; у него был величайший дворец в Калькутте... мы вдвоем прогуливались по его огромному саду, ведь у него посреди Калькутты было по меньшей мере сто акров зеленого сада. Дворец когда-то принадлежал вице-королю Индии, когда Калькутта еще была столицей. Когда столица переместилась в Нью-Дели, дворец был продан. Теперь президент Индии живет в таком же дворце в Нью-Дели с сотней акров сада.

Итак, мы прогуливались вдвоем, и он спросил меня: «Я всегда хотел спросить вас, что случается после смерти».

Я сказал: «Вы живы или нет?»

Он сказал: «Что за вопрос, жив ли я?»

Я сказал: «Вы живы. Знаете ли вы, что есть жизнь?»

Он сказал: «На это я не могу ответить. Честно говоря, я не знаю».

Я сказал: «Вы живы и даже тогда не знаете, что есть жизнь. Как вы можете знать смерть, когда вы еще не мертвы? Так подождите. Пока живы, постарайтесь узнать жизнь; вскоре вы умрете, тогда в своей могиле поразмышляйте о смерти. Вас никто не будет беспокоить. Почему сейчас вас заботит то, что будет после смерти? Почему вас не заботит, что будет до смерти? Вот о чем должна быть настоящая забота. Когда придет смерть, мы столкнемся с нею лицом к лицу, мы посмотрим на нее, посмотрим, что она есть. Я не мертвый, как же я могу сказать? Вам нужно бы спросить у кого-нибудь мертвого, что там случается. Я живой. Я могу рассказать вам, что есть жизнь, я могу рассказать, как узнать, что есть жизнь».

«Но, - сказал он, - все религиозные учителя, которых я ходил слушать, говорят о смерти; никто не говорит о жизни».

Они не заинтересованы в жизни, на самом деле все они хотят, чтобы и вы не были заинтересованы в жизни. Их бизнес основывается на вашем интересе к смерти. А о смерти можно выдумать самые прекрасные вещи, и никто не сможет оспорить этого. Этого нельзя будет ни доказать, ни оспорить. И если вы верующий, тогда, конечно, все эти священные книги дают поддержку священнику, монаху, раввину, который может цитировать их для вас.

Я хотел бы, чтобы вы запомнили: живите и старайтесь узнать, что есть жизнь.

Не беспокойтесь о смерти, о небесах и аде, об этом проклятом Боге.

Просто оставайтесь вместе с жизнью, которая танцует в вас, дышит в вас, живет в вас.

Вам нужно подойти ближе к себе, чтобы узнать ее. Может быть, вы стоите слишком далеко от себя. Ваши заботы далеко увели вас. Вы должны вернуться домой.

Поэтому помните, что, пока вы живы, это так драгоценно - не упускайте ни единого мгновения.

Выжмите из жизни весь сок, и этот сок даст вам ощущение существования, и это будет открытием всего спрятанного от вас и остающегося спрятанным.

Уважайте жизнь, благоговейте перед жизнью.

А жизнь не состоит из больших вещей. Эти религиозные дураки говорили вам: «Творите большое», - а жизнь состоит из малого. Их стратегия ясна. Они говорят вам: «Творите большое, что-то великое, что-то такое, за что ваше имя будут помнить. Творите что-то великое». И, конечно, это удовлетворяет эго.

Эго - агент священника.

Все церкви, и все синагоги, и все храмы имеют лишь одного агента, и этот агент - эго. Других агентов нет. Нет других агентств. Есть только одно агентство, и это агентство — эго: творите что-то великое, что-то большое.

Я хочу сказать вам, что нет ничего большого, ничего великого. Жизнь состоит из очень маленьких вещей. Поэтому если вы начинаете интересоваться так называемыми большими вещами, вы упускаете жизнь.

Жизнь состоит из потягивания чашечки чая, из болтовни с другом, из утренней прогулки, когда вы не идете куда-то, а просто гуляете, без всякой цели, без намерения, когда в любой момент вы можете повернуть назад; из приготовления пищи для любимого человека; из приготовления пищи для себя, ведь свое тело вы тоже любите; из стирки одежды, из мытья полов, из поливки сада... это маленькие вещи, очень маленькие вещи... из того, чтобы сказать «привет» незнакомцу, что совершенно необязательно, поскольку с этим незнакомцем у вас нет никаких дел.

Человек, который может поздороваться с незнакомцем, может поздороваться и с цветком, может поздороваться с деревом, может спеть песню птицам.

Они поют каждый день, и вы совсем не думали, что однажды вы ответите на их призыв. Одни лишь маленькие вещи, очень маленькие вещи.

И я не говорю о хождении в синагогу - это большое дело; о хождении в церковь - это большое дело. Оставьте все эти большие дела дуракам, их много. Их тоже чем-то нужно занять; для этого есть эти синагоги, и церкви, и храмы.

Но для вас существование - и ничто кроме существования - вот единственный храм.

Ничто кроме жизни - вот единственный Бог, которому я учу вас.

Уважайте свою жизнь. Исходя из этого уважения вы начнете уважать жизнь других.

Много раз меня спрашивали, почему наша коммуна вегетарианская. По одной простой причине... Мотивация не такая, как в джайнизме. Мотивация джайнизма заключается в том, что если вы вегетарианец, то попадете на небеса; если нет - попадете в ад. Мои люди - вегетарианцы без всякой мотивации. Они не собираются получать никакой платы за это где-нибудь после смерти. Они ничего не откладывают на банковский счет для другой жизни. Просто если вы уважаете жизнь, то вам становится трудно даже сорвать цветок. Вы будете наслаждаться цветком, вы будете любить цветок, вы можете касаться цветка, вы можете целовать цветок, - но, срывая его, вы его уничтожаете, вы раните растение, которое является таким же живым, как и вы.

Уважение к жизни, благоговение перед жизнью делает мою коммуна вегетарианской - других проблем нет. Как вы можете есть мясо? Лишь ради удовлетворения своих вкусовых ощущений вы можете уничтожать жизнь? Сама мысль об этом тошнотворна.

Сколько, Шила...?

«Мне кажется, я ошиблась вчера. Я посчитала неправильно».

Все в порядке, прекрасно, поэтому продолжим.

Девятое: будьте творческими.

Только творческие люди знают, что есть блаженство. Рисуйте, музицируйте, сочиняйте поэзию, делайте все не ради какой-то цели, просто ради радости, без всякой иной причины. Если вы можете слагать стихи, просто ради собственной радости или чтобы поделиться с немногими друзьями; если вы можете развести прекрасный сад просто из чистой радости творения, чтобы всякий прохожий мог бы остановиться на время и полюбоваться им, - тогда это достаточная награда.

В этом мое переживание: только творческие люди знают, что есть блаженство.

Они могут познать и счастье, а я должен пояснить вам различие. Счастье всегда вызывается какой-то причиной: вы получили Нобелевскую премию - вы счастливы; вы награждены - вы счастливы; вы стали чемпионом в каком-нибудь виде состязаний — и вы счастливы. Что-то является причиной счастья, и это счастье зависит от других. Нобелевская премия присуждается Нобелевским комитетом. Золотая медаль присуждается комитетом по золотой медали, университетом. Счастье зависит от других. И если вы работаете ради этого мотива, хотите добиться Нобелевской премии, пишете поэзию, романы именно для того, чтобы получить Нобелевскую премию, - то, пока вы работаете, этот мотив - лишь помеха, обуза. Блаженства не будет, поскольку ваше счастье там, далеко, в руках Нобелевского комитета. И даже если вы получите Нобелевскую премию, блаженство будет лишь мимолетно. Как долго вы сможете хвастать ею?

Джордж Бернارد Шоу получил Нобелевскую премию. Он был очень умным человеком. Он использовал счастье получения Нобелевской премии наиболее полно, полнее, чем кто-либо другой; он победил всех обладателей Нобелевского приза. Сначала он получил Нобелевскую премию — эта новость облетела весь мир. Потом он отказался от Нобелевской премии. Это было оскорблением для всей страны, для короля, главы Нобелевского комитета, для самого комитета, для людей, предложивших его имя. До этого момента не отказывался никто; он создал прецедент.

Со всего мира на него начали оказывать давление. Три дня он держал весь мир в напряжении - что произойдет? - поскольку каждый король, каждый премьер-министр, каждый президент каждой страны - все слали ему телеграммы: «Это нехорошо. Это не по-джентльменски. Пожалуйста, примите ее. Потом можете ее пожертвовать, но сначала примите. Отказ оскорбителен». На третий день он сдался и принял; снова он стал даже еще большей новостью - он принял премию. Он подождал еще два или три дня. Когда новость поостыла, он пожертвовал премию. Снова его новость стала горячей, ведь премия - это не только приз, это и деньги, большие деньги. Я думаю, что сейчас это около двухсот тысяч долларов.

Снова его имя распространялось всеми средствами массовой информации, а через два-три дня, когда все снова поостыло, он сумел как бы проговориться, что пожертвовал премию своему собственному обществу, фабианскому обществу. Он был и президентом, и единственным его членом! И когда его спросили:

«Что все это значит?» - он сказал: «Почему бы не получить столько счастья, сколько возможно, иначе вы один день в новостях - и все кончено... Я же испытывал это счастье месяц». Но счастье зависит от других. Даже если вы можете нести его месяц, оно все равно кончится - одна минута или один месяц, не имеет значения.

Блаженство - это нечто совершенно иное, оно не зависит ни от кого. Это радость создания чего-либо; не имеет значения, принимает ли это кто-нибудь или нет. Вы наслаждаетесь этим, пока создаете, - и этого достаточно, больше чем достаточно.

И последнее, какой там номер, не могу же я думать о номерах. Я сам забыл. Но я должен сказать вам последнее, для завершения. Номера - вы сами можете расставить их.

Последнее - это моя самая важная просьба к вам, и она такова: в существовании самое необыкновенное - это быть обыкновенным.

Каждый хочет быть необыкновенным, это очень обыкновенно. Но быть обыкновенным и просто расслабиться в этом обыкновенном бытии - это высшая необыкновенность.

Тот, кто воспринимает свою обыкновенность без всякого недовольства и ропота - с радостью, поскольку все существование таково, - только у такого человека никто не сможет разрушить его блаженство. Никто не украдет его, никто не отнимет.

Тогда, где бы вы ни были, вы будете в блаженстве.

Я был в Нью-Дели, и после того, как я выступил, один человек встал и спросил меня: «Что вы думаете о себе? Попадете ли вы в рай или в ад?»

Я сказал: «Насколько мне известно, ничего такого нет. Но если случайно и есть, я могу надеяться только на ад».

Он изумился: «Что!»

Я сказал: «В аду вы найдете всех ярких людей - обыкновенных, но ярких. В раю вы найдете великих ученых, теологов, святых, философов - они все серьезные, все ссорятся, все друг против друга, непрерывно дискутируют. Это, должно быть, самое сварливое место, где невозможно найти ни мгновения тишины. Насколько я понимаю, если у Бога есть хоть какой-нибудь разум, он должен сбежать в ад, поскольку это единственное место, где никто не спорит о глупостях, где люди просто наслаждаются, танцуют, поют, едят, спят, работают».

Я сказал ему: «Для меня обыкновенное - это самое необыкновенное явление в существовании».

БЕСЕДА 30

ЕДИНСТВЕННОЕ ЗОЛОТОЕ ПРАВИЛО: НЕТ НИКАКИХ ПРАВИЛ

28 ноября 1984

Бхагаван, Вы забыли включить в число просьб одну из ваших сентенций. Эта сентенция такая: живите опасно. Не поговорили бы Вы об этом?

Сама жизнь для меня настолько интенсивна, что я все время действительно забываю правильные сентенции о жизни, правильные правила для жизни. Это может показаться противоречием, но это не так. Люди, помнящие сентенции о жизни, полностью забывают о самой жизни. Да, я забыл не только эту, но и немного больше. Эта сентенция напоминает мне... Одна, которую я люблю больше всего, звучит так:

«Золотое правило жизни заключается в том, что нет никаких золотых правил».

Их не может быть. Жизнь так обширна, так огромна, так странна, загадочна, она не может быть сведена к правилу или сентенции. Все сентенции коротки, слишком малы; они не могут вместить жизнь и жизненные энергии. Поэтому то золотое правило, что нет золотых правил, весьма значительно.

Подлинный человек не живет правилами, сентенциями, заповедями. Так живет псевдочеловек.

Подлинный человек просто живет.

Да, если вы спросите подлинного человека, он может сказать вам определенные правила, но они не являются правилами, которым он следует сам. Он просто нашел их на жизненном пути, как собирают морские раковины на пляже. Он не планировал собирать морские раковины, он собрался насладиться ранним утром, свежим воздухом, солнцем, морем, песком. Так, между прочим, он нашел и эти морские раковины.

Все правила собирают люди, которые не живут по ним, поскольку люди, живущие по ним, давно покончили жизнь самоубийством.

Всякий, кто живет по правилу, разрушает себя, отравляет себя, ведь это правило найдено кем-то, не вами, где-то, где вас никогда не будет, в каком-то времени, в каком-то пространстве, которые не ваше время и не ваше пространство. Следовать такому правилу очень опасно. Вы будете отвлекать свою жизнь от ее центра, ее основания - вы будете уродовать себя. Стараясь украсить, вы будете уродовать себя, деформировать себя.

Поэтому все эти правила, о которых я говорил эти два или три дня, - вы должны помнить: перед ними идет золотое правило.

Но я просто забыл об этом. Я был так погружен в борьбу с Моисеем, - а бедный Моисей никогда не причинял мне никакого вреда, и я не намеревался причинять ему никакого вреда, но слово «заповедь (commandment)» включило что-то во мне.

Мне вспоминается, как я был студентом-выпускником. В Индии стало правилом, что каждый студент должен принять участие в двухгодичной военной подготовке. Я пришел к вице-канцлеру и сказал: «Я отказываюсь. Я не буду участвовать ни в какой военной подготовке; сама эта идея вызывает во мне тошноту - мне скажет кто-нибудь: “Нале-во”, - и я должен повернуться налево. Кто он такой? И прежде всего, почему я должен поворачиваться налево? А если я хочу поворачиваться направо или вообще не хочу поворачиваться... Все это будет трудно. Лучше найти какой-нибудь способ спасти меня от этого».

Он сказал: «Я понимаю вас и вижу трудности. Вы никогда не следовали никаким правилам. Я снова и снова получаю сообщения против вас, но я никогда вас не вызывал, поскольку знаю, что, может быть, вы и не следуете правилам, но все, что вы ни сделаете, будет лучше всякого правила. Я знаю вас. Я следил за вами. Например, многие профессора сообщали, что вы засыпаете на их занятиях. Это нехорошо. И если они будят вас, вы создаете вокруг этого столько нервного возбуждения, суеты, что никто не имеет права вас будить. И кому вы делаете плохо? Вы же просто спите».

Я говорил своим профессорам: «Это не нарушает вашей лекции, и, кроме того, кому интересна ваша лекция? Все, что вы говорите, — чепуха, лучше ее не слушать. И это мое время - с двенадцати до двух я всегда сплю. С самого детства, в школе, на младших курсах, на старших, я всегда спал. Всегда было признанным фактом, что с двенадцати до двух я сплю. И люди признали это, поскольку я не собирался делать ничего другого в это время, вы можете выбросить меня из аудитории; я буду спать там. Я буду спать снаружи, для меня не имеет значения, - но это мое время для сна».

И вице-канцлер сказал: «Я говорил вашим профессорам: “Не беспокойтесь. Можете посмотреть на его оценки за прошлый год. Как он успеваает? Девяносто восемь процентов. Может ли он добиться большего, если будет бодрствовать?”»

Я ответил вице-канцлеру: «Здесь вы неправы. Если бы я бодрствовал, то девяносто восемь процентов были бы недостижимы. Было бы трудно добиться и восемнадцати процентов. Этот человек набросал в ум каждого студента столько всякой чепухи; мне как-то удалось избежать этого. Упущены два процента... по-видимому, он что-то кричал, и кажется, сквозь сон это проникло в мой ум. А иначе почему не все сто процентов? Эти два процента, должно быть, его работа, я собираюсь пойти прямо к нему и спросить, что случилось с этими двумя процентами?»

Он сказал: «Мне сообщали, что вы не следуете правилам, принятым в общежитии студентов, а ведь вы староста всего общежития. Предполагается, что вы должны управлять тысячею студентов и заставлять их следовать правилам, но сами этим правилам вы совершенно не следуете. Как вы собираетесь управлять тысячею студентов?»»

Я сказал: «Кого это волнует? Они так счастливы со мной, как ни с каким другим старостой, поскольку я никогда не вмешиваюсь. На самом деле, я даже не знаю их всех в лицо. Я не знаю их имен. Я никогда не проверял их присутствие. Каждый месяц я отмечаю каждого словом “присутствует” и посылаю список по инстанции. Я сказал им: “Если вы отсутствуете, поставьте меня в известность, и проблем нет. Если вы не поставили меня в известность, значит вы присутствуете”».

Он сказал: «Вы встаете в три часа ночи, и несколько ваших учеников - у меня уже были ученики - тоже встают в три часа, и вы доставляете так много беспокойства другим».

Я сказал: «Эти люди - дураки». Университет, в котором я пребывал, и его общежитие находились в таком прекрасном месте, что три часа ночи было там самым подходящим временем. Место это располагалось на вершине холма, а как раз под холмом находилось большое озеро. Оно было таким ясным, спокойным, тихим, что проспать все это... Очень хорошо просыпать лекции, ведь эти идиоты говорят о вещах, в которых просто ничего не понимают. Какой-то другой идиот рассказал им, и они повторяют.

А я каждое утро видел новое свежее озеро; оно никогда не оставалось тем же самым. Каждое утро... я просто удивлялся и восхищался; даже сегодня я не могу поверить, что это место, университет Саугара... Я был в Индии повсюду, но я никогда не видел так много красок на небе, как на этом озере. Так много красок, так много цветов на небе, и все они отражаются в озере. Там можно было просто сесть - и начиналась медитация. Ее не нужно было воссоздавать.

Поэтому я сказал: «Конечно, я встаю в три. Меня будит озеро, в три начинают петь птицы, и эти несколько человек, которые раз пошли со мной посидеть под деревьями... исчезают последние звезды, мало-помалу нисходит утро... открываются первые цветы».

Озеро было полно лотосов. И пока солнце поднималось над горизонтом, лотосы начинали раскрываться. Они закрываются с закатом. Всю ночь они спят. Когда солнце встает - при первых его лучах лотосы начинают раскрываться. А это самый прекрасный цветок, который можно себе представить, - самый большой цветок, самый ароматный и самый живой... он плавает в воде, но его поверхность такая бархатистая, что вода не касается его. Даже капли росы на листьях и цветках лотоса остаются как жемчужины. Вода не касается цветка, поэтому роса не растекается и не делает лист мокрым. Капли росы остаются подобными округлым жемчужинам. И когда солнце поднимается немного выше, все эти лотосы, их листья и эти миллионы жемчужин, начинают отражать солнечные лучи. Иногда на озере возникает радуга.

Я сказал вице-канцлеру: «Тех, кто ходили со мной, я пригласил один раз, но дважды я не просил их. А люди, сообщившие вам, ничего не знают о красоте, о существовании». Я сказал ему: «Я знаю, кто сообщил вам. Я не думаю, что хотя бы один студент станет что-либо сообщать против меня. Это проктор, профессор, надзирающий над общежитием, который очень беспокоится, почему я не слушаю его».

Я сказал ему: «Вы - профессор, надзирающий над студентами, но не над старостой». Я показал ему книгу, в которой были написаны правила, и конечно, там не упоминалось о том, что он имеет власть над старостой. Власть-то у него, конечно, была, поскольку староста – тоже студент, но упоминания об этом не было. Поэтому я сказал: «Нет упоминания об этом. Если хотите, заботьтесь о студентах. Я же буду заботиться по-своему. Я забочусь, но не вмешиваюсь. И мои студенты чрезвычайно счастливы, поскольку впервые ими никто не командует, не заставляет их делать то, не делать этого: “Отправляйтесь спать в девять; в девять все огни должны быть потушены”».

Свет лично у меня, конечно, не гас в девять. В первый же день проктор пришел ко мне сказать, что это неправильно. Я сказал: «Не беспокойте меня больше. Я буду читать так долго, как захочу,- иногда всю ночь, поскольку для сна есть целый день, и никто не смеет контролировать это». Я всегда держал при себе книгу правил, которая была дана мне, как старосте. Я сказал: «Посмотрите вот сюда. Здесь ничего не сказано о том, имеете ли вы какую-нибудь власть над моим сном или бодрствованием. Я буду бодрствовать, когда захочу; я буду спать, когда захочу, и мои студенты будут поступать по-своему, чего бы им не захотелось».

Вице-канцлер сказал: «Все эти сообщения поступили ко мне, но я знаю вас. Правила мертвы. Все старосты до вас были подобны мертвым. Поэтому меня не беспокоили сообщения против вас, я не вызывал вас, но в данном случае возникает проблема. Это государственное дело. Правительство хочет, чтобы каждый студент прошел подготовку в армии, - иначе ему не будет выдан диплом».

Я сказал: «Проблемы нет. Я не буду требовать диплома, я могу дать в том слово в письменной форме. Это не проблема. Что я буду делать с вашим дипломом? И я не собираюсь подчиняться всяким идиотам».

В армии вся процедура направлена на разрушение разума. Ведь если человек разумен, то он не может быть хорошим солдатом.

Чтобы быть хорошим солдатом, необходимо выбрать... Нужно отбросить разум, иначе как убивать того, кто ничего вам не сделал, того, кому вы даже не были представлены? И вы убиваете его! Вы не знаете, может быть, у него престарелые мать и отец, которые зависят от него, или жена и дети, которые останутся сиротами и нищими, - а вы убиваете этого человека без всякой причины, просто потому, что получаете жалование за убийство? И он получает жалование за убийство; вы оба наемные убийцы.

Я не собирался становиться наемным убийцей.

Чтобы создать такую ситуацию, когда можно легко убивать, прежде всего нужно полностью разрушить разум.

Вот, что такое подготовка, то, что в армии называют подготовкой: напра-во, нале-во, кру-гом, шагом-марш, стой — и так три часа в день. Человек действует просто как робот. Он не должен спрашивать: «Почему мне нужно поворачиваться налево? По какой причине? Зачем это, если я снова должен буду поворачиваться обратно? Останемся в прежнем положении. Люди рано или поздно возвращаются в прежнее положение». Нет, вам не полагается спрашивать.

Все эти процедуры созданы для того, чтобы уничтожить вопросы, сомнение - все то, что дает остроту вашему разуму.

Если на протяжении ряда лет вы не спрашиваете, а просто следуете всему, что вам скажут, то ваш ум начинает ржаветь. И однажды поступит приказ: «Огонь!» И вы выстрелите. Не то чтобы это вы выстрелили. Просто у вас больше нет разума, который был раньше. Теперь все это подобно тому же «налево».

Я сказал вице-канцлеру: «Я не собираюсь вступать в армию. Увольте меня. Если есть какие-то проблемы, вы должны побороться за меня. И я готов бороться со всяким; с правительством штата... Я готов выступить перед парламентом штата и бороться за свои права - я не могу быть уничтожен. Мой разум, я не позволю никому касаться его таким образом. А если это федеральное правительство, то я готов пойти и туда, - но знайте, я не вступлю в армию. И я не буду требовать диплома».

Он сказал: «Не беспокойтесь». Он сказал: «Взять вас в правительство штата или в федеральное правительство - это создаст лишь больше проблем. Поэтому ведите себя тихо, просто ведите себя тихо; ничего никому не говорите. Я позабочусь об этом, это будет моей заботой. Я отвечаю, если возникнут какие-нибудь проблемы». Я сказал: «Это ваше дело».

И я ни разу не пришел к нему просить диплом; он сам пришел в общежитие. Я не пошел на заключительное собрание, поскольку таково было наше соглашение. После собрания он посмотрел вокруг: человеку, оказавшемуся лучшим в университете и завоевавшему золотую медаль, дают диплом, а его нигде нет! Все спрашивали, почему меня нет; только вице-канцлер знал. Он сказал: «Я знаю, почему его нет, - таково было наше соглашение Я должен буду пойти в общежитие и вручить ему его золотую медаль, его диплом и попросить у него извинения. Я беспокоился о том, что он решит получить золотую медаль, и тогда огласка проблемы станет неизбежной».

Он пришел, вручил мне диплом. Я сказал: «Все в порядке. Если вы даете мне его, я не откажусь; но я выполнил соглашение. Я бы никогда не пришел просить свой диплом. И рано или поздно я все равно сожгу его».

Он изумился: «Что!»

Я сказал: «А что мне делать? Носить его всю жизнь?»

И через девять лет, когда я расстался с профессорством, первое, что я сделал, я сжег все свои дипломы. Мой отец присутствовал при этом; он сказал: «Даже если ты оставил профессорство, зачем сжигать дипломы. Они могут остаться здесь. В чем проблема? Отдай их мне, я сохраню их».

Я сказал: «Нет, это означало бы, что вы все еще надеетесь, что когда-нибудь они могут понадобиться мне. Нет, раз я перешел мост, я хочу уничтожить его, чтобы не было возможности вернуться назад. Я не дам вам этих дипломов».

И я сжег их перед ним. Он сказал: «Ты странный человек. Я не препятствую тебе оставить профессорство».

Я сказал: «Раз я оставил это, я не собираюсь никогда в жизни пользоваться этими дипломами — так зачем носить их? »

Я никогда не следовал никаким правилам, так что забыть для меня очень естественно. Да, я забыл сказать вам, что одна из моих просьб к вам такая: живите опасно.

Что это в точности означает? Это просто означает, что в жизни всегда есть альтернативы. Вы всегда на перекрестке, всегда-всегда.

Каждое мгновение - перекресток, и вы должны выбирать, куда пойти, каким будет ваш путь; вы должны выбирать каждое мгновение.

Каждое мгновение решающее, поскольку вы отвергаете многие пути и выбираете один.

Если вы выбираете удобное, привычное, вы никогда не сможете жить интенсивно.

Удобное, привычное, общепринятое, утвержденное обществом означает, что вы готовы стать психическим рабом.

Вот почему все эти привычные вещи...

Общество даст вам все, если вы отдадите ему свою свободу.

Оно вам даст респектабельность, оно даст вам большой пост в иерархии, в бюрократии, - но вы должны отбросить только одно: вашу свободу, вашу индивидуальность. Вы должны стать единицей в толпе.

Толпа ненавидит человека, не являющегося ее частью.

Толпа приходит в большое напряжение, увидев среди себя незнакомца, ведь этот незнакомец становится знаком вопроса.

Вы жили определенной жизнью, в определенном стиле, в определенной религии, в определенной политике. Вы следовали за толпой и чувствовали себя очень удобно, уютно, поскольку окружающие вас люди были точно такие же, как вы. Что делали вы, делали и они. Каждый делал одно и то же; это дает ощущение, что вы делаете что-то правильное. Так много людей не могут ошибаться. И в благодарность за то, что вы следуете за ними, они оказывают вам уважение, честь. Ваше эго удовлетворено. Жизнь привычная, но плоская. Вы живете по горизонтали - в очень тонком срезе жизни, как в кусочке хлеба, срезанном очень тонко. Вы живете линейно.

Жить опасно - это жить по вертикали.

Тогда каждое мгновение имеет глубину и высоту. Оно касается самых высоких звезд и самых глубоких пропастей. Оно не имеет понятия о горизонтальной линии. И тогда вы - незнакомец в толпе, тогда вы ведете себя отлично от всех остальных. И это создает у людей чувство стесненности, ведь они не наслаждаются своей жизнью, они никогда не жили своей жизнью, они не принимали на себя ответственности прожить ее, они ничем не рисковали, чтобы иметь ее, - этот вопрос и не возникал, поскольку всё такие же, как они.

Но приходит этот незнакомец, живущий по-иному, поступающий по-иному, и тогда, неожиданно, что-то начинает шевелиться в этих людях.

Сдавленная жизнь этих людей - подобная с силой сжатой пружине - неожиданно приходит в движение, начинают возникать вопросы: этот путь для нас ведь тоже возможен. И кажется, что у этого человека другое сияние в глазах, иная радость окружает его. Он идет, сидит, стоит не так, как другие.

В нем есть что-то уникальное. Но самое выразительное в нем то, что он кажется предельно удовлетворенным, блаженным, как если бы он достиг. Вы все еще странствуете, а он уже достиг.

Такой человек опасен толпе, толпа убьет его. Это не случайное совпадение, что людей, подобных Сократу, отравляют. Что за проблема была с Сократом? Он был таким уникальным гением, что если бы Греция дала миру только одного Сократа, то этого было бы достаточно для истории, достаточно, чтобы ее запомнили навсегда. Но толпа не может терпеть такого человека. А ведь он был простым человеком, абсолютно безвредным. Они отравили, убили его.

В чем было его преступление? Его преступление было в том, что он был индивидуален.

Он шел своим собственным путем, не тем прекрасно освещенным, которым идут все. Он шел своим собственным лабиринтом. И вскоре общество испугалось, поскольку некоторые другие люди тоже начали сходить с проторенной дороги, чтобы найти свои собственные пути.

Сократ говорил, что нельзя идти путем, проложенным для вас другими. Вы должны своими собственными ногами прокладывать дорогу.

Это не те дороги, которые уже готовы, по которым вы можете просто ходить, - совсем нет. Вы должны проторить дорогу своими собственными ногами; как раз когда вы ходите, вы и прокладываете дорогу. И помните, эта дорога только для вас, ни для кого другого.

Это все равно как птицы, летающие в небе, не оставляют следов, по которым могли бы следовать другие птицы. Небо снова остается пустым. Летать может любая птица, но она должна проложить свой собственный путь.

Это было опасно. Сократ представлял реальную опасность. Иисус не был реальной опасностью. И вам нужно понять различие, поскольку Иисус также был распят. Но чего хотел Иисус? Он хотел быть признанным толпой. Он не был настоящим бунтарем. Он добивался уважения: «Я ваш ожидаемый мессия». Он хотел того, чтобы толпа придала ему святость, респектабельность. И он всеми способами пытался исполнить требования толпы. Это другая история.

Люди всегда думали, что Сократ и Иисус принадлежат к одной категории людей, - это не так; они как раз противоположны. Сократ не добивался, чтобы его признавали. Сократ говорит: «Пожалуйста, оставьте меня одного - так же, как я оставляю вас одних. Пожалуйста, дайте мне свободу. Я не вмешиваюсь в вашу жизнь, вам не следует вмешиваться в мою». Это выглядит абсолютно честным. Он не добивается, чтобы его признавали. Он не говорит: «Все, что я говорю, - истина, и вы должны принимать ее». Нет, он говорит: «Все, что я говорю, составляет мое право говорить. У вас есть ваше право говорить».

Когда судьи приговорили убить этого человека, они ощутили небольшое чувство вины. Он был высшим расцветом греческого гения. Поэтому они предложили ему несколько возможностей; они сказали: «Вы можете покинуть Афины...» В те дни Греция состояла из городов-демократий, и это на самом деле гораздо более демократический способ правления. Чем меньше по размеру государство, тем больше демократии в нем возможно, поскольку это прямая демократия.

Люди в Афинах обычно собирались на площади, поднимали свои руки «за» или «против», принимали решения. Теперь в такой стране, как Америка, демократия стала настолько не прямой, что вы выбрали человека на несколько лет и теперь не знаете, что он будет делать. В течение этих нескольких лет вы не можете контролировать его. Он что-то обещал вам, но может делать прямо противоположное. Так оно и происходит все время. Но в Афинах была прямая демократия. Любое важное дело - и народ Афин собирается вместе и голосует «за» или «против». Так что власть не делегировалась на пять лет. Власть всегда была в руках народа.

Поэтому судьи сказали: «Это просто. Вы покидаете Афины. Вы можете устроить свой дом в любом другом городе, и, где бы вы ни были, вы везде найдете учеников, друзей - в этом нет вопроса».

Сократ сказал: «Это не вопрос моего выживания. То, что вы говорите, конечно, удобно, и любой деловой человек выбрал бы это. Все просто. Зачем без нужды быть убитым? Переезжай в другой город». Сократ сказал: «Я не собираюсь покинуть Афины, поскольку это вопрос выбора между удобством и жизнью и я выбираю жизнь — даже если она принесет смерть. Но я не выберу удобства, это было бы трусостью».

Они предложили ему другую альтернативу. Они сказали: «Тогда сделайте следующее: оставайтесь в Афинах, но прекратите учить».

Он ответил: «Это еще труднее. Вы просите птиц не петь по утрам? Деревья - не цвести, когда приходит время цветения? Это моя единственная радость: разделять мою истину с теми, кто идет ощупью в потемках. Я собираюсь быть здесь, и я собираюсь продолжить учить истине».

Судьи сказали: «Тогда мы бессильны, поскольку толпа, большинство хочет, чтобы вы были отравлены, убиты». Он сказал: «Очень хорошо. Вы можете убить меня, но вы не сможете убить мой дух...».

Но помните, под духом он не имел в виду душу. Под духом он имел в виду свою смелость, свою преданность истине, своему пути в жизни. Этого нельзя изменить.

«...Вы можете убить меня. Меня совершенно не беспокоит смерть, поскольку есть только такая альтернатива. Или я просто умру - и тогда нет проблем. Когда меня нет, какие могут быть проблемы? Так что или я просто умру, и проблем нет, или я не умру, и моя душа продолжит жить. Тогда, по меньшей мере, я получу удовлетворение от того, что я не был трусом, что я тверд в своей истине, что вы могли убить меня, но не смогли согнуть».

Он умер радостно. Сцена смерти Сократа - нечто самое прекрасное в истории человека.

В Греции не было креста; приговоренному давали яд. Поэтому на стороне определенный человек, официальный отравитель, готовит яд, который он дает людям, приговоренным к

смерти. Отравление было назначено на шесть вечера. Солнце садилось, и Сократ снова и снова спрашивал: «В чем дело? Поторопите этого человека, становится поздно».

А тот человек действительно пытался оттянуть казнь как можно дольше. Он любил Сократа и хотел, чтобы тот пожил еще немного. Это все, что он мог сделать... он мог очень медленно, не торопясь, готовить яд. Но ученики снова и снова приходили к нему и говорили: «Учитель спрашивает, почему вы так задерживаетесь?»

Слезы стояли в его глазах, он говорил: «Он на самом деле опасный человек. Я стараюсь, чтобы он прожил немного дольше, а он торопится».

Отравитель спросил Сократа: «Почему вы так спешите?»

Сократ сказал: «Я спешу, потому что я потрясающе прожил жизнь, я полно прожил жизнь; я знаю ее. Смерть мне не известна; это великое приключение. Я хотел бы испытать вкус смерти».

Невозможно убить такого человека. Нет способа убить такого человека, который хочет испытать вкус смерти, который хочет познать смерть, который хочет принять вызов и испытать приключение неизвестного.

Жить опасно означает, что всякий раз, когда есть альтернативы, остерегайтесь: не выбирайте привычного, удобного, уважаемого, принятого обществом, почетного.

Выбирайте то, что заставляет звенеть колокольчик в вашем сердце. Выбирайте то, что вы хотели бы делать, несмотря на какие бы то ни было последствия.

Трус думает о последствиях. Что случится, если я сделаю это? Какой будет результат? Он больше всего заботится о результате.

Настоящий человек никогда не думает о последствиях. Он думает только о действии - в это мгновение. Он чувствует: «Это то, что подходит мне, и я буду делать это». Тогда что бы ни случилось, будет приветствоваться. Он никогда не пожалеет.

Настоящий человек никогда не сожалеет, никогда не раскаивается, поскольку он никогда ничего не делает против себя.

А трус умирает тысячу раз перед смертью и непрерывно сожалеет, раскаивается; было бы лучше сделать то, сочетаться браком с тем мужчиной, с той женщиной, выбрать ту профессию, пойти учиться в колледж... всегда есть тысячи альтернатив, и вы не можете выбрать их все.

Общество учит вас: «Выбирайте привычное, удобное; выбирайте хорошо проторенный путь, по которому прошли ваши предки и предки их предков со времен Адама и Евы. Выбирайте хорошо проторенный путь. Этот путь доказан: так много людей - миллионы - прошло по нему, вы не ошибетесь».

Но запомните одну вещь: толпа никогда не имела переживания истины.

Истина случается только индивидуумам.

Этот хорошо проторенный путь проторен не Сократом и людьми, подобными Сократу.

Он проторен массой, посредственностью, людьми, которые никогда не имели смелости пойти в неизвестное, - они никогда не сходили с основной магистрали. Они цепляются друг за друга, поскольку это дает им определенное удовлетворение, утешение: «С нами так много людей...»

Вот почему все религии постоянно пытаются обратить к себе все больше и больше приверженцев. Причина не в том, что они заинтересованы в людях, их жизни, их преобразовании, - нет, они и сами не преобразуются, но если христиан больше, чем индусов, то, естественно, кажется, что у христиан больше шансов на обладание истиной, чем у индусов. Если буддистов больше, чем христиан, тогда, конечно, они могут продолжать верить, что они обладают истиной и именно поэтому с ними так много людей.

Но я хочу, чтобы вы помнили: истина всегда случается индивидуумам.

Это не коллективное явление. Она не случается толпе. Она всегда случается отдельным личностям.

Она все равно как любовь.

Видели ли вы влюбленную толпу? Это невозможно... чтобы одна толпа влюбилась в другую толпу. По крайней мере, до сих пор такого не случалось. Это индивидуальное явление. Один человек влюбляется в другого человека... Влюблены два человека.

В истине нет и двоих. Вы одни в своей абсолютной уединенности переживаете ее.

Поэтому остерегайтесь толпы. Остерегайтесь хорошо протоптанного пути. Остерегайтесь миллионов христиан, и буддистов, и мусульман, и индусов, и евреев; остерегайтесь всех этих людей.

Если вам нужно найти кого-то, ищите того, кто не принадлежит ни к какой толпе.

Вот почему я говорю, что Сократ и Иисус совершенно различны. Иисус старается принадлежать толпе. Толпа отвергает его; это уже другое дело. Толпа не желает признавать его, но он всеми способами пытается... Он никогда не думал ни о каком христианстве. Он был евреем, родился евреем, жил евреем, умер евреем, молился еврейскому Богу, все пытался убедить евреев: «Я ваш ожидаемый мессия». Он не бунтарь.

Истина приходит только к мятежным, а быть мятежным - это определенно жить в опасности.

И каждое мгновение, со всех сторон, всеми возможными способами вы сталкиваетесь... Вы живете с человеком, которого не любите, но вы продолжаете цепляться за явный комфорт, зато, что есть хоть кто-то, за кого можно уцепиться. Подумаете о том, чтобы расстаться с этим человеком, - и темнота, одиночество - что вы будете делать? Как будете жить? Может быть, вы не любите, но все же есть хоть кто-то. Вы выбираете удобное, привычное. У вас профессия, которую вы ненавидите...

Один мой дядя - поэт, и он мог бы быть одним из величайших поэтов Индии, если бы послушал меня. Но я был слишком молод, а он был выпускником университета. Я старался сделать, как

лучше, я сказал: «Вы можете не слушать меня, это ваше дело, но я хочу сказать вам».

Он возразил:» Почему ты беспокоишь меня?»

Я сказал: «Это определит всю вашу жизнь. Вы поэт. Я не много понимаю в поэзии, но то, что я видел в ваших блокнотах, дает мне уверенность в том, что, если вы выберете привычное, удобное - то есть профессию нашей семьи...»

Мой дед говорил ему: «Теперь ты выпускник. Заканчивай; начинай присматриваться к делу».

Я сказал ему: «Не слушайте его. Он убьет все ваше будущее».

Он сказал: «Ты странный мальчик. Ты предлагаешь мне, чтобы я не слушался своего собственного отца, а слушался тебя».

Я ответил: «Однажды вы будете раскаиваться. Ну и слушайте его». Он послушался деда. И как раз перед тем, как мы покинули Пуну, он пришел ко мне и сказал: «Простите меня. Я все еще помню вас, такого маленького, пытающегося убедить меня не слушать отца. Конечно, такой выбор был самым удобным для меня. Имелось дело, бизнес; я получил свое наследство. Дело было налажено, мне не нужно было много стараться».

А раз он вошел в дело, мой дед немедленно начал присматривать ему девушку. Я сказал ему: «Смотрите, вас мало-помалу захватывает все это».

Он ответил мне: «Ты мой друг или враг? Отец подыскивает мне жену, а ты говоришь, что он подыскивает мне тюрьму».

Я сказал: «Вам решать. Вы сами должны искать себе жену. Почему этим должен заниматься отец? Странно, его отец искал жену для него - и он стоял в стороне. Теперь он ищет жену для вас - и вы стоите в стороне. Как он может найти жену для вас?» Но мой дед был сильным человеком. Мой дядя не мог ничего возразить ему; если дед что-то решал - это было окончательно. И однажды он решил для него брак. Бракосочетание состоялось.

Я пришел на его бракосочетание и всячески дразнил его: «Вы собираетесь жить в заключении».

Когда он прибыл в Пуну, он сказал мне: «Вы были правы. Это была жизнь в заключении, и заключение становилось все большим и большим: сначала дело, потом жена, потом дети, теперь образование детей, теперь женитьба детей». И теперь ему шестьдесят пять, у него нет времени на поэзию. Когда он был в Пуне, всего две или три недели, он снова начал писать стихи. И он говорил мне: «За годы я все совершенно забыл; не было времени. Но глядя на вас, вспоминая, что вы говорили мне, я понял, что вы были правы. И я хотел бы прийти сюда на несколько месяцев и вернуть мои мечты, мои видения, уже исчезнувшие».

И как раз два или три дня назад Шила принесла его письмо: «Теперь вы уехали слишком далеко, мне невозможно добраться туда, а я надеялся приехать в Пуну». Для чего он надеялся приехать в Пуну? И как вы думаете, теперь, когда со времени моего совета так много воды утекло в Ганге, способен ли он оживить свою поэзию? Я так не думаю, поскольку он показал мне несколько вещей, написанных во время его пребывания в Пуне, - они не были того качества, которое, как я

знал, было присуще ему, когда он был молодым. Теперь набралось так много хлама. Он более не молод, устал, скучен, постоянно кается. Те несколько дней, что он пробыл там, он постоянно раскаивался: «Увы, я не послушался вас». Но никто не послушался бы ребенка. И то, что я предлагал, было мятежом против отца - его отца.

Вы выбираете профессию, которая поудобнее; вы выбираете друзей, которые поудобнее. Я видел странных людей. У меня был один друг - у меня редко бывали друзья, да и те, которые были, были не очень-то друзьями. Так что я на самом деле не помню, были ли у меня друзья, это лишь слово. Но он думал, что является моим другом, - он был профессором химического факультета.

Во всем университете только у меня и у него был автомобиль. Сначала автомобиль был только у него; он был сыном богатого человека, и автомобиль не был для него проблемой. Мне иметь автомобиль было невозможно. Я, бывало, проходил пешком четыре мили, чтобы преподавать в университете, и обратно четыре мили - два часа каждый день. Но я наслаждался ходьбой, она была прекрасным упражнением. Но один из моих поклонников терпеть не мог такое упражнение; он подарил мне автомобиль. В тот день, когда я приехал в колледж на автомобиле, - а до этого профессор химии ни разу и не подумал познакомиться со мной, - он подбежал ко мне. Он назвал мне свое имя и сказал: «Я был бы счастлив быть вашим другом».

Я сказал: «Странно, так неожиданно... Я здесь уже два года. Мы сталкивались друг с другом каждый день по два или три раза, и вы ни разу не поприветствовали меня». Конечно, я сам никогда не приветствовал его, поскольку не вмешиваюсь ни в чью жизнь. Кто знает, о чем вы думаете... а я могу бросить камень, и ваши мечты разрушатся, или случится что-нибудь подобное. Я не вмешиваюсь, если только кто-нибудь не приглашает меня; тогда это его ответственность. «Что случилось так неожиданно?»

Он сказал: «Отойдем в уголок, и я скажу вам». Он отвел меня в уголок и сказал: «Я решил поддерживать дружеские отношения только с теми, у кого есть автомобиль».

Я спросил: «Почему?»

Он сказал: «Если водить дружбу с людьми, у которых нет автомобиля, они просят... им нужен ваш автомобиль, каждый день они просят их подвезти, а вы должны платить за бензин. И они портят автомобиль, делают то, делают это, а вы должны присматривать за ними. Поэтому я решил поддерживать дружбу только с теми, у кого есть автомобиль».

Я сказал: «Это прекрасная идея. Но вы, пожалуйста, простите меня. Выслушав вашу идею, я решил не водить никакой дружбы с теми, у кого есть автомобиль».

Он спросил: «Но почему?»

Я ответил: «Из-за вашей идеи: может быть, это будет и их идеей тоже!»

Людской ум функционирует одинаковым образом. Люди становятся друзьями, если они принадлежат одному обществу, имеют одинаковый стандарт жизни; если они ходят в одну синагогу, в одну церковь, если они члены Ротари-клуба или клуба светских львов. Они - люди одного стандарта жизни, это удобно. Если вы заведете дружбу с бедным человеком, это неудобно. Однажды он придет и попросит у вас несколько рупий, его жена больна...

С членом Ротари-клуба не так. С ним поддерживать дружбу хорошо. С вами все в порядке, с ним все в порядке; проблем нет. У вас есть дом, у вас есть автомобиль; у него есть дом, у него есть автомобиль. У вас есть слуги, у него есть слуги. Нет проблем. Но всего лишь шаг ниже - и будут проблемы, ведь человек может попросить, обязательно попросит... Когда-нибудь у него возникнут неприятности, тогда где же ему еще искать помощь? Вы друг... Вот почему люди не водят дружбы со слугами. Годами слуга присутствует в их доме - и никакой дружбы. Они остаются почти не знакомыми.

Жить опасно означает не ставить таких глупых условий между собой и жизнью, как удобство, комфорт, респектабельность.

Отбросьте все это и позвольте случаться жизни, идите с ней, не беспокоясь, находитесь ли вы на основной магистрали или нет, не беспокоясь, где вы кончите.

Живут лишь очень немногие.

Девяносто девять и девять десятых процента людей лишь совершают медленное самоубийство.

Последнее, что следует запомнить, настолько существенно, что мне непростительно забыть об этом. Живите наблюдая.

Что бы вы ни делали: ходите, сидите, едите или ничего не делаете, просто дышите, отдыхаете, расслабляетесь на траве, - никогда не забывайте, что вы наблюдатель.

Вы снова и снова будете забывать об этом. Вы будете вовлечены в какие-то мысли, в какие-то чувства, в какие-то эмоции, в какие-то настроения - во все, что будет отвлекать вас от наблюдателя.

Вспомните и бегите назад к центру вашего наблюдения.

Непрерывно совершайте внутренний процесс...

Вы удивитесь, как жизнь изменит свое качество. Я могу двигать этой рукой без всякого наблюдения и могу двигать ею, всецело наблюдая ее движение изнутри. Эти два движения совершенно различны. Первое движение - это движение робота, механическое движение. Второе движение - это сознательное движение. И когда вы сознательны, вы чувствуете руку изнутри; когда вы несознательны, вы знаете руку только снаружи.

Вы узнали свое лицо только через зеркало, снаружи, поскольку вы - не наблюдатель. Если вы начнете наблюдать, вы почувствуете свое лицо изнутри - и это такое переживание, наблюдать себя изнутри.

Затем постепенно начнут происходить странные вещи... Исчезают мысли, исчезают чувства, исчезают эмоции, и вокруг вас возникает молчание.

И вы - как остров посреди океана молчания.

Просто наблюдатель, как пламя света в центре вашего существа, излучающее все ваше существо.

Вначале это будет только внутреннее переживание. Постепенно вы увидите, как это излучение распространяется за пределы вашего тела, его лучи достигают других людей. И вы будете удивлены и потрясены тем, что другие люди, если они хоть немного чувствительны, немедленно осознают, что что-то невидимое коснулось их.

Например, если вы наблюдаете себя... Просто идите позади кого-нибудь и наблюдайте себя, и почти с уверенностью можно сказать, что тот человек обернется и посмотрит назад без всякой причины. Ведь когда вы наблюдаете себя, ваше состояние наблюдения начинает излучать, и это излучение обязательно коснется человека, идущего впереди вас. И если его коснулось что-то невидимое, он обернется назад - в чем дело? А вы далеко, вы не могли даже дотронуться до него рукой.

Вы можете провести такой эксперимент: кто-то спит, а вы садитесь рядом с ним и просто наблюдаете себя. Человек неожиданно просыпается, открывает глаза и оглядывается вокруг, как будто кто-то дотронулся до него.

Постепенно вы также сможете ощущать касание через лучи. Это то, что называется вибрацией. Это реальное явление. Другой человек чувствует ваши лучи; вы тоже почувствуете, что вы коснулись его.

Слово «коснулось» используется с очень большим значением. Вы можете использовать его, не понимая, что означает, когда вы говорите, что «меня коснулся» человек. Он мог не сказать вам ни слова. Он мог лишь проходить мимо. Он мог лишь раз заглянуть в ваши глаза, и вы почувствуете, что этот человек «коснулся» вас. Это не просто слово - так именно и случилось.

И тогда эти лучи начинают распространяться и достигать людей, животных, деревьев, скал... и однажды вы увидите, что изнутри вы касаетесь всей вселенной.

Ваша уединенность абсолютно такая же, как и была. Но она становится больше, обширнее.

Это переживание, которое я называю переживанием божественности.

Том 2.

Беседа 16

ДАВАЙТЕ НЕ СТОЯТЬ ПЕРЕД ЭТИМ - ВЫ АБСОЛЮТНО ОДНИ

15 декабря 1984 года

Бхагаван,

Разве гипотеза Бога не полезна хоть каким-то образом? Сама мысль о том, чтобы отбросить идею Бога, чрезвычайно пугает меня.

Уже слишком поздно. В тот момент, когда кто-либо начинает называть идею Бога гипотезой, сама идея Бога уже отброшена.

Так называемые религиозные люди никогда не используют для Бога слово гипотеза. Для них Бог

- это не наша гипотеза, напротив, это мы - Его творение. Он - сам источник существования, Он - самое существующее бытие.

Но когда вы называете Бога гипотезой, это означает, что вы ставите Его в тот же ряд категорий, что и гипотезы Евклида в геометрии, или другие гипотезы, являющиеся лишь предположениями; они могут оказаться правильными, они могут оказаться неправильными. Это решится в эксперименте, в переживании, но и это не будет окончательным решением, поскольку последующие эксперименты могут перечеркнуть предыдущие.

Гипотеза - это предполагаемый факт, - факт, который воспринимается как истина в текущее время, но только в текущее время. Никто не может сказать, что он останется истиной и завтра. Это можно увидеть на примерах роста науки за последние триста лет: что-то было истиной для Ньютона и не было истиной для Резерфорда; что-то было истиной для Резерфорда и не было истиной для Эйнштейна. Лучше поставленные эксперименты, лучшего качества приборы всегда могут изменить гипотезу.

Таким образом, ни один теолог не назовет Бога гипотезой - Он сама истина. Он не зависит от ваших экспериментов. Если вы не можете найти его, то это ваша неудача, а вовсе не доказательство того, что Бога не существует. Если же вам будет сопутствовать успех, тогда, конечно, Он существует. Если вы терпите поражение, то это вы терпите поражение; Бог все-таки существует.

Гипотеза - это научный термин, а не теологическая концепция; и наука очень честна. Теология же, как раз напротив, очень нечестна.

Само слово теология показывает ее нечестность, неискренность. Тео означает Бог, логия означает логика. Но никто никогда еще не предлагал никакой логики о Боге. Все аргументы направлены против Бога; не выдвинуто еще ни одного аргумента в доказательство Бога. Они же продолжают называть это теологией - логикой Бога. Было бы гораздо честнее им называть Бога гипотезой, но вы не можете поклоняться гипотезе, не так ли?

Зная, что это всего лишь гипотеза, может быть, правильная, может быть, неправильная... но с этим «может быть» поклоняться невозможно; для поклонения нужна слепая вера в то, что вот это - так. Даже если все свидетельства говорят о противоположном, то и тогда вот это - так. В этом смысл веры. Вера - это не логика, она абсолютно нелогична. И назвать идею Бога гипотезой означает разрушить все церкви, все храмы, все синагоги.

Само слово гипотеза очень значительно: оно означает, что вам позволено сомневаться, вам позволено экспериментировать и открывать. Это лишь временное предположение, с которого можно начать. С чего-то нужно начать, поэтому для начала, на текущий момент времени, вы принимаете гипотезу. Но как вы можете поклоняться этому? И как священник сможет эксплуатировать вас? Применять слово гипотеза - абсолютно против религиозных людей. Они не соглашаются называть Бога даже идеей, ведь идея - это вещь вашего ума, ваше представление. Для них Бог - это не идея, Бог - единственная истина.

В Индии, где религия приняла очень тонкие формы, говорят, что это ей является идея в уме Бога, а не наоборот. Не Бог - идея в вашем уме, - ведь в вашем уме всякий хлам; ночные кошмары, сновидения, всевозможные желания. И Бог тоже ставится в ту же категорию? Ведь

ваши идеи меняются каждое мгновение; они подобны облакам, непрерывно меняющим свои формы.

Когда вы были ребенком, ваши идеи были определенно другими. Когда вы были подростком, ваши идеи были другими, когда вы стали молодым человеком, ваши идеи стали другими, и когда вы становитесь старше, вы не можете иметь те же идеи, что были у вас в юности. Переживания, жизненный опыт все меняют. Просто невозможно хранить одни и те же идеи всю жизнь; только совершенные идиоты способны на такое. Если в вас есть немного разума, то ваши идеи будут меняться на протяжении жизни.

Для религиозных людей неприемлемо даже называть Бога идеей, а гипотезой - тем более. Вот почему я говорю, что слишком поздно.

Вы называете Бога гипотезой, а вот вам определение медитации: быть в таком состоянии ума, когда нет идей, нет даже идеи Бога.

Гаутама Будда говорит: «Если вы встретите на своем пути меня, немедленно отсеки мне голову, ведь что я делаю там? Я мешаю вам. Идея меня - это помеха». Это все равно, как бросить камешек в тихое озеро; поднимается так много ряби, так много волн возникает. Простая идея, брошенная в тихое озеро вашего ума, создает миллионы волн; она может далеко увести вас от себя.

Каждая идея уводит вас от себя; отсюда и определение медитации: состояние осознанности без какой бы то ни было идеи.

В медитации нет способа уйти от себя, вы просто центрируетесь на своем собственном бытии. Нет объекта, который вы могли бы видеть. Вы остаетесь совершенно одни. Ваше осознание начинает обращаться на себя.

Сознательность подобна свету. Свет здесь, мы все здесь; свет падает на нас, на стены, на занавеси, на все, что есть здесь. Все это объекты. Только задумайтесь на мгновение: если устранить все объекты, тогда есть только свет, не падающий ни на что. Но свет есть нечто бессознательное - вы есть сознание. Поэтому, когда все объекты устранены, ваша сознательность падает на самое себя, обращается на самое себя; это обращение внутрь, ведь ничто не препятствует ему.

В этом смысл понятия «объект» (английское object — объект, вещь; возражать, протестовать): объект означает то, что препятствует, воздвигает преграду, преграждает, является помехой. Когда нет объекта, куда вы можете пойти? Вы вынуждены обратиться на себя, сознательность начинает осознавать себя - нет идеи Бога.

В обычных состояниях ума идеи являются лишь хламом. В этом необыкновенном пространстве не-ума идей не существует. Поэтому вы либо должны поместить Бога в категорию хлама, либо вы должны поместить Его туда, где объектам быть не позволено.

Слово «идея» не может использоваться религиозными людьми для Бога. «Идея» используется философами, точно так же, как «гипотеза» используется учеными. Для религиозного человека Бог - единственная реальность, но, используя слово «идея», вы уже зашли слишком далеко, -

слишком далеко от так называемой реальности Бога.

Ваш же вопрос значителен со многих точек зрения. Прежде всего, вы спрашиваете, полезна ли эта гипотеза хоть как-то? Она полезна - не для вас, а для тех, кто хочет эксплуатировать вас: для священника, раввина, папы, целой армии всех этих людей по всему миру. Что есть папа без идеи Бога? Что есть шанкарачарья? - просто ничто. Тогда кто есть Иисус? Невозможно быть сыном гипотезы! Это будет выглядеть очень странно. Невозможно быть мессией гипотезы. Мир был бы очень странным, если бы гипотезы начали посылать мессий.

Бог должен быть реальным для всех этих людей, чтобы они могли эксплуатировать вас, и они действительно эксплуатировали вас на протяжении тысячелетий.

И они будут продолжать эксплуатировать вас по той простой причине, что вы боитесь отбросить эту самую идею. Это показывает один потрясающий момент вашего бытия. Почему вы боитесь отбросить идею Бога? Определенно идея Бога каким-то образом препятствует тому, чтобы вы испытывали страх. Поэтому в тот момент, когда вы отбрасываете ее, вы начинаете бояться. Это своего рода психологическая защита, вот что это такое.

Ребенок обязательно должен бояться. Во чреве матери он не боится. Я никогда не слышал, чтобы хоть какой-нибудь ребенок во чреве матери думал о том, чтобы пойти в синагогу или в церковь, или о том, чтобы почитать Библию, или Коран, или Гиту; или беспокоился вопросом о том, есть ли Бог или его нет. Я не могу представить себе, чтобы ребенок во чреве матери хоть каким-то образом интересовался Богом, дьяволом, небесами, адом. Для чего? Он уже в раю. Нигде не может быть лучше, чем там.

Он полностью защищен в теплом уютном доме, плавает в химическом растворе, питающем его. И вы удивитесь - за эти девять месяцев ребенок вырастает в относительных единицах больше, чем он вырастет за девяносто лет. За девять месяцев он проделывает долгое путешествие; из почти ничего он становится человеческим существом. За девять месяцев он проходит через миллионы лет эволюции, от самого первого существа до настоящего времени. Он проходит через все фазы.

И жизнь его абсолютно безопасна: совершенно не нужно никуда идти работать, нет страха голода; все производится материнским телом. Жизнь в материнской утробе на протяжении девяти месяцев в такой абсолютной безопасности и является основанием проблемы, которую порождают ваши так называемые религии.

Когда ребенок выходит из чрева матери, первое, что приходит к нему, это страх.

Все очевидно. Потерян его дом, потеряна его безопасность. Полностью потеряны его теплота, его окружение, все, что он знал как свой мир, и теперь он выброшен в странный мир, о котором он ничего не знает. Он начинает дышать сам.

Ребенку требуются несколько секунд, чтобы осознать тот факт, что теперь он должен дышать сам, - дыхание матери теперь не поможет. Чтобы привести его в чувство, доктор держит его на весу вверх ножками, крепко шлепает его. Что за начало! Что за «добро пожаловать»?

И именно в результате этого шлепка он начинает дышать. Наблюдали ли вы, что всякий раз,

когда вы пугаетесь, ваше дыхание изменяется? Если не наблюдали этого раньше, можете увидеть это сейчас. Всякий раз, когда вы пугаетесь, ваше дыхание немедленно изменяется. А когда вы в покое, когда вы дома, ничего не боитесь, вы находите, что ваше дыхание происходит в глубокой гармонии, в глубоком согласии, становится все более и более тихим. В глубокой медитации происходит что-то такое, после чего вы чувствуете, как ваше дыхание как будто останавливается. Оно не останавливается, но почти останавливается.

Вначале ребенок боится всего. На протяжении девяти месяцев он находился в темноте, а в современной больнице, где он рождается, повсюду развешены яркие лампы дневного света. И это слишком для его глаз, для его сетчатки, которая раньше никогда не видела света, даже света свечи. Этот свет потрясает его глаза.

И доктор не дает ему даже нескольких секунд - он отрезает ту связь, которая все еще соединяет его с матерью, последнюю надежду на безопасность... и такое крошечное существо. И вы прекрасно знаете, что нет более беспомощного существа, чем человеческий ребенок, ни одно другое дитя во всем существовании так не беспомощно.

Вот почему гипотезу Бога не придумали лошади. Не думают об идее Бога слоны; нет необходимости. Слоненок тут же начинает ходить, оглядываться кругом, исследовать мир. Он не беспомощен, как человеческое дитя. На самом деле, на беспомощности человеческого ребенка основывается так много, что вы удивитесь: ваша семья, ваше общество, ваша культура, ваша религия, ваша философия - все основывается на беспомощности человеческого ребенка.

У животных нет семьи по той простой причине, что их дитя не нуждается в родителях. Человек же вынужден был прийти к определенной системе. Чтобы присматривать за ребенком отец и мать должны быть вместе. Это результат их любви; это их деяние. Если теперь оставить человеческого ребенка одного, как это делают многие животные, невозможно представить, что он выживет, невозможно! Где он найдет пищу? Кого он спросит? Что он спросит?

Может быть, он вышел слишком рано? И есть некоторые биологи, которые полагают, что человеческое дитя рождается недозрелым - девяти месяцев недостаточно, - ведь он приходит таким беспомощным. Но человеческое тело таково, что мать не может носить ребенка больше девяти месяцев, иначе она умрет, а ее смерть будет означать и смерть ребенка.

Подсчитано, что если бы ребенок мог прожить во чреве матери, по крайней мере, три года, тогда, возможно, не было бы потребности в отце, в матери, в семье, в обществе и культуре, в Боге и священнике. Но ребенок не может жить три года во чреве матери. Эта странная биологическая ситуация оказала воздействие на все человеческое поведение, мышление, структуру семьи, общества; и она же вызвала страх.

Первым переживанием ребенка является страх, и последним переживанием человека также является страх.

Рождение - это тоже род смерти; вам следует запомнить это.

Посмотрите на рождение с точки зрения ребенка. Он жил в определенном мире, который абсолютно удовлетворял его. Он совершенно ни в чем не испытывал нужды, ему ничего не было нужно. Он просто наслаждался бытием, наслаждался ростом — и вот он внезапно выброшен

прочь.

Для ребенка это переживание является переживанием смерти - смерти всего его мира, его безопасности, его уютного домика. Ученые говорят, что мы еще не сумели создать такого уютного дома, как чрево матери. Мы пытались - все наши дома представляют собой попытки создать такой уютный дом.

Мы пытались даже создать водяные кровати, чтобы дать вам такое же ощущение. У нас есть горячие ванны; лежа в них вы можете испытать немного ощущения ребенка. Те, кто знает, как по-настоящему принимать горячую ванну, кладут в нее также немного соли, ведь в материнском чреве среда очень соленая, - в точности такое же количество соли, как в морской воде. Но как долго можно лежать в ванне? У нас есть отдельные водоемы, которые представляют собой не что иное, как поиск того же чрева, которое мы потеряли.

Зигмунд Фрейд - не просветленный человек, - на самом деле он немного «ку-ку», человек не в своем уме, «с приветом», но иногда и кукушки поют прекрасные песни. Иногда у него появляются значительные идеи. Например, он полагает, что идея мужчины, занимающегося любовью с женщиной, представляет собой не что иное, как попытку снова войти во чрево. В этом, может быть, что-то есть. Этот человек не в своем уме, идея, кажется, заходит слишком далеко; но если даже такой человек, как Зигмунд Фрейд, безумен, его нужно выслушать очень внимательно.

Я чувствую, что в этом есть что-то от истины: поиск чрева, через тот же проход, которым он вышел... Он не может добраться до этого чрева, это верно. Поэтому он и создал всевозможные вещи; он начал строить пещеры, дома, самолеты. Посмотрите на интерьер самолета - не будет удивительным, если вы однажды найдете в самолете людей, плавающих в ванной с теплой соленой водой. Самолет может предоставить вам в точности такую же ситуацию, но и это не будет удовлетворительным.

Ребенок не знал ничего другого. Мы стараемся устроить все так же удобно: только нажал на кнопку, и вот она, стюардесса. Мы все устроили настолько комфортабельно, насколько это возможно, но мы не можем сделать так же комфортабельно, как было во чреве матери. Там вам не нужно было даже нажимать на кнопку. Вы получали питание до того, как начинали испытывать голод. Вы получали воздух до того, как испытывали потребность в нем. На вас не лежало никакой ответственности.

Так что ребенок, выходящий из чрева матери, если он вообще чувствует свой выход, должен ощущать его как смерть. Он не может чувствовать его как рождение, это невозможно. Это наша идея - идея тех, кто стоит рядом, - это мы говорим, что он рождается.

И во второй раз, снова, однажды, после усилий всей своей жизни... Он сумел что-то сделать - маленький домик, семья, маленький круг друзей, немного тепла, маленький уголок где-то в мире, где он может расслабиться и быть собой, где он принят. Трудно — борьба на протяжении всей жизни, и вдруг однажды он обнаруживает, что его выбрасывают прочь.

Снова пришел доктор - и это тот же самый человек, который шлепнул его! Но в тот раз он должен был начать дыхание; в этот же раз, насколько мы знаем... Мы на этой стороне, другая сторона нам неизвестна. Другая сторона открыта лишь для нашего воображения; вот откуда

небеса и ад... разыгрались все виды воображения.

Мы на этой стороне, а этот человек умирает. Для нас он умирает; но, может быть, он возрождается вновь. Это знает только он, и он не может вернуться и рассказать нам: «Не беспокойтесь; я не умер, я жив». Он не мог тогда вернуться во чрево своей матери, чтобы бросить последний взгляд и сказать всему «до свидания», не может он вернуться и теперь, открыть глаза и сказать «до свидания» всем вам, сказать: «Не беспокойтесь. Я не умираю, я возрождаюсь».

Индусская идея о возрождении - это не что иное, как проекция обыкновенного рождения. Для чрева - если чрево думает - ребенок мертв. Для ребенка - если он думает - он умирает. Но он рождается; то не было смертью, то было рождение. Индусы спроецировали ту же идею на событие смерти. С этой стороны кажется, что человек умирает, но с другой стороны... Но другая сторона - наше воображение; мы можем сделать ее такой, какой захотим.

Каждая религия делает эту другую сторону по-своему, поскольку каждое общество, каждая культура основываются на иной географии, иной истории. Например: тибетцы не могут полагать, что на другой стороне прохладно - страшна даже прохлада, а холод и вовсе невозможен. Тибетец думает, что мертвому тепло в новом мире, который всегда остается теплым.

Индиец не может думать о том, что новый мир всегда остается теплым. Даже четырех месяцев тепла в Индии слишком много, но чтобы было тепло всю вечность - можно свариться! Религия индусов полагает... У них нет понятия о кондиционировании воздуха, но то, как они описывают свой рай, воздух там почти кондиционирован - всегда прохладный, но не горячий и не холодный. Там всегда весна, индийская весна - ведь на земле в разных местах и весна разная - это индийская весна. Расцветают все цветы, ветры полны ароматов, поют птицы, все оживает; но нет жары, воздух прохладен. Об этом напоминают нам снова и снова: непрерывно веет прохладный воздух.

Это ваш ум проецирует идею; в противном случае для тибетца, индийца, мусульманина не было бы разницы. Мусульманин не может думать, что другой мир представляет собой пустыню, ведь он так сильно страдал в Аравийской пустыне. Другой мир - это оазис, оазис повсюду. Не нужно отыскивать маленький оазис за сотни миль с небольшим количеством воды и немногочисленными деревьями - сплошные оазисы повсюду, и нигде никакой пустыни.

Мы проецируем, но для умирающего человека это снова тот же процесс, который он пережил однажды. Хорошо известно, что в момент смерти, если человек не потерял сознание, не впал в кому, он начинает вспоминать весь свой жизненный цикл. Он возвращается к первому моменту своей жизни, когда он родился. Представляется значительным, что, когда он оставляет этот мир, он может взглянуть на все то, что случилось. Всего за несколько секунд проходит весь календарь, совсем как в вашем кино.

Этот календарь движется, поскольку за двухчасовое кино нужно покрыть многие годы... если бы календарь двигался обычным шагом, вам пришлось бы сидеть в кинотеатре два года; кто может позволить себе такое? Нет календарь движется быстро, быстро сменяются даты. Он движется еще быстрее в момент смерти. В единое мгновение вспыхивает вся жизнь, и впервые останавливается. Снова происходит тот же самый процесс - жизнь завершила полный круг.

Почему вы хотели вспомнить об этом? Потому что ваш Бог — это не что иное, как страх первого дня, который продолжается и продолжается до последнего мгновения, становясь все больше и больше. Вот почему, когда человек молод, он может быть атеистом, он может позволить себе быть атеистом, но по мере того, как он становится старше, оставаться атеистом все труднее. Если, когда он подходит близко к своей могиле, одной ногой стоит в могиле, вы спросите его: «Вы все еще атеист?» - то он скажет: «Я передумал», - из страха... что же происходит? Весь его мир исчезает.

Мой дедушка не был религиозным человеком, совсем не был. Он был близок к греку Зорбе: ел, пил и веселился; нет другого мира, все это чепуха. Мой отец был очень религиозным человеком; может быть, из-за моего дедушки - реакция, разрыв между поколениями. В моей семье все было наоборот: дедушка был атеистом, и, может быть, из-за его атеизма отец превратился в теиста. Всякий раз, когда отец отправлялся в храм, дедушка смеялся и говорил: «Снова! Иди, растрачивай понапрасну свою жизнь перед этими глупыми статуями!»

Я люблю Зорбу по многим причинам; одной из причин является та, что в Зорбе я снова нашел своего дедушку. Он настолько любил пищу, что обычно не доверял никому; он сам готовил ее. За свою жизнь я гостил в тысячах семей в Индии, но я нигде не пробовал таких деликатесов, какие готовил мой дедушка. И он настолько любил это дело, что каждую неделю устраивал пир для всех своих друзей - он готовился к нему целый день.

Мою мать, моих теток, слуг и поваров выгоняли из кухни. Когда готовил дедушка, никто не должен был мешать ему. Но ко мне он относился очень по-дружески; он разрешал мне наблюдать за ним и говорил: «Учись, не полагайся на других людей. Только тогда ты узнаешь свой вкус. Кто другой может знать его?»

Я говорил: «Это не для меня; я слишком ленив, но я могу наблюдать. Целый день готовки? - я на это не способен». Поэтому я не выучился ничему, но и просто наблюдать было радостью - то, как он работал, почти как скульптор, или музыкант, или художник. Приготовление пищи было не просто приготовлением, для него это было искусством. И если что-нибудь получалось ниже его стандарта, то оно немедленно выбрасывалось. Он начинал готовить снова и говорил тогда: «Вот теперь все в порядке».

Он говорил: «Вы знаете, это хорошо, просто хорошо, но не совершенно хорошо; я же стремлюсь к совершенству. Пока все не дойдет до моего стандарта, я не смогу предложить свою пищу никому другому. Я люблю свою пищу».

Он готовил много видов напитков... и что бы он ни делал, вся семья была против него: они говорили, что он просто всем мешает. Он не позволял никому быть на кухне, и вечером он собирал всех атеистов города. Просто, чтобы бросить вызов джайнизму, он дожидался темноты. Он не принимался за еду раньше, потому что джайнизм говорит: ешьте до захода солнца; после захода солнца есть не разрешается. Он, бывало, снова и снова посылал меня проверить, село солнце или нет.

Он досаждал всей семье. И они не могли на него сердиться - он был главой семьи, старейшим мужчиной, - но они сердились на меня. Это было проще. Они говорили: «Зачем ты снова и снова выходишь посмотреть, село солнце или нет? Этот старик хочет, чтобы и ты заблудился, совершенно заблудился».

Меня очень опечалило то, что я повстречался с книгой Грек Зорба только тогда, когда дедушка умирал. Единственное, что я почувствовал на его погребальном костре, было то, что ему понравилась бы эта книга, если бы я перевел и прочитал ему ее. Я прочитал ему много книг. Он был необразованным человеком. Он мог только поставить свою подпись, вот и все. Он не умел ни читать, ни писать, - но он этим очень гордился.

Он говорил, бывало: «Хорошо, что мой отец не заставлял меня ходить в школу, иначе он испортил бы меня. Эти книги так портят людей». Он говорил мне: «Запомни, твой отец испорчен, твои дяди испорчены; они постоянно читают религиозные книги, писания и весь этот хлам. Пока они читают, я живу; и хорошо, когда все узнаешь через жизнь».

Он обычно говорил мне: «Они пошлют тебя в университет - они не слушаются меня. И я не смогу помочь, потому что, если твой отец и твоя мать решат, они пошлют тебя в университет. Но будь осторожен, не заблудись в книгах».

Он наслаждался маленькими вещами. Я спрашивал его: «Все верят в Бога, почему вы не верите, баба?» Я называл его баба; этим словом в Индии обозначается дедушка.

Он отвечал: «Потому что я не боюсь».

Очень простой ответ: «Почему я должен бояться? Мне не нужно бояться; я не сделал ничего плохого, я не причинил никому вреда. Я просто радостно прожил свою жизнь. Если есть какой-нибудь Бог и я когда-нибудь Его встречу, Он не сможет гневаться на меня. Я буду гневаться на него: «Почему Ты создал это мир? Такой мир?» Я не боюсь».

Когда он умирал, я снова спросил его, поскольку доктора говорили, что осталось всего несколько минут. Его пульс пропадал, сердце затихало, но он был еще в полном сознании. Я спросил его: «Баба, один вопрос...»

Он открыл глаза и сказал: «Я знаю твой вопрос: почему я не верю в Бога? Я знаю, что ты собирался задать этот вопрос, когда я буду умирать. Ты думаешь, что смерть заставила меня испугаться? Я прожил так радостно и так полно, я не жалею, что умираю».

«Что еще мне делать завтра? Я все уже сделал, ничего не осталось. И если мой пульс замедляется, замедляется биение моего сердца, то я думаю, что все идет совершенно правильно, ведь я чувствую себя очень спокойным, тихим, молчаливым.

Умру ли я или останусь жить, я не могу сказать прямо сейчас. Но одно ты должен запомнить: я не боюсь».

Вы говорите мне, что в тот момент, когда вы думаете об отбрасывании идеи Бога, приходит страх. Это просто указывает на то, что скалой Бога вы придавили свой страх; и в тот момент, когда вы отодвигаете скалу, страх выпрыгивает из-под нее.

Когда я учился в высшей школе, у меня был учителем один очень образованный брамин. Почти весь город уважал его. Он жил позади моего дома, и к его дому вела небольшая тропинка, пролежавшая рядом с моим домом. Как раз на краю моего дома стояло большое дерево ним. Он преподавал санскрит и непрерывно поучал нас о Боге, молитве и поклонении. На самом деле, он

каждому внушал свои представления.

Я спросил у него: «Мой дедушка не верит в Бога и всякий раз, когда я спрашиваю его, говорит: “Потому что я не боюсь”. А вы боитесь? Вы непрерывно вдалбливаете это слово “бог” в наши головы, и я вижу, что вы каждое утро так громко распеваете в своем доме, что беспокоите всех соседей. Но никто не может ничего сказать вам, потому что это религиозные песнопения». Если бы вы занимались чем-нибудь вроде современных танцев, джазовой музыки, все тут же схватили бы вас за горло за то, что вы мешаете им. Он же каждое утро мешал всем с пяти до восьми, - и у него был по-настоящему громкий голос, - но то были религиозные...

Я сказал: «Вы боитесь? Вы вынуждены молиться по три часа в день. В вас сидит, должно быть, великий страх, раз по три часа в день вы должны убеждать Бога защищать вас».

Он сказал: «Я не боюсь. Твой дедушка плут». Они были почти одного возраста... «Он плут, не слушай его. Он испортит тебя».

Я сказал: «Странно: он думает, что это вы испортите меня, а вы думаете, что он испортит меня; что касается меня, то меня никто не испортит. Я верю своему дедушке, когда он говорит, что не боится, - но относительно вас я не очень уверен».

Он спросил: «Почему?»

Я сказал: «Потому что, когда вы проходите мимо дерева ним вечером, вы начинаете распевать», - ведь было известно, что в этом дереве жил дух, поэтому люди обычно старались не проходить рядом с деревом ним по вечерам. Но он вынужден был проходить этим путем, поскольку там был его дом; иначе ему пришлось бы проходить почти полмили по главной дороге, чтобы добраться до своего дома. Ходить этим кружным путем было очень утомительно, поэтому он изобрел религиозную стратегию: он начинал распевать мантры. Он начинал распевать сразу же, как выходил на тропинку.

Я сказал: «Я слышал вас; хотя вы и не поете так громко, как по утрам, но все же вы поете, я слышал. И я знаю, что духи есть, поэтому я не могу сказать, что вы делаете что-то неправильное».

Он сказал: «Как ты узнал?»

Я сказал: «Много раз я был там, рядом с деревом ним в темноте; ваше песнопение становится громче и вы начинаете идти быстрее - это я знаю. Зачем вы распеваете, если не боитесь? И если вы боитесь духов, то трехчасовые песнопения Богу по утрам бесполезны. Может ли он сохранить вас от духов?»

Он сказал: «Сегодня я не буду распевать». Конечно, он сдержал свое слово. Он не распевал. Хотя он и шел быстрее, чем обычно. А мне все, что нужно было делать, так это сидеть на дереве с банкой из-под керосина — пустой, чтобы бить в нее как в барабан. Я просто барабанил по банке и потом сбросил ее на него сверху. Вам бы видеть ситуацию! Он убежал с криками и воплями: «Бхут! Бхут! Бхут! Бхут!» Бхут - на хинди означает дух.

В Индии одежда древней традиции не похожа на западную одежду. Теперь она меняется, потому

что западная одежда более утилитарна; индийская одежда роскошна, но не утилитарна. Если вы работаете в поле или на заводе, индийская одежда опасна, потому что одеяние длинное и запутанное, оно может попасть в любой механизм. Даже гхоти, нижняя одежда, тоже очень запутано. Это напоминает нам, что когда-то в стране были, наверное, очень удобные времена.

Нельзя давать индийскую одежду солдатам; иначе они не смогут сражаться, одной их одежды будет достаточно, чтобы покончить с ними. Даже если им придется спасаться бегством, они не смогут этого сделать. Могут ли я бежать в своем одеянии? Невозможно. Проще умереть, чем бежать.

Он так испугался... Когда металлическая банка упала на него с громким шумом, его гхоти распахнулось, и он был так испуган, что вбежал в дом без него, голым! Его гхоти осталось там. Я слез с дерева, взял гхоти и вместе с банкой скрылся оттуда.

Весь его дом был в суматохе. Все соседи спрашивали, что случилось. Он сказал: «Этот мальчишка все нарушил. Этим утром он сказал мне: “Не совершайте мантру. Если вы не боитесь, не совершайте мантру”. Он бросил мне вызов. Завтра я доберусь до него и спрошу о том, что со мной случилось, как в свои старые годы я стал посмешищем. Все соседи увидели меня голым!» А в Индии быть голым, и к тому же одному из самых уважаемых священников и ученых города...

Он пришел на следующий день и был очень серьезен. Я знал, что он приближается, и поэтому взял банку, внутри которой находилось его гхоти. Когда он увидел меня с этой банкой, он спросил: «Что это такое?»

Я сказал: «Прежде всего, вы начали. Вы грозили... вы сказали соседям, что доберетесь до меня. Я тоже добрался до вас - теперь вопрос, кто до кого добрался. Вы можете наложить на меня любое наказание, какое захотите, но помните, я открою эту банку перед всей школой».

Он сказал: «А что в ней?»

Я сказал: «Бхут! Дух! Я захватил духа, который испугал вас».

Он сказал: «Дух? Не эта ли банка упала с дерева?»

Я сказал: «Конечно».

Он сказал: «Забери ее обратно, это опасно».

Но я сказал: «Пожалуйста, загляните внутрь и посмотрите, что там». Я открыл банку, вынул его гхоти и сказал: «Заберите назад хотя бы свое гхоти».

Он сказал: «Но как тебе удалось это?»

Я сказал: «Кому, как вы думаете, удалось все это? Меня вы должны благодарить за то, что я взял на себя труд забраться на дерево, барабанить в эту банку, потом бросать ее сверху на вас; затем подбирать ваше гхоти в темноте, бежать, пока меня не схватили. Я просто показал вам... не надо мне лгать». И с того дня, хотя он и знал, что это я был тем человеком, который проделал все это дело, он перестал ходить по той тропинке, он ходил вокруг. Я спрашивал его, почему, - «Вы же прекрасно знаете, что это я был тем человеком».

Он сказал: «Я не хочу давать ни одного шанса. Я не верю тебе. Ты мог подобрать мое гхоти и банку утром, а тогда по-настоящему мог быть дух».

Я сказал: «Я говорю вам, на дереве был я».

Он никогда больше не проходил вечером по этой тропинке. Вся моя семья знала, что я был тем самым человеком, потому что они видели, как я забирался на дерево, но даже моя семья испугалась. Они начали говорить: «Может быть, дух овладел тобою».

Я сказал: «Странные люди! Я сказал, что это сделал я, но теперь вы проецируете новые идеи: мною овладел дух, и именно поэтому я проделал все это дело. Вы не можете принимать простые факты как простые».

Если приходит страх, это означает, что вы должны встать лицом к нему; прикрывать его идеей Бога никак не поможет. И тогда вы не можете снова иметь веру, она разрушается.

Коль скоро вы повстречались со мною, у вас не может быть веры в Бога, потому что сомнение - это реальность, а вера — это вымысел.

И ни один вымысел не может устоять перед фактом.

Теперь Бог останется для вас гипотезой; ваша молитва будет бесполезной. Вы будете знать, что это гипотеза, вы не сможете забыть, что это гипотеза.

Когда вы слышали истину, забыть ее невозможно.

Одно из качеств истины - это то, что ее не нужно запоминать.

Ложь нужно непрерывно запоминать; вы можете забыть ее. Человеку, привыкшему лгать, нужна лучшая память, чем человеку, привыкшему к правде, потому что искреннему человеку память не нужна; если вы говорите только правду, запоминать не нужно. Но если вы говорите ложь, тогда вы должны запоминать непрерывно, потому что одному человеку вы говорите одну ложь, другому человеку другую, что-то еще кому-то третьему. Вы должны разбить ложь в своем уме на категории и хранить, кому вы что сказали. И всякий раз, когда возникает вопрос, касающийся лжи, вы вынуждены лгать снова, так как ложь - это последовательность поколений. Ложь не знает контроля над рождаемостью.

Истина - это безбрачие, у нее совсем нет детей; она не обручается с фактом.

Раз вы поняли, как только вы поняли, что Бог - это не что иное, как гипотеза, созданная священниками, политиками, элитой власти, школьными учителями - всеми, кто хочет держать вас в психологическом рабстве, кто питает в вашем рабстве свои насущные интересы... Все они хотят держать вас в испуге, в постоянном страхе, дрожащими до глубины души, поскольку, если вы не боитесь, вы опасны.

Вы можете быть или трусливым человеком, испуганным, готовым к капитуляции, человеком, у которого нет своего достоинства, нет уважения к своему собственному бытию, - или вы можете быть бесстрашными. Но тогда вы поднимете бунт, вам не избежать его.

Или вы будете человеком веры, или дух ваш будет мятежным.

Поэтому те люди, которые не хотят, чтобы вы были бунтарями, - ведь ваше бунтарство идет против их интересов, - продолжают навязывать, формировать ваш ум в христианстве, в иудаизме, в мусульманстве, в индуизме, они поддерживают вашу внутреннюю дрожь.

Это их власть, поэтому всякий, кто заинтересован во власти, тот, чья жизнь есть борьба за власть, находит потрясающее применение для гипотезы Бога.

Если вы боитесь Бога, - а если вы верите в Бога, вы обязаны бояться, - вы должны следовать Его приказам и заповедям, Его святой книге, Его мессии, Его воплощению; вы должны следовать за Ним и Его агентами. На самом деле, Он не существует, существует только агент. Это очень странный бизнес.

Религия — наиболее странный бизнес из всех. Нет босса, но есть посредники: священник, епископ, кардинал, папа, мессия, целая иерархия, — а наверху никого.

Но Иисус выводит свой авторитет и свою власть от Бога - он Его единственный рожденный сын. Папа выводит свою власть от Иисуса - он Его единственный истинный представитель, непогрешимый. И так продолжается и продолжается до священника самого нижнего ранга... Но нет Бога; это лишь ваш страх.

Вы просили о придуманном Боге, потому что вы не можете оставаться одни.

Вы не способны встать лицом к жизни, к ее красотам, к ее радостям, к ее страданиям, к ее мукам. Вы не были готовы переживать ее сами по себе, без защиты с чьей-либо стороны, без того, чтобы кто-нибудь не был над вами зонтиком. Вы просили о Боге из страха. И плуты есть повсюду. Вы просите, и они дают вам. Вы просили, и они сказали: «Мы знаем, что Бог есть, вам же нужно просто творить вот эту молитву...»

У Толстого есть красивая история. У высшего священника русской православной церкви возникла великая неприятность, потому что три человека, живших за озером под деревом, стали очень знаменитыми; настолько знаменитыми, что вместо того, чтобы идти к высшему священнику, люди начали ходить к этим трем святым.

Христианский «святой» - очень странное слово. На любом другом языке святой и эквивалент святого - очень уважительные слова, но не в христианстве, потому что там святой означает лишь: возведенный в ранг святых папой, утвержденный папой.

Жанна Д'Арк была сделана святой триста лет спустя. Один непогрешимый папа сжег ее заживо. Спустя триста лет их ум изменился, поскольку люди стали все больше и больше оказывать почтение Жанне Д'Арк; тогда папа подумал, что настало подходящее время объявить ее святой. Ее могила была снова раскопана, и все, что там было, - осталось, может быть, несколько костей, - было вынуто, освящено, сделано предметом поклонения. Она стала святой.

«Святой» в христианском понимании - мерзкое понятие. Санскритским словом, эквивалентным слову святой, является сант. Если выводить это слово от сант, то можно читать его как святой; но сант означает того, кто прибыл, того, кто познал сатью. Сант означает предельную истину, и

того, кто осознал ее, называют святым, - а не того, кого утвердили! Это не степень и не титул, который кто-то может дать вам. Высший священник очень разгневался, потому что о тех трех святых говорили люди. Он сказал: «Но как они стали святыми? Я никого из них не утверждал. Это просто возмутительно». Но люди есть люди... Люди продолжали ходить, и поэтому, наконец, он решил: «Я должен посетить этих троих. Кто они такие? Они объявили себя святыми! А я не знаю, кто они -такие. Меня даже не проинформировали, а ведь только в моей власти посвятить человека в святые». Так что он был в большом гневе.

Он отправился на своей лодке - у него была прекрасная лодка, потому что он был высшим священником, он был выше царя в том, что касалось религии. Даже царь с царицей припадали, бывало, к его ногам. И он думал: «Кто эти дураки, неизвестные, безымянные? Объявили себя святыми!» Он отправился туда и нашел трех очень простых людей, трех стариков, сидящих под деревом. Они немедленно встали, припали к его ногам и сказали: «Почему вы взяли на себя такие хлопоты? Вы могли бы написать послание, и мы пришли бы».

Высший священник немного остыл, но сказал: «Кто объявил вас святыми?»

Они сказали: «Мы не знаем. Мы не знаем, что мы святые. Кто сказал вам?»

И высший священник понял, что все эти трое были абсолютно необразованными людьми, они не знали ничего о христианстве или о религии. Он сказал: «Какова ваша молитва? Знаете ли вы православную молитву, без которой вы не можете быть даже христианами? - что уж говорить о святом!»

Они сказали: «Мы необразованные люди, и никто не учил нас никаким молитвам. Но если вы простите нас, мы расскажем - мы составили нашу собственную молитву».

Он сказал: «Что! Вы составили свою собственную молитву? Хорошо, позвольте послушать, что это за молитва».

Один сказал другому: «Ты расскажи».

Другой сказал: «Лучше ты расскажи». Все они очень стеснялись.

Высший священник сказал: «Ты расскажи! Пусть расскажет любой».

Они сказали: «Мы будем рассказывать все трое вместе». Их молитва была проста: «Вас трое - Бог-отец, Святой Дух и Бог-сын. Вас трое, нас тоже трое - явите нам свою милость». «Вот наша молитва. Больше этого мы не знаем. Мы слышали, что Он — это трое, и мы знаем, что нас тоже трое, что еще нужно? “Яви нам свою милость - вас трое, нас трое, яви нам свою милость!”»

Священник сказал: «Это непростительно. Вы делаете из религии посмешище».

Они сказали: «Тогда скажите нам, какая молитва правильная, чтобы мы могли повторять ее».

Высший священник сказал им молитву, длинную молитву русской православной церкви. Они выслушали и сказали: «Подождите, повторите ее снова, потому что это так длинно, мы можем забыть. Наша молитва такая короткая, мы никогда не забывали ее, она ведь такая простая, и мы всегда помнили, что Он - это трое, нас трое, яви нам свою милость. С этим нет проблем. Ваша

молитва - если мы забудем или совершим какую-нибудь ошибку...»

Поэтому он повторил молитву дважды. Они сказали: «Еще раз». Он повторил трижды, и они сказали: «Мы постараемся». Он был счастлив оттого, что наставил этих дураков на истинный путь... это молитва? - и они стали святыми? Он отправился обратно счастливый тем, что совершил доброе дело. Таковы делатели добра.

Как раз на середине озера он увидел, что эти три старике, бегут за ним по озеру! Он не мог поверить своим глазам. Они сказали: «Подождите! Мы забыли молитву! Еще один раз, и мы больше не побеспокоим вас никогда». И они стояли на воде!

Высший священник коснулся их ног и сказал: «Простите меня. Повторяйте свою молитву, она совершенно правильная. Вам не нужно приходить и спрашивать у меня; если мне понадобится что-нибудь спросить, я приду. Теперь я знаю, чья молитва правильная».

Эти трое показали одну простую истину: если у вас есть вера, это не доказывает, что есть Бог. Но ваша вера может дать вам определенную целостность, определенную силу. Вера же должна быть очень невинной. Они не прятали за ней никакого страха. Они не ходили ни в какую церковь, чтобы разучивать молитвы, они не спрашивали никого: «Что есть Бог? Где есть Бог?» - ничего подобного. Они были просто невинными людьми, и их вера исходила из невинности.

Эта вера не доказывает, что Бог есть; эта вера просто доказывает, что невинность - это сила.

Это всего лишь рассказ, но невинность есть сила. Да, вы можете ходить по воде, но исходя из невинности; и исходя из невинности, если есть вера... Но такое случается очень редко, потому что каждый родитель, каждое общество разрушает вашу невинность до того, как вы даже осознаете, что она была у вас. Они постоянно навязывают вам какую-то веру, и вы принимаете эту веру из страха. В темноте мать говорит: «Не бойся; Бог следит за тобой. Он присутствует повсюду».

Я слышал об одной католической монахиня, которая принимала душ, не раздеваясь даже в ванной комнате. Другая монахиня немного забеспокоилась: «Она что, стала орегонкой, или что?»

Но бедная монахиня сказала; «Это потому, что я слышала, что Бог везде, поэтому Он должен быть и в ванной комнате. А быть обнаженной перед Богом - это нехорошо». Эта женщина, может быть, выглядит глупо, но в ней есть определенная невинность. И если из этой невинности возникает вера, то не важно, в чем заключается эта вера.

Невинность дает силу, но невинность уничтожена, и именно это я собираюсь вернуть вам, чтобы вы снова стали невинными. И чтобы стать невинными, вы должны будете пройти через эти ступени.

Вы должны будете отбросить идею Бога, которая помогает вам не бояться.

Вы должны будете пройти через страх и принять его как человеческую реальность.

Не нужно бежать от него. Что нужно, так это пройти в него глубоко, и чем глубже вы проходите

в свой страх, тем меньше вы его находите.

Когда вы коснетесь скалистого дна своего страха, вы просто рассмеетесь, - бояться-то нечего.

И когда страх исчезает, остается невинность, и эта невинность есть саммум бонум, самая суть религиозного человека.

И эта невинность есть сила.

Эта невинность - единственное чудо, которое есть.

Все может случиться из этой невинности, но вы не будете из нее христианами, вы не будете из нее мусульманами. Из невинности вы станете просто обыкновенным человеческим существом, полностью принимающим свою обыкновенность и живущим в радости от этого, живущим в благодарности всему существованию - не Богу, поскольку эта идея дана вам другими.

Существование же - это не идея.

Оно вокруг вас повсюду, внутри и вовне.

Когда вы предельно невинны, возникает глубокая благодарность, признательность, - я не назову это молитвой, потому что в молитве вы просите о чем-то, я назову это глубокой благодарностью. Вы не просите ни о чем, но благодарите за что-то, что уже дано вам.

Вам дано так много.

Вы заслужили это? Вы заработали?

Существование все время изливает на вас так много, что спрашивать больше безобразно. Вы должны быть благодарны за то, что уже получили.

И самое прекрасное заключается в том, что когда вы благодарны, существование начинает все больше и больше изливаться на вас. Возникает замкнутый круг: чем больше вы получаете, тем больше вы испытываете благодарности; чем больше вы испытываете благодарности, тем больше вы получаете... и нет этому конца, это бесконечный процесс.

Но помните - гипотеза Бога уходит; в тот момент, когда вы назвали идею Бога гипотезой, она уже отброшена. Бойтесь вы или нет, вы не можете взять ее обратно; с нею покончено.

Теперь остается только один путь - отправиться в свой страх.

Тихо войдите в него, чтобы можно было найти его глубину.

И иногда случается так, что он очень глубок.

Вот дзэнская история: человек, гуляя ночью, соскользнул со скалы. Испугавшись, что ему придется пролететь вниз тысячи футов, - ведь он знал, что это место было глубоким ущельем, — он ухватился за ветку, которая свешивалась со скалы. В ночи все, что он мог видеть, это бездонную пропасть. Он закричал: его собственный крик отразился обратно - никто не услышал

его.

Можете представить себе этого человека и целую ночь его мучений. Каждое мгновение было для него смертью, его руки замерзали, его хватка ослабевала... а когда вышло солнце, он посмотрел вниз и рассмеялся: не было пропасти. В шести дюймах внизу была скала. Он мог бы всю ночь отдыхать, хорошо выспаться - скала была достаточно большой, - но он всю ночь провел в кошмаре.

Из своего собственного переживания я могу сказать вам: страх - это не более шести дюймов глубины. Теперь от вас зависит, хотите ли вы цепляться за ветку и превратить свою жизнь в кошмар, или вы предпочтете отпустить ветку и встать на свои ноги.

Бояться нечего.

Беседа 17

ИИСУС, ЕДИНСТВЕННЫЙ ЗАБЫТЫЙ СЫН БОЖИЙ

16 декабря 1984 года

Бхагаван,

Вы говорите, что Бог - это не гипотеза и не идея. Тогда что есть Бог? Встречал ли кто-нибудь Бога или нет?

Бог - это определенно не гипотеза.

Гипотеза может быть только частью объективной науки. Над ней можно ставить эксперименты, ее можно рассекать, анализировать.

Именно об этом говорил Карл Маркс: «Если Бога не докажут в научной лаборатории, я не приму его». Карл Маркс говорит следующее: «Я могу принять Бога как гипотезу, но гипотеза - это не истина. Она еще должна быть доказана, и доказательство должно быть научным».

Но если поместить Бога в научную лабораторию, в испытательную трубу, рассечь, проанализировать, узнать все составляющие Бога, будет ли это Богом, создавшим мир? И если Маркс собирается признать Бога только в этом случае, то это означает, что Бог должен быть сведен к вещи.

Тогда какие могут быть трудности в том, чтобы создать Бога в производственном процессе? Коль скоро проанализированы все составляющие Бога, все его химические вещества, тогда нет проблем с его производством. Получайте свой патент на открытие и начинайте производить Бога. Но этот созданный на заводе Бог не будет тем Богом, о котором вы меня спрашиваете.

Бог - это не гипотеза, не может быть гипотезой, потому что само слово «гипотеза» выбивает почву из-под Его ног. Бог не должен доказываться. Если наука доказывает Бога, то она становится выше Бога. Тогда бедный Бог будет чем-то вроде белой лабораторной мыши. Вы играете с ним, строите разнообразные коробки, а Бог бежит от одной коробки к другой, вы же подсчитываете, сколько у Него разума.

Психолог Дельгадо будет очень счастлив найти Бога в мышеловке, потому что все, что психологи открывают о человеке, - это не о человеке, это о мышах. Они делают свои открытия, экспериментируя на мышах, а потом проецируют их на человеческие существа, - ведь это бесчеловечно рассекать человеческие существа, мучить их, экспериментировать над ними.

И очень странно, что мышь дает ключи, помогающие понять человеческий ум, человеческую психологию. Конечно, человек более развит. Вы можете экстраполировать, но основную идею вы получаете от мыши.

Бог, согласно псевдорелигиям, - это творец всего сущего. Согласно им, мы - Его создания. Сделать Бога гипотезой означает, что с этого момента Он становится нашим созданием. Мы стараемся поменять роли, поместить создателя на место создания, а создание на место создателя. Псевдорелигии не согласятся с этим. Я тоже не соглашаюсь, но наше несогласие совсем разное.

Они не могут согласиться, потому что Бог - выше всего; никто не может быть выше Бога. Ученый должен быть наблюдателем, рассматривать Бога сверху, и тогда Бог становится игрушкой в его руках. Он подведет к Богу электроды, он устроит дистанционное управление, так что, когда он захочет, Бог засмеется; когда он захочет, Бог заплачет; когда он захочет, Бог побежит; когда он захочет, Бог остановится. Псевдорелигии не могут согласиться с этим по такой причине: Бог - это не создание, это не вещь; Он - создатель. Он сделал вас, вы никаким образом не можете быть выше Него.

Мое несогласие заключается в том, что для того, чтобы что-то было даже гипотезой, нужна определенная вероятность, — не достоверность, но хотя бы вероятность. Бог же не имеет даже вероятности. Мои причины совершенно иные. Ученый начинает с гипотезы, потому что видит некоторую вероятность, некоторую возможность, некоторый потенциал.

Бог же - лишь слово без всякого наполнения; пустое слово, совершенно лишенное смысла.

Может быть, мы должны немного иначе интерпретировать Библию. Она говорит: «В начале было слово, слово было у Бога, слово было Бог». В этом отношении, может быть, и верно то, что в начале Бога нет ничего, кроме слова. И тогда слово начинает обрастать мхом; со временем люди придают ему все больше и больше смысла. Они придают слову тот смысл, который им нужен. Вам следует помнить это.

Бог все знает, потому что человек почувствовал, что его знания во всех направлениях очень ограничены - света совсем мало, лишь свет свечи, освещающий маленький кружок. За этим кругом все темно; и эта темнота порождает страх. Кто знает, что там? Нужен кто-то, кто знает. Если его нет, его нужно изобрести.

Бог - это изобретение психологической потребности самого человека.

Он всезнающий. Вы не можете знать все; что бы вы ни знали, как бы вы ни знали, вы не можете знать все. Существование так огромно, а человек такой крошечный, такой маленький, что представить себе, как ваш маленький ум сможет познать все - прошлое, настоящее, будущее, - кажется дурацкой мечтой. Даже дурак не мечтает о таких вещах.

Но трудно жить в мире, окруженном со всех сторон тьмою. Вы не можете быть уверенными даже в том, что знаете, ведь непознанное так огромно, что может ли кто-нибудь сказать, окажется ли верным даже то небольшое, что вы знаете.

На самом деле, так и происходило. Чем больше человек познавал, тем больше он понимал, что знание, которое было знанием вчера, сегодня становится неведением. А что сегодняшнее знание? Может быть, завтра и оно станет неведением.

Иметь кого-то, кто все знает, стало великой психологической потребностью.

Священники проделали великую работу, может быть, самую великую из когда-либо сделанных, и они сделали ее прекрасно:

Они изобрели Бога.

Это изобретение помогало многими способами. Человек стал более уверенным в себе, более устойчивым, менее испуганным, ведь есть всезнающий Бог, вездесущий Бог, Бог, проникающий повсюду. Все, что вам нужно знать, - это ключ, чтобы повернуть Бога в свою сторону. И этот ключ был у священника, который был готов поделиться им.

Каждая религия притворялась, что у нее есть этот ключ, который открывает все двери, главный ключ.

Если вы доберетесь до главного ключа, вы сами будете совсем как боги; вы будете всезнающими, вы будете вездесущими, вы будете всемогущими.

Только посмотрите на эти три слова, на три человеческих потребности.

Его знание очень ограничено, очень бедно. Что на самом деле мы знаем? Даже малые вещи дают вам понять ваше неведение.

Наша сила... какой силой мы обладаем? Может быть, человек - единственное животное в мире, у которого нет силы. Можете ли вы сражаться со львом? С тигром? Забудьте о львах и тиграх, можете ли вы сражаться с собакой или кошкой? Вы удивитесь - что говорить о кошке, если вы не знаете, что делать, когда на вас нападает сотня тысяч мух. Вы никогда не думали о нападающих мухах, но если они нападают, если какая-нибудь муха превратится в политика, вы окажетесь беспомощными, вы не сможете выжить.

Забудьте о мухах; в Южной Африке есть растения, которые хватают птиц и животных, высасывают их полностью и потом выбрасывают. Есть научно-фантастические рассказы о растениях, нападающих на человека. Они могут схватить человека, они для этого достаточно большие. Когда вы находитесь рядом с ними, их ветви могут схватить вас, как хобот слона, и полностью переломать вас. И они высасывают вашу кровь. Весьма совершенная хирургия - их ветви начинают проникать в ваше тело со всех сторон. А насколько толстой является ваша кожа? Только поскреби немного, и появится кровь. Эти деревья живут кровью; это деревья-людоеды — они поедают человека заживо.

Есть научно-фантастические рассказы о том, как все деревья вокруг сходят с ума. Они могут

сходить с ума, потому что у них есть определенного рода мозг, определенного рода ум. То, что они могут думать, чувствовать, теперь это доказанный факт; у них есть эмоции, есть чувства; они любят, они ненавидят. Всему этому теперь есть научные доказательства.

Будда и Махавира двадцать пять столетий назад сказали, что не следует ранить деревья, потому что они такие же живые, как и вы. Сначала люди смеялись, как же деревья... и живые? Но Будда и Махавира не имели научных доказательств для этого. Это было лишь их переживанием в безмолвии. Сидя под деревом, предельно тихо, Будда неожиданно почувствовал, что дерево не мертво, что оно цветет жизнью. Но это были их личные переживания; они могли их высказать, но не могли доказать.

Доказательство досталось на долю другого индийца, Джагдишчандра Бозе, который посвятил всю свою жизнь научному поиску свидетельств того, правы или нет Будда и Махавира. Он достоверно доказал, что деревья живы. За доказательство того, что деревья живы, он получил Нобелевскую премию. Но это было только начало. Потом по этому направлению пошли многие и многие исследователи. Быть просто живым недостаточно.

Вскоре было найдено, что деревья имеют мозговую систему иного вида, но такая система у них есть. Не следует искать у них такой же мозговой системы, что и у вас. Это глупая человеческая идея, что ваш мозг - единственный вид мозга. Если есть так много видов тел, то разве не может быть так же много видов мозга? И вскоре было найдено, что они обладают определенной мозговой системой, исследования продолжаются...

Всего несколько лет назад было найдено, что деревья не только обладают определенным способом познания, который мы называем мозгом, но они имеют и сердце. Конечно, оно не бьется как ваше, потому что они имеют сердце своего собственного вида. Если их хирурги осмотрят вас, то и они не найдут у вас сердца, не найдут у вас мозга, они ведь будут искать мозг их типа, сердце их типа.

Деревья испытывают эмоции, чувства. Например, когда приходит садовник, чтобы полить дерево, оно ощущает счастье. Теперь это состояние счастья может быть измерено на графике, подобном кардиограмме. График становится гармоничным, ритмическим, как песня. Если же кто-нибудь подходит к дереву с топором... он еще далеко, а график уже изменился. Человек еще даже не сказал, что он идет срубить дерево, он только подумал об этом, но дерево уже каким-то образом узнало его мысли.

Если он не собирается рубить дерево и не думает об этом, он может пройти мимо дерева с топором в руках, и график останется тем же самым. Но если у него есть мысль срубить дерево, то график немедленно изменится, опишет зигзаг, теряется вся гармония, исчезает ритм. Дерево трясется от страха. И если он рубит дерево, тогда графики деревьев, стоящих вокруг, сходят с ума. Они чувствуют боль из-за того, что рубят их приятеля, друга, соседа.

Так что весьма возможно - если они обладают чувствами, эмоциями, определенного вида думаньем... моя мысль не является нелепой: иногда они могут сходить с ума, ведь все эти вещи и нужны, чтобы сойти с ума. Они есть у них; и человек причинил им так много вреда, что настало время, когда они должны сойти с ума. И человек продолжает причинять им вред. Должен наступить предел, и он недалеко...

Человек разрушил всю окружающую среду.

После окончания университета в Джабалпуре я отправился учиться в индусский университет в Варанаси, поскольку это самый большой университет в Индии. Но я оставался там всего лишь двадцать четыре часа. Человек, у которого я остановился там, был доктор Раджбали Пандей; он был руководителем исторического факультета. Он пытался убедить меня не уходить: «Почему? - вы не найдете лучшего места, по крайней мере, в Индии. Здесь лучшие ученые, лучшие профессора, лучшие возможности. Вам следует подумать».

Я сказал: «Я уйду не из-за университета, я уйду из-за вас».

Он сказал: «Что! Что я вам сделал?» Он останавливался у меня один раз, чисто случайно. Я ехал в Джабалпур в том же купе, что и он. Он опаздывал на поезд, на который должен был успеть, чтобы ехать от Джабалпура до Гондии, - это было по другой ветке. Наш поезд опаздывал, и поэтому он очень сильно волновался: «Что мне теперь делать?» До Гондии, - а Гондия очень маленькое местечко, - только раз в двадцать четыре часа ходил маленький поезд, игрушечный поезд, и тот же поезд возвращался обратно. Двенадцать часов требовалось, чтобы доехать туда, и двенадцать, чтобы вернуться обратно, и было это не так далеко, просто поезд был такой...

И я сказал: «Не волнуйтесь, приедете и остановитесь у меня». Я останавливался у одного из моих дядей. Вот таким странным образом мы и познакомились друг с другом. Утром я взял его на прогулку. Джабалпур - очень зеленый город, настолько полный деревьев, что не видно домов, видна только одна зелень. И он сказал мне: «Я ненавижу деревья, деревья - враги человека. Всего лишь на пять лет прекратите срубать их, и они заполнят весь город, разрушат все дома».

В том, что он говорил, есть правда, человек создал все эти города, срубая деревья. И если позволить деревьям расти снова, они уничтожат вашу так называемую цивилизацию. Он сказал: «Когда бы вы ни приехали в Бенарес, вы всегда будете моим лучшим гостем». Два года спустя я вынужден был приехать, и вот остановился у него. Утром, когда я отправлялся на прогулку, он сказал: «Я сопровождал вас на прогулке в Джабалпуре, поэтому буду сопровождать вас и здесь».

Бенарес бесплоден, совсем нет деревьев. Весь университет представляет собой только здания и здания, прекрасные здания, поскольку в постройку великого индусского университета внесли свой вклад все магараджи Индии. Идея заключалась в том, чтобы индусский университет стал параллелью Кембриджу, Оксфорду или Гарварду. Было сделано так много, и сделано прекрасно; там стоят мраморные здания, величественные здания, прекрасные общежития, но никаких деревьев.

Я сказал ему: «Теперь я понимаю, почему вы были оскорблены деревьями, которые я так люблю. Я здесь не выживу. Это верно, что нужно было вырубать деревья, чтобы построить дома и города, но это не означает, что деревья должны быть полностью уничтожены. После этого и вы умрете. Должно быть равновесие, поскольку деревья непрерывно дают вам кислород. Когда вы вдыхаете, вы забираете кислород; кислород поглощается вашей кровеносной системой, и выделяется двуокись углерода».

«Деревья поглощают двуокись углерода, это их питание. Вот почему, когда сгорает дерево, получается уголь. Уголь - это не что иное, как двуокись углерода в твердой форме, это углерод. Они живут на двуокиси углерода, вы живете на кислороде; это хорошая дружба. Ни им не нужно

уничтожить цивилизацию, ни вам не нужно уничтожать их. Нужно сосуществовать друг с другом; вот единственный способ жить, - а здесь я не вижу ни единого деревца».

«И всего лишь через двадцать четыре часа пребывания здесь я уже чувствую себя высохшим. Не видя зелени, глаза теряют блеск. Нет, я не могу оставаться в этом университете. Может быть, здесь великие профессора, прекрасные библиотеки, замечательные возможности, но я предпочел бы обширные, большие старинные деревья». И я скитался по всей Индии, чтобы найти университет, где было что-нибудь лучшее, чем в Джабалпуре. И когда я нашел Саугар, я остался там, потому что Саугар невообразимо прекрасен. Это маленький город, но весь город располагается за очень большим озером. Город на одной стороне озера, а на другой стороне гряда холмов, и на холмах стоит университет. И все вокруг, огромные деревья... и такая тишина. Бенарес так переполнен людьми, так жужжит от голосов десяти тысяч студентов университета. Саугар - маленькое местечко, и университет был новым, я остался там.

Раджбали Пандей однажды приехал в Саугар, когда я еще был там, чтобы дать серию лекций по истории. Он увидел меня и сказал: «Что случилось? Я думал вы вернулись обратно в Джабалпур».

Я сказал: «Сначала я попытался просмотреть все возможности, может быть, где-нибудь будет лучше, - и здесь, вы видите... Деревья в Джабалпуре хорошие, но не такие огромные и не такие старинные. И эти холмы, и это озеро, и эти лотосы... это подходящее место».

Человек причинил природе столько вреда, что когда я говорю о том, что однажды она сойдет с ума, то это не научная фантастика, это вполне возможно. Если бы все эти деревья, которые мы рубили и уничтожали, хотя бы немного объединились... Я не думаю, что они знают что-нибудь о профсоюзах и тому подобном. Они не слышали знаменитый лозунг Карла Маркса: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь, вам нечего терять, кроме своих цепей, а завоюете вы весь мир». Поэтому просто замените слово пролетариат и получится: Деревья всех стран, соединяйтесь, вам нечего терять, даже своих цепей, а завоюете вы весь мир!

Если эти деревья начнут нападать на вас, вы думаете, вы сможете выжить, даже вместе со всем своим ядерным оружием? Это невозможно. И так было много раз, именно поэтому и появилась научная фантастика. Такое случалось в разных местах. Однажды в Африке случилось так, что определенного вида птица неожиданно начала нападать на людей и убивать их; было убито несколько людей до того, как смогли убить всех птиц этого вида.

Такое же случилось однажды в Индонезии с другой птицей; целое сообщество птиц этого вида начало нападать на людей. Они нападали на глаза и сделали сотни людей слепыми, пока не удалось что-то сделать с ними. Мы не готовимся к такому, поскольку не думаем о таких вещах.

Имеются пожарные команды, поскольку известно, что может случиться пожар. Для преступников есть полиция; на случай нападения кого-либо имеется армия... но если на ваши глаза нападают птицы, они могут причинить много вреда, пока вы не сделаете что-нибудь. И это только один вид птиц.

Если все птицы, все животные, все деревья просто решат однажды: «Довольно, надо избавиться от этих людей», - я не думаю, что человек сможет выжить, нет никакой возможности. Все ваши армии будут бесполезны, все ваше вооружение будет бесполезно, все ваше ядерное оружие будет

бесполезно — и вы поймете, насколько вы слабы.

Из-за всех этих вещей вы забыли свою слабость. Но подумайте о человеке в самом его начале, когда ничего не было, и он сам чувствовал себя абсолютно слабым. Только подумайте о тех временах, когда не был изобретен даже огонь. Что было тогда с человеком? Слабейшее животное за земле.

Огонь, по-видимому, - величайшее открытие человека, не ядерное же оружие, ведь именно огонь дал человеку потрясающую смелость. Тогда ночью он мог устроить костер и спать вокруг него; и животные боялись огня и не могли приблизиться. Иначе спать было невозможно - если вы спите, с вами покончено; любое животное может утащить вас.

Весь день вы охотитесь, а ночью не можете спать. Днем вы как-то можете выжить, - вы можете забраться на дерево, вы можете спрятаться в пещеру, - но ночью, когда вы спите, что вы можете сделать? И животных тех дней больше не осталось - только отдельные образцы, такие, как слон, который не является таким уж огромным. Были животные в десять раз больше, чем слон.

Например, крокодил - были крокодилы, во много раз больше современных, теперь их уже нет. Им не нужно было жевать, чтобы съесть, они просто проглатывали человека, такими они были большими. Вы просто проскальзывали им в глотку - и кончено! - не было поедания или чего-нибудь такого.

С этими животными, со всей темнотой, люди, придумавшие Бога, сослужили, наверное, вначале добрую службу. Они дали смелость. Они сказали: «Не бойтесь. Все, что вам нужно, это молиться и верить». Конечно, они взяли за это комиссионные, и я не думаю, что это было плохо, ведь бизнес есть бизнес. Они дали вам так много, и если вы немного дадите им, вам не следует сердиться на них за это.

Поэтому немного было дано священнику, а священник дал вам уверенность и всемогущего Бога - всеведущего, вездесущего, - и вы начали чувствовать себя немного легче в этом мире. Священник дал вам идею: «Бог создал человека по Своему образу, так что не бойтесь... Вы Его особое творение. Все эти животные созданы Им для вас, все эти деревья созданы Им для вас».

Это логика мусульман. Вы не можете говорить об вегетарианской пище, потому что они скажут: «Зачем тогда создал Бог этих животных? Коран говорит, что Бог создал животных, чтобы их есть. Когда святая книга говорит, что животные созданы, чтобы их есть, может ли это быть грехом или чем-то вроде этого?»

Священник сделал человека сильнее, по крайней мере, умом. Конечно, он эксплуатировал его, и постепенно, постепенно появилось гораздо больше психологических потребностей.

Священники нашли великое сокровище в слове «бог»: оно исполняло все, все потребности.

Величайшая потребность человека - быть нужным.

Если вы не нужны никому в мире, вы покончите с собой, вы не сможете жить.

Странно - вы никогда не задумывались, может быть, над тем, что вы постоянно ищете, как быть

нужными. То, что вы кому-то нужны, придает вам ценность, некоторое значение, некоторый смысл. Может быть, женщина выходит замуж за мужчину просто для исполнения своей потребности быть нужной. И такая же причина, может быть, есть и у мужчины... он хочет чувствовать, что какая-то женщина нуждается в нем.

Мужчина постарался сделать так, чтобы женщина не зарабатывала денег, не делала никакой работы, не имела образования. Психологическая причина этого такая - есть и политические, и экономические, и другие причины, но психологическая причина такова - он хочет, чтобы она зависела от него, чтобы она всегда нуждалась в нем, а он тогда будет чувствовать себя хорошо, потому что нужен.

Они произведут потом детей и будут чувствовать себя хорошо, потому что эти дети нуждаются в них... есть какая-то цель в жизни. Вы должны жить ради этих детей, вы должны жить ради вашей жены, вы должны жить ради вашего мужа: теперь жизнь больше не бессмысленна.

И священник дал вам великое утешение - Бог нуждается в вас; настолько, что посылает Своего сына, спасти вас от заблуждений.

Он непрерывно посылает пророков, паигамбар, тиртханкар, свои воплощения, чтобы спасти вас, чтобы поддержать вас на пути. Вы не брошены. Он постоянно заботится о вас.

Кришна в Гите говорит: «Когда возникнет потребность, когда люди заблудятся, я обещаю вернуться». Иисус говорит: «Я буду возвращаться, чтобы собирать свою паству». Почему люди приняли эти вещи? Они хотели, чтобы кто-нибудь заботился о них. И если заботится Бог, что может быть больше этого? Вот вы молитесь, и случайно ваша молитва исполняется, это позволяет вам с полным основанием думать, что во всей этой огромной вселенной вы не есть ничто. Ваша молитва услышана, она достигла Бога; и не только это, она нашла отклик.

Со мной по соседству был храм, храм Кришны, всего через несколько домов от моего дома. Храм был на другой стороне дороги, а мой дом был на этой стороне. Перед храмом жил человек, который и построил этот храм; он был великим приверженцем религии.

Храм был посвящен Кришне в его детстве - ведь когда Кришна становится молодым человеком, он порождает много проблем и много вопросов, поэтому есть много людей, которые поклоняются Кришне-ребенку - так что этот храм назывался храмом Баладжи. Баладжи означает... бал означает ребенок, и Баладжи стало именем Кришны. И тогда все просто, потому что относительно его детства уже нельзя поднять всех тех вопросов, которые возникают позднее...

Он становится политиком, воином, управляется с целой войной и собирает у себя всех женщин - он делает все, что только можно себе представить. Поэтому в Индии много храмов, посвященных Кришне-ребенку. Один из величайших приверженцев Кришны, поэт Сурдас, поет песни только о Кришне-ребенке; он никогда не выходит за эти пределы. За эти пределы он не может выйти. За этими пределами становится слишком трудно, особенно Сурдасу.

Сурдас был монахом и ходил просить подаяние. Считается неправильным, когда монах ходит в один и тот же дом, потому что это может стать тяжелой ношей для семьи. Эти люди могут быть не настолько богатыми, чтобы каждый день давать ему пищу. Но женщина, которая выходила,

чтобы дать ему пищу, была так прекрасна, что устоять было просто невозможно. Если бы она была только красива, можно было бы устоять, но в ее глазах он увидел потрясающую любовь к нему; это было гораздо труднее - теперь искушение возросло в тысячу крат. Огонь зажегся с обеих сторон.

На следующий день он пришел снова. Женщина положила перед ним еду с великой любовью, преданностью. И на следующий день он был там же; это стало обычаем. Он видел, что женщина определенно влюбилась в него. Конечно, он не был достаточно смел, чтобы признать тот факт, что тоже влюбился в эту женщину; он был монахом, ему не полагалось заниматься такими вещами. Но что он делал, непрерывно на протяжении месяца ходя в один и тот же дом?

Один день допускается; в определенных трудных ситуациях допускаются три дня, но это и все. Вы можете заболеть и быть не в состоянии уйти далеко, тогда три дня, но не более того. Поэтому на следующий день, когда он пришел, он набрался смелости и спросил у этой женщины: «Я приходил сюда в течение месяца. Вы давали мне еду каждый день, все лучше и лучше, больше и больше. Что вы увидели во мне и почему вы ни разу не напомнили мне, что монаху так не полагается? - допускается только один день, самое большее три дня. И я вижу так много любви, исходящей от вас ко мне. Я хотел бы узнать всю правду. В чем дело?»

Теперь он бросает на бедную женщину всю свою страсть, все свое желание; и то, что сказала женщина, было великим потрясением. Она сказала: «Я просто люблю ваши глаза, они так прекрасны и тихи, я молилась, чтобы вы продолжали приходить. Мы не бедные, и я хочу хотя бы раз в день видеть ваши глаза. Я никогда не видела таких глаз». Ее совсем не интересовал Сурдас. Она говорила о глазах, как вы говорили бы о цветке, о розе; она хотела видеть эти прекрасные глаза — не было ничего другого.

Сурдас - в то время у него было другое имя. В Индии не называют слепого человека слепым, потому что это выглядит невежливо, плохо; всех слепых людей в Индии называют сурдас - Сурдас означает слепого человека. Раньше это не было его именем; но он пришел домой, вынул оба своих глаза, с помощью другого монаха вернулся и подарил эти два глаза той женщине. Он сказал: «Держите эти глаза, ведь скоро мы уйдем, и я не смогу приходить каждый день. Вы можете смотреть на эти глаза, хранить их у себя, а для меня будет хорошо, если их не будет со мной».

В тот день он выразил свое сердце: «Я тоже почувствовал, как во сне возникает определенное желание. Теперь я никогда не увижу красоту. Теперь эти глаза закрыты. Мира красоты больше нет».

Я не поддерживаю такое дело, ведь вы можете быть слепым и все же мечтать о красивой женщине, что более опасно. Ведь ни одна настоящая девушка не является девушкой мечты, но все девушки мечты, когда вы мечтаете, являются настоящими, запомните это, - самыми настоящими.

Любая красивая женщина разочарует вас. Она может быть Клеопатрой, Амрапали, кем угодно, но вы пресытитесь ею, полностью пресытитесь, ведь желание красоты подобно голоду; вы пресыщаетесь ею. Это род пищи, пропитания, но вы не можете ведь есть каждый день одну и ту же пищу. Рано или поздно вы пресытитесь. Слово пресытиться очень красивое. Если одну и ту же пищу принимать каждый день, она вызовет тошноту.

Просто уничтожив свои глаза, вы не расстанетесь со своим желанием - это глупо. Но Сурдас сделал это, и он писал стихи только о детстве Кришны, поскольку может ли такой человек, отдавший свои глаза, чтобы избежать желаний, думать о своем боге, танцующем с девушками, женами других людей и живущем жизнью самого материалистического человека, какой только возможен? Поэтому для него Кришна никогда не выходит за пределы семилетнего возраста; ему всегда меньше семи. И в Индии многие храмы называются храмами Баладжи, что означает Кришну в его детстве.

Этот храм Баладжи находился как раз перед домом человека, который построил его. Из-за этого храма и приверженности этого человека, беззаветной приверженности... Он принимал омовения, - как раз напротив храма был колодец, - сначала он принимал там омовения. Затем он часами совершал свои молитвы; о нем думали, что он очень религиозный человек. Мало-помалу люди тоже начали называть его Баладжи. Это настолько привязалось к нему, что я не помню его настоящего имени, ведь к тому времени, когда у меня сложилось какое-то представление о его существовании, я слышал как его называли только Баладжи. Но это было не его имя; такое имя получилось, потому что он построил этот храм.

Я ходил, бывало, в этот храм, потому что он был такой красивый и такой тихий - если не считать самого этого Баладжи, который вносил в храм большое возмущение. Часами, - он был богатым человеком и поэтому мог не думать о времени, - три часа утром, три часа вечером он непрерывно мучил храмного бога. Никто обычно не ходил в этот храм, хотя храм был так красив, что многие люди ходили бы туда; люди обходили храм стороной, потому что этот Баладжи был уж очень невыносим. Его шум, - это можно было назвать только шумом, это была никакая не музыка, - его пение было таким, что могло сделать вас на всю жизнь врагом всякого пения.

Но я все-таки заходил туда, и мы подружились. Он был стариком. Я сказал: «Баладжи, три часа утром, три часа вечером - о чем вы просите? И каждый день? И он еще не дал вам?»

Он сказал: «Я не прошу ни о каких материальных вещах. Я прошу о духовных вещах. А это дело не одного дня; нужно просить на протяжении всей жизни, и дано будет после смерти. Но это определено, что будет дано, ведь я построил храм, я служу господе, я молюсь; можно видеть, как даже зимой в мокрых одеждах...» Считается особым качеством приверженности дрожать в мокрых одеждах. Мое же мнение таково, что когда дрожишь, пение идет лучше. Начинаешь кричать, чтобы забыть о дрожи.

Я сказал: «Мое мнение относительно этого несколько иное, но я не стану рассказывать вам о нем. Я хотел бы узнать только одну вещь, поскольку мой дедушка все время говорит: “Они всего лишь трусы; этот Баладжи трус. Понапрасну тратятся три часа каждый день, а жизнь ведь так коротка; он трус”».

Он сказал: «Твой дедушка говорит, что я трус?»

Я сказал: «Я могу привести его».

Он сказал: «Нет, не приводи его в храм, это будет ненужным беспокойством, - но я не трус».

Я сказал: «Хорошо, мы посмотрим, трус вы или нет».

Позади его храма было то, что в Индии называется акхара, место, где люди обучаются борьбе, выполняют упражнения, борются в индийском стиле. Я, бывало, ходил туда, - это место было как раз позади храма, бок о бок с храмом, — и все тамошние борцы были моими друзьями. Я попросил троих из них: «Сегодня вечером вы должны помочь мне».

Они сказали: «Что нужно делать?»

Я сказал: «Мы должны взять койку Баладжи, - он спит вне дома, — мы должны просто взять его койку и поставить ее над колодцем».

Они сказали: «Если он вскочит во сне или что-нибудь случится, он может упасть в колодец».

Я сказал: «Не беспокойтесь, колодец не глубокий. Я прыгал в него много раз — это не так глубоко и не опасно. И, насколько я знаю, Баладжи не станет вскакивать. Он будет кричать со своей койки; сидя на койке, он будет просить своего Баладжи: “Спаси меня!”»

С трудом я уговаривал этих троих: «Вам ничего не нужно делать. Просто один я не смогу перенести эту койку, вот я и прошу вас, вы ведь сильные люди. Если он проснется по дороге, трудно будет добраться до колодца. Я подожду вас. Он отправляется спать в девять часов, к десяти улица пустеет, а одиннадцать - самое подходящее время. В одиннадцать мы можем перенести его»

Удалось уговорить только двоих, одного уговорить не удалось, поэтому нас было только трое. Я сказал: «Это трудно. Одна сторона койки... и если Баладжи проснется...» Я сказал: «Подождите, я позову своего дедушку».

И я сказал дедушке: «Вот мы что собираемся сделать. Можешь ты немножечко помочь нам?»

Он сказал: «Ну это уже слишком. Нужно набраться нахальства, чтобы просить своего собственного дедушку сделать такое с этим бедным человеком, который никому не причинил никакого вреда, если не считать, что кричит по шесть часов в день... но мы к этому привыкли».

Я сказал: «Я пришел не для того, чтобы спорить об этом. Вы просто придите, а тогда я обещаю давать вам все, что вы захотите, в любое время; что вы скажете, то я и сделаю. Но для этого дела вам нужно бы прийти, и это совсем не слишком - пройти-то надо всего несколько метров, но так, чтобы не разбудить Баладжи».

И он пришел. Вот почему я говорю, что он был редким человеком - ему было ведь семьдесят пять! Он пришел. Он сказал: «Хорошо, пусть у нас будет и такое переживание, посмотрим, что получится».

Увидев моего дедушку, эти два борца собрались сбежать. Я сказал: «Подождите, куда же вы?»

Они сказали: «Твой дедушка идет».

Я сказал: «Это я привел его. Он будет четвертым. Если вы сбежите, я окажусь в затруднении. Моему дедушке и мне не справиться. Мы можем унести его, но он проснется. Вам не нужно беспокоиться».

Они сказали: «Ты уверен в своем дедушке? - они ведь почти одного возраста; они могут быть друзьями, и могут возникнуть какие-нибудь неприятности. Он может рассказать про нас».

Я сказал: «Я здесь, мне он не может причинить никаких неприятностей. Так что не бойтесь, для вас никаких неприятностей не будет, он не знает даже ваших имен и ничего о вас».

Мы отнесли Баладжи и поставили его койку над маленьким колодцем. Один он принимал здесь омовения, и время от времени я прыгал в этот колодец, против чего он очень возражал, — но что он мог поделать? Однажды я спрыгнул в него, он должен был что-то сделать, чтобы вытащить меня. Я сказал: «Что вы можете сделать? Единственное - вытащить меня отсюда. А если вы потревожите меня, то я буду прыгать сюда каждый день. А если вы расскажете моей семье, то я начну приводить сюда своих друзей и прыгать вместе с ними. Поэтому давайте оставим это в секрете между нами. Вы можете принимать омовение снаружи, а я внутри; никакого вреда нет».

Это был очень маленький колодец, поэтому койка совершенно спокойно разместилась над ним. Потом я сказал дедушке: «Вам лучше уйти, потому что если вас схватят здесь, то весь город решит, что это уже слишком».

А потом мы начали издали бросать в него камешки, чтобы разбудить его... ведь если он не проснется, он может начать поворачиваться и тогда упадет в колодец, и случится что-нибудь нехорошее. В тот момент, когда он проснулся, он издал такой вопль! Мы уже слышали его голос, но это!.. Собрались все соседи. Он сидел на койке и говорил: «Кто сделал это?» Он дрожал, трясся и был совершенно испуган.

Люди сказали: «Слезайте хотя бы с этой койки. Потом посмотрим, что случилось». Я был там же в толпе, и я сказал: «В чем дело? Вы могли бы позвать своего Баладжи. Но вы не позвали его, вы издали вопль и забыли все о своем Баладжи. Всю свою жизнь по шесть часов в день вы упражняетесь...»

Он посмотрел на меня и сказал: «Это тоже секрет?»

Я сказал: «Теперь есть уже два секрета, которые вы должны хранить. Один вы уже храните многие годы. Теперь это второй».

Но с этого дня он прекратил свои трехчасовые крики в храме. Я был озадачен. Все были озадачены. Он прекратил свои омовения у этого колодца и просто забыл об этих трех часах утром и трех часах вечером. Он договорился со служителем, чтобы тот приходил каждое утро совершить небольшое поклонение, вот и все.

Я спросил его: «Баладжи, что случилось?»

Он сказал: «Я сказал тебе неправду, что не боюсь. Но в ту ночь, когда я проснулся над колодцем, - тот визг был не мой». Это можно было назвать первобытным визгом. Он не принадлежал ему, это совершенно точно. Вопль вышел, должно быть, из глубочайшего его подсознания. Он сказал: «Этот вопль дал мне понять, что я действительно испуганный человек и все мои молитвы - не что иное, как попытки убедить Бога спасти меня, помочь мне, защитить меня».

«Но ты истребил все это, и то, что ты сделал, было хорошо для меня. Я покончил со всей этой

чепухой. Всю свою жизнь я мучил соседей, и продолжал бы мучить, если бы ты не сделал этого. Теперь я осознал, что боюсь. И я чувствую, что лучше признать свой страх, потому что вся моя жизнь была бессмысленной и страх мой все тот же».

Лишь в 1970 году в последний раз я вернулся в свой город. Я обещал матери, моей матери, что когда она будет умирать, — она взяла с меня это как обещание, - я приду. И вот я приехал. Я ходил по городу, чтобы встречаться с людьми, и увидел Баладжи. Он выглядел совершенно другим человеком. Я спросил его: «Что случилось?»

Он сказал: «Тот вопль полностью изменил меня. Я начал жить страхом. Хорошо, если я трус, значит я трус; я не несу за это ответственности. Если есть страх, есть страх; я родился с ним. Но мало-помалу, по мере того, как признание этого углублялось, страх исчезал, исчезала трусость».

«Я избавился от этого служки из храма, потому что если не была услышана моя молитва, то как может быть услышана молитва служки... служки, который каждый день обходит тридцать храмов?» - ведь в каждом храме он получает по две рупии. «Он молится за две рупии. Поэтому я отказался от него. И я совершенно спокоен, меня ничуть не волнует, есть Бог или Его нет. Это Его проблема, почему я должен волноваться?»

«И в свои старые годы я чувствую себя совершенно свежим и молодым. Я хотел увидеться с вами, но не смог прийти, я слишком стар. Я хотел поблагодарить вас за то, что вы учинили ту проказу; иначе я продолжал бы молиться и умер бы, а все это было бессмысленным, бесполезным. Теперь я буду умирать как свободный человек, совершенно свободный». Он привел меня в свой дом. Я бывал там и раньше; все религиозные книги были убраны. Он сказал: «Я этим больше совсем не интересуюсь».

Вы спрашиваете меня: если Бог не гипотеза, если Бог не идея, то что есть Бог?

Это не гипотеза, потому что у науки нет способа открыть Бога. Наука не движется внутрь, она движется наружу, и там вы найдете мир вещей.

Если вы хотите познать сознание, то этот центр внутри.

Поэтому Бог - не гипотеза.

Бог - не идея, потому что идея - это философская концепция, и лишь философы все время развивают мысли, идеи, рационализации - они создают великие системы мышления...

Если вы посмотрите на их системы мышления, то вы получите огромное впечатление. Например, Гегель и Кант... если вы небдительны, вы будете изумлены тем, какие роскошные системы они построили, - но под этими системами нет базы, нет основания. И само это строение - вовсе не роскошный дворец; если подойти поближе, то можно увидеть, что сделан он из игральные карты. Легкий ветерок, и весь дворец рухнет, поскольку он лишен основания.

Философия лишена основания.

Она строит воздушные замки.

Идеи — это всего лишь идеи. Вы можете представлять себе любую идею, какую только захотите,

никто не может запретить вам. И коль скоро вы представили себе эту идею, вы можете найти все виды обоснований, чтобы поддержать ее. Это не трудно.

Ко мне пришел один человек, он был американцем. Он был профессором в христианском теологическом колледже. В Джабалпуре есть один из величайших теологических колледжей во всей Азии, где готовят священников и миссионеров, которых посылают потом по всей Азии, чтобы обращать людей в христианство. Они там учат всему - если вы пойдете и посмотрите, вам не удержаться от смеха. Меня, бывало, приглашали туда поговорить по одному предмету.

Этот профессор заинтересовался мною. Он провел меня по всему колледжу. На одном из занятий учили тому, как нужно стоять, когда вы проповедуете в церкви, на публике; в каких выражениях вы должны высказывать важные места, какие слова следует произносить громко, какие жесты нужно делать руками.

Я был просто изумлен и сказал: «Что вы делаете? Вы делаете из этих людей актеров или священников?» И эти люди усердно проделывали свои движения - каждый священник потом будет играть точно так же. Все это лишь тренировка, род упражнения; в этом нет сердца.

Если в ваших словах есть сердце, то подчеркивающая интонация придет сама по себе. Если есть что-то, что должно быть выражено руками, то сами руки позаботятся об этом, вам не нужно ничего делать. Если что-то достигает ваших ушей, оно достигнет. Вам самим ничего не нужно нести, иначе все это станет сплошным лицемерием.

Он расположился ко мне по-дружески. Однажды он принес мне книгу, в которой было сказано, что в Америке, - я не знаю до какой степени это правда, - число тринадцать считается чем-то плохим. Он показал мне, что кто-то в его теологическом колледже провел это исследование, исследование о том, что число тринадцать действительно плохое. Автор исследования собрал всю информацию о том, как много людей умирают тринадцатого числа каждого месяца. Люди умирают каждый день, но он взял только тринадцатое число: сколько войн началось тринадцатого числа, сколько несчастных случаев, бедствий, землетрясений. Из всей истории он собрал тысячи фактов - все плохое, что случилось тринадцатого числа.

Профессор сказал мне: «Этот человек проделал огромную работу. Он действительно доказал это». Этот профессор рассказал мне - я не знаю, потому что сам я никогда не останавливался в отелях, но профессор рассказал мне: «В Америке просто пропускают тринадцатый этаж, потому что на тринадцатом этаже никто не хочет останавливаться». Поэтому после двенадцатого сразу идет четырнадцатый! Великая идея! Обмануть самого Бога, просто поменяв номера.

Я сказал ему: «Сделайте одну вещь... Я хотел бы повстречаться с этим вашим студентом. Завтра, когда я пойду в свой университет, я зайду сюда к вам в это же время. Пусть этот студент будет в вашей комнате».

Я спросил у этого студента: «А вы думали о числе двенадцать или одиннадцать? Перед тем как вы представили эту диссертацию... этот профессор, который был вашим руководителем при написании диссертации, он должен был бы быть достаточно разумным, чтобы подсказать вам, что следовало бы рассмотреть каждую дату, и только тогда доказывать, что число тринадцать плохое».

«Если на пятое число пришлось только пять войн, а на тринадцатое - пятьсот, тогда это что-то докажет. Если второго умерло только пять человек, а тринадцатого - пять тысяч, тогда это что-то докажет. Считайте целый месяц; нужно представить тридцать один день и сравнивать все эти дни. Здесь же нет сравнения».

«Вы просто собрали все плохое, что случилось тринадцатого числа. Я могу сказать кому-нибудь собрать факты относительно двенадцатого, или одиннадцатого, или десятого, и будут собраны те же самые факты, то же самое количество фактов. Это не диссертация, это просто глупость. Вы напрасно потратили свое время, и ваш профессор тоже напрасно потратил свое время». Он работал над этой диссертацией три года и получил за нее ученую степень.

Коль скоро вы обрели идею, - это может быть и тринадцатое число, не имеет значения, - вы можете сделать из нее великую философию.

Бог - это не идея, хотя философы и пытались... ведь философы - это просто люди, вторгающиеся в чужие владения; они просто не могут поверить, что любая территория - это не их территория. Они двигаются во всех направлениях, во всех измерениях, у них есть некоторые идеи по любому поводу. Философ никогда не скажет: «Я не знаю». Он знает! И он не только знает, он предоставит вам свидетельства и доказательства того, что его знание обосновано. Как же они могли оставить без внимания такую важную область как Бог?

Они открыли четыре аргумента в пользу Бога. Христиане признали эти четыре аргумента, но ни один из этих четырех не имеет никакого обоснования. Все они фальшивы.

Первый аргумент, о котором я говорил вам, заключается в том, что всему нужен создатель; поэтому необходим Бог. Теперь ясно, что это не аргумент. Немедленно вопрос возвращается обратно, - а кто создал Бога? И этому нет конца. Но этот аргумент считается самым важным из тех, которые выдвинули философы в поддержку Бога.

Атеистам было легко смеяться над этими философами и теологами: «Что за аргументы выдвигают эти люди?» Но и атеисты не слишком отличались от них.

Один знаменитый атеист, Дидро, говорил, обращаясь к аудитории: «Если Бог существует и вы говорите, что Он всемогущий, тогда пусть Он остановит часы в этот самый момент. Я подожду одну минуту». Он подождал одну минуту. Часы не остановились. Он сказал: «Ну вот, посмотрите, Он не является всемогущим. Он не может даже остановить часы. Он недостаточно смел, чтобы принять мой вызов».

Но разве это аргументы? Какой-нибудь хитрец может так устроить часы, что они остановятся в девять. И когда время будет подходить к девяти, он встанет и скажет: «Бог, докажи себя. Если ты существуешь на самом деле, то пусть эти часы остановятся через минуту; иначе будет доказано, что ты не существуешь». И часы остановятся; Бог доказан... Разве это аргументы? Остановка часов или не остановка часов не внесет никакого существенного вклада в доказательство существования Бога.

Отсюда я и говорю, что Бог - это не идея.

Вы спрашиваете меня: тогда что же есть Бог?

Это просто слово, бессмысленное слово, пустое внутри, лишенное субстанции в себе.

Самуэль Беккет написал свой шедевр “В ожидании Годо”, очень маленькое сочинение потрясающей важности. Два человека сидят под деревом. Оба они бродяги. Один бродяга говорит: «Становится поздно, а он все еще не пришел».

Другой говорит: «Я тоже думаю, что он, должно быть, подходит». Они ожидают Годо, который никогда не говорил им: «Я приду». Они никогда не встречали его, но просто, чтобы провести время, они изобрели эту идею Годо, ведь оба они бродяги, что им делать все это время? Поэтому они сидят, и ждут, и спорят: «Я не думаю, что он человек своего слова».

Другой говорит: «Нет, я прекрасно знаю, что если обещал, он придет. Может быть, он немного опоздает, но он придет». Этот разговор продолжается, потом одному из них это надоедает и он говорит: «Я пошел. Довольно. Я не могу больше ждать».

Другой говорит: «Тогда я тоже пойду с тобой; мы вместе будем ждать там, куда ты идешь. Кстати, что это за место? Как ты думаешь, мы найдем его там? Мы ведь не знаем, где он».

Когда я впервые натолкнулся на эту маленькую книжку, я подумал, что Годо - это Бог по-немецки - эти немцы такие чокнутые, что могут превратить что угодно во что угодно, - они могли превратить Бога в Годо. Я навел справки у Харидаса. Харидас сказал: «Нет. На немецком мы называем Бога не Годо, мы называем его Готт».

Я сказал: «Это не очень далеко: Г-о-т-т, Готт». Я сказал: «Вы подошли очень близко к Годо. Все в полном порядке. Мой вопрос не был абсолютно неправильным, я был на правильном пути, думая, что это какая-нибудь немецкая идея превратить Бога в Годо».

Но называете ли вы Его Богом, или Готтом, или Годо, это не имеет значения, поскольку само слово ничего не значит — вы можете назвать Его как угодно. Это просто слово, лишенное всякого смысла, поэтому-то вы можете играть с ним. На самом деле, это и делал Самуэль Беккет. Он имеет в виду Бога. Он не говорит этого, но это совершенно ясно видно - в ожидании Бога; но если сказать так, то какая-то красота была бы потеряна. Когда он заставляет их ждать Годо, вы знаете, кто такой Годо, и вместе с тем вы не можете сказать, что говорите против Бога.

Никто не видел Его.

Никто не встречал Его.

Никто не слышал Его.

Тем не менее, все ждут Его... вот сейчас он должен прийти, самое время. Он должен быть здесь.

Что делают евреи? Ждут, ждут. И они рассердились, когда Иисус сказал: «Я пришел». Он нарушил их ожидание. Только подумайте, что вы пришли к этим двум бродягам и сказали им: «Все в порядке, я пришел...» Они оба убьют вас: «Вы думаете, что это вы Годо? Да знаете ли вы, кто такой Годо? Вы пытаетесь обмануть нас? »

Они бы убили... Даже если бы пришел сам Годо, они бы не поверили, что это Годо - как мог бы он доказать, что он Годо? У них нет ни одной его фотографии. Как можно опознать его? Они

раньше никогда его не видели.

Это должно быть ясно понято. Когда Моисей видит Бога, никто не спрашивает у него: «Как ты опознал Его? Ведь раньше ты Его никогда не видел». Для опознания нужно видеть Его раньше; иначе какой-нибудь шарлатан или кто угодно может обмануть вас. «Как, на каком основании...?»

Когда Иисус слышит глас Божий или Мухаммед слышит его, как они распознают, что это глас Божий? Разве они слышали Его раньше? Их опознание лишено основательности. Может быть, они слышали какие-нибудь голоса, многие сумасшедшие слышат их. Они могли и видеть кого-нибудь, многие сумасшедшие кого-то видят. Можете пойти в любой дом для умалишенных и увидите там сумасшедшего, который один разговаривает с кем-то другим, с кем-то, кого здесь нет, и не только говорит ему, но и отвечает на его вопросы.

Есть карточная игра, в которую может играть один человек. В поездах время от времени я встречал людей... я ведь сам никогда не разговариваю в поездах. Это мое единственное время, когда я могу посидеть в молчании, а в городах по пять встреч в день... Так что только между городами, в поезде, у меня было время, когда я мог помолчать и отдохнуть. Но я видел людей, игравших в карты в одиночку. Я был озадачен: это была великая религиозная игра! У них по игре был партнер, они играли и за партнера; они знали обе стороны, они знали карты на обеих руках.

Те два бродяги не делали чего-то нового. Все эти религии на протяжении столетий делали именно это: ждали Бога, ведь, ожидание сохраняет вам надежду, по крайней мере, на завтра... если не сегодня, то завтра, - но завтра никогда не наступает. И когда ждут так много людей, кто-то из них должен знать, кто-то из них должен слышать, кто-то из них должен видеть - с кем-то он должен разговаривать! И тогда найдутся люди, которые скажут: «Он разговаривал со мной».

Я получал, бывало... даже и теперь получаю, но я не заглядываю в эти письма, потому что прекратил разглядывание всей этой чепухи. Я получал, бывало, письма - получаю и до сих пор, но сейчас Шила просто сообщает мне: «Пришло пятнадцать или двадцать писем этого типа, в них говорится, что они видели Бога и хотят встретиться с Вами, чтобы Вы могли понять правильным или нет является их понимание».

«Они видели Бога, - говорю я, - они и должны спросить у Него. Зачем им беспокоить меня? Меня абсолютно не касается ни вы, ни ваш Бог; почему вы должны беспокоить меня? Если вы видели Бога, тогда откуда это сомнение? Зачем вам нужен сертификат от меня?»

Чистая галлюцинация, воображение, непрерывное слушание идиотских проповедей... миллионы людей ждут в великом ожидании - разгорается воображение: еще небольшое усилие, и можно увидеть Бога.

Но помните, что бы вы ни увидели, это не вы.

Все, что вы видите, — это некоторый объект.

А основное дело религии не в объекте.

Ее основное дело - ваша субъективность.

Когда все видения исчезают, исчезают все голоса, исчезают все мысли... когда молчат все ваши чувства, в этом молчании до вас доходит нечто.

Беседа 18

ОДИН БОГ, ОДИН ПОСЛАННИК, ОДНА КНИГА – ОДНА БОЛЬШАЯ ЛОЖЬ

17 декабря 1984 года

Бхагаван,

В чем разница между религией и культом? Ведь христиане все время называют нас культом. Кажется, что им трудно принимать нас как религию. Какая может стоять за этим причина?

Это сложный вопрос. Вы должны понять многое перед тем, как получите ответ на этот вопрос.

Религия - это индивидуальное переживание.

Только индивидуум может быть религиозным.

Култ - это учреждение, это организация, он не имеет к религии никакого отношения. Он от имени религии занят эксплуатацией. Он притворяется религией и живет прошлым.

Например, христиане скажут, что они имеют двухтысячелетнюю историю. Но прошлое мертво, оно - труп. Мы живем в очень странном мире. Когда жил Иисус, евреи не принимали его как религиозного человека: он и его последователи были «культом».

Иисус - религиозный человек, и поэтому вокруг него был аромат религии, и всякий, кто был чувствителен, восприимчив, стремился приблизиться к Иисусу. Это стремление к Иисусу не имело ничего общего с убеждением разума; оно скорее походило на любовь. Люди просто влюблялись в этого человека.

Религиозный человек никогда никого не обращает, но само его присутствие внушает многим людям стремление быть с ним вместе.

У религиозного человека нет последователей, только попутчики - религиозный человек не в состоянии оскорбить кого-то, называя его своим последователем.

Когда Иисуса распяли, произошла странная вещь, которая случается почти со всеми религиями. Люди того же типа, что распяли Иисуса, - раввины, священство... люди того же типа собрались вокруг мертвого религиозного явления, которое ушло, которого больше нет.

Похоже на аромат цветка.

Цветок уходит, аромат задерживается ненадолго - и затем теряется.

Религия не может быть непрерывной.

Она всегда, здесь и там, будет индивидуальной.

Один индивидуум становится просветленным, и внезапно люди начинают ощущать притяжение к нему, как если бы он обладал магнетической силой.

Иисус не интеллектуал; он даже не имеет образования. Он не теолог; он не может вести спор в поддержку Бога или религии. Во всех его поучениях нет аргументов, это утверждения, высказывания.

Философ спорит, религиозный человек утверждает.

Философ спорит, потому что он не знает; посредством аргументации он хочет прийти к заключению. А религиозный человек знает заключение. Он высказывает его, это декларация — и он также знает, что нет способа доказать эту декларацию. Ни один аргумент не подойдет в качестве поддержки доказательства.

Но когда этот магнит исчезает...

Священник - это самая хитрая часть человечества, и самая умная. Он бизнесмен, он видит возможность большого бизнеса. Пока жив Иисус, быть с ним опасно. Ни один бизнесмен не приблизится к нему - только азартные игроки могут решиться на это и быть с Иисусом. Быть с ним опасно: его могут распять, вас могут распять.

Но коль скоро он умер, появляется великая возможность для бизнеса. Тогда начинают собираться люди нового типа: священники, папы, имамы, раввины - образованные, обученные, догматичные, имеющие запас аргументов для спора. Они создают догму, вероучение, кредо. Они создают культ.

Культ создается на мертвом теле религиозного человека.

Христианство — это культ.

Фридрих Ницше говорил, бывало... и я чувствую, что он обладал потрясающим качеством видеть определенные вещи, мимо которых другие люди проходят. Этот человек был сумасшедшим, но иногда сумасшедшие люди обладают очень острым разумом. Может быть, в этом и причина того, что они сошли с ума. Фридрих Ницше говорит: «Первый и последний христианин умер на кресте две тысячи лет тому назад. С тех пор не было вообще ни одного христианина». И он абсолютно прав.

Единственным христианином был Иисус, хотя он никогда и не знал слова христианин. Он знал только арамейский язык, язык, на котором он разговаривал, и немного древнееврейский, язык, на котором разговаривали раввины. Но у него не было понятия о греческом. Слово «Христос» - это греческое слово, а слово христианин происходит от слова «Христос». Иисус ни разу в жизни не слышал слов «христос» или «христианин». На древнееврейском для Христа есть слово «мессия», поэтому Иисус знал слово «мессия».

Но когда он умер... И было очень странно, что, когда он был жив, жил переполненной жизнью, был готов делиться, отдавать, изливать свое бытие в их бытие, люди избегали его. Но когда он умер, священники не упустили своей возможности.

Священники немедленно собираются вокруг мертвого тела Будды, Иисуса, Лао-цзы и немедленно создают катехизис.

Они начинают на мертвом теле строить церковь.

Если Иисус вернется, то папа будет первым человеком, который попросит снова распять его, ведь Иисус будет мешать всему бизнесу. Именно это он и делал, когда был здесь последний раз.

Почему так рассердились раввины? Бизнес шел так хорошо, все установилось, все были довольны, и вдруг это человек, Иисус, приходит и начинает возмущать людские умы. Из-за него люди начинают думать, искать... Учреждение не может допустить такого человека, ведь если вы начнете искать и находить, то вскоре вы найдете, что учреждение стоит на мертвом теле.

Я слышал о том, что как-то раз епископ Нью-Йорка позвонил папе, дальний звонок, и он был по-настоящему в очень трудном положении. Он сказал папе: «В церковь вошел похожий на хиппи человек, и когда я спросил его: “Кто вы?” - он сказал: “Вы не узнаете меня? Я ваш господь Иисус Христос”. И трудность состоит в том, что он действительно в точности похож на Иисуса Христа. Что мне делать в такой ситуации?»

Папа сказал: «Идиот! Сейчас же звоните в полицию. Если это просто хиппи, нет проблем. Если же он на самом деле господь Иисус Христос, то пусть его поскорее посадят в тюрьму, пока он не причинил никаких бед - и пошевеливайтесь. Если это господь, сразу же звоните в полицию, и побыстрее его в тюрьму».

Та же неприятность будет и здесь. Иисус обещал в Библии: «Я вернусь», - но я могу авторитетно заявить вам, что он не придет, - одного переживания было достаточно. Кто захочет, чтобы его распяли еще раз? И в тот раз было, по крайней мере, одно утешение: там были евреи, ортодоксальные, традиционные; они могли и не понять той революции, которую он принес с собой. На этот раз не будет и такого утешения. Будут христиане, его собственный папа, и они распнут его.

В прошлый раз Иисус молил Бога: «Прости этих людей, ибо они не ведают, что творят». Что он будет делать на этот раз? Он должен будет молить так: «Прости этих людей - они прекрасно знают, что творят». Но они сделают все то же самое.

Куль - это бизнес, бизнес религиозного вида.

В нем есть религиозный жаргон.

В нем нет переживания.

Да, когда-то в прошлом, может быть, был цветок, но его нет. Прошли столетия, и с тех пор священник продолжает притворяться, что это он представитель того аромата. Никто не может представлять аромат: он приходит вместе с цветком, вместе с цветком он уходит.

Но священник может сделать искусственный цветок из пластика, может даже опрыскать его французскими духами. Именно этим он и занимался во всех религиях.

Религия мятежна, обязана быть такой, поскольку религия начинает говорить вещи,

противоречащие традиции, ведь может существовать только одно из двух: или масса, неразумная толпа-ум, которая создает традицию, или человек, подобный Иисусу, или Будде, или Махавире.

Они одни.

И то, что они говорят, может быть понято только немногими избранными.

То, что они приносят с собой в этот мир, настолько из иного мира, что если вы не в состоянии войти с ними в сердечный контакт, то вы и не поймете их, - вы поймете их неправильно.

Иисус понят неправильно.

Сократ понят неправильно.

Аль-Халладж Мансур понят неправильно.

Всякий раз, когда вы находите религиозного человека, будьте уверены, что все вокруг него будет понято неправильно. Но когда он умирает, все устанавливается. Когда он умирает, священство начинает свой новый бизнес.

Теперь евреи пострадали почти как от сердечного приступа почти две тысячи лет по той простой причине, что упустили такой бизнес. Христианство теперь - самый большой бизнес в мире... а они упустили его. А евреи не те люди, чтобы промахиваться там, где есть бизнес; у них на него чутье.

Я слышал одну историю... на протяжении столетий происходило так, что каждый год, в определенный день, в Ватикане главный раввин города приходит со свитком в руках на площадь Святого Петра, где его ждет папа. Собираются тысячи евреев и христиан, чтобы посмотреть на встречу папы и главного раввина, но что происходит между ними, никто не знает. Раввин кланяется, передает свиток папе. Папа кланяется - вот и все.

На следующее утро свиток отсылается к раввину обратно, чтобы он хранился там до следующего года. На протяжении двух тысяч лет ни один папа не побеспокоился заглянуть в него, но этот папа-поляк проявил любопытство: что это такое? Что это за обычай, который продолжается так много лет? Каждый раз раввин передает свиток папе и на следующее утро его отправляют обратно, церемонно, - но тот же свиток возвращается обратно. Что на самом деле содержится в нем? Он развернул свиток. Свиток был очень древним - две тысячи лет. И знаете, что он в нем нашел? Это был счет за последнюю вечерю! Евреи все еще спрашивают: «Хотя бы заплатите за это». И конечно, Иисус умер, не заплатив, так что...

Религия, как правило, восстает против мертвой традиции, бессмысленных обычаев.

Дать рождение новому человеку, новому сознанию - это революция.

Культ не касается нового человека. Культ не хочет, чтобы новый человек родился вообще когда либо, поскольку со старым все так просто, зачем создавать себе неприятности? Кто знает, каким будет этот новый человек?

И они правы. Новый человек будет источником неприятностей. Он не будет просто так

принимать всякие идиотские концепции; он будет задавать вопросы. Он не будет человеком, исполненным веры. Он будет в основном человеком, который спрашивает. Он будет сомневаться - он не будет верить.

Религиозный человек сомневается, но не верит. Он спрашивает, к этому ведет его сомнение; и он спрашивает до тех пор, пока сам не находит ответ. После этого нет места для веры - он знает.

Если вы спросите у него: «Вы верите в Бога?» - он скажет: «Нет». Вы будете удивлены - религиозный человек, и говорит «нет»! Если же вы спросите его: «Вы религиозный человек, и говорите, что не верите?» — он ответит: «Да, я повторяю снова: я не верю, потому что знаю; вера - это для тех, кто слеп. Слепой верит в свет, человек с глазами знает. Вы верите в свет?»

Верующие покорны, готовы к подчинению, готовы покориться любой идиотской концепции.

Теперь спросите христианина: «Что вы имеете в виду под рождением от девственницы?» А в это верит каждый христианин; если вы не верите в это, вы в большой степени не христианин. Всего лишь несколько дней назад одного епископа в Лондоне выгнали с его епископства за то, что он сказал: «Я не верю в девственное рождение».

Если вы не верите в девственное рождение, тогда вы не христианин, так какое же право вы имеете быть епископом? Вы распространяете в умах людей опасные идеи. Завтра вы скажете: «Я не верю в Святого Духа». Обязательно случится так, что вы спросите: «Кто этот парень, этот Святой Дух? Делает такие не святые дела, сделал беременной девственницу Марию, и все еще остается Святым Духом!»

И если вы сомневаетесь в девственном рождении и Святом Духе, то как долго вы сможете верить в Бога? Ведь из всей троицы вы уже сомневаетесь в двоих. Этого третьего вы не видели, и вы не встретите человека, который видел его. Будут цитировать писание, но писания не могут удовлетворить религиозного человека. Он хочет сам ощутить вкус истины. Но для культа это создает трудности.

Культ может быть любым: индусским, мусульманским, христианским, еврейским; это не имеет значения - все это культы.

Может быть, в начале его был религиозный человек. Я говорю «может быть», потому что священники настолько хитры, что могли построить церковь даже без мертвого тела реального религиозного человека; в этом нет такой уж большой необходимости.

Мне вспоминается одна небольшая история. Молодой черт вбегает к главному черту и говорит: «Быстро сделайте что-нибудь; только что один человек нашел истину. Я прямо оттуда. Нужно что-то делать. Его истину нужно уничтожить, иначе он погубит все наше дело».

Это очевидно, ведь если люди становятся истинными, если люди начинают открывать истину, то какой бизнес останется у чертей? Но старый черт рассмеялся и сказал: «Ты еще слишком молодой, ты новичок в бизнесе. Наши люди уже там».

Он сказал: «Но я никого не видел».

Старый черт сказал: «Тебе нужно потратить немного больше времени, чтобы понять. Ты видел священников вокруг этого человека?»

Он сказал: «Да».

Черт сказал: «Это наши люди. Они не позволят истине никуда разойтись. Они сделают из нее догму, и они не оставят человека, нашедшего истину. Пусть себе находит. Они окружают его; они станут посредниками между ним и массами, они наши агенты».

Все священники - агенты дьявола.

Они не заинтересованы в истине, не заинтересованы в поиске предельной реальности. Их интерес заключается в том, как эксплуатировать страх человека, жадность человека.

Они эксплуатируют ваш страх, создавая ад.

Они эксплуатируют вашу алчность, создавая небеса.

Они эксплуатируют ваше беспомощное состояние, создавая Бога.

Они дают вам писания, мантры, молитвы и говорят: «Вот это спасет вас; вы под защитой. Вам не нужно беспокоиться, вы не беспомощны. И мы всегда между вами и Богом - вы можете положиться на нас».

Они совсем не знают Бога.

Они не имеют к Богу никакого отношения.

Но Бог - прекрасная концепция для того, чтобы эксплуатировать людей, которые чувствуют себя психологически больными, испуганными, - и в этой ситуации находится все человечество.

Всякий раз, когда приходит религиозный человек, он начинает преобразовывать вас, не утешать, поскольку утешением не уничтожить ваши болезни.

Только путем преобразования вы можете стать абсолютно самими собой, вы можете быть абсолютно удовлетворены собой и всем существованием.

Но священник не хочет, чтобы вы были удовлетворены. Он хочет, чтобы вы оставались недовольными; иначе зачем вам отправляться к священнику? Для чего? Он не хочет, чтобы вы становились смелыми. Он хочет, чтобы вы оставались трусами навсегда, потому что только трусы будут приползать к его ногам. Зачем смелому человеку приходить к нему? Нет необходимости.

Религиозный человек разрушает необходимость в культе; поэтому всякий раз, когда появляется религиозный человек и вокруг него образуется атмосфера религии, все культы будут против него.

Вот вам и странная ситуация - христиане называют культом нас! А культ - это они. Индусы называют нас культом; культ - это они, поскольку их религиозные люди умерли две тысячи, три

тысячи, пять тысяч лет назад. И никто не знает, был ли на самом деле в начале какой-нибудь религиозный человек вообще, или с самого начала все это был лишь вымысел.

Георгий Гурджиев, один из самых проникновенных интеллектов этого столетия, говорил: «Иисуса Христа никогда не было. То было всего лишь театральное представление; а потом, постепенно, священники поняли, что это представление можно использовать: “Сделаем из него историю”». Одно верно, что за исключением христианского Нового Завета нигде больше нет упоминания об Иисусе Христе, ни в одном священном писании.

Если бы был человек калибра Иисуса, то невозможно представить себе, чтобы где-нибудь в еврейских писаниях не встретилось его имя, - особенно когда он был распят. Распятие делает его имя историческим. На самом деле, сейчас мы знаем историю только по Иисусу: до рождества Христова, после рождества Христова... вот так мы знаем историю. Этот человек становится центральной точкой во всей нашей истории. Такой важный человек - и нигде не упоминается: ни в еврейских писаниях, ни в римских текстах - Иудея ведь находилась под правлением Римской империи.

В римских записях Иисус должен был бы упоминаться. Если вы распинаете человека, он, по крайней мере, заслуживает места где-нибудь в бюрократических книгах. Но нигде, кроме этих четырех Евангелий, написанных четверью его учениками... он просто не существует. Если потерять эти четыре Евангелия, то Иисус становится просто слухом. Гурджиев настаивал на том, что он был просто слухом, сплетней, а хитрые люди использовали основанное на этом театральное представление и сделали из него исторический факт - и конечно, это великий бизнес!

Так и должно быть: пока я здесь, никто не будет воспринимать вас как религию.

И вы - религия, только пока я здесь.

В тот момент, когда я уйду, лучше всего - распространиться подобно аромату.

Хуже всего - стать культом. .

Тогда эти люди - христиане, и иудеи, и индусы, и мусульмане - также признают вас как религию. Они признают вас как религию только в том случае, когда вы станете культом. Вы видите странную логику мира? Когда вы потеряете контакт с жизненным переживанием, тогда, конечно, вы так же мертвы, как и они, и, конечно, мертвые люди не спорят. И один мертвый человек уважает другого мертвого человека - это просто вежливость, хорошие манеры.

И могут ли мертвые люди испытывать уважение к живому человеку? Они мертвы; это задевает их. Они не знают; это задевает их. Они имеют лишь верования - и кто знает, являются ли эти верования истинными или нет. На земле три сотни религий, три сотни различных догм, вероучений. Как вы думаете, могут ли быть все три сотни истинными?

Истина может быть только одна.

Ее можно высказать по-другому, но из нее нельзя сделать двух вероучений. Языки могут быть разными. Концепции могут быть разными, но любой может увидеть, что эти концепции

касаются одной и той же истины.

Вы должно быть слышали рассказ о пяти слепых людях, которые пришли посмотреть на слона. Прежде всего, слепому не следует ходить смотреть на что-либо; это абсурд. Но им было очень любопытно, вся деревня была в напряженном ожидании, поскольку слон приходил в эту деревню впервые. Поэтому они тоже решили: «Пойдем».

Видеть они не могли, но сказали: «По крайней мере, мы можем его ощупать и тогда увидим, какой этот слон». И все впятером они ощупали слона, конечно, в разных местах. Кто-то ощупал ноги слона и сказал: «Я нашел его. Слон похож на столб, такие же столбы есть у нас в храме, в точности как мраморный столб».

Другой человек сказал: «Ты идиот, ты, наверное, ощупываешь какой-то столб, потому что я вижу совершенно другое». Он ощупывал ухо слона и сказал: «Он похож на веер».

В Индии, жарким летом, до того, как появилось электричества, использовались веера, подвешенные к потолку. И один человек, бедный человек, должен был целыми днями тянуть за веревку, привязанную к вееру, тогда веер давал вам, по крайней мере, богатым людям, прохладный воздух. Или же по обеим сторонам от вас стояли люди с двумя большими веерами в форме слоновьего уха и оведали вас.

Поэтому второй человек сказал: «То, что ты говоришь, невозможно».

Третий возразил им обоим, а четвертый возразил всем троим. Тогда пятый сказал: «Вы идиоты; не надо было идти с вами, потому что это не что иное, как кисточка», - он держался за хвост. «И так много шума из ничего; просто кисточка, подвешенная к чему-то... Я не знаю, к чему она подвешена, потому что не вижу». Весь обратный путь домой они спорили друг с другом.

Но как вы можете найти решение, если слепы? Вы должны воспринять вещь, которую не видите. Если вы не воспримете ее, то тогда будут неприятности.

У этих культов нет глаз. Я спрашивал епископов, раввинов, шанкарачарьев, джайнских монахов, буддийских бхикку: «Вы пережили это? И будьте хотя бы раз искренними и правдивыми?»

И все они говорили мне: «В частной беседе мы можем сказать, что не переживали этого, но на публике, если вы спросите нас, мы будем абсолютно отрицать, что когда-нибудь говорили что-нибудь подобное. Ведь на публике мы должны притворяться. Мы научились...»

Когда я впервые выступал в Бомбее в 1960 году, вместе со мной выступал один джайнский монах. На этой встрече мы выступали вдвоем. Он выступал передо мной, потому что был хорошо известной личностью; я же был абсолютно неизвестен. Когда он закончил и поднялся я, люди начали уходить из зала, потому что меня никто не знал. Я вынужден был сказать этим людям: «Всего лишь пять минут, остановитесь там, где вы есть. Через пять минут можете или оставаться, или уходить». Конечно, они остались, потому что я просил всего пять минут, и выглядело бы не очень хорошо, если бы они ушли просто так.

Я сказал: «Всего на пять минут- посмотрите на часы и через пять минут вы освободите зал; оставаться здесь не будет нужды. Но за эти пять минут я хочу высказать несколько вещей».

Первое: этот человек, который говорил до меня, ничего не знает; он просто неумный человек!» Многие из тех, что стояли, сели. Я сказал: «На пять минут встаньте! Постоите пять минут, потом вы можете или сесть, или уйти».

Этот человек говорил о Махавиरे, основателе джайнизма. Первоначальным именем Махавиры было Вардхамана. Имя Махавира была присвоено ему потом. «Махавира» означает очень смелый, великий воин, - потому что в джайнизме истина должна быть завоевана. В этом точный смысл слова «джайна»; джайна означает завоеватель. Джайнизм означает: религия, которая учит, как завоевать истину, - и Махавира завоевал ее, поэтому и изменили его имя с Вардхамана на Махавиру. Теперь имя Вардхамана почти забыто.

Тот монах говорил: «Вардхамана родился сыном царя», и «Вардхамана отрекся от дворца, от царства», и «Вардхамана понял». Он использовал оба имени - Вардхамана и Махавира - без всякого затруднения, и все присутствующие в зале были джайнами, поэтому понимали его.

Но я сказал: «Этот человек не понимает, что он говорит о двух разных людях, он совершенно запутался». Люди посмотрели на меня. Я сказал: «Вардхамана - это один человек; Махавира - совершенно другой. Когда умер Вардхамана, тогда родился Махавира; они никогда не встречались». Этот человек говорил так, как будто они были на самом деле одним человеком, и он говорил, что Махавира родился, чтобы спасти всех вас от страданий, от несчастий.

Я сказал: «Это ложь, потому что сам Махавира сказал: “Никто не может сделать вас несчастными и никто не может сделать вас счастливыми, кроме вас самих”. Поэтому как может он спасти весь мир? Он не может спасти даже одного человека. Сам он говорит истину: “Это вы причина ваших страданий. Если вы поймете причину ваших страданий, вы прекратите их”. Ваша природа - это восторг. Страдание - это ваше усилие, ваше великое завоевание, ваш успех».

«Чтобы быть страдающими, вам нужно встать на голову, ногами кверху. Вам нужно быть совершенно неестественными, плыть против течения. Чтобы быть восторженными, блаженными, вам нужно всего лишь плыть вниз по реке. Вы просто в состоянии всепринятия - вы просто позволяете своей природе быть такой, какая она есть. Махавира говорит: “Никто не может заставить вас страдать. Никто не может сделать вас счастливыми”, - а этот бедный парень говорил, что Махавира родился, чтобы спасти весь мир».

Я сказал: «Пять минут прошли, теперь вы можете решать: или вы садитесь, или вы уходите». Все они сели, монах же был очень потрясен. Зал был снабжен системой кондиционирования воздуха, но он начал покрываться потом. Он все-таки был искренним человеком, и когда я кончил, он прошептал мне на ухо: «Можете ли вы всего на десять минут зайти в мой храм? Я не могу прийти к вам, - иначе я сам пришел бы, - потому что мои последователи не разрешат мне никуда пойти»... такой великий монах, с таким большим числом последователей, и собирается встречаться с каким-то неизвестным человеком, который, к тому же, сделал из него посмешище, который критиковал его со всех сторон.

Я сказал: «Нет проблем; я приду».

Я пришел туда. Собралось около тысячи людей, потому что люди узнали, что я собираюсь прийти, и они видели, что произошло утром. Но монах сказал: «Я хочу поговорить с ним с глазу на глаз, поэтому, пожалуйста, останьтесь снаружи; мы удалимся в маленькую комнату». Мы

вошли внутрь. Он закрыл дверь и начал плакать, рыдать, лить слезы... ему было, наверное, лет семьдесят.

Я сказал: «Но почему вы плачете?»

Он сказал: «Я плачу, потому что впервые почувствовал, что ничего не знаю. Пятьдесят лет, - ведь когда я стал монахом, мне было двадцать, - пятьдесят лет я учил людей так, словно бы знал. Я позвал вас, чтобы просто покаяться в том, что я ничего не знаю. Я не могу сказать этого перед людьми, - я недостаточно смелый, - ведь если я скажу это перед людьми, меня выбросят вон».

«Пятьдесят лет я не работал. Пятьдесят лет мне поклонялись. За мной ухаживали; тысячи людей считали меня своим Учителем, и если я скажу, что не знаю, они убьют меня. Они скажут: “Зачем же вы пятьдесят лет обманывали нас?” Им я ничего не могу сказать, но я хотел облегчить свое сердце перед вами - я не знаю. Сначала я был потрясен, разгневан тем, что вы сказали утром, но когда я начал думать об этом, я понял, что все правильно».

«Сначала я думал встать и начать спорить с вами, но я ясно увидел, что ни один аргумент не поможет мне - ведь я не спорю; то, что я говорю, - я просто утверждаю». Он сказал: «Я хотел бы познать себя. Хватит верить - пятьдесят лет потрачены напрасно; а я все еще стою на том же месте, с которого начал».

Такое случалось со многими религиозными лидерами, когда они общались со мной. В одиночестве они признавали то, что я говорил, но на публике они имели другое лицо, другую маску. Эти люди, - они могут быть христианами, они могут быть иудеями, они могут быть индусами, - они не знают... ведь знание - это не функция толпы. Я вижу, вы видите, но нет никакой возможности для того, чтобы мы оба видели с одного и того же места.

Вы не можете видеть через мои глаза. Я не могу видеть через ваши глаза.

Я не могу стоять в вашем пространстве, там, где стоите вы, и вы не можете стоять в моем пространстве, там, где стою я. Точно так же и религия абсолютно индивидуальна. А когда вы организуете ее, ее тут же забирает священство. Если человек, который ощутил переживание, жив, он может попытаться удостовериться, что религия не становится культом.

В этом состоит все мое усилие.

Поэтому, пока я с вами, религия не станет культом. Но когда я уйду, избежать этого будет очень трудно, ведь до сих пор в мире было так много религий, но успех не сопутствовал никому.

Кришнамурти старался изо всех сил. Никто не сделал так много против того, чтобы превратиться в культ, но кажется безуспешно. В 1925 году он распустил организацию. Для него была создана организация «Звезда Востока», имевшая целью распространение его истины и его переживания по всему миру. Он распустил организацию. Он вернул первоначальным владельцам замки, и деньги, и земли, и все, что было пожертвовано на его организацию. И он сказал: «Мне не нужны последователи».

С того времени он непрерывно говорил: «Никто не является моим последователем», - но есть люди, которые говорят: «Мы - последователи Кришнамурти». Что теперь поделаешь? И он еще

жив, и каждый день он говорит: «Никто не является моим последователем, я не лидер вам, не Учитель, никто». Но люди повторяют эти слова и говорят: «Мы - последователи Кришнамурти».

Когда Кришнамурти умрет, они снова соберутся вместе, потому что Учитель умер и нужно что-то сделать в его память - построить храм, построить церковь, построить мемориал, построить организацию, - чтобы его истина продолжала жить.

Истина - это не какая-то вещь.

Это не вещь, которую можно сохранить, законсервировать. Она исчезает вместе с человеком, который пережил ее.

Можно ли сохранить любовь? Могут быть двое великих влюбленных, и вы видите, как происходит между ними великая любовь; но можете ли вы сохранить, законсервировать это явление? Эти двое влюбленных умрут; можете ли вы сохранить их атмосферу, то преобразование, которое случилось между ними? Можете ли вы? Это не вещь; ее нельзя держать в руках, ее нельзя положить на депозит. Вам не удастся построить из нее храм, или церковь, или вероучение.

Любовь случается между двумя людьми - с истиной еще сложнее: она случается единственному отдельному человеческому существу. В любви есть хотя бы двое, и есть в ней что-то видимое и снаружи. Наблюдатель может заметить что-то неуловимое, но все-таки постижимое, что протекает между двумя людьми. Это можно увидеть в их глазах, в их лицах.

Однажды я ехал на поезде, и со мной была одна пара, очень старая пара, испанская пара. Они приехали в Индию, чтобы путешествовать. Мужчине было, наверное, около восьмидесяти, женщине - около семидесяти пяти; им полагалось бы быть уже в могилах. Но я был удивлен, видя их любовь, - ведь мы вынуждены были пробыть вместе двадцать четыре часа, - во всем, что они делали, в самой маленькой вещи. Свою любовь нужно показывать не в больших вещах, но в самых маленьких... я же мог почти дотронуться до их любви. Она была настолько явной, что ее можно было видеть. Я спросил этого старого человека: «Это редкое явление; как долго вы вместе?»

Он сказал: «Если считать по годам, то мы пробыли вместе, по крайней мере, шестьдесят лет, - ей было пятнадцать, когда я встретил ее впервые, - но эти шестьдесят лет не кажутся мне шестьюдесятью годами; все они пронеслись как одно краткое мгновение, сконденсированное мгновение, мгновение здесь и сейчас. Я никогда не думаю обо всех тех мгновениях, которые прошли, потому что это мгновение содержит все остальные».

Но когда эти люди уходят, вы не найдете того аромата, той ауры, того чувства. Оно уйдет тоже; оно так тонко.

С истиной даже еще труднее, потому что отдельная индивидуальность переживает свое собственное бытие и настолько полно восторгом, что если вы позволите, она может переполниться; если вы доступны, она может войти в вас.

Если вы колеблетесь и сопротивляетесь... это явление настолько деликатно, что небольшое сопротивление с вашей стороны, - и вы упускаете его.

Поэтому всякий, кто приходит сюда с определенным предубеждением, с определенным умонастроением, с определенной идеей, упустит меня.

Если человек приходит сюда открытым, уязвимым, тогда он ощутит вкус чего-то религиозного, он почувствует запах чего-то религиозного.

И вот единственный путь познать религию: быть в тесной близости к религиозному человеку. Это как инфекция.

Но вы не добьетесь ее, даже если крепко обнимете этого папу-поляка. Ничего не будет... поляк - это просто поляк. Он тоже может крепко обнимать вас, он может сокрушить ваши кости, ведь объятия поляка немного тяжелы для ребер. Но вы не найдете ничего.

Я встречал тысячи людей, которые были известны как великие религиозные учителя и наставники. Индия настолько полна мудрецов и праведников, что вы можете встретить их повсюду. Их не нужно искать. Это они ищут вас и сражаются за вас: «Вы принадлежите мне, не себе», - кто схватит вас первым. Но все они - часть определенного культа, повторяют как попугаи, - точно как попугаи, или вы можете сказать, как компьютеры, - священные писания, великие слова. Но слова обозначают только то, что имеет человек.

Когда Иисус говорит «истина» или Будда говорит «истина», это слово имеет значение. Когда буддийский монах говорит «истина», значения нет в нем; это пустое слово, в нем нет содержания.

Вы спрашиваете, почему они не могут воспринять вас как религию. Это очевидно: они же на рынке; каждый продает и торгует навывнос своим собственным товаром. Теперь приходите вы как конкурент и начинаете продавать новые вещи, более привлекательные, поскольку они более живые.

Они пугаются, что их молодые люди, их маленькие мальчики, их юные дочери могут быть привлечены вами - и они действительно привлечены, и они правы. И это побуждает их к таким причудам: они должны были бы ходить в церковь или в синагогу - что они делают здесь в Раджнишпуре? Они должны слушать раввина, священника - что они делают здесь?

И конечно, когда они видят вас, они не могут себе этого представить. У них есть определенная идея: вы должны соответствовать этой идее, тогда вы религиозны. И конечно, я стараюсь делать все, что в моих силах, чтобы вы не могли соответствовать ничьей идее - включая и мою! - чтобы вы могли быть только собой.

Весь мой религиозный подход заключается в том, чтобы вернуть вас к себе.

Вы были украдены.

Вы были закрыты, вы были всеми возможными способами обусловлены. Вам закрыли все двери к себе.

Вся же моя работа заключается в том, чтобы проделать в вас двери и окна.

И если я смогу устранить все эти стены и оставить вас прямо под открытым небом, то тогда вы

узнаете, что такое религия.

Но вы не должны соответствовать ничьей религиозной идее.

Они назовут вас всевозможными именами. Для них культ — это вещь, достойная осуждения, поэтому они называют вас культом.

Как раз на днях я видел дискуссию по телевидению с участием одного раввина и двух христианских священников, - один, наверное, был католиком, другой протестантом, или что-то вроде этого, различных вероисповеданий, - которые обсуждали меня и то, что происходит здесь. И раввин сказал: «Это культ».

Ведущий передачи спросил его: «Что такое культ и в чем разница между культом и религией?» И с тем, что сказал раввин, я полностью согласен, но совершенно по другой причине.

Раввин сказал: «Культ - это там, где есть харизматическая личность, обаятельная личность, и люди оказываются загипнотизированными, магнетизированными этой личностью, собираются вокруг него; а когда этот человек умирает, люди рассеиваются — не создается никакой традиции. Вот что такое культ».

Когда он говорит это, я говорю в точности то же самое, но по другим причинам. Он говорит: «Если культ переживает смерть своего основателя, тогда он становится религией». Пока жив Иисус, это культ, потому что из-за его харизматической личности... Когда Иисус умирает, культ становится религией... очень странная идея: религия рождается из культа. Культ не должен быть вещью, достойной осуждения; он является матерью религии, религия исходит из его чрева. Он является потенциалом религии.

Но он говорил: «Культ обязан исчезнуть, потому что он связан лишь с харизматической личностью, с ее харизмой, с ее обаянием, с ее магией, которая удерживает людей вокруг него. Когда он уходит, тогда больше не за что держаться. Тогда люди рассеиваются и культ умирает». Я говорю, что это в точности определение религии.

В более разумном мире не будет традиции. Будут рождаться религиозные люди, и с религиозными людьми будет случаться и религия. Придет гораздо больше людей, подойдут близко к нему и будут пить из его колодца. Иисус говорит: «Ешьте меня, пейте меня». Да, они будут есть, они будут пить и они преобразуются во всем этом процессе. А когда религиозный человек уйдет, не будет, конечно, необходимости создавать религию, потому что традиция умрет.

Да, вы любили своего отца, но когда он умер, вы положили его в могилу. Вы не сказали: «Он был моим отцом, как могу я класть его в могилу или на погребальный костер? Я буду хранить его в своем доме. Я любил его, он любил меня...» Нет, когда ваш отец умирает, это печальное, но естественное явление. Каждый, кто родился, умрет. Вы говорите ему до свидания со всей своей благодарностью. То же должно быть и с каждым религиозным учителем.

Иисус совершенно здоров, но христианство - это болезнь. Моисей совершенно здоров, но иудаизм - это заболевание. И то же самое справедливо по отношению ко всем религиям. Люди, стоявшие при самом источнике, были по-настоящему прекрасны, но всякий прекрасный цветок

умирает. Даже прекрасные звезды умирают или исчезают и не оставляют за собой ни единого следа. Так в чем же необходимость каждому религиозному человеку оставлять после себя традицию?

Я не собираюсь оставлять после себя традицию.

Пока я здесь, наслаждайтесь мгновением.

Празднуйте мгновение.

Зачем беспокоиться о будущем?

И помните одно: каждый, кто после меня попытается создать традицию, есть мой враг, не мой друг и не ваш друг тоже.

Он принадлежит дьяволу.

Он создает церковь - и тогда придут папы и все такое. Тогда начнется бизнес, и придут бизнесмены, и религия полностью исчезнет.

Лучше, если она исчезнет во вселенной, чем станет частью религиозного рынка.

Поэтому, когда люди спрашивают меня: «Что случится с вашей религией, когда вас не будет?» - я говорю: «Почему вас должно это волновать? Я здесь, этого достаточно». И будут люди... кто-то расцветет, и снова будут религии. Люди все время будут расцветать, но не создавайте традиций, потому что эти традиции не дают людям цвести. Оставьте место для цветения. Если бы вам не говорили быть иудеем, или индусом, или мусульманином, или христианином и для вас было бы оставлено место, вы, возможно, расцвели бы прямо сейчас.

Но с самого начала вас начали цеплять, обрезать, калечить...

В Пуне моим садовником была Мукта. Она постоянно ходила с ножницами, а когда видела меня, то прятала эти ножницы. Я сказал: «Не делайте этого. Зачем вам без необходимости обрезать деревья?» Одно дерево она особенно считала уродливым, поскольку постоянно хотела обрезать его. Так что сначала вы должны назвать что-то уродом, а потом становится легко обрезать это.

Сначала вы даете плохое имя - например, имя «культ», а потом уничтожение его становится добрым делом. Это был урод... А дерево было таким красивым, оно так обширно разрослось, но всякий раз, когда я не следил, она обрезала его. Если это урод, то пусть будет урод; такова природа этого дерева. Кто вы такой, чтобы уничтожать его или придавать ему форму по вашей собственной идее? Мукте было трудно со мной, потому что она была гречанкой и следовала традиции Аристотеля — логической, математической. Она хотела создать вокруг моего дома европейский сад.

Я сказал: «Это невозможно». Европейский сад, особенно английский сад, это настолько против природы, ведь где в природе вы найдете симметрию? Но в английском саду симметрию вы найдете. Они обрезают деревья симметрично, делают симметричные лужайки, рассаживают симметрично растения...

Симметрия неестественна, природа асимметрична.

Вот в дзэнском саду в Японии вы не найдете никакой симметрии. Даже если она есть, то люди дзэна не допустят ее; они уничтожат симметрию - что-то пошло не так.

Природа дика, и когда она дика, она свободна.

Религиозный человек тоже дик.

В его дикости лежит его свобода.

И в своей свободе он находит истину.

В своей свободе он находит себя.

В своей свободе он находит все, что должно быть найдено в существовании.

А человек культа остается полным хлама и мусора, заимствует пустые слова; может быть, великие слова - Бог, душа, истина, - но все они пустые, потому что он не живет ни одним из них.

А если вы не живете этим словом, оно пусто.

Только жизнь дает значение.

Поэтому верно, что вас не воспринимают как религию, - но зачем беспокоиться из-за этого? Кого это волнует? Я не заинтересован в том, чтобы нас воспринимали как религию. Мы не нуждаемся в том, чтобы кто-нибудь воспринимал нас, признавал нас, давал нам удостоверение. Кто они такие?

Те трое человек на дискуссии решили под конец: «Теперь время нам вступить с ними в диалог. Мы должны пойти к этим людям, к людям Раджниша, мы должны вступить с ними в диалог». Я просто рассмеялся над этой идеей — сидит еврей и с каждой стороны сидит христианин.

У евреев не хватило смелости вступить в диалог с Иисусом — или вы считаете, что диалогом было распятие? Какой диалог они могут вести со мной?

Если они знают, им не нужно приходить сюда. Если они не знают, тогда это будет монолог. Я буду говорить, а они вынуждены будут слушать. Диалог невозможен.

Если и вы знаете, и я знаю, нет необходимости в диалоге — достаточно молчания.

Если вы не знаете, и я не знаю, тогда тоже не будет смысла в диалоге, потому что это не будет диалогом, это будет состязанием по борьбе.

Я говорю, что я знаю. Поэтому со мной возможно только одно — монолог.

Беседа 19

РЕЛИГИЯ - ЭТО БУНТ

18 декабря 1984 года

Бхагаван,

Разве нет возможности каким-нибудь образом сохранить Вам Вашу живую религию и не позволить ей опуститься до культа, подобно христианству? Сама мысль о том, что Ваша религия сведется со временем к культу, невыносима.

Почти невозможно сохранить религию как религию. До сих пор никому не удалось сделать так.

Но я сказал, что это почти невозможно, не абсолютно невозможно, поскольку нам повезло в том, что мы можем видеть все неудачи прошлого: все, что помогает религии превратиться в культ, может быть отброшено с самого начала. Мы знаем многих людей, которые пытались сделать это раньше. Их попытки полезны нам.

Невозможность религии оставаться религией не присуща ей внутренне. Причины, сводящие ее к культу, не являются самыми фундаментальными.

Прежде всего: это не моя религия.

Я не имею к ней никакого отношения. На самом деле, она начнет существовать, когда я прекращу свое бытие. Это первое, что следует запомнить, - это поможет религии оставаться живым потоком.

Не делайте из нее религию определенного типа - христианство, индуизм, буддизм - нет, пусть это будет чистая религия. Пусть она будет религиозностью.

Никто не может свести религиозность к культу.

Это абсолютно невозможно.

И то, что я делаю непрерывно, - это устраняю все возможности, все потенции, которые могут свести ее к культу. Например, я устранил Бога. Когда нет Бога, очень трудно свести религию к культу. Вот почему христианство - в большей степени культ, чем буддизм.

Это наше благословение, что мы можем оглянуться назад на всю историю. И только дураки говорят, что история не повторяется; она повторяется непрерывно, если вы не препятствуете ей повторяться. Если вы приняли идею о том, что история повторяется, вы не станете препятствовать ей повторяться, в этом нет необходимости. Я говорю вам, что она постоянно повторяет себя, если кто-нибудь сознательно не препятствует ей.

Иудаизм, христианство, мусульманство, индуизм — все они ориентированы на Бога. Джайнизм, буддизм, даосизм, конфуцианство - все они не ориентированы на Бога. И разница видна тут же. Религии, ориентированные на Бога, немедленно становятся культурами.

Бог - это очень опасная концепция, потому что с именем Бога приходит священство.

Если нет Бога, очень трудно создать священство. В джайнизме священства нет. Для своих мирских ритуалов, например, для бракосочетания, они вынуждены заимствовать священников у

индусов. У них нет никаких священников, их религия против брахманизма. А вот у индусов величайшее и самое древнее священство; самое изощренное, культурное, весьма солидно установленное.

Когда женился мой первый дядя... в то время я осознал одну странную вещь - то, что для церемонии бракосочетания вызвали брамина. Я спросил отца: «Джайнизм ведь против брахманизма, джайнизм восстал против браминского ритуала, против магической религии. А бракосочетание совершается брамином? С самого начала брак становится неправильным. Можно ли сделать так, чтобы бракосочетание проводил джайн?»

Он сказал: «Ты поднимаешь неудобный вопрос, но я должен признать, что твой вопрос всегда был правильным. Мы, может быть, не сможем ответить на него, у нас могут быть практические трудности при ответе на него, но это действительно наша проблема - и мы сердиты на тебя! Вот сейчас начнется ритуал; все готово - невеста и жених, все гости и брамин пришли, - все готово к началу, а ты начинаешь задавать такие неприятные вопросы».

Я сказал: «Женится мой дядя. Я имею полное право проявить заботу о том, чтобы все прошло правильно».

Мой отец хотел, чтобы я замолчал. Он сказал: «Можешь взять несколько рупий, но уходи».

Я сказал: «Еще не время - никакие взятки не помогут. Я собираюсь устроить здесь неприятности; я не позволю этому брамину совершать брачную церемонию. Просто сама мысль... Он ваш враг; брамины постоянно осуждают джайнизм, все их священные писания полны такого осуждения. Джайны постоянно осуждают браминов, вся их философия против браминов. Я не допущу этого. Или бракосочетание должно проводиться джайном, или я устрою скандал».

И я устроил скандал. Я встал и спросил всех джайнов, — там присутствовали все старейшины общины, - я спросил у них: «В чем смысл всего этого? Может мне кто-нибудь ответить?»

Один старик сказал: «Этот вопрос вставал у меня всю мою жизнь - ведь я был, наверное, на тысячах бракосочетаний. И каждый раз возникал этот вопрос, но у меня не хватало смелости задать его. Этот мальчик прав. Кто-то должен начать однажды».

Я сказал своему дедушке: «Помогите мне. То, что делает этот брамин, может делать любой человек. Если вы позволите мне, я смогу сделать это».

Они сказали: «Это будет уже слишком. Пусть это сделает кто-нибудь постарше».

Я сказал: «Очень хорошо».

Тот же самый старик и выполнил ритуал. Это было первое бракосочетание в Индии среди джайнов, совершенное джайном. Я сказал: «Не беспокойтесь. Все, что брамин говорит на санскрите, вы скажете на хинди. На самом деле, говорить на хинди лучше, потому что тогда и невеста, и жених поймут то, что вы говорите. То, что говорит брамин, все чепуха - все греческий да латынь! Он просто говорит какую-то невнятицу, а вы думаете, что он говорит какие-то великие вещи. Все, что требуется, это обещание, клятва, слово, данное перед общиной в том, что

вы будете заботиться друг о друге. А все остальное несущественно ».

И этот старик выполнил ритуал на хинди. Брамин был очень зол, потому что он потерял свой заработок... и это было только начало. После этого бракосочетания в моем городе ни одно бракосочетание джайнов уже не проводилось браминами.

У джайнов нет священства, потому что, когда нет Бога, в чем функция священника? Эти вещи взаимосвязаны. Бог абсолютно необходим для создания иерархии - тогда мессия, тогда папа, тогда кардиналы, тогда епископы, тогда священник... И это все продолжается; от самого подножья до вершины, ступеней так много. Но все эти ступени возможны только в том случае, если вы признаете вершину, а вершина-то вымышлена. Бог-то вымышлен.

Если бы я встретил Иисуса, я сказал бы ему: «Бог - это вымысел. Я не отказываю тебе ни в чем; я просто говорю, что если ты не докажешь Бога как факт, твое мессианство не считается — поэтому-то и нет нужды отказывать тебе в нем, как это делают евреи, которые отказывают тебе в мессианстве, говоря, что ты не мессия, не истинный мессия».

Всего несколько дней назад я видел фильм, прекрасный фильм о еврейской семье, очень ортодоксальной хасидской семье. Евреи не признают хасидов равными себе, они отверженные для них. Хасиды до сих пор не признают государство Израиль, поскольку говорят: «Израиль будет установлен, когда придет мессия - но где он?»

Их логика совершенна. Этот Израиль создан политиками, не мессией. Они не признают этого государства, этой нации - и я согласен с ними в том, что это искусственное образование, насильственное образование. Это не нация, выросшая естественным путем; поэтому евреи в Израиле всегда будут испытывать проблемы.

Евреи думают, что американцы сотворили им великое благо, создав Израиль; но это не так. Они сделали нечто худшее, чем то, что сделал Адольф Гитлер, потому что сделанное ими становится источником постоянной проблемы. На протяжении столетий Израиля не было; это была мусульманская страна Палестина, и окружена она была мусульманскими странами.

Теперь просто из-за того, что выиграна вторая мировая война и установлен контроль над землей Палестины, насильственно образовали эту нацию. Это произвол. Живут в этой стране мусульмане, это их страна. Может быть, тысячи лет назад Израиль и был еврейской страной. Но за тысячи лет он стал страной мусульман, и вдруг карта страны просто меняется... а окружена она по-прежнему мусульманским миром. На Среднем Востоке все страны мусульманские.

Эта маленькая страна Израиль будет постоянно страдать; как долго Америка сможет помогать ей? И как долго американские евреи будут вливать свои деньги в Израиль? Рано или поздно правда истории будет признана. Если бы Америка действительно проявляла сострадание к евреям, она должна была бы предоставить им Израиль в Америке. Для этой цели прекрасно подошел бы Орегон! Я предлагаю: пусть Орегон будет Израилем. Но что это за сострадание - поместить евреев туда? Там они никогда не смогут жить в покое, никогда.

Поэтому, когда я увидел в этом фильме, как хасиды отвергают Израиль... конечно, их причина совсем другая. Я всегда был против создания Израиля. Когда он был только создан, я был еще ребенком, но и тогда моей первой реакцией было то, что это абсолютный идиотизм.

Страна населена мусульманами - вокруг одни только мусульманские страны, - и вот помещают бедных евреев посреди океана врагов. Раньше они как-то убежали из Израиля - история была к ним более сострадательна. И не было необходимости в создании единой нации, они жили по всему миру. Весь мир стал их нацией, их государством. Когда вы теряете свою нацию, вашей нацией становится весь мир - зачем беспокоиться о нации?

Моя причина была другой: то была политическая стратегия, направленная на удержание военной базы - ведь Израиль всегда будет нуждаться в помощи Америки, поэтому Америка всегда будет держать военную базу в Израиле, который очень близок к России. И евреи никогда не пойдут против Америки, потому что Америка защищает их; они почти рабы Америки. Без Америки с Израилем будет немедленно покончено, израильтяне будут вырезаны; поэтому они зависят от Америки, и их зависимость является гарантией того, что Америка имеет базу на Среднем Востоке. Другие мусульманские страны не дадут им такой базы - они христиане, а мусульмане и христиане сражались друг с другом на протяжении пятнадцати сотен лет, совершали один крестовый поход за другим.

Моя причина другая, но и хасидская причина достойна того, чтобы рассмотреть ее. Они говорят, что из священных писаний совершенно ясно следует, что придет мессия и восстановит царство Израиль. Где мессия? Франклин Рузвельт? Уинстон Черчилль? Кто мессия? А тогда этот Израиль фальшивка!

Мне нравится эта идея. Для меня Израиль - фальшивка по другим причинам, но он фальшивка; и в этом я согласен с хасидами. Без Бога невозможно иметь мессию. Я не стал бы спорить с Иисусом и говорить ему: «Ты не мессия», - потому что это вторичный вопрос. Первичный вопрос такой: «Нужно доказать, что существует Бог».

Но поскольку евреи признали существование Бога, они никогда и не спорили об этом основном пункте. А по вторичному пункту спорить невозможно, потому что Иисус говорит: «Меня послал Бог». Евреи признавали других пророков, посланных Богом, так что же плохого в бедном Иисусе? Почему бы не признать и его? Но если Бог отвергнут, тогда... «Некому посылать тебя. Сначала докажи существование Бога - лишь тогда возникнет вторичный вопрос; тогда мы будем обсуждать его». И тогда Иисус не смог бы найти ответа, и распятия можно было бы легко избежать.

Но иудаизм ориентирован на Бога, ислам ориентирован на Бога, поэтому-то и становится Мухаммед Его посланником. И всякий другой должен становиться его посланником, иначе как установить связь между Богом и Его творением? Посредник абсолютно необходим. Это кажется логичным.

Люди в арабских странах верят в Бога, поэтому они не могут поднять основного вопроса. Они лишь спорят: «Ты не истинный посланник». Но как можно доказать, кто правильный посланник, а кто неправильный? Сражение идет вокруг весьма второстепенной проблемы. Истинная борьба должна вестись вокруг первичной проблемы.

В джайнизме мессия невозможен. Никто не может объявить себя: «Я мессия»; люди просто посмеются и скажут, что вы сошли с ума. Никто не может объявить: «Я посланник Божий»; он будет просто посмешищем, люди вокруг будут насмехаться над ним. Он не может сказать: «Я воплощение Бога», - потому что Бог не существует. Откуда вы взяли это воплощение —

воплощение ничего?

Поэтому в буддизме, джайнизме, даосизме, конфуцианстве не возникает проблемы с мессией, посланником. Как можно иметь и пап, и епископов, и священников? Это целая лестница. Если вы признаете высшую ступень лестницы, то вы должны признать и всю лестницу. Но если лестница уходит в никуда, если она просто стоит на земле и никуда не ведет, то тогда все ступени лестницы становятся бессмысленными.

Я отверг идею Бога.

Вместе с Богом исчезает и все мессианство.

Вы не можете объявить меня мессией даже тогда, когда я умру.

Вы не можете объявить меня воплощением, даже когда я умру.

Вы не можете объявить меня посланником.

Вы понимаете этот простой факт? Даже когда я умру, вы не сможете пойти против меня. Как сможете вы создать культ? Ведь я отвергаю все ингредиенты, необходимые для создания культа. Я говорю, что нет посланника. Я говорю, что нет аватары.

Но хотя Махавира спас джайнизм от священства, он не смог спасти его от того, чтобы тот не стал культом, потому что он внес новую концепцию - концепцию тиртханкары.

Вы должны понять: эта концепция полностью отличается от концепции мессии. Мессия - это тот, кто приходит от Бога; вот точный смысл понятия «аватара». Буквально это слово означает сошествие - приход сверху вниз. Тиртханкара означает рост снизу вверх. Это человек, расцветший во всей своей полноте, достигший предельного. Это не сошествие; это рост. Рост от корней, рост, подобный дереву.

Аватара направлен сверху вниз, мессия направлен сверху вниз, свешивается сверху, спускается вниз; все они - род падения. Тиртханкара - это человек, поднявшийся к своему полному потенциалу.

Махавира думал... такая же концепция была и у Будды - они были современниками, и оба они думали: «Это способ избежать священства, Бога, поскольку центральной точкой мы делаем человека».

Один поэт-баул в Бенгалии... баул означает сумасшедший, и они были действительно безумными людьми - безумно влюбленными в существование. Одним из самых важных баулов является Чандидас. Вот одно из его знаменитых высказываний: «Сабар упар мануш джати, тахар упар нахин: выше всего истина человека, и выше ее нет ничего». Теперь человек становится предельной истиной.

Это было великой революцией - сбросить Бога с Его трона и посадить на Его трон человека.

Но культ все же возник. Они кое-что забыли, но мы должны об этом помнить. Они экспериментировали, они были первыми, и они сделали великое дело. Они отсекали почти

половину возможностей, но другой половины возможностей оказалось достаточно для создания культа: они сделали тиртханкару необыкновенным человеком, сверхчеловеком. Они вынуждены были сделать так, потому что вопрос заключался в непрерывном сравнении - у индусов были аватары; все они сверхчеловеки, наделенные божественной силой.

Обыкновенному человеку хочется следовать за человеком, наделенным божественной силой, а не просто за человеком. Естественно, когда вы идете в магазин, вы покупаете самое лучшее и самое дешевое. А Махавира был никто. Он был самым дорогим, потому что его дисциплина была очень трудной; это была цена, которую нужно было платить, чтобы следовать за ним. Нужно было идти путем аскетизма, и это была цена, которую необходимо было заплатить, чтобы стать сверхчеловеком, — и все-таки вы оставались человеком.

Так много трудностей, так много поста, нужно жить обнаженным... джайнский монах не может даже пользоваться огнем. Ночью, когда холодно, зима, он не может пользоваться даже одеялом, он не может пользоваться даже огнем. Есть и обнаженные индусские монахи, но они не испытывают таких неприятностей: они изобрели две уловки. Во-первых, они всегда сидят лицом к костру, поэтому им тепло. И, во-вторых, они все время растираются, по всему телу, пеплом от костра. Поэтому у них закрыты все поры тела, через которые идет дыхание, — не полностью, иначе они умерли бы, но достаточно для того, чтобы тепло их тела не уходило. Поэтому сзади у них тоже есть утепление.

Джайнский монах тоже обнажен, но без утепления, без пепла, растертого по телу. Он дрожит. Дрожание - единственный способ, естественный способ создания некоторого тепла. Дрожание - это естественная защита от холода. Вы дрожите, тело начинает трястись; создается определенное движение, упражнение в теле, и образуется тепло. Это единственное, что они могут делать ночью. Летом они ходят обнаженными под солнцем. Они совершенно обгорают, у них мало пищи для еды и мало воды для питья.

Так что путь их труден... а что же они приобретают? Вы следуете за человеком, который не является даже сошедшим к вам Богом, который не является даже родственником Богу, который не является даже посланником Бога. Кто знает, может быть, он безумен, душевно нездоров? Он ведь просто человек, как и вы. Тогда как, в порядке сравнения, есть посланники Бога, мессии Бога, аватары Бога, Сам Бог, сходящий вниз...

На рынке трудно продать такую вещь. Поэтому они и вынуждены были поднять тиртханкару до того же статуса, что и аватара, мессия, и даже выше. Это просто рыночная экономика. Тиртханкара всеведущий, всемогущий, вездесущий; он обладает качествами Бога. Мессия - всего лишь мессия, посланник - всего лишь посланник, но тиртханкара имеет все качества Самого Бога. Это и создает базу, лазейку для превращения религии в культ.

Поэтому я настаиваю на том, что я обыкновенный человек. Вы не можете предложить меня на продажу - кто купит меня? Когда в продаже есть Иисус, есть Мухаммед, есть Кришна, есть Махавира, есть Будда, как вы думаете, кто-нибудь придет за мной? За простым человеком, обыкновенным человеком, человеком, который сам настаивает на том, что он обыкновенный.

Я отвергал чудеса, говоря, что они никогда не случались, никогда не случаются и никогда не будут случаться. Махавира и Будда, оба споткнулись на этом моменте, - но они были пионерами. Позади меня двадцать пять веков опыта. Я стою на их плечах; я могу видеть далеко. Они не

могли даже представить себе, что эти вещи превратятся в самую их слабость. Все они -ведь и Кришна творил много чудес, и Рама творил много чудес... Что говорить о Рама - даже его приверженцы лишь одним его именем творили чудеса.

Например, между Индией и Шри Ланкой лежит океан, и перед Рамой стояла задача пересечь этот океан, чтобы напасть на Шри Ланку и получить назад свою жену. Но его ученик, бог обезьян Хануман, сказал: «Не беспокойтесь. Достаточно вашего имени». И его именем он начал бросать в океан камни - и именем Рама камни не тонули, они плавали.

Целая армия обезьян и ослов, а может быть, и янки, все были там; он начал бросать камни, и именем Рама камни поплыли - вскоре образовался мост. Они перешли через мост, пользуясь лишь его именем. Хануман сказал: «Вам не нужно беспокоиться, достаточно вашего имени. От вас ничего не требуется».

Куда нужно завести подобные рассказы, чтобы вы смогли конкурировать? Такие рассказы должны были придумывать ученики Будды, должны были придумывать ученики Махавиры. Все они придумывали рассказы; и придумывали их так, чтобы сделать Махавиру и Будду выше Рама, выше Кришны, выше индуcской троицы, тримурти - Брахмы, Вишну, Махеша.

Рассказывают, что когда Будда стал просветленным, все три бога - Брахма, Вишну, Махеш, - все три бога припали к его ногам, потому что просветленный человек много выше любого бога. Следует заметить, что в иудаизме, христианстве, исламе Бог всегда один; в индуизме Бог всегда во множественном числе - это «боги», тридцать три миллиона богов.

Главными среди этих тридцати трех миллионов богов являются эти трое - Брахма, Вишну, Махеш. В тот момент, когда Будда стал просветленным, все трое прибежали из рая, чтобы припасть к его ногам. Семь дней Будда хранил молчание. То были Брахма, Вишну и Махеш, кто убедили его заговорить, потому что даже боги не знают верховной истины. Даже боги жаждут услышать от вас, чего вы достигли? В чем ваша реализация? Что она сделала для вас? Будду убеждали многими путями, но, в конце концов, уговорили его эти три бога.

Его возражение было очень хорошим. Он сказал: «Если я заговорю, то, прежде всего, мое переживание не может быть выражено словами. Далее, если даже слабый аромат моего переживания и может быть выражен словами, то где люди, способные воспринять его? Где такие люди? И, прежде всего, кто захочет истины? Людям нужно утешение».

Но эти три бога сказали: «Вы, может быть, правы относительно девяносто девяти и девяти десятых процента людей, но все же остается одна десятая процента людей, которые есть и которые могут воспринять, которые хотят отправиться к дальним берегам. Неужели вы разочаруете их?»

Весь этот рассказ доказывает, что даже боги не являются просветленными. И в буддизме, и в джайнизме боги - это люди, которые заслужили великую добродетель, и за свою великую добродетель они вознаграждаются раем. Но здесь есть ограничение во времени. Рано или поздно вознаграждение за добродетель оканчивается; эти люди снова должны будут вернуться на землю и снова должны будут двигаться в этом колесе жизни и смерти.

Вот почему тридцать три миллиона богов, иначе как управиться с этой идеей, если бог только

один? За миллионы лет так много людей были добродетельными, религиозными, истинными, честными - все они должны быть вознаграждены; рай - вот их награда.

В христианстве, исламе, иудаизме нет ничего выше небес. В джайнизме и буддизме есть кое-что выше небес. Небеса - это всего лишь место для удовольствий, для праздника, для курорта - отдыха от этого непрерывного колеса горя, страданий, боли. Нужны небольшие каникулы, продолжительный уикэнд.

Небеса для джайнов и буддистов - это лишь продолжительный уикэнд. Но не забывайте: он окончится, и вы снова попадете в ту же колею. И теперь она будет еще более невыносимой, потому что вы жили в таком потрясающем удовольствии и наслаждении, а теперь вы снова живете в этой скуке, которая называется жизнью. Она становится еще большим адом, чем была прежде, ведь теперь у вас есть с чем сравнить.

Запомните, тиртханкара не отправляется на небеса, будда не отправляется на небеса. Просветленный человек отправляется в мокшу, которая находится за пределами небес. Оттуда пути назад нет. Человек полностью выходит из колеса жизни и смерти. Это не курорт на каникулах.

Вы понимаете мою точку зрения? Джайны и буддисты вынуждены были создать нечто выше небес. Они вынуждены были придать своим тиртханкарам качества выше, лучше, превосходнее тех, которыми наделены даже ваши боги, потому что стоял вопрос о конкуренции на рынке. Но они забыли, что эта конкуренция приведет их к полной неудаче.

Они успешно привлекли людей: почти вся интеллигенция страны попала под их влияние. Лишь неразумные люди, массы, остались с индусскими богами. Разумные люди не могут поклоняться богу-обезьяне - это так глупо; они не могут поклоняться дереву. Любой камень, лишь раскрасьте его красным, положите на него два цветка и ждите... Вскоре придет кто-нибудь еще и положит цветы, придет кто-нибудь еще и положит кокосовый орех - и рождается бог, вы дали рождение богу. Такое случается каждый день.

Корпорации в Индии, муниципальные комитеты в Индии находятся в постоянном беспокойстве. Посреди дороги появляется бог! Теперь его нельзя убрать; это будет вмешательством в чувства религиозных людей - и вскоре на этом месте поднимется храм. Сначала какой-то камень покрашен красным, подойдет камень любой формы, — ведь когда тридцать три миллиона богов, кто знает, сколько у них форм? Все, что нужно, это те, кто поклоняется, а они всегда есть. Тогда этого бога не может убрать ни правительство, ни кто-нибудь еще.

А когда есть бог, ему нужен кров. На этом месте поднимается храм, как раз посреди дороги. Убрать его означает вызвать немедленный бунт; людей будут убивать и резать, и огонь этого бунта распространится по всей стране; так что лучше разрешить этому богу оставаться на его месте. Он нарушает красоту дороги, он нарушает дорожное движение, он опасен, он причина дорожных происшествий, но с ним ничего нельзя поделать.

В Индии только в Джайпуре ровные и прямые дороги - в единственном городе - и, по-видимому, это самый красивый город в Индии. Но так получилось потому, что человек, построивший его, Джай Сингх, - он был царем государства Джайпур, - был атеистом. И он позвал с юга Индии, от Низама Хайдерабадского... Низам Хайдерабадский имел очень разумного первого министра

Мирджу Ибрахима. Джай Сингх родился индусом, но он попросил Низама дать ему Мирджу Ибрахима хотя бы на несколько лет, пока строится Джайпур. Он хотел построить индийский Париж.

И он почти преуспел; он построил нечто потрясающе прекрасное. А почему он попросил мусульманина? Он сказал Мирдже: «Я не хочу никаких неудобств, - а ведь они случатся: повсюду храмы и мечети, начнутся всякие дела, и весь наш план будет разрушен».

«Поэтому, если возникает храм, - вы не индус, вы просто ночью уничтожаете его. Без суеты и шума; как храм появился, так он и исчезает. Утром его нет, как не было. Никто не должен даже думать, что это разрушение; все должно быть тихо, но за ночь весь храм должен быть полностью уничтожен. А если появится какая-нибудь мечеть, я не мусульманин... может быть, вам это будет трудно...»

Мирджа сказал: «Это верно, мечеть мне будет трудно уничтожить».

Джай Сингх сказал: «Это сделаю я».

Они уничтожили много храмов, много мечетей. Джай Сингх оказался прав: они непременно появлялись, потому что в Джайпуре были самые широкие дороги. На каждом перекрестке, где он хотел иметь сад, индусы хотели бы иметь свой храм. Где же найдешь еще такое красивое место? И его не нужно покупать, его не нужно ни у кого выпрашивать, ведь когда дело касается Бога, вопросов быть не может.

А все, что нужно сделать для основания храма, это совсем простое дело... Вы идете ночью и кладете круглый камень - копаете небольшую ямку в земле, кладете в нее круглый камень - и на следующее утро объявляете, что вам этой ночью явился Бог, который сказал, что в таком-то и таком-то месте он уже ждет многие и многие столетия и что теперь самое время, когда о нем следует напомнить людям, и воздвигнуть храм.

Вскоре туда рванут толпы, чтобы проверить, верный был сон или нет. И он оказывается верным: найден бог! Это указание самого бога, вы не можете вмешиваться в него. Но Джай Сингх справился с этим очень хорошо. Бог появлялся; они начинали работать, а ночью бог исчезал. И Джай Сингх говорил: «Что я могу поделать? Как он появился, так он и исчез. Мы не можем запретить ему исчезать; мы не можем запретить ему появляться, что мы можем поделать?» Вот так ему удалось иметь такие красивые улицы в Джайпуре.

Пока он был жив, Джайпур был окрашен только одним цветом - красным. Все дома на главных улицах были выстроены совершенно одинаковыми; так что на протяжении миль можно было видеть одинаковые дома. Это выглядит так красиво. И все они были сделаны из красного камня, ничего другого не допускалось. Весь город был из красного камня... и в зелени красный камень прекрасен, потому что зеленый и красный - основные цвета природы. Природа знает только два цвета - красный и зеленый.

После обретения независимости все это было нарушено. Я приезжал туда каждый год и видел появляющихся богов, храмы, вырастающие посреди улиц, на перекрестках, повсюду. Теперь светское правительство ничего не может поделать. Человек сделал город таким красивым... а теперь люди раскрашивают дома в разные цвета, и им не запретишь, ведь это их дома.

Джай Сингх был безумным царем. Ни у кого не возникало даже мысли, что дома могут быть разных цветов. В Джайпуре допускался только один цвет: «Если вам не нравится этот цвет, убирайтесь из Джайпура», - и он стоял на этом твердо!

Даже в его времена в верховном суде Индии предпринимались попытки изменить такое положение дел. Но верховный суд сказал: «В том, что касается внутренних дел, мы не имеем права вмешиваться; наше соглашение с царем касается только иностранных дел, но это не иностранное дело. Он обладает абсолютным суверенитетом. Если он хочет красный цвет, мы ничего не можем сделать. Если он хочет дома одного вида, мы ничего не можем сделать».

Но теперь... когда я посетил этот город в последний раз, я почти расплакался, потому что они все разрушили. Все эти прекрасные линии одинаковых домов имели что-то поэтическое; и все эти красные камни с зелеными деревьями... все это место было огромным садом. Теперь появились самые разные цвета. Старые дома разрушены, построены небоскребы. Люди меняют архитектуру своих домов, потому что не хотят жить в одинаковых домах... и никто не может запретить им этого. На улицах храмы, мечети, гурудвары; именем религии можно сделать все, что угодно.

Будда и Махавира старались, но они не осознавали всех последствий. Я же осознаю все последствия. Может быть, вы не смогли разглядеть, что я стараюсь делать: я истребляю все основы, поэтому, когда я уйду, вы не найдете ни единой основы для создания культа из моей религии.

Итак, я говорю, что это почти невозможно... ведь люди настолько глупы, что из-за своей глупости они могут изобрести такое, чему я не оставил ни единого зернышка. Например, как раз позавчера мне принесли письмо. Профессор Виджай Саухан, профессор университета в Вашингтоне, дал интервью обо мне, в котором сказал, что мы были большими друзьями и вели долгие дискуссии.

Я никогда не видел этого человека, что же говорить о долгих дискуссиях и о дружбе? Да, я слышал это имя, поэтому я знаю, кто он, но я не видел его. Его мать была великая поэтесса Субхадра Кумари Чаухан, и из-за Субхадры я время от времени приходил в ее дом, и она, бывало, читала мне свои стихи. Она даже как-то сказала мне: «У меня два сына, один Аджай Чаухан, другой Виджай Чаухан - однако странно, когда вы приходите к нам, их никогда нет дома. Я хотела бы, чтобы вы встретились с ними однажды». Но она умерла, и такой день никогда не наступил. Она никогда не представляла меня своим двум сыновьям.

Аджая Чаухана я видел на дороге, но мы не были знакомы друг с другом. Но этого человека, Виджая Чаухана, я никогда не видел - и вот он говорит, что был моим большим другом и мы часами обсуждали философию, религию, великие проблемы.

Сейчас приходит много писем этого типа. Шила спрашивает меня: «Вы знаете этого человека?» - она приносит фотографию. «Этот человек говорит, что он знает вас с самого вашего детства и что вы много раз останавливались в его доме». Я смотрю на фотографию... а моя память не плохая, но вот так плохая. За всю свою жизнь я ни разу не видел этого человека, не слышал его имени.

Одно письмо было из Нью-Йорка; я никогда не слышал этого имени. Этот человек был из

Индии; он говорит, что он великий поэт и что я цитировал его стихи в своих лекциях. Я никогда не слышал этого имени, я никогда не знал никаких стихов, связанных с ним, никаких книг, написанных им. Но он говорит, что мы великие друзья... Ну что делать с этими людьми? Когда я уйду, начнутся самые разные рассказы.

На вас будет лежать ответственность за то, чтобы прекратить все эти рассказы. Запомните, все, что я сказал вам, имеет большое значение, а все, чего я не говорил вам, не имеет никакого значения: это просто придумано.

Если кто-нибудь приходит и говорит: «Я видел чудо...» И будут люди; это придает им важности - то, что я совершил чудо... Да, несколько раз я совершал чудо.

Один человек, доктор Бхагвандас, - теперь он профессор; мы учились с ним в одном университете, хотя он был на другом факультете. Но мы дружили; он приходил ко мне и отправлялся со мной на прогулку. Однажды он пригласил меня к себе домой. Его дом был не очень далеко от университета, всего в пятидесяти милях.

Поэтому я сказал: «Мы можем отправиться в следующую субботу. Это не так далеко». Мы решили отправиться туда. Мы спали с ним в одной комнате, на двух кроватях. Между нашими двумя кроватями стоял маленький столик с часами, потому что я хотел встать в три утра. В то время я обычно вставал в три, но на всякий случай, если я вдруг не проснусь, я сказал ему поставить будильник, - но у него будильника не оказалось.

Он сказал: «У меня нет здесь будильника».

Я сказал: «Тогда забудем об этом». И я отправился спать. Но он чувствовал себя беспокойно и поэтому пошел к соседям, позаимствовал будильник и поставил его на середину стола. Я спал. Благодаря своей привычке вставать в три часа утра, я проснулся в три и услышал тиканье часов рядом с собой. Я огляделся. Это были светящиеся часы, поэтому я смог разглядеть, что до трех оставалось еще пять минут. Поэтому я укрылся и из-под одеяла сказал: «Бхагван, - его имя было Бхагвандас, и я обычно называл его Бхагван, - без пяти три».

Он откинул свое одеяло и посмотрел на меня, покрытого одеялом. Он посмотрел на часы... без пяти три! Он сказал: «Что?»

Я сказал: «Без пяти минут три. Разбуди меня через пять минут».

Он сказал: «Ты уже проснулся».

Я сказал: «В том случае, если я усну, ведь нет же часов и...»

Он сказал: «Нет часов!»

И на следующий день весь город говорил об этом: чудо! Точно пять минут! На следующий день я сказал ему: «Не было никакого чуда; я просто пошутил. Я посмотрел на эти часы и подумал, что было бы хорошо... Ты думаешь, что я не знал о часах, потому что ты принес их позже, после того, как я уснул». Он не мог мне поверить.

Он сказал: «Ты просто пытаешься отбросить идею чудес, но это было чудо».

Я сказал: «Я говорю, что это ничто».

Я все объяснил ему, но он сказал: «Это все не более чем объяснение».

Ну что делать с этими людьми? Когда меня не будет здесь, они все придут сюда... я бывал в сотнях домов и сотворил там множество чудес, - но ни одно из них не было чудом. Я просто шутил, и если подворачивалась подходящая возможность, я никогда не упускал ее.

Так что запомните, я никогда не совершал чудес, ведь чудеса, как таковые, невозможны. Никто не совершал их.

Но легковерный ум... ко мне посреди ночи пришел человек; была полночь, я уже спал три часа. Он постучал в дверь и наделал так много шума, что я вынужден был проснуться и открыть ему дверь. Я спросил его: «Что случилось? Что вы хотите в такой ночной час?»

Он сказал: «У меня ужасно болит живот, и эта боль приходит и уходит, приходит и уходит вот уже, как минимум, три месяца. Я ходил к одному доктору, он дал мне лекарства, но никакого постоянного излечения не получилось. Вот сейчас что-то около десяти боль снова пришла; она была так ужасна, что я пошел к доктору, и он сказал, что эта боль имеет какую-то духовную основу - он порекомендовал мне вас».

Я спросил у него: «Кто этот доктор? Его зовут не доктор Барат?»

Он сказал: «Да».

Барат был моим другом. Он был старым человеком, но он очень сильно любил меня. Поэтому я сказал: «Если вас прислал Барат, я должен буду что-нибудь сделать. Но я должен взять с вас обещание, что вы никому не расскажете об этом, потому что я не хочу, чтобы меня беспокоили каждую ночь, и я не хочу, чтобы тут целыми днями сидели пациенты. У меня есть другие дела».

Он сказал: «Я обещаю, но помогите мне. Барат сказал мне, что если вы дадите мне просто стакан воды из ваших рук, то я излечусь».

Я сказал: «Прежде всего, дайте мне обещание». Он колебался, ведь если он нашел такой источник чудес, то давать такое обещание...

Он сказал: «Вы не понимаете моей боли; вы говорите об обещании. Просто дайте мне стакан воды - я не прошу большего».

Я сказал: «Прежде всего, дайте мне обещание. Дайте клятву именем Бога», - я видел, что он брамин и что он должен... Брамины различных вер, верящие в того или другого бога, имеют различные отметки на своем лбу; это как бы торговые знаки, и по ним можно узнать, кому поклоняется этот человек. Так что я знал, что он является приверженцем Шивы, и я сказал ему: «Вы должны дать клятву именем Шивы».

Он сказал: «Это очень трудно; я очень говорлив, я ничего не могу удержать в себе. Такое большое дело... и вы просите меня дать обещание. Я не смогу сдержать своего слова, потому что, если я буду держать его, это будет для меня более болезненным, чем моя боль. Я не буду спать, я не буду никуда ходить, я не буду ни с кем разговаривать, потому что все это во мне

только и будет ждать, как бы выйти из меня».

Я сказал: «Решайте сами. Я должен пойти спать, так что торопитесь».

Он сказал: «Вы поставили передо мною дилемму. Что бы я ни сделал, я окажусь перед проблемой. Эта боль не уйдет, потому что сдержать обещание... и вы не знаете меня - я люблю сплетничать. Я лжец, я все время лгу - и это правда».

Но я сказал: «Решайте тогда сами. Можете хранить свою боль».

Наконец он сказал: «Хорошо, именем Шивы я даю вам обещание. Но вы слишком жестоки, слишком тверды».

Я дал ему стакан воды. Он выпил воду и сказал: «Мой Бог! Боль проходит!»

Чуда не было, но поскольку я так много торговался с ним по поводу обещания, он все более и более уверялся в том, что чудо свершится... иначе этот человек не стал бы так настаивать. Чем больше я оттягивал, чем больше я настаивал, тем больше он уверялся, что в этом что-то есть. Эта уверенность и сработала.

Это был просто гипноз, он загипнотизировал сам себя; он подготовил себя. Если бы я дал ему воду сразу, боль не исчезла бы. Необходим был такой большой промежуток торговли. И я напомнил ему, когда он уходил: «Запомните, если вы нарушите клятву, боли вернутся».

Он сказал: «Вы уничтожили меня. Я думал, что когда Шива встретит меня, я смогу пасть к его ногам и просить у него прощения; и я слышал, что он легко прощает. Теперь вы уничтожили и это - боль вернется».

Я сказал: «Конечно, боль вернется, раз вы дали слово».

На следующий день он был у меня снова. Он сказал: «Я не мог справиться с этим. Я, по крайней мере, должен был пойти к доктору Барату и сказать ему: “Все ваши лекарства и все ваше медицинское знание - чепуха. Простой стакан воды сделал то, чего не могли сделать вы на протяжении трех месяцев. И вы каждый раз брали с меня плату, когда я приходил, - верните мне мои деньги. Если вы знали все заранее, то значит на протяжении трех месяцев вы обманывали меня”. Но боль вернулась».

Он прибежал ко мне: «Я дурак, но что мне делать? Я просто не мог устоять против того, чтобы не поставить этого доктора Барата на место. Три месяца я страдал, а он знал лечение и, тем не менее, продолжал давать мне те таблетки и эти, он начал даже делать инъекции. Под конец он стал говорить: “Вам нужна операция”, - а тут всего лишь стакан воды! А сам он этого вовсе не предлагал».

Я сказал: «Я не могу помочь вам. Теперь вода не работает; вы нарушили обещание - чуда больше не будет. Теперь отправляйтесь к доктору Барату и принимайте его лекарства или делайте, что хотите».

Но он все ходил вокруг и, даже страдая от боли, говорил: «Я видел чудо».

Вот они эти люди - иногда даже очень образованные люди, но глубоко внутри они так же легковверны, как и любой необразованный человек. Когда меня не будет здесь, вы должны помнить, что все мои чудеса были просто шутками и ничем другим; что я наслаждался всякой возможностью пошутить. Если была какая-нибудь возможность сотворить чудо, я не упустил ее. Но чудес не было вовсе. Если вы хотя бы немного знаете человеческую психологию, вы можете вершить великие дела, не описанные в литературе и в учебниках по психологии - ведь они не касаются этого.

Но если вы знаете немного человеческую психологию, совсем немного - многого и не требуется... И человек готов, он хочет, чтобы чудо случилось. Он хочет видеть происходящее чудо; он готов к принятию мессии. В глубине души он жаждет, страстно желает найти кого-то, кто выше его, сильнее его; тогда он последует за ним.

Но я отсекаю все корни. Вы спрашиваете меня: «Есть ли какая-нибудь возможность для вашей религии не становиться куль-Том?» Да, есть такая возможность, единственная возможность, - и она в том, чтобы санньясины стали просветленными, чтобы всегда была вокруг цепь из просветленных людей.

Религия Будды не сводилась к культу на протяжении Пяти сот лет. На протяжении пяти сот лет продолжалась цепь просветленных; всегда был кто-то, кто был просветленным, и, Таким образом, присутствовало сознание Будды. Оно оставалось живым. Но через пять сот лет образовался провал, и затем на протяжении шестисот лет буддизм оставался просто культом.

Потом пришел Бодхидхарма.

Бодхидхарма создал новое измерение - дзэн, который все еще жив спустя четырнадцать столетий. Это самое долгое время, на протяжении которого религия остается живой. Бодхидхарма выиграл приз, ведь в дзэне непрерывно на протяжении этих четырнадцати столетий не было ни одного дня, когда кто-нибудь из живущих не был просветленным - нет разрыва, нет провала. Таким образом, это возможно - трудно, но возможно.

Все, что вам нужно запомнить, это: нет Бога, нет священства, нет святого писания, нет чудес, нет сверхчеловека. Впервые за всю историю я говорю, что просветленным может стать обыкновенный человек. На самом деле, только обыкновенный человек и может стать просветленным. Впервые обыкновенности оказывается такое большое почтение. Так что не пытайтесь делать из меня что-то необыкновенное.

Я стараюсь всеми способами, так что вы не сможете сделать из меня... Я продолжаю делать все, что докажет, что это был не сверхчеловек, не мессия, не тиртханкара. Я не подойду ни к какому образу. Вам не удастся сделать из меня необыкновенного человека. Остерегайтесь человеческой тенденции: человек хочет, чтобы его Учитель был необыкновенным. Но это ведет, в конечном итоге, к смерти религии.

Вы не должны желать, чтобы ваш Учитель был необыкновенным. Вы, скорее, должны радоваться тому, что обыкновенный человек стал просветленным. Это означает, что он открыл двери к просветлению для каждого. Вам не нужно быть единственным рожденным сыном Божьим, вам не нужно быть тиртханкарой, зарабатывающим добродетель на протяжении миллионов жизней, вам не нужно рождаться с особенными качествами, талантами.

Видели ли вы статую Махавиры? В Индии вы можете посетить джайнский храм, - а также можете посмотреть в книге. Во всех двадцати четырех тиртханкарах вы можете увидеть странные вещи. Одна из них заключается в том, что все двадцать четыре статуи выглядят совершенно одинаковыми. Невозможно сказать, кто есть кто. Даже джайны не могут сказать этого, поэтому под каждой статуей они сделали маленькие символы: под одной статуей лев, под другой статуей что-нибудь другое, под другой статуей свастика. Вы можете и не знать этого, но внизу каждой статуи есть символ, указывающий, чья это статуя — Махавиры? - иначе отличить их невозможно.

Такого быть не может. Эти двадцать четыре человека рождались на протяжении десяти тысяч лет; они не могут быть все одинаковыми - одно и то же лицо, один и тот же нос, одно и то же тело, одни и те же пропорции. Вы увидите и еще одну, еще более странную вещь: у всех у них уши, мочки их ушей, достают до плеч - такие длинные мочки. Это особенно необходимо для тиртханкары.

Я видел глупых джайнских монахов, которые массируют свои мочки, оттягивают их, чтобы они стали длиннее, ведь чем они длиннее, тем более почтенными вы становитесь. Весьма возможно, что у Махавиры были длинные мочки - я не думаю, что такие длинные; он же был человеком, а не ослом. Иначе все ослы обладали бы, по крайней мере, одним качеством, необходимым для того, чтобы стать тиртханкарой. Я видел человека, у которого мочки были такими длинными, что, наверное, такие же были и у Махавиры... но двадцать четыре человека!

Все это плод воображения. Раз утвердился Махавира, то все, что имеется у него, становится необходимой характеристикой для всякого, кто становится тиртханкарой. Все тиртханкары были отлиты по одному и тому же образцу.

Запомните, у меня нет никаких талантов, ведь религия - это не талант. Музыка - талант, поэзия - талант, живопись - талант.

Религия - не талант.

Религия - это просто смотрение в себя.

Вы можете быть художником, вы можете быть поэтом, вы можете быть музыкантом, вы можете не быть никем, но вы есть!

Это не талант, это ваше существование.

И переживать его - прирожденное право каждого.

Вы можете сохранять эту живую религию лишь так долго, как долго вы медитируете и создаете новые цветы, новые соцветия - и вы никогда не становитесь пустыней; всегда в вас есть какой-то оазис. Всего лишь одного человека среди вас Достаточно для того, чтобы хранить вашу религию живой и никому не давать свести ее к культуре.

Но, пожалуйста, не называйте ее моей религией.

Она не имеет ко мне никакого отношения.

Это просто религия.

Вы должны понять так глубоко, как это только возможно, что чистая религия имеет больше возможностей для выживания, тогда вы не налагаете на нее никаких ограничений.

Я не наложил на нее никаких ограничений.

И я не хочу налагать никаких ограничений на вас -ограничений морали, добродетели, дисциплины.

Я дал вам свободу, и я дал вам индивидуальность, и я дал вам лишь небольшое ощущение того, что всегда ваше.

Вы должны лишь провозгласить это.

Беседа 20

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОСВЕТЛЕННЫХ - ОРГАНИЧЕСКАЯ ГАРМОНИЯ

19 декабря 1984 года

Бхагаван,

Нужна ли организация для того, чтобы религия выжила?

К сожалению, это так.

Религия нуждается в некоторого рода организации, но при этом возникает проблема. Организация сама по себе - политическое дело; самой организации вовсе не нужна религия.

Религии же нужна организация, чтобы выжить.

Организации, чтобы выжить, никакая религия не нужна вовсе.

Вот в чем вся проблема.

В прошлом были попытки создать религию без всякой организации, поскольку и тогда люди видели, что всякая организация кончается почему-то так, что становится антирелигией. Например, католическая церковь - очень солидная организация, но всего лишь организация; в ней не осталось религии.

Религия - это возмущение того, что касается организационной иерархии. Религия - это постоянное беспокойство; религиозные люди всегда будут беспокойными.

Католическая церковь выбрасывала из себя всех людей, которые были по-настоящему религиозными, ведь эти люди не поддерживали этого преступления - уничтожения религии. Они против этого, они восстанут против этого. Но у церкви очень большая власть. Глава церкви, папа, - религиозный глава и одновременно светский глава; Ватикан - его царство, политическое государство. Когда-то оно было большим, обширным, сейчас это всего лишь восемь квадратных

мил, но он все-таки остается и светским, и религиозным главой одновременно.

Есть религии, в которых светский руководитель - отдельно, а религиозный руководитель - отдельно, но в таких случаях возникают конфликты. Светский глава имеет полную власть над армией, законом, государством; а духовный глава не имеет светской власти. Например, в индуизме шанкарачарья является лишь духовным главой. Но это создает другую проблему: непрерывный конфликт между государством и религией - и, конечно, власть всегда на стороне государства.

Вы должны помнить, что чем выше стоит вещь, тем более хрупкой она является. Чем она ниже, тем сильнее. Корни сильны, цветы нет; хотя если цветов не будет, корни бесполезны, - корни имеют смысл только благодаря цветам. Но дерево не так глупо, как человек; в нем есть гармония между корнями и цветами, между ними нет конфликта.

Цветы представляют духовный аромат, а корни представляют государство, армию и всю их власть.

Корни могут отказать цветам в питании, и цветы умрут, исчезнут в недолгом времени. Но ни одно дерево не глупо настолько: в нем есть гармония; корни все время поддерживают цветы, листья, ветви. И этот процесс не односторонний. Цветы, листья, ветви все время принимают лучи от солнца и двуокись углерода из воздуха и непрерывно посылают их к корням.

Это коммуна, здесь нет и речи о конфликте.

Но в религии есть проблема. Если держать их врозь, то вскоре государство начинает устанавливать контроль над религией. Например, в Англии церковь отделена от государства, но королева является, в действительности, главой и государства, и религии. У церкви есть ее собственный глава, но есть и коронованная особа, которая выше его. И что может архиепископ Кентерберийский против королевы?

В России была та же самая ситуация. Церковь была отделена от государства, царь был отделен от церкви, но вся власть находилась в руках царя. Таким образом, все это было лишь для вида, когда глава церкви короновал царя, как будто бы он выше его. Он ведь знал, и все знали, что это всего лишь церемония. На самом деле, он должен был следовать указаниям царя и государства, поддерживать царя и государство, потому что без царя церковь умрет: она будет лишена всяческой поддержки, финансовой и иной. Вот почему католики попытались построить церковь и государство как одно: чтобы дать оба вида власти в руки одного человека, чтобы не было конфликта.

Но тогда возникает проблема, связанная с тем, что когда человек обретает политическую власть, то сама эта политическая власть имеет тенденцию испортить его. Он может неправильно пользоваться ею; почти непременно он будет неправильно пользоваться ею.

Прежде всего, если глава имеет и светскую, и духовную власть, то духовные люди никогда не будут пытаться стать таким главой, ведь духовный человек не хочет оказаться вовлеченным в политику власти.

Тогда лишь люди с политическим настроением ума... Они могут носить религиозные одежды,

они могут быть епископами и кардиналами, они могут быть учеными теологами, но они - не духовные люди. Если бы они жили в мире, то пытались бы стать президентами или премьер-министрами; религиозная одежда на них - всего лишь случайность. Здесь амбиция такого человека может быть удовлетворена только в том случае, если он станет папой. Поэтому такие люди и предпринимают все усилия, чтобы стать папой.

Когда они имеют власть, они обязательно будут пользоваться ею неправильно.

Но, прежде всего, они никогда и не были духовными людьми.

Индуизм испытал еще одну вещь. Если сделать одного человека духовным главой, то есть вероятность того, что этот человек не является по-настоящему духовным. Можно ошибиться, ведь нет же критерия, который позволил бы судить однозначно, и это не может быть решено голосованием, ведь люди не имеют представления о том, что такое духовность. Как могут они решить, кто является духовным человеком? Они могут только назначить. Духовность не может быть избрана голосованием, если у вас выборы, то это значит, что вы вносите в это дело политику.

Католический папа избирается, поэтому естественно, что политически настроенные кардиналы предпринимают все возможные усилия к тому, чтобы заручиться поддержкой всех тех людей, которые избирают папу, - папу избирают, наверное, две сотни кардиналов, - и вот ведется непрерывная подспудная кампания, избирательная кампания. Даже когда папа избран, кампания продолжается, потому что папы не живут долго — по той простой причине, что, когда человек становится папой, ему уже около семидесяти лет. Так что можно надеяться, что он умрет через два, три, четыре, пять лет.

Этот поляк окажется крепким - не стоит надеяться, что он уйдет так просто, он может остаться надолго. Его предшественник пробыл на своем посту всего лишь девять месяцев - вот это поджентельменски, но следует ли ожидать джентльменства от поляка? То было более поджентельменски: через девять месяцев он исчез, чтобы дать возможность другому человеку стать папой. Но очень немногие люди настолько великодушны.

Индуизм постарался сделать так, чтобы в этой религии было бы много глав; и все они назначались бы. Но тогда возникает другая проблема: великая путаница. Индуизм - это великая путаница, его невозможно даже назвать одной религией. Это тысяча и одна религия вместе, потому что в нем нет центрального органа управления. Любой человек может набрать учеников и стать главой, и никто не запретит ему этого.

Идея заключалась в том, чтобы дать свободу, но привело все это к путанице. Любой идиот может найти еще несколько других идиотов, которые есть повсюду. В индуизме так много сект; в каждой секте множество подсект, и у каждой подсекты свой собственный глава. Они даже не разговаривают с другими главами той же самой религии! Они непрерывно сражаются в судах, потому что иногда оказывается так, что два человека объявляют себя главой, и если у них есть хоть какие-то доказательства...

Один из самых важных индусских храмов в Индии находится в Гималаях, это Бадринатхджам. Почти на десять лет полиция закрыла его, потому что суд не мог решить, кто является его главой, потому что шанкарачарья, умерший десять лет назад, написал два завещания. Одно он

написал двадцать или тридцать лет назад, когда нашел какого-то человека, который потенциально обладал большими способностями, а потом он забыл об этом завещании, потому что прожил очень долго. Он хранил его где-то, может быть, лет тридцать. А тот человек украл завещание.

Когда шанкарачарья умирал, его спросили - к тому времени тот человек покинул его, - поэтому он выбрал другого и составил завещание в его пользу; первое завещание не могли найти в его бумагах. Теперь перед верховным судом Аллахабада находятся два завещания от одного и того же человека, и два человека объявляют себя главами. А храм - один из богатейших храмов в Индии, поэтому вопрос заключается не только в том, чтобы быть главой; здесь деньги, здесь власть, здесь земли - и здесь миллионы последователей.

И оба завещания исходят от одного и того же человека. Как решить этот вопрос? Графологическая экспертиза почерка показала, что обе подписи поставлены одним и тем же человеком. Есть свидетели обоих завещаний. Но никакой шанкарачарья не может начать действовать, потому что суд все время откладывает свое решение просто из-за того, что не видит никакой возможности принять его. Судьи надеются, что кто-нибудь из двоих умрет, и это разрешит дело. Иначе решить его невозможно.

В индуизме так много сект, потому что в индуизме каждый человек... кастовая система очень строга, но в том, что касается мышления, вы абсолютно свободны. Если вы рождаетесь в доме башмачника, то вам не удастся изменить своей судьбы, вы должны оставаться башмачником. Никакая другая профессия вам не доступна. Нельзя переходить из одной касты в другую; такие переходы абсолютно исключены.

На протяжении столетий ваши прадеды, и прадеды ваших прадедов, и прадеды их прадедов, все делали башмаки - поэтому и вы будете делать башмаки. Если они ткали одежды, то и вы будете ткать одежды; вы будете ткачом. Если они были плотниками, то и вы будете плотником. В том, что касается вашего дела, занятий, стиля жизни, переходы абсолютно исключены, но в том, что касается мышления, рабства нет. Вы можете переходить из стана последователей Шанкарачарьи в стан последователей Валлабхачарьи, другого духовного главы, который жил в то же самое время, что и Шанкарачарья, и был его противником.

Санскрит - такой язык, что, имея немного логики, на нем можно интерпретировать все что угодно самыми разными способами. Каждое слово имеет множество значений; это придает ему красоту. Это придает ему поэзию, ведь можно играть словом столь многими способами, оно не имеет фиксированного смысла. Но это и опасно: на санскрите нельзя писать знаков, потому что тогда возникнет слишком много интерпретаций, что и происходит. Гита имеет тысячу известных комментариев, не считая неизвестных! - их может быть еще тысячи. Но есть одна тысяча комментариев очень известных.

Считается, что тот, кто пишет комментарии к трем писаниям - к Ведам, к Брахмасутрам Бадараяны и к Шримад Бхагавад-гите Кришны - становится ачарьей, главой: он может стать основателем течения. Ну, а писать комментарии по этим трем писаниям не так трудно.

Есть множество комментариев. Одно в свое время написал Шанкара. Валлабхачарья написал по-иному, написал совершенно иную интерпретацию. Раманудачарья написал свой комментарий, отличающийся от тех двух. Нимбаркачарья написал свой комментарий, отличающийся от всех

тех - не только отличающийся, но и прямо противоположный. Но на Гиту можно смотреть с любой точки зрения. Это дает потрясающую свободу для мышления, комментирования, но создает и великую путаницу.

Поэтому индуизм - это не религия, подобная христианству, иудаизму или исламу. В исламе один пророк, один бог, одна книга - вот и все. В индуизме тысячи священных текстов, все потрясающей ценности; и на каждую священную книгу есть тысячи комментариев, и каждый комментарий обладает некоторой ценностью, некоторым откровением. Поэтому появляются комментарии на комментарии...

Шанкара пишет комментарий к Гите; потом среди последователей Шанкары один последователь пишет комментарий к комментарию Шанкары, а другой последователь пишет другой комментарий к комментарию Шанкары - ведь комментарий можно интерпретировать точно так же, как и сам оригинал. Потом их ученики пишут новые комментарии.

Если взглядеться, индуизм подобен дереву: каждая ветвь дает новые ветви, потом ветви поменьше, потом ветви еще поменьше. И все они создают великий шум, великие противоречия - никто не может сказать, что же в точности представляет собой индуизм. Каким-то образом организации удалось избежать, но религия не сохранилась - она запуталась. Она не стала культом и вероучением; она стала путаницей.

Видя эту ситуацию, ортодоксальные последователи Махавиры... Их называют дигамбарами, потому что они живут обнаженными, их монахи живут обнаженными. Дигамбара означает того, чьей одеждой является лишь небо, - нет ничего между ним и небом. Чтобы избежать путаницы, чтобы избежать комментариев, чтобы избежать организации, они просто уничтожили все писания Махавиры.

Так что диагамбары не имеют никаких писаний Махавиры - странный акт, направленный как раз на то, чтобы сохранить его учение. Оно передается ученику изустным словом, но не книгой. Его нельзя продать на рынке; никто не может написать к нему комментарий. Учение продолжается в молчании, передается от одного поколения монахов другому поколению монахов. Уничтожить все священные писания было делом потрясающей смелости, печатать их нельзя. Но случилось так, что даже при передаче от индивидуума к индивидууму возникли различные версии, ведь естественно...

Вы все слушаете меня, но если вы все вернетесь по своим домам, как вы думаете, сможете ли вы рассказать обо мне одно и то же? Завтра утром можете заглянуть во все записные книжки, и вы удивитесь тому, что каждый из вас получил что-то свое, подчеркнул что-то такое, на что вы вообще не обратили внимания. Вы этого вовсе не услышали, а кто-то другой услышал только это. Ее не волнует то, что услышали вы.

Так что хотя они и старались избежать написанных священных текстов и сохранить содержание, все равно получились разные версии. Теперь осталось лишь двадцать два обнаженных монаха; я встречался со всеми двадцатью двумя. Меня озадачило то, что все они получили от своих учителей разные версии и передают они разные версии своим ученикам, которые сами станут когда-нибудь обнаженными монахами. Они готовят учеников и думают, что на этом пути они сохраняют чистоту послания.

Но я спрашивал у них: «Вы сравнивали когда-нибудь свои записи с записями остальных двадцати и одного монаха?»»

Они отвечали: «Нет, никогда. Что мой учитель дал мне, то я и передаю своему главному ученику, а он передаст это своему главному ученику».

Я же говорил: «Я встречался со всеми двадцатью двумя монахами, и все вы говорите разные вещи». Если бы это было записано в книге, была бы, по крайней мере, некоторая возможность прийти к согласию. Сейчас же прийти к согласию нет никакой возможности. Есть двадцать две религии, вырастающие из одного источника - который они же и разрушили. Сейчас уже невозможно вернуть все назад и проверить; невозможно доказать, кто прав, а кто нет.

Еще одной сектой джайнов являются шветамбары. Название шветамбара означает «носящий белое одеяние»; они не обнажены, они носят белые одеяния. У них есть писания, но и у них множество сект. И по всякому маленькому вопросу у них так много различий, что невозможно себе представить, что же происходит вокруг духовных, философских вещей.

У них есть странные разногласия - был ли Махавира женат или нет, вот вопрос. Одна секта полагает, что он был не только женат, но и что у него была дочь. Эта дочь вышла замуж - у него был зять, дочь и зять были посвящены Махавирой. И не только это; они верят в то, что зять стал политическим человеком и начал думать о себе: «Я зять Махавиры...» Он надеялся, должно быть, стать его преемником. Но Махавира не поддержал его. Дело дошло до того, что зять восстал против Махавиры вместе с пятью сотнями других монахов и создал совершенно другую религию.

Это такие подробности, что их нельзя придумать - и для чего? Но другая секта говорит, что он никогда не был женат, потому что тиртханкары не женятся. Это условие, то, что он остается неженатым, является частью определения тиртханкары; как же мог быть женатым Махавира? Он не был в браке.

И говорить, что у него был ребенок, означает, что он имел сексуальную связь, а думать так о тиртханкаре абсолютно безобразно. И потом - еще больший вред: дочь тиртханкары выходит замуж! Дочь тиртханкары - его кровь - думает о замужестве? Невозможно!

И еще хуже, вы говорите, что его зять поднял против него восстание. Как может кто-либо восставать против такого человека, как Махавира, - что говорить о зяте! - это просто невозможно. Вся эта история ложна, - согласно мнению другой секты. Их писания говорят, что он никогда не был женат, не было никакой дочери, не было зятя, не было восстания.

Если в таких пунктах, которые относятся к фактической стороне дела, имеются такие большие различия, то что говорить о самом учении! Учения различаются во всех пунктах. Чтобы избежать различия ортодоксальные дигамбары уничтожили писания - но простое уничтожение писаний не поможет. Вокруг этого нужно создать определенную мифологию. И мифология эта заключается в том, что Махавира никогда не говорил. Поэтому нет и вопроса ни о каких писаниях - он ведь не говорил.

Ну, а у шветамбаров есть священные писания, проповеди Махавиры по каждому вопросу, детальные инструкции монахам по каждому отдельному делу: как монах должен сидеть, как он

должен стоять, как он должен ходить, как далеко он должен смотреть. Монах должен смотреть только на два шага вперед, чтобы не видеть женщин, потому что, глядя на два шага вперед, можно увидеть только ступни ног женщины и больше ничего.

Монах должен ходить очень медленно, очень осторожно, чтобы не убить какого-нибудь муравья или что-нибудь в этом роде. С собой он должен носить шерстяную кисть для того, чтобы перед тем, как сесть, обмахнуть ею место, на которое он садится. Кисть должна быть шерстяной, чтобы ни муравей, никто другой не был бы убит ею, она должна быть мягкой. Такие подробности! У него должна быть одежда из трех частей, один кувшин для подаяний, один маленький коврик, который он держит свернутым в своих руках. Он не должен садиться на чье-либо место, потому что нельзя быть уверенным в вибрациях других людей... А дигамбары говорят, что Махавира никогда не говорил!

Что же он делал вместо разговора? У него было двенадцать главных избранных учеников, с которыми он устанавливал связь от ума к уму. Ему не нужно было разговаривать с ними; это было молчаливое общение с двенадцатью учителями. Потом эти двенадцать учителей рассказывали другим монахам все, что они слышали в молчании Махавиры. Это очень сложное дело... и все эти двенадцать человек не соглашались между собой, поэтому с самого начала возникли двенадцать версий учения Махавиры.

Чтобы избежать организации, Махавира сказал: «У меня не будет преемника». Но от этого ничего не изменилось. Да, у него не было ни одного преемника, но в маленьких сектах есть тысячи глав. Их не объявляют преемниками Махавиры, они не говорят, что они тиртханкары; они учителя учения Махавиры. Но все эти учителя постоянно конфликтуют между собой по всем вопросам.

То же случилось и с Буддой. Пока он был жив, он не разрешал записывать то, что говорил, - его следовало просто понимать, переживать его. И потом вы делились своим переживанием, своим пониманием с другими людьми. Иначе была полная вероятность того, что люди начнут поклоняться этим книгам, - подобно тому, как мусульмане поклоняются Корану, христиане поклоняются Библии.

«Поэтому лучше не иметь моих слов, - сказал Будда своим ученикам, - в виде книги». Раз он сказал это, то, конечно, так и должно было быть. Но когда он умер, ученики были в затруднении, потому что было так много людей, говоривших разные вещи, что-то нужно было решать - уже наступил хаос.

Тогда триста учеников все вместе собрали то, что говорил Будда. Сборник этот составлялся в тайном месте, потому что было так много конфликтов, а они не хотели, чтобы люди знали, что главные ученики конфликтуют и ссорятся: «Будда этого не говорил...» Поэтому в тайном месте они каким-то образом пришли к некоторому соглашению, через переговоры, выбирая срединный путь: «Если два человека говорят две разных вещи, то придите к середине и держитесь ее». Но получилось из этого какое-то рагу.

Будда не признал бы, что это его слова - они были лишь результатом соглашения трехсот людей. Вот триста людей, не согласных друг с другом, приходят к согласию, - можете представить, что получится из этого. Да, миру они могли показать тогда, что у них есть священное писание... но те, кто понимает, - можно ли обмануть их? Будда постарался не создавать никакого главы в

своей религии. Это привело к образованию сразу же после его смерти тридцати двух сект.

Во времена Будды и Махавиры были и другие учителя. Одним из них был Санджай Вилетхипутта. Он исключил даже посвящение в свою религию, он сказал: «Вы просто слушайте меня. Если вы чувствуете, что вам нравится делать то, что я говорю, делайте это, но я не буду посвящать вас. Если я буду посвящать вас, то вы вскоре создадите организацию. Вам нужна будет организация для того, чтобы держать вместе всех людей, являющихся моими учениками. У них есть так много причин быть вместе - ради безопасности, ведь другие религии будут преследовать их. Если они останутся одни в этом океане врагов, они будут уничтожены».

А в Индии имеются очень простые методы уничтожения всякого. Индия - это страна маленьких деревень, очень маленьких деревень, миллионов деревушек. В маленькой деревушке лишь двадцать домов; в ней живут двадцать семей. Они могут уничтожить всякого простым и очень ненасильственным методом. Они решают, что этот человек не может быть принят в их общество, поэтому его не приглашают ни на какие бракосочетания, ни на какие церемонии.

Никто не разговаривает с ним. Ему не разрешают брать воду из деревенского колодца. Если река в пяти милях, то он вынужден ходить за водой туда. Когда приходит время сбора урожая, никто не помогает ему. А ведь в деревне есть такой обычай, что когда созревает чей-то урожай, вся деревня помогает ему с уборкой. Когда готов урожай у кого-то другого, деревня помогает ему. В одиночку человек столкнется с огромными трудностями.

Никто не будет разговаривать с ним. Люди не должны узнавать его на улице, не должны приветствовать его. Вы убьете его - он не может никуда пойти, потому что в Индии люди привязаны к своей земле. Никто не купит его землю, его дом. Если он захочет уйти, он может уйти, но куда он пойдет и что он будет делать?

Это очень простой, очень ненасильственный, но по-настоящему жестокий метод; гораздо более жестокий, чем убийство. Его дети не будут играть с другими детьми, его жена не будет встречаться с другими женщинами. Его бойкотируют.

Так что Санджай Вилетхипутта сказал: «Если я посвящу вас, нужна будет организация. Я не дам вам посвящения, никто не будет знать, что вы мои последователи. Вы просто продолжайте жить, испытывать переживания, делать то, что я сказал вам. И если вы чувствуете необходимость передать это кому-нибудь, вы можете передать, но не может быть и речи о посвящении. Так что никто не знает, что вы принадлежите Санджаю Вилетхипутте».

Но что случилось? У нас нет писания Санджая Вилетхипутты. Этот человек обладал, по-видимому, огромным разумом, ведь и Будда критиковал его, и Махавира критиковал его. Ведь не стали бы Будда и Махавира критиковать человека, у которого нет никакого статуса. Он, наверное, обладал статусом в точности таким же, как Будда и Махавира. Махавира не критиковал Будду, тот был слишком молод. Махавира был уже достаточно стар; критиковать Будду было ниже его достоинства.

Со мной случилось так... Это было на столетнюю годовщину Ганди, заканчивалось столетие; если бы он был жив, ему исполнилось бы сто лет. Поэтому в Индии на один год, на целый год, были устроены различные празднования. И я принял для себя, что на протяжении всего этого года я должен критиковать его, потому что это было самое подходящее время. Поэтому я

выступал по всей Индии, повсюду критикуя Ганди.

Старейшим гандийцем был Кака Калелкар. Он был одним из самых ранних его учеников и поэтому был одним из самых авторитетных людей. Когда в Нью-Дели его спросили, что он думает обо мне, он сказал: «Он слишком молод, а молодые обязаны быть бунтарями. Когда он будет такого возраста, как я, он не будет критиковать Ганди». Я был в Ахмедабаде, когда получил сообщение об этом. Кто-то из Дели принес мне газету и показал то, что сказал этот человек.

Я сказал: «Мой комментарий таков: Кака Калелкар одряхлел. Если юность бунтует, и если этот бунт определяется моим возрастом... Он ведь не сказал ничего против моих аргументов. Он указывает на мой возраст, на то, что я говорю такие вещи, потому что слишком молод; он не говорит ничего против того, что я сказал. Тогда естественно простым ответом является то, что сам он одряхлел, постарел. Он слишком стар, чтобы понимать; он растерял свои мозги и должен отправляться в свою могилу».

«В том, что касается меня, одно верно: даже в своей могиле я буду критиковать Ганди, потому что мои аргументы не имеют никакого отношения к возрасту, не имеют ничего общего с моим возрастом. Ганди был против всего, что было изобретено после прялки. Я не представляю себе, что даже если мне будет триста лет, я стану поддерживать идею о том, что прялка должна быть последним изобретением человека, а все, что после нее, есть зло!»

Прошло вот уже двадцать лет, а я все еще придерживаюсь того же мнения. Ганди в определенных вещах был абсолютным фанатиком. Он хотел, чтобы мир оставался, по крайней мере, на уровне трехтысячелетней давности, застрял бы там, никуда не двигался бы оттуда. И причина, которую он выдвигал при этом, была абсолютно бессмысленной. Причина заключалась в том, что в те времена люди были счастливы, люди были моральны, люди были религиозны, люди были духовны. Теперь все это не так.

В Месопотамии нашли камень - исчезла вся цивилизация Месопотамии, - камню и надписям на нем шесть тысяч лет. Если вы прочтете эту надпись, то подумаете, что это цитата из редакционной статьи какой-нибудь современной газеты. Надпись гласит: «Молодые люди потеряны, - вот он разрыв между поколениями, шесть тысяч лет назад, - молодые люди не подчиняются и не слушаются своих отцов, матерей и старших. Это век деградации», - шесть тысяч лет назад!

И то был век деградации. Махавира, Кришна, Будда, все они непрерывно учили людей - Махавира сорок лет, Будда сорок два года - и чему они учили? «Не укради, не лги, не желай жен других людей». Если люди не делали всего этого, то это просто означает, что Махавира и Будда оба были просто душевно больными. Если люди не воруют, какой смысл сорок лет учить: «Не укради»?

Я был в Бхопале и сидел в спальне моего хозяина, там я увидел на стене маленькое объявление: «Пожалуйста, не плюйте на пол». Странно... я спросил: «А что, люди плюют?»

Он сказал: «Да, в Бхопале это проблема. Это проблема только в Бхопале: люди жуют листья бетеля и сплевывают их повсюду». Он сказал: «Вы удивлены? Вы найдете такие объявления во всяком приличном доме». Это объявление - достаточное доказательство того, что люди плюют.

В других местах Индии я таких объявлений не видел.

В моем университете я однажды увидел, как один из профессоров сплевывает на пол лепешки бетеля - лепешки, которые постоянно жуют индийцы. Тару хорошо разбирается в этом. Я видел, как он сплевывает прямо передо мною. Я сидел один, а он сидел в другом углу и сплевывал рядом со своим стулом. Я подошел к нему и спросил: «Вы из Бхопала?»

Он сказал: «Да, я недавно переведен из Бхопала».

Я сказал: «Это все объясняет».

Он сказал: «Что?»

Я сказал: «Теперь нам придется повесить здесь маленькое объявление, говорящее: “Пожалуйста, не плюйте на пол”».

Он сказал: «Странно, но это верно, что только в Бхопале люди сплевывают, и это общее правило. И никто не делает им замечаний. Замечания делают здесь, - а на самом деле они лишь напоминают о сплевывании. Жуешь свою лепешку радостно, и вдруг видишь эту доску, и возникает желание сплюнуть. Эти объявления никому ничего не запрещают».

Если Ганди говорит, что все было морально три тысячи лет назад, то тогда кому преподавалась мораль? Если все было равным, то зачем тогда нужно было так много духовных лидеров? И если все было хорошо, то почему вы постоянно вспоминаете лишь несколько хороших имен? Будда, Махавира, Кришна - их можно пересчитать по пальцам.

Если все были хорошими, то Будда и Махавира потерялись бы в толпе, ведь вся толпа состояла бы из хороших людей. То, что вы помните только эти несколько имен, показывает, что они возвышались над массой; возвышались так высоко, что даже три тысячи лет, пять тысяч лет спустя, мы все еще видим их. Массы полностью исчезли; о массах не осталось никаких описаний.

И Ганди был несокрушим в том, что касалось технологии: телеграфа, телефона... Я не понимаю, как телеграф или телефон могут быть насильственными хотя бы в каком-нибудь смысле. На самом деле, это самые ненасильственные вещи; ненасильственные люди должны поддерживать их. Если у вас нет телефона, то тогда вам придется добираться до нужного места пешком, и по дороге вы убьете несколько насекомых. А если вы поедете на автомобиле, то и тогда вы можете убить несколько маленьких насекомых - или вы можете попасть в дорожное происшествие, убить кого-нибудь, или погибнете сами. Телефон охранит вас от всего этого насилия.

Я не вижу, по какой причине я мог бы изменить мои аргументы, ведь они такие простые. Они не имеют никакого отношения к моему возрасту.

Махавира не критиковал Будду. Вот в этом заключается моя критика Махавиры. Думать: «Он слишком молод, а я уже установился; он лишь начинает от стартовой черты - кого он волнует?» - это была эгоистическая позиция.

Но он не мог игнорировать Санджая Вилетхипутту. И Будда не мог игнорировать его, так что,

похоже, это был человек огромного влияния. Мы находим его имя в книгах его врагов, и мы находим немногие вещи, которым он по-видимому, учил, -и это тоже в книгах его врагов. Его книги недоступны, ведь не было учеников, чтобы сохранить их, не было организации, чтобы сохранить их.

И мы не можем доверять тому, что его враги говорили о нем, потому что это старая стратегия: описывать, уничтожать, критиковать врага, и при этом, прежде всего, навязывать ему какую то свою доктрину, которая, на самом деле, не представляет самого этого человека. Эта доктрина может быть сходна с этим человеком, но, прежде всего, вы ему эту сходную доктрину навязываете, — и вы прекрасно знаете ее уязвимые места, ведь это вы навязали ее, - и после этого вы критикуете ее. Тогда всякий, кто прочтет вашу книгу, найдет, что ваша критика совершенно правильная. Так случилось и со мной, вот почему я знаю.

Один из великих индусских монахов, Карпатри, написал против меня целую книгу; и когда я увидел ее, я все удивлялся, как это ему удалось. От моего имени он высказывал такие утверждения, которых я никогда не делал, и после этого он их критикует. Теперь всякий, кто прочтет его книгу, подумает, что он покончил со мной окончательно. А он даже не коснулся меня.

Его секретарь написал к этой книге введение, и он кажется разумным человеком, потому что во введении он говорит: «Мы обязаны Бхагавану, потому что это он создал такую возможность и этот вызов для всех, кто думает пересмотреть все и не принимать ничего, не подвергнув это пересмотру».

Секретарь этот - последователь Карпатри, поэтому он думает, что Карпатри делает великое дело, принимая вызов Бхагавана и критикуя его. Он сам лично пришел вручить мне эту книгу. Я просмотрел ее здесь и там и спросил его: «Вы секретарь Карпатри, - он сам был индусским санньясином. - Разве вы не заметили, что эти высказывания не мои? Весьма вероятно, вам диктовали эту книгу».

Он сказал: «Я боялся, что вы скажете это».

Я просмотрел эту книгу здесь и там и сказал ему: «Вот это утверждение не мое. И оно не только не мое, оно против меня, абсолютно противоречит моим утверждениям. Вы образованный человек: как вы допустили такое? Вам бы следовало этому воспрепятствовать, ведь эта книга абсолютно лживая, и всякий, кто прочтет ее, получит совершенно неправильное представление обо мне».

Поэтому вы не можете доверять этим людям - ведь я сравнивал, что говорил Будда о Санджае Вилетхипутте, и получилось, что то, что говорит о нем Махавира, выглядит совершенно по-другому. Будда цитирует философию Санджая Вилетхипутты по-своему, а Махавира - по-своему. Это ясно показывает, что никто не может точно представить другого человека. Это нечестно. Честный человек прежде всего должен представить аргументы другого человека во всей их полноте, и только после этого критиковать их.

Но без организации Санджай Вилетхипутта полностью утерян - мы не имеем ничего, что принадлежало бы ему, чтобы иметь возможность сравнивать. И мы не имеем никаких записей его учеников, потому что он никого не посвящал в ученики. Поэтому, возможно, за одно или два

поколения все исчезло, - а ведь вклад этого человека имел, по-видимому, потрясающую ценность.

Кришнамурти делает в точности то же самое, что делал Санджай Вилетхипутта. Он отказался от организации и на протяжении почти шестидесяти лет пытается помочь индивидуальному пониманию людей, - но ничего не происходит; он самый разочарованный Учитель из всех, что были когда-либо. И вот теперь, в возрасте восьмидесяти пяти лет, он создает в Англии фонд Кришнамурти. Вот оно переживание шестидесяти лет - он понимает, что в момент его смерти не будет никого, кто сохранит его слово. Что говорить о его переживании - даже его слов не останется.

То, что происходит вокруг меня, совершенно отличается от того, что делалось до сих пор... ведь все, что было раньше, не увенчалось успехом; так или иначе все усилия потерпели неудачу.

Усилия, которые предпринимаются нами, не направлены на создание организации, подобной католикам, ведь тогда вся власть сосредоточится в руках одного человека, - а это опасно.

Это создает в людях амбицию занять этот наивысший пост. Люди забывают о духовности, о росте.

Тогда все их усилие сосредотачивается на том, как стать папой. Глубоко внутри это желание... Это становится другим миром, политикой другого мира.

А власть в руках одного человека всегда опасна.

Мое усилие с самого начала было направлено на децентрализацию власти.

Поэтому вокруг меня создается много параллельных организаций, и каждая такая организация автономна, функционирует в одном направлении.

Например, Международный Фонд Раджниша будет наблюдать за моими публикациями и другими религиозными делами.

Академия, другая организация, будет чисто эзотерической. Для Академии я создал три круга людей. Они образуют Академию; они будут обладать всей духовной властью в мое физическое отсутствие. Академия будет включать всех самых лучших, самых разумных санньясинов. Их соединенный разум будет достаточен, чтобы иметь власть над собой.

Тогда коммуна будет иметь свое отдельное тело. Сейчас по всему миру есть около дюжины коммун. И все коммуны построены по общему образу. Они все придут к одному стандарту. Европа уже почти достигла этого. В Европе уже имеется десять коммун.

Маленькие центры растворились в больших коммунах, потому что маленькие центры очень легко сокрушить; жить могут только коммуны. Так коммуна Цюриха включает теперь сотни людей; Медина в Лондоне включает сотни людей; Берлин включает сотни людей. Эти люди теперь могут постоять за себя, их нелегко будет подвергать гонениям.

Каждая коммуна автономна.

И все же все они похожи друг на друга, построены наподобие здешней коммуны. Их одежды того же качества, их пища того же качества - ведь я был потрясен, когда услышал, что некоторые коммуны настолько бедны, что люди там едят только хлеб и суп.

Поэтому теперь я каждый месяц посылаю Шилу на три дня в каждую коммуну с целью посмотреть, что религиозная работа выполняется в соответствии с моим видением; чтобы ни один санньясин, живущий в любой коммуне, не чувствовал себя в чем-то обделенным. Все возможности должны быть абсолютно одинаковыми, и каждая коммуна при этом автономна.

Наши санньясины во многих отношениях невинные, чистые люди. Они могут быть очень образованными, но они чистые люди, - а став санньясинами, они становятся еще более чистыми. И поэтому-то нет особых проблем; нужен лишь обыкновенный здравый смысл.

Организации избежать нельзя.

Мы просто должны быть немного более изощренными, более научными, более математическими в этом вопросе.

Поэтому я не против организации, но мы должны учиться на опыте прошлого. Мы можем избежать всего того, что было в прошлом. И мы можем сделать что-то совершенно новое, чего никогда не было.

И если вы видите все то, что ведет к разрушению религии... я покончу со всеми такими возможностями еще до того, как они доберутся до моей религии. Санньясины могут иметь совершенно другую организацию. Вы можете всегда помнить мое обещание: я не оставлю вас в состоянии хаоса.

Что случилось в прошлом? Эти люди создавали свои организации в самый последний момент, перед смертью; а главным образом организации создавались после смерти основателя, ведь пока основатель был жив, все шло очень хорошо, и никто ни о чем не беспокоился. Но когда основатель умирал, немедленно возникала потребность... чувствовалось его отсутствие. И была такая огромная пустота, что людям невозможно было соединиться друг с другом. Они были соединены с основателем, но между собой они не имели взаимных соединений.

И вот что на самом деле представляет собой организация. Слово это весьма значительно; оно происходит от слова «орган».

Ваша рука - орган, ваша нога - орган; ваш нос, ваши глаза - все это органы. А все ваше тело — организация. И все эти органы функционируют в великой гармонии.

Сколько у вас частей - и все они функционируют в гармонии; вы даже не осознаете этого. Все происходит так тихо, что, как говорят ученые, если бы нам нужно было создать механизм, который работал бы так же тихо и делал бы ту же работу, что и тело, то нам понадобилась бы площадь по крайней мере в одну квадратную милю, чтобы сделать это на заводе.

Даже и теперь еще нет возможности превращать хлеб в кровь - как делает ваше тело это чудо каждый день. Внутри вас миллионы живых клеток; вы почти как большой город. Семь миллионов живых клеток, в каждой из которых, может быть, свой маленький мозг, ведь их

работа так разумна, что вы не можете сказать, что у них нет мозга.

Все перемещается, доставляется по месту назначения. Эти маленькие клетки внутри вас заботятся о том даже, чтобы питание доставлялось прежде всего к тем местам, где оно наиболее необходимо. Ваш мозг получает питание первым, ноги могут немного подождать.

Но если всего лишь несколько минут - я думаю минут шесть - ваш мозг не будет получать кислорода, он начнет разрушаться. Поэтому прежде всего - и вот загадка, как эти маленькие клетки находят правильное решение, - кислород должен быть доставлен к мозгу. Когда мозг насыщен, тогда наступает очередь органов второй степени, третьей степени, четвертой степени...

Вы — большой город, состоящий из семи миллионов живых существ. Это организация, и так и должно быть. Все наши отдельные органы должны быть соединены друг с другом, должны помогать друг другу, должны помнить, где помощь необходима прежде всего; и должны помнить, что вся ваша функция заключается в том, чтобы стать просветленными, чтобы факел просветления горел непрерывно. Чтобы не было разрыва. И я предприму все усилия к тому, чтобы разрыва не было.

Бодхидхарма позавидовал бы мне!

Беседа 21

ЛИЧНОСТЬ: НАПИСАННОЕ ПОД КОПИРКУ

20 декабря 1984 года

Бхагаван,

Почему Вы были таким вредным в детстве?

А вы думаете, что теперь я другой? Ничуть. Я все такой же. Я никому не позволял портить мое детство. И я никогда не считал вредностью то, что считаете вы. Да и сейчас я не считаю вредностью или озорством все то, что я делал в детстве. У меня были свои причины делать так, очень основательные причины.

Например: первый день, когда я из средней школы поступил в колледж... В колледже было принято молиться в начале каждого дня. Была такая очень известная песня Мирзы Икбала, одного из величайших поэтов урду нашего века. В том, что касается языка, это действительно великий образец искусства, но философия, стоящая за ним, безобразна. В песне говорится: «Моя страна, моя нация, лучшая из всех наций. Моя страна - прекрасный сад, а мы - соловьи в этом саду...» И все в таком духе.

Я сказал ректору, который стоял перед двумя тысячами студентов и пятьюдесятью преподавателями: «Я не буду участвовать в этой молитве, потому что для меня все это абсолютный хлам. Каждая страна думает о себе подобным образом, и каждая страна находит в этом свое эго».

«Спросите китайцев, спросите японцев, спросите немцев, спросите англичан, спросите кого

угодно - все они думают точно так же. Поэтому то, что написал Икбал, это просто хлам, в том, что касается философского основания. И я против самой концепции “нация”. Мир един; я не могу сказать, что моя страна - лучшая из всех стран».

«И я вовсе не вижу причин для распевания песен. Это связано не только с тем, что я против национализма, сама песня тоже неправильная, ведь что мы имеем? Нищета, рабство, голод, болезни, рост народонаселения, нарастание проблем. И вы называете все это садом, а нас соловьями в этом саду! Я нигде не вижу ни одного соловья! Вот здесь пятьдесят преподавателей; может ли кто-нибудь из них поднять руку и сказать: “Я соловей”? Пусть они споют, и давайте посмотрим! Вот здесь две тысячи студентов; может ли кто-нибудь из них сказать это? Посмотрите на этих бедных студентов».

Студенты, как правило, приходили из отдаленных деревень, каждый день проделывали помногу миль, приходили из мест, лежащих в окружности радиусом, как минимум, двадцать миль вокруг города, поскольку поблизости не было никакого другого колледжа, кроме этого. «Они идут пешком, они приходят сюда предельно уставшими, они голодны. И я видел, что они приносят с собой: сухой хлеб, даже без масла, и немного соли. Вот и все, что они приносят и едят каждый день».

«Это ваши деревья, это ваш сад? Так что и с фактической стороны эта песня тоже неправильная. И меня не волнует, получил поэт Икбал Нобелевскую премию или нет. Меня это не волнует. Это не заставит меня чувствовать себя хорошо при пении этой песни; она лжива во всех отношениях».

Ректор был так раздосадован, так раздражен, что не мог даже говорить от гнева; он стал почти красным. Трясаясь, он ушел в свой кабинет и вынес оттуда свою трость, очень знаменитую, - но он редко пользовался ею. Он приказал, чтобы я положил обе свои руки перед ним, и сказал: «Вот мой ответ, и запомните его».

Я сказал: «Вот вам мои руки. Можете бить по моим рукам или по всему моему телу, если хотите, но перед тем, как начнете, запомните, что отсюда я напрямик пойду в полицейский участок, ведь по закону это запрещено. Оба, вы и ваша трость, окажетесь за решеткой».

Бить любого студента было незаконно, но это никого не волновало. Даже и сейчас в Индии бьют студентов. А закон о том, что студентов нельзя подвергать физическим наказаниям существует уже, как минимум, пятьдесят лет. Поэтому я сказал: «Решайте сами. Вот вам мои руки, вот ваша трость; вы здесь. И запомните, все эти две тысячи студентов - свидетели, пятьдесят преподавателей - свидетели, и вы оставите на моих руках свою подпись. Оставляйте ее здесь! Если в вас есть хоть капля смелости, бейте меня».

Я помню даже сейчас, что он замер, как статуя. Трость выпала из его рук. Он повернулся и ушел в свой кабинет. Я сказал всем студентам: «Теперь вам не нужно беспокоиться; мы покончили с его песней. Если они не найдут чего-нибудь разумного, мы будем просто стоять здесь десять минут в молчании».

И вы называете это вредностью? Меня можно назвать вредным, это и было вредностью в глазах ректора. Он сообщил моему отцу, что я веду себя неправильно.

Я сказал отцу: «Ты должен прийти вместе со мной. Это он вел себя неправильно. Ему следовало ответить мне, сказать мне, что я не прав. Ему следовало убедить меня в том, что песня правильная. Вместо этого он принес свою трость, чтобы бить меня. Разве это аргумент? Разве это правильное поведение? Кто был вредным, я или он? И потом у него не хватило духу бить меня. Я бросил ему вызов; мои руки были перед ним. Я был готов принять столько ударов, сколько он захотел бы, но я сказал ему, что пойду прямо в полицейский участок, что неподалеку от колледжа, и вскоре он оказался бы за решеткой, поскольку бить незаконно. Кто вел себя неправильно?»

Мой отец сказал: «Забудь об этом».

Я сказал: «Я не могу забыть об этом. Тебе нужно пойти со мной. Нужно добиться решения - ведь этот человек имеет наглость говорить тебе, что я был вредным, что я вел себя неправильно, что я оскорбил его перед всем колледжем, всеми преподавателями и всеми студентами. Ты должен пойти со мной».

Ну, а мой отец сказал: «Прости меня - может быть, ты и прав...»

Я сказал: «Не “может быть” - если ты не пойдешь со мной, я притащу ректора сюда».

Поэтому я повел отца, и он вынужден был пойти, всю дорогу уговаривая меня: «Оставь это. Это не такая большая вещь; он просто так, между прочим, упомянул о том, что ты вел себя неправильно».

Я сказал: «Это не вопрос. Он должен сказать это передо мною. Все это злословие за спиной. Это он вредный человек».

И когда ректор увидел, что я вхожу со своим отцом, он снова испугался, что, похоже, будут еще большие неприятности. Я сказал ему: «Теперь расскажите моему отцу, что же сделал я и что сделали вы: вы говорили за моей спиной моему отцу, что я будто был вредным, озорничал, плохо вел себя, оскорблял вас перед всем колледжем. Повторите это - ведь я ни с чем этим не согласен».

«Это вы оскорбили меня, не отвечая на мои аргументы. И не только это, вы хотели бить меня. И не только это, вы трусы: вы не могли даже бить меня. Все это очень гнусно, что вы обходите по кривой дорожке и доносите моему отцу. Докажите, что я был вредным, что я озорничал».

«На самом деле, все нации, объявлявшие себя лучшими в мире, - все вредные. Их вредность насчитывает миллионы жизней, вся их история полна ею, и все же мы продолжаем делать то же самое».

«Маленького ребенка каждый день заставляют повторять нечто, что является абсолютной чепухой, и к тому же не имеющей отношения к реальной действительности. Нет фактов, подтверждающих слова этой песни. Страна, которая две тысячи лет была в рабстве, не может говорить: “Во всем мире мы самые лучшие”, - лучшие рабы, или что? Страна, на девяносто процентов состоящая из бедняков, в которой трудно найти пропитание даже на один раз в день...»

«Есть дни, когда миллионы людей в Индии отправляются спать, лишь выпив воды, только чтобы было ощущение полного живота. И это лучшая страна в мире! Кого вы пытаетесь одурачить? Эти дети будут обусловлены этой идеей. Все это стратегия политиков: ведь завтра эти дети станут солдатами и умрут за “лучшую в мире страну”, не зная даже, что это неправда».

«Но даже если это соответствует фактической стороне дела, все равно это слишком эгоистично, это не должно быть молитвой. Если принять, лишь только в целях спора, что это правда, - что одна страна является самой лучшей в мире, самой богатой, в большинстве своем хорошо образованной, высококультурной, имеет все, что необходимо, и факты подтверждают это, - то и тогда я скажу, что такая молитва неправильная, ведь молитва не должна удовлетворять эго, молитва должна уничтожать эго».

Ректор сказал мне: «Прости меня и, пожалуйста, забудь об этом, и я надеюсь, что у нас никогда больше не будет конфликтов».

Я сказал: «Это зависит от вас. Если вы будете вести себя правильно и обещаете вести себя правильно, то такая ситуация, может быть, и не возникнет. Разве не могли вы принять мои аргументы со смирением? Они же ведь правильные. Вы думаете, что они были каким-то оскорблением для вас? Это подняло бы ваш статус перед всей школой, это показало бы, что вы человек достоинства, который не колеблется оказать уважение к правильным аргументам, исходящим хотя бы и от ребенка, который уважает разум».

«Вы упустили эту возможность; вы принесли свою трость. И потом снова вы создали для себя проблему; вы дали мне еще один шанс доказать, что вы трус. Вы неразумны, в вас нет уважения к разуму или к ребенку - и вы трус: вам следовало бы бить меня! Какое бы имело значение, что вы оказались бы за решеткой? Ведь вопрос стоял о ваших принципах. Если вы правы, то лучше уж оказаться за решеткой. Но будьте правы, сражайтесь за это!»

На протяжении трех лет он избегал меня. Но я не скажу, что это была вредность, хотя так может показаться. Я не вижу ни одного пункта, из которого вытекало бы, что это была вредность. На протяжении трех лет, пока я был в колледже, у нас было молчание. Десятиминутное молчание вместо молитвы, поскольку они не могли найти ничего лучшего. Что бы они ни придумали, я мог найти в этом изъяны. А без моего утверждения не допускалось ничего. Так что наконец они решили: «Пусть этот мальчик отправляется отсюда, тогда...» И в тот день, когда я покинул колледж и отправился в университет...

На какие-то праздники я вернулся и пошел в колледж посмотреть, что там происходит: дети снова повторяли ту же песню. Я пошел к ректору и сказал: «Я пришел как раз, чтобы проверить. До вашего ума ничего не дошло - вы снова принялись за свое».

Но он сказал: «Оставьте нас, пожалуйста. Я боялся, что если вы провалитесь на экзаменах, то останетесь здесь еще на один год. Я молился за то, чтобы вы поступили. Я говорил всем преподавателям, чтобы они поддерживали вас, помогли вам поступить. В любом случае вы не должны были провалиться, иначе еще один год... Но теперь оставьте нас».

Я сказал: «Я не буду возвращаться сюда снова и снова. Я пришел лишь, чтобы проверить, есть ли в вас хоть какой-нибудь ум или нет, и вот вы представляетесь мне абсолютно неразумным человеком. Вы окончили аспирантуру, окончили ее по отделению математики, - которая

является развитием логики, - но вы не понимаете простых вещей. Я не буду приходить сюда, потому что я занят в университете. Там так много проблем, что я не могу уделять внимание вашему колледжу».

Одним из моих преподавателей в колледже был г-н Нигам; он преподавал химию. Я знал его, весь город знал его, и был он таким злым, насильственным и идиотическим человеком, что против него никто не поднимал и голоса. Он убил свою жену, чему я был единственным свидетелем.

Я был свидетелем, потому что сидел на мангровом дереве. На мангровых деревьях уже созрели плоды, а это было ничье дерево, поэтому я ни у кого ничего не воровал. В Индии мангровые деревья сажают вдоль дорог. Они дают тень и, кроме того, очень вкусные плоды; поэтому многие люди из милосердия высаживают мангровые деревья. Мангровые деревья сажают муниципальные комитеты, корпорации. Так что это было общественное дерево, и никто не мог сказать мне: «Ты ворующий», - или что-нибудь в этом роде.

Это мангровое дерево росло рядом с забором г-на Нигамы, за забором, и он не знал, что на дереве кто-то сидит. Уже немного стемнело, солнце почти скрылось, и я видел, как он тащил свою жену. Он столкнул жену в колодезь - в его саду был колодезь — и потом принялся кричать: «Моя жена упала в колодезь!»

Сбежались соседи. Я тоже спустился вниз, но подумал, что лучше сначала спросить у отца: «Нужно ли мне вмешиваться в это дело или нет - ведь я единственный свидетель того, как этот человек столкнул свою жену в колодезь».

Отец сказал: «Прежде всего, что ты там делал?»

Я сказал: «Я просто сорвал несколько плодов мангры. Если даже это преступление, то не такое, как преступление человека, сбросившего свою жену в колодезь. Если за это последует какое-то наказание, я готов. Я взял всего лишь два плода. Если кто-то хочет за них деньги, дай ему денег, но подскажи, что же мне делать. Следует ли мне говорить? Ведь этот человек пытается доказать, что его жена упала».

А жена его умерла - колодезь был очень глубоким. Город мой такой, что половина его стоит на холме, а другая половина — внизу в долине. Ездить на велосипеде по городу очень трудно. Спускаться вниз очень легко, но вот подниматься приходится пешком вместе с велосипедом, ехать на нем невозможно. Из-за этого нет у нас и велосипедных рикш. Так что половина города стоит на холме, это довольно плоский холм - и потом вдруг склон.

Середина города стоит на склоне, а другая половина, главная часть города, стоит в долине - главный рынок и все такое. В долине колодези строить очень легко. Можно выкопать колодезь в одиночку, нет особых проблем: достаточно двух, двух с половиной метров - и вы добираетесь до воды, потому что река как раз рядом. Но наверху, чтобы добраться до воды, потребуется метров двадцать.

Этот г-н Нигам жил наверху, так что колодезь у него был очень глубоким, глубиной двадцать метров, и вода в нем была очень глубокой.

К тому времени, как собрались люди, жена его умерла.

Может быть, она умерла еще до того, как достигла воды. Двадцать метров падения в колодце... Она, наверное, ударилась обо что-нибудь. Колодец был не очень широким, поэтому она ударилась, наверное, о его стенки, потому что, когда тело вытащили на поверхность, оно кровоточило во многих местах. Ее голова и тело были разбиты, и из них текла кровь, так что она умерла еще при падении - или, может быть, еще немного жизни оставалось в ней, когда она достигла воды.

Теперь этот человек, когда он в первый день пришел преподавать... Прежде всего проходит перекличка; каждый присутствующий говорит: «Да, сэр», или «Здесь, сэр», - а если кто отсутствует, то за него никто не говорит, и поэтому его отмечают, как отсутствующего. Я сказал: «Да, мистер».

Он посмотрел на меня и сказал: «Ты что, не слышал, что все говорят: «Да, сэр»? А ты говоришь: «Да, мистер». У тебя что, нет никакого уважения к преподавателю?»

Я сказал: «У меня есть уважение к уважаемым людям. Вас же я знаю прекрасно. В тот день, когда вашу жену столкнули в колодец, я сидел на мангровом дереве перед вашим домом. Я все еще могу раскрыть это дело... И вы хотите, чтобы я называл вас сэром?»

«В классе есть студент, который живет рядом с домом проститутки. Вы посещаете ее почти каждый день. Хотите ли вы, чтобы я назвал имя этого мальчика и попросил его выйти и рассказать, как он каждый день видит вас в доме проститутки? И еще есть мальчик, отец которого торгует вином и всякого рода наркотиками. Он может встать по моей просьбе и рассказать, какого рода вещи вы постоянно покупаете у его отца. И вы все еще хотите, чтобы я называл вас сэром?»

Это, конечно, выглядит как вредность, но не для меня. Он очень разозлился. Он отвел меня к ректору, и ректор сказал: «Вам бы лучше уладить это самому».

Но он сказал: «Нет. Этот мальчик собирается испортить весь класс. Он говорил классу: «Начиная с завтрашнего дня пусть никто не обращается к нему “сэр”».

Я сказал ректору: «Вот это причины; теперь скажите мне, должны ли мы называть этого человека сэром. Что касается меня, то и мистером называть его слишком много. Если он не согласится на мистера, то я найду что-нибудь похуже».

Ректор отвел его в сторону и сказал: «Вам лучше согласиться на мистера. Это не плохое слово, оно очень уважительное. Вреда нет, ведь то, что он говорит... и у него есть доказательства».

И ведь он говорит, что был свидетелем того, как вы столкнули свою жену. Он опасен, он может пойти в полицию, и у вас будут неприятности. И он не боится ваших угроз или того, чего боятся ваши соседи».

Этот человек согласился на мистера. Весь класс... и потом я начал распространять это на другие классы: «Вы должны называть его мистером». Наконец он уволился. Видя, что вся школа знает все, о чем я говорил, он уволился; не только уволился, но и уехал из города в другое место.

Это можно посчитать вредностью, но я не думаю, что это вредность. У меня были основательные причины, и я буду продолжать стоять на том, что сделал; это было совершенно правильно. На самом деле, этого человека давным-давно следовало бы выбросить из школы, выбросить из города. И я применил для этого хорошую ненасильственную стратегию.

Он уезжал один. Я был единственным человеком, который пришел на станцию попрощаться с ним. И я все еще помню то, как он посмотрел на меня, как будто хотел убить тут же на месте. Но поезд тронулся, я продолжал махать ему; я бежал до конца платформы. И я говорил: «Не беспокойтесь. Я время от времени буду навещать вас, где бы вы ни были».

Этот мир, с точки зрения ребенка, выглядит совсем по-другому. Вам нужно будет понять его с точки зрения ребенка, ведь его точка зрения не является политической, она бесстрашна, невинна. Он видит вещи так, как они есть. И если каждому ребенку разрешить вести себя в соответствии с его пониманием, то вы увидите, что вредным окажется каждый ребенок. Это вы интерпретируете его действия как вредные, потому что вы не мыслите, исходя из позиций невинности.

То же продолжалось и в университете. Одним из вице-канцлеров был доктор Карпатри, очень знаменитый историк. Он был профессором истории в Оксфорде, потом он стал вице-канцлером в университете Саугара; старый человек, всемирно признанный авторитет в области истории. И первое выступление, которое он делал перед всем университетом, пришлось на День рождения Будды.

Он сказал с великим чувством: «Я всегда думал, что, если бы я родился во времена Будды, я пошел бы и сел у его ног, чтобы понять его мудрость, свет, видение, которое этот человек принес в мир».

Я был там. Я поднялся и сказал: «Подождите минуточку, пожалуйста».

Он сказал: «Я сказал что-нибудь не то?»

Я сказал: «Конечно. Вы были у Кришнамурти? Вы жили в Англии; Кришнамурти часто бывает в Англии - припадали ли вы к ногам этого человека, чтобы выучиться великой мудрости, видению?»

Он сказал: «Нет, не припадал».

«Тогда, - сказал я, - вы и к Будде не отправились бы. Ходили вы к Рамане Махариши?» - который как раз недавно, несколько лет назад умер. «Он был жив на протяжении всей вашей жизни и он был известен по всему миру как один из самых просветленных Учителей во все времена. И был он здесь, в Индии, жил в одном месте, в Аруначале. Он никогда не переезжал с того маленького холма на юге, он всегда оставался там, всю свою жизнь».

«Он пришел туда, когда ему было семнадцать, и он умер там; ему было, наверное, восемьдесят пять. Он никуда не уезжал все эти семьдесят лет. Он постоянно жил на этом маленьком холме. Люди со всего мира приходили к нему. А вы приходили?»

Он сказал: «Нет».

Я сказал: «Сможете ли вы повторить тогда, что отправились бы к Будде? Я с уверенностью могу сказать, что это всего лишь чисто ораторский прием. Вы дурачите других людей, вы дурачите себя. Вам нужно признать тот факт, что вы никуда не отправились бы. Почему вы не отправились к Рамане, к Кришнамурти, к Мехеру Бабе? На протяжении всей вашей жизни эти люди были доступны вам».

«Но вы считаете себя гораздо более высоким авторитетом, больше и лучше образованным, чем все эти три человека. У вас есть мудрость, у вас есть видение, у вас есть свет - что еще могут дать вам эти люди? Я говорю вам с абсолютной уверенностью, вы не пошли бы к Будде. Согласны вы со мной или нет?»

На мгновение установилась тишина, такая тишина, какая редко случается в актовом зале университета, мертвая тишина. И этот человек сказал: «Возможно, мальчик прав. На самом деле, у меня нет права говорить о Будде, ведь меня никогда не интересовали просветление, нирвана, медитация. И он прав в том, что я не пошел бы к Будде. Для чего? Ведь мои интересы лежат не среди этих вещей. И он ясно указал на то, что я знаю этих трех человек - эти три человека хорошо известны как просветленные Учителя, - но я не пошел к ним. А ведь они были так недалеко от меня».

«Кришнамурти был очень близко; всего лишь час на автомобиле, и я мог бы видеть его множество раз. Я выступал в Мадрасском университете, откуда до Аруначала всего лишь несколько часов на автомобиле. Я выступал в университете Пуны, а в Пуне живет Мехер Баба, - но я и не подумал пойти к нему». Он попросил у меня прощения перед всем университетом и попросил время от времени приходить к нему в дом; он хотел бы поговорить со мной. Я скажу, что этот человек был, по крайней мере, разумен; он не был раздражен.

Мои профессора сказали мне: «Это неправильно, особенно для вас, ведь от него зависит ваша ученая степень. Он может воспрепятствовать вам в получении ученой степени, у него есть все возможности многими путями повредить вам, ведь это он будет назначать тех, кто будет вашими экзаменаторами. Он назначает того, кто будет принимать у вас устный экзамен. И ваше будущее... он будет решать, давать ли вам ученую степень или нет».

Я сказал: «Не беспокойтесь ни о чем. Я сегодня же обо всем позабочусь».

Они сказали: «Продолжая это озорство?»

Я сказал: «Человек предложил мне свои извинения, а вы все еще называете это озорством?»

Они сказали: «Да, он выглядел глупо при этом вмешательстве в его публичное выступление».

Я сказал: «Я не старался выставить его в глупом свете, и он доказал, что он не глуп. Я спрашивал у многих студентов: все они сказали, что их уважение к нему возросло, поскольку он признал, что сказанное им было лишь ораторским приемом. Слова иногда могут уводить вас очень далеко; одно слово ведет вас к другому».

«Люди, которые всю свою жизнь говорили, - профессора, преподаватели, - постоянно говорят то, что они и не имеют в виду. Их нужно попридерживать: “Куда это вы?” Одно слово цепляется за другое, то за третье... их нужно придерживать. Конечно, держать кого-то за ногу выглядит

озорством, но это не так. Он и не воспринял это как озорство».

Я подошел к нему, и он сказал: «Вы сделали для меня нечто великое. За всю мою жизнь никто не прерывал меня во время моего выступления. А вы прервали меня в такой точке, что я не смог никак отвергнуть вас; и я полюбил вас по той простой причине, что в вас есть смелость. Что бы вам ни было нужно и когда бы вам ни было нужно это, помните, что я здесь. Только дайте мне знать об этом, и все средства, все, что в моей власти, будет предоставлено вам».

Мне не пришлось ничего говорить ему. Он, без моих обращений, сделал так, что от всей этой университетской суеты я получил на два года свободный график, и сто рупий в месяц, и ученую степень. И вы удивитесь тому, что перед тем, как решить, кто будут моими экзаменаторами, он спросил у меня: «Есть ли у вас какие-нибудь предпочтения - кому бы вы хотели сдавать?»

Я сказал: «Нет, когда решаете вы, я знаю, что вы выберете наилучших людей. Я хотел бы наилучших. Так что не думайте о том, провалят они меня или пропустят, дадут ли мне высокие баллы или низкие баллы; это меня совершенно не беспокоит. Выбирайте лучших во всей стране».

И он выбрал лучших. И странно, все это обернулось в самую лучшую сторону. Одним из моих профессоров, которого он выбрал для экзамена по индийской философии, был доктор Ранаде из Аллахабадского университета, наивысший авторитет. Он был наивысшим авторитетом в индийской философии. Но обычно никто не выбирал его в качестве экзаменатора, потому что он редко кого пропускал. Он находил так много ошибок, и с ним невозможно было спорить; он был последним человеком, с которым следовало бы спорить. И почти все профессора по индийской философии в Индии были его учениками. Он был уже очень старым человеком, на пенсии. Но доктор Карпатри выбрал его и попросил его об особом одолжении, поскольку он был старым и уходил в отставку: «Вы должны».

Случилась странная вещь - и если вы доверяете жизни, странные вещи случаются. Он дал мне девяносто девять процентов из ста. Он написал на моей работе особое замечание о том, что он не дал сто процентов, потому что это выглядело бы слишком; вот почему он урезал один процент. «Но работа заслуживает ста процентов. Я скупой», - написал он в своем замечании.

Я прочел это замечание; доктор Карпатри показал мне его, сказав при этом: «Только взгляните на это замечание: “Я скупой, за всю свою жизнь я ни разу не поставил выше пятидесяти; самое большее я давал пятьдесят процентов”».

Ему понравились мои странные ответы, которых он никогда не получал раньше. И это было усилием всей его жизни, чтобы студент философии не был попугаем, просто повторяющим то, что написано в учебнике. Как только он видел, что все это взято из учебника, он больше этим не интересовался.

Он был мыслителем и хотел, чтобы ему говорили что-нибудь новое. А со мной проблема заключалась в том, что я понятия не имел об учебниках, поэтому все, что я писал, не могло быть взято из учебника - это было совершенно точно. И ему понравилась моя работа по той простой причине, что я не был книжником. Я отвечал сам по себе.

На мой устный экзамен он пригласил одного мусульманского профессора из Аллахабадского

университета. Того считали очень строгим, требовательным человеком. И даже сам доктор Карпатри сказал мне: «Он очень требовательный человек, так что будьте осторожны».

Я сказал ему: «Я всегда осторожен, независимо от того, является ли человек требовательным или нет. Я остерегаюсь не человека, я просто осторожен. Смысл не в человеке: даже если в комнате никого нет, я все равно осторожен».

Он сказал: «Я хотел бы присутствовать и посмотреть на это, потому что я слышал об этом человеке, что он действительно очень жесткий». Поэтому он пришел на экзамен. Это было редким событием. Там был глава моего факультета, там был вице-канцлер и доктор Карпатри. Он попросил у мусульманского профессора сэра Сайяда особого разрешения: «Могу ли я присутствовать? Я хотел бы посмотреть, поскольку вы известны как самый жесткий экзаменатор, и я знаю этого мальчика - он по-своему такой же жесткий, как и вы. Поэтому я хочу посмотреть, что случится».

И мой профессор, доктор С.К. Саксена, который любил меня как сына и всячески заботился обо мне... Он откладывал даже свои дела, чтобы позаботиться обо мне. Например, каждое утро, когда шли экзамены, он приходил в университет, в мою комнату в общежитии, подвезти меня на своем автомобиле в экзаменационный зал, ведь он не был уверен - пойду я, не пойду я. Так что эти несколько дней, пока шли экзамены... и ему было очень трудно вставать так рано.

Он жил в четырех-пяти милях от нашего общежития, и он был человеком, который любил выпить, поспать подольше. Его занятия никогда не начинались раньше часа дня, потому что только к этому времени он был готов. Но чтобы взять меня с собой, он точно в семь был уже перед моей комнатой, потому что экзамены начинались у нас в семь тридцать. Я спросил у него: «Зачем вы понапрасну тратите тридцать минут? Ведь отсюда до экзаменационного зала минута ходу».

Он сказал: «Эти тридцать минут нужны для того, чтобы, если вас здесь не окажется, я смог бы найти вас, ведь относительно вас у меня нет уверенности. Как только вы оказываетесь в зале и двери закрываются, я делаю глубокий вздох облегчения, теперь-то вы что-нибудь сделаете, а мы посмотрим, что получится».

Так что доктор Карпатри был на устном экзамене, и он постоянно стучал меня по ноге, напоминая о том, что этот человек был по-настоящему... Я спросил у сэра Сайяда: «Одна вещь: предупредите сначала моего профессора, который все время стучит меня по ноге, напоминая, что я не должен нарушать правила, что я не должен вредничать. Он говорил мне перед экзаменом: “Всякий раз, когда я стукну тебя по ноге, это будет означать, что ты сбился с пути и возникнут затруднения”. Поэтому сначала остановите этого человека. Это странная ситуация, когда кто-то экзаменуется, а кто-то другой бьет его по ноге. Это неудобно. Как вы думаете?»

Он сказал: «Конечно, это неудобно», и рассмеялся.

Я сказал: «Мой вице-канцлер сказал мне то же самое: “Будьте осторожны”. Но я не могу быть более осторожным, чем я есть. Так что, начнем!»

Он задал мне простой вопрос, мой ответ на него профессора сочли озорством. Вице-канцлер счел его озорством, потому что я разрушил все дело... Экзаменатор спросил: «Что есть

индийская философия?»

Я ответил ему: «Прежде всего, философия - это всего лишь философия. Она не может быть индийской, китайской, немецкой, японской; философия - это просто философия. О чем вы спрашиваете? Философия - это философствование; философствует человек в Греции, или в Индии, или в Иерусалиме, какое это имеет значение? География не влияет на это; не влияют на философию и границы государств. Поэтому, прежде всего, отбросьте слово “индийская”, оно неправильное. Спросите меня просто: “Что такое философия?” Пожалуйста, отбросьте это слово и задайте вопрос снова».

Этот человек посмотрел на вице-канцлера и сказал: «Вы правы; этот студент тоже жесткий! У него есть точка зрения, и теперь мне будет трудно задавать ему мои вопросы, поскольку я знаю, что он сделает из моих вопросов пародию». И он сказал: «Принимаю! Что такое философия? - ведь именно этот вопрос вы сами поставили».

Я сказал ему: «Странно, что вы много лет были профессором философии и не знаете, что такое философия. Я не могу по-настоящему поверить в это». И интервью было закончено.

Он сказал доктору Карпатри: «Не надо без необходимости изводить меня этим студентом. Он будет просто изводить меня». И он сказал мне: «Вы сдали экзамен. Вам больше не нужно об этом беспокоиться».

Я сказал: «Я никогда и не беспокоился об этом; об этом беспокоились вот эти два человека. Они заставляют меня сдавать экзамены; я всячески стараюсь не делать то, что они стараются делать, но они очень жестко подталкивают меня».

Если вы принимаете что-то как вредность, вы имеете определенное предубеждение. Коль скоро вы понимаете то, что я делал в своей жизни... это могло и не быть частью формального поведения, это могло не соответствовать принятому этикету, но тогда вы принимаете точку зрения, основанную на определенном предубеждении.

В этой маленькой жизни случается так много вещей, что я удивляюсь, почему их так много.

Они случались просто потому, что я был всегда готов прыгнуть во что угодно, никогда не думая дважды о возможных последствиях.

Я выиграл мои первые межуниверситетские дебаты; это были всеиндийские дебаты, я пришел первым и завоевал награду для моего университета. Ответственным профессором был Индрабахадур Кхаре, он был поэтом и добрым человеком, и к тому же очень правильным джентльменом - совсем таким же правильным как Сагар - все застегнуто. Пуговицы, костюм, все было правильным, - а я был очень неправильным.

Он отвел меня в фотостудию. Поскольку я выиграл награду на всеиндийских соревнованиях, газетам была нужна моя фотография, вот он и привел меня. На протяжении всей своей университетской карьеры я носил картху, своего рода одеяние, совсем лишенное пуговиц. Поэтому, когда я стоял там со своей наградой, Индрабахадур сказал мне: «Постойте, а где же ваши пуговицы?»

Я сказал: «Я никогда не пользовался пуговицами. Я люблю воздух, я наслаждаюсь им - зачем пуговицы?» А сам он был застегнут на очень большое число пуговиц. Он носил мусульманское шервани, национальную одежду в Индии, длинный костюм с многочисленными пуговицами; даже воротник застегивается на пуговицу.

Поэтому он сказал: «Но без пуговиц... эта фотография будет напечатана во всех газетах; я не могу допустить этого».

Я сказал: «А я не могу допустить пуговиц. Я могу принести пуговицы, и вы можете сделать их фотографию для копии - я не возражаю. Меня не интересует эта фотография. Это должна быть моя фотография или ваша? Встаньте вы, вы совершенно правильный; фотография получится очень хорошей. Но если вам нужна моя фотография, она должна быть без пуговиц, потому что я почти четыре года прожил без пуговиц».

«Я не могу измениться ради фотографии - это будет фальшь, ложь. И как я стану пришивать пуговицы, когда на другой стороне нет петель; даже если я захотел бы пришить пуговицы, потребуются еще и петли, а мне совсем не хочется портить свою одежду. Так что простите меня - или моя фотография должна быть без пуговиц или ее не будет вовсе».

Он сказал: «Ну это вы вредничаете».

Я сказал: «Я не вредничаю, это просто вы слишком манерничаете. И кто вы такой, чтобы решать? За эти четыре года каждый профессор пытался настоять на том, чтобы я пользовался пуговицами, а я спрашивал их: “Где в университетском уставе написано, что следует иметь пуговицы? Покажите мне закон, указ, какое-нибудь дополнение к указу, что-нибудь, что доказывало бы, что следует иметь пуговицы, и они у меня будут”. Но никто не подумал о пуговицах, о том, что однажды всплывет этот вопрос и что нужно внести его в университетский устав. Поэтому все они замолкали в знак того, что все в порядке, с этим ничего не поделаешь».

Я обычно ходил в индийских сандалиях, сделанных из дерева. Такими пользовались санньясины на протяжении столетий, почти десять тысяч лет или даже больше. Деревянные сандалии... это позволяет избежать какой бы то ни было кожи, которая обязательно получена от какого-то животного, которое, может быть, было убито, убито единственно ради этой цели — и наилучшая кожа получается от самых молодых животных. Поэтому санньясины избегали этого и пользовались деревянными сандалиями. Но эти сандалии при ходьбе создают так много шума, что их можно услышать почти за полмили. И на бетонной дороге или на верандах университета... весь университет знает.

Весь университет знал меня, знал, что я прихожу или ухожу; видеть меня было не нужно, достаточно было моих сандалий. Один из моих профессоров, профессор Авастхи, очень хорошо относившийся ко мне, спросил меня: «Почему вы выбираете странные вещи? Здесь тысячи студентов, сотни профессоров - и я был в качестве профессора во многих университетах, - но я никогда не встречался ни с одним студентом, который носил бы деревянные сандалии и беспокоил бы целый университет».

Я сказал: «Это не так. Если вы беспокоитесь, то это означает, что вы никак не контролируете свой ум. Мои деревянные сандалии, что они могут сделать вам? Ведь вокруг так много шумов, вы в постоянном беспокойстве: проезжает автомобиль, проезжает автобус, чей-то звуковой

сигнал - ведь в Индии постоянно...

Здесь я совсем не пользуюсь звуковым сигналом, но в Индии им пользуются каждую минуту. Нет другого способа, иначе вам не сдвинуться с места: на пути стоит корова, стоит бык, стоят и болтают между собой люди прямо посреди дороги... Особенно в таких местах, как Варанаси, где люди продолжают разводить быков как священных животных - это считается большой добродетелью.

Бык - это символ Шивы, его приверженец. Поэтому в храме Шивы, рядом с храмом, можно найти быка. Шива внутри, снаружи рядом сидит бык. Он телохранитель, слуга, приверженец Шивы - все. И всякий раз, когда Шива хочет проехаться по окрестностям, он едет на быке.

За сотни лет стало обычаем, что люди приводят в Варанаси быков и оставляют их там, потому что Варанаси считается городом Шивы. И по индусской мифологии это самый древний город мира. Может быть, это верно; похоже на то. Вся структура этого города, особенно его старой части, кажется очень древней.

Поэтому в Варанаси тысячи быков, и кормить этих быков - религиозное дело. Человек может умирать, голодать, но вас он не беспокоит: надо накормить быка. Если в овощную лавку заходит бык и начинает поедать ваши овощи, вы не можете помешать ему. Нет, у него есть разрешение от Шивы, ему просто позволено. Когда он идет, он идет. Ему нельзя мешать. Он может поедать сладости в кондитерском магазине, он может есть овощи, фрукты, все, что хочет; он полностью свободен.

Единственное свободное создание в Индии — это бык, особенно в Варанаси.

Никто не может бить быка, никто не может причинить ему никакого вреда. В Варанаси это было такой проблемой. Вы непрерывно сигналили, но быка это не беспокоит - бык просто сидит перед вашим автомобилем. Если вы не выйдете из автомобиля, не подтолкнете его, не уговорите его подвинуться... и они хорошо откормлены, потому что свободны, никто не может мешать им. Чтобы проехать на маленькое расстояние, вам нужно стартовать на час раньше, потому что в пути все возможно.

Я выступал в Теософском Обществе в Варанаси, а место, где я остановился, было всего в пяти минутах ходьбы. Но доехать занимало целый час, поэтому я сказал своему хозяину: «Нам лучше ходить пешком и добираться до места без этих проблем, не беспокоя столь многих приверженцев Шивы — они ведь повсюду, отдыхают, сидят. У них нет другой работы - только есть, ходить, сидеть, сражаться».

Я сказал Авастхи: «Все эти беспокойства все время вокруг вас».

Он сказал: «Я знаю, что все эти беспокойства постоянно вокруг нас, но ваши сандалии стоят отдельно. То, что вы рядом, забыть невозможно, даже во всем этом шуме. Почему вы выбрали эти сандалии? Просто чтобы раздражать людей, или...?»

Я сказал: «Нет, не для того, чтобы раздражать. Это сохраняет мою бдительность. И мое ощущение таково, что такие сандалии выбраны не для того, чтобы не использовать кожу, ведь индусы не против убийства животных; они приносят животных в жертву. Но они выбрали их.

Джайны, вегетарианцы, - ненасильственные, выступающие против жертвоприношений, - они не выбрали даже и деревянных сандалий. Они ходят босиком; буддисты тоже ходят босиком».

«Так что эти соображения о том, что деревянные сандалии были выбраны, чтобы не использовать кожу, все это чепуха, - ведь можно видеть, как какой-нибудь санньясин сидит на шкуре льва. Это традиционное сидение индусского монаха: целая шкура льва, даже с головой!»

«Так что является ли проблемой, из чего сделаны сандалии, для человека, который сидит на шкуре льва, или на шкуре тигра, или на шкуре оленя? Эта причина не относится к делу. Моя причина заключается в том, что, когда вы ходите в деревянных сандалиях, вы не можете спать при этом. Можно пройти мили и не уснуть; их шум будет постоянно будить вас, как сигнал тревоги. И он сохраняет вашу бдительность».

Если вы начнете следить за ним, наблюдать его, это будет намного лучше, чем дышать и следить за дыханием, ведь дыхание - это очень тонкая вещь, вы очень скоро упустите его: через несколько секунд ваш ум пустится в странствие. Но это тук-тук, тук-тук, тук-тук постоянно бьет по вам, как будто кто-то стучит вам по голове - тук-тук, тук-тук... Теперь вы разве сможете заблудиться? Это дает потрясающую помощь в медитации».

Авастхи сказал: «Вы просто невозможны. Это просто озорство, но вы выводите из него целую философию».

Я продолжаю утверждать, что я не выводил из этого никакой философии. Это не было и озорством. Если кого-то это беспокоит, то это просто означает, что этот человек недостаточно центрирован. Иначе кто-то, идущий в деревянных сандалиях... если это беспокоит вас, то тогда вас будет беспокоить все, что угодно: залает собака, ворона, каркая, сядет на крышу; вас будет беспокоить все, что угодно. Иногда, когда ничто вас не беспокоит, то это будет беспокоить вас: «Что случилось? - никакого шума, ничто не происходит?»

Но он настаивал: «Что бы вы ни говорили, я знаю, что это озорство».

Я сказал: «Если вы уже знаете, тогда нет смысла обсуждать этот факт. Я вам объяснил. Если вы хотите опровергнуть меня, я могу принести пару и для вас; у меня есть запасная пара. Начните, и вы увидите».

Он сказал: «Вы хотите и из меня сделать шута! Из-за своих сандалий вы пользуетесь дурной славой; теперь вы хотите сыграть этот трюк и со мной».

Я сказал: «Нет, ходите в них только в своем доме, нет нужды ходить в них по улице. Ходите в них по дому и вы увидите, как это сохраняет вашу бдительность».

Он, кажется, заинтересовался - еще немного убедительности... Его жена вышла и сказала: «Вы портите моего мужа. Я не разрешу эти деревянные сандалии в моем доме. Если вы хотите эти деревянные сандалии и эту медитацию, занимайтесь этим где угодно в университете, но не в моем доме. Я в течение двух лет терпела сандалии этого мальчика, а теперь он убеждает тебя».

Авастхи сказал мне: «Это верно. Я был почти готов сказать, чтобы вы принесли их. Я пытался медитировать, но это мне никогда не удавалось, потому что с дыханием все так тонко, ум очень

легко уходит прочь. Ваша идея хорошая, но моя жена...»

Я сказал: «Можете попробовать их вне дома; будут беспокоиться жены других людей, - он ведь жил в профессорской колонии. Можете ходить по верандам домов других людей, почему вы должны волноваться? Никто не может запретить мне. Я уже установил прецедент - и вы ходите».

Он сказал: «Позвольте мне подумать об этом».

На следующий день я принес ему пару. Он сказал: «Нет, я расспросил своих соседей. Они сказали: «Авастхи, если вы сделаете это, мы все пойдем жаловаться на вас, чтобы вы переехали из этой колонии в какую-нибудь другую; это будет уже слишком. Достаточно этого мальчика. Когда он приходит повидаться с вами, он будит всех. И выбирает он странное время в три часа утра! И мы ничего не можем с ним поделать. Мы докладывали об этом вице-канцлеру. Вице-канцлер говорит, что это у него для медитации».

В Индии никому нельзя запретить медитировать. Одного этого слова достаточно! Когда я начал учить людей динамической медитации, повсюду были проблемы, даже в моем собственном доме. Ею начал заниматься мой дядя, и сосед возбудил в суде против него дело. Мой дядя сказал мне: «Это трудная медитация. Этот сосед был моим другом, и в нормальной ситуации он не сделал бы этого, но он настолько рассердился, что сказал: “Если вы не прекратите эту медитацию, я буду отстаивать это дело в суде, потому что вы беспокоите меня ранним утром; когда наступает самый глубокий сон, приходит время для вашей динамики!”»

Но я сказал дяде, - а он наш санньясин; он был здесь всего лишь несколько дней назад: «Не волнуйтесь. Просто скажите, что это наша религия, что это наша медитация». Коль скоро вы говорите в Индии слово «медитация», нет проблем.

Когда он приехал сюда, я спросил его: «Что там с этим делом?»

Он сказал: «Мы выиграли дело, потому что я сказал: “Это наша медитация”, - и показал книгу».

«Судья прочитал описание и сказал: “Если это медитация, то... суд не имеет власти над религией”». Поэтому он сказал соседу: «Вам нужно принять это, другого пути нет. Это его медитация. Если хотите, то можете заняться ею и вы. Зачем без необходимости кипятиться и сердиться в своей постели? Лучше начните сами».

И сосед был очень раздражен решением суда. Он сказал: «Вот странно - суд предлагает: “Вы тоже начните, зачем напрасно терять время? И если это медитация, то мы не имеем юрисдикции над религией”».

Это могло бы показаться озорством, вредностью, - но это было не так. Моя вредность имела ту же форму, что и сейчас; моя обувь все еще имеет ту же форму.

Это форма дерева, которую я отбросил, потому что теперь она мешает моей медитации! Теперь мне не нужна никакая помощь; скорее это помеха. Поэтому я и сменил ее!

КОММУНА: КВИНТЭССЕНЦИЯ МЯТЕЖНОГО ДУХА

21 декабря 1984 года

Бхагаван,

Вы говорили о важности того, чтобы быть самим собой. Могли бы вы поговорить о парадоксе, который заключается в том, что нужно оставаться индивидуальностью и, вместе с тем, расплавиться в коммуне.

Как такового парадокса нет, коль скоро речь идет об индивидуальности и расплавлении ее в коммуне. Вопрос возник из-за путаницы между двумя словами: индивидуальность и личность.

Да, с личностью есть проблема. Личность не может расплавиться ни в чем - ни в любви, ни в медитации, ни в дружбе.

Причина этого в том, что личность - это очень тонкая маска, которую общество наложило на индивидуальность.

До настоящего времени все усилие общества заключалось в том, чтобы разделить всех и каждого и сфокусировать ваше внимание на личности так, как если бы это была ваша индивидуальность.

Личность - это то, что дано вам другими.

Индивидуальность - это то, с чем вы родились, что есть ваша природа: этого никто не мог дать вам и никто не может отнять у вас.

Личность может быть дана и может быть отнята. Поэтому, когда вы отождествляете себя со своей личностью, в вас возникает страх потерять ее. И всякий раз, когда вы видите, что приближается граница, за которой вы расплавитесь, ваша личность отступает от нее. Она не может выйти за те пределы, которые она знает. Она - очень тонкий, наложенный сверху слой. Она испарится в глубокой любви. В великой дружбе она совершенно потеряется.

В сообществе любого вида смерть личности абсолютна.

Вы чувствуете себя отождествленными с личностью: ваши родители, учителя, соседи, друзья говорили вам, что вы - это ваша личность, - все они формировали вашу личность, придавали ей объем. И они сделали из вас что-то такое, чем вы никогда не были и чем никогда не могли быть. Поэтому-то вы и несчастны, заключены в своей личности, как в тюрьме. Это ваше тюремное заключение. Но вы также боитесь и выйти из нее, потому что вы не знаете, что у вас есть еще что-то, кроме нее.

Ситуация похожа вот на что: вы думаете, что вы - это ваша одежда. Поэтому, естественно, вы боитесь остаться обнаженными. Это не только вопрос страха перед тем, чтобы сбросить свою одежду, но и страха перед тем, что, сбросив одежду, вы станете никем и всякий будет видеть пустоту, будет видеть пустое место вместо вас. Вашу субстанцию по-прежнему образуют ваши одежды. Личность боится, и это естественно, что она должна бояться.

В том, что касается индивидуальности, коль скоро вы познали свою индивидуальность... и моя

религия - это не что иное, как процесс индивидуализации, поиска, открытия своей индивидуальности. И в этом поиске - это самый важный шаг - вы отказываетесь от своей личности, вы устраняете свое отождествление с ней; вы отстраняетесь от личности и начинаете смотреть на нее со стороны, с некоторого расстояния.

Создайте расстояние между собой и личностью.

Вы подошли так близко, что не можете видеть разделения. Раз вы поняли, что вы - это некто, отличающийся от вашей личности... До сих пор вы думали, что вы кто-то другой. Вы А, но до сих пор вы думали, что вы Б. Это заблуждение обязано пугать, это заблуждение не может вести к любви - это невозможно.

Вот почему постоянно конфликтуют между собою любовники. Это не конфликт их индивидуальностей, конфликтуют их личности. Каждая хочет, чтобы другая расплавилась в ней, и каждая боится, что если она расплавится, то исчезнет, потеряется.

Дружба исчезла из мира точно так же, как исчезла и любовь, потому что дружба возможна только в том случае, когда вы встречаетесь обнаженными, такими, как вы есть, - не такими, какими хотят вас видеть люди, не такими, какими вы должны быть, но просто такими, какие вы есть.

Когда два человека открываются друг другу так, как они есть, возникает дружба.

Когда два человека готовы отбросить маски, они делают потрясающий шаг в направлении религиозности.

Так что любовь, дружба, все что угодно, что помогает вам сбросить маски, - все это ведет вас к религии.

Псевдорелигии же сделали прямо противоположное. Они против любви. Теперь вы можете понять, почему они против любви: ведь любовь разрушает личность, а псевдорелигия основывается на личности. Псевдорелигии предпринимают величайшие усилия - все эти церкви, священники, проповеди, - и что же они делают? Вся их работа состоит в создании личности. Они производят личность - конечно, различные виды личностей: индусскую личность, христианскую личность, мусульманскую личность. Все это различные модели личности. Все эти религии похожи на заводы, производящие автомобили различных марок, но функция их одна и та же.

Все псевдорелигии боятся любви.

Они говорят о любви и учат вас браку.

Они говорят о любви и говорят, что браки совершаются на небесах.

Вам не нужно искать; Бог уже нашел для вас человека. Вам поможет астролог, вам поможет хиромант, вам поможет священник, вам помогут родители найти этого человека - ведь Бог уже создал его для вас, вам не нужно искать его самому.

Они отстраняют вас от любви, и они же говорят великие вещи о любви. Но их великие слова о

любви фальшивы; они ничем не наполнены.

Иисус говорит: «Бог есть любовь». Бога нет — что же тогда говорить о любви? Что касается любви Иисуса, то это не любовь.

Если Бог есть любовь, то тогда с исчезновением Бога исчезает и любовь.

Сделать Бога синонимом любви - это красивая стратегия. Он поднял любовь на такой высокий пьедестал - вы думаете, такое может случиться между мужчиной и женщиной? Когда вы влюбляетесь, случается Бог? Это же грех!

Бог есть любовь, когда вы любите человечество, - тогда вы любите слова, которые ничего не значат.

Вы встречали хотя бы где-нибудь человечество? Можете ли вы себе представить, что кто-нибудь когда-нибудь повстречается с человечеством? Вам будут встречаться только человеческие существа. Человечество - всего лишь слово.

«Люби человечество...» - это какая-то абстрактная идея. «Люби Бога, люби истину...» - эти высказывания кажутся лингвистически правильными, но, по существу, они ничего не значат.

И вы должны помнить: большинство наших красивых слов - всего лишь слова. Ими можно играть, при помощи них можно писать стихи, но ими нельзя жить, потому что слова не живут. В них нет ничего живого.

Только подумайте над идеей: «Люби Бога...» Что это значит? Как влюбиться в Бога? Вы же не видели Бога. Вы не знаете Его. Как вы узнаете, что этот парень - Бог?

Я видел фильм «Трудности обыкновенного Бога». Это прекрасный фильм. Человек видит очень обыкновенного Бога, похожего на старого бродягу, в шапочке, которую носят игроки в крикет. Вот вам Бог в шапочке, которую носят игроки в крикет! Он и выглядит как игрок в крикет. Он очень старый, но в свои молодые годы он был, по-видимому, игроком в крикет. И когда Бог объявляет этому человеку: «Ты не узнаешь меня: я же Бог, я создал мир», - человек говорит: «Боже мой! Это ты создал мир! Никому не говори этого, иначе люди подумают, что ты сошел с ума».

Но старик настаивал, он сказал: «Хочешь доказательств?»

Молодой человек сказал: «Я не хочу никаких доказательств. Просто посмотреть на тебя достаточно, чтобы понять, что ты не Бог. Так не бывает - вдруг тебя останавливает Бог; ты едешь куда-то, а Он хочет, чтобы Его подвезли! Странная встреча. Я слышал о том, как Бог повстречался Моисею на вершине горы, и Иисус слышал его голос с небес, и Мухаммед... но Бог, просящий, чтобы его подвезли?»

Но старик упрямо стоял. Он сказал: «Я дам тебе доказательство». И он дал ему доказательство: Он просто исчез.

Молодой человек огляделся вокруг - Он сидел рядом с ним в автомобиле - и вот Его нет!

Молодой человек сказал: «Боже мой! Может быть, Он действительно был Богом, но что же за

смешной Бог! А я упустил свой шанс».

Старик появился снова. Он сказал: «Посмотри, когда я ушел, ты начал думать, что упустил свой шанс».

Увидев Его снова, молодой человек сказал: «Это какой-то трюк, вы, должно быть, знаете какой-то фокус. Но я не могу признать вас как Бога. Ваша одежда, кажется, куплена в магазине подержанных товаров или украдена где-нибудь. Она вам не по размеру, она слишком ветхая и грязная - и вы как будто бы много лет не принимали ванну».

Но старик сказал: «Бог так чист, что Ему не нужна никакая ванна. Конечно, эта одежда очень старая, но ведь и я очень старый. Я же сказал тебе, что создал мир; тогда же создал я и эту одежду. С тех самых пор я не создал ничего, поэтому эта одежда очень древняя».

Молодой человек сказал: «Что же с вами делать? Где вы хотите выйти?»

Он сказал: «Где угодно, потому что я повсюду».

Молодой человек сказал: «Тогда почему вы захотели, чтобы вас подвезли?»

Он сказал: «Просто потому, что я увидел в тебе потенциал, ты можешь стать моим посланником».

Молодой человек сказал: «Боже мой! Вашим посланником? Если я скажу кому-нибудь, что вы Бог, они подумают, что я сошел с ума!»

Но Бог сказал: «Попытайся», - Он дал ему свой портрет и исчез.

Молодой человек посмотрел на портрет и сказал: «Обо всем этом лучше помолчать. Может быть, у меня галлюцинация, или я сплю...»

Он приехал домой. Жена посмотрела на него и сказала: «Ты выглядишь очень озабоченным».

Он сказал: «Нет, ничего».

Она сказала: «Но ты выглядишь очень озабоченным, и бледным, и испуганным, как будто увидел приведение или что-нибудь в этом роде».

Он сказал: «Боже мой! Ты думаешь, что я что-то увидел?» Он вынул портрет и показал его жене: «Узнаешь этого человека?»

Она сказала: «Он похож на бродягу - может быть, старый игрок в крикет, или, может быть, достал шапочку в каком-нибудь магазине старой одежды. Что же это за одежда?.. Где ты нашел эту фотографию, зачем ты принес ее в дом?»

Он сказал: «Можешь ли ты сохранить все это дело в секрете? Я хочу рассказать тебе кое-что. Закрой дверь. Этот человек - Бог. Он попросил меня подвезти его».

Жена посмотрела на мужа и сказала: «Подожди, я позвоню доктору. Что ты такое говоришь? -

Бог попросил, чтобы ты подвез его на автомобиле? И Он дал этот портрет тебе?»

Он сказал: «Да, Он дал этот портрет мне, чтобы я мог стать Его посланником. Он хочет, чтобы я стал Его посланником».

Жена сказала: «Прежде всего, тебе нужно встретиться с доктором ».

Он сдержался из последних сил: «Я совершенно здоров, нет проблем».

Но жена сказала: «Если ты думаешь, что этот человек - Бог, то все-таки есть некоторая проблема».

Она отвела его к доктору, и доктор тоже был озадачен. Он сказал: «Мне довелось видеть множество идей о Боге, но эта идея абсолютно новая. У кого вы взяли этот портрет?»

Он сказал: «У Самого Бога. Он Сам дал мне его Своими собственными руками; и Он явил мне чудо». И он рассказал им о чуде...

Жена, доктор, сестры, все они рассмеялись, они сказали: «Это!..»

Он же сказал им: «Подождите». Он поднял свои глаза к небу и сказал: «Бог, пожалуйста, помоги мне сейчас... ведь это все мои друзья. Доктор - мой друг, семейный доктор; моя жена, сестры - здесь нет никого со стороны, мы все, как одна семья. Пожалуйста, появись, иначе все они будут думать, что я сумасшедший». И внезапно с потолка явился человек!

Они все посмотрели на Него, и Он сказал: «Всякий раз, когда я буду нужен тебе, я появлюсь; продолжай распространять слово ».

Но он сказал: «Это очень трудное слово, и как раз из-за вашего портрета. Не могли бы вы одеться немного лучше?»

Он сказал: «Нет, это моя одежда, я вот такой».

Его видели четверо или пятеро, и все они были потрясены: «Этот человек не сумасшедший, в нем что-то есть». Весь город переполнился слухами о том, что пять человек видели Бога. И все это приобрело такой размах, что церковь тут же пришла в раздражение, полагая, что все это шутка... «Этот человек, и Бог!» Портрет был напечатан в газетах, и все смеялись: «Если это Бог, тогда все кончено».

Проблема стала настолько острой, что церковь вынуждена была созвать совет старейшин и привести этого человека, этого посланника, чтобы тот предстал перед советом и доказал, что то был Бог. Он попытался, он сказал им: «Много раз он показывал мне чудеса. Как раз сегодня утром, когда я брился в моей ванной комнате, во мне возникло сомнение, что, может быть, все это не так, может быть, я просто все это нафантазировал. И Он тут же посмотрел на меня из зеркала. Мое изображение исчезло, а его появилось в зеркале, и Он сказал: “Снова! Я все время даю тебе доказательства, а ты снова сомневаешься”».

И тогда в церкви перед церковным советом появился молодой человек. Там был верховный священник, и они определили наказать этого человека, если... они сказали: «Вы говорите, что

этот человек - Бог?»

Он сказал: «Я вынужден говорить так. Я видел Его много раз. Он показал мне много чудес. Этим утром он появился передо мною в зеркале». Все рассмеялись, а этот бедный человек сказал: «Он выбрал меня в качестве своего посланника».

Они сказали: «На этот раз Он выбрал поистине великого посланника! Моисей, Мухаммед, Будда, Иисус - они были людьми, - но этот человек, простой клерк с железнодорожной станции. Какими же качествами вы обладаете, что Он выбрал именно вас своим посланником?»

Он сказал: «Я не знаю. У меня нет никаких качеств, в своей жизни я никогда и не мечтал о том, что Бог выберет меня. Но Он выбрал меня и обещал мне, что будет приходить всякий раз, когда я буду нуждаться в поддержке».

Тогда церковный совет попросил: «Так пусть появится».

И все они изумились, увидев, что двери позади священника распахнулись и появился Бог. На мгновение наступила тишина. Увидев Бога, священник набрался смелости и спросил: «Вы думаете, что вы Бог?»

Он сказал: «Я не думаю, я есть. А это мой посланник. Но, — сказал Он, - вы должны понимать трудности обыкновенного Бога. Я обыкновенный Бог, вот почему я выбрал обыкновенного посланника, найти необыкновенного посланника для меня было бы очень трудно. Понимаете, я обыкновенный, бедный Бог. Поэтому не сердитесь на этого бедного клерка; то, что он говорит, — абсолютная правда».

Как вы узнаете Бога, если Он повстречается вам в шапочке игрока в крикет? Конечно, на нем будет какая-нибудь шапочка — или не будет никакой. Если Он такой же, как я, лысый, то Он будет носить шапочку, какую-нибудь шапочку.

Это напоминает мне о человеке, о котором я вам уже рассказывал: о моем учителе географии Чотелале Мунде. Он проклял меня, потому что я прославил его как «Мунде»; до такой степени прославил, что однажды он даже сам вынужден был подписаться именем Чотелала Мунде. В тот день он был, как в огне... Я попросил класс собрать деньги. Было собрано двадцать рупий, и мы сделали денежный перевод на имя Чотелала Мунде. И мы договорились с почтальоном: «Вы войдите к нему в класс, когда он ведет занятие», - мы дали ему время. И он появился как раз во время, с денежным переводом в двадцать рупий, посланных анонимом.

Чотелал Мунде был бедным человеком, отягощенным большой семьей. Он не мог упустить двадцать рупий. В те дни двадцать рупий были большими деньгами. В те дни в Индии человек на две рупии мог жить целый месяц, все было очень дешево. Перед первой мировой войной все было так дешево, что слуги получали, самое большее, одну, две, три рупии в месяц. И этого было достаточно. Двадцать рупий...

Но почтальон сказал: «Вы должны подписаться именем «Чотелал Мунде», потому что перевод сделан на это имя».

Он подумал немного и сказал: «Я знаю этого анонима. Он здесь, и я преподам ему урок, ведь

теперь он вынудил меня даже подписаться “Мунде”». И он вынужден был подписаться; он подписался «Чотелал Мунде». Потом он подошел ко мне и сказал: «Я проклинаю тебя, придет день, когда ты станешь таким же лысым, как я».

Я сказал: «Очень хорошо. В этом нет ничего плохого».

И он сказал: «Аноним!»

Я вспомнил его несколько дней назад, когда Шила принесла газету, в которой говорилось, что в Орегоне люди нашли новый синоним слову «мошенник»: раджнишист. Это было вторым проклятьем Чотелала Мунде: «Ты будешь известен как Раджниш Мошенник».

Я сказал: «Очень хорошо». Оба предсказания сбылись.

Если вы повстречаете Бога в любых одеждах, в любых формах, вы не сможете воспринять Его, потому что у вас нет способа узнать Его. Никогда не было способа узнать его. Вот почему я говорю, что Иисус, и Моисей, и Мухаммед, все они галлюцинировали. У них не было никакого основания объявлять, что то был голос Бога, потому что они ведь никогда не слышали его раньше. Так какие же есть свидетельства в пользу того, что то был глас Божий? Если они и видели кого-то, стоящего перед ними, то как они узнали, что эта персона была Богом? Нет такого способа.

Иисус говорит: «Бог есть любовь». Но Бог не доказан, это просто неясное, неопределенное слово. Он делает и «любовь» неясным, бессмысленным словом. Между вами и Богом какая случится любовь? Какая будет связь между вами и Богом? Все религии пытались установить какие-то отношения с Богом. Многие религии называют Его отцом. Есть несколько таких, которые называют Его матерью. Есть несколько таких, которые называют Его возлюбленной; в этих религиях Он есть Она, а не Он.

В Индии есть религия, которая полагает, что Он - любовник, а они - Его возлюбленные. Эти люди верят, что Бог - их любовник, а они - его возлюбленные, - днем они, конечно, стыдятся, они не могут ходить в женских одеждах, но по ночам они одевают женскую одежду, ведь с ними на встречу придет Любовник. И спят они вместе со статуэтками Кришны, их любовника.

Что же это за глупость, которая продолжается целыми столетиями? И не то чтобы эти люди были идиотами. Среди них есть очень образованные люди, но есть вот такое слепое пятно в каждой религии - так называемой религии - есть слепое пятно человеческого ума. Повсюду в других местах - свет, а в этом пятне - полная тьма. Точно так же, как есть люди, слепые к цвету, так и эти люди слепы в определенном аспекте своего ума.

Бернард Шоу был цветослепым человеком. Он узнал об этом, когда ему было шестьдесят лет. На протяжении шестидесяти лет такой разумный человек, как он, не осознавал, что является слепым к цвету. К его шестидесятилетию кто-то послал ему в подарок костюм, но при этом забыл послать и подходящий галстук. Поэтому Шоу вместе со своим секретарем отправился на рынок, поскольку ему понравился пиджак, брюки - все было действительно самое лучшее. Поэтому он вместе с секретарем отправился подыскать подходящий галстук. И когда он искал галстук, - костюм был желтым, - он выбрал зеленый галстук.

Женщина-секретарь легонько подтолкнула его и сказала: «Это будет выглядеть не очень хорошо: зеленый галстук и желтый костюм. Это будет выглядеть странно».

И продавец сказал: «Да сэр, она права. Я тоже подумал об этом».

Он сказал: «Но разве они не одного и того же цвета - мой костюм и галстук?»

Они сказали: «Нет, это зеленое, это желтое».

Он сказал: «Боже мой! Я в жизни никогда не думал, что это два разных цвета». У него была слепота к зеленому цвету, он воспринимал его как желтый. Зеленый цвет для него совершенно не существовал. Многие люди всю свою жизнь остаются цветослепыми и так и не узнают об этом. То было простым совпадением... Если он прожил шестьдесят лет, ничего не зная, то мог бы прожить и еще сорок; нет проблем. То было простым совпадением.

Точно так же каждая псевдорелигия создает в вашем уме слепое пятно, и из этого слепого пятна она манипулирует вами.

Это слепое пятно создает вашу личность; а поскольку ваша личность создается слепым пятном, то вы не видите в ней ничего неправильного.

В ней все неправильно по той простой причине, что это не вы; это нечто наклеенное поверх вас.

Ваша личность исполняет желания других людей - она полностью уничтожает вас. И, естественно, когда вы покрыты раскрашенной бумагой, вы побоитесь выходить на дождь. Вы ведь знаете, что тогда вы начнете исчезать.

Вот вопрос: с одной стороны, я учу вас индивидуальности, а с другой стороны, я учу вас сплавляться с коммуной. Это кажется парадоксом; но парадокса нет.

Личность боится; именно поэтому личность не дает вам расплавляться во всех тех ситуациях, когда расплавление необходимо. Представляется абсолютно логичным, что личность должна бояться. Но индивидуальность никогда не боится расплавиться, ведь это ее природа; потерять ее невозможно.

Вы можете расплавляться в коммуне, и, расплавляясь, вы будете просто еще более подлинно индивидуальным, чем были раньше.

Каждый шаг - если вы осмеливаетесь расплавиться - будет отбрасывать прочь вашу личность, останется только индивидуальность.

Индивидуальность - это ваша неотъемлемое естество.

Ее никто не может отнять, ее никто не может украсть.

Если бы ее возможно было отнять, общество уже отняло бы ее; оно не упустило бы своего шанса. «Оно отняло бы индивидуальность у каждого ребенка сразу же после его рождения. Но, поскольку нет никакой возможности отнять ее, общество пытается применить другую стратегию: закрыть индивидуальность. Ее можно только закрыть или раскрыть».

Я учу вас расплавляться в коммуне, потому что это раскроет вас. Это уничтожит вашу личность.

Если вы слишком привязаны к своей личности, вы найдете оправдания для того, чтобы не расплавляться, но эти оправдания исходят от вашей личности, не от вашей индивидуальности. И чем раньше расплавится личность, тем лучше, поскольку в этом расплавлении вы впервые найдете, кто же вы. Вы удивитесь, поняв, что все, что было в вас, это всего лишь роль, подсказанная обществом, воспитателем, священником, родителями. Все они подсказывали вам, подготавливали вас к определенной карьере.

Я гостил в доме друзей в Амритсаре. Рано утром я вышел в сад. Ребенок моего друга, не более восьми лет, был уже там и собирал цветы. Увидев меня, он подошел ко мне, и мы разговорились. Я спросил: «Кем ты собираешься стать в жизни?»

Он сказал: «Моя мать хочет, чтобы я стал доктором, мой отец хочет, чтобы я стал инженером, мой дядя хочет, чтобы я стал ученым, моя старшая сестра хочет, чтобы я стал премьер-министром; а меня никто не спрашивает. А сам я еще не знаю. Если кто-нибудь спросит меня, как спросили вы, я не знаю, что сказать, кем я хочу стать».

Но так обстоят дела с каждым ребенком. Другие люди тащат его, заставляют его делать то или другое. Конечно, он причалит к какому-нибудь берегу, станет кем-нибудь, но он потеряет свое существо. Становясь кем-нибудь, он потеряет свое самое драгоценное сокровище.

Поэтому я учу вас сплавляться с коммуной.

Коммуна - это единственное приспособление, с помощью которого вы можете расплавиться.

То, что расплавится, не было вами, то была ваша личность. А то, что останется, будет вами.

Но прямо сейчас вы не знаете, кто вы.

И тот, про кого вы думаете, что это вы, это не вы.

То, что есть вы, конечно, не расплавится.

И то, что вы есть, откроется и вам, и всем другим. Это будет находка, она принесет вам потрясающую радость, экстаз.

Когда вы познаете, кто вы есть, все ваши страхи, фобии, умственные проблемы просто исчезают, испаряются, ведь они были лишь частью вашей личности.

Больше нет всех ваших внутренних конфликтов.

Есть только гармония и тишина, настолько мудрая, что невозможно представить себе.

А увидеть истинное существо человека - это увидеть все то, что стоит видеть, ведь отсюда открываются двери к существованию.

Поэтому-то я и учу вас всему тому, что поможет вам расплавиться.

Я учу вас любви, но не браку.

Я учу вас дружбе, или даже лучше, дружественности.

Я учу вас сплавлению с коммуной.

Коммуна - это не семья. Вы родились в семье... Вы должны кое-что понять о семье. Семья - это очень странный институт, и один из самых отравляющих институтов. Родители думают, что они владеют вами. Мать думает, что родила вас, отец думает, что дал вам жизнь: вы его кровь.

В моем детстве это была постоянная проблема с моими родителями. Я каждый раз протестовал, когда они упоминали или косвенно указывали на то, что я принадлежу им. Я говорил: «Это абсолютно неправильно. Забудьте идею о том, что я принадлежу вам. Да, я пришел через вас, но из-за этого вы не становитесь моим владельцем; я не ваше владение. Ребенок приходит через вас: вы всего лишь проход. Если проходы станут владеть, тогда любая дорога, по которой вы проходите, скажет вам: «Куда это ты идешь? Я владею тобой, я привела тебя сюда»

Мои родители говорили мне: «Нам ты можешь говорить все, что захочешь, но такие вещи не говори перед другими людьми. Если кто-нибудь услышит, как ты говоришь своему отцу: “Вы просто дорога”...»

Я говорил: «Но мне приходится говорить такие слова, потому что вы вынуждаете меня; вся вина ложится на вас. Вы начали - конечно, бессознательно, но это вы начали думать, что вы владеете мною». Отец хотел, чтобы я стал ученым, а я сказал ему: «Вы должны предоставить это мне. Я теперь достаточно зрелый человек, чтобы самому решать, в каком направлении мне двигаться. Я благодарен вам за то, что вы воспитали меня до такого состояния; но теперь, оставьте меня одного. И я говорю это не из какой-то неблагодарности; я благодарен вам за то, что вы сделали меня способным выбирать мой путь. Но однажды я должен сказать: “Теперь оставьте меня одного”. Это шокирует, это ранит, но что делать? Причина в вас, ведь это вы хотите видеть то, что хотите видеть».

Отец редко сердился на меня, но в тот момент он очень рассердился; и в глазах каждого он был прав. Вся семья была согласна с ним. Все соседи были согласны с ним: «Какой смысл ходить в гуманитарный колледж и изучать философию? Ты ни на что не будешь годен».

В Индии многие университеты закрыли свои философские факультеты, в других университетах, где еще остались философские факультеты, на них поступают только девушки. У нас было только три студента - я и две девушки. И девушки поступили на этот факультет совсем по другой причине. Ведь на философском факультете профессора постоянно нуждаются в студентах, они боятся провалить их. Если к ним никто не придет, то их факультет закроют, и они станут безработными; поэтому они уговаривают студентов поступать... А для девушек диплом в Индии нужен только для замужества. С дипломом девушка получит богатого мужа из культурной семьи. Она немедленно перейдет в более высокие круги общества. До философии ей нет никакого дела.

Одним из моих профессоров был бенгалец, и он фанатично верил в безбрачие. На факультете философии всегда встречаются самые странные фигуры. Шел ли дождь или нет, было ли жарко или нет, солнце или нет, он всегда ходил под зонтиком, закрывая им почти все свое лицо, чтобы

не видеть никаких женщин. Университет был полон девушек, и в его группе было две девушки. Из-за этих девушек он обычно преподавал с закрытыми глазами.

Это давало мне прекрасную возможность; я спал. На протяжении шести месяцев все шло очень хорошо. Однажды девушки не пришли, но было время моего сна, поэтому я уснул. В тот день он преподавал с открытыми глазами - я не думал, что он станет вести занятие с открытыми глазами. Поэтому он сказал: «Вы можете открыть свои глаза. Я знаю, что вы тоже верите в безбрачие».

Я сказал: «Вы так считали на протяжении шести месяцев? Я же просто спал. Я верю в сон, а не в безбрачие».

Он сказал: «Странно; а я думал, что вы такой же, как я, я чувствовал по отношению к вам большое уважение. Вы шесть месяцев обманывали меня».

Я сказал: «Я буду обманывать вас и в будущем. Это не обман, просто это время для моего сна. И было очень хорошо, что вы вели занятия с закрытыми глазами, потому что не было никаких неприятностей, никаких конфликтов - вас ведь никто не слушал».

«Этих девушек философия не интересует, а то, чему вы учите, это такой вздор, что когда я время от времени сквозь сон слышал вас, я просто отбрасывал все это. А эти две девушки не имеют ничего общего... Вы можете преподавать, вам платят за это. А эти девушки всего лишь отрабатывают свой диплом, чтобы потом найти хорошего партнера для брака».

«Я прихожу сюда только поспать, а вы приходите сюда преподавать; у вас другие представления. Я же не говорю вам: “Не беспокойте меня”, - и вас я не беспокою. Я не храплю. Храпел ли я когда-нибудь?»

Он сказал: «Вы странный, вы заставляете шевелить мозгами! Вы ставите вопрос в таком направлении, где мне нечего... Вот сейчас вы спрашиваете о храпе. Возвращайтесь к нашему предмету».

Я сказал: «А я и говорю о нашем предмете. Я спрашиваю, не беспокоил ли я вас когда-нибудь? Если я вас никогда не беспокоил, то в чем вы меня можете упрекнуть? Я мог не слушать вас и с открытыми глазами. Этим занимались те две девушки, ведь философия совершенно не интересовала их. Пока вы ведете занятие с закрытыми глазами, они разговаривают об одежде, о своих сари, спрашивают, где достать, сколько стоит...? Вот чем они занимаются».

«Неужели я такой дурак, что стану слушать этих двух девушек и вас? Между вами и ими только я. Поэтому я просто сплю; это единственный способ сбежать от всего этого. И теперь вы прекрасно знаете, что я вас не обманываю. Если бы вы спросили меня раньше, я ответил бы вам точно так же; это было всего лишь ваше предположение. Вы предположили, что я тоже сторонник безбрачия, вы защищали эту идею».

Он очень боялся смотреть на женщин. И я сказал: «Теперь же, коль скоро вы поднимаете этот вопрос, я хотел бы сказать, что ваше безбрачие ничего не стоит. Вы не можете даже смотреть на женщин? Вы так боитесь их? Ваш зонтик - не что иное, как ваша трусость. Вы постоянно носите его по всему университету, и все смеются над вами. Люди не видят вашего лица, вы не видите

лиц людей». Он обычно ходил так быстро, что никто не мог идти с ним рядом и разговаривать с ним. И у него была действительно хорошая походка - быстрая... прикрывшись своим зонтиком.

«Как долго будет этот зонтик охранять ваше безбрачие, скажите мне. И слышали ли вы из каких-нибудь священных писаний, что зонтик поможет оставаться безбрачным? Видели ли вы какие-нибудь портреты Махавиры, Будды, Кришны с зонтиком? Вы первый безбрачный человек в мире, который пытается быть безбрачным с помощью зонтика. И я прекрасно знаю, что вы подсматриваете; здесь на занятиях вы должны иногда подсматривать, на немного приоткрывать свои глаза».

Он сказал: «Но откуда вы знаете, ведь вы же крепко спите?»

Я сказал: «Откуда вы знаете, что я крепко сплю? Вы, должно быть, подсматриваете. Как долго вы можете держать свои глаза закрытыми? И потом вести занятие...»

Семья пытается что-то сделать из вас. Моя семья хотела, чтобы я стал ученым; они видели во мне потенциал. Я сказал: «Я понимаю, что, если я буду ученым, мне будут больше платить, меня будут больше уважать. Будучи философом, я, возможно, останусь безработным. Но пришло время, когда я должен выбрать свой собственный путь. Если он приведет в пустыню, я буду по крайней мере счастлив тому, что следовал своему пути; у меня ни к кому не будет претензий. Следуя вашему пути, даже если я стану великим ученым, я не буду счастлив, потому что меня заставили; это своего рода рабство. У вас есть сила заставить меня, но запомните, что я никоим образом не позволю что-либо навязывать мне».

В тот раз мой отец очень рассердился. Он сказал: «Хорошо, отправляйся на факультет искусств, но я не буду давать тебе никаких денег».

Я сказал: «Договорились. Деньги ваши; я не ваш. Если не хотите давать мне денег, это я понимаю. И я понимаю, что вы готовы давать мне деньги, если я пойду на научный факультет, поскольку тогда это будет соответствовать вашему желанию. Вы готовы давать мне деньги только при том условии, что я останусь под вашим контролем».

«Так что все совершенно ясно: вы используете деньги, чтобы заставить меня двигаться по определенному направлению, от которого я отказываюсь. Но, - сказал я, - вы пожалеете о том, что упомянули о деньгах. Неужели вы думаете, что можете заставить меня, угрожая, что не будете давать мне никаких денег?»

Я ушел из дома. На протяжении двух лет он непрерывно приходил ко мне и просил: «Забудь и прости меня. Мне действительно очень жаль, что я упомянул о деньгах. Я вижу твои трудности, и я их причина», - ведь по ночам я работал редактором газеты, чтобы заработать денег и днем ходить в университет. Но я говорил: «Как я могу принять деньги от вас?»

Однажды, когда на его глазах выступили слезы, я сказал: «Хорошо, если вы настаиваете, то просто кладите деньги на стол. Я не буду брать их из ваших рук. Со стола я их могу брать, потому что со столом у меня нет никаких проблем, нет неприятностей, нет конфликта». Так и продолжалось остальные четыре года. Он клал деньги на стол, а я брал их со стола, но не у него - «потому что, - сказал я ему, - эта стратегия безобразна».

Семья эксплуатирует каждого ребенка, потому что она обладает властью денег, престижа, численным перевесом. А ребенок - это просто ребенок; может ли он взбунтоваться? И семья отравляет ребенка: ты индус, мусульманин, христианин. Это отравляет ребенка: ты республиканец, ты демократ, ты социалист, ты коммунист. Это все время отравляет ребенка. И все это отравление накапливается и становится вашей личностью.

Коммуна - это не семья, или ваша настоящая семья.

Достаточно странно, что каждый мальчик ненавидит своего отца, каждая девочка ненавидит свою мать; но никто не скажет этого. На поверхности все очень вежливо и хорошо, тишь да гладь. А глубоко внутри - раны. Вы всю свою жизнь несете в себе раны, нанесенные вам в детстве. И эти раны работают так, что портят всю вашу сущность.

Например, я вижу, что девочка, которая ненавидит свою мать, ведет себя точно так же, как мать, - ведь откуда ей еще было выучиться? Мать была первой женщиной, которую она узнала. Она ненавидит ее, потому что мать заставляла ее быть тем, кем она не является, и что она теперь несет на себе как груз.

Поэтому она, с одной стороны, ненавидит мать; но, с другой стороны, это женщина, которую она знает наиболее близко. Поэтому в ее жестах, в ее языке, в ее реакциях, во всем она повторяет свою мать. Она как бы написана под копирку: личность, которую она несет на себе, - это личность ее матери. Не удивительно, что люди ненавидят и себя. Простая причина этого заключается в том, что личность, про которую они думают, что это они, является личностью, которую дали им люди, против которых они хотели бы восстать, но против которых они беспомощны.

Зигмунд Фрейд сделал об этом весьма важное замечание: идея Бога как отца возникла, должно быть, в качестве компенсации. Когда-то давным-давно, в доисторические времена, какой-то молодой человек убил, наверное, своего отца, потому что это было для него единственным способом стать собой. Но потом раскаяние за убийство отца...

У Зигмунда Фрейда не было исторических фактов об этом, но вывод его является психологическим, не историческим. Он говорит, что каждый мальчик будет ненавидеть своего отца. Он будет ненавидеть его постоянно.

Но ненависть к своему отцу возмущает сознание. Для утешения сознания человек начинает поклоняться отцу.

В Индии особенно, - ведь я знаю Индию лучше, чем какую-либо другую страну, - сын должен припадать к ногам своего отца, матери, всякого, кто старше его. Это просто способ помочь ему: припадая к ногам, он уравнивает свою ненависть уважением, он чувствует облегчение от того, что уважает своего отца.

Если вы ненавидите своего отца, то я не думаю, что есть какая-нибудь другая необходимость припадать к его ногам. Может быть, иногда, время от времени, в знак признательности вы припадете к ним; но это не может быть формальностью, это может быть только неформальным событием. Сейчас вот люди припадают к ногам, но в этом нет чувства. Откуда взяться чувству? Внутри ненависть: вот человек, который испортил вашу жизнь.

Семья становится вашей основной единицей; поэтому если ваша семья конфликтует с соседями, то это ваша семья, - права она или нет, вы будете сражаться вместе со своей семьей.

Перед моим домом жил один золотых дел мастер - он был немного эксцентричным человеком. Одно из его эксцентричных действий заключалось в том, что всякий раз, когда он отправлялся на рынок или на реку, он запирает свой дом - даже если его жена, его дети были внутри. Он запирает свой дом снаружи и толкает дверь два или три раза, чтобы убедиться в том, что она действительно заперта. И если кто-нибудь вызывал в нем сомнение, - а я это делал постоянно... Я стоял за несколько домов от его дома и, когда он выходил на реку, говорил ему: «Сонджи, а это означает уважаемый золотых дел мастер, - не забыли ли вы проверить ваш замок?»

Он говорил: «Не забыл ли я?» - и возвращался обратно.

Однажды, когда он принимал омовение в реке, я сказал ему: «Сегодня вы позабыли».

Он сказал: «Действительно?»

Я сказал: «Я сидел напротив вас». И не домывшийся человек ринулся проверять.

Он был в каком-то конфликте с моим отцом - судебное дело о каком-то участке земли. Земля эта действительно принадлежала ему, но мой отец заплатил за нее его младшему брату. Этот младший брат сделал вид, что эта земля принадлежит ему, поэтому мой отец и заплатил за нее. А в день регистрации обнаружилось, что этот человек обманывал: земля принадлежит другому брату. Тот не возвращал деньги, а мой отец не давал управлять землей другому брату, которому она принадлежала; вокруг этого и было судебное дело.

Я сказал своему отцу: «Я приду, чтобы поддержать этого мастера».

Он сказал: «Что! Ты будешь свидетельствовать против меня?»

Я сказал: «Конечно. Я знаю, что вы заплатили, но это была ваша ошибка. Вам следовало бы узнать, кому принадлежит земля, прежде чем платить. А этот бедный золотых дел мастер, в чем его вина? Земля-то принадлежит ему. И, между прочим, он беднее вас; поэтому, если вы потеряете деньги, это будет лучше, чем если он потеряет землю, он ведь по-настоящему беден».

Мой отец сказал: «Но ты не понимаешь простой вещи... ты будешь против своего собственного отца?»

Я сказал: «Вопрос не в том, чтобы быть против своего собственного отца. Я не верю в это “правильно или неправильно, моя семья...” Я знаю, что ваше восклицание правильное, но в этом ваша ошибка; вы будете страдать. Я изводил этого бедного человека, так что теперь есть шанс помочь ему. Я буду помогать ему».

Семья хочет, чтобы вы были с ней. Я видел семьи, которые поколения за поколениями сражались друг с другом в судах, уничтожали друг друга, убивали друг друга на протяжении поколений. Ведь ваши отцы были против кого-то, - вы не имеете никакого отношения к тем людям, которые живут сейчас, они не сделали вам ничего плохого, - когда-то в прошлом, четыре, пять, шесть поколений тому назад... Вы можете и не знать имен тех людей, которые

сражались, но вражда продолжается.

Семья пытается отсоединить вас от всего общества, как нация отделяет вас от другой нации. Это все та же стратегия разделения.

Коммуна - это не семья.

Никто здесь не отец, никто здесь не мать.

Никто здесь не брат и не сестра.

Никто здесь не муж и не жена.

Здесь вы только лишь индивидуальности, и эти индивидуальности решили жить свободно и поддерживать друг друга на жизненном пути свободы.

Никто никем не владеет.

Каждый находит поддержку в том, что он есть или чем он может быть.

Семья - это диктат.

Коммуна - это просто поддержка.

Я не даю вам даже наставлений, ведь даже наставления могут стать диктатом для вашего ума, ваш ум ведь создан обществом. Если я дам вам наставления, вы подумаете, что это заповеди.

Наставления - это не заповеди. Вы не обязаны следовать им, достаточно лишь понимать их. Потом вы последуете своим путем. Может быть, на вашем пути пригодится то, что я говорил вам, или, может быть, ничего не пригодится. Так что не нужно обращать это в веру.

Коммуна - это собрание свободных индивидуальностей — без насилия, без диктата, без требований - просто для поддержки и помощи. Ведь одному будет трудно; вы найдете, что почти невозможно быть собой в так называемом обществе, общество ведь не дает поддержки. Да, если оно и поддерживает, то поддерживает с условиями, это всегда торг, бизнес. Общество сделает для вас это, если вы готовы сделать для общества то: все это лишь только сделка, контракт.

Коммуна - это не бизнес, это не родственные отношения.

Нет контракта.

Всего лишь несколько людей, которые чувствовали себя в обществе, как в тюрьме, отбросили это и создали сообщество таких же бунтарей. Все они бунтари, и все они поддерживают друг друга. Всякого, кто хочет быть мятежным, всякого, кто хочет быть, коммуна поддерживает безусловно.

Но коммуна может существовать только в том случае, если вы сливаетесь с нею. Если вы держите себя особняком, коммуны нет, поскольку нет сообщества.

Поэтому я и говорю, чтобы вы растворили себя в коммуне.

И помните, что в этом растворении вы станете индивидуальностями. Вы не потеряете своей индивидуальности, вы обретете ее - это единственный способ обрести ее.

В обществе вы все время изменяете свою личность, но вы никогда не обретаете своей индивидуальности. Вы можете из католика перемениться в коммуниста, но это не создаст совсем никакого различия. Вы больше не будете ходить в Ватикан, но теперь в Кремль... святыми станут те красные звезды. Теперь Россия станет для вас святой землей.

Вы просто выбрались из одной канавы и упали в другую. Может быть, у них немного разные формы, но канава есть канава. Из одной тюрьмы вы перешли в другую. Конечно, пока вы переходите из одной тюрьмы в другую, как раз посередине вы ощутите немного вкус свободы. Не думайте, что это станет вкусом другой тюрьмы. Это всего лишь посередине.

Бегите! Не идите в другую тюрьму; бегите из любой тюрьмы. Никогда не возвращайтесь в структуру, потому что все структуры одинаковы.

Коммуна - это потрясающее духовное явление.

Вы с людьми, и все же вы одни.

Никто не нарушает вашей уединенности.

Каждый уважает вашу уединенность. Вы со многими людьми, вы все вместе, но никто не пытается навязать вам никаких условий, никаких связей, никакого рабства. Никто не берет с вас никаких обещаний на завтра, ведь завтра вы изменитесь, изменятся и другие люди. Кто знает, что будет завтра? Когда придет завтра, тогда и посмотрим.

У коммуны нет завтра, она живет здесь и сейчас.

И она живет полно, интенсивно, ведь мы живем не ради какой-то другой жизни.

Мы живем как цель для самих себя.

Католики живут для какой-то другой жизни; эта жизнь - всего лишь лестница. То же относится и ко всем другим религиям: этой жизнью нужно пожертвовать. Они все учат вас жертвовать - и они действительно жертвуют вами. Все вы как на бойне - на разных алтарях, в разных храмах, - но все вы как на бойне.

Единственный способ спасти себя от этих мясников, которые повсюду вокруг, - это объединиться с такими же бунтарями, чтобы путь революции стал сильным, основательным, поддерживающим сам себя. И тогда вы найдете, что каждый живет интенсивно, Мы живем не ради другого мира, так зачем же нам жить вяло, тепловато?

Мы должны жить по-настоящему жарко!

В Ахмедабаде я часто ходил на один мост, на котором находилась очень большая реклама. Мне нравилась эта реклама; всего лишь одно слово в ней было неправильным. Это была реклама

какого-то прохладительного напитка. Реклама гласила: «Живи немного погорячее, но - потягивай при этом золотой напиток», - золотой напиток - это что-то вроде кока-колы. Они нашли по-настоящему хороший лозунг: «Живи немного погорячее», - но почему немного? В этом было мое затруднение. Потягивай что-нибудь, но почему немного?

Джаянтибхай возил меня через этот мост, и он обычно прибавлял ходу, когда появлялась эта реклама. А я просил его: «Джаянтибхай, подожди!»

Он говорил: «Именно поэтому я и еду быстрее; иначе вы снова увидите эту рекламу...»

И я сказал ему: «Этот рекламный щит очень философский - всего лишь небольшая ошибка, но все философы делают ошибки. Немного погорячее? - это задевает. Будьте по-настоящему горячими, ведь нет ничего, ради чего стоило бы жертвовать».

Все религии учат вас быть мучениками.

Все семьи учат вас быть мучениками.

Все нации учат вас быть мучениками.

Странное слово. Почему людей учат быть самоубийцами? Ведь мученик - это всего лишь красивое слово для обозначения самоубийства.

Никто не учит жить.

Никто не осмеливается жить.

Никто не учит вас, что вы можете быть немного более горячими, жаркими, - почему вы просто дымитесь без огня? Многие люди просто дымятся без огня.

Как долго вы дымитесь и как долго вы собираетесь дымиться?

Сделайте какой-нибудь огонь.

А когда есть настоящий огонь, нет дыма. Когда по-настоящему жарко, нет дыма. Горите как пламя, без дыма! Но все говорят вам держаться пониже. Почему? Такая короткая жизнь, зачем держаться пониже?

Прыгайте так высоко, как только можете.

Танцуйте так безумно, как только можете.

Расплавляйтесь так полно, как только можете.

И из этого горения, жизни, расплавления вы обретете свою подлинность, свою индивидуальность.

Индивидуальность никогда не боится.

Перед моим домом росло высокое тамариндовое дерево, тамариндовое дерево не очень крепкое, его ветви легко ломаются. Оно было очень высоким, и я постоянно забирался на него. Вся моя семья собиралась вокруг. Они говорили: «Остановись, дальше не надо!» Я же продолжал взбираться все выше и выше, а они кричали: «Ты слышишь или нет? Дальше не надо».

Я говорил: «Пока вы не прекратите кричать: “Дальше не надо”, - я буду взбираться. Самое большее, я упаду - может быть несколько переломов; но высота так манит, она зовет меня вверх. Замолчите совершенно, тогда я остановлюсь». Когда они видели, что я добираюсь до точки, с которой падение было вполне вероятно, они замолкали. И это было условием: «Если вы не прекратите останавливать меня, я буду взбираться выше и выше».

Только мой дедушка говорил, бывало: «Не беспокойся ни о чем. Все эти люди трусы. Я и сам хотел бы полезть вместе с тобой, но я слишком стар, ты же всегда должен помнить о том, что я с тобой. Пусть себе кричат: “Остановись!”»

Сбегались даже соседи и начинали кричать: «Остановись!» Но я снова и снова ставил условие: «Если вы не прекратите кричать, я полезу еще выше... и теперь становится действительно опасно, так что замолчите!» Они вынуждены были замолкать. Но снова, в следующий раз я... и снова они кричали, а я говорил им: «Вы не понимаете. Просто оставьте меня одного! По крайней мере верьте хотя бы тому, что я тоже вижу, что ветки становятся тоньше, а ветер сильнее, и дерево качается. Я тоже это вижу. Позвольте мне самому видеть и самому чувствовать. И позвольте мне самому решать; не решайте за меня. Я это ненавижу».

Но каждая семья все время решает за вас.

Коммуна за вас не решает. Самое большее, она помогает вам.

Поэтому в коммуне нет противоречия между индивидуальностью и расплавлением.

Это не общество, это не семья.

Это собрание бунтарей всех видов.

Поэтому нет необходимости подходить друг к другу, быть похожими друг на друга. Все бунтари разные.

Одно в них общее - все они бунтари.

Бунтарский дух - общий фактор, который объединяет коммуны и делает ее одним целым - без разрушения чьей-либо индивидуальности, без уничтожения кого-либо.

Беседа 23

СОВЕСТЬ: ГРОБ ДЛЯ СОЗНАНИЯ

22 декабря 1984 года

Бхагаван,

Есть ли в жизни хоть какой-нибудь смысл?

Все традиции воспитывали человека как шизофреника.

Было удобно разделить человека по всем возможным измерениям и создать между этими измерениями конфликт. Вот так человек стал слабым, боязливым, трясущимся, готовым сдаться, готовым к тому, чтобы его поработили священники, политики, кто угодно.

И вопрос этот возник в шизофреническом уме. Понять это вам будет немного трудно, потому что вы, быть может, никогда и не думали о том, что разделение между целями и средствами — это и есть основная стратегия создания раскола в человеке.

Имеет ли жизнь какой-нибудь смысл, какое-нибудь значение, какую-нибудь ценность? Вопрос таков: есть ли какая-нибудь цель, которая должна быть достигнута жизнью, тем, что вы живете? Есть ли какое-нибудь место, которого вы однажды достигнете, живя? Жизнь - это средство; место назначения, то, что где-то там вдали, - это цель. И эта цель делает жизнь осмысленной. Если цели нет, то жизнь, конечно, бессмысленна; чтобы сделать жизнь осмысленной, нужен Бог.

Сначала создается разделение между целями и средствами.

Это разделение создает ваш ум.

Ваш ум постоянно спрашивает: «Почему? Для чего?» И все, что не имеет ответа на вопрос: «Для чего?» - мало-помалу теряет для вас ценность. Вот так теряет свою ценность любовь. Какой смысл в любви? Куда она приведет вас? Чего вы достигнете с ее помощью? Достигнете ли вы какой-нибудь утопии, какого-нибудь рая?

Конечно, с этой точки зрения любовь не имеет смысла.

Она бессмысленна.

Какой смысл у красоты?

Вы смотрите на закат солнца - вы ошеломлены, это так прекрасно, но любой идиот может задать вопрос: «Какой во всем этом смысл?» - и вы не найдете ответа. А если нет смысла, то зачем вы бахвалитесь красотой?

Красивый цветок, или красивая картина, или красивая музыка, красивая поэзия - они лишены всякого смысла. Это не аргументы для доказательства чего-либо, это и не средства для достижения какой-либо цели.

А жизнь состоит только из тех вещей, которые бессмысленны.

Позвольте мне повторить это: жизнь состоит только из тех вещей, которые совсем лишены смысла, которые не имеют никакого значения - значения в том понимании, что они не имеют никакого предназначения, они никуда не ведут вас, вы ничего не получаете за их счет.

Другими словами, жизнь имеет значение лишь в себе.

Средства и цели соединены вместе, не разделены.

А на протяжении веков стратегией всех, кто жаждет власти, было: средства есть средства, а цели есть цели. Средства полезны, потому что ведут вас к цели. Если они не ведут вас к цели, они бессмысленны. На этом пути эти люди разрушили все по-настоящему значимое. И навязали вам совершенно незначимые вещи.

Деньги имеют смысл. Политическая карьера имеет смысл. Быть религиозным имеет смысл, ведь это средство для того, чтобы попасть на небеса, к Богу. Бизнес имеет смысл, потому что вы немедленно видите конечную цель. Становится важным бизнес, становится важной политика, становится важной религия; поэзия, музыка, танец, любовь, дружба, красота, истина все это исчезает из вашей жизни.

Простая стратегия, но она разрушает все, что делает вас значимым, что придает экстаз вашему бытию. Но шизофренический ум будет спрашивать: «Какой смысл в экстазе?»

Меня спрашивали люди, сотни людей: «Какой смысл в медитации? Что мы приобретем от нее? Прежде всего, ее трудно добиться, - но если мы ее добьемся, то что будет в конечном итоге?»

Очень трудно объяснить этим людям, что медитация является целью сама по себе. Вне ее нет никакой цели.

Все, что имеет цель вне себя, все это предназначено лишь для посредственного ума. А все, что имеет свою цель в себе, предназначено для по-настоящему разумного человека.

Но вы увидите, как посредственный человек становится президентом страны, премьер-министром страны; становится богатейшим человеком страны, становится папой, становится во главе религии. Но все это посредственные люди; их единственная квалификация - их посредственность. Все это третьеразрядные люди, и все они в основном шизофреники. Они разделили свою жизнь на две части: на цели и на средства.

Мой подход совершенно иной.

Сделать вас одним единым целым.

Поэтому я хочу, чтобы вы жили ради самой жизни.

Поэты определили искусство ради искусства, вне искусства ничего нет: искусство ради искусства. Посредственности это не понравится совершенно, потому что посредственность все подсчитывает в понятиях денег, положения, власти. Сделает ли ваша поэзия вас премьер-министром страны? Если да, тогда она имеет смысл. Но, в действительности, ваша поэзия сделает вас нищим, ведь кто будет покупать ваши стихи?

Я знаком со многими гениями, живущими как нищие по той простой причине, что они не принимают посредственный образ жизни и не позволяют себе становиться шизофрениками. Они живут - конечно, у них есть радость, которую не знает ни один политик, они излучают то, чего не знает ни один миллионер. Их сердца бьются в определенном ритме, о котором не имеют понятия так называемые религиозные люди. Но в том, что касается внешних условий, общество

свело их жизнь к жизни нищих.

Я хотел бы, чтобы вы вспомнили одного великого, может быть величайшего голландского художника - Винсента Ван Гога. Его отец хотел, чтобы он стал священником, жил бы уважаемой жизнью - удобной, комфортабельной - и не только в этом мире, но и в другом мире, после смерти. Винсент Ван Гог хотел, однако, стать художником. Его отец сказал: «Ты сошел с ума!»

Он сказал: «Может быть. Для меня, это вы сошли с ума. Я не вижу никакого смысла в том, чтобы становиться священником, ведь все, что мне придется говорить, будет не что иное, как ложь. Я не знаю Бога. Я не знаю, живет ли человек после смерти или нет. Я непрерывно буду говорить неправду. Конечно, это уважаемо, но такая уважительность не для меня; меня не будет радовать это. Для моей души это будет мучением». Отец выгнал его из дому.

Он начал рисовать - он первый современный художник. На Винсенте Ван Гоге можно провести черту: до него живопись была обыкновенной. Даже величайшие художники, такие, как Микеланджело, менее значительны по сравнению с Винсентом Ван Гогом, потому что их живопись была обыкновенной. Их живопись предназначалась для рыночной площади.

Микеланджело всю свою жизнь писал для церквей; расписывал стены и потолки церквей. Он испортил свой позвоночник, расписывая потолки церквей, ведь, расписывая потолок, человек вынужден лежать на высокой подставке. Это положение очень неудобно, и целыми днями, целыми месяцами... Но так он зарабатывал деньги, он зарабатывал уважение. Он писал ангелов, Христа, Бога, создающего мир. Его знаменитая живопись — это Бог, создающий мир.

Винсент Ван Гог начинает совершенно новое измерение. На протяжении всей своей жизни он не мог продать ни одной своей картины. Кто скажет, что его картины имели хоть какой-то смысл? Ни один человек не видел, что есть в его картинах. Его младший брат посылал ему деньги; достаточно чтобы не умереть с голоду, достаточно ровно на семидневное пропитание в неделю - ведь если ему давать столько, сколько нужно на месяц, он покончил бы с этими деньгами в два-три дня и голодал бы в оставшиеся дни. Брат посылал ему деньги каждую неделю.

А Винсент Ван Гог делал так, что на протяжении четырех дней он питался, а деньги, выделявшиеся на три оставшихся дня, он экономил для красок, холстов. И это совершенно отличало его от Микеланджело, который зарабатывал достаточно денег, который стал богатым человеком. Он продавал все свои картины. Они делались на продажу, это был бизнес. Конечно, он был великим художником, и поэтому даже картины, которые он делал на продажу, получались прекрасными. Но если бы у него был дух Винсента Ван Гога, он обогатил бы весь мир.

Три дня голодания, и Ван Гог мог купить краски и холсты. Его младший брат, зная, что не продается ни одна картина, дал немного денег одному человеку - своему другу, которого Винсент Ван Гог не знал, - и сказал ему пойти и купить хотя бы одну картину: «Это даст ему некоторое удовлетворение. Бедный человек умирает; целыми днями он пишет, голодает ради этого, но никто не покупает его живопись - никто не видит в ней ничего такого». Ведь чтобы увидеть что-то в живописи Винсента Ван Гога, нужно иметь глаз того же калибра, что и у Ван Гога; меньше этого недостаточно. Его живопись покажется вам странной.

Его деревья написаны такими высокими, что поднимаются выше звезд; звезды остаются далеко позади. Вы подумаете, что этот человек сумасшедший... деревья поднимаются выше звезд? Вы видели где-нибудь такие деревья? Когда Винсента Ван Гога спросили: «Ваши деревья всегда поднимаются выше звезд?..» -он сказал: «Да, потому что я понимаю деревья. Я всегда чувствовал, что деревья - это амбиция земли дотянуться до звезд. Иначе зачем они? Коснуться звезд, почувствовать звезды, пойти дальше звезд - вот желание земли. Земля очень старается, но не может исполнить своего желания. Я могу. Земля поймет мои картины, а о вас я и не волнуюсь, поймете вы или нет».

Такого рода картины продать невозможно. Человек, которого послал брат Ван Гога, пришел. Ван Гог был очень счастлив: наконец-то пришел кто-то, чтобы купить. Но вскоре его счастье превратилось в разочарование, потому что человек огляделся кругом, взял одну картину и отдал деньги.

Винсент Ван Гог сказал: «Но понимаете ли вы живопись? Вы взяли эту картину случайно, вы даже не посмотрели на нее; у меня же сотни картин. Вы даже не побеспокоились осмотреть их; вы просто взяли ту, которая случайно оказалась перед вами. Я подозреваю, что вас подослал мой брат. Положите картину обратно, возьмите ваши деньги. Я не продам картину человеку, который ничего не понимает в живописи. И скажите моему брату, чтобы он никогда больше этого не делал».

Тот человек был озадачен: как это ему удалось догадаться. Он сказал: «Вы не знаете меня, как это вы догадались?»

Он сказал: «Все слишком просто. Я знаю, что мой брат хочет, чтобы я почувствовал какое-нибудь утешение. Он, должно быть, манипулирует вами, - и эти деньги принадлежат ему, - ведь я же вижу, что вы слепы в том, что касается живописи. А я не тот человек, чтобы продавать живопись слепым людям; я не могу эксплуатировать слепого человека, продавая ему картины. Что он будет делать с ними? Скажите также и моему брату, что он не понимает живописи, иначе он не послал бы вас».

Когда брат узнал об этом, он пришел с извинениями. Он сказал: «Вместо того чтобы дать тебе небольшое утешение, я ранил тебя. Я никогда больше не сделаю так».

Всю свою жизнь Ван. Гог просто раздавал свои картины друзьям: он подарил картину гостинице, где он питался четыре раза в неделю, он дал картину проститутке, которая однажды сказала ему, что он некрасивый человек. Это совершенно соответствовало действительности, он был безобразен. Ни одна женщина ни разу не полюбила его, это было невозможно.

Эта проститутка из сострадания, - а в некоторых проститутках сострадания больше, чем в ваших так называемых леди, они лучше понимают мужчин, - просто из сострадания она сказала: «Ты мне очень нравишься». Такого он никогда не слышал. Любовь - это было так далеко. Просто нравится...

Он сказал: «На самом деле, я тебе нравлюсь? Что во мне тебе нравится?» Теперь растерялась женщина.

Она сказала: «Мне нравятся твои уши. Уши у тебя красивые». И вы удивитесь тому, что, придя

домой, Ван Гог бритвой отрезал свои уши, красиво упаковал их, пошел к проститутке и отдал ей свои уши. И кровь текла...

Она сказала: «Что же ты сделал?»

Он сказал: «Ничто во мне никому не нравилось. И я бедный человек, как я могу отблагодарить тебя? Тебе понравились мои уши; я дарю их тебе. Если бы тебе понравились мои глаза, я подарил бы тебе глаза. Если бы тебе понравился я, я умер бы ради тебя».

Проститутка не могла этому поверить. Но Ван Гог впервые был счастлив, улыбался; кому-то понравилась хотя бы часть его. А женщина сказала это всего лишь в шутку - кого иначе волнуют ваши уши? Если людям что-то и нравится, то это глаза, нос, губы - никто не слышал, чтобы возлюбленные говорили об ушах, чтобы они нравились им.

Только в древних индусских трактатах по сексологии, в Камасутрах Ватсаяны... Это единственная книга, в которой мне удалось найти некоторую связь с тем, что пять тысяч лет спустя случилось с Винсентом Ван Гогом, поскольку лишь Ватсаяна говорит: «Лишь очень немногие люди осознают что их ушные раковины - очень чувствительные и сексуальные точки тела. И возлюбленные должны играть ушами друг друга», - и это факт, хотя и неизвестный.

Если вы начнете играть ушами вашего возлюбленного или вашей возлюбленной, то он или она может подумать, что вы немного не в себе - что это вы делаете? Ведь люди зафиксировались на определенных идеях: целоваться нормально... Но есть племена, которые и не слышали о том, чтобы целоваться; они трутся друг о друга носами, и это считается самым любовным жестом. Конечно, это более гигиенично, гораздо более по-медицински, гораздо более приемлемо, чем французский поцелуй. Эти люди, трущиеся носами, думают о людях, целующихся по-французски, как о чем-то грязном, просто грязном.

Но эта проститутка, возможно, осознавала... ведь проститутки осознают многие вещи, которые недоступны обыкновенным женщинам и мужчинам, потому что они контактируют со столь многими людьми. Может быть, она осознавала, что уши имеют сексуальное значение. Конечно, оно есть в них. Ватсаяна - один из величайших экспертов. Фрейд, Хавелок Эллис и другие сексологи - просто пигмеи перед Ватсаяной. И когда он говорит что-то, он это знает.

Ван Гог всю свою жизнь провел в нищете. Он умер, рисуя. Перед смертью он сошел с ума, потому что на протяжении года он непрерывно рисовал солнце: сотни картин, но того, что он хотел, никак не получалось. Но целыми днями он стоял под солнцем в самой жаркой части Франции, в Арли, - ведь как он мог рисовать, не пережив? Он писал окончательную картину, но сошел с ума. Жара, голод... но он был безмерно счастлив; он писал картины даже в безумии. И те картины, которые он написал в сумасшедшем доме, теперь стоят миллионы.

Он совершил самоубийство по той простой причине, что написал все, что хотел написать. С живописью было покончено; он подошел к смертному концу. Больше ничего не оставалось. Жить теперь означало просто занимать место, чье-то место; для него это было мерзко.

Вот что писал он в письмах своему брату: «Моя работа сделана. Я жил потрясающей жизнью - так, как я хотел жить. Я писал картины, которые хотел писать. Свою последнюю картину я сделал сегодня, и сегодня я совершаю прыжок из этой жизни в неизвестность, какой бы она ни

была, ведь жизнь уже ничто для меня».

Будете ли вы считать этого человека гением? Будете ли вы считать этого человека разумным, мудрым? Нет, вы подумаете, что он просто сумасшедший. Но я не могу сказать этого. Его жизнь и его картины не были двумя разными вещами: картины были его жизнью. Поэтому для всего мира это было самоубийство, — но не для меня. Мне это представляется естественным концом. Живопись закончена. Жизнь исполнена. Другой цели не было; получил ли он Нобелевскую премию, признал ли кто-нибудь его картины...

Пока он жил, никто не признавал его картин. Пока он жил, ни одна галерея не брала его картин, даже бесплатно. После его смерти, медленно, медленно, благодаря его жертве живопись полностью изменилась. Без Винсента Ван Гога не было бы Пикассо. Все художники, пришедшие после Винсента Ван Гога, в неисчислимом долгу перед ним, поскольку этот человек переменял все направление. Медленно, медленно, по мере того, как изменялось направление, открывались и его картины. Был проведен великий поиск.

Люди бросали его картины в своих пустых домах, в своих подвалах, думая, что они бесполезны. Теперь они рвались в свои подвалы, доставали его картины, очищали их. На рынке появились даже поддельные картины вместо подлинного Ван Гога. Теперь имеется всего лишь двести картин; а он написал, должно быть, тысячи. Но любая галерея, имеющая Ван Гога, гордится его картинами, ведь этот человек в своих картинах излил всю свою жизнь. Они написаны не красками, но кровью, дыханием - в них его дыхание.

Не спрашивайте человека: «Есть ли какой-нибудь смысл в вашей картине?» В его картине - он, а вы спрашиваете: «Есть ли какой-нибудь смысл в вашей картине?» Если вы не видите смысла, то в этом виноваты вы сами.

Чем выше поднимается вещь, тем меньше людей узнают ее.

Когда что-то достигает наивысшей точки, очень трудно найти и нескольких человек, которые узнали бы ее.

В самой последней точке только сам человек может узнать, что случилось с ним; он не найдет второго человека.

Вот почему Будда вынужден был сам объявить себя просветленным. Никто другой не мог узнать бы этого, ведь для того, чтобы узнать, нужно иметь некоторый вкус этого. Иначе, как вы узнаете? Но узнавание возможно, потому что точка так высока.

Но какой смысл в состоянии Будды? Какой смысл в просветлении? Какой смысл? Если вы спрашиваете о смысле, то его нет. Просветления достаточно самого по себе. Не нужно ничего, чтобы сделать его значимым.

Вот что я имею в виду, когда говорю, что по-настоящему ценные вещи в жизни не разделяются на цели и средства. Нет разделения на цели и средства. Цели - это средства, средства - это цели, — подобно двум сторонам монеты, неразрывно соединенным между собой, - они едины, цельны.

Вы спрашиваете меня: «Есть ли в жизни какой-нибудь смысл?» Я боюсь, что если я скажу, что в жизни нет смысла, то вы подумаете, что это означает, что вы должны совершить самоубийство, ведь если в жизни нет смысла, то что еще делать тогда? Совершить самоубийство! Я не говорю о том, что надо совершать самоубийство, потому что самоубийство тоже лишено смысла.

Вы живёте: живите, и живите полно.

Вы умираете: умирайте, и умирайте полно. И в этой полноте вы найдете значение.

Я преднамеренно не использую слово смысл, а использую слово значение, потому что «смысл» загрязнен. Смысл слова всегда указывает куда-то в другое место. Вы, должно быть, слышали, вы, должно быть, читали в детстве много сказок... Почему они написаны для детей? Может быть, писатели не знают, но это часть все той же эксплуатации человечества.

Эти сказки похожи вот на что: живет человек, чья жизнь заключена в попугае. Если убить попугая, то и человек будет убит, но напрямую человека убить невозможно. Можно стрелять, но ничего не случится. Можно махать мечом, но меч пройдет сквозь его шею, а шея все еще останется соединенной с телом. Невозможно убить этого человека - сначала нужно найти, где заключается его жизнь. В этих сказках жизнь всегда находится в каком-то другом месте. А когда вы находите и убиваете попугая, то, где бы ни был тот человек, он немедленно умирает.

Даже когда я был ребенком, я спрашивал своего учителя: «Это кажется мне очень глупым видом сказок, потому что я не вижу никого, чья жизнь заключалась бы в попугае, или в собаке, или в чем-нибудь еще, вроде дерева». Тогда впервые я услышал эту сказку, этот вид сказок; потом мне встречалось много таких. Они написаны специально для детей.

Человек, учивший меня, был очень хорошим, он был уважаемым джентльменом. Я спросил у него: «Можете ли вы сказать мне, где заключается ваша жизнь? Я хотел бы попытаться...»

Он сказал: «Что ты имеешь в виду?»

Я сказал: «Я хотел бы убить ту птицу, в которой заключается ваша жизнь. Вы разумный человек, мудрый, уважаемый. Вы, наверное, поместили свою жизнь куда-то в другое место, чтобы никто не мог убить вас. Об этом говорится в этой сказке - мудрые люди хранят свою жизнь в каком-нибудь другом месте, чтобы их нельзя было убить, чтобы никто не мог убить их. И найти, где они хранят свою жизнь, невозможно; если они сами не расскажут секрет, никто не сможет узнать его. Этот мир такой большой, и в нем так много людей, так много животных, так много птиц, так много деревьев... никто не знает, куда тот человек поместил свою жизнь».

«Вы мудрый человек, уважаемый, вы, наверное, где-то храните ее; вы можете сказать мне это по секрету. Я не убью эту птичку насовсем; только покручу ее туда, сюда, и посмотрим, что случится с вами».

Он сказал: «Ты странный мальчик. Я рассказывал эту сказку всю свою жизнь, а ты хочешь покрутить меня туда, сюда. Это же всего лишь сказка».

Но я сказал: «Какой же смысл у этой сказки? Почему вы все время рассказываете эту сказку и

тому подобные вещи детям?»

Он не смог ответить. Я спросил у своего отца: «В чем может быть смысл этой сказки? Зачем нужно рассказывать такие вещи, которые абсолютно абсурдны?»

Он сказал: «Если твой учитель не смог ответить, то как я смогу? Я не знаю. Он гораздо больше, чем я, образован, разумен, мудр. Изводи своими вопросами его, а не меня».

Но теперь я знаю, в чем смысл сказок и почему их рассказывают детям. Они входят в подсознание ваших детей, и дети начинают думать, что жизнь всегда заключается где-то в другом месте, - не в вас. Вы пусты, просто пустая оболочка. Здесь и сейчас вы не имеете смысла жизни. Здесь вы имеете только средства, лестницу. Если вы поднимаетесь по лестнице, то, может быть, однажды вы найдете свою жизнь, своего Бога, свое предназначение, свой смысл, называйте как угодно.

Но я говорю вам, что вы и есть смысл, значение, и жизни самой по себе присуща завершенность.

Жизнь не нуждается ни в чем, что следовало бы добавить к ней.

Все, что требуется жизни, это то, чтобы вы жили ею полно.

Если вы живете лишь частично, то тогда вы не почувствуете волнения того, что вы живы.

Так и в любом механизме, когда функционирует только его часть... Например, часы: если работает только секундная стрелка, а часовая или минутная не движутся, — движется только секундная стрелка, - то какому назначению будут служить эти часы? Будет некоторое движение, определенная часть работает, но если не работает все и не работает в гармонии, из часов не извлечешь песни.

А ситуация как раз такова: каждый человек живет лишь частично, на малую часть. Так что вы производите шум, но не можете создать песню. Вы двигаете руками и ногами, но танца не получается. Танец, песня, значение приходят в существование немедленно, как только все ваши функции оказываются в гармонии, в согласии. Тогда вы не задаете таких вопросов, как: есть ли какой-нибудь смысл в жизни? - вы знаете.

Жизнь сама является смыслом. Нет другого смысла.

Но вам не дают оставаться одному и цельному. Вас нужно разделить, разрезать на несколько частей. Некоторые части настолько закрыты, что вы даже не знаете, что они принадлежат вам. Большая часть вас выброшена в подвал. Большая ваша часть осуждена настолько, что, хотя вы и знаете, что она есть, вы не осмеливаетесь признать ее, признать, что это ваша часть, - вы все время отвергаете ее; вы все время подавляете ее.

Вы знаете лишь очень маленький свой фрагмент, который называют совестью, которая является продуктом общества, не естественной вещью, а вещью, которую внутри вас создало общество для того, чтобы контролировать вас изнутри. Снаружи вас контролируют полицейские и суд. А внутри вас совесть, и она гораздо мощнее.

Вот почему, даже в суде, вам, прежде всего, дают в руки Библию. Вы даете на Библии клятву,

потому что суд знает, что если вы христианин, кладете свою руку на Библию и говорите: «Клянусь говорить правду, только правду и ничего, кроме правды», - ваша совесть заставит вас говорить правду, ведь теперь вы дали клятву именем Бога и вы прикасались к Библии. Если вы солжете, вы будете брошены в ад.

До этого, самое большое, если вас поймают, вас бросят на несколько месяцев, на несколько лет в тюрьму. Но теперь вы будете брошены в ад навечно. Даже суд признает, что Библия мощнее, Гита мощнее, Коран мощнее, чем суд, чем вооруженные силы, чем армия.

Совесть - одно из самых подлых изобретений человечества.

И с самого первого, дня рождения ребенка мы начинаем создавать в нем совесть; маленькую часть, которая все время осуждает то, чего не хочет видеть в вас общество, и которая все время приветствует то, что общество хочет видеть в вас. Вы больше не одно целое.

Совесть непрерывно заставляет вас, и вы вынуждены все время оглядываться - за вами наблюдает Бог. Каждое действие, каждая мысль: Бог наблюдает, будьте осторожны!

Даже в мыслях вам не разрешается свобода: Бог наблюдает. Что за любитель подглядывать в замочные скважины сидит в этом Боге? Через замочную скважину Он заглядывает в каждую ванную комнату; Он не оставляет вас в покое - даже в вашей ванной комнате?

В мире есть племена, в которых если ночью во сне вы совершаете что-то плохое, то утром должны отправиться в тюрьму... Например, вы во сне кого-то оскорбили - утром вы должны извиниться: «Простите меня, прошлой ночью я оскорбил вас во сне; мне очень жаль». Даже сны контролируются обществом. Вам даже во сне не дозволяется быть собой.

Все время говорят о свободе мысли - все это чепуха, потому что с самого начала в каждого ребенка вложили основание для несвободы мысли.

Ваши мысли хотят контролировать.

Ваши сновидения хотят контролировать.

В вас хотят контролировать все. И все это посредством очень умного устройства - совести.

Она колет вас. Она все время говорит вам: «Это неправильно, не делай этого; ты будешь страдать». Она все время заставляет вас: «Делай это, это правильное дело; за него ты будешь вознагражден».

Эта совесть никогда не позволяет вам быть целым.

Она не позволяет вам жить так, как будто ничего не запрещено, как будто нет никаких границ, как будто вы можете быть тем, кем можете быть. Тогда жизнь имеет смысл, - не тот смысл, который может быть выведен из целей, но смысл, который выводится из самой жизни. Тогда, что бы вы ни делали, в самом этом делании ваша награда.

Например, я разговариваю с вами. Я наслаждаюсь этим. На протяжении тридцати пяти лет я выступал без всякой цели. Выступая так много, я мог бы стать президентом, премьер-

министром; с этим проблемы не было. Выступая так много, я мог бы сделать что угодно. Что же я приобрел?

Прежде всего, я не собирался ничего приобретать - я наслаждался.

Это была моя живопись, это была моя песня, это была моя поэзия.

Как раз в те моменты, когда я выступаю, я чувствую, как возникает сообщество, в те моменты, когда я вижу, как вспыхивают ваши глаза, когда я вижу, что вы понимаете смысл... эти моменты дают мне такую потрясающую радость, что я не думаю, что что-нибудь еще может быть добавлено к ней.

Действие, любое действие выполняйте полностью, всеми фибрами своего существа... Например, если мне выкручивают руки, я не могу говорить, хотя между речью и руками нет связи. Я пробовал. Однажды я сказал другу, который гостил у меня: «Свяжи обе мои руки».

Он сказал: «Что?»

Я сказал: «Просто свяжи их, а потом задай мне вопрос».

Он сказал: «Я всегда боялся оставаться с тобой, ты сумасшедший. И теперь если кто-нибудь увидит, как я связываю тебе руки... и задаю тебе вопрос, а ты отвечаешь, что они подумают?»

Я сказал: «Забудь все это. Закрой дверь и делай, что я сказал».

Он сделал, потому что был вынужден; иначе я бы вышвырнул его со словами: «Будучи моим гостем, ты не можешь сделать для меня даже такой простой вещи? Тогда совсем не беспокой меня, просто исчезни». Поэтому он привязал мои руки к двум столбам и задал мне какой-то вопрос. Я всячески пытался ответить, но мои руки были привязаны; я не мог ничего сказать ему. Я просто сказал: «Пожалуйста, развяжи мне руки».

Он сказал: «Но я не понимаю, зачем все это».

Я сказал: «Это я просто пытался посмотреть, могу ли я говорить без рук. Я не могу».

Что говорить о руках... если я помещу эту ногу на другую сторону, а другую ногу положу сверху, - так я сижу в своей комнате, когда не выступаю... Если мне придется положить ее под другую ногу, тогда что-то пойдет не так, тогда я не дома. Поэтому то, как я сижу, как движутся мои руки, все это включается. Говорит не какая-то моя часть, все во мне включается в это. И только так можно найти внутреннюю ценность любого действия. Иначе приходится жить в напряжении, разрываясь между этим и тем, между этой и той отдаленной целью.

Псевдорелигии говорят: «Конечно, эта жизнь — только средство, поэтому вы не можете включиться в нее полностью, она - только лестница, которую вам нужно пройти. Она не является чем-то ценным, это всего лишь ступенька. Настоящее там, далеко». И оно всегда остается вдалеке. Где бы вы ни были, настоящее всегда будет далеко. Поэтому, где бы вы ни были, вы упустите жизнь.

У меня нет цели.

Когда я был в университете, я ходил, бывало, пешком утром, вечером, днем... Утром и вечером обязательно, но если было другое время, я и тогда ходил пешком, потому что место, и деревья, и дорога были так прекрасны, дорога была засажена по обеим сторонам такими большими деревьями, что даже самым жарким летом на ней была тень.

Один из моих профессоров, очень любивший меня, наблюдал за мной: в один из дней я ходил по этой дороге, в другой - по той дороге. Перед воротами университета лежал пятиугольник, пять дорог расходились в пяти направлениях, а он жил как раз поблизости, рядом с воротами. Он спросил меня: «Иногда вы идете по этой дороге, а иногда по той. Куда вы идете?»

Я сказал: «Я никуда не иду. Я просто гуляю». Если вы идете куда-то, то вы, конечно, будете ходить по одной и той же дороге; но я не шел никуда, так что выбор дороги был делом случая. Я просто подходил к пятиугольнику и останавливался там ненадолго. Это озадачивало его больше всего: что я выражал этим, что я выражал тем, что стоял там?

Я же смотрел, куда дует ветер. Куда дул ветер, туда я и шел; вот так я и выбирал. «Иногда, - говорил он, - вы неделями ходите по одной дороге; иногда только один день, а на следующий день меняете ее. Что вы делаете там? И как вы выбираете?»

Я рассказал ему: «Очень просто. Я стою там и ощущаю, какая дорога жива - куда дует ветер. Я иду по ветру. И это прекрасно - идти вместе с ветром. Я прыгаю, я бегу, все что угодно. И вместе со мною ветер - прохладный, доступный. Так что я выражаю только ветер».

Жизнь никуда не стремится.

Она лишь собирается на утреннюю прогулку.

Выбирайте то, куда течет все ваше бытие, куда веет ветерок. Идите по тропинке, пока она ведет вас, и не ждите найти что-нибудь на ней.

Я никогда ничему не удивлялся, потому что никогда ничего не ждал - поэтому и не было вопроса об удивлении: удивительно все. И нет вопроса о разочаровании; очаровывает все.

Если так случилось, хорошо; если не случилось, еще лучше.

Коль скоро вы понимаете эту жизнь от мгновения к мгновению, которая и составляет религию, то тогда вы поймете, почему я говорю отбросить эту идею Бога, небес и ада и весь этот хлам.

Полностью отбросьте все это, потому что груз всех этих многочисленных концепций не дает вам жить от мгновения к мгновению.

Живите жизнью в органическом единстве.

Ни одно ваше действие не должно быть частичным, вы должны включаться в него полностью.

Вот дзэнская история. Один очень любопытный царь, желая узнать, чем занимаются эти люди в монастырях, спросил: «Кто самый знаменитый Учитель?» Обнаружив, что самым знаменитым Учителем тех дней был Нан-ин, он отправился в его монастырь. Прибыв в монастырь, он нашел там дровосека. Он спросил его: «Монастырь большой, где я могу найти Учителя Нан-ина?»

Человек подумал несколько мгновений с закрытыми глазами и сказал: «Прямо сейчас вы не сможете найти его».

Царь сказал: «Почему я не могу найти его прямо сейчас? Вы понимаете, что я император?»

Он сказал: «Это не имеет значения. Кто бы вы ни были, это ваше дело, но я заверяю вас, что прямо сейчас вы не сможете найти его».

«Он ушел?» - спросил царь.

«Нет, он здесь», - ответил дровосек.

Царь сказал: «Он что, занят какой-нибудь работой, какой-то церемонией, или уединился? В чем дело?»

Человек сказал: «Он как раз сейчас перед вами рубит дрова. А когда я рублю дрова, я просто дровосек. Где прямо сейчас Учитель Нан-ин? Я просто дровосек. Вам придется подождать».

Император подумал: «Этот человек сошел с ума, просто сошел с ума. Учитель Нан-ин рубит дрова? » Он пошел вперед и оставил дровосека позади. Нан-ин же снова начал рубить дрова. Приближалась зима, и надо было запастись дрова. Император мог подождать, но зима ждать не станет.

Император подождал час, два - после этого из задней двери вышел Учитель Нан-ин, в своем одеянии Учителя. Царь посмотрел на него. Он походил на дровосека, но царь поклонился ему. Учитель сел и спросил: «Почему вы приняли на себя так много беспокойств, чтобы прийти сюда?»

Царь сказал: «Есть очень много вещей, но эти вопросы я задам вам позже. Сначала я хотел бы узнать: вы тот же самый человек, что рубил дрова?»

Он сказал: «Сейчас я Учитель Нан-ин. Я не тот же самый человек; изменилась вся конфигурация. Сейчас я сижу здесь как Нан-ин. Вы спрашиваете как ученик, со смирением, восприимчиво. Да, человек, очень, очень похожий на меня, рубил дрова, но это был дровосек. Его имя тоже Нан-ин».

Царь был настолько озадачен, что не задал тех вопросов, которые собирался задать. Когда он вернулся к своему двору, его советники спросили о том, что произошло. Он сказал: «Лучше забыть о том, что случилось. Этот Учитель Нан-ин кажется совершенно душевно больным! Он рубил дрова; он сказал: “Я дровосек, а Учителя Нан-ина нет сейчас”. Потом тот же самый человек пришел в одеянии Учителя, я спросил его и он сказал: «Я похож на человека, который рубил дрова, но то был дровосек; я Учитель».

Один придворный сказал: «Вы упустили смысл того, что он хотел сказать вам, - когда он рубил дрова, он был полностью вовлечен в это. Не осталось ничего, что могло бы быть названо Нан-ином; не осталось ничего, он был дровосеком».

А на дзэнском языке, который очень труден для перевода, он не говорил в точности так: «Я дровосек», он говорил: «Прямо сейчас рубит дрова не дровосек - ведь нет даже пространства для

дровосека». Дрова просто рубятся, и он настолько полно в этом, есть только рубка дров; рубка дров случается. А когда он приходит как Учитель, тогда, конечно, конфигурация совершенно иная. Те же самые части теперь находятся в ином согласии. Так что в каждом своем действии вы другая персона, если полностью вовлечены в это действие.

Будда говорил, бывало: «Точно так же пламя свечи выглядит одинаковым, но никогда не является одинаковым даже в два близких друг к другу мгновения. Пламя непрерывно становится дымом, ему на смену приходит новое пламя. Старое пламя уходит, приходит новое пламя. Свеча, которую вы зажгли вечером, это не та же свеча, которую вы задуете утром. Это не то же самое пламя, которое вы зажгли; то пламя ушло далеко, никто не знает, куда. Лишь только сходство пламени дает вам иллюзию того, что это то же самое пламя».

То же относится и к вашему существу.

Оно - пламя.

Оно - огонь.

Ваше существо изменяется каждое мгновение, и если вы полностью вовлечены во что-нибудь, то тогда вы увидите, как в вас происходит изменение - каждое мгновение новое существо, новый мир, новое переживание. Все внезапно настолько наполняется новизной, что вы уже не видите снова тех же самых вещей.

Тогда, естественно, жизнь становится непрерывной загадкой, непрерывным удивлением.

На каждом шагу открывается новый мир, мир потрясающего смысла, невероятного экстаза.

Когда приходит смерть, то и смерть тогда не кажется чем-то отдельным от жизни. Она часть жизни, не конец жизни. Она похожа на другие события: случилась любовь, случилось рождение. Вы были ребенком, потом детство исчезло; вы стали молодым человеком, потом и молодой человек исчез; вы стали стариком, потом и старик исчез - как много вещей случилось! Почему вы не позволяете и смерти случиться точно так же, как и другим событиям?

И, действительно, человек, живший от мгновения к мгновению, будет жить и смертью тоже, и найдет, что все мгновения жизни могут быть положены на одну сторону, а одно мгновение смерти может быть положено на другую сторону, и все же перевесит. В любом случае оно весит больше, потому что в нем конденсируется вся жизнь и добавляется еще кое-что, что не было доступно вам. Открывается новая дверь, за которой сконденсирована вся жизнь: открывается новое измерение.

Хорошо. Вы можете задать ваш второй вопрос.

Бхагаван,

На лицевой стороне американских денег есть фраза: «Мы верим в Бога». Священники солгали, когда сказали, что Бог есть. Политики солгали, когда сказали, что американская конституция и гражданские права гарантируют для всех социальную справедливость. Как теперь я могу верить в безрелигиозную религию?

Я никогда не просил вас верить в безрелигиозную религию. Как я могу просить вас? Ведь до сих пор сама такая просьба и становилась религией. Чтобы бойкотировать это, я и назвал свою религию безрелигиозной, используя очевидное противоречие. Но причина этого ясна.

Назвав религию безрелигиозной, я имел в виду, что я не прошу у вас никакой веры, никакого доверия, никакого верования.

Если в вас возникает вера, то это совершенно иное дело.

Религия просит вас верить в одного Бога, в одного мессию, в одну книгу. Я не прошу вас; но как я могу запретить вам, если в вас возникает доверие? Это доверие - не что иное, как своего рода любовь. Это не верование, это не вера, потому что вера должна навязываться, чтобы подавить сомнения; верование должно непрерывно внедряться в вас. Вы слышите эти доктрины так много раз, что мало-помалу начинаете забывать, что вы их всего лишь слышали, что вы ничего не знаете о них.

В вас есть тенденция - и очень удобная тенденция - забывать о своем невежестве и цепляться за свое знание. Верование - это сформированное знание, данное вам другими, навязанное вам. Но мало-помалу оно глубоко входит в ваш ум, становится вашей частью. Вы начинаете думать, что это «мое верование». Доверия нет.

Никто не просит вас доверять мне, как никто не просит и любить.

Могу ли я попросить вас: «Любите меня»? Человек ответит: «Но как?» Если любовь возникает, то она возникает; если она не возникает, то что можно сделать? Да, вы можете притвориться, как притворяется весь мир. Если попросят, то можно притвориться и в доверии. Я же не прошу. Я хочу, чтобы вы предохранили себя от всякого рода притворства, лицемерия. Но если доверие возникает, здесь я не могу помочь, вы не можете помочь. Никто ничего не может поделать с этим доверием, если оно возникает. Вы внезапно чувствуете в себе новое сердцебиение. Что вы можете поделать?

В моей безрелигиозной религии доверия не требуется.

Доверие не является требованием, приказом, заповедью.

Оно случается.

И мы все беспомощны в этом; когда оно случается, с ничего нельзя поделать. Оно так прекрасно, что кто захочет упустить его, когда оно случится?

Да, политики обманули людей, религии обманули людей. А я прожил всю свою жизнь, осуждаемый всеми религиями и всеми политиками, по той простой причине, что я выставлял их на свет.

Это очень странно. В вопросе сказано, что на американском долларе стоят слова: «Мы верим в Бога»... Мой Бог! На долларе написано: «Мы верим в Бога» — тогда чем же занят генеральный прокурор Орегона? Он должен объявить Америку незаконной страной! - ведь это смешение государства и религии.

Если Раджнишпурам объявляется незаконным городом... а ведь мы не сделали ничего похожего на написание слов «Мы верим в Бога» на долларе; вы смешиваете Бога с деньгами, смешиваете государство с религией. Этот генеральный прокурор Орегона мог бы войти в историю. Он должен объявить незаконной всю американскую нацию.

Для принятия клятвы в судах пользуются Библией - это смешивание закона с религией, государства с религией, — или призывают: «Именем Бога...» Все эти смешивания случаются везде, кроме Раджнишпурама, где нет никаких смешиваний. На самом деле, у нас нет никакого Бога, которого можно было бы смешивать с чем-либо!

Это странные люди, и похоже на то, что они не думают о том, что делают, что говорят. Похоже на то, что их ум лишен координации; в противном случае... Президент Америки ходит в определенную церковь; перед тем как принять президентскую клятву, он идет за благословением к священнику своей церкви. Какое имеет отношение священник к благословению президента и почему? Президент должен с самого начала смешать церковь и государство?

Почему президент Америки отправляется в Ватикан на встречу с папой? Он не должен делать этого как президент. Он может отправиться как Рональд Рейган, но тогда у него не должно быть никакой поддержки, которой пользуется президент. Но он отправляется как президент. И все же нас обвиняют в том, что мы смешиваем религию и государство. У нас нет ничего, что может быть смешано с государством!

Я против политики. Как могу я смешивать то, что есть здесь, с политикой? Я осуждаю политику. Всю свою жизнь я проклинал политиков. Я понимаю их как преступников, которые достаточно умны для того, чтобы их не поймали, достаточно умны, чтобы обманывать людей, давая им ложные надежды, Фальшивые утопии. У нас здесь нет никакой политики. И у нас нет никакой религии, как они ее понимают.

Моя религия - это путь жизни.

Это не путь молитвы, это путь жизни.

Можно ли мешать любовь с государством? Как вы смешаете их? Они не смешиваются. А то, что происходит здесь, имеет то же качество, что и любовь. Мы любим жизнь, и мы хотим жить ею во всей ее полноте. Кого волнуют ваши политики и ваше государство?

Мэр Раджнишпурама не политик. Лишь из-за ваших глупых взглядов о том, что в городе должен быть мэр, есть мэр и у нас. Если бы нам позволили быть городом без мэра, мы были бы безмерно счастливы; и наш мэр был бы безмерно счастлив, потому что, когда бы я ни посмотрел на него, он чувствует себя пристыженным, он смотрит в землю, потому что этот бедный человек вынужден находиться на положении политика; это - необходимое зло. И все это из-за вашей конституции и вашего законодательства.

Мы не можем изменить вашу конституцию и ваше законодательство, поэтому мы решили: хорошо, пусть один санньясин падет в сточную канаву. Пусть он станет мэром, что же делать? К.Д. страдает в сточной канаве, и мы вытащим его оттуда. Мы не оставим его там навсегда, ведь не для того же, чтобы стать мэром, пришел он сюда! И никто из нас не озабочен тем, чтобы

стать генеральным прокурором Орегона, или губернатором Орегона, или президентом Америки. Это никого совершенно не интересует.

Мы заинтересованы только в том, чтобы нас оставили в покое.

Но эти люди странные, они не могут оставить нас в покое. Они боятся, они обеспокоены. Они подозревают: что там происходит, что там творится? У них не хватает смелости просто прийти сюда и посмотреть; только слухи, только общественное мнение... а это общество и не появлялось здесь. И эти люди продолжают принимать решения!

Генеральный прокурор объявил город Раджнишпурам незаконным. Это уникальная ситуация; действительно, уникальный город во всем мире, ведь во всем мире нет незаконного города, и никогда не было раньше. Или город есть город, или это не город. Но незаконный город... это нечто абсолютно уникальное!

Но оставьте всю эту чепуху людям. Им следует учредить в Орегоне пост: Генеральный Идиот Орегона, и ему должно быть предоставлено право заниматься всеми такими делами. Тогда можно понять, что все это лишь юмор; можно посмеяться над этим. Но они очень серьезные люди; они занимаются такими делами не из чувства юмора. А моя религия имеет одно основное качество: чувство юмора.

Если просто из чистого пребывания со мной, с моими людьми, в вас рождается доверие... и это не вера в Бога, это не доверие к кому-то конкретно; это просто безадресное качество.

Нет адреса на конверте: «Мы верим в Бога». Кто вы такой, чтобы верить в Бога? По какому праву вы верите в Бога? Вы ведь не знаете Бога. Вы тащите Бога к тому же состоянию, что и состояние доллара, делаете из него товар на рынке. И невозможно найти ничего более грязного, чем валюта, ведь она проходит через столь многие руки.

Я на протяжении тридцати пяти лет не прикасался ни к одной банкноте. Это самая грязная вещь. Я не против денег, но это самая грязная вещь. Самые разные люди... у кого-то может быть рак, у кого-то может быть туберкулез, у кого-то может быть СПИД... и кто знает, что он делал со своими банкнотами? Все возможно, ведь люди так развращены, они могут делать с банкнотами что угодно. Я сказал: «Я не собираюсь прикасаться к ним», - и я перестал прикасаться к ним. А на банкнотах вы пишете: «Мы верим в Бога»? Пожалуйста, простите Бога и забудьте все о Нем.

Доверие, возникающее в моих санньясинах, - это просто качество их сердец; они просто начинают верить. Это не вера во что-то. Они верят даже тогда, когда их обманывают, они доверяют: знают, что человек обманул их, и все равно верят. Не важно, кому верят, это у них такой аромат.

В университете мне пришлось жить несколько дней с соседом по комнате. Я никогда ни с кем не жил, но места не было, и вице-канцлер сказал мне: «Постарайтесь на несколько дней, и я найду вам какое-нибудь другое место. Я понимаю, что вам не нравится, когда в комнате еще кто-то есть, и для другого парня тоже будет хорошо не жить с вами в одной комнате, ведь вы можете довести его до безумия. Я устрою это».

Но до того, как он устроил это, прошло четыре, пять месяцев. А тот сосед был очень добрым мальчиком; у него была только одна проблема - он был клептоманом. Просто из чистого удовольствия он воровал мои вещи. Я вынужден был отыскивать свои вещи в его чемоданах, и я находил их там, но ему ничего не говорил при этом.

Он был озадачен. Он пользовался моей одеждой. Когда меня не было в комнате, он просто брал, что хотел. Он брал мой платок и шел гулять, и когда я возвращался, платка не было. Я говорил: «Он вернется, скоро он вернется». Чтобы он не взял мои деньги, я просто сам отдавал их ему, говоря при этом: «Храни эти деньги, потому что если они будут у меня, ты как-нибудь возьмешь их у меня. И тогда трудно будет узнать, сколько ты взял, и как спросить их с тебя. Это выглядит неуклюже. Ты просто возьми их. Вот их сколько, возьми их!»

Он сказал: «Ты умный. Так мне придется вернуть все деньги, когда они тебе потребуются».

Но четыре, пять месяцев спустя... ведь где бы он ни был, с кем бы он ни жил - в своей семье или с друзьями, или в общезитии, - все осуждали его. Но я никогда ничего не говорил ему - вместо того чтобы искать в своих чемоданах, я просто искал в его. Все было просто! Не было большой разницы; мои чемоданы стояли в этом углу, его чемоданы стояли в том углу.

Он сказал: «Ты странный. Я ворую твои вещи, а ты ничего не говоришь».

Я сказал: «Это очень маленькая проблема. Она не может породить во мне недоверия к человеческому существу. И какие здесь неприятности? Вместо того чтобы идти к своим чемоданам, я просто иду к твоим, и в твоем чемодане я нахожу все, что мне нужно».

Он сказал: «А я-то удивляюсь... я все время ворую у тебя, а ты ничего не говоришь, и эти вещи снова исчезают из моих чемоданов! Поэтому я думал, что ты тоже клептоман».

Я сказал: «Все в полном порядке. Если ты прекратишь брать вещи из моих чемоданов, я перестану брать из твоих. И помни, во всей этой игре проиграл ты».

Он сказал: «Что ты имеешь в виду?»

Я сказал: «Я взял несколько не своих вещей», - ведь он воровал повсюду, из других комнат, из домов профессоров; где бы он ни нашел открытое окно, он залезал в него. И не было никакого побуждения воровать, просто удовольствие, просто вызов; вызов в том, что кто-нибудь может схватить его.

Я сказал: «Я никогда не буду препятствовать тебе. Ты можешь продолжать брать мои вещи, ты можешь задвинуть мой чемодан под свою кровать; это не имеет значения. Я на самом деле совершенно счастлив с тобой. Я волнуюсь только о том, что скоро вице-канцлер даст мне отдельную комнату. Где еще я найду такого человека, как ты? Ведь ты дал мне так много того, в чем я нуждался. И я совершенно доверяю тебе!»

Беседа 24

ИМИТАЦИЯ - ЭТО ВАША КРЕМАЦИЯ

23 декабря 1984 года

Бхагаван,

Вы говорили, что неподчинение - это религиозное качество. Это значит, что я должен не подчиняться Вам, коммуне и дисциплине санньясы. Я могу даже не участвовать в нашей молитве, в наших гаччах.

Тот, кто спрашивает, точно из Орегона, родился орегонцем, а не прожил в Орегоне каких-нибудь дней двадцать. В том, что касается меня, то достаточно подышать воздухом Орегона двадцать минут, чтобы стать орегонцем!

Я сказал, что неподчинение - религиозное качество, но чтобы не подчиняться, вы должны быть очень разумными. Подчиняться... это может и идиот. Все, что ему нужно сказать, это: «Да, сэр». Не подчиняться, это не просто говорить нет; это тоже легко может сделать каждый идиот.

Неподчинение требует чрезвычайной разумности, потому что вы сами определяете свою жизнь, свое будущее, свою судьбу.

Я сказал вам не подчиняться всему тому, что навязывается вам, что против вас, против вашей воли, против вашего интеллекта, против вашего разума, против вашего существа.

Тогда рискуйте всем и не подчиняйтесь - ведь не подчиняясь, вы на самом деле подчиняетесь вашей внутренней самости. Не подчиняясь, вы подчиняетесь существованию.

Другими словами, не подчиняясь, вы не подчиняетесь личности и подчиняетесь индивидуальности.

Я не сказал, что вы не должны подчиняться вообще - тогда вы станете сумасбродом, если вы уже не сумасброд. Я сделал ударение на неподчинении, потому что все религии всегда делали упор на подчинении. Подчинение кому? Подчинение их Богу, которого они сами и создали; подчинение заповедям, которые они сами и создали; подчинение обществу, обычаю, традиции, - которые представляют все их насущные интересы, - подчинение родителям, преподавателям, священникам.

Все религии учили вас подчинению; поэтому именно для того, чтобы сделать вам это ясным, я и вынужден был говорить о неподчинении, о бунтарстве.

Это не означает, что я против подчинения. Но подчинение, за которое выступаю я, - совсем иное явление.

Оно приходит не как нечто, навязанное вам, оно приходит как цветение вашего существа.

Это ваша разумность, ваша зрелость, ваша центрированность, ваша живость, ваш отклик.

Вы - источник этого подчинения; не Моисей, не Мухаммед, не Иисус, не я, но вы, только вы.

Но знаете ли вы, кто вы? Вы знаете себя как иудея, но вы не иудей. Вы знаете себя как христианина, но вы не христианин. Вы знаете себя как индуса, но вы не индус. Все это навязано вам.

Люди нарисовали на вас что-то, как будто вы - холст. Они делают ваше лицо в согласии со своей собственной идеей. Они каким-то образом хотят стать идеалом для вас, они хотят свести вас к положению имитатора.

Есть великое классическое христианское произведение Имитация Христа, которое уважается христианами почти сразу же вслед за Библией. Но это мерзкая книга. Уже титульная страница книги показывает, что это такое: Имитация Христа. Вы можете имитировать Христа на протяжении миллионов жизней; и все же вы не будете Христом, вы будете лишь имитацией. А имитация - это не ваше истинное лицо.

Чем больше ваши успехи в имитации, тем больше вы проваливаетесь в том, что касается вашего бытия. Чем глубже вы погружаетесь в имитацию, тем дальше вы уходите от себя; и обратное путешествие не будет легким.

Оно станет потрясающе трудным, потому что, когда вы непрерывно имитируете определенный образ, вы отождествляете себя с ним. Обратное путешествие означает, что вы должны начать убивать все это отождествление. Это будет похоже на самоубийство, как будто вы отрубаете свои собственные конечности. Это не то же самое, что сбросить одежды, это не так просто. Это похоже на сдирание кожи.

Это так трудно, что даже очень разумный человек, такой, как Бертран Рассел, признавался: «Мой разум говорит, что Гаутама Будда, конечно же, величайшая фигура во всей человеческой истории, но, хотя я и не принадлежу ни к какой христианской конгрегации, хотя я и полностью отделил себя от христианской мифологии, религии, теологии, где-то я не могу поставить Будду выше Христа. Умом своим я понимаю, но в том, что касается чувств, Иисус остается выше, - а я знаю, что он не выше».

Даже такой человек, как Бертран Рассел, не может избавиться от определенной обусловленности. С самого детства ему говорили, что никогда не было такого человека, как Иисус. Хотя он и отрекся от христианства, сознательно, публично... он написал весьма знаменитую книгу «Почему я не христианин», где привел все свои основания, очень солидные основания. Всякий, кто хотя бы немного разумен, может понять, что если то, что говорит Бертран Рассел, имеет место, то христианином быть уже невозможно. А все это имеет место; он выставил христианство на полное обозрение.

Но даже после этого... а ведь это признание было сделано много после того, как он написал свою книгу. Он написал свою книгу лет за двадцать до того, и это признание пришло, когда ему было около восьмидесяти пяти, то есть в абсолютно зрелом возрасте. Он сохранил свой разум до самого последнего момента своей жизни. Он прожил почти сто лет; он так и не стал дряхлым. Даже в последнее мгновение своей жизни он был разумен и оживлен как всегда.

Он признавался: «В том, что касается моих чувств и ощущений, Иисус как-то стоит выше всех остальных. Хотя я и прекрасно знаю, что нельзя и сравнивать Гаутаму Будду с Иисусом; Гаутама Будда гораздо выше. Но это только интеллектуально; эмоционально Христос все еще сохраняет свою хватку». Хотя он и сказал, что он больше не христианин, он все-таки еще христианин.

Вот почему я говорю, что вернуться назад очень трудно. Идти трудно, но возвращаться назад гораздо труднее. Имитация станет трудным делом: вы пытаетесь быть кем-то, кем вы и не

предполагали быть, чем-то, что не является вашей судьбой. Вы идете против самой природы вашего существа, вы пытаетесь плыть против течения. Да, имитировать трудно, - но не так трудно, как возвращаться назад к вашей природной самости.

Вы потеряли ее где-то далеко позади. Вы даже не можете вспомнить, где вы ее потеряли. Вы не можете вспомнить, где вы отклонились от своей самости. Вы отклонились в тот момент, когда вы ничего и не осознавали.

Если вы вспоминаете свое прошлое, то можете вернуться назад к возрасту, самое большее, четыре года. Не все люди могут вернуться к этому возрасту. Немногие люди, очень редкие люди могут вернуться к возрасту в три года. И редко, лишь иногда, найдется человек, который может вспомнить себя в возрасте двух лет. Лишь раз в столетие встречается человек, который может вернуться к возрасту в один год. И лишь за многие столетия раз встречается человек, который может вспомнить себя во чреве матери.

Но ваше отклонение начинается тогда, когда вы находитесь еще в утробе матери, потому что все, что делает ваша мать, отражается и на вас. Когда вы во чреве матери, тогда ум вашей матери является и вашим умом, ее чувства являются и вашими чувствами, ее эмоции являются и вашими эмоциями. Если она гневается, то что-то и в вас испытывает гнев. Если она радуется, то что-то и в вас радуется.

На Востоке психология - одна из древнейших наук; на Западе ей всего сто лет - нет даже и ста. Самым старым именем в западной психологии, древнейшим именем, является имя Зигмунда Фрейда, который был еще жив каких-нибудь несколько лет назад. Но на Востоке, в Индии, психология насчитывает столько же лет, сколько и Патанджали - пять тысяч лет. И Патанджали не может быть назван источником, потому что он цитирует более древние источники. В Китае психология насчитывает столько же лет, сколько и Лао-цзы. Но Лао-цзы цитирует источники давностью, как минимум, пять тысяч лет - пять тысяч лет до Лао-цзы, который жил за двадцать пять веков до нас.

Восточная психология говорит, что когда мать беременна, эти девять месяцев - важнейший период в жизни ребенка, еще и не родившегося. В течение этих девяти месяцев нужно проявить столько заботы, сколько это возможно. Мать не должна злиться, не должна предаваться сексу, не должна волноваться, не должна раздражаться. Она должна держать себя таким образом, чтобы ее эмоции совершенно не воздействовали на ребенка. На протяжении всех этих девяти месяцев она должна находиться почти в состоянии медитации.

Рекомендация восточной психологии такова, что мать на протяжении девяти месяцев должна находиться в состоянии медитации; это единственный способ предохранить ребенка от того, чтобы он стал имитатором. Иначе ни мать не познает ребенка, ни ребенок не познает себя, он станет имитатором. Такова ситуация во чреве - что же говорить о том времени, когда ребенок выходит из чрева. Тогда каждый шаг, каждый человек предопределен придать вам определенную форму, определенную окраску, определенный характер, определенную карьеру - и все с добрыми намерениями. Добрыми намерениями устлана дорога в ад.

Никто не является вашим врагом, но все они проявят себя вашими врагами.

Есть одно высказывание Гаутамы Будды, которого буддисты стараются избегать, потому что у

них не хватает понимания для объяснения его. Оно так ясно, а они не могут объяснить его. Высказывание Будды таково: «Если вы не ненавидите своего отца, своей матери, своего брата, вы не можете следовать за мной». Что же это за высказывание? - «Если вы не ненавидите своего отца, своей матери, своего брата, вы не можете следовать за мной».

Буддисты не цитируют его. Ни в одном буддийском монастыре никто не устраивает проповедей по этому высказыванию. Монахи просто быстренько проходят его. Как объяснить его? Человек, такой, как Будда, который учит любви, ненасилию, говорит, чтобы вы ненавидели своего отца и свою мать.

Тогда, конечно, Иисус покажется намного выше: «Люби врагов своих; не только врагов, люби соседей своих», - что, конечно, гораздо труднее. Враг далеко, от него лишь изредка могут быть какие-нибудь неприятности, но сосед - это неприятности все двадцать четыре часа в сутки, и непрерывная боль все двадцать четыре часа в сутки. А Иисус говорит: «Люби ближнего своего, как самого себя».

Естественно, если вы сравните эти высказывания, то Иисус будет выглядеть гораздо более религиозным, чем Будда. Но перед тем, как я скажу что-нибудь еще, позвольте мне процитировать Бодхидхарму, победившего своего собственного Учителя Будду во всех вопросах. А это единственная радость для настоящего Учителя, когда его побеждает его же ученик. Конечно, они не были современниками; между Буддой и Бодхидхармой разница по меньшей мере в одиннадцать столетий.

Бодхидхарма говорит: «Прежде всего, пойдти и убей своего отца и мать свою, тогда приходи ко мне. Прежде всего, покончи со своим отцом и матерью, а потом приходи ко мне. Иначе отправляйся куда-нибудь еще - я не для тебя». Как объясните вы это? И я говорю вам, что слова Иисуса - это всего-навсего фокус-покус.

То, что говорит Бодхидхарма, - это чистая психология. Он не говорит, что вы должны убить своего отца и свою мать, но в определенном смысле вы должны убить отца, вошедшего в вас, и мать, вошедшую в вас. Внутри вас ваша семья, окружающая ваше существо, не позволяющая ни единому лучу света достигнуть вашего сокровенного угла. Там собралась толпа, и из-за этой толпы сокровенный угол пребывает во тьме.

Бодхидхарма приводит высказывание Будды к его логическому концу. Почему лишь ненавидеть? Покончите с ними окончательно! Ведь ненависть - это снова какая-то связь, как и любовь. Если вы любите кого-то, вы помните о нем; вы не можете забыть его, - считается, что вы не забываете о человеке, которого любите. Человека, которого вы любите, иногда вы можете забыть, но вы не можете забыть человека, которого ненавидите. Хотя все так называемые учителя морали говорили вам прощать и забывать, вы не можете ни прощать, ни забывать. Может быть, с усилием вы и сможете простить, но как вы можете забыть? Вы будете помнить две вещи: первое, вы ненавидите его, и второе, вы простили его - теперь вы будете помнить его еще сильнее. Так что же вы сделали?

Вы не можете прощать ваших врагов. Это связь, очень близкая, очень интимная связь. И именно поэтому очень просто возлюбленным стать ненавистниками, друзьям стать врагами, врагам стать друзьями. Очень просто, потому что и то и другое - это связь: всего лишь небольшой поворот, всего лишь небольшое изменение ситуации...

Например, во время Второй Мировой войны Америка и Россия были друзьями, сражались вместе рука об руку. Они были врагами до этого и стали врагами после. Странно! Но ситуация приобрела такой поворот... Адольф Гитлер сотворил чудо, он был человеком, с которым стоило считаться. Все чудеса Иисуса ничто в сравнении с тем, что сделал Адольф Гитлер: он превратил Америку и Россию в друзей. Благодаря любезности Адольфа Гитлера оба этих флага развевались вместе! И в тот момент, когда с Адольфом Гитлером было покончено, дружба мгновенно, сразу же испарилась. Они снова стали врагами.

Посмотрите на берлинскую стену... Половина Берлина осталась за Россией - они не могли даже дожидаться, когда Берлин снова станет одним целым. Адольф Гитлер ушел, и дружба кончена. Когда уходит фокусник, фокус заканчивается; враги снова становятся врагами. Но враги могут стать друзьями, и, не став друзьями, вы не можете стать врагами. Сначала вы должны быть друзьями, это первый шаг; только тогда вы можете стать врагами - это нечто более высокое, более развитое. Может быть, так вы доводите вашу дружбу до ее логического конца.

Так что и Будда, когда он говорит, чтобы вы ненавидели ваших отца и мать, тоже не имеет в виду ваших настоящих отца с матерью, но тех отца с матерью, которые проникли в вас, которые стали толстым слоем личности в вас. Но он был очень изощренным человеком, сыном царя, очень образованным человеком. Бодхидхарма же был очень грубым; он называл вещи своими именами. Зачем говорить изощренно, говорить о ненависти, о том и об этом - просто убить. И я говорю вам, что без убийства вам не выйти из тюрьмы.

Поэтому, когда я говорю вам не подчиняться, я имею в виду не подчиняться всему тому, что не исходит из вашей собственной самости.

Подчиняйтесь тому, что составляет ваше естество.

А вот этот человек говорит, что это означает, что он не может подчиняться мне. Поэтому-то я и говорю: он родился в Орегоне, ведь если, слушая, как я говорю, не подчиняйтесь, он не подчиняется, то это и есть подчинение. Вы понимаете? До того как вы послушали меня, вы подчинялись; теперь, когда я сказал вам, не подчиняйтесь, вы должны не подчиняться. Разве это неподчинение? Тогда что такое подчинение? Это и будет подчинением!

Вы совершенно не поняли меня. Вы просто услышали, как я говорил, не подчиняйтесь, вот теперь вы и должны не подчиняться мне, не подчиняться коммуне, не подчиняться дисциплине санньясы. Этот человек, возможно, представляет часть каждого из вас, ведь я непрерывно получаю письма: «Бхагаван, вы учите неподчинению, а в коммуне мы должны следовать определенной дисциплине». Им это кажется противоречием.

Не подчиняйтесь мне, или коммуне, или санньясе, если все это исходит не от вас. Кто заставляет вас быть частью коммуны? Это ваш выбор. Вы не родились в коммуне. Это ваш выбор, и трудный выбор, потому что, участвуя в моей коммуне, вы идете против всех вокруг вас. Вы рискуете.

Быть частью моей коммуны опасно. Опасно быть связанным со мною. Вы выбрали это. Я никого не обращаю; я всячески стараюсь отговорить вас от того, чтобы вы становились санньясинами, - что еще я могу сделать? Я не даю вам утешений.

Есть один вопрос.

Бхагаван,

Вы отбросили прочь Бога, теперь есть только существование. Существование означает природу; она жестока, она безразлична, она не заботится о нас. Если нет Бога, я чувствую себя очень испуганным.

Естественно, вы будете чувствовать сильный испуг, потому что ваш Бог был не что иное, как способ спрятать ваш страх. Он был ориентирован на страх. Он был как раз для того, чтобы подавить ваш страх. Уберите Бога, и развернется пружина страха. Она есть; даже если вы кладете на эту пружину камень Бога, страх все-таки есть. Вы прекрасно знаете, что он есть, живет, готов в любой момент взорваться, - он лишь ждет своего шанса, своей возможности.

Всю свою жизнь вы верили в Бога, а я вот сказал, что Бога нет - и этого достаточно! Вы, может быть, пятьдесят лет верили в Бога, находили утешение в нем, а потом такой обыкновенный человек, как я, говорит, что Бога нет, и исчезают пятьдесят лет обусловленности, и появляется страх! Кого вы пытаетесь обмануть?

Если это могу сделать я, сможет и любой. Любой, встретивший вас на дороге, может прошептать вам на ухо: «Бога нет», - и кончено! Ваш Бог мертв! Ваш страх еще живее, чем был раньше. Поэтому-то все религии учат, учат священные писания: «Не слушайте никого, кто не принадлежит вашей вере».

В Индии писания джайнов говорят, что если вас преследует обезумевший слон и вы приближаетесь к индусскому храму, то, хотя вы и можете спастись, найдя приют в храме и закрыв двери, не входите в храм. Лучше умереть на дороге под ногами дикого слона, ведь кто знает - в индусском храме вы можете услышать что-то, что испортит вашу веру. И то же самое, в точности то же самое повторяется в индусских писаниях: «Не входите в джайнский храм, потому что иногда единственное слово, исходящее от антагонистической религии, может испортить усилие всей вашей жизни». Но это странно.

Всего несколько дней назад Хасья привела сюда старого человека, который хотел хотя бы немного посидеть рядом со мной. Он шел сюда почти целый год, он занимался всеми видами групповой терапии, медитаций; он очень хочет стать санньясином, - но, к сожалению, он миллиардер. Семья, компания, где он президентом... он боится всех этих людей - членов совета Директоров, семью, компанию.

Такие люди каждый год жертвуют миллионы долларов, и, конечно, эти пожертвования идут на пользу той вере, в которой они родились. Этот человек колебался между быть или не быть. Наконец, он решил, что будет лучше, если перед тем, как стать санньясином, он пойдет и расскажет все своей семье и всему совету директоров. Лучше сказать до того, чем после.

И он пошел. Сейчас ему, должно быть, шестьдесят лет, никак не меньше, - это не какой-нибудь незрелый человек, которого легко обратить, закодировать, раскодировать. Но вы удивитесь: его семья немедленно отправилась к специалисту по раскодированию. Сначала, услышав его идеи, они были шокированы, они рассердились; они не могли поверить тому, что человек в возрасте шестидесяти лет, зарабатывающий тысячу миллионов долларов в год, может быть так легко

обращен каким-то культом. Поэтому его нужно раскодировать.

Эти люди не какие-нибудь особенные; просто таков здравый ум. И специалист по раскодированию предложил, конечно, правильную вещь. Он сказал: «Он не ребенок, поэтому вы должны быть очень осторожными. Вам не следует сердиться, вам не следует показывать, что вы против его новой идеологии, потому что ваш гнев и ваше явное разочарование в нем оттолкнут его от вас еще дальше. Вы должны поддерживать его, относиться к нему с большой любовью».

Этот специалист по раскодированию по-настоящему хитер, и он понял одну вещь: что человека в шестьдесят лет нельзя воспитывать как ребенка, вы не раскодируете его в два дня. Но мы-то его вовсе и не кодировали. Мы не старались сделать так, чтобы он стал санньясином, это он просил, чтобы его сделали санньясином. Теперь семья притворяется очень любящей, поддерживающей его. И старик находит это очень странным. От него пришла весть: «Происходят очень странные вещи. Моя семья никогда не была такой любящей».

Но глубоко внутри они, конечно, все кипят. Я не думаю, что своей любовью и своей поддержкой, которые насквозь фальшивы и насквозь американские, они смогут оградить этого человека от того, чтобы он был здесь. На самом деле, он подумает, - а специалист по раскодированию об этом не подумал, - что моя идеология настолько прекрасна, что, просто услышав о ней, вся семья стала такой любящей и такой верной. Стать санньясином - совершенно правильное дело. И на следующий раз он обязательно станет санньясином.

Но они еще будут предпринимать всяческие усилия: это просто их первая попытка со специалистом по раскодированию. Если это не сработает, они попытаются снова, сказав: «Этот человек сумасшедший, он не может находиться на таком ответственном посту, как президент компании. Его нужно поместить в лечебницу для душевнобольных или в какой-нибудь богоугодный дом, где к нему следует применить методы психиатрического лечения». Они так легко не оставят его. Именно поэтому я и сказал, что, к сожалению, он миллиардер. Если бы он был бедным человеком, семья была бы счастлива: «Исчезни! Кого это волнует! Хорошо, что мы избавимся от тебя. Зачем ты вернулся? Тебе нужно было там и становиться санньясином».

Я не дал вам никакой дисциплины. Задающий вопрос говорит: «...дисциплина санньясы». Понимаете ли вы хотя бы немного юмор? Какую дисциплину санньясы я дал вам? Что вы должны носить красные одежды - имеет ли это какое-то значение? Это просто для того, чтобы раздражать санньясинов старой традиции, чтобы добавить им немного головной боли. Именно это мы и делали в Индии, ведь у меня были тысячи санньясинов, и людям становилось трудно решать, кто мой санньясин, а кто санньясин старой традиции.

Они даже припадали к ногам моих санньясинов. Но когда они видели мой портрет на мале, они бывали потрясены! Эта мала с портретом и нужна как раз для того, чтобы потрясать людей. Какую дисциплину я дал вам? Вы не знаете дисциплины. Вам следует пойти и посмотреть в монастырь траппистов, тогда вы поймете, что такое дисциплина.

Мне вспоминается одна история. В монастырь траппистов вы входите навсегда; вы не можете выйти оттуда, если только вас не вышвырнут. Если вы не станете помехой, такой, что монастырь решит выбросить вас прочь, вам самому по себе оттуда не выйти. Такая свобода не допускается; об этом надо думать перед тем, как входить в монастырь. Вы можете взять время подумать, но раз вы вошли в монастырь, то это на всю жизнь, пожизненно. Из монастыря может выйти только

ваше мертвое тело.

Тот человек вошел в монастырь, возможно самый ортодоксальный в мире. Монахи хранили абсолютное молчание. Они могут говорить только раз в три года. Через каждые три года они имеют право один раз поговорить, если у них есть какие-нибудь Жалобы, какие-нибудь трудности, какие-нибудь проблемы.

Этот человек непрерывно на протяжении трех лет страдал, Потому что у него не было матраса, и поэтому он спал прямо на голом полу, а было по-настоящему холодно. Стали страдать даже его кости. Но пришлось ждать три года перед тем, как он смог сказать: «Мне нужен матрас».

Через три года все монахи монастыря собрались вместе и главный аббат спросил у них: «Если у кого-нибудь есть что-нибудь сказать, он может сказать. Три года мы не встретимся снова; ничего нельзя будет сказать».

Этот человек подождал немного, потом он сказал: «Мне нужен матрас». Ну и как выдумаете, он на протяжении этих трех лет думал об Иисусе Христе? - только о матрасе... и он ждал, ждал, на протяжении всех трех лет смотрел на календарь.

Главный аббат сказал: «Хорошо. Теперь на три года никаких жалоб. Через три года вы снова сможете заговорить. Матрас будет предоставлен».

Матрас был предоставлен, но он был слишком большой, а его келья была слишком маленькой, поэтому, когда вносили матрас, разбили стекло на двери. Матрас был, но стекло было разбито, поэтому в келью начал задувать ветер, начал затекать дождь, и снова на три года... Бедный человек... раньше он хотя бы мог растянуться; теперь же он сидел в углу, а внутрь попадал дождь и снег.

И что вы думаете? - молился ли он эти три года? Да, он молился, чтобы эти три года поскорее прошли: «И если я еще буду жить...» Казалось, что трудно будет выжить в эти три года, но он выжил. Человек обладает потрясающими возможностями приспосабливаться к различным обстоятельствам. Люди выживают даже в монастыре траппистов. Он выжил.

И снова сбор через три года. Он прибежал на этот сбор, и еще до того, как главный аббат задал свой вопрос, он поднял руку. Главный аббат был разгневан. Он сказал: «Снова тот же человек! Какая-то жалоба?»

Он сказал: «Три года я страдал от дождя, ветра и снега. Когда вносили матрас, разбили стекло. Матрас был большим, а дверь маленькой».

Главный аббат сказал: «Хорошо. Теперь три года молчите. Вашу дверь починят».

Дверь была починена. Он выжил в эти три года, но матрас не выжил. Он вонял, а когда дверь была открыта, вонь была не такой сильной. Теперь же дверь была закрыта и воздух не поступал... Матрас совершенно прогнил, потому что за три года все, что только было возможно... Теперь этот человек не мог дышать! Все стало так... и на три года!

Он сказал: «Теперь наступают мои последние дни. Теперь я не смогу вновь поднять свою руку».

Но он опять выжил. Он снова выжил, поскольку способности человека приспособиваться поистине потрясающие. Если вы живете в зловонной комнате, сидите на прогнившем матрасе, вскоре вы перестанете ощущать запах, поскольку ваша чувствительность к запаху притупится, будет убита вонью, непрерывной вонью. Ваш нос не настолько силен, он не сделан из стали, в вашем носу лишь малая часть способна воспринимать запах. Если против вашей способности воспринимать запахи ведется непрерывная война, ваш нос умрет.

Он выжил, но после того, как прошли три года, он ринулся бежать так быстро, как он только мог. И еще до того, как он поднял свою руку, аббат сказал: «Стоп! С тех пор, как вы пришли сюда, я ничего не слышал от вас, кроме жалоб. Убирайтесь прочь! не желаю вас больше слушать».

Он сказал: «Но я же еще ничего не сказал. Пожалуйста, выслушайте меня».

Аббат сказал: «Такие люди не могут быть в монастыре траппистов. За девять лет я ничего не слышал от вас, кроме жалоб, жалоб и жалоб». И они выбросили прочь этого бедного человека.

А вы говорите, что не можете следовать дисциплине санньясы? Я же не дал вам никакой дисциплины. Да, три вещи я сделал...

Я дал вам новое имя, с тем, чтобы вы смогли снять свое отождествление с вашей прежней личностью и начать все вновь, как если бы вновь родился ребенок.

Я дал вам красные одежды, чтобы разрушить монополию традиционных санньясинов на красную одежду - она не является ничьей монополией. И это было сделано просто в насмешку над санньясой, которая существует на Востоке тысячи лет. Я говорил, что, просто сменив свою одежду на красную, вы не станете мудрецами.

Я дал вам малу, потому что все древние санньясины всех религий использовали для молитвы четки.

Это старинный метод счета. Например, в индуизме: сколько раз вы произносите имя Бога, таким будет и ваш счет в ином мире. Но как запомнить это: «Рам, Рам, Рам...» Вы забудете. А считать так, чтобы запомнить: «Один Рам, два Рам, три Рам», - слишком утомительно. И вскоре «один, два, три, четыре, пять» дорастет до «одна тысяча четыре... один миллион, два миллиона, три миллиона...» Вы где-нибудь собьетесь и забудете счет. Вот это будет настоящая потеря, потому что Бог спросит: «Сколько раз?..»

Поэтому методом счета стали четки: вы просто продолжаете говорить свое «Рам» и пропускаете одну бусинку. Вам не нужно говорить «один». Вы говорите «Рам» и пропускаете другую бусинку. Вам не нужно говорить «Рам два, Рам три», вы просто пропускаете бусинки. Это хорошо еще и потому, что вы можете говорить и про себя, когда никто не знает об этом. В Индии люди носят маленький мешочек с четками, подвешенный на руке; поэтому, даже гуляя по дороге, они могут продолжать считать.

Вы можете увидеть магазинных торговцев, на руках которых висят мешочки с четками. Они разговаривают с клиентами, а глубоко внутри произносят: «Рам, Рам, Рам, Рам», - и считают с помощью четок. В промежутке они скажут жене: «Нищий!» - а их четки продолжают считать.

Только чтобы высмеять всех этих идиотов, дал я вам эти четки. Для вас это не метод молитвы, это просто издевка над всей традицией.

И потом я дал портрет обыкновенного человека - подошел бы портрет любого человека. Это раздражает их еще больше.

Но этот мир странный. Иногда случаются такие вещи, которых вы не ожидали и о которых даже не мечтали. Как раз на днях Шила принесла письмо из Пенджаба - в Пенджабе ведь теперь очень большие волнения. Непрерывно сражаются и убивают друг друга индусы и сикхи. В эти два месяца убиты тысячи людей.

В одной маленькой деревне были два сикха, оба наши санньясины, а вся деревня были индусы. Эти два сикха были учителями в школе. Директор предложил им: «Не выходите из дома; и будьте осторожны, очень осторожны, потому что вся деревня сошла с ума. Весь Пенджаб сошел с ума, и вас здесь только двое - толпа может убить вас».

А в тот день, целый день толпа ходила по городу в поисках хотя бы какого-нибудь сикха, чтобы убить его. Они знали, что тут были эти два сикха, но куда они подевались? Ночью, когда солнце село и стало темно, эти двое сикхов решили, что толпа, должно быть, рассеялась. Целый день они прятались в доме, поэтому они решили выйти ненадолго и подышать немного свежим воздухом.

Как только они вышли, то немедленно - толпа как будто ждала их, пряталась где-то по соседству, знала, что они спрятались в доме, - толпа с двух сторон ринулась на них. Один из них убежал в соседний лес; в темноте было трудно найти его. Но другой был схвачен. Он написал мне благодарственное письмо, потому что, когда толпа схватила его, кто-то из толпы сказал: «Это не сикх, это раджнишист!» Поэтому они сказали: «Бесполезно убивать этого человека - он больше не сикх».

Вот он и пишет мне: «Бхагаван, вы спасли меня; иначе меня разрезали бы на куски». Я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь был спасен мною, но в этом мире случаются странные вещи. Моим именем вас могут убить, но им же вы можете и спастись.

То была странная ситуация: они собирались убить сикха, но, увидев оранжевые одежды, и малу, и мое фото, они сказали: «Этот человек больше не сикх. Убивать его бессмысленно». И они оставили его.

Но в основном я поместил сюда этот портрет для того, чтобы он висел у вас на шее и всех раздражал, вы никуда не можете пойти и не быть замеченными.

Один из моих санньясинов в Бомбее... он принял санньясу, а через два или три дня вернулся и сказал: «У меня настоящие неприятности. Не дадите ли вы санньясу и моей жене? Я привел ее с собой».

Я сказал: «Зачем?»

Он сказал: «Проблема в том, что, куда бы я ни пошел с ней, люди говорят: «Что же это за санньяса? Санньясину не полагается расхаживать повсюду вместе с женщиной». И я не могу

сказать им, что это моя жена, потому что, если я скажу это, они убьют меня. Санньясин, имеющий жену? Поэтому все так неудобно; что делать? Лучше уж дать санньясу и ей».

Я сказал: «Я дам ей санньясу, но это не решит проблемы. Попробуйте».

Я дал санньясу его жене. Через два дня он вернулся снова. Он сказал: «Вы были правы. Вчера в поезде...» Это был местный поезд; он приезжает на нем на работу в офис и возвращается обратно. Тот день был выходным, поэтому он поехал с женой и ребенком. Собралась толпа, и люди сказали: «Чей это ребенок?» - потому что в Бомбее воруют людей.

В Индии во всех больших городах воруют детей. Потом их калечат, ослепляют и делают из них нищих. Есть целые банды: определенный человек кормит их, забирает по вечерам все собранные ими деньги. Он кормит их, дает им одежду, дает им кров. Но если их не искалечить, не ослепить, не отрезать им руки и ноги, то кто подаст им деньги? Чем более искалеченными, чем более несчастными они выглядят, тем выше их шансы получить подаяние и принести больше денег.

Поэтому во всех крупных городах воруют детей. И собирают их в банды по сотни детей. Полиция знает об этом; полиция получает свою долю. Полиция не мешает детям просить подаяние на улицах; скорее наоборот, она защищает их. На самом деле, она помогает хозяевам этих детей следить за тем, чтобы дети не могли сбежать.

И на самом деле, эти дети не могут сбежать, потому что они ослеплены, искалечены, - куда они могут сбежать? Кто будет ухаживать за ними? Они не знают, где их отец, где их мать, откуда их привели, - ведь их могли схватить в Калькутте, а использовать в Бомбее. Если их схватили в Бомбее, то использовать будут в Мадрасе. Поэтому они не знают, откуда они и где находятся сейчас.

Они не могут сбежать, но полиция следит все-таки, чтобы никто и не пытался сбежать. Все имеют свою долю, кроме этого ребенка. А если он когда-нибудь придет совсем без денег, ему достанутся побои. Поэтому он вынужден приходить с деньгами. Он не может попытаться спрятать какие-то деньги от своего хозяина, потому что тот знает, сколько зарабатывает ребенок.

Хозяин ходит вокруг и смотрит, чтобы понять, сколько денег заработает этот ребенок до вечера. Так что по опыту он знает, что этот мальчик обязан принести десять рупий, пятнадцать рупий. А если он принесет две рупии, то получит побои. И куда он может спрятать деньги? Эти деньги немедленно обнаруживаются.

Так что собралась толпа и люди спрашивали: «Вы оба санньясины; эта женщина санньясин, вы санньясин. Прежде всего, почему женщина и мужчина санньясины вместе? Это не допускается. Во-вторых, этот ребенок - откуда вы взяли этого ребенка?»

Они сказали: «Это наш ребенок». Они вынуждены были сказать так. А люди уже собрались бить их: «Это ваш ребенок? Вы санньясины, и у вас есть ребенок!»

Санньясины как-то постарались объяснить им, показали мою малу и сказали: «Мы не старые, не традиционные санньясины».

Кто-то из толпы знал обо мне. Он сказал: «Оставьте их. Они не ваши санньясины. Это санньясины другого рода: неосанньясины».

Со станции они пришли прямо ко мне. Они сказали: «Дайте санньясу и нашему ребенку тоже, потому что без этого нас снова схватят. Мы бедные люди, и всякий может начать бить нас и причинять нам неприятности». Я вынужден был дать санньясу и ребенку тоже!

Это была не дисциплина; это был бунт. Я хотел показать санньясинам в Индии, а их миллионы, что если вы сменили одежды или имеете четки, то это не означает, что вы стали святыми. Я могу без всяких проблем создать миллионы таких святых, как они. И я создал их.

Медитация - вот единственная вещь, которую можно назвать дисциплиной. Но я вовсе не приказываю вам медитировать. Я объясняю вам, что такое медитация. Если это привлекательно вашему уму, если в вас что-то щелкает, если в вас возникает желание исследовать это измерение медитации, то тогда вы следуете своему собственному разуму, а вовсе не моей идее. А если это не привлекает вас, то, конечно, вы не обязаны делать это.

Спрашивая меня: «Я не могу даже участвовать в гаччхами », - этот человек использовал слова «наша молитва». Это не молитва. Молитва - это всегда просьба о чем-то. В этом действительный смысл слова молитва, молитва о чем-нибудь: «Дай мне, Господи, хлеб наш насущный», - или что-нибудь другое, но: «Дай нам что-нибудь. Ты даешь подаяние, мы просим его. Ты милосерден, а мы нуждаемся в твоём милосердии; спаси нас. Эта жизнь несчастна, это существование пребывает в страдании, выведи нас из этого колеса жизни и смерти».

Различные религии, различные молитвы...

Но каждый о чем-то просит.

Вы не можете назвать наши гаччхами молитвой. Это не так; ведь что вы говорите в гаччхами? «Я отправляюсь к ногам пробудившегося; я отправляюсь к ногам коммуны пробудившегося; я отправляюсь к ногам предельной истины пробудившегося».

Вы объявляете что-то, вы не молитесь. Это декларация, решимость - «Я отправляюсь к ногам пробудившегося» - решимость отбросить эго, декларация: «С этого момента стать пробудившимся - станет всем моим усилием, всем моим делом, всем моим свершением; я больше не буду жить неосознанной жизнью». Это не молитва.

В моем поле зрения нет места молитве, потому что нет места Богу.

Кому вы можете молиться? Никого нет.

Небо абсолютно пусто.

Вы просто понапрасну тратите время и бросаете бессмысленные слова в атмосферу, переполняете атмосферу бессмысленными словами.

Вы должны помнить: «Эти слова никогда не умирают. Раз произнесенное, слово продолжает звучать, совсем как камешек, брошенный в озеро: волны побежали к далекому берегу. Но это существование не имеет берегов, не имеет побережий, не имеет границ. Раз вы сказали что-то,

это остается навсегда. Сказанное звучит все дальше и дальше. Оно коснется других планет, Коснется других звезд; будет продвигаться и продвигаться».

Теперь мы знаем - до изобретения радио об этом не было и понятия, - что сказанное в Вашингтоне проходит прямо рядом с вами. Теперь вы знаете это, потому что люди открыли, как удержать это. Что бы они там ни придумали, все это уже идет через все станции мира. Конечно, создаются очень сильные вибрации. Они все время движутся вокруг вас; вам просто нужно настроить свое радио на определенную длину волны, тогда все сказанное на этой волне будет поймано.

Это относится и к нам. Все, что мы говорим, не очень сильно, но оно никогда не умирает, звук продолжается. Однажды мы обнаружим способ улавливать звуки, произнесенные разными людьми в прошлом - ведь каждый человек имеет свою вибрацию, свою частоту. Если мы сможем поймать частоту Кришны, то тогда все, что он на самом деле говорил в Гите пять тысяч лет назад, говорил ли он это или вовсе нет, снова будет поймано. И я уверен, что эта большая книга Гита, вероятно, не написана в той ситуации, о которой говорят.

Две армии, стоящие друг перед другом, - они лишь только ждут сигнала, чтобы начать избивать друг друга. И Арджуна говорит своему возничему Кришне: «Вывези меня вперед». Он главный воин одной из сторон. Видя там всех людей, своих друзей, родственников... Другая сторона состоит из его же двоюродных братьев, они все выросли в одном доме, в одном месте, их учил один и тот же человек. Дроначарья, человек, учивший обе стороны искусству стрельбы из лука, был там, на противоположной стороне: его собственный Учитель.

На этой стороне каждый связан родственными узами с людьми противоположной стороны. На той стороне каждый связан родственными узами с людьми этой стороны: то была семейная ссора. Арджуна повел себя странно. Он просто сказал Кришне: «Я не буду участвовать в этой войне. Это не война, это просто самоубийство. Ведь все это наши люди. Кто бы ни умер, на моих глазах будут стоять слезы. Отец моего отца, мой дед, стоит там. Мой Учитель, учивший меня, воспитавший меня величайшим лучником мира, он стоит на противоположной стороне. Нет, я не могу сражаться. Я лучше отрекусь от мира и стану санньясином, отправлюсь в Гималаи».

Вот ситуация. Эта большая книга - диалог, в котором Арджуна все время задает вопросы, а Кришна отвечает на них. Комментировать эту книгу займет у меня почти - Тару, сколько лет? - может быть, три года: двадцать томов, по тысяче страниц каждый. В этой ситуации не кажется вероятным, что такая большая проповедь... Вся война была кончена за восемнадцать дней; вся Гита не может быть кончена за восемнадцать дней! Поэтому он сказал, наверное, всего несколько слов, а в дальнейшем они развивались, добавлялись новые и новые слова, чтобы разъяснить, упростить, сделать все более понятным.

Но однажды станет возможным поймать слова Кришны — или Иисуса, произносящего свою нагорную проповедь, - ведь ни один звук никогда не умирает; раз произнесенный, он остается навсегда. Да, он становится все слабее и слабее, и нужны будут все более сильные, мощные приемные устройства, приемники, чтобы поймать его. И конечно, все это будет как Вавилонская башня, ведь на протяжении миллионов лет говорили миллионы людей, и их слова перемешались.

Но есть вероятность... Ведь ваши отпечатки пальцев единственно ваши: таких никогда не было

раньше, и нет возможности таким отпечаткам появиться когда-либо в будущем. Ваши отпечатки пальцев - это ваши отпечатки пальцев. Ваши звуковые отпечатки - это тоже ваши звуковые отпечатки; рано или поздно мы сможем отсортировать их. И когда мы получим ваш звуковой отпечаток, вашу частоту, тогда может быть воспроизведено все сказанное вами в вашей жизни.

Вы удивитесь, узнав, что Махавира - единственный человек за всю историю, который сказал: «Не говори ничего такого, что ты не хотел бы, чтобы это было связано с тобой навсегда, поскольку все сказанное тобою будет пребывать вечно». Он единственный человек, но то, что он говорит, обладает, конечно, потрясающим проникновением. Его основание в том, чтобы не говорить плохих слов, мерзких слов, очень научно, не религиозно. Он говорит так, потому что эти слова останутся навсегда; они будут вашими следами во времени. Не оставляйте за собой никаких мерзких следов.

Когда вы декларируете: «Буддам таранам гаччхами - я отправляюсь к ногам пробудившегося», - вы не произносите молитву. Вы просто объявляете существованию и себе ваше намерение: «Я хочу отбросить мое эго».

Таким образом, гаччхами - «гаччхами» просто означает «отправляться», «идти». Английское слово «идти» (go - гоу) происходит от санскритского слова гаччх. Вы удивитесь тому, что на санскрите корова (английское «cow» - произносится «коу») будет гау, ведь корова очень любима индусами, они поклоняются ей как матери, полагают ее святой. Движение Коровы называется гаччх. От этого гаччх и происходит английское слово гоу - идти.

«Хождение пешком» требует одного абсолютно необходимого условия: вы отбрасываете ваше эго. Со своим эго вы не можете прийти к ногам Будды, пробудившегося. И этим «пробудившимся» мы не называем какого-то конкретного человека. Мы просто говорим, что поскольку качество осознанности одинаково, то все пробудившиеся, пробудившись, становятся одинаковыми: между ними нет никакой разницы. Пробуждение - это просто пробуждение. Поэтому мы отправляемся к ногам любого, кто пробудился, где бы он ни пробудился - в прошлом, в настоящем или в будущем.

Это решение отбросить эго. Это декларация о том, что: «Существование, будь мне свидетелем, я отправляюсь к ногам пробудившегося. Напомни мне, если я забуду». Вот почему оно должно быть отделено. Чем больше вы повторяете это, тем лучше, потому что чем более это становится определенным, тем яснее восприятие того, что же это все означает.

Но отправляться к ногам пробудившегося не очень трудно. Это очень просто. Само присутствие пробудившегося создаст в вас желание отправиться к его ногам. Это не что-то буквальное, что вы должны отправиться именно к ногам. Это просто означает, что вы начинаете ощущать своего рода самоотдачу. Вас не просят о самоотдаче: если просят, не подчиняйтесь. Если самоотдача случается сама собой, подчиняйтесь; это ваше собственное ощущение, ваше собственное подлинное переживание. Но это просто, отсюда и второе гаччхами: «Сангхам шаранам гаччхами».

Очень легко отправиться к ногам пробудившегося, немного труднее отправиться к ногам коммуны пробудившегося, потому что вся коммуна не будет пробудившейся. Многие будут крепко спать и похрапывать; многие будут спать даже крепче, чем вы. И эго будет испытывать большие трудности в том, чтобы отправиться к ногам этих людей. Это означает, что теперь вы

должны еще более определенно отбросить свое эго. Может быть, в первом гаччхами вы отбросили лишь несколько листиков вашего эго. Во втором гаччхами вы будете вынуждены отбросить все дерево.

Третье даже еще труднее, но по другой причине. «Дхаммам шаранам гаччхами - я отправляюсь к ногам предельной истины пробудившегося». Что представляет собой пережитое пробудившимися людьми, они этого не сказали; это не может быть высказано. Все они хранили молчание об этом.

Где вы собираетесь найти ноги предельной истины? И в вашем состоянии неосознанности, в вашем состоянии бессознательности, в каком направлении отправитесь вы на поиски? И когда вы не знаете, где отдать себя, кому отдать себя, что отдать, все это для эго становится еще труднее. Вам придется выдергивать из земли корни дерева; они прячутся под землей. Даже если дерево упало, оно может снова вырасти от своих корней.

Это простые декларации - и они должны быть вашими декларациями, они не могут быть моими декларациями.

Но, слушая, как я говорю о том, что неподчинение - это качество религии, вы немедленно испытываете желание не подчиняться. Вы слышали от меня много вещей, но никогда раньше подобное желание не возникало в вас. Определенно, где-то глубоко внутри вы хотите не подчиняться.

Может быть, вы принудили себя к подчинению. Тогда вы поступаете неправильно, это место не для вас. Тогда вы просто втянули себя во что-то, что не исходит из вашего собственного решения. Может быть, вы подражаете кому-то - может быть, ваш друг стал санньясином, поэтому и вы стали санньясином. Может быть, мои слова, мои доводы произвели на вас впечатление. Но ваша санньяса не вырастает из вашего глубочайшего ядра; иначе, услышав от меня о том, что неподчинение - религиозное качество, вы немного подождали бы и подумали бы об этом.

Вам следовало спросить: «Тогда что есть подчинение? Не является ли и подчинение религиозным качеством?» Это был бы правильный вопрос. Я постоянно даю вам правильные ответы на неправильные вопросы, ничего другого не сделаешь. Я понимаю, что вы не можете задать правильный вопрос, а я не могу дать неправильный ответ; так что же делать? Вот так и продолжается. Вы продолжаете задавать неправильные вопросы. Но меня не очень волнуют ваши вопросы, я продолжаю отвечать то, что я хочу ответить. Ваш вопрос - это лишь повод.

Подчинение — более великое религиозное качество, чем неподчинение.

Неподчинение предназначается только для начинающих, для тех, кто только начинает учиться ходить - для тех, кто шаток. Неподчинение - это религиозное качество для тех, кто слишком привязан к своей личности, к своей обусловленности, к своей запрограммированности. Неподчинение - это техника для вас, предназначенная для того, чтобы раскодировать себя, чтобы очистить себя от всякого христианства, иудаизма, индуизма, мусульманства. Вы просто очищаете себя от всего этого. Вы выходите просто самими собой, невинными. Тогда подчинение становится религиозным качеством.

Тогда наступает время подчиняться; но, прежде всего, научитесь не подчиняться. Неподчинение - это отрицательное слово. Оно предназначается для того, чтобы просто отсечь от себя всю чепуху, сжечь в себе весь хлам. Это отрицательный процесс. Он нужен только для начинающих. Когда отрицательный процесс закончен и вы сожгли в себе весь хлам, вы облегчены, вы свободны, вы готовы летать, тогда религиозным качеством становится подчинение. Но это качество более высокое, гораздо более сознательное качество.

Но вы не подчиняетесь кому-то.

Теперь вы просто подчиняетесь своему существу.

Куда оно поведет вас, следуйте за ним без страха, свободно.

Чтобы быть со мною, вы должны не подчиняться всему тому, чему научили вас. Я не учу вас ничему. Я не говорил вам: «Делайте это, не делайте того». Меня не волнуют детали, меня беспокоят фундаментальные вопросы; как сделать эти фундаментальные вопросы ясными для вас. Тогда от вас будет зависеть, что вы будете делать с ними. Вы можете повернуться спиной и отправиться, куда захотите, для меня это будет совершенно нормально. Но когда вы понимаете фундаментальные вопросы, вы не можете повернуться к ним спиной. Это невозможно; это невозможно по самой природе вещей.

Когда вы понимаете определенную истину, вы не можете сделать ничего иного, кроме как подчиниться ей.

Но должно быть ваше понимание, ваше восприятие, ваше видение.

Начинайте с неподчинения.

Всегда необходимо начинать с отрицательного, с «нет». Если вы хотите добраться до «да», вам тысячу раз придется сказать «нет», чтобы найти в жизни «да». Ведь вся ваша жизнь столь многими людьми была превращена в руины, что вы вынуждены будете всем этим людям говорить «нет».

И после тысячи «нет», вы, может быть, найдете в себе возможность сказать «да».

И это «да» выйдет из глубочайшей сердцевины вашего существа и принесет с собой ваш аромат.

Беседа 25

ИИСУС –ЕДИНСТВЕННЫЙ СПАСИТЕЛЬ, КОТОРЫЙ ЕДВА ЛИ СПАС САМОГО СЕБЯ

24 декабря 1984 года

Бхагаван,

Вчера, после катания, мы встретили пятерых упакованных в Библии христиан, которые пришли, чтобы спасти нас. Что Вы скажете об этом? Можем ли мы быть спасены?

Таких идиотов много по всему миру, может быть, в Орегоне их больше. Сама идея спасения

кого-либо является насильственной. Это вмешательство, проникновение в жизнь другого человека. Никто не имеет права спасать кого-либо.

Человек может спасти сам себя... но есть некоторая психологическая причина, по которой эти упакованные в Библии люди начинают спасать других: они сами не уверены в том, что спасутся. Чтобы обрести такую уверенность, они должны громко кричать, создавать шум, предпринимать усилия по спасению других людей. И, конечно же, они найдут несколько дураков, согласных на то, чтобы их спасали. Это даст им огромную уверенность, но никакого основания для этого нет. Сама их жизнь - это жизнь фанатиков, которые думают спастись за счет своей веры в Иисуса Христа.

Жизнь нуждается в преобразовании, а преобразование - это великая работа над собой. Это не детская игра, такая, что: «Просто верь в Иисуса Христа, снова и снова перечитывай Библию, и будешь спасен». Спасен от чего? Спасен от преобразования!

Поэтому, если вы снова встретите этих людей, скажите им, пожалуйста: «Вы пришли в подходящее место. Мы здесь «снимаем» спасение с людей, впавших в ошибочное представление о том, что они спасены. Мы вновь снимаем с них спасение. Мы вновь спускаем их на землю, очищая их затуманенный ум».

Но ответственность лежит не на этих бедных людях - они достойны сожаления, - ответственность ложится на самого Иисуса. Это он пытался спасти людей. И какие знаки давал он им? Никаких знаков, никаких идей о том, как они могут изменить стиль своей жизни, как они могут найти свое истинное существо, как они могут раскрыть истину, которую они несут в себе. Не даются ни структура, ни процесс, ни методология. Все, что требуется, это: «Верьте в то, что я единственный рожденный сын Божий, что я мессия», - и этого достаточно.

Неужели преобразование жизни настолько дешево, что вот вы верите в кого-то, и самой этой верой?.. Вы ничего не теряете, и Иисус вам ничего не дает, кроме некоторого рода галлюцинации, которой вы и спасаетесь.

Ни один человек не был спасен Иисусом. И я не думаю, что он был способен спасти самого себя. То, как он ведет себя, то, как он говорит, все это показывает, что это не вкус пробудившегося человеческого существа; что-то упускается. У него потрясающе сильное эго. Да, он окружает себя религиозным жаргоном, «единственный рожденный сын Божий», — но такое может сказать и любой сумасшедший.

Какое свидетельство приносит он? Именно из-за этого продолжают христиане подчеркивать чудеса Иисуса, ведь без этих чудес, какое есть у него свидетельство? А эти чудеса никогда и не совершались, потому что если бы такие вещи совершались, то еврейские источники обязательно упомянули бы о них. Его приняли бы как мессию.

Евреи никогда не принимали его, даже и в наши дни. Его современников надо спросить, почему ни один авторитетный источник даже не упоминает его имени. Ведь если такой чудесный человек ходил где-то рядом, он был бы единственной новостью на протяжении столетий, но ни один из его современников даже не побеспокоился о нем. Его современники дали ясно понять, что они думали о нем, распяв его. Почему они распяли его?

Люди, участвовавшие в этом инциденте, не спрашивали, почему иудеи распяли Иисуса. Они распяли его по той простой причине, что: «Этот человек сумасшедший, он притворяется чем-то, что уведет миллионы людей на неверный путь. Лучше покончить с ним. Он не мессия», - ведь иудеи имели свои критерии для того, кто должен быть мессией, кто спасет весь мир от страдания, от горя, от муки. Ту же идею, которую Иисус дает христианам, сам он получил от своим прародителей. Он сам совершенный еврей.

То, что говорил Иисус, касалось какого-то мессии, который где-то там далеко появится в предстоящей истории, в будущем. Ошибка Иисуса заключалась только в этом: он начал говорить: «Я тот человек, которого вы ждали. Я та надежда, которую вы желали. Я пришел». И они посмеялись над ним - всякий посмеялся бы.

Надежда евреев должна оставаться надеждой.

Когда бы кто-нибудь ни попытался сказать: «Я пришел исполнить вашу надежду», - он будет распят по той простой причине, что он забирает надежду целой расы. Они живут этой надеждой; это их единственный свет, их единственная путеводная звезда... «а этот сын плотника - невежественный, косноязычный, ни на что не годный - хочет доказать, что он и есть тот мессия, на которого вся надежда! С этим человеком нужно покончить».

И была еще одна причина, почему они распяли его: если на кресте он смог бы уговорить Бога помочь ему, тогда мы увидели бы, мессия он или нет, - Бог спасет его. Если же Бог не беспокоится даже о спасении Своего собственного сына, то что говорить о других? И если Иисус не может уговорить Бога спасти себя, то как он может уговорить его спасти других?

Распятие должно было стать критерием. Собрались тысячи людей; такое случается не каждый день. Лишь изредка сумасшедший объявляет такие вещи. Они смеялись, шутили и бросали в него камни, плевали на него.

Они возложили на него терновый венец, они заставили его нести свой собственный крест. Три раза падал он на пути; крест был слишком тяжел. Он не мог нести свой собственный крест, а пытался нести кресты всего человечества, пытался спасти все человечество, забрать все людские несчастья, муки и страдания. И всякий раз, когда он падал, люди смеялись и говорили: «Ты не можешь нести даже свой собственный крест, как же ты собираешься нести кресты всех остальных людей?»

И на кресте они написали: «Се царь иудейский», - в шутку, потому что этот человек постоянно говорил о царстве Божьем, о том, что: «Те, кто верят в меня, спасутся. В судный день я буду там с Богом, указывая, кто среди людей мой, сортируя людей на тех, кто должен быть спасен, и на тех, кто не должен быть спасен. И я буду свидетельствовать о вас. Суд в моих руках».

На кресте он сам чувствует себя потрясенным. Он плачет, обращаясь к Богу: «Ты забыл меня? Ты оставил меня?» - ведь он же видит, что распятие идет, а чуда нет. Он смотрит вверх, в небо... спустится ли Бог на белом облаке, придут ли ангелы, распевая: «Аллилуйя, Аллилуйя».

Но не приходят ангелы, не видно нигде Бога; небо совершенно ясное; ни облачка. А толпа кричит, радуется и танцует. Они веселятся, они говорят: «Посмотрите на дурака! Он собирался спасти весь мир!»

А он испытывает жажду. Он прошел длинный путь, нес тяжелый крест по горячему солнцу - распятие происходило на горе Голгофе, - он испытывал жажду, и на кресте, когда кровь начала истекать из его рук и ног...

Иудейское распятие было самым жестоким способом убийства человека, который применялся повсюду. До смерти человека проходило иногда тридцать шесть, иногда сорок восемь часов. Электрический стул - гораздо менее насильственное приспособление. Вы просто садитесь на него, и вот вас нет - простое выключение. Может быть, вы даже не услышите щелчка. В то время, когда вы слышите щелчок, вас уже нет.

У каждой страны свои способы, но у иудеев был самый мучительный. Смерть - это не мучение; смерть может быть освобождением от мучительной жизни, но на иудейском кресте вы молили бы: «Убей меня, Боже, убей меня; я не могу больше ждать», - ведь вы испытываете голод и жажду, а когда кровь сочится из вашего тела, вы испытываете большую жажду, все большую жажду, ведь вы теряете жидкость. Вы все еще живы, и потрясающая боль... такая медленная смерть. Это не просто смерть. Смерть может быть очень простой: человеку отрубает голову; это не такая уж большая проблема. Для этого не нужно сорока восьми часов... сорока восьми часов умирания.

Он начинает просить воды. И это человек, который ходил, бывало, по воде. Это человек, который обращал, бывало, воду в вино. Это человек, который поднимал из могил мертвых. Он не может остановить своей крови, истекающей из его тела. Он не может заставить кровь течь обратно в тело. Он не может даже устроить себе стакан воды, - а ведь он мог превращать камни в хлеба!

Почему он не может превратить в воду воздух? Почему он не может устроить облака, чтобы они излились на него дождем, а он смог бы напиться воды? На кресте он показал себя абсолютно бессильным.

Но христиане по всему миру продолжают спасать людей. Они даже не понимают, что означает спасение.

На Востоке ни одна религия никогда не провозглашала, что кто-то может спасти вас, кроме вас самих; и Восток знает гораздо глубже о человеческой жизни и ее преобразующих силах. Он тысячи лет работал с человеческой душой. Западу предстоит открыть еще многое, - может быть, это неправильное слово: правильным словом будет переоткрыть - многое из того, что Восток уже открыл задолго до того.

Например, когда Зигмунд Фрейд, Юнг, Адлер и другие великие психологи начала этого столетия приступили к исследованию бессознательного ума, подсознательного ума, сознательного ума, это было переоткрытием, совершенным Фрейдом. Но сам он так никогда и не узнал, что это было переоткрытием, что в Индии мы на протяжении уже тысяч лет знали, что все эти подразделения существуют

Но Запад был потрясен, не мог поверить тому, что существует бессознательное. «Если существует бессознательное, то почему о нем ничего не говорится в Библии. Ведь все, о чем не говорится в Библии, определено не существует. Бог дал целое послание совершенно обо всем: бессознательный ум там не упоминается».

Юнг прошел немного глубже и обнаружил коллективный бессознательный ум. Но вы удивитесь тому, что Будда говорит не только об этих умах, но и о еще нескольких умах, потому что это только единственный способ... Например, Фрейд идет вниз. Сознательный ум, конечно, приемлем для каждого, потому что мы существуем в нем, но Фрейд идет вниз, находит там подсознательный ум. Это когда вы спите. Пограничная линия между бессознательным и сознательным, как раз средняя часть, которая соединяет бессознательное с сознательным.

Юнг проходит немного глубже и находит, что если пройти в бессознательное глубже, то внезапно обнаруживается глубина, которая не является индивидуальной, которая является коллективной. Это похоже на то, как на поверхности можно видеть множество айсбергов, но если пройти глубже, то там обнаружится, что есть только один айсберг со многими вершинами, выступающими над поверхностью воды, - внизу же только один большой айсберг.

Будда же идет и вверх. Он идет вниз — и дальше Юнга. После коллективного бессознательного ума существует, говорит он, космический бессознательный ум, поскольку коллективный бессознательный ум означает бессознательный ум человечества, - но как быть с животными, и деревьями, и горами, и реками, и звездами? Пройдите немного глубже, и вы найдете космический бессознательный ум.

Будда идет также и вверх. На пути вниз сознательный ум оказывается как раз посередине, там, где находимся мы. Ниже его располагаются подсознательный ум, бессознательный ум, коллективный бессознательный ум и космический бессознательный ум. Он движется также и вверх, куда будущая психология еще только должна отправиться. Он говорит: «Выше сознательного ума снова располагается лестница, ведущая вниз. Точно также, как ниже располагается бессознательный ум, выше находится ум сверхсознательный».

Если отправиться вверх, то выше сверхсознательного ума вы найдете, говоря языком Будды, «сверхсверхсознательный» ум. Потом вы найдете коллективный сознательный ум, а потом космический сознательный ум. Вот тогда вы совершили целое путешествие, вниз и вверх.

До Зигмунда Фрейда люди полагали, что Будда все это только воображает. Но Фрейд ни в каком смысле не был религиозным человеком. Он обладал научным умом: он доказал существование подсознательного, бессознательного. Юнг тоже не был религиозным человеком: он доказал существование коллективного бессознательного. Теперь нужен какой-то другой ученый, который доказал бы существование космического бессознательного,

И он скоро придет, поскольку если это факт, а так и должно быть, ведь если оказалось, что этот человек, Будда, абсолютно прав в четвертом, то нет оснований сомневаться, что он прав и в пятом. И если он прав относительно лестницы, идущей вниз, то почему он не должен быть прав относительно лестницы, идущей вверх?

Но для того чтобы двигаться вверх, вам нужен религиозный ум. Научного ума будет недостаточно.

Научный ум способен двигаться в большей степени по направлению к вещам. А двигаетесь вы по направлению к вещам следующим образом: от сознательного ума вы должны двигаться к космическому бессознательному уму. Вещи, возможно, обладают космическим бессознательным умом, он абсолютно дремлет, но он должен быть. Иначе, каким образом

оказывается возможным то, что вы едите пищу, которая мертва, которая есть «вещь», но она питает ваш мозг, ваш ум, поддерживает их функционирование. Где-то какая-то часть вещей, которые вы едите, освобождает некоторую сознательность, некоторое умственное качество для вас. Иначе откуда получаете вы ваш ум?

Говорят, что если вы не будете дышать шесть минут и кислород не будет поступать к вашему мозгу, то мозг начинает разрушаться. Его клетки настолько хрупки, что без кислорода они могут прожить самое большее шесть минут.

Во время второй мировой войны случилось так, что у нескольких людей были сердечные приступы, чисто психологические сердечные приступы: перед ними падала бомба, взрывалась и убивала многих людей. Когда вы видите так много умирающих людей - внезапный взрыв и так много людей умирает, - у вас может произойти психологический сердечный приступ. Вы можете упасть замертво. Вы не умерли, но как среди столь многих смертей можете вы остаться живыми? Вы не можете быть исключением. Вы же не единственный рожденный сын Божий; вы всего лишь обыкновенное человеческое существо, и когда все умирают, то что вы делаете здесь? Само лишь потрясение может прекратить ваше дыхание.

В России во время второй мировой войны оживили много подобных людей. Если человека оживили после того, как прошло шесть минут, он жил потом, но уже никогда не становился сознательным. Он оставался в коме, потому что мозг уже был разрушен, хотя остальное тело и возвращалось к жизни; все остальное начинало функционировать.

Я видел одну женщину, которая на протяжении девяти месяцев находилась в коме, и все у нее функционировало. Она дышала, ее пульс был нормальным, все было хорошо, вот лишь ее мозг каким-то образом перестал действовать. Доктора говорили, что так она может прожить годы. Если ее поддерживать, помогать ей, питать ее, она сможет прожить в таком состоянии годы, но на восстановление ее мозга надежды не было. И у нас еще нет банков для хранения мозгов, чтобы вложить в ваш череп мозг какого-нибудь другого человека.

Но мозг кого-то другого принесет с собой и личность кого-то другого, не вашу личность. Это трудная проблема. Если когда-нибудь мы и сможем иметь банки мозгов, то эти мозги будут нести воспоминания какого-то другого человека, его образование... Может быть, он был математиком, поэтом, художником; может быть, он был нищим или очень богатым человеком: у него будут самые разные воспоминания.

Его мозг может быть помещен в ваш череп, но тот, кто придет в сознание, будет уже не вами, это он вернется в сознание: он будет использовать ваше тело. Он будет говорить на своем языке: если он был французом, он будет говорить по-французски, если он был русским, он будет говорить по-русски. Он не обратит внимания на то, кто вы, может быть, вы и не слышали ни одного слова по-русски.

Это проблема. Прежде всего, проблема иметь такие байки, потому что клетки мозга очень быстро умирают. Но, может быть, мы сможем найти какой-нибудь способ - когда человек умирает, до его смерти, вынуть его мозг и поместить его в кислородную емкость, где он будет снабжен достаточным количеством кислорода и где он сможет продолжать функционировать. Он будет мечтать там, в этой кислородной емкости - заниматься любовью с женщиной или, если он извращен, делать что-нибудь другое. Конечно, он будет мечтать и заниматься своими делами

- тем, что он делал в своем первом теле.

Теперь он будет заниматься этим в кислородной емкости и, может быть, гораздо успешнее, ведь у него будет больше кислорода и гораздо более чистого кислорода. И он не сможет узнать, что его вынули из тела, из-за одной странной вещи, касающейся вашего черепа, а именно, из-за того, что ваш череп лишен внутри себя чувствительности.

Поэтому если вынуть мозг, то мозг не почувствует, что его вынули, удалили с его исходного места, поместили куда-то еще. Он может жить просто сам по себе. Он может функционировать сам по себе. И если его снова поместить в тело, то тело начнет следовать приказам этого мозга.

Будда идет и вверх. Он говорит, что этот ум... и известны определенные факты, касающиеся ума и мозга, которые открыли ученые. Например, тот факт, что половина мозга не действует. Функционируют лишь пятьдесят процентов вашего мозга, а пятьдесят процентов мозга совершенно не функционируют.

Но природа ничего не создает так, чтобы это бездействовало. Она создает вещи только для действия, а такая ценная вещь, как мозг... Если половина мозга не действует, то это просто означает, что мы еще не знаем о ее применении. Мы не открыли еще, для какого применения она предназначена.

Это дает мне ключ. Действующая половина мозга открывается нашими психологами, а бездействующая половина мозга начинает функционировать при медитации. И мало-помалу вы начинаете осознавать нечто более высокое, чем вы, нечто, лежащее вне вас. Космический сознательный ум - ваша предельная истина.

Если вы не узнаете этого, вы не спасетесь, ведь тогда вы будете двигаться в лабиринте бессознательного, коллективного бессознательного, космического бессознательного; вы будете двигаться по лабиринту тьмы, которая и создает все ваши страдания.

Что же Иисус знает об этом? Просто от его слов, обращенных к людям: «Верьте в меня», - я не думаю, что другая половина их мозга начнет функционировать. Эти упакованные в Библии люди — вы думаете другая половина у них функционирует? Весьма вероятно, что весь их мозг перестал функционировать; они в коме.

Вера - это род комы.

Вы прекращаете размышлять, вы прекращаете сомневаться.

Вы прекращаете задавать вопросы.

Естественно, ведь все это функции вашего ума, а когда эти функции исчезают, то мало-помалу и мозг останавливается. Если он не используется, то он собирает отбросы; он становится все более и более тупым, сомневаться ведь не разрешено. От вас ожидают странных вещей...

Как раз на днях Шила принесла мне последнее послание папы-поляка к человечеству, послание на ста тридцати одной странице. Естественно, оно должно быть на ста тридцати одной странице, потому что он не оставил невысказанной ни одной глупости. Вы удивитесь тому, что

он обнаружил несколько новых грехов, о которых не упоминается в Библии. Только поляк способен на такое; иначе чем же занимались все эти пророки Ветхого Завета, а потом и Иисус?

Поляк обнаружил новые грехи, но эти грехи достойны того, чтобы их рассмотреть. Одним из грехов, о которых он говорит, является идея классовой борьбы: верить в идею классовой борьбы - это грех, большой грех. Но верите ли вы в идею классовой борьбы или нет, она есть. Есть борьба между богатыми и бедными. Это не вопрос вашей веры.

В Индии есть борьба между кастами, двойная борьба: классовая борьба и кастовая борьба. Индусы разделили свое общество на четыре основных варны. Слово «варна» значительно; оно означает цвет. Возможно, что вначале разделение осуществлялось по цвету. Самыми белыми были арии, которых Адольф Гитлер объявил германцами, нордическими германцами, чистейшими ариями. Он использовал слово «арии» для обозначения германцев, и он использовал арийский символ свастики для своего флага. Это индусский символ, древний арийский символ. Они были наивысшими, а чем темнее был ваш цвет, тем вы становились ниже, ниже и ниже.

Южная Индия почти черная. Если вы из карты вырежете Африку и Индию и положите их рядом друг с другом, то вы удивитесь тому, как они подходят друг к другу. Совсем недавно было открыто, что Южная Африка и Индия были соединены вместе, а потом медленно отошли друг от друга.

Поэтому Южная Индия имеет на самом деле негритянскую кровь. И со многих сторон странно, что цвет южных индийцев черный и что их языки - единственные языки в Индии, не связанные с санскритом, тогда как все европейские языки связаны с санскритом. Например, тридцать процентов английского, сорок процентов немецкого, тридцать пять процентов русского, семьдесят процентов литовского, сорок процентов итальянского...

Так что европейские корни исходят из санскрита, а языки Южной Индии - тамил, телугу, канонад, малаялам... ни один процент этих языков не заимствован из санскрита. Это очень странно. Это кое на что указывает: эти люди не арии. Немцы, русские, швейцарцы, французы, англичане - ответвления ариев, а южные индийцы - не арии.

Так что вначале только на основании цвета... именно поэтому их называют четырьмя варнами; но позднее, постепенно, цвета перемешались. Когда вы живете с людьми... даже в Америке вы найдете человека, который наполовину негр, а наполовину кавказец, наполовину негр, наполовину итальянец, наполовину негр, наполовину англичанин. Когда люди живут вместе, они смешиваются. Очень трудно удержать кровь отдельно. Поэтому постепенно варны перемешались, цвета перемешались, но касты остались.

Между браминами и шудрой ведется определенная борьба. Брамины - наивысшая каста, а шудра — самая низшая. Борьба есть, и борьба на протяжении пяти тысяч лет. Были убиты, сожжены заживо, вырезаны тысячи шудров; даже сегодня это продолжается по малейшим поводам.

Например, в маленькой индийской деревне вы найдете два колодца. Один колодец для высших каст, трех высших каст: браминов, класса священников; кшатриев, класса воинов; и ваников, класса бизнесменов. А шудры, неприкасаемые, имеют второй колодец. Неприкасаемым не разрешается брать воду из того колодца, которым пользуются высшие касты.

И иногда случается так, что эти бедные люди не могут устроить себе достаточно глубокий колодец - они беднейшие из бедных. Летом их колодцы пересыхают, поэтому они вынуждены ходить за многие мили к реке или к озеру, чтобы набрать воды, но они не могут пойти к колодцу в городе. Если их обнаружат... Иногда так случается ночью, когда кто-нибудь испытывает жажду. Река далеко, все спят, никто не узнает... Он подходит тихо и пытается набрать ведро воды - и его хватают. Этого достаточно. Этот колодец становится нечистым, и это порождает мятеж.

Эти бедные неприкасаемые, эти шудры, живут вне города. Они не живут в черте города, поэтому их другим именем является антьяджа. Антьяджа означает «те, кто живет вне города». Они живут в беднейших хижинах, сделанных из травы и бамбука. Можно прийти с одним горящим факелом и сжечь всю их деревню. Один человек за пять минут может сжечь всю деревню неприкасаемых.

Сгорят их дети, их животные, сгорят их старики, которые не смогут вовремя убежать. А если вся деревня захочет сжечь шудру, тогда факелами, горящими факелами, они никому не дадут уйти из деревни; они заставят шудру вернуться к их горящим хижинам. Даже сегодня такое случается по любому малейшему поводу.

Слух о том, что девушка высокой касты была соблазнена неприкасаемым молодым человеком - лишь только этого слуха достаточно! Это может и не быть правдой; весьма вероятно, что это неправда, ведь в индийской деревне, в таком тесно связанном обществе, очень трудно иметь какие-либо любовные дела.

Женщины не могут свободно передвигаться вне дома. Они не ходят в школу, они не ходят в колледж, они не ходят в университет; они почти никуда не ходят. Единственное место, куда они могут пойти, - это колодец с водой... Второе место, куда они могут пойти, - храм. В оба эти места шудры не допускаются. Так что, где девушка высокой касты может встретиться с неприкасаемым? Чтобы влюбиться, нужно, по крайней мере, познакомиться.

А шудры так нечисты, так грязны в мнении высших классов, что грязна даже их тень. Великое воображение! Тень ведь не имеет существования. Тень - это просто потому, что вы стоите на пути солнечных лучей, а солнечные лучи не могут пройти сквозь вас; вот вы и создаете тень. Нет ничего похожего на тень. Вы не можете схватить ее. Вы не можете удержать ее, вы не можете положить ее в мешок и принести домой; вы можете убежать от нее, она будет следовать за вами. Она существует; это просто отсутствие лучей, которые вы же и заслоняете.

Но индусы третируют этих бедных людей настолько, даже если их тень упадет на вас, - вы сидите, а мимо проходит шудра, не касаясь вас, но его тень вас касается, то этого достаточно для того, чтобы поднять мятеж! Несколько могут быть убиты, потому что... «Почему он был так самонадеян? Ему следовало быть более осторожным».

В старые дни, а в самых отдаленных уголках и сейчас, когда идет шудра, он должен, прежде всего, оповещать: «Я шудра, и я иду; поэтому, пожалуйста, если есть кто-нибудь на дороге, отойдите». В прошлом шудры должны были делать две вещи... Были улицы, закрытые для них, они не могли ходить по ним. Но для определенных целей не ходить было невозможно, поэтому в определенные часы им разрешалось появляться на этих улицах.

Например, шудра чистил туалеты для высших классов, поэтому в определенные часы, рано

утром, до того, как все встанут, он приходил и быстро чистил туалеты. Но даже тогда, - может быть, кто-то вышел на утреннюю прогулку, - он должен был делать две вещи. Он должен был кричать: «Я иду - я шудра. Пожалуйста, уйдите с дороги, если кто есть где-то там».

И вторая вещь - вы удивитесь - он должен был держать что-то вроде щетки, сделанной из определенной травы, которая используется в Индии для чистки полов. Эта щетка, травяная щетка, обычно подвешивается позади него наподобие хвоста; она должна быть постоянно привязана к его поясу. Это нужно для того, чтобы подметать путь позади него. Когда он идет, щетка автоматически подметает за ним путь, его тень, любую грязь, которую он оставляет позади — поэтому никто не становится нечистым.

Это кастовая борьба.

Ни одному шудре не разрешалось учиться и получать образование. Если находили, что он учится, может быть, тайно, то это было уже достаточным преступлением, за которое его следовало убить; единственно возможное наказание.

А этот папа, поляк, говорит: «Идея классовой борьбы, сама идея есть грех». Вот великое открытие! И почему он говорит об этом? Страх коммунизма - у него не хватает смелости сказать, что верить в коммунизм - вот грех, потому что вся философия коммунизма основывается на идее классовой борьбы. Ловко... Почему бы не выразиться ясно, что быть коммунистом - вот грех? Он, должно быть, боится, что когда вернется в Польшу, тогда тамошние коммунисты убьют его. Что тогда произойдет с коммунистами в Польше? Сейчас Польша коммунистическая страна; вся Польша станет грешны видите уловки этих священников? Он называет это классовой борьбой: идея классовой борьбы, распространение идеи классовой борьбы - вот великий грех.

А другая вещь еще более замечательна: он говорит, что никто не может иметь прямой контакт с Богом; что это грех. Вам нужно действовать через католического священника; вы не можете исповедоваться напрямую, это невозможно. Бог вас не станет слушать. Ваша исповедь бесполезна.

Вы понимаете эту стратегию? Стратегия очень сложная, но простая для понимания. Католический священник живет за счет ваших исповедей. Если вы можете вступать в прямой контакт с Богом, вся функция священника исчезает; тогда зачем нужно священство?

Папа не заинтересован в том, чтобы спасти вас, он заинтересован в том, чтобы спасти священство. Он глава класса священников, и он беспокоится о тысячах католических священников, он думает о том, что люди начнут вступать в прямой контакт с Богом. Вам нужно идти со своей исповедью к католическому священнику; только тогда вы будете прощены. Священник будет убеждать Бога простить вас. Сами вы не можете просить напрямую.

Отсюда вытекает очень многое. Католический священник знает все о каждом католике: с чьей женой он заигрывает, кто гомосексуалист; он также знает, с кем флиртует его жена. Он знает все о каждом католике - в этом его власть. Ни один католик не может пойти против него. Он держит все ключи в своих руках; он может выставить вас на свет в любой момент.

Исповедь - это стратегия властных политиков.

Таким образом, католик - это самый порабощенный религиозный человек в мире, ведь священник знает все совершенные им плохие дела.

Суд не знает, полиция не знает, жена не имеет об этом никакого понятия, но священник знает все. В этом его власть над паствой: он может выставить вас на всеобщее обозрение в любой момент. Вас будет преследовать полиция, вас будет преследовать правительство, вас будет преследовать ваша жена, вас будет преследовать ваш отец - вы будете сокрушены.

Он знает все грехи, совершенные вами; но вас не поймали, поэтому эти грехи - не преступления. И вы сами пошли исповедоваться. На самом деле, это его единственная радость в жизни. Католический священник... что у него есть еще? Ему не нужно ходить в кино или смотреть телевизор: просто сиди в своей исповедальной камере и слушай все эти привычные вещи - такая радость. Он же раздает и наказания. Он говорит: «Отправляйтесь в церковь и десять раз повторите эту молитву».

Однажды случилось вот что: один раввин, друг католического священника, пришел навестить этого священника; то был день исповеди. Внезапно вбежал человек. Католический священник только что окончил одну исповедь и дал мужчине наказание помолиться десять раз за то, что тот изнасиловал женщину. Раввин тоже сидел с ним в исповедальной камере. Они были друзьями, поэтому он сидел там и слушал, что происходило.

Вбежал человек и сказал: «Кто-то очень болен, почти умирает, и вы нужны, чтобы дать ему благословение перед последним путем».

Священник сказал раввину: «Я должен буду пойти. Я вернусь как можно скорее. Но тем временем кто-нибудь может прийти с исповедью, так что вы посидите здесь».

Раввин сказал: «Но что мне следует делать?»

Священник сказал: «Вы должны просто выслушивать все эти исповеди; потом давайте им какое-нибудь наказание. Вы не можете видеть их лицом к лицу - вот занавеска, - поэтому никто не чувствует никакой неловкости». Иначе исповедующийся в грехах чувствует неловкость. И священник, спрашивающий о грехе, углубляющийся в ваш грех все дальше и дальше, - в то, как вы совершили это изнасилование, как это происходило, что делали вы и что делала она, - тоже будет чувствовать неловкость, спрашивая о таких вещах... «Здесь висит занавеска, и никто не узнает, кто там внутри - раввин или католический священник».

И раввин сказал: «Хорошо, идите, но возвращайтесь побыстрее, потому что я не привык к этому делу - у нас все по-другому».

Пришел человек, и так получилось, что он тоже совершил изнасилование. Раввин почувствовал облегчение и сказал: «Не беспокойся, сын мой». Точно в том же тоне, что и священник: «Не беспокойся, сын мой. Иди и помолись десять раз».

Но человек сказал: «В прошлый раз, когда я совершил изнасилование, вы говорили только о пяти молитвах».

Раввин подумал про себя: «Трудная задача». Поэтому он сказал: «Не беспокойся; ты можешь

совершить еще одно изнасилование, но молитв должно быть десять». Что еще делать? «Это на будущее: пять молитв будешь иметь в задаток».

Вот эти люди собирают подробности вашей подпольной жизни, что очень опасно, потому что теперь такой человек имеет над вами всяческую власть. Вам придется делать все, что он скажет. Теперь папа пытается спасти священство и его власть, и его хватку, которой священство держит вас. Это не имеет никакого отношения к вашему спасению, ведь что за проблема, если вы будете исповедоваться прямо Богу? Что может сделать этот священник? Но нет, вы должны двигаться по правильному каналу, в соответствии с бюрократией. Даже при Боге есть бюрократия: вы должны двигаться через священника. Вы не можете контактировать с Богом напрямую.

Вот оно великое послание человечеству, совершенно отделяющее вас от Бога; священник - ваш единственный подход к Богу. Это не ваше дело думать о том, чтобы иметь непосредственный контакт с Богом. И это религия?

Истинная религия учит вас тому, что вы - часть этого существования, уже подключенная к нему, уже единая с ним.

Папа учит тому, что вы отключены, что вы - потерянная душа; спастись вы можете только через священника.

Так что, когда эти упакованные в Библии христиане приходят к вам, говорите им: «Прежде всего, мы не потеряны, и не тратьте понапрасну свое время. И это место не потеряно, нас никогда не теряли, поэтому вопрос о спасении и не возникает. Мы советуем вам, ради вас же, не подходите близко к этому месту, потому что все наши усилия направлены на то, чтобы снять спасение с тех людей, которые верят, что они спасаются. Если вы будете продолжать приходить сюда, то мы снимем спасение и с вас».

В Индии я встречался с такими типами людей; это самый глупый тип. И возможно, если они орегонцы, - а так и должно быть, - то тогда они имеют еще большие шансы стать идиотами. На самом деле, слушая этот вопрос, я подумал, что было бы хорошей идеей проводить специальные выборы первого апреля каждого года.

Подходящими кандидатами и подходящими избирателями будут все орегонцы. Единственным процессом слушания было бы только то, что перед избирательной кабиной они в течение двадцати минут тяжело дышали бы. Этого достаточно, чтобы доказать, что они из Орегона. Простой процесс, ничего похожего на трудный процесс Нормы Паулюс, - я верю в простые вещи. Просто дыхание в течение двадцати минут, и этого достаточно, чтобы доказать, что вы живете в Орегоне. Двадцати минут достаточно, чтобы отравить любого.

На этих выборах избирались бы три персоны: Генеральный Идиот Орегона, Генеральный Идиот Америки и Генеральный Идиот всего мира. Но всеми тремя могут быть только орегонцы. Если никто не подходит, вы можете вписать имя любого человека, которого вы считаете подходящей персоной. И избирательная кабина будет стоять только в этом уникальном незаконном городе Раджнишпураме.

Так что теперь каждый апрель я даю эту работу бедному К.Д., мэру незаконного города Раджнишпурама: он должен ходить на слушания, двадцать минут дыхания, и тогда каждый...

возрастного ограничения нет, ведь дети обладают большими способностями увидеть, кто идиот. Когда вы становитесь старше, вы тупеете. И, живя с идиотами, имея дело с идиотами, вы мало-помалу начинаете говорить на их языке. Поэтому даже дети, все, кто хочет, мужчина, женщина, живые, мертвые... простой процесс выслушивания будет решать, кто может быть избирателем. Мертвому человеку будет, конечно, трудно, но ему ведь нужно подышать всего-навсего двадцать минут.

Каждый год первого апреля мы будем объявлять трех Генеральных идиотов: Генерального Идиота Орегона, Генерального Идиота Америки, Генерального Идиота мира. И в списки кандидатов нельзя вносить имен тех, кто живет не в Орегоне, потому что эти идиоты слишком вялые. Здесь вы найдете самых свеженьких.

Хорошо, вы можете задать еще один вопрос. Мои руки еще не устали.

Бхагаван,

Наказывали ли Вас за ваши проделки в детстве?

Меня наказывали, но я никогда не воспринимал любое наказание как наказание. С самого моего детства это было моей позицией: как вы воспринимаете вещь, такой она и является. Никто не может наказать меня, если я не принимаю это как наказание.

Один из моих учителей в начальной школе, когда я был в четвертом классе... Это был мой первый день в его классе, и я не сделал ничего такого особенно плохого, я просто делал то, что вы делаете во время медитации: «Ом, Ом...», - но про себя, с закрытым ртом. У меня было несколько друзей, и я сказал им сесть в разных местах, чтобы он не мог понять, откуда доносится звук. Раз звук доносился отсюда, в другой раз оттуда, в третий раз отсюда; он ходил в поисках того, откуда же идет звук. И я сказал ему: «Держите свой рот закрытым и произносите это “Ом” про себя».

На мгновение он потерял дар речи. Я сидел сзади. Все учителя хотели, чтобы я сидел впереди, чтобы они могли следить за мною, а я всегда хотел сидеть сзади, откуда я мог проделывать гораздо больше всяких дел; там было сподручнее. Он подошел прямо ко мне. Он слышал, наверное, от учителя третьего класса: «Не спускайте глаз с этого мальчика!» Так что он сказал: «Хотя я и не могу сказать, кто те люди, которые занимаются этим, но ты-то уж точно делаешь это».

Я сказал: «Что? Что я делаю? Вы должны мне сказать. Просто так сказать: “Ты-то уж точно делаешь это”, - не имеет смысла. Что именно?..»

Ему было трудно проделать то, что делал я, потому что это выглядело бы глупо и все начали бы смеяться. Он сказал: «Что бы это ни было, возьми свои руки за уши и садись, вставай, садись, вставай - пять раз».

Я сказал: «Очень хорошо». Я спросил у него: «А можно я сделаю это пятьдесят раз?»

Он сказал: «Это не награда, это наказание».

Я сказал: «В это утро я не делал никаких упражнений, поэтому подумал, что вот она хорошая возможность, да и вы были бы счастливы. Вместо пяти раз я сделаю пятьдесят. И запомните навсегда, всякий раз, когда вы мне даете какую-либо награду, - именно это слово я и сказал ему, - всякий раз, когда вы даете мне какую-либо награду, будьте щедрыми». И я начал делать пятьдесят раз.

Он продолжал: «Прекрати! Достаточно. Я никогда еще не видел такого мальчика. Тебе должно быть стыдно за то, что тебя наказывают».

Я сказал: «Нет, я делаю мою утреннюю зарядку. Вы помогаете мне, вы наградили меня; это хорошее упражнение. На самом деле, вам самим следует делать то же самое».

Я никогда не принимал никакого наказания как наказание. Как можно наказать человека, который принимает это как награду?

В колледже было повседневным делом то, что меня выставляли из класса, потому что в тот момент, когда учитель видел меня, он говорил: «Тебе бы лучше выйти отсюда, пока ты чего-нибудь не натворил. Я в любом случае выставлю тебя из класса. Пожалуйста, выйди и оставь нас одних».

И я говорил: «Спасибо, сэр, ведь я там так наслаждаюсь; это так прекрасно». У нас были прекрасные деревья, и птицы, и обширные зеленые насаждения на многие мили позади школы. «Стоять на веранде - это такая радость, и воздух так чист, что мне жаль вас, сидящих в этой грязной комнате». И я по-настоящему наслаждался там.

Они поняли, что это не наказание, на самом деле они давали мне хорошую возможность порадоваться на полной свободе - ведь вне класса я был свободен двигаться куда угодно или просто пойти в густой лес, который был позади школы. Они поняли, что это не наказание, что это награда. Тогда они прекратили это.

Я просил их: «Что случилось, политика изменилась? Меня больше не выставляют из класса. Что мне сделать, чтобы вы выставили меня? Это предохранит меня от мучения, которое я испытываю от вас и о вашей истории. Меня не интересует Александр Великий, меня не интересует император Акбар. Что мне делать со всеми этими людьми? Меня совсем не интересует история. Если я и интересуюсь, то единственный интерес может быть только в том, как делать историю. Историю читают только дураки, которые не могут ее делать. Вы читаете, вы учитесь всех этих дураков, собравшихся здесь, но меня вы вышвырните прочь».

Учитель истории отвел меня к директору. Он сказал: «Что мне делать? Ему невозможно дать никакого телесного наказания - он тут же грозит пойти в полицейский участок, и, к сожалению, полицейский участок поблизости, перед школой, он причинит нам неприятности. И он такой странный, что нашел даже эксперта в области законов, который поддерживает его».

Один из друзей моего отца был лучшим адвокатом города. Все называли его Баччубхайя, я не знаю, каким было его полное имя. Баччу - это просто уменьшительное имя для маленьких детей. Оно просто означает ребенка; буквальным его значением является «ребенок». Люди его, должно быть, любили; он был человеком, достойным любви. Его называли обычно Баччубхайя. Баччубхайя означает брата. Ему было почти шестьдесят лет, и он был расположен по-дружески к

каждому.

Поэтому я пошел к нему и сказал: «Они грозят мне телесным наказанием. Вы должны поддержать меня, потому что я напишу в полицию, но полиция может меня послушать, а может и не послушать. Лучше пойти к эксперту в области законов».

Он сказал: «Не беспокойся. Я буду держать твоё дело наготове. Когда ты захочешь, я пойду вместе с тобой и посмотрю, что должно быть сделано из того, что ты хочешь».

Так что этот учитель сказал директору: «Баччубхайя обещал ему, что придет вместе с ним. Это немедленно причинит нам неприятности, потому что полицейский инспектор, полицейский комиссар, никто не сможет отказать Баччубхайя: он самый сильный адвокат, и он имеет влияние на все полицейские власти, гражданские власти, криминальные структуры. И Баччубхайя сказал ему, что если полицейский инспектор не выслушает его, он пойдет прямо к его начальству. Так что мы не можем наказать его».

«Я приказал ему садиться и вставать. Он же считает, что это упражнение. И когда-нибудь наступит такая сцена, что он скажет всем студентам: “Почему вы сидите? Вы тоже делайте это упражнение. Упражнение - это упражнение, оно полезно для тела”. И все студенты - они слушаются его больше, чем меня, все они начнут делать это упражнение. Я выглядел там как дурак, я начал думать, зачем же я наказал его. И он не остановится. Тогда я начал выбрасывать его из класса, но он так радовался этому, что это перестало быть наказанием».

Директор отослал меня обратно. Он хотел поговорить с учителем наедине. Он предложил: «Дайте ему такое наказание, чтобы узнала его семья».

В кабинете директора был специальный журнал, - когда кто-нибудь совершал настоящее озорство, учитель приходил и записывал его имя и выписывал штраф в десять рупий. Потом я должен был взять в своей семье, у своего отца, эти десять рупий; я должен был попросить деньги у них.

Он так и сделал. Он наложил на меня штраф в десять рупий, вернулся обратно и сказал мне: «Мы нашли способ: я поставил против твоего имени штраф в десять рупий».

Я сказал: «Хорошо. Теперь я буду штрафовать вас».

Он сказал: «Ты собираешься штрафовать меня?»

Я сказал: «Конечно, ведь в журнале нигде не написано о том, что только учителя могут штрафовать студентов. Нет такого условия». И я пошел и поставил против его имени штраф в двадцать рупий.

Директор сказал: «Ты что, сумасшедший? Ты студент!»

Я сказал: «Я знаю, что я студент, но есть ли какой-нибудь запрет на то, чтобы я мог штрафовать учителя, если он совершает вредность? - а это вредность. Если я совершаю что-нибудь неправильное, то я должен быть наказан; а этот штраф наказывает моего отца. Вы можете разъяснить мне это? Почему должен получать наказание мой отец? Он не участвовал во всем».

этом совершенно».

Я записал имя моего учителя и штраф в двадцать рупий и сказал: «Если он не заплатит, то и я не стану платить».

До сих пор эти два наказания в журнале остаются неоплаченными, потому что он не стал платить, хотя директор и говорил ему: «Заплатите двадцать рупий».

А я сказал директору: «Не прекращайте этого дела, иначе я буду штрафовать вас. Но и прекращение этого дела не даст никакой разницы, потому что, когда придет инспектор колледжа, я собираюсь подать ему рапорт и собираюсь показать ему, что тут было прекращено, и вам придется отвечать за это».

Так что он никогда не спросил с меня десять рупий, поскольку моим условием было: «Прежде всего, получите двадцать рупий с этого человека, тогда я буду рассматривать этот штраф».

Наказания были, но я наслаждался всем этим делом. Это была чистая радость. Все это вопрос позиции - как принимать это; и в этом есть что-то, что следует выучить в этой жизни.

Мне вспоминается... была всемирная конференция психологов, психиатров, терапевтов - людей, занятых исследованиями игр ума. Они все еще играют, они еще не дошли до той точки, когда их можно называть наукой. Хотя и движутся они медленно, но они на правильном пути, но пока они еще играют в игры. Это была всемирная конференция всех знаменитых психиатров, психологов, терапевтов.

Во время открытия конференции президент чувствовал себя очень беспокойно, чувствовал большое смущение от чего-то, находившегося прямо в переднем ряду. Там сидела красивая женщина, знаменитый психиатр, и один старый психолог, тоже по-своему очень знаменитый, - единственный оставшийся в живых коллега Зигмунда Фрейда. Он играл грудями этой женщины; и прямо на первом ряду! Как после этого президент мог говорить?

Он пытался смотреть сюда, смотреть туда, но невозможно адресоваться к конференции, смотря то туда, то сюда; вы вынуждены смотреть и прямо перед собой, по крайней мере, иногда. А это было уже слишком. Старик на самом деле был кое-что; его не беспокоило, что вся конференция, любой, находившийся в зале, мог видеть, что происходит. А женщина была даже более великолепна; она сидела и слушала лекцию.

Наконец терпение президента переполнилось и он сказал: «Пожалуйста, простите меня, но, госпожа, можно мне задать вам вопрос?»

Она сказала: «Конечно».

Он сказал: «Почему вы не пожалуетесь на этого грязного старика? »

Она сказала: «Это его проблема, это не моя проблема. Его неопрятность или то, что он делает, это его проблема. Как это касается меня? Он не причиняет мне вреда. А если это дает ему некоторое утешение, некоторое удовлетворение, то это хорошо. Он пациент, вот и все, что я могу сказать; он не терапевт, он пациент. Вы же не можете жаловаться на пациента - я чувствую

по отношению к нему жалость. Но почему вы беспокоитесь? Продолжайте. Если я не беспокоюсь, то почему вы беспокоитесь и почему беспокоятся все остальные?»

Это не шутка. Женщина говорит нечто, имеющее огромное значение: она говорит: «Это его проблема, и он страдает от проблемы. Ему нужна симпатия, а не жалоба». Это женщина обладала, по-видимому, потрясающим пониманием, была настоящим терапевтом, непросто играла в игры, но продвигалась к самым корням проблем человеческой психики.

Женщина сказала, что он ведет себя как ребенок и рассматривает ее как свою мать, так что в этом плохого? Он не повзрослел, он задержался в своем развитии. Создавать же вокруг этого суету, беспокоить всю конференцию, бессмысленно. Пусть он... Она сказала старику: «Продолжайте», - и сказала президенту: «Вы тоже продолжайте. Меня это не смущает, потому что совсем не касается меня. Простое прикосновение к моей коже, какое это имеет значение?»

Эта женщина может стать пробудившейся, потому что она ведет себя подобно наблюдателю, даже по отношению к своему собственному телу. Она не отождествляет себя с телом, она много выше, она смотрит на этого задержавшегося старика, но не чувствует оскорбления: ведь «я - это не мое тело».

Меня били палкой, но не мои учителя, они ведь боялись, что я пойду в полицейский участок, а мои дяди. Мой дедушка всегда и во всем чувствовал по отношению ко мне расположение. Он готов был участвовать в моих делах, если мог; он, конечно, никогда не наказывал меня, он всегда меня награждал.

Я, бывало, возвращался домой ночью, и первым делом дедушка спрашивал меня: «Что ты делал сегодня? Как идут дела? Были какие-нибудь неприятности?» У нас всегда были добрые встречи по вечерам в его постели, мы сидели вместе, и он наслаждался всем. Я обычно рассказывал ему, что случилось за день, а он говорил: «Это был по-настоящему хороший день!»

Мой отец наказал меня только один раз за то, что я ушел на ярмарку, которая каждый год происходила за несколько миль от города. Там протекает одна из священных рек индусов Нармада, и на берегу Нармады обычно на месяц устраивалась большая ярмарка. Я просто отправился туда, ничего не сказав ему.

На ярмарке происходило так много... Я ушел только на один день и думал, что буду обратно к вечеру, но там было так много интересного: фокусники, цирк, театр. Невозможно было вернуться за один день, поэтому три дня... Вся семья была в панике: куда я ушел?

Такого раньше никогда не случалось. Самое большее я возвращался домой поздно ночью, но я никогда не отсутствовал дома три дня подряд... и без всякого извещения. Они спрашивали в домах всех друзей. Никто ничего не знал обо мне, и на четвертый день, когда я вернулся домой, мой отец был по-настоящему в гневе. Не спрашивая меня ни о чем, он дал мне пощечину. Я ничего не говорил.

Я сказал: «Еще хотите ударить меня? Вы можете, потому что за эти три дня я получил достаточно удовольствия. Вы не можете наплевать меня сильнее того удовольствия, которое я получил, поэтому вы можете дать мне еще несколько шлепков. Это остудит вас, и для меня это установит равновесие. Я так наслаждался».

Он сказал: «Ты действительно невозможен. Бить тебя бессмысленно. Тебя это не задевает; ты просишь еще. Можешь ли ты провести различие между наказанием и вознаграждением».

Я сказал: «Нет, для меня все своего рода вознаграждение. Есть вознаграждения разного рода, но все есть вознаграждение в определенном смысле».

Он спросил меня: «Где ты был эти три дня?»

Я сказал: «Об этом следовало спросить до того, как ударить меня. Теперь вы потеряли право спрашивать меня. Меня ударили, даже не спросив. Это полная остановка - закрывается целая глава. Если вы хотели узнать, вам следовало сначала спросить, но у вас нет никакого терпения. Одной минуты было бы достаточно. Но я не буду держать вас в непрерывном беспокойстве относительно того, где я был, и поэтому скажу, что я был на ярмарке».

Он спросил: «Почему ты не отпрашивался у меня?»

Я сказал: «Потому что я хотел пойти. Будьте искренними: если бы я стал отпрашиваться, разве вы позволили бы мне? Будьте искренними».

Он сказал: «Нет».

Я сказал: «Это все и объясняет, почему я не стал отпрашиваться - я ведь хотел пойти, и тогда все стало бы для вас гораздо труднее. Если бы я стал отпрашиваться, вы сказали бы нет, а я все-таки ушел, тогда все это стало бы для вас гораздо труднее. Именно для того, чтобы сделать ваше положение более легким, я и не стал отпрашиваться, и я вознагражден за это. И я готов принять еще награды, которыми вы хотели бы наделить меня. Я так сильно наслаждался ярмаркой, что теперь собираюсь ходить туда каждый год. Поэтому вы можете... всякий раз, когда я исчезаю, вы знаете, где я. Не беспокойтесь».

Он сказал: «Это последний раз, когда я наказываю тебя; первый и последний раз. Может быть, ты прав: если ты действительно хотел пойти, то это было единственным способом, ведь я не разрешил бы тебе. На этой ярмарке случается всякое: там проститутки, можно заразиться, там продаются наркотики», - а в то время в Индии наркотики еще не были вне закона, можно было легко достать любой наркотик. И на ярмарку собирались все виды монахов, а все индусские монахи применяют наркотики. - «Поэтому я не разрешил бы тебе пойти. Если ты действительно хотел пойти, то, возможно, ты был прав, что не отпрашивался».

Я сказал ему: «Но меня не волновали ни проститутки, ни монахи, ни наркотики. Вы знаете меня: если меня интересуют наркотики, то в самом этом городе...» Как раз рядом с нашим домом был магазин, где имелись все наркотики: «И этот человек настолько по-дружески расположен ко мне, что не взял бы денег, если бы я захотел наркотиков. Так что это не проблема. Проститутки есть и в городе; если бы я захотел смотреть на их танцы, я мог бы отправиться туда. Кто может запретить мне? Монахи приходят в город постоянно. Но меня интересовали фокусники».

А мой интерес к фокусникам связан с моим интересом к чудесам. В Индии, до ее разделения, я видел все виды чудес, которые проделывали прямо на улицах фокусники, бедные фокусники. После целого представления они, может быть, собирали одну рупию. Мог ли я поверить тому,

что эти люди - мессии? За одну рупию на протяжении трех часов они проделывали почти невозможное. Конечно, во всем была своя уловка, но если вы не знаете уловки, тогда это чудо.

Вы просто слышали - а я видел, как веревку бросают вверх, и она стоит сама по себе. С ними есть мальчик, которого они называют джамура; у каждого фокусника есть джамура. Я не знаю, как это перевести... просто «мой мальчик». И фокусник заводит с джамурой разговор: «Джамура, ты полезешь вверх по веревке?»

А тот отвечает: «Да, я полезу». И этот постоянный разговор имеет какое-то отношение к уловке: он отвлекает внимание людей, и сам этот разговор очень смешной. Я видел, как мальчик взбирался по веревке и исчезал!

А фокусник зовет его снизу: «Джамура?»

И откуда-то сверху доносится голос: «Да, хозяин».

Он говорит: «Сейчас я спущу тебя вниз по частям». Потом он бросает вверх нож, и вниз падает голова мальчика! Он бросает нож вверх, и падает нога! Мальчик спускается по частям, потом фокусник собирает части вместе, покрывает их простыней и говорит: «Джамура, будь теперь целым».

И Джамура говорит: «Да, хозяин». Фокусник убирает простынь, и мальчик встает! Он подтягивает вниз веревку, сматывает ее, кладет в мешок и начинает спрашивать деньги. Самое большее, он наберет одну рупию, - ведь в те дни шестьдесят пайсов составляли одну рупию, и никто не давал ему больше одного пайса, самое большее два; очень богатый человек давал четыре пайса. Если за свое чудо он мог собрать одну рупию, он был счастлив. Я видел все виды таких чудес, а люди, которые проделывали их, были нищими.

Поэтому, когда я слышу, что ваша вера в Иисуса исчезнет, если вы узнаете, что он никогда не ходил по воде, никогда не обращал воду в вино, я не могу представить себе этого, потому что в двадцатом веке известны, даже по книгам, все секреты того, как проделывать такие фокусы. И вы можете проделывать их, вам нужно только выучить немного стратегии.

Со мной был один санньясин; он жил со мною в Бомбее, и он интересовался фокусами. Поэтому я сказал ему: «Собери пресс-конференцию и покажи на ней свой фокус, но называй его чудом, а не фокусом». Он так и сделал. Даже Вивек была одним из участников его фокуса - чуда, а не фокуса.

Чудо заключалось в том, что Вивек должна была глотать нитку, длинную нитку, которую она глотала очень долго. А потом он вытаскивал эту нитку из ее пупка; он тянул ее долго, пока она вся не кончалась. А весь этот трюк был просто маленькой операцией. За несколько дней до этого, он делал небольшой надрез около пупка и закладывал туда нитку; вот эта нитка и вытягивалась. Нитка, которую она заглатывала, была другой ниткой, - но для прессы это было чудо. «Женщина проглотила нитку, а он вытащил ее из ее пупка! - и она вышла той же самой длины и все такое». Но лишь маленький трюк...

Он проделывал там много вещей, и вы знаете, как раз из-за того, что он был моим учеником, многие газеты описали, как я проделывал все эти чудеса. Он выпивал яд, в количестве,

достаточном, чтобы убить человека... но все это было трюком. Он упражнялся в этом в моем собственном доме и на моих собственных людях, и все они говорили: «Что происходит?»»

Вивек говорила: «Это обман... Я думала, что это будет настоящее чудо. Никакое это не чудо, это просто обман».

Я сказал: «Все они обманщики; никогда не было никаких чудес».

Так что я сказал своему отцу: «Меня интересовали только фокусы, ведь на ярмарке собираются вместе самые разные фокусники, и я видел по-настоящему великие вещи. Мой интерес заключается в том, что я хочу свести чудо к фокусу. Фокус - это всего лишь уловки, трюки, - в нем нет ничего духовного, - но если вы не знаете уловки, тогда, конечно, он покажется чудом».

Меня наказывали, но я настолько сильно наслаждался каждым своим озорством, что я совсем и не считал все это за наказания. Все это было ничто.

У меня есть определенное взаимопонимание с женщинами, может быть, отсюда и моя вредность - если бы это был мистер Чиф, или мастер Чиф, тогда я, наверное, избежал бы этого, но мисс Чиф (по-английски вредность, озорство звучит как мисчиф - «mischief»)! - искушение было так велико, что я не мог устоять. Несмотря на наказания, я продолжал свое озорство. И я все еще продолжаю его!

Беседа 26

МЕДИТАЦИЯ: НАБЛЮДАТЕЛЬНОСТЬ, ОСОЗНАННОСТЬ, БДИТЕЛЬНОСТЬ – ВОТ ИСТИННАЯ ТРОИЦА

25 декабря 1984 года

Бхагаван,

Как человек исследует высшие состояния сознания?

Нет многих путей, есть только один: сознательность.

Человек почти несознателен. Я говорю «почти», это означает, что бывают моменты, ситуации, когда он становится сознательным, но они мимолетны.

Например, в вашем доме неожиданно возникает пожар. Вы ощутите в себе вспышку чувства осознанности, такого чувства, которого раньше не было. Может быть, вы устали, может быть, вы не спали несколько дней, может быть, вы путешествовали и надеялись первым делом, как доберетесь домой, крепко уснуть, — но в доме пожар!

Вся усталость исчезает. Вы забываете весь кошмар путешествия, внутри вы находите что-то новое, что, возможно, вы и упустите, ведь в доме пожар; так что вы и не осознаете вашей осознанности, но осознаете лишь пожар, сжигающий ваш дом.

В обыкновенной жизни тоже бывают мгновения, когда люди прикасаются к высшему состоянию сознательности, но упускают его, потому что это высшее состояние приходит как несчастный

случай, и людям сначала нужно справиться с несчастным случаем, с которым они столкнулись.

Но если вы помните - пусть лишь как воспоминания - те мгновения вашей жизни, когда внезапно вы оказывались более осознающими, чем обычно, то это окажет вам огромную помощь в понимании того, что я собираюсь сказать вам.

Я рассказывал вам, что современная психология продвинулась ниже так называемого человеческого сознания. И когда люди, подобные Зигмунду Фрейд, нашли, что сразу же под тонким слоем вашего сознания лежит другой слой, то это было великим открытием для них и вообще для Запада. Всю свою жизнь Фрейд посвятил исследованию этого подземелья, этого фундамента сознания.

Вот почему он заинтересовался анализом сновидений, ведь когда вы в сознании, вы можете притвориться, вы можете лицемерить. Вы можете сказать что-нибудь такое, что и не имели в виду, вы можете сделать что-нибудь такое, чего вы никогда не хотели делать. Вы можете улыбаться, а внутри вас - желание плакать, рыдать. Вы можете плакать и рыдать, а внутри вас - радость, веселье.

Ваше сознание загрязнено обществом; оно ненадежно. Вот он, один из самых значительных вкладов Зигмунда Фрейда: ваше сознание ненадежно. Странно, что ваше бессознательное показалось ему более надежным, чем сознание.

Не может быть более сильного приговора всей человеческой цивилизации, всей человеческой истории, всем религиям.

Что может быть более сильным приговором по сравнению с этим: ваше сознание ненадежно; ваше общество, ваша традиция, ваша религия, ваш обычай сделали сознание ненадежным.

В одном из рассказов Халиля Джебрана мать и ее дочь - обе лунатики. В одну из ночей дочь ходит во сне, выходит в сад и начинает говорить гадости о своей матери. Случайно ее мать тоже идет во сне позади нее и начинает говорить мерзости про нее. Но холодный ветер неожиданно будит их обеих. И дочь говорит: «Мама, на тебе нет ничего теплого, тебе не следует выходить так в твоём возрасте. Ты так обеспокоила меня».

И мать говорит: «Моя любимая дочка, во всем этом мире нет никого, кроме тебя, кого я могла бы назвать своей».

Это просто рассказ, но он содержит все открытие Зигмунда Фрейда: пока они спали, они говорили то, что чувствовали по отношению друг к другу. Когда они проснулись, они начали говорить то, что предполагали сказать друг другу. И они не осознают этих своих двух сторон.

И если бы было только две стороны, все было бы гораздо проще, но имеется много больше сторон. Я говорил вам - хорошо бы вам вспомнить это - о том, что сознание - это очень тонкий слой, в котором мы существуем. Ниже его находится подсознательный ум; то есть наполовину сознательный, наполовину бессознательный. Вот почему вы помните сны только последней части ночи. Вы не помните всех своих снов, а ведь за восемь часов сна вы видите сновидения на протяжении шести часов.

Теперь это научно доказанный факт. Только изредка на несколько минут вы впадаете в глубокий сон, в котором нет сновидений; в общей сложности на два часа. Утром вы не помните эти шестичасовые сновидения - длина почти трех кинофильмов. Самое большее, вы помните некоторые фрагменты, иногда целый сон, но этот сон был последним перед тем, как вы проснулись.

Подсознательный ум имеет две стороны. Одна подключена к бессознательному уму, это нижняя часть. Когда вы глубоко спите, сновидения движутся в нижней части подсознания. Сознание очень далеко. Но когда утром вы просыпаетесь, вы подходите ближе к сознательному уму, и сновидения видит верхний слой подсознания.

Вот почему ваше сознание может слышать разрозненные кусочки сновидений, и утром вы можете вспомнить кое-что. Но это лишь хвост слона. Весь же слон исчез, вы не имеете о нем ни малейшего понятия. А хвост, конечно же, не имеет смысла, потому что слона-то нет.

Таким образом, психоаналитику нужно найти слона: что это был за слон, был ли это слон, или верблюд, или корова, или лошадь, ведь у вас только хвост - может быть даже не хвост целиком, несколько волосков от хвоста.

Вся функция психоанализа заключается в том, чтобы собрать все эти волоски и понять, чей это может быть хвост; копать вас с этого угла или с того, ударить вас с этой точки или с той, ведь в вас есть что-то такое, чего вы не осознаете. Психоаналитик воссоздает почти целое животное по нескольким волоскам из хвоста. Вот почему так много школ психоанализа.

Так и должно быть. Зигмунд Фрейд хотел, чтобы психоанализ оставался единым цельным движением. Это невозможно, потому что работа психоаналитика - это в большей или меньшей степени воображение: у него в руках очень мало вещей, и эти вещи могут привести к любому заключению.

Если вы пойдете к Зигмунду Фрейду, то эти несколько волосков докажут, что вы одержимы сексом: это его слон. А раз он нашел слона, вы начнете смотреть в соответствии с его видением и найдете, что, по-видимому, он прав. Может быть, он и на самом деле прав.

Если вы пойдете к Адлеру, то у него воображение другого рода: жажда власти. Для Зигмунда Фрейда это жажда секса, жажда к воспроизведению потомства. Для Зигмунда Фрейда это более биологическое явление, чем для Адлера.

Для Адлера это более политическое явление: жажда власти. Если вы принесете те несколько волосков к Зигмунду Фрейду, он сможет сложить их и откроет в вас сексуальные извращения. И я говорю, что, может быть, он прав, но я также хочу сказать, что, может быть, прав и Адлер.

Если вы пойдете к Юнгу, то он по этим волоскам найдет некоторое мифологическое явление. Оно будет не биологическим, оно будет не политическим, оно будет мифологическим. И я хочу сказать: может быть, он тоже прав.

Все эти трое постоянно ссорятся друг с другом, не зная, что человеческий ум имеет много аспектов, что он не исчерпывается одним объяснением, что есть не только эти три, есть гораздо больше возможностей. Нужно еще несколько Фрейд, Юнгов и Адлеров, имеющих некоторое

поэтическое воображение и некоторый научный способ для объяснения.

Человеческий ум многомерен.

И каждое измерение связано с другими измерениями.

Например, сексуальность - это часть жажды власти, она не отделена от нее. Через секс человек тоже пытается быть властным, быть творцом, давать рождение, обладать женщиной или мужчиной. Можете посмотреть на любую пару: они в непрерывном конфликте из-за власти - кто кем владеет?

Жена всеми способами пытается... и есть некоторые природные меры воздействия, которые она и использует. Если вы не даете ей быть более властной, тогда она откажет вам в сексе, и она знает, что в том, что касается секса, вы не можете терпеть голод. Вы начнете просить ее, вы начнете уговаривать ее: вы начнете приносить ей шоколад и мороженое, красивую одежду. Она понимает, что все это взятка. Вы тоже понимаете это, понимаете, что это попытка сделать возможным ваше совместное существование.

Ваше же усилие тоже непрерывно направлено на то, чтобы доминировать над нею.

Один из моих друзей влюбился в женщину, но не готов был жениться на ней. Женщина была в тревоге; она пришла ко мне и сказала: «Это странно. Моя семья говорит: “Если он любит тебя, то должен жениться, иначе ты упустишь свои годы”».

А в Индии трудно найти молодого человека нужного возраста. Они уже все женаты. Тогда придется выходить замуж за человека, который гораздо старше вас, может быть, раньше уже дважды или трижды женатого, чьи жены своевременно умирали, и теперь холостого. «Поэтому они говорят мне: “Или он женится, или мы найдем тебе кого-нибудь другого”».

Я сказал: «Позвольте мне спросить у него, в чем проблема».

И он рассказал мне: «От вас я ничего не могу скрывать. Я действительно люблю ее, но, когда возникает вопрос о браке, неприятность в том, что она выше меня».

Я сказал: «Что же это за неприятность? Я не вижу в этом никакой неприятности. Если она выше, ты можешь встать на стул и целовать ее так - самое большее, что нужно, это стул!»

Я показал ему фотографию - как раз в тот день она появилась в газете, а газета лежала тут же, - фотографию Маунтбаттена, последнего вице-короля Индии, который был очень высоким человеком, вместе с первым премьер-министром Индии Джавахарлалом Неру, который был ростом всего метр шестьдесят. Поэтому, когда он давал клятву Джавахарлалу, все выглядело бы действительно плохо: премьер-министр выглядел бы очень маленьким, а вице-король очень высоким. В нем было, наверное, два метра, или даже больше, поэтому они все так устроили на фотографии...

Я показал ему: «Видите, как они справились с этим. Джавахарлал стоит на ступеньке, ступени ведут к трону. Он стоит на ступеньке, а Маунтбаттен стоит на полу, поэтому они кажутся почти одинакового размера». Я сказал: «Видите этот трюк? Это не большая проблема. Вы можете

завести себе складной стульчик, который всегда будет находиться позади в вашем автомобиле, и всегда, когда потребуется, вы достаете свой стул».

Он сказал: «Вы делаете из меня посмешище. Я серьезно, ведь куда бы я ни пошел, она будет выше меня, и не могу я непрерывно ходить со стулом. А на брачной церемонии, когда я делаю семь кругов вокруг священного огня, я впереди нее буду выглядеть почти как ее ребенок, настолько она высокая. Я люблю ее, но я не могу жениться на ней, потому что все будут смеяться».

На брачную церемонию в Индии собираются издалека все родственники и друзья. Это сборище из тысяч людей. А они были богатыми людьми, поэтому каждый, кто пришел бы, увидел только одно: жена выше мужа. Любовь вынуждена была уступить перед инстинктом власти.

Я сказал: «Какое это имеет значение? Ты можешь сказать им: “Я не выше своей жены”».

Но можно посмотреть по всему миру и увидеть, что муж всегда выше жены. Как так получилось? Почему женщины ниже мужчины? Это просто вопрос выбора, который осуществлялся на протяжении миллионов лет: мужчина всегда выбирал жену меньше себя. Постепенно, путем чистого отбора, высокие женщины прекратили свое существование; им было трудно найти себе мужа. Они становились проститутками, они продавали себя, были доступны всем. Они не могли жить уважаемой жизнью, если им не посчастливилось встретить мужчину выше их.

Мужчина же всегда был выше; постепенно вот так и случилось. Можете спросить у тех людей, которые занимаются скрещиванием животных. Через несколько поколений непрерывного скрещивания: высокий муж - низкая жена, высокий муж - низкая жена...

Если женщина настолько высока, что не может найти себе мужа, она становится проституткой, она выбывает из биологического рынка, она выпадает из эволюции. Она не будет рожать детей, ведь проститутка не может позволить себе иметь детей. Поэтому ее линия отмирает; эта ветвь больше не растет.

Это неестественно, что женщина должна быть меньше мужчины.

Это все инстинкт власти, жажда власти.

И сексуальность, и жажда власти - это не две разных вещи, не таких разных, как об этом думали Адлер и Фрейд.

Люди, достигающие большой власти, начинают терять интерес к сексу, потому что вся их энергия уходит в жажду власти.

Люди, глубоко заинтересованные в исследовании своей сексуальности, не могут пойти в политику; у них на это не остается никакой энергии.

Вы можете видеть это, фактически, во многих местах. Мы не разрешаем солдатам держать своих жен на фронте. Генералу можно, ведь генерал остается позади; он не сражается на самом деле, он просто отдает приказы людям сражаться. Он очень хорошо защищен; в случае любой опасности, он будет первым, кто смочется. Он далеко позади своих сил. Ему разрешается иметь

жену при себе, потому что проблемы нет, он не будет сражаться. Но солдатам это не разрешено. Почему? По той простой причине, что если их энергия уйдет в секс, они не захотят сражаться.

Можете понаблюдать это на себе. Если вы глубоко влюблены в женщину, вам не захочется сражаться ни с кем. Но если вы не находите для своей сексуальной энергии никакого выхода, вы становитесь преступником, вы можете убить кого-нибудь. Вы будете постоянно искать любой повод для драки.

Это не простое совпадение, что все религии проповедовали, чтобы их монахи оставались безбрачными, ведь коль скоро они безбрачны, то вся их энергия движется к воображаемому Богу - тогда Бог становится их сексуальным объектом.

И вы можете понять это по песням приверженцев. Они говорят о Боге почти как о возлюбленном или возлюбленной. Мира, одна из самых знаменитых мистиков Индии, должно быть изучалась Зигмундом Фрейдом. Если он не изучал ее, то ему нужно родиться снова, потому что эти двое должны встретиться и прийти к пониманию. Фрейд никогда не слышал о Мире, иначе он нашел бы все великие объяснения, которые были ему нужны, которые он искал и не мог найти.

Мира говорит о Кришне почти в понятиях секса. Она спит со статуей Кришны. Она называет Кришну «мой муж». И слова, которые она применяет, — это в точности те романтические слова, которые говорят друг другу влюбленные. То же самое относится и к суфийским мистикам, которые думают о Боге как о возлюбленной, как о женщине. И вам нужно бы понять их описание красоты Бога, молодости Бога.

Когда Фитцджеральд, очень талантливый поэт, переводил Омара Хайяма, суфийского мистика, он сделал нечто почти невозможное, потому что Омар Хайям в оригинале не кажется таким выразительным, каким он становится в переводе Фитцджеральда. А причина этого в том, что Фитцджеральд не имел понятия о том, что Омар Хайям говорил о Боге, а не о женщине.

Суфии называют Бога саки. Саки - это женщина в пивной, которая разливает вино и пиво клиентам. Особенно у арабов и персов саки избираются, совсем как на Западе вы выбираете мисс Мира, мисс Вселенной, мисс Америки. Саки избираются точно так же. Саки становится самая красивая девушка в городе. И суфии называют Бога «саки».

Фитцджеральд не имел понятия о том, что для суфиев саки означает Бога. Он просто буквально перевел, что саки - это женщина, и когда Омар Хайям говорит: «Саки, наполни мне чашу», он думает, что Хайям просит женщину наполнить ему чашу. А когда Омар Хайям говорит: «Даже вино не так сладко, как твой поцелуй», - он думает о женщине; отсюда и его поэзия становится более романтической, более красочной. Тот, кто понимает терминологию суфиев, не много найдет в Омаре Хайяме.

Вы удивитесь тому, что в Персии Омара Хайяма не знают как великого поэта. Но во всем мире Омар Хайям - самый важный персидский поэт, и это чудо случилось благодаря Фитцджеральду. Вы не наслаждались бы Омаром Хайямом. Он был математиком; это была первая ошибка, сделанная Фитцджеральдом: он не понял того, что Омар Хайям был математиком. И вот математик пишет стихи - вы понимаете, они не могут быть сочными. Откуда математик возьмет сок? А сверх того, он - суфий, искатель Бога. В его жизни нет места ни для одной женщины; он

жил безбрачной жизнью.

Фитцджеральда никогда не волновала жизнь этого человека. Перед тем как переводить его поэзию, ему следовало бы, по крайней мере, понять, мог ли этот человек писать стихи о женщинах. Он был безбрачным математиком! И суфием! Но суфии, оставаясь безбрачными, думают о Боге как о женщине, мечтают о Боге как о женщине, конечно, как о самой красивой женщине, — с Богом ничто не может сравниться. Так что они всю свою сексуальность изливают на образ Бога, на образ возлюбленной. Бог для них не мужчина.

В книге Омара Хайяма - это иллюстрированная книга - Фитцджеральд естественно увидел самые прекрасные картины женщин, разливающих вино. Он подумал, что это была настоящая женщина. Он заглянул в стихи; там говорится о женщине. Суфии очень сердятся: Фитцджеральд делает Омара Хайяма знаменитым во всем мире, тогда как настоящие персидские поэты в мире не известны. Этот же человек совсем и не считался поэтом. Когда вы понимаете, что эта женщина - не настоящая женщина, а Бог, рассматриваемый глазами безбрачного суфия... это галлюцинация.

Религии понимали это: если вы воспрепятствуете сексуальной энергии двигаться ее естественным путем, тогда человек сможет увидеть Бога, встретить Иисуса, разговаривать с Кришной; все возможно. Сексуальная энергия - это как наркотик, самый сильный наркотик, изобретенный природой. Вот почему, когда вы влюбляетесь в женщину, вы начинаете видеть в ней то, что никто не видит. Это ваша проекция, ваш наркотик, ваш химизм, ваши гормоны, создающие вокруг этой женщины галлюцинацию. Женщина - просто объект, экран, на который вы проецируете свою картину.

А когда ваш секс с этой женщиной удовлетворяется, вы будете очень разочарованы. Вы обнаружите, что это не та же самая женщина: вы были влюблены в кого-то другого. Это не та женщина... но вы все-таки знаете, что это та же женщина. Есть какой-то обман, эта женщина обманывала вас. Вас обманула биология, а не эта женщина.

Эта женщина тоже проецировала на вас свое изображение. И когда кончается медовый месяц, кончается и проекция. Теперь она смотрит на вас и находит вас просто обыкновенным мужчиной, в вас нет ничего особенного. Раньше все было особенным: то, как вы ходили, разговаривали, все было каким-то уникальным. Теперь же вы просто орегонец, ничего больше. С обеих сторон великое разочарование. Теперь вы стоите лицом к лицу, смотрите друг на друга без всякой проекции; отсюда и непрерывная борьба. Так и должно быть.

В Индии, где даже сейчас девяносто процентов браков или даже больше, - это устроенные браки, такого рода разочарования никогда не случаются. В устроенном браке вам не дается ни шанса на галлюцинацию. С самого начала вы стоите на земле, нет никакой романтики. Вы не можете даже взглянуть на женщину до того, как женитесь на ней.

В очень культурных семьях сейчас разрешается посмотреть на фотографию женщины. Вот фотография женщины, со всеми фотографическими трюками - и то, если вы попросите... Вы пойдете против традиции, против культуры, вам не полагается просить. Особенно девушке не полагается смотреть на фотографию мужчины, за которого она собирается замуж. И даже после бракосочетания им не полагается видеть друг друга при солнечном свете. Они будут встречаться друг с другом только в темноте ночи. Конечно, они остаются друг для друга загадкой.

В Индии загадка длится дольше, чем где бы то ни было. Днем они не могут разговаривать друг с другом, потому что семьи в Индии объединенные. Они не могут разговаривать перед детьми, потому что это плохой пример для них, они не могут разговаривать перед старшими, потому что это неуважительно. А в доме так много старших, и так много детей... нет никакой возможности.

Вы удивитесь тому, что отец ребенка не может перед другими взять своего ребенка на руки: это неуважительно. Мой отец говорил мне: «Я взял тебя на руки только тогда, когда тебе исполнилось пять». Дедушка же мог брать меня раньше, поэтому я и стал так по-дружески относиться к нему. Естественно, ведь он знал меня, а я его с самого начала. Отец пришел после пяти лет; в течение пяти лет он оставался незнакомцем.

Я спрашивал у матери. Они с отцом не могли ни видеться, ни встречаться. После своего бракосочетания они не видели друг друга годами. Рождались дети, но они не видели друг друга, потому что они встречались только в темноте ночи. Семьи в Индии объединенные, иногда по сорок человек, пятьдесят человек в доме. Такие дома совсем как Ноев ковчег.

Например, мой дедушка привязывал по ночам к своей койке свою лошадь. Я сказал ему: «Запах от лошади такой сильный, что даже если я захочу прийти к тебе, лошадь не даст мне этого сделать». В доме и коровы, и дети, и старшие, в доме все - как индийцы умудряются заниматься любовью — это загадка.

Как они умудряются производить дюжины детей - просто тайна. Все происходит в темноте, без единого слова, сказанного даже шепотом. Что же говорить о любовных ласках до и после. Это невозможно, достаточно только ласки во время! До и после не существует, и сама ласка должна быть быстрой - так что никто и не узнает.

Я гостил со своим дедушкой в доме одного из его друзей, а когда в доме очень близкий гость, то в Индии ему не позволяют спать в отдельной комнате, это считается негостеприимным. Мой дедушка и я спали в той же комнате, где спали друг моего дедушки, его сын и жена сына. И то, что я узнал... Мой дедушка был старым, поэтому время от времени он кашлял; его друг был еще старше и тоже кашлял время от времени. Из-за их кашля мне было трудно спать, поэтому время от времени я просыпался. И время от времени я видел, как сын друга моего дедушки занимался любовью со своей женой... тогда кашлял я.

Этого было достаточно. Этого было достаточно: он отпрыгивал в свою постель. И пока я оставался там, я не позволял ему спать с женой. В тот день, когда мы уезжали, он оттащил меня в сторону и сказал: «Ты шельмец!»

Я сказал: «Что? Почему вы называете меня шельмцом?»

Он сказал: «Ты кашлял как раз в то время... ты спал или нет? Те два старика, я знаю, они кашляют, - но не в точности в то самое время. Я так счастлив, что ты уезжаешь, потому что эти два месяца я не встречался со своей женой, ведь в тот момент, когда я направлялся к ее постели, ты начинал кашлять». А кашель - это такая вещь, что, когда начинал я, начинали кашлять и эти два старика; это как зараза. Один начинает, потом побуждение возникает и у другого.

Остановите сексуальную энергию людей, и она найдет какой-то другой выход. Религии выучили этот трюк: остановите сексуальную энергию - она движется и вызывает движение к Богу. Вскоре

это открыли и генералы: остановите сексуальную энергию, и человек готов сражаться, воевать; он жаждет сражаться.

Действительно, любое оружие Зигмунд Фрейд объясняет сексом. Он говорит, что когда вы бросаете нож в чье-то тело, то это сексуальное проникновение. Пуля - это сексуальное проникновение с далекого расстояния. Он слегка помешан на сексе, но какая-то истина в этом есть, ведь оружие изобретено не теми, кто сексуально удовлетворен. Тем это совсем не нужно.

Так что все эти объяснения касаются ваших сновидений, ведь ваши сновидения правдивее вашей бодрствующей жизни. В вашей бодрствующей жизни вы не бьете вашего учителя, но во сне вы делаете это. Это ваше настоящее желание. Если бы вам разрешили или у вас было бы достаточно власти, вы сделали бы это. Но это невозможно, не согласуется с реальностью. Во сне же вы свободны делать это; это своего рода замена реальности.

Так что ниже сознания находится подсознание, которое является полем ваших сновидений. Ниже подсознания находится бессознательное, которое является полем ваших снов без сновидений, когда вы находитесь в своего рода коме. Вы достигаете того же состояния, в котором вы находились в материнском чреве; отсюда вытекает ваше расслабление, отсюда вытекает ваше чувство обновления. После глубокого сна, когда вы просыпаетесь, вы свежи, молоды, полны энергии.

Если эти два часа упущены, то вы можете крутиться и вертеться и видеть во сне тысячи всяких вещей, но утром вы будете чувствовать себя такими же усталыми, как и тогда, когда вы ложились спать, может быть, даже еще больше. Эта кома необходима, потому что в этой коме прекращает функционировать ваш ум и верх берет ваше тело.

Когда вы в сознании, ум берет верх над телом; когда вы в бессознательном состоянии, тело берет верх над умом. И тело обладает мудростью, потому что тело гораздо древнее. Ум – это совсем недавнее достижение, очень недавнее приобретение, совсем любительское. Поэтому все важное по своей природе не досталось уму. Все важное досталось телу, и поэтому тело будет заботиться о себе более разумно, более профессионально, более мудро, без всяких ошибок, промашек.

Например, дыхание не досталось уму; в противном случае вы могли бы забывать о дыхании, особенно во сне. Что вы будете делать, когда наступает глубокий сон, дыхание прекращается. Нет, дыхание не досталось уму. Это функция тела, потому что оно существенно для вашей жизни. А ум является настолько любительским, настолько глупым, ведь он всего лишь пытается пробудиться, но еще не пробудился.

Природа предоставила всю власть телу, предоставила все существенные силы телу. Ваш ум можно отставить в сторону, и тело будет прекрасно функционировать.

На самом деле, ум постоянно всему препятствует. Он пытается превзойти тело, ведь ум - это экскурсант в стране власти, он хочет контролировать все.

Чем занимаются люди под именем йоги? Они пытаются контролировать даже свой пульс, они пытаются контролировать даже свое сердцебиение. Для чего? Что они выиграют от этого? Я видел людей, которые на протяжении сорока лет упражнялись в том, чтобы остановить свое сердцебиение; и конечно, если они так долго упражняются, то на время могут и остановить.

Но в чем выигрыш? Я не вижу никакого выигрыша. Я видел этих людей: вокруг них не увидишь никакой ауры, не услышишь никакого аромата. В их глазах не увидишь, что они обладают каким-то видением реальности. В их жизни не увидишь никакого влияния высшего сознания.

Но они обладают огромной властью над своим телом. Я видел людей, которые ложатся, и по ним проезжает автомобиль; они просто останавливают дыхание, и по ним проезжает автомобиль без всякого вреда для них. И все, что он сделал, это просто остановил дыхание. Останавливая свое дыхание, он может остановить и железнодорожный локомотив или любой автомобиль.

Странно... так получается, что как будто он становится скалой, настолько тяжелой, что автомобилю невозможно сдвинуть этого человека с места. Когда прекращается его дыхание, происходит так, как будто исчезают все его пустоты, и он становится твердой скалой. Земля и гравитация воздействуют на этого человека, может быть, в десять раз сильнее, чем на вас.

Похоже на то, что когда вы находитесь в воде, гравитация воздействует на вас меньше; вот почему вы можете плавать в воде. В воде вы без всяких проблем можете брать в руки тяжелые камни. Тот же камень без воды вы поднять не сможете.

Вода как-то усекает силу гравитации. Вода обладает качеством левитации, подъема вещей вверх; левитация противостоит гравитации. Именно поэтому в воде вы можете поднять своими руками тело более тяжелого человека, совсем как ребенка, так, как будто он ребенок. Без воды вы не можете сделать этого, он слишком тяжел.

Может быть, останавливая дыхание, - качество воздуха должно быть усиливает левитацию, - человек становится таким тяжелым, что сила гравитации становится почти в восемь раз больше, чем в его нормальном состоянии. Колеса крутятся, но автомобиль не может сдвинуться с места ни на дюйм.

Но в чем смысл всего этого? Я спрашивал этих людей: «Да, вы проделали великую работу, но мне все это кажется идиотизмом. Какой во всем этом смысл? Как через все это вы станете более духовными? Вы просто доказали, что теперь в вас восемь лошадиных сил. Автомобиль имеет шесть лошадиных сил, а у вас теперь восемь лошадиных сил».

Мы все еще меряем в лошадиных силах, потому что человеку нужно много времени, чтобы забыть старый язык. Сейчас лошади исчезают, исчезают повозки, запряженные лошадьми. Есть автомобили, самолеты, поезда, но все же мы меряем их силу в лошадях. Автомобиль в восемь лошадиных сил означает, что в вашем экипаже восемь лошадей.

Так что вы, конечно, сильнее кошки, но это ваша цель - стать мощным двигателем в автомобиле? И вы потратили сорок лет, чтобы выучиться этому трюку? Да, это оказывает влияние на людей, потому что каждый из них экскурсант в стране власти. Это показывает, какой великой силой обладает этот человек. Это заставляет вас чувствовать себя униженным; он внезапно становится выше вас.

Зачем эти миллионы людей продолжают смотреть матчи боксеров? Для чего? Два дурака бьют друг друга совсем без всякой причины... Если есть какой-нибудь предмет для спора, садитесь спокойно, вступайте в переговоры. Но нет предмета спора, нет проблемы; проблема только в

том, кто сильнее. Но и это может быть решено более по-человечески: просто бросьте монету и кончайте с этим. Но зачем бить друг друга и ломать друг другу кости? Носы кровоточат, глаза красные, а миллионы людей аплодируют, наслаждаясь своего рода отождествлением.

Есть поклонники Мухаммеда Али, есть поклонники и других Али. Так что два дурака занимаются своей глупостью, а миллионы дураков готовы поддерживать их, давать им представление о том, что они делают что-то важное. Я не думаю, что в немного более просвещенном человечестве будут существовать вещи, подобные боксу.

Бокс выглядит таким примитивным, таким безобразным, таким негуманным; но эти миллионы людей... И они не одни: миллионы людей будут сидеть перед своими телевизорами. Похоже, что все человечество привержено каким-то образом власти. Поэтому все, что показывает какую-то власть любого рода: власть денег, власть тела, власть политики, положения, статуса, чего угодно...

Два дня назад Шила принесла мне новость о том, как после убийства Индиры Ганди ее сын Раджив боролся на выборах, чтобы стать премьер-министром. Он очень умно выбрал людей: в качестве своих сподвижников он выбрал многих звезд кино. Бедный Винод проиграл! Если бы он был в Индии, он на следующий месяц был бы уже в кабинете министров. Его соперник в мире кино Амиабх Баччан... эти двое были самыми великими актерами в мире индийского кино. Вы удивитесь тому, что Индия производит больше фильмов, чем Голливуд. Голливуд - номер два, а Индия - номер один по производству фильмов.

Эти два человека, Амиабх и Винод, были двумя самыми великими. Он выбрал Амиабха в качестве одного из своих кандидатов, и Амиабх войдет в его кабинет абсолютно точно. Он победит, потому что актеры кино обладают определенной властью, определенными чарами, так, как будто они супермены. Он выбрал престарелых потомков королевских семей. Очень странный парень, но его выберут.

Майсор был одним из богатейших штатов Индии, потому что джунгли Майсора - это джунгли сандаловых деревьев, а сандал - самое ценное дерево в мире. Все джунгли были в частной собственности у магараджи Майсора. В Майсоре также самая большая популяция слонов, поэтому магараджа Майсора имеет в своем дворце величайшие бивни слонов. Все это уникально, потому что на протяжении тридцати шести поколений они были царями.

Теперь этот потомок - государства больше нет, но есть частная собственность: дворец оценивается в пятьдесят миллионов долларов или больше, обширный дворец, весь сделанный из итальянского мрамора. Его трон вообще не имеет цены, потому что на нем так много бриллиантов, так много сапфиров, так много рубинов, изумрудов, ведь в Майсоре много шахт, и царь имеет право на все лучшие камни, найденные в этих шахтах. Только золото в этом троне стоит около пятидесяти миллионов долларов. Золото трона и все эти бриллианты, рубины, сапфиры, изумруды - нет никакой возможности подсчитать, сколько все это стоит. Этот трон - единственный в своем роде, другого такого нет.

Этот молодой человек весит сто шестьдесят килограммов. Он никогда не выходит из дворца. Он говорит гнусаво, почти невнятно. Он никогда в своей жизни не говорил на публике, а как он мог бы говорить? Он говорит невнятно; может быть, лишь немногие слуги, которые находятся непрерывно с ним, понимают его. У него есть собака; ее зовут Кинки - и все, что он делает, - это

играет с Кинки.

И вот он был выбран Радживом в качестве кандидата. Он выиграет выборы, потому что кто в Майсоре может пойти против него? В Майсоре члены королевской семьи считаются потомками Бога. И тридцать шесть ничем не прерванных поколений королевской крови - и не в малых количествах: сто шестьдесят килограммов! Ему не нужно выступать с публичными речами. Он не может, он не выходит даже из своего дворца, но он выиграет. И он выиграл благодаря своему статусу и тому, что люди поклоняются ему. Никто не может пойти против него. У него есть деньги, и он даст их на проведение избирательной кампании, столько, сколько нужно.

Люди не осознают того, что они делают. Вот люди, которые отправляются голосовать за этого человека, можете ли вы назвать их человеческими существами? Может быть, Кинки гораздо более разумна, чем человек, играющий с ней; он ведь полный идиот. Он ничего не сделал в своей жизни; достаточно просто принадлежать королевской фамилии. И у него есть деньги, а деньги - это власть. Может быть, он станет и министром кабинета.

Когда вы крепко спите без сновидений, вы находитесь в состоянии бессознательного ума. Фрейд достиг бессознательного, анализируя сны. Если вы на правильном пути и правильно анализируете сны, происходит чудо: когда сон полностью проанализирован, - то есть вы полностью осознаете его причину, почему он случился, из чего он состоит, - когда вы осознали сон, его структуру, корни и все, тогда он исчезает.

Итак, осознание сна означает его смерть.

И через несколько лет психоанализа, когда все ваши сны постепенно исчезают... Вот тогда Фрейд осознал, что есть еще и другая глубина. Он умер до того, как сумел проникнуть в эту другую глубину, но он нашел ее, открыл ее: это бессознательное.

Юнг пытался пройти в бессознательное так глубоко, как это возможно. Проще, очень легко, достичь у человека бессознательного в состоянии гипноза. Поэтому в будущем гипноз станет неотъемлемой частью всякой психологии. В Индии так всегда и было, ведь три года психоанализа - это пустая трата времени. В три минуты вас можно загипнотизировать и весь ваш процесс сна может быть отложен в сторону; тогда откроется прямой доступ к бессознательному.

Из-за того, что Юнг интересовался гипнозом, Фрейд обвинял его в ненаучности. Это неправильно. Гипноз - это научный метод углубления в вас. И когда Юнг пытался углубиться в бессознательное, там обнаружился еще один слой: коллективное бессознательное, бессознательное всего человечества.

Оно есть у каждого; и иногда из этого коллективного бессознательного вы черпаете идеи, но поскольку они исходят из места, настолько удаленного от вашего сознания, вам кажется, что они приходят откуда-то извне вас. Когда Иисус слышит голос Божий, это не Бог говорит, это говорит коллективное бессознательное. Но оно так далеко, что бедного Иисуса можно простить. Он просто ошибается, и у него нет и понятия о том, что в глубинах есть глубины, за глубинами открываются новые глубины.

Это коллективное бессознательное связано с мифологией. Поэтому Юнг интересовался

мифологией для того, чтобы раскрыть его сущность, точно так же, как Фрейд интересовался снами для того, чтобы раскрыть сущность подсознания. Мифы — это сны, увиденные всем человечеством за многие тысячи лет, и эти мифы несут некоторую идею, некоторый смысл. Например, индийский миф о том, что жизнь впервые появилась в виде рыбы. Первое воплощение Бога - это матсиаватар: воплощение в виде рыбы. Странный миф - откуда они это взяли?

Из всего этого обширного множества животных, почему выбор пал на рыбу? Какое-то указание из их коллективного бессознательного. Сейчас наука говорит о том, что жизнь, по-видимому, впервые зародилась в океане. Это очень близко к рыбе. И ребенок в самом начале, во чреве матери, выглядит очень похожим на рыбу. Он исходит из этого состояния и проходит через все стадии, которые человек прошел за миллионы лет - есть момент, когда он выглядит как обезьяна.

Открытие Юнгом мифологии и ее связи с коллективным бессознательным чрезвычайно важно. Но он на этом остановился, потому что испугался, им овладела навязчивая идея смерти, точно так же, как Фрейдом овладела навязчивая идея секса. Все, что ни принеси к нему, - когда я говорю все, я имею в виду все, - он тут же умудряется превратить это в секс. Что бы это ни было, не имеет значения; он все мог сделать сексуальным.

Весь ум Фрейда был сфокусирован на одной точке; но, может быть, это и есть единственный способ. В этой короткой жизни, что может сделать человек? Если он может разрабатывать одну идею во всей ее полноте, то она должна превратиться для него в навязчивую идею, одержимость; иначе трудно, жизнь не так велика. Если вы все время прыгаете от одного к другому, то вам будет трудно двигаться в одном направлении до самого конца.

Таким образом, всеми учеными, всеми философами, всеми мыслителями овладевает одна конкретная идея. И они все пытаются подстроить под эту идею. Вот где они встают на неверный путь. Если бы они были более бдительны, они увидели бы, что жизнь обширна. Их идея значительна, но значительна только исходя из определенного аспекта.

Юнг очень боялся смерти; его преследовала навязчивая идея смерти. Как Зигмунд Фрейд был обуян сексом, так и Юнг был обуян смертью. И эти две навязчивые идеи не очень сильно отличаются друг от друга. Секс - это начало жизни, а смерть - это конец жизни. Секс - это альфа, а смерть - это омега; это один связанный алфавит. Это не различие, но отдаление, такое отдаление, что ни Фрейд, ни Юнг не смогли увидеть, что и то и другое касается одной вещи; но полюса эти были так отдалены друг от друга, что они не смогли соединить их.

Юнг очень сильно боялся смерти, и когда он подошел близко к еще одному слою, лежащему за коллективным бессознательным, он повернул назад. Он много раз пытался достигнуть идеи смерти. Он приехал в Индию, потому что именно в Индии люди на протяжении тысяч лет размышляли над всеми возможными аспектами жизни. Конечно, и о смерти в Индии размышляли больше, чем где бы то ни было, но он не встретил человека, который мог бы ему помочь.

Он спрашивал людей, получивших образование на Западе, — профессоров университетов, имевших западные ученые степени, докторов, имевших западные ученые степени, - ведь у него была навязчивая идея о том, что Запад и Восток не могут никогда встретиться. Эта идея стара;

она была высказана английским поэтом Редьярдом Киплингем: «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им не сойтись».

Где-то в уме Юнга эта идея оставалась всю его жизнь, и он настойчиво говорил своим ученикам, что Запад должен открыть свои собственные методы; он не должен использовать восточные методы, ведь они могут оказаться опасными: «Они — не наше наследие».

Это странная ситуация и странный аргумент. Человек, открывший коллективное бессознательное, все еще верит в Восток и Запад... Тогда есть два коллективных бессознательных: восточное коллективное бессознательное и западное коллективное бессознательное. Он так никогда и не осознал тот простой факт, что если вы говорите о коллективном бессознательном, то Восток - это больше не Восток, а Запад — это больше не Запад. А если вы думаете, что они не могут встретиться, то приходите сюда и посмотрите на Раджнишпурам: они встречаются. Они встретились!

Всего несколько дней назад один человек из Южной Африки объявил о новом конфликте. Он сказал, что настоящий конфликт существует не между Востоком и Западом, а между Севером и Югом. Об этом раньше никто не думал, это настоящее открытие. И в нем есть смысл. Есть конфликт, совсем как конфликт между Востоком и Западом, который хорошо известен и знаменит. Но Юг и Север тоже в конфликте между собой, и этот конфликт не так хорошо известен. Но тогда будет четыре коллективных бессознательных, и все становится очень трудным.

Но Юнг не осознавал этого. Он был уверен в одном: восточные методы не следует использовать. Поэтому он не встретился с единственным из живших в Индии людей, Раманой Махариши, который мог бы провести его на низший уровень, который Будда назвал космическим бессознательным. Но это состояние - почти смерть. Это смерть, потому что вас больше нет.

Есть космос, но вас больше нет.

Исчезает ищущий; он нашел то, что искал, и его больше нет.

Это квантовый скачок.

Подсознательное, бессознательное, коллективное и космическое бессознательные - вот четыре слоя, лежащие под вашим сознанием. Выше него тоже четыре слоя. Вопрос в том, как достичь высших состояний сознания.

Метод для этого очень странный, но есть только один путь. Сначала вы должны спуститься вниз. Вы должны войти в космическое бессознательное. Если вы не исчезнете в космическом бессознательном, вы не сможете войти в сверхсознание, первый уровень, лежащий выше сознания.

Вот что происходит на самом деле: когда вы входите в космическое бессознательное, ваше подсознательное, ваше бессознательное, ваше коллективное бессознательное, все исчезают, подобно маленьким рекам, впадающим в океан - обширный океан космической тьмы. Это смерть. И если вы не возродитесь, вы не войдете в царство Божье.

Иисус слышал, должно быть, это утверждение где-то в Индии, от буддийских монахов, поскольку оно ведь не имеет источника в иудейской религии. Его единственным источником может быть только буддийский источник, потому что именно этому и учил Будда: вы тонете в космическом бессознательном, и когда вы входите в него, все вокруг тьма, вы совершенно теряетесь. Но подождите - не торопитесь и не отступайте назад. Не бегите назад, ведь куда же вы пойдете? Вы вернетесь обратно в тот же рутинный мир, в котором и жили.

Не бегите. Подождите, подождите мгновение. И пока вы ждете, тьма становится все менее и менее темной. Почти похоже на то, как вы входите в дом с яркого солнца и внезапно видите тьму, потому что ваши глаза настроены на яркий свет снаружи. Солнечный свет так ярок, что ваши зрачки сужаются. Они не могут вынести так много света, они становятся маленькими, очень маленькими. И вот вы внезапно входите в дом; вашим глазам требуется немного времени, чтобы настроиться на новую ситуацию; солнца нет больше. Ваши зрачки начинают увеличиваться. Когда они увеличиваются, в доме прибавляется света.

Это похоже на то, как воры пробираются в ваш дом ночью, когда все темно... Вы сами в своем доме не можете двигаться; вы можете натолкнуться на эту доску, на этот стул, на этот стол. Но вор, который никогда и не был в вашем доме, который ничего не знает в вашем доме, ходит в темноте и, ни на что не наталкиваясь, находит в точности то место, где вы храните все ваши драгоценности. Для этого требуется тренировка, это искусство. Конечно, это преступление. Но это другой вопрос; я его не касаюсь. Но это и искусство.

Вот знаменитая дзэнская история: великий Учитель, который был также и главным вором, состарился. Его сын попросил его: «До того как вы умрете, научите меня, пожалуйста, вашему искусству воровства».

Он сказал: «Я ждал, что ты попросишь об этом, мы ведь никогда ничего не навязывали; искусство - это нечто, к чему нужно иметь чувство. Если ты готов, то готов и я. Сегодня начало твоего учения. Сегодня вечером пойдешь со мною».

Старик взял с собой молодого человека. Молодой человек дрожал, его сердце сильно билось. Он оглядывался из стороны в сторону, но отец двигался легко, так, как будто отправлялся на утреннюю прогулку. Он прорезает отверстие в стене - сын покрывается потом в холодную зимнюю ночь. А отец делает свою работу так тихо, так искусно, что сын только удивляется.

Отец входит внутрь, зовет туда же и сына. Они движутся внутри дома. У отца есть ключ от всех замков, он открывает все двери. Они достигают самой сокровенной палаты дворца. Отец открывает шкаф, шкаф, в который может войти человек, и говорит сыну войти в него. Сын дрожит, просто дрожит. Он входит в шкаф и спрашивает: «Что мне нужно делать?»

Он сказал: «Просто входи. Тебе ничего не нужно делать. Просто входи, и пусть случится то, что случится».

Он вошел в шкаф. Отец закрыл дверь и убежал, оставляя сына в шкафу, а убегая, он кричал: «Вор! Вор!» - да так, что весь дом проснулся. Все слуги бегали туда и сюда и повсюду искали с факелами. И они нашли отверстие в стене... конечно, кто-то вошел внутрь. Одна служанка, внимательно рассматривая пол, нашла следы ног и подошла близко к гардеробу.

Сын весь внимание; он даже не дышит. Он знает, что сейчас кто-то здесь рядом и приближается, держа горящий факел: «Вскоре они откроют шкаф, и меня схватят. А этот старик... в какой несчастный момент попросил я его научить меня его искусству; разве так учат? Он покончил со мной на первом же уроке».

Но вдруг - и это глас Божий - он слышит, что кто-то внутри него говорит: «Издай звук, как будто кто-то скребется, как будто скребется или ест крыса». Он не мог поверить этому — кто же говорит внутри него? Он никогда не слышал такого: издать звук, как будто скребется крыса? Он издал такой звук, и женщина открыла дверь... конечно, внутри крыса. Она открыла дверь, и он вышел.

Она держала в своих руках только лишь свечу. Он задул свечу и выбежал прочь. Когда он выбегал, люди погнались за ним. Он не мог выразить, кто же это сказал ему: «Задууй свечу». Он слышал голос, который сказал ему: «Задууй свечу и беги прочь», - но это была не его мысль, потому что он услышал ее; она откуда-то пришла.

И теперь в темноте ночи он бежит, люди гонятся за ним, они приближаются, они все ближе и ближе, они кричат: «Он здесь! Хватай его!» - они уже видят его.

Он приближается к колодецу, и голос внутри него говорит: «Возьми камень и брось его в колодец». И он берет камень... Нет времени на то, чтобы задавать вопросы, что и почему или: «Кто ты?» и «Зачем это нужно?» Это вопросы, которые можно задавать, привычно и удобно расположившись в классе, когда не нужно спешить с ответом - да на самом деле вам и не нужен ответ. Но в такой ситуации, когда его вот-вот схватят, голос говорит, и он следует его словам.

Он бросает камень в колодец и убегает. Камень, падая в колодец, производит, конечно, большой шум, и все люди, которые преследовали его, останавливаются возле колодца. Теперь нужно сделать некоторые приготовления: нужно принести побольше света, кто-то должен спуститься вниз и посмотреть, что это за человек, жив он или мертв. Теперь меняется все настроение их умов.

Он добирается до своего дома, по-настоящему злой, почти готовый убить своего отца. А отец его крепко спит, укрывшись своим одеялом... ночь была холодная. Он стаскивает с него одеяло и говорит: «Это что, способ учить своего собственного сына?»

Он говорит: «Ты вернулся? Этого достаточно; ты научился моему искусству. Теперь отправляйся спать, мы обсудим это утром».

Но сын сказал: «Но вы должны расспросить меня, как...»

Он сказал: «Это не имеет значения. Ты вернулся, а это “как” мы обсудим утром. И я знаю, как, потому что тот же самый голос, который говорил в тебе, говорил и во мне всю мою жизнь. Именно поэтому я и есть главный вор. Это была не работа мозга, это была не работа ума; это шло из самой глубины меня. Я следовал только за самым глубоким во мне, и я никогда не ошибался».

«Ты вернулся; это означает просто, что ты слышал его, в этом и состоит весь секрет искусства. Другого урока нет. Первый урок является и последним. Если бы ты не вернулся, то это означало

бы, что студент не выжил уже на первом уроке: с ним покончено. Он был неспособным».

Вам нужно прыгнуть.

Сначала будет темно, очень темно.

Останьтесь в этой тьме.

Тьма имеет свою собственную красоту.

Вы познали красоту света, красоту цветов и деревьев, мужчин и женщин: все это красиво в свете, благодаря свету. Все это отражения света: различные цвета, различные лица, различные цветы, и все это мир света.

Вы не познали еще молчания, глубины, безграничности тьмы. Она имеет свою собственную красоту, совершенно иную.

Это красота смерти.

И когда вы позволите темноте случиться, когда вы расслабитесь в ней, вы скажете: «Хорошо. Если это смерть, то пусть будет смерть, но я не вернусь». Когда вы расслабляетесь в этой тьме космического бессознательного, тогда постепенно начинает становиться светлее.

И первый проблеск света - это начало сверхсознания.

Когда становится еще светлее, настолько, что вы начинаете видеть потрясающую пустоту, тогда это сверхсверхсознание. Когда свет становится настолько сильным, что оказывается невыносимым, - снова вы можете почувствовать себя убегающими, - это коллективное сознание. Это не только ваше сознание, это сознание всех человеческих существ, всей истории человечества, во всей ее всеобщности, сконденсированное сознание. Поэтому оно и так ярко.

Как пугает вас тьма, так и яркость ослепляет и пугает вас. Не бойтесь, здесь нечего бояться. Это ваша природа; нечего бояться, это ваше существо. Если вы допускаете такую потрясающую интенсивность света коллективного сознания, то вы тогда входите в космическое сознание.

Космическое сознание - это ни тьма, ни свет.

Если вы можете найти самую среднюю точку между светом и тьмою, - очень спокойную, теплую со стороны света, прохладную со стороны тьмы, - то это и есть встреча, предельная встреча полярных противоположностей.

Это космическое сознание и есть то, что я называю просветлением.

Вы потерялись во тьме, но страх, дрожь, смерть, окружающая вас, все же удерживает здесь что-то от вас: очень тонкое эго, за которое нельзя и ухватиться. Вам кажется, что вы потерялись, но вы все еще здесь, потому что вы боитесь. Если вас нет, то кто же боится? Тьмы так много, что вы фокусируетесь на ней, и вы совершенно не фокусируетесь на себе.

В космическом сознании вы теряетесь по-настоящему. Нет страха, нет способа вернуться назад

или уйти куда-нибудь. Поэтому я и называю это прибытием - туда, откуда, на самом деле, вы никогда и не уходили. Это всегда было над вами, висело над вами, миллионы жизней, и ждало, ждало. Но чтобы достичь этого, вам придется пройти, прежде всего, к самым корням.

Фридрих Ницше снова... ведь я нахожу этого человека потрясающе пронизательным. В целом он - мешанина, но во фрагментах он обладает таким пронизательным видением, которое редко где случается. Он говорит: «До того как вы сможете достичь небес, вам придется достичь ада. Если вы не поймете полностью ада, не будет пути на небеса».

Это выглядит очень абсурдно. А он обычно и писал максимами; он никогда не писал эссе, в которых все объясняется, это был не его метод. Проникновения никогда не возникают в эссе, в диссертациях; они никогда не приходят к получившим ученые степени доктора философии, доктора литературы. Нет. Для получения степени доктора философии вам нужно сидеть в библиотеке и делать работу клерка, собирая понемногу оттуда и отсюда. Вы можете просто взять ножницы, и если вы вырежете из этой книги и из той книги, из этого журнала и из того журнала и соберете все это в папку, то рано или поздно вы станете доктором философии. Ничего другого в этом нет.

Человек вроде Ницше писал только максимы. Один раз он неожиданно напишет максиму, а потом несколько месяцев он не будет писать ничего. В этом значение того, что он говорит... Вот Иисус этого понять не может. Иисус говорит: «Если хочешь избежать ада, приходи, следуй за мною, я отведу тебя на небеса». Ницше же говорит: «Если избегаешь ада, то тем самым избегаешь и небес, потому что небеса - это второй шаг. А ты упустил шаг первый».

В другом пассаже, аналогичном пассаже, Ницше говорит: «Перед тем как сможешь добраться до вершины дерева и понять цветы, распустившиеся там, тебе придется углубиться к корням, потому что секрет лежит там. И чем глубже уходят корни, тем выше поднимается дерево». Так что, чем сильнее вы стремитесь к постижению космического сознания, - ведь это предельный лотос, лотос рая, - тем дальше вы должны пройти к глубочайшим корням в темном подземелье; и путь только один.

Называйте его медитацией, называйте его осознанностью, называйте его бдительностью, - все придет к тому же: вы становитесь более бдительными, сначала в том, что касается вашего ума, того, что происходит в вашем сознательном уме... И это прекрасное переживание. Это по-настоящему весело, это великая панорама.

В моем детстве в моем городе не было кино. Не было кинотеатра. Теперь есть, но детство мое прошло. Единственное, что было доступно, это то, что время от времени приходил странник с большим ящиком. Я не знаю, как это называется. В нем было маленькое окошко. Он открывает окошко, вы приставляете к нему свой глаз, он крутит ручку, и внутри проходит фильм. А он рассказывает историю того, что там происходит.

Все остальное я забыл, но одну вещь я не могу забыть по определенной причине. Причина, я знаю, была, потому что это повторялось в каждом ящике, который проходил через нашу деревню. Я пересмотрел их все, ведь стоило это всего лишь один пайс. И представление было не слишком длинным, всего пять минут. В каждом ящике были разные фильмы, но одна картина была всегда: голая прачка из Бомбея. Почему эта картина была в каждом ящике? Очень толстая голая женщина, голая прачка из Бомбея. Эта картина была всегда... может быть, она была очень

привлекательна, или люди были поклонниками голой прачки; а была она по-настоящему безобразна. И почему из Бомбея?

Если вы начинали смотреть... всякий раз, когда у вас есть время, просто посидите тихо и понаблюдайте за тем, что происходит в вашем уме. Не нужно судить происходящее, ведь если вы судите, ум немедленно изменяет свои сцены в угоду вам. Ум очень чувствителен, восприимчив. Если он чувствует, что вы судите его, он начнет показывать хорошие вещи. Тогда он не покажет вам голой прачки из Бомбея, эта картина будет опущена. Поэтому не судите, и картина обязательно придет.

Не судите, не выдвигайте никаких обвинений, не делайте никаких предпочтений. Будьте безразличными. Вы просто сидите тихо и смотрите на вещи, что бы ни происходило. Будут происходить абсурдные вещи: лошадь становится человеком... Вам не нужно спрашивать почему, нет необходимости спрашивать, вы просто видите это.

Для всего происходящего вы должны оставаться просто наблюдателем.

И это та стратегия, которая поможет всей декорации медленно исчезнуть из сознательного ума.

А когда сознательный ум исчезает с экрана, начинает проявляться подсознательное.

Подсознательное более красочно, многоцветно. Сознательный ум просто черно-белый, старого стиля. А подсознательное очень красочно, гораздо более значительно, гораздо более истинно.

Но помните, что не следует судить; иначе подсознательное ускользнет вниз и вы вернетесь в сознание.

Так что две вещи: не надо судить, нужно просто быть бдительным.

Вскоре вы найдете, что эти картины тоже исчезают. Тогда появляется бессознательное, которое имеет сказать вам очень странные, очень загадочные вещи. Не нужно бояться; это голоса из прошлого, из ваших прошлых жизней и прошлых жизней других людей. Они несут картины ваших прошлых жизней и прошлых жизней других людей. Теперь вы входите в более густой лес, потрясающего размера. Не пугайтесь. Эти голоса очень сильны, и это не только одни голоса...

Бессознательное запоминает не только голоса, не только картины, оно запоминает все переживания всех ваших чувств. Вы будете ощущать запахи вещей, которых никогда не нюхали... но когда-то в прошлом, вы, наверное, ощутили этот запах; и он все еще здесь. Вы можете слышать музыку, неизвестную вам. Вы можете слышать языки, которых абсолютно не знали. Вы можете ощущать вкус незнакомой пищи. Все пять чувств будут поставлять вам свои переживания от многих и многих жизней. Вам же нужно оставаться просто наблюдателем, не судьей. Потом и это начнет исчезать.

И когда открывается коллективное бессознательное, тогда и животные, и деревья, и птицы - все доступно вам. Вы не отделены от них. Истории, подобные истории святого Франциска, могут быть правдивыми. Но в них нет чуда. Этот человек, по-видимому, самый важный человек во всей христианской истории, потому что он разговаривал с птицами, животными, и они понимали его.

Он сидел на берегу реки и начинал звать рыб, и рыбы прыгали вокруг него, слушали его. И он разговаривал с ними. Он говорил: «Сестры, кто вы?» Его ученики думали, что он сумасшедший, но они не смели сказать этого, потому что видели, как рыбы слушали его, кивали своими головами. Даже осла, на котором он ездил, он называл: «Брат осел». Ему нужно было только сказать: «Брат осел, двигай вперед», - и осел двигал вперед.

Когда он умирал, его последние слова были обращены не к человеку, они были сказаны ослу. Он сказал: «Спасибо, брат осел; ты носил меня всю свою жизнь, и я тебе чрезвычайно благодарен», - и на глазах осла стояли слезы. Когда умер Франциск, умер и осел. Он не смог перенести разлуки.

В этом нет ничего чудесного. Этот человек прошел через коллективное бессознательное; может быть, еще одной жизнью больше, и он смог бы войти в космическое бессознательное; а оттуда начинается полет вверх.

Очень странно: если вы хотите подняться над сознанием, вам нужно спуститься ниже сознания. Но это единственный метод.

Мое название ему - медитация.

Но медитация - это эквивалент наблюдательности, осознанности, бдительности

Беседа 27

БАПТИЗМ: БРОД ДЛЯ ГОДО

26 декабря 1984 года

Бхагаван,

Что бы Вы хотели, чтобы делал человек? Что для Вас правильно и неправильно? Есть ли для Вас что-то подобное греху и наказанию за него?

Меня беспокоит не то, что человек делает, а то, что он собой представляет. И это весьма фундаментальное высказывание, которое вам нужно понять.

Все религии были озабочены тем, что человек делает. Они поместили некоторые действия как неправильные, а другие как правильные, некоторые действия как хорошие, а некоторые как плохие. Они совсем не размышляли над реальной проблемой.

Человек спит, и когда он спит, вопрос не в том, что он должен делать и чего он не должен делать. Вопрос таков: он должен проснуться, он должен пробудиться.

И помните, пробуждение - это не вопрос того, чтобы делать правильное, избегать неправильного, не совершать греха, творить добродетель.

Человеческий сон - это не обыкновенный сон. Он ходит, он говорит, он что-то делает, но все это делается во сне. Поэтому, когда я говорю, что человек спит, я имею в виду, что он спит метафизически, духовно.

Он ничего не знает о себе.

Его сокровенный центр пребывает во тьме, и общество, религии, родители, культура, цивилизации - никто не беспокоится о том, чтобы он проснулся. Их заботит только то, чтобы он делал вещи, удобные для них, привычные для них.

Они вознаграждают вас, они платят вам уважением, они поощряют вашу алчность: даже и в другой жизни, если вы будете продолжать делать правильные вещи, вы будете обильно вознаграждены, а если вы будете делать неправильные вещи, вы будете наказаны, тяжело наказаны.

Столетия обусловленности заставили вас задать этот вопрос. Меня совсем не интересует, что вы делаете, ведь спящий человек не осознает себя, - что бы он ни делал, все неправильно.

Позвольте мне повторить: что бы ни делал спящий человек, все неправильно.

Он может совершать добродетельные действия: милосердие к бедным, открытие больниц, школ, колледжей, университетов; образование людей, жертвования на разные цели, помощь в различных бедствиях, - но я все же говорю, что все, что он делает, все неправильно, он ведь спит.

Он не может делать правильное.

Во сне никогда не было возможности сделать что-нибудь правильное.

Как раз на днях Шила принесла мне новость: в Индии, в одном из крупнейших городов, в Бхопале, несколько дней назад произошло большое происшествие. Одна из больших фабрик, производивших некоторый отравляющий газ, - может быть, для военных целей, - взорвалась. Она находится как раз посреди города. Две тысячи людей, находившихся вблизи фабрики, тут же умерли, а сто тысяч людей получили серьезные отравления.

Это большое происшествие, и, естественно, - вы можете догадаться, - мать Тереза прибежала из Калькутты в Бхопал, ведь люди, подобные матери Терезе, каждый день молятся Господу: «Дай нам возможность служить». И Господь, их Господь, настолько сострадателен, что дает им возможности к служению. Она отправилась в Бхопал, ходила среди отравившихся, ходила в семьи, где умерли люди, и то, что она говорила им, очень важно. Она говорила: «Не принимайте это как трагедию».

Этим и занимались религии на протяжении тысячелетий: дурачили людей. Это трагедия. Она говорила людям: «Не думайте об этом как о трагедии, это великая возможность. Смотрите на это положительно. Это выявит лучшее в человеке. Так много людей служат другим людям, помогают всеми возможными способами. Посмотрите на эту сторону происходящего: ситуация выявила все самое лучшее в тысячах людей. Они в своей жизни, может быть, не сделали ничего хорошего, но делают сейчас».

Понимаете ли вы, что следует из этого? Это означает, что такое должно произойти на каждой фабрике! Такое должно произойти в каждом городе, ведь это выявляет в людях самое лучшее. Что может быть прекраснее этого? Великая возможность быть хорошим, творить добро, служить

тем, кто нуждается в вашем служении, помогать тем, кто находится в беспомощном положении. Это Богом данная возможность для делателей добра. И никто не возразил ей!

Может быть, я единственный человек здесь, на всей этой земле, который указал на то, что все это - одурачивание людей. Это камуфляж, фальшивый религиозный жаргон. Если Бог вообще имеет какой-либо здравый смысл, какой-либо разум, Он должен найти какой-то другой способ выявления лучшего в людях. Этот же способ выглядит не очень разумным. Если Бог делает это, то где же тогда дьявол? И что будет делать этот дьявол? Бог взял на себя всю его работу; дьявол остался безработным.

И люди аплодировали ей; она великая святая. И какой же подарок принесла она им? Маленькую скульптуру матери Марии. Великая помощь: «Молитесь матери Марии, и не воспринимайте это как трагедию, и не жалуйтесь на то, что это ошибка или халатность отдельных служащих; нет, это нехорошо».

Конечно, если бы эти люди не были беззаботными и эти служащие не допустили бы трагедии, тогда мать Тереза не смогла бы стать святой. Ее святость зависит от этих глупых служащих, от этой бюрократии. А теперь она утешает детей, убеждает их в том, что это Богом данная возможность.

Умерли две тысячи человек, две тысячи семей остались на улице; дети, жены, престарелые родители станут нищими. Сто тысяч человек получили серьезные отравления; многие из них умрут, а если не умрут, то будут искалечены на всю жизнь: кто-то ослепнет, кто-то будет без ног, кто-то без рук, кто-то оглохнет, кто-то онемеет. Мать Тереза утешает этих людей, дает им Мадонну, скульптуру матери Марии, говоря при этом: «Молитесь матери Марии, и все будет в порядке - и не жалуйтесь на этих служащих».

Это странно! Почему? Ведь эти чиновники, правительство, продолжают изливать деньги на ее милосердие: «Вся помощь матери Терезе, все великие титулы страны матери Терезе». Все университеты соревнуются между собой в присуждении матери Терезе степени доктора литературы; естественно и она должна защищать этих людей. Эти люди должны понести наказание за свою халатность, - но она защищает их: «Не жалуйтесь, ведь ваша жалоба означает, что вы воспринимаете вещи негативно. Принимайте их позитивно».

Она делает сразу две вещи: утешает людей - что есть полная чушь, поскольку это утешение не поможет; трагедия не превратится в комедию, они будут вынуждены страдать. И, во-вторых, она защищает виновных. Они же должны быть по-настоящему наказаны! Но их не следует наказывать: «Не жалуйтесь на них», — ведь она пользуется благожелательностью правительства, пользуется благосклонностью официальных кругов, иерархии, бюрократии.

И последнее, что она сделала и что было ее настоящей целью, когда она приехала туда, она сказала своему секретарю записать имена всех сирот. Многие дети стали сиротами. Это была ее настоящая цель: она ищет сирот. У нее есть много приютов для сирот, которые являются по сути фабриками для обращения сирот в католиков. Вы понимаете эту работу, чудеса, творимые святыми!

Она заберет с собой всех этих сирот. Правительство будет счастливо, люди будут счастливы, город будет счастлив тем, что эти бедные дети... Кто бы позаботился о них? Они были бы

досадной помехой. И в Индии, если умирают две тысячи человек, то это означает, что по меньшей мере двадцать четыре тысячи детей остаются сиротами. Это великий шанс, который она не может упустить.

Калькутта очень далеко от Бхопала - тридцать часов на поезде, - но она ринулась туда немедленно. Никто не замечает, куда исчезают эти сироты. Она все время собирает их, так куда же потом они исчезают? Она все время передает их для адаптации в католические семьи, - но помните, только в католические семьи.

Один американец хотел иметь ребенка; он просто отправился за ним, поскольку доктора сказали, что ситуация его такова, что он со своей женой ребенка иметь не может; они должны усыновить его. Он просто отправился в Индию, чтобы получить ребенка от матери Терезы. Но он забыл одну вещь: он протестант. Он никогда и не думал об этом. И когда он хотел усыновить ребенка, секретарь спросил его о его религии, ей ведь нужно заполнить форму. Когда же он сказал, что он протестант, она сказала: «Есть трудности. Прямо сейчас у нас нет ни одного сироты для усыновления».

Чтобы в Индии и не было ни одного сироты!.. Да мать Тереза каждый день собирает по сотне сирот. А если нет сирот, то почему вы пожелали, чтобы он прежде всего заполнил форму? Вам следовало бы сразу же сказать ему: «Прямо сейчас сирот нет, мы беспомощны. Мы проинформируем вас; оставьте нам ваш адрес».

Но секретарь хотела дать ему ребенка, - просто заполняйте форму, входите внутрь и выбирайте ребенка, - но поскольку он был протестантом... И он все-таки христианин, а что же говорить об индусах, мусульманах или джайнах. И вместе с тем эти дети - дети индусов, джайнов, мусульман.

Например, в Бхопале - Бхопал мусульманский город - эти дети будут в основном мусульманами. Их не отдадут мусульманам, индусам, джайнам - будут отвергнуты даже протестантские христиане. И каково же оправдание: «Сирот нет». В этом сиротском приюте уже семьсот сирот, а секретарь отказала в одном.

Эти дети увеличивают католическое население. Бог благ, сострадателен: пусть взорвутся все фабрики. Пусть все станут сиротами, чтобы число католиков увеличивалось на миллионы, и папа снова станет тогда императором почти всего мира.

Неудивительно, что папа уважает мать Терезу и наделяет ее всеми великими церковными титулами. Неудивительно, что она получает Нобелевскую премию, ведь ее рекомендовал сам папа. Вам не получить Нобелевской премии, если вам не даст рекомендацию определенная категория людей. Это должны быть или обладатели Нобелевской премии, или короли, королевы, президенты, премьер-министры.

Папа - король в этом маленьком королевстве Ватикане, в котором всего восемь квадратных миль. Он король в своем королевстве - у него двадцать солдат и шестьсот миллионов католиков по всему миру. Он обладает большой властью, и люди, подобные матери Терезе, работают повсюду, чтобы привести к нему все больше и больше людей.

Вы спрашиваете меня, что я хочу, чтобы делал человек.

Первое: я хочу, чтобы человек осознал, что он спит, потому что, если он не признает и не поймет, что он спит, он не сможет пробудиться. Можно ли разбудить человека, который думает, что он бодрствует? Он даст вам пощечину! «Прекрати всю эту чепуху, я не сплю! Что ты делаешь?» Прежде всего, вы должны признать это, выработать в себе признание.

Я всегда любил эту вот историю. Несколько друзей напились в ночь полной луны. Ночь была так прекрасна и им хотелось наслаждаться ею, поэтому они напились допьяна и пошли к прекрасной реке. Лодочник ушел, оставив лодки на берегу реки. Была полночь, полная луна стояла как раз у них над головами, и все вокруг казалось сказочной страной.

Увидев лодки, один из друзей сказал: «Будет здорово, если мы поедem в лодке по реке. Только посмотрите! Луна отражается в реке, и когда что-нибудь - водяная птица или что-то другое - проплывает по реке, вся вода становится серебряной. Луна растекается по всей реке».

Они были лишь немного в себе, как это свойственно человеку: на девяносто девять процентов они были пьяны. Они забрались в лодку, взяли весла и поплыли по реке. Те, кто просто сидел, говорили людям, сидевшим на веслах: «Давай быстрее, это так прекрасно. Не надо медленно, прибавьте ходу». Сидевшие на веслах старались изо всех сил и покрывались потом.

Ближе к утру один из них сказал — ведь подул холодный ветер и они уже немного пришли в чувство - один из них сказал: «Мы, должно быть, проплыли много миль от нашего места. Кто-нибудь должен выйти и посмотреть, где мы находимся, чтобы мы смогли вернуться домой. Скоро начнет вставать солнце, а до этого нам нужно вернуться; иначе лодочник, чью лодку мы взяли без спросу, устроит нам неприятности».

Один человек поднялся и начал смеяться как сумасшедший. Они сказали: «Почему ты смеешься?»

Он сказал: «Подойдите сюда, и вы рассмеетесь».

Они все поднялись - и так и сели от смеха, потому что они забыли отцепить лодку! Всю ночь они гребли, старались плыть быстрее и быстрее, а оставались в точности на том же самом месте, откуда стартовали. Ни на дюйм... лодка была привязана к берегу, она была на замке.

Это история о человеке, как он есть.

Вот и мать Тереза, должно быть, думает, что творит добро. Я не сомневаюсь в ее намерениях, но у меня большие сомнения в ее бодрствовании. Она не проснулась, она крепко спит. Во сне, самое большее, вы можете видеть хорошие сны или плохие сны; но какое это имеет значение? Если это сон, снится ли вам рай или ад, какое это имеет значение? Утром вы обнаружите, что и то и другое было сном.

Вам может присниться, что вы вор или монах. И конечно, во сне вы будете радоваться тому, что вы монах, и с этой радостью придет эго; это неотъемлемая часть очень отточенного, культурного эго. А если вы вор, тогда, конечно, даже во сне вы почувствуете себя плохо оттого, что, к несчастью, стали вором. Вы не хотите быть им, но обстоятельства заставили вас стать вором, хотя это и грех.

Вы спрашиваете меня, есть ли что-либо, похожее на грех?

Есть только один грех: не признавать свой сон, не признавать свое состояние глубокого гипнотического транса. Это единственный грех. Другого греха нет.

Из этого греха возникают миллионы вещей, но корень здесь. И если этот грех есть, вы ничего не можете делать правильно. Если вы даже и пытаетесь что-то делать правильно, вы будете делать это исходя из неправильных причин, неправильных мотивов. Действие может выглядеть правильным, но мотивация будет неправильной. Вы неправильные; так откуда вам взять правильную мотивацию?

Так ради чего бегают повсюду мать Тереза в свои старые годы? Должна приходить пора отправляться на покой даже святым. Эти бедные святые никогда не уходят на пенсию; они становятся дряхлыми, но никто не увольняет их. Никто не говорит им: «Отправляйтесь на покой, вы поработали достаточно. Теперь пусть другие творят добрые дела; иначе вы станете на небесах монополистом. Поделитесь и с другими праведниками. Отправляйтесь сейчас на пенсию, и мы будем творить добро, которое творили вы». Но нет, святые никогда не уходят на пенсию.

Грешники уходят, а святые никогда.

Странно... Это потому, что праведник никогда не устает, и причина здесь та, что его эго становится все сильнее и сильнее. Он накапливает добродетель; его сокровище в ином мире становится все больше и больше. Он с каждым днем становится ближе к Богу, поэтому, конечно, ему нужны сироты, ему нужны несчастные случаи, ему нужны бедные люди.

С одной стороны, папа говорит: «Идея классовой борьбы - это грех. Бедность должна оставаться бедностью; они не должны предпринимать никаких усилий по изменению структуры общества. Это единственное общество, данное им Богом. Кто вы такие, чтобы думать, что можете улучшить общество?»

«Если есть классовая структура, то это великая возможность, а не трагедия. Если вы бедны, то это великая возможность: блаженны нищие, ибо их есть царствие Божье. Если вы хотите царствия Божьего, то не предпринимайте тогда никаких попыток изменить общество, сделать революцию, создать некоторого рода структуру, где не будет большого различия между богатством и бедностью».

Я знаю, спящему человеку будет трудно создать общество, где совсем не будет классов.

Бесклассовым может быть только просветленное общество.

До этого бесклассовое общество невозможно.

Маркс так же спит, как и вы.

Коммунисты так же спят, как и капиталисты.

Вот и в России, что случилось? Прошло шестьдесят лет, даже больше. Они сменили старую структуру; теперь нет никого, кто беден, и никого, кто богат. Это разделение уничтожено, но пришло новое разделение: между бюрократией - теми, кто в руководстве, - и обыкновенными

гражданами. Сейчас вся власть в руках бюрократии; и гораздо больше, чем ее когда-либо было в руках богатых людей.

Богатые люди обладают властью потому, что они обладают деньгами; за деньги они могли купить все. Но в России бюрократия обладает полной властью над каждым человеком: дать вам жить, или покончить с вами, держать вас в стране, или отправить в Сибирь умирать в мире вечного льда. Они имеют власть над вашей жизнью и смертью. Такой власти никогда не было в руках людей, имевших деньги.

Да, богатые обладали властью. Они могли иметь дома, лучше, чем у вас, они могли иметь больше роскоши, больше удобств, чем вы, но они не имели прав над вашей жизнью и смертью. Если они и убивали вас, то суд рассматривал их так же, как всех остальных. Может быть, они могли устроить так, чтобы подкупить суд, судью, но и то очень косвенно, с большим трудом. В России все это вопиюще обнажено; прямая власть в руках бюрократии.

Я слышал о том, что, когда умирал Сталин... Сталин оставался у власти, может быть, больше всех остальных людей в мире. Александр Великий умер совсем молодым; ему было тридцать три, столько же было и Иисусу, когда умер он. Наполеон Бонапарт умер на маленьком острове Святой Елены заключенным. Адольф Гитлер покончил с собой.

Сталин представляется единственным человеком во всей истории, который правил величайшей империей - Россия ведь занимает одну шестую часть всей земли - почти столетия. Он обладал всеми видами власти, которые можно только себе представить. Он убил миллионы людей. Никто не мог даже поднять пальца, потому что движение лишь пальца против Сталина - и на следующий день вы исчезаете.

Когда он умер, к власти пришел Хрущев, его второй человек, самая верная его рука. И на первом же съезде коммунистической партии он выступил против Сталина. Он сказал: «Все эти года я наблюдал, что делал этот человек. Он вернул классы; изменилось только название. Есть люди власти, и есть люди без власти, и расстояние между ними то же, что и раньше. На самом деле, расстояние увеличилось, оно стало больше, оно стало потрясающе большим», - ведь в капиталистической стране у бедного человека есть все шансы выдвинуться в более высокое общество.

Генри Форд не родился богатым человеком, а стал богатейшим человеком в мире, и все благодаря своему собственному таланту, своему гению. Когда он был ребенком, он чистил ботинки людям. А когда родились его дети, он уже двигался выше и выше, становился все богаче и богаче. Когда они вернулись из колледжа, он сказал: «Сначала начните чистить людям ботинки перед фабрикой, - где он строил автомобили Форда, - начните с чистки обуви перед воротами».

Они были потрясены. Они сказали: «Что вы говорите? Мы ваши сыновья, и мы должны чистить обувь вашим слугам, вашим рабочим?»

Генри Форд сказал: «Именно поэтому я сделал это, и я бы не хотел, чтобы вы просто унаследовали капитал; это ниже вашего достоинства. Вы Форды. Вы должны заработать, вы должны показать свой дух». И вы удивитесь - его сыновья вынуждены были чистить людям обувь перед фабрикой самого Форда. Этот человек был абсолютно прав: эти люди, начавшие от самой

стартовой черты, стали богатыми по своему собственному праву. И Форд сказал: «Теперь все мое принадлежит вам. Вы заслужили это». Но недостаточно просто быть сыном Генри Форда.

В капиталистическом обществе бедному человеку подняться трудно, но не невозможно. На самом деле, дети богатых людей, из-за того что они рождаются в богатстве, не знают, как создавать достояние, и постепенно их достояние исчезает. В третьем или четвертом поколении вы найдете их на улицах среди хиппи. Сын бедного человека знает, что такое бедность; это ранит. Он кладет всю свою энергию, все свои таланты на работу. Единственным его фокусом становится то, как вырваться из этой тюрьмы нищеты.

Да, это трудно, но не невозможно. На самом деле, богатейшие люди мира вышли из бедных семей. Но в коммунистическом мире почти невозможно войти в немногочисленную элиту. Это почти невозможно. Прежде всего, в России очень трудно стать членом коммунистической партии.

Россия не похожа на другие страны, где вы платите немного денег и становитесь членом республиканской или демократической партии, либеральной партии или социалистической партии. В России, чтобы стать членом коммунистической партии, вы должны доказать, что являетесь коммунистом до последнего дюйма, что нет даже и тайно тени буржуазии. И это вы должны начать доказывать с самого детства, ведь в коммунистической партии много слоев - даже коммунистическая партия детского сада.

Ну что вы скажете об этом - маленькие детки, детский сад? Отсюда начинается формирование. И учителя рекомендуют, кто из них является возможно подходящим кандидатом, чтобы однажды стать членом коммунистической партии. Потом есть молодежные лиги. Не все эти дети из детского сада, пришедшие с рекомендациями, будут приняты в молодежную лигу, но лишь немногие из них: немногие счастливчики, доказавшие свою преданность.

А как доказать свою преданность в России? Очень странный метод доказательства преданности: шпионить за своей матерью, своим отцом, шпионить за своей семьей и докладывать коммунистической партии о том, что ваша мать жаловалась на правительство, ваш отец в глубине души настроен против коммунизма... И вы не просто доносите; вы организуете убийство, тюремное заключение - пожизненный приговор, смертный приговор своей матери и отцу, - и вы знаете это.

Но это единственный способ доказать вашу преданность. Жены шпионят за мужьями и доносят на них. Мужья шпионят за женами и доносят на них. И они знают, что означает такой донос. Он означает, что жена завтра просто исчезнет; не найти даже ее следов. Нет слушания в суде, нет и вопроса об апелляции - она просто исчезает.

Или она убита... Большинство были убиты, потому что Сталин никогда не считал нужным бесцельно перегружать экономику страны людьми, выступающими против коммунизма, и если держать их в тюрьме, то придется кормить их, одевать их. И почему страна должна кормить своих врагов? Какой в этом смысл? Покончить с ними. Облегчить бремя страны. И он действительно облегчил на миллионы.

Хрущев был в большом гневе, он сказал: «Этот человек - величайший убийца в истории, очень хорошо, что он умер. Мы должны убрать его могилу с Красной площади», - ведь когда Сталин

был у власти, в это время он приказал воздвигнуть свою могилу рядом с могилой Ленина на Красной площади. Пока он был у власти, могила была построена по его проекту, в соответствии с его замыслом. Она должна была стать могилой одного из величайших коммунистов.

Хрущев сказал: «Мы должны снести эту могилу. Это мерзкое место». И он снес ее. Кости Сталина были вынуты и отправлены назад, далеко на Кавказ, где он родился. Там, вблизи монастыря, где он получил свое образование, теперь находится его бедная могила, сделанная из обыкновенных глиняных кирпичей. Та могила из чудесного итальянского мрамора просто исчезла с Красной площади.

Когда он выступал перед коммунистической партией, один из членов с задних рядов поднялся и сказал: «Вы были со Сталиным все эти годы; почему вы не говорили этих слов тогда?» И этот человек сел.

Хрущев сказал: «Я отвечу на ваш вопрос; только, пожалуйста, встаньте снова и назовите свое имя. Товарищ, встаньте!» Никто не встал. Он сказал: «Вот мой ответ. Почему вы не встали и не назвали своего имени? Теперь вы знаете, почему и я молчал; ведь завтра вы исчезли бы. Если я и дожил до этого дня, то потому, что хранил абсолютное молчание». В России даже стены имеют уши; нельзя даже пошептаться в своей ванной комнате, ведь никто не знает... и особенно люди, находившиеся при власти, как Хрущев, который был следующим человеком после Сталина. Его ванная комната, его спальня, все, наверное, было начинено подслушивающими устройствами. Тень подозрения, и этого было достаточно.

Сталину никогда не были нужны никакие доказательства; его подозрение было достаточным доказательством. Идея правосудия, возобладавшая во всем мире, заключается в том, что не должен страдать ни один невинный человек. Даже если придется оставить без наказания девяносто девять преступников, не должен пострадать и единственный невинный человек. Это было критерием.

Сталин перевернул этот критерий. Он сказал: «Ни один преступник, - преступником является человек, выступающий против коммунизма, - ни один преступник не должен уйти от наказания, даже если придется убить девяносто девять невинных людей». Было достаточно лишь подозрения; не нужно было искать доказательств.

И какой в этом был вред? Ведь коммунизм рассматривает человека лишь как материю. Есть ли какой-нибудь вред в том, что вы разбираете свой стул? Есть ли какой-нибудь вред в том, что вы разбираете на части свои часы и складываете все эти части в кучку? Никто не назовет вас преступником, хотя часы были чем-то живым, движущимся, а все эти части по отдельности не смогут показывать время, не будут тикать.

Идея Маркса заключается в том, что человек в точности похож на часы; человек - это лишь побочный продукт материи. При определенном устройстве он говорит, рассказывает, думает, любит, чувствует, - но все это внешние явления, не реальные явления. Разберите человека на части: положите голову в одну сторону, ногу в другую, руки сюда, сердце сюда, и все прекратится, ничего не останется. Можно взвесить все эти части, они будут иметь тот же самый вес, что и человек. В этом его научная логика: в теле не остается места никакой душе. Ничего не пропало, вес тот же самый. Вы всего лишь разобрали организм - это была машина.

Суммируя, согласно Марксу, человек - это робот.

Так что убийство человека, создающего помехи, не может считаться чем-то плохим. Сталин не считал, что он делает что-то плохое. Он служил обществу, служил великому идеалу коммунизма, приближая бесклассовое общество... Но все, что он принес, стало новым классовым обществом: бюрократия и народ. Теперь бюрократия эксплуатирует людей всеми возможными способами, мучит их. Вся собственность принадлежит правительству. Частной собственности больше нет.

В самом начале революции, то есть с 1917 по 1927 год, на протяжении десяти лет непрерывно обсуждалась идея: «Следует ли нам поступить с женщинами точно так же, как мы поступили с остальной собственностью», - ведь женщина — это собственность. Она не должна принадлежать только одному мужчине; все женщины должны принадлежать нации.

Но это показалось трудным, слишком трудным делом. Нация была против этого. Никому не хотелось, чтобы его жена была общественной собственностью, подобно общественной скамейке в парке или в пассажирском автобусе. Даже сами коммунисты не были готовы к такому, хотя Сталину очень нравилась эта идея. Он свою собственную жену рассматривал почти как вещь; он и бил ее, бывало.

Я встречался с дочерью Сталина Светланой. После смерти Сталина она приезжала в Индию. Случайно я оказался в Дели, и эта женщина остановилась у... она редкая женщина. Я не скажу вам ее имени, потому что то, что я собираюсь рассказать вам, касается людей, которые еще живы, и особенно одного человека, к которому я питаю огромное уважение. Этой женщине сейчас около семидесяти пяти. Я никогда не встречал женщины, старой и еще такой красивой.

Она была влюблена в Кришнамурти. Она хотела выйти замуж за Кришнамурти, но поскольку теософы не разрешали Кришнамурти даже встречаться с женщинами... Они хотели, чтобы он стал мировым Учителем, а женатый мировой Учитель выглядит неправильно - я не знаю, почему. Может быть, это создает подозрение в том, что, мировой Учитель вы или нет, если у вас есть жена, то боссом будет она. А мировой Учитель не должен иметь босса. Босс - это он. Поэтому они всеми возможными способами препятствовали этому. И в конце концов, Кришнамурти, хотя он и отрекся от теософского движения, от их мирового учительства, которое они намеревались навязать ему, он все же продолжал следовать идее о том, что человек, подобный ему, не должен жениться.

Вот так миллионы лет формирования проходят глубоко в человека. Если вы не хотите жениться, то все нормально: это ваше решение - жениться или не жениться. Но делать из этого что-то не святое - это странно. Он все еще останавливается в доме этой женщины, когда она в Дели, ведь она занимает очень высокий правительственный пост. Ее основной дом находится в Бомбее. Если он в Бомбее, то он останавливается в ее доме там.

Благодаря Кришнамурти она заинтересовалась мною, ведь Кришнамурти постоянно говорил ей что-нибудь против меня. Естественно, она заинтересовалась, ведь если Кришнамурти говорит против меня... Он ведь никогда не говорит против кого-то, называя его по имени, это ниже его: это тонкая разновидность эго. Например, если я критикую Махатму Ганди, я делаю это открыто. Кришнамурти критикует его, но никогда не упоминает его имени; это ниже его.

Но со мной у Кришнамурти настоящее противостояние, особенно из-за моих санньясинов. Куда

бы он ни пришел, повсюду в мире, они садятся в первом ряду. И в тот момент, когда он видит их красные одежды и малу, он покрывается пятнами. Тогда он забывает, о каком предмете он собирался говорить. Тогда он начинает говорить против меня, против санньясы, против четок, против ученичества и против Учителей.

В Бомбее у меня много санньясинов, и они обычно спрашивали у меня, что им делать. Я говорил: «Просто пойдите и садитесь впереди. Вам ничего не нужно делать, просто улыбайтесь и наслаждайтесь всем этим». И чем больше они наслаждаются, тем больше стучит он своей головой; он выходит из себя. Он забывает о всякой осознанности. Он действует точно так же, как бык, когда перед ним размахивают красным платком, или красным зонтиком, или красным флагом: бык становится безумным. Я думаю, что Кришнамурти в своей прошлой жизни был быком.

Так что он постоянно говорил что-то против меня этой женщине. И сестры этой женщины, двоюродные сестры - вся ее семья очень заинтересовалась мною; все они были моими людьми. Кришнамурти говорил против меня, а вся семья говорила за меня. Наконец эта женщина решила, что она должна встретиться со мной. Она пригласила меня, сказав: «Если вы будете проезжать через Дели, остановитесь в этот раз у меня».

Я остановился у нее, и она сказала мне: «Здесь Светлана. Не хотите ли вы повидаться с нею?»

Я сказал: «Очень хорошо. Я хотел встретиться со Сталиным, но не беда; какая-то часть Сталина... по крайней мере, королевская кровь!»

Когда я спросил ее: «Как он вел себя по отношению к вашей матери?» - она начала плакать.

Она сказала: «Он был чудовище. Он бил мою мать. Он бил меня за любую малейшую вещь, и мы не могли сказать против него ни единого слова, ведь он сделал бы с нами то же самое, что он сделал с остальными - он убил бы нас. Мы рассматривались просто как слуги».

Даже жена Сталина не могла войти к нему в комнату, не постучав и не попросив разрешения. Она должна была записаться на прием, - а ведь они жили в одном доме. Сталину очень нравилось то, что он называл освобождением женщин. А люди полагали, что это не освобождение женщин; это просто сделать всех женщин проститутками. Все были против этого. Все высшие люди коммунистической партии были против этого; эта идея не нравилась ни одному человеку. Вот почему эта политика была отставлена.

А так, все, что было частным, становилось общественным, — и общественное означало, что это принадлежит государству. Ваш дом, ваша лошадь, ваши руки, ваша земля - все стало принадлежать государству.

Таким образом, то, что имеется в России, - это не коммунизм.

Я называю это государственным капитализмом.

Государство стало единственным монополистом - капиталистом. В Америке много капиталистов; в России только один капиталист. И конечно, иметь много лучше. Чем давать власть в одни руки... И это похоже на пирамиду: Коммунистическая партия - это основание, и

потом пирамида становится все уже и уже с повышением уровня бюрократов, и, наконец, в пределе она становится вершиной - центральным комитетом коммунистической партии, в который входит всего двенадцать человек.

Один из членов центрального комитета будет президентом, другой из них будет премьер-министром. А премьер-министр - это реальная власть; у президента всего лишь резиновая печать. Он должен лишь подписывать то, что решает премьер-министр. Даже если премьер-министр решит, что президент должен быть приговорен к смерти, он вынужден будет подписать и это. У него нет другой власти, кроме как проштамповать это решение. Он штампует все, что приходит от премьер-министра.

Такова структура нового класса.

Папа, похоже, не осознает, что называть классовую борьбу грехом означает, что вы поддерживаете не только Америку, но и Россию. Этого он не осознает. Вот ситуация спящего человека. Он не знает, что же вытекает из его собственных слов, из его собственных действий, ведь классы существуют повсюду на земле. Нет ни одной бесклассовой страны.

Да, нужно, чтобы однажды мир стал бесклассовым. И под бесклассовым обществом я не имею в виду коммунизм. Я просто имею в виду просветленных людей, которые понимают, что не нужно, чтобы существовала бедность; у нас достаточно технологии, чтобы уничтожить ее. Не нужно уничтожать капитализм. Все, что нужно, - это распространить капитализм до таких пределов, чтобы все стали капиталистами.

Так что мой подход прямо противоположен коммунизму.

Что сделали в России, в Китае, в других коммунистических странах? Там уничтожили всех капиталистов и сделали коммунистическую партию единственным монопольным агентством, единственным живым капиталистом. И что же они распределили таким образом? Нищету! Ведь спустя шестьдесят пять лет Россия все еще остается бедной, все еще голодает, все еще не имеет достаточно одежды, все еще не имеет достаточно лекарств. Семьдесят процентов их бюджета уходит к армии. Только тридцать процентов бюджета обеспечивает жизнь страны. Семьдесят процентов поглощается вооружениями и армией и накоплением ядерного оружия.

Вот очень простая для понимания вещь: если мы прекратим идею войны, которую папа не называет грехом... С войной все в порядке. Он не включает войну в длинный список грехов. С войной все в порядке - потому что если он скажет, что война - это грех, то тогда все папы окажутся грешниками, потому что они непрерывно воевали, совершали крестовые походы против мусульман, против евреев, против всех. И они называли крестовые походы священными войнами!

Ни одна война не является священной. Ни одна война не может быть священной.

Как разрушение может быть священным?

Как может быть священным убийство?

Как закрепощение, порабощение невинных людей, детей, женщин, стариков может быть

священным? Это может быть священным в том же смысле, что и Святой Дух; это все абсолютно не свято.

Классы, несмотря ни на что, существуют. Капиталист хочет, чтобы классы сохранялись, потому что он понимает, что без бедных людей он не может быть богатым. Это неправильно! Это абсолютно неправильно! Вы что же, думаете, что если бедные люди дышат, то вы не можете дышать? Все, что вам нужно, - так это достаточно воздуха.

Конечно, если поставки воздуха ограничены, то дышать будут только богатые, ведь за воздух придется платить. Конечно, миллионы бедняков умрут, потому что не смогут заплатить, - у них нет денег, чтобы дышать. Это все равно, как в пустыне: нужно платить за воду.

Когда Александр пришел в Индию, он повстречался с одним факиром. В своем дневнике Александр пишет, что имя факира не показалось ему индийским, но, может быть, он неправильно произнес его, что естественно - совсем как я!

Орегонцы очень сердятся на меня, потому что я произношу их название как Орег-он; а должно быть Орег-ан. Так произносить я не могу. Я буду произносить это название как Орегон. Ореган? - звучит как сан-оф-э-ган (сын оружия, по-английски gun - оружие). Это не кажется мне правильным.

Александр произносит имя этого факира как Дандамех. Дандамех - это совсем не индийское имя. Это, наверное, Дандами. В Индии есть секта монахов, которые носят в своих руках посох, называемый данда: данда означает большой посох. Эти монахи называются дандадхари, держащие посох; это их символ, символ их секты. Может быть, этот человек носил данду и был известен как Дандами: один из тех, кто всегда держит данду. Он был обнаженным, но данда была ему совершенно необходима.

Вы можете и не понять, почему это так. В Индии очень много собак, и по определенным причинам собаки очень настроены против монахов, полицейских, почтальонов: против всех, кто одет в униформу. Я не знаю, так ли это в других странах, но в Индии... Индийские собаки настроены абсолютно против униформы; всякого, одетого в униформу, ожидают неприятности. И из-за идеи ненасилия собак нельзя убивать, поэтому их численность все время возрастает.

Этот посох был изобретен для того, чтобы бедный монах, у которого ничего нет, мог бы защитить себя от собак, ведь обнаженный человек выглядит для собаки все равно как в униформе. Между прочим, этой есть униформа. Все обнаженные монахи, а их много... В то время, когда Александр пришел в Индию, Индия была полна обнаженных монахов. Бедный обнаженный монах вынужден был держать данду, посох.

Он повстречался с Дандами, и между ними двумя состоялся небольшой разговор. Дандами был настолько блаженным, что Александр почувствовал к нему зависть. Он пишет в своих воспоминаниях: «Я почувствовал зависть. У этого человека не было ничего, кроме посоха, а он казался таким исполненным, таким удовлетворенным, таким потрясающе богатым, что я, Александр Великий, великий завоеватель всего мира, стоя перед ним, выглядел нищим. Сам вкус этого человека был императорским». Александр сказал Дандами: «Я хотел бы, чтобы вы приняли мое приглашение. Я хотел бы взять вас в Грецию, особенно потому, что мой учитель - его учителем был Аристотель - попросил меня, когда я отправлялся в Индию: “Если ты

встретишь настоящего санньясина - ведь санньясин это что-то восточное, - если ты найдешь настоящего, подлинного санньясина, пригласи его как королевского гостя и приведи сюда. Я хотел бы посмотреть и повстречаться с санньясином. Я так много слышал о санньясинах, о них до нас доходит так много слухов»».

Дандами рассмеялся и сказал: «Что вы можете дать мне?»»

Александр сказал: «Все, что попросишь»».

Он сказал: «Если я попрошу половину вашего царства?»»

На мгновение Александр замер; что сказать? Но до того, как он мог что-нибудь выговорить, Дандами сказал: «Хорошо, я прошу все царство. Не беспокойтесь, я вижу ваше беспокойство - давать всего лишь половину царства не соответствует вашим стандартам. Хорошо, дайте мне все царство»».

Александр сказал: «Вы просите слишком много. Я никогда не думал...»»

И Дандами сказал: «Вы думаете, что ваше царство - это слишком много? В пустыне вы отдадите его за один стакан воды; вот цена вашего царства. Держите свое царство, я пошутил. Я не пойду никуда. Если Аристотель хочет увидеть санньясина, он должен сам прийти сюда. Жажущий идет к колодцу, но не колодец идет к жажущему. Расскажите Аристотелю, что вы повстречались со мною. Но ваше царство не стоит больше стакана воды. В пустыне, в последнее мгновение, когда вы испытываете жажду и умираете, а кто-нибудь говорит вам: “Вот стакан воды, но я хочу все ваше царство...” - что скажете вы?»»

Александр вынужден был согласиться с этим: «Да, я отдал бы все царство за стакан воды»».

Когда воды не станет хватать, тогда, конечно, богатые люди установят контроль над водой. Если однажды станет не хватать воздуха, что возможно из-за все возрастающего числа больших происшествий, подобных Бхопалу, - вот великая возможность, когда проявляется лучшее в человеке... Воздух становится загрязненным настолько сильно, что вскоре вы увидите, что дышать смогут только богатые люди, - а не каждый человек, - потому что у них будут магазины с кислородом и кислородными масками. Пусть где-нибудь разразится ядерная война, и вы увидите, что богатые люди обладают всеми средствами для самозащиты, а бедные люди будут просто умирать.

Нет необходимости в войне; нет необходимости в бедности. У нас достаточно денег, достаточно ресурсов, но семьдесят процентов всех мировых ресурсов идет на войну. Если этим семидесяти процентам не дать приносить смерть человечеству, то никому не нужно становиться менее богатым. Все бедные люди могут подняться до более высокого стандарта жизни. Идея Маркса, Ленина, Сталина, Мао — вся их философия заключается в том, чтобы свести богатых до уровня бедных. Они называют это коммунизмом; я называю это глупостью.

Моя идея заключается в том, чтобы поднять каждого бедного человека наверх и довести его до уровня богатейшего человека. Нищета не нужна.

У меня тоже будет бесклассовое общество, но оно будет состоять из богатых людей. Если

преуспеет Маркс, у него тоже будет бесклассовое общество, - но фальшивое. Прежде всего, оно будет состоять из бедных людей. Далее, из-за этих бедняков нужна будет сильная и властная бюрократия, чтобы удерживать их внизу; иначе они поднимут бунт.

В Америке существует возможность для революции, но в России невозможно даже представить себе идею революции. Одного лишь этого слова будет достаточно для того, чтобы вы испарились в какой-нибудь газовой камере.

Россия не является бесклассовой. Америка не является бесклассовой.

Да, классы различные, но ни одна из этих стран не является бесклассовой. И когда папа говорит, что идея классовой борьбы является грехом, он, конечно, подразумевает, что является грехом и идея создания бесклассового общества. Нет, бедные должны оставаться бедными, богатые должны оставаться богатыми.

Сама идея классов помогает так называемым религиям, потому что если все богаты, и у каждого есть все, что нужно, и каждый живет роскошно и удобно, то кто тогда будет беспокоиться о ваших небесах? Вместо этого люди будут молиться: «Верни меня, пожалуйста, обратно на землю. Я не хочу на твои небеса».

Прежде всего, небеса будут очень древним местом – может быть, там не будет даже и воловьих упряжек, потому что я никогда не слышал о том, чтобы Бог создавал воловьих упряжки. И прялка... я иногда печалюсь о махатме Ганди: если он достиг небес, что он там делает? Ведь там нет прялок. Ни в каких священных писаниях не упоминается о том, что у ангелов есть прялка.

Махатма Ганди будет просто умирать от желания вернуться обратно на землю, чтобы снова найти прялку, ведь он прял целыми днями. Он прял, путешествуя в поезде; он прял, диктуя статьи. Он носил с собою прялку повсюду.

Нищета не нужна, но прялка будет держать людей в бедности. Даже если вы прядете двадцать четыре часа в сутки, вы не напрядете одежды на себя. А ведь есть и другие вещи, которыми нужно заниматься, а не только делать одежду. Вам нужно что-то есть, что-то пить. Есть много других вещей, нужных вам, кроме одежды. Даже если за двадцать четыре часа вы сможете напрясть одежды достаточно, чтобы как-то прикрыть свое тело, то к тому времени тело исчезнет, потому что у него не будет никакой пищи.

Ганди хотел, чтобы цивилизация тоже была устроена древними методами. Это означало, что Индия должна была бы вернуться к временам Будды, на двадцать пять столетий назад. Тогда в Индии было всего лишь двадцать миллионов человек. Вам придется полностью отсечь шестьсот восемьдесят миллионов человек. И это будет ненасилие?

Да, два миллиона человек, двадцать миллионов человек могут жить древними методами - немного пищи можно произвести, - но что делать с семьями миллионами людей? К концу этого столетия Индия будет самой населенной страной, она далеко обойдет Китай. Прямо сейчас наибольшим населением обладает Китай: у него сто... тысяча сотен - ох, уж эти числа! - тысяча миллионов людей. Индия превзойдет это число к концу этого столетия.

Но будет больше сирот, больше бедных людей, которых нужно будет обращать в католичество, делать христианами, и будет больше матерей терез.

Нет, спящий человек не может делать правильные вещи.

Вы спрашиваете меня: что правильно, что неправильно?

Я говорю вам, что правильно - это быть пробудившимся

Быть спящим — неправильно.

Я не определяю действия как правильные и неправильные

Мой фокус сосредоточен на вашем существе.

Мое усилие состоит в том, что вы есть, в вашем существе.

Тогда, все, что вы делаете, - правильно.

Один дзэнский монах занимался воровством - и он был великим Учителем, - но я говорю, что его занятие было правильным, потому что он был полностью пробудившимся. Воровство, само по себе, не имеет значения; правильное это занятие или неправильное. Вопрос в том, кто этим занимается. И почему воровал этот Учитель? Он за всю свою жизнь так и не сказал почему.

Все его ученики страдали от этого, потому что все говорили им: «Что это за Учитель у вас? Он говорит о великих вещах, а потом вы находите однажды, что он крадет какую-то маленькую вещицу. И его всегда ловят. Даже обыкновенных воров ловят не всегда. И вы говорите, что он является полностью осознающим, осторожным, бдительным. И мы понимаем, ведь даже и его ученики обладают различными качествами. Мы знаем вашего Учителя, мы видим его. Мы удивляемся - зачем ему воровать?»

И ученики, бывало, спрашивали его, а он просто смеялся в ответ. Наконец, когда он умирал, один ученик сказал: «Ну хотя бы теперь расскажите нам, зачем вы занимались этим глупым делом. И воровали-то вы не какие-нибудь сокровища или что-нибудь в этом роде, а просто чью-нибудь миску, чье-нибудь пальто, чьи-нибудь ботинки, даже один ботинок! - что уж совсем бессмысленно. Что вы собирались делать с одним ботинком? Но и тогда вас ловили. И судьи устали от вас, тюремщики устали от вас».

В последнее мгновение он сказал: «Я воровал, потому что в тюрьме никто не заботится об этих ворах и заключенных. Это великое место, где можно учить осознанности; и эти люди очень невинны. Я люблю их, потому что обнаружил, что они воспринимают идеи быстрее, чем так называемые обыкновенные люди. Поэтому-то я воровал и отправлялся в тюрьму, ведь это единственный способ попасть туда. Но эти идиоты судьи не давали мне больших сроков, лишь два месяца, три месяца, потому что я - великий Учитель дзэна».

«Я говорил им: “Дайте мне такой большой срок, какой только сможете”, - а они отвечали: “Что вы за человек? Мы уважаем вас. Чего вы добиваетесь, воруя один ботинок, - чтобы мы сослали вас на всю жизнь? Пятнадцати дней будет достаточно”».

Он спорил, бывало: «Нет, не пятнадцать дней. По крайней мере, три месяца, четыре месяца».

«Но для чего?» - говорили они.

Он просто отвечал: «Мне нравится быть в тюрьме. Вне тюрьмы мне совсем не нравится».

Тюремщики устали от него, и когда они видели его, они говорили: «Снова!»

Он говорил им: «Куда идти? Вне тюрьмы мне совсем не нравится. Тюрьма кажется мне почти домом». И на самом деле, она была его домом, потому что почти всю свою жизнь он прожил в тюрьме. Он выходил лишь на несколько дней, а потом снова возвращался обратно. Но в тюрьме он переменял тысячи людей. Он сказал: «Где еще можно получить так много людей? В монастырь люди приходят, но не в таких количествах; и не такие качественно невинные люди».

Так что для меня вопрос не в том, что вы делаете: действие само по себе не является правильным или неправильным, действие нейтрально. Все зависит от того, кто делает, от целостности, от осознанности этого человека. Если это действие делает пробудившийся человек, оно правильное. Иначе, что бы вы ни делали, все будет похоже на работу матери Терезы: на поверхности все выглядит по-настоящему великим; глубоко внутри все третьего сорта.

Вы также спрашиваете: есть ли что-то подобное греху и наказанию за него?

Я уже сказал вам, что есть только один грех: это неосознанность.

И за этот грех вы получаете наказание каждое мгновение.

Нет другого наказания.

Вам нужно больше?

Ваше страдание, ваше горе, ваша боязнь, ваша мука - и вы все еще надеетесь попасть в ад? Вы не удовлетворены всем тем страданием, через которое вы проходите? Вы полагаете, что в аду будет лучше, чем в Орегоне? Есть ли большее наказание?

Каждое мгновение неосознанности несет свое собственное наказание, а каждое мгновение осознанности несет свое собственное вознаграждение. Это неотъемлемые части, вы не можете разъединить их.

Беседа 28

НАУКА ПЛЮС РЕЛИГИЯ – ДИНАМИЧЕСКАЯ ФОРМУЛА БУДУЩЕГО

27 декабря 1984 года

Бхагаван,

Представляется, что все пионеры в искусстве и науке достигли неизведанных пространств посредством некоторого рода одержимости. Какого рода одержимостью обладает новый религиозный человек?

Наука, искусство, другие измерения, открытые человеческому уму, - все они одномерны, отсюда и одержимость. Ум движется в одном направлении, отбрасывая все остальные. Он выбирает одну точку, чтобы сфокусироваться на ней вопреки всей жизни, отсюда и одержимость.

Концентрация - это одержимость, но другого способа нет - в науке и искусстве можно работать только будучи одержимым.

Например, человек, подобный Альберту Эйнштейну... человек потрясающего разума, сверхгений, но он одержимый. Он настолько погружен в свое измерение, в мир звезд, вселенной, что мало-помалу становится слепым ко всему остальному. Он забывает, когда должен спать, он забывает, когда нужно выходить из ванной комнаты.

Иногда Эйнштейн по шесть часов оставался в своей ванной — пока его жена не начинала по-настоящему беспокоиться, стучать в дверь. И она понимала, поэтому и терпела, сколько было можно, - но шесть часов в ванной! И она сидела, а его обед то разогревался, то остывал, и она ведь знала, что нехорошо беспокоить его, потому что, даже если он в ванной играет мыльными пузырями, его ум движется в глубины вселенной.

Он открыл свою теорию гравитации в ванной. Он говорил, бывало: «Не беспокойте меня. Нет ничего важнее этого. Когда я иду в определенном направлении и подхожу близко к разгадке, а вы стучитесь в дверь... Пусть обед остывает, выбрасывайте его, ведь из-за этого вашего обеда вы сбиваете меня. Я приближался; теперь же я так же далеко, как и был раньше. И никто не знает, когда снова я подойду так же близко к нужной точке. Это не в моих руках». Вот этот человек полностью одержим.

Великим гением был Эдисон; может быть, никому не принадлежит столько открытий, как Эдисону: тысяча открытий. Но он был настолько одержим, что однажды забыл свое имя. Это весьма редкая возможность, самая невероятная... забыть свое собственное имя! Тогда вы можете забыть и все остальное.

Это было как раз перед первой мировой войной, когда впервые были придуманы продовольственные карточки, и он пришел, чтобы получить свое продовольствие. Он стоял в очереди, и люди постепенно продвигались вперед. Когда подошел его номер и он стоял впереди очереди, много раз выкрикивали: «Томас Алва Эдисон, есть здесь кто-нибудь по имени Томас Алва Эдисон?» И он оглядывался вокруг, кто это Томас Алва Эдисон?

Один сосед, стоявший позади, далеко в очереди, сказал: «Куда же вы смотрите? Это вы Томас Алва Эдисон, я знаю вас».

Он сказал: «Если вы так говорите, то, конечно, так и должно быть, ведь вы такой добрый парень, вы не можете лгать».

Что произошло с ним? Как он забыл свое имя? Даже стоя в очереди с продовольственной карточкой, он не был там. Он был в мире электричества. Он формулировал вещи, не имевшие никакого отношения к тому месту, где он стоял, к продовольственным карточкам, к человеку по имени Томас Алва Эдисон.

Говорят... может быть, это всего лишь шутка, но если человек забывает свое собственное имя, то

это может быть и правда, а не шутка. Он собирался в путешествие. Он поцеловал свою служанку, думая, что это жена, он пошлепал жену, думая, что это служанка. Они обе были шокированы. Но он сказал: «В чем дело? Почему обе вы выглядите шокированными? Разве ты не моя жена, а она не моя служанка?» И он не шутил; его просто там не было.

Одержимость означает, что вами овладевает некоторая идея настолько полно, что все остальное становится абсолютно неважным, все остальное исчезает во тьме. Остается светящимся только одно пятно, и оно сужается, сужается, сужается. Вот он путь открытия. Когда пятно сужается окончательно, вы находите центр, который искали годами. Но когда ваш фокус сужается, когда окружность вашего фокуса становится меньше и меньше, что сказать о вас? Вы тоже становитесь все уже и уже - вы становитесь как одна точка. Для вас исчезает вся вселенная.

Ученый обязан быть одержимым: чем более велик ученый, тем больше его одержимость. Поэтому одержимость - не болезнь для ученого, это абсолютно необходимо. Это способ работать. Если освободить его от одержимости, он будет обыкновенным человеком, не ученым. Определили, что ученый знает все больше и больше о все меньшем и меньшем. Объект знания становится все меньше и меньше, а знание становится больше и больше. Если это определение довести до его логического конца, то оно означает, что в пределе наука доходит до точки, где она знает все ни о чем. Таким будет логический вывод.

И наука подходит к той точке, где она знает все ни о чем, потому что «все меньше и меньше» в конце концов становится ничем. А знание о «все большем и большем» в конце концов становится всем.

С религией ситуация как раз противоположная. Она знает все меньше и меньше о все большем и большем. Очевидно, что религиозный человек становится все менее и менее одержимым. Чем более он становится религиозным, тем менее одержимым он является. Его метод состоит в том, чтобы знать все меньше и меньше о все большем и большем. Его предельным заключением является знать ничего обо всем.

Вот почему Бодхидхарма говорит: «Я ничего не знаю». Сократ говорит: «Я ничего не знаю».

Ничего о чем? Обо всем.

Фокуса больше нет. Религиозный человек - это открытость одновременно во все измерения.

Искусство подобно науке. Исключая религию, все обязательно должно быть своего рода одержимостью по той простой причине, что вам нужно идти глубже и глубже, чтобы найти источник чего-то; но ваше видение все уже, все остальное начинает выпадать из вашего видения. Вы не видите, вы становитесь все более и более слепыми во всем, за исключением одной вещи, которой вы одержимы.

Художник, рисуя сбою картину, не осознает ничего; то же и поэт. Один из величайших поэтов Индии, Рабиндранат Тагор, бывало, запирался в свою комнату или на балконе на несколько дней подряд. Его нельзя было беспокоить ни ради пищи, ни ради ничего другого. Никто не знал, чем он занимался в своей комнате, потому что он запирался изнутри. Иногда проходило три дня, и вся семья была в панике, не зная, жив ли этот человек или уже нет. Но беспокоить его было нельзя. Они все ходили вокруг его комнаты, пытаясь понять, есть ли какой-нибудь шум внутри

или нет, есть ли хотя бы какое-нибудь указание на то, что он жив.

Когда его спрашивали: «Почему вы делаете это?» - он говорил: «Если я не забуду весь мир, свою семью...» Его семья была большой. Его отец был одним из богатейших людей в Бенгалии, его дед был даже еще богаче. Британское правительство дало им титул раджи, царя, хотя они и не были царями. Но у них было так много земель и так много собственности и так много денег¹, что были эквивалентны любому царю; у них было их собственное царство.

В семье было сто человек. Рабиндранат пишет в своей автобиографии: «Было много таких людей, о которых я так и не узнал, кто же они. Бывало, приходили гости и потом никогда не уходили, и никого это не волновало. Появлялись дальние родственники - никто и не слышал о них, они просто объявляли, что являются отдаленными двоюродными братьями. Это все было совершенно нормально, их принимали в семью. Они оставались в семье, они жили в семье, и мы были настолько богаты, что никого не беспокоило, должны ли работать эти люди или нет».

Так что Рабиндранат говорит: «В этой семье всегда было как на рыночной площади. Невозможно было войти в то пространство, где становится возможной поэзия. Оно приходит только тогда, когда вы одни. Оно очень стыдливо, оно очень женственно; оно не придет в толпу. Оно не придет, если вы озабочены чем-то другим. Оно придет только в том случае, если вы озабочены только им. Оно стремится к обладанию, совсем как женщина. И конечно, так же благодатно, как женщина, так же стыдливо, как женщина, и конечно, также стремится обладать».

Он сказал: «Когда оно завладело мною, я не хочу никаких помех. Я так много раз упускал его, и половина поэм так и осталась законченной наполовину. Я не мог достичь того же пространства вновь; оставшиеся строки так никогда и не приходили вновь. И я не тот поэт, который слагает стихи интеллектуально. Если они приходят откуда-то, я воспринимаю их». И это откуда-то находится на самом деле в вашем бессознательном; они исходят оттуда. Но кажется, что они приходят откуда-то извне.

Если вы излечите поэта от одержимости, вы убьете его. Зигмунд Фрейд не нужен поэтам, ученым и художникам. Он уничтожит их всех. Он подвергнет их психоанализу, рассеет их одержимость, и они будут сведены до положения обыкновенных человеческих существ. Но религия не одномерна, поэтому нет необходимости ни в какой одержимости.

На самом деле, если вы одержимы, вы не можете быть религиозными.

Да, эти люди — ученые, поэты, художники, музыканты, танцоры - иногда, через свою одержимость, достигали неведомых пространств. Но эти неведомые пространства - это не духовные пространства; они находятся внутри ума, и принадлежат они некоторой части, находящейся ниже сознательного ума, - или бессознательному, или коллективному бессознательному, или космическому бессознательному.

Чем глубже пространство, тем более неведомым оно является. Но только то, что оно неведомое, не означает еще, что вы коснулись чего-то духовного. Это пространство неведомо, но оно является частью бессознательного мира вашего ума; оно не является духовным. Оно потрясающе волнует и возбуждает, потому что является неведомым. Вы вошли в неизвестный уголок вашего существа.

Это всего лишь потрясающее открытие, но все еще не религия. Это не принесет вам экстаза и благословения религиозного человека. Напротив, это может создать в вас потрясающую боль, непереносимое напряжение, кошмар, являющийся чистым страданием. Поэтому можно найти поэтов, музыкантов, ученых, пребывающих в своего рода страдании. То, что они делают, - определенно какое-то исполнение их, но это не приносит покоя в их души.

Альберт Эйнштейн перед смертью сказал: «Если бы я родился снова, я предпочел бы быть водопроводчиком, а не физиком». Какой мукой он должен был страдать, чтобы быть готовым стать водопроводчиком и не захотеть снова стать физиком! Ведь любая одержимость - это мучение. Вас растягивают. Это не гармоничный рост вашего бытия, потому что он одномерен. Это все равно, как голова человека начинает расти и становится все больше и больше; все тело сжимается, а голова становится такой большой, что человек может стоять только на голове, и никак иначе. Тело уже не может поддерживать голову.

В Японии есть игрушка, которая называется дарума. Дарума - это японское название Бодхидхармы. Эти игрушки красивы. Они представляют Бодхидхарму: их основание тяжелое, очень тяжелое, поэтому вы можете как угодно бросить игрушку, и она снова вернется в позу лотоса. Из-за того, что основание тяжелое, а голова легкая и все тело легкое, она не может оставаться ни в каком другом положении. Если поставить ее в какое-нибудь другое положение, она немедленно повернется и сядет в позу лотоса.

Игрушка дарума была создана благодаря одному высказыванию Бодхидхармы. Он сказал: «Когда вы становитесь по-настоящему центрированными в вашем существе, ничто во всем существовании не может создать даже и легкой дрожи в вас. Никакой страх невозможен. И когда вы центрированы в вашем существе, тогда даже если все существование захочет перевернуть вас вверх тормашками, то это окажется невозможным; вы всегда вернетесь в правильное положение». Это дало идею игрушки дарума.

Религиозный человек многомерен.

Все его окна и все его двери открыты.

Его сознание доступно для всего.

Он не ищет какого-то определенного открытия, он не ищет даже Бога. Именно поэтому я все время говорю вам: «Нет Бога, не ищите Его», - иначе вы будете одержимы. Вот почему я называю все религии, существовавшие до сих пор, псевдорелигиями: они одержимы, как и все другие, - на самом деле, еще более одержимы.

Чем занимается тибетский монах всю свою жизнь? Просто повторяет имя Будды. Если это не одержимость, то что тогда такое одержимость? И, к тому же, бесполезная одержимость. Если Альберт Эйнштейн одержим, то он, по крайней мере, вносит в мир свой вклад. Он страдает, но он и дает что-то миру.

Эти тибетские монахи, что они дали миру? Индусские монахи, что они дали миру? Каков их вклад? Одних христианских монахов, католических монахов, миллион человек. Один миллион монахов! И каков же их вклад? Они обуза человечества - одержимые люди, но одержимые тем, что не существует; поэтому и нет от них вклада.

Ученый одержим чем-то, что на самом деле существует; он одержим некоторой объективной реальностью. Поэт одержим чем-то от объективной реальности. Но ваш, псевдорелигиозный человек одержим Богом, который не существует, а что вы получите от несуществующего Бога? Куда вы доберетесь? Эти монахи всю свою жизнь движутся по кругу. Они одержимы.

Так что позвольте мне сделать это для вас ясным. Если вы находите одержимого религиозного человека, то это является достаточным доказательством того, что он нерелигиозный. По-настоящему религиозный человек совсем не одержим. Он открыт для всего. И его никак не заботит открытие чего-либо, создание чего-либо: песни, картины, танца, скульптуры. Нет, это не заботит его.

По-настоящему религиозный человек может создать песню, но лишь играя; он не относится к этому серьезно. Это все равно как... вы сидите на пляже и начинаете играть, создавать скульптуру из влажного песка. Вы не одержимы этим; вам не нужно завершать скульптуру. И, уходя, вы можете просто опрокинуть скульптуру, которую создавали часами.

Это не одержимость, вы просто играли. Сидя в одиночестве... вы не делали ничего серьезного. Религиозный человек иногда создает поэзию, или музыку, или танец, или скульптуру, или картину, но все это только игра.

На Востоке есть миллионы статуй таких прекрасных, что им позавидовал бы и Микеланджело, но скульпторы даже не оставили своих имен: это стало бы тогда серьезным делом. Миллионы статуй того же калибра и качества, что и статуи Леонардо да Винчи или Микеланджело, - но никто не знает, кто создал их. Люди, создававшие их, просто наслаждались, играли.

Если из игры что-то получается, то вы не можете сказать, что это ваше творение и что вы должны подписать его.

Кто построил пещеры Аджанты или пещеры Эллары? Кто построил храмы Кхаджурахо? Кто построил храмы Конарака? Найти их невозможно. Люди, построившие такую потрясающую, несравненную красоту, совсем не заботились о том, чтобы оставить после себя даже малейший след. Они, конечно, наслаждались, создавая эту красоту, но это и все. Это не было одержимостью.

Если вы отправитесь в пещеры Аджанты, эти буддийские пещеры, где на протяжении тысяч лет трудились буддийские монахи... Многие пещеры не завершены. Я ходил туда, бывало, и спрашивал гидов - разных гидов - снова и снова... Было много гидов, и я всегда выбирал нового, чтобы помучить его. Незавершенные пещеры, незавершенные статуи, Будды, сделанные лишь наполовину... и я спрашивал настойчиво: «В чем дело?» И они не могли дать объяснения.

Кто-то сказал: «Может быть, художник умер».

Я сказал: «Было много других художников - в таком большом количестве пещер работали, наверное, тысячи художников; для создания каждой пещеры требовались сотни художников - разве не могли они закончить хотя бы Будду? Тело есть, голова лишь только начата. Это выглядит как-то неуважительно по отношению к Будде. Вам следовало бы завершить статую».

И они говорили: «Что мы можем сделать? Никто не знает, кто создавал их. Никто не знает,

почему они остановились посредине».

Я сказал: «Я знаю, поэтому-то я и спрашиваю. Все это было лишь большой игрой. Человек, создававший статую, не был одержимым, иначе он завершил бы ее. Если бы он умирал, он взял бы обещание с друзей закончить ее».

Одержимый человек - это профессионал.

Он ничего не оставит незавершенным, он все сделает полностью; он не будет отдыхать, пока не закончит. Но религиозный человек... Они играли столько, сколько и наслаждались игрой. В то мгновение, когда они чувствовали, что пора прекратить эту игру, они игру прекращали. И так как они прекратили игру, то ни один другой художник, - а все они были религиозными людьми, - не вмешивался в это.

Любой мог бы завершить статую; нужно было совсем немного работы, и она могла быть завершена. Она была почти закончена, но никто не вмешивался в это дело, потому что это было бы посягательством. Если этот человек хотел, чтобы его Будда оставался таким, как есть, то это было его дело. И этот человек мог начать что-то другое, потому что все это была игра.

Религиозный человек может творить, играя, но не может быть серьезным. Серьезность - это часть одержимости.

Например, Карл Маркс - идеально одержимый человек. Всю свою жизнь он провел в библиотеке Британского музея. Он не переживал настоящей нищеты; он никогда не принадлежал к пролетариату, рабочим, для которых он собирался стать мессией. У него не было ни одного друга среди рабочих.

У него был только один друг, который был капиталистом, Фридрих Энгельс. И он вынужден был дружить с Энгельсом, иначе, кто стал бы его кормить? Его одержимость создала целую философию коммунизма, во всей ее полноте, так что никому уже не нужно было ничего добавлять к ней. Он был евреем - и как-то очень трудно избавиться от своей обусловленности. Хотя он стал атеистом, отверг Бога, отверг душу, но все-таки еврей есть еврей, - он хотел создать коммунизм абсолютно завершенным.

Еще до открытия библиотеки музея, он стоял там под дверями. Библиотекарь приходил уже после него; до его прихода Маркс ждал. И весь день он проводил в библиотеке. Библиотека закрывалась, и библиотекарь убеждал его: «Теперь, пожалуйста, остановитесь. Приходите завтра».

И Маркс говорил: «Подождите еще несколько минут; кое что еще не закончено. Я должен закончить эту заметку».

Вначале они были добры к нему. Под конец они поняли, что это не поможет: они вынуждены были силой выталкивать его из библиотеки. Четверо человек выталкивали его, а он кричал: «Еще несколько минут! Вы что, сошли с ума? Что вы делаете? Завтра мне придется проработать несколько часов, чтобы найти эти несколько предложений, которые я мог бы записать сейчас. Подождите!»

Но библиотека должна закрываться в определенное время, и эти люди должны идти по домам. Они просто служащие. Их не волнует ваш коммунизм, и что за философию вы сочиняете. И вы занимались этим на протяжении двадцати, тридцати, сорока лет! Сорок лет непрерывно! Иногда так случалось, что он не ел. Пища была при нем, поскольку он обычно приходил со своим завтраком, чтобы не нужно было ходить домой или в гостиницу и напрасно тратить время.

Поэтому он ел и одновременно справлялся в энциклопедиях и книгах: одной рукой он непрерывно писал, а другой рукой ел. А иногда он забывал есть; и когда он постарел, много раз так случалось, что вместо дома он отправлялся в больницу, потому что его находили без сознания: от голода, непрерывного чтения, письма, чтения, письма.

Можно пожалеть, что никто не читает «Капитал» — книгу этого бедного Карла Маркса — никто! Я не встречал ни одного коммуниста, который прочел бы ее от первой страницы до последней. Может быть, я единственный человек, прочитавший ее от первой страницы до последней, - просто чтобы посмотреть, какого рода сумасшедшим был этот Карл Маркс. И он был определенно сумасшедшим - настолько одержимым экономикой, эксплуатацией, что он забывал все на свете.

Он забывал самые малые вещи. Он продвигался в высшие круги математического теоретизирования и забывал простую математику, простую экономику. Он непрерывно курил; он читал и писал - и курил. Его жена, его врач, его друг Энгельс, - все они беспокоились о том, что курение убьет его.

Однажды он пришел домой с большими коробками каких-то сигарет, которые годились как раз для рынка. Его жена не могла поверить этому: «Ты собираешься открыть магазин? Ты собираешься торговать сигаретами? Так много больших коробок!»

А он был счастлив. Он сказал: «Ты не понимаешь. Я нашел эти новые сигареты, только что выпущенные на рынок. Сигареты, которые я курил раньше, стоили вдвое дороже. Теперь куришь одну сигарету и экономишь так много денег; куришь две сигареты и экономишь еще больше. Чем больше куришь, тем больше экономишь! И я буду курить их, потому что все мучили меня словами: “Ты не зарабатываешь денег”. Теперь вы увидите, как много денег я сэкономил».

Жена подумала: «Твоя экономика!..» Она проинформировала его друга Энгельса и попросила его прийти немедленно. «Ваш друг, похоже, совсем сошел с ума, ведь такую глупость даже я могу понять. Как это будут экономиться деньги? Но он не слушает, сейчас он в своей комнате курит две сигареты сразу, чтобы сэкономить деньги!»

Энгельс пришел, вынул сигареты у него изо рта и сказал: «Вы сошли с ума? Что вы делаете?»

Он сказал: «Я просто пытаюсь делать что-нибудь такое, чтобы мне не нужно было зависеть от вас: я экономлю деньги».

Ему было трудно объяснить: «Ничего не будет экономиться, вы просто убьете себя. Да, на цифрах это будет выглядеть так, что вы выкуриваете одну сигарету и экономите половину денег, но в действительности деньги не экономятся. Чтобы сэкономить эти деньги, вы будете курить вдвое, втрое, вчетверо больше сигарет. Поэтому вы потратите больше денег, чем тратили до этого. И деньги это не вопрос, - сказал Энгельс. - Я позабочусь о них. Вам не надо думать о

деньгах». Он был миллионером, владельцем заводов, и он любил Карла Маркса.

Но Маркс был очень одержим идеей завершения построения системы. И, конечно, он оставил завершённую систему; после Маркса к ней не было добавлений. Чтобы добавить к ней что-нибудь, [вам, прежде всего, придется прочесть его, а это сведет вас с ума.

Аристотель создал целую систему логики; это была его одержимость. Один лишь человек... Всю свою жизнь он был одержим тем, чтобы система логики, которую он создавал, была завершена, чтобы он оставил ее законченной главой. Поэтому для будущих поколений, для предстоящей вечности он остался логиком, только логиком. И он завершил свою систему. Конечно, он был одержимым. Он работал день и ночь: он не ложился спать, пока не падал спящим на свои книги.

Но эти люди — не религиозные люди.

Вы спрашиваете меня, какого рода одержимостью будет обладать человек новой религии. Человек новой религии - это просто религиозный человек. Человек старой религии не был религиозным, он лишь притворялся религиозным. Он сделал одержимостью и религию. Он был более одержим, чем ученый, чем художники и поэты - ведь поэты заходят, по крайней мере, в кафе, встречаются с друзьями, занимаются еще чем-нибудь, кроме поэзии. Художники не только пишут картины, они занимаются тысячею и одной другой вещью. Но эти псевдорелигиозные люди не делают ничего другого. Они закрылись в своих кельях, в монастырях, и все, что они делают, это придираются к Богу».

Ницше сказал: «Бог мертв».

Кто-то спросил его: «Кто убил Его?»

Я знаю: эти так называемые псевдорелигиозные люди. Они «пилили» Его на протяжении столетий. И все разновидности религиозных людей на всех языках «пилят» одного бедного Бога - Он должен совершить самоубийство! Его самоубийство более вероятно, чем обыкновенная смерть. Он не может умереть естественной смертью; Он должен совершить самоубийство.

А эти люди все еще пристают к Нему. Даже в Своей могиле Он будет крутиться и вертеться, потому что Ему в уши кричат, католики, Ему в уши кричат протестанты, а потом приходят свидетели Иеговы, которые кого угодно сведут с ума. Все эти люди, по всему миру, день и ночь, из года в год, преследуют одного бедного старого Бога. Эти люди, наверное, провоцируют в Нем желание самоубийства.

Известен тот факт, что после сотворения человека Бог не создавал уже ничего. Я удивлялся, почему. Почему Он остановился на человеке? До сотворения человека все шло хорошо. Лошади не становились монахами. Ослы не становились священниками. Обезьяны не объявляли себя папами. Бог был счастлив. Говорят, что Он создал все, и сказал: «Хорошо», - совсем как я говорю: «Хорошо». Он, наверное, выучился этому от меня, потому что я не знаю никого, кто говорил бы хорошо так же, как это делаю я. Но когда Он сотворил человека, Он не сказал этого.

Он, наверное, потерял самообладание - «Что же я сделал?» - потому что человек незамедлительно создал бизнес так называемых религий. Он, должно быть, тут же вскочил на ноги: «Боже, мой Господь...» С тех пор никто не слышал о Нем, где Он. Или Он сбежал на

далекую звезду — физики говорят, что эти звезды разбегаются очень далеко; может быть, это из-за Бога.

Эти звезды не статичны. На протяжении столетий держалась идея о том, что звезды статичны, там далеко, где они кажутся нам. Теперь физики говорят, что звезды не там, где нам кажутся. Там, где вы ночью видите звезды, они были миллионы лет назад. Свет достиг ваших глаз только сегодня вечером, но свету нужно время, чтобы долететь до вас.

Где бы вы ни видели вечером какую-нибудь звезду, одно точно: ее там нет. Она была там когда-то давно — может быть еще до образования земли, когда еще не существовала и наша солнечная система. В тот день свет начал двигаться к несуществующей земле и несуществующему солнцу, и вот он прибыл сегодня. Так много времени ему потребовалось, чтобы добраться. Тем временем, звезда не оставалась на месте. Свет двигался к вам, а звезда удалялась с той же скоростью, что и свет, - то есть со скоростью триста тысяч километров в секунду свет движется к вам, а звезда удаляется от той точки, где она была.

Может быть, Бог катается верхом на самой далекой звезде и быстро убегает как можно дальше от всех этих молящихся монахов, и религиозных людей, и церквей, храмов, мечетей, синагог. Но правильно говорить, что Бога нет, это сохраняет Бога от всех неприятностей. И однажды это сохранит человека от этой глупой одержимости.

У религиозного человека нет одержимости.

Его жизнь проста, естественна, спонтанна, идет от мгновения к мгновению. У него нет великих идей, которые он хочет принести миру. У него нет великих идеологий, которые он хочет навязать человечеству.

Он простой человек. Именно поэтому так трудно найти религиозного человека, ведь он будет так прост и так обыкновенен, что вы пропустите его. У него не будет никаких талантов. Он не будет Пикассо, он не будет Эйнштейном, он не будет Сталиным; он не будет иметь никаких талантов. Вы не сможете судить его гений, потому что его гений не является одержимым, поэтому он не может создавать науку, он не может производить новых открытий, новых изобретений.

Это не просто совпадение, что на Востоке, где религия существует уже по меньшей мере десять тысяч лет... Там было несколько подлинно религиозных человек. Конечно, подлинной религии еще не было; но здесь и там, время от времени, появлялись подлинно религиозные люди. Но Восток не был способен создать науку.

Вы думаете, что у Будды не было гения, эквивалентного гению Альберта Эйнштейна? Он имел гораздо более высокий, глубокий, обширный гений, чем мог иметь любой Альберт Эйнштейн. Но он не был одержимым, поэтому его гений не , двигался в одном направлении. Его гений становился ароматом вокруг него, становился светом вокруг него. Те, у кого есть глаза, могут видеть этот свет. Те, у кого есть уши, могут слышать музыку вокруг него, могут слышать тишину, окружающую его... могут ощущать аромат этого человека.

Но Будда не изобретет компьютер. Он не одержим; он абсолютно не одержим. Поэтому вы можете чувствовать его гений, но вы не сможете увидеть его отраженным в каких-то

объективных достижениях. В чем его достижение? Гораздо более мелкие люди достигали много большего. Он же не достиг ничего, но он был именно собой. Если вы можете назвать это достижением, тогда называйте это достижением. Но это не достижение.

Чем бы он ни был, он всегда этим был. Достижение означает нечто, чего раньше не было, а теперь есть. Но осознать себя, познать себя, это не означает дать существование какой-то новой вещи. Это всегда было; знаете вы об этом или нет, не имеет никакого значения для его существования. Это было. Это есть. Да, было время, когда вы стояли к этому спиной, а теперь вы повернулись на сто восемьдесят градусов и стоите лицом, — но это не означает, что начало существовать что-то новое.

Вы можете ощутить это переживание - да, это переживание. Все, что вам нужно, так это быть восприимчивыми, доступными, открытыми, потому что человек, подобный Будде, не станет даже стучаться в ваши двери: даже это будет вмешательством в чье-то существование.

Будда может стоять перед вашими дверями и ждать вечность: однажды вы можете открыть дверь, однажды вы пригласите его. Без вашего приглашения он не войдет. Это не вопрос эго. Это ваш дом, вы хозяин, и, если вы не пригласите его, неправильным будет с его стороны вторгаться в вашу частную собственность под любым предлогом.

Будда стал просветленным, — но в течение семи дней он хранил молчание. И он дал много объяснений тому, почему он хранил молчание семь дней; на самом деле, он хотел оставаться молчащим навсегда. Позднее, когда его снова и снова спрашивали, почему он семь дней хранил молчание, а потом заговорил, он отвечал: «Даже говорить является вмешательством; пусть другие поймут молчание. И если другой человек не может понять молчание, поймет ли он мои слова, как вы думаете? Ведь мои слова будут далеки от моего молчания. Они не будут представлять его. Есть полная вероятность того, что он будет сбит с пути моими словами и я не смогу помешать этому. Если кто-то приходит ко мне в молчании, он не может интерпретировать его неправильно. Он может понять, он может не понять; есть две возможности, и я не буду нести ответственность за то, что послал его по той тропе, которая совсем не входила в мои намерения. Но мои слова могут повести его в том направлении, которое не является направлением, на которое я указываю».

Так что в течение семи дней он хранил молчание, и люди спрашивали: «Почему ты заговорил?»

Он отвечал: «Теперь, если вы доверяете мне, вы должны будете принимать все на веру. Но нет необходимости соглашаться, это бессмысленно. Меня убедили другие просветленные существа, пребывающие в космосе. Вам же, если вы не достигнете того же состояния, придется принимать все на веру». Он настаивал: «Мои слова не нужно рассматривать как часть моего учения; я просто удовлетворяю ваше любопытство. Вы можете отбросить их, потому что они не являются существенной частью моего учения. Но если вы настаиваете на вопросе, почему я заговорил, то я вынужден буду отвечать вам».

Будда сказал: «Люди, ставшие просветленными раньше, убедили меня, они спорили со мною. Они сказали: “Раз в тысячу лет приходит человек в то состояние, в котором находишься ты. Если даже из ста человек один понимает твои слова правильно, то этого достаточно. Не беспокойся о тех девяносто девяти, потому что они заблудятся даже и не слыша твоих слов. Они обязательно заблудятся”».

«Если могут заблудиться, даже слушая тебя, то, как ты думаешь, - не слушая тебя, они не заблудятся? Прими это как данное: те девяносто девять предопределены заблудиться, говоришь ты или нет. Но как быть с тем одним процентом? Мы умоляем тебя ради того одного процента, который без твоих слов может и не найти путь».

И Будда сказал: «Я говорю ради этого одного процента».

Странно, и я все еще говорю ради этого одного процента.

Мир не продвинулся ни на дюйм.

Двадцать пять веков, а человек так же слеп, так же спит, так же бессознателен, как и был.

Чарльз Дарвин был абсолютно не прав, потому что, глядя на человека, не видно никакой эволюции: насколько мы можем видеть назад, он все тот же. Если на протяжении десяти тысяч лет не было никакой эволюции человека, то как вы думаете, когда-то однажды несколько обезьян вдруг прыгнули со своих деревьев и, без всякого Патанджали, учившего их упражнениям йоги, встали вместо своих четырех ног на две ноги? А те две передние ноги превратились в две руки? И их обезьяний ум стал человеческим умом?

Это кажется чудом, гораздо большим, чем чудеса, сотворенные любым пророком или мессией. Иисусу было бы гораздо лучше превратить обезьяну в человека, потому что это доказало бы теорию эволюции бедного Чарльза Дарвина. Но он не смог превратить в человека даже человека - что же говорить о превращении в человека обезьяны!

В английском языке вы имеете только одно слово для обозначения человека. Это бедность языка. На хинди мы имеем для человека два слова: одно из них адми - от Адама, - а другое инсан: оба означают человека. Адми - это низшее состояние человечества; инсан - высшее состояние человечества.

Один из великих поэтов Мирза Галиб говорит: «В этом мире самое трудное - превратить адми в инсан. Одно из самых трудных дел - сделать человека по-настоящему человеком. Он недочеловек».

Поэтому я говорю, что я все еще говорю ради одного процента. И этот один процент - он не люди, наделенные особенными талантами, особыми качествами, нет - просто у них открытые сердца, открытые существа, открытые со всех направлений, не одержимые ничем. Они будут совершенно заурядными - они не будут испытывать никакого напряжения, толкания, растягивания ни в одном направлении, как от какого-нибудь магнита. Они будут расслабленными, без всякой напряженности.

Да, если все человечество однажды превратится в религиозную коммуну, то из мира исчезнут многие ненужные вещи.

Девяносто процентов научных открытий используется на войну; они не нужны.

Девяносто процентов живописных картин абсурдны; они не нужны.

Девяносто процентов проблем, с которыми вам непрерывно приходится сталкиваться,

абсолютно нежелательны, необоснованны. Они исчезнут.

А с теми десятью процентами, которые останутся, все человечество, лучезарное в своей невинности и простоте, сможет справиться.

Проблем не будет.

При такой невинности на земле, при таком аромате на земле, при таком свете на земле невозможно себе представить, что могут существовать какие-либо проблемы.

Но многие профессии исчезнут. Что будет делать психоаналитик? Что будет делать психолог? Что будет делать психотерапевт? Что будет делать священник?

И, следовательно, все эти люди будут всеми возможными способами препятствовать приходу нового человека, потому что его приход - это их исчезновение.

Кто будет волноваться по поводу ядерных физиков? Они просто излечатся от своей одержимости. Ядерная физика? Вы, должно быть, свихнулись? Человек голодает, а вы накапливаете атомные бомбы, водородные бомбы, нейтронные бомбы... а человек голодает. Какого рода разум работает здесь? Люди умирают от маленьких, незначительных вещей: нет крова, нет одежды, нет пищи, - а вы стараетесь добраться до Луны! Для чего? Какой ценой!

И никто не спросит: «Пожалуйста, дайте нам понять, какой в этом смысл. Если даже вы доберетесь туда, то что вы собираетесь там делать?» Что, на самом деле, делали эти люди, когда добрались до Луны? Они, наверное, выглядели, стоя там, абсолютно глупо, - а ведь они рисковали своими жизнями. Они проходили все виды странных тренировок - в изолированных помещениях, в помещениях без воздуха, в помещениях без гравитации, годами. И потом целое путешествие, полное тревог, - в любой момент что угодно могло пойти не так. И когда вы прибыли, что вы делали там? В чем заключалось ваше достижение?

А теперь они пытаются добраться до Марса и других планет. Похоже, что что-то свихнулось, заиклилось в умах политиков, в умах ученых. Похоже, что что-то не так в самой основе. И я говорю вам: то, что упущено, - это религиозность без одержимости. Когда человек прост, невинен, обыкновенен, не имеет претензий, не лицемерен, его глаза ясны, он может видеть все насквозь: проблемы просто отпадают.

Нет необходимости быть проблемам. Мы создаем проблемы одной рукой, а другой рукой пытаемся решать их - и эти обе руки наши! И когда прекратится эта чушь? Ведь одной рукой мы будем продолжать создавать проблемы, а другой рукой будем продолжать решать их. И это все наша энергия.

Религиозный человек просто понимает, что эти обе руки его; они должны научиться быть вместе, они должны научиться действовать в гармонии друг с другом.

Если все ученые мира смогут немного понять религиозность, то они, по крайней мере, смогут отказаться от созидания ради войны.

И если политики очень интересуются, они могут устраивать соревнования по борьбе. Все будет

весело и не будет никакого вреда. Зачем убивать людей? Людей, которым не интересно все то, ради чего они будут убиты? Зачем убивать детей? Зачем убивать женщин? Зачем убивать стариков? У них нет желаний, нет идеологии; они просто хотят жить и жить, и чтобы им предоставили возможность жить самим по себе. Но политики не позволяют им этого.

Разве это не простая вещь, чтобы президент Америки устроил состязания по борьбе с президентом России? Тогда, кто бы ни победил, все хорошо. И оставьте всю эту чепуху - достаточно будет немного спортивности, политики не нужно, не нужны армии. Если вашим генералам интересно так сражаться, пусть они устроят матч по боксу - или по индийской борьбе, что гораздо лучше, гораздо проще, гуманнее: тут не нужно бить человека по лицу, и по носу, и по глазам, и по губам, не нужно уродовать его. И не нужно ломать человеческих костей; нет в этом необходимости. Эта борьба более четко очерчена, более изощренная. Пусть политики вместо того, чтобы устраивать олимпийские игры для простых людей, устроят Олимпийские игры для политиков, генералов и каждый год определяют, кто победитель. Это просто.

Я говорю вот что: мне кажется таким простым, чтобы мир был единым. Вот оно решение: весь мир един. Бедность не должна существовать. Все усилия, направляемые на войну, могут быть направлены на производство. Все науки, работающие 1Я того, чтобы убивать друг друга, могут работать совместно -го обе наши руки. И я не вижу ни одной проблемы, которая не могла бы быть разрешена; нам нужно только простое видение.

Видение религиозного человека просто, не усложнено, ясно.

Его существо безоблачно.

Он просто зеркало. В зеркале вы можете видеть свое лицо. Вы можете видеть, как вы сами создаете свои проблемы, как вы сами создаете свое несчастье, свое страдание, а потом ищете решения. Когда вы сможете видеть, как вы создаете свое страдание, вы прекратите создавать его. Не нужно никаких решений, ни один вопрос не нуждается ни в каких ответах, вам нужно просто увидеть, что вопрос бессмысленный, и вопрос отпадает сам по себе. И, отбрасывая вопрос, не пытаясь найти никакого на него ответа, вы тем самым находите его.

Позвольте мне повторить: для всех, исключая религиозного человека, каждое направление жизни сопряжено так или иначе с одержимостью.

Религиозный человек не движется ни в каком направлении, он просто сидит в самом себе, просто пребывает в самом себе, не идет никуда. У него нет цели, нет мишени.

Он просто есть, и в этом его состоянии «есть» нет никакой возможности для какой бы то ни было одержимости.

Он единственный по-настоящему здоровый и целостный человек. Все остальные больны - разными болезнями, но все равно больны.

И я называю этого целостного человека святым человеком.

Да, время от времени появлялись такие люди, но один человек в столетие не очень поможет. Это все равно, как бросить чайную ложку сахара в океан, чтобы подсластить его. Очевидно, что

вы просто потеряете одну чайную ложку сахара, которую можно было бы положить в чашечку чая. Приготовьте чашечку чая, это понятно, но не пытайтесь сделать сладким океан. Океан слишком велик. Для океана потребуются океанские методы.

Мое основное усилие заключается в том, чтобы создавать коммуны — скорее религиозные коммуны, чем религиозного человека.

Религиозные люди существовали, но они не очень помогли. Себе, да - они пришли к дому, - но все человечество все еще блуждает во тьме.

Мне хочется иметь религиозные коммуны по всему миру. Постепенно, постепенно в каждом городе создавать религиозные коммуны. Много религиозных людей вместе смогут преобразовать лицо земли и создать новый мир, который срочно необходим.

Если мы упустим еще двадцать лет, тогда надежды не будет, ведь другая сторона приближается к климаксу. Безумная сторона человека - политик, священник - приближается к климаксу, откуда единственным выходом будет война.

И эта война означает тотальную аннигиляцию всей жизни на земле, что будет самым идиотским делом.

Беседа 29

ПОЗИТИВНОЕ МЫШЛЕНИЕ: ФИЛОСОФИЯ ДЛЯ ФАЛЬШИВЫХ ЛЮДЕЙ

28 декабря 1984 года

Бхагаван,

Я твердо верю в философию позитивного мышления и был потрясен, когда услышал, как вы выступаете против матери Терезы и ее философии позитивного мышления.

Я рад, что хоть кто-то слушал меня, хоть кто-то бодрствовал, хоть кто-то не спал. Это и есть позитивное мышление: вы потрясены, а я счастлив!

Но я вообще ни во что не верю.

Вера как таковая противоречит моим взглядам.

Вера - это передвижение ощупью в темноте. Нет чего-либо, во что я бы верил или не верил, - потому что и то и другое является верой. Я или знаю, или не знаю. В этом я абсолютно уверен.

Вы говорите, что вы «твердо верите». Что это значит? «Твердо верить» - почему вы используете слово «твердо»? За ним должна скрываться какая-то нетвердость. Разве недостаточно просто верить? Вы знаете, что нет; поэтому вы должны добавить что-то еще, сделать эту веру более прочной, более сильной. Но что бы вы ни делали, вера есть вера, и она никогда не станет знанием. Ваша «твердая вера» просто показывает, что ваши сомнения очень тверды. Твердо сомневающийся нуждается в твердой вере. Обычный сомневающийся просто верит.

Вера предназначена для того, чтобы что-то закрыть. Если сомнение слишком велико, то вам необходимо превратить веру в твердую веру. Вы должны очень твердо подавить свое сомнение, потому что вы знаете, что если оно не будет твердо подавлено, то оно сорвет покров веры и вы останетесь обнаженным перед своими собственными глазами - отсюда и такое потрясение. Оно вполне уместно здесь.

Почему вас так потрясает то, что я критикую мать Терезу? Или вы понимаете, что то, о чем я говорю, является правильным, и тогда нет места для потрясения, или вы считаете, что сказанное мною является неправильным; тогда вопрос о потрясении также не стоит. Почему такое потрясение?

Для потрясения нужны две вещи: одна часть вас - более глубокая ваша часть, подавленная ваша часть - видит истинность того, о чем я говорю, а подавляющая ваша часть не желает видеть этого. Этот конфликт и порождает потрясение.

Вы можете быть твердо верующим в философию позитивного мышления, но я не думаю, чтобы вы понимали, что из себя представляет эта философия.

Следовать философии позитивного мышления означает, прежде всего, быть лживым, быть нечестным. Это означает видеть что-то и отрицать то, что вы видите; это означает обманывать самого себя и других. Позитивное мышление - это единственная дерьмовая философия, которую дала человеческому мышлению Америка. Дейл Карнеги, Наполеон Хилл, христианские проповедники, Винсент Пил - все эти люди забили умы американцев этой абсолютно абсурдной идеей позитивного мышления. А она кажется особенно привлекательной для посредственных умов.

Книга Дейла Карнеги «Как завоевывать друзей и влиять на людей» по своим тиражам является второй после христианской Библии. Никакая другая книга не смогла достичь такой популярности. Христианская Библия не является, на самом деле, конкурентом, потому что она распространяется в большей или меньшей степени свободно. Но книга Дейла Карнеги продавалась; она не давалась вам бесплатно. И она породила некоторый род идеологии, послужившей основанием для многих книг подобного же рода. Но у меня они вызывают отвращение.

Сама идея влияния на людей является идеей торговца, которым и является Дейл Карнеги - торговцем, ставшим философом. Такое случалось много раз. Совсем недавно Вернер Эрхарт, создатель EST... он был торговцем энциклопедиями и словарями, но, занимаясь торговлей энциклопедиями и словарями, он понял, как нужно торговать. Зачем тогда беспокоиться об энциклопедиях? Почему бы не продавать идеи непосредственно? Это более невидимый товар.

Людям идеи не видны, и все же они все время покупают их. И раз вы заплатили двести пятьдесят долларов за какую-то идею, которую вы не видите, вы должны будете притворяться, что получили ее; в противном случае люди будут считать вас глупцом. Двести пятьдесят долларов и вы не «получили ее»?.. Это очень просто.

Есть одна древняя восточная история. Король поймал своего премьер-министра на том, что тот волочился за его женой. Естественно, он был разъярен. В те дни это было обычным наказанием: он отрезал своему премьер-министру нос. А нос отрезался только в том случае, если кого-то

уличали в том, что он преследует чью-то жену, так что это было как вывеска. Куда бы вы ни пошли, ваш отсутствующий нос шествовал впереди вас как некоторая декларация.

Но этот человек был политиком, он был премьер-министром. Он просто бежал из своего королевства в другое королевство, причем явился в это другое королевство как святой. В святом никто не мог сомневаться. Нос отсутствовал, но сомневаться в святом являлось грехом. Но некоторые любопытствующие люди спросили его: «Что случилось с твоим носом?»

Святой улыбнулся; он сказал: «Это секрет. Это связано с определенной техникой достижения предельной истины. Но для этого вы должны потерять свой нос: нос представляет собой эго». Он на правильном пути: он создает философию - людское эго написано на их носах. Толпа думала, что то, о чем он говорит, является весьма существенным. Нос является представителем эго, а эго является единственным барьером между Богом и человеком. Должна быть некоторая техника, согласно которой, если вы отрежете нос, то эго также будет удалено, и вы встретите предельную истину, вы осознаете ее.

Один идиот немедленно был готов. Политик-святой позвал его ночью, одного, потому что это было совершенно интимным делом. Прежде чем отрезать нос этому человеку, он сказал: «Когда я буду отрезать тебе нос, держи свои глаза закрытыми. Когда нос будет удален, я скажу: “Открой глаза”, - и ты увидишь Бога, стоящего перед тобой». Нос был отрезан, и святой сказал: «Теперь ты можешь открыть глаза: Бог стоит перед тобой».

Человек открыл глаза - перед ним никого не было. Он сказал: «Но я не вижу никого».

Святой сказал: «Теперь это твоя проблема. Если ты не будешь видеть Бога, люди будут думать, что ты идиот. Ты думаешь, что я вижу Его? Я тоже не вижу Его, но попробуй мыслить позитивно. Что ты получишь от того, что докажешь, что ты идиот? Говори, что ты получил его».

Вернер Эрхарт может думать, что он создал философию EST. Это не так. Она была создана тысячи лет назад этим политиком, который отрезал нос тому идиоту. Это был первый выпускник школы EST.

Идиот обдумал это и сказал: «Это кажется мне правильным; да, я понял это».

Святой сказал: «Ты тоже стал святым. С завтрашнего дня ты начнешь на словах распространять эту философию». Это в точности то же самое, что делал Вернер Эрхарт: нет необходимости давать объявления в газетах и журналах - только в устной форме. Это является более впечатляющим, более живым: есть очевидец, свидетель. Объявление в газете может быть и ложным, но человек с отсутствующим носом, улыбающийся, лучащийся осознанием предельной истины...

На следующий день люди увидели, что теперь имеется два святых. И их число начало увеличиваться по той же самой стратегии. Сначала отрезается ваш нос, а затем альтернатива: или вы доказываете, что вы идиот, или вы становитесь святым. Кто же выберет быть идиотом? Даже идиот не может быть таким идиотом, если он так легко может стать святым. И ему ничего не остается, он вынужден стать святым. Все кажется очень правильным - люди являются почтительными, толпа вокруг святых возрастает, количество святых возрастает...

Заинтересовался даже король того королевства. Он спросил своего премьер-министра... премьер министр сказал: «Подождите немного, потому что я знаю того человека - он был премьер-министром в соседнем королевстве. Я не думаю, что он достиг высшей истины, он просто потерял свой нос». Политики легко понимают язык политиков. Он сказал: «Подождите. Позвольте мне расспросить соседнего короля и исследовать все это дело, прежде чем вы потеряете свой нос и осознаете Бога. Дайте мне немного времени ».

Он расспросил соседнего короля. Тот сказал: «Этот человек действительно очень опасен. Это моя вина, что ему отрезали нос. Я должен был отрезать ему голову. Я никогда не думал, что он дойдет до того, чтобы отрезать носы тысячам людей. Каждую ночь сотни людей превращаются в пробужденные души, в просветленных, в познавших Бога».

Премьер-министр получил всю информацию и передал ее своему королю: «Вот вся информация, которую я получил. Теперь я приглашу этого великого святого во дворец и задам ему хорошую порку».

Святой был приглашен во дворец, и, конечно же, он был очень счастлив; все остальные святые также были очень счастливы тем, что даже король заинтересовался позитивной философией. Вот что говорил этот святой: «Это просто философия позитивного мышления. Беспokoиться об утерянном носе — это негативный подход. Носа нет; какой смысл во всех этих причитаниях по поводу пролитого молока? Почему бы не сделать из этого что-нибудь позитивное? Я даю вам высшую истину, и ценой этому является всего лишь ваш нос».

Они все были счастливы. Они все пошли ко дворцу и ожидали вокруг него. Великий мудрец - теперь он стал уже великим мудрецом - вошел во дворец. Премьер-министр закрыл все двери. Там были два сильных человека, борца, и они начали избивать мудреца. Тот закричал: «Что вы делаете?»

Премьер-министр сказал: «Теперь скажи нам правду, иначе избивание будет продолжено. Мы не убьем тебя, но мы не позволим тебе также жить. Ты будешь подвешен между жизнью и смертью. Для тебя лучше будет говорить быстрее».

Видя такую ситуацию, он сказал: «О'кей, правда заключается в том, что мой король отрезал мне нос, потому что я волочился за его женой. Что вы теперь предлагаете? Что я должен делать? Куда бы я ни пошел с отрезанным носом, я осуждался бы, меня бы бойкотировали. Поэтому я основал эту позитивную философию. Разве вы не сделали бы то же самое в подобной ситуации?»

Премьер-министр сказал: «Конечно, я сделал бы то же самое, но сейчас ты должен покинуть наше королевство, потому что даже мой король заинтересовался этим, а мне не хотелось бы, чтобы ты отрезал ему нос и чтобы он стал святым. Уходи в другую страну. Мир велик; везде есть дураки, ты найдешь их повсюду. У тебя уже сейчас очень много последователей».

Когда Вернер Эрхарт или ему подобные люди поняли, что они могут продавать энциклопедии, бесполезные энциклопедии, которые никто не собирался читать, в которые никто не собирался заглядывать... Люди имеют энциклопедии только напоказ, в своих кабинетах или гостиных. Они прекрасно глядятся. Они не для того, чтобы их читать, они для того, чтобы на них смотреть. Если вы можете продавать энциклопедии, - а люди настолько глупы, что они будут покупать

бесплезные книги, дорогие, но бесплезные книги, - то почему бы вам не продавать идеи? Раз вы узнали простые механизмы торговли, вы можете продавать что угодно.

Позитивное мышление является просто обманом.

Если влияние на людей и завоевание друзей становится вашей идеологией, то вы должны делать две вещи. Прежде всего, вы должны будете поступать и действовать так, как этого ожидают другие люди. Это простой способ воздействовать на них, другого способа нет.

Вся философия может быть сконденсирована в одном простом предложении: если вы хотите воздействовать на людей, вы должны вести себя так, как они считают правильным для вас вести себя. Вы оказываетесь их идеалом, которого они тоже хотели бы достичь, но пока еще не могут. Вы, конечно же, не можете стать идеалом кого-то другого, но вы можете притвориться. Вы станете лицемером.

И если вы собираетесь влиять на многих людей, тогда, конечно, вы должны будете иметь много личин, много масок, потому что каждый человек подвержен влиянию какой-то определенной маски.

Если вы хотите повлиять на индуса, то вы должны иметь совершенно другую маску, чем в том случае, когда вы хотите повлиять на христианина. Для христиан символом величайшей жертвы, которую кто-либо может принести ради спасения человечества, является Иисус, распятый на кресте.

Для индусов распятие просто означает, что этот человек совершил в прошлом великий грех. Их философией является философия кармы и ее последствий. Вы не можете быть распятыми, не заработав соответствующей кармы. Вы, должно быть, совершали дурные поступки, и это является их следствием. Распятие Иисуса не докажет индусу, или джайну, или буддисту, что он является мессией.

Но для христиан ни Махавира, ни Будда, ни Кришна, ни Лао-цзы - никто не сравнится с Иисусом. Для христианского ума все они кажутся очень эгоистичными: все они работают ради своего собственного освобождения, в то время как Иисус работал ради освобождения всего человечества. Человек, который интересуется своей предельной реализацией, является, очевидно, наиболее эгоистичным человеком в мире. Какой другой эгоизм способен превзойти этот эгоизм?

Если он отказывается от всего мирского, то это эгоистично, потому что он просто хочет, чтобы его душа освободилась от круговорота жизни и смерти. Он хочет встретить всеобщий дух Бога, или он хочет войти в нирвану и исчезнуть в космосе, где нет никаких страданий, где есть только блаженство, вечное блаженство. И этот человек не беспокоится о ком-либо другом. Вы называете его святым? Воплощением Бога? Тиртханкарой? Нет, только не для христиан; этот образ их не привлекает.

Если вы хотите влиять на многих людей, вы должны будете иметь много личностей, много личин, много масок.

Вы должны будете все время притворяться, что вы тот, кем на самом деле не являетесь, и

скрывать то, чем вы на самом деле являетесь.

Именно так человек и становится обманщиком, жуликом.

Вся философия Дейла Карнеги предназначена для обманщиков.

Слово «phony» (обман; жулик, обманщик; ложный, фальшивый) также является изобретением Америки. Странно, но оно означает почти то же самое, что и «личность, персональность». В греческой драме актеры использовали маски и говорили сквозь маски. «Сона» (sona) означает звук, а звук идет из маски, называемой по-гречески «персона», - это нереальный человек, это маска. Вы не знаете, кто находится позади нее; вы слышите звук и видите маску. Маска есть маска, она не может говорить. А того, кто может говорить, вы не видите; он скрыт. От слова «персона» происходит слово «персональность», личность. А слово «phony» означает в точности то же самое.

С тех пор, как в обиход вошел телефон (telephone), вы можете не видеть человека, но слышать его голос по телефону. И, конечно же, голос не является тем же самым; проходя по проводам или передаваясь при помощи радиоволн, он изменяется. Он является фальшивым; слово «phony»(фальшивый) происходит от слова «phone» (звонить по телефону). Как это ни странно, слова «фальшивый» и «персона» означают практически одно и то же. Вы не видите того, кто говорит, вы только слышите его голос. Он тоже подвергся изменению, он тоже прошел через механизм; это не в точности тот же самый голос.

Философия Дейла Карнеги порождает фальшивых людей, но ее истинной целью является влияние на людей. Зачем? Завоевывать друзей, но зачем? Откуда эта необходимость? Здесь нужно понять две вещи. Первое: влияние на людей является всего лишь средством для того, чтобы завоевать друзей. Слово «завоевать» нужно подчеркнуть. В нем содержится вся политика. Чем больше людей находится под вашим влиянием, тем более могущественными вы являетесь. Ваша власть зависит от того, как много людей поддерживают вас, на сколь многих людей вы влияете настолько, что они будут готовы сделать для вас что-либо.

Поэтому политик говорит языком, который всегда неясен, не определен, - вы можете интерпретировать его любым образом,

- чтобы можно было влиять на большее число людей. Если он будет говорить очень ясным языком и то, что он говорит, будет абсолютно научным - определенным, без всяких неясностей, с одним только значением, - то он преуспеет, видимо, только в раздражении людей.

Это то, что я делаю всю свою жизнь - как потерять друзей, как нажать врагов... Если кто-то хочет научиться этому, пусть учится у меня. И причина этого в том, что я не хочу влиять на кого-либо. Сама эта идея безобразна, она античеловечна. Влиять - значит вмешиваться, посягать на права личности, тащить вас на путь, который не является вашим, заставлять вас делать то, о чем вы и не помышляли раньше.

Влияние на людей является наиболее насильственным актом в мире.

Я никогда не старался влиять на кого-либо.

Другое дело, если кто-то увидел какую-то истину в том, что я говорил или делал, но это не было моей попыткой повлиять на него. Если, несмотря на отсутствие моего старания, он сумел увидеть во мне что-то, то ответственность целиком лежит на нем.

Иисус говорит своим людям: «В судный день я буду отсортировывать своих овец и говорить Богу, что это мои люди, - они должны быть спасены. Другие меня не интересуют». Если будет что-то вроде судного дня - ничего подобного не будет, но предположим это ради рассуждений, - если будет что-то вроде судного дня и если я должен буду сортировать людей, то я не смогу найти ни единой овцы, потому что я никогда ни на кого не влиял. А если вы влияете на кого-то, то вы действительно становитесь пастухом, а этот человек становится просто овцой. Вы низводите человеческое существо до овцы вы отбрасываете его человеческие свойства. Во имя спасения их вы разрушаете их.

Не поддавайтесь чьему-либо влиянию.

Не поддавайтесь чьему-либо внушению.

Смотрите, видите, осознавайте - и выбирайте.

Но помните: ответственность лежит на вас.

Вы не можете сказать: «Господи, я следовал за тобой - теперь спаси меня».

Никогда не следуйте за кем-либо, потому что именно так вы сбиваетесь с пути к самому себе.

Дейл Карнеги запустил всю эту школу позитивной философии, позитивного мышления: не нужно смотреть на негативную часть не нужно смотреть на темную сторону. Но вы думаете, что если вы не смотрите на нее, она исчезнет? Вы просто, дурачите самого себя. Вы не можете изменить реальность. Ночь все еще, будет здесь; вы будете думать, что все двадцать четыре часа у вас день, но от того, что вы так думаете, не будет светло все двадцать четыре часа.

Негативное является в такой же степени частью жизни, как и позитивное.

Они уравнивают друг друга.

После Дейла Карнеги наиболее громким именем в этой традиции позитивного мышления является имя Наполеона Хилла. Его величайшим вкладом является книга «Думай и становись богатым» - прекрасно написанная книга, но все чепуха. Думай и становись богатым... вы не должны ничего делать вы должны только думать в абсолютно позитивных терминах, и богатство начнет течь к вам. Если оно к вам не течет, то это просто означает, что вы не думали абсолютно позитивно.

Таким образом, это прекрасная игра, в которой вы не можете нанести поражение человеку, который ее придумал. Ключ в его руках. Если вы преуспеете, то преуспеет он, потому что преуспела его философия - думай и становись богатым. Вы думали, думали, думали, вы позитивно думали, чтобы на вас полились доллары - это не снежинки, это доллары, которые сыплются на вас, — и вдруг умирает ваш дядя и оставляет вам большое наследство. Естественно, сработало позитивное мышление!

Но если вы не преуспели... а девяносто девять процентов времени вы не преуспеваете, - вы знаете, что ваше позитивное мышление не является абсолютно позитивным; вы знаете, что были какие-то сомнения. Время от времени вы открываете глаза, чтобы посмотреть, падают ли уже доллары или это все еще снежинки. Вы видите, что это снежинки, и снова закрываете глаза и начинаете думать, что это доллары. Но есть сомнение, что это все-таки снежинки. Кого вы пытаетесь обмануть? Все время возникают такие мысли: «Это просто чепуха, я не должен тратить свое время, я должен зарабатывать доллары; так я больше теряю, чем приобретаю».

Но Наполеон Хилл пишет прекрасно; он приводит примеры того, как люди преуспели с помощью позитивного мышления. И вы можете найти таких людей - этот мир достаточно велик. Вы можете найти примеры для чего угодно. И не один - вы можете найти сотни примеров, если вы хорошенько поищете, если вы будете стараться найти их. И все эти люди делали так: они находили примеры и помещали эти примеры в прекрасную поэтическую прозу. И, конечно же, вы хотите быть богатым, поэтому они эксплуатируют вашу амбицию, ваше желание. Они дают вам такой простой метод - и они не просят ничего взамен.

По поводу Наполеона Хилл а я вспоминаю... он сам был бедным человеком. Это могло бы быть достаточным доказательством, опровергающим всю его философию. Он стал богатым, продавая книгу «Думай и становись богатым». Но богатым его сделало не позитивное мышление - это были дураки во всем мире, которые покупали его книгу, это была его работа, его труд, его усилия. Но в самом начале, когда его книга еще только вышла, он сам стоял в книжном магазине и убеждал людей купить ее.

Случилось так, что к магазину на своей последней модели подъехал Генри Форд - ему хотелось купить для чтения что-нибудь легкое. И Наполеону Хиллу захотелось не упустить свой шанс. Он вышел со своей книгой и сказал: «Из печати вышла великая книга - вы будете счастливы с ней. Это не просто книга, это уверенный путь к успеху».

Генри Форд посмотрел на него и спросил: «Вы автор этой книги?»

Наполеон Хилл сказал гордо: «Да, я автор этой книги». И ему было чем гордиться: эта книга была произведением искусства. А чтобы из дерьма сделать произведение искусства, действительно требуется большое мастерство.

Генри Форд, не прикасаясь к книге, задал еще один вопрос: «Вы приезжаете сюда на собственном автомобиле или на автобусе?»

Наполеон Хилл не мог понять, что он имеет в виду. Он сказал: «Конечно, я приезжаю на автобусе».

Генри Форд сказал: «Выгляните наружу. Это мой автомобиль, а я - Генри Форд. Вы дурачите других; у вас даже нет собственного автомобиля, а вы пишете книгу под названием “Думай и становись богатым”! Я стал богатым, не думая, меня это не беспокоит. Вы должны думать, как стать богатым, - и когда вы станете богатым, приходите ко мне. Это будет доказательством. Книга доказательством не является».

Говорят, что Наполеон Хилл никогда больше не отваживался снова встретиться с этим стариком, Генри Фордом, - даже тогда, когда он стал несколько богаче. Ведь по сравнению с

Генри Фордом он всегда был бедным человеком; он навсегда был обречен быть бедным по сравнению с Фордом. Логика Форда была безукоризненной.

Один из таких людей, христианский проповедник Норман Винсент Пил, создал философию позитивного. Он пытался изменить склад ума христиан - как если бы это была философия позитивного мышления. Он, конечно же, мог цитировать все религии мира, но он хотел распространять христианство, поэтому он не принимал во внимание все остальные религии.

И в Иисусе вы можете найти... Все религии приносили такой же вред, как и Иисус: «Блаженны нищие, ибо их есть царство Божье», - сегодня мать Тереза говорит то же самое. Норман Винсент Пил стал всемирно известным проповедником. Его точка зрения такова: ни на что не смотрите негативно, отрицательно, критически. Смотрите на все позитивно, все принимайте. Он утверждает, что если вы будете так поступать, то вы измените природу объекта - что абсолютно неправильно.

Просто говоря: «Блаженны нищие, ибо их есть царство Божье», вы не избавитесь от нищеты. Иначе за две тысячи лет христианские проповедники добились бы того, чтобы нищеты не было. Количество бедных все время растет, количество блаженных все время растет.

В царстве Божьем будет так много этих блаженных людей, разделяющих на всех это царство, что они снова будут нищими; они не так много получают, разделив его на всех. Все эти держатели своей доли в царстве Божьем и самого Бога сделают бедным. Это будет компания бедных обладателей своей доли и их директоров - директора, конечно же, должны быть нищими, еще более бедными, чем все остальные.

Две тысячи лет непрерывных учений... изменило ли это природу бедности? Нет. Это привело только к одному - это убило в бедных революционный дух. Бедность остается на месте и продолжает увеличиваться.

Но одно стало определенным: это отняло силу воли и мужество у бедного человека. Его бунтарский дух был отравлен. И только в одном я согласен с Карлом Марксом - что религия есть не что иное, как опиум для бедных людей. Я вынужден согласиться с ним, потому что это то, что делали все религии в мире. Они дают вам опиум, наркотики, так что вы можете видеть прекрасные сны.

В Индии это является обычной практикой. В индийских деревнях бедность такова, что если на работу ходит только мужчина, этого недостаточно; жена также должна работать. Это противоречит индийской традиции, согласно которой женщины не должны работать; их место дома, для них там достаточно работы. Согласно индийской культуре, согласно традициям индийской цивилизации женщина не должна работать, но бедность столь велика, что заработков мужчин недостаточно, чтобы прокормить семью, - женщина должна идти работать.

Женщина может нести с собой маленького ребенка, потому что индийские женщины всегда беременны или вот-вот забеременеют снова; кроме того, в это же время они вскармливают другого ребенка. Они должны брать с собой ребенка на работу - на дорогу, которую они строят, в поле или в сад, где они работают, на стройку. Но что делать с этим ребенком? Они будут все время работать, а ребенок будет лежать на обочине дороги.

Поэтому обычная практика заключается в том, что они дают ребенку немного опия. Это делается по всей Индии, несмотря на то, что опиум в настоящее время запрещен; но с этим ничего нельзя поделать. И все понимают, что это единственный способ. Ребенок остается голодным, но он счастлив. Всего лишь немного опия, и от шести до восьми часов он находится в лотосовом рае. Он не кричит, он не плачет; он не беспокоит свою мать.

Религии делают то же самое со всем человечеством.

Будьте голодными, будьте необразованными, будьте больными, страдайте от всех возможных видов страданий, - но принимайте это позитивно.

Нет. Я не верю ни в какую философию позитивного мышления; я не верю также в противоположное, в философию негативного мышления, — потому что в ходу обе эти философии. Позитивное и негативное составляют единое целое. Моей философией является целостность - ни позитивность, ни негативность, но реальность, целостность. Где бы вы ни были, вы видите целое во всей его целостности, во всей его тотальности. Плохое и хорошее, день и ночь, жизнь и смерть - все это присутствует одновременно.

Мой подход заключается в том, чтобы видеть все таким, каким оно на самом деле является. Нет никакой необходимости проецировать на него какие-либо философии.

Мать Тереза говорит этим людям в Бхопале: «Принимайте это позитивно». Погибло две тысячи человек! — видимо, из-за ошибки каких-то ленивых индийцев. И это случалось во многих местах по всей Индии; это не единичный случай. Мосты обрушиваются после того, как в них были вложены миллионы рупий и годы труда. В первый день по мосту проходит поезд... и вместе с мостом поезд и пассажиры падают в реку, - но принимайте это позитивно.

Разрушающиеся дамбы все время затопляют тысячи миль территории страны. Чтобы строить новые дамбы, Индия все время занимает деньги по всему миру, получает их у всемирного банка, достает из других источников. И к чему приводит работа всех этих инженеров, всех этих экспертов? Такого не случается больше нигде в мире, такое случается только в Индии! Индия является очень позитивно мыслящей страной, потому что люди, которые ответственны за это, не наказываются; иначе все это прекратилось бы.

Если мост убивает тысячи людей и уничтожает труд тысяч строителей, если это заставляет страну влезать во все новые и новые долги, которые невозможно будет когда-либо выплатить, то подрядчик, строивший этот мост, должен быть наказан. Как страна сможет выплатить свои долги? Постепенно вы снова становитесь рабами - экономическими рабами.

Политическое рабство кончилось; сейчас через заднюю дверь входит экономическое рабство. Если вы не можете отдать деньги, то вы должны их чем-то заменить. Если вы должны Америке или Советскому Союзу, то вы должны будете давать им нечто, что является основой их вооруженных сил. Вы должны это делать, потому что нет другого способа вернуть долг. И почему, на самом деле, все эти страны дают в долг бедным странам, хорошо понимая, что они не смогут вернуть его? Им, на самом деле, и не нужно, чтобы долг возвращался!

Это новая форма рабства.

Люди не понимают, что формы все время меняются, но суть остается той же самой. Политическое рабство становится дорогим, очень дорогим. Для стран-хозяев становится более дорогостоящим иметь в своем подчинении страны, являющиеся рабами, чем просто не заботиться об этих странах. Экономически это становится более выгодным. Освободите эти страны политически, - но что они будут делать со своей экономикой? Они будут попрошайничать у вас, и тогда вы сможете эксплуатировать их экономически. Это самая настоящая эксплуатация.

Политическое рабство было полезным, потому что у вас было достаточно сил, чтобы эксплуатировать их экономически.

Любая эксплуатация является экономической - если вы политически достаточно сильны, то, конечно же, вы эксплуатируете их экономически. К концу Второй Мировой войны стало ясно, что так жить больше невозможно, что политическое рабство больше не является выгодным. Но реальной была экономическая эксплуатация. Отбросьте политическое рабство, влияйте на людей, сделайте их друзьями - и продолжайте эксплуатировать их экономически, как вы делали это раньше. Теперь это получается у вас даже лучше, потому что вы друзья, вы помогаете всеми возможными способами... но по какой причине вы помогаете?

Россия все время вкладывает деньги в Индию. Россия сама является бедной страной; их не очень беспокоит их бедность, они больше заботятся о том, чтобы строить в Индии заводы, сталелитейные заводы. Давая Индии столько денег и специалистов, сколько она попросит, они скоро создадут ситуацию, что Индия будет иметь столько долгов, что хотя она и будет оставаться политически свободной, это не будет иметь никакого значения - в Индии будут их военные базы, в Индию будут введены их вооруженные силы; Индия вынуждена будет пойти на это. Ее политическая свобода будет свободой только на бумаге: под ней снова будет скрываться рабство.

В Индии никого не наказывают за все то, что случается. В Индии происходят просто чудеса. Она имеет такие же пятилетние планы, как и Россия. В этих пятилетних планах предусмотрено строительство такого количества дамб, дорог и мостов, что вся страна очень надеется, что через пять лет все изменится: не будет бедности, каждая деревня будет иметь школу, больницу и все тому подобное.

И на бумаге все это действительно происходит. На карте в' можете увидеть построенную дорогу. Контракт подписан, подрядчик получает деньги, инженеры работают, труд рабочих оплачивается, закупаются машины. Пять лет работы - и дорога готова. Дорога даже торжественно открывается каким-нибудь крупным общественным деятелем - и нет никакой дороги!

Вы видите в газетах фотографию деятеля, открывающего дорогу. Они сделали для торжественного открытия только малую часть дороги, эта малая часть и фигурирует на фотографии. И деятель открывает ее, разрезает ножницами ленточку, все кругом аплодируют. И это чудо! Если вы пройдете еще двести метров, там дороги нет, - а дорога должна была иметь в длину сто миль. Ее не существует.

Великие чудеса! Но воспринимайте их позитивно и ни на кого не жалуйтесь, иначе все будут задеты: тогда это коснется того крупного деятеля, которого можно будет спросить: «Какую

дорогу вы так торжественно открывали? Где она?»

Министр, который подписывал контракт, получил, должно быть, взятку. Подрядчик, должно быть, присвоил большую часть тех денег, которая предназначалась для постройки моста, и все остальное стало фикцией. Инженеры получали зарплату, рабочие оплачивались; работа продолжалась в течение нескольких лет, и в газетах появлялись отчеты о том, что работа идет хорошо, что дорога становится все длиннее, что она будет готова даже досрочно.

Она может быть готова в любой день; если ее так строить, она может быть готова в любой день. И когда великий деятель приезжает открывать ее, люди аплодируют, потому что они верят в философию позитивного. Они знают, что дорога имеет в длину всего двести метров, и все же они аплодируют, потому что приехала высокопоставленная персона и им всем были уплачены деньги за то, что они аплодируют! Восхваляйте эту персону, размахивайте флагами, приветствуя ее. А сделанные фотографии будут доказательством. Все эти люди должны быть наказаны.

А мать Тереза говорит этим бедным людям: «Не жалуйтесь». Кого она хочет спасти? Преступников?

Да, я использую слово «преступники», потому что я не знаю никого, кто бы был хуже них. Я не могу назвать их грешниками, потому что я не верю в грех. Но они преступники. Если бы это было беспечностью одного человека, который неправильно соединил звенья моста, что убило две тысячи человек...

И об этих двух тысячах человек написано в правительственном отчете. Если это написано в правительственном отчете, то смело умножьте это число на пять, и это будет близко к правде. Если они говорят, что погибло две тысячи человек, то это означает, что погибло по крайней мере десять тысяч человек. Если они говорят, что серьезно ранено сто тысяч человек, то не верьте этому числу - ранено, как минимум, пятьсот тысяч человек. Кто будет их считать? Правительственные чиновники максимально занижают все эти числа, чтобы среди людей не было негативности, чтобы продолжала жить философия позитивного. А затем они призывают людей вроде матери Терезы, которые говорят: «Не жалуйтесь». Почему?

Тогда что говорить о газовых камерах Адольфа Гитлера? Принимайте это позитивно - да, если вы хотите воспринимать это позитивно, то об этом вполне можно рассуждать позитивным образом: эти миллионы евреев испарились в газовых камерах Адольфа Гитлера... Теперь давайте рассуждать позитивно. Если бы они остались жить, они могли бы быть бедными. Они могли бы страдать от разного рода болезней, от туберкулеза, от рака. И они все были евреями, поэтому вы должны понимать, что они болели бы СПИДом, потому что евреи являются старейшими гомосексуалистами в мире. Это не я говорю об этом, я просто цитирую Ветхий Завет.

Даже Бог не мог воспринимать это позитивно! Согласно Ветхому Завету он должен был разрушить два города - Содом и Гоморру. Это придумал не я. Бог должен был полностью разрушить два города! Почему? Город Содом стал таким знаменитым, что мы сейчас используем слово «содомия». Люди совокуплялись с животными - вот что такое содомия. Сейчас слово «содомия» означает совокупление с животными, но происходит это слово от названия города. Люди там занимались любовью с различными животными.

А Гоморра - только одно это название может дать вам представление о том, что там происходило, - гомосексуализм, содомия, другие виды извращений. Я всегда удивлялся, почему люди не замечают этого слова Гоморра; фонетически оно связано с определенными сексуальными извращениями. Бог должен был разрушить эти два города полностью.

Бог не мог воспринимать это позитивно.

Бог ничто не воспринимает позитивно, иначе зачем был бы ад?

Если бы Бог воспринимал все позитивно, он сжимал бы преступников в объятиях, целовал бы их и говорил им: «Продолжайте, ребята! Я буду ждать вас. Эти небеса ваши, потому что я все воспринимаю позитивно. Я читал книги Нормана Винсента Пила».

Но он продолжает отправлять людей в ад. Мать Тереза, кажется, выступает против Бога. Но и все эти религии противоречат ему.

Здесь они говорят одно, а там они говорят: «Вы будете наказаны. Каждое прегрешение будет учтено, подсчитано. Вы ничего не сможете скрыть от Бога; Он будет читать вас, как открытую книгу, - вы не можете что-либо скрыть от него - и соответственно этому вас будут судить». Поэтому у христиан есть судный день... если Бог придерживается философии позитивного мышления, зачем тогда нужен судный день? Все будут прощены; что бы кто ни сделал, все будет восприниматься позитивно. Зачем тогда нужен судный день? Святые и грешники будут неразличимы, их всех будут равным образом приветствовать, - но это приводит к беде.

Вот почему никто не поднимает вопроса о том, какой философии придерживается Бог. Если вы будете говорить, что Бог всех простит, то святость потеряет все свое обаяние. Кто тогда захочет страдать от аскетизма, постов, молитв, кто тогда будет отказываться от удовольствий жизни, - зная определенно, что те, кто имел все удовольствия здесь, на земле, снова будет иметь все эти удовольствия на небесах? Так вы окажетесь в проигрыше!

А поскольку вы всю жизнь отказывали себе в удовольствиях, то вы и на небесах не сможете получать удовольствие, потому что вы так окружены различными запретами, что когда в индийском раю перед вами возникнут танцующие девушки... Святые определенно должны закрыть свои глаза, просто по привычке миллионов жизней - для индусов это вопрос миллионов жизней.

У Ганди на столе обычно присутствовали фигурки трех обезьян. Они были подарены ему японским святым; на самом деле, были подарены четыре обезьянки, но четвертая на всех фотографиях отсутствует. Когда я был в ашраме у Ганди, я спросил его сына Рамдаса: «Где же четвертая обезьянка?»

Он сказал: «Как вы узнали о четвертой обезьянке? Когда они прибыли, их действительно было четыре, они все были соединены вместе, но четвертая отделилась и разломалась. Как вы узнали об этом? Ведь это случилось так давно?»

Я сказал: «Я являюсь исследователем странных случаев. Расскажите мне о четвертой обезьянке».

«Но, - сказал он, - она ведь полностью разрушилась. Как вы?.. Кто вам сказал? Ведь кроме отца, меня и моей матери никто не знал об этом. Мы открыли посылку и разбили четвертую обезьянку».

Я сказал: «Все в порядке. Я тоже присутствовал там».

Он сказал: «Вы, должно быть, шутите».

И нигде не указано, что там было четыре обезьянки... но я знаю, потому что первоначально эти четыре обезьянки были китайскими. Это традиционные даосские обезьянки, им, как минимум, три тысячи лет, поэтому я знаю, что их должно быть четыре. От даосов они попали в Японию, их не должно было быть три. Но всю свою жизнь он держал этих трех обезьянок на своем столе; они все еще хранятся в мемориальном музее Ганди в Дели. Но это ложь, что четвертая утеряна.

Одна обезьянка приложила ладони к глазам, закрывая их. Это означает: «Не смотрите ни на что дурное». Вторая обезьянка закрывает ладонями уши: «Не слушайте ничего дурного». Третья обезьянка закрывает свой рот - это не воздушный поцелуй, это означает: «Не говорите ничего дурного». Что же делает четвертая обезьянка, за что они разбили ее? Четвертая обезьянка обеими руками прикрывает свои половые органы: «Оставайтесь безбрачными, не воспроизводите ничего дурного». И Ганди беспокоился, что это вызовет какие-то затруднения. «Кто-нибудь спросит, что она делает. А она ведь сидит за моим столом... Надо разбить ее; достаточно и этих трех».

Все религии учили своих праведников практиковать аскетизм, но когда они попадут в рай и освободятся, им будет трудно, действительно трудно. Грешники будут наслаждаться раем; праведники будут прятаться при виде приближающихся апсар - это прекрасные девушки, которые в раю будут доступны всем; там тысячи прекрасных апсар. Вы можете называть их божественными девушками... Я не знаю, как перевести это слово, потому что на христианских небесах апсары отсутствуют.

Праведники на небесах начнут дрожать, нервничать, потеть; они немедленно закроют глаза, потому что они делали это всю свою жизнь.

Для того чтобы установить различия между праведниками и грешниками, все религии должны быть «реалистичными» - в том же смысле, в котором и я призываю вас быть реалистичными, — видеть вещи в их целостности, видеть позитивное и негативное.

Сегодня эта женщина, мать Тереза, является большим преступником, чем те люди, которые устроили катастрофу в Бхопале, потому что она не только пытается прикрыть их лень и их ошибки; она выдвигает идею о том, что когда и где бы ни случились такие вещи, вы прикроете их.

Поэтому я и говорю, что, когда испарялись миллионы евреев, Гитлер, должно быть, проделывал огромную позитивную работу: при меньшем количестве населения будет, по-видимому, меньше бедности. А эти евреи были богатейшими людьми в Германии, так пусть их деньги и богатства будут распределены между другими. И все равно они рано или поздно умрут, так почему бы не рано? Кому они нужны живые? Так зачем поднимать так много шума? Они могли бы умереть от самых страшных болезней - от СПИДа, от рака, от чего-то другого, - а Гитлер дал им самую

простую и самую быструю смерть, безболезненную смерть. Смотрите на это положительно!

Но у матери Терезы недостаточно мужества, чтобы сказать: «Смотрите на это позитивно», - потому что евреи Америки, которые оказывают ей уважение, немедленно стали бы ее врагами. Она не может сказать этого.

Почему бы не воспринимать позитивно коммунизм? Сталин убил миллионы людей - сказала ли она, что это нужно воспринимать позитивно? Это ведь хорошо: эти миллионы людей освобождены от жизненных страданий, бед, несчастий, горя. Но она не скажет такого. Коммунизм нельзя принимать позитивно — ее хозяин, папа-поляк, провозгласил недавно, что сама идея классового боя является грехом. Можно ли тогда воспринимать коммунизм позитивно? Если вы будете воспринимать его позитивно, тогда классовая война будет не грехом, а добродетелью.

Но зачем же применять такие безобразные вещи по отношению к бедным индийцам? И ваши цели ясны. Ваша цель является политической: чтобы поддержать правительство. Потому что в Индии это является проблемой... Многие миссионеры были депортированы из Индии - существует постоянное давление со стороны населения Индии, направленное на то, что миссионеров нужно изгонять из Индии, потому что они эксплуатируют нищенство и обращают людей в христианство, - но не путем аргументации, потому что в отношении аргументации христианство не идет ни в какое сравнение с восточными религиями. Оно не может победить при помощи аргументации; христианство вообще не имеет никаких аргументов.

За Индией стоят десять тысяч лет непрерывных аргументаций и философских споров! Что касается аргументаций, никто не может и приблизиться к Индии, потому что они только этим и занимались в течение десяти тысяч лет - больше ничем! Они занимались каждой мелочью, каждым пустяком, и они преуспели в этом. Есть книги, которые невозможно перевести даже сейчас, потому что ученые считают, что невозможно найти эквивалентные понятия в европейских языках. Индийскую логику, например, перевести невозможно - Аристотель здесь является просто пигмеем. Индийская логика глубоко входит в каждую мелочь, она нуждается в очень специфических терминах и словах.

Слова возникают только тогда, когда в них есть потребность. У вас, например, есть слова «снег», «лед» и, возможно, еще какие-то слова, которых я не знаю. Но спросите эскимоса; у него найдется дюжина слов для обозначения снега. Ни в одном другом языке этих слов нет, а у эскимосов есть. И причина в том, что они различают эти двенадцать различных свойств снега. Они жили в снегах в течение тысяч лет. Они знают снег. Они могут различать такие его свойства, которые никто другой различать не может.

Сегодня, после десяти тысяч лет непрерывных споров, в Индии существуют слова, которые невозможно перевести ни на один другой язык. Даже понять их так же трудно, как теорию относительности Эйнштейна, может быть даже труднее.

Индия все время депортирует миссионеров; давление на них становится все больше и больше. Причины?.. Индусов не беспокоят споры. Если вы хотите подискутировать с ними, они готовы; джайны готовы, буддисты готовы. Что касается дискуссий, то здесь нет никаких проблем; ваши христианские миссионеры не имеют никаких шансов на выигрыш. Но они могут обращать людей в свою веру, давая им хлеб, давая им лекарства, открывая больницы, школы, колледжи,

создавая благотворительные организации для вдов и сирот.

Всего этого индийцы не могут делать; они никогда не делали этого, они никогда не беспокоились об этом. Они, на самом деле, имеют для этого причины, имеют объяснение этому: если кто-то является сиротой, то это означает, что в прошлой жизни он сделал что-либо дурное. Пусть теперь страдает, не вмешивайтесь; иначе он должен будет быть сиротой и в следующей жизни, вы просто продлите его страдания. Пусть он покончит с этим, пусть счет будет закрыт, чтобы в следующую жизнь он вошел чистым и не был в ней сиротой. Вдовы - это их судьба; если их мужья умерли, это больше никого не касается. Согласно индуизму эти женщины, должно быть, делали что-то очень дурное в своих прошлых жизнях... поэтому они теперь страдают.

Поэтому никто не собирается что-либо предпринимать по поводу реальных проблем. Христианские миссионеры занимаются реальными проблемами. И естественно, когда они дают пищу, дают лекарства, обслуживают бедняков своими врачами, своими сестрами милосердия, своими больницами, своими школами, своими учителями, - это впечатляет людей: «Ни один индус никогда не позаботится о нас, никогда не побеспокоится о нас. Если мы будем умирать, они просто оставят нас умирать. Вы заботитесь о нас - вы, видимо, являетесь истинно религиозными людьми». И если они начинают все больше и больше вовлекаться в христианство, то все просто. Но они не обращаются в христианство так, как это должно быть. Они проводятся туда контрабандой, через заднюю дверь.

Они не знают своих собственных религий, потому что никто не учил их. Но христиане обучают их христианству; это становится их единственным знанием. И они видят этих людей, их служение, их сострадание, их доброе отношение, и естественно, они думают, что это и есть религия, которой они должны принадлежать. И если эти миссионеры делают так много, то что говорить об Иисусе, о мессии? Если он говорит, что спасет мир, он сделает это. Эти люди являются его представителями.

Но индусы оказывают давление на правительство, что эти люди должны быть выброшены из страны, потому что они вводят людей в заблуждение, пользуясь их бедностью, их болезнями, их немощью. Но никто не осмелится сказать: «Депортируйте мать Терезу», - потому что она все время защищает правительство. Это политическая стратегия: защищай правительство, защищай богатых, а исподволь проводи работу по обращению людей в христианство.

Я не против тех, кого обращают в христианство. Если человек переходит в христианство с пониманием, то это хорошо; никто не имеет права препятствовать ему. Но если его каким-либо образом подкупают, соблазняют, совращают, то этому следует препятствовать. Не имеет значения, собирается ли он стать мусульманином, или индусом, или христианином, или буддистом: никому не должно быть позволено обманным путем изменять жизнь человека, его видение, его мышление. Его нужно предоставить самому себе. Все миссионеры - не имеет значения, к какой религии они принадлежат, - все миссионеры против человечности. Но люди, подобные матери Терезе, делают свое дело очень изоощренно, очень тонко.

Вы спрашиваете меня, против ли я позитивной философии? Да, потому что я также против негативной философии.

Я против того и другого, потому что и то и другое выбирает только половину факта, и то и другое пытается игнорировать другую половину.

И помните, полуправда много хуже, чем чистая ложь, потому что чистую ложь вы рано или поздно обнаружите. Как долго вы сможете не замечать, что это ложь? Ложь - это всего лишь ложь; это просто карточный домик - маленький ветерок, и домика нет. Но полуправда опасна. Вы можете так никогда и не обнаружить, что это полуправда, вы можете продолжать думать, что это полная правда. Так что проблема не в полной лжи, проблема в полуправде, претендующей на то, что она является полной правдой; и это то, что используют эти люди.

Философия позитивного мышления призывает: «Принимайте все позитивно. В вашем подходе не должно быть ничего негативного, не должно быть негативной части». Это делает одну часть, позитивную часть, чем-то целым.

То же самое относится и к философии негативного, хотя никто не проповедует философию негативного мышления, потому что, кто бы стал их слушать? Они могли бы говорить: «Если кто-то улыбается, будь настороже - что-нибудь, наверное, скрыто за этой улыбкой. Он, должно быть, хочет плакать и рыдать. Будь начеку - пусть тебя не обманывает его улыбка; найди, что в ней есть негативного. Если он выглядит очень счастливым, то это наверняка означает, что за своим счастьем он пытается что-то скрыть».

Люди так несчастны, кто будет слушать такого философа? Они скажут: «Мы так несчастны, а ты учишь нас искать еще больших страданий! Даже если эта улыбка фальшивая, это все-таки улыбка. Простите нас, пожалуйста, но мы не можем все время стараться искать слезы. Мы и так имеем достаточно слез. И простая улыбка - пусть она даже является формальностью, соблюдением хороших манер, цивилизованным способом приветствия...»

Когда вы встречаете кого-то и спрашиваете: «Как поживаешь?» - он отвечает: «Отлично». Если вы придерживаетесь негативной философии, вы должны будете выяснить, что скрывает этот человек: «Как это он может жить отлично? Слышали ли вы о ком-либо в мире, кто жил бы отлично? Он лжет!» Но никто не будет слушать приверженцев философии негативного. Вы тоже скажете: «У меня все отлично. У вас все отлично - хорошо». И вы расстанетесь в хорошем настроении. Какой смысл в том, чтобы показывать друг другу свои раны, делая тем самым другого еще более несчастным, чем он был раньше?

Так что школы негативной философии не существует. Но людей, которые, не осознавая этого, являются сторонниками негативной философии, гораздо больше, чем сторонников позитивной философии.

На самом деле, эти верующие в позитивную философию являются в основном негативными философами. Для того чтобы скрыть эту негативность, они являются «твердыми верующими» в позитивную философию.

Я не поддерживаю ни тех, ни других. Я за то, чтобы принимать всю правду, и это то, к чему я призываю и вас: принимайте всю правду, потому что негативная философия ничуть не лучше позитивной.

Вы не сможете получить электрический ток, используя только положительный полюс; вам необходим будет и отрицательный полюс. Электричество может быть получено только при наличии обоих полюсов. Является ли отрицательное абсолютно отрицательным? Оно является дополняющим, оно не против положительного.

Если бы я был в Бхопале, я бы сказал им: «Найдите людей, которые ответственны за это бедствие; это дело человеческих рук». Конечно, если имеет место какое-то естественное бедствие, мы не сможем привлечь к ответственности Бога. Если бы мы могли сделать это, я был бы рад схватить Бога и наказать его, потому что это недостойно даже для человека — что уж говорить о Боге! Но мы не можем схватить за руку Бога, потому что он не существует, - здесь мы беспомощны.

Но если имеет место какое-то бедствие, причиной которого являются люди, не говорите, пожалуйста, таких глупостей как: «Принимайте это позитивно. Не жалуйтесь». Нет, выясните, кто является преступником, и пусть он будет наказан по всей строгости закона. Вы наказываете человека, который убил кого-то другого, а за этим взрывом, который унес тысячи жизней, тоже стоит какой-то один человек. Но он на свободе и вполне может совершить это снова, и люди, подобные ему, совершенно не ощущают необходимости быть более бдительными, более осторожными.

Если Индия стала страной ленивых и низких людей, то для этого есть простая и ясная причина: никто не беспокоился о том, чтобы иметь дело с источником возникновения этой лени и низости. И все действительно являются ленивыми и низкими.

Когда я поступил в университет, я был озадачен, потому что все годовые курсы могли быть кончены всего лишь за два месяца. Я обычно проходил их за два месяца. Мои преподаватели, профессора, деканы - все они говорили мне: «Это не способ. Ты проходишь за два месяца те курсы, которые должны проходиться за десять месяцев... все это заставляет нас испытывать чувство вины».

Я отвечал: «Это ваша проблема. Если вы не хотите испытывать чувство вины, кончайте ваши курсы также за два месяца или измените программу курса - сделайте его таким, чтобы он действительно должен был отнимать десять месяцев. Это низко, это абсолютная лень, я не желаю участвовать в этом».

Именно из-за этого я обычно так много путешествовал. Мои студенты вовсе не были от этого в ущербе. Я обычно быстро кончал свой курс и говорил: «Теперь нет необходимости беспокоить вас и беспокоить меня... какой в этом смысл? Время от времени, когда я буду здесь, я буду приходить к вам. Если у вас будут вопросы, вы зададите их, в противном случае увидимся на экзаменах».

И мои профессора, мой факультет, мой декан не осмеливались донести на меня, потому что они знали, что если они донесут на меня, то я вынесу все это на поверхность: что все они низкие, ничтожные люди. И мои студенты были моими свидетелями, что я кончил курс - зачем теперь мне было оставаться там?

Я ездил по всей стране. Все знали об этом, потому что газеты публиковали сообщения о том, что я был в Калькутте, я был в Бенаресе... и они знали, что предполагается, что я нахожусь в Джабалпуре. Ректор моего университета однажды пригласил меня на обед и у себя дома сказал: «Делайте, наконец, одно: разъезжайте, где хотите, но не позволяйте писать об этом в газетах, потому что тогда это становится проблемой. Люди начинают спрашивать: “Если он в Мадрасе... но мы не получали никакого заявления об отпуске. Он никогда не информирует нас о том, когда он уезжает и когда приезжает”».

Я сказал: «Я не могу выполнить это требование. Как я могу помешать журналистам писать о чем-либо? Что я могу сделать? Я не знаю, кто пишет эти статьи; я просто передвигаюсь по стране и говорю, а они делают то, что им хочется. Но если у вас есть какие-то проблемы, если кто-то докладывает вам обо мне, вы можете позвать меня. Я смогу все правильно объяснить этим людям».

Я вел такую жизнь в течение девяти лет. Весь университет был просто в шоке. Они не могли поверить, что никто не выдвигает против меня ни одной претензии. Я получал полную зарплату, но меня редко можно было увидеть. Но причиной было то, что мой факультет боялся докладывать обо мне по той простой причине, что я мог раскрыть всем, как обстоят дела на факультете.

Страна стала ленивой. Я говорил вице-канцлеру: «Все эти курсы недостаточно объемны для целого года. Тому, чему вы обучаете за шесть лет, можно обучить за два года; вы тратите впустую четыре года. За эти четыре года вы могли бы обучить студентов столь многому, что ученые степени всех других стран не могли бы сравниться с вашими учеными степенями. Теперь же ни одна страна не признает ваших ученых степеней».

Он сказал: «Вы, возможно, и правы, но ни один профессор не согласится с этим, потому что их вполне удовлетворяет нынешнее положение дел; они всегда так работали. Так что мне не хотелось бы брать на себя эту ответственность».

Доктор Радхакришнан, который стал президентом Индии, был профессором философии. Сначала он был профессором философии, затем он стал вице-канцлером индусского университета в Варанаси, а затем ему удалось стать президентом Индии. Когда он стал президентом Индии, он провозгласил свой день рождения «днем учителя».

Это одна из тех хитрых стратегий, которые применяются в Индии. День рождения Джавахарлала Неру был объявлен «днем детей», потому что в противном случае после его смерти все забыли бы о нем. Но детский день будет всегда, потому что дети никуда не могут исчезнуть, и в «день детей» будут вспоминать о Джавахарлале.

Поэтому доктор Радхакришнан придумал «день учителя». На праздновании первого дня учителя в моем университете, я спросил вице-канцлера, председательствующего на митинге: «Я хотел бы спросить об одной простой вещи: почему мы называем этот день днем учителя?»

Он сказал: «Вы не знаете? Это так просто. Учитель стал президентом страны».

Я сказал: «Кому сегодня отдается дань уважения - учителю или президенту страны? Я назвал бы это днем учителя, если бы президент оставил свой пост и стал учителем. Тогда это был бы день учителя, потому что учительство было бы поставлено выше президентства. Пусть он откажется от президентства и станет учителем».

«Это мой вызов доктору Радхакришнану: откажитесь от вашего поста, станьте учителем, и тогда мы будем праздновать день учителя. Сейчас же это кажется абсолютным абсурдом. Завтра сапожник станет президентом, и появится “день сапожника”; когда-нибудь президентом станет продавец одежды, и появится “день продавца одежды”. Но во всех этих днях вы оказываете уважение посту президента. Так назовите все эти дни просто “днями президента”. Зачем

вовлекать в это бедных учителей?»

Мой вице-канцлер сказал: «Не могли бы вы оставить это при себе? Скоро здесь появится пресса, и если они услышат о вашем вызове, то я, во всяком случае, буду в затруднении, потому что именно благодаря Радхакришнану я назначен на пост вице-канцлера этого университета. Я был его студентом. Все, что вы говорите, правильно, но - простите меня - не говорите этого перед людьми».

Я сказал: «Все говорят: “Будь правдивым, будь честным, будь искренним”, - но когда я пытаюсь быть правдивым и искренним, меня немедленно останавливают».

Я определенно против людей типа матери Терезы... потому что я смотрю на них как на преступников, а не как на святых. И я не воспринимаю их позитивно, потому что они наносят определенный вред - и такой утонченный вред, что этого нельзя простить.

Это может шокировать вас, это может потрясать вас. Подумайте о вашем потрясении и посмотрите на него с обеих сторон, с положительной и с отрицательной, чтобы вы могли понять, почему это явление случилось с вами.

И это является моим подходом ко всему.

Смотрите на все целостно. Будьте реалистом, и вы будете удивлены, вы будете поражены. Когда вы смотрите с обеих сторон, они соединяются вместе, они дополняют друг друга. Они подобны китайским символам «инь» и «ян».

Видели ли вы китайский символ для инь и ян? Две рыбки в круге: одна рыбка - одна половина круга, другая рыбка - другая; но обе они составляют единое целое, они составляют полный круг. Инь означает женское начало, ян - мужское.

Это применимо ко всем полярностям, ко всему позитивному и негативному; они подобны двум рыбкам, которые так близки друг к другу, которые так соотносятся друг с другом, что составляют целый круг.

Тогда вы будете смотреть на существование глазами религиозного человека.

Тогда не будет ни праведников, ни грешников; все они дополняют друг друга. В некотором смысле необходимыми являются и те и другие.

Да, лучше бы было, если бы они могли дополнять друг друга - более ясно, более изящно, более прекрасно.

Беседа 30

САМООТРЕЧЕНИЕ: ЭГО, ПЕРЕВЕРНУТОЕ ВВЕРХ НОГАМИ

29 декабря 1984 года

Бхагаван,

Какое место занимает самоотречение в Вашей религии?

Я не учу культивированию эго, поэтому я не учу и самоотречению, потому что самоотречение есть не что иное, как тончайшая форма эго.

Самоотречение не против эго, оно, фактически, является действием эго. Кто отрекается от себя, кто сдается? И, отрекаясь от себя, кто становится смиренным? Кто становится кротким? Это эго, перевернутое вверх ногами. Не имеет значения, стоит эго на ногах или на голове. На самом деле, это еще более опасно, когда оно стоит на голове, потому что тогда вы не в состоянии распознать его.

Иисус говорит: «Блаженны кроткие», - но что такое кротость? «Блаженны смиренные», - но что такое смирение? Может ли человек, у которого нет эго, быть смиренным? Кто будет смиренным? Человек, у которого нет эго, не может быть кротким, не может быть смиренным. С одной стороны, он не может быть эгоистом; с другой стороны, он не может быть смиренным.

Учить самоотречению - значит давать вам в руки стратегию для укрывания своего эго, для возвышения своего эго.

Да, это правильное слово - возвышение, - это фрейдистское слово, очень важное слово. Вы можете так возвысить, так очистить что угодно, что узнать его будет невозможно. Вы можете даже начать думать, что это есть нечто противоположное тому, что было сначала. Встречая смиренного человека, вам будет казаться, что в нем совершенно отсутствует эго, - ему самому будет это казаться. Эго вошло через заднюю дверь, и теперь оно не осуждается, а приветствуется.

А почему так ценится кроткий человек, смиренный человек? Это тоже странная история. Он ценится, потому что удовлетворяет эго кого-то другого. Вы только посмотрите на всю игру вокруг этого. Почему вы цените смиренного человека?

Потому что, будучи смиренным перед вами, он служит опорой вашего эго. И поскольку смирение поддерживает ваше эго, вы, в свою очередь, поддерживаете смирение.

Теперь порочный круг замкнулся. Он будет становиться все более и более смиренным, потому что всем нравится его смирение. Он приобретает уважение, все получают удовольствие от его смирения, потому что все удовлетворены его смирением - это глубокое удовлетворение для их эго.

Да, блаженны кроткие и смиренные, потому что как бы без них эгоисты могли получать удовлетворение?

И когда вы говорите: «Они унаследуют царствие Божие», - тогда, естественно, они готовы на все.

Я хочу, чтобы вы ясно поняли: эго и самоотречение являются двумя сторонами одной и той же монеты.

Я не учу вас эго, поэтому в моей религии нет места и самоотречению. Я не учу вас быть кроткими, я не учу вас быть смиренными.

Я учу вас быть подлинными, целостными личностями с огромным чувством самоуважения.

Слово «самоуважение» может породить сомнения в ваших умах, потому что кажется, что чувство самоуважения снова означает эго. Это не так. Вы должны понять смысл слов «само» и «уважение» - оба имеют глубокий смысл.

«Само» - это то, с чем вы родились.

Эго - это то, что вы приобрели.

Эго является вашим достижением.

«Само» - это то, что подарило вам существование. Вы ничего не делали, чтобы заработать его, вы не достигали его; следовательно, никто не может и отнять его у вас. Это невозможно, потому что это ваша природа, само ваше существо.

Эго - это все, что вы накопили с помощью образования, хороших манер, цивилизации, культуры, школ, колледжей, университетов... Вы все время накапливаете его. Это ваши усилия, вы создали свое эго, вы сделали его таким большим, что совершенно забыли о том, что является вашей собственной реальностью.

Чтобы узнать свою собственную реальность, достаточно, чтобы эго пало на землю без каких-либо усилий отказаться от него. Пока эго не падет само собой, без каких-либо усилий с вашей стороны, оно не оставит вас. Если вы предпринимаете какие-то усилия, чтобы отбросить его, а это и есть самоотречение...

Все религии учат самоотречению, поэтому я говорю, что они не понимают самих основ психологии.

От эго не нужно отказываться, его нужно увидеть.

Его нужно понять насквозь.

В этом и заключается смысл слова «уважение» (английское «respect»). Это одно из самых прекрасных слов в английском языке. Оно не означает «честь», «почитание». Нет, оно означает «respect» - «повторное рассмотрение». Это буквальное значение этого слова; здесь нет места для почтения. Просто посмотреть снова, оглянуться назад, посмотреть вглубь. «Spect» означает «смотреть, видеть»; «re» означает «снова». И однажды вы познаете собственную реальность.

Прежде чем вы вошли в общество, в культуру, в цивилизацию и стали их частью, вы узнали их. Это не случайность, что люди всегда думают, что детство является самой прекрасной частью их жизни. Это нечто давно забытое, потому что были дни в вашей жизни, ранние дни, которые вы не можете вспомнить точно; только смутные чувства, некоторый род аромата, некоторый род какой-то тени.

Если вы повторно посмотрите, если вы посмотрите снова и глубоко войдете в свое существование, вы найдете то место, начиная с которого вы стали терять самого себя и приобретать эго.

Этот момент является моментом просветления, потому что, раз вы увидели, что есть ваше эго, игра окончена.

Поэтому я не могу говорить вам, чтобы вы отбросили свое эго, так как это будет означать, что я принимаю реальность вашего эго. И как вы можете отбросить его - вы и есть оно. Прямо сейчас вы есть эго. Собственно себя вы потеряли далеко в прошлом. Существует огромная дистанция между нынешним вами и собственно вами. Прямо сейчас вы существуете на периферии самого себя. Эта периферия претендует на то, чтобы быть собственно вами. То, что претендует на это, и есть эго. Сейчас сказать этому эго: «Уходи! Сдайся! Откажись от себя! Будь смиренным!» - значит быть просто идиотом.

Обычно я три или четыре раза в год бываю в Маунт Абу, в Индии. В Маунт Абу расположены самые прекрасные храмы в мире. Это джайнские храмы, храмы Делвады. Резьба по мрамору там бесподобна. Когда я в первый раз был в Маунт Абу, настоятель храма Делвады пришел пригласить меня. Я пошел с ним в его офис. Храм Делвады является очень ценным храмом, очень древним храмом, и все же он выглядит таким свежим, как будто его только что построили.

Это качество свежести придает ему мрамор: в течение тысячелетий он остается свежим, молодым, чистым. А храмы Делвады - это мрамор и мрамор. Тадж Махал ничто по сравнению с храмами Делвады. Тадж Махал - это просто сооружение, но храмы Делвады - это искусство тысяч художников на протяжении нескольких сотен лет. Каждый дюйм покрыт резьбой.

Он пригласил меня в свой офис, - а у него был прекрасный офис, потому что губернатор, генерал-губернатор и даже Георг Пятый, король, посещали храмы Делвады. Если вы упустите храмы Делвады, вы упустите всю Индию, всю древнюю Индию. В этих храмах сохранилось нечто от ее былой красоты и славы. Поэтому у него был прекрасный офис, потому что он все время принимал гостей из различных стран - премьер-министров, президентов, королей, королев.

Я вошел в его офис. И в его офисе на мраморной стене было высечено прекрасное предложение, изречение Махавиры. Это изречение таково, что никто не может возразить ему, никто и не пытается возражать ему. Настоятелю было почти семьдесят лет, и все его предки из поколения в поколение тоже служили в храме. Изречение было простым. Оно звучало так: «Смиренного человека уважают везде. Будьте смиренными».

Причина, по которой вас привлекает смирение, заключается в том, что оно влечет за собой всеобщее почитание. Весь смысл высказывания Махавиры заключается в следующем: «Король почитается в своей собственной стране, но смиренный человек почитается везде», - нет границ для подобного почитания. Почитание короля имеет границы - оно имеет место только внутри собственного королевства. За его пределами он никто. Но королевство смиренного человека не имеет границ, вся вселенная является его королевством; он почитается везде.

Но для кого является привлекательной эта идея? Эго немедленно ухватится за нее. Это то, чего хочет эго: быть почитаемым везде! И если смирение предоставляет такую возможность, что же, эго готово быть смиренным. Если самоотречение предоставляет такую возможность, эго готово отказаться от самого себя.

Люди приходят ко мне и говорят: « Мы хотели бы отказаться от себя, мы хотели бы сдаться

вам».

Я говорю им: «Но что вы хотели бы сдать мне?»

Они обычно отвечают: «Это такая простая вещь - мы хотим сдать свое эго».

И я говорю им: «Это прекрасно, но что я буду делать со всеми этими эго? Вас мучает одно эго, а меня будут мучить все эти тысячи эго, сданные вами мне. Это все равно, как если бы кто то пришел ко мне и сказал: “Я сдаю вам свой рак”. Великая сдача, великое самоотречение! Вы очень обяжете меня! И как вы можете сдать мне свое эго? Вы когда-либо встречали его? Вы хотя бы видели его? Видели ли вы те тонкие способы, которыми оно действует? Знаете ли вы его? Вы не знаете его».

Я сказал настоятелю: «Удалите это изречение. Махавира не имел никакого представления об эго, потому что то, о чем он говорит, привлекает эго. Да, он получит людей, готовых к самоотречению, готовых быть смиренными, готовых быть кроткими; но за их кротостью будет скрываться утонченное эго, более опасное, чем обычное некультивированное эго, которое очень легко отследить и выяснить, где оно».

Утонченное эго становится все труднее и труднее найти. Оно становится таким неуловимым, что все время ускользает из ваших рук. И оно становится настолько умным, что все время меняет свои лица. Если оно может превращаться в смирение, в кротость, в самоотречение, то что еще от него можно ожидать? Оно делает почти невозможное: оно претендует на то, чтобы быть своей противоположностью.

И религии эксплуатируют эту идею; они говорят: «Блаженны кроткие, ибо они унаследуют землю». Унаследуют землю... что еще может желать эго? Что большее может найти ваше эго? А этот человек дает вам очень простой рецепт: «Будьте кроткими, и земля - ваша». Это сделка! И вы не предполагаете что-либо терять. Что вы теряете? Вы только приобретаете.

В конце наиболее известной книги Карла Маркса «Коммунистический манифест» есть прекрасное изречение. Этим предложением он завершает коммунистический манифест. Предложение содержит в себе великий смысл. В нем говорится: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь. Вам нечего терять, кроме своих цепей».

Он призывает рабочих, пролетариев, бедных людей всего мира объединиться для того, чтобы бороться за свои права, чтобы восстать против всей мировой системы эксплуатации, потому что вы ничего не потеряете, кроме своих цепей. У вас ничего нет, кроме цепей, так что не нужно бояться этой борьбы. Потерять должна противоположная сторона. Если вы выиграете, вы что-то приобретете. Если вы потерпите поражение, вы ничего не потеряете, поскольку первоначально у вас ничего и не было.

Он дал мощный побудительный стимул. Он думал, что революция сначала произойдет в Америке. Ему никогда и не снилось, что она сначала произойдет в России. Он, наверное, был потрясен в своей могиле, он, наверное, перевернулся в гробу.

Он никогда не думал, что революция произойдет в России, в Китае, в Польше, в Югославии, в Чехословакии - эти названия никогда не возникали перед ним, не могли возникнуть. Он думал,

что революция должна произойти там, где капитализм достиг своей вершины, где разделение на классы достигло своего совершенства, где легко было различить бедных и богатых.

Маркс забыл только одну вещь, а это повернуло весь ход коммунизма. Он забыл, что американским бедным было что терять. Он забыл свою собственную декларацию. Когда он предсказывал, что революция случится сначала в Америке, он совершенно забыл, что американским беднякам было что терять. Русским беднякам нечего было терять, китайским беднякам нечего было терять. Чудом из чудес является Индия! Ее люди являются беднейшими в мире; вы не сможете представить себе, что они могут потерять, но никакой революции в Индии не было.

В Индии революция не могла случиться, потому что религиозные традиции в ней столь сильны, что они убедили людей: «Вы блаженные люди. Ваша бедность является всего лишь испытанием вашей веры. Все эти небольшие бедствия - ничто по сравнению с блаженством рая. Эта жизнь состоит только из четырех дней ».

Это такая поговорка в Индии - что жизнь состоит только из четырех дней. Два дня проходят в желании, остальные два дня проходят в ожидании. Жизнь так коротка, что половина ее - когда вы молоды, когда вы имеете амбиции и желания стать кем-то, быть кем-то, видеть свое имя выгравированным для последующих поколений - это два дня, проходящие в желаниях. А другая половина - когда вы становитесь старше - это два дня, когда вы ожидаете какого-то чуда, когда вы ожидаете, что ваши желания будут исполнены. В этом и заключается вся ваша жизнь - мыльный пузырь.

Ради этой короткой жизни вы собираетесь потерять вечное блаженство на небесах? Будьте терпеливыми. Имейте веру. Ваша бедность - эта данная вам Богом возможность. Если вы сможете пройти это первое испытание - совсем не долгое путешествие, а всего лишь четыре дня, - то двери рая открыты перед вами, вас встретят оркестром, песнями и плясками.

В Индии революция кажется невозможной. Она должна бы сначала случиться в Индии, потому что в ней верно то, о чем говорил Карл Маркс. Когда вам нечего терять, зачем вам бояться сражения, восстания, риска?

Я рассказывал эту древнюю историю много раз, но с каждым разом она нравится мне все больше и больше. Учитель шел со своим учеником из одного города в другой. Они должны были пересекать джунгли. Ученик был озадачен, потому что Учитель сказал: «Иди немного быстрее, мы должны быстро пересечь джунгли. Солнце заходит, и скоро будет ночь».

Ученик жил с учителем в течение многих лет, и Учитель никогда не боялся ночи. Он никогда так не спешил. Более того, за плечами у него был мешок. Время от времени он снимал этот мешок, запускал в него руку, что-то нащупывал и успокаивался.

Ученик был озадачен: в чем дело? Что он несет в своем мешке, что так боится? Но путь был долог, и, хотя они почти бежали, посреди джунглей их застигла ночь. Ученик впервые увидел, как его Учитель дрожит; у него почти был нервный срыв.

Он спросил: «В чем дело? Мы были в джунглях много раз, мы останавливались в джунглях. Мы санньясины, мы отказались от мира. Даже если нас разорвут дикие животные, не о чем особенно

беспокоиться. Когда-то каждый должен умереть. Для этого всегда будет какой-то повод - какие-то болезни, дикие животные, враги. И не имеет значения, когда человек умрет; какое имеет значение, как он умрет. И ты знаешь, и я знаю, как умирать. Откуда же этот страх?»

Но Учитель был не в состоянии слушать его. Они остановились у колодца, и Учитель сказал: «Я устал и хочу пить, поэтому давай достанем немного воды, чтобы умыть свои лица и напиться, и совершим молитву: молитву, которая совершается на закате солнца». В своем нервном состоянии он даже забыл, что солнце уже село.

Он дал свой мешок ученику и сказал ему: «Будь осторожен с этим мешком».

Учитель пошел доставать воду из колодца. Этой возможности и дожидался ученик, чтобы заглянуть в мешок и выяснить, в чем дело. Он открыл мешок и выяснил, в чем дело, - Учитель нес в нем кусок золота. Теперь он знал, чего тот боялся. Это была не ночь, это были не дикие звери, это была не смерть - это были воры, грабители. Причиной был кусок золота.

Поэтому он вынул кусок золота, забросил его далеко в джунгли, нашел камень такого же размера и веса и положил его в мешок. Когда Учитель вернулся, он первым делом отнял у него мешок. Тот был таким же тяжелым, как и прежде, - золото было на месте.

Они снова пошли, еще быстрее, чем прежде. Ученик сказал: «Теперь нет необходимости идти так быстро».

Учитель спросил: «Что ты имеешь в виду?»

Тот сказал: «Я давно выбросил причину страха».

Учитель сказал: «Причину страха? Как можно выбросить причину страха?»

Ученик ответил: «Ты можешь заглянуть в свой мешок».

Учитель вынул из мешка камень. Он сказал: «Боже мой! Ты выбросил мой золотой слиток. Теперь нет нужды торопиться, мы можем остаться здесь на всю ночь». И они остались в джунглях.

Утром Учитель поблагодарил ученика: «Ты был прав. Страх был потому, что мне было что терять. Когда нечего терять, нет никакого смысла бояться. Я спал таким прекрасным сном. С этим золотом я не смог бы заснуть всю ночь. Я бы раз десять за ночь вскочил и пощупал, что в мешке. Но ты все сделал правильно».

Когда у вас есть что терять, возникает страх. Вот почему в Америке революция не случилась и никогда не случится, - потому что в Америке есть и бедные, и богатые, но бедные там такие, как средний класс в бедных странах. Но средний класс никогда не совершает революций, потому что у него кое-что есть и он надеется иметь еще больше; он может вкладывать в дело то, что имеет, он может иметь амбиции, может иметь желания, может ждать. Поэтому средний класс никогда не пойдет на революцию. Кто знает - вы можете потерять даже то, что имеете.

В Америке только два класса - средний класс и класс богатых, следовательно, там никогда не будет революции. В России она случилась, в Китае она случилась, потому что там были

классовые общества с четким разделением на классы. Сегодня в Индии девяносто девяти процентам людей нечего терять. Четыре процента людей, средний класс, кое-что могут потерять. Один процент людей, самые богатые, могут потерять очень многое.

Но в Индии за пять тысяч лет не было ни одной революции. Причиной является религия: она предлагает вам весь рай в обмен на ничто. Зачем беспокоиться о революции? Что вы в результате получите? Будьте лучше терпеливыми, молитвенными, верующими; отдайтесь Богу, и вы будете иметь все.

Иисус сказал, что легче верблюду пройти через игольное ушко, чем богатому человеку пройти через ворота рая. Я не верю атому. Это просто утешение. Это отравка, это чистая отравка. Для богатого человека очень велика вероятность попасть в рай. Он может дать взятку привратнику, - а если привратником является индеец, то нет никаких проблем.

И богатый человек, о котором Иисус говорил, что он не сможет попасть в рай, сделал все возможное, чтобы считаться человеком, заслуживающим рая. Он строил синагоги и храмы; он жертвовал средства на бедных, он занимался благотворительностью, он строил больницы, школы. А что делали бедные? Неужели вы думаете, что всего лишь быть бедным - достаточно?

Скажете ли вы у входа на небеса: «Поскольку я бедный, я требую... и где тут тот парень, Иисус, который говорил: “Блаженны бедные, ибо они наследуют царство Божие”?» Вы не найдете там Иисуса. Он сам был бедным - кто позволит ему войти в рай? Это невозможно.

Нищенство не дает вам права ни на что.

Богатый человек найдет тысячу и один способ. Все священнослужители будут там, чтобы поддержать богатого человека. Все священные писания будут там, чтобы поддержать богатого человека, - потому что все они были созданы на деньги богатого человека. Священники живут на деньги богатого человека. Даже Бог является творением богатого человека, предназначенным для того, чтобы дурачить бедных. И вы думаете, что бедный может попасть на небеса, в рай?

Никакого рая, на самом деле, нет.

Он был создан для того, чтобы дать бедным надежду, чтобы дать им утешение, чтобы пощекотать их алчность, - говоря о простых методах, которые по силам бедному человеку, например, о смирении. Что еще, на самом деле, он может сделать? Его бедность и так достаточно его унижает, а теперь вы говорите: «Будь смиренным». Нет, я не могу сказать такого. Я не могу никого унижать. И это учение есть не что иное, как стратегия, направленная на примирение его со своим униженным состоянием.

Вас унижал каждый, все вас топтали, все вас ломали, - а потом приходит священник и дает вам опиум: «Не беспокойся, сын мой, это только преходящая стадия. Если ты будешь оставаться смиренным и отречешься от самого себя, то для тебя все будет о'кей. И эти богатые, которые притесняют тебя, - они будут брошены в ад».

И этот священник живет на деньги богатого. Он знает, что никакого ада нет.

Богатый знает, что нет никакого ада, что нет никакого рая, что это только стратегия для

утешения униженных.

Нет, я вовсе не являюсь сторонником самоотречения.

В моей религии нет места самоотречению.

Она учит вас целостности.

Она учит вас индивидуальности.

Она учит вас самоуважению.

Она учит вас чувству собственного достоинства.

И волшебство самоуважения, волшебство чувства собственного достоинства заключается в том, что в тот момент, когда вы отправляетесь на поиск самого себя, вы натолкнетесь на многие скрытые в тени личности, причем все они будут фальшивыми. И не очень трудно будет понять, что является фальшивым, потому что все, с чем вы встретитесь, будет фальшивым. Простой критерий: все, что вы найдете внутри себя и про что вы подумаете: «Это и есть мое “я”», является фальшивым.

Истинным является только ищущий, но не находимое.

Находимое является просто объектом, которого вы достигли и который вы накопили.

Отбросьте все эти личности, которые вы находите внутри себя: «Это “я”... нет - это “я”». Продолжайте отбрасывать их. Простой критерий, не может быть более простого критерия: все, что вы находите как свое “я”, вашим “я” не является.

Продолжайте отбрасывать, и наступит момент, когда вы перестанете находить эти “я”. Вы не можете найти ничего - все является пустым.

И это будет моментом пробуждения.

Внезапно станет видимым видящий.

Вы пробудились к осознанию самого себя.

Вы не найдете никакого объективного «я», вы найдете субъективность, и обнаружение ее является таким блаженством, таким экстазом, что вас больше не будет волновать никакой рай. И вы больше не будете беспокоиться о самоотречении, потому что не от чего отречься, не от чего отказываться. Вы отбросили все то, что было фальшивым, что было только притворством.

Вам говорили, что вы то, что вы это, и вы принимали это. Вы играли в игру, где вы были тем, были этим, и никто не сказал вам - никто и не мог сказать вам, - кто вы есть. Только вы можете открыть это. При обнаружении этого это испаряется - оно не отрекается от себя, оно не сдается, потому что оно не является экзистенциальным, это какая-то тень, в нем нет никакой субстанции.

Известный случай... Один из королей, Бимбисара, пришел к Будде. В этот день произошло редкое событие. Бедный человек, башмачник, Судас по имени... Судас означает хороший раб, прекрасный раб, раб, у которого нет мыслей о бунте, об изменении чего-либо, который абсолютно удовлетворен своим рабством. У него была маленькая хижина и небольшой пруд позади хижины.

В этот день вопреки сезону в его пруду расцвел цветок лотоса. Время от времени подобные вещи случаются в природе.

Тут нечем хвастаться, нечего делать из этого чудо. Судас сказал своей жене: «Я дам этот цветок самому богатому человеку в городе, потому что он каждый день ездит к Гаутаме Будде, он будет восхищен им. И он даст мне в награду, как минимум, одну рупию».

Жена сказала: «Поторопись - он, возможно, уже уехал».

Он вышел на дорогу и увидел, что мимо едет колесница этого самого богатого человека, направляясь к манговой роще, где расположился Будда. Он остановил богача и сказал: «Несмотря на неподходящий сезон в моем пруду расцвел очень редкий цветок лотоса, и я думаю, что было бы хорошо, если бы вы могли подарить его своему Учителю, Гаутаме Будде».

Богач был несказанно счастлив. Он сказал: «Конечно, потому что даже мой Учитель удивится, увидев этот цветок. Сейчас не сезон для лотоса. Я дам тебе в награду тысячу рупий».

Бедный Судас не мог поверить в это - тысяча рупий! В те дни рупии были из чистого золота. Слово «рупия», на самом деле, происходит от санскритского слова руп, что означает золото, чистое золото. Монеты были из чистого золота - целая тысяча золотых монет! Бедный человек сказал: «Пожалуйста, повторите это еще раз, я не могу поверить моим ушам».

Богатый человек подумал, что тот, наверное, не желает продавать за одну тысячу рупий. Он сказал: «Не беспокойся: я дам тебе десять тысяч, или ты можешь просить, и что бы ты ни попросил, я дам тебе, потому что мне очень хотелось бы положить этот редкий цветок к ногам Будды; никто, наверное, никогда не дарил ему такого».

Судас был так поражен, что он потерял голос. Он не мог сказать: «Да, десяти тысяч достаточно». И богач сказал: «Почему ты молчишь? Ты не хочешь?»

Пока шли эти переговоры, приблизилась другая колесница, колесница короля Бимбисары. Увидев цветок лотоса, король остановился и сказал Судасу: «Судас, что бы ни обещал тебе этот богач, я дам тебе в пять раз больше. Что бы он ни обещал, ты просто приди во дворец, и ты получишь в пять раз больше».

Судас от этого чуть не умер на месте. Богач предлагал десять тысяч, а мог дать даже еще больше. А теперь приходит король и говорит: «В пять раз больше любой суммы». Он даже не спрашивал о сумме. Король есть король, он не спрашивает о цене. И, конечно же, перед королем богач ничего не мог сказать. Он знал, что, какую бы сумму он ни назвал, король даст в пять раз больше. Он потерял этот цветок.

Король спросил Судаса... Судас открыл рот и сказал: «Простите меня, но если вам доставляет

такое удовольствие подарить этот цветок Будде, - то я подарю его ему сам. Вы сможете сохранить свои деньги».

Король не мог поверить этому. Богач не мог поверить этому. Они оба сказали: «Что ты говоришь?»

Бедняк сказал: «Я бедный человек, но я привык жить, как живу. Что мне делать со всеми вашими деньгами? Но эту возможность, которую вы считаете такой ценной, я не хотел бы упустить. Я сам положу этот цветок к ногам Будды».

Но короли не терпят того, чтобы им отказывали. Король сказал: «Тогда будь уверен, что ты никогда не попадешь к Будде; тебе отрубят голову. Я дам тебе в десять раз больше».

Видя подобную ситуацию, бедняк вынужден был отдать цветок королю.

Король уже собирался подарить Будде очень ценный алмаз. Алмаз, который собирался подарить Бимбисара, был крупнейшим в мире в те дни. Теперь у него было два подарка. Когда он пришел к Будде, обе его руки были заняты: в одной был очень ценный алмаз, в другой - очень редкий цветок лотоса. Что подарить сначала? Конечно же, он подумал об алмазе.

Когда он собирался положить к ногам Будды алмаз, тот сказал: «Отбрось это!» Он не дал ему возможности положить алмаз к его ногам, он сказал: «Отбрось это!» И когда Будда так сказал, он вынужден был бросить его... с нежеланием, принужденно, потому что такой ценный алмаз... Все соседние короли завидовали ему из-за этого алмаза - ему принадлежала редкая вещь, - а Будда говорит: «Отбрось это!» Он не дал ему даже возможности положить подарок к его ногам.

Затем он поднял руку, держащую цветок, но Будда сказал: «Отбрось это!» Поэтому он отбросил и цветок и стоял с пустыми руками.

Будда снова сказал: «Отбрось это!»

Бимбисара сказал: «Или ты сошел с ума, или я сошел с ума. Обе мои руки пусты - что я теперь могу отбросить?»

Сарипутта, один из учеников Будды, сказал: «Ты не понял Будду. Его не интересует ни твой алмаз, ни твой лотос; ты можешь убрать их. Отбрось реальную вещь».

«Что за реальная вещь? - спросил он. - У меня есть только две вещи, которые я могу отбросить».

Будда сказал: «Отбрось самого себя».

«Как, - сказал Бимбисара, - самого себя? Я не знаю, кто я есть».

Будда сказал: «Это и было самым главным. Иди домой, выясни, кто ты есть, и, когда выяснишь, возвращайся сюда->».

Это было, в некотором смысле, оскорбительным. Перед десятью тысячами санньясинов Бимбисаре сказали идти домой, заглянуть в себя и выяснить, кто он такой. Но он был человеком огромного мужества, ума, целостности. Он сказал своим придворным: «Никто не должен

беспокоить меня. Сколько бы это времени ни отняло, я собираюсь выяснить то, о чем говорил этот человек».

Он оставался в изоляции три дня. На четвертый день он вышел сияющий и отправился к Будде. И когда Будда увидел его, он сказал: «Теперь нет нужды отбрасывать что-либо, потому что то, что ты нашел, отбросить невозможно. Я вижу это на твоём лице, я вижу это в твоих глазах. Я говорил тебе отбросить то, чем ты не был ». Но вы не можете отбросить это, пока не узнаете, кто вы. И в тот момент, когда вы узнаете, кто вы есть, не будет необходимости отбрасывать что-либо, оно будет просто отброшено само собой.

Позвольте мне повторить ваш вопрос - вы спрашиваете меня: «Какое место занимает самоотречение в Вашей религии?» Я отвечу: в ней нет места для самоотречения.

Я не прошу вас отречься от самих себя. Я прошу вас искать свою сущность, свое существо.

Самоотречение случится, но это то, что случается, а не то, что делается. Ни я вас не прошу отречься от себя, ни вы не должны заниматься этим. Но если вы занимаетесь тем, о чем я прошу вас, самоотречение случится. И когда оно случится само собой, тогда это будет совершенно другое явление, качественно другое явление. Тогда это не эго, претендующее на то, что оно является смиренным и кротким, что оно отрёклось от себя. Тогда это состояние без эго.

Эго исчезает очень просто. Это подобно тому, что вы складываете два плюс два и все время получаете пять. Кто-то привлекает ваше внимание к тому, что два плюс два равно четырем, а не пяти, и вы ухватываете смысл. Отбросили ли вы это пять? Потребовало ли каких-то усилий отбросить пять? Потребовало ли это какой-то борьбы, какого-то аскетизма, какого-то поста? Вы просто стерли это «пять». Это было просто ошибкой, теперь вы всегда будете писать «четыре».

Эго - это просто ошибка; это то же самое, что и два плюс два равно пяти. Точно так же, когда вы заглянете внутрь себя и найдете свое реальное «я», вы узнаете, что два плюс два - четыре, а не пять. Нечего отбрасывать, но что-то уйдет от вас. Оказывается, что больше нет чего-то, что все время претендовало на то, чтобы быть вами, чего-то, что разрушало вас всю вашу жизнь, чего-то, что создавало всю эту путаницу.

Когда эго больше нет, я называю это самоотречением с вашей стороны; это не является частью моей религии. Я не прошу вас отказываться от самих себя, но я прошу вас о чем-то другом, что приведет к тому, что самоотречение случится само собой. Но тогда вы не являетесь смиренными, не являетесь кроткими; тогда вы укоренены, тогда вы центрированы, тогда вы исполнены чувством собственного достоинства, чувством самоуважения. А уважать других способен только тот человек, который уважает самого себя.

Человек, который уважает самого себя, не может унижить кого-то другого, потому что он знает, что то же самое «я» скрыто в каждом существе, даже в деревьях и в камнях. Оно, по-видимому, крепко спит в камнях, но это не имеет значения; это то же самое существование в других формах.

Человек, который уважает самого себя, внезапно обнаруживает, что он уважает всю вселенную.

Он не может унижить кого-то, он не может быть неуважительным к кому-то.

Но помните - он не является смиренным, он не является кротким; вы не можете эксплуатировать его, прикрываясь понятиями смиренности и кротости. Он не позволит вам столкнуть его в состояние кротости, его не будет заботить ваше царство Божье.

Он скажет: «Вы можете идти в свое царство Божье. Я нашел свое собственное царство Божье; оно во мне. Мне не нужен никакой мессия, чтобы взять меня в царство Божье; все, в чем я нуждаюсь, - это внутренний поиск. Кроме меня, никто не сможет сделать этого. Я ответственен за то, что потерял себя; я должен быть ответственным за то, чтобы найти себя».

Истинно религиозного человека трудно понять, потому что он не подпадает ни под одну из ваших категорий.

Ваши категории противоположны друг другу: высокомерный - смиренный...

Куда вы сможете поместить религиозного человека?

Высокомерный? Он не является высокомерным.

Смиренный? Он не является смиренным.

Он является просто самим собой.

Религиозный человек не может быть отнесен к какой-либо категории.

Всех ваших категорий недостаточно.

Религиозный человек выше всех ваших категорий.

Следовательно, его должны не понимать.

Я не являюсь высокомерным человеком; я не являюсь также и смиренным человеком.

Но иногда возникает вопрос, где я стою? Я не стою даже посередине между ними, потому что это было бы пятьдесят на пятьдесят, что-то от высокомерия, что-то от смиренности. Нет, я не стою даже точно посередине. Именно в этом я не согласен с Гаутамой Буддой. Он учит всегда быть посередине: не будьте высокомерными, не будьте смиренными, будьте как раз посередине. Но я говорю: в точности посередине вы будете и тем и другим.

Нет, истинно религиозный человек выше всех категорий, связанных с противоположностями.

Вы не можете применить к нему ваши категории.

Он ни на этом, ни на том полюсе.

Он также и не в середине; он просто выше.

Он - наблюдатель на холмах, а все остальное - глубоко в долине.

Ничто не касается его.

Так что иногда вы можете интерпретировать его как высокомерного, иногда вы можете интерпретировать его как смиренного, но в любом случае это будет вашей интерпретацией. Что касается его собственного переживания... Я могу сказать это сам по себе, мне не нужна поддержка каких-либо священных писаний. Я не являюсь высокомерным, я никогда не был высокомерным; я никогда не был также и смиренным. Я был просто самим собой. Я действовал всегда соответственно ситуации, я откликался на ситуацию - ни со смиренностью, ни с высокомерием, но просто так, как требовала ситуация — осознанно.

Таким образом, мое учение является, в некотором роде, очень простым - если вы можете понять самое главное.

Если вы упускаете главное, оно является очень сложным.

Я не учу вас подставлять другую щеку, если кто-то ударил вас, нет. Иисус мог так говорить, потому что он учил смиренности. Я не могу так сказать. Я могу сказать только одно: пусть решает этот момент. Иногда, по-видимому, вы должны подставить другую щеку. Иногда, по-видимому, вы должны ударить этого человека сильнее, чем он ударил вас. Иногда, по-видимому, вы должны ударить его по обеим щекам, - но ничто нельзя принимать в качестве готовой формулы. Это зависит от вас, от личности, от ситуации.

Но действуйте осознанно, тогда все, что бы вы ни делали, будет правильным.

Не обозначайте действия как правильные и неправильные.

По-моему, решающим является качество вашего осознания ситуации.

Я утверждаю, что если вы можете откликаться на ситуацию осознанно, то, как бы вы ни откликались на нее, все будет правильным. Если же вы перестали осознать и реагируете, тогда что бы вы ни делали - вы можете даже подставить другую щеку, - будет неправильным.

Вы заметили, что я использую два различных слова? При наличии осознанности я использую слово «отклик»; при неосознанности я использую слово «реакция».

Отклик идет от вас самих.

Реакция порождается другим человеком.

Он ударил вас. Он является хозяином ситуации, а вы просто кукла. Вы реагируете. Решающим является его действие, и потому что он сделал что-то, вы теперь тоже что-то делаете в качестве реакции. Это бессознательное поведение человека. Вот почему бессознательным поведением человека очень легко манипулировать. Вы улыбаетесь, он будет улыбаться. Вы сердитесь, он будет сердиться.

Именно поэтому люди, подобные Дейлу Карнеги, могут писать книги вроде « Как завоевывать друзей и влиять на людей ». Вы должны просто знать обычные реакции человека. Он сам описывает ситуацию. Он работал агентом страховой компании. И там была женщина, самая богатая в городе женщина, вдова, которая была очень настроена против страхования и против страховых агентов. Она была так настроена против них, что эти страховые агенты не могли даже

увидеть ее - их не пускали дальше ворот. Ее приказ был: «Гоните их прочь!» Никаких разговоров о встрече...

И когда он появился в этом городе, все другие агенты сказали: «Вы написали эту книгу, “Как завоевывать друзей и влиять на людей” ... Если вы сумеете застраховать эту старую леди, мы будем считать, что вам есть, что сказать, иначе все это фокус-покус». Дейлу Карнеги удалось застраховать женщину. Как он это сделал? Простой метод.

Рано утром он обошел вокруг дома этой женщины. Она была в саду. Стоя за забором, он сказал: «Я никогда не видел таких прекрасных цветов».

Пожилая женщина спросила: «Вы интересуетесь розами?»

Он сказал: «Как вы угадали? Я без ума от роз; единственные цветы, которые привлекают меня, - это розы».

Женщина сказала: «Почему вы стоите снаружи? Входите. Я покажу вам свои розы. Я тоже без ума от роз, а вы никогда не видели такого большого цветка розы, какой есть у меня». И его пригласили войти. Они обошли ее большой сад, полный прекрасных роз. Он все восхвалял, он вспомнил все стихи, которые знал... Он произвел на женщину такое впечатление, что она сказала: «Вы кажетесь таким мудрым человеком, что я хотела бы задать вам один вопрос. Что вы думаете о страховке?» Потому что ее все время мучили все эти страховые агенты, а она выгоняла их.

Он сказал: «Для этого я должен буду прийти снова, потому что я должен буду обдумать все это и проделать некоторые исследования. Я никогда не советую ничего другим, пока сам в этом не уверен».

Женщина сказала: «Это правильно. Вы первый человек, который не лезет со своими советами. Это верный признак дурака: стараться всегда давать советы».

Он сказал: «Нет, я должен взглянуть на все это дело. Это, возможно, займет несколько дней». И все эти несколько дней он приходил каждое утро и стоял за забором.

И женщина сказала: «Теперь нет необходимости стоять за забором - я сказала своим слугам, что двери для вас открыты двадцать четыре часа в сутки. Вы можете приходить в сад, когда вам захочется. Если хотите, вы можете приходить в дом. Это ваш дом, не стесняйтесь». И через несколько дней он пришел со всеми формами и бланками. Он сказал: «Я исследовал все это. Мне, фактически, пришлось стать агентом страховой компании, чтобы выяснить абсолютно все детали, все внутренние подробности, потому что снаружи вы не можете многого узнать. Теперь я абсолютно уверен, что это дело для вас».

Так ведут себя все люди - они реагируют.

Вы просто ведете себя определенным образом, зная, как на это будут реагировать другие люди. И очень редко страховой агент встретит пробужденного человека, вероятность этого очень мала. Прежде всего, пробужденному человеку нечего будет страховать. Только с пробужденным человеком Дейл Карнеги потерпит неудачу, потому что он не реагирует, он откликается. А

отклик предсказать вы не можете.

Осознающий человек является непредсказуемым, потому что он никогда не реагирует известным способом.

Вы не можете вычислить заранее, как он будет действовать.

В каждый момент он является новым.

Он может действовать определенным образом в данный момент. В следующий момент он может действовать уже по-другому, потому что в следующий момент ситуация изменяется.

Жизнь непрерывно изменяется; жизнь - это текущая река; ничто не является статическим, кроме вашего подсознательного.

Меня выгнали из одного колледжа - меня выгоняли много раз. Мне нравилось это; я получал от этого удовольствие; я не жаловался на это. Я никогда ни на кого не жаловался в своей жизни. Все было чрезвычайно прекрасно. Это изгнание также было прекрасным. Я должен был искать новый колледж, но прежде чем я мог быть принят, я должен был убедить ректора, потому что все в городе знали - в нем было двадцать колледжей, - все в городе знали, что я все время изгоняюсь из одного колледжа в другой.

Я учился во многих колледжах. Для получения одной степени люди обычно учатся в одном колледже; я получал одну степень в дюжине колледжей. Они могли выдержать меня от двух до трех месяцев максимум. Поэтому я пошел не в колледж, а к дому ректора. Я расспросил о нем у его соседей, поинтересовался, что он за человек. Они сказали: «Он очень религиозен; каждое утро... Он поклоняется богине Кали». Сам он был очень сильным человеком, черным - кали означает черный, - очень высоким и очень толстым. Ему никогда не нужны были микрофоны; он мог говорить перед десятью тысячами студентов без использования какой-либо громкоговорящей системы.

Поэтому все соседи говорили мне: «Каждое утро на протяжении двух-трех часов он очень раздражает нас, потому что он просто повторяет: “Джай Кали! Джай Кали! Джай Кали!” - а вы знаете, что за голос у этого человека!» Джай Кали означает пожелание победы для матери-богини Кали. «И он так возбуждается, что говорит это все громче и громче. Он начинает сидя, но потом он вскакивает на ноги. Он становится почти похожим на саму Кали».

Кали является весьма безобразной богиней, очень некрасивой женщиной с четырьмя руками и с ожерельем из человеческих черепов. Одной рукой она держит только что отрезанную голову, из которой капает кровь; в другой руке у нее меч. И она стоит на груди у своего мужа - настоящая женщина! Таким женщинам нужен меч.

Итак, я расспросил соседей обо всем, а затем рано утром, в шесть часов, отправился к его дому, где он проделывал все это. Действительно, он был очень горяч! У него в доме был небольшой храм. Я просто вошел в него и сел в стороне. Когда он уже подходил к концу, я начал: «Джай Кали!»

Он посмотрел вокруг и спросил: «Кто вы такой?»

Я сказал: «Не беспокойте меня». И начал снова: «Джай Кали!»

Он сказал: «Но это странно. Это первый раз - и вы так молоды. Вы поклоняетесь Кали?»

Я сказал: «А что вы думали. Неужели вы думаете, что вы единственный поклонник богини Кали в городе?»

Он сказал: «Я думал, что никто не является таким поклонником, как я, но вы определенно являетесь ее горячим поклонником!»

Я сказал: «Но не по сравнению с вами. Вы далеко впереди. Вы почти святой; я же только начинающий, я просто любитель».

Он сказал: «Нет, вы не любитель! Чем вы занимаетесь?» Он хотел поговорить со мной и тащил меня с собой: «Пойдемте со мной, позавтракаем». И мы позавтракали с ним. Он сказал: «Вы единственный человек, который понимает меня, - когда вы сказали: “Вы почти святой...” Никто не считает меня святым, они думают, что я чудовище. И эти соседи убили бы меня, если бы могли, но, зная меня, они боятся, они все трусы. Вы единственный человек в моей жизни, который понял меня. Чем вы занимаетесь?»

Я сказал: «Я учусь в колледже».

Он сказал: «Бросьте этот колледж. Переходите в мой колледж». Я сказал: «Если вы так говорите, я могу бросить все, что угодно. Бросил! Дело сделано!» И я был зачислен в его колледж.

Через несколько дней он все узнал. Тогда он вызвал меня и сказал: «Ты плут».

Я сказал: «Вы должны были понять, даже в тот день. Вы вовсе не святой, но мне нужно было, чтобы меня приняли. Что еще мне оставалось делать?»

Бессознательные люди являются предсказуемыми. Вы легко можете манипулировать ими. Вы можете заставить их делать то, что вам нужно, говорить то, что вам нужно; вы можете заставить их делать то, чего они никогда не хотели делать, говорить то, чего они никогда не хотели говорить, - потому что они реагируют известным образом.

Но человек осознающий, подлинно религиозный человек только откликается на ситуацию. Он не в ваших руках; вы не можете сбить его с ног, вы не можете заставить его делать то, что вам нужно. Вы не сможете выгащить из него ни одной фразы.

Он будет делать только то, что найдет уместным в данный момент, - осознавая всю ситуацию.

Да, самоотречение случается. Но помните, в моей религии нет места для «совершения» самоотречения. Самоотречение от вас не ожидается, оно от вас не требуется, но оно случается. Я просто заставляю вас осознать его. И когда оно случается, с ним ничего нельзя сделать. Но случаемое так прекрасно, так приятно, оно не оставляет за собой никаких следов.

Эго просто испаряется, и вы остаетесь без эго - ни смиренный, ни высокомерный, просто без эго.

Вы не можете даже сказать: «У меня нет эго», - потому что не будет никакого «я», которое говорило бы это; будет что-то вроде «естьности» без какого-либо «я» в ней. «Я» уходит вместе с эго.

«Естьность» остается с вашим существованием и становится действительно огромной силой, преобразующей все, что у вас было до этого.

Она отрезает вас от вашего прошлого.

Она дает вам новое рождение.

Том 3.

Беседа 16

СВЕРХЧЕЛОВЕК: ФАНТАЗИЯ ДЛЯ НЕПОЛНОЦЕННЫХ

14 января 1985 года

Бхагаван,

Разве видение нового человека не похоже каким-то образом на идею о сверхчеловеке?

Идея о новом человеке не только не похожа на идею о сверхчеловеке, но является прямо противоположной.

Сверхчеловек - это неразрывная связь с понятием о старом человеке.

Новый человек - это разрыв связи с понятием старого человека.

Сверхчеловек - это тот, кто превосходит других, выше других, но все равно он принадлежит тому же миру старого человека. Он лучше, сильнее, красивее, могущественнее, разумнее; но разница состоит лишь в степени превосходства, больше или меньше.

Новый человек совершенно не имеет отношения к старому человеку. Человек, имеющий превосходство, сверхчеловек, - это усовершенствование старого человека. Новый человек - это смерть старого человека. Новый человек обретает бытие в тот самый момент, когда старый человек умирает; следовательно, они вовсе не могут быть похожими. Они могут быть похожими на тех, кто мыслит только интеллектуально.

Я - не интеллектуал, не мыслитель.

Я вижу вещи.

Я - провидец.

В моих глазах сверхчеловек и новый человек - полная противоположность друг другу.

Старое общество, культура, религия, философия - все они не против сверхчеловека; фактически,

сверхчеловек - это их проекция. Это их желание, их устремление. Они тысячи лет работали над тем, чтобы создать сверхчеловека. Во имя сверхчеловека бедный простой человек подвергался невероятным мучениям: просто невозможно поверить, сколько народу было принесено в жертву для того, чтобы сверхчеловек снизошел на землю.

Что делал Адольф Гитлер? Он был восхищен идеей сверхчеловека. Эту идею он взял у Фридриха Ницше. Представляется странным, что люди, заинтересованные в сверхчеловеке, сами были худшим типом людей. Это странно, но не неуместно. Это, на самом деле, ваш комплекс неполноценности - где-то глубоко внутри вас вы сами чувствуете себя неполноценными. Чтобы забыть эту неполноценность, вы начинаете воображать, строить фантазии о чем-то совершенно противоположном - о сверхчеловеке.

Ницше был влюблен в одну женщину, жену Вагнера. Вагнер - один из величайших музыкантов, великий мастер в истории музыки; он был потрясающе харизматическим человеком. Он был не просто маэстро, его исполнение несло в себе настоящее волшебство. Именно в этом разница. Одна и та же музыка может быть исполнена многими людьми - одни и те же инструменты, одна и та же музыка, одни и те же ноты, но только некоторые придают музыке крылья, и она парит все выше и выше. Она захватывает вас и уносит в высшие сферы.

Исполненная кем-нибудь другим, - это просто обычная музыка. Она никуда не уводит вас; это просто развлечение. Когда вам нечего делать, вы просто слушаете музыку. Вы просто увлечены ею, как если бы были увлечены курением или сплетнями. Но когда играет такой человек, как Вагнер, вам открываются новые горизонты вашего существа, он открывает в вас новые двери. Вы переноситесь в измерения, о которых раньше даже и не мечтали.

Ницше учился музыке у знаменитого маэстро, а затем влюбился в жену маэстро, совсем не думая о своей жалкой личности, которая не шла ни в какое сравнение с Ваджна... или с Вагнером. Я не знаю, как будет правильно по-немецки, поэтому я использую два типа написания: одно из них должно быть правильным.

Несомненно, что жену Вагнера это не интересовало; она даже не думала о Ницше. На вид он был ужасен, физически он не мог даже сравниться с Вагнером, - что говорить о духовных качествах Вагнера и о его музыкальном даровании? Можно по пальцам пересчитать имена людей во всей истории человечества, которых можно было бы сравнить с Вагнером. Он является одним из величайших музыкантов.

Эта женщина влюбилась не только в него как в мужчину, но и в его музыку, волшебство которой было почти осязаемо. Ницше нельзя было даже сравнивать с ним. Когда Ницше приблизился к ней, она только засмеялась и сказала: «Вы, должно быть, глупец! Если бы у меня был выбор между Богом и Вагнером, я выбрала бы Вагнера, так как я уверена, что даже Бог не имеет такого вдохновения, как Вагнер».

«Когда Вагнер играет, я не могу даже поверить, что я — его жена и мне посчастливилось быть с ним рядом. Он так далек и одновременно так сострадателен, что позволяет мне быть с ним в интимных отношениях. Я знаю, что не стою этого; это - только его сострадание. По нему сходят с ума самые красивые женщины. Любой, кто хоть как-то воспринимает музыку и его одухотворенную личность, не может не влюбиться в него».

«Неужели вы полагаете, что я могу даже думать о вас? — говорила она Ницше. - Забудьте все об этом. Вы никто для меня. Это нечестно: вы - ученик моего мужа и он доверяет вам; вот почему вас принимают в этом доме. Вы для него как сын, а я для вас как мать - возраст не имеет значения».

Это был такой шок для него и такое выставление напоказ всей его неполноценности, что Ницше никогда в жизни больше не приблизился ни к одной женщине; он потерял самообладание. После этого случая он начал думать о новой человеческой расе: о сверхчеловеке. Он стал врагом Вагнера и стал выступать против него. Вагнер не понимал причины этого поведения, так как он не знал, что произошло между его учеником и его женой; и он не понимал, почему Ницше покинул их и уехал в горы.

Ницше очень переживал. В нем развились два чувства: огромная ненависть к женщинам... и не только к женщинам, но и ко всему, что имеет отношение к женщинам. Например, он возненавидел страсть, любовь, сочувствие, доброту — все качества, присущие женщинам. Он возненавидел Иисуса, он возненавидел Гаутаму Будду по той простой причине, что в учениях этих людей были понятия, присущие женщинам. Насилие - это не женское свойство, насилие - это свойство мужчин; чтобы быть настоящим мужчиной, надо быть жестоким. В результате перенесенного шока его ум стал извращенным.

Иисус говорит о скромности и кротости; это - женские качества. Иисус разрушил понятие мужественности. Это женское качество, когда кто-то бьет вас по щеке, а вы должны подставить другую щеку. Что может быть более женственным? Но вы видите, как эти вещи связаны между собой? Отвержение его одной женщиной вызвало у него чувство отвержения всего женского; и не только женского, но также и всех качеств, в которых есть хоть что-то женское.

Он порицал Гаутаму Будду, говоря: «Из-за Будды Индия стала государством трусов - он привил Индии женский характер». Ницше говорил: «Все эти святые не идут ни в какое сравнение с солдатами. Даже третьестепенный солдат лучше первостепенного святого». Итак, солдат! Сам он не был солдатом; он был такого маленького роста, что его даже не взяли в армию. Он хотел пойти в армию, но его не взяли, потому что он был недостаточно высок.

Вероятно, его родители были разных кровей: он не был нордическим немцем, - как не был им и Адольф Гитлер. Чистокровные нордические немцы - это высокие сильные блондины. Ни Ницше, ни Адольф Гитлер не были ни сильными, ни высокими.

Ницше говорит: «Единственный прекрасный момент, который я запомнил в своей жизни, - это когда однажды утром во время восхода солнца по улице маршировала большая колонна солдат. Их обнаженные мечи сверкали на утреннем солнце подобно молниям. Слаженный топот их сапог был настолько музыкален, что никакую музыку нельзя было сравнить с ним. Их одежда, их военная форма, - какая гармония в лучах утреннего солнца!..»

Люди говорили о цветах лотоса в лучах утреннего солнца, о розах в лучах утреннего солнца, а Ницше - единственный человек во всей истории человечества, который говорит о солдатах в лучах утреннего солнца и о великолепии сверкающих мечей, о музыке, которую создает топот сапог... правой, левой, правой, левой... какая гармония - просто музыка! Он говорит: «У меня никогда раньше не было такого прекрасного переживания».

Сам он не был ни атлетом, ни солдатом. Я не думаю, что он был способен правильно держать меч или хотя бы знал, как это делается. Всю свою жизнь он только писал; он никогда не воевал. Но он начал вынашивать идею сверхчеловека.

Ницше начал порицать старого человека, забыв, что он и сам тоже старый. Происходит так... забывая о самом себе, старого человека ставишь на одну сторону, а сверхчеловека — на другую; а затем думаешь, что сам ты уже не старый человек. И «оно конечно, поскольку это вы создаете идею сверхчеловека, вы начинаете верить, что сверхчеловек - это ваша идея: вы даете жизнь сверхчеловеку, - значит и вы принадлежите к сверхчеловекам. Именно так забывают о своей неполноценности.

Ницше никогда больше не пытался сблизиться с женщиной по той простой причине, что она могла бы опять вызвать у него чувство неполноценности; одного случая было достаточно. Если одна женщина говорит: «Я не люблю вас», - это не означает, что не существует женщины, которая могла бы полюбить вас. Но у него были его собственные личные качества; не надо быть еще одним Вагнером. Ницше не был музыкантом, но он обладал своими собственными качествами: он был великим философом. Но он забыл о своих качествах и стал сравнивать себя только с Вагнером. И обида вошла в него так глубоко...

Он оказывал влияние на многих людей - все они были довольно странные. Он оказывал влияние на Джорджа Бернарда Шоу — очень эгоистичного человека, шоумена. Если вы будете читать книги Джорджа Бернарда Шоу, то удивитесь, что книга - небольшая, а предисловие - большое. Такое случилось впервые в истории мировой литературы: предисловие — большое, а книга - маленькая. Почему так? Содержание книги должно говорить само за себя. В этом заключается искусство, творчество.

Знаменитые художники не давали названия своим картинам. А что же тогда говорить о предисловии? Они не давали им названия по следующей простой причине: если картина не говорит сама за себя, то как может помочь в этом ее название? Надо предоставить возможность человеку, который видит картину, чтобы он в соответствии со своими способностями, разумом, восприятием понимал данную картину.

Если вы дали название своей картине, то это значит вы . беспокоитесь, что ваша картина не будет понята, и поэтому вы даете намек. Давая название картине, вы тем самым ограничиваете ее толкование. Посредством этого названия вы вводите ее значение в определенные рамки. Таким образом, вы говорите, что картина - только об этом и ни о чем большем. Многозначность картины значительно сужена. Вы уничтожили ее.

Книги Бернарда Шоу не трудны; не надо быть гением, чтобы понять их. Он писал только пьесы - и не очень высокого качества. Любой человек, с небольшим интеллектом и даже ниже среднего уровня, способен понять их. Но, возможно, он страдает от собственной неполноценности. Возможно, он думает, что никто не поймет его пьес; возможно, он и сам не понимает их как следует.

Он написал книгу, но он не уверен, то ли он написал, что хотел, вложил ли в книгу правильные выражения, правильные слова. Будет ли она правильно понята? Он в замешательстве -отсюда такое длинное предисловие. Если в пьесе все понятно, что же еще надо?

Это похоже на тот случай, когда вам полностью рассказали содержание кинофильма, а затем вручают билет и говорят: «Вот тебе билет. Сходи и посмотри этот фильм». Рассказав содержание фильма, все испортили; билет теперь совершенно не нужен. Вам будет просто скучно. Вы уже знаете, что произойдет, вы уже знаете все от начала до самого конца.

Бернард Шоу делает это именно так и делает великолепно: предисловие в сто, двести страниц для пьесы в двадцать страниц. Я не знаю, пытался ли какой-нибудь психоаналитик, - об этом я ничего не слышал, - но Бернард Шоу нуждается в том, чтобы его подвергли психоанализу. Зачем он писал это предисловие к обычной пьесе? Он просто представляет самого себя. Похоже, что если бы эта пьеса была написана кем-нибудь другим, то он не понял бы ее, и ему понадобилось бы большое введение. Именно это он и делал.

Джордж Бернард Шоу находился под впечатлением идеи Ницше о сверхчеловеке; он тоже написал пьесу о сверхчеловеке. Довольно странно, но он также был отвергнут женщиной. Женщину звали Анни Безант. Она была крестной матерью (можно ли говорить «крестная мать» так же, как «крестный отец»?) Дж.Кришнамурти, Она была президентом теософического движения. Она была очень красивой женщиной с огромным личным обаянием, очень разумной и одним из величайших ораторов. Если бы она осталась в Англии, то стала бы в любое время премьер-министром, поскольку никто из премьер-министров того времени не обладал подобным обаянием или ораторским искусством.

Бернард Шоу слышал ее первый раз на теософической конференции и сразу же влюбился в нее. Когда он подошел к Анни Безант, она сказала: «Пожалуйста, извините меня, но у меня очень много дел». Несомненно, что у нее было гораздо больше дел, чем быть женой Джорджа Бернарда Шоу. Но Джордж Бернард Шоу думал, что он - величайший на земле человек и вдруг: «У нее очень много дел...?» И эта рана осталась в его сердце.

Анни Безант становилась все более и более популярной. Просто невероятно, что она стала президентом Национального Конгресса Индии. Когда Индия была под английским владычеством, эта англичанка была признана индийскими революционерами, боровшимися с английским владычеством, в качестве их президента. Можете себе представить ее обаяние.

В то время даже белая кожа вызывала ненависть как признак угнетения. А признать женщину, прибывшую из страны, с которой сражаются... Но люди, ведущие борьбу, - Национальный Конгресс Индии был партией, сражавшейся с Британией за независимость, - признали ее в качестве президента. Должно быть, она была магической личностью. Если она отказала Бернарду Шоу, я не думаю, что она сделала ошибку, значит несомненно, что у нее было очень много работы.

Впервые в истории теософическое движение было превращено ею в движение мирового масштаба. Она внесла идею, что родится всемирный учитель, и заставила поверить в это миллионы людей. Это не так легко. Даже Иисусу не удалось убедить свой собственный народ, что он - мессия. Но эта женщина говорила: «В нужное время я собираюсь представить вам мессию, который спасет мир», - и миллионы людей верили ее словам. А она не была мессией, но в ней было качество, которое заставило народ доверять ей.

Бернард Шоу был отвергнут Анни Безант, и всю свою жизнь он нес в себе эту рану; и он начал вынашивать идею сверхчеловека.

Адольф Гитлер был вторым человеком, который стал учеником Фридриха Ницше, а сам он был во всех отношениях интеллектуально неполноценным человеком. Было бы несправедливо назвать его даже посредственностью; он был гораздо ниже посредственности. Интеллект у него вообще отсутствовал; он был полным идиотом. Ему следовало бы родиться в Орегоне; это просто случайность, что он родился в Германии. Германия — не место для таких абсолютных идиотов.

Его выгнали из школы архитектуры - он хотел стать архитектором. Его выгнали из школы искусств - он хотел стать художником. Его выгнали из армии, так как он не смог доказать свою храбрость в первой мировой войне. Он был трусом: он использовал каждую возможность, чтобы спрятаться, и держался все время позади вместо того, чтобы идти вперед на врага. Как только начинался бой, он сказывался больным. Ему удавалось симулировать боль в животе, головную боль, боль в спине — болезни, которые нельзя проверить.

В настоящее время тоже нет методов проверить, есть ли головная боль или ее нет. Один из моих учителей каждый день обычно начинал свои занятия с ритуала: «Сначала выслушайте мои условия. Я не принимаю на веру то, что у вас болит живот, я не принимаю на веру то, что у вас болит голова. Вещи, которые я не могу обнаружить, я не воспринимаю. Да, если у вас лихорадка, я воспринимаю это, потому что я могу проверить, что у вас высокая температура. Поэтому запомните, никто не должен просить освобождения от занятий, ссылаясь на то, чего нельзя доказать. Даже врач не может доказать, есть ли головная боль или ее нет». Он отвергал почти все, поскольку ему надо было предъявить очевидную болезнь, только тогда можно было получить освобождение от занятий; но я должен был найти какой-то способ, чтобы убедить его.

Он был стариком, поэтому я должен был сделать все ночью... Он был старым, но очень сильным, увлекался различными упражнениями, ходьбой, поэтому он обычно вставал рано, в пять часов, и в темноте выходил на прогулку. Итак, я просто положил перед его дверью несколько шкурок от бананов. Утром он упал и повредил себе спину. Я был уже около него, поскольку я знал об этом.

Он сказал: «У меня очень болит спина».

Я сказал: «Не говорите о том, чего не можете доказать».

Он сказал: «Могу ли я доказать это или не могу, но идти сегодня в школу я не в состоянии».

«В таком случае, - сказал я, - вам следует отменить ваши условия с завтрашнего дня, иначе я распространю по всей школе, что, если принимать на веру боль в спине... Какое у вас доказательство? А почему не головная боль? Почему не боль в животе?»

Он сказал: «Я думаю, вы имеете кое-какое отношение к этим шкуркам от бананов».

Я сказал: «Возможно, вы правы, но доказать это вы не можете, а я верю только в то, что можно доказать».

Он сказал: «По крайней мере вы могли бы сделать мне одолжение: передайте мое заявление директору».

Я сказал: «Я передам ваше заявление, но запомните, что с завтрашнего дня вы отменяете ваши

условия, так как иногда у меня болит голова, иногда у меня болит живот, потому что я привык есть разные неспелые фрукты, - когда крадешь фрукты из чужих садов, не спрашиваешь, спелые они или нет. И ведь берешь их, если только они не спелые; когда они созреют, люди тут же соберут их. Поэтому я страдаю от болей в животе». И действительно, с этого дня он отменил свои условия. Он просто взглянул на меня, улыбнулся и приступил к занятиям.

Учащиеся были просто шокированы: «Что с ним случилось? А как насчет условий? » Я встал и сказал: «У меня очень сильно болит живот».

Он сказал: «Можете идти». Такое было впервые... Вечером, придя повидать моего отца, он сказал: «Впервые я дал освобождение по причине боли в животе... так как эти люди одарены богатым воображением и очень изобретательны». Затем он сказал моему отцу: «Ваш мальчик опасен».

Я сказал: «Опять вы стараетесь сделать то, что не можете доказать, то, что вы просто предполагаете. Я просто направлялся на утреннюю прогулку и увидел, как вы упали. Вы думаете, это неправильно, когда помогаешь кому-нибудь?»

Он сказал: «Нет, помогать людям надо; но кто же положил туда шкурки от бананов?».

Я сказал: «Вы должны сами выяснить — это ваш дом. Это было просто совпадение, что я направлялся на утреннюю прогулку; мой отец знает, что я каждый день хожу гулять».

Мой отец сказал: «Это правда, он гуляет каждый день. Но, возможно, это сделал он.. Но пока вы не доказали, это все бесполезно: мы должны ему доказать. Даже, если мы правы, а аргументы в его пользу, он остается победителем, а мы -проигравшими. Он рассказал мне все о вашей больной спине и о том, что вы отменили ваши два условия».

Мой отец в свое время тоже был его студентом. Он сказал: «Странно, но раньше вы никогда не начинали вести занятия без этих двух условий».

Мой учитель сказал: «Раньше у меня никогда не было такого студента. Я вынужден был изменить весь свой план, так как опасно вступать с ним в конфликт; он мог бы убить меня».

Когда Адольф Гитлер служил в армии, у него постоянно болела голова, болела спина, болел живот — любой предлог, чтобы попасть в госпиталь и не участвовать в сражениях. После первой мировой войны он был уволен из армии. Этот человек стал безработным, не имея никакой специальности. Он собрал еще семнадцать солдат, уволенных из армии, и эти восемнадцать солдат создали национал-социалистическую партию — нацистскую партию. Их идеалом было следующее: «Мы должны завоевать весь мир, потому что это - воля Бога, данная нордическим немцам, самой чистой арийской расе. Править всем миром - вот миссия немцев. Мир состоит из пигмеев».

Адольф Гитлер сам был настоящим пигмеем; в нем не было ничего ценного. Но он стал продвигать свою идею, а нордические немцы стали чувствовать, что на них возложена определенная миссия, что они избранники Божьи. Почему он был так сильно настроен против евреев? Одной из причин было то, что еще со времен Моисея евреи говорили, что они - избранники Божьи.

В таком случае две расы не могут быть избранниками Божьими; поэтому или нордические немцы - избранники Божьи, или евреи. Необходимо было доказать, что избранники Божьи-немцы, поэтому Гитлер начал убивать евреев. Он говорил: «Евреи должны быть полностью уничтожены, так как они притворялись, что являются избранниками, в то время, как избранниками являемся мы, и мы даже не знали этого». Это вошло в умы людей. Человеческий разум очень легко воспринимает такие идеи и воспаляет вас, потому что вы страдаете от неполноценности.

Каждый человек преодолевает препятствия в своей жизни и, если ему это не удастся, чувствует себя Неполноценным; он наталкивается на стену, ударяется о нее и возвращается обратно. Каждый человек так или иначе сталкивается в жизни с проблемой неполноценности. Если кто-то преподносит вам идею, что вы Божий избранник, то вы готовы купить ее. А Гитлер раздавал ее бесплатно, не требуя ничего взамен и тем самым возвышая людей в их собственных глазах. Книги Ницше стали библией Гитлера.

Третий человек, попавший под влияние идеи о сверхчеловеке, жил в Индии: Шри Ауробиндо. Он также сильно страдал от комплекса неполноценности. Шри Ауробиндо получил образование в Англии. Он принадлежал к богатой семье и собирался стать членом Ай-Си-Эс, Гражданской службы Индии, в которую входила высшая бюрократия Индии, созданная англичанами. Чтобы стать членом Ай-Си-Эс, надо было сдать много экзаменов в Англии и, естественно, индийцам было очень трудно сдать эти экзамены. Индийцы не привыкли к подобным экзаменам.

Ауробиндо, например, провалился только на одном экзамене - верховая езда. Индийцы не интересуются верховой ездой, а англичане интересуются. Индийцы вообще не интересуются верховой ездой, никто абсолютно не ценит ее; а джайнизм фактически запрещает ее, потому что езда на лошади считается насилием над животным. Кто вы такие, чтобы ездить на лошади? А если лошадь начнет ездить на вас, вам это понравится? Джайнизм питает отвращение к этому. И в Индии никто не интересуется верховой ездой, так, как интересуются ею англичане.

Таким образом, естественно, Ауробиндо не был таким хорошим наездником, как английские студенты, но остальные предметы он сдал. Можно поинтересоваться, для чего служащему Ай-Си-Эс нужна верховая езда, но вы не знаете все стороны империализма. Служащий Ай-Си-Эс имел определенную цель в изучении верховой езды. В Индии, если вы видите белого человека в военной форме, с оружием и на великолепной лошади... это был символ империализма и его власти.

Итак, Ауробиндо был бенгальцем, поэтому я не думаю, что он умел ездить даже на осле, потому что ослы тоже очень умные. Мне приходилось ездить на них, поэтому я знаю. Можете сами попробовать, и вы убедитесь, что ослы обладают особой хитростью. Они никогда не ходят по середине дороги; они всегда ходят по краю, так что вам приходится тереться о стены домов. Невозможно удержать их на середине дороги: они все равно будут идти по этому или по другому краю дороги и тереться о стены. Они, естественно, могут повредить вашу ногу, и вам придется спешиться. Они как бы говорят вам: «Слезайте!»

Ауробиндо был очень шокирован, так как он вернулся домой, провалившись на экзамене, а у него была амбиция стать членом Ай-Си-Эс. Люди с комплексом неполноценности всегда имеют большую амбицию; комплекс неполноценности - основа всех амбиций. Стать служащим Ай-Си-Эс было самой большой амбицией, которую когда-либо имел индиец при британском режиме,

так как это давало возможность занять самый высокий пост в Индии. Даже если из тысячи служащих Ай-Си-Эс одному удавалось занять такой пост, это уже считалось наивысшим достижением.

Ауробиндо вернулся расстроенным, зеленым от злости, ревнивым и яростным; и он присоединился к Национальному Конгрессу Индии - партии, которая старалась сбросить гнет Британской империи. Давайте обратимся к фактам. Он уехал, чтобы присоединиться к Британской империи, и, если бы он преуспел в верховой езде, он стал бы приверженцем Британской империи; он стал бы убивать тех самых людей, к которым он теперь присоединился. А теперь он хотел разрушить Британскую империю. Вы видите, как мыслят некоторые люди?

Он не являлся революционером - противником насилия, нет. Он не верил в Ганди, он не являлся последователем Ганди. Он был сторонник насилия: он хотел, чтобы убивали, жгли, уничтожали британский народ. Он пытался изготавливать бомбы; за это он был арестован и провел несколько лет в тюрьме.

Очень интересно наблюдать за жизнью людей. Если у вас нет предубеждений, то возникают странные факты. Будучи в тюрьме, Ауробиндо внезапно стал религиозным человеком.

После того, как он потерпел фиаско в своих амбициях, которые он хотел претворить в жизнь, он перешел в противоположную крайность: он хотел мстить, но теперь уже во имя революции. Когда его посадили в тюрьму, он понял, что не так легко свергнуть эту огромную империю, изготавливая вручную бомбы; это просто самообман. Можно убить одного человека или двух или разрушить мост, но тем самым не разрушишь империю; это невозможно. Империя обладает огромной властью.

Тогда как же претворить в жизнь свои амбиции? Он понимал, что ему не посчастливилось в Англии в том, чтобы стать служащим Ай-Си-Эс; он понимал, что не смог стать великим вождем индийской революции. Он обратился к религии. Он мог бы стать великим святым; по крайней мере, никто не мог ему в этом помешать. Это самый легкий способ. Кто может помешать вам? Кроме того, нет никакой конкуренции.

Ауробиндо стал религиозной личностью. В тюрьме он начал писать комментарий к Шримад Бхагавад Гите. Когда его освободили из тюрьмы, первое, что он сделал: покинул Британскую империю. Пондишерри не являлось частью Британской Индии; это было небольшое местечко во Французской империи. Это часть Индии - сейчас это часть Индии, - но триста лет назад, когда все европейские силы старались захватить Индию, только Британии посчастливилось захватить всю Индию. Франции удалось захватить только небольшое местечко, Пондишерри, а Испании — только маленькое местечко, Гоа, и два небольших острова, Даман и Дью.

Почему же Ауробиндо бежал в Пондишерри? Пондишерри находилось рядом с Бенгалией. Он был трус; и теперь он боялся столкнуться со своими революционными друзьями. Он не мог сказать им, что теперь он больше не революционер, что он хочет стать святым — вот самый безопасный способ претворить в жизнь свои амбиции, чтобы стать уважаемым, почитаемым и великим. В Пондишерри он создал свой ашрам.

Он очень интересовался идеей сверхчеловека. Фактически он сделал эту идею своей жизненной амбицией. Он говорил: «Я хочу ввести в себя сверхчеловека. Сверхчеловек снизойдет с небес в

мое тело; поэтому я стараюсь очистить свое тело, чтобы в него вошел сверхчеловек».

Тридцать лет он провел в закрытом доме, и его последователи верили, что он очищает свое тело. А теперь, если обратиться к его литературе, можно абсолютно точно понять, что все эти тридцать лет он постоянно писал, поскольку его литература создана не с его слов, а она написана. Объем этой литературы настолько велик, что, я подозреваю, у него не оставалось времени, чтобы очистить свое тело. Какое очищение? Тело и так чистое. Что с телом делать? Какие затруднения с телом? Если с телом что-то не в порядке, то нужна медицинская наука, которая поможет. Как в закрытой комнате можно очистить свое тело?

Он постоянно толстел, и это все. Раньше он был худощавым и изящным молодым человеком, но постоянное писание и чтение, писание и чтение... А результат его творчества хуже не бывает. Одно предложение занимает почти целую страницу. Дойдя до конца предложения, забываешь о его начале. В конце страницы надо опять возвращаться к началу страницы, чтобы увидеть, какими словами начиналось предложение.

Книги Ауробиндо плохо читаемые, педантичные, многословные. Он использует длинные слова, так как думает, что, чем длиннее слово, тем реже оно используется людьми и значит более таинственное. Так и происходило - люди были мистифицированы. Очень странные люди: их впечатляют вещи, которые они не понимают. Если они что-то понимают, то это их не впечатляет. Их логика проста: «Если я могу понять это, значит в этом нет ничего особенного». Пока они не почувствуют: «Я не могу ничего понять», - они не будут верить, что есть что-то возвышенное, что-то потустороннее. Манера, в которой писал Ауробиндо, имела своей целью мистифицировать читателя. Не надо писать одно предложение на целый абзац или на целую страницу. Это просто смешно, что таким образом вы хотите, чтобы ваше слово дошло до читателя. Нд нет, он хотел мистифицировать людей.

Я прочитал все его книги и очень сильно пострадал. Вы не можете представить, как я страдал от таких людей. Я прочитал все его книги просто для того, чтобы понять, что этот человек старался сделать. В этих книгах ничего нет. Перекапываешь целую гору и не находишь даже и крысы! А эти огромные тома, тысяча страниц; и на каждой странице длинные слова. И он был достаточно умен, чтобы изобретать значительные слова, например, «супраментальный». А он еще создавал категории...

Чтобы появился сверхчеловек, вначале надо создать состояние супраментальности, а для этого необходимо очистить свое тело. А он заявлял, что собирается стать бессмертным физически. До сих пор Махавира, Будда, Христос, Мухаммед - все они говорили, что вечна душа. Ауробиндо же сказал: «Я собираюсь доказать, что только в вечном теле может быть вечная душа. Мое тело будет жить вечно, оно бессмертно».

Ну это просто абсурд. Одно лишь хорошо в этом утверждении: никогда невозможно доказать его неправильность, так как если человек умирает, то кому вы будете доказывать, что он ошибается? А если он жив, то значит и бессмертен. В этом утверждении скрыта хитрость: «Я намереваюсь быть бессмертным. Я очистил свое тело, и сверхчеловек нисходит с небес и медленно, медленно входит в это тело. Это тело намеревается быть бессмертным, и тогда я научу своих учеников, как стать бессмертными».

Сотни людей, надеясь стать бессмертными физически, всю свою жизнь придерживались

взглядов Шри Ауробиндо. В день, когда он умер, один из моих друзей находился в его ашраме; он был его последователем. Я снова и снова говорил ему: «Не будь глупцом! Тело не может быть бессмертным, оно сделано из материала, который смертен. Можно жить дольше, но жить вечно! Ты же видишь, что тело постоянно изменяется: ребенок становится молодым человеком, молодой человек становится старым, старик становится еще старше. Смерть не приходит внезапно, она начинает приближаться с того самого дня, когда рождается человек. Тот, кто говорит, что его тело будет бессмертным, должен доказать, что его тело перестало изменяться».

Я привел моему другу довод: «Если тебе удастся передать послание», - ведь Ауробиндо обычно виделся со своими учениками только один раз в году, и это был просто даршан. Он не разговаривал, он не отвечал; он просто сидел, а люди один за другим проходили мимо него - лишь в какое-то мгновение можно было увидеть его. Итак, я сказал своему другу: «Если тебе как-то удастся передать послание...» А способ был.

Женщину, на попечении которой находился ашрам, звали «Мать». Люди совсем забыли ее имя, они забыли даже ее профессию. Она была актрисой кино и влюбилась в Шри Ауробиндо. Она бросила своего мужа и стала его ученицей... ведь очевидно, что идея физического бессмертия привлекает женщин больше, чем мужчин.

Женщины являются физически более приземленными существами и в большей степени, чем мужчины, чувствуют свое тело. Я не думаю, что женщины очень верят в существование души, потому что они не видят душу, когда смотрятся в зеркало. То, что они не могут увидеть в зеркале, - это идея глупых мужчин. И все женщины знают, что эти мужчины лишь играют словами, философией и религией. Женщину не интересуют такие вещи. Ее больше интересуют сплетни, что-нибудь значительное; то, что происходит у соседей, кто приобрел новый автомобиль, кто приобрел новую одежду и кто соорудил новый дом.

Их вообще не волнует Бог. Это не их забота. Если они становятся озабоченными, так это из-за мужчин. Поскольку мужчины постоянно беспокоятся о Боге, о душе, об аде и рае, то женщина думает: «Возможно, в этом что-то есть; и если столь многих мужчин волнует это, то кто знает? По крайней мере, лучше не вмешиваться и ничего по этому поводу не говорить». Но я знаю, что каждая женщина чувствует, что все это просто тарабарщина.

Итак, эта французская актриса стала интересоваться идеей физического бессмертия. Она была властной женщиной и имела организаторские способности, поэтому Ауробиндо имел под рукой хорошего организатора - сам он этим мог не заниматься. Он хотел все время только писать. Он старался создать целую философию сверхчеловека: все стадии, методологии для очистки тела и разума, какие стадии вы достигнете, какие сияния и какие оттенки предстанут перед вами на этих стадиях. Если почитать его, то можно подумать: «Возможно, в рассуждениях этого человека есть смысл, поскольку он говорит, как если бы кто-то говорил о географии. Он может показать все, что есть на карте».

Но, просматривая его книги, единственное, что я могу сказать - это то, что он был хорошим лингвистом и знал, как обращаться со словами и языком. В течение тридцати лет он находился в изоляции. Ничего не было очищено; просто ему необходимо было время, чтобы учиться и писать. Многотомные сочинения, написанные им, тому доказательство - никто не смог бы написать такое огромное количество сочинений, если бы постоянно не работал двенадцать или четырнадцать часов в день. Большой объем его сочинений доказывает это.

Итак, я сказал своему другу: «Отошли это послание к Ауробиндо: “Если вы говорите, что достигли физического бессмертия, то доказательством этого может быть.... Так как если вы умрете, то кому мы будем задавать вопросы? Если вы не умрете и будете продолжать жить, значит вы правы, потому что вы живете. Но я нашел критерий бессмертия, и критерий состоит в том, что ваше тело не должно больше изменяться, поскольку смерть - это только изменение. Если вы молоды, то вы не должны стареть; если ваши волосы черные, то они не должны поседеть. Это будет достаточным доказательством”».

Но мой друг заявил: «У него седые волосы, и с каждым годом он выглядит все старше и старше. Мы это очень ощущаем, потому что видим его только один раз в год». Когда видишь человека каждый день, трудно заметить, как человек стареет. Но если видишь его один раз в год, то сразу заметно, сколько произошло в нем изменений, насколько поседели его волосы, сколько у него прибавилось морщин, насколько старше он выглядит».

Поэтому я сказал: «Если он неспособен предотвратить старение, то будь уверен, что он не может предотвратить и смерть, так как старение - это просто приближение смерти». Именно это и случилось: однажды Ауробиндо умер. Его смерть была настоящим шоком для его учеников, которые жили в его ашраме, и для его последователей во всем мире, потому что, кто же не хочет быть физически бессмертным?

В Америке есть по крайней мере десять человек, тела которых были законсервированы после их смерти, - это тела мультимиллионеров, - в надежде, что в ближайшие десять-пятнадцать лет с помощью науки можно будет оживить мертвого человека. Поэтому эти люди вложили все свои деньги в веру, что их тела будут сохранены в том состоянии, в котором они ‘находились во время их смерти. Поэтому если через десять-пятнадцать лет с помощью науки возможно будет оживление мертвых тел, то их тела будут оживлены.

Теперь вы видите, какое может быть у человека тщеславие, скудность ума, неполноценность, страх смерти, жажда жизни?

Даже после смерти они надеются!.. И миллионы долларов истрачены на их тела, потому что люди надеются; это их деньги. Мертвые люди законсервированы, заморожены, полностью заморожены. И если даже через пятнадцать лет они вернуться к жизни, то что они будут делать? Они не увидят тех, кого покинули. Их жены могли уже уйти, их дети могли умереть. И кто захочет быть с ними, даже если у них остались дети? Кому захочется, чтобы они вернулись? Только представьте, себе: ваш отец возвращается к вам после пятнадцати лет, в течение которых он был привидением; и вдруг в один прекрасный день он неожиданно появляется у вас дома. Увидев своего отца, стоящего перед вами, вы можете просто умереть от потрясения.

А пятнадцатилетний разрыв во времени... Люди говорят о разрыве поколений, а вы подумали о разрыве, который существует между мертвыми и живыми? Если через пятнадцать лет человек вернется к жизни, он ничего не узнает, все будет другим. Возможно, что он вообще не обнаружит старый мир; возможно, произойдет третья мировая война, и он проснется только для того, чтобы начать все с самого начала... начать поиски... Где Ева? А если он случайно найдет Еву, то они оба должны будут дважды подумать прежде, чем начинать все с начала. Если у них есть хоть какой-нибудь разум, они не станут этого делать, потому что одного раза было достаточно — и вот что вышло!

Но люди интересуются бессмертием. Ауробиндо эксплуатировал идею сверхчеловека; физическое бессмертие стало его вкладом в идею сверхчеловека. Ницше не думал об этом; об этом не думали ни Бернхард Шоу, ни Адольф Гитлер. Но Ауробиндо, будучи индийцем, внес вклад в эту идею. Он не был оригинальным, о бессмертии души говорили всегда. Он просто перенес это на тело: бессмертие тела.

Когда он умер, на протяжении трех дней это держали в тайне, поскольку Мать, организатор ашрама, сказала: «Он не может умереть, это невозможно. Должно быть, это определенная стадия, когда он покинул свое тело, а в его тело входит сверхчеловек, - это просто промежуточная стадия, перерыв».

«Конечно, если кто-то покидает свой дом, он должен взять с собой багаж, мебель и матрасы; существует много вещей, которые необходимо забрать. Тогда другой принесет свои собственные матрасы, свою собственную мебель. И кто знает, какие вещи нужны этому сверхчеловеку? Он принесет с собой свое личное имущество. Поэтому, это просто перерыв». А люди так глупы. Поэтому, я и говорю: «Какое же должно быть человечество, чтобы оно поверило во все это — в то, что это перерыв?»

Тело хранилось в тайне, а они молились и ждали, когда в тело войдет сверхчеловек. Они радовались, потому что думали: «Сейчас это произойдет», — а происходило лишь то, что тело разлагалось, оно начало вонять. Тогда Мать стала бояться, что... Поэтому она сказала: «Похоже, что пройдет немало времени, прежде чем сверхчеловек снизойдет с небес, поэтому надо поместить тело в мраморную гробницу». Вы не поверите: в ашраме Ауробиндо все еще есть люди, которые ждут, думая, что в один прекрасный день он постучится изнутри гробницы и скажет: «Теперь, пожалуйста, открывайте: прибыл сверхчеловек».

Этот человек умер; тогда Мать стала притворяться — все та же роль, — что ее тело стало бессмертным. Конечно, она жила долго, почти целый век, но если бы вы увидели ее лицо перед смертью, вы подумали бы, что это лицо привидения: Мать была как скелет с морщинистой кожей. Даже по фотографии можно было определить количество костей на ее шее и количество отмерших кровеносных сосудов. Не нужно было никаких рентгеновских лучей, достаточно было видеть ее. Все, что в ней осталось, можно было увидеть.

Люди начали верить, что она бессмертна, те же люди, которые видели, как умирал Ауробиндо. Потом она умерла, и опять все та же глупость: трехдневный перерыв, затем смердящее тело, затем опять гробница — и ожидание. И люди все еще ждут.

Идея сверхчеловека, в основном, коренится в чувстве неполноценности, в чувстве страха, в ощущении приближающейся смерти. Но новый человек не имеет с этим ничего общего.

Новый человек - это очень обычный человек: ничего особого, никакого превосходства, ничего супраментального.

Новый человек - это первый человек, который понял, что достаточно быть лишь человеческим.

Нет необходимости быть сверхчеловеком.

Нет необходимости быть богами и богинями.

Это так удовлетворяет - просто быть обычным человеком.

Я заявляю вам: нет ничего выше сознания человека.

Все, что возможно, - внутри вас.

Вам не надо становиться особыми, исключительными.

Вы должны стать абсолютно простыми, обычными, без исключительных особенностей.

Однажды у меня была небольшая встреча с Шилой и группой, которая работала вместе с ней, а также с Хасьей, Джоном и их группой. У них было такое чувство, что они как-то не подходят друг другу, и разрыв между ними все время увеличивается. Я встретился сразу со всеми; я позвал также Ханью. Ханья не принадлежит ни к этой группе, ни к какой-либо другой. Она простая женщина, и я позвал ее, чтобы увидеть реакцию простого человека.

Случилось то, что я ожидал: она была поражена. Какая политика? Почему эти люди должны ссориться, или спорить, или доходить до разрыва? Они оба работают для меня - все работают для меня. Но я хотел увидеть реакцию человека, у которого нет политического ума, нет разногласий, который просто влюблен в то, чем я занимаюсь; реакцию человека, у которого нет тщеславия, нет идей, которые он хочет претворить в жизнь. Она была поражена, и я ожидал это. Шила сказала мне, что Ханья очень взволнована и хочет уйти. Я сказал, что не о чем волноваться; я знал, что может произойти. Я ожидал, что она не сможет ничего понять. Шила и ее группа все поняли, Хасья и ее группа тоже все поняли, и разрыва больше не существовало. Единственный человек, который оказался в проигрыше, - это Ханья.

Я хотел бы, чтобы вы все были такие, как Ханья, - такие простые, такие невинные, чтобы даже не понимали, что означает политика, почему люди продолжают сражаться, ссориться. Для чего? Жизнь такая короткая - мы не можем быть уверенными даже за завтрашний день, а мы растрачиваем ее ради каких-то идеалов в будущем; и мы начинаем бороться за эти идеалы.

В индийском суде был такой случай: туда доставили двух друзей. Все в суде знали, что они были большими друзьями и вдруг они начали драться друг с другом. Прибыла полиция; друзей схватили и доставили в суд. Полицейский спросил их: «Почему вы деретесь?» Один из друзей обратился к другому: «Ты им скажи», - а другой говорит: «Ты им скажи», - и оба смутились.

Тогда судья сказал: «Достаточно. Вы просто должны ответить на следующие вопросы: в чем причина? Почему вы дрались? Почему вы нарушали общественный порядок в деревне? Вы были такими рассерженными и агрессивными, что могли убить друг друга. Вы оба должны ответить, в чем причина».

Они сказали: «Нам очень неловко рассказывать это, но, если вы принуждаете нас, мы расскажем». Один из них сказал: «Я только сказал своему другу - мы оба сидели на берегу реки, на песке, - я сказал своему другу, что собираюсь приобрести быка, а он сказал: “Ничего подобного. Ты не собираешься приобрести быка; я не позволю”».

«Тогда я сказал: “Вот это да. Кто ты такой, чтобы помешать мне? Я покупаю быка на свои собственные деньги; я не прошу тебя одолжить их мне. Кто ты такой, чтобы решать за меня?”»

«Тогда мой друг ответил: “Я сказал тебе, что этого не будет, потому что на краю твоего поля находится моя ферма. Если твой бык зайдет на мою ферму, я предупреждаю тебя, что убью его. Я не хочу иметь неприятности на своей ферме”».

«Я сказал: “Ты убьешь моего быка? Ну, мы это посмотрим”. Мой друг нарисовал пальцем на песке свою ферму и заявил: “Вот моя ферма; а теперь посмотрим. Давай сюда твоего быка”, — и я нарисовал приближающегося быка...»

И в этот момент они начали драться; вот почему они чувствовали себя смущенными, так как не было ни быка, ни поля, а они чуть не убили друг друга.

Вся мировая политика похожа на этот случай. Почему люди воюют во имя религии, во имя политической идеологии: социализма, коммунизма, демократии, фашизма? Это просто слова, просто пальцы, рисующие на песке. Чем являются ваши карты, как не линиями, начертанными пальцами на песке? Когда я говорю, что направляюсь в вашу страну без паспорта, без визы, то сразу же вся армия и национальная гвардия готовы убить меня. Все происходит только на карте; я не могу даже выразить словами: это преступный акт.

Странно: земля не имеет границ, но вы не можете попасть в Россию, вы не можете попасть в Америку. Хотя я нахожусь здесь четыре года, меня здесь нет. Раджнишпурам стоит на этом месте четыре года; здесь живут семь тысяч человек - наслаждаясь, танцуя, делая все, что надо делать и что не надо. Но для правительства этого ничего нет. Вы не существуете!

Ваш город является поистине уникальным во всей истории человечества. Города существовали и не существовали; но незаконный город - никогда раньше не слышал об этом. Это город, но незаконный. То, что вы здесь, не признается, игнорируется, а вы не существуете.

Я нахожусь здесь, и я намереваюсь быть здесь. Нет способа, чтобы отослать меня обратно... ведь я имею свои собственные соглашения. Я вынудил индийское правительство на то, чтобы оно отвергло меня, поэтому куда вы хотите выслать меня? Меня можно депортировать только в Индию. Индию я вынудил ещё раньше; они вообще не собираются принимать меня. Теперь я застрял здесь в Биг Мадди Рэнч (ранчо «Большая Грязь»). Нет способа, нет такого подъемного крана, чтобы подцепить и выкинуть меня отсюда.

Но у этих глупцов есть власть. Они стерли в проекте города округа Уэско даже название «Раджнишпурам». В списке округа Уэско Раджнишпурам не существует. Если семь тысяч человек внезапно исчезнут, правительство Орегона слова не скажет, так как тем самым они признают, что мы находились здесь, - а нас здесь нет!

Во всяком случае это прекрасно. Если нас нет в Орегоне, значит нас нет и в Америке. Это похоже на рождение новой нации. Скоро нам придется создавать свою собственную конституцию и провозглашать свою независимость. Что еще остается делать? Нас достаточно много, чтобы стать нацией. Недавно

Шила показала мне перечень наций, которые признаются Америкой. Ватикан также включен в этот перечень стран, хотя Ватикан имеет площадь всего лишь в восемь квадратных миль. Нас слишком много. По сравнению с Ватиканом мы почти континент. Мы можем это сделать.

Эти линии нарисованы на песке. Налетит ветер и разметет все линии. И ветер нового человека разметет все эти линии.

Новый человек будет просто человеком — ни американцем, ни русским, ни индийцем; ни индусом, ни мусульманином, ни христианином; ни демократом, ни республиканцем, ни либералом, ни независимым. Все эти абсурдные слова не будут существовать для нового человека.

Новый человек будет просто человеком.

И я повторяю снова: я не принимаю ничего более высокого, чем человек.

Я говорю об обычном простом человеке.

Не существует ничего выше этого.

Идея подняться выше этого вытекает из неполноценности. Я хотел бы, чтобы вы были как Ханья: обычная, аполитичная. Но я скажу Ханье, что не надо никуда идти. Это твое место, а ты — именно тот тип личности, которым я хотел бы, чтобы были мои санньясины.

Сверхчеловек — это просто хлам.

Новый человек — это впервые рождение человека, свободного от идеологии, от каких-либо идеалов, — точно такого же, какими Адам и Ева вошли в мир.

Был ли Адам коммунистом, фашистом, социалистом?

Был ли он индусом, мусульманином, христианином?

Обладал ли он превосходством или неполноценностью?

Он был просто тем, кем был — проблемы превосходства или неполноценности не существовало.

Я хочу, чтобы вы опять стали Адамом и Евой, вернулись к своей настоящей природе, обрели свое истинное лицо.

Беседа 17

СВЯЩЕННЫЕ ПИСАНИЯ: БРЕД СОБАЧИЙ

15 января 1985 года

Бхагаван,

В чем разница между сумасшествием и просветлением?

Эти понятия очень отличаются друг от друга, но они также имеют огромное сходство. Вначале необходимо понять, в чем заключается сходство, так как без понимания этого будет трудно понять разницу между ними.

Оба эти понятия, сумасшествие и просветление, существуют вне ума.

Сумасшествие - ниже разума.

Просветление - выше разума.

Но оба понятия — это состояния вне ума.

Поэтому существует выражение для определения сумасшедшего - «безумный». Это же выражение может быть использовано и для определения просветленного человека; он также безумный.

Ум функционирует логически, рационально, интеллектуально. Эти понятия схожи: сумасшествие - ниже здравого рассудка, а просветление - выше здравого рассудка, но оба понятия иррациональны; отсюда иногда на Востоке сумасшедшего принимают за просветленного человека. В них есть сходство.

А на Западе иногда - это не каждодневное явление -просветленного человека воспринимают как сумасшедшего, поскольку на Западе понимают только одно: если вы находитесь вне ума, значит вы - сумасшедший. Нет категории «выше ума»; есть только одна категория - «ниже ума».

На Востоке это недоразумение происходит из-за того, что веками на Востоке были известны люди, которые были вне ума и в то же время относились к категории «выше ума»; то есть они подобны сумасшедшим. Для восточных народов это создает путаницу, это создает проблему. Они пришли к выводу, что лучше принимать сумасшедшего человека за просветленного, чем принимать просветленного человека за сумасшедшего, так как, что вы теряете, когда принимаете сумасшедшего человека за просветленного? Вы ничего не теряете. Но, принимая просветленного человека за сумасшедшего, вы, несомненно, теряете огромную возможность. Само это недоразумение возможно из-за сходства понятий.

Мне приходилось встречаться с несколькими сумасшедшими, которых воспринимали как просветленных. В тридцати или тридцати пяти милях от Джабалпура жил один человек. Никто не знал его имени - он был очень стар. Он обычно держал в руке колокольчик - никто не знал, для чего, - иногда он звонил в него, иногда не звонил. Благодаря этому колокольчику его прозвали Тунтунпал Баба: колокольчик издавал звук тун-тун, и никто не знал настоящее имя этого человека.

Он никогда не говорил внятно; он издавал звуки, а не слова. Он все время сидел на одном и том же месте и никогда его не покидал. В своей деревне он был известен шестьдесят лет. Там жили старики, которые помнили, что этот человек появился, когда они были молодыми, и с тех пор он все время сидел на койке, стоящей на крыльце дома помещика, самого богатого человека в деревне. Он не слезал с этой койки, и на протяжении шестидесяти лет люди слышали только звон его колокольчика.

В разное время я часто приходил, чтобы посмотреть на него и понять его. Обычно он постоянно пил чай; это было его почти единственной пищей. Он выпивал половину чашки, а вторую половину предлагал тем, кто приходил посмотреть на него. Это считалось прасадом, даром, и люди восхищались этим даром, так как он был очень редким. Каждый день его видели сотни

людей; но только некоторым из них он предлагал чашку чая. Но всегда он первым отпивал из чашки, а остатки предлагал другому. Но люди считали его просветленным, и поэтому было благословенным все, что он попробовал.

Чем больше я наблюдал за этим человеком, тем больше убеждался, что он просто сумасшедший; но не абсолютный сумасшедший, так как в его безумии была определенная логика. Он звонил в колокольчик не бесцельно; это делалось для привлечения внимания людей. Постепенно люди начали понимать, что ему что-то нужно, возможно, чашка чая, — он нуждался в ней больше всего, — поэтому они сразу же приносили чай.

Те, кто обслуживал его годами, даже начали понимать язык его колокольчика: в зависимости от того, сколько раз он звонил, они понимали, что ему надо принести чай, или он хочет, чтобы его покинули, или что он разрешает посмотреть на себя, или что он хочет идти спать. Это был настоящий язык, зашифрованный язык, который был известен ученикам, живущим вместе с ним.

Таким образом, этот человек не был полностью сумасшедшим, хотя, несомненно, он был немного ненормальным. Поскольку я наблюдал за ним, то обнаружил, что он был также наполовину парализован, так как он прихлебывал чай всегда одной стороной рта; другая сторона рта всегда оставалась неподвижной. Однажды, когда он был один, я взял его колокольчик и переложил в его другую руку. Колокольчик выпал из его руки, потому что она была парализована. Теперь стало ясно, почему он не слезал с кровати; это не имело никакого отношения к аскетизму.

Люди думали, что это был какой-то аскетизм; возможно, он дал клятву, что останется сидеть в одной и той же позе много лет или всю жизнь. Но все объяснялось очень просто: он был парализован. Кроме того, стало совершенно ясно, почему он не мог издавать различные звуки: половина его рта была парализована. Одной половиной рта можно производить звуки, но произносить слова очень трудно, почти невозможно. Можно, конечно, попробовать, но никто ничего не услышит, кроме невнятной тарабарщины.

Люди думали, что тарабарщина — это один из методов, используемых просветленными людьми. Вы удивитесь, узнав, что это английское слово, тарабарщина (gibberish), вовсе не английское, а арабское; оно пришло от просветленного человека, Джабара. Джабар был несомненно просветленным человеком, но он говорил так быстро, что все произносимые им слова перемешивались. Понять его было невозможно, так как в своей речи он не делал ни смысловых пауз, ни ударений, не отделял одно предложение от другого. Джабар считал, что все это не нужно.

Именно благодаря Джабару люди стали называть его язык тарабарщиной. Никто даже не думал, что английское слово «тарабарщина» происходит от суфийского слова и пришло от просветленного человека. На Востоке думали, что тарабарщина — это признак просветленных людей. Они говорят вам: словами ничего нельзя выразить. Вы должны понимать без слов.

Но сумасшедшие люди ведут себя точно так же. А этот человек, Тунтунпал Баба, был просто парализованный и умственно отсталый; это можно было видеть по его лицу. Поскольку я все чаще и чаще приходил к нему, то постепенно мы сблизились, и между нами возникли даже какие-то отношения. Я стал пользоваться его колокольчиком и научился издавать несколько кодированных сигналов.

Я пытался написать, задать ему вопрос: «Как тебя зовут?» - и при этом звонил два раза в колокольчик. Я знал, что он умеет читать, потому что, когда он смотрел на грифельную доску, на которой мною было написано «Как тебя зовут?», глаза его начинали блестеть; это говорило о том, что он умеет читать. Я просигналил три раза и написал на грифельной доске: «Я понимаю, что ты умеешь читать». Он взглянул на доску и улыбнулся одной половиной лица. Я вложил в его руку авторучку и позвонил два раза в колокольчик, и он написал свое имя - Тунтунпал Баба.

Я сказал: «Все неправильно - ты меня не обманешь, что ты просветленный человек. Ты обманывал тысячи человек в течение шестидесяти лет, но это нехорошо; этим ты ничего не добился. Бедные деревенские люди жили с верой, что они находятся под покровительством и благословением просветленного человека. Это преступно. Но, с другой стороны, тебя можно было бы вылечить, так как это не так уж и трудно; паралич вылечивается».

По блеску его глаз я видел, что он понял, какую совершил ошибку. Если паралич вылечивается... Возможно, именно из-за паралича половина его мозга оцепенела, что привело к безумию. Он написал на грифельной доске: «Есть возможность быть вылеченным?»

Я ответил: «Может быть, сейчас уже поздно. Ты парализован в течение шестидесяти лет, твой мозг находится в оцепеневшем состоянии в течение шестидесяти лет; я не думаю, что после паралича, который длится шестьдесят лет, клетки мозга могут быть оживлены и могут снова начать функционировать. И какой теперь смысл? Тебе должно быть девяносто - девяносто пять лет или даже сто: какой теперь Будет лучше, если ты останешься просветленным, — по крайней мере, люди будут счастливы. Ведь ты же не ощущаешь себя неполноценным от того, что не можешь говорить, что половина твоего мозга не функционирует».

Итак, я сказал ему: «Я не собираюсь никому ничего говорить. Я буду хранить твою тайну. Ты останешься просветленным; это хорошо и для тебя и для людей. Людям всегда кто-то нужен: они постоянно ищут, чтобы их кто-нибудь направлял. По крайней мере, внушить ты им ничего не можешь, ты не можешь засорить их умы. Во всяком случае, ты безвреден. Ты ничего не сделал. Все, что ты имел, ты просто дарил другим».

«А кроме чая у тебя ничего не было», - чай был его единственной пищей. - «Ты в хорошем расположении духа. Собираются тысячи людей, а в праздничные дни деревня превращается в большой город. Люди получают удовольствие, ты получаешь удовольствие - я не собираюсь нарушать эту игру. Я просто хочу выяснить, возможно ли что-то непросветленное принимать за просветленное. Ты доказал это. И я благодарен тебе за твою искренность ко мне; ты ничего не скрывал».

В одном его глазу появилась слеза — другой глаз был парализован - слеза благодарности. Я продолжал иногда приходить к нему; он жил не далеко. Как только у меня появлялось свободное время, я сразу же шел к нему; и он любил меня. Возможно, я был единственный человек, который сидел на его кровати. Одной рукой он притягивал меня к себе и усаживал на кровать рядом с собой.

Люди прикасались также и к моим ногам, и мне приходилось говорить: «Один раз вы уже ошиблись; теперь вы опять ошибаетесь. По крайней мере, не делайте больше эту ошибку». Но они никогда не понимали меня, когда я говорил: «Вы уже ошибались. По крайней мере, не делайте больше ту же ошибку».

У сумасшедшего иногда бывают проблески, которые не случаются у разумного человека, ведь механизм ума покинул сумасшедшего; не тем путем, конечно, через заднюю дверь, но он все же остается вне ума. Даже через заднюю дверь у него могут появиться проблески, которые не возникают у людей, которые никогда не выходят из своего дома. Конечно, ему не так повезло, как, если бы ум покинул его через переднюю дверь: для этого нужны огромные усилия.

Сумасшествие — это болезнь. Это случается само собой - чтобы стать сумасшедшим, вам не надо делать никаких усилий. Это болезнь, и ее можно лечить. Просветление достигается благодаря огромной осознанности и неослабным усилиям.

Просветление - это высшее здоровье.

Вы должны правильно понимать слово «здоровье». Оно имеет не только физиологическое значение. Естественно, физиологическое значение этого слова стоит на первом месте, но не только физиологическое; это слово имеет гораздо более высокое значение. Здоровье означает оздоровление, излечение ран. Если в лечении нуждается ваша физиология, вам предлагают медицину. Если в лечении нуждается ваша духовность, вам предлагают медитацию. Странно, что слово «здоровье» (health) имеет те же корни, что и слово «целостность» (wholeness).

Здоровье означает, что тело целостное, ничего не упущено. А от слова «целостность» происходит слово «святой» (holy): дух целостный, ничего не упущено. Аналогично, слово «медицина» и слово «медитация» имеют одинаковый корень - то, что лечит. Медицина лечит раны вашей физиологии, а медитация лечит раны вашего духовного существования, вашей высшей сути.

Сумасшедший в руках просветленных людей может достичь просветления быстрее, чем так называемые душевно здоровые люди. На Востоке долго существовала традиция... в этом веке ее возродил один человек по имени Мехер Баба. Он ездил по всей Индии, разыскивал сумасшедших и исследовал их. Как только он узнавал, что где-то есть сумасшедший, он сразу же ехал туда. Он посетил все сумасшедшие дома. Всю свою жизнь он ездил по Индии в поисках сумасшедших.

Его ученики спросили его: «Почему вы тратите свое время на сумасшедших, когда вокруг так много душевно здоровых людей, с которыми можно работать?»

Мехер Баба ответил: «Вы не понимаете. Очень трудно душевно здорового человека извлечь из его разумности. А извлечь сумасшедшего очень легко, так как он уже вне себя, правда покинул он себя через заднюю дверь. Он уже попробовал что-то вне себя; мы должны только указать ему нужную дверь и сказать: “Пожалуйста, не выходите через неправильную дверь, выходите через правильную дверь. Быть вне себя — это очень хорошо, но выбирайте правильную дверь”. И

Мехер Баба многих сумасшедших превратил в просветленных людей.

Станный мир. В этом мире настоящие великие дела никогда не вознаграждаются. Никого не интересовал Мехер Баба. Мать Тереза получит Нобелевскую премию, так как она присматривает за детьми-сиротами, но никому даже мысль не пришла дать Нобелевскую премию Мехеру Бабе, который проделал поистине чудотворную работу — на протяжении многих веков он был единственным в своем роде человеком.

Суфии называют сумасшедшего маета; «маета» означает «отравленный». Сумасшедший и просветленный человек должны пройти через определенную стадию, то есть выйти из здравого рассудка, из ума. Они должны пересечь одну и ту же границу: через неправильную дверь или через правильную, они оба пересекают одну и ту же границу, и в то время, когда они пересекают эту границу, они оба становятся мастами - отравленными.

Но просветленный человек вскоре восстанавливает свое равновесие, поскольку он сделал усилие, чтобы выйти из своего ума; он подготовлен к этому выходу, он готов выйти из состояния ума. Сумасшедший вышел из состояния разумности неподготовленным. Он не был готов. Он просто выпал из этого состояния - это несчастный случай. Просветление никогда не является несчастным случаем.

Но как сумасшедший, так и просветленный человек проходят через определенное состояние, которое называется маета, они отравлены и ведут себя одинаково; следовательно, абсолютно необходим Учитель. Когда кто-то попадает в состояние маета, только Учитель может вывести его из этого отравленного состояния, так как само это состояние отравления - безмерно прекрасно.

Вы, должно быть, видели, что сумасшедшие люди очень счастливые. Вы не найдете несчастного сумасшедшего. Такого вообще не бывает; сумасшедший и страдания, вместе они не существуют. Сумасшедший всегда получает удовольствие. Возможно, ему не от чего получать удовольствие, но он его получает. Не имеет значения, есть ли у него что-нибудь или нет, от чего он получает удовольствие, но он всегда счастлив. Для того, чтобы быть несчастным, надо иметь причину, надо думать, волноваться. А он не способен ни волноваться, ни думать. Его не беспокоит завтрашний день; у него нет завтрашнего дня и нет воспоминаний о вчерашнем дне. Сумасшедший тоже существует здесь и сейчас - вот в чем схожесть. Но он не осознает, что живет здесь и сейчас — вот в чем разница.

Просветленный человек тоже всегда находится в блаженном состоянии. Я специально использую другое слово, чтобы вы не смущались. Сумасшедший всегда счастлив. Но существует возможность, что его вылечат; тогда он станет несчастным, тогда он начнет беспокоиться. Он будет беспокоиться в большей степени, чем вы, так как он поймет, что был сумасшедшим: теперь это сумасшествие будет беспокоить его. Когда он был сумасшедшим, его вообще ничего не волновало и не беспокоило. Теперь же он будет обеспокоен тем, что был сумасшедшим, и он будет беспокоиться, что это может произойти еще раз, поскольку это уже случилось раньше.

Я имел друга, который был врачом. Его отец был очень скупым человеком, богатым, но очень скупым, и он был очень привязан к своей семье. Он был политиком; звали его Шри Натх Батт. Он был гуджарати и владел прекрасным ювелирным магазином. Он являлся президентом местного отделения Национального Конгресса Индии, партии, которая сражалась за свободу Индии против британского владычества. Его сын по имени Шиам и я были друзьями с самого детства. Я ненавижу отца Шиама больше, чем сам Шиам, так как он был очень скупой. Естественно, что его сын ничего с этим не мог поделать, но я сказал: «Не беспокойся; я кое-что сделаю», - и я сделал.

Во времена британского владычества каждодневным явлением были демонстрации против правительства, забастовки против правительства, а Шри Натх Батт был лидером. Существовало два лозунга. Один из них был: Бхаратмата Зиндабас - «Да здравствует мать-Индия». Зиндабад

означает «да здравствует». Второй: Британское владычество мурдабад означает «Как можно скорее умирай, британское владычество».

Вот, что я сделал... я начал выкрикивать лозунг: «Британское владычество», - а люди добавляли «мурдабад»- «умирай скорее». Три или четыре раза я кричал: «Британское владычество», - а на пятый раз я крикнул: «Шри Натх Батт». Но, поскольку, люди уже привыкли повторять «мурдабад», то и на этот раз они крикнули «мурдабад».

Шри Натх Батт вызвал меня к себе домой и сказал: «Ты хитрый: ты всегда произносил мое имя после “Британское владычество”, но никогда не произносил его после “Бхаратма-та”. Если бы ты произнес мое имя после “Бхаратмата”, они бы закричали “Зиндабад” - “да здравствует”. Но ты -проказник».

Я сказал: «Нет, я сделал это неосознанно».

Он сказал: «В следующий раз...»

Я сказал: «Вы должны обещать мне следующее: вы должны перестать скупиться по отношению к моему другу, и к вашему сыну, Шиаму. Если вы пообещаете мне это, тогда ваше имя будет звучать после “Бхаратмата”, я обещаю вам это со своей стороны; в противном случае ваше имя всегда будет звучать в середине “Британское владычество”. Пять раз подряд будет звучать “Британское владычество”, а затем ваше имя; потом опять пять раз “Британское владычество”, поэтому люди запутаются». А я был всегда с микрофоном.

Он сказал: «Хорошо, это настоящий договор: я больше не буду скупым». Но он остался скупым — перестать быть скупым для него было очень трудно. Шиам стал врачом, а я стал профессором. Когда Шиам стал врачом, отец не разрешил ему заниматься лечением больных. Шиам очень хотел лечить больных; он хотел куда-нибудь уехать подальше от отца и его семьи, но отец не разрешал ему.

Шри Натх Ватт открыл для Шиама магазин недалеко от своего магазина, чтобы он всегда оставался под его присмотром. В этом магазине он разместил охранника - своего человека и сиделку. Они должны были следить, чтобы деньги не уходили на сторону, и каждый вечер все деньги, заработанные доктором Шиамом, поступали к Шри Натх Ватту.

Шиам женился, и однажды его жена прислала телеграмму, в которой она писала, что очень больна и что было бы очень хорошо, если бы Шиам приехал к ней, поскольку он знает ее организм лучше, чем другие врачи, хотя они делали все от них зависящее.

Она находилась у своего отца и была беременна. В Индии существует традиция, что первый ребенок должен родиться в доме родителей жены, поскольку ее мать, естественно, будет больше проявлять заботу, чем свекровь. Свекровь есть свекровь. Для жены она не настоящая мать. Итак, это традиция, по крайней мере, при рождении первого ребенка. Со вторым ребенком женщина станет уже опытнее, но с первым ребенком... она совершенно ничего не знает о всех этих болях и неприятностях.

Итак, доктор Шиам сказал своему отцу: «Пришла телеграмма: моя жена плохо себя чувствует». А Нагпур находится недалеко от моей деревни. В те дни билет в один конец стоил две рупии, а

на дорогу уходило десять часов. Таким образом, две рупии на дорогу туда, две рупии на дорогу обратно, итого: четыре рупии; и поскольку его жена была серьезно больна, ему пришлось бы потратить еще какую-то сумму. Ему необходимо было иметь около пятидесяти рупий - от такой суммы у Шри Натх Батта мог случиться сердечный приступ.

Шри Натх Батт просто сказал: «В Нагпуре есть врачи получше тебя, - в те дни Нагпур был столицей центральной Индии. - И, кроме того, там есть медицинский колледж с любым медицинским оборудованием. Поэтому, что тебе там делать? В Нагпуре ты был студентом; все твои профессора там: пошли телеграмму любому из своих знаменитых профессоров, какому-нибудь гинекологу, и он позаботится о ней».

«Нет необходимости ехать, а без необходимости я не собираюсь тратить деньги. Пятьдесят рупий! А кто знает, может быть тебе придется потратить больше. А сколько дней ты там будешь? Пятьдесят или шестьдесят рупий, которые ты зарабатываешь здесь каждый день, тоже надо учитывать. Если ты пробудешь там целую неделю, у нас будет большой убыток, и все это без особой причины. Все очень просто: я пошлю телеграмму. Дай мне имя твоего профессора из медицинского колледжа».

Но Шиам был очень привязан к жене - и он исчез из дома. Он рискнул поехать без билета, поэтому он очень нервничал. Впервые в своей жизни он ехал без билета, а он был доктором, прекрасно образованной личностью. Если его поймут без билета, то будет действительно стыдно. Он очень беспокоился за свою жену, за своего отца. Что произойдет на следующее утро, когда отец обнаружит, что Шиам исчез? Он беспокоился по поводу билета...

Он стоял у самой двери, так как поезда в Индии очень переполнены. А в те дни они были особенно переполнены; сейчас поездов стало больше. Итак, он просто стоял в большом волнении около двери, держась за ручку, и все время думал о том, сможет ли он увидеть свою жену или нет, - ведь она была не такой женщиной, которая, зная характер его отца, позвала бы его приехать, если бы это не было абсолютно необходимо.

Кто-то из толпы толкнул его, и Шиам, который находился в большом напряжении и волнении, выпал из поезда. Физически он не пострадал, но психологически пострадал. Это именно тот случай, когда я говорю: «Потерял ум». Неожиданно он пересек границу ума. При таком огромном волнении, напряжении, страхе, нервозности, его ум был как бы в циклоне. А затем это падение из быстро мчащегося поезда... Он просто выскользнул из своего ума.

Его доставили домой. Люди узнали, что он врач, а я случайно оказался в деревне. Я услышал о случившемся и поспешил к нему: он даже не смог узнать меня, и, кроме того, он забыл язык. Особого вреда его телу причинено не было — небольшие синяки, поэтому большого беспокойства это не вызывало, но выглядел он отрешенным и опустошенным. Так обычно выглядит просветленный человек. И в его глазах была пустота и отрешенность. Все это пугало.

Шиам находился в большом шоке, не понимая, что с ним произошло, - но улыбался и не выглядел обеспокоенным. Я годами не видел его улыбающимся, и все это из-за его отца; в их доме никто не улыбался. Там было пять сыновей, пять снох и много внуков, но Шри Натх Батт был подобен Тамерлану, поэтому об улыбках не могло быть и речи, ведь даже улыбка расценивалась как пустая трата времени. Все надо беречь!

Это напоминает пронизательность Зигмунда Фрейда, который говорил, что люди, страдающие от запора, являются скупыми. Они все берегут, не допускают, чтобы что-нибудь пропало. Естественно, как же Шри Натх Батт мог позволить кому-нибудь улыбаться? Но теперь он ничего не мог поделать: разум покинул Шиама. Он смеялся, он улыбался - я никогда не видел его таким счастливым.

Он остался сумасшедшим, и первые три года он действительно наслаждался этим, так как пациенты его больше не посещали. Кто же пойдет к сумасшедшему? Каждый день он сидел в своей амбулатории со своим стетоскопом и инструментами, готовый к приему посетителей, но никто, кроме меня, не приходил к нему. Он не узнавал меня, но мне доставляло удовольствие быть рядом с ним, просто смеяться и получать удовольствие. И он пытался практиковаться на мне.

Я говорил ему: «Хорошо, практикуйся, ведь больше никого нет; только без инъекций, так как, если твой отец узнает, что ты бесплатно делаешь инъекции, у меня будут большие неприятности. Можешь осматривать меня и, вообще, делай, что хочешь, — я могу лечь здесь». Я ложился, и он снимал кардиограмму и все такое прочее, но меня не узнавал. Я обращался к нему: «Шиам...», а он прислушивался, как будто я обращался к кому-то другому; он забыл и свое собственное имя. Эти три года были действительно очень счастливыми.

Его жена была ужасно расстроена, но я сказал ей: «Вы должны понять одну вещь: при живом Шри Натх Ватте счастья здесь не будет. Случайно, по Божьей милости, разум покинул этого человека. Не печальтесь. Разве вы не видите? Да, он сумасшедший, ну и что из того? Он счастлив. Он был в своем уме, но был несчастлив и жалок. Теперь он идет на рынок и покупает самую лучшую одежду, потому что он не должен платить - платить должен Шри Натх Батт!»

Его отец говорил мне: «Ты испортил его. Прежде всего, он сумасшедший, а ты берешь его с собой на рынок, а потом ко мне приходят люди со счетами, и я обязан платить. Пожалуйста, оставь его в покое».

Я ответил: «Это невозможно. Все покинули его; я единственный остался. И я очень рад, что он сошел с ума, потому что в этом доме вы все сумасшедшие за исключением его; вы все страдаете. Он счастлив. Так разве плохо быть сумасшедшим? И если бы он случайно не сошел с ума, я попытался бы что-нибудь предпринять, но он должен был сойти с ума. А теперь, когда он ускользнул от вас, позвольте ему наслаждаться жизнью! Но запомните, если разум снова вернется к нему, я помогу ему опять ускользнуть от вас, - конечно, через правильную дверь».

Но Шри Натх Батт был поистине опасным скупцом. Он боялся, что я могу что-нибудь предпринять и своими ассоциациями я буду поощрять Шиама оставаться сумасшедшим, поскольку я часто брал его с собой в отели, в рестораны и говорил ему: «Наслаждайся самим собой. Не беспокойся о деньгах — все, что ты захочешь, — твое».

Он удивлялся: «Это действительно так?»

Я говорил: «Просто наслаждайся!»

Но он не мог наслаждаться жизнью в одиночку; он говорил какому-нибудь незнакомцу: «Пошли со мной». Весь город был счастлив, были счастливы владельцы магазинов, и только Шри Натх

Батт был в ярости. Через три года он насильно поместил Швама в дом для умалишенных, чтобы я не смог... и он поставил перед администрацией сумасшедшего дома условие, чтобы меня не пускали туда. Он вручил представителям администрации мою фотографию, сообщил им мое имя и сказал: «Нельзя, чтобы этот человек встречался с моим сыном. Всем остальным можно, но эту фотографию запомните».

Когда я пришел повидаться с Шиамом, служащий показал мне фотографию и сказал о заявлении отца Шиама: «Я сожалею, но я ничем не могу помочь, так как его отец не хочет, чтобы вы виделись с Шиамом. Он вручил нам письменное заявление и вашу фотографию, чтобы мы смогли узнать вас и не впускали, а то вы можете проникнуть под чужой фамилией».

Я рассказал ему всю историю. Я сказал: «Вначале выслушайте всю историю и если вы настоящий человек, то выбросите это заявление и эту фотографию. Как он сможет доказать, что вручил вам письменное заявление? А причина того, что он не хочет, чтобы я виделся с его сыном, заключается в следующем: он предпочел бы, чтобы его сын оставался сумасшедшим и не стал разумным человеком, иначе он начнет внимать мне и слушаться меня». Я рассказал ему всю историю.

Этот человек не мог поверить, что отец Шиама мог быть таким жестоким. Он ничего не ответил; он просто разорвал фотографию и заявление и выбросил их в корзину для бумаг, а затем сказал мне: «Заходите - вы всегда желанный гость». Итак, я увидел Шиама: он был счастлив там, в этом сумасшедшем доме, где находилось около трехсот сумасшедших. Он был в лохмотьях, грязный, возможно, он не принимал ванну несколько дней, от него дурно пахло, но он был безмерно счастлив. Но узнать меня он не мог.

Вскоре я уехал из Джабалпура. Шиам все еще находится в сумасшедшем доме, и, возможно, он проведет там всю свою жизнь, но он находится в лучшем положении, чем любой здравомыслящий человек. Я видел всех тех трехсот сумасшедших - несколько раз я приходил повидать Шиама, - все они были счастливы. Единственное, что можно сказать с уверенностью: сумасшедший никогда не страдает. А почему он должен страдать? У него нет проблем.

Дело вот в чем: даже если вы сошли с ума, вы счастливы. Именно разум заставляет вас мучиться, страдать, ревновать, ненавидеть, сердиться, ожесточаться, жадничать; эти чувства все время будут причинять вам боль. И вы начинаете причинять боль другим. Потеря ума - это потеря всего человеческого, а это единственное, что отличает человека от животного... Сумасшедший как бы возвращается в мир животных. Он перестает развиваться. Он повернул назад; он повернулся спиной к Чарльзу Дарвину. Он сказал: «Прощай. Прощай, эволюция!» Он просто очутился на уровне недочеловека.

Животные не являются счастливыми, но они и не страдают. Вы видели страдающее животное? Да, вы не увидите их счастливыми - они не могут быть счастливыми, поскольку они не знают, что такое страдание. Но когда человек сходит с уровня человеческого состояния, он знает, что такое страдание. Поэтому такой человек не является точным подобием животного, каким он был прежде, чем стать человеком. Он - совершенно другой тип животного; счастливое животное. Не существует счастливого быка, счастливого осла, счастливой обезьяны, счастливого янки. Животные не бывают счастливыми, потому что они не знают, что такое страдание. Но сумасшедший же счастлив беспричинно.

Это является полным доказательством того, чему я учил вас: если вы можете потерять ум, — но не случайно, не в результате шока, — то будете находиться в блаженном состоянии.

Это возможно, более, чем возможно; к сожалению, случается, что в коммунистических странах людей поражают электрическим шоком, чтобы довести их страдания до недочеловеческого уровня; тогда они будут счастливы. И этот шок будет произведен на определенном научном уровне, так, чтобы люди окончательно не сошли с ума. Они станут функционально разумными, как компьютер, — но лишь функционально разумными, подобно механизму, у которого нет души. Они не могут бунтовать. Они будут очень счастливы, а если они счастливы, то зачем бунтовать? Не будет и вопроса о революции; люди будут существовать как роботы.

В России и в Китае проводится много экспериментов, чтобы человек оставался достаточно разумным, чтобы он мог функционировать в обществе, в своем учреждении, и вместе с тем, чтобы он был свободен от волнений, от напряжения, от всех проблем: он счастлив. Это будет величайшим преступлением против человечества; но есть ученые, которые работают над этой проблемой. Даже в Америке знаменитый психолог Дельгадо занимается этой же проблемой, но другим путем; и он преуспел в этом, он абсолютно успешно продемонстрировал свои эксперименты.

Он подсоединяет к вашей голове электроды... Одно из самых странных явлений, относящихся к человеческому черепу, заключается в том, что внутри черепа отсутствует чувствительность. Даже если во внутрь черепа поместить камень, а затем череп закрыть, то вы не почувствуете этот камень, потому что там нет чувствительности. Внутренность черепа совершенно нечувствительна по определенной причине: она содержит самый ценный инструмент вашего организма. И мозг — это такой сложный механизм, имеющий десять миллиардов работающих клеток, что если бы ваш череп обладал чувствительностью, то вы не смогли бы жить, так как в вашей голове стоял бы невообразимый шум. И если бы что-то вышло из строя, — отмерли бы некоторые клетки, часть мозга перестала бы функционировать, — вы осознали бы это и сошли с ума.

Это настолько сложный механизм, что многое может пойти не так. Даже если все в порядке, половина вашего мозга уже никак не функционирует. Пятьдесят процентов вашего мозга абсолютно парализованы. Возможно, это та часть мозга, которая начала функционировать, когда вы стали просветленным. Просветленный человек может использовать свой ум более эффективно, чем способен это делать величайший интеллект, по той простой причине, что он находится вне своего ума и имеет всеохватывающий кругозор; и возможно, что половина мозга, которая не функционирует у обычных человеческих существ, начинает функционировать, когда ваша осознанность выходит за рамки обычного разума и вы как бы переступаете границы рационального. Эта другая часть функционирует только тогда, когда вы совершаете трансценденцию.

Это переживание всех, кто стал просветленным. И когда я говорю об этом, я опираюсь на собственный опыт. Я не поверил бы, если бы об этом говорил Будда: возможно, он лгал, возможно, он был введен в заблуждение; возможно, он не лгал, но был не прав. Возможно, у него не было бы намерения лгать; но он мог запутаться, он мог ошибаться. Я знаю это из своего собственного переживания, поскольку это такое потрясающее изменение, что невозможно не заметить его. Это почти похоже на то состояние, когда половина вашего тела была парализована, а затем однажды вы вдруг чувствуете, что вы больше не парализованы; все ваше

тело функционирует. Разве можно этого не заметить? Если человек, который был парализован, внезапно обнаруживает, что он больше не парализован, разве он может не заметить этого? Это невозможно не заметить.

Я прекрасно осознаю тот момент в моей жизни, который предшествовал просветлению, и момент после просветления. С абсолютной уверенностью я осознавал, как что-то в моем уме, - о чем я даже и не подозревал, - шевельнулось и начало функционировать. С тех пор для меня не существует проблем. С тех пор я существую без проблем, без волнений, без какого-либо напряжения.

Все эти свойства исходят из другой половины ума, которая не функционирует. А когда функционирует весь ум и вы находитесь вне его, вы становитесь хозяином. Ум - это лучший слуга, которого можно отыскать, и самый худший хозяин, которого можно отыскать. Но обычно ум - все-таки хозяин, -и то, только лишь его половина. Хозяин... и наполовину парализованный! Когда вы становитесь хозяином, то ум становится слугой, полностью жизнеспособным, полностью восстановленным.

Дельгадо подсоединял к голове маленькие электроды, очень маленькие электроды. В мозгу находятся семьсот центров — именно такое количество обнаружило иглоукалывание пять тысяч лет назад в Китае. Иглоукалывание обнаружило семьсот центров на теле человека; эти семьсот центров на теле связаны с семьюстами центрами мозга. Все это выглядит странно, - лечение пациента с помощью иглоукалывания -очень странный метод.

У вас болит голова, а вам втыкают иголки в колено. Вы спросите: «Что вы делаете? У меня болит голова, а вы беспокоитесь о моем колене». Вам ответят: «Не вмешивайтесь. Мы знаем, что делаем».

Через пять тысяч лет обнаружили, что определенный нервный центр тела связан с соответствующим центром головы. А самое странное то, что после втыкания иглолок в колено или бедро, головная боль исчезает. Там есть электрический ток, - сейчас его называют по-научному: биоэлектричество, — незначительное количество тока, но все же это электричество. И иногда самые незначительные вещи творят чудеса.

В вашем теле существует такое количество электричества, что если вы возьмете в руку пятиваттную лампочку, то она может загореться. Обычно это не происходит, иначе вы поражали бы людей своим электричеством. Но однажды случилось так, что одна женщина, очень странная по своей природе, стала поражать людей электричеством. Вначале был поражен ее муж; громко крича, он убежал из дома. Затем решили попробовать соседи, но лишь пожатия руки этой женщины было достаточно. Пригласили врачей, и было обнаружено, что каким-то образом электрический ток, бегущий в теле по кругу, внезапно исчез; возможно, ее внутренний механизм вышел из строя.

Но эксперимент все-таки провели: в руку женщины вложили пятиваттную лампочку, и она загорелась. В настоящее время этот факт доказан научно: незначительные электрические токи постоянно движутся в теле подобно крови. Центры тела соединены между собой. Реальные вещи происходят всегда внутри черепа, а потом они сразу же достигают различных точек тела.

Во время второй мировой войны одному человеку отрезали ногу - она была настолько

повреждена, что другого выхода не было, и во время операции у него была такая ужасная боль, что он пришел в сознание, но затем сразу же опять потерял сознание; боль была невыносима. Находиться в сознании при такой боли невозможно; он мог выдержать такую боль только в бессознательном состоянии. Ему даже не надо было давать наркоз, эта ужасная боль сама привела его в бессознательное состояние. Итак, ему отрезали ногу. Но произошла странная вещь: когда он пришел в сознание, он все еще жаловался на боль в ноге. Человек был накрыт одеялом, поэтому он не знал, что ноги у него уже не было. Врачи сказали ему: «Этого не может быть».

Он сказал: «Мне очень больно, а вы говорите “не может быть”». В основном боль сконцентрировалась в пальце ноги, и он сказал: «У меня очень болит палец ноги».

Тогда врач сказал: «Посмотри», - и откинул одеяло: не было ни ноги, ни пальца. Врачи принесли его ногу из лаборатории и сказали: «Вот твой палец, а вот твоя нога. Как же у тебя может болеть этот палец? У тебя просто галлюцинации».

Этот человек сказал: «Я вижу, что вы отрезали мою ногу. Я вижу эту ногу, и это именно моя нога - я знаю ее, я осознаю это и я узнаю ее, и все-таки палец у меня болит. И болит он именно здесь».

Это был первый случай, указывающий на то, что палец ноги имеет связь с каким-то мозговым центром. Этот мозговой центр продолжал вибрировать так же, как если бы нога не была ампутирована. Нога была ампутирована, но центр, соединенный с ногой, все еще вибрировал. Этот случай положил начало большому исследованию, цель которого: как добраться до центров головного мозга, - ведь возможно, что ногу можно было спасти, если врачи смогли бы остановить вибрацию определенного центра головного мозга. Тогда, даже если бы палец ноги был поврежден, этот человек не чувствовал бы никакой боли, так как все связано с мозгом.

Это исследование завершил Дельгадо: ему удалось найти в мозгу все семьсот центров. Итак, он подсоединяет электрод к определенному центру мозга, - например, к центру счастья, - и сам осуществляет дистанционное управление. Он подсоединяет туда электрод, и если он захочет, чтобы вы были счастливы, он просто нажмет кнопку дистанционного управления, - никакие провода к вам не подсоединены, поэтому вы ничего не видите, - вы просто начинаете смеяться, веселиться, хихикать, как будто вас щекочут. Но вы никого не видите — что же происходит? Этот человек может находиться за много миль от вас и управлять вами.

Впервые Дельгадо продемонстрировал свой эксперимент на быке в Испании. Он подсоединил электрод к голове быка, и бык побежал в поле. Испанцы - странные люди. Они получают удовольствие от боя быков так же, как американцы от футбола. Странные люди! Мне просто интересно... Несколько идиотов бегают с мячом, несколько других идиотов отбирают этот мяч, а миллионы идиотов от радости вскакивают и дерутся! Похоже, что Чарльз Дарвин не прав: человек не развивался, он все еще является обезьяной. А человек, сражающийся с быком и подвергающий себя смертельной опасности...

Дельгадо доказал, что можно управлять быком на расстоянии; с этим проблемы нет. Ему предоставили самого мощного быка, и он установил внутри него электрод. Дельгадо помахал красным флагом, и бык бросился на него как Дж.Кришнамурти, который увидел апельсин. Джидду Кришнамурти - это его полное имя; Джидду Кришнамурти. «Дж. Кришнамурти»

уберегает его от некоторых неприятностей, потому что Джиду означает упрямый; он упрямый.

Итак, бык бросился на Дельгадо, который стоял на месте и размахивал красным флагом. Когда бык находился на расстоянии одного фута от Дельгадо и уже был готов вонзить в него свои рога, Дельгадо нажал кнопку устройства дистанционного управления, которое находилось у него в кармане, и бык остановился так внезапно, что миллионы людей, наблюдавшие это, не могли поверить: что случилось с быком? Он остановился, замерев, как если бы он делал упражнение Георгия Гурджиева под названием «Стоп». Бык стоял как вкопанный, он не двигался.

Дельгадо сказал: «Мы можем управлять любым человеком...» И такая возможность существует; рано или поздно тоталитарные правительства будут делать это. Возможно, они уже начали. Например, в России нельзя рожать дома - это незаконно, - каждый ребенок должен родиться в государственной больнице.

Вот когда ребенок родился, это самое подходящее время вставить электрод ему в череп. Череп ребенка очень мягкий, а мозговые центры очень живы, подвижны; если они начнут расти вместе со вставленным электродом, то электрод станет почти частью мозга. Ребенок всю свою жизнь не будет подозревать, что всеми его поступками управляют с пульта управления в центральном офисе коммунистической партии.

Вас можно сделать счастливыми, вас можно сделать несчастными; вас можно сделать бунтарями, вас можно сделать послушными. Очевидно, что делать вас непослушными не захотят, не захотят также делать вас ни революционными, ни бунтующими, ни сомневающимися. Естественно, что нажимать будут те кнопки, с помощью которых из вас сделают рабов, но очень счастливых рабов. Вас доведут до состояния роботов.

Сумасшедший сходит с ума, но он лучше робота, так как роботом управляют извне; у кого-то есть прибор дистанционного управления. Может быть, вам тоже дадут поуправлять. Вам могут дать небольшой пульт: если вы рассержены и не хотите быть рассерженным, вам остается только нажать кнопку против рассерженности, и вы больше не сердитесь.

Зачем нужно было Будде учить на протяжении сорока лет, когда люди все равно сердятся; зачем нужно было Иисусу учить людей быть покорными, - а покорных все равно нет? Ведь если есть пульт управления Дельгадо, то все становится просто. У вас может быть свой собственный пульт управления. Вы сможете нажать кнопку и получить любую радость, какую только захотите, любой тип галлюцинации, любую мечту.

Я сомневаюсь, что людям дадут эти приборы дистанционного управления; эти приборы будут в руках правительства. Мне представляется это более опасным, чем ядерное оружие, которое может уничтожить вас, но, по крайней мере, вы умрете как люди, с достоинством. А этот прибор хуже смерти - из Белого дома вас будут делать счастливыми. На Рождество чуть большую дозу, и вся страна бездумно веселится! Все будут думать, что это, наверное, работа Иисуса, или его отца, или Святого Духа.

Сумасшедший - это гораздо лучше, по крайней мере, никто не управляет им. Но он не управляет также и собой.

Просветленный человек — вне своего ума, но он полностью управляет своим умом. И ему не

нужен пульт управления -ему достаточно его осознанности. Если вы будете созерцать что-либо ежеминутно, получите немного от переживания просветленного человека, — не полное переживание, а лишь небольшой вкус его. Если вы ежеминутно будете созерцать свой гнев, то гнев исчезнет. Вы чувствуете половую потребность: созерцайте ее, и вскоре она исчезнет.

Если вещи исчезают просто от того, что вы созерцаете их, то что тогда говорить о человеке, который постоянно находится выше ума, просто осознает весь свой ум? Тогда все эти ужасные вещи, которые вы хотели бы выкинуть, просто улечиваются. Но помните: все они имеют энергию. Гнев - это энергия. Когда гнев улечивается, его оставшаяся энергия превращается в сострадание. Это та же самая энергия. Благодаря созерцанию гнев исчез - он был лишь обликом, формой, окружающей энергию, - но энергия остается. Итак, энергия гнева, но без самого гнева, — это сострадание. Когда половое влечение исчезает, остается огромная энергия любви. Любая ужасная вещь, покидающая ваш разум, оставляет после себя великое сокровище.

Просветленному человеку не нужно ничего выбрасывать и не нужно в чем-либо практиковаться. Все плохое само исчезнет, так как оно не сможет сочетаться с осознанностью человека, а все хорошее будет развиваться в нем, так как осознанность является питательной средой для него.

Сумасшедшему можно легко помочь, так как он вкусил нечто вне ума, но ему нужно показать правильную дверь.

В лучшем мире наши сумасшедшие дома будут стараться не только делать этих людей разумными - это бессмысленно, - в наших сумасшедших домах будут стараться помочь этим людям воспользоваться этой возможностью, чтобы пройти через правильную дверь.

Сумасшедший, придя в сумасшедший дом, выйдет оттуда просветленным - не таким, каким он был раньше, жалким и страдающим.

По моему мнению, сумасшествие имеет огромное значение. Оно может стать дорогой к просветлению. Оно должно быть использовано как средство. Да, между этими двумя понятиями - огромная разница. Сумасшедший только счастлив, но не знает почему; просветленный человек блажен, и он прекрасно знает почему. Его нельзя излечить, потому что он не болен; он неизлечим.

Мой отец часто говорил мне: «Ты неизлечим».

Я отвечал: «Ты прав, потому что я не болен. А ты излечим, потому что ты болен».

Он обычно говорил так, потому что не мог убедить меня делать то, что он хотел, чтобы я делал. Например, он хотел, чтобы я женился. Естественно, когда я вернулся из университета, он хотел, чтобы я женился. Но у него не хватало смелости сказать мне об этом или спросить: «Как насчет женитьбы?» -ведь он уже знал, что произойдет большой спор и возникнут большие трудности. Он подумал: «Лучше от него не слышать “нет”, так как если он скажет “нет”, то невозможно будет заставить его изменить это слово на “да”. Поэтому, я оставлю единственную возможность: я еще не спросил его об этом, пусть вначале другие зададут ему этот вопрос».

Он попросил об этом одного из своих друзей, который был адвокатом в верховном суде и был известен по всей стране. Было также известно, что он никогда не проиграл ни одного дела за всю свою жизнь, он всегда только выигрывал. Итак, мой отец сказал ему, как бы бросая ему

вызов на состязание: «Есть дело - это мой мальчик: ты должен убедить его жениться».

Адвокат сказал: «Это простое дело. Завтра я приду».

Мой отец сказал: «Придет мой друг, он хочет встретиться с тобой».

Я сказал: «Я знаю, почему он хочет встретиться со мной - пусть приходит».

Мой отец сказал: «Откуда ты знаешь?».

Я сказал: «Не волнуйся. Это связано с женитьбой». Именно в тот раз он заявил мне: «Ты неизлечим. Как тебе удалось узнать?»

Я сказал: «Эта простая загадка — для этого не надо быть прорицателем. Зачем ты привел ко мне этого идиота? Раньше ты его не приводил. Я только что приехал из университета, закончил университет, и я знал с самого начала, что первый вопрос, который возникнет, когда я приеду домой, будет вопрос о женитьбе. Я только что приехал домой, и завтра же приходит он. Ну, пусть приходит».

Прибыл адвокат. Он начал приводить аргументы, как если бы он находился в зале верховного суда. Я сказал: «Вначале поймите одну вещь: если вы убедите меня жениться, я женюсь, я буду готов это сделать. Если я буду убежден вами, то проблем не будет. Но, если я смогу убедить вас, что это не нужно, тогда вы разведетесь со своей женой или нет? Надо договориться об этом, иначе получаются неравные условия: я один остаюсь в проигрыше. Что ставим на кон? Вы ставите свою жену, а я свою жизнь. Ваша ставка не больше моей. Я ставлю свою жизнь, а вы - свою жену».

Он сказал: «Тогда я должен обдумать это».

Я возразил ему: «Нет, не надо обдумывать. Не будьте таким трусом. Я оставляю это на вашу совесть, потому что я верю, что вы честный человек. Я всегда называл вас своим дядей и я доверяю вам как своему отцу. Поэтому я не нуждаюсь в суде: я оставляю вам право рассудить, выиграю я или проиграю. Я приму ваше решение».

Он сказал: «Подожди. Ты ставишь меня в затруднительное положение. Ты заставляешь меня стать судьей нашего спора; это хитрость, ведь ты взываешь к моей честности. Ты также говоришь: “Я называл вас своим дядей, и я доверяю вам”, - и взываешь к моей честности. Но дело в том, что я никогда не думал о женитьбе, так как в моей судебной практике такого случая не было — убеждать кого-нибудь жениться. Но раз ты так хочешь, возможно, ты прав... потому что моя жена — это одни неприятности!»

«Ты можешь убедить меня; фактически внутренне я уже убежден, что будет гораздо лучше, если я не буду связываться с тобой. Поэтому возможно, что ты сможешь воспользоваться моими внутренними убеждениями. По правде говоря, не беспокойся по поводу женитьбы, так как от нее, действительно, получаешь одни неприятности. Оставь эту затею. А я постараюсь утешить твоего отца и попрошу его, чтобы он оставил тебя в покое».

Мой отец сказал ему: «Я же говорил тебе раньше, что ты, возможно, и выигрывал все дела в

суде, но мой сын неизлечим, он просто невозможен».

Адвокат сказал: «Ты прав, так как, даже еще не начав спор, я уже проиграл его. Мы даже не спорили. Фактически ему удалось заставить меня сказать ему: “Не женись”. Он напомнил мне о моей жене, он ведь знает все обо мне и моей жене, поэтому я не мог обманывать и лгать ему. Он знает все. Он заявил мне: “Я ставлю на кон свою жизнь, а вы - свою жену”. Конечно, мне хотелось бы проиграть спор, но моя жена, мои дети и вся моя семья... это слишком большая ставка. Не приставай к своему мальчику - оставь его в покое».

Если видеть все аспекты любого дела, то проблем не будет. Проблемы возникают тогда, когда видишь только один аспект, а другие аспекты даже не видишь. Надо иметь орлиное зрение; вот чем отличается просветленный человек от сумасшедшего. У сумасшедшего нет зрения, он провалился в темноту; он слепой.

Просветленный человек поднялся до источника света, и, кроме глаз, видящих все вокруг, у него ничего нет.

Он способен видеть одновременно все со всевозможных точек зрения; следовательно, у него на все сразу же есть ответ. Ему не надо обдумывать ответ: даже если вопрос еще не поставлен, у него уже готов ответ, потому что его зрение абсолютное.

Он способен видеть вдаль и вширь. Вся его жизнь понятна.

Он поднялся выше механического разума и вошел в немеханическое сознание.

Можно разрушить мозг, и с умом будет покончено; но невозможно разрушить сознание, поскольку оно не зависит от мозга. Можно разрушить тело, можно разрушить мозг, но если вам удалось освободить ваше сознание от тела и мозга, то вы осознаете, что вы невредимы, не затронуты; на вас даже не осталось царапины.

Мансур мог смеяться даже будучи распятым на кресте. Человек из толпы спросил его: «Почему ты смеешься?»

Он ответил: «Я смеюсь, потому что они распяли кого-то другого, а думают, что меня. Я такой же зритель, как и все вы. Вы наблюдаете за распятием Аль-Хилладж Мансура; я тоже наблюдаю - мы все зрители. А эти люди, которые распяли Аль-Халладж Мансура, думают, что распяли меня. Вот почему я смеюсь — я смеюсь над человеческой слепотой. Они убивают кого-то другого, а думают, что меня».

Просветленный человек способен смеяться, даже умирая.

Даже смерть смешна, так как его переживания доказали, что он выше времени, выше перемен, выше форм, что он универсален, что он - часть целого материка сознания.

Даже смерть возвращается к себе домой.

Еще один вопрос? Мои руки еще не устали!

Бхагаван,

Священные писания просто бесполезны? И, вообще, они священные или нет?

Священные писания не просто бесполезны, они абсолютно вредны. Если бы они были просто бесполезны, то о них можно было бы не беспокоиться. Определенно, они вредны. Они не позволяют людям стать религиозными, так как они делают людей осведомленными, и люди начинают думать, что осведомленность — это мудрость, это просветление. Поскольку они знают великие слова, теологические доктрины, догмы, различные философии, то, естественно, думают: «Что же еще надо знать?» Вы вызубрили всю Библию, Гиту или Коран; что же еще осталось? Но, вызубрив Коран, Гиту или Библию, вы ничего не приобрели.

Поэтому священные писания не просто бесполезны. Если бы они были бесполезны, вреда не было бы: их можно было бы хранить в библиотеках, где хранится множество других бесполезных книг. Я прочитал множество бесполезных книг, но хранить их надо. Они просто бесполезны, они не вредны.

Но, что касается священных писаний, я не могу сказать, что их надо хранить. Их надо полностью уничтожить. Поскольку вы озабочены этим, по крайней мере, внутренне, то должны превратить священные писания в большой костер, так как, пока вы не сожжете всю эту чепуху, вы никогда не сможете познать свою невинность, вы никогда не сможете познать красоту вашего невежества. А из невинного невежества возникает познание. Познание возникает не из осведомленности.

Осведомленность мешает познанию, потому что оно притворяется познанием.

Невежество - это нечто искреннее, честное. У него нет претензий: оно просто невежество.

А поскольку оно искренне, правдиво, честно, то оно раскрывает вас, дает вам возможность узнать что-либо; дает вам возможность видеть. Ваши глаза больше не прикрыты осведомленностью, толстым слоем мусора.

Нет, священные писания не просто бесполезны, определенно, они вредны.

Вы спрашиваете меня: «Они священны?» Да, они священны на сто процентов: пятьдесят процентов их священности - это коровий навоз, а пятьдесят процентов их священности - это собачий бред!

Беседа 18

ДОБРЫЙ ПАСТЫРЬ - ЛУЧШИЙ ДРУГ ПАЛАЧА

16 января 1985 года

Бхагаван,

Вы являетесь противником прежде всего христианства?

Я ни в коем случае не оказываю особого внимания христианству, но, к сожалению, оно заслуживает внимания. По многим причинам оно является самым безобразным проявлением религии в мире.

Прежде всего, христианство - единственная хорошо организованная религия.

Чем лучше религия организована, тем меньше она является религией как таковой.

Истина, по своей природе, не может быть организована.

Организовать истину - это то же самое, что убить ее.

Истина жива только тогда, когда организация является лишь функциональной, свободной. Организация христианства очень крепка, бюрократична и иерархична. Благодаря этому эта религия стала скорее игрой борьбы за власть, чем расцветом религиозных качеств.

За прошедшие две тысячи лет христианство принесло человечеству больше вреда, чем какая-либо другая религия. С христианством пытался соперничать ислам, но безуспешно. Ислам почти достиг уровня христианства, но христианская религия все еще преобладает в мире. Христианство убивало людей, сжигало их живьем на кострах. От имени Бога, истины, религии христианство убивало и вырезало людей — ради их же блага, ради их же добра.

Когда убийца убивает вас ради вашего же блага, то у него пропадает чувство вины. Даже наоборот, он чувствует, что сделал доброе дело, оказал услугу человечеству, Богу, таким ценностям как любовь, истина, свобода. Он чувствует себя взволнованным. Он чувствует, что теперь стал более совершенным. Самое худшее, когда преступления используются во благо людей. Теперь он будет творить зло, думая, что творит добро. Он будет уничтожать добро, думая, что творит добро.

Это одна из худших христианских доктрин, которая когда-либо была внушена людям. Идея крестового похода как религиозной войны является «великим вкладом» христианства в историю человечества. Ислам научился этому у христианства. Это называется у них джихад, священная война, но мусульмане пришли через пятьсот лет после Иисуса. Христианство уже породило в умах людей идею религиозной войны.

В действительности война как таковая антирелигиозна.

Ничего не может быть ужаснее крестового похода, джихада, священной войны.

Если называть войну святой, то что же тогда можно назвать не святым?

Это стратегия разрушения мысли людей. Когда люди начинают думать о крестовом походе, они не понимают, что это зло: они сражаются во имя Бога против дьявола. В действительности нет ни Бога, ни дьявола - они просто воюют и убивают людей. Ваше ли это дело? Если Бог не может уничтожить дьявола, неужели вы думаете, что вы можете? Если бессилён Бог, если он не может уничтожить дьявола, может ли это сделать поляк - папа римский? Могут ли это сделать христиане? Может ли это сделать Иисус? Бог существует вместе с дьяволом целую вечность.

Теперь силы зла намного мощнее, чем силы добра по той простой причине, что силы добра находятся в руках сил зла.

Причина возникновения войн заключается в том, что войну называют религиозной, святой, - ведь первая и вторая мировые войны имели христианский контекст, и третья мировая война

будет иметь тот же христианский контекст.

Существуют и другие религии, почему же все-таки две мировые войны имели христианский контекст? Христианство не может не нести ответственность за эти войны. Если вы родили идею священной войны, то вы не сможете монополизировать эту идею.

Адольф Гитлер говорил своему народу: «Эта война - священная»; она была крестовым походом. Он просто использовал то, что проповедовало христианство. Гитлер был христианином и верил, что был воплощением пророка Илии. Он полагал себя равным Иисусу Христу, даже ставил себя выше его, так как то, что не мог сделать Иисус, пытался сделать он. Все, что удалось Иисусу, - это быть распятым. Адольф Гитлер же почти добился полного успеха. Если бы он добился успеха, - что было возможно на девяносто девять процентов, ему не хватило всего лишь одного процента, - тогда весь мир был бы очищен от всех евреев, от всех нехристиан. Что бы тогда осталось?

Знаете ли вы, что Адольфа Гитлера благословил германский архиепископ, который сказал: «Вы победите, ибо с вами Христос и Бог». Такие же глупцы благословили Уинстона Черчилля, сказав: «Бог и Христос с вами, - будьте уверены в победе». Те же, даже еще большие, глупцы были в Ватикане, ведь Ватикан - это часть Рима, и Муссолини был благословлен папой - представителем, непогрешимым представителем Иисуса Христа.

Можно допустить, что германский архиепископ и английский архиепископ не являются непогрешимыми, - мы можем простить их, «погрешимых» людей, - но как же быть тогда с папой, который на протяжении веков назывался христианами непогрешимым? Итак, этот непогрешимый папа благословляет Муссолини на победу, так как «он сражается за Иисуса Христа и Бога», - а Муссолини и Адольф Гитлер - одна партия. Они вместе пытаются покорить весь мир.

Возможно, папа надеялся, что если Муссолини победит, то христианство станет единственной религией. Две тысячи лет уже пытались сделать христианство единственной религией, уничтожив другие религии. Но не только христианство внесло свой вклад в идею войны...

В джайнизме нет места священной войне.

Каждая война не священна.

Вы можете воевать во имя религии, но сама война считается нерелигиозным явлением.

Буддизм также никогда не проводил идею священной войны; джайнизм и буддизм никогда не участвовали ни в одной войне, - а ведь эти две религии имеют очень древнюю историю. Джайнизм существует, по крайней мере, десять тысяч лет и никогда не вел войну, ни священную, ни несвященную. Буддизм на пятьсот лет старше христианства, а буддистов столько же, сколько христиан, так как за исключением Индии все азиатские страны - буддийские, но буддизм не вел ни одной войны. Не существует ни одного примера, чтобы буддийский священник благословлял войну.

Войны были; в этих странах были политики. Эти страны воевали не раз, - Япония с Китаем, хотя эти страны буддийские, - но ни японские буддийские священники, ни китайские буддийские

священники не были связаны с войной, и, тем более, они никогда не благословляли войну. А папа всегда обманывал людей. У него нет совести.

Несколько лет назад Китай напал на Индию. Впервые за всю историю Индии джайнский ачарья, глава одной из джайнских сект, благословил индийское правительство. Его имя - ачарья Тулси.

Я вынужден был вести с ним борьбу, критикуя его. Я объехал всю страну, говоря людям: «Этот человек должен быть лишен духовного сана и устранен со своего поста, так как он совершил преступление, которое в течение десяти тысяч лет не совершал ни один джайнский священник. Этот человек - политик, - он не религиозный человек».

Я разговаривал с ачарьей Тулси и сказал ему: «Если у вас есть чувство достоинства, то вы уйдете со своего поста, потому что вы действовали как политик. Разве это ваше дело? Кто просил вас благословлять Индию в войне против Китая? Для религиозного человека политические границы ничего не значат. Индия - ваша страна, и Китай - ваша страна; и если они воюют, позвольте им воевать. Вы должны только молиться, чтобы эта война закончилась, чтобы эти глупцы поумнели. Вот это будет религиозным делом». Я также сказал ему: «Вы действуете как христианский папа, а не как джайнский священнослужитель».

Он рассердился на меня, но у него не было ни одного существенного аргумента в свою защиту. Я сказал: «Ваш гнев не является для меня ответом; это просто признание своего поражения. Почему вы продолжаете слоняться в столице, в Нью-Дели? Разве вас не интересует остальная такая огромная страна? Вам следует идти к людям, а вы все еще находитесь в Нью-Дели». Этому было только одно объяснение: в Нью-Дели у него были богатые сторонники. Джайны - богатые люди, и они имеют власть над политиками. Даже такой человек, как пандит Джавахарлал Неру, - отец Индиры Ганди, который был очень влиятельным человеком, — вынужден был обращаться к ачарье Тулси, потому что джайны могли вложить миллионы в его партию.

Несомненно, что верховный священнослужитель мог не прийти к премьер-министру. Поэтому Джавахарлал Неру вынужден был идти к нему, так как подобные люди могли поддержать его во время следующих выборов; в противном случае они могли бы оказать поддержку другим партиям.

А что сделал ачарья Тулси? Он собирался сделать то же самое и в отношении меня, но я воспрепятствовал этому. Джайнский ачарья, верховный священнослужитель, или джайнский монах, выше других людей, он - сверхчеловек, поэтому, когда в Индии приветствуют его, надо сложенными ладонями рук делать перед ним намаскар. Но он не отвечает на ваш намаскар подобным же образом, как это сделал бы любой другой человек: он благословляет вас одной рукой. Итак, Джавахарлал Неру не знал, что обычно Ачарья Тулси делает в таких случаях. Неру пришел к нему и просто из соображений этикета сделал намаскар. Ачарья Тулси положил руку на голову Неру, а фотограф, который всегда находился рядом с Ачарьей Тулси, немедленно сфотографировал их.

Вскоре после этого был выпущен прекрасный цветной календарь, который бесплатно распространялся по всей Индии: ачарья Тулси благословляет Джавахарлала, стоящего с опущенной головой и со сложенными ладонями. Я видел этот календарь, я видел смущенное лицо Джавахарлала и радостное лицо ачарьи Тулси. Несчастный Джавахарлал ничего не мог поделать - все произошло так быстро. Фотография была сделана, и она производила странное

впечатление.

Когда я ходил по улицам Нью-Дели, люди докучали мне, говоря: « Вы должны пойти повидаться с ачарьей Тулси».

Я отвечал: «Если он хочет увидеть меня, то должен сам прийти ко мне. Почему я должен идти к нему? У меня нет желания видеть его». Тогда они стали надоедать человеку, у которого я жил. Он был старик и так сильно любил меня, что однажды произнес: «Они так беспокоятся за тебя и хотят, чтобы ты встретился с ним. Что в этом плохого?»

Я ответил ему: «По-настоящему вы не знаете меня и вы никогда не видели, что мне приходилось сталкиваться с подобными людьми. Ничего мне больше не говорите!» - он тоже был джайном. «Я желаю пойти к нему, но что может там произойти, знает один Бог, а Бога нет. В действительности никто этого не знает». Когда мы говорим, что Бог знает, это означает, что не знает никто... просто удобный способ сказать, что никто не знает.

Он сказал: «Ничего плохого не будет. Иди».

Я сказал: «Вы не знаете. Я не имею в виду, что от этого человека можно что-то ожидать. Нет, я имею в виду, что если что-то произойдет, то произойдет из-за меня». Но он не мог понять меня, так что мы пошли. У ачарьи Тулси находились все его богатые ученики, а сам он восседал на высоком пьедестале. Я не поприветствовал его намаскаром — я помнил о том календаре, - а просто поднял руку и стал держать ее над его головой. Он был очень смущен; что делать? А я сказал фотографу: «Не медли. Делай свое дело».

Придя в его фотостудию, я, конечно, не сумел получить негатив. Фотограф сказал: «Что же делать? То, что вам удалось, - это потрясающе! Я ненавижу этого человека. Но вы сделали правильно - никто еще такого не делал. В этом вся его стратегия. Всем политикам, президентам, премьер-министрам, министрам, губернаторам, послам разных стран, которых приводят к нему, говорят: «Вот так надо подходить к нему». И эти несчастные парни подходят к нему так, а он благословляет их в присутствии фотографа». Фотограф сказал: «Но впервые кто-то сделал правильно. Ачарья Тулси был так смущен, что даже не знал, что же делать».

Таким образом, когда я благословлял его, он уже не мог благословлять меня — он был в шоке! И когда я попросил фотографа, тот сделал фотографию. «Но, - сказал он, - перед тем, как я покинул ачарью Тулси, у меня насильно забрали кассету и сказали мне, что эта фотография не должна быть отпечатана».

Итак, я сказал ачарье Тулси: «Что вы делаете в Нью-Дели? Весь ваш шоу-бизнес на самом деле - политика. А то, что вы благословили Индию, говорит просто о том, что вы не являетесь человеком, постигшим сознание вселенной, а являетесь ограниченным человеком». Это лишь один из примеров внедрения джайнизма в политику, а вообще, ни один индусский шанкарачарья никогда не благословлял войну.

Христианство заслуживает порицания за то, что провозглашает войну - самое ужасное явление в жизни человека -священной. Ведь под видом крестового похода вы можете делать все, что угодно: насиловать женщин, сжигать людей заживо, убивать невинных детей, стариков, - все. Все это делается под прикрытием понятия священной войны, крестового похода. А что в

действительности скрывается за этим? Все атомное оружие, ядерное оружие производится в христианском контексте.

Это не говорит о том, что в мире не хватает разума. Если Китай смог дать миру Конфуция, Лао-цзы, Чжуан-цзы, Мен-сиуса, Ле-цзы, то почему бы Китаю не дать миру личности, подобные Альберту Эйнштейну, лорду Резерфорду. Нет никаких оснований, потому что Чжуан-цзы, Ле-цзы, Лао-цзы, Менсиус, Конфуций, - любой из них в тысячу раз мудрее Иисуса или Моисея. Они просто пигмеи в сравнении с этими людьми. Если такие гении могли родиться в Китае, то нет причин для того, чтобы в Китае не могли родиться ученые-атомщики. А вы знаете, что Китай был первой страной, где был создан печатный станок? Печатный станок существует в Китае три тысячи лет.

Индия дала миру такого человека, как Патанджали, который один создал целую систему йоги; дала Гаутаму Будду, джайна Махавиру, Шанкару, Нагарджуну - великих философов, с которыми никто не может сравниться на Западе; ни один человек не может сравниться с Гаутамой Буддой. И это относится не только к философам. Если вы сравните Патанджали, который жил пять тысяч лет назад, с любым современным физиологом, то увидите, что современный физиолог ничего не знает по сравнению с Патанджали.

В Индии три тысячи лет назад жил великий врач и хирург Сушрут. В своих книгах он описывал наиболее сложные хирургические операции, которые только в наши дни могут сделать самые опытные хирурги с помощью самых современных инструментов. Если люди были способны на такое, то почему они не пытались создать атомную бомбу? Ведь Индия дала миру такую математику, без которой невозможна ни одна наука. Во всех языках применяется индийская система цифр: один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять.

На языке санскрит девять - это нава, семь — сапт, шесть — ча, три — фри. Английское слово два (two) — это на санскрите два, которое затем трансформировалось в латинское «тва», а затем - в английское «two». Таким образом, названия всех чисел на всех языках произошли от санскрита.

Семь тысяч лет назад были созданы основы математики, но никогда их математические знания не использовались в разрушительных целях. Математику использовали только в созидательных целях, так как ни одна религия не побуждала использовать ее для войны. Все религии говорили, что война ужасна, - эта проблема даже не обсуждалась, - и ни в одной из тех стран не было программы, проекта или исследования, целью которых была бы война.

Первая книга по астрономии была написана в Индии четыре тысячи лет назад. Индийские ученые того времени намного опередили ученых Запада. Невозможно даже назвать имя ученого Запада, которое бы фигурировало четыре тысячи лет назад. Имена самых знаменитых людей Запада относятся к периоду не ранее двадцати пяти веков назад. Можно упомянуть Сократа, но Сократ пришел три, четыре тысячи лет спустя. То, что он говорил, было уже сказано, и то, о чем он думал, как о вкладе в мысль, уже не было новым. Естественно, для него это было ново, так как он не знал, что где-то есть люди, которые уже говорили об этом и прошли в это гораздо глубже.

Я говорю об этом, чтобы вы поняли, что именно христианство несет ответственность за то, что науку начали использовать в интересах войны. Если бы христианство создало атмосферу

ненасилия и не стало бы называть войну священной, то можно было бы избежать этих двух мировых войн; а без этих двух мировых войн невозможна и третья мировая война. Эти две - абсолютно необходимые шаги для третьей; они уже подвели вас к третьей войне. Вы подготовлены к ней, и нет возможности вернуться назад, повернуть назад.

Христианство не только растлило науку, но оно дало рождение и странным идеологиям - или непосредственно, или в виде реакции. В обоих случаях христианство несет за это ответственность. Нищета существует в мире тысячи лет, но коммунизм - это христианский вклад в историю. Не заблуждайтесь относительно того факта, что Карл Маркс был евреем, потому что Иисус тоже был евреем. Если еврей смог создать христианство... Контекст Карла Маркса является христианским, не еврейским. Идея коммунизма принадлежала Иисусу Христу. В тот момент, когда он произнес: «Да благословенны будут бедные, ибо их есть царство Божье», - он посеял семена коммунизма.

Никто не говорил это так откровенно, потому что надо быть таким сумасшедшим, как я, чтобы говорить так прямо, - кто может назвать лопату не просто лопатой, а чертовой лопатой! Что в том, чтобы просто называть лопату лопатой?

Когда Иисус высказал идею: «Да благословенны будут бедные, ибо их есть царство Божье», - то превратить ее в практический и прагматический коммунизм уже было очень легко. Суть сказанного Марксом заключается в следующем: «Да благословенны будут бедные, ибо им принадлежит мир». Он просто переделывает некоторый духовный жаргон на практический язык политики.

«Царство Божье», - разве кто-нибудь знает, существует оно или нет? Зачем же упускать возможность заполучения царства земного? Вся идея коммунизма основана на одном этом высказывании Иисуса. Маркс просто вносит небольшие изменения, выбрасывая скрытый абсурд и внося в это изречение практические элементы политики. Итак, да благословенны будут бедные, ибо все царство земное принадлежит им, -именно так говорит Маркс.

Странно, что нигде, - в контексте буддизма, индуизма, джайнизма, сикхизма, даосизма или конфуцианства, - нет упоминания о коммунизме; он появляется только в контексте христианства. Это не случайно, так как в христианстве появляются также идеи и фашизма. Социализм, фабианский социализм, нацизм — все это христианские дети, дети Иисуса Христа. Или все это возникло под его непосредственным влиянием... потому что он — человек, который говорит: «В моем царстве Божьем верблюд может пролезть сквозь игольное ушко, но богач не может войти через его врата».

Что вы думаете об этом человеке? Разве он не коммунист? Если он не коммунист, то кто же он? Даже Карл Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин или Мао Цзе-дун не утверждали так откровенно: богач не может войти в царство Божье. И вы видите, какое он делает сравнение? Даже верблюд может пролезть сквозь игольное ушко, но проникновение богача в царство Божье невозможно. Если это невозможно для богачей там, то зачем оставлять их здесь? Сделайте это невозможным для них и здесь. Именно это и сделал Маркс.

То, что теоретически сделал Иисус, Маркс сделал практически. Но настоящим теоретиком был Иисус. Карл Маркс, может быть, даже не знал этого, но в контексте какого-либо другого учения появление идей коммунизма невозможно. В контекстах других учений невозможны идеи

Адольфа Гитлера. В Индии, если вы хотите, вы можете объявить себя Божьим человеком, но вы не можете быть Адольфом Гитлером. Вы даже не можете заниматься политикой, вы даже не можете принимать участие в голосовании. Вы не можете, уничтожая миллионы евреев или миллионы людей других религий, заявлять, что вы - перевоплощение древнего пророка, Илии. В Индии существуют тысячи людей, заявляющие, что они воплощения Бога, что они - пророки, тиртханкары, но они должны доказывать это своим образом жизни. Может быть, они шарлатаны, большинство из них такие и есть, - но даже в этом случае они не могут быть Адольфом Гитлером и при этом говорить, что они - пророки, что они религиозные люди.

Я получил письмо с угрозами откуда-то из Америки. Я никогда не думал, что в Америке есть нацистская партия. Президент американской нацистской партии написал мне письмо: «Мы слышали, что вы выступали против Адольфа Гитлера, - это оскорбляет наши религиозные чувства». Я редко удивляюсь, но в тот момент я был поражен: их религиозные чувства! «Так как для нас Адольф Гитлер является пророком Илией, мы надеемся, что в будущем вы не будете оскорблять наши религиозные чувства».

Я сказал Щиле: «Теперь я специально оскорблю их еще больше. Я не осознавал, что можно оскорбить религиозные чувства, говоря об Адольфе Гитлере или критикуя его». Даже нельзя представить, что такое могло произойти в Индии, Китае или Японии - это невозможно! Но в контексте христианского учения это возможно и не только возможно, это уже случилось.

Если бы Гитлер победил в войне, все эти американцы, все эти русские и все эти англичане поклонялись бы ему как Богу. Его провозгласили бы человеком, который покорил весь мир и обратил все человечество в христианство. Он так и сделал бы: ведь у него была власть.

Какая власть была у несчастного Иисуса? Он не смог спасти самого себя. А Адольф Гитлер, завоевав весь мир, несомненно обратил бы его в христианство. Христианство тогда не было бы христианством Иисуса Христа; оно стало бы христианством Адольфа Гитлера. Библия не была бы уже святой книгой. Моя борьба - автобиография Гитлера, - как вы называете ее, Прасад, Майн Кампф? Хорошо — тогда она была бы святой книгой.

Христианство эксплуатировало больше людей, чем какая-либо другая религия. Два или три дня назад Шила передала мне три сообщения. Одно из них касалось того, что мать Тереза восхваляла правительство Орегона, потому что они сделали небольшой дар голодающим Эфиопии - упаковки с продуктами питания. Мать Тереза знает, что я здесь. Но, несмотря на это, она приняла приглашение от небольшой группы людей, которые пытаются создать около Далласа коммуны, действия которой будут направлены против меня.

Создать коммуну, направленную против меня, - это трудное дело. Поэтому они привезли из Индии внука Махатмы Ганди. Прекрасная идея! Он будет в центре этой коммуны, и она станет коммуной Ганди. Мать Тереза собиралась торжественно открыть ее, и, должно быть, ей сообщат о цели этой общины. Цель заключается в... Там весь мир, а внук Махатмы Ганди находится в округе Уэско, где будет осуществлено открытие коммуны. В Индии Ганди имеет столько земли, сколько хочет; правительство — это гандийцы; все в руках гандийцев. У них столько денег, сколько они хотят -каждый год они получают миллионы.

В Индии Ганди не имеют ни одной коммуны. Даже их собственные старые ашрамы пустуют, никто не живет в них. В настоящее время это выставочный комплекс, мемориал. Несколько слуг

содержатся там для обслуживания туристов. Вы думаете это совпадение, что они направились в округ Уэско? И вы знаете, кто их поддерживает? Человек, который живет на другом берегу реки, - все деньги они получают от него! Это место около Далласа он приобрел специально для того, чтобы создать Коммуну, направленную против меня, но он не смог привлечь достаточное количество людей. Даже внук Ганди был недостаточно отважен, чтобы так далеко зайти в своих действиях.

Мать Тереза хотела прибыть на открытие коммуны, но она отказалась, так как случилось следующее: люди, живущие в Далласе, стали выступать против людей из коммуны, точно так же, как люди коммуны выступают против нас, думая, что индийцы просто пытаются захватить округ Уэско. Люди из Уэско не понимали намерений людей коммуны, которые не объяснили, что они прибыли туда лишь для того, чтобы уничтожить мою коммуну. Поэтому люди из Далласа думали, что эта очередная неприятность касается именно их.

Мать Тереза прибыла в Вашингтон; она собиралась лететь на церемонию открытия. Но из Вашингтона она вернулась домой. Она сказала: «У меня есть срочная работа», - так как, узнав, что христиане - жители Далласа - были против всего этого, решила не рисковать без особой нужды.

Как можно восхвалять правительство Орегона за небольшой незначительный дар, который они передали Эфиопии! Если бы мать Тереза не восхваляла их, никто даже не узнал бы об этом, так как этот дар не был миллионом долларов или чем-то в этом роде. Сухое молоко и кое-какие товары поступали в Эфиопию со всего мира, но мать Тереза почему-то восхваляет только Орегон. Она хочет, чтобы правительство Орегона имело с ней определенные отношения и чтобы на них можно было повлиять в действиях, направленных против меня. Но ей незачем беспокоиться; они уже против меня. Я делаю все, что от меня зависит. Я никогда не нуждаюсь в чьей-либо помощи.

Вторая новость, которую сообщила мне Шила, касалась того, что в 1983 финансовом году христианская организация Ай-Си-Эй - Международная Христианская Помощь - собрала тридцать четыре миллиона долларов в помощь Эфиопии. Это рекламировалось по телевидению, в газетах - по всему миру. Но ни один цент не дошел до Эфиопии: все деньги просто исчезли!

Президента Ай-Си-Эй спросили: «Что случилось с этими деньгами? Целых тридцать четыре миллиона долларов, и ничего не дошло до Эфиопии?» Он ответил: «Наша политика - не связываться с правительством. Обычно мы оказываем помощь, идущую от независимых агентств, поэтому мы послали всю сумму через независимое агентство, находящееся во Франции». Это ассоциация врачей, которая называется «Врачи вне границ».

Когда задали вопрос президенту этой ассоциации, он ответил: «Мы не получили ни одного цента, и мы не знаем, кто эти люди». Именно так многие века действует христианство во имя бедных, сирот, голодающих.

В 1984 году они собрали около пятидесяти пяти миллионов долларов, и опять никому не известно, куда они пропали.

Третья новость вызывала просто смех. Олимпийские игры, несколько месяцев назад проводимые в Лос-Анджелесе, были организованы христианской ассоциацией также с целью помочь

голодающим Эфиопии. Эфиопия - потрясающая страна! Там всегда будут голодающие. Деньги, заработанные проведением Олимпийских игр, были переданы в Эфиопию, и опять никто не знает, сколько денег было получено, - должно быть, миллиарды долларов, - но все деньги просто исчезли!

У этих людей была великая идея! Они собрали огромное количество денег - разного рода чеки на большие и на небольшие суммы - это похоже на то, как собирают пшеницу или какие-нибудь продукты питания, которые хранят в больших металлических канистрах точно так же, как мы храним продукты здесь. Было собрано такое количество денег, что они не могли уместиться в небольших сейфах; деньги были сложены в огромных металлических контейнерах. Но по окончании Олимпийских игр, когда открыли эти контейнеры, денег там не было.

В конце газетной вырезки, которую принесла мне Шила, был комментарий: «Может быть, деньги были съедены голодными крысами. Что же еще?» Таким образом, деньги дошли до голодающих не в Эфиопии, а до местных голодных крыс. Но я не думаю, что крысы любят есть деньги; а если они и едят их, то съесть такое количество денег, не оставив ни кусочка, они не смогут. Контейнеры были абсолютно чисты. Похоже, что голодные крысы очень гигиеничны: после того, как они съели все деньги, они вычистили контейнеры. По-видимому, необходимо организовать Олимпийские игры еще раз, так как эфиопский народ все еще голодает.

Христианские ассоциации и церкви отчаянно служат людям. Людей не спрашивают, нуждаются ли они в этом или нет; им просто продолжают служить. Это напоминает мне человека, о котором я вам рассказывал, - парикмахера, пристрастившегося к опиуму, по имени Натху Кака, чья парикмахерская находится напротив моего дома.

В Индии есть традиция держать различные газеты, журналы в парикмахерских, чайных или отелях. Поэтому люди, которые приходят, чтобы просмотреть журналы и газеты, между прочим во время чтения пьют чай или едят самосу, или что-нибудь еще. У Натху Кака тоже были газеты, и иногда к нему заходили люди. Эти люди всегда были чужими, потому что те, кто знал его, даже не приближались к нему. Однажды к нему в парикмахерскую зашел незнакомец, который, по-видимому, был не из этого города и являлся агентом какой-то компании, страховой компании или какой-нибудь фармацевтической компании, - а парикмахерская располагалась в красивом месте, - и он начал читать журналы. Тогда, даже не спросив его разрешения, Натху Кака принялся брить его. Обычно он начинал с головы, и, когда человек опомнился, часть его головы уже была чисто выбрита. «Что вы делаете!» — возмутился он.

Натху Кака ответил ему: «Не волнуйтесь. Если не хотите платить, то не платите; если вы очень не хотите платить, так и не платите». Но теперь этот человек был уже с наполовину выбритой головой, - что выглядело довольно смешно, - и поэтому он спросил: «Что же вы за человек?»

Натху Кака на это ответил: «Нет проблем. Поскольку у меня нет посетителей, я просто тренируюсь на том, кто подвернется. Вам не обязательно платить: если хотите, можете заплатить; а если не хотите, то не платите. Я просто тренируюсь...»

Я видел, как это происходило много раз, поэтому однажды я сказал Натху Каке: «Вы - почти христианин».

Он сказал: «Что вы имеете в виду? Я же индус».

Я сказал: «Нет, вы не индус, вы христианин; ведь вы даже не спрашиваете людей, хотят ли они, чтобы их побрили или нет, вы сразу начинаете их брить».

Христиане пытались спасти мир, - но кто давал им полномочия спасать кого-либо? Даже если вы спасаете, не спрашивая никакой платы, то кто дал вам на это полномочия? Но нет, они уполномочены Иисусом, а Иисус уполномочен самим Богом. Я часто думал: если бы Иисус пришел в салон Натху Каки и Натху Кака побрил бы его бесплатно, то тогда Иисус понял бы, что нельзя спасать кого-либо, не спросив его об этом.

Я не обращаю особого внимания на христианство, но оно заслуживает того. Оно принесло так много вреда, так много неприятного! Даже невозможно поверить, что люди все еще продолжают поддерживать в нем жизнь. Церкви надо разрушить, а Ватикан полностью убрать. Эти люди не нужны. Они во всем ошибаются, что бы они ни делали. В других религиях тоже много ошибочного, но это несравнимо с ошибками христианства.

Ради обращения людей в христианскую веру эксплуатировалась нищета народа. Да, буддизм также обращал людей в свою веру, но не потому, что люди голодали и их снабжали пищей, а потому, что после того, как их снабжали пищей, люди начинали чувствовать себя обязанными вам. Если снабжать их одеждой, давать им другие возможности, -образование для их детей, больницы для их больных людей, -то, естественно, что они будут чувствовать себя в долгу. И тогда вы начинаете спрашивать их: «А что для вас сделал индуизм? Что для вас сделал буддизм?»

Естественно, что буддизм, индуизм и джайнизм никогда не открывали больницы и школы; они никогда не делали ничего подобного. Это единственный аргумент. А те люди настолько чувствуют себя в долгу, что приходят к выводу, что ни одна другая религия не может помочь им, и поэтому они становятся христианами. Это не честный путь, это — подкуп людей. Это не обращение их в свою религию, это подкуп людей, потому что они бедные. Вы пользуетесь их нищетой.

Буддизм обратил в свою веру миллионы людей, но это происходило благодаря разумности буддизма. Обращение в буддийскую веру происходило в самых верхних слоях общества. Вы поймете разницу. Буддизм обращал царей, императоров, господ, великих писателей, поэтов и художников; благодаря царю и общество становится буддийским, видя, что разумные люди, даже сам император, стали буддистами; за ними следовали и другие. Если император был последователем какой-то другой религии, то буддисты спорили с ним, и если они терпели поражение, то были готовы обратиться в веру, которой следовал император. Но если в споре побеждали буддисты, то даже император и весь его двор обращались в буддийскую веру. Это честная, разумная, рациональная процедура.

Джайнизм обращал в свою веру императоров. Их первое усилие было направлено на то, чтобы изменить сливки общества, высший слой общества, потому что тогда все становится просто: тогда идущие за ними люди естественно понимают, что если их самые интеллигентные люди становятся джайнами, то это означает, что их религия со всеми своими доктринами и точками зрения не способна соперничать с джайнизмом. До христианства никогда не было ничего подобного - обращения в свою веру низших слоев общества. Теперь вы понимаете разницу. Когда обращались высшие слои общества, то за ними следовало и все остальное общество.

Когда китайский император У и весь его двор были обращены в буддизм, то поскольку все придворные были самыми интеллектуальными людьми в стране и один за другим они терпели поражение в спорах, - они не могли найти ответов, - то за ними последовал весь Китай. Они были конфуцианцами, они были даосами, но все они были обращены в новую веру: они не могли найти ответов на вопросы буддийского монаха. Император вынужден был сдаться, - а это был человеческий, разумный поступок, - тогда и вся страна автоматически последовала его примеру.

Император припал к ногам Будды, его двор припал к ногам Будды; сын и дочь императора стали монахами буддийского ордена. Вся страна убедилась в несостоятельности учения, несостоятельности людей, которым они следовали до сих пор. Люди получили нечто лучшее, - нечто более утонченное, нечто более логичное и рациональное. Это нечто изменило все общество.

В Индии или в Китае, или где-то еще, христиане сблизилась с низшим слоем общества. Но это не меняет всего общества, запомните это, поскольку, кого интересуют все эти нищие, сменившие веру? Они - не лидеры, не интеллигенция; они даже не способны заработать себе на пропитание. Они просто умственно отсталые.

Быть бедным - это не просто случайность. Чтобы быть бедным, требуются определенные качества, точно так же, как требуются определенные качества, чтобы быть богатым. Даже если вы унаследовали богатство, но не имеете определенных качеств, то через два или три поколения этого богатства не будет. Возможно, что ваш отец имел качества, чтобы заработать деньги; он заработал эти деньги, а вы просто унаследовали их, и у вас нет этих качеств, чтобы зарабатывать деньги. Запомните: или вы зарабатываете деньги, или вскоре становитесь нищим. Нельзя оставаться статичным; или вы растете вверх, или падаете вниз - нельзя оставаться все время в одном и том же положении. Итак, вы понимаете: богатство через четыре поколения может превратиться в бедность.

Совершенно не обязательно, что бедный человек все время будет бедным. Очень бедные люди становились богатейшими людьми. Для этого необходимо обладать определенными качествами, определенным калибром. По моему мнению, способность быть богатым дается человеку от рождения так же, как человек рождается художником, поэтом, скульптором или танцором. Не имеет значения, родился ли он в богатом доме или в бедном: он станет богатым, пути к этому он найдет. Даже в такой стране, как Индия, где общество настолько сильно расслоено, что мобильность почти невозможна, тем не менее есть люди, способные двигаться.

Человек, который написал индийскую конституцию после освобождения, доктор Бабасахейб Амбедкар был шудра, неприкасаемым. Он работал с большим упорством и настойчивостью и добился высочайшей юридической квалификации, какая только могла быть возможна в то время. Он стал одним из лучших юридических экспертов во всем мире.

Индусское общество имело конституцию, написанную пять тысяч лет назад брамином-интеллектуалом Ману. Несомненно, он был одним из гениев, так что его имя, Ману, стало почти эквивалентом понятию «разум». Таким образом, в Индии, а также и в Англии, слово «человек» (man — мэн) произошло от Ману. На языке хинди слово «человек» - манушья; оно происходит от Ману. Слово «разум» (mind - майнд) - ман; оно тоже происходит от Ману. Он доказал, что является таким гигантом мысли, что его имя стало эквивалентом разумности, человечности. Английское слово «человеческий» (human - хьюман), если производить его из латыни означает

просто гумус, грязь. Лучше производить его от Ману, тогда оно означает разумность; и это поистине так.

Ману написал индусский кодекс жизни, конституцию, которой индусы руководствовались пять тысяч лет, без отклонений, не меняя ее. Ману никогда не думал, ему и не снилось, что однажды следующая конституция будет написана каким-то неприкасаемым. В своей конституции Ману не допускает, что неприкасаемый, шудра - это четвертый, самый низший класс общества - может даже читать. Чтение запрещено для него, так как у него нет потребности ни читать, ни писать. Его работа - изготавливать обувь или чистить отхожие места, очищать дороги или выполнять другую подобную работу. Они не нуждаются в высоком интеллекте, в квалификации, в университетских степенях, и Ману запретил им иметь это. И даже если им каким-то образом удавалось научиться читать, то им абсолютно не разрешалось читать священные писания. Наказанием за это была смертная казнь. Многие неприкасаемые были убиты, потому что они старались понять священные писания.

Амбедкар был шудра, но он усиленно старался, - он никого не слушал. Он готов был или что-то сделать, или умереть; другой альтернативы у него не было. И он доказал свое величие: на каждом занятии, на каждом экзамене он всегда был первым. Невозможно было отказать ему в переходе в следующий класс; невозможно было отказать ему в ученых степенях, поскольку другие намного отставали от него. Он приобрел все возможные ученые степени.

Он поехал в Англию для продолжения обучения, и там он также был лучшим на экзаменах. Когда Индия стала независимой, не нашлось лучшего юридического эксперта, чем Амбедкар. То, что Амбедкар написал конституцию Индии, стало великолепной пощечиной для Ману, - великолепным ударом по всем браминам.

Он был председателем учредительного собрания. Брамины были лишь членами собрания, а он был председателем, и все, что бы он ни сказал, становилось законом, потому что опровергнуть его по вопросам, касающимся юридических основ, было невозможно.

Я уже говорил, что даже в таком обществе, как в индийском, где очень значительное расслоение, такая мобильность непозволительна... Индия не похожа на Америку или Европу, можно свободно переходить от одной профессии к другой. Рыбак может стать торговцем тканями, торговец тканями может стать университетским профессором, а университетский профессор может стать сапожником или еще кем-нибудь. Там нет проблем, от вас зависит, кем вы хотите быть.

Но в Индии это не так. Профессия передается из поколения в поколение; ее наследуют. Если ваш отец - сапожник, значит ваш дед был сапожником. С самого начала... может быть, сам Адам был сапожником. Нет никакого сомнения, что и дети ваши будут сапожниками. Но даже в таком обществе, если у человека, есть сила воли, он может достичь любых высот.

Кабир по своему положению был еще ниже, чем шудра, потому что он был отвергнут родителями, возможно, как матерью, так и отцом. Он был таким же незаконнорожденным ребенком, как Иисус. Возможно, незаконнорожденные дети имеют определенные религиозные качества, так как Кабир несколько не уступал Иисусу, а может быть, и превосходил его. Он был брошен на берегу Ганга матерью или отцом - никто этого не знает. Никто также не знает, какой касте он принадлежал; был ли он индусом или мусульманином.

Но он был человеком потрясающей смелости и качества, потому что незаконнорожденному ребенку в Индии трудно даже существовать. Для незаконнорожденного ребенка неизвестна ни его каста, ни его религия. Он был, по-видимому, мусульманином, да, наверное он был мусульманином, потому что Кабир — это не индусское имя. Он был найден индусским монахом по имени Раманада.

Рано утром, когда еще было темно, Раманада пошел на реку искупаться и там наткнулся на ребенка. Он принес ребенка в свой ашрам. Многие люди пытались убедить его, что это нехорошо: «Мы не знаем, какой касты этот ребенок, а ведь ты - брамин и твои ученики - брамины; может получиться никому не нужный скандал, и у тебя будут неприятности».

Раманада ответил: «Это не имеет значения. Куда же я дену бедного ребенка? Какое мне дело до скандала? Если люди не хотят, то пусть не приходят ко мне». Раманада был смелым человеком. Люди перестали ходить к нему, ученики покинули его, потому что он держал кого-то - никто не знал кого. Стали возникать разного рода слухи: « Может быть, это его собственный Ребенок», или «Он так интересуется этим ребенком, что готов разрушить свою карьеру. Его известность как одного из величайших учителей распространялась по всей стране; теперь он все испортит».

Нерелигиозные люди считают, что приверженные к религии люди делают на этом карьеру. Только для религиозного человека приверженность к религии не является карьерой. Это — не профессия; это ваш способ жить, это сама ваша жизнь, само ваше бытие. Карьеры и профессии - это земные, внешние понятия.

Религия - в самом вашем сердце.

Раманаду не волновало, о чем говорили люди; он воспитывал Кабира. Кабир был не очень маленьким, когда его нашел Раманада. Ребенок сообщил ему свое имя, он знал несколько слов, но он не знал имен отца и матери. Он сказал, что если бы он увидел их, то сразу узнал бы, но имен их он не знал. Возможно, что они были не местные и оставили ребенка в Варанаси в надежде, что какой-нибудь сострадательный человек подберет его. Именно так и произошло.

Раманада, уже будучи престарелым человеком, сказал: «Я ничего не потерял. Все эти ученики и ученые мужи не стоят одного Кабира. Да, я потерял приверженцев, меня стали порицать, но то, что я сделал, стоит того». Кабир доказал, что он — настоящее сокровище; но, тем не менее, все знали, что он незаконнорожденный ребенок. Он не знал ни своих родителей, ни свою религию — все это не волновало его.

Муэдзин - это мусульманский священник, по утрам взывающий с башни мечети. Кабир говорит: «Разве ваш Бог глухой, коль скоро ты должен взбираться на башню и оттуда кричать?» И действительно, умение громко кричать является необходимым качеством муэдзина. В те времена не было громкоговорителей или чего-нибудь вроде этого, - человек сам должен был быть громкоговорителем и кричать с башни. Кабир спрашивает: «Ваш Бог глухой?»

Он критиковал индуизм, он критиковал ислам, но все же мусульмане и индусы прислушивались к нему. Странно то, что у него не было религии, хотя все религии были открыты для него, любой мог следовать за ним. Но то, что люди следовали за таким человеком, определенно означало, что он обладал великой харизмой, божьим даром.

Всю свою жизнь Кабир провел в Варанаси.

Варанаси является самым святым местом для индусов и старейшим городом мира. Невозможно найти ни одно священное писание, какое бы древнее оно не было, где бы не упоминался

Варанаси. Казалось, что он существовал всегда. Если вы приедете в Варанаси, то сразу ощутите его древность; этот город почти вечный.

Его дороги такие узкие, что по ним не могут проехать автомобили, не говоря уж об автобусах; там невозможно воспользоваться даже авторикшами. Только человек-рикша может протиснуться на этих узких улицах. Это просто чудо наблюдать, как умудряются не столкнуться два человека-рикши, когда они обгоняют друг друга.

Дороги там узкие, а дома очень древние. Двери в домах очень маленькие, а ступени очень большие. В старые времена их специально делали такими, чтобы вора́м труднее было скрыться. Если кто-нибудь хотел внезапно убежать, то маленькие двери и большие ступени становились для него преградой. Убежать трудно; надо быть очень осторожным. Окна в домах тоже очень маленькие - проникнуть через них во внутрь и вылезти через них наружу невозможно.

Итак, всю свою жизнь Кабир прожил в Варанаси. Индусы верят, что если умереть в Варанаси, то можно возродиться на небесах — это просто панацея. Во всех религиях должна быть какая-нибудь простая особенность, имеющая в своей основе эстетический ритуал, который соблюдают только несколько идиотов; человек, обладающий хотя бы небольшим разумом, никогда не станет соблюдать его. Неразумным людям необходимо дать некоторый очень простой рецепт. Так что если вы умрете в Варанаси, то этого и будет достаточно, потому что из Варанаси есть только один путь - прямо на небеса.

Поэтому люди специально приезжали умирать в Варанаси. В Варанаси можно увидеть стариков, старух, вдов, находящихся почти на пороге смерти. Такой толпы не встретишь нигде больше в мире. Все они приехали умирать: они уверены, что все кончено для них, и поэтому они приехали умирать в Варанаси.

Когда Кабир стал старым и больным и уже был на пороге смерти, он попросил своих учеников перевезти его из Варанаси в Магахар. Магахар - это небольшая бедная деревня недалеко от Варанаси. Я не знаю, откуда это пришло, но говорят, что если умрешь в Магахаре, то попадешь прямо в ад; Возможно, что дорога, ведущая в рай из Варанаси, параллельна дороге, ведущей в ад из Магахара. Магахар расположен на одном берегу Ганга, а Варанаси - на противоположном берегу. Кабир сказал: «Я хочу перебраться в Магахар».

Его ученики сказали: «Вы должно быть сумасшедший!»

Он сказал: «Я всегда был сумасшедшим; но я не могу умереть в Варанаси, так как если я умру в Варанаси и попаду в рай, то какое уважение достанется мне? Уважение достанется Варанаси. Я же собираюсь умереть в Магахаре и хочу посмотреть, как меня сумеют направить в ад. Все дело в том, что я собираюсь умереть в Магахаре и собираюсь попасть в рай; иначе я там устрою ад».

Он настаивал на переезде; он заставлял своих учеников, и наконец ученики согласились и перевезли его на лодке на другой берег реки в Магахар. И Кабир умер там - единственный в

истории человек, который специально приехал в Магахар умирать. Его самадхи находится в Магахаре, на нем написано: «Я направляюсь в рай прямо из Магахара».

Вы будете удивлены, узнав, что после того, как он умер в Магахаре, притча о людях, умерших в Магахаре и попавших в ад, перестала существовать, поскольку никто даже не мог предположить, что Кабир может попасть в ад. Это был его последний акт сострадания к людям из Магахара.

Несчастливые люди из Магахара раньше не в состоянии были изменить эту притчу: но Кабир, умерев в Магахаре, положил конец всем бедам, которые прежде были обрушены на Магахар. С тех пор никто не говорит, что если вы умрете в Магахаре, то попадете в ад, поскольку как тогда быть с самадхи Кабира? Каждый год люди приходят туда поклоняться. Там бывает большой праздник; почти все население Варанаси переправляется на другой берег реки, чтобы отдать дань уважения Магахару и Кабиру. Магахар стал святым местом, потому что Кабир решил умереть там.

Когда Кабир жил в Варанаси, его попросили возглавить Великий совет индусов, который время от времени собирался для решения вопросов, касающихся священных писаний и их толкований. Кабир был неграмотным, он ни разу не прочел ни одного священного писания, но возглавить совет его просили много раз. Он говорил: «Я не знаком со священными писаниями. Я даже не представляю, как определить, что в них верно, а что неверно, как их истолковывать и как их толкование привести в соответствие с традициями. Я не представляю себе всего этого».

Ему отвечали: «Тебе и не надо ничего знать. Лишь твое присутствие сделает нас мудрыми... Только твое присутствие, только твое пребывание там. Тебе даже не надо ничего говорить, но мы будем знать, что ты там находишься, и мы не примем ни одного неправильного решения». Невозможно в это поверить, но в Варанаси подобное могло произойти. Таков был этот человек...

Итак, я повторяю, что все качества заложены в вас самих: если вы стремитесь быть бедным, значит это ваша характерная особенность. В Индии рассказывают притчу... Один царь глубоко верил в то, что люди рождаются с правом быть бедным или -богатым, а это именно то, что я говорю вам. С этим не был согласен его первый министр. Он говорил: «Я не думаю, что можно изменить характерную особенность человека. Например, сын бедняка - что он может поделаться? С самого детства он должен только работать, у него нет времени даже поиграть, уж не говоря о чтении и учебе. В шесть лет он уже ведет коров в джунгли или к реке. Он начинает работать - таскать дрова... У него нет ни времени, ни места, ни возможностей... Ни одна школа не примет его, ни один брамин не станет обучать его».

Обычно все учителя в Индии - брамины; далее в наши дни почти девяносто процентов учителей в Индии - брамины. Учить - это их традиционная профессия. Естественно, что подготовлены они намного лучше, чем кто-либо, так как с самого детства находятся в атмосфере обучения. Их отцы и деды были учителями; эта профессия передавалась по наследству. Они способны к ясному изложению своих мыслей более, чем кто-либо другой.

Итак, премьер-министр сказал: «Сын брамина, далее без какой-либо квалификации, становится учителем или священником. Ваш сын станет царем - ему не надо доказывать свои качества. И, - сказал премьер-министр, - я предлагаю эксперимент. По мосту перед нашим дворцом ходит нищий. Там протекает река, и есть красивый мост, по которому ранним утром ходит нищий. Он

нищенствовал всю свою жизнь. Вы говорите, что он мог бы стать богатым. Думаете ли вы, что у него есть определенные характерные особенности быть нищим?»

Царь ответил: «Думаю, что есть. Завтра мы увидим». На следующий день царь вынес большой кувшин, полный золотых монет, их хватило бы по крайней мере на семь поколений нищих. Обычно этот нищий был первым, кто проходил по мосту, поэтому кувшин положили посередине моста: сверкающий на солнце золотой кувшин, полный золотых монет. Не заметить его было невозможно; как раз посреди моста, он должен был заметить его. Иногда нищий присаживался в этом месте, но так или иначе он всегда проходил мимо этого места; где бы он ни присел на мосту, он должен был пройти мимо этого места.

Царь, его премьер-министр и несколько их друзей с нетерпением ожидали, что же произойдет. Странно себе представить, но нищий взобрался на мост, закрыл глаза и, не видя золотого кувшина, прошел мимо и достиг другого конца моста!

Даже царь был поражен. Этого никто не ожидал. Он подумал, что спор закончен и что его премьер-министр выиграл. Сверкающий кувшин был настолько замечен, что даже слепой обнаружил бы его; по крайней мере, он споткнулся бы о него. Но этот человек с закрытыми глазами медленно прошел мимо. А поскольку его глаза были закрыты, то он держался за поручни моста и поэтому он даже не споткнулся о кувшин.

Они схватили нищего; он открыл глаза. Его спросили: «Что с твоими глазами? Мы никогда раньше не видели, чтобы ты переходил мост с закрытыми глазами».

Нищий ответил: «Когда я подходил к мосту, у меня возникла мысль, что, если я ослепну в моем старческом возрасте, - ведь мои глаза стареют, и я уже плохо вижу, - смогу ли я пройти мост и добраться до его конца. Я подумал, что прежде надо потренироваться; иначе мне надо жить с этой стороны моста, так как, если я ослепну... Поэтому я закрыл глаза. Я очень счастлив, что мне удалось благополучно пройти по мосту. Поэтому, если я ослепну, у меня не будет проблем».

Царь сказал премьер-министру: «Итак, что ты на это скажешь?»

Премьер-министр сказал: «Мне нечего сказать - вы выиграли спор. У этого человека есть характерная особенность быть нищим».

Бедняки были всегда; но эксплуатировать их бедность в целях увеличения своей численности - это грязная, подлая политика. Политика - это игра чисел. Сколько христиан у вас в мире - вот в чем ваша власть. Чем больше христиан, тем больше власти имеют христианские священники, священство.

Никто не заинтересован в спасении кого-либо, а только в увеличении численности. Именно так поступает христианство, постоянно выпуская из Ватикана указы, направленные против регулирования рождаемости и гласящие, что грехом является использование методов регулирования рождаемости или пропагандирование аборт и их узаконивание.

Вы думаете их интересуют неродившиеся дети? Это их не интересует, им нет никакого дела до неродившихся детей. Они преследуют только свои интересы, хорошо понимая, что если не будет ни абортов, ни методов контроля рождаемости, то все человечество придет к всемирной гибели.

И это настолько реально, что не видеть это невозможно. Через пятнадцать лет население земного шара увеличится настолько, что выжить всем будет невозможно. Тогда спасительным методом будет третья мировая война. Люди погибнут гораздо быстрее, легче, без затруднений от ядерного оружия, чем от голода, так как голодая можно прожить девяносто дней, но эти девяносто дней будут настоящей пыткой.

Я знаю, что собой представляет голод в Индии. Матери продавали своих детей за одну рупию. Матери съедали своих детей. Невозможно представить, до чего может довести голод. И нельзя обвинять этих людей: когда кто-то голодает в течение тридцати дней, а их ребенок постоянно плачет, просит молоко и еду, а вы не можете дать ни молока, ни еду, потому что сами голодаете, то что остается делать? Человек перестает быть в здравом уме.

Мать, которую покинуло сострадание, может убить ребенка, а когда она сделала это, ей может придти мысль съесть его. Тогда, по крайней мере, она будет сыта. Почти невозможно представить, что мать способна съесть своего собственного ребенка, но это случилось в таких странах, как Индия и Эфиопия.

Несколько дней назад Ватикан обратился к человечеству с посланием - сто тридцать девять страниц: «Аборт - грех. Регулирование рождаемости - грех.»

Нигде в Библии не сказано, что аборт - это грех. Нигде в Библии не сказано, что контроль над рождаемостью - это грех, потому что не было необходимости ни в каком регулировании рождаемости. Из десяти детей девять умирали. Такое соотношение было в Индии тридцать или сорок лет назад: из десяти детей выживал только один. Все было в порядке. Население в то время было не слишком большим, и для него хватало земных ресурсов. В настоящее время даже в Индии, не говоря уж о развитых странах, из десяти детей умирает только один.

Таким образом, с одной стороны, медицина продолжает помогать людям выжить, а христианство продолжает открывать больницы и распределять медикаменты, мать Тереза восхваляет вас, а папа собирается благословить вас... Существуют самые разные ассоциации - они даже беспокоятся о России. В Америке существует христианская ассоциация «Подпольный евангелизм», которая действует в коммунистических странах, распространяя бесплатно Библию и глупую идею, что аборт и регулирование рождаемости - грех.

Так или иначе, в России не голодают; люди там не богатые, но они не голодают. Пожалуйста, оставьте хотя бы их в покое. Они не голодают, поскольку там есть регулирование рождаемости. Если регулирование рождаемости и аборт там запретят, то Россия окажется в таком же положении, как Эфиопия. Тогда мать Тереза будет очень счастлива. Тогда подпольные евангелисты будут действовать открыто - великая возможность обратить людей в христианскую веру.

Откуда этот папа-поляк взял, что это грех — ведь этого нет ни в Библии, ни в одном из древних священных писаний. Может быть, на него снизошло новое послание от Бога? Небольшая поправка к Библии? Может быть, надо добавить эти сто тридцать страниц в Библию в качестве пятого евангелия? Что он хочет? И кто он такой, чтобы решать, что регулирование рождаемости - грех?

Папа говорит, что если ребенок зачат и имеет место аборт, то ребенок умирает. Понять это

можно, но в какой момент можно считать, что ребенок - уже живое существо? Через неделю, через две недели, через три недели после зачатия? Когда он становится человеком? Это надо решить, так как вначале он похож на рыбу, у него есть даже хвост, а вы беспрепятственно едите рыбу и животных.

На последней стадии ребенок похож на обезьяну. Именно поэтому Чарльз Дарвин пришел к известному выводу. Он собрал все типы аргументов; одним из наиболее важных аргументов было то, что на последней стадии ребенок похож на обезьяну. У него есть даже хвост, который отпадает перед рождением. Вы удивитесь, узнав, что на вашем теле есть место, предназначенное для хвоста. Хвоста нет, а место есть.

Чарльз Дарвин пропустил только одну вещь: он забыл приехать в Орегон. Там он увидел бы настоящих обезьян, которых не коснулась эволюция, и это можно было бы легко проверить сравнением. Но Орегон—такое таинственное место. На протяжении всей своей жизни я не слышал этого названия. Возможно, Чарльз Дарвин тоже никогда не слышал этого названия. Он оставил для меня возможность поехать в Орегон и увидеть столпы человеческого общества. Это место заслуживает изучения. Его можно было бы превратить в зоопарк, так что каждый, кто захотел бы изучать недоразвитых людей, мог бы поехать для этого в Орегон. Это даст огромный вклад в человеческие знания.

По телевидению я видел гнев людей из Орегона, направленный на меня и моих людей, - которые не причинили им никакого вреда и которые вовсе не имеют к ним никакого отношения. Мы так далеки от них... Они не являются даже нашими соседями, поэтому мы не должны ни любить, ни ненавидеть их. Вообще, эта христианская идея любить своих соседей — не очень хорошая идея.

Мне приходилось жить в Райпуре. Я прожил там только шесть месяцев благодаря ошибке бюрократического правительства. Я должен был получить назначение в Джабалпур, но какой-то идиот написал «Райпур» вместо «Джабалпур». Поскольку я находился в то время в столице, я заметил ошибку. Поэтому мне пришлось сказать министру образования: «Вручите мне письмо собственноручно, и я немедленно отправлюсь туда. Зачем посылать его почтой? Я же здесь». Я взглянул на письмо. Райпур? Тем не менее я сказал: «Ничего страшного, что несколько месяцев я проведу в Райпуре. Я там буду совершенно бесполезен, так как обучение в колледже ведется на санскрите, а у меня нет определенных навыков в этом языке. Поэтому я буду просто наслаждаться жизнью, находясь там, поскольку делать мне там нечего».

Итак я поехал туда. Директор колледжа заявил мне: «Ваша специальность - философия, а у нас нет философского факультета. У нас есть факультет лингвистики, и обучение в колледже ведется на санскрите. Это не ваша специальность».

Я сказал: «Мне это известно. А как же быть с бюрократией? Мне предоставили отпуск, поэтому не создавайте трудности. Меня прислал сюда сам министр образования».

Когда я произнес «министр образования», директор решил, что будет лучше, если меня принять, поскольку я могу оказаться родственником министра образования и, кроме того, никто прежде не приезжал с приказом, подписанным лично министром. Все было так необычно и беспрецедентно, что директор сказал: «Не могли бы вы подождать несколько минут в общей комнате? Я вызову вас».

Тогда я ответил ему: «Но помните, я останусь здесь, иначе я буду вынужден немедленно позвонить министру». А я знал, что собирается делать директор. В кабинете директора находился его служащий, который через пять минут пригласил меня войти. Директор позвонил министру образования и сообщил ему: «По почте приказ не дошел до нас. Кое-кто состряпал поддельный приказ и с ним прибыл к нам. Кроме того, его специальность совершенно не для нашего колледжа. Что нам делать?»

Министр образования ответил: «Сначала примите его, а потом посмотрим, куда его послать. Я не знаю, почему произошла эта ошибка. В общем, посмотрим». Вечером служащий сообщил мне, что директор звонил министру образования, чтобы утвердить мое назначение. На следующий день я задал директору хорошенькую трепку.

Я возмутился: «Теперь уже я должен позвонить ему и сообщить, что вы пытались не выполнить его приказ. Вы обманули меня: вы попросили меня подождать, а сами позвонили министру. Он мой друг, а если кто-то и покинет этот колледж, то это будете вы. Уйти придется вам. Я быстро могу организовать ваше смещение с должности с помощью той же бюрократии, которая прислала меня сюда. Я хорошо знаю служащего, сделавшего это. Вы будете смещены с должности».

Он сказал: «Не создавайте трудности. Я просто хотел убедиться, что впоследствии у меня не будет неприятностей. Вам здесь очень понравится».

Я сказал: «Хорошо, но факультет пусть меня больше не беспокоит!»

Таким образом, в течение шести месяцев ни факультет, ни директор меня не беспокоили. Я ни о чем не волновался; все шло прекрасно. Я жил в студенческом лагере санскритского колледжа и почти все дни проводил у себя дома. Изредка я посещал библиотеку. Мне больше нечем было заняться.

Один из моих соседей был очень недоволен моим присутствием там. Я чувствовал, как он раздражен. Однажды я спросил его: «В чем дело? Когда бы я ни пришел домой, вы всегда раздражены и сердиты».

Он сказал: «Я не буду скрывать от вас: я влюблен в своего ближнего».

Я сказал: «Это совершенно по-христиански, и да поможет вам Иисус. Ни о чем не беспокойтесь».

Он сказал: «Вы не поняли меня - это жена моего соседа».

Я сказал: «Думаю, нам никогда не стоит об этом говорить. Когда Иисус сказал: “Возлюби своего ближнего, как самого себя”, - ему надо было бы добавить: “Но помни, не жену его”. Но мне кажется, что все правильно, так как его жена является тоже ближней. В этом нет ничего плохого, а обо мне можете не беспокоиться. Можете продолжать делать все, что вам заблагорассудится, и считайте, что меня нет. Но сегодня я понял одну вещь, о которой Иисус забыл упомянуть. Необходимо внести поправку, что это не означает любить жену ближнего».

Такую поправку я в состоянии понять; но то, что папа предлагает относительно контроля над

рождаемостью и абортов, является совершенной глупостью. Нельзя определить, в какой момент ребенок становится человеческим существом. А если это можно определить, то сделать это должны физиологи, медики.

И что же все-таки ошибочного в регулировании рождаемости? Ведь тогда не происходит зачатие. Если папа тоже говорит, что ошибка заключается в предотвращении зачатия, то тогда он должен также заявить, что каждый раз, когда вы занимаетесь любовью и не происходит зачатия, вы совершаете грех. Вы понимаете мою мысль? Потому что, используете ли вы методы регулирования рождаемости или нет, зачатие не происходит каждый раз, когда вы занимаетесь любовью. Запомните, если зачатие не произошло, значит совершен грех. Он спрашивает вас, почему не произошло зачатие. Оно должно произойти.

Вся его заинтересованность заключается в том, чтобы дать миру больше детей, еще больше сирот. Сделать мир настолько перенаселенным, настолько бедным, чтобы единственной религией стало христианство. В этом заключалась их амбиция на протяжении двух тысяч лет. Ее надо разоблачить. Это амбиция античеловечна; и если я критикую христианство, то имею на это основания.

Самое важное — это то, что я говорю в соответствии с контекстом христианского учения. Если бы я говорил в соответствии с индуистским контекстом, я не критиковал бы христианство, а критиковал бы индуизм; или если бы я говорил в соответствии с буддийским контекстом, я критиковал бы буддизм. Было бы бесполезно критиковать христианство в буддийском контексте, поскольку в этом случае люди возлюбили бы христианство.

Я человек, который производит впечатление на людей и создает себе врагов, а не друзей — это не моя политика. Я очень хотел бы, чтобы весь мир стал моим врагом. Но все эти люди настолько трусливы, что даже не могут честно допустить, что они - враги. Каждый день я получаю дюжины писем: они молятся, чтобы Бог простил меня. Почему Бог должен прощать меня? Если я приношу кому-то горе, то готов ответить за это.

Одно несомненно: простит ли Бог меня или нет, я не собираюсь прощать его. Поэтому люди должны молиться мне, а не Богу. Они же продолжают писать мне письма: «Мы молимся Богу, чтобы он простил вас за ваши слова.»

Бога нет.

Я не выступаю против кого-либо.

Вот почему я получаю от этого удовольствие. Ведь если бы Бог существовал, вы думаете, я получал бы удовольствие? Это было бы настоящее несчастье.

Это сущее наслаждение - и нет никакого несчастья.

Беседа 19

ДАЖЕ В АДУ НЕТ НЕИСТОВСТВА, ПОДОБНОГО ХРИСТИАНСКОМУ ПРЕЗРЕНИЮ

17 января 1985 года

Бхагаван,

Сегодня я подслушал горячий спор двух христиан — воинственных приверженцев Библии - с двумя санньясинами. Когда я слушал разгневанных христиан, то понял, что они узко мыслят, совершенно не умеют слушать и им явно не хватает юмора. Что же такого сделал Иисус, чтобы заслужить таких последователей?

Если вы хотите быть христианином, совершенно необходимо быть умственно отсталым.

Любая религия, любая идеология, основывающаяся только на вере, на доверии, обязательно искалечит ваш разум.

Система веры - это не что иное, как яд для вашей способности к взаимопониманию.

Чтобы скрыть безобразные вещи, используются добрые слова.

Эти христиане - воинственные приверженцы Библии - не делают ничего неожиданного. В течение двух тысяч лет они делают одно и то же. Они переполняются гневом, если вы не придерживаетесь их взглядов; они преисполняются любовью, если вы придерживаетесь их взглядов. Их любовь условна, а любая условная любовь несет с собой ненависть, гнев, жестокость - все, что противоположно любви. Они предоставляют вам выбор: или вы придерживаетесь их взглядов, или вы станете жертвой их гнева, ненависти, жестокости.

Сейчас они могут лишь гневаться, но в прошлом они убивали миллионы людей, сжигали людей живьем. Этот гнев - ничто. Сейчас им трудно показывать свое истинное лицо, но иногда все же что-то выходит наружу, хотя они и стараются скрывать его. Невозможно скрыть некоторые вещи; например, невозможно скрыть любовь. Невозможно также скрыть гнев.

Христиане абсолютно не способны слушать то, что противоречит им. Вот почему я говорю, что умственная отсталость является категорической необходимостью.

Только открытый ум может быть готов слушать то, что противоречит ему.

Замкнутый ум может слушать только то, что поддерживает его.

Замкнутый ум открыт только в одном направлении: он воспринимает только то, что поддерживает его. Все другие направления остаются закрытыми из-за того, что есть страх. Ведь некоторые вещи могут поколебать вашу систему веры, нарушить так называемую умиротворенность ума; они могут подорвать веру. Ни один человек, являющийся верующим, не может позволить себе быть открытым.

Вы можете быть открытыми для любых мыслей, так как я не предлагаю вам никакой системы веры.

Я просто помогаю вам раскрыться во всех измерениях, даже если вы чувствуете, что они противоречат вашим идеям, которых вы придерживались до сих пор. Но даже и тогда это полезно, так как появляется шанс, счастливая возможность рассудить, верны или не верны были ваши мысли. Это великолепно, когда вы сталкиваетесь с чем-то, противостоящим вашим идеям, мыслям, которые до сих пор вы считали рациональными. А если они действительно

рациональные, то бояться нечего.

Именно страх заставляет этих людей быть замкнутыми.

Они не способны слышать вас - они боятся слышать.

А их гнев - это, в действительности, обратная сторона их страха.

Только человек, преисполненный страха, немедленно приходит в гнев. Если он не разгневадается, вы сразу же увидите его страх. Гнев - это прикрытие. Своей разгневанностью он старается заставить вас бояться: прежде, чем вы поймете, что он боится, он старается заставить вас бояться. Видите, какая это простая психология? Он не хочет, чтобы вы знали, что он боится. Его единственный метод - это заставить вас бояться; тогда он чувствует полное облегчение. Вы боитесь, он не боится - нечего бояться человека, который сам боится.

Их гнев - это попытка обмануть самих себя.

К вам этот гнев не имеет отношения.

А эти люди... Вы спрашиваете меня, что такого сделал Иисус, что заслужил таких людей. Вы задаете мне неправильный вопрос. Фактически, что бы Иисус ни сделал, он заслуживает только таких людей. Проблема не в этих людях. Проблема в людях, которые имеют некоторый разум и все же остаются христианами. Вот настоящее чудо: иметь разум и все еще быть христианином.

Возможно, что эти интеллектуалы, которые все еще являются христианами, - шизофреники: одна их часть - разумная, а другая - христианская. И эти части никогда не встретятся, между ними нет общения. Когда эти христиане находятся в своих лабораториях в качестве ученых, они действуют не как христиане, запомните, они действуют как разумные существа.

Но когда они находятся вне лабораторий и молятся в церкви, не думайте, что они — те же самые люди. Они не ученые, не открыватели, они вообще больше не интеллектуалы. Они точно такие же умственно отсталые, как те христиане - воинственные приверженцы Библии, - нет никакой разницы. Возможно, что они еще больше замкнуты. В их жизни существует Берлинская стена, разделяющая их на две части.

Галилей сделал открытие, что Земля вращается вокруг Солнца. Но он был верующим христианином, и когда папа сказал ему, чтобы он изменил свое мнение, поскольку оно противоречило Святой Библии, Галилей ответил: «Конечно. Что бы вы ни сказали, для меня будет удовольствием выполнить ваше требование». Теперь вы видите, как человек может стать шизофреником. Он припал к ногам, он целовал ноги папы - Галилей, человек, имеющий необъятный разум! А этот папа имел третьестепенный ум и ни разу не сделал ничего разумного. Вы даже никогда не узнали бы, что он существовал; именно благодаря Галилею помнят его имя. Имя этого папы осталось в истории только благодаря словам, сказанным им Галилею.

Но Галилей прикасался к его ногам, целовал их, просил прощения... а затем сказал: «Я все сделаю. Я изменю свое утверждение, я исправлю его точно в соответствии с Библией: я напишу, что Солнце вращается вокруг Земли. Но, любимый учитель, я могу изменить свои слова, но ни Земля, ни Солнце не послушают меня: Земля все равно будет вращаться вокруг Солнца».

Вы видите эту шизофрению? Одна часть Галилея целует ноги папы. Другая часть говорит папе, что он изменит свое утверждение - это не трудно, ведь это же его книга. Он может написать все, что захочет. Ну, а как насчет Земли? Как насчет всех его опытов? Как насчет его открытия, которое доказало, что Земля вращается вокруг Солнца? Только из одних этих слов, сказанных папе, видно, что личность Галилея состоит из разных частей. Возможно, что стена, разделяющая его личность, была очень тонкой. Возможно, там был уголок, где обычно встречались обе части, подобно соседям, которые разговаривают, высунувшись из окон или стоя на балконах, или переговариваются через забор.

Именно это он и сделал. Он изменил свое заявление, сделал сноску и в этой сноске написал: «Я верю в это как христианин. Но на самом деле Земля вращается вокруг Солнца. И я ничего не могу поделывать, так как я - обычный человек. Это не в моих силах». Эта сноска — откуда она взялась? А изменение его утверждения - откуда оно взялось? Галилей - это две личности, но он не способен видеть свое раздвоение.

Каждый верующий обязательно раздвоен.

Нет пути, чтобы избежать этого, потому что в тот момент, когда вы начали во что-то верить, то это означает, что вы решили больше не прислушиваться к голосу разума.

Но именно разум находит факты, подлинную сущность, истинную правду.

Поэтому, что вы предпримете? Вы полностью разрушаете свой здравый рассудок - именно поэтому те христиане - воинственные приверженцы Библии — кричат и не дают своим оппонентам возможность говорить. Вы можете говорить, - они, продолжают цитировать вам Библию, шумно перелистывая страницы. Их не волнует, слушаете ли вы их или нет, говорите ли вы или нет, задаете ли вы им вопросы или не задаете. Все это говорит об их страхе; если они действительно будут слушать вас, то поймут, что именно они подавили в себе: своей верой они подавили свой собственный разум, а ваш разум может разбудить их разум.

В этом есть определенная синхронность... Этот закон синхронности необходимо понять. Этот закон — единственный вклад Карла Густава Юнга в современный мир. Научно он еще не проверен, но рассудком понять его можно.

Например, видя иногда какого-нибудь незнакомца, по неизвестным причинам вы вдруг начинаете чувствовать огромный прилив любви или ненависти, или гнева, или сострадания. По-видимому, между вами и им что-то происходит, не оставляя за собой физических следов. Возможно, это какие-то вибрации, флюиды. Это означает, что энергия одного человека способна возбудить аналогичный вид энергии в другом человеке, так что они оба начинают вибрировать в одной и той же атмосфере чувств.

Карл Густав Юнг столкнулся с этим совершенно случайно. У него было двое старинных часов его деда. Они стояли у одной и той же стены и всегда показывали одно и то же время. Часы были старинные, и было странно, что они обладают такой точностью. Юнг перевел время одних часов на полчаса назад, а время других часов на полчаса вперед. Но через двадцать четыре часа эти часы показывали опять одно и то же время. Это было таинственно и непонятно, но он подумал, что, возможно, какая-то тонкая вибрация обоих часов привела их к синхронности.

Это случайное открытие Юнг проверил на людях, и оно доказало то, что по-настоящему является глубоким откровением. Он показал, что существует определенный закон, который до сих пор не был известен науке, - возможно, мы еще не способны создать достаточно точные приборы, чтобы проверить этот закон, но этот закон совершенно обоснован, и существуют сотни фактов, подтверждающих его. Например, если вы любите какого-то человека, вам даже не надо говорить ему «я люблю тебя», — потому что, фактически, это надо делать только тогда, когда вы не любите его. Утверждение «я люблю тебя» необходимо для мужа, для жены по крайней мере три-четыре раза в день — чем больше, тем лучше.

Я уже говорил вам, что недалеко от меня жил ювелир. Он был несколько эксцентричен - это намного лучше, чем быть слабоумным, - и он был совершенно безобидным человеком. Но изредка он скандалил со своей женой. Это тоже обычное явление... в этом нет ничего необычного. А необычным и эксцентричным было то, что они скандалили прямо в магазине при открытых дверях, что привлекало внимание толпы.

Их скандалы были не просто словесные, это были настоящие драки. Он бил жену, а жена била его, так как она поняла, что другого способа обращения с ним не существует: до тех пор, пока его сильно не ударишь, он не остановится. Он таскал ее за волосы, и она таскала его за волосы, а вокруг собирались сотни людей. И я обычно звонил в полицию, так как полицейский участок находился недалеко.

Я просто звонил из дома и говорил: «Здесь происходит великая драма. Собрались сотни людей, и если дело пойдет далеко, то может произойти убийство или что-то в этом роде. Немедленно приезжайте». Полицейский участок находился недалеко, на расстоянии двухсот метров от моего дома. Поэтому вскоре прибежали инспектор полиции и констебли. Прибежав, они хватили этих людей, которые таскали друг друга за волосы и дрались.

Ювелир сразу же улыбался и говорил: «Нет никаких проблем - мы просто беседовали». Это был единственный эксцентрический момент, заслуживающий внимания, когда он говорил: «Мы просто беседовали, обычная семейная беседа. Нет никаких проблем».

Он сразу же рассердился на людей, стоящих на улице: «Что вы, глупцы, делаете здесь? У вас нет жен? У вас не бывает семейных бесед? У нас была просто беседа, которая немножко перешла в физическую беседу, вот и все». А инспектору он сказал: «Не надо беспокоиться - я знаю, кто позвонил вам, так как это случается часто».

Инспектор ответил: «Неважно, кто позвонил; важно то, что вы устроили публичный спектакль. Если это семейная беседа, то, по крайней мере, вы можете закрыть дверь и беседовать, - а если хотите, то с рукоприкладством. Она ваша жена, а вы ее муж. Похоже, что она не боится вас, она лупит вас гораздо сильнее, чем вы ее, поэтому мы не беспокоимся, что вы можете принести ей какой-либо вред. Но после сбора целой толпы дело приняло общественный характер; поэтому мы должны вмешаться. В следующий раз, если мы застанем вас при таком публично-семейном разговоре, я упеку вас обоих за решетку».

Когда полиция удалилась и разошлась толпа, я спросил: «Ювелир, все было прекрасно, только... Вы называете это беседой? Вы когда-нибудь слышали имя Мартин Бубер?»

Он сказал: «Нет».

Тогда я сказал: «Вы должны прочитать Мартина Бубера, - или будет еще лучше, если Мартин Бубер приедет и научит вас, так как он постоянно занимается беседами. Вся его жизненная деятельность заключается в том, чтобы научить людей, как они должны вести беседы. Он даже не может представить, что беседа может быть с рукоприкладством. Вы очень экзистенциальны. Он представлял себе только словесный разговор, а вы - такой реалистичный, прагматичный, практичный».

Ювелир сказал: «Я знаю, что вы поддерживаете меня и что вы — единственный, кто мог позвонить, потому что во всей округе только у вас есть телефон. Когда бы ни пришла полиция, вы всегда отсутствуете; вся толпа здесь, а вас нет. Это вполне достаточное доказательство. А когда толпа разошлась, являетесь вы и поддерживаете меня».

Я ответил ему: «Я действительно поддерживаю вас, так как я хочу, чтобы люди были более развиты физически. Этот Мартин Бубер ничего не смыслит в разговорах. Он думает только о разговорах; «якити-якити-як» - это не беседа. Вот у вас настоящая беседа: вы фикцию превращаете в действительность».

Именно таким образом в течение двух тысяч лет беседовали эти христиане. Они намного опаснее бедного ювелира, ведь в его деле обошлось без кровопролития; это была просто шутливая драка. Христиане же убили миллионы людей, вот каков был их метод ведения разговора. Они говорили вам: «Мы можем доказать нашу веру, убивая вас».

Убивая кого-нибудь, вы просто доказываете, что вы жестокий и примитивный. Это не доказывает, что вы правы, и то, что вы говорите, — правда. Это просто доказывает, что, кем бы вы ни были, вы еще не вышли из джунглей. Вам не надо даже произносить слово «правда»; оно не для вашего языка. Мусульмане научились искусству ведения беседы у христиан.

Я спросил пандита Джавахарлала Неру, когда он был премьер-министром Индии: «Вы можете разрешить мне организовать коммуну в Кашмире?» - так как Кашмир - самое красивое место не только в Индии, но, возможно, и во всем мире. Когда Бабар, первый завоеватель, который остался, чтобы править Индией... Остальные завоеватели приходили и уходили; это продолжалось в течение тысяч лет. Захватчики приходили и грабили страну. Они забирали красивых женщин, они убивали и сжигали людей, затем они уходили с награбленным добром: золотом, алмазами, со всем тем, что они только могли захватить.

Бабар был первым человеком, который решил не покидать страну. Он говорил: «Это глупо - один раз прийти, ограбить этот народ и уйти. Лучше остаться здесь, править этим народом и продолжать его эксплуатировать. Зачем, какая необходимость уходить отсюда?»

Когда он вошел в Кашмир... первые слова, произнесенные им, стали очень знаменитыми. Будучи на вершине самого высокого холма и сидя на коне, он обернулся, взглянул на красоту кашмирской долины и сказал: «Я никогда не верил в существование рая, но если он существует, то он здесь». И действительно, Кашмир - это рай.

Я сказал Джавахарлалу: «В Кашмире достаточно земли, - это все горы, - вы можете выделить мне место».

Он ответил: «Я могу выделить вам место, но я боюсь, так как девяносто процентов народа

Кашмира - это мусульмане. Вас убьют, вам там не выжить. То небольшое, что я знаю о вас, вполне убеждает меня, что вас убьют, и я не позволяю вам обосновываться в Кашмире, потому что мне не хотелось бы, что бы вас убили. Мусульмане не потерпят вас здесь ни единого дня».

Мусульмане научились у христиан, что именно меч решает, кто прав. Сила всегда права! Поэтому, если вы сильны, значит, правы. Если вы не обладаете силой, если у вас в руках нет меча или ружья, значит ваша вера ошибочна. И мусульмане переняли это у христиан.

Мусульмане воспринимают Иисуса как одного из великих пророков. Они расходятся с христианами по одному небольшому пункту, который совершенно незначителен. Но даже этот незначительный пункт стал причиной пятнадцативековой борьбы между мусульманами и христианами. Вы будете просто поражены, - и вы не будете думать, что я преувеличиваю, когда говорю, что основная черта этих людей - это умственная отсталость.

Этим незначительным пунктом является то, что мусульмане не верят в непорочность зачатия Иисуса - и, возможно, они правы. Они говорят, что его отец, на самом деле, не был его отцом; кто-то посторонний усыновил его. Они не признают Святого Духа, они уверены, что это - чепуха. И это похоже на чепуху. Похоже, что все это - тщательно скрываемая история. Похоже на то, что Мария забеременела от кого-то другого, и чтобы скрыть это, ввели Святого Духа.

Мусульмане воспринимают Иисуса как великого Божьего пророка, но называют его Иисус ибн Мариам - Иисус-сын Марии. Вот в чем проблема, в этих трех словах: Иисус ибн Мариам - Иисус-сын Марии, потому что мусульмане всегда к своему имени приставляют имя отца. Если бы он был сыном Иосифа, они называли бы его Иисус ибн Иосиф; это было бы его полное имя. Но поскольку он не является сыном Иосифа — с чем согласно большинство христиан, — то он единственный человек во всей истории, к имени которого, как говорят мусульмане, надо приставлять имя матери вместо имени отца! Мы определенно не можем говорить: Иисус ибн Святой Дух!

Это - единственное, с чем они не согласны. И вот эта простая, незначительная, абсурдная, неуместная деталь стала причиной тысячи войн, крестовых походов, джихадов - священных войн между мусульманами и христианами. Для этого им надо быть абсолютно умственно отсталыми. Какое дело мусульманам до того, как называть: Иисус ибн Мариам или ибн Иосиф? Все трое пусть проваливаются к черту! Какое дело до всего этого мусульманам?

А христиане ничего не могут доказать, так как нет ни очевидцев, ни свидетелей, которые видели бы, как Святой Дух приходил к Марии. Даже Мария не знала, когда же она забеременела. Должно быть, Святой Дух применял какие-то еще неизвестные человечеству инструменты. Возможно, это была инъекция, искусственное оплодотворение, но даже если бы ей ввели инъекцию, она проснулась бы. Может быть, ее вводили с хлороформом... Но тогда христиане должны доказать все эти факты: во всяком случае они должны договориться, как объяснить, что Иисус оказался в чреве Марии.

Вы спрашиваете меня, что сделал бедный Иисус, что заслужил таких глупых идиотов, какими являются его последователи? Вы спрашиваете, не понимая Иисуса. Иисус и только Иисус несет ответственность за всех этих идиотов — никто больше. Дело не в том, что он сделал что-то неверно; вся его жизнь и его подход к жизни привлекают только умственно отсталых людей.

Всю свою жизнь Чарльз Дарвин искал потерянное звено. Под потерянным звеном он подразумевал следующее: когда обезьяна стала человеком, это не означает, что она просто прыгала и неожиданно стала человеком; должно быть промежуточное звено, когда эта особь была наполовину человеком и наполовину обезьяной. Эволюция происходит в виде процесса, а не в виде прыжков обезьяны, после которых она становится человеком. Но что означает потерянное звено?

Если бы у меня была счастливая возможность встретиться с Чарльзом Дарвином, - похоже, надежды на это нет, - он тоже был искренним христианином, я предложил бы ему версию, что христиане являются тем самым потерянным звеном. Куда вы смотрите? Вы можете пойти в любую церковь: если там будет обнаружен разумный человек, то его необходимо сразу же отправить в психиатрическую больницу; оставшиеся в церкви и есть потерянное звено. Обезьяны не прыгнули и стали людьми, вначале они стали христианами; другого пути у них не было.

Иисус не вносит логику в сказанное им. Когда Будда что-то говорит, он вносит в это логику, это абсолютно рационально. И он готов к диалогу, а не к беседе с рукоприкладством, он готов спорить с вами. Он приветствует спор, и если вы сможете разумно убедить его, он готов стать вашим последователем. Такая традиция существует на Востоке.

Мне вспомнилась прекрасная история жизни Шанкары. Шанкара - один из наиболее разумных, рациональных личностей, которые когда-либо жили на свете. На Западе только Канта можно сравнить с Шанкарой, и то не целиком. Он немного уступает Шанкаре, так как Шанкара жил на тысячу лет раньше Канта, и все же его аргументы намного убедительнее аргументов Канта. Шанкара путешествовал по всей Индии, вызывая на спор любого, кто только ни пожелал. Единственным условием было: «Если победишь ты, я буду твоим последователем; если я одержу победу, ты будешь моим последователем». Это не было похоже на бокс, иначе бы Мухаммед Али заставил бы Шанкару быть его последователем, - а Мухаммед Али - религиозный человек. И я не собираюсь оскорблять религиозные чувства некоторых людей.

Мухаммед Али иногда ездит в Мекку совершать хадж. Хадж - это священное мусульманское паломничество, а Мухаммед сказал, что по крайней мере один раз в жизни каждый мусульманин должен совершить хадж. Если вы не совершите хадж, то не будете допущены в рай. Таким образом, любовь не важна, сострадание не важно; а важно - паломничество в Мекку. Вы можете делать все, что хотите, но вы должны совершить хадж. Если человек совершил хадж, то его называют «хаджи». И это - его титул, который является для него пропуском в рай. Все хаджи попадают в рай. Поэтому даже бедные мусульмане...

В своей деревне я видел таких бедных мусульман, просящих деньги, принимающих пищу только один раз в день, так что по крайней мере один раз в жизни... потому что на это уйдут все сбережения, которые они скопили за свою жизнь. Я видел людей, которые продавали свои дома, свою землю, занимали деньги и оставались всегда в долгу, поскольку они не могли заплатить даже проценты, — а о выплате долга не могло быть и речи. Они занимали деньги под большие проценты; никто не давал им деньги под маленькие проценты, так как все знали, что занятые деньги им никогда не вернут. Есть такая возможность, что этот человек может умереть, потому что хадж в старые времена был почти самоубийственным паломничеством. Сейчас немного лучше, но не намного лучше.

Итак, при таких больших процентах, возможно двадцать пять процентов в месяц, они продавали самих себя и становились рабами. Дома у них уже не было, земли не было, а все то, что они зарабатывали, отдавали за проценты; но люди будут рисковать, так как, если не станешь хаджи, нет надежды попасть в рай.

Вы думаете, у этих людей есть хоть какой-то разум? А кто ответственен за это? Никто, кроме Мухаммеда, так как он сделал это правилом. Вместо того, чтобы говорить людям, чтобы они были правдивыми, честными, искренними, открытыми, разумными, он требует» чтобы они совершали паломничество.

В Аравии нет ничего, кроме пустыни, жары, страданий, болезней; миллионы людей собираются в определенное время - священные дни Рамадана - на один месяц, и там не принимаются гигиенические меры, нет больниц. Никто не обеспокоен тем, что они едят, построило ли правительство туалеты, ваннные комнаты, — никого это не интересует. Миллионы людей прибывают со всего мира, тысячами умирают прямо во время паломничества или возвращаются домой.

Но Мухаммед сделал так, что это стало совершенно необходимо. А какая во всем этом логика? В этом нет логики, поскольку место, которому они поклоняются, намного старше Мухаммеда. Там был храм с тремястами шестьюдесятью пятью великолепными статуями. Это был один из прекраснейших храмов в мире с тремястами шестидесятью пятью статуями Бога - одна статуя на каждый день года. Один день поклонялись одной статуе, на следующий день — другой статуе, и так целый год. Эти прекрасные статуи стояли по кругу, а в середине находился камень, черный камень, который называется «Кааба».

Мухаммед разрушил все эти прекрасные статуи, которые были произведениями искусства возраста, может быть, в десять тысяч лет: величайшее историческое свидетельство того, что искусство — это не только Микеланджело... За десять тысяч лет до Микеланджело уже существовали люди, обладавшие таким же искусством. Мухаммед разрушил все эти статуи, так как он был против статуй. Он говорил: «Там не может быть статуй Бога. Богу нельзя придать форму».

Но какое вы имеете право... если кто-то хочет придать Богу форму, и прекрасную форму, то кто вы такой? Какое вы имеете право разрушать статую? Но религиозный фанатизм... Мухаммед думал, что он помог лет людям, разрушая их статуи, чтобы они могли приблизиться к Богу. Он уничтожил статуи, формы, чтобы люди знали только бесформенного Бога. Но он сохранил черный камень, который находился внутри, в середине храма, и теперь они поклоняются этому камню как Богу. Мухаммед был зачинателем поклонения!

Эти люди даже не понимают, что они говорят, что они делают с другими людьми и что они делают со своим собственным народом. Мухаммед учил людей, чтобы они приезжали к Каабе хотя бы один раз в жизни: пока вы этого не сделаете, вам уготована участь попасть в крошечный ад. И Мухаммед говорил людям, что они должны обратить грешников в истинную веру с помощью меча. Когда имеется столько простых методов, зачем беспокоиться о спорах с кем-то, об убеждении кого-то?

Когда меч приставлен к вашей груди, этого достаточно, чтобы направить вас на истинный путь; зачем тогда беспокоиться о спорах? Поэтому мусульмане обращали людей в свою веру с

помощью меча. Но этого не было в восточных религиях. Эти три религии: иудаизм, христианство, ислам - религии-сестры. Эту игру начал Моисей, и он несет ответственность за этих троих своих детей.

Шанкара ездил по стране, везде вступая в споры. Он приехал в одно место, называемое Мандала, - я был в Мандале много раз. Оно находится в двух часах езды от Джабалпура, и это очень красивое место. Нармада, одна из священных рек Индустана, разветвляется на тысячу ручьев. Гора там такая, что эта река разветвляется на тысячу ручьев. Это прекрасный вид. История повествует, что там жило одно чудовище, у которого бы л а тысяча рук. Нармада - единственная девственная река в Индии, остальные реки находятся в браке. Этот Сахасрабаху - тысяча рук.... Вот, что означает это имя: сахасра означает тысяча, баху означает руки - сахасрабаху означает «человек с тысячею рук». Он сказал: «Я собираюсь жениться на этой девушке. Она не сможет скрыться от меня. У меня тысяча рук; куда она скроется?»

Итак, он попытался схватить реку своею тысячею рук. Но нарушить девственность женщины, согласно индуизму, значит совершить величайший грех, какой только возможен. Христиане наградили бы его, предоставив ему место среди своей троицы: еще один Святой Дух. Но Индустан наказал его, - по крайней мере, так было в истории; он превратился в камень. И действительно, гора выглядит так, как будто Нармада протекает сквозь тысячу рук.

Так что Мандала была древним местом паломничества и всегда была местом, где собирались великие индусские ученые. Один индусский ученый во времена своей молодости скитался как Шанкара; его звали Мандан Мишра. Реку называли Мандала в честь Мандана, который жил там. Он был так знаменит, что название той местности было изменено, и ее стали называть его именем.

Когда он был молод, он объехал всю страну и все время побеждал в спорах с учеными и философами. Когда Шанкара был молод, - ему было всего тридцать лет, - Мандан уже был стариком, он умер, когда Шанкаре было тридцать пять лет. После всех своих побед Шанкаре не очень хотелось вызывать на спор Мандана Мишру, так как Мандан был очень стар. Но, не одержав победы над Манданом, он не мог заявлять, что победил всех в стране, и утверждать, что все, сказанное им, - истина. С неохотой, но он все-таки поехал к Майдану.

За городом несколько женщин набирали из колодца воду. Шанкара спросил их: «Не скажете ли вы мне, где находится дом Мандана Мишры?»

Все эти женщины захихикали, затем рассмеялись и сказали: «Можешь не спрашивать. Езжай прямо в город и сам найдешь его дом, так как перед его домом даже попугаи цитируют Веды. Тебе не надо никого спрашивать, просто езжай. Сама атмосфера, которая царит вокруг его дома, подскажет тебе, что ты находишься рядом с Манданом Мишрой».

Шанкара немного испугался - он никогда не слышал, что попугаи могут цитировать Веды. Но он все-таки поехал и собственными глазами увидел целый ряд попугаев, сидящих на деревьях манго и цитирующих Веды на отличном санскрите. Он подумал: «С этим человеком будет трудно справиться. Но отступить нельзя». Он вошел в дом, с уважением прикоснулся к ногам старика и бросил ему вызов.

Мандан сказал: «Я слишком стар, но если ты чувствуешь, что это необходимо, я готов. Но мне не

очень хочется спорить с таким молодым человеком. Ты слишком молод, а я слишком стар, слишком опытен, и, кроме того, я победил всю страну. Вначале тебе надо дважды подумать. Пока тебя еще никто из этих людей не победил, но этих людей я победил во времена своей молодости; поэтому дважды подумай».

Шанкара ответил: «Я никогда не думаю дважды. Вначале я прыгаю, а потом думаю. Так вы готовы или нет? Если вы не готовы, то тогда должны стать моим последователем».

Мандан сказал: «У меня нет проблем; я получаю удовольствие от беседы, я получаю удовольствие от дискуссии, а спорить с таким человеком, как ты - одно удовольствие. Даже быть побежденным - огромное блаженство. Найти кого-то, кто обладает еще большим разумом, - не позорно. Но надо решить одну вещь. Ты должен найти кого-нибудь, кто сможет рассудить нас; иначе очень трудно будет принять решение».

Шанкара слышал, что жена Мандана обладает таким же великолепным умом, как и сам Мандан. Действительно, когда Мандан был молод, они дискутировали в течение шести месяцев, и только после этого Мандан смог победить эту женщину. Но эта женщина с самого начала поставила условие: «Если я проиграю, ты обязан жениться на мне. Если ты проиграешь, то я выйду за тебя замуж, так как...» Мандан понял, какая у него дилемма; он оказался в ловушке. А отказать женщине он не мог; иначе это было бы невежливо; нельзя отказывать женщине. Поэтому он вступил в схватку. Эта женщина была поистине гигантом мысли; спор продолжался шесть месяцев, и я подозреваю, что она проиграла нарочно. У меня есть основания подозревать ее в этом, так как в любом случае она должна была стать его женой. Выглядело бы ужасно: выиграть, а затем выйти замуж за побежденного человека - это было бы некрасиво - иметь мужа, который проиграл... Поэтому я всегда чувствовал, что Бхарти - это было ее имя - должно быть, подстроила все это. Шести месяцев было достаточно, чтобы доказать ее характер. Во всей стране даже шести дней никто не мог выстоять против Мандана. Если она смогла выстоять шесть месяцев, значит она, должно быть, превратила всю кровь Мандана в пот.

И она заставила себя проиграть. Я подозреваю, что доказательством этого является спор между Шанкарой и Манданом. Шанкара сказал: «Мне хотелось бы, чтобы нас рассудила ваша жена».

Бхарти сказала: «Я не возражаю против того, что вы выбрали меня, хотя прекрасно знаете, что я - жена Мандана Мишры».

Шанкара ответил: «Я знаю это, но я также знаю, что вы обладаете великолепным умом и что вы были единственным человеком, который почти победил Мандана. Я не могу считать вас нечестной, поскольку вы - жена Мандана и, кроме того, сами обладаете независимым умом. Каким бы ни было ваше решение, оно будет принято безоговорочно».

Спор продолжался также шесть месяцев. В конце концов проиграл Мандан. Шанкара спросил у Бхарти ее мнение.

Бхарти сказала: «Мандан проиграл, но вы еще не выиграли». Вот такой был климат разумности. Она сказала: «Мандан проиграл, но вы еще не выиграли, потому что я, как его жена, согласно индусским священным писаниям являюсь его половиной. Поэтому, вы имели дело только с одной половиной Мандана Мишры. Другая его половина - перед вами. Теперь вы должны дискутировать со мной».

Шанкара уже достаточно устал. Шесть месяцев, проведенные с Манданом, были такой трудной работой, что ему часто приходилось задумываться о своем возможном проигрыше. И тут же сразу начинать новые дебаты... И он знал, что эта женщина дискутировала с Манданом целых шесть месяцев; что же теперь будет? Но эта женщина была поистине разумной. Она сказала: «Я не интересуюсь теологией - я женщина, поэтому забудьте все о ваших Брахмасутрах Бадараяны; о Шримад Бхагавадгите, о Ведах; я не интересуюсь этим, меня интересуют Камасутры Ватсьяны», - это первая книга в мире по сексологии.

Шанкара был холостяком, ему было тридцать лет.

Он сказал: «Ватсьяна? Но я даже не читал его».

Тогда Бхатри сказала: «Можете попросить, чтобы вам предоставили время для изучения».

Но он ответил: «Простое изучение этой книги не поможет мне, потому что у меня нет практических знаний».

Бхарти сказала ему: «Я могу предоставить вам сколько угодно времени. Вы сможете жениться и получить практические знания. Но до тех пор, пока вы будете проигрывать мне в сексологии по вопросам, касающимся секса и всех его тонкостей, вы не имеете права заявлять, что победили. Мандан проиграл, Мандан обязан стать вашим последователем; он может помочь вам. Он стар, он - мой муж, и он знает все о сексе. Он может помочь вам, так как теперь он - ваш последователь. Но другая его половина все еще должна быть побеждена».

Ну, а ученики Шанкары должны были бы придумать окончание этой истории, так как она похожа на выдумку. До этого момента она была совершенно правдоподобна. Шанкара попросил шестимесячный отпуск, и через эти шесть месяцев он вошел в тело только что умершего царя, - ведь он не мог испытать секс через свое собственное тело, он был монахом, давшим обет безбрачия. А эта женщина поставила перед ним условие: или он должен смириться с поражением и стать последователем Бхарти... Но это было бы глупо: Мандан - его последователь, а он сам — последователь Бхарти.

Я не думаю, что это правда: наверное, Шанкара все-таки испытал секс через свое собственное тело. Пусть теперь индусы и все их религиозные чувства будут оскорблены; что я могу поделать? Я не могу поверить в такой абсурд, что он занял место только что умершего царя, вошел в его тело, а свое тело оставил в пещере, - я также был в этой пещере, - вместе с его учениками. Они должны были охранять тело до тех пор, пока он не вернулся; в течение двадцати четырех часов в сутки они охраняли тело и заботились о нем. В течение шести месяцев он находился в теле царя, занимаясь всеми видами секса с его многочисленными женами.

А через шесть месяцев он опять вошел в свою тело; царь умер. Шанкара вернулся к Мандану, чтобы продолжить спор, а Бхарти просто смеялась. Она сказала: «Я просто пошутила. Когда проиграл мой муж, я тоже проиграла. Его жизнь - это моя жизнь, его смерть - это моя смерть, его удовольствие - это мое удовольствие, а его боль - это моя боль. Его поражение — это мое поражение; вам не нужно спорить».

Шанкара сказал: «Боже мой! Тогда зачем вы втянули меня в эти неприятности?»

Но мне это кажется историей того же рода, что и история о девственнице Марии или о том, что Будда родился стоя. Мать находилась в стоячем положении; Будда вышел из чрева матери, стоя, он стоя свалился на землю. И тут же он сделал семь шагов, после чего объявил: «Я - величайший просветленный, который когда-либо ступал на землю». Все это дурацкие истории, - но такие вещи делают все религии колоритными, так что даже умственно отстающие люди могут получить немножко удовольствия.

Иисус вообще не спорил. Он никогда не противостоял никакому раввину; может быть, это было правильно. Вопрос в том, что сделал Иисус, чтобы заслужить таких последователей? Для этого он сделал все. Он произвел хаос в великом храме евреев, вышвырнув оттуда менял и перевернув их прилавки. Это не метод для человека, который говорил: «Бог есть любовь», - который говорил: «Люби своего врага как самого себя». Но я не думаю, что он любил своих врагов как самого себя.

И он не только вышвырнул тех людей, которые находились там веками... А они играли существенную роль; без них миллионы бедных евреев имели бы огромные трудности. Это было прекрасное учреждение. Оно было создано, чтобы помочь бедным евреям: они могли занимать деньги в храме под очень низкие проценты, и так они избегали местных эксплуататоров, которые брали бы с них максимальные проценты. Иначе они никогда не смогли бы отдать долги, так как проценты были очень большими; не будучи рабами, они стали бы рабами на всю свою жизнь. Это было великое учреждение.

Я не думаю, что это было неправильно. Это было абсолютно правильно, что храм снабжал бедных людей деньгами при минимальных процентах. А в храмах было очень много денег. Это было абсолютно справедливо и очень этично - помогать бедным людям, так как деньги поступали в храмы от тех же самых людей. Но то, как представляют это христиане, ошибочно и несправедливо. Само это учреждение было совершенно правильным, а Иисус там все нарушил.

Он должен был бы пойти к верховному священнослужителю, поспорить с ним и сказать: «Это учреждение, взимающее проценты с бедных людей, - неправильное. Давайте им деньги без процентов». Но нет, он поступал насильственно; он был разгневанным человеком. А все его поведение - это не спор, это беседа, подобная той, которую вел мой знакомый ювелир. Это не доказательство правоты, когда вышвыривают менял из храма. При этом система не разрушается: они вернутся обратно, что вскоре и произошло. После этого все еврейство рассердилось на этого человека. Я думаю, они распяли его, потому что у них не было другого выбора; этот человек был слишком высокомерен.

Я думал о всех тех людях, которые были распяты, отравлены, убиты, - например, Сократ. Я считаю его абсолютно правым, а людей, которые отравили его и решили его убить, абсолютно неправыми. Они были не в состоянии противостоять ни одному из его аргументов. Они не обладали, никто из них не обладал таким умом, какой был у Сократа; они были обычными пигмеями. Но это была «демократия»...

До настоящего времени никогда не было никакой демократии.

Демократия еще только должна прийти в наш мир; она еще не вошла в него.

Всегда была «мобократия», которую называли демократией.

Во имя демократии эти присяжные заседатели, которые не стоили того, чтобы чистить и башмаки Сократа, голосованием решили - при отсутствии подавляющего большинства, всего в один голос: пятьдесят один процент был за то, чтобы отравить его, а сорок девять - против. Они ничего не могли сказать против него, за исключением бессмысленных слов: «Он отравляет умы людей».

Точно так же они жалуются на меня, что я отравляю умы людей. Я просто отравляю их умственную отсталость и помогаю им освободить свои умы от умственной отсталости - именно этим занимался Сократ.

Сократ никогда не делал ничего такого, что можно было бы назвать исходящими из высокомерия, злобы, зависти. Он никогда не стремился занять какой-либо государственный пост, он не интересовался политической властью. Он вообще не был злым человеком.

История гласит, что его жена была настоящим чудовищем, но иногда случается, что у таких прекрасных людей, как Сократ, бывают такие чудовищные жены. Это странно, но, возможно, в жизни должно быть равновесие. Возможно, только Сократ мог выносить эту женщину; я думаю, ни один человек не смог бы прожить с ней и дня. Она часто била Сократа, а он просто сидел, не обращая на это внимания.

Когда его ученики спрашивали его об этом, Сократ отвечал: «Это ее проблема; она сердится. Это ее проблема - она страдает, и из-за этого у нее бывают вспышки раздражения. Если я просто нахожусь рядом с ней, то она бьет меня, но это ее проблема, это не моя забота».

Однажды, когда он вел занятия со своими учениками, в гневе вошла она - существовала одна вещь, которая злила ее, - это то, что он всегда учил правде, свободе, а ей он никогда не уделял достаточно времени. К нему приходили разные люди из разных мест; и им, незнакомцам, он уделял свое время — незнакомцам, которые не представляли собой ничего интересного. Она находилась рядом, кипятила воду: она была его женой, но ей он не уделял так много внимания.

Это обычное недовольство всех женщин на свете: муж увлеченно продолжает с кем-то играть в шахматы, продолжает с наслаждением курить сигару, читает газеты, а его жена ругается, но он даже не прислушивается к тому, что она говорит. Он просто говорит: «Хорошо, хорошо». Он ложится спать и сразу же начинает храпеть. А с этими незнакомцами...

И вот, жена Сократа подошла с кипящим чайником, - она готовила чай, но Сократ был увлечен разговором, который все продолжался и продолжался, а время чаепития уже прошло; уже было время ужина, - она вошла разгневанная и вылила весь чайник с кипятком на голову Сократа. Половина его лица была сожжена, и на лице навсегда остались шрамы. Но он продолжал разговор.

Люди, находившиеся рядом, были потрясены. Они даже совершенно забыли, о чем говорили, но Сократ продолжал беседу. Они спросили его: «Вы еще помните, о чем мы говорили?»

Он ответил: «Да, а это ее проблема. Это не моя проблема». Итак, этот человек не держал в себе злобу, он не был высокомерен; у него не было желания доказывать, что он -сверхчеловек; нигде не упоминается, что он возвышал себя над обычными людьми.

Иисус высокомерен; и естественно, что у него были высокомерные последователи. Он - модель. Его высказывания не похожи на высказывания скромного человека. Хотя он говорит: «Будь скромным, будь смиренным», но похоже, что все его учение — это для других: сам он не скромный. Смиренный человек никогда не скажет: «Я сын, рожденный от Бога». Что еще может быть более эгоистичным?

Смиренный человек не будет настаивать на том, что он — мессия, посланный Богом, что он - тот человек, которого ждали. Если никто с этим не соглашается, оставьте эту идею. Это для них: если они не хотят мессию, если они не хотят получить откровение, то что же можно поделать? Вы уподобляетесь почтальону; и если человек говорит: «Я не хочу получать этот конверт, возьмите его обратно», - то что же может сделать почтальон? Но он был очень высокомерным почтальоном. Он настаивал на том, чтобы доставить послание; хотите ли вы этого или нет, принимаете ли вы его или нет, он все равно передаст послание Бога.

Я много раз думал, что, возможно, из-за высокомерия и злобы Иисуса и постоянного приставания к ним, чтобы его воспринимали как мессию, евреи и были вынуждены просить, чтобы его распяли на кресте. Я не думаю, что это была их вина; основная ответственность ложится на самого Иисуса.

В Индии мы видели, что Будда выступал против Вед, но он был готов приветствовать любой спор. Иисус только утверждает, о споре нет и речи; он - мессия, и он принес послание.

Во всех четырех Евангелиях ничего не аргументируется. И я могу себе представить сцену тех времен, происходящую в Иерусалиме. Иисус, должно быть, был похож на шута, странствуя с той компанией, - я, по крайней мере, не стал бы странствовать с такой компанией. Все эти двенадцать апостолов - типичные орегонцы. Я не вижу никакой искры в этих двенадцати апостолах: ни одного разумного человека, ни одного раввина, ни одного ученого, ни одного профессора - никто из тех, кто обладал хотя бы какой-нибудь остротой ума, не находился среди тех, кто следовал за ним.

Даже когда он был здесь, вокруг него собрались одни идиоты. Только Иуда был немного образован. Остальные были не образованны: рыбаки, крестьяне, лесорубы, плотники - все они были из самых нижних слоев общества. Это не значит, что в Иерусалиме была нехватка интеллектуалов, Иерусалим в то время пульсировал разумом. Это был их час пик: там находились великие раввины, великие ученые и великие, разумные люди.

Иисус должен был обратить в свою веру их. Вы не нашли бы там этих одержимых приверженцев Библии; или их можно назвать воинствующими? Воинствующие... Одержимые - тоже не плохо. Тогда не было этих разгневанных идиотов, которые не способны ни понимать, ни слушать.

Христианство привлекло на свою сторону большую часть человечества по той простой причине, что эта большая часть была умственно отсталой. Чтобы быть последователем Бодхидхармы, необходимо иметь значительные качества; чтобы понимать Нагарджуну, надо увеличить предельный потенциал своего понимания. Но Иисус в этом не нуждается. Все, что ему надо, - это: «Верьте мне, доверяйте мне; это все, что вам надо делать. Остальное предоставьте мне, и все будет сделано в судный день. Я выберу и отсортирую свою паству и скажу своему отцу, что эти люди должны быть спасены, а остальные должны быть отправлены в ад».

Вы думаете, какой-нибудь разумный человек будет следовать этим идеям, в которых нет логики, нет мысли? И с того времени он собирает соответствующих людей, уродов, свидетелей Иеговы. В Индии я встречал этот тип странных людей, и за них несет ответственность Иисус, так как его поступки были ошибочны. Он не придерживался того, о чем говорил. Если бы он был смиренный, скромный, если бы он был способен спорить, готов слушать, - но нет; он был абсолютный фанатик. Что бы он ни сказал, есть правда; ему не нужны другие мнения. Он - сын Божий, этого достаточно. Сын Божий не может лгать. Он был послан Богом, - но ему надо было, по крайней мере, взять у Бога удостоверение, чтобы показывать его людям.

На каком основании человек может говорить: «Я — сын Божий»? И вы думаете, какой-нибудь разумный человек поверит в это? Нет. Я искренне чувствую, что отравление Сократа было преступлением против эволюции. Я искренне чувствую, что распятие Мансура было преступлением против растущих потенциальных возможностей человека. Но относительно распятия Иисуса у меня нет этих чувств, так как он несет ответственность за все, что случилось с ним. И он несет ответственность за тот тип людей, которые собрались вокруг него.

И эти идиоты пр всему миру продолжают потреблять идеи Иисуса, как горячие пироги, - или, может быть, правильнее сказать, как горячих собак (hot dogs - сосиски с горчицей и булкой)? Я подумывал о том, чтобы предложить моим Магдалинам приготовить что-нибудь наподобие вегетарианских горячих сторожевых собак. Они, на самом деле, готовы продавать вегетарианских горячих сторожевых собак, а не обыкновенных собак.

Глупые, тупоумные и умственно отсталые - все они стали христианами, и мы должны помочь им освободиться из их тюрем. Они заключены в тюрьму. А люди, которые по своему собственному желанию стали христианами? Все в порядке. Если они хотят ими быть, то пусть будут, но никого нельзя при рождении насильно делать христианином, или индусом, или мусульманином. Никого нельзя заставлять при рождении.

Для участия в политических выборах необходимо, чтобы человек был взрослым, по крайней мере, ему должен быть двадцать один год, чтобы принимать политические решения, хотя политика - это третьестепенное дело. А когда вопрос стоит о религии, которая является первостепенным делом человека, ему не дают возможность вырасти, выучиться, чтобы быть открытым для любых ветров, а затем уже самому выбирать. Религию надо выбирать, ее нельзя передавать по наследству. Даже если она поглощает вас полностью, она стоит того, так как является для вас первостепенным делом.

Итак, все, что переходит к вам по наследству, - это ужасно, будь то христианство, или индуизм, или джайнизм, или буддизм; отбросьте все то, что передается вам по наследству.

Ищите сами.

Будьте взрослыми.

Только тогда, возможно, мы будем способны освободить людей из их тюремного заточения.

И если все разумные люди не будут сидеть в клетках, я совершенно уверен, что многие умственно отсталые люди начнут мыслить по-новому. Они не будут воинствующими или одержимыми христианами - приверженцами Библий. Они не будут злиться, если им будет

предложено что-то противоречащее их убеждениям. Они не будут готовы сразу же отрубить вам голову или застрелить вас, если вы выступаете против их идеологии.

Религиозный человек остается открытым до последней минуты своей жизни, до самой смерти; до своего последнего дыхания он остается открытым.

Это является основным и абсолютным свойством религиозного человека: всегда оставаться открытым, потому что, кто знает, может быть, завтра вы столкнетесь с новыми условиями жизни и вам придется изменять весь смысл вашего существования, всю вашу жизнь.

Никто не знает, что вас ожидает завтра.

В Библии или в Коране нет новых откровений.

Откровения - в жизни.

Если вы открыты, то каждая минута - это откровение.

Но если вы замкнуты, то вы мертвы. В тот день, когда вы стали замкнутыми, вы стали мертвыми.

Существуют мертвые христиане, существуют мертвые индусы, существуют мертвые мусульмане; земля переполнена мертвецами, - но они ходят, разговаривают, поучают, обращают других в свою веру, делают всевозможные вещи. Но, как я вижу, среди них редко попадаете живой человек, очень редко попадаете человек, который еще жив.

Я называю того человека живым, который всегда открыт, который никогда не закрывает окна и двери своего бытия, так как завтрашний день - непредсказуем.

Все, что мы можем сказать, - это: «Все, что было до сегодняшнего дня, - это мое переживание; завтрашний день сам позаботится о себе».

Беседа 20

БОЯЗНЬ АДА, ЖАЖДА РАЯ: НЕНАВЯЗЧИВАЯ ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ СПАСИТЕЛЯ

18 января 1985 года

Бхагаван,

Разве это плохо - пытаться спасти кого-нибудь? Не это ли часть сострадания?

Сострадание - это очень деликатное дело. Оно, несомненно, занимает некоторое место в попытке спасти других людей, но существует много условий, которые вначале необходимо выполнить.

Первое условие — это то, что вы сами спасены; иначе, во имя спасения других вы будете просто уничтожать их. А пытаясь спасти других, вы будете упускать возможность спасти себя. Только человек, который сам пришел домой, может помочь кому-либо. Слепой не может помочь слепым. Ваши глаза должны быть открыты; вам самим необходимо видеть свет прежде, чем вы

начнете говорить другим, что это такое.

Сострадание, несомненно, включает в себя идею спасения других, но не против их воли. Если кто-то не хочет быть спасенным, вы не должны принуждать его; тем более вы не должны спасать его с помощью меча. Это не спасение. Это просто означает, что во имя спасения вы стараетесь властвовать над людьми.

В Райпуре есть очень старинный пруд. Благодаря его древности, его называют будха талуб - старый, древний пруд, и он является частью Райпура. Эта часть города также называется будха паду — очень старая, древняя часть; будха означает «старик». Пруд действительно очень красив своей древностью - старые каменные ступеньки покрыты толстым слоем мха.

Я часто приходил туда просто посидеть, поскольку туда никто больше не приходит. Пруд стал грязным; мох плавает на воде толстым слоем, и вода почти зеленая. Пруд не очищали уже много лет, поэтому никто туда не приходит. В других местах тоже есть пруды; водой из этого пруда никто не пользуется. А поскольку это такое тихое место, я хожу туда каждый вечер просто посидеть и полюбоваться закатом солнца.

Однажды, когда я сидел там, в пруд внезапно упал человек и стал кричать: «Помогите! Помогите!» Я не заметил, когда он подошел и как поскользнулся. Любой мог поскользнуться; из-за росшего на них мха ступеньки были очень скользкие. Я прыгнул в воду на помощь этому человеку и вытащил его из пруда. Он был очень рассержен.

Он сказал мне: «Зачем вы это сделали?»

Я сказал: «Странно, вы же звали на помощь».

Он сказал: «Да, я звал на помощь, потому что испугался, но, в действительности, я хотел покончить жизнь самоубийством, а вы помешали мне. Я не стал бы кричать, если бы знал, что здесь кто-то есть; обычно сюда никто не ходит. Что вы здесь делаете?»

Я ответил: «Странно, но когда вы стали кричать “Помогите! Помогите!”, я подумал, что вы тонете. Напрасно я весь вымок в этом грязном пруду, а вы еще сердитесь».

Он сказал: «Да, конечно, я сержусь, потому что я закричал от страха. Я не хотел, чтобы меня спасали».

И вы знаете, что я сделал? Я просто толкнул его обратно в пруд. А что еще оставалось делать? Он снова стал кричать: «Помогите! Помогите!»

И я сказал: «Теперь я не собираюсь помогать вам. Дважды я помог вам: первый раз, вытащив вас из воды; второй раз, столкнув вас в воду. Теперь делайте, что хотите».

Он сказал: «Что же вы за человек?» И стал тонуть, то появляясь из воды, то скрываясь под водой, и все время крича: “Помогите!”»

Я сказал: «Против вашей воли я не буду вас спасать».

Он сказал: «Я же говорю помогите», - но я продолжал спокойно сидеть.

Я сказал: «Попробуйте сами». Когда я столкнул его, он упал в воду не далеко от берега, поэтому было совершенно ясно, что ему удастся выбраться. И ему удалось. Он наглотался воды, но вылез и сказал: «Вы — странный человек».

Я сказал: «Я странный человек? Это вы странный человек! Вначале я спас вас; вы рассердились. Затем я помог вам, столкнув вас обратно в воду; вы опять рассердились и стали звать на помощь».

Он сказал: «Да, когда я оказываюсь в воде, я начинаю бояться смерти, но, в действительности, я хочу покончить жизнь самоубийством».

Я заявил ему: «В таком случае приходите сюда в другое время, так как в это время я всегда нахожусь здесь, а когда вы начинаете кричать “помогите”, не помочь вам я не могу. Но я не могу помогать вам против вашей воли».

Сострадание не может позволить делать даже добро другому человеку, если он не готов к этому.

Сострадание дает полную свободу, уважение и чувство собственного достоинства другому человеку.

Все эти люди, которые старались спасти других, являются побочными продуктами христианства и его обусловленности.

В буддизме нет места для спасения других. Будда говорит: «Я могу показать вам путь, а вы должны идти сами. Я не могу идти вместо вас. И если вы не хотите идти, то кто я такой, чтобы заставлять вас идти? Более того: я могу сказать, что я ходил по этой тропе и я могу описать ее красоты, но в любом случае я не могу заставить вас идти. Это будет уже не сострадание, это будет жестокость. Если вы получите удовольствие от того, что пойдете каким-нибудь другим путем, то я благословлю вас. Даже если вы направитесь в ад, я благословлю вас».

Махавира абсолютно четко указал: «Никто никогда никого не спасал, Это невозможно по самой природе, так как если кто-то может спасти вас, то кто-то может также и не спасти вас. В этом случае ваше бытие не принадлежит вам, оно дается вам кем-то посторонним. Это подобно тому, как если бы кто-то дал вам деньги, а кто-то другой украл бы их, - вы не хозяин этих денег. По крайней мере, вы владеете только своим самовыражением, своим просветлением - тем, чего никто не может у вас отнять. Это простая логика: если кто-то может дать вам что-то, то кто-то может вас и лишить чего-то; здесь нет проблемы. Если можно вас заставить стать просветленным, то можно вас заставить не становиться просветленным».

Махавира очень ясно выражается, и я согласен с ним: по крайней мере, что-то одно предельное должно быть оставлено - для индивидуальности. Просветление - это предельное переживание. Его нельзя занять у кого-то, нельзя передать, купить, произвести над ним насилие; иначе оно не будет чем-то реальным.

Благодаря именно христианской глупости была распространена идея о том, что никакая другая религия до христианской и не помышляла о спасении кого-либо. Если вы знаете путь, то познаете радость пути; вы можете петь песню, вы можете танцевать танец. Если кто-то чувствует, что способен идти вместе с вами и стать вашим попутчиком, но не последователем,

то это всегда получит одобрение. Здесь нет места насилию, и вы не обязываете его ничем.

Это прекрасные характерные черты, которые возникли в сознании человека на Востоке несколько тысяч лет назад: если вы указываете путь, сообщаете все детали этого пути и обучаете, как пройти по нему, то даже в этом случае вы не принуждаете кого-либо быть вам обязанным. Вы это делаете не для него; это просто ваше личное переживание, которым вы хотите с кем-то поделиться. Это он обязывает вас тем, что слушает вас, что дает вам возможность поделиться с ним своим переживанием. Он помогает вам облегчить вашу ношу; а если вы хотите облегчить свою ношу, вы должны быть благодарны ему - здесь нет и вопроса о спасении.

Но после возникновения христианства это стало почти всеобщим явлением. После христианства пришло мусульманство, и, конечно, они дошли до самого логического конца: или вы должны быть готовы к своему спасению, или должны быть готовы умереть. Вам не предоставляют иного выбора, потому что они верят в то, что если вы живете, не будучи спасенными, то тем самым вы совершаете грех и поэтому будете мучиться в аду. Убивая вас, они, по крайней мере, избавляют вас от возможности попасть в ад.

А погибнуть от руки спасителя - это почти то же самое, что быть спасенным. Именно это говорили мусульмане, что если вы убиваете кого-то, чтобы спасти его, то он спасен; об этом позаботится Бог. Этот некто спасен, а вы приобретаете еще больше добродетели, спасая людей таким образом. Мусульмане убили миллионы людей на Востоке. И самое странное то, что они верили в правоту своего дела. Наиболее опасное явление, когда кто-то, совершая ошибку, верит, что он все делает правильно. Его невозможно переубедить, он не предоставляет вам возможности переубедить себя. В Индии я пытался любым способом постичь мусульманских грамотеев, но они непостижимы. Они не хотят обсуждать религиозные вопросы с людьми; не являющимися мусульманами.

Они порицают человека за то, что он не мусульманин. Точно так же, как христиане называют нехристиан еретиками, мусульмане называют немусульман каффирами - это еще даже хуже, чем еретик. Каффир произошло от слова куфр, что означает грех, грешник. Каффир означает грешник: всякий, кто не является мусульманином, - грешник. Других категорий не существует; есть только две категории. Если ты мусульманин, тогда ты святой... Чтобы быть святым, надо лишь быть мусульманином, и тогда ты спасен, поскольку ты веришь в одного Бога, в одного пророка - Мухаммеда - и в одну священную книгу - Коран. Достаточно верить в эти три вещи, чтобы стать святым. А те, которые не являются мусульманами, - каффиры, грешники.

Странно то, что в Индии наибольшая часть населения - мусульмане, даже сегодня, после отделения Пакистана. До отделения Пакистана Индия, несомненно, была самой большой мусульманской страной в мире. После образования Пакистана была надежда, что у мусульман будет своя собственная страна. Они получили большую часть страны в соответствии с многочисленным мусульманским населением, но не все мусульмане переехали в Пакистан. Все индусы в Пакистане были убиты, поэтому Пакистан - чисто мусульманская страна. По мусульмане, не переехавшие в Пакистан, а оставшиеся в Индии, по своему количеству превосходят всех мусульман других стран мира, включая Пакистан.

В Индии, хотя это и индусская страна, проживает самое большое количество мусульман. Поэтому осуществить взаимное общение все еще невозможно. Я прилагал все усилия, но если вы

- не мусульманин, то как можно достичь взаимопонимания? О каком-либо диалоге даже нет и речи: вы - каффир. В университете у меня был коллега-профессор, который меня очень любил. Он был мусульманин. Я спросил его: «Фарид, не могли бы вы организовать?..» Джабалпур - один из самых больших мусульманских центров, и там много великих ученых. Там жил очень знаменитый ученый, Бурха-нуддин. Он был стар и известен по всей Индии и вне Индии как ученый в области мусульманства. Я попросил Фариду: «Найдите способ, чтобы я мог поговорить с ним».

Он ответил: «Это будет очень трудно до тех пор, пока вы не сможете притвориться мусульманином».

Я сказал: «Это слишком трудно, потому что, тогда вы должны обучить меня основам ислама - их молитве и тому, как они себя ведут. И, кроме того, Бурхануддин знает меня, -много раз мы выступали в одном и том же месте, - поэтому мне будет очень трудно действовать. Я могу попробовать, вреда не будет. В худшем случае нас с вами разоблачат и мы сможем посмеяться над всем этим».

Он сказал: «Вы можете посмеяться, но мое положение будет не из завидных. Меня убьют и скажут: «Ты - мусульманин, а оказываешь поддержку каффиру и обманываешь одного из великих Учителей». Но у него было желание помочь мне. Он начал обучать меня языку урду. Его очень трудно изучить, потому что он абсолютно отличается от любого языка, который произошел от санскрита. Написание на языке урду начинается в верхнем правом углу страницы и идет справа налево.

Поэтому очень трудно приспособиться: там все наоборот. Книгу надо начинать читать с конца; там начало книги. Все предложения начинаются справа и идут налево. Из-за способа написания на языке урду еще пока не найден метод печатания на урду. Способ письма на урду совершенно не научный, надо все время догадываться о том, что написано. Поэтому те, кто привык читать на урду, делают это на основе догадок относительно того, что должно быть написано. Но для изучающих этот язык строить догадки очень трудно.

Я старался в течение шести месяцев. Я изучил достаточно для того, чтобы обмануть кого-нибудь и заставить его думать, что я не слишком образован, но немного образован. Я изучил их молитвы; а Фариду удалось достать для меня парик, и он подстриг мою бороду на мусульманский манер. Их бороды имеют такой странный вид, что когда я думаю об этом, то в животе у меня начинает урчать. В конце концов мне полностью сбрили усы и оставили только бороду.

Я воскликнул: «Боже мой! Если бы ты сказал мне обо всем этом раньше, я не стал бы тратить на это шесть месяцев!» Во всяком случае они были правы, поскольку я знаю, что усы доставляют много хлопот - особенно такие усы, как у меня, неподстриженные и неухоженные. Я не позволяю Мукте подстригать их. С такими усами очень трудно пить чай или фруктовый сок, потому что половина напитка остается на усах. Именно поэтому мусульмане нашли способ: они сбривают усы, а бороду оставляют. Но вид получается ужасный.

Но я сказал: «Все в порядке, мы справимся. Несколько дней я не буду покидать свой дом. Дайте мне парик и позвольте мне увидеться с Бурхануддином». Мое лицо совершенно изменилось, когда Фарид подстриг мою бороду на мусульманский манер, - по бокам борода была очень

густая, а на подбородке - очень редкая; почти как у Ленина. В парике и без усов у меня был совершенно другой вид.

Мы отправились к Бурхануддину; старик сделал замечание относительно моих глаз. Он сказал: «Где-то я видел эти глаза».

Я воскликнул: «Боже мой! Фарид, где же Маулана, -маулана означает учитель, он был известен как Маулана Бурхануддин - мог видеть меня? Я ведь никогда не бывал в этом городе».

Фарид задрожал, у него был нервный срыв: мы не подумали о глазах. Старик продолжал смотреть, затем он промолвил: «Я кое-что подозреваю».

Я сказал: «Фарид, он что-то подозревает». Фарид припал к его ногам и произнес: «Не надо ничего подозревать - вы знаете этого человека. Простите меня, я просто старался помочь ему, так как он хотел поговорить с вами».

Старик сказал: «Вначале скажи, кто он, так как, насколько я помню, я знал этого человека и много раз видел его. Вы просто сбрили ему усы».

Я сказал: «Это хорошо, Фарид, что ты говоришь правду и что ты не только сбрил мне усы...» Я снял парик и сказал: «Взгляните на парик».

В тот момент, когда я оказался без парика, Бурхануддин сразу же узнал меня и воскликнул: «Это вы!»

Я ответил: «Что остается делать? Вы хорошо меня знаете и не собираетесь провести со мной личной беседы. Вы думаете, что достаточно быть мусульманином, чтобы стать святым? А какой грех совершил я?»

«Конечно, я - не мусульманин, но сам Мухаммед не был мусульманином, когда родился. Он был каффиром, грешником. И можете ли вы мне сказать, кто обратил Мухаммеда в исламскую веру? Он никогда не был обращен в веру. Как Иисус оставался евреем, так и Мухаммед оставался язычником всю свою жизнь; мусульманство — это то, что началось после его смерти. Поэтому, если Мухаммед - каффир мог быть посланником Божьим, не могу ли и я обсуждать это откровение?»

Бурхануддин сказал: «Это то, чего я боюсь. Вот почему мы не поощряем беседы мусульман с не мусульманами».

Я сказал: «Это просто говорит о вашей слабости. Что такое страх? Я открываю себя вам, чтобы быть спасенным вами. Спасите меня, - а если вы не можете спасти меня, тогда позвольте мне спасти вас».

Но этот человек просто повернулся к Фариду и сказал: «Убери его - я не хочу больше разговаривать. А ты должен придти завтра повидаться со мною».

Фарид был наказан, избит. Я не мог в это поверить: он был профессором университета, хорошо известным ученым, который руководил студентами, проводившими исследовательские работы по мусульманству, по литературе урду и по Корану. Бурхануддин нанял несколько хулиганов -

они задали Фариду хорошенькую трепку. Он показал мне свое тело; по всему его телу были отпечатки мусульманского отношения к нему. ‘

Он сказал: «Я говорил вам раньше, что если что-то пойдет не так... Они избили меня просто за то, что я хорошо известный человек, - если бы я был кем-то другим, они убили бы меня».

От христианства глупость передалась мусульманству. За исключением этих двух религий, ни одна религия не верит в то, что можно кого-то спасти; и действительно, другие религии больше знают о сострадании, чем эти две религии. Эта идея - быть спасителем - просто нелогична. Постарайтесь понять это.

Вы прожили много жизней; вы занимались своими делами. Вы несете ответственность за уничтожение всего сделанного. Как я могу уничтожить это? Я не делал этого, я никогда не был вашим напарником в этом. Вы жили абсолютно свободной личной жизнью, и в соответствии с этим вы выросли и дошли до стадии, на которой сейчас находитесь. Это не случайно, этот рост - результат долгого, долгого процесса. А теперь, чтобы уничтожить этот процесс, вы должны взять на себя большую ответственность. Я могу показать вам способ, как я уничтожил свой процесс. Несомненно, что этот же самый метод поможет вам уничтожить ваш процесс - возможно, с небольшими изменениями, которые вы сами можете разработать.

Вы можете разработать их вместе со мной, но тогда будет иметь место диалог, а не указание. Я не могу указывать вам: «Делайте это», - и предоставить вам простую панацею вашего спасения: «Верьте в меня, и вы спасены». Тогда единственной проблемой было бы недоверие ко мне. Вы думаете, это - единственная проблема - недоверие мне? Если это единственная проблема, тогда верованием в меня проблема решается и вы спасены. Но это — не проблема. Когда вы веруете в меня, ваш гнев все еще останется гневом, ваша алчность все еще останется алчностью, ваша зависть все еще останется завистью.

Вера в меня, или в Иисуса, или в Мухаммеда ничего не изменит.

Вы думаете, что люди, которые верят в Иисуса, отличаются каким-то образом от людей, которые не верят в Иисуса, а верят в Мухаммеда или в кого-нибудь еще? Нет, не отличаются. Глубоко в душе они - те же самые люди с той же самой завистью, с тем же самым высокомерием, с тем же самым эгоизмом, с той же самой жестокостью. Все то же самое, весь этот мусор - тот же самый.

Вера вообще ничего не изменяет, поэтому, как же вы можете быть спасены? Вся эта идея - идиотская.

Махавира и Будда намного более изощрены, чем Иисус и Мухаммед. Один из моих споров с монахами-джайнами начинался с одного и того же вопроса. Махавира говорит: «Никто никого не может спасти, кроме самого себя. Каждый должен спасти себя сам». Будда говорит: «Будьте светом для самого себя». Это было его последним наказом перед смертью.

Когда Будда умирал, его ближайший ученик, Ананда, стал плакать. Там были тысячи учеников, по крайней мере десять тысяч учеников находились там. Они все были готовы разрыдаться, но скрывали свои слезы, так как Будде не нравилось это. Ананда сказал: «По крайней мере, пока он удаляется от нас, пусть чувствует, что его ученики последовали его наказу».

Но Ананда не смог сдержать себя. Это было трудно сделать всем, но Ананде это было труднее, чем кому-либо, так как по крайней мере в течение шестидесяти лет он был как тень Будды, всевозможно прислуживая ему и не прося ничего взамен. Это было настоящим наслаждением прислуживать ему и тихо сидеть рядом с ним в то время, как он разговаривал с другими, отвечая на их вопросы. Ананда никогда не прерывал их. Очень трудно найти такого преданного человека.

Он был старшим братом Будды, его двоюродным братом; он был старше Будды. Перед тем, как он был принят в санньясу, Ананда поставил Будде три условия. Он сказал: «После моего посвящения я стану твоим учеником; что бы ты ни сказал - все верно, я обязан все выполнить, и я все выполню. Но пока еще я твой старший брат, поэтому обещай мне как старшему брату три вещи, а затем посвящай меня, ведь после этого я никогда больше не смогу о чем-либо попросить». Он попросил выполнить три условия, но он никогда не злоупотреблял данным обещанием.

Первое условие было следующим: «Ты не скажешь мне: “Ананда, отправляйся куда-нибудь, чтобы распространить слово”. Я намереваюсь оставаться с тобой, чтобы прислуживать тебе. Ты должен обещать мне». Второе условие было следующим: «Даже если ночью я приведу с собой кого-то, кто нуждается в помощи, ты не сможешь отказать ему. Кого бы я ни привел, ты должен всем помочь; независимо от того, устал ты или нет после трудового дня; это не имеет значения. Если я привожу к тебе кого-то, ты обязан помочь ему; ты не можешь отказать». Третье условие было следующим: «Если я задаю вопрос, ты не можешь сказать мне, как говоришь другим: “Будь бессловесным в течение двух-трех лет, созерцай, и тогда я отвечу тебе”. Нет, ты должен ответить немедленно». Будда, как младший брат, обещал Ананде, что эти три условия будут выполнены им.

Но Ананда был необычный человек; иначе Будда поколебался бы, прежде чем принять эти условия, поскольку посвящение в санньясу не может быть осуществлено на каких-то условиях. Он мог бы просто сказать: «Если ты ставишь передо мной условия, то посвящение в санньясу невозможно», - ведь к нему много раз приходили люди и выставляли условия, а он отказывал им, но Ананде он пообещал. В истории посвящения в санньясу это был беспрецедентный случай. Но я могу понять, почему он так сделал; он знал Ананду с самого детства - он не был человеком, который мог бы чем-нибудь воспользоваться. Будда знал, что Ананда никогда не воспользуется этими обещаниями, - так что он мог дать их.

И Ананда не воспользовался ими. Он никогда не задавал ни одного вопроса, он никогда никого не приводил; и, конечно, Будда никогда не говорил ему, чтобы он ушел. Если бы Будда сказал так, Ананда ушел бы, - он даже никогда бы не напомнил об обещании, - но Будда никогда не просил его об этом.

Этот человек не мог сдержать себя: шестьдесят лет совместной жизни - очень большой срок. Он был как тень, - а теперь он стал одинок. Слезы наполнили его глаза. Будда открыл глаза, чтобы последний раз взглянуть на своих учеников. Увидев слезы в глазах Ананды, он произнес: «Ананда, будь светом для себя. Я не был светом для тебя и не был твоим спасителем. Моя смерть ничего не меняет. Теперь, действительно, ты должен понять, о чем я говорил тебе на протяжении шестидесяти лет: не строй никаких иллюзий по поводу того, что ты прислуживаешь мне и что ты очень предан

мне, — очень трудно найти такую преданность, - но это не спасет тебя».

Вы должны пройти через преобразование.

И это - единственное, что вы можете сделать.

Это такая внутренняя работа, что даже Учитель не может добраться туда.

Кроме вас, никто не может добраться туда.

И в этом - красота души человека: она абсолютно никому не доступна.

Ваш центр защищен существованием: никто не может даже коснуться его.

Вопрос о спасении кого-либо и не возникает. Да, человек, имеющий сострадание, прилагает все усилия, чтобы объяснить вам путь, объяснить вам, как это произошло с ним. Но он просто хочет рассказать вам о себе. Возможно, вы что-то почерпнете из его рассказа, но это зависит от вас.

Через двадцать пять веков со времен Махавиры и Будды буддизм полностью исчез из Индии, так как буддийские монахи никак не могли пойти на компромисс с индуизмом. И я думаю, что это совершенно правильно: не надо ни с кем идти на компромисс. Они предпочитали быть убитыми, сожженными или даже покинуть страну, но не идти на компромисс. Поэтому случилась странная вещь: буддизм возник в Индии, Будда родился в Индии, а буддизма в Индии нет. Было время, когда вся Индия пылала страстью к буддизму. Или они должны были умереть... но известно, что ни один буддист не был обращен в новую веру, это невозможно. Если вы что-нибудь поняли, то как сможет вас кто-то обратить в новую веру?

Они покинули страну и рассеялись по всей Азии, поэтому вся Азия обратилась к буддизму. Кроме Индии, весь континент - буддийский. Буддисты со всей Азии приезжают в Индию воздать должное месту, где Будда стал просветленным. Храм, который был воздвигнут как мемориал в честь просветления Будды, имеет священнослужителя-брамина, поскольку все буддисты покинули Индию, и чтобы найти священнослужителя... Для мемориального храма в честь просветления Будды даже не нашлось ни одного буддиста. Ну, а брамин... весь этот переворот, сделанный Буддой, был против брахманизма.

Ну, а брамины - это профессиональные священнослужители. Вы можете говорить им что-то, вы платите за это, но они останутся священнослужителями - это не имеет значения. А

для них это тем более не имеет значения, поскольку индуизм имеет тридцать три миллиона богов. Если вы поклоняетесь тридцати трем миллионам богов, то поклоняться еще одному-двум богам не составляет проблемы. И они не вмешиваются в вашу религию: они просто участвуют в богослужении как профессионалы.

Я разговаривал с этим священником-брамином, который участвовал в богослужении в храме Будды. Это перешло к нему просто по наследству. Многие века его родственники участвовали в богослужении; они стали почти владельцами этой должности. Я спросил его: «Будда каким-то образом влияет на вас?»

Он ответил мне: «Такой вопрос далее не возникает; мы - профессиональные священнослужители.

Кто-то является профессиональным врачом, кто-то - профессиональный инженер; но это не значит, что их профессия стала их религией. Моя религия - индуизм, и я хожу в индусский храм совершать свой религиозный обряд. Это просто оплачиваемая работа. Мне платят; и я все время получаю много подарков от посетителей из всех буддийских стран - Шри-Ланка, Япония, Вьетнам, Индонезия, Индокитай, Корея, Тайбэй - вся Азия. Мне достается очень много подарков; это, действительно, очень доходная работа, но я — брамин и я — против буддизма».

Буддисты исчезли, так как они не пошли на компромисс, а небольшое джайнское течение осталось, так как они пошли на компромисс. Это был один из спорных вопросов для меня везде в Индии, во время встреч с монахами-джайнами или во время встреч с ними на какой-нибудь конференции. Все они говорили: «Махавира родился для того, чтобы избавить все человечество от греха».

Я сказал: «Это совершенно неправильно — вы просто используете имя Махавиры вместо Иисуса Христа. Это христианское влияние, которое ничего общего не имеет с Махави-рой. Он родился не для того, чтобы спасти человечество, а если он родился для этого, то есть доказательство, что мир не спасен. Точно так же и распятие Иисуса не спасло мир. Никто не способен спасти мир; это не их дело. Если вы можете спасти себя, то это более чем достаточно. А если вы сможете распространить немного света и благоухания вокруг себя, значит вы счастливы и благословенны».

Спасение кого-либо — действительно неблагодарная работа - вы знаете, как я спасал человека на древнем пруду в Райпуре. Он кричал: «Помогите! Помогите!», но не мог даже поверить в то, что я столкнул его обратно в пруд. Когда он вылез, то сказал: «Первыйраз было все нормально, потому что я кричал: “Помогите! Помогите!”, - но потом я уже стоял на земле, а вы столкнули меня».

Я сказал: «Я просто исправил то, что я сделал раньше, так как это было неправильно, это было против вашей воли. Если вы хотите покончить жизнь самоубийством, то я благословляю вас. Если вас надо немножко подтолкнуть, то я не такой уж скупой, чтобы не предоставить вам такой возможности».

Случилось так, что, когда я был студентом, у меня был друг, который был влюблен в бенгальскую девушку. Сам он не был бенгальцем, но был по-настоящему фанатичным любовником. Он почти превратил себя в бенгальца; он даже стал говорить на хинди, как говорят на нем бенгальцы. Его невозможно было отличить, от бенгальца, так прекрасно он говорил на бенгали. Все это можно понять; но он стал говорить на хинди, на своем родном языке, так, как говорят бенгальцы, - а бенгальцы испортили его!

Он узнал также, как повлиять на эту девушку и на ее родителей, чтобы показать, что хотя он по происхождению не бенгалец, но является почти бенгальцем. Он стал одеваться как бенгалец, он стал носить с собой зонтик, как это обычно делают бенгальцы, - я, правда, не знаю зачем. Если идет дождь, то все понятно, если стоит жара, то все понятно; но, независимо от того, идет дождь или нет, стоит жара или нет, холодно или нет, зонтик всегда при них. У него множество назначений: отгонять собак; чтобы можно было им ударить кого-нибудь или с кем-нибудь драться.

У него много назначений, и он всегда под рукой. Зонтик стал неотъемлемой частью бенгальца -

поэтому мой друг стал носить с собой зонтик.

Я обратился к нему: «Тхакур», - он принадлежал к касте тхакур.

Он сказал: «Ты мой друг, но не называй меня Тхакуром, называй меня “тхакоор”, - так, как говорят бенгальцы: “о” вместо “у”, - иначе нашей дружбе придет конец».

Я сказал: «Я не бенгалец, и будет выглядеть глупо называть тебя Тхакоор; мне придется напрасно тратить свое дыхание. Тхакур звучит отлично».

Но семья не приняла его, так как бенгальцы очень высокомерны в таких случаях. Они похожи на французов в Европе. Они думают, что их язык - самый лучший и их культура - самая лучшая. Даже если француз понимает английский язык, он не будет на нем говорить, он будет говорить только по-французски. Он не может так низко пасть и говорить по-английски. Так же поступают и бенгальцы: они умеют говорить на хинди, но никогда не будут это делать.

Я посещал Калькутту сотни раз, но только люди, говорящие на хинди, приходили слушать меня. Даже в Калькутте - в столице Бенгалии - ни один бенгалец не пришел на встречу со мной. У меня было несколько друзей, которые пришли повидаться со мной, и я спросил их: «Почему вы не приходите на эти встречи?»

Они ответили: «До тех пор, пока ты не будешь говорить на бенгали, ни один бенгалец не придет».

Вы удивитесь, но в Калькутте всех, кто живет вне Бенгалии, называют индийцами. Они - бенгальцы, а все, кроме них, - индийцы. Странно было узнать об этом. Впервые мне пришлось узнать в Бенгалии, что я - индиец, а они - бенгальцы.

Итак, эта семья отказала Тхакуру. Они заявили: «Ты можешь говорить на бенгали, ты можешь говорить даже на хинди, ты можешь носить с собой зонтик; ты все хорошо устроил...» Парень стал есть рыбу и рис, так как это основная пища бенгальцев - рис и рыба. Он не ел никаких других сладостей, кроме бенгальских. Он был настоящим Меджну-ном, Фархадом, Ромео - человеком именно такого типа.

Но семья отказала ему. Они заявили: «Мы не примем тебя». Но он не собирался слышать от них слово «нет». Он заперся в своей комнате, а его семья пыталась убедить его открыть дверь.

Он сказал: «Я не собираюсь открывать дверь. Я буду умирать в этой комнате до тех пор, пока вы не пойдете и не убедите ее семью. Или я женюсь на их дочери, или я умру».

Тогда члены семьи сказали: «Как мы сможем убедить их? Эти люди даже не считают себя индийцами. А ты стал почти бенгальцем».

«Если они отказали тебе, — сказал его отец, — то со мною они даже не будут разговаривать, так как это ниже их достоинства. У бенгальцев есть культура, у них есть великие поэты и великие ученые, у них все великое. Они не будут меня слушать».

Но все же он пошел - что оставалось делать? Тхакур был его единственным сыном и был так глуп, что не открывал дверь своей комнаты. И отец пошел. Он был хорошо известным врачом, но

та семья заявила: «Мы сожалеем, но мы не можем отдать нашу дочь в индийскую семью. Вы не сможете дать ей тот комфорт, пищу, культуру, к которым она привыкла, поэтому этого не будет. Убедите в этом своего сына».

Беда была в том, что сама девушка не интересовалась моим другом, иначе я что-нибудь придумал бы. Я сказал парню: «Проблема не в том, бенгалец ты или не бенгалец. Я придумал бы что-нибудь, если бы девушка интересовалась тобой, но она вообще не заинтересована; иначе ты мог бы тайно сбежать с ней.

Я устроил бы это».

В своей жизни я делал это два или три раза. Я устроил для своего брата побег с девушкой, так как мой младший брат был влюблен в дочь хозяина дома, в котором я жил.

Хозяин дома был взбешен, но я сказал: «Не волнуйтесь; я попробую убедить своего брата, когда он вернется», - поскольку он учился в техническом колледже, он приезжал домой, когда у него было время; этот технический колледж находился почти в десяти милях от нашего дома. «Когда он приедет, я все объясню ему. Не волнуйтесь!»

Между тем я спросил его дочь: «Что ты хочешь? Если ты действительно желаешь, тогда завтра вы оба исчезнете - я все устрою. Он безумно влюблен в тебя, но все дело в том, влюблена ли ты в него?»

Она ответила: «Я еще более безумно влюблена в него, чем он в меня».

Я сказал: «Тогда - хорошо». Я договорился с мировым судьей, но он не желает оформлять брак в Джабалпуре, так как законная процедура такова, что через месяц необходимо послать в суд по почте заявление: «Такой-то и такая-то намереваются вступить в брак. Если кто-нибудь имеет возражения...»

Но месяц - это большой срок; если ее отец узнает... Я сказал: «Сделайте следующее: пошлите заявление, но с датой месячной давности. Кто докажет, что оно не пришло месяц назад? В вашем суде - сотни таких заявлений. Приклейте клочок бумаги с датой в углу заявления. Он должен быть на заявлении со старой датой».

Он сказал: «Ты не знаешь закон, ты ничего не знаешь».

Я сказал: «Вы должны это сделать. Дело не в законе, а в любви. Вы должны это сделать! Я никогда вас ни о чем не просил - и я прошу не за себя. Мой младший брат и эта девушка будут страдать всю свою жизнь. Они будут страдать в любом случае, так пусть страдают вместе! Если они хотят этого, то мой долг — помочь им, - помогите им тоже».

Он согласился. Ночью он подложил заявление с датой месячной давности, но очень боялся, что что-то может случиться, и даже утром, когда суд еще не начал работать. Он сказал: «Вот что я сделаю: я поеду в ближайшую деревню, в которую я езжу обычно как мировой судья. Поэтому пошлите туда своего брата и девушку - никто не сможет им помешать».

Итак, он уехал, тридцать или сорок миль, и остановился в гостинице. Я отвез туда своего брата и

его подругу и поженил их - мировой судья все подписал и скрепил печатью. Но его опасения были не напрасны, так как какой-то служащий из его суда обнаружил это заявление со старой датой. Этот служащий знал отца девушки, поэтому он сразу же позвонил ему и сказал: «Вы знаете, что ваша дочь собирается выйти замуж? Сегодня -последний день регистрации каких-либо возражений, а мирового судьи нет: он поехал путешествовать».

Ее отец бегом бросился из своего магазина. Я упустил это из виду, и девушка упустила из виду. Они объездили весь город; вся ее семья искала нас. К вечеру мы вернулись. Я поехал в Дели; своему брату я сказал: «Меня не будет дома несколько дней. Поезжай в деревню, в дом нашего отца, и не ходи в дом девушки. Иди в дом нашего отца; а я позвоню отцу и скажу ему: “Я поженил одного из твоих сыновей и отсылаю его с женой к вам, поэтому обязательно встретьте их на станции”».

Мой отец сказал: «С тобой просто беда, так как ты уже все сделал, не спрашивая меня. А теперь я уже ничего не могу поделывать - я поеду на станцию и встречу их».

Я сказал: «Окажите им хороший прием, ведь отец девушки вообще не собирается принимать их. А меня там не будет, поскольку я не хочу, чтобы меня видели с ними; иначе... он -хозяин дома, где я живу; он вышвырнет меня и заставит покинуть дом».

Через три дня я вернулся. Хозяин дома взглянул на меня и спросил: «Где вы были?»

Я ответил: «Я ездил в Нью-Дели».

Он сказал: «Да, я понимаю, что вы должны были уехать, но что случилось с моей дочерью?»

Я ответил: «Я не знаю. Что случилось с вашей дочерью? Я не охранник вашей дочери».

Тогда он спросил: «Вы ничего не знаете?»

Я сказал: «Нет, не знаю».

Он воскликнул: «Они поженились!»

Тогда я сказал: «Это для меня новость. Кто же поженил их?» Затем я стал убеждать его: «Если они уже поженились, зачем поднимать шум вокруг этого? Окажите им хороший прием. Они уже поженились - вы ничего не сможете сделать. Юридически она взрослая, он - взрослый; юридически вы ничего не можете сделать. Вы показали мне заявление месячной давности: что вы делали в течение целого месяца? А теперь, когда они уже поженились, вы начали думать об этом? Остыньте. Этот скандал не нужен вашей семье. Зачем устраивать скандал? Окажите им хороший прием и скажите, что их женитьба совпадает с вашими желаниями».

Он сказал: «Похоже, это правильно; нет смысла поступать иначе».

Итак, я устроил все; я устроил так, что мой отец оказал им хороший прием. Я договорился с хозяином дома и позвонил своему отцу: «Теперь вы можете перенести брачный процесс в Джабалпур: ее отец желает оказать им хороший прием».

Так что я сказал Тхакуру: «Я устраивал женитьбы - здесь нет проблемы, - но девушка тебя

просто ненавидит, это даже не то, что она не любит тебя. Даже если бы она не была влюблена в тебя, я убедил бы ее, поговорил бы с ней; по крайней мере, она испытывала бы сострадание к тебе», - ведь целых шесть месяцев он старался стать бенгальцем, и он стал им. «Но девушка тебя просто ненавидит; она говорит, что все это невозможно!»

Но он не открывал дверь и все время угрожал: «Если ты что-то сделаешь, я приму яд». Яд у него был, так как он взял его из аптечки отца. «Я выпью его, если ты вынудишь меня или если ты попытаешься взломать двери».

Его отец сказал мне: «Сделай теперь хоть что-нибудь». Я подошел к двери. Я сказал: «Послушай, Тхакоор». Он спросил: «Это ты?» - хотя он знал, что никто, кроме меня, не называл его «Тхакоор». Я ответил: «Да, это я». Он сказал: «Я хочу совершить самоубийство». Я сказал: «Я устрою это - только выйди. Здесь это сделать будет трудно: даже если ты примешь яд, ты не умрешь сразу. Твой отец - врач; дверь можно взломать, и ты будешь спасен от отравления. Это не так уж трудно. Я узнал от твоего отца, что этот яд может стать причиной смерти, но понадобится по крайней мере от восемнадцати до двадцати четырех часов, чтобы человек умер. Между тем яд можно удалить или дать противоядие.

Поэтому, ты видишь, что все это просто глупо. Поехали со мною; мой автомобиль ждет нас, поехали со мною».

Он вышел, и я отвез его домой. Я сказал: «Самое лучшее место для смерти - около мраморных скал. Это одно из красивейших мест в мире». На протяжении двух миль Нармада протекает между двумя горами белого мрамора. В ночь полнолуния - это совершенное царство грез: вы не поверите, что бывает такая красота. Поэтому я сказал ему: «Хорошо; хотя сейчас не ночь полнолуния, но скоро она настанет. Полнолуние будет через два дня. Если можешь подождать два дня, то хорошо; но сейчас тоже хорошее освещение. Ты собираешься умереть, так не все ли равно, когда умирать - в ночь полнолуния или в безлунную ночь? Я отвезу тебя рано утром, потому что это самое лучшее время. Ночью там бродят люди, и тебя могут спасти, так как, когда светит луна, многие приезжают на пикник или покататься на лодке и там всегда полно народу. Это ночное место. Днем там не так красиво - если ты увидишь эту местность днем, то не поверишь, что это то же самое место, которое ты видел ночью... оно отличается в миллион раз».

На самом деле я попросил губернатора, который был моим другом: «Закройте эту местность днем. Никому не должно быть разрешено приезжать туда смотреть на мраморные скалы, так как это уничтожает красоту мраморных скал. Оно должно быть открыто только, когда светит луна и лишь на несколько ночей».

Он согласился, но сказал: «Такого закона нет. А Нармада - священная река для индусов: могут быть неприятности, если мы не пустим туда людей. Они скажут, что хотят искупаться, а это дело - религиозное, поэтому не вовлекайте меня в неприятности».

Я сообщил Тхакуру: «Нам надо будет отправиться в пять часов, поэтому я ставлю часы на четыре часа. Потребуется всего лишь час, чтобы добраться отсюда до мраморных скал». Итак, я поставил будильник в своей комнате между нашими кроватями. Тхакур ворочался и метался на кровати; я спросил: «В чем дело? Тебе не хочется спать? Ведь это последняя ночь. Хорошенько выспись! Тебе больше никогда не придется поспать, поэтому спи».

Он спросил: «Ты мой друг?»

Я ответил: «Да, конечно, Тхакоор, я твой друг».

Он сказал: «Ты так интересуешься моим самоубийством и делаешь все приготовления: я хотел бы знать, друг ты мне или враг».

Я ответил ему: «Я просто твой друг. Ты хочешь умереть - я готов помочь. Друг по-настоящему познается тогда, когда наступает критический момент, а сейчас как раз такой момент. Ты собираешься умереть, - по крайней мере, я могу помочь тебе». Я подогнал машину к крыльцу и сказал: «Утром кто-нибудь из нас может встать поздно, поэтому будет лучше, если я поеду сейчас на заправочную станцию; в четыре часа утра это может быть затруднительно. Мы можем не найти владельца бензоколонки, и могут возникнуть проблемы, поэтому я сейчас все устрою».

Чем больше я подготавливался, тем больше он страшился самоубийства. В четыре часа, когда зазвонил будильник, он сразу же накрыл его рукой. Я схватил его руку и сказал: «Это нехорошо, так как мы опоздаем».

Он сказал: «Но я так хочу спать».

Тогда я сказал ему: «Ты можешь поспать в автомобиле -не беспокойся. Вся процедура займет несколько секунд, тебе надо будет только прыгнуть; если тебе не захочется прыгать, я могу столкнуть тебя. Никто еще не выбирался живым из водопада в мраморных скалах. Многие люди кончали там жизнь самоубийством; это особое место. Во время экзаменов там дежурят констебли двадцать четыре часа в сутки, поскольку никто из самоубийц не возвращался оттуда живым. Водопад — огромный, и вода обрушивается на скалы; поэтому, когда ты прыгнешь, водопад заставит тебя опуститься вглубь, возможно, на глубину в сто или сто пятьдесят футов, а вокруг там скалы. Ты, может быть, разобьешься о скалы - никто из тех, кто прыгал там, еще не выбрался живым». Поэтому я сказал: «Не беспокойся: все гарантировано; нет никакой проблемы. А сейчас хорошенько поспи в машине».

Он с большой неохотой сел в автомобиль. В пути он спросил: «Ты действительно едешь к мраморным скалам?» Я ответил: «Мы так решили».

Он сказал: «Отвези меня домой. Я не хочу жениться на этой девушке. К черту эту девушку! Я стал ради нее бенгальцем; а теперь я собираюсь покончить жизнь самоубийством!» Я сказал: «Это странно - я напрасно занимался тобой всю ночь и всеми этими приготовлениями. Не меняй свое решение — держи свое слово».

Он сказал: «Что ты говоришь? Это моя жизнь, а ты готовишься к моей смерти».

Я сказал: «Если хочешь, я могу оставить тебя в твоём доме, но помни, никогда больше не упоминай о самоубийстве».

Он промолвил: «Это я понимаю. Я, несомненно, не буду напоминать тебе о самоубийстве, никто не должен напоминать тебе об этом: ты опасен».

Я сказал: «Я просто приношу пользу».

Он все еще жив. Он женился на другой девушке, и у него есть дети. Когда последний раз я приехал в Джабалпур в 1969 году, он сказал: «Было бы лучше, если бы я послушал тебя и покончил жизнь самоубийством».

Я сказал: «Я все еще готов помочь^ Ты не должен напоминать мне об этом, так как если ты все еще хочешь это сделать, то проблем нет».

Он сказал: «Нет, я не это имею в виду. Я просто говорю, что быть женатым, иметь детей и работу — это хуже, чем смерть».

Я сказал: «Если это хуже, то я все еще готов помочь тебе».

Есть люди, чья жизнь хуже, чем смерть, но они недостаточно мужественны, чтобы покончить жизнь самоубийством. А для того чтобы изменить жизнь, требуется еще больше мужества, чем для самоубийства. Для самоубийства требуется всего несколько секунд мужества. Только на несколько секунд вы должны заставить себя прыгнуть в воду или выстрелить в себя. Это дело всего нескольких секунд. Любой трус может стать смелым на одно мгновение.

Но жизненные перемены - это долгий процесс; это не вопрос о своем спасении за несколько мгновений.

Это причина того, что люди становятся заинтересованными такими религиями, как христианство, ведь христианство продает идею так дешево. Вам ничего не надо делать: никакого преобразования, — слово преобразование даже не возникает в Библии, — никакой медитации. Это слово не христианское и не еврейское. Все, что вам надо делать, - это верить в мессию и каждое воскресенье ходить в церковь. Говорить они могут все, что угодно, потому что, кто же слушает этих скучных проповедников? А поскольку они очень скучные, то не могут даже представить себе, что есть еще возможность послушать, кое-кого с большой задушевностью и любовью.

По телевидению я видел беседу за круглым столом трех священников: одного раввина и двух христиан. Они обсуждали много тем, касающихся меня и моей общины, - в их обсуждении не было ничего правдивого, одни слухи. Одна из обсуждаемых тем была следующая: «Бхагаван начал говорить и теперь будет говорить каждый день. Не соскучатся ли люди?»

Три священника... конечно, это их переживание. Они не говорят непрерывно три часа каждый день. Они говорят только раз в неделю и далеко не три часа; иначе люди убили бы их. Все три священника обеспокоены, что моим людям будет скучно. Они не знают меня, они не знают моих людей.

Я выступаю постоянно уже тридцать лет и ни разу не видел ни одного сидящего передо мной человека, который скучал бы. Это невозможно, поскольку все, что я говорю, — это ни от кого не заимствовано. Я открываю вам свое сердце, и вам разве скучно? Этого не может быть. Я открываю вам себя, и разве вам скучно? Этого не может быть. Но то, что говорили эти три священника, - это лишь их переживание, и поэтому они согласны, что их людям было скучно.

Раввин даже предложил: «Нам необходимо начать делать что-то такое, что сближало бы нас с людьми, так как мы перестали говорить истину». Они не делают это, так как в этом нет

необходимости. Никто не хочет их слушать, никто не интересуется их Бог. Даже их самих не интересуется.

Я слышал, как трое раввинов спорили, чья синагога наиболее современная. Один из них сказал: «В моей синагоге женщинам даже разрешено сидеть рядом с мужчинами. Даже девушкам и юношам, которые не состоят между собой в браке, разрешается сидеть вместе; даже разрешается мужчинам сидеть с чужими женами, которые, как я знаю, нарушают супружескую верность. Но моя синагога ультрасовременная, и мы шагаем в ногу со временем».

Второй раввин сказал: «Это ничего не значит. В моей синагоге даже не читают проповеди и там нет проповедника; но там подают прекрасный обед, от которого все получают больше удовольствия, чем от проповеди. Основной вопрос — это удовольствие. А от проповеди людям становится скучно. Вы упоминаете Тору, вы упоминаете Талмуд, а они начинают думать, как бы оттуда выбраться. Но, благодаря вкусному обеду, к нам приходят все члены религиозной общины».

Третий раввин сказал: «Все это не имеет значения, вот моя синагога остается закрытой даже в еврейские праздники».

Эти люди ничего не имеют общего с истиной; ничего не имеют общего с преобразованиями, ничего не имеют общего с вами как с личностями: они являются просто частью бизнеса. Это фирмы с большой традиционной репутацией. Они все занимаются бизнесом. Возникает вопрос: чьими клиентами вы являетесь? И что они подразумевают под термином «спасение»: «Почему вас спасает кто-то другой? Мы можем спасти вас более дешевым способом, наиболее ультрасовременным способом. Мы можем держать синагоги закрытыми даже в еврейские праздники. Что вам еще надо?» Они предлагают вам все - только чтобы они вас спасали.

Это напоминает мне снова о Наттху Кака. Я был постоянным посетителем его салона. В то время у меня не было ни бороды, ни усов - я был ребенком, - поэтому я не боялся быть побритым, если бы у Наттху Кака появилось бы настроение к тому, чтобы начать брить, но я носил чалму, так как у меня были длинные волосы. А если бы он подстриг ваши волосы, то здесь уже ничего не поделаешь. И он был таким прекрасным человеком, он часто говорил: «Зачем волноваться? Вам не придется платить». Это происходило каждый день - проблема была в том, что он не спрашивал вашего согласия на бритье, и клиент очень сердился.

Люди, особенно в Индии, бреются в том случае, если они становятся санньясинами; это означает, что они умирают согласно ритуалу. Когда человек умер, он должен быть побрит; это простая символика. Просто, если человек умер, он должен быть побрит; также, если кто-нибудь стал традиционным санньяси-ном, он должен быть побрит. Или если умер отец, то все его сыновья должны быть побриты; но в настоящее время нашли более либеральный путь - должен быть побрит только старший сын. Поэтому, чтобы обрить наголо без разрешения клиента... А Наттху Кака был поистине искусным мастером: одной левой он начисто обривал половину вашей головы. И после этого ничего не оставалось делать, как разрешить ему полностью обрить вашу голову, так как с наполовину обритой головой вы скорее бы походили на идиота, чем с полностью обритой головой.

Поэтому каждый день могла возникнуть драка: люди сердились и были готовы... а я наслаждался зрелищем. Парикмахерская Наттху Каки находилась прямо перед магазином моего

отца, поэтому, как только там что-то случилось, я сразу же бежал туда. Я держал свою чалму в парикмахерской Наттху Каки, так как иногда я мог проходить мимо, и в случае возникновения событий в парикмахерской, у меня был предлог зайти и увидеть эти события: например, кто-то, готовый убить его, выслушивал следующее: «Вы напрасно огорчаетесь. Я — старый человек, потребляющий опиум. Я не знаю, кого я брею и что происходит — все перепуталось. Но поскольку вы попали в мои руки, то это просто старая привычка - брить людей, поэтому я это и делаю».

Итак, я обычно держал свою чалму там: первым делом, когда я заходил туда, я надевал чалму. Однажды он побрил одного человека, который был каким-то политическим лидером. Конечно, он очень рассердился и сказал: «Ты должен быть наказан за это. Я иду в полицию, я иду в суд».

Я находился там и сказал: «Не надо сердиться, и даже от того, что вы пойдете в полицию и в суд, ваши волосы уже не вернуть. Этот бедный человек даже не просит, чтобы вы заплатили ему. А поскольку дело касается ваших волос...» Этот человек был образован, и мне приходилось беседовать с ним. Поэтому я сказал ему: «Вы помните дзэнскую хокку: “Сиди тихо, ничего не делай, трава вырастет сама”? Зачем так волноваться? Вырвите траву и воткните в волосы».

В тот день у меня возникла идея. Я соорудил небольшую доску и прикрепил ее к парикмахерской Наттху Каки. Наттху Кака умер, но, возможно, эта доска с хокку и моей припиской еще висит на его парикмахерской: «Если Наттху Кака бреет кого-то, не сердитесь на него: он просто старый спаситель. А если он побрил вас, пожалуйста, созерцайте эту хокку: “Сиди тихо, ничего не делай, трава вырастет сама”. Волосы вырастут - не волнуйтесь».

Возможно, эта доска все еще там, но, возможно, парикмахерской уже нет, так как его сыновья не интересовались бизнесом своего отца. Они старались найти работу, поэтому говорили: «С этим стариком наш бизнес прогорит, потому что мы - не опиумные наркоманы. Люди прощают его; многие прибегают сюда из ближайших магазинов и говорят: “Не сердитесь - он прекрасный парень”».

Когда я последний раз был в своей деревне, - это было в 1970 году, - он был еще жив, но был очень стар. Я пришел повидать его, и он сказал: «С тех пор, как ты уехал учиться, никто не приходит ко мне так регулярно, как это делал ты, и здесь нет никого, кто бы помог старому опиумному наркоману. Я продолжаю свое дело — ничего не могу с собой поделаться». Иногда он хватал ребятишек и обривал их, а затем приходили их отцы и говорили: «Что же ты наделал? » А его единственным ответом было: «Я не прошу за это деньги. Мне нельзя даже попрактиковаться? Где же мне еще практиковаться? Клиенты не приходят, и я сижу без дела».

В 1970 году он сказал мне: «Ты единственный человек, который может помочь мне». Во времена моего детства по закону опиум или какой-нибудь другой наркотик не были запрещены; все это было на рынке. Человеку, который продавал наркотики, надо было иметь только лицензию, стоившую пять рупий в год; а людям, покупавшим наркотики, не надо было иметь лицензию или что-то в этом роде. Но в 1970 году, когда я приехал туда, все изменилось. Все наркотики были запрещены; а старым наркоманам, подобным Наттху Каке, были выданы лицензии, что они могут получать небольшую ежедневную дозу. Наттху Кака был очень сердит.

Он сказал: «Только ты можешь помочь, потому что я знаю, что по всей стране много людей являются опиумными наркоманами. Если ты возглавишь нас и если все опиумные наркоманы

объединятся, то мы сможем свергнуть правительство».

Я сказал: «Великолепно, Наттху! Ты хочешь, чтобы я стал предводителем опиумных наркоманов?»

Он ответил: «Я никого не знаю, кто обладал бы таким пониманием, как ты».

Тогда я сказал: «Идея - хороша, но собрать всех опиумных наркоманов и убедить их создать партию, а затем свергнуть правительство - очень трудная задача. Я сделал бы все один. Твои опиумные наркоманы только создадут неприятности вместо помощи! Забудь эту политику - это не для опиумных наркоманов».

Он сказал: «Подумай об этом, ты путешествуешь по всей стране: ты можешь сказать всем опиумным наркоманам, что все это просто несправедливо. Я всю жизнь употреблял опиум и никому не причинял вреда - за исключением того, что изредка я брил людей, но за это я не брал деньги. Я не сделал ничего преступного; у меня нет даже сил, чтобы совершить какое-нибудь преступление, я просто наслаждаюсь своим опиумом. Мой опиум сделал меня таким простым и непосредственным, и поэтому, когда ко мне приходят люди и доят мою корову, я смотрю, как они это делают, и только позже я осознаю, что это моя корова и что они доили мою корову и забирали мое молоко. Я не совершил никакого преступления; наоборот, люди совершали преступления, направленные против меня. Они берут у меня мыло, они забирают зеркала из моей парикмахерской, - а я все еще сижу здесь! Но я наслаждаюсь своим собственным миром. Поэтому я не вижу, какой смысл запрещать опиум. Вы можете запретить любой другой наркотик - меня это не волнует, - но опиум делает человека джентльменом».

Я сказал: «Это правда, Наттху Кака, но это будет очень трудно. Я постараюсь...» И я действительно рассказал обо всем этом Индире Ганди.

Она засмеялась и сказала: «Во всяком случае он прав, что опиумные наркоманы не причиняют никому беспокойства». Опиум просто является причиной их галлюцинаций, опиум -это наркотик, который делает вас счастливым, он никогда не является причиной вашей депрессии; все другие наркотики обладают такой возможностью. Иногда, если у вас подавленное состояние, вы принимаете ЛСД, которое еще больше увеличивает вашу депрессию; а если у вас великолепное настроение и вы принимаете ЛСД, то оно еще больше повышает ваше настроение. Все зависит от вашего настроения: наркотик только увеличивает интенсивность вашего настроения.

Опиум не действует таким образом. Он просто расслабляет вас и помогает вам получать великолепные галлюцинации. Он не является причиной ваших кошмаров. Я разговаривал с Наттху Какой и его друзьями; никогда опиум не был причиной их кошмаров.

Итак, Индира сказала мне: «Все, что он говорит, -правильно, но объединить всех этих опиумных наркоманов будет очень трудно; а свергнуть правительство при их поддержке - это будет настоящая революция, если это вообще возможно».

Идея спасения глубоко оскорбляет и унижает людей.

Когда вы говорите: «Я хотел бы спасти вас», - вы низводите человека до состояния

недочеловека: Вы - спаситель, а он - просто спасаемый.

Это ужасно, это как болезнь.

Это - не сострадание.

Сострадание разделяет.

Если кто-то доступен и открыт, то он воспринимает это.

Но никогда вы не заслужите уважения; вы не сможете заявить: «Я спас вас».

Человек спасает себя сам: это единственный путь, другого пути нет.

Ну, второй вопрос?

Бхагаван,

Я слышал, что Вы находитесь здесь не для того, чтобы воодушевлять кого-нибудь. Однако, я фактически отхожу от Ваших последних бесед полностью воспламененный и возбужденный всем тем, что происходит между Вами и нами. Пожалуйста, прокомментируйте это.

Да, я нахожусь здесь не для того, чтобы воодушевлять.

Но вы здесь для того, чтобы воодушевиться.

Это две разные вещи.

Если вы воодушевлены, то заслуживаете уважения. Это не я воодушевляю вас, это вы открыты для меня. Если вы подносите свою свечу ко мне и она загорается, то кто несет ответственность: вы, которые поднесли ко мне свою свечу, или я, который воспламенил ее? Я ни на дюйм не подошел к вашей свече, поскольку я расцениваю это как правонарушение.

Я полностью раскрываю вам себя.

Я даю вам в распоряжение свою свечу.

Вы можете принести свою свечу.

Это подобно тому, как жаждущий человек подходит к колодцу: если он пьет воду и утоляет жажду, то он достоин уважения. Фактически, колодец благодарен ему, так как чем больше воды он почерпнет из колодца, тем больше воды поступит в колодец. Если люди перестанут пить из колодца и брать оттуда воду, то колодец погибнет. Его подземные источники опустошатся, и колодец придет в негодность.

Если просветленный человек останется замкнутым, - что невозможно, я утверждаю это во имя истины, - если просветленный человек останется замкнутым, то он уничтожит свое просветление. Но это невозможно. Просветление становится просветлением только потому, что человек раскрывается.

Он является только духовной силой. Вот почему я говорю, что ничего не предпринимаю. Вы можете приблизиться ко мне. Вот что происходит, когда я разговариваю с вами: неосознанно, но вы начинаете приближаться ко мне. Ваши физические тела остаются на месте - и пусть они остаются! - но вы начинаете приближаться ко мне. Может быть, вы поймете то, что я говорю, так как я могу видеть, когда кто-то начинает приближаться ко мне, я вижу — тело остается, а человек приблизился ко мне. Именно в этот момент вы чувствуете себя воспламененными, возбужденными. Но вы всегда заслуживаете уважения.

Я - не спаситель.

И я далее не хочу быть известным под этим ужасным именем, спаситель.

Я - просто духовная сила.

Вы можете сами спасти себя.

Вы можете зажечь свои свечи от моего огня, и мой огонь ничего от этого не потеряет.

Да, вы обретете вечность.

Вы обретете высшее блаженство.

Беседа 21

СВЯЩЕННИК И ПОЛИТИК – ОТ ГЕНЕЗИСА К ГЕНОЦИДУ

19 января 1985 года

Бхагаван,

Все другие Учителя похожи на пигмеев. В чем Ваш секрет?

Они - пигмеи. Дело не в том, что они похожи на пигмеев, они действительно являются пигмеями - по той простой причине, что сейчас рождается новая религия.

Так называемые учителя прошлого подобны примитивным ученым, которые открыли огонь, которые изобрели колесо, которые изобрели повозку с быком. Да, они были очень значительными людьми, но их нельзя сравнить с Альбертом Эйнштейном.

Альберт Эйнштейн пришел, когда наука уже пустила корни и созрела. Две тысячи лет назад было невозможно проникнуть в тайны атомной энергии. Да, существовали люди, которые говорили об атомах; в Индии Махавира говорил об атомах, но не заблуждайтесь относительно этого слова. Под атомом он просто подразумевал последнюю делимую часть вещества: дальше делить ее невозможно. И это была просто логическая идея - он не сидел в лаборатории и не расщеплял вещество. Но это просто: все состоит из мельчайших частиц. Самую мельчайшую частицу он назвал атомом.

Греческие философы, примерно в то же время, тоже говорили об атомах таким образом, что если продолжать делить вещество на части, то дойдешь до точки, когда больше делить

невозможно. Не потому, что они полностью разделили вещество - у них не было приборов, чтобы дойти до точки, где существует атом, - но логически, с помощью своего интеллекта они дошли до него. Он - постижим.

По мнению греков и по мнению индийцев Учителя возникли вместе с идеей атома. Но когда Альберт Эйнштейн говорит об атоме, это не просто постижимое интеллектом вещество, он видел само деление. Он видел расщепление молекулы; и не только это - он обнаружил, что сам атом не является неделимым, он также делится на электроны. И сейчас никто не может сказать, что электроны неделимы. В восемнадцатом веке считали, что молекула неделима; затем она была разделена. С каким выражением лица кто-то может сейчас сказать, что электроны неделимы? Только завтрашний день знает это.

Но то, о чем мы говорим сегодня, принадлежит области экспериментального, а не интеллектуального. И по сравнению с Альбертом Эйнштейном древние философы, говорящие об атоме, обязательно будут выглядеть пигмеями. Это не их вина; это даже не победа Альберта Эйнштейна - это просто фактор времени. За эти двадцать пять веков события развивались в разных направлениях с огромной скоростью. Те люди использовали примитивные слова, идеи, инструменты. Мы находимся в лучшем положении, у нас больше возможностей.

Что касается религии, то она стала немного сложнее. С помощью науки легко понять, что высказывания Махавиры слишком просты в сравнении с высказываниями Альберта Эйнштейна. В религии все это кажется немного сложнее, запутаннее, так как мы приняли идею, что эти религии — индуизм, мусульманство, христианство, иудаизм, джайнизм, - являются религиями. В этом основное заблуждение.

Они лишь псевдорелигии. Они только подготавливают путь для прихода настоящей религии. Но, конечно, они не могли знать, что они лишь подготавливали путь. Они подготовили путь; следовательно, такой человек, как я, может говорить о вещах, о которых они говорить не могут. Конечно, они присутствуют в моих утверждениях; они действовали веками, чтобы подготовить настоящий момент. Настоящее время не пришло из ниоткуда, оно зиждется на плечах прошлого.

Конечно, вы стоите на плечах своего отца. Он стоит на плечах своего отца. Вы способны видеть дальше, чем видели ваш отец и ваш дед. Чем дальше назад вы заглядываете, тем более ограничен ваш кругозор, и чем дальше, тем все уже и уже. Вы стоите на высоте.

Поэтому помните, что когда рождается новая религия, то она многое наследует от пигмеев, так как она стоит на их плечах. Без них она невозможна. Не забывайте, что вы стоите так высоко и можете видеть так далеко только потому, что под вашими ногами - целая история, которая удерживает вас.

Но всегда так случается, что когда кто-то что-то находит, то человек склонен к преувеличению. Небольшая находка, маленькая истина становится преувеличенной. А поскольку это — истина, то никто не может абсолютно ее отрицать. Если у вас есть немного воображения, - а эти Учителя - люди с чрезвычайно большим воображением... Они нашли небольшие фрагменты истины, - но не забывайте направленность разума: он никогда не удовлетворяется фрагментами, он хочет постичь все целиком. Это естественный инстинкт ума - искать цельность. Если он не способен найти ее, тогда, по крайней мере, он может вообразить ее. Поэтому тот небольшой фрагмент, который был найден, окружается воображением и оно завершает дело.

Все эти люди - Иисус, Моисей, Махавира, Заратустра, Лао-цзы - пришли к определенному аспекту истины, но они не могли подавить соблазн завершить ее своим воображением.

Этот соблазн - великий соблазн. Это подобно вот чему: вы помните три строчки стихотворения, затем вы напрягаете память; увы, четвертая строчка забыта. Вы стараетесь отыскать ее; вы знаете, что она есть где-то в вашей памяти. Три строчки есть - где же четвертая? Вы начинаете напряженно вспоминать четвертую строчку, и чем больше вы напрягаетесь, тем меньше у вас возможностей ее вспомнить, так как напряженный ум теряет способность вспоминать.

Расслабленный ум может легко вспомнить; некоторые вещи выходят легко из подсознания на поверхность, когда ум расслаблен. Если же ум находится в напряженном состоянии, то он даже не позволяет что-либо пропустить через себя. Он становится похожим на игольное ушко, - а то, что находится в подсознании, подобно верблюдам, а не богачам.

Я усиленно думал; я могу представить богача, проходящего сквозь игольное ушко, но я не могу представить верблюда, проходящего сквозь игольное ушко. Богач, как бы он ни был богат, - все-таки человек; верблюд, как бы он ни был беден, - все-таки верблюд. Это невозможно для бедного верблюда. Богач, по крайней мере, - человек: он может найти способ пролезть сквозь игольное ушко или может найти способ, как обойти это. Нет необходимости пролезать через него, он может обойти его. Но бедный верблюд не может обойти его, он не обладает таким разумом. Он будет продолжать пытаться пролезть сквозь игольное ушко. Он абсолютно не способен пролезть; действительно, он даже не способен отыскать игольное ушко или найти саму иголку - где эта иголка?

Были найдены маленькие фрагменты истины, но человеческий ум имеет свойство стремиться к завершенности, все должно быть завершено. Если оставить что-либо незавершенным, то вы будете находиться в напряженном состоянии. Если что-то завершилось, то вы чувствуете облегчение. Но если нет пути найти истину во всей ее целостности, то ум обладает другой способностью — способностью мечтать, - которая и помогает вам. Это очень важно. Это - способ выживания, поэтому когда вы не можете найти что-то в реальной жизни, то способность мечтать, которой обладает ваш ум, дает вам то, что вы потеряли. Он дает вам идеи, как постичь какой-то неразрешимый вопрос. И поскольку у вас есть маленький фрагмент истины, вы можете логически отстаивать свою систему. Вот как возникли все религиозные системы.

Во всех религиозных системах есть что-то истинное, но сама система так разрослась, что истина бывает полностью утеряна. Она была крошечным фрагментом в самом начале, затем ум стал создавать вокруг него систему. Поскольку существует много вопросов, ум должен создавать много ответов. Система постепенно становится настолько большой, что истина, для которой она была создана, оказывается почти убитой.

Вы хорошо знаете, что были найдены скелеты животных, которые были по крайней мере в десять или двенадцать раз больше слонов. Весь мир был заполнен такими мамонтами. Что случилось со всеми ними? Куда они вдруг исчезли? Невозможно представить, что кто-то убил их. Они были такими огромными, а охотников еще не было - человек еще не появился на Земле. И эти животные были самыми большими, самыми могучими существами. Современные тигры и львы были ничто по сравнению с ними, современные слоны были ничто по сравнению с ними; они были по крайней мере в двенадцать раз больше слонов. Современные крокодилы были ничто по сравнению с ними; в те времена крокодилы были в двенадцать раз больше

современных слонов. Что же случилось? Было много разновидностей животных - и вдруг они исчезли. Что же случилось?

Ученые были очень огорчены, когда подсчитали количество исчезнувших разновидностей, так как их внезапное исчезновение лишено смысла. Но постепенно ученые нашли нечто такое, что является очень важным для понимания: эти животные исчезли, потому что они стали слишком большими. Для них стало невозможным носить свой собственный вес. Тело было предназначено для того, чтобы удержать в себе душу, но это тело стало таким огромным, что не смогло удержать ее. Они погибли из-за своего размера.

Они не могли передвигаться; а если они не могли передвигаться, то как они могли найти себе пищу? Из-за тяжести своих ног, из-за тяжести своего тела они просто стали падать. У них была жизнь, но теперь жизнь стала таким маленьким фрагментом, а система, которая была создана для сохранения этой жизни, стала такой огромной...

То же самое произошло и с религиями. Были найдены фрагменты истины. Затем, чтобы сохранить эти фрагменты, были созданы системы - очень понятные, очень изоциренные. Но затем эти системы начали перерастать самих себя.

Теперь Махавира не имеет контроля, чтобы предотвратить систему от... Однажды он умирает, но система продолжает расти; система обретает свою собственную жизнь. Ведь Иисус даже не осознавал того, что должно было возникнуть христианство, - такая огромная система! Самая большая организация в мире - это организация, о которой Иисус ничего не знал. Но что-то обязательно должно быть там, хотя бы маленький фрагмент истины. Даже в самой большой лжи присутствует немного истины, поскольку ложь не может двигаться сама по себе; у нее нет ног. Она должна занять ноги у истины. Вот почему любая ложь старается доказать: «Я есть истина».

Истина не нуждается в свидетелях. Но ложь нуждается в свидетелях тысячу и один раз, и все же она остается ложью.

Есть одно старинное предание: когда истина и ложь были посланы на Землю, то в первую ночь, когда они отправились спать, ложь была очень смущена тем, что у нее не было ног. Но ложь все-таки есть ложь - хитрая, умная. Истина спала - храпя и расслабившись: такова истина. Ложь отрезала у истины ноги, и с тех пор она бегаёт на украденных ногах. Теперь истина пытается поймать ее и вернуть свои ноги, но без ног, как истина сможет поймать ложь?

Истина есть истина, но чувствует она себя беспомощной. А ложь, хотя она есть ложь, чувствует себя очень уверенно. И я не вижу никакого пути, чтобы истина смогла вернуть себе ноги. Прежде всего, как она собирается поймать ложь? Ложь всегда далеко впереди истины.

Все священные писания мира говорят, что в конце концов истина всегда побеждает. Когда бы я это ни читал, я говорю: «Да, в койце, но никогда не в начале. А до этого побеждать будет ложь». В конце... а когда будет этот конец? И какой смысл быть победительницей в конце, когда все уже кончено? Все время победительницей была ложь, а в конце, когда уже некуда двигаться, ложь может вернуть ноги со словами: «Благодарю вас. Можете взять свои ноги и делать все, что вам угодно». Ее цель выполнена. Истина в течение всего пути остается без ног, смущенная, зная, что она - истина, но все же не может участвовать в гонках и победить ложь».

Каждая ложь имеет, по крайней мере, немного истины: те самые ноги, те две ноги. Если внимательно взглянуть на ложь, то всегда найдешь часть истины, без которой она не может существовать. А если взглянуть на любую истину, то найдешь ее, окруженную ложью, так как без этой лжи она не может быть полной; что-то остается упущенным.

Первая книга по истории всего человечества, которая допускает эту истину, была написана П.Д.Успенским на основе философии Георгия Гурджиева. Название этой книги - В поисках чудесного; подзаголовком книги было: Фрагменты неизвестного учения. Но Успенский, должно быть, обладал большой смелостью. Если вы прочтете эту книгу, то поймете, что подзаголовок там не нужен: это законченная система.

Почему Успенский ввел подзаголовок? Если убрать подзаголовок, то никогда не подумаешь, что это фрагменты неизвестного учения, так как он делает это учение известным; и, читая эту книгу, вы обнаруживаете, что это законченная система и там ничего не упущено. Но почему же Успенский добавил подзаголовок? Он был по-настоящему искренним человеком.

Подзаголовок говорит о многом. Если вы не понимаете подзаголовок, - а я не думаю, что кто-то читает подзаголовки; в этом нет необходимости. Вы читаете заголовок, вы читаете книгу. В большинстве случаев подзаголовки бесполезны, но не в этом случае, — этот подзаголовок имеет огромное значение. Прежде всего, он говорит о том, что речь идет только о фрагментах. Успенский, будучи великим математиком, абсолютно не обладал воображением. Вы поймете, в чем суть дела.

Поэт обладает воображением, по крайней мере, должен обладать, иначе он не может быть поэтом. Все Веды индуизма, Упанишады индуизма, Дхаммапада Будды, Коран Мухаммеда - все они поэтичны. Упанишады - это чистая поэзия. Иисус и не говорил поэтическим языком, а только прозой, но все же его проза - очень поэтична. Есть стихи непоэтичные, а есть проза, которая поэтична. Просто форма в виде прозы; а на самом деле она полна поэзии. Таким образом, современная поэзия отбросила старую форму - теперь можно писать поэзию в прозе.

Это великий переворот. До настоящего времени форму расценивали как поэзию, а не как содержание. Впервые, в нашем веке, мы изменили целую идею: форма не имеет ничего общего с поэзией, а содержание имеет. Форма может быть в виде прозы или поэзии, это не важно: именно содержание делает произведение поэтичным.

Утверждения Иисуса очень поэтичны: «Нагорная проповедь» — чистая поэзия. Но с поэзией возникают опасения, что она есть плод воображения. Она красива, впечатляет, притягивает, она затрагивает сердце, но она не рациональна. Она может быть абсолютно иррациональной, она может быть суеверной, и все же она притягивает вас; поэтому-то все старые религии использовали поэзию. Вся Шримад Бхагават Гита - чистая поэзия.

Это не совпадение, что все великие священные писания написаны в поэтической форме. Этому есть фундаментальная причина. То, что они хотели сказать, было маленькой, фрагментарной истиной. Выразить ее в таком виде - значит утратить ее притягательность.

Это то же самое, как если вы приносите ножку от стула и говорите: « Это - стул ». Стул предназначен для того, чтобы на нем сидеть, люди же спросят вас: «Как можно сидеть на одной ножке? Вы, должно быть, шутите. Покажите нам: сядьте на нее, а мы посмотрим, что

произойдет». Ножка стула - это не доказательство, что она - стул. Поэтому вам надо будет воспользоваться вашим воображением и дать им представление о целом стуле, к которому вы можете приспособить ножку стула. Но воображаемый стул нужен.

Все эти люди были поэтичными. Должно быть, были люди, которые открыли фрагменты истины, но они не были поэтичными; поэтому они и остались безмолвными. Не только те немногие люди добились понимания истину; многие другие тоже добились этого, - но они не были ни поэтичными людьми, ни людьми с воображением. И они чувствовали смущение от того, что вынесли маленький кусочек чего-то и хвастаются этим.

Один из великих философов нашего века, возможно величайший философ, Людвиг Виттгенштейн, говорит в одном из своих афоризмов: «Нельзя говорить о вещах, о которых невозможно говорить». Он не отрицает, что есть вещи, о которых вы не можете говорить — они есть, — но он говорит: «Если вы столкнулись с вещами, о которых невозможно говорить, пожалуйста, оставайтесь безмолвными, не говорите». Прежде всего, вы совершите преступление против истины, так как в тот момент, когда о ней говорят, она перестает быть истиной.

А если вы настаиваете на том, чтобы говорить об этом, тогда вы многое подменяете воображением. Это воображение будет расти, поскольку от вас не требуется поиск для того, чтобы пополнять систему вашим воображением.

Истина требует интенсивного поиска и риска.

Она ведет в неизвестность.

У Успенского подзаголовок назывался Фрагменты неизвестного учения. Он математик - он не может подменить что-то с помощью своего воображения. Это против его совести, совести математика. У поэта нет такой совести; иначе он не мог бы создавать поэзию. Математику необходима такая совесть; иначе его математика потеряет ценность. Он должен докопаться до истины, как бы несовершенна она ни была. Он должен отбросить соблазн пополнить истину своим воображением. Вот почему Успенский говорит: «Фрагменты». Он не может сказать, что эта система полная, хотя, читая книгу, вы не можете определить, почему он назвал ее «Фрагменты».

Один из моих профессоров был очень влюблен в учение Гурджиева и Успенского. Книга В поисках чудесного была его Библией, Кораном, Гитой - ее можно назвать как угодно. Он всегда держал ее на своем столе - я не знаю, сколько раз он читал ее. И он постоянно делал пометки на полях. Вся книга была испещрена подчеркиваниями, надписями над строчками, пометками; все свободные места на страницах были заполнены записями.

Я спросил его: «Вы можете дать мне существенное объяснение, почему Успенский называет свою книгу «фрагментами»?»

Он взглянул на меня и сказал: «Я читал эту книгу очень много раз, но странно, меня никогда не волновал этот подзаголовок». Это было единственное место в книге, где отсутствовали его пометки! Я сказал: «Вначале подчеркните слово “Фрагменты” и напишите внизу: “Почему?” Вы читали книгу много раз: вы согласны с этим подзаголовком? Это только фрагменты?»

Он сказал: «Я читал ее как систему, она и является системой».

Я сказал: «Это не система, но вы не можете определить этого, так как вы не знаете, что есть истина, а что не есть истина. У вас нет переживания; вы просто профессор, ученый. И вы испортили всю книгу своими заметками. Эта книга не для заметок, эта книга для получения практических навыков. Какие практические навыки вы почерпнули из этой книги?»

Он ответил: «Практические навыки? Я изучал ее по крайней мере двадцать лет». Я сказал: «Вы можете изучать ее двести лет, это не поможет. Вот причина того, почему он говорит, что это - фрагменты. Так что будьте осторожны; если вы начнете практиковаться по ней, вам все равно понадобится Учитель, так как между двумя фрагментами там что-то пропущено - то, что вы даже не можете выразить. Как вы можете это выразить? Если вы не знаете истину, то как вы можете определить, что пропущено?»

Успенский очень правдив и искренен, когда говорит, что это только фрагменты, и фрагменты также неизвестного учения, поскольку он говорит: «Я не могу заявить, что они — мой знания. Я только слышал их от одного человека, и я не знаю, знает ли он или нет. Я могу лишь определенно почувствовать, что у него есть какие-то источники, где он достал эти фрагменты».

Гурджиев постоянно говорил о том, как он был в школе суфиев и много путешествовал по Индии, чтобы быть вместе с Учителями. Кроме того, он был в Тибете - переодетым, так как было очень трудно попасть во дворец Лхасы, во дворец Далай-ламы, где собраны все старинные священные книги. Дворец находится на верхнем этаже, а под ним - семь этажей фундамента. В этих помещениях может уместиться целая гора: семь этажей фундамента, заполненных старинными священными книгами.

Как же попасть в Лхасу? Прежде всего, проблемой является проникновение в Тибет. Во-вторых, надо попытаться подкупить британских служащих, находящихся в Индии, так как они стараются запретить кому-либо въезд в Тибет. Британия рассматривала Тибет как буфер между Индией и Китаем, и это была довольно разумная политика — держать в качестве буфера страну.

Китай - большая страна. Китай никогда не вторгался в Индию, они всегда были друзьями; и Индия никогда никого не захватывала, поэтому проблемы не существовало. Но Китай вторгался в Монголию, Корею и в другие страны. Он никогда не вторгался в Индию просто потому, что он был буддийской страной, а захватывать страну своего собственного Учителя - это отвратительно. Поэтому Индия оставалась страной, в которую Китай не вторгался в то время, как даже небольшие племена вторгались в Индию и создавали там империи. Китай мог бы опустошить Индию в любое время без всяких затруднений.

Британия держала Тибет как буферное государство, так что, если бы Китай захотел вторгнуться в Индию, ему пришлось бы вначале вторгнуться в Тибет. И если бы начались военные действия, они начались бы в Тибете: Британии пришлось бы вначале воевать в Тибете, а потом уже в Индии. Это разумная политика - воевать в чужой стране, так как эта страна может быть уничтожена и ее народ может быть уничтожен. Вы используете ее в качестве поля сражения; участвует только ваша армия, а ваш народ не участвует в сражении.

Индийские политики после обретения свободы не обладали такой проницательностью, очевидно потому, что у них не было опыта. В течение двух тысяч лет Индия была в рабстве,

поэтому у нее не было опыта; политики отказались от идеи буферного государства. Довольно странно то, что Индия отказалась рассматривать Тибет в качестве буферного государства и сделала его полностью независимым, поскольку это была независимая страна; Британия контролировала ее внешнюю политику и ее границы, но вся внутренняя политика была независимой. Тибет совершенно не представлял внешнего интереса, так как у него не было контактов с внешним миром, - не было ни железных дорог, ни автомобилей, ни обычных дорог. Тибет совершенно не имел контактов с внешним миром. Единственная взлетная полоса, которая была в Лхасе, принадлежала Британии. Это было делом Британии - посылать туда своих офицеров или целую армию, или что-то еще, или предлагать что-либо в качестве дружеского жеста Далай-ламе, если ему что-то потребуется.

Индия отвела все армии, которые окружали Тибет, и сделала Тибет полностью независимым. Все было хорошо, прекрасно, но это была не политика. Китай сразу же вторгся в Тибет, и, как только Тибет был захвачен, Китай оказался на границах с Индией. Затем Китай, впервые в истории, вторгся в Индию.

Необходимо было как-то приблизиться к Далай-ламе, и не просто приблизиться: Гурджиев должен был настолько сблизиться с ним, чтобы ему удалось получить доступ к подземным библиотекам и полностью узнать многие вещи, о которых у него были недостаточные сведения.

Ему удалось это сделать через Россию, поскольку пробраться в Тибет можно было также через Россию. Он проник в Тибет под несколько измененной фамилией - Дорджеб, не Гурджиев. До сих пор сохранился документ, где указана фамилия Дорджеб. Он прибыл с удостоверением, выданным ему русским царем, в котором говорилось: «Мы посылаем Дорджеба, чтобы он стал наставником молодому Далай-ламе». Далай-лама был очень молод, ему было одиннадцать лет, и он нуждался в знаниях о внешнем мире.

Для Гурджиева это была двойная роль. Он сказал царю, что будет действовать в качестве его агента и сообщать всю интересующую его информацию. А его собственная цель состояла в том, чтобы все узнать об их религиозных обычаях. Царь не интересовался религией. Он сказал: «Это ваше дело, вы можете сами об этом позаботиться, но информация должна к нам поступать». С письмом царя он прибыл в Лхасу и стал учителем Далай-ламы.

Ему, как учителю, конечно, были предоставлены апартаменты во дворце Лхасы, и к нему относились должным образом как к учителю Далай-ламы. Он испробовал все способы и нашел методы и людей, которые помогли ему читать по-тибетски и переводить с тибетского.

Гурджиев проделал большую работу в Тибете, Индии, Египте и на Кавказе, чтобы найти оставшихся в живых людей, которые имели бы какое-нибудь переживание истины. Но все обнаруженные сведения были неполными. Он старался сделать из этих сведений систему, и одну систему он все-таки создал. Но он не был ни поэтом, ни ученым. Он не был писателем, он не был оратором; для всего этого у него не было времени. Всю свою жизнь он разыскивал людей, сблизался с ними и старался убедить их рассказать ему об истине, рассказать о том, что они поняли за свою жизнь.

Гурджиев написал три книги, - при его жизни опубликована была только одна; его манера письма - просто кошмар. Я не думаю, что кто-нибудь, кто не такой сумасшедший как я, будет читать его книгу, Все и Вся. Да, это - все и вся! Но тысяча страниц этой книги... У него у самого

было подозрение, сможет ли кто-нибудь понять ее или не сможет. А сколько времени ему понадобилось! Ему потребовались годы, чтобы написать ее, а манера его письма была также очень странной.

Он подолгу сидел в парижском кафе, куда входило и откуда выходило множество людей. Это был, действительно, метод. Если вы сидите в Гималаях и что-то пишете, в этом нет ничего особенного; это не говорит о том, что вы пишете с полной осознанностью. Вы могли бы заснуть, но все равно продолжать писать; вы могли бы мечтать и одновременно писать, - ведь там никто не мешает. А он все написал в различных парижских кафе, где много музыки, танцев, криков, разговоров, постоянно входят и выходят посетители... все кипит вокруг. А кафе, особенно в Париже, - это место, где встречаются художники и поэты, которые всегда шумно спорят. Он сидел в такой толпе и писал Все и Всё.

Это было частью метода Гурджиева. Его ученики говорили: «Вы можете найти более подходящее время - у вас есть хорошее место вне Парижа». Его коммуна находилась в прекрасном месте. «Там, в тишине, вы можете спокойно писать. Из коммуны вы будете приезжать сюда, чтобы посидеть в этих переполненных кафе, в которых прежде никто не писал книги; по крайней мере, религиозные книги никогда не писались в таких условиях». Но он продолжал писать там. Однажды, когда он написал одну главу, его ученики прочитали ее. Точнее сказать, один из учеников читал, а Гурджиев наблюдал за другими учениками, какое впечатление производит его книга, насколько она глубока... Ни одна книга не была написана в такой обстановке. Если бы они без затруднений все поняли, тогда Гурджиев переписал бы ее, так как это означало бы: «Если эти идиоты способны понять ее, значит она не стоит того, чтобы быть напечатанной». У него ушло двадцать или тридцать лет на непрерывную работу над книгой; после написания очередной главы он давал своим ученикам почитать ее, и опять, если кто-нибудь зевал или засыпал, это означало, что он должен переделать ее. Если книга вызывает зевоту и от нее клонит ко сну, то какой смысл писать ее? Все снова и снова, сотни раз он переписывал одну и ту же главу, и ученики уже устали каждый раз читать одну и ту же главу.

Таким способом он написал тысячу страниц, но все еще не был уверен, что кто-то поймет его книгу, поймет ее значимость. Поэтому он сказал издателю: «Первые сто страниц должны быть разрезаны, а оставшиеся девятьсот страниц должны остаться неразрезанными с припиской: “Вы можете прочитать сто страниц. Если вы все еще готовы читать дальше, можете разрезать оставшиеся страницы; в противном случае вы можете вернуть книгу и получить обратно свои деньги”. Таким образом, первые сто страниц будут пробным образцом».

Хорошо известным фактом является то, что почти все его проданные книги были возвращены. Люди не смогли прочитать даже первые сто страниц. Издатель оказался в убытке, но проблемы не было: Гурджиев отдал ему деньги, поэтому проблемы не было; публикация книги была осуществлена за его счет. Он сказал: «Ничего с вами не поделаешь. Все, что вы потратили, вам возвратят, но теперь я знаю, какой должна быть моя книга. Если человек не смог осилить первые сто страниц, значит он не имеет соответствующей подготовки. Если после прочтения первых ста страниц он готов открыть оставшиеся девятьсот, хотя бы одну страницу, то значит книга не может быть возвращена».

И он оценивал книгу без всяких оснований - без системы, без оснований. На обложке цена не была проставлена: цена варьировалась в зависимости от покупателя. Эта была великая идея Гурджиева. С одного человека он требовал тысячу долларов; кому-то другому он отдавал ее

бесплатно. Все зависело от покупателя - цена определялась не книгой.

У этого человека всегда были хорошие идеи. С человека, который с головой погружен в книгу, вы не должны требовать деньги. Книга должна быть отдана в подарок; он заслуживает ее. А с человека, имеющего слишком много денег и намеревающегося потратить их в Монте Карло или в каком-нибудь другом азартном месте, почему бы не потребовать десять тысяч долларов? А есть люди, которые приобретут ее только потому, что она стоит десять тысяч долларов; иначе это ниже их достоинства — книга не заслуживает их внимания.

Его ученики постоянно спрашивали: «Книги имеют цену; вы можете назначить любую цену. Но сейчас происходит странная вещь: вы сидите в книжном магазине и оцениваете покупателя. Вы продаете книгу или приобретаете покупателя?» А книга действительно написана в такой манере... Ни одна другая книга не была написана подобным образом, и я надеюсь, что ни одна книга не будет написана подобным образом.

Гурджиев изобретает странные слова, смешивая разные языки. Он знает многие языки, языки кочевников, у которых нет даже алфавита. Нельзя найти словари этих языков, так как эти языки не имеют словарей, они не имеют алфавита. Это диалекты, а не языки; на них только говорят. В его книге одно какое-нибудь слово не принадлежит одному языку: это слово принадлежит двум или трем языкам, соединенным воедино. А какое-нибудь длинное слово может представлять собой целое предложение - одно слово! Он действительно, насколько может, назначает вам цену — вашему терпению, вашему разуму, но если вы прочитываете всю книгу, это действительно окупается: вы начинаете постепенно привыкать к его почти невыносимым словам.

Когда вы встречаете их все снова и снова в разных местах книги, вы начинаете чувствовать их соответствующее значение. Пока вы, может быть, еще не способны сказать, что оно означает, но вы начинаете ощущать значение этого слова. А если вы прочитали всю книгу, то абсолютно уверены, что оно означает, хотя вы не в состоянии это выразить, так как вы руководствуетесь только своим внутренним ощущением. Основное усилие Гурджиев прилагает к тому, чтобы как-то обойти ваш разум. С помощью разума вы не в состоянии продвинуться дальше одного параграфа. Ваш разум говорит вам: «Остановись! Это - абсурд». С точки зрения разума это действительно абсурд.

Но эта книга была еще не написана, когда Успенский написал Фрагменты, она была написана, когда Успенский уже не был вместе с Гурджиевым. Он покинул его, так как не мог многого понять в Гурджиеве. А он был математиком: он хотел понимать вещи математически, методологически. А Гурджиев представлял собой абсурд. Вы не смогли бы связать и двух его поступав, вы не смогли бы связать любые два его утверждения. Сегодня он говорит одно; завтра он может отрицать сказанное, говоря при этом: «Я никогда не говорил этого», - а вы рискуете всей своей жизнью, так как он говорил это!

Успенский был сыт этим по горло. Но он любил этого человека, поэтому, хотя он и покинул его, он подразделял Гурджиева на две части: Гурджиев, с которым он был вместе, и Гурджиев, с которым он не был вместе.

Он был против Гурджиева, с которым он не был вместе; а Гурджиева, с которым он был вместе, он считал своим Учителем. Поэтому Успенский упоминает о нем как о «Г»; он никогда не пишет его имя полностью, так как его полное имя введет вас в заблуждение, — вы можете

подумать, что он говорит о всем Гурджиеве - поэтому он просто пишет «Г». «Г» означает Гурджиева, с которым он был вместе.

Несомненно, что у Гурджиева были фрагменты. Он очень старался из них сделать систему, но он не был человеком, обладающим поэтическим даром, даром воображения, человеком, который мог бы создать систему. Хотя он написал три книги, только одна была опубликована при его жизни. Следующая книга, Встречи с замечательными людьми, была опубликована после его смерти. И он действительно встречался с замечательными людьми, неизвестными истории; они навсегда останутся неизвестными истории. Они были замечательными, так как они отыскивали какую-то часть истины, но они не были способны говорить об этом или объяснить это. Можно было находиться с ними и так найти путь к пониманию истины.

Вот что обычно говорил Гурджиев: «Существуют люди, которые нашли истину. Они не способны выразить ее, они не могут показать ее вам; вы должны быть с ними, чтобы украсть ее». Фактически он говорил: «До тех пор, пока вы не способны украсть ее, другого пути нет. Эти люди - они знают ее, и вы можете увидеть, что они знают ее, но у них нет языка, у них нет общих представлений, у них нет слов. И возможно, поэтому их истина такая чистая, достойная того, чтобы быть украденной».

Если человек обладает языком, словами, воображением, поэтическим даром, то он может создать систему вокруг своей истины. А затем система начинает развиваться, она начинает жить своей собственной жизнью, - так развивались все теологии, - и вы не можете обнаружить, куда пропала истина. Вначале это был такой маленький фрагмент истины, а теперь над ней - огромная гора теологии... Невозможно вообразить, где же она.

Второй причиной, почему Успенский использовал подзаголовок Фрагменты неизвестного учения, являлось то, что это учение пришло не от одного человека. Гурджиев собрал фрагменты почти со всего Востока; они были не из одного источника. Гурджиев был великим коллекционером, и он, должно быть, был вором, так как он украл подлинные фрагменты. Но соединить их между собой было почти невозможно. Это было возможно только человеку, который знал бы всю истину; тогда бы он мог расставить все кусочки головоломки на свои места. Гурджиев всю свою жизнь нес в себе эти кусочки головоломки...

Третья книга была опубликована всего лишь несколько лет назад. Именно так он и хотел: вначале одна книга при его жизни; затем вторая книга, когда он умрет; затем третья книга, когда о нем совершенно забудут. Но даже во всех трех книгах он не был способен дать систему; все остается фрагментами ~ кусочками невообразимой красоты, но не целым ожерельем. Они не попали в руки ювелира, который мог бы распилить их, придать им форму, дать им правильные пропорции и который мог бы создать гармонию во всех этих фрагментах так, что они становятся одним органическим целым. Эти книги остаются фрагментарными, частями неизвестного учения. Многие люди погибли из-за них; многие люди сошли с ума из-за них.

Всю свою жизнь Гурджиев усиленно работал. Но в нашем веке есть два великих неудачника: Георгий Гурджиев и Джидду Кришнамурти. Оба они - люди огромных достоинств и качеств, но оба полные неудачники.

Вы спрашиваете меня, в чем мой секрет.

Здесь нет секрета.

Или вы можете сказать, что это мой открытый секрет: я не нуждаюсь в создании системы.

По моему мнению, истина не является частью, фрагментом, она не явилась мне как фрагмент.

Истина сама открылась мне как нечто целое, как органическое единство.

Я ничего не добавлял в нее. Я ничего не перерабатывал из нее. А поскольку я - не теолог, то я не заинтересован в создании теологии; следовательно, я могу передать ее вам с помощью простых слов, обычным языком, без всяких затруднений.

Мой открытый секрет заключается в том, что я не привношу длинные слова, теории и догмы, чтобы вы стали очень интеллектуальными и имели бы очень острый ум, нет.

Вы должны быть такими же обычными, как я.

Все те люди, которые заявляли, что они - мессии, аватары, паигамбары, тиртханкары, доказывают лишь одно: они обладали каким-то малым фрагментом, но они знали еще и то, что обладают комплексом неполноценности. Этот малый фрагмент не может разрушить ваш комплекс неполноценности. До тех пор, пока вы не узнаете истину во всей ее целостности, у вас останется этот комплекс неполноценности. Так что они обладали фрагментом и хвастались этим. А у них еще оставался комплекс неполноценности, поэтому они изображали некоторое свое превосходство; они - единственный порожденный сын Божий, они - мессия, они - посланники Божьи, они - перевоплощения Бога, - и все такое подобное.

Все эти заявления просто указывают на то, что глубоко внутри них сидит комплекс неполноценности.

Каждый, кто старается доказать, что он превосходит других, является больным человеком, страдающим человеком. Все они были больны комплексом неполноценности. Они не могли сказать, ни один из них не был способен сказать: «Я - такой же человек, как вы, и в этом мой секрет».

Я - первый, кто говорит вам, что я - такой же человек, как и вы, - совершенно обыкновенный.

Если вы отбросите свое желание быть исключительными, если вы сможете принять свою человечность, как она есть, без желания изменить ее, - если вы не стараетесь усовершенствоваться, - отбросив это желание, то ваш комплекс неполноценности исчезнет. Самоусовершенствование подобно попытке выгащить самого себя, удерживая себя за ноги. Вы можете попытаться прыгнуть; может быть, на секунду вы окажитесь в воздухе, но в следующее мгновение вы растянетесь на земле, окажетесь еще глубже на ранчо «Большая Грязь», откуда очень трудно выбраться. Лучше не прыгать.

Поскольку я не выражаю свое превосходство, у меня нет болезни неполноценности.

А истина - это прирожденное право каждого.

Это не то, что предназначено иметь лишь нескольким людям: вы родились с этим.

Поскольку вы продолжаете гнаться за чем-то другим, то у вас нет времени оглянуться.

Есть один старинный рассказ. Один человек отправился на утреннюю прогулку. Было темно, и около деревенского пруда он на что-то натолкнулся; это был мешок. Его разобрало любопытство, и он захотел узнать, что в нем; поэтому он сел, открыл мешок и сунул в него руку - мешок был полон камней. Он стал ждать восхода солнца, так как обычно при восходе солнца он шел купаться, а затем возвращался домой. Поскольку ему нечего было делать, он стал бросать камни в пруд, наслаждаясь звуком «хлоп, хлоп»; в утренней тиши после каждого «хлоп» становилось еще тише.

К тому моменту, когда всходило солнце, он как раз собирался бросить последний камень. Но при лучах солнца он был изумлен; это был алмаз! Можете представить себе его горе, его муку. Он выбросил тысячи алмазов. Такие большие - теперь он вспоминал их вес. И каким же идиотом он был! Собралась толпа - он был в слезах. Его спросили: «В чем дело?»

Он сказал: «Вот в чем дело», - и показал им алмаз. Никто не видел такого крупного алмаза, такого сияющего на утреннем солнце. Люди сказали: «Так вы должны быть счастливы тем, что нашли такой алмаз».

Он сказал: «Вы не знаете всей истории. Вы могли бы быть счастливы, найдя его; я не могу, потому что я нашел целый мешок, полный алмазов, еще больших, чем этот. И я - такой дурак, - я просто бросал их, совсем как ребенок».

В толпе находился один знаменитый ювелир. Он подошел поближе и рассмеялся. Этот человек сказал: «Почему вы смеетесь?»

Ювелир сказал: «Это не алмаз - напрасно вы предаетесь такому горю! Это обыкновенный камень, сияющий камень, но ничего не стоящий». Слезы исчезли, и человек пришел в порядок; теперь он выбросил и последний камень. Если это всего лишь камень, то что с ним еще делать?»

Ювелир ушел. За ним последовал другой человек, - который тоже немного разобрался в ювелирном деле, хотя и не так много, - и задержал знаменитого ювелира. Он сказал: «Я только учусь, но я смог разглядеть, что то был алмаз. А вы, мастер ювелирного дела, сказали, что это не алмаз».

Ювелир сказал: «Я знаю, что это был алмаз, но это был единственный способ вывести человека из его муки; иначе вся его жизнь рухнула бы. Вы хотите, чтобы ради спасения одного алмаза я обрушил бы всю его жизнь? Да, это был редкий алмаз. За всю свою жизнь я не видел такого крупного алмаза, но жизнь этого бедного человека важнее. Если бы я сказал, что это был алмаз, этот человек всю оставшуюся жизнь провел бы в ужасных мучениях из-за того, что потерял так много алмазов. А теперь он будет счастливым человеком. Это стоит того, чтобы выбросить этот алмаз. Он будет смеяться. Он будет рассказывать эту историю людям, смеяться, радоваться».

Я ювелир совсем в другой истории; у всех у вас есть камни, и вы цепляетесь, за эти камни. Если вы не выбросите их прочь, если ваши руки не опустеют и не опустеет ваше бытие, — опустеет от всех желаний, от того, чтобы получить то, получить это, достичь того, стать этим...

Когда вы совершенно пусты, в этот момент вы являетесь обыкновенными.

И, по моему мнению, быть обыкновенным - величайшее, что может случиться человеку.

Все остальное никчемно.

Но я не говорю вам выбрасывать эти камни, зная при этом, что они - алмазы; они - не алмазы. Тот человек был по-настоящему смелым человеком; он поверил слову ювелира — хотя ювелир лгал, но лгал ради его же пользы. Он был открыт к тому, чтобы принять предложение ювелира о том, что он нашел сияющий, но не имеющий цены камень: он выбросил его.

Мы носили настоящие камни, даже несияющие камни, грязные камни, полные хлама, - может быть, один лишь сухой хлам, даже не камни. Им сотни лет, а вы цепляетесь за них и не можете их оставить. Если мне как-то удастся сделать так, чтобы вы выпустили их из левой руки, вы тут же подхватываете их . правой. И ваша личность настолько расколота, что левая рука не ведает, что творит правая; ваша правая рука не ведает, что творит левая. Вы выбрасываете камень из одного окна и немедленно вносите его внутрь через другое.

Мой секрет прост, но вы сложны, вы не просты.

Я - обыкновенный, вы - нет. В этом вся беда.

Вы не обыкновенны. Дело не в том, говорите вы об этом или нет: в глубине души вы знаете, что вы необыкновенны. Очень трудно отыскать человека, который в глубине души не знал бы, что он необыкновенный. Он создан по образу Бога, а вы говорите ему, что он обыкновенный?

Эти люди - эти мессии и посланники Божьи - все они говорили вам, что они необыкновенные и что вы тоже можете быть необыкновенными, поскольку у вас есть потенциал роста. У вас есть потенциал находиться на верном пути, иметь веру в святую книгу, в верного пророка. Конечно, они решают, кто прав; вы не можете решать этого. Как вы можете с вашей темнотью и слепотой решать? Поэтому они решают, что правильно, - вы же просто следуете их решениям. А они указывают вам путь, как стать необыкновенным.

Что это такое — попасть в рай?

Кто-то задал этот вопрос - не вопрос, а, фактически, утверждение. Несколько дней назад я сказал, что христиане не представляют, что произошло с Христом после его воскресения. Я повторяю снова: они не имеют об этом ни малейшего представления. Теперь я сделаю это еще более ясным - они не имеют ни малейшего представления о том, что случилось до его воскресения и что случилось после его воскресения. Они не имеют ни малейшего представления, кем был Иисус. Он был просто фанатичным евреем - ни больше, ни меньше.

Но кто-то говорит, что через девять дней после воскресения ангелы спустились с небес и забрали его с собой на небеса. Это утверждение, должно быть, исходит от какого-то христианина... он не написал свое имя. Этот человек может быть и санньясином, но я помогаю ему выбросить кое-что через одну дверь, а он опять вносит это через другую дверь: «Спустя девять дней явились ангелы и забрали его...», — а почему эти глупые ангелы не явились, когда распинали Иисуса? Это был бы самый подходящий момент для их прибытия, самый кульминационный момент всего представления, когда там собрались тысячи людей, чтобы увидеть чудо. В это время не хватало Бога, не хватало ангелов, не хватало Святого Духа; прямо в

этот момент все они исчезли. Как вы знаете, только в беде познается человек: истинный ли друг он вам или нет.

Когда Иисус плакал и вопрошал: «Отец, ты забыл меня, ты покинул меня?», - он действительно был оставлен в преддверии ада. Если есть Бог и если Бог послал его, тогда этот Бог - не тот Бог, которому можно верить, это не тот Бог, который сдерживает свои обещания. Когда Иисуса распинали и наступил финальный момент испытания, — ведь это было бы доказательством, если когда его распинали, Бог немедленно спас бы его. Возможно, крест превратился бы в золотой трон. Если Бог вел всю эту игру, то где же он был в такой момент, что он делал?.. А люди смеялись и подшучивали над бедным Иисусом.

Никогда над человеком столько не смеялись, сколько смеялись над ним. На него надели корону и написали на кресте «Царь иудейский», ведь он сам часто называл себя царем иудейским. И он говорил, что владеет царством Божьим и что всех, кто с ним, он допустит в царство Божье. Конечно, оно принадлежало его отцу, а он был единственный рожденный сын, единственный его наследник. Если Ницше прав, и Бог мертв, тогда унаследовать царство Божье должен был Иисус - кто же еще?

Но никто не появился. Бедняга плакал, - он просил воды, поскольку его мучила жажда, было жарко, - но ни один ангел не появился. По крайней мере, маленькое облачко могло бы пролить дождь; хоть что-нибудь можно было сделать. Даже не надо было, чтобы появился ангел, достаточно было бы, чтобы маленькое облачко пролило дождь. Но ничего не произошло, когда это, было так необходимо.

А через девять дней, кто видел, как его унесли на небеса? У вас есть какие-нибудь свидетели? И почему через девять дней? И, по крайней мере, он мог бы быть унесенным на небеса в присутствии свидетелей, особенно в присутствии евреев, которые распяли его. Они должны были бы увидеть, что совершили ошибку. А если идея Бога о послании своего сына на Землю заключалась в спасении человечества, то факт его похищения без свидетелей не выглядит правильным делом. Но они должны были выдумать какую-нибудь историю, так как если Иисус воскрес, то что с ним делать дальше? Ведь когда-нибудь он опять должен умереть. И они не делают никаких письменных упоминаний относительно того, когда он умер и где он умер. У меня есть данные. Я видел его могилу, видел, где он умер, где жил.

Воскресения не было. Фактически и распятия никогда не было, оно было сорвано. Через шесть часов он был снят с креста, так как следующий день был священный день отдохновения евреев. В этот день ничего не могло происходить, даже распятия; поэтому, естественно, его должны были снять с креста. Это был тайный сговор между очень богатым последователем Иисуса и Понтием Пилатом.

Понтий Пилат также хотел спасти этого бедного человека, так как Иисус был немного эксцентричен, фанатичен - это признано, - но он был безвредным. Если кто-нибудь возмущался его ослиными криками, такими как: «Я - единственный сын, порожденный Богом», - то я думаю, что это просто вольное развлечение; нет необходимости поднимать шум из-за этого. В крайнем случае можно учредить налог за развлечения. На человека также можно учредить налог; можно учредить налог за развлечения для людей, которые получают удовольствие от развлечений. Все, кто получает удовольствие от этого человека, должны платить определенную дань храму евреев. И тогда все будет абсолютно правильно.

Если бы я был верховным священником, я сделал бы именно это. Я убедил бы Иисуса: «Всегда стой перед храмом, и мы сможем собирать налог за развлечения. Продолжай свое представление. Сделай по крайней мере три представления - утреннее представление, первое представление и второе представление. А если ты захочешь небольшую долю дохода, то она будет выдана тебе, - ведь ты делаешь такую великую работу, представляешь такой цирк!»

Я не думаю, что надо распинать циркачей. Он был абсолютно безвредным. Понтий Пилат был расположен к нему. Он много раз предостерегал верховного священника: «Зачем вы излишне придираетесь к этому человеку?» Но верховный священник, и все раввины, и их синедрион были непреклонны: они не могли его терпеть. Он притворялся, что он - их мессия; он делал посмешище из мессии. Они говорили: «Мы не можем его терпеть - он должен быть распят». А Понтий Пилат опасался за свой пост.

Римская империя направила его в качестве представителя империи, чтобы править евреями. Он боялся, что если евреи — особенно верховный священник и синедрион раввинов — донесут на него, поскольку они говорили ему, что надо распять еврея, а он не хотел бы... Это был религиозный вопрос, а договор был таков, чтобы в их религию не вмешивались. Он боялся, что его могут отозвать. А он так долго находился вдали от Рима, что, возвратясь туда, он станет никем. В действительности он был очень могущественным человеком, и именно поэтому он был выслан из Рима. Вот как действует политика.

Понтий Пилат был из королевской семьи, и он был настолько могущественный, что Царь Ирод опасался, что он станет его соперником. Ирод был стар, а его сын был очень молод. Вскоре он умер, и его маленький сын очутился на троне: этот Понтий Пилат был таким могущественным политиком, что мог захватить трон. Поэтому, чтобы избежать этого, ему предоставили важный пост: он стал наместником в Иудее.

В этом веке аналогичный случай произошел с лордом Маунтбаттенем. Он был из королевской семьи, и в юности был ловеласом, и учинял скандал за скандалом. Вся семья была очень огорчена, поскольку, исходя из королевской семьи, он позорил эту семью; и если он будет продолжать... А был он поистине королевской фигурой - сильный, красивый, высокий. Он мог бы быть похож на настоящего короля. Он мог доставить огорчения; и он уже доставил слишком много огорчений: лучше было отослать его. Он был послан в Бирму в качестве наместника, это далеко от Англии, так что он мог делать там все, что угодно. Англия не узнала ни об одном из его скандалов, поскольку на получение посланной по почте информации уходило три месяца. Поэтому беспокоиться было не о чем, и кто будет беспокоиться о том, что Маунтбаттен творит в Бирме?

Его женили на женщине, которая была просто ужасна. У нее была болезнь, которая вызвала заболевание кожи; ее кожа была похожа на кожу животного. Она была поистине ужасной. Как удалось женить этого бедного ловеласа на этой женщине? Возможно, ловелас сам попался. Ловеласы часто попадают в такие переплеты; иногда они оказываются в таких ситуациях, когда они не могут не жениться. Итак, он должен был жениться на этой женщине.

Эту женщину послали вместе с ним, чтобы она присматривала за ним, чтобы он не учинял скандалы, и, естественно, ему это не удавалось, поскольку он был там наместником. У него не было возможности там общаться с обычными людьми или вести себя недостойно. А когда его миссия в Бирме закончилась и он вернулся в Англию, его сразу же послали в Индию. Его

постоянно держали вне Англии. Черчилль настойчиво выступал за то, чтобы он оставался вне страны, чтобы ему не позволяли оставаться в стране, - он доставлял огорчения.

В настоящее время лорд Маунтбаттен мертв, но когда он был жив, королева постоянно беспокоилась о нем, так как он стал часто сопровождать принца Уэльского. Принц Уэльский, который являлся его племянником, был привязан к нему больше, чем к своему отцу и к своей матери, а они были очень озабочены тем, что этот человек порочил будущее короля Англии. Раз он упустил возможность стать королем, то он мог бы сделать это с помощью принца Уэльского. Они, должно быть, почувствовали большое облегчение, когда он случайно умер, - в действительности, он был убит.

Понтий Пилат, который был безмерно могущественным политиком, был послан в Иудею. Он боялся, что к этому времени народ позабыл о нем — человеческая память такая короткая. В течение пятнадцати лет он находился в Иудее; кто же теперь его вспомнит? За пятнадцать лет многие другие политики должны были бы сделать карьеру. А теперь мальчик перестал быть мальчиком, он стал царем - Ирод был мертв. Теперь у власти был сын Ирода, и Понтий Пилат уже не знал, что происходит в столице. А здесь он был счастлив - теперь он был всемогуществен и стал почти царем. Поэтому он боялся. Он вынужден был внимать священнику, но в глубине души он хотел, чтобы Иисуса освободили.

Он сделал последнюю попытку. Должны были быть распяты три человека. В каждый день отдохновения существовала возможность помилования одного человека по выбору верховного священника. Понтий Пилат надеялся, что евреи попросят помиловать Иисуса, так как двое из трех приговоренных были убийцами, заслуживающими смертной казни, а Иисус не совершил никакого преступления. Убийцы есть убийцы - с этим ничего не поделаешь, - но этот человек был опасен, так как он насмехался над их идеей, касающейся мессии, насмехался над идеей, касающейся Бога, выдумывая глупую притчу, что он единственный сын, порожденный Богом, что он не был рожден человеком, что он был зачат Святым Духом. Он подшучивал над их теологией.

Они просили, чтобы один из убийц - Варавва, или его звали как-то по-другому, - был помилован. А вы знаете, что сделал Понтий Пилат? Он сделал такое, что если бы об этом узнал Зигмунд Фрейд, то он был бы сильно шокирован. Он вошел и умыл руки. Именно Зигмунд Фрейд через две тысячи лет после Понтия Пилата сделал открытие, что когда бы человек ни чувствовал свою вину, он умывает руки, независимо от причины; они грязные. У Понтия Пилата не было причины умывать руки - он не собирался ни обедать, ни ужинать - ничего в этом роде. Не было вообще никакой причины умывать руки.

Сойдя с помоста, вокруг которого собравшиеся люди просили помиловать одного убийцу, опечаленный Понтий Пилат вошел в комнату и умыл руки. Возможно, он сделал это совершенно неосознанно - так как я не думаю, что ему удалось прочитать Зигмунда Фрейда. Это выглядит уж слишком невыносимо. Через девять дней после воскресения еще могут прибыть ангелы, но Понтий Пилат, читающий Зигмунда Фрейда, - это выглядит слишком невыносимо!

Открытие Зигмунда Фрейда состояло в том, что люди, просто сидящие и умывающие руки без воды, просто старающиеся умыться руки, всегда чувствуют за собой вину. Несомненно, они чувствуют угрызения совести и стараются, неосознанно, смыть их. Можно видеть множество просто сидящих людей, которые имитируют умывание рук; нет воды, нет мыла, но они все равно

что-то смывают. И они не осознают, что они делают своими руками. Вы должны знать, что ваша правая рука связана с левой стороной вашего мозга; ваша левая рука связана с правой стороной вашего мозга. Поэтому ваши руки постоянно выражают то, что происходит в вашем мозгу.

Вот как делается политика: Понтий Пилат был наместником Римской империи.

Я слышал следующее: холодным зимним утром два еврея шли по дороге. Было очень холодно, но один из них постоянно говорил и все время спрашивал другого: «Почему ты молчишь?»

Другой сказал: «Продолжай говорить». Но сколько же может один человек говорить, если вы даже не произносите ни «да», ни «нет» или, по крайней мере, «ага»? Вы должны хоть что-нибудь говорить... этот же человек оставался абсолютно безмолвным.

Наконец другой сказал: «Что с тобой происходит?»

Тот ответил: «Со мной ничего не происходит, но я не могу вынуть руки из карманов - слишком холодно».

Евреи практически не могут говорить без помощи рук. Можете взглянуть на меня: я не могу говорить без помощи рук. Это определенно указывает на то, что я - еврей; если не в этой жизни, то в одной из предыдущих жизней я, должно быть, был евреем. Я не могу держать руки в карманах - у меня вообще нет карманов, поэтому, что бы ни случилось, я всегда способен говорить!

Понтий Пилат пошел на тайный сговор с одним богатым учеником, который сказал: «Его надо распять как можно позже, так как к вечеру он будет снят с креста. А затем в течение трех дней его будут держать с нами, и мы поможем ему скрыться».

Во время еврейского распятия на кресте человек умирает очень долго, по крайней мере двадцать четыре часа; но если человек сильный, то он может умирать сорок восемь часов, поскольку из рук и из ног сочится очень мало крови. А если человек достаточно силен и у него достаточное количество крови, то он может выжить. Шесть часов — это небольшой срок, за шесть часов никто не умирает.

Поэтому они решили отложить распятие на более позднее время. Они распяли Иисуса на кресте только в полдень. И через шесть часов, когда садилось солнце, его сняли: он был совершенно живой. А Библия свидетельствует, что, когда его сняли с креста, один римский солдат воткнул пику ему в бок: оттуда потекла кровь. Из мертвого человека кровь не течет. Это полностью свидетельствует, что Иисус был совершенно живой. А ночью все было устроено: он исчез.

И конечно, он должен был убежать как можно дальше. От Иудеи до Кашмира очень большое расстояние. А почему Кашмир? Потому что в Кашмире уже обосновалось затерянное племя евреев. Моисей отправился на поиски этого затерянного племени и умер в Кашмире. Кашмир - еврейский город; хотя люди потом насильно были обращены в мусульманскую веру, Кашмир - еврейский. По лицам и носам людей можно видеть, что Кашмир - еврейский. Хотя Иисус убрался из Иудеи, но представляется очень разумным, что он захотел жить в местности, где живет его народ. Эти люди понимали его язык, понимали его самого, их разум не был таким же нетерпимым, как у людей в Иудее, поскольку они были одними из тех, кто затерялся, и они были

настоящими бунтарями.

Они не сбились со своего пути; они ушли от мук, которые продолжались на протяжении сорока лет, пока шел поиск Израиля. Этот Израиль доставил столько мук людям и все еще продолжает доставлять. Чтобы из Египта попасть в Израиль, им понадобилось сорок лет, и на всем пути была пустыня. Одна треть людей выжила, две трети умерло в пути. Их было несколько, людей бунтарского типа, которые понимали, что это была сумасшедшая затея. «Где находится Израиль? Никто не слышал о нем. И куда мы направляемся? Люди постоянно умирают: когда мы достигнем Израиля, никого не останется в живых. Лучше куда-нибудь скрыться. Пусть другие идут в Израиль - мы будем искать какое-нибудь другое место».

Они пошли в другом направлении, совершенно в противоположном, и они действительно нашли место лучше, чем Израиль. Если бы Моисей был с ними, Кашмир был бы поистине великой находкой. Моисей добрался туда и нашел их там, но он был уже слишком стар, поэтому он не в состоянии был совершить обратное путешествие. И люди не хотели покидать это место; они нашли такое прекрасное место, что уже не интересовались никаким Израилем или еще чем-то. Моисей умер там.

Иисус узнал об этом. Когда он путешествовал по Египту и Индии, возможно, он посетил Кашмир, посетил самадхи Моисея. Он знал о существовании Кашмира; он убежал из Израиля в Кашмир. Его могила находится рядом с могилой Моисея. На ней все написано - о нем самом, его имя. Конечно, это было его древнееврейское имя, так как он никогда не знал, что его будут называть Иисус; он был Иошуа. Поэтому никто не может сказать, что это новая могила, так как на ней написано «Иошуа» и указано, что молодой человек по имени Иошуа прибыл в эту местность и жил здесь со своими учениками, пока ему не исполнилось сто двенадцать лет.

Место, где жил Иисус, Пахалгам, названо в честь него, так как он обычно называл себя пастырем. В Кашмире «Пахалгам» означает «деревня пастырей». «Пахал» означает «пастырь», «гам» означает «деревня» - это место было названо в честь него. Так же, как будет трудно через две тысячи лет найти Раджниш-пурам в Орегоне, трудно будет найти Пахалгам в Кашмире через две тысячи лет, так как никаких других следов не осталось. Но это же самое имя... И рядом могила Моисея.

Люди, охраняющие могилу, - евреи - это видно по их лицам и по всему остальному. И эти две могилы - единственные во всей Индии, которые обращены в сторону Израиля. Индусы сжигают умерших, поэтому вопрос о могиле даже не возникает. Мусульмане хоронят умерших в могилах, но их могилы смотрят на Мекку. Там только две могилы, которые не смотрят на Мекку; они смотрят на Израиль.

Итак, через девять дней ангелы не забрали с собой Иисуса. В ту самую ночь его забрали ученики и спрятали в пещере, а затем они быстро исчезли.

Так или иначе, все религиозные люди хотят, чтобы их религия была окрашена запутанными, таинственными, невероятными событиями. Это самое главное: нужно что-то невероятное, только тогда ваша вера приобретает какое-то значение. Когда все понятно, то ваша вера теряет значение. Вера должна пройти испытания огнем на веру во что-то невероятное. Поэтому все религии создают невероятные вещи, касающиеся их пророков. Эти вещи — как бы испытание: если у вас есть вера, значит вы будете верить в них. А если вы можете поверить в любой абсурд,

то вы не представляете опасности ни для священников, ни для церкви, ни для всего огромного теологического здания, которое возникло из фрагмента истины.

Во мне нет ничего невероятного, во мне нет ничего таинственного, во мне нет ничего тайного. Это - мой открытый секрет, моя раскрытая тайна.

Я - просто человек, и я хочу заявить человечеству, что нет ничего выше человеческого сознания.

Вам не надо ничего искать.

Все, что вам надо, - это заглянуть, и как можно глубже, в свое собственное сознание.

Обретите себя, и вы обретете все.

Нет другого Бога, нет другого рая.

Нет ничего, кроме пламени вашей жизни.

И это присуще всем.

Если я взываю к вам, то мой призыв имеет совершенно другой принцип, так как я не прошу вас верить во что-то таинственное, во что-то невероятное.

Если в вас возникает доверие, значит все, что бы я ни говорил и кем бы я ни являлся, коснулось вас.

И я не хочу обходить ваш разум. Я хочу приблизиться к вам двумя путями: я хочу приблизиться к вашему сердцу с помощью своей духовной силы и я хочу приблизиться к вашему разуму с помощью своих слов.

Таким образом, я не оставляю вам ни единой возможности убежать от себя.

Старые религии взывают только к вашему чувству.

Атеисты взывают только к вашему разуму.

Я взываю к вашей целостности.

И, видя, что такой обыкновенный человек, как я, может быть удовлетворен, может быть доволен, может находиться в полном блаженстве, вы сможете воспылать; это будет для вас достаточной гарантией того, что, если это может произойти со мной, то это может произойти и с вами. У вас есть все, что есть у меня. Я не имею ничего, чего бы не имели вы.

Беседа 22

ОТСЧЕТ ВРЕМЕНИ ДО КАТАСТРОФЫ – ГЛОБАЛЬНОЕ САМОУБИЙСТВО ИЛИ САННЬЯСА

20 января 1985 года

Бхагаван,

Почему вы думаете, что настало время для рождения истинной религии?

Я не думаю. Размышления закончились давно. Хронологически этот промежуток времени небольшой - всего три десятилетия, но метафизически он достаточно большой. Если я мысленно обращаюсь к прошлому, то это произошло очень давно - миллионы лет назад. Возможно, причина того, что я чувствую такой большой отрезок времени, заключается в самой природе разрыва между мыслью и состоянием, когда мысль отсутствует. Этот разрыв устранить невозможно.

С этой точки зрения я вспоминаю один случай. В тот день, когда я умер как личность, как эго, произошел взрыв, в центре которого не осталось эго, а лишь голое пространство, и только на следующее утро я осознал очень странную вещь. Когда я вошел в ванную комнату, в зеркале я увидел, - а мне было всего двадцать один год, - что волосы на моей груди стали седыми. Внезапно во мне что-то состарилось.

Я пристально посмотрел в зеркало и увидел, что мои глаза изменились, потому что мысли докинули меня. Мои глаза были совершенно пустыми - в них была бескрайняя бездна. Сейчас мне всего лишь пятьдесят четыре года, но я кажусь старцем. Внутренне я чувствую себя новорожденным ребенком, подобно росинке в лучах утреннего солнца. Но плотью я чувствую, как будто прожил множество жизней, заключенных в одной жизни.

Я не думаю — у меня нет необходимости думать.

Я или знаю что-то или не знаю.

Размышления - это состояние между двумя факторами: когда вы что-то не знаете и пытаетесь что-то познать.

Именно это является размышлением. Это поиск в темноте. Вы не осознаёте точно, на что это похоже. Вы не осознаете, почему вы ищете и что собираетесь сделать, когда что-то найдете.

Это переживание тысяч людей: они усиленно работают, усиленно думают, усиленно пытаются найти что-то, придумать что-то и, наконец, к сожалению, они добиваются успеха. Я говорю «к сожалению», потому что было бы счастьем, если бы они не добились успеха. Тогда усилия, азарт поиска и удача находки продолжались бы вновь. Они бы чувствовали, что у них есть определенный смысл жизни: они мыслители, искатели, исследователи. Вот почему я говорю «к сожалению», ведь иногда некоторые люди добиваются успеха, обнаруживая что-то, но находятся они в положении собаки, которая начинает лаять на ваш автомобиль, преследуя вас.

Для бедняги-собаки это трудно. Даже если это сторожевая собака из Орегона. В конце концов, собаки есть собаки. Можно давать им причудливые имена, «сторожевая собака», можно даже позволить им создать политическую партию, например, «Тысяча друзей Орегона», - это не имеет никакого значения для их собачьей сущности: все равно собаки бегут за автомобилями.

Я видел это много раз - за моим автомобилем тоже гоняются собаки. Не здесь, так как в Раджнишпуре у нас нет собак, здесь есть только люди. Итак, мы закончили о собаках, о сторожевых собаках, о всех породах собак. Но все же, когда я был профессором университета,

однажды мне надо было поехать в университет на автомобиле, а затем вернуться домой. Какая-то собака стала преследовать мой автомобиль. Я был озадачен. Чего она добьется, когда настигнет автомобиль? Что она будет делать? Я остановил автомобиль только для того, чтобы взглянуть на эту собаку, и увидел ее в большом замешательстве: она стояла рядом с автомобилем, не зная, что же ей теперь делать.

Так случается и с людьми, которые являются мыслителями, философами, исследователями: они ищут истину, но они не знают, что означает истина. Они не представляют, что они ищут и зачем они ищут.

А если случайно они сталкиваются с истиной, как они распознают ее? Они никогда не видели ее прежде; распознать ее невозможно.

Я встречал в Индии много людей, которые думали, что видели Бога, и им поклонялись как великим святым, мудрецам, пророкам, - они видели Бога! Я спрашивал этих людей: «Меня вовсе не волнует Бог. У меня к вам простой вопрос: “Как вы узнали, что это Бог?” Я не сомневаюсь, что вы видели Бога. Должно быть, вы действительно видели его. Я никогда не подозреваю, что кто-то в таких случаях обманывает, - я верю, что вы видели Бога. Мой вопрос не относится к тому, что вы видели, мой вопрос касается того, как вы узнали, что это был Бог - ведь вы не видели его раньше».

Эти люди оказывались в таком же положении, в каком оказывалась смущенная собака, стоявшая рядом с моим автомобилем и гневно смотревшая на меня, - почему я остановился? - да потому, что я нарушил всю радость преследования, поиска и нахождения чего-либо. Эти пророки смотрели на меня так же гневно,

Я говорил: «Вам не следует сердиться. Я задаю вам простой вопрос. Я не сомневаюсь в вашем переживании. Я ничего не имею против Бога; я просто говорю, что нельзя применить слово узнавание. Узнавание чего-либо означает, что вы видели это раньше, а теперь вы видите это опять; только таким образом вы можете узнать, распознать что-либо. Получается следующее: вы можете видеть то, что вы встречали раньше, но вы не можете дать увиденному определение, имя. По-видимому, вы можете описать то, что случилось с вами в вашем переживании, но вы не можете утверждать, что вы видели именно Бога».

Размышление, думание - это процесс между незнанием и попыткой узнать.

Я не думаю — я знаю это.

А почему я знаю, что настало время для рождения истинной религии? Я могу объяснить вам. Вы должны пройти вместе со мной немного глубже в суть явления религии.

Религия имеет хотя бы какое-то обоснование только благодаря смерти.

Если бы смерти не было, никого вообще бы не волновала религия. Не жизнь вдохновляет вас быть религиозным, - только смерть. Смерть заставляет вас искать нечто, что останется я после смерти.

Только подумайте о мире, где смерть не существует, где никто не умирает. Вопрос «Что

происходит после смерти?» станет бессмысленным. Вопрос о рае и аде станет бессмысленным. А когда вы вечны, может ли Бог быть значительнее вас? Теперь же он является вечной жизнью, а вы - кратковременным явлением, мыльным пузырем; через мгновение вы исчезнете -отсюда и страх. А страх ведет к поиску. Вы хотите знать, в чем заключается смерть. Вы хотите знать, остается ли что-нибудь после нее или нет. Те, кто говорит, что после нее ничего не остается, не являются религиозными людьми. Они не ходят ни в храм, ни в церковь, у них нет никакого святого писания.

В Индии существовало великое движение - чарваки. Это было движение атеистов. В мире не было ничего аналогичного. Правда, были отдельные атеисты, такие, как Эпикур, Дидро,

Карл Маркс, Ленин. Имя человека, который основал движение чарваков, - ачарья Брихаспати.

Индия во многом является уникальной страной. Несмотря на то, что Брихаспати основал это движение атеизма, он все же почитается великим ачарьей, великим духовным Учителем, и признается даже теми, чье учение он ниспроверг до самого основания. Подобное явление вы больше нигде не найдете. Индия уважает искателей любого рода, даже если ищущий заявляет, что ему там нечего исследовать; именно этому посвящено все движение чарваков.

Брихаспати говорил: «Нет ничего важнее жизни; ешьте, пейте и веселитесь. Все религии придуманы жадными священнослужителями, чтобы эксплуатировать вас от имени Бога, во имя загробной жизни». Он, как никто другой, прекрасно описывает священников. Он говорит о них как о собаках с высунутыми языками, виляющими хвостами, просящими пищу.

Вот, почему я говорю, что Индия - уникальная страна: даже Брихаспати воспринимают как ачарью. Что бы он ни говорил, все обсуждается, часто опровергается, но это не значит, что его не уважают как личность. Несомненно, он - основатель движения, и все, что он говорит, требует обсуждения, - но за это его не надо убивать или распинать на кресте. Он бросает вызов: «Вся ваша религия фальшива; она происходит из-за боязни смерти. Никто еще не возвращался после смерти, чтобы сказать, что он еще жив, так что у вас нет никаких свидетельств. Смерть просто все уничтожает».

Через пять тысяч лет Карл Маркс сказал то, что чарваки в Индии говорили задолго до того. Естественно, Маркс использовал более научную терминологию. Он говорит: «Человеческое сознание является вторичным явлением - оно не является реальностью, а только побочным продуктом».

Маркс говорит, что это подобно часам, которые живут лишь благодаря движению стрелок, но вы знаете, что в них нет души; их движение механическое. Устройство часов может быть автоматическим: в то время, как у одной детали прекращается завод, другая деталь заводится. Так что, когда у одной детали кончился завод, другая деталь готова двигать часы, потому что она заведена. И так повторяется все время: одна заводится, другая отпускается. В целом это чисто механическое явление. Именно поэтому он называет это вторичным явлением: не истинным явлением, а лишь побочным продуктом.

«То же самое происходит и с человеческим сознанием», -говорит Маркс. Сознание - лишь комбинация определенных физических механизмов, химических процессов; и в результате получается биомеханическая система: человек говорит, думает, пытается кем-то стать, -

начинает даже искать истину, Бога. Но все это - лишь побочные продукты, следствия.

Если из мужчины удалить определенные химические вещества, - а это доказано научно, - то мужчина может превратиться в женщину путем изменения лишь гормонов. Странно! Если мужчина может быть превращен в женщину лишь в результате инъекции гормонов, значит его мужская сущность являлась только гормональной. Если женщина может стать мужчиной в результате изменения только ее гормонов, значит ее женская сущность не представляет собой ничего особенного; она была гормональным химическим побочным продуктом.

Есть гормоны, которые могут быть удалены из вас, и вы потеряете способность сердиться. Недаром говорят: «Не сердись, оставь свой гнев...» Веками каждая религия проповедовала человеку: «Ты должен перестать гневаться». Но как человек может оставить свой гнев? Ведь он состоит из определенных химических веществ. Вначале надо устранить эти вещества.

Вот что говорит Маркс. Просто удалите эти химические вещества и скажите человеку, чтобы он разгневался, — и он не сможет разгневаться. Просто удалите из него все половые химические вещества и прикажите ему быть сексуальным; ему так же трудно будет стать сексуальным, как сейчас быть вне брака. Ведь вы не измените его химический состав одними проповедями, так как ваши проповеди не имеют ничего общего с химическим составом. Его химический состав остается его химическим составом, его физиология остается его физиологией: ваша проповедь лишь входит в его систему памяти. Это компьютер, он собирает информацию, вот и все.

Вы думаете, компьютер может быть безбрачным или ловеласом? Компьютер не может быть ни тем ни другим. Но вы можете запрограммировать компьютер на безбрачие, введя в программу все данные о безбрачии, и компьютер будет выполнять эту программу. Вы можете ввести в компьютер все великие романтические идеи, данные, касающиеся великой любви, и компьютер сможет выполнить и эту программу. Но компьютер не станет от этого ни Ромео, ни Меджнуном. Возможно, когда-нибудь удастся создать женщину-компьютер. Это означает, что вы снабдите компьютер информацией, что он является очень красивой женщиной. Другой компьютер вы снабдите информацией, что он является великолепным мужчиной; все женщины сходят от него с ума.

Возможно, что если вам удастся запрограммировать два компьютера таким образом, они смогут влюбиться друг в друга. Но вы будете знать, что все это абсурд. Один компьютер будет повторять все, что вы ввели в него - женщина, очень скромная, говорящая «нет», а подразумевающая «да». Другой компьютер будет повторять знаменитые диалоги великих любовников из всемирной истории любви - великих Меджнуна, Ромео, Фархада или Махивала; все они великие любовники всемирной истории любви. Вам даже не придется подсказывать компьютеру; если вы ввели в него информацию, то он сам воспроизведет все диалоги. Именно это и делает ваш ум, нет никакой разницы.

Вот очень странное открытие: человеческий ум функционирует абсолютно аналогично компьютеру. С человеческим умом были проведены определенные эксперименты, когда к некоторым жизненным центрам человека подсоединялись электроды. Было достаточно странно наблюдать, как в результате присоединения электродов человек начинал высказывать определенные мысли. Когда электрод удаляли, человек останавливался. Если электрод подсоединяли опять, человек начинал говорить то же самое с самого начала. Он действовал подобно грампластинке.

Процесс раскрутки кажется автоматическим: в тот момент, когда электрод вынимают, процесс раскручивается, возвращается к началу; идет обратно. Вводят электрод: странно, человек начинает говорить. Процесс вне его контроля; человек не может сам себя остановить. Он говорит что-то до тех пор, пока не отсоединят электрод. Если электрод отсоединяют, человек просто закрывает рот, но через секунду его мозг уже возвращается в исходное положение, готовый повторить все снова - и так тысячи раз! Человек будет повторять тот же самый диалог; нужно лишь коснуться электродом той же самой точки.

Итак, все ваши проповеди вводятся в этот компьютер. Они не влияют на вашу физиологию, они не влияют на химический состав вашего организма. Поэтому Маркс и говорит: «Сознание вторично». Брихаспати пользуется языком, который существовал пять тысяч лет назад, но он означает то же самое, что и язык Маркса.

В Индии люди имеют привычку жевать листья бетеля, в которые добавляют некоторые вещества. Во время жевания, благодаря этим веществам, губы людей становятся красными. Это напоминает какую-то несовременную губную помаду, но это нечто большее, чем губная помада. Вкус губной помады ужасен, но возлюбленные должны пройти через столько испытаний огнем! Они не только ощущают вкус помады, но они должны и восхищаться им. В любви и в ненависти можно оправдать все.

Листья бетеля гораздо лучше: они действительно очень вкусные. В Индии их используют после принятия пищи, так как они устраняют изо рта запах любой пищи. Они очищают ваш рот и делают ваш рот благоухающим. Брихаспати берет лист бетеля в качестве примера. Он говорит: «Ни сам лист бетеля, ни вещества, добавляемые в него, не являются красными. Но, когда вы жуete этот лист с добавленными в него веществами, ваши губы становятся красными. Этот красный цвет не существует сам по себе, он вторичен».

Естественно, пять тысяч лет назад, когда не было ни компьютеров, ни каких-либо других механизмов, Брихаспати привел отличный пример. Лист - не красный, несколько дополнительных веществ тоже не красные. Откуда же берется красный цвет? Не спускается же он с небес? Ответ следующий: это следствие; он получается в результате одновременного использования четырех или пяти ингредиентов. Если удалить из листа пять ингредиентов, вы не получите красного цвета; нет, он исчезнет. Итак, когда человек умирает, все исчезает; не остается никакой души. ,

Брихаспати, должно быть, был очень мужественным человеком. После него не осталось ни одной книги; возможно, все они были уничтожены, сожжены. Все, что осталось, - это критика учения Брихаспати в книгах некоторых людей. Естественно, чтобы критиковать, они должны были цитировать его.

Их цитатам не следует особо доверять, потому что, - а это более или менее универсальное явление, — критики вначале стараются исказить учение, которое они намереваются критиковать. После этого критиковать становится очень легко, ведь они уже подобрали цитаты таким образом и так подтасовали и изменили некоторые слова, что учение становится уязвимым для их критики. Но даже при этом читатель все-таки может получить правильное представление об оригинале критикуемого учения. Поэтому я могу почти точно определить, что хотел сказать Брихаспати, так как я - человек точно такого же типа.

Если бы Брихаспати встретился со мною, то он, может быть, не во всем был бы согласен со мною, но я был бы согласен с ним во всем. Я пойду немного дальше. Он останавливается, но точка, где он остановился, лежит на моем пути. Я могу пройти с ним весь путь, его путь; конечно, в какой-то точке он остановится. Я полностью согласен с ним, но он, может быть, согласится со мною только частично. Поэтому я нахожусь в лучшем положении, так как я следую тем же путем, что и он, и могу по достоинству оценить его учение.

Некоторые критики цитируют его Ринам критва гхритам пивет: «Даже если вы должны занять деньги, займите их, но пейте гхи». Гхи — это рафинированное масло. Только в Индии есть настоящее рафинированное масло. Высшая стадия рафинирования достигнута индусами, и это - гхи. Нет ничего лучше гхи, гхи - это предел, ничто не может превзойти его. Это говорит о тенденции, существующей в Индии, а именно: идти до самого конца. Народ, который питался только хлебом и маслом, не имеет привычки останавливаться на половине пути. Масло - это половина пути, это — не последняя стадия; последняя стадия -это гхи.

В Индии гхи является особо любимым кушаньем, так как Индия - вегетарианская страна. Вся вкусная пища изобретена вегетарианцами. Невегетарианцы не изобретают вкусную пищу по следующей простой причине: все, что они едят, - уже достаточно вкусно. А вегетарианцы не могут есть только сырые и вареные овощи. Только некоторые люди, подобно мне, могут обойтись таким рационом, но вся страна не может.

Я могу обойтись таким рационом, потому что, когда я принимаю пищу вечером, я не вспоминаю об утре; я полностью забываю о нем. Я продолжаю есть одну и ту же пищу многие годы, утром и вечером. Вивек устает и сердится. Ойа не ест эту пищу, а только прислуживает мне дважды в день, все время одно и то же... Я могу понять ее огорчения. Вы не представляете, как трудно жить с просветленным человеком. Это ужасно! Только представьте: в течение десяти лет она готовила мне одну и ту же пищу.

Я вижу, как она устала, как ей скучно: одна и та же пища!.. Но, если вы спросите ее, она вам ответит, что никогда не видела меня скучающим или уставшим. Я восхищен всякой пищей, которую принимаю. Иногда я думаю, что я, должно быть, сумасшедший; ведь нечем восхищаться - она опять принесет мне все то же самое!

А мой врач, Дэварадж, - вы не найдете более несчастного врача во всем мире! Он контролирует все. Он не позволит мне увеличить или уменьшить мой вес даже на фунт. Он учитывает даже количество потребляемого мною гхи... Небольшое превышение в рационе гхи означает увеличение моего веса на полфунта в неделю: он не допустит этого. Он не разрешает мне находиться даже на кухне. Он все время анализирует потребление каждого овоща, каждой пищи: сколько витаминов и сколько...

Я когда-то весил сто девяносто фунтов: благодаря его великолепной работе теперь во мне всего лишь сто двадцать семь фунтов. Как раз на днях моя мать говорила: «Сто двадцать семь фунтов! Когда ты был ребенком, ты весил столько же!»

Я ответил: «Что же я могу поделать? Я абсолютно беспомощен». Мой повар не слушает меня, она слушает только Дэварад-жа; Вивек не слушает меня, она слушает Дэвараджа. Для них я - никто! Я должен только закончить финальный акт. Они же заправляют всеми делами, а мне остается только довести свое дело до конца. Но я все еще восхищаюсь пищей.

В Индии изобретены тысячи сортов деликатесов, и все эти деликатесы основательно приправлены гхи. В определенных районах Индии, например, в Раджастане... Когда я посещал Раджастан, для меня это было настоящей проблемой, так как в Раджастане обильно поливают гхи любую пищу, предварительно ее пожарив. До тех пор, пока индийская тали, тарелка, — в четыре раза больше обычной тарелки, - не будет доверху заполнена гхи, так что пища плавает в тарелке, блюдо гостям подаваться не будет.

Когда меня приглашали в Раджастан, я, бывало, писал им: «Я могу приехать, но, пожалуйста, не обращайтесь со мной, как с гостем; я не могу потреблять слишком много гхи. До тех пор, пока вы не пообещаете мне, что подаваемое мне тали будет сухим и пища не будет плавать в гхи, я не приеду». В Индии существует традиция, что пока поданная вам тали не будет вами опустошена, вы не имеете права выйти из-за стола. Иначе будет считаться, что у вас плохие манеры; угощение вам не понравилось.

Итак, что же делать со всем этим гхи? В Раджастане его просто пьют! Только в Раджастане я мог понять этого чарваку, этого ачарью Брихаспати и его выражение: «Ринам критва гхритам пивет». Гхритам. означает «гхи», ринам критва - «занять деньги»; гхритам пивет - «пить гхи». До моего первого посещения Раджастана я никогда не думал, что можно пить гхи, но в Раджастане так и делают. Например, утром там пьют молоко, в которое налито гхи. Я говорил: «Вы что, сумасшедшие? Ведь молоко уже содержит масло, уже содержит гхи, а вы все равно льете еще гхи сверху».

Поэтому, когда Брихаспати говорит это, он это и имеет в виду. Раджастан - пустыня, возможно, именно поэтому там потребляют так много гхи. Там так жарко, что гхи играет роль внутреннего охладителя. Гхи представляет собой чистый витамин А, а витамин А защищает вас от жары. Чем прохладнее местность, тем меньше вы там потребляете гхи; а чем жарче местность, тем больше вы там потребляете гхи, - а Индия очень жаркая страна, так что я могу представить себе, что он прав.

Следующий вопрос, который вы зададите, обязаны будете задать: «Если вы постоянно занимаете деньги, как вы собираетесь их возвращать?» Брихаспати говорит: «Не беспокойтесь о возврате долга, вам не надо возвращать его. Существует много людей: вам не следует занимать деньги все время у одного и того же человека, занимайте деньги у разных людей. Жизнь коротка: если кто-то из ваших кредиторов умрет, вам не придется возвращать долг. Никого не останется - ни вас, ни человека, давшего вам в долг; все кончено. Таким образом, не важно, как вы поступаете: хорошо или плохо. Совершая плохие поступки, не допускайте, чтобы вас уличили в них! Плохо не то, что вы украли, а плохо то, что вас поймали!»

Брихаспати абсолютно логичен: если после смерти ничего не остается, то не важно, были вы святым или грешником, какое это имеет значение? После смерти вы превратитесь в прах, - «прах в прах», - а различие между прахом святого или грешника провести невозможно. Брихаспати приводил своих учеников на кладбище, где были сожжены святые, грешники, убийцы. Он спрашивал своих учеников: «Вы можете провести различие? Какая кучка пепла принадлежит святому, а какая - грешнику?» Прах есть прах.

У меня был друг, который, не зная того, являлся настоящим последователем ачарьи Брихаспати. Он не осознавал этого, он даже не слышал имени Брихаспати. Я говорил ему: «Ты настоящий последователь ачарьи Брихаспати».

Он спрашивал: «Кто это?»»

Я отвечал: «Тебя это не должно беспокоить. Это не твое дело, но образ жизни, который ты ведешь, полностью соответствует его предназначениям».

Этот человек был хорошо образован. Он был доктором философии Делийского университета и мог занимать хороший пост; он имел хорошую квалификацию. У него была впечатляюще красивая внешность. Ему необходимо было обаяние, так как он жил тем, что брал деньги в долг. Он часто переезжал с одного места на другое, поскольку говорил: «Мир так велик, и в нем живут миллионы людей, имеющих много свободных денег. Если мне удастся освободить таких людей от небольшого количества денег, то я не думаю, что я совершаю грех».

Он был способен уговорить людей давать ему деньги. Он был отличным карточным игроком, самым лучшим, которого я когда-либо видел. Он был прекрасным шахматистом, прекрасно читал по руке, был хиромантом; он обладал достаточными знаниями по астрологии и мог одурачить любого. Все эти качества помогали ему повсюду заводить друзей. Если он ехал вместе с вами в поезде, то через пять минут вы уже могли отдать ему деньги. Пяти минут было достаточно. Он смотрел на вашу руку и говорил: «Боже мой! Вы еще не женаты?» Удивившись; вы спрашивали: «Вы умеете читать по руке?»

Он отвечал: «Это - все, что я знаю», - и начинал рассказывать о вашем прошлом, о вашем будущем, после этого вы оказывались под влиянием его личности. У него были длинные волосы и красивая борода; он был похож на Иисуса Христа, он был высоким человеком, очень образованным, и мог говорить на нескольких языках, потому что путешествовал по всей Индии. Он знал бенгальский язык, гуджарати, хинди, урду, английский. Он мог в течение пяти минут уговорить любого; а в конце разговора с ним ваши карманы уже были пустыми.

У него было очень много друзей; все хотели стать его друзьями, так как он был очень обаятельным человеком. Он время от времени останавливался у меня, хотя ему не удавалось занять у меня деньги, потому что их у меня вовсе не было. На самом деле случалось другое - я занимал у него деньги. Он говорил: «Это уж слишком, поэтому я не часто посещаю вас. Но иногда я скучаю по вам. Продолжая обманывать глупцов, я начинаю скучать по вам — единственному человеку, которого я не могу обмануть».

«Я приезжаю к вам, когда у меня достаточно денег, так как я знаю, что у вас их нет. Вы пригласите меня в отель и закажете все подряд, а когда пришлют счет, вы скажете: ” Дайа, — это было его имя, — оплатите счет!” Поэтому, когда у меня достаточно денег, я набираюсь храбрости и приезжаю к вам. Я не могу влиять на вас, потому что вы знаете все мои хитрости и все приемы, с помощью которых я могу воздействовать на людей».

Я спросил его: «Как долго вы собираетесь заниматься этим?»»

Он ответил: «А как долго я собираюсь жить? Я прожил сорок лет; самое большее я проживу еще сорок. Если мне удалось прожить половину своей жизни, то логично предположить, что мне удастся прожить вторую половину еще лучше, так как каждый день я становлюсь все более опытным и я повсюду приобретаю друзей».

Действительно, если он с кем-то играл в шахматы и вы это видели, то вам тоже хотелось сыграть

с ним, даже если вы знали, что он собирается занять у вас деньги. В середине игры, когда обычно игрок не хочет прерывать игру, даже если в доме пожар, он говорил: «Дайте мне десять рупий. Я в них очень нуждаюсь; иначе я не смогу продолжить игру». И вы вынуждены дать ему деньги, так как вы должны закончить игру, которая приобрела такой интересный поворот.

Причем, он обычно говорит это, когда вы близки к выигрышу. Вы играли несколько часов, и в самый критический момент он говорит: «Подождите! Вначале мне нужны десять рупий». Если бы вы играли с ним в карты, то обнаружили бы, что такого хорошего и умного игрока вы не встречали.

Итак, он заявил мне: «Я собираюсь жить так же». Последний раз я видел его в 1969 году. Я находился в Калькутте, и он случайно оказался там. Я выходил из поезда, меня встречали. Я путешествовал по всей Индии, и везде меня с любовью и уважением принимали люди, встречавшие меня, обычно с гирляндами цветов: прекрасными и благоухающими розами, мограми, камелиями. Но странно, что только в Калькутте меня . всегда встречали с самыми благоухающими цветами - наргиса-ми. Правда, они не самые красивые, но такие благоухающие.

Я никогда прежде не ощущал такой сильный запах, - один цветок своим ароматом мог заполнить всю комнату. Но поскольку они не красивые, то поэты не уделяли им много внимания. В этом цветке нет ничего экзотического, это простой белый цветок. Один из великих поэтов урду, Мирза Талиб, с большой любовью говорил о наргис: «Наргис веками плачет из-за того, что он безобразен. Только истинно разумный человек распознает его красоту».

Но только в Калькутте - я был в Калькутте сотни раз - каждый раз меня встречали с гирляндами из цветов наргис.

Одной гирлянды достаточно, чтобы весь дом был пропитан запахом этого цветка, а меня увешивали дюжинами гирлянд - до самых глаз.

Когда я выходил из поезда, Дайа в этот момент садился в тот же поезд. Увидев меня, он сказал носильщику: «Я не еду.» Затем он подошел ко мне и сказал: «Я остаюсь с вами. Столько гирлянд... Возможно, у вас нет денег, но у людей, которые встречают вас, они должны быть».

Я сказал: «Но вы же купили билет на поезд».

Он сказал: «Забудьте об этом. Я не могу упустить этих людей».

Действительно, там собрались самые богатые люди Бенга-лии и, в основном, Калькутты. Я пытался отговорить его, но безуспешно. В конце концов я вынужден был представить его встречавшим меня людям, хотя отлично понимал, что он способен обмануть их всех. В 1975 году я получил от него письмо: «Люди, с которыми вы познакомили меня в Калькутте, самые лучшие в Индии. Теперь я живу, в основном, в Калькутте, переезжая от одного знакомого к другому».

Калькутта - такой большой город, что, ведя подобный образ жизни, почти нет возможности встретить обманутого тобой человека. Через шесть лет я получил от него письмо, в котором он благодарил меня: «Калькутта подобна сокровищу. Теперь вы можете не беспокоиться о моем будущем. На те несколько лет, что остались, - кто знает, двадцать, двадцать пять, а может быть и меньше, - хватит одной Калькутты».

«Ешьте, пейте и веселитесь» - именно это говорил ачарья Брихаспати своим последователям. Он создал великое учение. Он не был религиозен, он был более антирелигиозен, чем кто-либо; несмотря на это, в Индии его воспринимали как ачарью. Ачарья означает учитель. И он, действительно, являлся учителем, так как, чтобы создать такую безнравственную философию, необходимо обладать острым разумом.

Я могу согласиться с ним, но он всего лишь Зорба. С другой стороны Будда Зорба... он остановится на Зорбе, он не сможет пройти оставшуюся часть пути со мной. Вот почему я понимаю его очень хорошо, даже лучше, чем он понимает себя самого, так как я владею лучшей перспективой видения. Я могу понять Будду, которого не может понять он. Я могу понять Зорбу и Брихаспати, которых не может понять Будда. Это не относится к размышлениям, таково мое видение. Если вы думаете, то Будда Зорба является противоречием. Размышляя, вы не сможете сложить их вместе:

Шри-Ланка - буддийская страна. Посол Шри-Ланки в Америке писал мне: «Я прошу вас не давать название вашим отелям “Зорба Будда”. Это оскорбляет наши религиозные чувства».

Я попросил Шилу написать ему: «Это оскорбляет также последователей Зорбы, ведь это великое оскорбление для последователей Зорбы. Зорба был против Будды. Но что я могу поделать? Во мне ведь и Зорба, и Будда. Мои отели, рестораны или дискотеки ничего общего не имеют ни с вами, ни с вашим Буддой. Разве вы не видите: «Зорба Будда»? Разве это имя вашего Будды? Имя вашего Будды - Гаутама Будда. Это совершенно другой Будда». Я сказал Шиле, чтобы она объяснила: «Этот наш Будда прежде всего Зорба, а затем Будда; оба вместе. Это не должно оскорблять ни вас, ни атеистов».

Но атеисты были оскорблены. В Индии пасынок Амрита Данджа, генерального секретаря индийской коммунистической партии, выступил против меня с тезисами, поскольку я якобы смущаю умы людей. Трудно определить, кем я являюсь, атеистом или теистом, религиозным человеком или антирелигиозным человеком. В своих тезисах он пытается понять, кем я являюсь, но это ему не удается. Он приходит к выводу, что я просто возмутитель умов.

Амрит Дандж, генеральный секретарь индийской коммунистической партии и один из старейших коммунистов в мире, был членом международной коммунистической партии во времена революции в России. Он был соратником Ленина и Троцкого. Однажды, случайно, мы оказались в одном купе поезда.

Он сказал; «Вы видели - мой пасынок написал книгу о вас? Три года он изучал вас. Вы написали столько много книг, что невозможно их все изучить. Он сходил с ума, днем и ночью. Это невозможно: вы противоречите себе не раз, вы противоречите сами себе снова и снова. В конце концов, просто невозможно понять, что вы имеете в виду, потому что... Вот вывод, к которому он пришел».

Я сказал: «Выбросьте его книгу из поезда. Скажите ему, что он просто дурак. Зачем он потратил эти три года? Жизнь так коротка, а вы ведь коммунист: Ринам критва гхрита пивет - займите гхи и пейте гхи. Зачем вы теряете время с таким сумасшедшим, как я?» - и взял книгу его пасынка и выбросил ее в окно.

«Это уж слишком!» - воскликнул он.

Я сказал: «Можете остановить поезд, нажав на стоп-кран. Зачем все время висит здесь этот красный шнур? Потяните за этот шнур ». Но мы уже были далеко от того места, где я выкинул книгу, и была полночь.

Амрит Дандж ответил: «Уже бесполезно тянуть за шнур, - даже если я потяну за шнур, мы проехали уже очень много, и сейчас полночь, - в такой темноте мы не найдем книгу. Можно не беспокоиться; у моего пасынка все экземпляры этой книги. Они не проданы, потому что люди говорят, что...» В Индии все точно разделено: есть люди, которые за меня, и есть люди, которые против меня. Те, кто за меня, читают мои книги. Они не будут терять время на чтение книги пасынка Амрита Данджа. А те, кто против меня, даже не хотят слышать мое имя.

Итак, он сказал: «У нас есть все эти книги. Возможно, вы правы; он - дурак. Он потратил три года и издал эту книгу на свои собственные деньги. Ни один издатель не хотел издавать эту книгу». «Потому что, - говорили они, - в стране четкое разделение; здесь нет нейтральных людей, кто же купит эту книгу?» Опубликовав книгу на свои деньги, он теперь сидит на куче этих книг».

Я сказал: «Вы можете предлагать ее другим так же, как вы предлагали ее мне. Распространяйте ее. Пусть люди читают ее, даже если они ничего не почерпнут из нее, ведь за три года он ничего не понял, изучая меня. И никто не поймет, потому что я не устанавливаю логические, философские сентенции. Я - лишь присутствие всего. Я без труда могу поглотить Зорбу, я без труда могу поглотить Будду».

Вы не сможете стать истинно религиозным, пока с одинаковым наслаждением и почитанием не поглотите их обоих. Именно это я подразумеваю под подлинной религией.

Подлинная религия не будет ни теистичной, ни атеистичной.

Подлинная религия не будет ни материалистической, ни духовной.

Подлинная религия будет целостной. Она не будет подразделять жизнь на какие-то элементы, она уничтожит все разделения на грешников и святых, на рай и ад.

Я снова вспоминаю Мирзу Талиба. Он действительно очень пронизательный поэт. В одной из своих песен он обращается к Богу: «Разве не прекрасно, если мы сможем убрать преграду между адом и раем... Разве плохо, если будет чуть больше простора для утренней прогулки?» Этот человек очень пронизательный. Он обращается к Богу: «Убери преграду, она ужасна. Разве плохо иметь чуть больше пространства для утренней прогулки? Пусть ад и рай встретятся».

Религиозным людям не понравится, если рай и ад соединятся. Им не понравится, что Зорба и Будда встретятся, так как если они встретятся, то исчезнут все религии. В этом состоит мое представление о подлинной религии.

Все существующие религии я называю псевдорелигиями.

Они только кажутся религиями, но они не являются религиями, потому что они не имеют смелости быть целостными, они лишь часть целостности. А что вы будете делать с другой частью, которая является присущей именно вам?

Это для меня не мысль - я чувствую это, вижу это, знаю это.

Это похоже на следующее: когда женщина беременна, она знает это. Она не думает о том, что она беременна: она чувствует, как ребенок шевелится в ее утробе, она чувствует, как новая жизнь зарождается в ней.

Для вас должна родиться религия, а для меня - все совершенно по-другому.

Я беременен подлинной религией.

Да, я повторяю: я беременен подлинной религией.

Я вижу, как она движется во мне, вокруг меня, в тех, кто близок ко мне. Они стали почти частью меня самого, потому что я не человек, я - присутствие.

Присутствие обволакивает вас подобно благоуханию.

Вы утопаете в нем, ничего не зная о нем.

Мои санньясины утопают во мне.

Они умирают во мне, в моем аромате.

Религия уже движется ко мне, стучится.

Почему я говорю, что настало время? Оглянитесь назад. Я говорил вам, что смерть создала псевдорелигии; страх смерти создал псевдорелигии. Мир движется к всеобщей гибели; поэтому я заявляю, что настало время для рождения подлинной религии.

До сих пор существовала смерть отдельного человека, а общество и весь мир продолжали развиваться. Да, люди приходили и уходили, - старики исчезали, а молодые появлялись, -и в этом было постоянство и закон жизни. Да, жизнь отдельной личности всегда была проблемой, но это волновало только эту личность.

Священник мог легко эксплуатировать человека. Человек так слаб, так мал и ограничен, и он знает, что умрет, - он вынужден искать помощи у священника, чтобы обрести нечто, что не умирает и является вечным и что останется у него после смерти. И священник все это обещает. Но никогда не существовало еще проблемы, когда с этим столкнулось бы целое общество.

Сегодня все человечество столкнулось с этой проблемой. Такого кризиса раньше никогда не было; поэтому псевдорелигии, незначительные религии и были достаточны. Отдельным личностям необходимы были небольшие дозы религии. Впервые мы близки к гибели всего человечества, - и не только всего человечества, но всей жизни на Земле. Смерть, противостоящая жизни по своей сущности, именно сейчас ведет к рождению всеобщей религии.

Несколько дней назад Шила принесла газетные вырезки. В них было заявление американского правительства о том, что «даже если Советский Союз сможет уничтожить все наши атомные ядерные запасы, все наши базы, весь наш ядерный потенциал, который находится на земле, на море и в воздухе, у нас останутся спрятанные двадцать четыре подводные лодки. Каждая

подводная лодка снабжена ядерным вооружением и ракетами. С каждой подводной лодки можно будет посылать каждые тридцать секунд по одной ракете в сторону Советского Союза, и это можно делать в течение двадцати четырех часов». Только представьте себе эту разрушительную силу: каждые тридцать секунд на Советский Союз летит одна ядерная ракета, и за двадцать четыре часа Советский Союз будет просто засыпан ракетами. Фактически, одна подводная лодка имеет достаточно ядерного вооружения, чтобы разрушить все большие и средние советские города. Если все наземные базы, корабли и воздушные силы уничтожены, - только в порядке предположения, поскольку сделать это не так просто; то вопрос стоит о десяти минутах. Итак, тот, кто первый атакует, имеет десять минут; через десять минут противник будет готов к контратаке.

За десять минут Америка не сможет уничтожить все советские ядерные базы, которые спрятаны под землю и не известны общественности... Возможно, известные места, где скрыто ядерное оружие, являются ложными. Надпись «Запретная зона» может быть ложной, чтобы ввести в заблуждение вражеских агентов; настоящие запретные зоны не имеют таких надписей. Итак, ни Советский Союз, ни Америка не имеют возможности уничтожить действительно все базы за десять минут. А сколько же всего запасено на базах Америки и Советского Союза, кроме подводных лодок, о которых теперь вот впервые объявлено?

Обе страны имеют такой ядерный потенциал, что весь мир может быть уничтожен семьсот раз.

Никогда раньше человечество не было столь близко к всемирной катастрофе. Нет ничего более ужасного; теперь уже невозможно увеличить эту разрушительную силу. Вы уже сидите на вулкане, который может уничтожить человечество в считанные минуты. Поэтому я и говорю, что сейчас как раз настало время и есть причины для рождения истинной религии. Если человек хочет, чтобы жизнь продолжалась, ему не надо искать утешение в индуизме, так как индуизм не был предусмотрен для такого кризиса. Не поможет человеку ни христианство, ни мусульманство, - мечи теперь бесполезны, - ни буддизм. Проповеди и аскетизм не помогут, церковный пост не изменит положение в мире. Необходимо что-то совершенно новое, потому что ситуация совершенно, новая.

Поэтому я повторяю: именно сейчас настало время для рождения подлинной религии.

Это будет просто религиозностью.

Она должна быть целостной: настолько доступной человеку, чтобы он не смог бы отвергнуть ее и чтобы святые и грешники могли бы жить вместе.

В джайнизме есть рассказ о том, что, когда Махавира скитался, его влияние было настолько велико, что львы и коровы пили вместе воду из реки. Это похоже на ложь, на выдумку. О чем это говорит? Это говорит о том, что в присутствии такого противника насилия, как Махавира, даже у животных пропадал инстинкт насилия. Лев, который сразу бы набросился на корову, пьет воду вместе с ней, и она не боится его, — нет никаких проблем, потому что рядом находится Махавира. Его влияние достаточно для того, чтобы лев перестал быть хищником, а корова стала настолько смелой, что могла находиться рядом со львом.

Но зять Махавиры предал его. Он был тоже его учеником и хотел, чтобы Махавира сделал его своим преемником. Естественно, он думал, что если он зять Махавиры, то... У Махавиры была

единственная дочь, ни сына, ни другой дочери. Естественно, - он был почти его сыном, - он должен был унаследовать все, что имел Махавира: хотя и не царство, но все его влияние и его последователей. А это - намного больше царства, так как многие цари были его последователями, и многие царства были у его ног.

Зять постоянно не давал покоя Махавире: «Объяви меня своим преемником». Наконец Махавира сказал: «Это невозможно. Я не могу объявить кого-либо моим преемником, так как я - последний тиртханкара во всей вселенной. Только в следующей вселенной, когда нынешнее мироздание будет уничтожено и начнется создание нового мироздания, будет другой тиртханкара, и кое-кто уже приобрел достаточно добродетелей, чтобы стать им». Махавира имел в виду своего главного ученика - Гаутаму Ганадхара.

Это мифология джайнизма, повествующая о том, что главный ученик последнего тиртханкары будет первым тиртханкарой в следующем цикле существования. Вот как циклы связаны между собой: каждый цикл связан с предыдущими двадцатью четырьмя тиртханкарами этой одной цепью. Махавира сказал: «Уже объявлено, что Гаутама - мой главный ученик и он будет первым тиртханкарой, - и то это будет через миллионы лет. Я не могу объявить тебя моим преемником».

Зять пошел против Махавиры и предал его. Он привлек на свою сторону пятьсот учеников Махавиры. Львы перестают быть свирепыми, коровы перестают быть трусливыми, - а зять Махавиры остался тщеславным, ревнивым, властолюбивым соперником! Он не только не оставил свои помыслы, но даже повлиял на пятьсот учеников; он создал настоящую клику.

Я не думаю, что в такой ситуации коровы и львы могли бы вместе пить воду до тех пор, если, конечно, это не цирковые львы и коровы; но это совсем другое дело. Приготовленные для такого же случая, для выставки, - но это совсем другое дело. Может быть, под шкурой льва скрывался человек. Иногда так случается. Этот способ применяют охотники.

Я слышал о том, что так делали два охотника. Один охотник сидел на дереве, чтобы стрелять в льва. К дереву надо было привязать корову так, чтобы она не смогла убежать. Когда лев должен был наброситься на корову, в него начал бы стрелять охотник. Но корову никак не могли найти и, поэтому, применили старый способ. Один из охотников одел на себя шкуру коровы и расположился под деревом. Его не надо было привязывать к дереву, но он сказал другому охотнику: «Будь внимателен, не допусти, чтобы лев напал на меня. Если он нападет на меня, а ты убьешь его, меня уже не будет в живых».

Другой охотник сказал: «Не беспокойся», - и продолжал следить за львом, потому что лев был где-то на отдалении и уже заметил корову. Охотник направил ружье на льва, - и что же произошло потом? Мимо проходил бык, и это испортило все дело, так как он начал заниматься любовью с коровой! Человек выскочил из шкуры коровы и закричал: «К черту этого льва и всю нашу охоту. Мы не могли даже это предвидеть. Застрели этого быка!» Так что, может быть, по некоторым причинам, в целях показа... иначе я не думаю, что эта джайнская история о Махавире и о львах и коровах, пьющих вместе воду, была правдивой.

Ни одна старая религия не способна решить насущные проблемы.

Следующая газетная новость касалась американца, который нес ответственность за переговоры по контролю за вооружением. Он - политическая фигура высочайшего ранга, и участвовал в

переговорах США и Советского Союза в целях достижения какого-то решения, ведения хотя бы какого-то диалога. Журналисты спросили его маленького сына, показав ему карту мира: «Ты знаешь эти страны? Ведь твой отец постоянно посещает их».

Он сказал: «Я знаю эти страны», - и назвал все страны, кроме Советского Союза.

Один из журналистов спросил: «А почему ты пропустил эту страну? Она такая большая».

Тогда мальчик произнес: «Мой отец сказал, что в этой стране живут только плохие парни».

Журналисты подошли к его отцу и спросили, что тот думает о переговорах. Американец ответил: «Диалог вести невозможно, и нет никакой надежды. Эти люди просто постоянно лгут. С советскими руководителями нельзя вести честные переговоры».

Итак, если уж участник переговоров говорит о невозможности и безнадежности ведения переговоров, а также о лживости этих людей, то что было бы, если бы эти люди говорили правду! Никто не говорит правду; ни они, ни вы. Обе стороны лгут и знают об этом. В этом заключается человеческая глупость. Удивительно, что такой человек, о котором я рассказал, несет ответственность за переговоры. И такой же человек из Советского Союза тоже несет ответственность за переговоры.

Человек учит своего сына, что только плохие парни живут в этой стране и чтобы он даже не думал об этой стране. В чем его цель? Это просто говорит об уме этого человека. Такие политики не способны решить проблему. А религии не имеют методов и стратегий, потому что они были созданы очень давно - они не были предназначены для решения таких проблем.

Сейчас необходимо совершенно новое мировоззрение... и время для этого уже настало. Но, в действительности, уже поздно, так как время бежит быстро, а эти глупцы накапливают все больше и больше ядерного оружия. Война бессмысленна, абсолютно бессмысленна. К концу века мы или будем торжествовать, или... на Земле никого не останется.

Либо будет главенствовать Будда Зорба, а мусульмане, христиане, индусы забудут весь свой абсурд и станут более человечными, а не сверхлюдьми... Либо они забудут все об аде и рае и начнут думать о земных делах, либо этот мир будет уничтожен. Прежде, чем что-то случится, нам необходимы тысячи разумных людей, которые способны быть просто религиозными: не придерживаясь догмы, не будучи частью какой-либо нации, не будучи членами какой-либо конгрегации, - быть Просто человечными, естественными, обычными.

Если мы сможем высвободить разум, - а мы должны высвободить его, так как сейчас нет времени для всех этих «если» и «но», то предстоит решать вопрос о выживании всего человечества. Неужели все созданное за тысячи лет эволюции будет уничтожено несколькими глупыми политиками?

Неужели никто не собирается создать энергию сознания?

Именно этому посвящена подлинная религия: энергия сознания во всём мире против всех видов глупости, а именно: религии, рас, крови, цвета кожи, каст, наций. Все это глупости.

Пришло время, когда земля должна быть единой.

Это единственный способ спасти ее от уничтожения.

Нет необходимости в переговорах между Советским Союзом и Америкой. Не должно быть ни Советского Союза, ни Америки! А что нужно? Каждый город должен быть сам по себе.

За всю мировую историю только однажды и недолго существовало подобие демократии. Это было в Греции во времена Сократа. Это было подобие демократии, но это была демократия городов-государств: каждый город являлся государством. Там была настоящая демократия. Представителей не выбирали, люди непосредственно участвовали в деятельности правительства.

Мир нуждается в меньших по размерам общинах - не в огромных городах-монстрах, а в небольших поселениях, настолько малых, чтобы они могли стать по-настоящему демократичными.

Карта мира должна быть единой.

Не должно быть ни паспортов, ни виз, не должно быть никаких проблем, связанных с перемещением людей.

Люди должны с рождения иметь право на перемещение: вся земля - наша!

Это огромная работа, но ее необходимо выполнить. Она должна быть сделана, так как другой альтернативы нет.

Или самоубийство, или санньяса.

Мы должны доносить эту идею до всех, у кого есть уши, чтобы слышать, и глаза, чтобы видеть, а также разум, чтобы понять четкую альтернативу: вы создаете новый вид религиозности, которая прежде никогда физически не существовала; не против духа, но в сочетании с духовным.

Именно это я подразумеваю, когда говорю Зорба Будда.

Это имя, которое я даю новому человеку.

Беседа 23

ВАМ ВСЕ СМЕРТЕЛЬНО НАСКУЧИЛО? – ВЫ НА ПУТИ К ТРАНСФОРМАЦИИ

21 января 1985 года

Бхагаван,

Что такое скука? Вам никогда не надоедала жизнь?

Это один из самых важных вопросов, которые мне задают, так как только человеку свойственно тосковать, скучать. Ни одно животное не обладает этим свойством. Почему же люди обладают этим свойством? Это побочный продукт ума. В этом ничего неверного нет. Не скучают только

идиоты или просветленные, но их мало. Основная часть человечества, которая находится между этими двумя полюсами - между идиотами и просветленными, - обладает в той или иной мере способностью скучать.

Скука означает, что вы достаточно умны для того, чтобы понять, что жизнь бессмысленна, что это всего лишь тщетные попытки продолжать жить, из которых ничего не получается. Наша жизнь - это всего лишь попытка оставить свою подпись на воде - даже не на песке, - потому что на песке она может какое-то время сохраняться, прежде чем подует ветер и уничтожит ее. Наша жизнь - это письмо на воде, и она исчезает так же, как и появляется - немедленно, мгновенно, и ничего не остается после этого, даже дыма.

Сколько миллионов людей жило на земле? Что они оставили после себя? Они ведь были такими же людьми, как вы. Они делали все то же самое, что и вы делаете сейчас, думали так же, как и вы, мечтали так же, как и вы, имели такие же идеалы. И они очень старались быть творцами, быть совершенными, получать удовлетворение. Но что же осталось? На самом деле, были они или нет, не имеет никакого значения. Если бы до нас не было ни одного человека, это тоже не имело бы никакого значения. Какое новое качество вы собираетесь реализовать? А если вы не сможете этого сделать, тогда ваша жизнь может оказаться не созидательной.

Ваша созидательность означает, что ваше пребывание здесь что-то изменило, что, покидая землю, вы оставили ее не такой, какой нашли ее; ваши следы навсегда останутся здесь. Вы можете уйти из жизни, вас может не стать, но то, что вы создали, будет оказывать свое влияние на многие последующие поколения.

Каждый человек, который когда-либо жил, думал о смысле своей жизни. В чем ее смысл? Может быть, это просто растительное существование? Но ни одно животное не тоскует, потому что оно не озабочено смыслом своей жизни и не думает о созидании. Бык, который жует траву, ощущает такое же удовлетворение, как и любой Гаутама Будда. Он не думает о своем удовлетворении - вот в этом и разница. Но он абсолютно удовлетворен - у него нет ни завтра, ни вчера, у него нет проблем. Понаблюдайте за быком, который жует траву, и вы сможете увидеть разницу между человеком и животным...

Человек может сидеть даже на золотом троне, или он может быть нищим, но и тот и другой будут думать о том, почему они живут на этой земле, для чего. Случайность ли это или это судьба? А на этот вопрос ответа нет, и отсюда — скука, тоска. Вы не можете найти удовлетворение, вы не можете найти счастье или смысл в чем-либо. Вы видите, как проходят дни, и вы знаете, что смерть к вам подходит все ближе и ближе, а жизнь вам ничего не приносит. Ваши руки пусты.

Удивительно, но когда ребенок рождается, он рождается с сомкнутыми руками, как если бы он приносил с собой что-то в эту жизнь. Когда человек умирает, он умирает с открытыми руками - все потеряно. Ему нечего держать в своих руках, в своих кулаках. Никто никогда не умирал со сжатыми кулаками и ни один ребенок не рождался с раскрытыми руками. Это очень важно. Физиологически это можно объяснить по-разному. Ребенок еще не может разжать свои кулачки, он еще недостаточно силен. Физиологически это даже еще и не кулачки, просто ребенок не может открыть руки. Физиологически то, что он не может открыть руки сам, и является объяснением. Ему нужно немного силы, тогда он сможет раскрыть руки. Иначе обстоит дело с умирающим человеком. Все его тело расслабляется. Смерть - это наивысочайшее расслабление.

Всю свою жизнь человек был в напряжении, а сейчас жизнь уходит из тела, и тело больше не напряжено, так как напряженность в теле создавалась за счет ума. Был ум - была и жизнь в теле. Кулак - это напряженное состояние рук. Когда жизнь оставляет тело, то даже если вы постараетесь сжать руку в кулак, ваш кулак все равно разожмется, потому что теперь в вашем теле нет больше энергии для того, чтобы удерживать этот кулак в сжатом состоянии. У ребенка еще нет энергии, а у старика уже нет больше энергии, чтобы держать его сжатым. Для этого нужна сила — это физиологическое объяснение. Это метафора, но эта метафора прекрасна.

Каждый ребенок рождается с мыслью, что должно произойти нечто великое. Каждый ребенок приходит в жизнь с надеждами, желаниями, стремлениями и уверенностью в том, что все это осуществится, материализуется, а его мечты не останутся мечтами, они станут реальностью. Для меня - это метафора его сжатого кулака.

Он приходит в мир с каким-то сокровищем, с каким-то секретом. Он приходит в мир не просто так, а с заданием, которое он должен выполнить. Он приходит в мир с Судьбой.

Вот почему дети не скучают. Они могут плакать, кричать, смеяться, улыбаться, но вы не найдете детей, которые тоскуют. Они еще не почувствовали, что жизнь - это совсем не то, чем она могла бы быть. Они еще не узнали, что жизнь сделана из того же самого материала, что и мечты. Им нужно немного подрасти, им нужен опыт. Чем умнее ребенок, тем быстрее он начинает тосковать. Очевидно, глупым детям потребуется больше времени, чтобы понять бессмысленность жизни. Для этого понимания вам нужен очень острый ум.

Вы спрашиваете меня, тосковал ли я когда-нибудь. Я думаю, что никто из вас не испытывал такой тоски, как я, в свой первый период жизни в течение двадцати одного года. Вероятно, я исчерпал себя, закончил данный мне срок - всему приходит конец.

Мои родители были озадачены. Я никогда не принимал участия ни в каких играх. Насколько я себя помню, я всегда шутил по поводу игр. Мои родители и учителя были очень озабочены. «Что же ты за ребенок? Что ты делаешь? Пойди поиграй». А я отвечал им: «Все родители велят своим детям сидеть дома и учиться, а вы постоянно заставляете меня идти играть. Кто же из нас странный - я или вы? Я не вижу смысла в игре, я не вижу в игре никакой пользы. Это всего лишь напрасная трата времени. Пусть тратят время те, у кого его много, а я не могу, у меня не много времени».

Со дня смерти моего дедушки по материнской линии смерть стала постоянным моим компаньоном. Мне было только семь лет, когда он умер. Он умер на моих руках. Мои бабушка и дедушка жили в отдаленной деревне, и я жил с ними. Моя мать была их единственным ребенком. Она была очень молодая, когда я родился, но она несла всю ответственность за семью своего мужа, потому что мать моего отца умерла, когда мне было всего лишь два года. Братья и сестры моего отца были очень маленькие. Моя мама была тоже очень молодая, но ей пришлось заботиться о всей семье. Поэтому мои дедушка и бабушка решили, что для меня будет лучше, если я буду жить с ними. Я мог бы иметь больше свободы, и они могли бы больше заботиться обо мне. У моей мамы уменьшилась бы нагрузка, и она смогла бы лучше заботиться о семье мужа, так как она была самой старшей в этой семье, хотя она была очень молода.

Эта деревня была не очень далеко, всего лишь в шестнадцати милях, но там не было ни дорог, ни поездов. Поэтому, когда мой дедушка заболел и единственный врач в деревне сказал: «Мне с

этим не справиться, везите его немедленно в больницу», мы положили его в повозку, запряженную быком, и поехали. Эти шестнадцать миль показались мне тысячами миль, потому что дедушка умирал. Я мог видеть, как замедляется его пульс, как закрываются его глаза, как он начинает странно дышать. Потом он перестал говорить, и я увидел, что смерть приближается. Он был у меня на руках, потому что бабушка так страдала, что плакала не переставая. Я сказал ей: «Подумай обо мне! Я ведь ребенок, а мне приходится заботиться об умирающем дедушке и о тебе. Ведь ты взяла меня, чтобы обо мне заботиться! Это кажется странным. По крайней мере, не плачь, потому что если ты плачешь, то как же я могу удержаться от слез. Я не плачу, чтобы ты тоже перестала плакать». Но она была не в себе. Я постоянно проверял, жив ли мой дедушка или уже умер, и я видел, как он медленно, медленно, медленно отходит. К тому времени, когда мы доехали до дома моего отца, он уже умер.

После этого смерть стала постоянным моим компаньоном. В тот день я также умер, потому что мне стало ясно одно - будь тебе семь лет или семьдесят (моему дедушке было семьдесят лет), тебе придется умереть.

Мой дедушка был редкий человек. Я не могу его обвинить в том, что он когда-нибудь солгал, нарушил обещание или осудил кого-нибудь. Я вспоминаю одну ночь... В деревне не было ни полиции, ни полицейского участка. Мой дедушка был самым богатым человеком в деревне. Я часто спал вместе с ним на одной кровати. Однажды ночью в наш дом забрался вор. Мой дедушка видел, как вор перелез через забор и вошел в дом. Дедушка стал рассказывать мне какую-то историю. Вор притаился в углу и казалось, что история, которую рассказывает мой дедушка, его тоже заинтересовала. У моего дедушки была привычка, как у Тару, все время жевать бетель. Его сумка, чудесная сумка была всегда с ним, и он доставал из нее свой бетель для жевания. В ту ночь он начал жевать бетель и сплевывать на вора, который сидел в углу. Вор не мог избежать этого, потому что боялся, что его поймут. Наконец, терпение его истощилось и он сказал: «Нана» - так я обычно называл своего дедушку, и так его называли все в деревне. Итак, вор сказал: «Нана, хватит, я с удовольствием слушаю твою историю, но я не получаю удовольствия от твоей жвачки. Пожалуйста, перестань. Ты испортишь мне одежду».

Мой дедушка сказал: «Можешь прийти завтра и взять новую одежду — ведь я плевал на тебя специально. Конечно, это нехорошо, мне не нужно было бы это делать». «Но, - сказал человек, — я вор, и я приходил, чтобы украсть».

Мой дедушка сказал: «Вор ты или нет — это твое дело, но завтра ты приходи и возьми новую одежду». Мой дедушка был владельцем сельской лавки, в которой продавалось все: одежда, обувь, зонтики, сладости, то есть там было все необходимое для сельских жителей. На следующий день этот вор пришел, и я сказал ему: «А у тебя крепкие нервы! Ты пришел сюда в своей рубашке и дхоти, испорченных красным бетелем». А он ответил: «Что же мне делать? Я бедняк, я не могу позволить себе купить новую одежду. Нана пообещал мне, а он человек слова». Я сказал: «Ты уверен? Он может собрать всех соседей и поймать тебя, потому что ты приходил с целью украсть что-то. Ты сознался в этом, иначе, что бы тебе тут делать?» А он оставил все эти метки в качестве доказательства.

Он сказал: «Не старайся вызвать сомнение во мне. Я знаю твоего Нана. Даже если бы я украл, - ая ничего не украл, потому что у меня не было возможности, - он бы никогда никому ничего не сказал». И он вошел и взял новую одежду. Я сказал своему Нана: «Это, кажется, заходит уже слишком далеко. Пусть его не поймали, пусть ты не называешь его вором, ладно, но ведь ты

награждаешь его!»

Он сказал: «Нет, я не награждаю его. Я испортил его одежду. Я просто заменяю то, что я испортил. А он ведь и не украл. Намерение - это всего лишь намерение. А даже если бы он и украл, то что же здесь такого? В нашей деревне все бедняки и только я богатый, так что если они и берут что-то, то это принадлежит им. Откуда у меня появились все эти богатства? -

От этих бедняков. Они работают на меня, они работают на моей ферме, они работают в моем саду. Все, что я имею, я не произвожу сам - я не хожу работать в поле, я не хожу собирать урожай, — все это делают за меня другие. Поэтому если когда-нибудь кто-нибудь и ворует, то он ворует свои собственные вещи. Меня это не волнует. Не думай об этом человеке, как о воре. Это не твое дело. А ведь мы с тобой получили удовольствие от вчерашнего события. Это было большое развлечение». Я сказал: «Да, это правда, мы оба с удовольствием за ним наблюдали».

Вор прятался в углу, но чем глубже он втискивался в этот угол, тем в большей степени он попадал в ловушку. Он хотел спастись от сока жвачки, но он не мог выбраться из угла, потому что этот угол был почти что рядом с кроватью моего дедушки. Там было темно, поэтому вначале он думал, что плевки попадают в угол случайно, но потом он стал тихо отодвигаться, а плевки следовали за ним. И наконец он подумал: «Это не случайно. Этот старик плюется как будто стреляет. А история, которую он рассказывает, - это всего лишь предупреждение для меня, что он не спит и что украсть здесь что-нибудь будет нелегко». Поэтому он, в конце концов, должен был объявиться. И он сказал: «Я здесь, и я страдаю. Пожалуйста, перестань плевать и отпусти меня».

Мой дедушка был такой добрый, такой хороший - он всем помогал, кто бы к нему ни пришел. Он обычно давал деньги людям. Если они к нему приходили, чтобы взять в долг, и хотели оставить что-нибудь в залог, он всегда отказывался. Он говорил: «Я не знаю, может быть, я завтра умру. Тогда кто же отдаст тебе этот залог? Ты бери деньги. Если ты сможешь вернуть их - хорошо. Если не сможешь, не беспокойся ни о чем - у меня достаточно».

Он никогда не заставлял этих людей давать расписки в том, что они взяли у него деньги. Я говорил ему: «Тебе надо брать с них расписки в качестве доказательства того, что дал им деньги в долг». Он отвечал: «Это не долг, это их деньги. Они могут думать, что это их долг, но я так не думаю. Поэтому, если они вернут их - хорошо, если нет, то я ничего не теряю, потому что я никогда и не ожидаю, что они вернут. Они такие бедные. Как же они могут вернуть эти деньги?»

И вот такой хороший, такой прекрасный человек просто умер. В чем же был смысл его жизни? Это стало для меня навязчивой идеей - в чем смысл его жизни? Чего же он достиг в жизни? Семьдесят лет он прожил жизнью хорошего человека — ну и что? Его жизнь просто закончилась, и даже следа от нее не осталось. Его смерть сделала меня очень серьезным.

Я был серьезным даже до его смерти. К четырем годам я начал задумываться над проблемами, которые некоторые люди как-то ухитряются откладывать до самого конца их жизни. Я начал задавать вопросы моему дедушке, и он обычно говорил: «Опять эти вопросы? Вся твоя жизнь впереди. Не торопись, ты слишком мал».

А я отвечал: «Я видел, как маленькие мальчики умирают в деревне. Они не задавали такие вопросы и умерли без ответов на них. Ты можешь гарантировать, что я не умру завтра или

послезавтра? Ты можешь гарантировать, что я умру только после того, как найду ответы на них?»

Он отвечал: «Я не могу гарантировать это, потому что я не властен ни над смертью, ни над жизнью».

«Тогда, — сказал я, — ты не должен предлагать мне что-нибудь откладывать на будущее. Я хочу получить ответы сейчас. Если ты знаешь, то скажи, что ты знаешь, и дай мне ответ. Если же не знаешь, то не стесняйся сознаться в своем невежестве».

Вскоре он понял, что со мной нужно разговаривать, как со взрослым человеком, либо надо сознаваться в своем невежестве... Но тогда это было нелегко - надо было говорить об этом более подробно, чтобы не вводить меня в заблуждение. И он стал говорить мне, что он не знает, он стал признавать свое невежество.

Я сказал: «Ты очень стар, и скоро ты умрешь. Что же ты делал всю свою жизнь? К моменту смерти у тебя в руках будет только твое невежество и ничего больше. Я задаю тебе очень важные вопросы - я не задаю тебе никаких тривиальных вопросов».

«Ты ходишь в храм. Я спрашиваю тебя, почему ты ходишь в храм? Ты в этом храме что-нибудь нашел? Ты ходил туда всю свою жизнь. Ты старался заставить меня ходить с тобой в этот храм». Этот храм сделал он. Однажды он признался, что правда заключается в том, что он ходит в этот храм, потому что он его сделал. «Если я не буду ходить туда, то тогда кто же пойдет туда? Но перед тобой я признаюсь, что это было бесполезно. Я ходил туда всю свою жизнь, и я там ничего не получил».

Тогда я сказал: «Попробуй что-нибудь еще. Не умирай с вопросом - умри с ответом». Но он умер с вопросом.

В последний раз, когда он говорил со мной, почти за десять часов до смерти, он открыл глаза и сказал: «Ты был прав — откладывать нельзя. Я умираю со всеми вопросами. Поэтому запомни: все, что я тебе предлагал, - это неверно. Ты был прав — не откладывай. Если возникает вопрос, старайся найти на него ответ как можно скорее».

Каждый ребенок задает вам миллион вопросов. А вы, из-за того, что вы трусливы и не можете признать свое невежество, даете ребенку мнимоправильные ответы. Он спрашивает вас: «Кто создал мир?» И вы отвечаете ему, абсолютно ничего не зная о Боге: «Бог создал мир». И вы не чувствуете стыда, и ваше лицо не меняется.

Вы отвечаете, как будто вы знаете, но ведь вы не знаете, вы обманываете. И вы обманываете не только ребенка, вы обманываете себя. Если вам удастся обмануть ребенка, то вам удастся обмануть и себя, думая, что, может быть, вы это все-таки знаете. И, повторяя много раз, что Бог создал мир, вы начинаете верить в эту свою ложь. И тогда, конечно, вы не будете чувствовать тоски.

Ложь - очень интересное явление, потому что это ваше изобретение. Поиск правды требует больших усилий. Это не развлечение.

Кто-то задал мне вопрос: «Почему людей не интересует открытие правды?» За ответом не надо далеко ходить. Даже если только возникает вопрос о правде, это означает, что вы должны стать серьезным. Это означает, что вы покидаете мир развлечений, мир цирков, кино, карнавалов, футбольных матчей. Вы покидаете все то, что занимает людей, и вы начинаете двигаться в противоположном направлении - к тоске.

Почему люди стремятся ко всем этим развлечениям? Просто чтобы избежать скуки, тоски. Понаблюдайте за собой, когда вы одни целый день в доме. Вы начинаете делать странные вещи. Вы включаете радио, потом выключаете, включаете телевизор - не потому, что вас интересует передача, а потому что не знаете, что еще делать. Когда вы остаетесь одни, на вас начинает нападать скука, вы начинаете звонить друзьям: «Хочешь, приходи ко мне, или я могу прийти к тебе, или мы можем встретиться где-либо в другом месте». Вам скучно, ему скучно. И что интересно - два скучающих человека начинают развлекать друг друга.

Насколько я понимаю это абсолютно не согласуется с арифметикой. Я не знаю арифметики. С самого начала моих занятий в школе я слышал об этих трех R. Один из моих учителей объяснил: «Все образование основывается на этих трех R - чтение (Reading), письмо (wRiting), арифметика ("Rithmetic")».

Я сказал: «Кого вы пытаетесь одурачить? ... 'rithmetic'!»

Чтобы свести все к этим пресловутым трем R, вы превратили слово "арифметика" в "рифметику". Я сказал ему: «Образование базируется на двух R - чтение и письмо, а арифметику я не принимаю во внимание».

Арифметика мне никогда не давалась легко, но я все-таки смог понять, что когда два скучающих человека встречаются вместе, их скука удваивается. Вот что происходит во всем мире с супружескими парами. Все знают, что когда-то супруги были одинокими и ощущали скуку. Потом они начали развлекать друг друга и немедленно сделали ложный вывод, что если они будут вместе, их жизнь станет интересней, в ней появится какая-то радость. Но это возможно только тогда, когда вы встречаете девушку или юношу на берегу моря, которые ожидали друг друга двадцать три часа ради одного часа. Украденные поцелуи сладки. Именно воровство делает эти поцелуи сладкими. Я не понимаю, как это поцелуи могут быть сладкими, особенно французские. Если бы французские поцелуи были сладкими, то все французы страдали бы от диабета - так много сахара! Но так как сахара нет вообще, то диабетикам могут целоваться без опасения. Но украденный поцелуй сладок. Сладость эта заключается в том, что вы создаете свой собственный мир.

Встречаясь неоднократно, вы оба готовитесь. Вы принимаете душ, она принимает душ. По крайней мере, три часа она проводит перед зеркалом и применяет духи, дезодоранты и т.д. А потом вы встречаетесь всего лишь на несколько минут или на час. Конечно, оба вы далеко; только ваши личности, только маски... Она пришла с искусственной улыбкой, и вы пришли тоже с такой же улыбкой.

Самое странное в этом то, что вы знаете, что вы совсем не тот, кем вы притворяетесь, и она знает, что она не та, кем притворяется, но вы оба верите в то, что ваш партнер - это точно то, кем он притворяется. Это что-то невероятное. А потом они, естественно, хотят жить вместе: ведь если один час так сладок, если один час так чудесен, что вся скука исчезает, то они

начинают воображать, как прекрасно будет им вместе все двадцать четыре часа в сутки. Это заблуждение продолжается на протяжении всей истории, и я не вижу никакой возможности того, что оно когда-нибудь прекратится, даже в будущем. Если это заблуждение прекратится, это будет очень важно, и это даст вам возможность понять, что такое тоска. Поняв это, вы сможете от нее уйти. Если вы не поймете этого, вы останетесь в ловушке.

Замужество — один из способов уйти от понимания этого, но существует и много других способов. Когда вы вместе двадцать четыре часа в сутки, то как долго вы можете притворяться? Для притворства требуются огромные усилия и энергия. Один день, два, три - и медовый месяц заканчивается, ваша маска начинает сползать, и вас больше не волнует, даже если она упадет вообще, потому что маска сползает и с вашего партнера.

Однажды мне рассказали такую историю. Некий человек женился. Когда наступила первая брачная ночь, он сказал: «Прежде чем мы ляжем в постель, я хочу рассказать тебе о моей старой привычке — я выключаю свет. Это такая старая привычка, что иначе я не могу лечь спать». Женщина сказала: «Как странно! Ты можешь ложиться. Я приду из ванны и погашу свет». А он ответил: «Тогда я подожду». Но женщина настаивала: « Это моя привычка. Я пойду в ванную и выйду оттуда, только если ты ляжешь в постель».

«Как странно: с самого начала у нас конфликт привычек. Но теперь все равно... Правда в том, что у меня ненастоящие ноги, поэтому я не могу раздеваться при свете». Женщина сказала: «Тогда все хорошо - потому что у меня нет груди. Ты не можешь раздеваться при свете, и я не могу раздеваться при свете. Я боялась, что ты обнаружишь, что у меня нет груди». А человек сказал: «Господи, а я боялся, что ты обнаружишь, что у меня протезы вместо ног».

Их супружество уже подошло к краху. Медовый месяц еще даже не начался - свет еще горит! Все медовые месяцы, более или менее разные, заканчиваются одинаково. Как только вы узнаете женщину, ее физиологию, ее топографию, как только она узнает вас — вашу любвеобильность, ваше сопение, ваше пыхтение, вашу потливость... вы узнаете, что будете надоедать друг другу очень сильно, сильнее, чем прежде. Прежде, по крайней мере, вы были одни и тосковали. Теперь вам тоскливо, и есть кто-то еще, кто усугубляет вашу тоску.

И тогда муж и жена начинают жить «счастливо до конца своих дней». А после этого они не живут вовсе! Они Просто умирают. И каждый день их умирает больше и больше.

Но глупость человека такова, что он не видит, в чем здесь заключается проблема. Вы думаете: «Эта женщина ошиблась во мне, этот мужчина ошибся во мне, вероятно, мы не предназначены друг для друга». Как будто существует какая-то женщина или какой-то мужчина, которые предназначены для вас. Простите меня, но для вас никто не предназначен. Вы рождаетесь в одиночестве, и вы должны принять свое одиночество. Чем скорее вы это сделаете, тем лучше.

Но одиночество - это скука, потому что нет никаких развлечений, нет ничего интересного. Да, для моих двадцати одного года мне было смертельно скучно, и не только мне было скучно, но и всем было скучно, с кем я мог общаться. Мой отец немедленно начинал смотреть в свои книги, хотя я видел, что он сидит, не глядя в них. Как только я появлялся, он снова начинал смотреть в книгу. Однажды я спросил: «Почему ты пытаешься выглядеть занятым, не имея никаких дел? Я видел тебя - ты просто сидел. Покупателей не было, и ты не смотрел в книги. Почему ты сейчас начал смотреть в них?» Он ответил: «Разве я не могу позволить себе заняться чем-нибудь, чтобы

избежать тебя? Иди куда-нибудь еще! У тебя всегда какие-то проблемы. У меня тоже есть свои проблемы - так что заботься сам о своих проблемах».

Мои учителя, как правило, не позволяли мне поднимать руку, потому что это было... Я не знаю, как происходит в других странах, но в Индии, если ты хочешь задать вопрос, ты должен поднять руку. У меня же получалось так, что еще до того, как учитель входил в класс, я уже сидел с поднятой рукой. Или он еще не успевал сесть, как моя рука уже поднималась. И он говорил: «Это нечто! По крайней мере, дай мне сесть. У тебя что-то срочное?» А я отвечал: «Все срочное. Почему я должен терять время? Когда вы начинаете учить, вы заставляете меня опустить мою руку, потому что вы учите и я не должен беспокоить вас». Учителя немедленно начинали писать на доске, чтобы повернуться ко мне спиной, но от меня отделаться было не так легко. Так, однажды мы говорили о критике Библии. Я был страстным любителем критиковать книги. И я сражался с ними до тех пор, пока они не переворачивались.

Я говорил: «Так вы от меня не спасетесь. Я поднял руку, у меня есть вопрос» - у меня всегда было много разных вопросов. Мой учитель говорил, например: «Этот вопрос не по моему предмету». А я отвечал: «Этот вопрос не по предмету. Жизнь нельзя разделить на предметы. Вашу школьную программу можно разделить, а жизнь - нельзя». Когда я прихожу на урок истории или на урок географии — я один и тот же человек. Я прихожу на все занятия с одними и теми же проблемами. Поэтому меня не волнует, какой предмет вы преподаете, меня волнует мой вопрос. А мой вопрос - не только мой вопрос, но и ваш тоже, - поэтому это не мое чудачество.

А мои вопросы были очень простые, например: «Каков смысл вашей жизни? Почему вы живете?» И мои преподаватели обычно отвечали: «А ты что хочешь - чтобы мы совершили самоубийство?» Я же отвечал: «Я не возражаю». Но прежде чем вы совершите самоубийство, вы должны ответить мне на вопрос: «Почему вы совершаете самоубийство? Что вы собираетесь получить от этого? Вот на какой вопрос вы должны ответить. Поэтому самоубийство вам не поможет, вопрос остается все тот же: почему вы умираете, почему вы живете? Если вы не можете ответить на такой простой вопрос, как “зачем вы живете”, то что же тогда есть кроме этого?»

«Вы пытаетесь научить меня истории, вы рассказываете мне об Александре Великом, но вы ничего не знаете о самих себе, вы ничего не знаете даже о своей жизни. Вы хотите научить меня религии, рассказываете мне о Кришне и Раме, но вы ничего не знаете о жизненных принципах в самих себе и откуда вы их получили. Вы имеете представление о том, откуда вы появились, и о том, куда вы идете?»

Как только вы проявляете скептицизм, все может стать объектом очень важных вопросов. И когда вас окружают вопросы и вы не получаете ниоткуда ответов на них, вы чувствуете, что вас предали - ваши родители, ваши учителя, ваш священник, - потому что ответов нет, а вы тем не менее продолжаете жить. Более того, совершить самоубийство - значит совершить преступление. Это очень странный мир.

Однажды до меня дошла потрясающая новость - какой-то человек умер у Белого Дома в Вашингтоне. Он умер от голода и холода. Когда утром обнаружили его тело и обыскали его, то обнаружили, что он был ветераном Второй мировой войны. И вы верите - его похоронили со всеми почестями, как ветерана войны. Живой он голодал, он не имел одежды, чтобы спастись от

холода. Он никому не был нужен. Мертвый - он был похоронен со всеми военными почестями, был даже салют. Что же это за мир, в котором мы живем? У живого нет средств для жизни, а мертвому оказываются большие почести.

Не менее смешно и то, что во всем мире самоубийство считается одним из самых больших преступлений. Странно: людям не помогают найти смысл их жизни, заставляющих жить, потому что уйти из жизни, то есть всего лишь вернуть билет и сказать: «Я хочу сойти с этого поезда жизни, мне это больше не интересно» - значит совершить преступление.

И все становится еще смешнее, так как если вас застают в момент, когда вы пытаетесь совершить самоубийство, то суд приговорит вас к смерти! Мы живем в окружении таких умных людей, как великие творцы законов, творцы конституции. То, что этот человек действительно собирался сделать, - это умереть. Так каков же смысл во всей этой шумихе? Его ловили, потом долгие месяцы держали в тюрьме, потом судебное заседание с адвокатами, которые дрались друг с другом, как кошки с собаками, и главным судьей, который сидел и серьезно решал, и после всего этого человека приговаривают к смерти. Когда он, этот бедняк, делал это сам без каких-либо расходов правительства, нации или кого-либо еще - это было преступление!

Почему же самоубийство считается преступлением? С ранних лет я думал об этом: «Почему самоубийство - преступление? Это преступление, потому что оно может вызвать у кого-нибудь еще мысль, что жизнь не стоит продолжать. Тот человек поступил хорошо, а вы недостаточно храбры, вы трус, вы не можете совершить самоубийство. Как же спрятать эту трусость? Конечно! Вы можете создать закон, по которому будет считаться, что он совершил преступление. Такого рода преступления надо предотвращать, иначе еще многие люди начнут совершать его».

В действительности они пытаются внушить мысль об уходе из жизни. Хорошо известно, что человек с небольшим интеллектом хотя бы раз в жизни приходит к мысли, что самое простое - это совершить самоубийство. Почему? Потому что жизнь, как оказывается, всего лишь скука. Супружество не удалось. С религией не получилось. Политика никуда не приводит. Вы можете занять все деньги мира, однако вы по-прежнему бедны, как и раньше.

Скука - нечто очень фундаментальное.

Это часть неприятия вашего одиночества.

Это часть неспособности наслаждаться вашим одиночеством.

Общество учило вас спасаться, продолжать свой бег, не оглядываться, но скука следует за вами подобно тени.

Скука - ваша тень.

Куда вы собираетесь сбежать?

Вы не можете сбежать от нее.

Может быть, на какое-то время вы можете утопить ее в алкоголе, но уже на следующее утро она к вам вернется еще более сильной, чем прежде. И тогда вы назовете ее похмельем. Вы страдаете

от похмелья, однако вы снова собираетесь пить, великолепно зная, что наступит похмелье. Но, по крайней мере, вы несколько часов отсутствуете. Пьяницы не скучают. Вы можете пойти в паб и посмотреть на пьяниц. Они очень счастливы. Они кричат, плачут, дерутся и совершают многие другие поступки, но они получают удовольствие, они сияют. Вы не увидите их несчастными, сидящими в углу, как «Мыслитель» Родена, который сидит в философской задумчивости, опершись подбородком на ладонь и полужакрыв глаза.

«Мыслитель» имеет определенную позу - сама его поза показывает эту печаль. Роден через своего «Мыслителя» точно отобразил настроение скуки. Он так тоскует, что у него нет энергии даже для того, чтобы открыть глаза и оглядеться. А внутри у него вопросы, множество вопросов, которые выстраиваются в какой-то бесконечный ряд.

Когда супружество не удается, люди начинают разводиться, а потом начинают искать других спутников жизни. Я слышал об одном «калифорнианце» - да я использую это слово, потому что людей такого рода вы можете найти только в Калифорнии. Тот, кто назвал эту часть света Калифорнией, должно быть, думал о калифорнианце. Один калифорнианец женился восемь раз - в Америке в этом нет ничего удивительного.

Конечно, в Индии жены молятся о том, чтобы встретить своего мужа в следующей жизни. А мне всегда было так жалко этих бедных мужей: что, если эти молитвы будут услышаны!.. В Индии есть особый день, который отмечается каждый год. Замужняя женщина постится в этот день, а после поста она молится. Это очищение... Оно заканчивается молитвой, чтобы ей достался тот же самый муж в последующих жизнях.

Мне жалко этого бедного мужа, потому что если эти молитвы будут услышаны, то что же тогда будет с ним? И у меня возникают очень странные мысли об этих женщинах: а они осознают то, о чем просят? Неужели они хотят, чтобы этот тупица неоднократно возвращался к ним? Неужели одной жизни недостаточно? Но это всего лишь традиция. В действительности эти жены являются ярмом на шее у этих «тупиц» и наоборот.

Все в этом примере следуют заповеди Иисуса Христа: «Делай для других то, что ты хочешь, чтобы другие сделали для тебя». Муж делает для своей жены то, что он, должно быть, хочет, чтобы было сделано для него. Жена делает то, что она, должно быть, хочет, чтобы было сделано для нее. В этом - все христиане. Особенно это относится к супружеским парам, которые все являются христианами, независимо от того, какую религию они исповедуют.

Этот человек женился восемь раз, и каждый раз он обнаруживал, что он каким-то образом выбирает один и тот же тип женщины. Должно быть, он был достаточно осторожен. Он наблюдал, размышлял, и это было странно. Но на самом деле - это не странно, это просто психология. Вы влюбляетесь в женщину. У вас есть определенное представление о красоте, форме, эстетике. Эта женщина соответствует вашей формуле о том, кто должен стать настоящей женой для вас (как будто бы существуют настоящие жены или настоящие мужья). Все ошибаются, потому что весь институт супружества идиотический. Поэтому не существует ни настоящих мужей, ни настоящих жен, пока не найдется кто-нибудь, типа меня, кому удастся подобрать людей для настоящей супружеской пары.

Например, я знаю одну пару, которая была бы идеальной - это Морарджи Десаи, бывший премьер-министр Индии, и мать Тереза. Я могу сказать с абсолютной уверенностью, что, если

бы они поженились, они были бы самой идеальной парой за всю историю. Но найти такую пару очень трудно. Мне потребовалось пятьдесят лет, чтобы найти эту единственную пару.

Так как вы выбираете женщину, вы забываете, что у вас есть определенная формула, работающая подсознательно. Почему вы вдруг выбираете какую-то определенную женщину - на свете так много женщин. Вы выбираете ее потому, что она соответствует вашим представлениям о настоящей жене. А потом вы разводитесь с ней через три месяца, потому что, хотя вы и обнаружили, что ее нос, цвет ее волос, ее тело соответствуют вашей формуле, она не только комбинация волос, глаз, носа, они не имеют никакого значения. Она - индивидуум, который вы абсолютно не рассмотрели. Вы видели только внешнюю оболочку женщины, вы не знаете ее внутренних глубин. Она тоже увидела только вашу внешнюю форму.

Это похоже на то, как если бы вы увидели забор и решили, что это нужный вам дом. Вы увидели только забор вокруг дома, далее не стены этого дома, не говоря уже о комнатах. А что, если там скорпионы или змеи, ведьмы или черти? Вы никогда не знаете, что там внутри, - подходит всего лишь забор. Но вы не можете жить с внешней стороны забора. Вы женитесь всего лишь для того, чтобы попасть вовнутрь дома, а когда вы попадаете «в дом» друг друга - это ужасно, потому что вы выбрали друг друга со скуки, а не из радости.

Вы выбрали не для того, чтобы поделиться чем-то, а для того, чтобы получить что-то. Женщина тоже выбрала, чтобы получить что-то, потому что она пуста. Два нищих выбирают друг друга, думая при этом, что его избранник - властитель. Как только вы сближаетесь, мечты исчезают. Вы можете развестись с женщиной, но как вы будете выбирать другую женщину? Снова до старой формулы, которая, как вы знаете, зафиксирована в вашем подсознании. Возможно, вы не осознаете этого. Старая формула вновь найдет тот же самый тип женщины. Вы не сможете найти никого другого. Это почти то же самое, что жениться на одной и той же женщине. Это именно то, что однажды и произошло, вот почему я собираюсь рассказать вам эту историю.

Калифорнианец, о котором я вам говорил, женился восемь раз. Когда он женился на восьмой женщине, он обнаружил уже через два дня, что однажды он уже был женат на ней. Ему понадобилось всего лишь два дня, чтобы обнаружить это. Все его жены были одного типа, но восьмая жена была точной копией. И эта женщина не осознала, что она вышла замуж за того же самого человека. Только когда он сказал ей об этом, она все поняла. Он сказал: «Боже мой! Что же мы наделали? Давай побудем вместе два или три месяца, а потом разведемся».

Там, где развод становится модой, вы просто обязаны помнить, что вы будете выбирать всегда один и тот же тип женщин. Женщины тоже будут выбирать один и тот же тип мужчины.

Я потерял психологический след всех воспоминаний. Фактически я могу описать их, но я не могу их снова пережить.

Моя жизнь абсолютно одинока.

Это странно, потому что я прожил тридцать пять лет своей жизни в толпе. В этой толпе я одинок. Вы там, а я один.

Даже в толпе я точно такой же, как и когда я сижу один в своей комнате. Мое одиночество продолжается, оно негибимо. Я провожу почти весь день всего лишь в одной комнате. Моя

жизнь максимально упорядочена. Все, что вызывает скуку, я тщательно организовал вокруг себя. Я не допускаю ничего, что могло бы помочь мне выйти из моего одиночества. Утром, точно в определенное время, я встаю. И вы знаете, что я делаю сразу же? Даже Вивек не знает. Первое, что я делаю, - я щиплю себя, чтобы убедиться, здесь ли я или все уже кончено. Только после того, как я ущипну себя и пойму, что я жив, я нажимаю на кнопку, чтобы Вивек принесла мой чай. Потому что какой смысл в нажатии кнопки, если меня здесь нет. Она обязательно встанет, приготовит чай и принесет, — а это неправильно.

Итак, сначала я убеждаюсь, что я еще здесь. Затем я нажимаю на кнопку, чтобы она принесла мой чай. А что такое мой чай? Без молока, без сахара, всего лишь горячая вода и заварка. Но я наслаждаюсь им, потому что у него настоящий вкус чая, а сахар и молоко полностью уничтожают чистоту чая.

Все организовано точно так же каждый день. Я провожу полчаса в ванной комнате, а потом полчаса в плавательном бассейне. Должно быть, это самый горячий плавательный бассейн в мире: девяносто девять градусов по Фаренгейту (тридцать семь градусов по Цельсию). Это почти то же самое, что полностью свариться. Двадцать минут в бассейне, и вы хорошо провариваетесь. У меня не маленький бассейн, он имеет олимпийские размеры. Вы знаете, что я человек очень простых вкусов - меня удовлетворяет все, но самое лучшее. Шила спрашивала меня: «Что вы собираетесь делать в бассейне с олимпийскими размерами?» Я отвечал: «Это не вопрос, что я собираюсь делать с олимпийскими размерами. Размеры должны быть олимпийскими. Я не смогу войти в бассейн с меньшими размерами».

Полчаса в этой горячей воде, затем полчаса под ледяным душем. Вы не можете выдерживать этот ледяной душ более двух минут, но после бассейна с горячей водой в девяносто девять градусов по Фаренгейту вы испытываете огромное наслаждение под ледяным душем. Переход от горячей воды к очень холодной — это вновь нечто вроде более глубокого щипка. Первый раз я щипал тело, а сейчас - душу. Теперь я абсолютно уверен, что я здесь и собираюсь одержать победу, по крайней мере, сегодня.

Вивек приносит мой завтрак, воистину большой завтрак - всего лишь стакан сока, одного и того же. Этот сок будет одним и тем же для всех, но не для меня, потому что я не сравниваю. Вчера ушло, а завтра еще не наступило, вот почему я не сравниваю. Вивек спросила меня сегодня: «Вы действительно получаете удовольствие от одной и той же пищи каждый день?» - Так как вчера я сказал ей, что получаю удовольствие. И она спросила: «Вы действительно получаете удовольствие?» Я сказал: «Я всегда получаю удовольствие от одного и того же сока, потому что проблема возникает только тогда, когда вы начинаете сравнивать. Когда вы начинаете думать, что вот уже десять лет вы пьете один и тот же сок, тогда возникает страх: “Что ты делаешь?”»

Но меня это не волнует. Я отказался от сравнения. У меня нет никаких психологических воспоминаний. Время от времени я продолжаю отбрасывать их, и тогда могу наслаждаться одним и тем же целую вечность.

Должно быть, ее беспокоило то, что я ей сказал. Возможно, она говорила с моим врачом Дэвараджем. Она спросила: «Не нужно ли нам изменить все меню Бхагавана?»

Я ответил: «Нет, я не намерен позволять тебе менять меню. Я так привык к нему, что любое изменение может привести к каким-то трудностям». Меня это не волнует.

Трудно поверить, но я узнал одну вещь: если ты можешь наслаждаться своим одиночеством, ты можешь наслаждаться всем.

А если вы не можете наслаждаться своим одиночеством, то вы ничем не можете насладиться. Это абсолютно фундаментальный принцип.

У меня был друг, школьный инспектор. Однажды он пришел ко мне в очень возбужденном состоянии и сказал: «Ты только послушай. Сможешь ли ты поверить в то, что услышишь?»

Я сказал: «Ты только успокойся. Не будь таким возбужденным. Что случилось? Я никогда не видел тебя таким возбужденным. Тебя всегда беспокоил один и тот же установившийся порядок: неоднократное посещение одних и тех же школ, одних и тех же классов, одни и те же вопросы. Что случилось? Что-нибудь экстраординарное?»

Он сказал: «Ты не поверишь! Я поехал в школу...» Но сначала мне нужно объяснить вам кое-что, иначе вы не поймете рассказ моего друга.

Отец Ситы (Сита- жена Рама) заявил, что «тот, кто ломает лук Шивы - тот лук, который Шива сам подарил отцу Ситы, -получит гирлянду на шею из рук моей дочери». Это называлось в Индии словом сваямвара: девушка выбирала себе мужа с помощью определенного ритуала. Этот ритуал был очень трудным. Лук Шивы был таким тяжелым, что сломать его руками было почти невозможно. Его было трудно даже поднять с платформы, на которой он лежал. Приходили принц за принцем, король за королем. Наконец, пришел Рама, сломал лук Шивы и женился на Сите.

Эту историю ученики должны были выучить к следующему дню. Случилось так, что случайно мой друг приехал в эту школу как раз в этот день. Когда он вошел в класс, учитель задал вопрос: «Кто сломал лук Шивы?» Какой-то мальчик, очень испуганный и нервный, поднял руку. Учитель удивился, так как он никогда бы не подумал, что именно этот мальчик будет отвечать. Он никогда не отвечал ни на какие вопросы, а сейчас он тянул руку.

Так как в классе были и директор, и школьный инспектор, учитель сказал: «Хорошо». Но он боялся, что этот мальчик все перепутает. Мальчик встал и сказал: «Я не ломал его. Более того, вчера я даже не приходил в школу». Он действительно все перепутал. Учитель кипел: «Что подумает директор? Что подумает инспектор?» Но прежде чем он смог что-нибудь сказать или сделать, директор сказал: «Насколько я понимаю, этот мальчик злоумышленник. Я думаю, что он все-таки сломал его ». Инспектор растерялся. Что делать теперь? Это превращалось в нечто невероятное! Он пошел к председателю школьного комитета, чтобы рассказать ему, что происходит. И председатель сказал: «Не беспокойтесь, я сейчас позову плотника и он исправит лук. Дети есть дети, а мебель иногда ломается - вам не о чем беспокоиться».

Я сказал своему другу: «Но тебе следовало бы наслаждаться этим - это ведь такой прекрасный жизненный опыт! А ты по-видимому не получил никакого удовольствия, ты стал волноваться». Он ответил: «Волноваться? Это же серьезное дело! Что происходит? Даже директор школы говорит: “Я подозреваю, что он виновен - по его лицу видно”. А председатель сказал: “Не беспокойтесь, я велю плотнику отремонтировать лук. Дети есть дети”».

И мой друг сказал тогда: «И это еще не вся история. Когда я приехал домой и рассказал своей

жене, она сказала: «В нашем доме так много поломанных вещей и никто об этом не беспокоится. Я много раз говорила тебе, что у нас стул сломан, что лампа разбита, а ты беспокоишься о каком-то луке Шивы? Какое тебе дело до него? Опомнись».

«Поэтому я пришел к тебе, чтобы рассказать тебе, как обстоят дела», - сказал мой друг. Я ответил: «Я думаю, что дела обстоят прекрасно - иди и наслаждайся! Не беспокойся ни о чем. Красота этой истории не была бы полной, если бы мальчик просто ответил на вопрос и сказал, что Рама сломал этот лук. Что бы тогда в этом было? А мальчик был оригинален». Мой друг сказал: «Господи! Ты говоришь, что мальчик был оригинален?!»

Я ответил: «Я думаю, что все бывают оригинальны, когда они умудряются найти какую-нибудь новую идею, когда они не повторяют старую».

Повторять старое становится скучным. Существует два способа, чтобы уйти от этого: либо не повторять старое, что невозможно, так как жизнь состоит из мелочей. Вам нужно чистить зубы каждый день. Сколько оригинальных способов вы можете найти? Я не думаю, что вы можете найти их много. Как считает мой зубной врач, существует только один правильный способ. Вы можете найти много неправильных способов. Если вы начнете беспокоиться об этом, тогда вы будете беспокоиться каждое утро. Наслаждайтесь этим, не сравнивайте. Если вы не сравниваете, то нет больше повторения; если вы сравниваете, то есть и повторение.

Вам нужно принять душ, и он должен быть одинаковым. Вы надеваете одежду, и вы делаете свою работу, и это все должно быть более или менее одинаковым. Если вы попытаетесь сделать что-нибудь новое, чтобы быть творческим, вы просто сойдете с ума.

История с луком Шивы напоминает мне другую историю, которая случилась на моих глазах, в моей деревне. Это была такая же история. В Индии к жизни Рамы возвращаются снова и снова. Равана был соперником Рамы. Он был могучим человеком. Он был приверженцем Шивы, как и отец Ситы, может быть, даже и большим. Итак возникло сильное опасение, что он может сломать лук. Ни Сита, ни ее отец не хотели этого, так как Равана был монстром с десятью головами. Сита, как и все остальные, очень боялась, что он может победить, поэтому был устроен заговор.

В тот момент, когда Равана должен был встать и подойти к луку, какой-то человек должен был вбежать и крикнуть: «Ваше королевство горит!» Королевством Раваны была Шри Ланка, и история гласит, что столица Шри Ланки была сделана из золота. Конечно, если бы его королевство горело, он должен был бы отказаться от идеи сломать лук. У него уже было много жен, и Сита его особенно не интересовала. Единственное, что его интересовало, - это стремление сломать лук. Его не интересовало, получит ли он Ситу в жены или нет. У Раваны было много прекрасных жен. Поэтому он отказался от мысли сломать лук и кинулся в Шри Ланку. Тем временем Рама сломал этот лук и женился на Сите. Это было первое представление, потом эта история продолжалась.

Вот что случилось в моей деревне, когда разыгрывали эту сцену. Человек вбежал с криком: «Равана! Твое королевство в огне», - а человек, который исполнял роль Раваны, ответил: «Ну и пусть!» Почти двадцать тысяч человек, многие из которых спали во время представления, сразу же проснулись! Вся толпа взволновалась: «Что случилось?» Равана сказал: «Пусть горит - на этот раз я собираюсь сломать лук Шивы. Каждый год одно и то же, одно и то же: “Твое королевство в

огне, а ничего не горит”». И он сломал лук. Это был всего лишь бамбуковый лук, он просто мелко изломал его, выбросил куски и сказал отцу Ситы: «Где девушка? Приведите ее!»

Это был огромный шок, но поистине оригинальный. И он объявил людям: «Теперь расходитесь по домам, потому что история закончена» - потому что это был кульминационный пункт всей истории. Рама женится на Сите, но Равана обнаруживает, что был заговор, что его королевство не горело, что это всего лишь трюк, чтобы убрать его с дороги и дать время Рама, поэтому Равана ворует Ситу, всего лишь для того, чтобы отомстить. Тогда вся история продолжается: он ворует Ситу, потом Рама сражается и отбирает Ситу...

Но он закончил всю историю. Он сказал: «Все кончено. Можете идти по домам. И с завтрашнего дня больше не будет Рама Лилы (представления в честь Рамы)».

Позднее было обнаружено, что он поспорил с человеком, который организовывал это представление. Обычно, после представления, они забирали сладости и фрукты, которые люди приносили в дар Рама. Все актеры получали эти дары, но за день до представления этому человеку досталось немного меньше, чем другим. Он рассердился и сказал: «Сегодня я хочу получить в два раза больше». Организатор праздника ответил: «Нет, ничего не поделаешь. Если я сегодня дам тебе в два раза больше, то тогда кто-нибудь еще попросит столько же». Актер сказал: «Попомни! Если что-нибудь будет не так, я не отвечаю».

Организатор праздника ответил: «А что может быть не так?» Он никогда не предполагал, что этот человек может так поступить.

Я пошел за кулисы и похвалил этого человека. Я сказал: «Вы сделали нечто оригинальное. Каждый год кому-то нужно делать что-то оригинальное». Организатор праздника сказал: «Вы его поддерживаете! Мы собираемся сдать его в полицию, потому что он все разрушил. Откуда мы должны начать эту историю завтра? Билеты уже проданы, и люди потребуют свои деньги назад, если эта история уже закончена. А это было только открытие! Мы собираемся отвести его в полицию».

Я сказал: «Нет, это неправильно - он такой оригинальный человек. Завтра найдите кого-нибудь еще на эту роль и начните с самого начала, а с него просто снимите эту роль». Но организатор праздника сказал: «Как мы можем начать сначала - ведь он сломал лук?» Я сказал: «Просто начните завтра представление. Объявите, что представление состоится, что это будет первое представление. Когда занавес поднимется, Джанака - отец Ситы - объявит: «Вчера из-за ошибки моих слуг настоящий лук Шивы остался во дворце. Лук, который был сломан, - это лук, с которым играют дети. Сегодня настоящий лук здесь, и представление начинается».

Организатор праздника сказал: «Хорошо. Это нас устроит».

Итак на следующий день представление началось. Люди смеялись, потому что на сцене был бамбуковый лук и, если бы кто-нибудь захотел его сломать, он сделал бы это. Но вчерашнего Раваны уже не было, был кто-то другой вместо него. История продолжалась, люди уснули и стали храпеть.

Но в жизни вы не можете быть оригинальными каждое мгновение. То, что можно сделать... и что случилось со мной, заключается в следующем: с того момента, когда я стал наслаждаться

тем, что являюсь самим собой, все психологические воспоминания начали рассыпаться как пыль. Ничто не становится новым, оригинальным, так как не сравнивается с прошлым. Я вижу вас: я никогда не чувствую, что вы те же самые люди, ни на одно мгновение, потому что прошло двадцать четыре часа и вы стали на двадцать четыре часа старше. Так много воды утекло в Ганге, вода в этой реке изменилась. Так много жизни протекает через вас, что вы не можете не измениться. Да, лица как будто бы те же, но не совсем.

Гаутама Будда обычно говорил: «Жизнь похожа на пламя. Вы зажигаете свечу вечером, и эта свеча горит всю ночь. Вы можете видеть, что пламя почти такое же, но это не то пламя. Пламя превращается непрерывно в дым, появляется новое пламя. Старое исчезает, а новое появляется, но исчезновение старого и появление нового происходит так быстро, что вы не можете увидеть разрыв между ними. Вот почему вы думаете, что это то же самое пламя.

Утром, когда вы задуваете свечу, не думайте, что вы задуваете ту же самую свечу, которую вы зажгли вечером. Это не так. За эти двенадцать часов пламя постоянно менялось, это поток.

Такова и жизнь - постоянно меняющаяся, движущаяся.

Ничто не бывает одинаковым. Ничто не может оставаться одинаковым в течение двух моментов, следующих друг за другом.

Однажды вы поймете это... Но это понимание должно быть первым испытанным вами в вашей жизни пламенем. Когда вы увидите, что пламя вашей собственной жизни - это непрерывный поток, непрерывность движения, континуум, тогда все вокруг вас будет всегда новым - похожим, но новым.

В тот момент, когда вы сможете почувствовать свою новизну и новизну всего, что вас окружает, исчезает скука.

Животные не скучают, идиоты не скучают, потому что они не имеют ума, чтобы понимать. Просветленные люди не скучают, потому что они могут видеть целостность своего собственного бытия - то, что это постоянная новизна, что пыль не накапливается там, что зеркало остается чистым, а все, что отражается в вашем сознании, - всегда новое.

Дерево, которое растет возле дома, утром будет уже другим. Пожалуйста, не ведите себя по отношению к этому дереву, как если бы оно было тем же самым. Появились новые листья, старые листья осыпались; вероятно, расцвели новые цветы, а старые цветы исчезли.

Изменение - это единственное постоянное явление в нашей жизни.

Нет ничего более постоянного, чем изменение.

Поэтому о чем же нам беспокоиться?

Но это не должно быть только лишь интеллектуальным пониманием - это должно возникнуть из вашего собственного опыта, из вашего ощущения, что вы - пламя. Вы действительно пламя, которое постоянно меняется. Каждую секунду в пламени появляется что-то новое, а что-то старое превращается в дым.

Как только ваше одиночество станет постоянной новизной, тогда, что бы вы ни делали, это будет творческим, оригинальным, новым. И в любом случае вы не сможете почувствовать скуку.

Я пытался почувствовать скуку по крайней мере еще один раз, чтобы посмотреть, как это было, но я должен признаться, что мне это не удалось. Я пробовал разные способы, но все такое новое - что вы можете сделать? Откуда взять что-то старое? Старого ничего нет - все новое навсегда.

Но пусть это понимание возникнет из вашего внутреннего ощущения одиночества.

Беседа 24

НЕПОГРЕШИМОСТЬ - ВСЕГО ЛИШЬ МЕЧТА ПАПЫ РИМСКОГО

22 января 1985 года

Бхагаван,

Почему Вы против христианского папы? Разве папа не безгрешен? Почему Вы снова и снова называете папу «папа-поляк»?

Я вовсе не против кого-либо во всем свете по той простой причине, что у меня нет какого-то особого интереса к чему-либо вообще и даже к своей собственной жизни.

Моя цель выполнена.

Если я умру в это мгновение, я не буду жаловаться, потому что я не оставлю ничего незавершенного.

Неприязнь возникает, когда кто-то мешает вам быть честолюбивым. Но у меня нет честолюбия. Я не хочу быть папой.

На земле будут кардиналы, которые настроены против папы римского, потому что они сами хотят стать им. А папа сам когда-то был кардиналом и, должно быть, честолюбиво мечтал стать папой. Должно быть, они молились богу о папе, сан которого надеялись получить: «Пусть этот старик скорее умрет». И он действительно умер очень скоро - он пробыл папой всего лишь десять-двенадцать месяцев.

Это то, на что стоит обратить внимание. На протяжении многих столетий папы умирали, как мухи. Кажется, что как только вы становитесь папой, все настраивается против вас. Я думаю, что это происходит из-за всех этих кардиналов, епископов, священников. Они все надеются когда-нибудь стать папой, это их единственная честолюбивая мечта. Должно быть, они все возносят молитвы к Богу: «Господи, призови этого человека к себе». И хотя нет никакого Бога, голоса такого большого количества молящихся не могут остаться не услышанными. Вы будете удивлены - без Бога - как могут молитвы быть услышаны? Нужды в Боге нет. Просто такое большое количество людей, страстно желающих вашей смерти, могут создать достаточное количество энергии, чтобы убить вас.

Поэтому, даже хотя Бога нет - у Будды нет Бога в его религии, - но он говорит своим ученикам: «После каждой молитвы никогда не забывайте делиться своей добродетелью». Это надо понять.

Он говорит: «Когда вы молитесь или медитируете, вы достигаете определенной чистоты, добродетели, сострадания, любви, духовного возвышения. Не держите это в себе, немедленно отдавайте это. Возвращайте это во вселенную, откуда это пришло к вам». Итак, самое главное в любой медитации согласно учению Будды - это: «Что бы ни дала мне моя медитация - радость, восторг, - я возвращаю это для всей вселенной ».

Бога нет, нет никакого «агентства по распределению». Но в этом нет и необходимости: достаточно вашего желания. Существование не мертво, оно живо, оно переполнено жизнью. Может быть, у него нет ушей, чтобы слышать вас, может быть, оно не понимает вашего языка, но оно обладает жизненной энергией, чтобы почувствовать вас, чтобы принять вашу глубоко прочувствованную молитву.

Мне вспомнилось одно событие. В Индии в течение тысячелетий поклонялись змее. По всей Индии были заклинатели змей, которые играли определенную мелодию на особой флейте, и змеи начинали выползать из своих нор, замороженные этой мелодией. Они танцевали перед заклинателем змей, играющим на флейте.

Когда в Индии появились британцы, они не могли поверить в это, потому что они знали - ученые открыли это, - что у змей нет ушей. Но что же теперь делать? если у них нет ушей, - а у них действительно нет ушей, такова их физиологическая особенность, - то как они слышат музыку? А они не только слышат музыку, но и танцуют в такт с ней. И ведь не одна змея, а все змеи ощущают воздействие определенных мелодий, и все они танцуют под эти мелодии. А ведь у них нет ушей!

Британцы сообщили в Англию: «Мы теперь не можем заявить, что у них нет ушей, так как они, конечно, слышат музыку. Они не только слышат ее, они ее понимают, они не только ее понимают, но и подчиняются ей». Ученым потребовалось провести много исследований, чтобы обнаружить, как это происходит, потому что у них все-таки нет ушей. Ученые были потрясены: ведь без ушей вы не можете слышать. Но это был неопровержимый факт, и он имел подтверждение по всей Индии, а не только в одном месте.

Каждый год в Индии есть месяц, когда наступает весна. В этом месяце есть день, посвященный змеям. Это самое прекрасное время: цветы, благоухание, воздух - все вибрирует, наполненное юностью, красотой, красками. Вот в такое время один день посвящают змеям. Никто не убивает змей, потому что считается, что змея почти священна. Им дают молоко, им поклоняются, для них играют мелодии, и они танцуют по всей стране. В каждой деревне вы можете обнаружить места, где размещены палатки со змеями и огромные толпы людей вокруг танцующих змей.

В конце концов ученые обнаружили, что у змей нет ушей, но вся их шкура чувствительна к звукам. У них нет специального органа для слуха, но колебания воздуха, возникающие от музыки, воздействуя на ее кожу, вызывают у нее определенные ощущения, и она начинает двигаться, танцевать. Это не слух, впрочем, я бы выразил это иначе: это способность слышать, воспринимая звуки всем телом.

Глупо говорить, что змея не слышит, потому что у нее нет ушей, как у нас. Фактически, у нас всего лишь очень маленькие уши, а уши змеи - все ее тело. Было бы более научно и логично сказать так: она слышит всем своим телом. Естественно, она слышит значительно лучше, чем вы, гораздо глубже, чем вы.

Она рискует своей жизнью, потому что выползть из норы опасно, но она не боится. Когда музыка зовет ее, в ней исчезает страх. Тогда она появляется среди толпы, танцуя. Помните, она никогда не нападает в это время, потому что не боится. Никто никогда не слышал, чтобы какая-то змея напала на кого-нибудь именно в этот день. Даже кобры, очень опасные змеи, танцуют на рыночных площадях. Они очень опасные, их гнев и страх всегда идут вместе. И если они боятся, то немедленно могут нанести удар. Но они не боятся. Они забыли весь гнев, весь страх, они забыли все. Они находятся в полузабытье, они так заколдованы музыкой, что рискуют своей жизнью.

Точно так же слышит нас и Существование. У него нет ушей, у него нет личности, у него нет глаз, у него нет рук. Вот почему я говорю, что нет Бога. Но я не говорю, что нет божественности. Фактически я отрицаю Бога, потому что я хочу, чтобы вы поняли, что такое божественность. Из-за Бога люди совершенно забыли истинное значение этого понятия. А это качество, которое наполняет все наше существование. Не ожидайте, что Бог будет иметь ваш собственный образ - что он будет иметь уши, глаза, нос, рот. Не будьте настолько глупы.

Все это Существование является живым.

И это свойство быть живым я называю божественностью: не какая-то личность, а лишь присутствие, которое переполняет нас.

Гаутама Будда прав, когда говорит: «Когда вы обретаете мир, тишину, радость - делитесь с людьми». В этом есть определенный расчет, так как чем больше вы отдаете, тем больше вы сможете получить. Люди очень скарены.

Рассказывают, что однажды некий человек пришел к Будде и сказал: «Я следую всем твоим учениям, я стараюсь исполнять все, что могу, но одно условие меня беспокоит. Не могу ли я сделать небольшое исключение?»

Будда сказал: «Расскажи мне, что это за исключение».

Он ответил: «Я могу поделиться своими радостями со всем миром, но не с моим соседом. Поэтому я прошу твоего разрешения делиться моими радостями со всеми, кроме соседа. Своего соседа я убью, если у меня будет такая возможность».

Будда сказал: «Как же ты можешь делиться своими радостями со всем миром, если ты исключаяешь своего собственного соседа? Нет, это исключение я тебе не позволю. Тебе придется включить своего соседа тоже, иначе ты не будешь отдавать действительно все. Ты не понял самого главного в моем учении».

Рассказывают об одной монахини-буддистке, у которой была золотая статуя Будды (в буддийских храмах Японии и Китая имеется множество таких статуй). Люди любили Гаутаму Будду так сильно, что в Китае на одной горе построили храм, в котором находятся десять тысяч статуй Будды. Вся гора покрыта статуями. Вся гора превратилась в храм. Десять тысяч Будд!

Так вот эта монахиня путешествовала, как это обычно делали буддийские монахи и монахини, переезжая с места на место. У нее был золотой Будда, и утром она обычно молилась Будде и сжигала благовония, молясь. Но она была очень скарена, поэтому ее очень волновало то, что

эти благовония уносил ветер и они попадали к другим статуям Будды, которые тоже находились в этом храме. Это была ее проблема - эти другие статуи Будды... Иногда благовония полностью уходили к другим статуям, не попадая к ее золотому Будде.

Монахиня была очень изобретательна. Она нашла бамбук и сделала что-то вроде деревянного горшка с отверстием для этой бамбуковой палки. Она сжигала благовония внутри этого горшка, закрывала его и приставляла другой конец бамбуковой палки к носу золотого Будды. Бедный человеческий ум! Она была очень счастлива, потому что теперь все благовония попадали прямо к ее Будде. Что касается тех остальных статуй, то кто же знает, кто их сделал? Она думала: «В конце концов, они ведь не мои». Ее изобретательность привела к определенным затруднениям: вскоре лицо ее Будды почернело. Она была очень озадачена. Она пошла к главному монаху монастыря, в котором она находилась, чтобы узнать, что делать.

Монах не мог поверить в это. Он спросил: «Что ты сделала со своим золотым Буддой. Такая прекрасная статуя! А ты испортила лицо. Что ты сделала?»

Она сказала: «Я должна рассказать вам все. Вот как это случилось. Я направила дым прямо к его носу, и поэтому его лицо почернело».

Настоятель монастыря, должно быть, был мудрым, понимающим человеком. Он сказал: «Это должно было случиться. Когда ты начинаешь владеть даже Буддой, чем же еще ты можешь владеть? Считается, что монахиня не должна владеть чем-либо, а ты не смогла даже освободить своего Будду. Ты не смогла даже понять, что статуи на горе - это статуи того же самого Будды, поэтому, куда бы ни попали благовония, они попали бы к Будде. И ничего страшного, даже если бы эти благовония не дошли до статуй, даже если бы они попали всего лишь на камни, которые можно считать как бы скрытыми Буддами, потому что когда-нибудь какой-нибудь скульптор придет и выберет несколько необходимых камней из горы, и Будда, который прятался в этом камне, вновь появится. Даже если бы твои благовония попали на какой-нибудь камень не из этой горы, то и тогда они бы достигли спрятанного Будды. Поэтому не беспокойся: куда бы благовония ни направлялись, они направляются к нему. Ведь почернело не лицо твоего Будды, а почернело твое лицо».

У Будды нет Бога, но он хочет, чтобы вы поделились своими радостями немедленно. Не цепляйтесь за них даже на короткое мгновение. Ваша радость дойдет, она будет вибрировать в Существовании. Следовательно, каждый отдельный человек, который становится просветленным, воспринимает всю вселенную несколько более возвышенно, чем прежде. Это единственный вклад, который вы можете сделать.

Все, что вы делаете, что вносите в эту жизнь, - хорошие картины, хорошие скульптуры, поэзию, — не являются настоящими вкладами, так как они не помогают сознанию человека подняться выше, а это единственное богатство в существовании. Но один человек, став просветленным, может ничего не делать - он может не создавать скульптур, он может не рисовать картин, он может не быть поэтом или певцом - все это не имеет значения: он уже внес свой вклад. Самый большой подарок, который он сделал для мира и о котором никто даже не знает, заключается в том, что он поднял вас выше, чем вы были.

Вся эволюция сознания зависит всего лишь от нескольких человек, а все остальные только пользуются благоденствиями. Они ничего не сделали для того, чтобы стать тем, что они есть,

чтобы попасть туда, где они находятся.

Что вы сделали для того, чтобы стать сознательным человеком? Я не думаю, что вы можете вспомнить, что вы сделали что-нибудь, чтобы стать сознательным человеком, но вы все-таки стали им. Конечно, ваше сознание очень мало, оно преходяще - вы можете потерять сознание мгновенно. Кто-то бьет вас по лицу, оскорбляет вас, и вы теряете сознание. Тогда, что бы вы ни сделали, вы делаете это без сознания. Позже, когда сознание к вам возвращается и вы остываете, вы можете раскаиваться, сожалеть. Вы можете почувствовать, что то, что вы делали, было неправильным. Кто сделал это?

Многие убийцы в судах всего мира клянутся, что они не совершали убийства, но их не слушают ни суд, ни присяжные. Но я говорю вам, что почти девяносто девять процентов из них говорят правду - они действительно не совершали этого убийства. Когда они его совершали, их сознание абсолютно отсутствовало. За то, что человек совершает в бессознательном состоянии, он не может нести ответственности, когда он в сознании. Если человек абсолютно пьяный убивает кого-нибудь, тогда суд принимает решение, что он не должен нести ответственности за это, так как он был пьян, он был не в своем уме.

Но что такое гнев? Это еще более отравляющее средство, чем алкоголь. Что такое ревность? Что такое ненависть? Это все гораздо более сильные наркотики. Вас легко можно вывести из наркотического опьянения. Любое медицинское учреждение, занимающееся анонимным лечением алкоголизма, может помочь вам. Но никакое медицинское учреждение не сможет помочь вам, если вы одурманены ревностью, гневом, ненавистью, честолюбием, яростью. Но всего лишь очень небольшое количество людей, просветленных людей, просто поднимают вас вверх. Они отдали себя людям. Они ничего не накапливают - они не могут.

Точно так же может происходить и обратное - неудачи, превратности судьбы.

По поводу пап, которые умирают так быстро, я думаю, что огромное количество кардиналов, епископов, монахов, католических священников, которых в целом насчитывается много тысяч или даже почти миллион во всем мире и которые Непрерывно возносят молитвы, конечно же Богу, которого не существует... Но сама эта молитва - это желание, амбициозное желание стать папой - достаточно сильны, чтобы убить этого бедного человека. Вот почему папа умирает, побыв в этом сане год, два или три.

Менее всего меня волнует этот папа - он не стоит на моем пути. Я никуда не иду, поэтому на моем пути никого не может быть. Я просто сижу в своей комнате, и у папы нет возможности перейти мне дорогу.

Да, американское правительство до сих пор считает меня туристом. Это странно. Человек, который сидит в своей комнате вот уже четыре года, - турист! По сравнению со мной все янки - туристы. А я хожу в ванную, в бассейн, я прихожу в эту комнату для встреч. То есть, если это считать туризмом, то тогда, конечно, я - турист. Я не постоянный житель в Америке, это так очевидно, ведь я езжу так много: целый день все езжу и езжу. Я могу понять их точку зрения, я могу понять, почему они считают меня туристом после четырех лет моего сидения на стуле.

Вы спрашиваете меня, почему я против папы? Я не против него, но вам может показаться, что я против. Причина заключается в том, что я просто устанавливаю то, что является фактом, без

неприятности, без желания навредить кому-либо. Но если факт, что кто-то страдает, то тогда ответственность ложится не на меня, а на этот факт. Я не могу лгать, что я никому не причиняю неприятностей.

Я постоянно критикую папу по той простой причине, что такие люди являются самыми большими мошенниками на земле. Их Бог - обманщик, их мессия - обманщик, а они являются представителями этих двух обманщиков. Они представляют кого-то, кто не существует вообще. Они представляют Иисуса Христа, который умственно болен. Что же я могу поделать, если кто-то умственно болен? Как бы вежливо не сказали вы это, даже если вы скажете это очень сладко, например, «дорогой, ты умственно болен», - факт останется фактом.

Великим днем в совершенствовании человека будет день, когда этих людей начнут воспринимать такими, какие они есть на самом деле, и соответственно к ним относиться.

Вы спрашиваете меня: «Разве папа не безгрешен?» Даже сама идея о безгрешности является идиотской. Никто никогда не был безгрешным, даже просветленные не являются безгрешными. Конечно, если просветленный человек впадает в грех, то он «падает» просветленно, а это совсем другое, но он не безгрешен.

А если он просветленный, то он признает этот факт, потому что кто же может знать более ясно, чем он, что Существование настолько непостижимо, настолько огромно — оно не имеет ни начала, ни конца, оно безгранично! Сказать, что вы безгрешны, — не означает ли это, что вы поняли всю непостижимость Существования, что вы открыли его тайну? Я думаю, что вы не сможете ответить на этот вопрос, так ведь? И все ваши ответы будут исключительно практическими, правда?

Просветленный человек знает, что в его собственном существе теперь нет темноты. Вот почему он и называется просветленным.

Он полон света, он полон блаженства. Все страдания исчезли.

Он нашел то, что ищут все, сознательно или бессознательно.

Он прибыл.

Ощущение прибытия, ощущение того, что теперь некуда идти... это такое удовлетворение.

Но это не имеет ничего общего с безгрешностью.

Будда совершал ошибки; Махавира совершал: ошибки; а я сижу перед вами, приехав в Орегон, - не думаете ли вы, что я не совершил ошибку? Я являюсь достаточным доказательством того, что просветленность не означает, что вы безгрешны. Вы можете попасть на большое грязное ранчо. Выбраться оттуда очень трудно. Чем больше вы будете стараться выбраться из него, тем больше вы будете погружаться в эту грязь.

Так понятно, что мне не нужно рассказывать, какие ошибки совершил Будда, какие ошибки совершил Махавира. Я тоже совершал ошибки, я продолжаю их совершать, но это не угрожает моей просветленности. Это не имеет к ней никакого отношения.

Я стараюсь наилучшим образом использовать мои ошибки. Вот что мы делаем на этом большом грязном ранчо - стараемся! Вот почему я говорю — стараемся просветленным способом сделать что-то хорошее из этого. Если мы попали в это, то это наша ошибка, но для большого грязного ранчо это везение, поэтому давайте сделаем все, что можем. И мы стараемся очень усердно сделать это.

Но все эти люди постоянно говорят о безгрешности. В каком-то смысле я похож на треснутый сосуд. Я не должен был бы говорить такие вещи, - что я совершаю ошибки. Это не согласуется с моей профессией, это направлено против нее. Вот почему представители моей профессии ненавидят меня. Они говорят: «Ты не должен говорить такого. Даже если ты понял, что ты сделал ошибку, попытайся скрыть ее. Попытайся сделать так, как если бы это и не было ошибкой».

Вот что они и делают много лет подряд. Но я не могу. Я просто беспомощен: я не могу обманывать, а они все время делают это. Махавира всегда говорил о том, что он всеведущ, всемогущ, вездесущ. Теперь оказывается, что это полнейшая чепуха. Он не имел представления даже о том, что когда он умрет, его последователи немедленно разделятся на две секты; иначе, он бы каким-то образом подготовился, или, по крайней мере, он сказал бы им: «Имейте в виду, это может случиться. Не дайте этому произойти».

Он не представлял, что это может произойти. А это было так очевидно, что даже непросветленный человек, который имел хоть капельку ума, мог видеть, что это началось еще при жизни Махавиры. Я должен буду объяснить вам это.

Махавира - двадцать четвертый мессия джайнов. За двести пятьдесят лет до него был двадцать третий мессия. Между ними прошло всего лишь двести пятьдесят лет. Двадцать третьего мессию звали Паршванатх. Он обычно носил белые одежды и его последователи тоже носили белые одежды.

В то время, когда Махавира объявил себя двадцать четвертым мессией, было еще семь других претендентов, которые тоже объявили себя мессиями. Гаутама Будда тоже принимал участие вначале, так как джайнизм был тогда признан государством, а если вы сможете заполучить такое... Он существовал уже десять тысяч лет, он пустил корни глубоко в почву. Он имел огромную силу - корни, деньги, людей. Будда не решался начинать новое дело с нуля. Сначала он пытался соперничать с Махавирой. Если бы он был признан двадцать четвертым тиртханкарой, то тогда все было бы значительно удобнее и легче.

Это простая, чистая экономика. Сравните с открытием нового магазина без прошлого, без кредитов... Откуда взять покупателей? Они все уже распределены, у них уже есть магазины, которые они выбрали. Кто же пойдет к вам?

Итак, семеро претендентов приблизительно одного и того же уровня упорно боролись, но Махавира был поистине крепким орешком - его было невозможно победить ни в каком соревновании, особенно, если речь шла об аскетизме. Я не думаю, что среди его современников, до него или после, был кто-нибудь, кто смог бы с ним состязаться.

Он легко постился месяц или два. В течение двенадцатилетнего периода духовной садханы он, как говорят, ел всего лишь один год. Один год из двенадцати! То есть не то чтобы он один год

полностью ел пищу, а потом одиннадцать лет постился, нет: он три месяца постился, затем несколько дней ел, четыре месяца постился, несколько дней ел, один месяц постился, один день ел. В среднем на двенадцать дней приходился один День, когда он ел, а одиннадцать дней, когда он не ел. Так вот, ни один из семи претендентов не мог сделать этого.

И Махавира жил обнаженным. Никто из семи претендентов тоже не мог этого сделать. У него было прекрасное тело. Только человек с таким прекрасным телом мог позволить себе ходить обнаженным. Одежда во многом вам помогает. Она защищает вас не только от непогоды, она делает для вас многое другое. Она прикрывает ваше тело. Она дает возможность людям видеть только ваше лицо, поэтому о вашей красоте или уродстве судят только по вашему лицу, - а ваше лицо всего лишь маленькая часть вашего тела. Тело же имеет собственную красоту, собственные пропорции, собственное излучение.

Махавира, конечно, имел тело, которое вы бы могли демонстрировать, которое стоило этого, — крепкое, как будто бы высеченное из мраморной скалы. Он победил всех семерых претендентов, и община джайнов признала его двадцать четвертым тиртханкарой. Но двадцать третий тиртханкара и его ученики, а также вся община джайнов находились под его влиянием, хотя Махавира был первым тиртханкарой среди двадцати четырех, кто жил обнаженным.

Вот как люди продолжают искажать историю. Странно: даже религиозные люди делают то же самое, что делал в России Сталин. Когда он пришел к власти, он изменил всю историю революции. Портреты Троцкого исчезли отовсюду так же, как исчезли имена всех важных людей, которые были лидерами революции - имена Троцкого, Каменева, Зиновьева. Сталин не был важной личностью в революции, он не был лидером или организатором, он не обладал качествами оратора.

Троцкий был одним из самых величайших ораторов. Ленин был великим организатором, но не был великим оратором. Но Ленин и Троцкий дополняли друг друга: Ленин организовывал революцию, а Троцкий воодушевлял, возбуждал, зажигал людей. Он действительно знал, как можно зажечь людей словами. Естественно, на всех картинах он всегда рядом с Лениным; он был вторым человеком в революции. После Ленина он должен был стать во главе государства.

Сталин был только партийным секретарем. Он работал в кабинете, работал с документами. Никто не знал его в народе, и у него не было качеств, чтобы стать известным в народе. Он не мог обратиться к народу с трибуны, он не мог написать какого-либо впечатляющего документа, памфлета, книги. Он был бюрократом. Сидя в своем кабинете в качестве секретаря Коммунистической партии, он мог издавать приказы, переставлять или не переставлять кадры, но работа его протекала за стенами -никто не знал его.

После революции он изменил всю историю. Все те имена, которые были важными, были немедленно уничтожены. Книги были сожжены, была написана новая история, по которой Сталин был вторым человеком после Ленина. Фотографы получили задание сделать все возможное, чтобы заменить фотографии Троцкого на фотографии Сталина. На групповых фотографиях Троцкий исчез, а Сталин появился в результате стараний фотографов.

В течение сорока лет Сталин стоял у власти. Конечно, единственно, чего он хотел — это попасть в историю. Можно согласиться, что это делают политики, но именно это всегда происходит и в религии.

Махавира был обнажен, поэтому последователи Махавиры, в конце концов, сделали и остальных тиртханкар тоже обнаженными, ведь их теперь нет в живых и они не могут сказать в знак протеста: «Что вы делаете?» В храмах джайнов вы найдете двадцать четыре обнаженных статуи. Это все копии Махавиры, они выглядят точно так же, как Махавира. Но люди, которые знали Паршванатха и были его последователями, - а он был человеком такой харизматической силы, что даже после двухсот пятидесяти лет он был в определенном смысле живой... - что из-за обнаженности Махавиры джайны разделились на две партии, еще когда Махавира был жив.

Люди, которые были посвящены Махавирой, стали жить обнаженными, а люди, которые традиционно следовали джайнизму, но признали Махавиру двадцать четвертым тиртханка-рой, оставались в белоснежных одеждах, их монахи оставались в таких одеждах. Было понятно, что после Махавиры между теми, кто носил белоснежные одежды - их называют шветам-бара, что означает — человек, одетый в белое, - и теми, кто жил обнаженным, возникнут трения. Тех, кто живет обнаженным, называют словом дигамбара, что означает - люди, для которых единственной одеждой является небо: никакой другой одежды между небом и телом. Таково значение слова дигамбара. Слово «диг» означает небо, небо является единственной одеждой для них, ничего, кроме неба.

На протяжении всей жизни Махавиры было ясно, что традиционные джайны носили белоснежные одежды, что его последователи жили обнаженными, что скоро между ними будет борьба. Они продолжали спорить: последователи Махавиры говорили: «Если вы последователи Махавиры, вы должны сбросить одежду». Но шветамбара говорили: «Мы последователи двадцати трех тиртханкар, которые носили белоснежные одежды. Мы приняли Махавиру не вследствие его обнаженности, а несмотря на его обнаженность, потому что он оказался гораздо более твердым, целостным и целеустремленным, чем все остальные претенденты. Никто из них даже не приблизился к нему, все они остались далеко позади».

Теперь любой человек, который обладает даже небольшим умом, понимал, что после Махавиры эти люди начнут перерезать друг другу горло, и именно это и происходит двадцать пять столетий.

Я посетил место недалеко от Индоры, куда я часто езжу. Со мной было много моих последователей. Местечко Дэвас очень маленькое, оно находится на пути из Бхопала в Индору, по которому я обычно езжу. Там находится великолепный храм джайнов. Но, к несчастью, вот уже двадцать лет как он закрыт на три замка: один замок поставили дигамбара, другой шветамбара, третий замок поставило правительство. Вот уже двадцать лет дело слушается в Верховном Суде - кому принадлежит этот храм?

Если вы будете рассматривать эти мелочи, вы сможете понять, какого рода глупые люди объявлялись религиозными. Этот храм был в городе единственным, поэтому обе общины ходили туда на богослужение, но они не могли молиться вместе. Когда молились шветамбара, они надевали белые одежды на статуи Махавиры. Конечно же, дигамбара не могли молиться ему, если на нем была одежда — они немедленно сбрасывали ее. И никто не спрашивал Махавиру, чего же хочет он. Вероятно, были бы возможны какие-то переговоры: они могли бы согласиться, чтобы на нем было какое-нибудь нижнее белье; то есть они могли бы найти половинчатое решение. Зачем же волноваться? А он не собирается возражать - он всего лишь камень, - так что давайте наденем какое-нибудь белье, и тогда все сможем молиться вместе.

Но это не единственная проблема. Дигамбара поклоняются статуе Махавиры с закрытыми глазами, что даже еще более неудобно. А шветамбара молятся статуе Махавиры с открытыми или полуоткрытыми глазами. Теперь не существует возможности определить, медитировал ли Махавира с закрытыми глазами или полузакрытыми глазами - так как и тот и другой методы правильные, но на статуе Махавиры в храме глаза закрыты, потому что этот храм строили дигамбара. Поэтому шветамбара делали вот что — у них были искусственные глаза, полузакрытые, и они прикрепляли эти глаза на статую. Прекрасная мысль! После богослужения они снимали глаза и одежду со статуи.

Но иногда случалось, что шветамбара приходили в храм, и они приклеивали на статую эти искусственные глаза, когда дигамбара еще молились. Сразу же начиналась драка. В конце концов, правительство приняло решение: «Разделить время богослужений: до двенадцати дня - дигамбара, а после двенадцати дня — шветамбара, иначе будет трудно. А что может решить суд? Решать надо вашим людям. Или имейте две статуи, или имейте два храма; но постоянно драться, спорить, бить друг друга - это нехорошо». Но даже эта идея не работала.

И вы знаете, что если вы будете проверять чьи-то часы, то вы обнаружите, что чьи-то часы отстают на пять минут, чьи-то спешат на пять минут, а когда люди хотят драться... Шветам-бара еще молятся, а дигамбара уже входят: «Убирайтесь, уже двенадцать!» Но на часах шветамбара до двенадцати остается еще пять минут. Дигамбара говорят: «Но на наших часах уже двенадцать.» А когда вы склонны к драке, то тогда чьи же часы правильные?

Наконец, суд принимает решение о том, что храм нужно закрыть на ключ так, чтобы в городе больше не было нарушений общественного порядка - вот почему суд закрыл храм. Но эти последователи не могут отстать - кто такой этот суд, чтобы закрывать их храм? Вот почему шветамбара ставят свой замок больших размеров, чем замок, поставленный представителями суда, а дигамбара ставят свой замок, больший, чем замок шветамбара. Теперь на этом храме три замка - Махавира заключен в тюрьму на целых двадцать лет!

Я спросил этих людей однажды, когда я проезжал мимо и остановился возле храма, и спросил я одного джайна, которого я знал: «Что вы делаете с Махавирой? Разве такое отношение религиозно?»

Но он ответил: «Что бы ни случилось, мы никому не позволим портить настоящий образ Махавиры: он обнажен и у него закрытые глаза». А когда он разговаривал со мной, к нам сразу же подошел еще один человек и спросил: «Что ты сказал?» Он был шветамбара, и он сказал: «Махавира имеет белые одежды и открытые глаза».

Махавира видел, что это происходит уже прямо перед ним, - и он думает, говорит, что он всеведущ, вездесущ и всемогущ: все качества Бога. Так как в джайнизме Бога не существует, конечно, все бремя этих качеств падает на тиртханкару, так как он заменяет Бога. Он принимает одежды Бога и роль Бога на себя.

Будда шутит по поводу Махавиры: «Он просит милостыню у дома, где никто не живет уже много лет, - а он всеведущ, он все знает! Когда джайны говорят «всеведущ», они подразумевают и настоящее, и прошедшее, и будущее - всевременность. Что бы ни случилось, ни случается и ни будет случаться - он знает. Но он не знает, что этот дом пуст, что никого там нет; а он стоит перед этим домом с протянутой рукой, ожидая, что кто-нибудь подойдет к нему».

Монахам-джайнам не разрешается задавать вопросы - это ниже их достоинства. Эгоизм проявляет себя так по-разному: «ниже их достоинства». Они не будут просить. Вы должны просить их: «Не будете ли так добры принять нашу пищу?»

Махавира стоит перед домом, где нет никого, поэтому он не может ничего знать даже о настоящем, о сиюминутном настоящем, не говоря уже о прошлом и будущем. Но это было проблемой для последователей Будды - дискутировать с джай-нами, так как их Будда не был ни вездесущим, ни всемогущим, ни всезнающим; поэтому джайны обычно говорили: «Какого рода Учителя вы имеете?» Итак, они изобрели новую идею, и Будда изобрел новую идею.

Но никто не принимает простой истины. У Махавиры не было смелости - хотя его называют великим борцом; слово Махавира означает - великий воин, великий борец. Как бы ни был велик воин, он не имеет достаточно смелости, чтобы просто сказать: «Я не обладаю всеми этими качествами. Я просветленный; это одно. Я знаю себя; это другое. Я завершен; это одно. Какое это все имеет отношение к тому, чтобы называться всемогущим, всеведущим, вездесущим?» Нет, он не мог ухитриться сделать это, потому что двадцать три его предшественника говорили об этих трех качествах. Если бы он не говорил о них, то он бы не стал двадцать четвертым и тогда он сразу же упал бы в глазах джайнов.

У Будды также не было смелости. Он шутил в адрес Махавиры, но он придумал новую идею. Он сказал: «Просветленному человеку необязательно всегда быть всезнающим, всемогущим, вездесущим; но если он захочет, он может направить свой свет в любое направление: это как светильник. Если он направляет его в будущее, тогда он знает все будущее. Он не является всемогущим двадцать четыре часа в сутки, но если он хочет узнать будущее, то он может это сделать; если он хочет узнать прошлое, он должен повернуть свой светильник в прошлое».

И опять это не так. Будда совершил так много ошибок, что я не думаю, что у него был такой светильник. Конечно, вы не можете спорить о прошлом - нет никаких записей, с которыми можно было бы сравнить то, что он говорит. Но то, что он говорил о будущем, не оправдалось.

Будда считал, что Индия станет полностью буддийской страной. И никто не мог видеть в то время, когда Будда жил, что его влияние распространяется так сильно — индуизма никто никогда не боялся так, как боялись Будду. Они не боялись Махавиру. Махавира победил Будду в определенном соревновании, но результаты этого соревнования оценивали джайны. А джайны являются аскетами, мазохистами: чем больше вы себя мучаете, тем вы более духовны. Никто не мог мучить себя так сильно, как это мог делать Махавира.

Махавира обычно медитировал стоя — сидеть было слишком удобно. Если бы он увидел мое кресло... Я ведь направляюсь прямо в ад! Он обычно сидел обнаженным на голой земле или на камне, потому что он не мог пользоваться ни ковриком, ни матрасом - даже это было бы слишком комфортабельно. Вот почему он медитировал обычно стоя с закрытыми глазами. Я чувствовал, что дигамбара правы; они правы по поводу его обнаженности, и они правы по поводу его закрытых глаз, так как не было найдено ни одной статуи периода Махавиры с полузакрытыми глазами — это является достаточным доказательством. И статуи обнажены. Это такой исторический факт, о котором сообщают все религии Индии, что шветамбара не могут отрицать его.

Итак, то, что они говорят, - это как хитрость, политика, вообще все представляется во имя

религии - они говорят, что его ниспослали боги... Но помните, что нет Бога, а боги есть; это абсолютно другая категория. Существуют боги - это нечто близкое к тому, что вы называете по христианской теории ангелами. Их много, небеса заполнены богами, а ад заполнен

дьяволами. Просветленный человек попадает в третий мир: не на небеса, а выше, в мир, который называется словом мокша -откуда никто не возвращается обратно. Но боги могут возвращаться; они всего лишь пользуются своим банковским счетом до тех пор, пока он длится. Они были добродетельны в своей жизни, они совершали добрые дела и поступки, поэтому они возродились в небесах как боги.

Небеса являются чем-то вроде места для праздничного отдыха. Когда у вас всего достаточно, вы можете взять отпуск на пару месяцев и отправиться на курорт в Швейцарию или куда-нибудь еще и наслаждаться и расслабляться. Небеса - это религиозный курорт. Люди, которые рождаются на небесах, называются богами. Они ниже тиртханкар, они ниже просветленных. Махавира и Будда оба признавали богов. Будда говорил: «Вся Индия собирается стать частью моей дхаммы, моей религии». Но этого не произошло, как раз наоборот: в Индии вообще нет буддистов: Буддисты во всей Азии - о ней Будда даже не упоминал. По крайней мере, он должен был бы упомянуть Китай, страну большую, чем Индия, и Японию, которая довела буддизм до совершенства. Но он не имел об этом ни малейшего представления. Где же был его светильник? Время от времени ему следовало бы пользоваться этим светильником и смотреть вокруг: он бы тогда обнаружил, что буддийской страной должен стать Тибет, что почти вся эта страна должна будет превратиться в монастырь.

Сейчас в Тибете существует традиция, чтобы каждая семья отдавала в монастырь по крайней мере одного сына. Наиболее вероятно, что отдают в монастырь старшего сына, чтобы он стал монахом. Поэтому каждая семья имеет своего монаха в монастыре, и поэтому каждая семья очень хочет, чтобы когда-нибудь, когда они будут старыми и бесполезными для мира, они попали бы в монастырь. Вся страна Тибет - это большой монастырь, изолированный от всего мира.

Будда никогда не поворачивал свой светильник на Тибет. Он никогда не поворачивал свой светильник на Японию, где расцвел дзэн-буддизм, где буддизм по-настоящему созрел, где идеи Будды все время в течение многих столетий обновляются так, что сейчас дзэн-буддизм является чистым благоуханием. Но Будда не имел представления о Японии.

Все, о чем говорил Будда, - это Индия. И я подозреваю, что под словом Индия он подразумевал только Бихар, так как он никуда больше не ездил. Государство, из которого пришел

Майтрея, называется Бихар; слово бихар означает турне, турист. Будда ездил только в этом районе - вот почему его называли Бихар. Бихар означает район поездок Будды. Я не думаю, что он имел какое-нибудь представление об остальной Индии. Должно быть, он думал только о Бихаре - это была та Индия, которую он знал.

Но все, что он говорил, оказалось неверным. Он думал, что он создает вегетарианскую религию, но все буддисты - не вегетарианцы. Странно: все последователи Будды — мясоеды. Всю свою жизнь Будда учил людей отказываться от мясной пищи в пользу вегетарианской, потому что она неодушевленная, грубая, растительная, и она не опустит ваше сознание на более низкий уровень, она сделает вас достаточно легким, чтобы улететь к более высокому состоянию сознания. Но все

буддисты мясоеды по той простой причине, что корни буддизма в Индии, а монахи-буддисты - выходцы из всей Азии, а вся Азия не вегетарианская.

Буддисты были в затруднении. Они не могли убедить людей отказаться от мясной пищи и питаться только овощами. Они не имели влияния или харизмы Будды, поэтому совершилось обратное: вместо того, чтобы превратить Китай в вегетарианскую страну, монахи стали мясоедами, потому что они не могли найти пищи. Будда говорит: «Никогда не просите пищи в доме мясоедов», но там не было домов вегетарианцев. Где же им было добывать пищу? И они не были готовы к смерти. Почему бы им не спастись и не попытаться перевалить через Гималаи?

В те дни... и даже сегодня, переход через Гималаи пешком - сверхтрудная задача; две тысячи лет тому назад это было почти невозможно, но им приходилось выбирать между жизнью и смертью. По крайней мере, у них был шанс - они могли бы перевалить через Гималаи, и многим это удалось. Многие умерли по пути, но многим удалось добраться до Тибета, многим удалось добраться до Китая, но им пришлось пойти и на компромисс. Ради жизни им пришлось спастись; теперь ради жизни им пришлось идти на компромисс. Они не говорили о вегетарианской пище, они просто полностью отказались от этой идеи, потому что это могло бы создать определенные проблемы. Все буддисты сейчас мясоеды. Неужели Будда не мог повернуть свой светильник и посмотреть? Но нет такого светильника.

Я говорил вам, никто не говорит плохо о своей профессии, но я просто эксцентричен. Я не против папы, я просто за правду, за факт. Если это направлено против кого-либо, меня это не очень волнует.

Вы спрашиваете меня, разве папа не безгрешен? Одно ясно: за исключением этого папы, ни один другой папа не был безгрешным; на протяжении многих столетий все папы были грешными. Но, может быть, этот папа мог бы быть безгрешным, так как идея о безгрешности возможна только для ума идиота. Только идиот может заявить: «Я безгрешен», так что об этом папе я не могу ничего сказать. Он, должно быть, на самом деле думает, что он безгрешен — он принадлежит к такой категории людей. Теперь вы будете думать, что я против него. Я не против, я даже поддерживаю его. Я говорю, что он может быть безгрешным, потому что и идиоты бывают безгрешными.

Вы спрашиваете меня: «Почему я продолжаю называть его снова и снова «папа-поляк». Чего вы хотите? Я должен называть его «папа-орегонец?» Это слишком. Я благородный человек, но не так благороден. Он - поляк - что я могу с этим сделать? Фактически, все поляки безгрешны, так что ничего особого относительно этого папы нет — все поляки. В Польше полно безгрешных людей.

Это напоминает мне одну историю... Я ее очень люблю. В небольшой школе на уроке по изучению Библии учитель, который был также священником, рассказывал детям о великой догме христианства — о догме троицы: о Боге-отце, о Святом Духе и о Иисусе Христе - сыне божьем. И вот он сказал своим ученикам: «Вы поняли идею, а теперь нарисуйте картину согласно своему воображению - как вы их представляете».

Итак, все студенты начали рисовать картины. Все картины были странными, они должны были быть странными, потому что как можно нарисовать Святого Духа? Да, они слышали о Боге-отце, о том, что у него длинная борода, поэтому они изобразили его просто как голову с бородой.

Святого Духа кто-то нарисовал, как зигзаг, другие - как смерч. А об Иисусе Христе они знали, что он был хорошим парнем, поэтому они пытались нарисовать красивую картину.

Только с одним маленьким мальчиком возникла проблема. Учитель взглянул на его картину — он действительно нарисовал прекрасную картину. Он нарисовал самолет с четырьмя окнами. Из одного окна выглядывал Бог-отец, из другого окна - Святой Дух, из третьего - Иисус Христос. Учитель сказал: «Это хорошо, но кто же четвертый?» - так как в четвертом окне тоже было чье-то лицо.

Маленький мальчик ответил: «Понтий, пилот... Иначе, те трое разобьются».

Мне нравится это. Не Понтий Пилат, а Понтий-пилот -подходит намного лучше. И у мальчика действительно было богатое воображение.

У вас нет даже такого воображения, когда я говорю «Папа-поляк»... Я настаиваю на том, чтобы называть его так, потому что я хочу, чтобы вы постоянно помнили, что это впервые настоящий человек стал папой. До сих пор этот пост получали только не те люди. Впервые за всю историю правильный человек получил этот пост. Вот почему он не собирается умереть так скоро. Он не умирает - он уже прошел средний предел. Пусть все эти идиоты во всем мире молятся за его смерть - он не собирается умирать, ведь он поляк. Он становится Здоровее, чем был раньше, он делает большую работу.

Нет, я не против него. Я вообще не против кого-либо. Я не могу быть против. Даже если я захочу быть против кого-нибудь, я не смогу. Когда я впервые прочитал завет Иисуса «возлюби врага своего», я был потрясен, потому что, если бы Иисус был действительно просветленным, он не мог бы иметь врагов, так кого вы собираетесь возлюбить? А чтобы любить своих врагов, главное требование - сначала надо создать себе врагов, а уж потом возлюбить их. Вот такое ненужное беспокойство. Зачем же создавать врагов?

Сначала создание ужасного беспокойства, а потом любовь - это еще более ужасно. Так трудно любить даже друзей. Любовь - это такое грязное и непристойное дело, что, вероятно, только итальянцы могут это делать, больше никто. «Возлюби врага своего»... Я поразился, сначала мне надо было бы создать врагов, а потом полюбить их.

Затем я прочитал другой завет: «Возлюби соседа своего». Это тоже очень трудно, так как у меня нет соседей. Люди могут сидеть рядом со мной, даже касаться меня, но никто из них не будет моим соседом. Только такой же просветленный может стать моим соседом, потому что между нами не будет стены, забора, нас ничто не будет разделять. Мне очень трудно найти соседа, и даже если мне удастся найти его, нужды любить его у меня не будет. Он будет переполнен любовью, он не будет нуждаться в любви.

Два просветленных человека встречаются очень редко. За всю историю сообщалось только об одном случае, и это была встреча Кабира и Фариды. Других примеров я не встречал, а если я не встречал их, то и никто, конечно, не сможет их встретить, так как я тщательно исследовал все возможные углы и закоулки.

Кабир был старым. Он приехал в Магахар из Варанаси. Фарид был в паломничестве, и ашрам Кабира находился как раз на его пути. Ученики Фариды спросили его: «Для нас было бы

большой радостью, если бы вы встретились, сели бы вместе и поговорили о чем-нибудь. Для нас было бы огромным удовольствием слушать вас, двух просветленных людей».

Ученики Кабира сказали: «Мы слышали, что Фарид будет в наших краях со своими учениками. Мы должны пригласить его сюда. Плохо, если он будет идти мимо нас по дороге, а мы не пригласим его. Для нас, бедных людей, это будет хорошей возможностью увидеть вас вместе - два пламени. И даже если вы поговорите совсем немного, для нас это будет огромной радостью».

Кабир сказал: «Если вы так говорите - то пригласите его».

Фарид сказал: «Если вы так говорите, то мы пойдем».

Фарид отправился к ашраму, но Кабир вышел ему навстречу, и они встретились на дороге. Они обнялись и громко засмеялись. Ученики были немного шокированы: они не ожидали, что Кабир и Фарид будут так громко смеяться. Они никогда раньше не слышали, чтобы Кабир смеялся так громко, они никогда не слышали, чтобы Фарид смеялся так громко - почти как сумасшедшие. Ученики Кабира и Фариды переглядывались в изумлении. Что происходит?

Держась за руки, Кабир и Фарид вошли в ашрам. Они сели рядом, и два дня они оставались там. Не было произнесено ни одного слова. Да, время от времени они посмеивались. А спустя два дня Кабир прошел полдороги, чтобы проводить Фариду. Они вновь обняли друг друга, громко рассмеялись и расстались, не произнеся ни единого слова, даже «до свидания».

В течение двух дней ученики просто кипели, ожидая, когда эти дни закончатся, потому что начинать спорить с собственным Учителем, перед другим Учителем, спрашивать его: «Что ты делаешь?» - казалось не очень хорошо. Поэтому они ждали. Но когда Кабир и Фарид расстались, ученики вцепились в своих Учителей и стали задавать им вопросы: «Что случилось? Почему вы ничего не говорили?» Ученик Фариды сказал: «Когда Кабира не было, вы не переставали выливать на наши головы странные слова, странные мысли. Мы могли понимать, могли не понимать, вас это не волновало, вы шли дальше. Большая часть времени, когда вы с нами говорили, пролетает над нашими головами. Когда появился человек, равный вам, почему вы молчали».

Они оба ответили одно и то же своим ученикам: «Кто бы ни говорил, он доказал бы, что он еще не просветленный, потому что, что же еще говорить? Речь возможна в трех случаях. Два невежественных человека могут иметь действительно большой разговор; иначе такой большой разговор не может иметь места. Чем невежественнее оба человека, тем огромнее их разговор, тем содержательнее».

Вторая возможность - это, когда один просветленный, а второй - нет. Тогда может быть какой-то разговор, но в основном это будет монолог.

Просветленный человек будет говорить, а непросветленный в большинстве случаев может задавать вопросы. Но это не разговор в истинном смысле этого слова. Что может принести в разговор непросветленный человек? Все, что он может сделать, это задать вопрос - вот его вклад. Ответ предполагается получить от просветленного человека.

Третий случай таков - два просветленных человека. Они не могут разговаривать. Они знают, но они знают, что все, что они знают, нельзя выразить словами.

Ученики спросили: «Тогда, почему вы смеялись?» Кабир и Фарид сказали: «Мы смеялись над вами!» Кабир сказал: «Я обычно думал, что только у меня есть все эти идиоты - я увидел, что у Фариды есть тоже. Я смеялся, и он смеялся, потому что он, вероятно, думал, что все эти идиоты терзают не только его, но что они терзают и меня. Вот почему мы оба смеялись».

Этот ответ был еще более шокирующим, чем была причина, заставившая их так громко расхохотаться. Потом ученики спросили: «Ну, а почему вы время от времени посмеивались?»

Фарид ответил: «Я смотрел на то, как вы кипели! Вы были готовы убить меня сразу же, как только прошли эти два дня. Вот почему я посмеивался, и я думаю, что и Кабир посмеивался по этой причине, потому что его ученики тоже кипели».

Эти два дня прошли, как два года, потому что эти два человека просто сидели молча, а из-за них, в знак уважения, все ученики тоже сидели молча. Но они просто хранили молчание, на самом деле они не молчали. Внутри у них была настоящая буря: в чем дело? Что происходит? Почему их учителя посмеиваются?

Фарид и Кабир сказали: «Каждый раз, когда мы видели, что вы готовы взорваться, мы начинали посмеиваться. Это помогало вам остыть». И ученики вспомнили, что так оно было: всякий раз, когда они действительно начинали злиться, наступало время, когда Учителя начинали посмеиваться.

Конечно, между Учителем и учеником возникает определенный тип невидимых отношений. Если ученик сердит, если ученик печален, если ученик в плохом настроении, это передается Учителю без всяких слов. Учитель реагирует каким-то образом на эту ситуацию. Вероятно, он может на нее не реагировать вообще, если это то, что требуется: он может просто проигнорировать это. Или он может обратить на это внимание и каким-то образом обыграть это. Все зависит от ситуации, а каждая ситуация уникальна.

У меня нет соседей, поэтому я не могу любить своих соседей. Я благодарю Бога - которого нет, - но для этой цели имя Бога можно использовать; в этом нет никакого вреда, так как у меня нет соседей.

Те два дня были очень хорошими, ну а что, если Фарид и Кабир были бы вместе два года? Тогда они наверняка имели бы какие-то затруднения. Их ученики смогли контролировать себя в течение двух дней, но думаете ли вы, что они смогли бы контролировать себя два года, слушая время от времени смех или молчание? Они либо сбежали бы из Аврама, думая: «Эти два человека сошли с ума, и мы тоже сойдем с ума вместе с ними», - или они стали бы спорить со своими Учителями.

Но ведь встречи хотели не Фарид и не Кабир, а их ученики. Это они хотели этой встречи, и их учителя подумали: «В этом не будет никакого вреда. Зачем же обязательно отказывать им? Для них это будет хорошим жизненным опытом». Если бы они не попросили, Кабир бы не попросил Фариду, а Фарид не пришел бы к Кабиру - по той простой причине, что не было нужды в их встрече: они были почти одно и то же. Вы ведь не встречаетесь с собой, не так ли? Вы ведь не

приглашаете себя на ланд или на обед, не так ли? В этом вовсе нет смысла.

Я не против кого-то - нет причины быть против, - но я весь за правду. Меня не волнует, идет ли это вразрез с моей профессией или нет. Фактически, я не профессионально просветленный человек, я просто просветленный. Те люди были профессионалами. Я чувствую стыд, что все они - Махавира, Будда, Санья Вилетхипутта, Аджит Кешкамбал, Макххали Госал, - все эти люди вели себя как политики, пытаясь стать тиртханка-рами, потому что вера в эту религию была очень древней. Это было предприятие, и оно было хорошо организовано.

Чтобы начинать что-то с самого начала, нужна смелость. Я делаю именно это - начинаю с самой первой строки.

Я не хочу какого-то заимствованного доверия от религии, от предприятия, от организации.

Я хочу просто делать свое дело по-своему, с моими людьми.

Это трудная задача, и возникает тысяча и одна трудность, которую можно было бы избежать, если бы я был частью своего предприятия, но тогда я был бы мертвым, а не живым.

Для меня Махавира умер в тот день, когда он был признан джайнами своим двадцать четвертым тиртханкарой; после этого он уже не жил, так как он всего лишь выполнял определенную роль, которую должен был выполнять тиртханкара, выполняя все точно так, как это должен делать тиртханкара. Это было не настоящей жизнью, это было не достоверно. До этого момента, то есть до того, как он стал тиртханкарой, Махавира жил, как хотел, своей собственной жизнью. Но состязаться - рзначает идти неверным путем. Кроме того, быть выдвинутым и одержать победу - это как будто вы можете выдвигать и избирать кого-то в качестве просветленного!

Непросвещенные массы, непросветленные люди решают, кто является тиртханкарой, - это ведь просто абсурд. Я много раз говорил джайнам в Индии, когда разговаривал с ними: «Если вы скажете мне, что вы готовы признать меня своим двадцать пятым тиртханкарой, я просто плюну вам в лицо. И вы и ваш двадцать пятый тиртханкара могут просто идти к черту. Почему я должен быть двадцать пятым, когда я могу быть первым?»

Я не вижу смысла в борьбе Махавиры за то, чтобы стать двадцать четвертым, всего лишь двадцать четвертым, всего лишь в ряду! И ради этого все эти люди также были кандидатами!

Я абсолютно счастлив тем, что я просто первый и последний.

Я не подготавливаю места для другого, потому что тогда возникнет состязание, возникнут неприятности.

Итак, мое предприятие начинается с меня и заканчивается мной!

Беседа 25

МОЙ ДЕНЬ: СОК, ЧИСТЫЙ СОК И НИЧЕГО, КРОМЕ СОКА

23 января 1985 года

Бхагаван,

Вы добрались до завтрака. Чтобы закончить наши религиозные исторические записи, не могли бы вы рассказать нам о своем завтраке, а именно - что следует за соком?

За соком ничего не следует. Пророки Упанишад описывают абсолютную реальность как «сок» — *raso vai saha*. Это единственное определение, которое подходит к тому, что я называю - божественность.

Raso vai saha означает - «не что иное, как сок»: не человек, не личность, а всего лишь вкус, вкусовое ощущение.

Поэтому, если вы спрашиваете меня о чем-то, что следует после сока, то мне очень трудно ответить вам, так как сок - это последнее, это наивысшее и за ним ничего больше быть не может. Поскольку речь идет о моем завтраке, когда я пью только сок, я могу сказать, что после сока я себе ничего больше не позволяю.

Вам надо будет постараться понять это. Во-первых, вот то, что требуется для ваших религиозных и исторических записей: после сока - и обратите внимание: слово «после» совсем не означает «дополнительно», «сверх чего-то» - имеет просто хронологическое значение, временное значение, но не значение «потом»...

После сока я слушаю песни, стихи, музыку, которые я слушаю вот уже почти тридцать лет. Те, кто живет со мной, всегда удивляются...

Когда я был студентом, я слушал те же песни, что и сейчас - вот что удивляет моих друзей. У меня есть старый граммофон и хорошая коллекция пластинок. Когда я начинал проигрывать свои пластинки, мои друзья, как правило, выходили из своих комнат, расположенных с двух сторон, и им ничего не оставалось, как слушать.

Они пожаловались президенту университета. Меня позвали для объяснений, и я сказал: «У слуха два измерения. Одно - горизонтальное. Вы слышите песню; если она новая, вам становится интересно, потому что вы не знаете, что будет дальше, какой оборот она примет. Но если вы ее уже слышали когда-нибудь, тогда она теряет свое горизонтальное измерение. Горизонтально - нет никакого волнения: вы знаете довольно хорошо, что будет дальше. А когда вы это уже знаете, как же вы можете волноваться?»

Это горизонтальное значение связано с тем, что вы переживаете впервые. Но я открыл, что существует также вертикальное значение - для всего в жизни. Песни, музыка, которые я слышал тридцать лет и продолжаю слушать сейчас, теперь не имеют для меня никакого горизонтального измерения. Я знаю каждый закоулок, каждый нюанс, когда речь идет о горизонтальных измерениях, они становятся незначительными, не имеющими почти никакого отношения к делу. И когда я слышу их, происходят странные вещи: я почти засыпаю, но продолжаю слышать. В таком состоянии слова, которые я слышал тысячи раз, больше не имеют значения, но начинают открывать что-то более глубокое, чем простые слова.

Песня не в словах: это что-то вокруг этих слов, между словами, между строк, но никогда не в самом слове. Если это подлинная поэзия, то тогда будет какая-то глубина, где слова пропадают: вы углубляетесь в само значение, чистое значение. Это больше звук и тишина. Слово оставлено далеко позади, слово становится почти призрачным.

На Востоке это было обнаружено давным-давно. В Англии у вас есть одно слово для чтения — изучать. Для слова «чтение» на санскрите имеется два слова - adhyayan, - что означает «изучать», и path - слово, которое считается непереводаемым. «Path» означает неоднократное чтение чего-то не для того, чтобы понять это «что-то» с лингвистической точки зрения, это вы можете понять, когда вы читаете один раз или два, вам не нужно читать это много раз. И если вы не можете понять то, что вы читаете пять-десять раз, тогда вы не сможете понять это, читая много тысяч раз.

Вы по-прежнему будете самим собой.

Нет, не это является целью многократного чтения. Цель — найти ответ на вопрос, как идти дальше слова. Единственный способ - повторять слова так много раз, что они теряют абсолютно всякое значение и становятся несущественными.

И когда оно потеряет свое значение, только тогда открывается вертикальное измерение: вы начинаете падать в глубину.

Но это возможно только с подлинной поэзией или подлинной музыкой, а не с обычной поэзией или обычной музыкой, которые создаются обычным умом. Это всего лишь игра со словами: передавать нечего. У человека нет опыта, нет «сока» для исполнения этих слов так, чтобы они смогли стать носителями послания. Он знает, как вызвать определенный ритм в словах, он сочиняет песню. Это сочинение. Это не творение.

Но когда песня уже создана, это означает, что она не создана умом, а вытекает из определенного ритма. Это слова, так как слова могут достигать других - чистый сок не передается. Это как если бы вы написали любовное письмо, привязали его к камню и бросили этот камень через окно женщине, которую вы любите.

Ваше письмо нельзя бросать: оно не долетит до окна, оно такое легкое, но камень тяжелый. Камень - это не послание. Послание находится на этом маленьком кусочке бумаги, который к нему прикреплен, привязан бечевкой к тяжелому камню. Но если вы влюбитесь в глупую женщину, что наиболее вероятно, женщина может выбросить письмо назад. Какое может иметь значение - этот кусочек бумажки? И она может подумать, что камень, более тяжелая часть, должно быть, и есть это послание. Это и происходит с песнями, музыкой и поэзией - вы продолжаете держать и собирать камни, вы продолжаете выбрасывать письма.

Итак, после своего завтрака в течение двух или трех часов я слушаю свои выбранные песни. Вероятно, я знаю их лучше, чем людей, которые написали их, и людей, которые поют их. Я гораздо больше знаком с ними, потому что я слышал их тысячи раз. Каждый день я опускаюсь на новую глубину. Это состояние почти глубокой тишины, и благодаря тишине мое тело расслабляется и погружается в сон, но я не сплю. С телом связаны слова, а со мной связано их значение. Но это тоже является еще одним жизненным опытом «сока».

Иногда, очень редко, я слушаю инструментальную музыку. Многие спрашивали меня: «Если вас не интересуют слова, то, вероятно, инструментальная музыка должна вам больше нравиться?» Но это не так. Инструментальная музыка прекрасна, но так как она не имеет слов, она не имеет и размерности. Слова придают песне горизонтальное измерение, что делает возможным погружаться вертикально. Инструментальная музыка проста. Она горизонтальна, но так как нет

слов, тот момент, когда вы попадаете в горизонтальное измерение, вы оказываетесь в пустыне без оазиса. Это прекрасно.

Песни прекрасны только тогда, когда вы входите в вертикальное измерение, но это возможно только при создании прямой противоположности. Слово является прямой противоположностью тишины. Если нет слов, вы не сможете создать и тишины. Инструментальная музыка - это звук, тишины нет. Это звук, организованный гармонично, но он не может иметь полярность, противоположную слову и его отсутствию.

Итак, после завтрака я наслаждаюсь тем, что можно опять назвать словом «сок», но это нечто нематериальное... Как если бы у вас были какие-то вкусовые ощущения без еды. Этому нет физического соответствия — просто вкусовые ощущения без чего-либо вкусного на ваших вкусовых бугорках.

В одиннадцать часов я завтракаю второй раз. Вивек все еще не может поверить, что я возбужден, но что делать? Верите вы или нет, я все-таки возбужден. Я сам не могу в это поверить. Поэтому я могу понять, что никто не сможет поверить в это, если я сам не могу поверить в это. Я точно знаю, что она собирается мне принести - все предсказуемо: три небольших порции овощей, отварных, без соли, без специй.

Они стали настоящими знатоками по приготовлению безвкусной еды. Вы не можете победить их в этом. И, конечно, они, вероятно, удивляются: они продолжают давать мне эту безвкусную пищу, а я никогда не жалуясь. Я всегда ее одобряю, так как она дает мне возможность, о которой они не знают. Когда вы едите вкусную пищу со специями и всякими разными добавками для того, чтобы сделать еду более вкусной, ароматной, вы теряете что-то, чего вы не знаете. Вы разрушаете свои вкусовые бугорки. Они не предназначены для таких сильных ощущений; они очень маленькие, очень нежные.

Я обнаружил истинный вкус всего лишь тогда, когда я начал питаться по рецептам Дэвараджа. Он превратил мою столовую в больницу. Но мне это очень нравится. Сейчас вы можете положить меня в любую больницу — они не смогут причинить мне никакого вреда.

Три вида овощей почти всегда одних и тех же, четыре ломтика хлеба, немного подсушенного, без масла, чашка индийского соуса, который называется «чатни» - и это все. Но за всю свою жизнь я не испытывал такого удовлетворения от своей пищи, как сейчас. В Индии существует множество различных кушаний. Вероятно, нет другой страны, в которой существует такое множество разнообразной пищи: каждая провинция имеет собственные разновидности пищи. Я ездил по Индии. И ел разнообразную пищу. В каждом штате имеются собственные находки в этой области в огромном количестве; им, вероятно, потребовалось много тысяч лет для того, чтобы создать некоторые деликатесы, но вся их пища, какой бы вкусной она ни была, вредна для здоровья.

Вес у меня хороший, потому я обычно выгляжу очень здоровым. Но много позже я обнаружил, что просто выглядеть здоровым - это совсем не то, что быть здоровым. Сейчас я здоров, но моя мать приходит, и она говорит мне каждый раз, когда приходит: «Что ты сделал со своим здоровьем?» Я напоминаю ей: «Ты говоришь мне это каждый раз, когда приходишь». А она думает, что я ношу это длинное и свободное одеяние лишь для того, чтобы обмануть ее.

Я говорю: «Я не пытаюсь тебя обмануть».

Она говорит: «Но я могу видеть твои руки на видео. Ты можешь, вероятно, обманывать других, но ты не можешь обмануть меня. Я вижу тебя с самого детства. У тебя было такое прекрасное тело». И я мог видеть слезы, наполняющие ее глаза, когда она смотрела на мою еду. И я не позволял ей... потому что она всегда, из года в год, старалась приносить что-нибудь, хотя бы немножечко.

Я говорю: «Нет, ничего не надо делать. Мой врач не разрешает этого. Я могу принимать только то, что он предписывает, я не могу принимать что-либо еще».

Но она приносила снова и снова, и я знаю - почему. Она видела меня лишь в тысяча девятьсот шестидесятом году, когда мой вес был сто девяносто фунтов и мое тело было... Как раз вчера я говорил о Махавире. Я мог бы без особого труда состязаться с Махавирой. Фактически, люди обычно говорят, что мое тело... так как я обычно сижу почти полуголый, всего лишь небольшая широкая накидка даже зимой, в самых холодных местах, даже в Нью-Дели. Мой хозяин в Нью-Дели бывало говорил: «Ты единственный человек, которого я видел в Нью-Дели, кто сидит в кресле с полуобнаженным телом и при включенном вентиляторе. Как тебе это удается?»

Люди обычно говорят, что мое тело выглядит, как будто оно из мрамора. Оно обычно так и выглядит, потому что я много занимаюсь собой: я прохожу восемь миль пешком утром и восемь миль вечером: вот уже, по крайней мере, двадцать лет шестнадцать миль в день. Если это все сложить, я думаю, это составит расстояние, равное почти трем оборотам вокруг Земли или даже больше.

Я с детства ненавидел молоко, но так как всем нравится мое тело, а моя семья настаивала на том, что без молока нельзя сохранить себя, я пью молоко против своей воли. Это единственное в моей жизни, что я делаю против своей воли, а единственный способ, которым я пользуюсь, чтобы делать это, заключается в том, что я задерживал дыхание и выпивал целый стакан одним глотком так, чтобы не ощущать запаха, потому что я не выносил его. Я перепробовал многие виды молока, но я не могу выносить его запаха.

Моим чувством всегда было - и я говорил об этом своей семье: «Джайны должны отказаться от молочных продуктов, так как молоко похоже на мясо. Это не вегетарианская пища, это животная пища, и она имеет двойную силу. Откуда приходит молоко? Именно материнский механизм, биологический механизм преобразует ее кровь в молоко. На самом деле вы пьете белую кровь».

Моя бабушка закрывала обычно уши: «Не говори такие слова, потому что тогда я не смогу пить молоко. Я обязательно буду помнить, что это “белая кровь”. Никогда так не поступай с такими старыми женщинами, как я».

Джайны не могут жить без молока, так как это их единственный жизненно важный пищевой ингредиент; в остальном их пища растительная. Поэтому они едят всевозможные молочные продукты: сливочное масло, творог, сметану и все сладости, сделанные из молока.

Но у меня всегда, с самого начала, было ощущение, что это просто кровь. Вот почему все это так быстро увеличивает вашу кровь, и вот почему ребенку нужно только молоко - ему этого достаточно, это вся его пища. Материнское молоко дает ребенку все, что ему необходимо. Это

дни его роста. Поэтому молоко - это вся еда для ребенка.

С одной стороны, я очень не любил молоко, так как оно не вегетарианское; с другой стороны, вы не даете ребенку коровьего молока. Это молоко не для вас. У коровы есть свои дети, молоко в ее вымени - для них, а не для вас.

Вы будете удивлены, что в стране, подобной Индии, которая делает вид, что она не насильственная страна, они убивают телят, потому что корова дает молоко, предназначенное для телят; иначе она попытается опрокинуть ваше ведро, ударить вас ногой и так далее. Естественно, мать хочет, чтобы о ее ребенке позаботились в первую очередь. Кто вы? Человек, сидящий на маленькой скамеечке с ведром и пытающийся подоить корову -кто вы? И ведь молоко не предназначается для вас.

Корова не имеет возможности знать, что вы покупаете ее. Она не понимает, что такое деньги, покупка или что-либо другое, но она понимает одно - что ее собственное дитя стоит там, отверженное.

Что же делают индусы? Они убивают ее дитя, делают из него чучело и держат его рядом с выменем коровы, так чтобы она продолжала верить, что ее дитя рядом. Ее дитя убили, сделали из него чучело, вынув все кости и все остальное — чтобы обмануть корову.

И эти люди верили, что они религиозные, не жестокие, верящие в справедливость. Они же обманывают даже бедную корову, а эту корову они называют «мать-корова». В Индии корове поклоняются как матери, а убивают ее брата. Особенно, если дитя мужского рода, то есть если это бычок, то его, конечно, надо убить, если телочка, то она должна стать коровой, следовательно, ее надо как-то сохранить, а бычка - убить. Но если корова — ваша мать, то тогда этот бычок, когда вырастет, должен стать вашим отцом,- а вы совершаете отцеубийство, убивая быков. И цель этого убийства лишь обмануть свою «мать», которой они поклоняются, для которой они создают великие политические движения. Они устраивают протесты, если кто-то убивает корову, и они постоянно требуют, чтобы правительство полностью остановило убий коров.

А то, что они продолжают делать, настолько мерзко, что вы не сможете этому поверить. Когда я впервые увидел это в Калькутте, это было самым ужасным, что я когда-либо видел. Хинду, которые называют корову матерью и готовы отдать свою жизнь за корову или убить кого-либо, чтобы спасти ее, делают нечто, что людям во всем мире нужно понять, чтобы оценить, как люди могут стать лицемерами. Они заталкивают палку во влагалище коровы во время дойки. Заталкивание палки в ее влагалище заставляет ее давать больше молока почти в два раза. Эти люди называют корову матерью и борются за то, чтобы был остановлен забой коров, и вот что они делают со своей « матерью »: заталкивают бамбуковую палку в ее влагалище, чтобы получить молока в два раза больше.

Когда я впервые увидел это своими глазами, мне стало еще труднее пить молоко с открытыми глазами. Но Дэварадж мне очень помог. Он исключил из моего рациона все молочные продукты - молоко, масло, творог - все, и я действительно почувствовал себя чистым. Конечно, я потерял в весе, но что толку в нем? Я не выгляжу высеченным из мрамора, но ведь нет и нужды выглядеть так - мраморных статуй и так достаточно.

Впервые в своей жизни я чувствую себя легко с пищей.

В Индии это было невозможно, потому что все травили меня: «Если ты откажешься от молока, то в твоей пище ничего не останется полезного. Если ты откажешься от творога, то в твоей пище не будет ничего полезного. Если ты не будешь есть масла, то ты потеряешь в весе». Но этот вес причинял мне много беспокойства. Сейчас все мои трудности исчезли.

Мое дыхание больше меня не беспокоит, а по мере того, как уменьшился мой вес, спина становилась все лучше и лучше. Странно, но как только мой вес стал меньше ста тридцати фунтов, спина совсем перестала меня беспокоить. Совсем исчезло напряжение, а раньше, время от времени, я ощущал напряжение в определенном положении. Сейчас в любом положении я не чувствую этого напряжения. А при еде одной и той же пищи каждый день мои вкусовые бугорки проявили свою чувствительность. У меня сейчас вкусовых ощущений больше, чем когда-либо прежде, хотя мне особо нечего пробовать, но, что бы я ни ел, все очень приятно.

Я бы хотел, чтобы вы поняли - все специи - обманщики. Они достаточно сильны, чтобы заставить вкусовые бугорки почувствовать их присутствие, но чем сильнее специи, тем скучнее становится вашим бугоркам. Когда же специй нет, тогда ваши органы вкуса.

Итак, это совершенно разные вещи: иметь что-то вкусное, потому что оно содержится в вашей пище, и наслаждаться чем-то вкусным, потому что ваши вкусовые бугорки стали более живыми и более чувствительными.. Последнее - важнее. Вот почему так трудно кому-нибудь понять, что меня может взволновать. А меня волнуют мои вкусовые бугорки, но не пища. Пища уже потеряла свое значение, но возникает новое значение. И я чувствую, что это должно стать тем самым методом, настоящим методом. И тогда всего лишь отварные овощи кажутся вам такими вкусными, а хлеб без масла таким сладким, что этого нельзя себе даже представить, это нужно испытать на себе.

После завтрака я отправляюсь спать. Это то, что я делаю всю свою жизнь. Два часа сна в середине дня делают мне два дня, два утра, два вечера из одного дня; это удваивает радость жизни. А сон, согласно Патанджали, очень близок к самадхи. Единственная разница заключается в том, что в состоянии самадхи ваше тело спит, а ваше сознание бодрствует. Для меня же теперь и состояние сна и состояние самадхи - одно и то же. Мое сознание бодрствует двадцать четыре часа в сутки. Для моего сознания нет разницы, бодрствует ли мое тело или спит.

Но дать телу полную релаксацию - даже сидя на удобном стуле, как тот, на котором я сижу, совсем не означает дать полное освобождение телу от гравитации. Если у вас есть удобный стул, то тогда на вашу спину гравитация действует отдельно. Именно по этой причине индусы постоянно тренируют позу лотоса.

Поза лотоса была разработана, главным образом, для уменьшения воздействия гравитации на ваше тело. То есть в позе лотоса на ваше тело действует минимальная гравитация. Меньше этой минимальной гравитации быть не может, потому что в позе лотоса ваш позвоночник выпрямлен, ваши ноги находятся на одной линии так, что вы похожи на перевернутый крест: ноги располагаются по горизонтальной прямой, а вторая прямая линия проходит через середину вашего позвоночника. Такая позиция почти не дает возможности гравитации действовать на ваше тело.

Несколько дней назад я разговаривал с вами о Кришнамурти. Я сказал вам, что видел его в телевизионном интервью и очень пожалел его. Вивек подумала сначала, что, вероятно, он страдает от какой-то болезни, при которой начинают дрожать руки, так как он сидел на деревянном стуле с прямой спинкой, засунув руки под себя. И Вивек подумала, что он боится показывать свои руки и поэтому сидит на них.

Но это не так. Вы бы посмотрели на этот стул. Нельзя найти более неудобный стул, чем тот, который был у него: деревянный стул с прямой спинкой без подлокотников. Он пытался сидеть на этом стуле в позе лотоса, потому что в Англии сидеть в позе лотоса не принято, а он был очень озабочен тем, чтобы соблюдать обычай.

Когда он приезжает в Индию, он надевает индийскую одежду, а в Англии он носит синие джинсы, но ему надо было сесть на этот стул, и чтобы найти решение, он выбрал стул, который использовался для детей старых школ. Теперь все изменилось: дети просят более удобных стульев. Но более удобный стул оказывает большее воздействие на тело. Комфорт очевиден, а воздействие на тело проявляется косвенно. Лучше всего спать: тогда вы находитесь в горизонтальном положении, а гравитация равномерно распределяется по всему телу.

Почему ваш сон дает вам такой хороший отдых, релаксацию, восстановление сил? Это происходит по той простой причине, что человек произошел от животных, позвоночник которых располагался горизонтально. Все животные наслаждаются своим расслабленным состоянием благодаря горизонтально расположенному позвоночнику: когда позвоночник и земля параллельны, гравитация равномерно действует на каждую частицу позвоночника. Человек однажды решил встать на две ноги, и никто не знает, на благо это или нет, потому что не существует никого, кто является всеведущим. Это во многом помогло человеку, но это во многом и навредило ему.

Трудно понять, было ли это более вредным или более полезным. Это освободило две руки, поэтому человек смог делать гораздо больше, чем могли животные: все стало возможным - и искусство и наука, потому что освободились две руки. Животные ничего не могут делать - ни рисовать, ни ваять, ни писать музыку, потому что их две руки не свободны. Человек же, выпрямляясь на свои две ноги, вдруг обнаруживает, что его две руки абсолютно свободны, и, следовательно, что-то надо делать. Вопрос был очень важным - что делать с этими руками?

И человек начал делать все, что мог. От повозки, в которую запрягали быка, до ядерного оружия - все это лишь побочный продукт того, что человек выпрямился. Если бы он оставался на своих четырех конечностях, не было бы никакого беспокойства, никаких войн, никаких проблем; но не было бы также никакого разума. Разум стал развиваться только в результате того, что человек встал на две ноги.

То, что человек встал на две ноги, привело к двум явлениям: это освободило его руки, и вследствие того, что он выпрямился, меньше крови стало поступать в мозг. Это явление имело огромное значение, потому что у животных кровь распределяется равномерно по всему телу: так как их хвост и голова находятся на одном и том же уровне, кровь циркулирует равномерно. А так как кровь циркулирует равномерно, они не могут развить очень чувствительные клетки в мозге, которые необходимы для мышления.

Мозг человека содержит десять миллиардов маленьких клеток, которые будут разрушены, если он

будет ходить на четырех конечностях. Вот почему индийские йоги, которые подолгу стоят на головах, никогда ничего не создали. Они становятся просто идиотами по той простой причине; что если вы стоите на голове, то к ней приливает так много крови, что все ваши чувствительные клетки будут разрушены.

Итак, если вы изучите всю историю йоги, то да, вы обнаружите, что они более спокойны, они выглядят более спокойными и холодными, они не будут легко сердиться или приходить в ярость, потому что им потребуется значительно больше времени, чтобы понять, что происходит, понять, не оскорбили ли их. Это потому, что клетки мозга разрушаются, их остается очень мало, потому что убивается то, что возбуждает эти клетки.

Я против стояния на голове. Да, если вы стоите на голове не более трех секунд, тогда все нормально, тогда это вам пойдет на пользу, потому что три секунды не смогут ничего разрушить, они просто быстро освежат весь мозг, как душ освежает тело. Через три секунды немедленно поднимайтесь. Я рассчитал — не более трех секунд! Я это испытывал на многих людях, но не на себе.

В моем университете был факультет йоги. Конечно, декан факультета был абсолютно несведущ. Я часто приходил туда, и он обычно спрашивал меня: «Почему ты сюда приходишь? Тебя нет в списках, и я никогда не видел, чтобы ты делал упражнения».

Я отвечал: «Я прихожу сюда не для того, чтобы заниматься йогой или делать упражнения».

«Тогда, - спрашивал он, - зачем ты сюда приходишь?»

А я отвечал: «Для меня все они являются подопытными кроликами».

Он спрашивал: «Что ты имеешь в виду? Они занимаются йогой». Даже профессора занимались там йогой.

Я отвечал: «Да, для меня все они подопытные кролики. А вы являетесь деканом этого факультета».

Я ходил, смотрел и обнаружил нескольких людей, готовых ответить на мои вопросы по поводу того, что происходит. И я обнаружил этот факт: люди могут стоять на голове только три секунды; стояние на голове более этого времени абсолютно вредно. Но ни в одном пособии по йоге не упоминается о трех секундах. Наоборот, там говорится: «чем больше вы стоите на голове, тем лучше».

Конечно, у них совсем другая цель. Чем больше вы простоите на голове, тем меньше вас будет огорчать окружающий мир, потому что, естественно, для беспокойства — даже для того, чтобы понять, что в мире существует очень много проблем, — необходим ум.

Для йога все проблемы исчезают, это происходит не потому, что он решает все проблемы, а потому, что он разрушил сам механизм, с помощью которого смог бы осознать существование проблем.

Я не за разрушение мозга.

Я за возвышение мозга.

Мозг возвышенный всегда присутствует, фактически он более ясный, более чистый, более сильный, обладает большей энергией. Он полон энергии, так как им не пользуются. Но всякий раз, когда «человек, который имеет возвышенный мозг, захочет воспользоваться им, он, естественно, станет гением. В каком бы измерении он ни захотел использовать свой мозг, он будет гением. Гении будут казаться пигмеями перед таким человеком, потому что у них уставший мозг, а у него мозг не уставший, редко используемый.

Трансцендентальное сознание способно видеть и понимать многое. Ему не требуется помощь мозга. Мозг необходим только тогда, когда трансцендентальное сознание хочет что-то вам передать - песню, послание; только в этом случае используется мозг.

Йог попадает в глупую ловушку; и этот декан факультета, этот глупец, на самом деле глупец.

Однажды, когда я ехал из Вины в Гвалиор, я зашел в колледж, чтобы поговорить кое о чем, и пока я разговаривал в колледже, водитель моей машины куда-то ушел и напился пьяным. У меня оставалось только три часа до поезда. Сначала было очень трудно найти водителя, он забрал ключ от машины и все остальное; мне надо было вести машину самому. Владелец машины метался по всему городу в поисках моего водителя. Он сказал: «Он, должно быть, напился, поэтому нам надо поискать его в тех местах, где пьют». Нам показали такое место, и именно там мы его и нашли абсолютно пьяным.

Я сказал: «Как вы думаете, мы куда-нибудь приедем? Этот человек отправит нас на небо». Он совершенно ничего не понимал. Мне пришлось найти ключ в его кармане. Все это время пропало зря, хотя я ехал с максимально возможной для меня скоростью. Но в Индии никто не беспокоится об этом, потому что нет никого, кто бы помешал вам и оштрафовал вас. Хотя на дорогах Индии невозможно ехать со скоростью выше семидесяти километров в час; семьдесят километров - это максимум, который можете выдержать вы и ваша машина.

Владелец машины подпрыгивал на заднем сидении, произнося: «Помедленнее! Я думаю, что было бы лучше, если бы за рулем сидел водитель. Что ты делаешь? Ведь ты не пьяный! С такой скоростью... лучше приехать поздно, чем вообще никогда не приехать». Эта фраза написана по распоряжению правительства на дорогах Индии: «Лучше поздно, чем никогда». Поэтому время от времени он говорил мне: «Читай! Это написано везде: «Лучше поздно, чем никогда!»

Я отвечал: «Мне нужно попасть на поезд», - но мы опоздали всего лишь на несколько минут. Когда мы подъехали к станции, поезд отходил от платформы. А следующий поезд был Janata, то есть был поездом третьего класса.

Весь поезд - третий класс. Там нет вагонов с воздушными кондиционерами, первого класса, второго класса - весь поезд третьего класса.

Так как у меня не было выбора, я как-то забрался в него. Владелец машины и несколько его друзей, которые подошли очень кстати, втолкнули меня в вагон, потом мои вещи, а когда я там оказался — кого же я там увидел? - того самого тупицу, декана факультета йоги, который вошел в вагон передо мной. И он залез на верхнюю полку и сразу же уснул. Он просто закрыл глаза и вытянул ноги, чтобы занять всю полку.

Я сказал: «Вот это да! Вы вошли только что, прямо передо мной, я вошел сразу же следом за вами, - а вы уже спите». Потом я сказал: «Ну ладно, продолжайте спать». Носильщик заносил его вещи. Я сказал ему: «Забирай все его вещи и выноси. Он крепко спит».

Вот тогда он испугался. Поезд должен был вот-вот отправиться, а я не разрешал носильщику вносить его вещи. Носильщик сказал: «Но это его вещи - вот того йога, который спит наверху».

Я ответил: «Это я отдаю тебе все эти вещи. Он крепко спит. Конечно, он, вероятно, прибыл издалека. Эти вещи не могут быть его вещами».

Носильщик возразил: «Нет, он только что вошел, а я заночу его вещи».

Я сказал: «Если он хочет взять эти вещи, ему придется спуститься вниз и забрать свои вещи с перрона». Он испытывал свое терпение йога до самого последнего момента, и когда дежурный дал звонок, тогда он вскочил, чтобы взять свои вещи. А я занял верхнее место и крепко уснул. Хотя я не храплю, в тот день я храпел. На это стоило посмотреть: он вошел и ему пришлось стоять.

Спустя несколько минут он сказал: «Храпеть не нужно. Вы можете просто спать».

Я ответил: «Спасибо. Я очень старался, но это было очень трудно. Я не знаю, как храпеть. Но вы оказались настоящим глупцом. Вы пытались занять все сидение и прямо передо мной. Если бы вы меня попросили, я бы уступил вам это место, а еще лучше было бы, если бы мы разделили его - мы оба могли бы сидеть. Но то, что вы сделали, мог сделать только человек, который стоит часами на голове. Вот теперь и постоит».

Ему пришлось стоять шесть часов до самого Гвалиора. Когда я встал, я сказал: «Теперь вы можете поспать; и не забывайте меня. Это было нехорошо, по крайней мере, для йога».

То, как вы ведете себя, просто доказывает, о чем я рассказывал вам в университете, что вы просто глупец».

После этого он уже не пускал меня на факультет. Он сказал секретарю факультета: «Этого студента не пускать!»

Но я уже не интересовался этим факультетом. Меня интересовала лишь проблема стояния на голове, и я уже обнаружил, что три секунды - это максимум. Чем меньше, тем лучше, а еще лучше - одна секунда. Быстрый поток крови заставляет вибрировать клетки мозга, дает им больше жизни. Но если вы часами льете на них кровь, они погибнут. Они очень чувствительны.

Человек, встав на две ноги, дал возможность своему мозгу пропускать меньше крови. Меньшее движение крови в мозге обеспечивало достаточно места и возможности для его развития, но когда вы стоите, сидите, ваш мозг непрерывно работает. Когда вы спите, гравитационное притяжение одинаково, движение крови одинаково и более спокойно, не такое, как при стоянии на голове, когда движение крови похоже на водопад внутри мозга. Когда вы спите, движение крови замедляется и гравитационное притяжение уравнивается; вы возвращаетесь в мир живот-ных. Вот почему утром вы чувствуете себя свежим, более молодым, более умным, более сострадательным.

Я наблюдал это в Индии: нищие никогда не просят милостыню вечером. Я заинтересовался причиной. Они всегда выходят просить милостыню утром. Я спросил нескольких нищих, с которыми я подружился: «Почему вы всегда выходите просить милостыню утром, а не вечером?»

Они ответили: «Это понятно: утром люди добрее, милосерднее. К вечеру они устают, раздражаются, сердятся, вы ничего не сможете выпросить у них». Меня это поразило... Психологию используют даже нищие. Они используют ее уже много лет, так как они всегда просят милостыню только утром. Люди не заглядывают в суть вещей, иначе они удивились бы тому, как много людей знают так много. Нищий знает что-то чрезвычайно важное, а именно: утром возможно вас каким-то образом использовать, так как вы чисты, свежи, не раздражены, не сердиты. Вам трудно сказать «нет». Но к вечеру вам уже невозможно сказать нищему «да».

Итак, два часа в день я наслаждаюсь «небольшой ночью», я полностью затемняю свою комнату. Много раз я забывал: когда Я просыпался без четверти два. Мне требовалось некоторое время, чтобы определить, утро это или день. Иногда Вивек Приходилось приходиться, чтобы разбудить меня, потому что я Просто совершенно забывал, что это день. Поэтому я сказал ей:

«Ты можешь подождать до без четверти два, но ты не должна ждать дольше этого времени. Это означает, что я не понимаю, утро это или вечер... а люди, должно быть, ожидают моего пробуждения, поэтому буди меня».

После пробуждения - чашка чая (того же самого), потому что это для меня - опять утро. Потом я выхожу на встречу с вами.

Мне вполне достаточно видеть, Что вы счастливы, что вы танцуете, поете, радуетесь.

Вот это я желаю для всего мира.

Всегда иметь хорошее настроение, иметь желание петь и танцевать.

Люди, которые приходят сюда для того, чтобы просто посмотреть, не могут в это поверить. Журналисты не могут поверить, что люди могут быть такими счастливыми, такими радостными. Они думают, что вы притворяетесь. Я не могу сказать, что журналисты отражают это неверно. Они повидали весь мир — радости нигде нет. Как они могут поверить, что такое большое количество людей может радоваться и без всякой причины, потому что - что мы имеем? Здесь была одна журналистка газеты «Ньюс уик». Она сказала Шиле: «Это все буффонада - эти люди притворяются». Шила рассказала мне... И я послал этой женщине записку: «Останьтесь здесь на семь дней. Все семь дней, двадцать четыре часа в сутки люди не могут притворяться, люди не могут долго продолжать... Они работают по двенадцать часов каждый день, даже по четырнадцать часов семь дней в неделю. Попробуйте вы поработать четырнадцать часов в день семь дней в неделю, и потом притворяйтесь... Если вы сможете сделать это, тогда можете написать о том, какой это на самом деле хорошо разыгранный спектакль».

Женщина поняла, что это правда. Она пробыла здесь семь дней. Конечно, она не работала, но она сказала: «Я могу понять, что, работая по четырнадцать часов в день, невозможно притворяться». Она пробыла здесь семь дней и потом принесла свои извинения, но Шиле она сказала: «Теперь то, что я пишу о вас - мои боссы не будут принимать. Они скажут, что меня

загипнотизировали».

Она уехала, и вот что случилось потом: ее босс сказал: «Вам не надо было оставаться там долго. Этот человек подшутил над вами. Он уговорил вас остаться на семь дней и загипнотизировал вас».

Но она ответила: «Он даже не видел меня, мы не встречались».

Но ее босс сказал: «Ваша статья является достаточным доказательством того, что вы были загипнотизированы: в ней нет ни одного отрицательного замечания, никакой критики. Я не могу опубликовать эту статью, Вам придется ее переделать».

Владельцем этого журнала является христианская ассоциация, поэтому женщине пришлось переделать статью и она написала то, что, как она знала, было неправдой.

Это странный мир. Люди - жалкие создания, несчастье стало их естественным состоянием. В одном месте, время от времени, кто-то становится несчастным; в другом месте кто-то улыбается. Это большая разница.

А всего лишь видеть вас счастливыми — это именно то, для чего я здесь.

Ничего другого я от вас не жду.

Ни один Учитель никогда не ждал от своих учеников меньше, чем я.

Всего лишь, чтобы вы были радостными, чтобы вы относились к своим страданиям и несчастьям, как к чему-то, что недостойно вас, что ниже вас.

Весь мир готов страдать без вас и быть несчастным. Вы думаете, что мир намерен страдать вместе с вами, что ему нужны ваши страдания? Не беспокойтесь об этом.

Вы можете наслаждаться, вы можете радоваться!

Иисус говорит своим ученикам, снова и снова — радуйтесь!

Но я не вижу, чтобы его ученики радовались, не вижу я также, чтобы и он радовался. Вы видели изображение улыбающегося Иисуса? Не то что смеющегося Иисуса — это было бы слишком, — и даже слово «улыбающийся» не годится. С крестом, как вы можете улыбаться? А если кто-то улыбается на кресте, то люди тогда подумают, что это действительно хорошо разыгрываемое представление! Если без крестов они не разрешают людям веселиться, то тогда человек, улыбающийся на кресте, -великий актер! Нет, это не соответствует философии христианства: печальные, вытянутые лица с отпечатанной на них всей историей мира, говорящие ученикам: «Веселитесь!»

Интересно: ведь ни один ученик не попросил Иисуса: «Учитель, возвеселитесь Вы сами, хотя бы раз». Иисус всегда серьезен, и, конечно, его ученики делают то, что делает их Учитель, а не то, что он говорит, — они не настолько глупы. Вы серьезны, и вы велите им веселиться? Вы будете сидеть рядом с Богом, вы его единственный рожденный сын, а эти дураки, веселясь, попадут прямо в ад.

Я не думаю, чтобы кто-нибудь на небесах веселился; а вы думаете иначе? То, как Бога изображают все религии — серьезным, очень серьезным... делает невозможным, чтобы Бог улыбался. Вы когда-нибудь видели улыбающегося Бога? Эта мысль никогда не приходила мне в голову; я говорю об этом впервые. Миллионы художников, но ни один не подумал: «Пусть этот бедный парень улыбнется хотя бы раз. Какая беда, если на одной из картин Бог будет улыбаться или смеяться?» Нет, это трудно, очень трудно.

Я только что получил известие из Англии о том, что какой-то раввин был исключен комитетом еврейской общины, потому что он рассказал грязную шутку во время проповеди. Он, вероятно, читая мои книги, но мне очень хотелось узнать, что это была за шутка — вероятно, это было что-то серьезное, раз его исключили. Он больше не раввин, он не может проповедовать в синагоге. Что же это была за грязная шутка? К сожалению, я должен сказать вам, что когда я услышал эту шутку, я не смог поверить, что это можно считать грязной шуткой. Это далее не похоже на шутку. То, что он сказал, было очень простым и очень коротким:

Этот раввин посвящал юношу, и он сказал ему: «Когда ты станешь старше, ты узнаешь немного этого, немного того и немного других...» Вот это и было шуткой! Эта грязная шутка — «немного других»? И это религиозные люди - разве они позволяют вам смеяться? Веселиться? И я подумал тогда, а какие же у меня шутки? Если то, что сказал этот раввин — грязная шутка, то тогда, конечно, мои шутки не грязные. Если это является критерием грязной шутки, то тогда я не говорил ни одной грязной шутки. Это абсолютно доказано, если такого рода шутка считается грязной. И за эту шутку раввина исключили! Бедняга.

Сама идея сказать шутку, вероятно, пришла ему в голову, когда он читал мои книги, потому что все раввины, все священники, все монахи читают сейчас мои книги. Во всяком случае, они не могут не попасть под мое влияние. Они будут пытаться спрятать это в Библии, в Гите, в Талмуде. Они могут ее не читать непосредственно, но они все читают ее.

Сегодня я получил несколько других известий. Один человек, очень известный эксперт по налогам в Индии, Нани Палкхивала, - самый блестящий специалист по налогам, посол в Америке. Он всегда был настроен против меня так сильно, что он никогда не занимался вопросами, связанными со мной или с людьми моей организации. Это совершенно абсурдно. Вы можете не принимать мою философию, но это не означает, что вы не можете заниматься моими делами - это ваша профессиональная работа. Он не только не хотел заниматься моими делами, но он говорил и другим ведущим юристам, чтобы они не рассматривали мои дела. Теперь он потерпел поражение в выборах, после чего он сделал заявление, которое, несомненно, он почерпнул из моих книг, потому что я единственный пользуюсь словом, которое он использовал в своем заявлении.

Я много раз уже говорил, что я против демократии, так как демократия - это всего лишь мобократия, власть черни.

Я сторонник более высокой системы, которую я называю словом «меритократия» - власть одаренных людей. Вот такую систему я и называю меритократией.

Когда Нани Палкхивала потерпел поражение, он сделал заявление: «Я поддерживаю меритократию. Мы уже достаточно давно находимся под влиянием посредственностей». А ведь он был одним из таких людей - посредственностей, которые обладали властью! Он совершенно

забыл, о ком он говорит. Он имел власть. А теперь, когда он потерпел поражение: «Люди, которые имели власть, или люди, которые имеют власть сейчас, — все посредственности. А нам нужна меритократия».

Я бы хотел спросить Нани Палкхивалу: «Скажите, по вашему мнению, такие люди, как доктор Раджендра Прасад, доктор Радхакришнан, доктор Закирхусаин, Пандит Джавахар-лал Неру, Лалбахадур Шастри, Джаипракаш Нараян, доктор Рамманохар Лохиа, Ачарья Кришани и Индира.Ганди - являются ли они заслуженными, достойными людьми?» Затем, считает ли он, что Медиокраджи - бхай Дезай — должен быть, по его мнению, человеком особых достоинств? — так как, будучи премьер-министром, он назначил Нани Палкхивала послом Индии в США. Мне хотелось бы знать, почему он хранил молчание все эти сорок лет и ничего не говорил о меритократии? Теперь, когда он лишился своего поста, внезапно все политики стали посредственностями. А ведь он был назначен послом в Америку одним из самых посредственных людей во всем мире. Что это доказывает? Ему следовало бы отказаться от этого назначения, сделанного посредственным человеком; но тогда он был бы похож на побитую собаку. Одно ясно, что он гораздо ниже даже самого посредственного человека. Возможно, Нани Палкхивала думает, что его изберут, так как он имеет некоторые достоинства. Но ведь он посредственность. Чтобы стать специалистом по налогам, вам не нужно особых достоинств. Фактически, только посредственности и будут интересоваться налогами и законами в этой области. Люди с особыми достоинствами могут заниматься значительно более прекрасными вещами.

Еще один человек, потерпевший поражение, бывший премьер-министр Индии Чаран Сингх. После поражения он сказал: «Всех политиков надо расстрелять, включая и меня, Чаран Сингха». А это надо было сделать, когда он был премьер-министром. Теперь он ничего не может сделать, он потерпел поражение. «Всех политиков надо расстрелять», включая его, но почему так внезапно? А всего лишь несколько дней до выборов он боролся, чтобы стать политиком! Если бы он одержал победу, вы думаете, что он сделал бы это заявление или, если Нани Палкхивала одержал бы победу, вы думаете, что он бы сделал свое заявление?

Я полностью согласен с великой идеей прежнего премьер-министра Чаран Сингха о том, что всех политиков надо расстрелять, включая и его. Но мое скромное предложение — «пожалуйста, реализуйте в жизни то, что вы проповедуете. Застрелите Морарджи Дезаи и себя, и вы войдете в историю. Вы двое - самые плохие политики в современной Индии. Но торопитесь; иначе Морарджи Дезаи не позволит вам войти в историю. Он может застрелить вас и себя и вырвать эту огромную возможность из ваших рук».

Этот мир полон очень странных людей, и каждый из них думает, что он уникален. Если бы они увидели всех вас, танцующими и ноющими, конечно, им это показалось бы каким-то представлением. А что они думают о себе? Мы это представление разыгрываем для них? Не думают ли они, что когда их здесь нет, у нас вытягиваются лица и мы начинаем плакать и рыдать, чтобы компенсировать свою радость? Иногда эти идиоты приходят сюда внезапно — как снег на голову. Женщина, корреспондент из газеты Newsweek, была очень обеспокоена, потому что она написала обо всем, что видела в течение семи дней. Она позвонила из Нью-Йорка: «Когда Шила сюда приедет, мой босс будет в Чикаго и я тоже. Если Шила будет здесь проездом, может быть, она сможет остановиться на один день, так как у меня затруднения. Мой босс просто думает, что мне нужно переделать работу. Поэтому, если Шила встретится с ним —

это будет хорошо».

Я сказал. Шиле: «Это будет хорошо: встретиться с ним и попытайся загипнотизировать его, словом, посмотри, что можно сделать». Что же фактически произошло? Босс не смотрел на

Шилу, он не дал себе ни единого шанса, быть загипнотизированным: он смотрел по сторонам, но не на Шилу.

Я много раз видел людей, стоявших на обочине, зрителей, которые приходили, чтобы получить стимул. Они не смотрят на меня. Я чувствую, как будто я останавливаю машину и открываю окно, но я чувствую, что если они загипнотизируются, тогда я окажусь виновным, поэтому лучше, если я пройду мимо и не обращаю на них внимание. Они смотрят куда-то в сторону... а ведь они приехали, чтобы увидеть меня! Что происходит? Я вижу их, а они меня избегают.

Возвращаясь со своего сеанса, который мне доставляет огромное удовольствие... потому что мое отношение к жизни таково: завтра, может быть, я не смогу увидеть вас танцующими, поэтому каждый день, когда я вижу это, я смотрю на это, как будто в первый и последний раз. Вивек выглядит немного озадаченной, как я могу наслаждаться каждый день одними и теми же людьми, танцующими и бьющими в барабаны, как попало, совершающими другие поступки? Как я могу наслаждаться этим каждый день? Я не смотрю на нее по той простой причине, что она может чувствовать себя смущенной. Я даже не бросаю на нее мимолетного взгляда: ведь она может чувствовать смущение, потому что она видит, как я наслаждаюсь одной и той же сценой каждый день. .

Но для меня это вопрос огромной важности. Может быть, завтра я не смогу увидеть вас, и тогда, если я вижу вас в последний раз, я должен видеть вас как можно полнее. А так как я никогда не сравниваю, то не возникает и вопроса о том, что вы — те же самые люди, поющие ту же самую песню, играющие на тех же самых барабанах. И я знаю, что я обязательно устрою так, что даже тогда, когда меня не будет здесь, моя машина проедет мимо вас в указанное время, чтобы вы могли танцевать, петь, играть. Где бы я ни был, я обязательно буду этим наслаждаться. Это я вам обещаю.

Итак, вы не пропустите, по крайней мере, мою машину, даже если меня не будет здесь. Вивек здесь будет. Многие уже думают, что она водит машину. Шиле пришлось разоблачить этот слух перед моим обществом, потому что этот слух неоднократно возникал, и когда об этом заговорили все, Шила сказала, что это не так... Однажды радиореporter следовал за моей машиной, передавая свои комментарии на радиостанцию, которую рая их немедленно транслировала. Он давал свои комментарии так же, как и комментатор футбольного матча: «Вот появляется

Бхагаван, люди танцуют, поют, прыгают. Повсюду слышна музыка, исполняются разнообразнейшие мелодии... а теперь Бхагаван даже отпускает рулевое колесо (это тоже было в его комментарии), и теперь он проводит время с танцорами и певцами. Хотелось бы знать, как его машина». Затем ко мне подходит Шила и говорит: «Это был радиорепортж. Он велся на всю Америку»..

Затем до нее стал доходить этот слух: «Правда ли, что машину водит не Бхагаван, а Вивек?» Педали и рычаги находятся на той стороне, где сидит Вивек, а передо мной всего лишь

псевдорулевое колесо, так что я могу оставить его, проблемы в этом никакой нет! В принципе, так можно сделать. Служитель моего гаража Авеш — прекрасный механик. Он может устроить так, что Вивек будет сидеть на месте пассажира, где будут находиться система управления и педали, и держать в руке маленький приборчик для управления машиной. А мой руль будет оставаться свободным так же, как он свободен, когда я выпускаю его из рук.

Но мне бы хотелось, чтобы вы наслаждались этим проездом так же, как это вы делаете всегда, чтобы вы так же танцевали или даже еще лучше, потому что, когда меня здесь не будет, вам придется «разыгрывать это действие еще лучше». Жизнь так проста и так прекрасна.

Если вы можете помнить, что неизвестно, что будет завтра, то тогда жизнь должна быть также и интенсивнее.

Вернувшись, я опять слушаю музыку. Затем я повторяю те же самые обычные действия: иду в ванную, иду в бассейн, иду в холодный душ. Затем я ужинаю, всегда одно и то же. Я не знаю, почему это называется ужином - ведь еда такая же, как утром. По крайней мере, насколько я понимаю, другого слова не надо, не требуется. А если говорить об обеде, то я не знаю, что означает это слово, потому что у меня никогда нет обеда — просто та же самая еда, что и утром, абсолютно та же самая.

Мой повар изобрел кое-что новое - лепешка, сделанная из растения дахл. Она очень вкусная, и, вероятно, моя кухня является единственным местом, где ее готовят (в Индии таких лепешек не пекут). У моего повара десятки рецептов разных лепешек, но я выбрал только два: на утро и на вечер. Но заканчиваю я свой ленч стаканом сока, что и утром, потому что я не допущу, чтобы что-нибудь появилось еще, кроме сока. Я заканчиваю свой ужин (так называемый ужин) стаканом сока, а потом я с нетерпением жду Шилу, которая приносит мне вопросы.

Вы не будете ждать встречи со мной с таким нетерпением, как я должен ждать встречи с вами. Вы не знаете, что я намерен вам сказать. Вот почему я продолжаю очень многое забывать. Вот почему вчера после завтрака я забыл, что должен был отправиться куда-то еще; ведь у меня нет подготовленных речей. Я просто говорю с вами, как если бы я говорил с собой — я говорю так, как вы думаете. Я не думаю, поэтому нет проблем с подготовкой: я начинаю говорить. Говорить не думая, это может показаться немного странным.

Вот только вчера я оставил Махавиру стоящим, я куда-то поехал еще и забыл об этом. Теперь я вспомнил, потому что это — не Индия; сейчас очень холодно, а я оставил его вчера обнаженным и полностью забыл об этом. Должно быть, он сейчас уже сильно сердится.

Каким бы он ни был спокойным, он должен рассердиться, потому что пробыл слишком долго в Орегоне, в ужасном холоде, при отрицательной температуре. Но что я могу сделать? У меня нет никакой определенной дороги. Я не двигаюсь по рельсам, как поезд. Я двигаюсь, как река, непредсказуемо даже для самого себя.

Позвольте мне закончить с бедным Махавирой и отпустить его, иначе я опять сойду с дороги. Я говорил вам, что Махавира стоял с закрытыми глазами. Какой-то человек подошел к нему с коровами и попросил его: «Так как вы стоите здесь, присмотрите за моими коровами, пожалуйста. Они пасутся. Я скоро вернусь». Он даже не обратил внимания на то, что этот человек не сказал ему ни да, ни нет, а он молчал уже двенадцать лет.

Человек ушел: ему надо было сделать какое-то важное дело; когда он вернулся, он обнаружил, что его коровы забрели в джунгли. Он обнаружил, что Махавира все еще стоит там, и он спросил: «Мистер, где мои коровы?» Махавира не ответил ему, и человек пришел в ярость. Он сказал: «Кажется, ты вор. Ты украд моих коров, а теперь стоишь здесь с закрытыми глазами, голый, как будто ты великий святой. Сначала скажи мне, где мои коровы?»

Но Махавира даже не открыл глаз, поэтому человек спросил: «Ты глухой или притворяешься глухим? Я тебе покажу!» Этот человек очень рассердился: все его коровы пропали, а Махавира ничего не делал, он просто стоял и не мог даже присмотреть за ними. Человек так рассердился, что, как говорят, он взял два куска дерева и вбил их в уши Махавиры: «Теперь ты по-настоящему будешь глухим!» Однако Махавира продолжал стоять, как стоял прежде. Вероятно, с тех пор он был глухим всю жизнь.

Но для Учителя не нужны уши. Все, что ему надо, - это язык, а он у него был. Фактически, мой опыт - это то, что люди, такие, как я, иногда становятся глухими. Они не пользуются ушами. Вот почему я слушаю музыку - я не хочу стать глухим. Ушам нужна работа, иначе ваши уши не используются.

Я продолжаю забывать такие вещи... во многих местах, по той простой причине, что... Я не думаю, что кто-нибудь может вести беседу спонтанно, так, как это делаю я. И я не представлял, что моя «спонтанность» будет оказывать такое влияние на людей. Я не оратор, я никогда не обучался этому искусству. Я просто говорю, как я говорю, когда вы встречаетесь со мной лично. Я не вижу никакой разницы.

Но один человек, который первым меня познакомил с Западом, Аубрей Менен... Это англо-индийский журналист, очень известный, но живет он в Англии. Именно он первым познакомил меня с Западом. Он написал первую книгу, в которой упоминалось обо мне. Название книги - «Новые листики». Он не только упомянул обо мне, но на обложке книги он поместил мою фотографию.

Я не мог поверить тому, что он написал обо мне. Он писал, что он слушал величайших ораторов нашей эпохи — Уинстона Черчилля, Адольфа Гитлера, Джавахарлала Неру, президента Кеннеди, — он удушал их всех. Сидя очень близко к ним, в первом ряду, так как он был ведущим журналистом. И он говорит, что никто не оказал на него такого влияния, как я. Он не только сравнивает меня с Адольфом Гитлером, президентом Кеннеди, Уинстоном Черчиллем и Джавахарлалом Неру, но он считает, что я самый хороший оратор из всех, кого он встречал. Это было удивительно, так как я вообще не оратор.

Я не смог поверить своим глазам. Я сказал: «О чем говорит этот человек? Адольф Гитлер был великим оратором, Кеннеди был великим оратором, Джавахарлал Неру был великим оратором, Уинстон Черчилль был великим оратором, а он сравнивает меня с ними, хотя я вовсе не оратор. Что на него так подействовало?»

Он сказал: «Что подействовало на меня больше всего, так это то, что этот человек совершенно не готовился. Он не знал, что он скажет в следующий момент, но каким-то образом все выстраивалось в одну линию. Его предложения являются короткими, разговор напоминает беседу двух человек, а не выступление перед толпой». Когда вы говорите с толпой, вы говорите со стенами: вы не являетесь при этом человеком.

Уинстон Черчилль говорил, что когда он начал выступать с речами и стал оратором, он очень нервничал. Позже он говорил правдиво, что он продолжал нервничать, когда стоял на подиуме; он продолжал чувствовать ту самую нервозность, которую он чувствовал в самом начале своей карьеры - шестьдесят лет тому назад. Но на помощь всегда приходит один и тот же трюк. Что же это за трюк? Им, вероятно, пользовались многие ораторы. Он объяснил так: «Первое, что я мысленно повторяю, — это то, что все эти люди идиоты; вам не нужно их бояться. И как только я внушу себе, что все они идиоты, я начинаю говорить. Кто же боится идиотов? И тогда слова нанизываются одно на другое, затем набирается сила, затем начинаешь работать, как компьютер».

Все ваши великие ораторы всего лишь повторяют речи, написанные для них секретарями. Секретарь Джавахарлала рассказал мне, что именно он написал все его речи. Он не только рассказал мне об этом, но и написал в своих мемуарах, что все знаменитые речи, которыми славился Джавахарлал, были написаны им. Перед выступлением Джавахарлал обычно бегло просматривал речь и намечал, как ему надо прочитать ее.

Но у меня все по-другому. Вы не идиоты. Я говорю с людьми, которые потенциально являются просветленными. Я говорю с вами с огромным уважением и любовью. И я никогда не испытываю никакой нервозности, потому что я не оратор, я просто беседую с вами. Следовательно, это должно было случиться уже много раз: я расскажу вам лишь половину истории, а потом, куда бы ни дул ветер, мое облако будет двигаться. Я никогда не делал никаких усилий, чтобы было по-другому.

Я хочу оставаться абсолютно естественным. И я хочу, чтобы вы слушали меня естественно.

Точно так же, как я не знаю, что я намерен вам сказать, и вы должны быть в таком же состоянии «пустоты», когда вы не знаете, что вы услышите.

В этом случае возникает возможность передачи чего-то, что содержится не в слове, а сопровождает слово, подобно тени или запаху.

Тогда слово придет, вы услышите это слово, но чудный аромат войдет в вас и взволнует ваше сердце.

Я направляю свои усилия на то, чтобы не воздействовать на ваш ум; это похоже на игру в любовь с вашим сердцем.

Мои беседы — это разговор сердца с сердцем, а не риторика.

Не огромные лекции, а простые человеческие беседы.

Простите меня, но я намерен сохранить этот порядок, но вы всегда можете напомнить мне, что я оставил кое-что в середине. Я могу всегда заполнить этот разрыв. Я бы хотел его заполнить, но что я „могу поделаться? Существует так много того, что надо сказать - и нечего сказать.

Вы можете помнить мою проблему: надо так много сказать, что даже если я буду жить несколько жизней, эта проблема будет существовать для меня, так как то, что я хочу дать вам, - это совсем не то, что можно выразить словами. Я живу с этой давней дилеммой, но все время

пытаюсь найти какую-то середину, и у меня появилось ощущение, что я нашел эту середину.

Однажды я услышал одну историю. Когда Бог создавал человека, он был, конечно, просто любителем. Он пересушил человека и получился негр. Бог сказал: «Иисус, что случилось с этим человеком». Негр сказал: «Ты меня слишком запек».

Тогда Бог попытался создать еще одного человека. Так вот работает и мозг человека от одной крайности к другой. Он боялся повторить свою ошибку, поэтому он недопек его, и получился европеец. Бог воскликнул: «Что происходит?»

И человек ответил: «Я был еще не готов, но ты вытащил меня из печи».

Тогда Бог сделал третью попытку. Теперь, конечно, у него уже был опыт, и он попытался найти середину, и говорят, что он нашел эту середину — получился индус.

После беседы я работаю с Шилой над духовным развитием санньясина. И около десяти часов я выпиваю последний стакан сока и перехожу в сон или в самадхи, что одно и то же. Теперь вы видите, что я ничего не имею, кроме сока.

Сок — это последнее и наивысшее *Raso vai saha* — то, что является ничем иным, как соком.

В санскритской сутре не используется местоимение «он»; вместо негорни используют слово «это». Совершенно ясно, они имеют в виду саму жизнь, а не несуществующего Бога.

Беседа 26

ТОЛЬКО ОДИН ГРЕХ - ЗАБЫТЬ СВОЮ СУЩНОСТЬ.

ТОЛЬКО ОДНА ДОБРОДЕТЕЛЬ - ПОМНИТЬ О НЕЙ

24 января 1985 года

Бхагаван,

Не могли бы Вы рассказать нам немного о блаженстве?

Вот уже почти тридцать три года, как я сам нахожусь в состоянии блаженства. Это как раз тот период времени, который Христос прожил на земле. Шанкара тоже прожил только тридцать три года, и Вивекананда - тоже. На протяжении всей жизни Иисуса я нахожусь в этом состоянии. И, очевидно, сейчас настало самое время задать мне вопрос о том, что такое «блаженство». На него почти невозможно ответить, но обратите внимание, я говорю «почти».

Это «почти» зависит от двух моментов. Во-первых, если вы доступны, открыты, не напряжены, без всяких размышлений о том, что такое «блаженство», если вы являетесь всего лишь чистым ищущим без каких-либо предубеждений, без размышлений; если ваше сердце доступно без всяких условий с вашей стороны — то тогда, возможно, самое невозможное может стать возможным.

Во-вторых, — и это далее еще более трудно... Это как если бы человек был мертвым целых

тридцать три года. Логически, вы можете спросить его: «Что такое смерть? — ведь вы были в состоянии смерти на протяжении тридцати трех лет — сколько времени вам понадобилось, чтобы определить это». Мертвый человек не может ответить. Он не здесь.

Я тоже не здесь — я мертв.

Вот природа «блаженства».

Когда оно входит в вас, вы исчезаете.

И то и другое не могут существовать вместе. Сосуществование вашего «эго» и «блаженства» совершенно невозможно — существовать может только одно - «эго» или «блаженство». Это похоже на свет и тьму. Вы не сможете совместить их.

На Востоке рассказывают историю о том, что однажды тьма появилась перед Богом со слезами на глазах и пожаловалась на Солнце: «Я ничего плохого вашему Солнцу не сделала. Я с ним даже не знакома, мы никогда не встречались, но оно все время меня преследует. Где бы я ни появилась, оно меня рано или поздно настигает и я постоянно убегая. Теперь я очень устала и хочу, чтобы Вы сделали что-то с этим. Почему оно меня преследует?»

Бог позвал Солнце и спросил его: «Почему ты преследуешь тьму? Что она тебе сделала?»

Солнце же спросило: «Кто это — тьма? Я никогда с ней не встречалось. Я бы хотело с ней познакомиться».

Бог оглянулся на то место, где стояла тьма, но там никого не было. С того времени Бог все время пытается устроить что-то вроде их встречи за круглым столом, что-то вроде переговоров, организовать «посредничество». Но, хотя все религии и говорят, что Бог всемогущ, в этом случае ему ничего не удается сделать. Он не может помочь встретиться Солнцу и тьме: они появляются только поодиночке.

Причина очень простая. Тьма не существует сама по себе. Это всего лишь отсутствие света. А когда свет присутствует, как может присутствовать в это же время его отсутствие? Это отсутствие возможно только тогда, когда свет отсутствует.

Этот случай продолжает оставаться постоянно в списке нерешенных проблем. Эта история действительно очень важна. Она рассказывает нам кое-что о нас и о блаженстве.

«Эго» - это не что иное, как отсутствие «блаженства».

Чем человек более эгоистичен, тем больше он мучается, пребывая в страдании, в несчастье, в темноте. Жизнь его — ад.

Нет другого ада, как жить в своем эго.

Нет другого рая, как выйти из своего эго.

Выходя из своего эго, вы выходите из своих страданий, несчастий, мучений — из всего этого. А когда нет эго, то остается блаженство.

Я закрываю глаза — и оно появляется.

Я открываю глаза — оно здесь.

Я иду — оно идет со мной.

Я сплю — оно спит со мной.

Я существую теперь не сам по себе, не отдельно от него.

Существует одно прекрасное утверждение величайшего Учителя — Кабира. Он говорит: «О, мои возлюбленные, ищите и находите. Я потерял себя. Капля упала в океан; где теперь мне искать себя? Я был всего лишь каплей».

После того, как он написал это рано утром, его ученики, которые обычно приходили к нему утром, спросили его, что он пишет. Кабир ответил: «Я пишу что-то, но я не совсем этим доволен».

Позвольте мне повторить его слова, они прекрасны сами по себе.

Herat, herat he sakhi rahya Kabir herai

bund samani samund men so kat heri jai.

«О, мой возлюбленный друг, возникла огромная трудность. Я искал и искал, и во всех своих поисках я забыл позаботиться о себе самом. Я потерял себя, потерялся так же, как теряется капля росы в океане, но цена этому - потеря самого себя».

«Но я не удовлетворен, - говорил Кабир. - Поэтому - вы подождите. Что-то не так ». И он изменил то, что написал всего лишь чуть-чуть, но благодаря этому, это высказывание значительно изменилось!

Herat herat he sakhi rahya Kabir herai.

«О, мои возлюбленные, ищите и найдете; Кабир потерял себя. Океан упал в каплю росы, теперь где же мне искать мою каплю росы?»

Оба утверждения верны, но второе — вернее, оно истиннее истины. Оно подходит очень близко к самому точному выражению смысла слова «блаженство». Это — нахождение, но очень рискованное при том условии, что вы теряете самого себя.

Обычно в словарях вы находите значение слова блаженство (bliss), как счастье, удовольствие, радость. Лингвистически эти слова, очевидно, имеют одно и то же значение; с точки зрения существования, это совсем другое. И вам надо будет понять все - и тончайшие нюансы и различия, только тогда вы сможете уловить суть явления, которое я называю словом «блаженство».

Помните, вы не можете держать это в зажатом кулаке.

Вы можете держать его только на открытой ладони.

Это похоже на легкий ветерок.

Оно выскользнет из вашего кулака.

Ваша открытая ладонь может ощутить его легкий танец, нечто вроде любовной игры с ним.

Давайте начнем с конца, потому что тогда нам будет легче понять, что это там, где человек биологически рождается. Удовольствие - носит физический характер.

Великий суфийский поэт, Омар Хайям, дал правильное определение понятию «удовольствие». Он не определял удовольствие, он просто писал прекрасные стихи, но, не осознавая, он подошел очень близко к определению удовольствия. Он говорит: «Холодная зимняя ночь, хороший обед, камин, у которого вы сидите на своем любимом стуле с томиком стихов на коленях, перед вами танцует и поет под звуки музыки прекрасная женщина... Тепло, красота, благодать, вкусная еда и большая книга со стихами на коленях, музыка. Вы наедине с теплом камина в холодную ночь... Это удовольствие».

Физически вы здоровы. Вы наслаждаетесь своей едой; вы наслаждаетесь своим любимым, своей возлюбленной. Вы наслаждаетесь своими друзьями, или музыкой, или живописью, а это все - физические явления. С этим все нормально. Когда речь идет о моей религии, я могу сказать, что я за всякие удовольствия. Конечно, я на этом не останавливаюсь, с этого я только начинаю.

Все другие, старые религии против удовольствия; именно в этом они и проигрывают, так как если вы проигрываете первый этап, то, пожалуйста, не надейтесь, что вы сможете достичь вершины. Первая ступенька лестницы так же важна, как и последняя: это звенья одной и той же цепи. Я не осуждаю первую ступеньку лестницы, потому что без нее не будет всей лестницы. Я целиком за удовольствие, но я бы хотел вам напомнить, что существует еще кое-что, кроме удовольствия.

Счастье выше удовольствия.

Это не физическое явление, это в большей степени физиологическое явление! Вы можете ощущать голод, холод, мороз, но вдруг в дверь стучится ваш друг. Вы забываете голод и холод, вы просто обнимаете его. Это несколько больше, чем то, что может дать вам тело; это в вашей психологии. Друг, которого вы долго не видели... Вы забываете про свое тело, в вас поднимается ощущение огромного счастья.

Животные имеют только удовольствие, а большинство людей все еще животные. Большая их часть не знает о счастье.

Есть люди, которые никогда не любили. Помните, секс – это удовольствие, любовь - счастье. Не смешивайте эти два понятия. Любовь может существовать без секса; секс – без любви. Они также могут существовать вместе, но в этом нет необходимости.

Секс дан природой. Это изначально встроенная в вас программа вашей биологии. Любовь - не встроенная программа; вот почему так много людей не имеют ее. Она должна быть включена в

вашу программу. Вам надо узнать ее, научиться ей, это искусство. Вам надо понять одну вещь - природа и биология не нуждаются в любви; для того, чтобы продолжалась жизнь, достаточно одного секса. Воспроизведение - конец секса, а биология интересуется лишь воспроизведением.

Любовь — это роскошь.

Она не имеет никакой биологической функции.

Пока вы не начнете изучать то, что выходит за пределы вашего тела, что не требуется телу, то, без чего тело может существовать, вы никогда не сможете узнать, что такое любовь. Познание поэзии, глубины музыки или красоты солнечного восхода или захода...

Ни одно животное не обращает внимания на восход или заход солнца. Вам не следует обманываться утренним пением птиц. Это не песня счастья, приветствующая восход солнца, нет. Это всего лишь избыточная энергия, накопленная за целую ночь спокойного расслабленного состояния.

Вы не просыпаетесь с восстановленными силами, так как вы спите плохо. Ваш мозг продолжает работать, мечтать, строить планы; ваш мозг продолжает держать ваше тело в напряжении. Понаблюдайте за чьим-нибудь лицом во время сна, и вы удивитесь тому, что происходит. Иногда лицо очень напрягается, иногда хмурится лоб, иногда скрежещут зубы, иногда произносятся какие-то звуки.

Вероятно, он говорит что-то во сне, это становится невнятной тарабарщиной; вы не можете понять, что именно он произносит. Но так это происходит.

Как раз вчера утром Вивек показала мне одного из белых павлинов, который всегда ходит около моей гостиной и спит на макушках деревьев. Таков его святой обычай. Может идти дождь, может идти снег - это не имеет никакого значения. И место, где он сидит, кажется таким опасным, что в любой момент он может свалиться; но он так расслаблен. Почти один с этим деревом. И вот, после этих десяти часов, почти двенадцать часов уходит у него на то, чтобы вернуться к самому источнику его жизни во сне; так что, если он начинает танцевать утром - это не удивительно. Это не имеет никакого отношения ни к солнцу, ни к цветам, это имеет отношение к его внутренней энергии, которая выплескивается через край. Птицы чирикают, щебечут... Это просто жизнь. Но помните - животные или птицы не могут ощущать счастья; это прерогатива человека.

Одно надо запомнить: удовольствие имеет своего двойника — боль; счастье имеет своего двойника - страдание. И вы не можете иметь одно и не иметь другого: они неразлучны. Если вы имеете удовольствие, в таком же объеме будьте готовы получить и боль. Невозможно иметь девяносто процентов удовольствия и десять процентов боли. Природа так не действует. Это очень понятно. Всегда — пятьдесят на пятьдесят, все хорошо уравновешено.

Вот почему многие люди, особенно религиозные - монахи, святые, мудрецы... думали ли вы когда-нибудь об этом, почему они начинают отрекаться от удовольствия? Вы, вероятно, не удивлялись... Они отрекаются не от удовольствия, они отрекаются от боли. Но без отречения от удовольствия не будет возможности отречься от боли - вот в чем трудность. Если бы было возможно сохранить удовольствие и отречься от боли, я думаю, что ни один святой не был бы

таким глупым, чтобы отречься от удовольствия.

Им приходится отречься от удовольствия, потому что они знают, что если вы испытываете удовольствие, то за ним следует боль. Это почти как с дверью, на одной стороне которой написано «от себя», а на другой «к себе». Это одно и то же: на одной стороне - удовольствие - «тяните на себя», и тогда у вас возникает желание тянуть это, сколько можно, а на другой стороне находится боль, и вы хотите оттолкнуть ее от себя, как можно дальше.

Но однажды вы делаете выбор в пользу удовольствия - никто ведь не выбирает боль за исключением мазохистов. Но Даже мазохисты, выбирая боль, должны выбирать и удовольствие. Мазохист - это человек, который терзает себя и испытывает от этого терзания удовольствие, так как его выбор боль. Он терзает себя, но вы можете увидеть в его глазах, Что он и наслаждается. Вы не можете разделить эти две сущности (страдание и наслаждение), так как их не две, это две стороны одной и той же энергии.

Точно так же и счастье соединяется со страданием. Все хотят быть счастливыми, но вы видите, что все страдают. Чем больше счастья вы хотите, тем больше страдания вы к себе притягиваете.

Американская конституция содержит в себе глупую идею, Она гласит, что стремление к счастью - право человека, данное ему от рождения. Люди, которые писали эту конституцию, не имели представления о том, что они пишут. Если стремление к счастью - право человека от рождения, то как же тогда быть со страданием? Что, право от рождения - страдание? Эти люди совсем не понимали, что если вы просите счастья, то вы просите и страдания одновременно; и не имеет значения, знаете вы об этом или нет.

Если какая-то картина делает вас счастливым, если встреча с другом делает вас счастливым, если песня делает вас счастливым... Но как долго вы сможете оставаться со своим другом? Во встрече кроется разлука; в жизни кроется смерть. Как долго вы можете ощущать счастье от песни? Она скоро начнет вам надоедать, вы насытитесь ею по горло.

Вы можете увидеть, как это происходит в каждой синагоге, в каждой церкви, в каждом храме, в каждой мечети: люди почти спят. Несколько стариков даже храпят, потому что они слышали эту церемонию очень много раз. Само повторение этой церемонии вызывает скуку, а скука вызывает сон. Это психологический механизм. Вот почему все методы, которые предлагаются людям, страдающим от бессонницы, являются, На самом деле, не чем иным, как методами, которые вызывают скуку, утомляют.

Им говорят: «Сосчитайте от одного до ста, а потом наоборот: сто, девяносто девять, девяносто восемь, девяносто семь, досчитайте до одного, а потом опять от одного до ста, и наоборот». Естественно, вы устанете уже через пять минут, а некоторые хитрецы предлагают этот метод, как если бы они предлагали вам что-то религиозное. Например, Махариши Махеш Йоги. То, что он называет трансцендентальной медитацией, является всего лишь трансцендентальной скукой.

Если вы повторяете какое-либо имя непрерывно в течение десяти-двадцати минут, вы просто обязаны уснуть. Конечно, ваш сон в этом случае будет немного отличаться от вашего обычного сна: это гипноз. Гипноз - это преднамеренный сон, не естественный, а созданный с помощью определенной стратегии, с помощью определенного механизма, например, повторяйте «Аве Мария, Аве Мария», повторяйте это быстро. Вам надо повторять это быстро, так, чтобы между

двумя «Аве Мария» не было разрыва; в противном случае, у вас могут появиться какие-то мысли и нарушить всю процедуру; чтобы этого не случилось, вам надо повторять это выражение очень быстро.

Вот почему Махариши Махеш Йоги не выдает своей - мантры, своего секрета, открыто никому. Нет, это может передаваться только приватно. Причиной этого является то, что для христианина это должна быть Аве Мария, для индуса - это должен быть Рама или Кришна, для мусульманина - это должен быть кто-то еще, для иудея - это должен быть кто-то еще. Публично вы не можете объявить свою мантру, так как Аве Мария не будет действовать на индуса; он не будет готов потратить зря десять минут на какую-то Аве Марию.

Для христианина Рама не имеет никакого смысла, если не считать нескольких хиппи. Для них все имеет смысл в течение нескольких дней, а потом это превращается в бессмыслицу. Хиппи находятся в постоянном движении. Они постоянно что-то ищут. Их не интересуют открытия, им интересно движение, процесс движения. Для иудея Кришна не имеет никакого значения. Чтобы помочь вам, нужно, чтобы у вас было определенное значение, определенные условия с самого детства; иначе слово, которое вы повторяете, будет держаться только на поверхности вашего ума. Оно не войдет в ваше сознание, а именно бессознательность и вызывает гипноз. Итак, повторяйте какое-то слово...

Махариши Махеш Йоги приезжал в Джабалпур, когда я был там профессором. Я послал одного из своих студентов, чтобы он у него причастился, и я сказал: «Скажи ему, что ты атеист, что ты не веришь в Бога, потому что я хочу посмотреть, какую мантру он тебе даст». Обычно, никакой атеист не пошел бы: за всю свою жизнь Махеш Йоги не встречался с атеистом, который просил бы у него мантру. Этот юноша был очень серьезным человеком, и я сказал ему: «Оставайся очень серьезным и пройди через всю процедуру. Сколько бы ни понадобилось денег - дай. Тебе надо взять цветы и кусок Шелкового одеяния для подарка».

Итак, он пошел подготовленный. Он прикоснулся к ступням Махариши, произнося про себя, конечно, «иди к черту», а внешне сохраняя полную серьезность. Когда он прикоснулся к ступням Махеш Йоги и положил к ним цветы и шелковую одежду, он скрестил руки и сказал: «Пожалуйста, причастите меня».

Махеш Йоги сказал: «Хорошо. Мне кажется, что ты истинный искатель. Какова твоя религия?»

Студент ответил: «В этом моя трудность. Я атеист. Я не верю в Бога».

Махариши Махеш Йоги сказал: «Впервые мне встретился атеист. Я не знаю, какую мантру тебе дать, потому что для атеиста все мантры бесполезны».

Вы не можете дать ему имя Иисуса, он не верит в Бога, как же он может поверить в сына Божьего? Вы не можете дать ему имени Кришна: он не верит в Бога, как же он может поверить в инкарнацию Бога?

Махеш Йоги сказал ему: «Приходи завтра, пожалуйста».

Юноша пришел ко мне и рассказал о том, что случилось: «Махеш Йоги подумал несколько минут и велел мне придти завтра».

Я сказал: «Он обманул тебя. Беги прямо сейчас и попроси назад свои деньги., свои цветы, свои вещи, потому что сегодня вечером он уезжает». Юноша кинулся назад. Люди, которые находились в лагере Махеш Йоги, пытались помешать ему, говоря: «Сейчас не время для причастия».

Он отвечал: «Мне все равно. Я пришел сюда не за причастием; я пришел сюда забрать свои вещи, которые я оставил здесь утром». А так как он был сильным молодым человеком, ему удалось прорваться в комнату Махеш Йоги.

Махеш Йоги посмотрел на него и сказал: «Но ведь я велел приходить тебе завтра».

Студент ответил: «А вы уезжаете сегодня. Ваши вещи упакованы. Кого же я увижу завтра? Пожалуйста, отдайте назад мне мои деньги. Где мой платок и где мои цветы?» Махеш Йоги пришлось разыскать деньги и вещи студента и отдать их ему.

Эти люди используют весь мир. То, что они дают, всего лишь простой метод гипноза, самогипноз. Все годится, годится не только имя Бога. Годятся даже бессмысленные звуки. Вы просто повторяете эти звуки, и вы устаете, и сон, которому даются разные названия, но чаще всего гипноз, потому что в нем нет никаких сновидений, опустится на вас. Вот почему, после того, как вы проснетесь после трансцендентальной скуки, вы почувствуете себя отдохнувшим. Но так чувствуют себя все после гипноза, точно так, потому что нет никаких сновидений, ничего вас не волнует: вы ведь так утомили свой мозг раньше.

В Индии хорошо известным фактом является то, что, если вы скажете ребенку: «Сядь в углу и не мешай нам, мы заняты чем-то важным», он и не подумает сесть. В Индии ребенку обычно говорят: «Пойди и обойди дом двенадцать раз». После двенадцатого круга он вынужден будет сесть и никого не беспокоить по крайней мере полчаса.

То же самое происходит и с умом. Если вы просто сидите и стараетесь молчать, вы обнаружите, что в вашей голове больше мыслей, чем когда бы то ни было, потому что обычно они не приходят к вам в голову с такой готовностью. Они всегда стоят в очереди, ожидая, когда они смогут войти в вашу голову, а вы так запаздываете со своими указаниями, что некоторые мысли могут стоять в этой очереди годами. Но мысли упрямые, они могут ждать. Они могут ждать годами, когда-нибудь им удастся проскользнуть в вашу голову. Поэтому, когда вы сидите, медитируя, молясь, вы даете шанс всем своим мыслям, желаниям, мечтам, которые не могли привлечь ваше внимание раньше.

Теперь вы доступны, поэтому немедленно в вашей голове начинается «ералаш». Внезапно начинает появляться так много мыслей из ниоткуда. Но если вы в это время повторяете какое-то слово, имя, тогда вы не даете своим мыслям никакого шанса. А если вы повторяете эти слова так быстро, что между двумя словами нет никакого разрыва, тогда вы даете возможность своей голове устать от одного и того же. Эта усталость приводит к определенному сну — гипнозу, который очень освежает, очень полезен. В нем нет ничего плохого; плохим является то, что его используют иногда для обмана и использования людей, преподнося гипноз, как нечто духовное. Он не имеет ничего общего с духовным. Ваш мозг способен ощущать счастье, но чем больше границ счастья открыто для вас, тем больше для вас открыто и границ страдания. Не следует удивляться тому, что люди, подобные Жану-Полю Сартру, испытывают больше душевных страданий, чем, так называемые, обычные люди. Сартр, конечно, гений. Его мозг имел больше

границ, открытых для счастья; очевидно, он так же широко открыл дверь и для страдания.

Относительно взаимосвязи между счастьем и временем нужно запомнить следующее: счастье так прекрасно, так сладко, так коротко, что вы чувствуете, как быстро проходит время. Часы — наручные или настенные - не имеют никакого представления о том, что вы счастливы или страдаете, - они идут со своей обычной скоростью; но когда вы счастливы, вы чувствуете, как быстро мчится время, потому что вам хочется этого счастья как можно больше. Вы бы хотели, чтобы оно осталось с вами навсегда. Вы цепляетесь за него. Вы боитесь, что оно вот-вот выскользнет из ваших рук. Во всем этом время проходит очень быстро, и вы вдруг обнаруживаете, что этот великий момент - ушел.

Поэтому, когда приходит счастье, оно мгновенно; когда приходит страдание, которого вы не хотите, оно является незванным гостем. Вы хотите оттолкнуть его, но вы не в состоянии сделать этого. Тогда вам покажется, что время замедляет свой бег, как если бы все часы тайно сговорились против вас. Когда вы счастливы, они идут быстро; когда вы страдаете, они вдруг начинают лениться. Нет, они ничего плохого вам не делают.

Альберта Эйнштейна много раз спрашивали: «Что такое ваша теория относительности?» Да, его теория относительности является очень сложным феноменом. Он не может на этот вопрос ответить просто. Вам придется пройти через длительный процесс изучения математики и физики, и тогда вы, может быть, сможете ее немножечко понять. Говорят, что при жизни Эйнштейна было только двенадцать человек, которые поняли его теорию относительности.

Но его должны были спрашивать об этом. Люди слышали о его теории относительности, и если Эйнштейн оказывался поблизости, все, как правило, спрашивали его об этом, поэтому он нашел ответ. Ответ такой — если вы сидите со своей любимой - это одна ситуация, или если вы сидите на сковороде, раскаленной докрасна, - это другая ситуация, то будет ли время для вас проходить с одной и той же скоростью? Очевидно, для человека, который сидит на раскаленной плите, одна минута покажется целой вечностью, а для человека, который сидит со своей возлюбленной, целая вечность покажется одним мгновением. Эйнштейн сказал: «Вот что такое моя теория относительности. Вы не сможете понять больше этого, но этого достаточно, чтобы уловить идею».

Время относительно для вашего мозга, поэтому можно сказать, что время и мозг почти одно и то же явление.

Теперь я могу поговорить о блаженстве. Блаженство не имеет двойника. Это первое, что надо понять. За удовольствием следует боль, за счастьем - страдание, а блаженство ничего не имеет в противовес; это органичное целое. Гаутама Будда часто говорил: «Где бы вы ни попробовали океан, он везде соленый». То же самое происходит и с блаженством: вы можете проверить в любом месте, в любом направлении, в любом пространстве - это все равно блаженство. Ему ничего не противостоит.

Блаженство - это единственное в жизни, что не имеет полярной противоположности. Вот почему, как только вы становитесь блаженным, вы уже не можете выйти из этого состояния. Нет способа стать вновь «неблаженным». Я много раз пытался, но мне это не удалось.

В Японии есть статуя Бодхидхармы (в Японии его называют Дарума). Есть у них кукла, которая

называется кукла Дарума, которая была сделана на основе принципа Бодхидхармы. Он говорил: «Как бы вы не старались, вы не сможете меня перевернуть; я всегда буду в одном и том же положении». Этот принцип дал одному из мастеров игрушек идею сделать куклу. Она имеет утяжеленный низ, поэтому вы можете как угодно бросать эту куклу, а она всегда будет возвращаться в свою позицию, позу лотоса. Вы можете ее толкать, бросать, бить, можете делать все, что хотите, но она всегда будет сохранять позу лотоса.

Так обстоит дело и с блаженством: что бы вы ни делали с ним, что бы ни происходило вокруг вас, оно будет абсолютно таким же, оно неизменно.

Блаженство содержит в себе какие-то признаки удовольствия, оно содержит в себе какие-то признаки счастья; но это нечто большее. И плюс ко всему, вы чувствуете, что вы абсолютно все завершили, вы удовлетворены, у вас нет желаний, вы ничего не ждете. В это самое мгновение вы находитесь там, где все хотят находиться, и вы испытываете огромное чувство, что больше этого уже быть не может. Это так же, как не может быть ничего больше неба: оно безгранично. Для ума это непостижимо, потому что ум может постичь ограниченные вещи. Здесь вы можете почувствовать, как ограничен наш мозг. Он не в состоянии постичь что-то безграничное.

Вот оно небо, без границ. Вы никогда не сможете найти место, где вы можете сказать: «Вот граница». Подумайте над этим. Как вы можете сказать «вот граница», если «граница» означает, что что-то должно быть за нею. Чтобы сделать границу, необходимы две вещи, абсолютно необходимы. Если позади ничего нет, тогда ничего не делает и границу; тогда границы нет; вам придется войти в никуда. Но вы никогда не дойдете до места, где вы найдете указатель: «Здесь кончается Вселенная». Она нигде не кончается, она нигде не начинается. Точно так же обстоит дело с ощущением блаженства.

Блаженство находится и внутри вас, и вне вас.

Блаженство присутствует в жизни, но оно и в смерти.

Оно присутствует, когда вы чувствуете себя здоровым; оно присутствует, когда вы чувствуете себя больным.

Оно присутствует, когда вы молоды; оно присутствует, когда вы стары.

Для ощущения блаженства нет никаких различий.

Блаженство просто трансцендентально ко всему, что существует во вселенной.

А так как оно универсально, так как оно повсюду - в вас, во мне, - как бы трудно ни было его объяснение, испытать его на себе совсем не так трудно. Позвольте мне повторить мою мысль, так как она может показаться вам немножко сумасшедшей: объяснить ощущение блаженства труднее, чем ощутить его.

Как вы можете объяснить, что такое красота? Как вы думаете, что пытались делать сотни поэтов, философов, мыслителей и художников в течение этих тысячелетий? Они пытались найти определение понятию «красота». Они создали множество прекрасных вещей, но они не смогли определить этого.

Один человек в нашем столетии совершил поистине огромную работу. Его зовут Джордж Эдуард Мур - один из величайших философов. Он посвятил всю свою жизнь решению одной проблемы: что есть добро? Он изучал вопросы нравственности, а нравственность невозможна, если вы не можете определить даже, что такое добро. Как вы можете говорить тогда, что такое плохо? Как вы можете говорить, что хорошо, а что плохо, как вы можете говорить, что такое грех, а что такое добродетель? Первое и основное, в чем необходимо разобраться в первую очередь: что такое добро.

Всю свою жизнь Мур описал в одном большом томе. Название его книги Основы этики. Он выбрал это название еще до того, как начал писать эту книгу; иначе, если бы он этого не сделал, я думаю, что он ни за что не назвал бы ее так - Основы этики. Он думал, что он найдет основной принцип этики, но после того, как он всю жизнь потратил на исследования в этой области, он пришел к печальному выводу. Он заканчивает свою книгу словами: «Добро невозможно определить».

Вы читаете его книгу, очень большой сложный труд, с аргументами «за» и «против» — он рассматривает в ней всю историю философии морали, но в конце он говорит: «Извините меня, но добро невозможно определить, потому что это такое же простое качество, как цвет (например, желтый). Если кто-нибудь попросит вас определить, понятие «желтый», что вы сможете сделать? Я был просто глуп, потратив зря время на эту проблему.

Что такое «желтый»? Вы скажете - желтый есть желтый, но это не определение, однако вы знаете, что это такое, не так ли? Я знаю, что такое блаженство, но, пожалуйста, не спрашивайте меня, что это такое. Если вы не можете ответить на вопрос, что такое желтый — такой земной и третьестепенный вопрос, - тогда трудно дать определение тому, что такое красота или что такое добро. Но, может быть, человек, подобный Микеланджело, может создать статую и сказать вам: «Посмотрите, почувствуйте, прикоснитесь - вот красота». Хотя вы можете и не быть удовлетворенным, но Микеланджело, по крайней мере, может создать что-то объективное.

Пикассо может создать рисунок; Рабиндранат Тагор может написать поэму и сказать: «Где-то здесь, в этой поэме, между строчками находится красота. Попробуйте найти ее - окунитесь в нее». По крайней мере, они могут дать вам что-то объективное. Этого может не хватить, чтобы сформировать определение, а они знают это, но работа в их измерении дает им возможность что-то создавать.

Но мой мир субъективен. Я не могу рисовать, я не могу писать стихи, я не могу создавать песен, я не могу творить, сочинять музыку о блаженстве. Не существует способа, чтобы выразить блаженство через что-нибудь объективное, потому что это субъективное явление, а не какая-то вещь. Вы не можете наблюдать ее, ее нельзя поставить перед вами, как предмет, но существует только один способ, и этот способ - находиться в тесной близости с человеком, который испытывает это ощущение.

Вот каково значение такого явления, как Учитель и ученичество.

Учитель имеет свойство блаженства, и ученик имеет его. Но учитель знает, что он обладает этим свойством, а ученик не знает, что им обладает.

Поскольку речь идет об обладании этим свойством, разницы большой нет. Разница заключается

только в том, что глаза Учителя открыты, а глаза ученика закрыты.

Находясь в тесной близости с Учителем при каком-то неожиданном движении, вы можете ощутить это, как вы ощущаете легкий ветерок, пролетающий мимо вас, который вызывает ощущение пролады; или внезапно мимо вас пролетает что-то, что вы не можете схватить. К тому времени, когда вы попытаетесь схватить его, его уже нет; оно улетело; его нельзя удержать в кулаке.

Вопросом, что такое блаженство, занимается вся моя община.

Я приглашаю вас сюда побыть со мной, побыть здесь, потому что у меня существует только одна возможность: только благодаря вашему присутствию может возникнуть то, что я называю синхронностью. Это случалось раньше, это может произойти и сейчас. Но вы должны помнить, что другого способа получить это не существует. Это происходит только благодаря вашему присутствию здесь.

Позвольте попытаться мне объяснить вам кое-что о синхронности, потому что она является основным условием для ощущения блаженства.

Не было ли у вас когда-нибудь так: вы печальны, несчастны, но вдруг приходит несколько друзей, которые начинают болтать, сплетничать, и боль спустя некоторое время исчезает, вы вспоминаете: «Господи, что случилось с моими несчастьями и моими страданиями?» Вы полностью погрузились в болтовню и забыли о своих несчастьях. Ваши друзья смеялись, шутили, развлекались, и часть их энергии стала задевать что-то в вас.

В индийской классической музыке древним, давно известным фактом является следующее: вы можете поместить ситар (индийский музыкальный инструмент) в пустой комнате, в каком-нибудь углу, а напротив, лицом к этому ситару, искусный музыкант-ситарист начинает играть. Вы будете очень удивлены: если этот музыкант действительно мастер, то другой ситар, находящийся в углу, начнет вибрировать с такой же частотой. Это и есть синхронность. Невидимые колебания звуков, которые извлекает мастер на инструменте, начинают медленно двигаться по комнате. Это происходит точно так же, как тогда, когда вы бросаете камень в тихое озеро и начинают подниматься волны, которые двигаются все дальше и дальше от того места, где упал камень.

Точно так же каждая нота мастера создает волны в воздухе вокруг себя, и эти волны расходятся все дальше и дальше. Проходя мимо другого инструмента, они попадают на его струны; но этот мастер должен быть очень искусным ситаристом, потому что струны на этом другом инструменте требуют очень нежного прикосновения, только тогда «они начинают медленно вибрировать. Большие мастера могут играть на таком инструменте, могут демонстрировать свое искусство.

Акбар, правитель Индии, очень заинтересовался, когда услышал об этом; у него в свите был один великий музыкант, Тансен, поэтому он расспросил Танеева об этом явлении. Тансен сказал: «Я великий музыкант, но мне этого не дано. Это может делать мой учитель».

Акбар спросил: «Есть ли кто-нибудь, кто может играть лучше тебя?» Он спросил это потому, что очень много музыкантов приехало, чтобы попытаться победить Танеева. Это происходило

постоянно. Музыканты хотели стать членами группы под названием «Девять бриллиантов», которую создал Акбар: девять великих умов по одному на каждое проявление жизни. Тансен был одним из них. Тансен ответил: «Да, существует только один человек - мой учитель».

Акбар сказал: «Я бы хотел пригласить его. Мы примем его со всеми величайшими почестями, которые уделялись кому-либо, но я бы хотел послушать его».

Тансен ответил: «Вот почему я никогда не упоминал его имени. Я пою, я играю на музыкальных инструментах, потому что я полон желаний и ожиданий. Вы дали мне так много, но мои желания не кончаются: я продолжаю играть, потому что я хочу кое-что получить. Мой учитель уже получил это. Он играет, потому что он получил все то, что он теперь может играть и распространять. Я играю, потому что я хочу получить кое-что. Я нищий, а он мастер. Он не приедет ко двору; только нищие, похожие на меня, могут приходить ко двору».

«Зачем ему приходить? Вам надо пойти к нему, потому что жаждущий идет к колодцу, если его это интересует. Вот почему я никогда не упоминал его имени; упоминание его имени означало бы, что вы попросите меня позвать его; и было бы очень неблагородно и недостойно отказать вам. Но я ничего не могу поделать».

«В глазах всего мира он старый нищий. Он просто живет возле вашего дворца, не очень далеко, на берегу реки Ямуна. Там у него есть маленькая хижина - вот туда вам и надо будет пойти. И вы не сможете просто потребовать от него: “Играй!” Когда он играет, вы можете слушать, спрятавшись, так как, если он увидит нас, он может прервать свою игру просто для того, чтобы поприветствовать нас, принять нас. Но каждый день в три часа он играет, так что мы можем пойти туда и спрятаться за хижины. А вы можете взять мой ситар с собой, поставить его за хижинкой и понаблюдать».

Акбар и Тансен пошли туда вместе, взяли с собой ситар, сели за хижинкой и стали ждать. Точно в три часа утра учитель Тансена начал играть. Звали его Харидас. Вероятно, в Индии не было такого музыканта, как он. Как только он начал играть, ситар за хижинкой стал вибрировать точно в унисон.

В Индии существует классическая музыка, которую они называют рага; это особая музыка, которую играют в определенное время суток. Для утренних часов используется одна рага, для вечера - другая. В течение многих тысячелетий люди трудились над тем, чтобы найти мелодию, подходящую для каждого периода времени, с тем, чтобы эта рага могла абсорбироваться этим временем. Индийская классическая музыка не похожа на джазовую музыку. Ни один из восточных музыкантов вообще не принимает джаз за музыку: «Это просто сумасшедшая толпа, прыгающая вокруг». Конечно, они производят какие-то звуки, но ведь производить звуки - не означает создавать музыку. Люди, которые занимались рага-ми, в конце концов обнаружили, что каждый период времени откликается на определенную музыку.

Итак, рано утром, в три часа, Акбар собственными глазами увидел, как вибрирует другой ситар, откликаясь на звуки музыки учителя, так, как если бы учитель играл на обоих ситарах, как если бы какие-то невидимые пальцы касались струн ситара, который стоял за хижинкой. Акбар начал плакать, слезы текли из его глаз, слезы радости.

Потом они пошли медленно домой. Всю дорогу они молчали, но когда Акбар входил во дворец,

а Тансен собирался отправиться к себе домой, Акбар сказал: «Тансен, я раньше думал, что никто не может играть лучше тебя, но, к сожалению, я должен сказать тебе, что ты далек от совершенства своего учителя. Почему ты зря теряешь время при моем дворе? Тебе нужно быть с твоим учителем. Если даже мертвый музыкальный инструмент откликается на музыку этого человека, то почему это невозможно между ним и тобой? Ведь бывают же чудеса. Постарайся забыть о моем дворе, постарайся забыть обо мне. Он уже стар, будь с ним; просто сиди с ним рядом, и пусть его энергия перетекает в тебя, пусть его музыка зажигает тебя». Это и есть закон синхронности.

При наличии Учителя его учеников объединяет этот закон, закон синхронности.

Один ученик - это еще не ученик, если закон синхронности не начал действовать, если что-то невидимое не появляется между Учителем и вами.

Учитель полон блаженства, он делится всем тем, что имеет, потому что в мире блаженства действует закон — чем больше вы отдаете, тем больше вы имеете.

Здесь не годятся обычные экономические законы. По обычным законам — чем больше вы отдаете, тем меньше вы имеете. Здесь же действует нечто более высокое, абсолютно противоположное, - чем больше вы отдаете, тем больше вы имеете.

Учитель - это тот, кто отдает, это дождь. Берете ли вы это, попадает ли это на вас — зависит от вас, потому что над вами может быть зонтик. Ваш зонтик может намочнуть, но ведь зонтики не ощущают блаженства. Вы останетесь сухими и будете продолжать задавать вопрос: «Каково определение блаженства, что такое блаженство?»

Закройте свои зонтики, отложите их в сторону. Лучше быть максимально обнаженным, чтобы ничего не мешало (я имею в виду - духовно обнаженным), так, чтобы не было барьера. Когда не будет барьера, вы обнаружите, что позади барьера всегда есть мост.

Я смогу помочь вам испытать это чувство блаженства. А если я могу помочь испытать вам это ощущение, зачем беспокоиться об определении?

И даже если я и дам это определение, для вас это не будет иметь никакого значения. Я могу сформулировать это определение, но это будут просто слова: «Блаженство - это экстаз». Но тогда вы спросите: «Что такое экстаз?» - это приведет к бесконечной регрессии. Я буду говорить: из А следует В, из В следует С и так далее до из Z следует А... Нет, какое определение нам вовсе не поможет.

Мир религии - это не мир определений.

Мир религии - это мир переживания.

Вот в чем заключается разница между учителем-преподавателем и духовным Учителем.

Преподаватель дает вам определения, объясняет все мелочи.

Духовный Учитель позволяет вам войти вместе с ним в неизведанное.

Он не дает вам ни определений, ни пояснений.

Он дает вам толчок.

Он толкает вас в бездонные глубины бытия.

Все мои слова являются такими «толчками».

Они ничего не имеют общего с ответами на ваши вопросы.

Я хочу, чтобы вы все это испытали на себе.

А блаженство - это такое ощущение, такой жизненный опыт, что, ощутив его, вы потеряете дар речи.

Вы знаете это, вы ощущаете это, вы и есть это. Но вы не можете сказать, что же это такое.

Это нельзя определить вербально, но экзистенциально это передать можно.

Да, я могу дать это вам.

Мои руки не пустые, они наполнены этим.

Но чтобы принять это, вы должны быть пустыми.

Я помню известный рассказ о Нан Ине. Один из университетских преподавателей философии поехал повидать Нан Ина, великого Учителя. Всю дорогу от университета до того места, где в храме жил Нан Ин, профессор обдумывал свои вопросы. Всю дорогу он мрачно размышлял и размышлял. Вопросов так много, о чем же спросить? Этот профессор очень много слышал о Нан Ине, такого человека редко кто может встретить.

Когда он вошел, первое, что ему сказал Нан Ин, было: «Пожалуйста, входи, но оставь толпу за дверью».

Преподаватель оглянулся - рядом никого не было. Толпу? Он был один. Нан Ин сказал: «Не смотри по сторонам, посмотри в себя: толпа там. Она была там все время».

Профессор был шокирован. Но профессор, в конце концов, это профессор. Он сказал: «Вы правы. Там толпа, но ведь я профессор, я постоянно имею дело с этой толпой. Это моя профессия. Извините меня, но я не могу оставить эту толпу за дверью. Она будет со мной, но я буду сидеть здесь молча. Не обращайтесь на нее».

Нан Ин ответил: «Но ты устал, вспотел. Садись, остынь, а я в это время приготовлю для тебя чашку чая». Нан Ин приготовил чашку, принес ее, подал пустую чашку и блюдце профессору и стал лить чай из своего чайника в эту чашку. Пока чашка медленно наполнялась, профессор наблюдал. Чашка наполнилась до краев, но Нан Ин продолжал лить в нее чай.

Чай стал вытекать на блюдце. Профессор очень старался быть терпеливым, потому что он пообещал, что его толпа будет сидеть молча, но эта толпа была в нем, и она говорила: «Этот

человек сошел с ума! Разве это способ?» А японцы очень серьезно относятся к чаю. Это часть их культуры и этикета, поэтому такого они никогда не совершают. Но Нан Ин продолжал лить и лить. Когда блюдце наполнилось и чай должен был политься на одежду профессора, профессор воскликнул: «Подождите! Что вы делаете? Чашка полна, в ней больше не поместится ни единой капельки».

Нан Ин сказал: «Ты понял правильно. Можешь ли ты оставить для меня немного свободного пространства в себе? Можешь ли ты впустить в себя хотя бы одну мою капельку? Ты наполнен до краев, как эти чашка и блюдце, но ты умный человек: ты понимаешь, что если продолжать лить чай в чашку, то он просто выльется. Но видел ли ты, сколько чая выливается из твоего тела? Все мое жилище уже намокло. Когда ты придешь сюда в следующий раз, приноси с собой пустую чашку; тогда я охотно поделюсь с тобой всем, что имею. Но ты так переполнен сейчас, что это бесполезно: я не могу войти в тебя ниоткуда. Я смотрю на тебя со всех сторон — в тебе огромная толпа. Там нет никакого свободного пространства, ни единого дюйма».

Вот что значит искусство быть учеником: превратитесь в пустую чашку и позвольте Учителю влить в вас все то, что находится в нем.

Учитель не станет от этого беднее, потому что он делит с вами свое блаженство. Это сокровище, которое постоянно растет, но самым трудным на свете является умение впустить это блаженство в себя, принять его, потому что к этому вы должны заранее подготовиться. Вы должны очиститься; за вашу чистоту будет приниматься внутренняя пустота.

На Западе говорят: «Чистота стоит рядом с божественностью».

Но так как Бога нет, то нет и разговора об этом.

Я вам говорю: «Чистота стоит рядом с пустотой».

По сути чистота является лишь другим названием для внутренней пустоты.

Выбросьте всю старую мебель и хлам.

Чего вы только не насобирали!

Однажды я жил с человеком... Он был очень богатый, но очень несчастный, очень. Он был одинок - ни детей, ни жены. Он никогда не женился по той простой причине, что это было дорого. Он рассказывал мне: «Я видел всех своих друзей: как только они женились, они теряли все, что у них было до этого. Иметь женщину слишком дорого, я не могу позволить себе этого. Одно следует за другим: появится женщина, потом появятся дети, и они разрушат все, что я так долго копил».

Действительно, он был человеком-собирателем. Однажды я шел на утреннюю прогулку и он спросил меня: «Можно я пойду с тобой?»

Я ответил: «Ты можешь пойти со мной, но что ты будешь делать? Ведь в утренней прогулке нет ничего, что приносит доход». Он всегда делал только то, что было экономически выгодно. Я сказал ему: «В утренней прогулке нет никакой экономической выгоды. Ты зря потратишь свое

время. Лучше сделай что-нибудь еще».

Но он сказал: «Нет, я вижу, что когда ты идешь на утреннюю прогулку каждый день, ты выглядишь таким счастливым, и когда возвращаешься, ты тоже выглядишь счастливым. И я подумал, что в этом, может быть, что-нибудь есть, поэтому всего лишь один раз...»

Я сказал: «Хорошо, пойдем. Может быть, ты сможешь кое-что найти». И он нашел. Как вы думаете, что? Руль от велосипеда! Кто-то выбросил его на обочину дороги. Он увидел его и немедленно поднял. Я спросил: «Что ты делаешь?»

Он сказал: «Вы не знаете, у меня есть два колеса, которые я тоже подобрал. Когда-нибудь вы увидите своими глазами весь велосипед».

И, действительно, ему удалось это сделать. Ему потребовалось много лет, но он все-таки показал мне этот велосипед, он позвал меня и сказал, что хочет мне что-то показать. Да, это был велосипед - без шин, без звонка, просто два колеса; без цепей, без педалей, без сидения. Был еще руль и одна несущая деталь.

Он сказал: «Все самое важное есть, велосипед почти готов. Мне нужно достать сидение, шины, рулевую колонку, цепь, и у меня будет новый велосипед».

Я сказал: «Он лучше, чем новый. Он - уникален!»

Таких вещей было очень много в его доме. Войти туда, не споткнувшись о что-нибудь уникальное, античное, что он не купил, а просто подобрал где-то, было невозможно. У него было по крайней мере десять домов и он получал очень большую ренту, но жил как бедняк. Ходил он пешком, так как ждал, когда сможет собрать свой велосипед.

Я сказал: «В этой жизни, а может быть в следующей жизни... а я надеюсь, что ты сумеешь родиться еще раз в том же самом доме, так как вы оставляете здесь так много вещей. По индуизму, когда вы привязаны к такому большому количеству вещей, ваша душа притягивается к тому месту, где находятся эти вещи».

Он ответил: «Нет, в этой жизни. Я не пессимист. Это вы, вероятно, пессимист. Я же оптимист, я надеюсь».

В 1969 году я посетил его дом в последний раз. У него добавилось еще несколько деталей к велосипеду. Я спросил: «Много еще недостает?»

Он ответил: «Очень мало, всего лишь шины и рулевой колонки. Но их очень трудно найти».

Я сказал: «Сделай хотя бы одно: купи шины и рулевую колонку. Ведь тебе удалось найти почти все остальное».

Он сказал: «Это слишком дорого, особенно сейчас; цены так быстро растут. Я обязательно найду их... Я оптимист».

Я сказал: «Хорошо, будь оптимистом и ищи их».

Он не позволил бы даже мне выбросить что-нибудь.

Мне приходилось выбрасывать вещи, когда его не было в доме, иначе он немедленно собрал бы их и сказал: «Не выбрасывайте этого, никогда не знаешь, как полезно это может оказаться. Прямо сейчас я не знаю, на что это годится, но для чего-то, где-то это может пригодиться».

Можете смеяться над ним, можете жалеть его, но так обстоит дело в жизни каждого человека, если иметь в виду его сознание. Что вы накопили? Все это мусор, отбросы. И когда я говорю вам, чтобы вы отбросили это, освободили свой мозг, я ведь не советую вам выбросить ваши бриллианты и рубины, ваши драгоценности - у вас нет этих драгоценных камней. Вам нужна сущая чепуха: слова, все заимствованные, а не какое-то единственное слово, представляющее ваш жизненный опыт в связи с чем-нибудь.

Что вы знаете о любви?

Что вы знаете о красоте?

Что вы знаете о доброте?

Что вы знаете о благодарности?

Что вы знаете о себе, о том, кто вы?

Ничего!

Но вы знаете все обо всем мире, всю географию, всю историю мира. Вы знаете все о таких исторических личностях, как Чингисхан, Тамерлан, Надиршах, Александр Македонский, Наполеон Бонапарт, Иван Грозный.

Мой профессор по истории... Я не учил историю. Такова была моя практика в университете - я никогда не ходил на свой собственный предмет, потому что я знал его намного лучше, чем люди, которые его преподавали, а в университете была библиотека. Поэтому я посещал другие занятия. История не была моим предметом. Этот профессор был так углублен в историю, так хорошо знал ее, что вы могли задать ему любой абсурдный вопрос и немедленно получить ответ.

Вы могли спросить: «Сколько лет было Сократу, когда он женился?» Разве это такой вопрос, на который можно ответить сразу же? Но он мог. Вы могли ему задать такой вопрос: «В каком месте, кем, когда была выпущена первая пуля?» И немедленно следовал ответ! Он был как компьютер.

Когда я однажды пришел на его занятия, он сказал: «Я вам уже неоднократно говорил, что это не ваш предмет, но вы продолжаете приходить».

Я ответил: «Но это и не ваш предмет тоже».

Он спросил: «Что вы имеете в виду? Я заведу кафедрой истории, а вы говорите, что это не мой предмет».

Я сказал: «Да, это не ваш предмет. Ответьте, пожалуйста, на один единственный вопрос: кто вы?»

Какое значение имеет, когда женился Сократ? В понедельник, вторник? Он мог жениться в любой из семи дней недели. А вот что он получил от этой женитьбы? Женщина по имени Ксантиппа была как и ее имя очень трудной». Я не знаю, как произнести ее имя, оно не похоже на греческое, скорее оно похоже на нечто из далекого далека, с какого-нибудь восточного Фиджи-острова... Ксантиппа - и она терзала его всю жизнь.

Я сказал: «А вас волнует вопрос о том, когда он женился. Меня же волнует вопрос, почему он вообще женился! Это не мой предмет, но и не ваш тоже. Мой предмет - это ваш предмет».

Он спросил: «Какой же предмет ваш?»

Я ответил: «Мой предмет — моя собственная субъективность. История может быть объектом, но она никогда не станет субъектом. Существует только один субъект - ваша субъективность. Если вы не знаете этого, все ваши знания ничего не стоят».

Не спрашивайте меня: «Что такое блаженство?»

Спросите меня: «Как я могу быть участником этого процесса?»

Задайте мне правильный вопрос.

Я дам вам правильный ответ. Меня не очень волнует то, является ли ваш вопрос верным или неверным, так как я всегда даю верные ответы.

Вы просите у меня определение. Это вербально.

Блаженство экзистенциально.

Блаженство - это вкус, это ощущение, оно такое интенсивное и всепоглощающее, что как только вы получите его, вы не сможете понять, как же жили без него: «Я не могу описать его, потому что оно просто присутствует. Оно всегда присутствовало; как же я мог пропустить его в течение многих своих жизней?» Как только вы получаете его, сразу же возникает проблема: как же вы могли пропустить его?

Блаженство - это нахождение в самом центре своей сущности, в состоянии готовности к тому, чтобы о тебе вспомнили.

Блаженство нельзя найти, но о нем могут напомнить.

Слово «remember (вспоминать)» очень важно. Оно просто означает: сделайте это вновь частью своей сущности. Слово «remember» не означает «вспомнить»; нет, оно просто означает - сделать что-то частью вашей сущности опять. Оно здесь. Вы абсолютно забыли про это. Вспомните: где вы забыли это, куда вы положили это?

В смысле необходимости вспомнить, это слово прекрасно. Но в смысле «remembering» (member - член, часть чего-то) -то есть восстановление этого, как вашей существенной части, оно приобретает очень большое значение. Я бы хотел, чтобы вы поняли значение слова «грех» приблизительно в таком же смысле. Корень, из которого это слово пришло, означает забывчивость. Это кажется очень странным: грех означает забывчивость.

Тогда вся религия имеет только одно значение: воспоминание.

Существует только один грех — забыть свою сущность.

И существует только одна добродетель - помнить это.

И в тот момент, когда вы узнаете, кто вы, мгновенно, немедленно, все блаженство всего бытия станет вашим. Вы будете так наполнены блаженством, что вы сможете одарить этим блаженством всех, все существование, и его никогда не убудет.

Беседа 27

ИЩИ – И ТЫ ПОТЕРЯЕШЬ; РАССЛАБЬСЯ - И ТЫ НАЙДЕШЬ

25 января 1985 года

Бхагаван,

Кажется, что Вы собирались поговорить об упоминаемой в американской конституции идее поиска счастья, как о праве, данном человеку от рождения, но Вы забыли об этом. Пожалуйста, вернитесь к этому вопросу.

Я вспомнил сейчас одну историю. В парке сидели три старика. Одному было семьдесят пять лет, второму - восемьдесят, а третьему - восемьдесят пять. -Первый старик сказал: «Кажется, я старею, потому что сейчас самым большим удовольствием для меня является хорошая прогулка в утреннее время. Я могу сказать, это лучше, чем сексуальный оргазм».

Два других старика рассмеялись. Самый старый сказал: «Твое представление об оргазме удивит и шокирует даже таких людей, как Вильгельм Райх, Зигмунд Фрейд и Хавилок Эллис. Сынок, ты не стареешь, ты просто становишься оригинальным ».

Но второй старик молчал и серьезно думал о чем-то. Потом он сказал: «Может быть, он прав. Я тоже чувствую, что становлюсь старше. Вот уже три ночи подряд я не занимаюсь любовью со своей женой».

Самый младший из этих трех был очень удивлен. Он воскликнул: «Как! Три ночи ты не занимаешься любовью с женой?»

Но самый старый из них продолжал громко смеяться, а потом сказал: «Не принимай его всерьез - ведь ты не знаешь, что он имеет в виду под словом “любовь”. Это похоже на твой оргазм. Перед тем как лечь спать, он пожимает руку своей жене; это для него и означает “заниматься любовью”. Я говорил ему: “Не делай много шума из ничего; это не любовь. Даже, если ты не будешь делать этого три ночи подряд, беды не будет”».

Потом он сказал: «То, что вы оба говорите о своем старении, заставляет меня думать, что я тоже старею; конечно, мне уже восемьдесят пять. Сегодня утром, когда я хотел заниматься любовью со своей женой, она сказала: “Как! Что ты собираешься делать?” А я ответил: “Разве это что-то, что нужно объяснять тебе? Я собираюсь заниматься с тобой любовью”».

«И тогда моя жена сказала: “Ты уже дважды занимался этой гадостью сегодня ночью”. А я совершенно об этом забыл! Вот почему мне кажется, что я старею».

Ваш вопрос напомнил мне эту историю, а эта история напоминает мне о бедном раввине в Англии. Мне жаль его, но я ощущаю и некоторое чувство ревности: я бы очень хотел оказаться на его месте и быть исключенным. То, что его лишили права быть раввином, - такое острое ощущение. А меня никто не может исключить - я не принадлежу ни к какой организации.

Я не принадлежу своей собственной религии, поэтому никто не может меня исключить. Это единственная радость, которую я намерен избежать.

Но я не должен забывать об этом вопросе. Фактически - это не забывчивость; я просто дрейфую, медленно уплываю в даль. Я не старею, я никогда не постарею. Да, я буду продолжать становиться взрослее, но взросление - это не старение. До самого последнего дыхания я буду оставаться таким же молодым и свежим, как всегда. Но то, что я называю дрейфом, является совершенно другим явлением.

С каждым своим утверждением я оказываюсь как бы на перекрестке.

От этого утверждения я могу двигаться в любом направлении. У меня нет никакого представления о том, какое направление меня привлечет. Решить вопрос, куда мне направляться, я предоставляю полностью своему сознанию - пусть ведет туда, куда хочет. И снова на каждом этапе у меня перекресток. Люди, которые являются ораторами или спикерами, заранее определяют свой путь. Они знают, о чем они будут говорить, с чего они начнут, что будет в середине, чем они закончат, какова их цель.

У меня же, прежде всего, нет цели.

Я не утилитарист.

Я просто наслаждаюсь тем, что делю себя и свой жизненный опыт с вами, без всякой цели.

На всей земле вы не найдете другого такого занятого человека, как я, но без всякого дела. Дела нет, но я занят всю свою жизнь. Я наслаждаюсь этим; следовательно, у меня нет заранее выбранного конкретного направления, я ничего не решаю заранее.

Вот почему вопроса о забывчивости вообще не возникает. Вы не имеете представления о тех перекрестках, к которым я подхожу много раз. Если мне придется выбирать, то вы не увидите, что я что-то Пропустил, это будет что-то искусственное.

Я не решаю заранее.

Я просто плыву по течению, куда бы оно меня ни привело.

Двигаться в неизвестное - огромная радость... Ну вот, мне приходится возвращаться к этому вопросу. Давайте закончим с ним. Да, я собирался поговорить об этой глупой идее в американской конституции о том, что человек имеет от рождения право на поиск счастья. Я называю эту идею глупой, потому что никто не может быть в поисках счастья. А если вы и находитесь в поисках счастья, то одно я могу сказать с уверенностью: «Вы не найдете его».

Счастье всегда побочный продукт.

Оно не является результатом прямого поиска.

Оно случается, когда вы совсем не думаете о нем, не говоря уже о поиске. Оно приходит внезапно из ниоткуда, когда вы делаете что-то совсем другое.

Например, вы можете колоть дрова. Конечно, это совсем не поиски счастья - колоть дрова, но когда вы делаете это ранним утром, при восходящем солнце, когда еще прохладно, а в лесу раздаются звуки вашего топора и куски дерева летят во все стороны, производя своеобразный шум и отгоняя тишину... Вы начинаете потеть, а холодный ветерок приносит вам ощущение прохлады еще более приятное, чем прежде... И внезапно вы понимаете, что это счастье, вас переполняет радость. Но вы ведь просто кололи дрова; а рубка дров не упоминается в конституции как право от рождения, так как тогда сколько же вам надо будет внести в этот перечень?

Я не могу забыть один день... Существуют некоторые вещи, которые не имеют логического смысла, но каким-то образом остаются в вашей памяти. Вы не можете понять, по какой причине они хранятся в вашей памяти, потому что было многое другое, более важное, более значительное, но оно исчезло. А остались в вашей памяти какие-то незначительные вещи, и вы не знаете, почему, но они остались; они оставили после себя след.

Одну такую вещь я помню. Я шел из школы домой, а моя школа была почти в одной миле от дома. Как раз на полдороги росло огромное дерево. Я проходил мимо этого дерева каждый день, по крайней мере четыре раза в день: когда шел в школу, затем в середине дня, когда шел домой на ленч, затем по дороге в школу снова и когда возвращался домой в конце дня. Так проходил я мимо этого дерева тысячи раз, но однажды что-то произошло.

Был жаркий день, и когда я приблизился к дереву, я очень вспотел. Я проходил под деревом, а там было так прохладно, что без всякой определенной мысли я остановился, сам не зная, почему. Я просто подошел к стволу дерева, сел и прижался к стволу. Я не могу объяснить, что произошло, но я чувствовал себя таким невероятно счастливым, как будто что-то происходило между мной и этим деревом. Просто прохлада не могла быть причиной, так как много раз, когда я был потный, я проходил под кроной этого дерева, где была прохлада. Я останавливался там и раньше, но никогда прежде я не подходил, и не прикасался к дереву, и не сидел там, как если бы я встретился со старым другом.

Этот момент оставил в моей памяти сияние, подобное звезде. В моей жизни произошло очень много событий, но я не вижу, чтобы то мгновение стало исчезать из моей памяти: оно все еще хранится в ней. Всякий раз, когда я оглядываюсь, я вижу его. Ни тогда, ни сейчас я ясно не понимаю того, что случилось. Но с того самого дня у меня возникла какая-то родственная связь с этим деревом, которого я не чувствовал раньше, даже более тесная, чем с каким-либо человеком. Я стал более близок с этим деревом, чем с кем-либо еще в целом мире. У меня появился обычай: когда я проходил мимо дерева, я, как правило, садился под ним на несколько секунд или минут, чтобы почувствовать его. До сих пор я могу видеть - что-то продолжает расти между нами.

В тот день, когда я закончил школу и поехал в другой город, чтобы поступить в университет, я

простился с моим отцом, моей матерью, со всей семьей. Я не тот человек, который легко плачет. Даже когда меня сильно наказывали, кровь могла литься из моих рук, но слезы никогда не появлялись на моих глазах.

Мой отец, бывало, спрашивал: «Есть ли у тебя слезы?»

Я отвечал: «Ты можешь заставить кровоточить мои руки, но ты не сможешь заставить меня плакать и рыдать. А почему я должен плакать? Ведь все, что ты делаешь - абсолютно правильно. Я сделал что-то, хорошо зная, что это повлечет за собой определенные последствия. Я никогда не лгу, поэтому я не могу избежать наказания. Зачем же плакать?»

Но когда я пошел попроситься к своему дереву, я стал плакать. Это был единственный раз в моей жизни; других случаев я не помню. В детстве у меня умерла одна из моих сестер, которую я любил больше других своих братьев и сестер. В Индии у нас насчитываются до дюжины братьев и сестер. Я часто подкалывал своего отца: «Как это тебе не удалось сделать дюжину детей? Ведь у тебя их только одиннадцать. Надо было лучше считать, не хватило одного ребенка».

А он отвечал: «Ты мой сын, но ты даже пытаешься шутить со мной».

Я отвечал: «Я не шучу; я просто говорю, что говорить кому-то “одна дюжина” - так легко, что я именно это и делаю. Если кто-нибудь спрашивает меня, сколько у нас детей, я отвечаю - “одна дюжина”. Это проще. Ты без всякой необходимости все усложнил: одиннадцать! Тебе следовало бы остановиться на десяти — это число кажется законченным, либо на двенадцати — это число также кажется законченным, но одиннадцать? Что это за число вообще?»

Из всех десяти сестер и братьев больше всего я любил одну сестру, которая умерла, когда я был очень маленький. Должно быть, мне было лет пять, а ей три года. Но даже тогда я не плакал. Я был удивлен и потрясен. Плакали все, и все думали, что я потрясен, потому что я любил эту сестру больше всех. Все в семье знали, что я любил ее больше всех, и она меня любила больше всех. Все думали, что я не плакал, потому что был сильно потрясен, но на самом деле это было не так.

Когда умер мой дедушка по материнской линии, я не плакал, а ведь он воспитал меня. Он был мне ближе, чем мой отец, так как первые семь лет своей жизни он был рядом со мной, а это был очень ранимый возраст. Он умер на моих руках. Моя бабушка потеряла полный контроль над собой: она рыдала, выкрикивала какие-то слова и бессвязные предложения. Они всю жизнь прожили вместе, и у них был только один ребенок - моя мать. Когда она вышла замуж, они жили одни и делили между собой свое одиночество. Моя бабушка, должно быть, чувствовала себя действительно покинутой: дедушка был ее целым миром. Для меня он был не просто дедушкой по материнской линии.

Мне очень трудно определить, что он значил для меня. Он часто называл меня Раджа (слово раджа означает король); в течение семи лет, которые я провел рядом с ним, ему удалось сделать мою жизнь похожей на жизнь короля. В мой день рождения он обычно приводил слона из соседнего города... В те дни слоны в Индии были либо у королей, так как уход, питание и обслуживание слонов требовало больших денег, либо у святых.

Обычно слонами владели две группы людей. Святые могли иметь слонов, потому что у них было

много учеников. И когда

эти последователи заботились о своем святом, они заботились и о его слоне. Недалеко от нас жил святой, у которого был слон, поэтому мой дедушка приводил слона на мой день рождения. Он сажал меня на слона с двумя мешками, наполненными серебряными монетами.

В то время рупии были из чистого серебра; банкноты в Индии не использовались. Банкноты не являются чем-то новым; в Китае они существуют тысячи лет. Китай во многом опередил другие страны. Марко Поло, когда он вернулся из Китая, привез с собой печатные банкноты. Однако ему не поверили. Его позвали к священнику и сказали: «Не пытайся выдумывать фантастические и глупые история. Кто поверит, что кусок бумаги можно использовать как деньги?»

И священник подбросил вверх золотую монету, она упала на пол с громким звоном, а он сказал: «Это деньги». Затем он сжег банкноту со словами: «А это твоя выдумка».

В моем детстве банкнот в Индии не было; для изготовления рупий все еще использовали чистое серебро. Мой дедушка обычно наполнял два мешка, два больших мешка, которые висели на боках слона, серебряными монетами, и я ездил по деревне и разбрасывал эти монеты. Вот как он отмечал мой день рождения. Как только я отправлялся в путь, он присоединялся в своей повозке, запряженной быками и наполненной рупиями; он обычно повторял: «Не будь жадным — у меня достаточно рупий. Ты можешь бросать столько рупий, сколько есть у меня. Не останавливайся, бросай!»

Естественно, вся деревня следовала за слонем. Наша деревня была не очень большая, не более двухсот-трехсот человек, поэтому я кружил по деревне, по ее единственной улице, разбрасывая рупии. Дедушка всячески старался внушить мне мысль, что я принадлежу к королевскому семейству.

Он так меня любил, что заболеть для меня было практически невозможно. Если у вас нет силы преодолеть болезнь, вы можете постараться ничего о ней не говорить. Он обычно впадал в панику: если у меня была лишь небольшая головная боль, он впадал в такую панику, что садился на лошадь и ехал к ближайшему врачу, а потом отвозил его назад. Это было хуже, чем головная боль, поэтому я просто молчал, ничего не говорил об этом. Даже, когда дедушка умер у меня на руках, слезы у меня не появились. Я стал подозревать, что у меня нет слезных желез. Но в тот день, прощаясь со своим деревом, я рыдал первый и последний раз в жизни. Это всегда оставляет очень светлое пятно. Когда я плакал, я был абсолютно уверен в том, что в глазах дерева тоже были слезы, хотя я не мог видеть его глаз, я не мог видеть его слез. Но я мог чувствовать, - когда я прикасался, к дереву, я мог чувствовать печаль, я мог чувствовать блаженство, я мог чувствовать прощание. А это оказалось моей последней встречей с деревом, так как когда я вернулся через год, то по какой-то глупой причине дерево было срублено.

Глупой причиной было то, что там строили небольшой мемориал, а место это было самым красивым в центре города. Мемориал возводился в честь идиота, который был достаточно богат, чтобы одержать победу на всех выборах и стать президентом муниципального комитета. Он был президентом почти тридцать пять лет - самый большой период, когда кто-нибудь был президентом в этом городе. Все были счастливы, когда он был президентом, потому что он был таким идиотом; вы могли делать все, что угодно, а он не собирался никому мешать.

Вы могли построить свой дом посередине улицы; его бы это не тревожило, если вы проголосовали за него. Поэтому весь город был счастлив во время его президентства, потому что все имели такую свободу. Муниципальный комитет, члены, мелкие служащие, старшие служащие - все были счастливы при нем. Все хотели, чтобы он оставался президентом вечно; но даже и идиотам однажды приходится умирать. Но его смерть была не совсем к «счастью»: они стали искать место для мемориала в его честь и срубили мое дерево. Теперь его мраморная глыба стоит на этом месте вместо моего живого дерева.

Я ничего не забываю, и мне так многое хочется сказать, но язык является одномерным. Он линейный - вы можете, идти только по одной линии, в то время как жизненный опыт многомерен, он движется по тысячам направлений. Проблема, которая стоит перед так называемыми ораторами, заключается в том, что сказать. Моя же проблема заключается в том, чтобы решить, чего не говорить, потому что мысли мои толпятся в ожидании, стучатся со всех сторон и просят: «Впусти меня». Вот почему я медленно дрейфую... Но не стесняйтесь и напоминайте мне.

Поиски счастья невозможны.

Если вы посмотрите на свою собственную жизнь, то найдете мгновения, когда вы были счастливы. (А их не должно быть очень много: может быть, за семьдесят лет жизни у вас было всего семь таких мгновений, которые вы можете назвать мгновениями счастья. Но если бы вы имели всего лишь одно мгновение счастья, то конечно, без всяких исключений, это произошло бы, когда вы его не искали.)

Попытайтесь искать счастье и вы убедитесь, что вы не найдете его.

Я во многом не согласен с Иисусом Христом, даже там, где все выглядит очень невинно, поэтому кажется, что я очень недобрый человек. Иисус говорит: «Ищите, и найдете. Просите, и дано будет вам. Стучите, и отворят вам». Я не могу с этим согласиться.

Дураки, которые писали американскую конституцию, конечно, попали под влияние Иисуса Христа - они ведь были все христианами. Когда они написали «поиски счастья», они, должно быть, сознательно или бессознательно имели в виду заповеди Иисуса: «Ищите, и найдете».

Но я говорю вам:

Ищите и убедитесь, что вы никогда не найдете.

Не ищите, и оно появится.

Всего лишь перестаньте искать, и вы обретете его, так как поиск означает какое-то усилие мозга, а отсутствие поиска означает состояние релаксации, расслабления. А счастье возможно только тогда, когда вы расслаблены.

Тот, кто ищет, не расслабляется. Как он может расслабиться? Он не может позволить себе расслабиться. Вы удивитесь, если вы оглянитесь вокруг: вы найдете, что люди в очень бедных странах более удовлетворены. Да, даже в Эфиопии, где люди умирают от голода, вы найдете людей, которые умирают, но без страданий. Самое большое число страдающих людей вы

найдете в Америке. Это странно. Здесь, где поиски счастья являются вашим правом от рождения. Это право не упоминается ни в какой другой конституции мира.

Итак, я продолжаю снова... так как прямо сейчас я вспомнил, что недавно я говорил с вами о своем профессоре истории. Задайте ему любой вопрос, и он всегда ответит. Я начал смотреть... Конечно, он был книжным червем. Я знал это слово раньше, но встретил такого человека впервые. Я сказал ему: «Я очень хотел узнать, что это за люди, которых называют книжными червями; вы решили эту проблему: именно вы и есть книжный червь. Но я не люблю терпеть поражение ни в чем».

Он спросил: «Что вы имеете в виду?»

Я ответил: «Я обязательно найду, откуда вы берете все эти знания».

Он засмеялся, потому что думал, что это невозможно. Но я начал искать в библиотеке их исторического факультета, в каждой книге. Я искал в городской библиотеке, очень старой и самой большой во всем штате. Наконец, я нашел небольшую книгу «Малоизвестные факты о хорошо известных людях». Именно в этой книге и содержалась вся информация типа «в каком возрасте Сократ женился?» Это была книга, в которой были собраны малоизвестные факты о хорошо известных людях. Итак, я сказал: «Хорошо».

На следующий день я пошел к нему на занятия и просто дал ему книгу. Он взглянул на меня, подозвал меня поближе к себе и сказал: «Подождите меня после занятий, а эту книгу положите в свою сумку. Не размахивайте ею и не давайте ее никому посмотреть. Сначала дождитесь меня, а потом делайте, что хотите».

После занятий он сказал: «Вы странный человек! Это книга, на основе которой я построил свою карьеру ученого. Где вы достали ее? Я украл ее из библиотеки исторического факультета, поэтому никто не мог ее найти, ее больше не продают на рынке — она очень старая. Где вы нашли ее?»

Я ответил: «Без проблем. Я собирался найти ее, даже если бы на это ушла вся моя жизнь. Если вы книжный червь, то я еще больший книжный червь. А теперь запомните, никогда не отвечайте на вопросы, пользуясь этой книгой; иначе я открою ваш секрет всему университету».

Он сказал: «Я ничего не буду делать - держите этот секрет при себе. Я охотно сделаю для вас все, что хотите. Я вас приглашаю к себе на занятия. Я никогда не буду мешать вам. Или, может быть, вы хотите еще что-нибудь. Но не приносите эту книгу с собой».

Я сказал ему: «Я не буду ее приносить; но это очень плохой признак. Вы жили этой маленькой книжкой, в ней вся ваша мудрость. А так как вы украли эту книгу из библиотеки своего факультета, — что было нетрудно, так как это был его собственный факультет и его собственная библиотека, - у вас не было проблем, чтобы унести ее оттуда».

«Вы думаете, что в целом мире нет библиотеки, в которой есть такая книга? Я не мог поверить, что вы имеете способ обнаружить эти незначительные детали - какая-то коллекция должна быть. Я не думаю, что такие коллекции состоят из многих тысяч книг, так как даже в самых крупных книгах по истории вы не сможете найти такую информацию: как и в каком возрасте

женился Сократ - ведь это не исторический факт и он не имеет никакого исторического значения. Я увидел эту книгу, потому что я взял ее в городской библиотеке».

Я сказал ему: «Городская библиотека продолжает присылать мне письма с просьбой: «Пожалуйста, верните книгу». Я продолжаю отвечать им, что я готов заплатить за эту книгу, сколько бы она ни стоила. Они отвечают: «Это редкая книга, мы не поднимаем вопроса о ее цене»».

Но я говорю им: «Когда что-то теряется, будь оно редким или нет, что можно с этим сделать? Я попытаюсь найти ее. Если я смогу ее найти где-нибудь, я верну ее вам. Если я не смогу, я готов оплатить стоимость этой книги и штраф за ее потерю. Что еще я могу сделать?» В конце концов, мне пришлось заплатить за книгу и штраф.

Но так как Раджнишпурам является уникальным городом, библиотеку в нем нельзя создавать. Разрешение... этот город не существует вообще, поэтому возникает вопрос - от кого надо получать разрешение в городе, который не существует?

На складе хранится сто пятьдесят тысяч книг, редких книг.

Но способы, которыми пользуются политики, очень странные. Всего лишь несколько дней назад я узнал, что федеральное правительство Америки написало письмо, в котором сообщалось, что этому городу были выделены федеральные фонды, но сейчас поступили сведения из штата Орегон о том, что этот город не существует, «поэтому верните, пожалуйста, федеральные фонды».

Я поинтересовался, сколько они выделили для нашего города. Двести пятьдесят долларов! Великая Америка!

Если город не существует, кто же будет возвращать эти фонды и кому адресовано это письмо? И, прежде всего, кто сообщил вам, что Раджнишпурам является городом? Вероятно, штат Орегон сообщил вам, что этот город включен в штат; вот почему вы стали присылать фонды. Теперь тот же самый штат сообщает вам, что этот город не существует. Вы просите вернуть эти деньги, но огромный федеральный фонд - двести пятьдесят долларов - исчез.

И это мнение генерального прокурора штата Орегон о том, что этот город нелегальный, мнение всего лишь одного человека, сейчас находится на рассмотрении в суде. До тех пор, пока суд не решит, правильно ли его мнение или нет. Все должно оставаться, как и было - до тех пор, пока не закончится этот спор. А конца ему не видно. Мои санньясины будут бороться за это до самого конца цивилизации. Осталось только двадцать лет.

Бороться за это в течение двадцати лет нетрудно. И до тех пор, пока решение в суде не принято и нет возможности куда-то апеллировать еще, Раджнишпурам будет городом. И ни один человек не имеет права по своему собственному разумению делать этот город незаконным или заставить его исчезнуть.

Но генеральный прокурор продолжает сообщать о том, что этот город существует, в другие агентства, федеральные и государственные. Он надавил на полицейское управление: «Уберите полицию Раджнишпурама из полиции штата. Этот город не существует, следовательно, нет

необходимости и в полиции в этом городе».

Но это только его мнение. Если суд решит, что этот город не конституционен, не включается в штат на законном основании... Но суд его уже включил законно в штат; он был законным городом два года. Правительство выделяло ему фонды в течение двух лет, и тот же самый генеральный прокурор был там эти два года. Ему понадобилось два года, чтобы решить; является этот город законным или незаконным. Он позволил своему правительству выделить фонды; он позволил федеральному правительству выделить фонды, он позволил полиции присоединить полицию Раджнишпурама к полиции штата.

Теперь, всего лишь потому, что он хочет стать губернатором, он хочет, чтобы все избиратели штата Орегон голосовали за него - мои санньясины делают много добра людям... Это единственный факт об Орегоне, который является решающим: если кто-нибудь будет поддерживать нас, он проиграет на выборах. Любой, кто против моей коммуны и совершает законное, незаконное, моральное, аморальное действие, чтобы причинить нам вред, будет поддержан всем штатом Орегон.

Этот человек не имеет ничего против санньясинов. Ему не хватает мужества, чтобы приехать сюда и посмотреть, существует город или нет. Он должен приехать и увидеть своими собственными глазами. Ему не хватает мужества. Он боится появляться даже в одной телевизионной программе вместе с Шилой. Такие трусы!

Но вот как рассуждают политические умы. Генеральный прокурор договаривается о проведении выборов губернатора, которые будут проводиться через полтора года. По крайней мере, эти полтора года он будет непрерывно дергать этот город, говоря: «Вы незаконны», - хотя это не имеет никакого значения. Кто хочет быть законным? Только незаконные люди хотят стать законными. Если вы не преступник, вы вообще не думаете о законе; о законе думают только преступники.

Я никогда не задумывался в течение всей своей жизни о том, что должно быть законным, так как я никогда не совершал ничего незаконного.

Генеральный прокурор отлично знает, что он потерпит поражение, но единственное, чего он хочет, - это то, чтобы дело отложили, потянули время до выборов в губернаторы; а потом он закроет это дело. Ему нельзя позволить этого. Но так рассуждает политик: просто тянуть время, откладывать и откладывать; именно это он и делает. Дата рассмотрения нашего дела в суде продолжает откладываться; ему приходится откладывать ее.

Нам все равно; фактически было бы прекрасно, если бы это было отложено на двадцать лет. Когда все будет закончено, мы останемся единственными людьми на земле. И тогда мы сможем впервые за все время сделать настоящую разумную конституцию.

Существующая сейчас американская конституция абсолютно ненормальна: «поиски счастья»? Никому никогда не удавалось найти его, а те, кто пытался, становились очень несчастными в жизни. Когда я учился в университете, я часто ходил на одну улицу, очень тихую, без уличного движения, потому что она заканчивалась тупиком и была длиной всего лишь в полторы мили: На ней было несколько прекрасных особняков для профессоров, но их было мало и они находились на большом расстоянии друг от друга. Это было тихое место, а по обеим сторонам

улицы росли огромные деревья.

Я часто ходил по этой улице, но только тогда, когда шел дождь, так как, даже когда дождь прекращался, он продолжал идти по обеим сторонам улицы, благодаря этим огромным деревьям: вода продолжала капать с их листьев. Поэтому можно было убедиться в том, что даже если бы шел дождь, то он не прекращался бы какое-то время из-за того, что он уже не шел посередине улицы; вы могли бы всегда ощущать зависимость от этих деревьев. Я очень любил ходить туда во время дождя.

В последнем доме жил профессор физики. Его жена, дочь и сын привыкли ко мне: «Всякий раз, когда идет дождь, этот странный парень приходит сюда без зонтика и без причины, всего лишь потому, что здесь тупик и ему надо отсюда идти назад; поэтому всякий раз, когда шел дождь, они ждали меня на веранде, думая, что я обязательно появлюсь; и я неизменно появлялся. Они рассказывали профессору физики: «Сюда приходит без всякой нато причины и только тогда, когда идет дождь, странный студент с длинными волосами, бородой и в деревянных сандалиях, стук которых сообщает нам еще за полторы мили, что он идет. Он доходит до самого конца, останавливается там, а потом уходит, и мы не знаем, что он там делает».

Профессор спросил: «Вы уверены, что он'носит деревянные сандалии?»

Потом он сказал: «Я знаю его, потому что в нашем университете носит деревянные сандалии только один студент; я найду его».

Он спросил моего профессора - декана факультета: «Что за человек этот юноша?»

Мой профессор ответил: «Он очень странный тип. Мы еще не определили его точно, - но он не совсем нормальный».

Профессор физики, профессор Шривастава, был профессором здесь в Америке. Когда я был в Пуне, кто-то приехал из Америки и привез известие, что он встретил профессора Шриваставу в Гарварде, где тот преподавал. Он сказал, что профессор шлет мне привет, что он помнит меня и помнит, как я приходил к его дому, когда шел дождь. Всю эту историю он рассказал одному американцу, который стал санньясином.

Услышав, что я ненормальный, профессор Шривастава удивился: «Ненормальный?»

Мой профессор сказал: «Не ниже нормали, а выше нормали. Таково его определение: он считает ненормальными всех -Будду, Иисуса, Лао-цзы, Конфуция, - а мы не можем спорить с ним, но он принадлежит к такому же типу людей».

Профессор заинтересовался еще больше. Он захотел, чтобы меня представили ему. Мой профессор, профессор Саксена сказал: «Почему вы ищете себе неприятности. Все мы здесь стараемся сделать так, чтобы он как-то закончил университет и отправился куда-нибудь еще».

Но Шривастава сказал: «Интересно и мне, и моей жене, и моим детям. Они все хотят увидеть его и познакомиться с ним». Итак, меня представили ему, и мы быстро подружились. Он был старым человеком, но ему понравилась моя идея, когда я ему объяснил: «Это такая радость - быть под небом, когда все небо выливается на тебя душем. Я чувствую себя таким счастливым,

что мне это трудно описать.

Это на него так подействовало, что он сказал: «Тогда когда-нибудь я тоже хочу пойти с тобой. А ты действительно уверен, что ты испытываешь счастье?»

Я сказал: «Я абсолютно уверен, в этом нет сомнения; иначе, зачем бы я беспокоился и приходил на вашу улицу всякий раз, когда идет дождь?»

Склонившись к моему уху, он сказал очень конфиденциально: «Счастье меня тоже интересует».

Я сказал: «Тогда возникает небольшое затруднение. Вы можете пойти со мной, но я не могу вам что-либо гарантировать. Счастье приходит ко мне, но я его вовсе не ищу: это такая большая разница. Вы же будете постоянно оглядываться и думать: “Оно еще не пришло. Где же оно? Когда же оно придет?” Вам придется забыть о самой идее счастья».

Профессор Шривастава сказал: «Это странное условие. Я иду только для того, чтобы получить какое-то представление о счастье, как-то его испытать, а вы ставите мне очень странные условия с самого начала. Это похоже на шутку - надо забыть о самой идее счастья ».

«Но, - сказал я, - именно так это действует».

Он сказал: «Хорошо, я попытаюсь».

Я ответил: «Попытка - это не то; вам нужно просто забыть об этом».

Он ответил: «Хорошо, я забуду об этом».

Он пошел со мной. Время от времени я смотрел на его лицо.

Он чувствовал себя очень несчастным, более несчастным, чем когда-либо, потому что все профессора, их жены, их дети смотрели из окон: «Этот молодой человек привел с собой этого старого дурака. Почему он бродит под дождем? Он может заболеть пневмонией, получить осложнение... Этот молодой человек достаточно здоров, он может делать такие вещи, но почему это делает этот дурак?»

Когда мы дошли до конца под стук моих сандалий, его семья выбежала из дома, чтобы посмотреть на нас. И когда они увидели, когда его жена увидела, что ее муж стоит рядом со мной в конце дороги, которая заканчивалась очень глубоким обрывом, они не могли поверить своим глазам. Что случилось? Может быть я попросил его поискать что-то там, в долине? Они все вышли из дому. Конечно, у всех были зонтики и плащи; они подошли к нам И дети спросили: «Папа, что ты ищешь?»

Профессор Шривастава сказал: «Помолчите. Это еще до сих пор не произошло, а если вы упомянете это, то вот он скажет: “Ты нарушил условие”».

Я сказал: «Условие уже нарушено. Я наблюдал за вами всю Дорогу: вы чувствовали себя несчастным, более несчастным, чем когда бы то ни было; я вижу, вы несчастный человек».

Профессора все несчастные люди. Такова их профессия. Она заставляет их быть серьезными,

глубоко погруженными в размышления. Профессионально это помогает.

Я сказал: «Я всю дорогу за вами наблюдал: вы очень несчастны».

Он сказал: «Я очень старался не помнить о счастье, но что же делать? Эта мысль возвращалась ко мне снова и снова». Это, то есть мысль о том, что я могу потерять его из-за того, что условие не будет выполнено, делало меня еще более несчастным ».

Я сказал: «Не только вы потеряли счастье, но вы разрушили и мое, так как плохо быть в компании с не своим человеком. Есть такая пословица: тебя можно узнать по тому, кто с тобой. Впервые счастье не снизошло на меня - из-за вас».

Он сказал своей жене: «Ты только послушай: вместо того, чтобы я жаловался на него, он жалуется на меня в связи с тем, что счастье его пропало». Его жена сказала: «Как бы там ни было, оба заходите в дом и выпейте по чашке чаю. Он пришел сюда впервые, а мы всегда хотели пригласить его, но мы думали, что мы не знаем, кто он, что он за человек - сумасшедший или очень умный. Но то, что он не сумасшедший - это точно». Профессор Шривастава сказал: «Нет, он все-таки сумасшедший, и из меня он сделал дурака, потому что завтра весь университет будет у меня спрашивать: “Что вы делали под дождем, ведь у вас есть машина?”»

Я ответил ему: «Оставьте свою машину возле факультета, и когда мы пойдем домой, мы можем пригнать домой и вашу машину. Но сидение в машине не принесет вам ожидаемого счастья - счастье приходит только с дождем».

На следующий день весь университет говорил о профессоре Шриваставе. Я посоветовал ему: «Вам лучше всего сказать, что это сработало, что вы стали счастливым; иначе они будут думать, что вы дурак».

Он сказал: «Это хорошая мысль», - и он стал говорить всем: «То, что говорит Раджниш, совершенно правильно - его трюк срабатывает». Он сказал мне: «Что делать? Еще несколько профессоров готовы пойти с тобой. Вы создали для меня много трудностей. Ваш профессор был прав, что лучше было бы не знакомиться с вами. Сначала вы одурачили меня, а теперь вы говорите мне, чтобы я говорил, что это случилось. Я вижу в этом определенный смысл, так как если бы я сказал, что этого не было, другие сказали бы мне: “Ты дурак. Если счастье приходит с дождем, тогда все могут иметь его”. Поэтому я подумал, что лучше сказать: “Да, это случилось, но если вы хотите проверить, можете пойти сами”. Многие уже готовы это сделать».

Я сказал: «Пусть они будут готовы. Пусть они все приходят. Это сработает точно так же, как и с вами». Он сказал: «Они меня убьют».

Я ответил: «Не беспокойтесь: вся ответственность на мне. Я постараюсь убедить их, что это произойдет».

И вот что произошло. Шесть профессоров дошли до конца дороги, остановились перед обрывом и сказали профессору: «С нами это не случилось».

Профессор Шривастава сказал: «Со мной этого тоже не произошло. Это происходит только с ним, так как для нас пеевое условие оказывается невыполнимым: не просите, не ищите его. Но

если вы не просите, если вы не ищете, тогда почему вы идете по грязи под дождем и мокнете? Ради чего? Но вы должны всем говорить, что это с вами произошло, как это сделал и я, или о вас подумают, что вы дураки».

Шестеро профессоров переглянулись и сказали: «Мы в ловушке. Это повлечет за собой большие затруднения, так как если мы скажем, что это случилось, тогда другие люди... Тот, кто учил вас искусству ощущать счастье, собирается заставить весь университет ходить под дождем!»

Проблема вот в чем. Счастье случается внезапно. В английском языке слово счастье - happiness - happiness, а слово случиться - happen; может быть, благодаря этому слову (happen) слово «счастье» и стало называться по-английски happiness - то, что случается. Вы не можете управлять счастьем, вы не можете изготовить его, вы не можете организовать его.

Счастье - это нечто, что находится за пределами ваших усилий.

Но если вы всего лишь копаете яму в своем саду и полностью поглощены этим, так что весь мир забыт, включая вас, - то счастье с вами.

Счастье всегда с вами.

Оно не имеет никакого отношения к дождю, оно не имеет никакого отношения к рубке дров, оно не имеет никакого отношения к копанию ямы в саду - счастье не имеет ничего общего ни с чем.

Это неожиданное, расслабленное состояние слияния вашей личности с вашим сознанием. И оно с вами всегда. Оно не приходит и не уходит. Оно всегда с вами, как ваше дыхание, как биение вашего сердца, как кровь, которая циркулирует в вашем теле.

Счастье всегда с вами, но если вы будете искать его, вы найдете только страдание, так как в процессе поиска вы пропустите счастье. Вот что такое страдание: отсутствие счастья. Таким образом, страдание имеет определенную связь, некоторое партнерство с поиском. Если вы будете настойчиво искать, вы найдете только страдание. Но в американской конституции заложена эта идея о поиске для всех людей Америки: ищите!

И они настойчиво ищут - в деньгах, во власти, в религии; они мечутся по всему миру в поисках кого-то, кто научил бы их, как находить счастье. А на самом деле нужно лишь вернуться домой и забыть о нем, делать что-нибудь еще, что не имеет никакого отношения к счастью. Рисовать. Вам не нужно учиться рисовать. Разве вы не можете водить кистью по холсту? Каждый ребенок может это делать. Просто водите кистью по холсту, и вы можете удивиться: вы не художник, но получиться может что-то красивое... Краски сами смешиваются на холсте и возникает нечто. Вы не можете это назвать каким-то словом.

Современные картины не имеют названий, а ультрасовременные картины не имеют и рам, потому что жизнь не имеет рамок. Вы выглядываете из окна, вы видите небо в рамке, но эта рамка - ваше окно, небо не имеет рамок. Поэтому появились ультрасовременные художники, которые не рисуют на холсте; они рисуют на стенах, на полах, на потолках. Странные места - раньше люди никогда не делали этого, но я могу понять их.

Их не интересует рисунок; их больше интересует то, что они втягиваются в сам процесс

рисования. Это не для продажи. Как вы можете продать свой потолок? А кто его купит? Но когда они так поглощены этим делом, откуда-то из неизвестного уголка что-то начинает просачиваться в их сознание. Они начинают ощущать радость без всякой на то причины.

Вот почему я так резко отношусь к слову «поиск». О любом человеке, - а те, кто делали американскую конституцию, имели дальний прицел; может быть, это был Джефферсон — о каждом, кто писал это слово «поиск», я могу сказать, даже не зная его имени и вообще ничего о нем не зная, что он, должно быть, был очень несчастным человеком. Он никогда не знал счастья. Он его постоянно искал; отсюда, он попытался дать каждому американцу то самое право от рождения на поиск счастья, о котором он заявлял. И в течение трехсот лет никто не критиковал это, никто не критиковал такую простую вещь.

Поэт, художник, певец, танцор - да, время от времени они испытывали это ощущение. Но всегда происходит одно и то же: счастье приходит, а человека нет там, куда оно приходит. Тот, кто находится в поиске, отсутствует, сам ищущий отсутствует.

Нижинский, один из самых выдающихся танцоров в мире во всей истории.... Я считаю, что он самый лучший танцор, который когда-либо появлялся среди людей, насколько я могу судить об этом. Иногда он делал такие высокие прыжки, что это не подчинялось законам гравитации; это было невозможно, это было невозможно и с научной точки зрения. Такой огромный высокий прыжок был совершенно невозможным: сила притяжения не позволила бы сделать его. Даже спортсмены, которые принимали участие в олимпийских прыжках в длину, не могут сравниться с Нижинским, совершающим свои прыжки.

Еще более чудесным было его приземление: он приземлялся, как перышко - медленно. Это еще больше противоречило закону притяжения, потому что по этому закону тело человека должно приземлиться очень быстро. Человек должен упасть с грохотом, может быть, получить несколько переломов.

Но он, как правило, приземлялся так, как падает мертвый лист с дерева: медленно, лениво, не спеша, потому что спешить некуда. А может быть, он приземлялся как перышко, потому что лист летит на землю немножко быстрее. Перо птицы очень легкое; он опускается в танце. Так же и Нижинский завершал свой прыжок. Когда он касался ногами сцены, на которой он танцевал, не было слышно ни единого звука.

Его много раз спрашивали: «Как вам это удастся? Как вы это делаете?»

Он отвечал: «Я этого не делаю. Я пытался это делать, но каждый раз, когда я делал такую попытку, у меня не получалось прыжка. Чем больше я пытался, тем ясней мне становилось, что это нечто, с чем я смогу справиться. Очень медленно я стал осознавать, что это происходит, когда я не стараюсь делать это, когда я даже не думаю об этом. Когда я мысленно даже отсутствую, но потом внезапно обнаруживаю, что это происходит, что я совершаю этот прыжок. К тому времени, когда я “возвращаюсь”, чтобы разобраться, как это произошло, оно опять исчезает и я опять оказываюсь на полу».

Вот этот человек знает, что счастье нельзя настойчиво искать. Если бы Нижинский был с теми, кто составлял конституцию Америки, он бы очень возражал против этого слова. Просто счастье - вот право каждого от рождения, а не его поиск.

Вы не охотники, преследующие добычу: тогда вам пришлось бы всю вашу жизнь гнаться за чем-то, преследовать тени, никогда никуда не прибегать. Вся ваша жизнь ушла бы на пустое времяпрепровождение.

Но американцы получили идею поиска, поэтому во всех сферах - политике, бизнесе, религии - они находятся в состоянии поиска. Американцы всегда в пути, они двигаются очень быстро, так как если вы двигаетесь, то почему бы не двигаться быстро? Не спрашивайте, куда вы идете, - этого никто не знает. Ясно одно — они двигаются с полной скоростью, со скоростью, которую они могут выдержать: это все, что им удастся. Что еще нужно? Вы двигаетесь, вы двигаетесь с полной скоростью: вы выполняете ваше право от рождения.

Поэтому американцы кидаются от одной женщины к другой, к третьей; от одного мужчины к другому, к третьему; от одного бизнеса к другому; от одной работы к другой - все в поисках счастья. Странное дело, но всегда кажется, что счастье здесь и им наслаждается кто-то другой, поэтому вы и начинаете свою погоню. Но она вам не приносит желаемого: когда вы настигаете его, оно исчезает.

Трава за вашим забором всегда кажется зеленее, но не перепрыгивайте через забор, чтобы убедиться, так ли это на самом деле. Наслаждайтесь этой травой! Если она зеленее по другую сторону забора, все равно наслаждайтесь. Зачем портить все, перепрыгивая через забор, чтобы обнаружить, что на той стороне трава еще хуже, чем на вашей?

Однажды некий человек попытался продать свой дом, но много лет это ему не удавалось. Он построил действительно прекрасный дом. Он вложил в него много денег, нанял самых лучших архитекторов; все в доме было самое хорошее, что он только смог найти. Он был в погоне за счастьем. Дом был построен - великолепный особняк, весь из мрамора. Несколько дней он ждал в этом доме, что к нему придет счастье, но мрамор был холоден, дом был мертв. Это был прекрасный дом, но он был мертвый, без теплоты.

Тогда этот человек стал думать о том, чтобы продать его: для него этот дом стал большой потерей. Он нанял агента, настоящего государственного агента по продаже имущества. Агент сказал ему: «Мы обязательно продадим ваш дом, но сначала нам надо поместить хорошее объявление о продаже в лучших газетах и журналах, дать его фотографию, так как этот дом очень красивый».

Человек сказал: «Хорошо, сделайте это, я хочу избавиться от него». На следующий день он читает в газете о том, что продается очень красивый дом. Он выглядит, как если бы поэзия была в этом мраморе, или песня застыла в этом мраморе, а вокруг этого дома большие зеленые лужайки и прекрасные старые, древние деревья, которые нельзя вырастить за один день. Описание дома было изумительным!

Так как в объявлении сообщался телефон агента по продаже, этот человек немедленно позвонил ему и сказал: «Купите этот дом для меня за любую цену. Я ищу такой дом всю свою жизнь».

Агент ответил: «Я решу этот вопрос. Нет проблем. Я немедленно еду к вам. Сделка легко может состояться».

Когда этот агент приехал, человек не мог поверить своим глазам — перед ним был его агент.

Человек спросил: «Где находится этот дом?»

Агент ответил: «Это вы звонили мне?»

Человек спросил: «Это ваш телефонный номер в объявлении?»

Агент ответил: «Конечно! Ведь я описывал ваш дом. Было очень много звонков, но вы помешали мне. Разве вы не могли понять, что это ваш дом?»

Он удивился: «Боже, этот дом?»

Вы можете влюбиться в собственную жену, если кто-то вам ее хорошо опишет. Все зависит от описания.

Но люди гонятся за всем: вероятно, это дает им то, что им постоянно недостает. С этим ничег.о сделать нельзя. Вы можете жить во дворце, но вы будете очень несчастны и, может быть, даже более несчастны, чем когда вы были в старой хижине. В старой хижине, по крайней мере, вы понимали, что вы несчастны, потому что вы живете в старой развалюхе. Это можно простить; вы могли объяснить свое несчастье, свои страдания. У вас была также надежда на то, что когда-нибудь вы сможете оказаться в лучшем доме - если не во дворце, то хотя бы в хорошем, красивом, собственном доме.

Именно надежда дает людям силы жить, и именно их извинения и объяснения помогают им неоднократно повторять, свои попытки. Неоднократно повторять свои попытки - стало философией в Америке. Но есть вещи, которые не попадают в эту сферу, которые случаются только тогда, когда вы полностью отказываетесь от попыток. Вы просто садитесь и говорите:

«Хватит так хватит - я больше не буду пытаться». Так вот случилось и с Гаутамой Буддой, когда он стал просветленным.

Должно быть, он был первым американцем, так как он был в погоне за счастьем. Из-за этой погони он бросил свое королевство. Он во многом был пионером; он был первым, кто отказался от всего. Ваши хиппи бросили не очень много. Чтобы бросать что-то, сначала нужно занять это что-то. Он имел, он имел больше, чем любой другой человек имел когда-либо. Когда он родился, астрологи сказали: «Надо, чтобы он ничего не знал о страдании, боли, старости, болезни, смерти и санньясинах».

Он был ребенком старого короля - единственным ребенком, родившимся, когда его отец был уже очень старый. Король спросил: «Почему он не должен знать обо всем этом?»

Астрологи ответили: «Этот человек будет либо буддой, просветленным... Если бы не его просветленность, он бы обновил все - королевство, дворец, семью. Он будет искать истину, он будет искать блаженство; либо он сможет стать чакравартином, правителем мира». Чакравартин — особая категория, которая существует только в Индии. Это слово означает человека, который управляет всем миром один, без соперников. Александр Македонский пытался стать чакравартином, но не смог.

До сих пор в древних индийских мифах существуют чакравартини, но они не являются

историческими фигурами. Многие пытались стать чакравартинами - непонятно, ради чего. Даже если у вас будет весь мир, вы не изменитесь; может быть, вы и изменитесь, но только в худшую сторону, потому что вас будут волновать все проблемы всего мира и вы будете нести ответственность за все проблемы мира. Сейчас же вы отвечаете за свои собственные страдания; это такая малость! Попробуйте умножить это на миллиарды, что вы получите?

Но астрологи сказали: «Может быть, он станет чакравартином, правителем мира... Но все зависит от вас. Если вы защитите его от знания того, что жизнь состоит из несчастий, страданий, боли, болезней, старости, смерти; если вы защитите его от знания того, что есть люди, которые ищут нечто большее, чем жизнь - санньясины... вам надо защитить его».

Король сказал: «Это будет нетрудно», — и он устроил это. Он построил три дворца на три времени года. В Индии времена года имеют четкие границы. Каждый год в один и тот же день, в одно и то же время начинается лето. Заканчивается лето тоже в один и тот же день, в одно и то же время. Дождливый сезон, зима - все имеет четкие границы. Так было и в моем детстве. И только после атомных взрывов во многих странах климат в Индии стал меняться. Вся атмосфера смешалась.

Итак, король построил три прекрасных дворца в трех разных местах: для лета был построен дворец на высоком холме, рядом с прекрасным озером; для дождливого сезона был построен дворец в месте, где дождей выпадает не очень много, только для удовольствия, - а не проливные ливни; для зимы был построен дворец в месте, где всегда тепло и уютно. Будду окружали самые прекрасные женщины со всего королевства. Все его желания выполнялись: у него была лучшая еда, сотни слуг, огромные сады.

Король так заботился о том, чтобы его сын не увидел ни сухого листика, ни увядающего цветка, что он приказал по ночам убирать их из сада. Садовники работали ночью, чтобы сделать сад молодым и свежим к утру. Иначе мысль о том, что вещи стареют, что цветы умирают, могла бы пробудить в Будде некоторое любопытство: а как же человек?

Всем, кто был болен, запрещалось появляться перед ним. Он никогда не видел больных, старых, мертвых до двадцати девяти лет. И его держали в такой изоляции и такой роскоши - музыка, женщины, вино, - что он просто утопал в них: Король был очень доволен, когда Будда женился - он нашел самую прекрасную женщину, влюбился в нее, - теперь король мог не бояться.

Каждый год в стране проводился молодежный фестиваль, и по традиции принц, который должен был наследовать королевство, должен был открывать этот фестиваль. Дороги были очищены; стариков и больных убрали там, где должна была проезжать колесница Будды. Эта история прекрасна. С этого места она становится мифологической, но, тем не менее, она очень важна.

История такова: Индра - глава всех богов - стал беспокоиться о том, что человека, который мог стать просветленным, полностью отвлекли от этого. Что-то надо было делать; нельзя было позволить существованию потерять еще одного просветленного. Говорят, что Индра взял несколько богов и отправился на землю. В тот день улицы были пусты, ни один человек не мог появиться там; могли появиться только боги: Вот почему им пришлось создать миф - что боги невидимы, но могут стать видимыми в любой момент.

Сначала мимо колесницы прошел бог, больной и трясущийся в лихорадке. Если бы на улице было движение, Будда мог бы не заметить его. Но улица была пуста, дома были пусты, не было никаких других колесниц, кроме золотой колесницы Будды.

Будда увидел этого больного и дрожащего человека и спросил своего возницу: «Что случилось с этим человеком?»

Перед человеком, который управлял колесницей, возникла дилемма, так как король приказал, чтобы Будда не знал о том, что кто-нибудь может заболеть.

Этот человек был так болен, что казалось, будто он вот-вот упадет и умрет. Но Индра очень помог. Он заставил возницу колесницы рассказать правду — «так как твое самое большое преступление направлено не на этого старого идиота, твое преступление направлено против правды. Не пропустите этот момент, ведь этот человек намерен стать просветленным, и вы будете очень довольны, потому что вы станете причиной начала этого процесса. Не пропустите этого, вы можете не найти такого в течение миллионов следующих жизней».

Конечно, это было ясно. Возница сказал: «Предполагается, что мне нельзя говорить этого, но как я могу лгать вам? Правда то, что всех больных людей убирают. Хотелось бы мне знать, откуда пришел этот больной человек, так как повсюду стражники и войска. Никому не разрешается ступить на дорогу, по которой движется колесница. Этот человек болен».

Будда спросил: «Что такое болезнь?»

Возница объяснил, что болезнь - это то, с чем мы рождаемся, что в нашем теле гнездится много разных болезней. Если иногда, в определенных ситуациях, наша слабость, наша болезнь, которую мы носим в себе, получает поддержку извне, мы подхватываем инфекцию: мы заболеваем.

Потом появился какой-то старик, еще один бог, почти горбун, который был таким старым, что Будда не мог поверить своим глазам: «Что случилось с этим человеком?»

Возница сказал: «Вот что случается после многих болезней: этот человек стал старым».

А потом появились четыре бога, неся мертвеца (еще один бог изображал это мертвое тело).

Будда спросил: «Что происходит?»

Возница ответил: «Этот человек дошел до последней стадии. После стадии старика происходит это».

Будда сказал: «Останови колесницу здесь и скажи мне правду. Все это будет происходить и со мной тоже?»

В этот момент он увидел санньясина, еще одного бога, который просто притворился, как и вы, санньясином, одевшись в оранжевые одежды и прочее... Будда сказал: «А это что за зрелище - эта бритая голова, посох в руке, кружка для подаяний?»

Возница ответил: «Это не очередной этап, следующий за предыдущим; это тип человека,

который осознал всю убогость жизни, осознал страдание, мучение, болезнь, старость, смерть. Он выпал из жизни и сейчас ищет истину, стремится найти нечто вечное, бессмертное - истину».

Будда сказал: «Возвращайся домой. Я заболел, заболел смертельно. Я постарел, постарел, хотя кажусь внешне молодым. Но какое это имеет значение, если старость всего лишь на несколько лет опережает меня? Ведь скоро она пойдет рядом, бок о бок со мной. А я не хочу быть похожим на того мертвеца. Хотя я жив для обычных целей, я умер вместе с тем мертвым человеком. Смерть придет; это всего лишь вопрос времени, рано или поздно, но она придет. Она может придти завтра, словом, когда-нибудь это произойдет».

«Держи сегодня колесницу наготове. Я постараюсь стать таким, каким был последний человек: я отрекаюсь. Я не нашел здесь счастья. Я буду искать его, я буду гнаться за ним. Я сделаю все, что нужно, чтобы найти счастье».

И целых шесть лет Будда делал все, что могли делать и другие. Он ходил к разным учителям, гуру, ученым, мудрецам, святым. В Индии так много таких людей, что вам не нужно их долго искать; просто поезжайте куда-нибудь, и вы их встретите. Они повсюду. Если вы их не ищете, они сами будут вас искать, а во времена Будды это было действительно сильно развито. Вся страна была охвачена страстным желанием узнать, как найти что-то, что переступает границы смерти.

Но после огромных усилий в течение шести лет - аскетизма, поста, йоги - ничего не произошло.

Но однажды... Я был на том месте, на той реке. Название той реки Нираньяна; это маленькая речушка недалеко от Бодх Гайя, где Будда стал просветленным. Вот почему город стали называть Бодх Гайя: место, где произошло «пробуждение».

Нираньяна - маленькая речушка, не очень глубокая. Будда постился и всячески терзал себя; он ослаб так, что когда он вошел в Нираньяну, чтобы искупаться, он не смог ее переплыть. Речка была очень маленькой, но он так ослаб, что смог удержаться в ней, лишь ухватившись за корень дерева, который свисал с берега, иначе вода унесла бы его. Пока он висел, ухватившись за этот корень, ему пришла в голову мысль, которую часто повторяют мудрецы: «Жизнь похожа на океан». Бхавасагар — океан существования - так это называют в Индии.

Будда подумал: «Если жизнь - это океан, то тогда все, что я делаю - неверно, так как если Я не могу переплыть эту маленькую речушку, Нираньяну, то как же я собираюсь пересечь океан жизни? Что бы я ни делал, я просто зря трачу свое время, свою жизнь, свою энергию, свое тело...» Каким-то образом ему удалось выбраться из реки, сесть под деревом и расслабиться. Он отказался от всех своих попыток.

В тот вечер — было полнолуние - впервые за шесть лет он хорошо спал, так как ему больше нечего было делать на следующий день, некуда было идти; ни практики, ни упражнений. На следующий день не было даже необходимости вставать рано утром, еще до восхода солнца, теперь он мог спать, сколько хотел. Впервые он почувствовал полную свободу от всех усилий, от поисков, исследований, преследований.

Конечно, он спал в очень расслабленном состоянии.

Конечно, он спал очень расслабленно, а утром, когда он открыл глаза, исчезла уже последняя звезда. Говорят, что, когда исчезла последняя звезда, исчез и Будда. Ночной отдых, мир, отсутствие цели, необходимости что-либо делать... Впервые он не почувствовал себя американцем. Лежа, никуда не торопясь, не торопясь даже встать, он увидел, что все эти шесть лет похожи на ночной кошмар. Но это уже стало прошлым. Звезда исчезла, а с ней исчез и Будда.

Это было ощущением блаженства, истины, ощущением призрачности всего того, что вы ищете, но не находите — именно потому, что ищете. Даже буддисты не могли понять важности этой истории. А это самое важное в жизни Гаутамы Будды. С ней ничего нельзя сравнить по важности.

Но вы будете удивлены... Я не буддист, я во многом не согласен с Буддой, но я первый человек за все двадцать пять столетий, который обратил особое внимание на эту историю и сделал ее центральным звеном, так как именно эта история и показывает, где произошло пробуждение Будды.

Но буддистские священники и монахи не могут воспользоваться этой историей, так как если они воспользуются ею, то какова же тогда их цель? Что они делают? Чему они учат? Каким упражнениям? Каким молитвам?

Естественно, если вы будете рассказывать эту историю, будете говорить, что это случилось, когда Будда перестал выполнять всякую религиозную чепуху, то люди спросят: «Тогда

почему вы учите нас делать это - почему бы нам не бросить всю эту религиозную чепуху? А если нам придется, в конце концов, это бросить, тогда почему же мы с этого начинали?»

Священников будет трудно убедить, так как все их дело и вся их профессия будут уничтожены.

Один буддистский монах, самый знаменитый монах в Индии - Бхадант Ананда Косхальян - жил в Нагпуре. Я приехал в Нагпур, и он пришел ко мне. Он сказал мне: «Я пришел повидать вас только для того, чтобы сказать: я читаю ваши книги; вы не буддист, но вы говорите о событиях в жизни Будды, которыми в течение двадцати пяти столетий не интересовались ни ученые буддисты, ни буддийские священники, ни его толкователи. Как вам это удастся?» Он повторил историю, которую он прочитал одной, из моих книг. Потом он сказал: «За всю свою Жизнь я ни разу не слышал этой истории; ее никто не рассказывает. Я сам был посвященным монахом почти тридцать лет. Но эту историю я прочитал впервые в вашей книге».

Я сказал: «Не беспокойся. Она тебя заинтересовала?»

Он ответил: «Меня интересует, это исторический факт или нет».

Я сказал: «Даже если этот рассказ не исторический, заинтересовал ли он тебя?»

Он сказал: «Вы меняете тему разговора».

Я сказал: «Я не меняю тему разговора. Если начинаешь говорить об истории, возникают некоторые затруднения: все надо доказывать историческими фактами, а в жизни Будды есть много такого, что нельзя объяснить с помощью исторических фактов. Можете ли вы доказать

историческими фактами, например, то, что пришел Индра и все устроил, организовал всю сцену и одурачил Будду? Это исторический факт?»

Он сказал: «Нет, это трудно доказать».

Я сказал: «Тогда не трогай историю, положишься на мой авторитет. Если встретишь Будду, можешь спросить у него, так как только он может это сказать, печать об этом не сообщает. Репортеры были священниками, и об этой истории они ничего не сообщали».

Затем я сказал ему: «Просто забудь, является ли эта история исторической, сообщали о ней или нет; смотри на факт и на то, что этот факт значит для тебя».

Он сказал: «Эта история имеет большое значение для меня, но не хотите ли вы сказать, что мне надо бросить всю мою практику?»

Я сказал: «Конечно, если ты нашел истину с помощью своей практики, то продолжай. Если же ты не нашел ее, тогда попробуй то, о чем говорю я».

По крайней мере, он был искренним и честным человеком. Он сказал: «Фактически, я ничего не нашел с помощью своей практики, поэтому я и пришел к вам».

Я сказал: «Когда я говорю, что это было именно так, записывай это где-нибудь, а потом читай: это будет уже записано. Если ты веришь в написанное слово, то ты найдешь его в моей книге. Но не это является проблемой. Проблема заключается в следующем: достаточно ли ты решительный, чтобы бросить то, что ничего не дало тебе? Ведь тридцати лет вполне достаточно. Будда бросил все уже через шесть лет. Ты же протянул до тридцати лет, увеличив этот срок в пять раз. Не думаешь ли ты, что ты более умный, чем Будда?»

Он сказал: «Мои друзья мне говорили, что с вами лучше было бы не встречаться и, вероятно, они были правы, потому что теперь передо мной стоит дилемма: бросить или не бросить? Ведь после тридцатилетней практики все становится близким тебе; ты сильно привязываешься ко всему».

Я сказал: «Обдумай это, поживи с этой дилеммой. Может быть, когда-нибудь на тебя снизойдет понимание». Но я мог видеть, что, хотя он и был искренним и честным человеком, он не был решительным. Каждый раз, когда я приезжал в Нагпур, я спрашивал: «Что подельывает Бхадант Ананда Косхальян?»

Я попросил своего хозяина не спускать глаз с этого монаха-буддиста, поэтому он отвечал: «Он делает то же самое, продолжает делать то же самое».

Последний раз я видел Бхаданта Ананду Косхальяна в тысяча девятьсот шестьдесят пятом году.

Мы случайно встретились в самолете, который летел из Бомбея в Дели. Он пытался уклониться от встречи, пытался сделать вид, что не видит меня. Но я подошел и сел рядом с ним. Я сел не на свое место, а на чужое. Когда подошли пассажиры, я сказал: «Простите меня, но не могли бы вы сесть на мое место? Мне потребуется всего лишь пять-семь минут, потом я уйду. Я несколько раз толкнул Бхаданта Ананду Косхальяна локтем, он отодвинулся. Я продолжал толкать его, а он

отодвигался от меня все дальше и дальше. Но я не унимался, продолжая толкать его.

Наконец, он спросил: «Что вы делаете?»

Я ответил: «Что вы делаете? Не думаете ли вы, что можно вот так сбежать? А от кого вы убегаете? От меня или от себя? Вы увидели истину в том, о чем я говорил в моей истории, так теперь признайте, что вы недостаточно решительны для того, чтобы последовать ей».

Он сказал: «Да, я недостаточно решителен, но я признаю, что ваша история правильная, независимо от того, изложена ли она в каком-либо писании или нет».

Буддисты не обратили на эту историю никакого внимания; они не воспользовались ею по той простой причине, что священству нужны какие-то средства существования. Они - паразиты; они могут жить только как паразиты; если они могут показать вам, как это делать, то есть как гнаться за чем-то, как искать, как находить: слово «как» имеет большое значение; это единственная помеха.

Отбросьте это «как» и просто «будьте». Просто «будьте», без всякой на то причины. И счастье начнет изливаться на вас потоком отовсюду - так, как могут сыпаться на вас цветы.

Здесь нет таких деревьев, но в Индии есть деревья, которые называются мадхукамини. Если вы сядете под таким деревом, цветы начнут сыпаться на вас, как дождь. Утром вы обнаружите под этим деревом целый ковер, законченный ковер из цветов. Всю ночь с этого дерева осыпаются цветы: оно цветет ночью, осыпается ночью, и к утру все цветы оказываются на земле. И это дерево настолько благоуханно, что уже за полмили от него вы можете понять, что где-то поблизости цветет мадхукамини. В моем доме, когда я еще ходил в школу... конечно, я превратил свой дом в настоящие джунгли; этим я занимался всю свою жизнь... Я посадил мадхукамини прямо в центре внутреннего двора дома. Когда я поехал в университет, я узнал это... Мой отец был, как Мукта. Это странно, но они были друзьями. Он не мог понять язык Мукты, но они были большими друзьями. Уходя в школу, я должен был говорить моей матери, моим теткам и всем остальным: «Последите за моим отцом, чтобы он не начал обрезать ветки на моем дереве».

Иногда мне приходилось забирать с собой в школу его садовые ножницы. Мой учитель говорил: «Что? Теперь ты приносишь в школу такие инструменты... не собираешься ли ты кого-нибудь убить? Ведь садовыми ножницами ты можешь перерезать кому-нибудь горло; зачем ты их принес? С какой целью? Держись от них подальше, тогда ничего не случится».

Я отвечал: «Я принес их не преднамеренно; я пытаюсь всего лишь защитить свое бедное дерево, так как, когда я в школе, мой отец обрезает с него ветки. Он, по-видимому, прирожденный англичанин».

Когда я уехал в университет, они вырубili все деревья, но даже мой отец не посмел тронуть мадхукамини, потому что, когда я уезжал, я им всем сказал: «Вы можете вырубить весь сад, если вам этого очень хочется; я знаю, вы это сделаете; ведь каждый день вы надоедаете мне: “Здесь нам нужна еще одна ванная комната - уберите свои деревья. Здесь нам надо увеличить кухню: детей стало больше в доме, люди женятся, в дом приходят жены - нам нужно больше комнат. Ты же превратил сад в настоящие джунгли”».

Но я был непреклонен и говорил им: «Нет. Когда я уеду, ладно, можете делать, что хотите». В тот день, когда я уезжал, я сказал им: «Запомните все: можете делать, что хотите со всеми деревьями, но мое дерево мадхукамини не трогайте никто. Если я вернусь и обнаружу, что моего дерева нет, я не войду в этот дом до конца моих дней». Только такая угроза и могла спасти мое дерево.

Но в тысяча девятьсот семидесятом году, когда я сказал: «Я больше сюда не приеду», они срубили это дерево, так как причины хранить его больше не было: моей угрозы больше не было.

Мадхукамини - такое прекрасное дерево. Просто сидеть под ним и чувствовать, как его цветы осыпаются на тебя... и так продолжается всю ночь. Когда это дерево цветет, на нем огромное множество цветов.

Точно так же на вас изливается блаженство.

Точно так же на вас изливается истина.

Вам надо просто сидеть, просто ничего не делать, ждать -просто ждать; ждать не Годо, а просто ждать, ни на что не надеясь, но в этом состоянии ожидания такое и случается.

А так как это случается (happens), то это следует назвать словом «счастье» (happiness).

Беседа 28

ЗНАНИЕ – ЭТО ИНФОРМАЦИЯ. ОСОЗНАВАНИЕ – ЭТО ТРАНСФОРМАЦИЯ

26 января 1985 года

Бхагаван,

Вы сказали, что не знаете, кто Вы. Вы действительно не знаете? Мы всегда не знаем, кто мы?

Я знаю, что я не знаю, кто я.

Мое осознание — это не знание, но мое осознание — это и не невежество.

Это несколько сложно, но это нетрудно понять.

Знание всегда заимствуется. Оно вам не принадлежит; вы просто повторяете, как попугай! Вы не знаете, что это значит, вы не знаете всех его скрытых значений; вы не знаете, где оно возникает, вы не знаете, истинно оно или вымышленно.

Рассказывают, что жена Муллы Насреддина купила попугая. Она очень хотела найти действительно хорошего попугая, и когда она нашла такого попугая, она была очень довольна.

Но по какой-то странной причине продавец в магазине не хотел продать ей этого попугая. Она удивилась и сказала: «Он у вас продается, и я готова заплатить за него любую цену. Почему же вы отказываетесь продавать его?»

Он ответил: «Есть много других прекрасных попугаев, еще более умных. Почему вы хотите купить именно этого?»

Она сказала: «Этого я не знаю, но почему-то он мне кажется самым умным. Он красив, здоров, красивой окраски, а как он говорит! Трудно определить, человек это говорит или попугай».

Хотя продавец очень не хотел продавать его, но женщина настаивала и, наконец, купила этого попугая. Когда она уходила из магазина, продавец сказал ей: «Я должен вас предупредить о том, почему я не хотел его вам продавать: этот попугай поступил к нам из очень плохого дома: он принадлежал проститутке. Он говорит вульгарным языком и употребляет выражения, которые могут вас оскорбить».

Она сказала: «Не беспокойтесь. Мне нужен такой попугай для мужа. Мой муж говорит так вульгарно, использует такие плохие выражения, что это пойдет ему на пользу: попугай будет ответом ему».

Продавцу больше нечего было сказать. Жена Насреддина пошла домой и прикрыла попугая покрывалом так, чтобы, когда Насреддин пришел, она смогла бы удивить его. Насреддин пришел домой к вечеру. И большое потрясение и удивление было, но не у мужа, а у его жены, так как даже под покрывалом попугай сразу же узнал Насреддина. Он сказал: «Привет, Мулла Насреддин! Ты бесподобен! Каждый день новые девочки, новые женщины!»

Попугай не мог думать о последствиях, а жена была странно шокирована тем, что попугай знал Насреддина: это означало, что Насреддин ходил к этой проститутке. Попугай продолжал твердить: «Ты бесподобен! Каждый день новые девочки, новые женщины. Ты знаешь, как получать наслаждения в жизни!»

Знание точно похоже на это. Христианский священник, повторяющий Библию, не имеет понятия о том, что именно он повторяет.

Как раз на днях я получил кое-какую информацию: генеральный прокурор штата Орегон объявил Раджнишпурам незаконным городом. Причиной, которую он привел для объяснения, является то, что в Раджнишпураме смешались религия и государство.

Ну, прежде всего, наша религия не имеет ничего общего со всеми религиями, которые когда-либо существовали на земле. Именно для того, чтобы соответствовать закону, нам пришлось объявить себя религией, но во всем мире вы не сможете найти такой нерелигиозной коммуны, как наша. Какая религия в Раджнишпураме? Бога - нет, Святого Духа - нет, Христа - нет, нет ни папы, ни молитвы, никто не думает о смерти. Все так заняты жизнью, у кого есть время на это!

Действительно, даже если смерть придет ко мне в город, ей придется подождать. Мои люди так заняты жизнью, что даже смерти надо будет учитывать это... Она может легко уносить тех людей, которые мертвы уже тридцать, сорок или пятьдесят лет. Для смерти это не проблема; беспокоиться об этом нет необходимости: их надо забрать. Они жили посмертной жизнью достаточно долго. Может быть, смерть слишком занята, может быть. На этой планете и на пятидесяти тысячах других планет есть жизнь; и ни в одной религии не говорится, что где-то есть смерть. Смерть одинока. Для бедной смерти нужна большая бюрократия, а она делает всю работу сама. Поэтому многие люди умирают, когда им всего лишь около тридцати лет, а потом

им приходится ждать сорок, пятьдесят или шестьдесят лет, когда подойдет их очередь. Что может сделать смерть? Она еще не обслужила тех, кто давно внесен в списки умерших, а вы умираете и умираете.

Но мои люди очень удивят смерть.

Это живые люди.

Они так поглощены жизнью, что и не думают о смерти. Она о многом подумает, прежде чем унесет кого-либо. Она может подумать так: «Лучше я сначала закончу дела, которые давно надо было бы уже закончить и которые никак не кончаются. Этих людей я могу взять и попозже; пусть они еще немного поживут».

Что это за религия?

Я называю это религией без религии. Я называю это религиозностью.

Но у них нет никакой категории для обозначения религиозности, они не имеют никакой категории для религии без религии, потому что такого еще никогда не было. Но все правительства и все чиновники продолжают цепляться за старомодные понятия. Им требуется много времени для того, чтобы переварить что-то новое, но к тому времени, когда они переварят это, оно уже устаревает.

Для моей иммиграции существует лишь одна категория, которую можно применить ко мне, и эта категория - религия. Я пытался объяснить, что моя религия - это не существительное, а глагол, но чиновник смотрел на меня пустыми глазами. Что такое я говорю? Что моя религия - не имя существительное, а глагол? Кто, когда такое слышал об этом?

Но я сказал: «Вам не следует ни волноваться, ни озадачиваться. Для того, чтобы не волноваться, я соглашусь с этой категорией - религия. Но если бы правительство и чиновники были достаточно внимательны и знали о последних достижениях, то они смогли бы сделать особую категорию для меня, для человека, который просто религиозен, но не является ни христианином, ни индуистом, ни мусульманином. Чтобы быть религиозным, вам не надо обязательно верить в бога, в загробную жизнь, вам вообще не нужно ни во что верить. Чтобы быть религиозным, единственное, что вам надо, — это жить такой полной жизнью, чтобы можно было ощутить вкус самого существования.

Когда я говорю «понимание, осознание», я имею в виду вкус, обоняние, слух, чувства, жизнь, а не способность к накоплению знаний. Это я считаю грехом. Осознание - величайший экстаз, который вы можете испытать...

Но самое величайшее изумление от осознания охватывает вас, когда вы направляете его на самого себя.

Вы можете быть в состоянии осознания солнечного восхода, солнечного заката, звезд, цветов, птиц, животных, людей. Вы сможете быть в состоянии осознания, и это изумительно прекрасно, это очень вас наполняет, в огромной степени удовлетворяет.

Но наивысшим станет момент, когда вы обратите это осознание на самого себя.

Тогда вы начнете двигаться по направлению, по которому вы никогда еще не двигались, вы вступите на путь, по которому никогда еще не шли.

Знание делится на три части: есть тот, кто знает, то, что познается, и то, что соединяет их — знание. Осознание тоже состоит из трех частей, но здесь наблюдается некоторое различие: есть тот, кто осознает, осознает, есть то, что должно быть понято, осознано, но в этом случае их объединяет не знание, а осознание, понимание. Знание заимствуется. Тот, кто знает, -это факт; то, о чем знают, - тоже факт, но знание не приходит само, его заимствуют. Понимание, осознание — это ваше, личное. Поэтому знание дает вам лишь ощущение соотнесенности, связи явлений друг с другом.

Это как супружество, которое похоже на мираж.

Супружество просто дает вам иллюзорное ощущение того, что вы как-то связаны. В действительности же вы - два кровных врага, которые живут вместе - или, лучше сказать, борются придирками, изматывая друг друга, донимая друг друга и совершая другие действия, отнюдь не дружественные. Это очень странная связь. Здесь нет изливающейся потоком любви. Слышал ли кто-нибудь о муже, любящем свою жену, или о жене, любящей своего мужа? Притворяющихся - да, но любящих? Вероятно, это невозможно между мужем и женой.

Супружество - это смерть любви.

Знание похоже на супружество. Вы не реально связаны с известным, это всего лишь иллюзия, заблуждение.

Однажды в доме одной старой дамы висела какая-то картина. Дама была очень старая, и когда она умерла, дом продали. Новые владельцы долго смотрели на картину, но не смогли определить, что на ней было изображено: то, что было на ней изображено, казалось им почти глупым. Это был Пикассо. Если вы не знаете этого, тогда картина вам будет казаться глупой, написанной каким-то сумасшедшим. Так и случилось. Новые владельцы сняли картину и выбросили ее в подвал.

Однажды к ним пришел один друг и спросил, что случилось с картиной Пикассо. «Я был в этом доме при жизни старой дамы. Я проходил мимо и увидел эту картину. Дом продали, но эта картина значительно дороже дома. Что с ней случилось?»

Владелец дома не ответил. Он кинулся в подвал, принес картину, почистил ее и сказал: «Я так счастлив, что вы зашли к нам. Мы думали, что это что-то глупое. Разве это Пикассо?»

Человек ответил: «Она дороже, чем весь этот дом, который вы купили».

Картину вновь повесили на стену. Хозяин дома организовал вечер для своих друзей, чтобы показать эту картину. Один из его друзей оказался экспертом по живописи. Он сказал: «Это не оригинал, тебя одурачили. Да, это копия картины Пикассо, а не оригинал. Те, кто продал тебе этот дом, не были глупцами; если бы эта картина была подлинной, она принесла бы им миллион долларов, эту картину убрали бы из дома еще до его продажи. Эта картина - подделка».

Хозяин дома снова выбросил картину в подвал. Так какие же взаимоотношения возникли между хозяином квартиры и картиной? Это я и называю словом «знание». Здесь нет никакой связи, кто-то говорит: «Это Пикассо». И картина вешается на стену, приглашаются друзья посмотреть на нее. Затем кто-то говорит: «Это обман», - и картину выбрасывают в подвал. Если когда-нибудь появится сам Пикассо и скажет: «Это не обман», — а Пикассо мог сказать такое, - тогда эту картину снова принесут и повесят на ее старое, хорошее место.

Хорошо известен факт, что однажды Пикассо сказал об одной из своих картин: «Это обман». Она была продана за несколько миллионов долларов. Когда человек, который купил эту картину, узнал, что это был не подлинник... Девушка Пикассо - у него никогда не было жены, были только девушки, которые менялись, как меняется жизнь, как меняется все, - эта девушка сказала: «Но я своими глазами видела, что ты рисовал эту картину, я при этом присутствовала». .

Пикассо сказал: «Правильно. Ты присутствовала, когда я рисовал ее, но, все равно, это обман».

Владелец картины сказал: «Вы сошли с ума? Если вы ее рисовали, то почему же это обман?»

Пикассо сказал: «Это обман, потому что я такую картину рисовал уже раньше. Разве имеет значение, кто нарисовал ее повторно? Это копия, это не настоящий Пикассо. Я уже рисовал ее, она есть в картинной галерее. Так получилось, что у меня не было других картин и в тот момент мне ничего другого не пришло в голову. Поэтому я просто повторил свою старую идею. У меня был эскиз. Разве имеет значение, кто сделал эту копию - я или другой?»

Наоборот никогда не происходит, но я могу гарантировать - имей Пикассо такое осознание, как я - он мог бы сказать, что эта его копия — подлинник, если это по-настоящему большое искусство. Разве имеет значение, кто нарисовал ее? Если картина, нарисованная самим Пикассо, может быть не оригиналом, тогда почему нельзя сказать, что картина, нарисованная кем-то другим, но подписанная «Пикассо», - подлинник, если она действительно является настоящим произведением искусства? Но что же тот человек? Он сходил с ума: кто-то говорит, что картина, которую он купил, - не оригинал, кто-то говорит, что это подлинник, и всякий раз его отношение к картине меняется. Каково ваше отношение к Богу? Это - знание. Атеист приходит и доказывает, что Бога нет, и отношение исчезает. Верующие приходят с лучшими тезисами, так как вопрос ведь не в том, есть ли Бог или нет его, вопрос в том, чьи доказательства лучше, логичнее, более аргументированные, более авторитетные, и они доказывали, что Бог есть. Снова возникают какие-то взаимные связи. А вы собираетесь зависеть от таких связей?

Любой человек может изменить ваше знание в любой момент: оно не имеет никаких корней в вас.

Осознание никто не может изменить, даже Бог. В Индии рассказывают историю об очень своеобразном человеке по имени Экнатх. Он был большим почитателем Кришны, настоящим фанатиком. Все двадцать четыре часа в сутки он думал только об одном, и это был Кришна. Он был из Махараштры. Он называл Кришну Витхобой - в Махараштре Кришну называют Витхобой. Деревня, где жил Экнатх, находи лась рядом с тем местом, где находится наша коммуна в Пуне. Его мать была больна, почти при смерти; он массировал ей ноги. Рассказывают... Помните, это всего лишь рассказ, а не исторический факт; я просто рассказываю вам прекрасную историю; Кришна был очень озабочен, так как его преданный почитатель действительно очень страдал. Он потерял своего отца, брата, сестру. Единственный, кто остался, - это его мать, но теперь

пришло и ее время. Витхоба подумал: «Теперь я - его единственный родственник; двадцать четыре часа в сутки он думает лишь обо мне. Пора пойти и утешить его и сказать ему: «Не беспокойся, я пришел. Мать твоя уходит, но Витхоба здесь». Итак Витхоба пришел. Дверь была открыта, потому что дом Экнатха был настолько беден, что запирать двери не было необходимости: там нечего было воровать. Витхоба вошел, стал позади Экнатха и сказал: «Экнатх, разве ты не помотришь на меня? Я - Витхоба. Ты все время молишься мне, воспеваешь меня, зовешь меня. Пора пришла - я должен был прийти к тебе». У Экнатха не было ни даже тюфяка, ни коврика, ни пледа, ни стула, чтобы предложить Витхобе. У него был всего лишь один земляной кирпич, из которого в Индии делают дома; на этом кирпиче стояла лампа. Он использовал этот кирпич, чтобы поднять лампу повыше, чтобы лучше видеть свою мать. Он был так поглощен массажем ног матери, что снял лампу с кирпича, подтолкнул кирпич к Витхобе, даже не оглянувшись, и сказал: «Постой на кирпиче, пока я не закончу массаж».

Эта история действительно прекрасна. Прошла целая ночь: Витхоба превратился в камень, так как всю ночь он простоял на кирпиче. На месте дома Экнатха сейчас стоит храм. На камне возвышается статуя Витхобы. Это самый почитаемый храм в Махараштре. Каждый год тысячи полонников со всей Махараштры приходят в храм Витхобы.

Но для ученых возникла целая проблема: «Почему Экнатх так отнесся к своему богу?» У них нет ответа. По крайней мере, он мог хотя бы взглянуть на него или сказать: «Пожалуйста, посиди на этом кирпиче». Я разговаривал со многими учеными из Махараштры, последователями Экнатха - ответа у них нет. Я сказал: «Это ведь так просто. Эта история может быть всего лишь выдумкой, а я знаю, что это такое. Нет никакого Витхобы; никто никогда не приходит, держите ли вы дверь закрытой или нет. Но несомненно одно: Экнатх был настоящим человеком; если он делал что-то, он делал это как следует, с полной отдачей. Когда приходит Бог, он говорит Богу: «Стой там, не беспокой меня, пока я не закончу свою работу».

Для меня это является основой для моего высказывания о том, что, если смерть придет к моим санньясинам, ей придется подождать.

Ваша связь с жизнью или с чем-нибудь еще должна быть через осознание, а не через знание, заимствованное знание. Поэтому, когда я говорю: «Я знаю», - мое слово «знаю» обозначает не знание, а осознание. И в том же самом утверждении я противоречу себе; я говорю: «Я знаю, что я не знаю, кто я есть». Когда осознание приходит к вам, возникает огромная проблема, так как теперь тот, кто осознает, что он осознает, и осознание сливаются в одно целое. Вы и осознающий, вы и осознаваемое, вы - само осознание.

Если я скажу: «Я знаю себя», это будет не так, потому что тогда надо будет разделить все три части: того, кто знает, знание и то, что известно; а это - неделимое, органическое явление. Поэтому, вы не можете сказать: «Я знаю себя». Вот почему я говорю: «Когда я говорю - я не знаю себя - я не имею в виду невежество». Это не знание, это не обычное понимание, это осознание.

Вы знаете красоту солнечного заката, вы знаете красоту лица, вы знаете красоту музыки. Даже, хотя это и осознание, в этом присутствуют все три части, о которых я только что говорил; очень глубоко связанные, почти в одно целое, но только «почти», не органическое целое.

Когда ваша осознанность обращается к самому себе - это, конечно, не знание.

Но это также и не обычное осознание.

Это не невежество, конечно, так как вы все-таки знаете.

Но это такое необычное осознание, что при этом вы становитесь невежественным, невинным: вы не знаете ничего о понятиях: осознание, знание, неведение.

Все эти слова исчезают.

Вы просто находитесь там.

Это переживание, но такое переживание, которое нельзя описать словами, которые имеют противоположные значения.

Слово «невежество» не может описать это, так как знание является его противоположностью. Слово «знание» не может описать это, потому что слово «невежество» является его противоположностью. Слово «осознание» не может описать это, так как его противоположным значением является слово «неосознание». Тогда, что же может описать это? Только противоречие. Я повторяю - только противоречие может указать на это. Вам надо использовать противоречие по той простой причине, что противоречие убивает себя и не оставляет после себя никаких следов. Именно это я и имею в виду, употребляя слово «неведение».

Когда я говорю, что я знаю, что не знаю, я пытаюсь с помощью языка помочь вам немного взглянуть на то, что происходит, когда противоположности встречаются. Я произношу обе противоположности: я знаю и я не знаю». Они пересекут друг друга, разрушат друг друга. Что же останется?

Просто невинное осознание.

Невежество не невинно.

Невежество чувствует неполноценность; это беспокоит. Осознание не невинно. Осознание подкрепляет это; оно дает вам чувство превосходства. Я ставлю вместе — превосходство и неполноценность.

Они уничтожают друг друга, и само уничтожение их друг другом оставляет вас в одиночестве и ничего не знающим.

Это похоже на ребенка, когда он впервые открывает глаза. Он видит все вокруг себя; картину на стене, часы на стене, разные краски. Но не думаете ли вы, что он знает, что это - картина, а вон тот цвет - красный; что это часы, которые показывают время? Он видит, но его видение совершенно невежественно. Не забывайте, он видит лучше вас, так как глаза его такие свежие.

Воздействие разноцветных красок на ваши глаза происходит по-другому. Для ребенка это обычное явление. Если он видит ваш красивый цвет... Он никогда не видел этот цвет раньше. Он не имеет представления, как сделать вывод, что такое хорошо, что такое плохо, что такое красиво или некрасиво. Он не может сделать вывод, он просто видит. Его глаза не затуманены предрассудками. В его глазах нет никакой пыли.

По мере вашего взросления в глазах ваших начинается накапливаться пыль, ваш мозг начинает накапливать слои пыли. Все постепенно скрывается за таким большим количеством слоев пыли, что вы теряете свое первоначальное видение, свой первоначальный слух, свой первоначальный вкус, свое первоначальное обоняние, свое первоначальное ощущение касания. Все скрывается под пылью.

Но ребенок, когда он открывает свои глаза, знает — но он не знает, что он знает. Такое же состояние испытываете и вы, когда ваше осознание поворачивается на вас самих. Вы знаете, но теперь никаких слов не хватит, чтобы объяснить какое-либо выражение об этом осознании.

Сократ прав. Я согласен с этим стариком во многом. Я также и не согласен с ним во многом, но по этому вопросу я согласен с ним на все сто процентов. Он говорит: «Существует знание, которое ничего не знает, и существует незнание, которое знает все». Я бы не хотел использовать слово «незнание», так как в связи с этим словом у нас возникает некоторая ассоциация. Это ассоциация следующая: слово «незнание» означает, что вы не знаете. Изменив эту ассоциацию, я смогу использовать это слово. Если вы сможете осознать новый вид познания, где исчезает троичность и появляется нечто единое, органичное, целое... Тот, кто знает, то, что известно, знание - все является единым целым; а следовательно, не существует никого, кто заявил бы о чем-то. Тот, кто уже знает, всегда говорит, что он не знает. Только идиоты говорят, что они знают.

Тот, кто по настоящему мудр - всегда лишен знания. Он дошел до того состояния, когда знание остается далеко позади и, конечно, неведение, которое является помехой (противоположностью) знанию, тоже остается далеко позади. Какое же слово теперь использовать? Я мог бы воспользоваться словом «неведение» - «Я ничего не ведаю о себе», но это было бы неверно с лингвистической точки зрения. Хотя язык меня ни в коей мере не волнует. Я продолжаю пользоваться языком по-своему.

Я не ведаю о себе.

Это означает: я знаю, что я не знаю себя. Но не спрашивайте точного лингвистического значения слов. Каким-то образом это должно происходить, когда вы описываете что-то необычное, что вы испытываете в жизни. Вам приходится использовать необычные способы. Безмолвие было бы самым подходящим ответом на это, но сможете ли вы понять безмолвие? Следовательно, я выбрал что-то очень близкое к безмолвию и, тем не менее, поддающееся выражению - неведение.

Неведение превосходит и знание и незнание.

Чтобы расчистить путь для неведения, я использую слова «знание» и «невежество» вместе, в одном и том же предложении, чтобы они могли разрушить друг друга и могли оставить вас незатронутыми (без царапин, без ожогов).

Вы спрашиваете меня, сможете ли вы когда-нибудь узнать себя? Только так же, как это уже было возможным для меня; не иначе. Если вы готовы стать ничего не знающим, если вы готовы отбросить и свое знание и свое невежество... Вы будете удивлены, когда узнаете, что отбросить знание очень трудно, а отбросить невежество еще труднее.

Вероятно, вы никогда не думали об этом. Конечно, отбросить знание трудно, так как это все, чем вы обладаете, это все, чем вы можете похвастаться; а я говорю вам, чтобы вы отбросили его, чтобы вы стерли из памяти все, что вы накопили. Вы накапливали это, как сокровище. И все вам постоянно говорили, что чем больше вы знаете, тем более сильными вы будете. В чем секрет того священника? Почему он такой сильный? Потому что он знает, или, по крайней мере, притворяется, что знает то, чего вы не знаете и в силу своей нерешительности даже не можете притвориться, что знаете это. Он знает Бога, он знает все о рае.

В Индийских храмах я видел карты ада и рая и место, где живет Бог, и место, где живут тиртханкары. Этим картам сотни лет: чем они старше, тем ценнее. Я спрашивал монахов-джайнов: «Вы знаете, где находится Тимбукту?»

«Тимбукту? Мы никогда не слышали о Тимбукту».

Я спросил их: «Вы знаете Кустунтуния?» - на языке хинди это Константинополь.

«Кустунтуния - очень странное название, мы никогда не слышали о нем».

Я сказал: «Вы даже не знаете географию этой маленькой планеты, но вы знаете, где находится рай и где находится ад, вы знаете точное местоположение дома Бога, даже архитектуру этого дома. А дома, расположенные вокруг дома Бога, - это дома тиртханкар. Где Иисус Христос? Хазрат Мохаммед? Моисей? Заратустра?»

И они ответят: «Вы задаете странные вопросы! Этих людей нет в раю, их там не может быть». У них есть карта ада. Много раз я спрашивал, начиная с детства: «Где этот ад?», а они отвечали все вместе - и индусы, и джайны, и буддисты - «под землей». Вот именно здесь мы и сидим сейчас - в аду.

Согласно их учению, Америка - это как раз то место, где и находится ад. Согласно их учению, земля не круглая, а плоская, как чапати. Сверху находится земля, а под чапати находится ад. Но под чапати находится Америка, а в самом центре Америки - штат Орегон.

Когда Шила стала искать место для создания нашей коммуны и позвонила мне из штата Орегон, я засмеялся. Если бы мои святые джайны знали, где я собираюсь осесть? По их учению, до сих пор ад находится под землей. Но этот мир очень странный, потому что он круглый; поэтому прямо сейчас они находятся под нами. Очень трудно решить, кто же находится в аду. Сейчас Шила уехала в Нью-Дели. Очень трудно решить, находится ли ее Учитель в аду или она сама.

Эти глупцы сделали карту; конечно, в течение многих столетий считалось, что они знают многое об этом. Они знают даже мельчайшие детали на карте: они знают дороги, они знают, сколько ворот вам надо пройти... Это эксплуатация вашего незнания, стремление заставить вас почувствовать вину от своего невежества: «Вы не знаете - мы те, кто знает. Вам надо слушаться нас и следовать за нами. Мы знаем правильную дорогу, правильного Бога, правильный рай».

Все эти религии совершают одно и то же. Я заглянул в священные писания всех этих людей. Они все притворяются, что знают абсолютно все, но на самом деле они просто говорят абсолютную ложь, потому что все они не могут быть правы. Их описания очень отличаются друг от друга. Рай у христиан совсем не такой, какой рай у индусов, поэтому либо существуют не один рай и не

один ад, чтобы представители разных религий имели разные стратегии наказания и разные способы удовольствий... Потому что в раю - что вы будете делать целую вечность? Вы думали когда-нибудь об этом?

Подумайте: в христианском раю, что делают ангелы целую вечность? Играют на гитарах — «алилуйя, алилуйя, алилуйя» -целую вечность? Да, после обеда, для отдыха - это хорошо, но целую вечность! Этого слишком много. И это не удовольствие, а пытка. Я думаю, что люди в аду могут наслаждаться значительно большим разнообразием, так как люди, живущие полноценной жизнью, — все в аду, а «сухари» - все в раю.

Так как я точно знаю по своим переживаниям, что нет ни рая, ни ада, я свободен от ночных кошмаров. В детстве я больше боялся рая, чем ада. Мой отец обычно говорил мне: «Ты просто псих! Мы боимся ада, а ты боишься рая. Все великие мудрецы, по твоему мнению, дураки».

Я говорил ему: «Я не знаю, дураки они или нет. Но я знаю, что все люди, живущие полноценной жизнью, находятся в аду; я знаю, что тебе необходимо признать это. Азартные игроки, пьяницы, плейбои, девочки по вызову, все, участвовавшие в цирковых и карнавальном представлениях, - все они, наверное, будут в аду. Пожалуйста, расскажи мне, что у тебя в раю? Только вытянутые лица, святоши, люди, не воспринимающие юмор. Не публикуется ни одной газеты, так как если ничего не происходит, то что же публиковать? Нет сплетен, нет ресторанов...»

Мой отец говорил: «Пожалуйста, держи эти мысли при себе, они меня развращают». В конце концов, я действительно развратил его, я превратил его в санньясина. Но с самого детства он боялся, что я испорчу его, потому что у него не было ответов на мои вопросы. Он ходил к мудрецам и святым - у них тоже не было ответов. Они говорили ему: «Это- странный мальчик. Обычно такие вопросы не задают».

Я говорил: «Задают ли такие вопросы или нет, я не знаю, но я их задаю. Пожалуйста, отвечай мне. Какие развлечения есть в раю? Футбол, олимпийские игры? Что там есть в раю? А если там ничего нет, тогда что же там делают твои святые? Целую вечность! Должно быть, они умирают, чтобы родиться вновь, но ведь они не могут: когда ты становишься просветленным, развлечения не повторяются?»

Я часто приезжал в Бомбей перед тем, как поселиться в нем, почти два-три раза в месяц, так как в Бомбее находился наш центр и вся работа проводилась в основном там. Там у меня были знаменитые последователи; и, конечно, все интеллигентные люди Индии живут в Бомбее. Постепенно тысячи людей стали узнавать меня. Однажды один из моих санньясинов (в то время я еще не основал санньясу, но сейчас он санньясин... он обычно возил меня по городу) в шутку остановился перед бистро - он тогда меня совсем не знал - и сказал: «Бхагаван, не желаете ли зайти и съесть мороженого?»

Мороженое я тогда любил. Сказать вам правду, я и сейчас люблю его, хотя найти его где-нибудь невозможно. Я сказал: «Прекрасная мысль!» Тогда он испугался, он, оказывается, шутил. Он сказал, что думал, что религиозный человек откажется войти в бистро, где почти голые женщины показывали стриптиз. Он спросил: «Вы серьезно?»

Я сказал: «Абсолютно! Открывай дверь - ведь это моя последняя жизнь. После этой жизни у

меня не будет ни быстро, ни мороженого; я не хочу упустить свой последний шанс». Он колебался. Я спросил: «Чего ты ждешь?»

Он сказал: «Если кто-нибудь увидит вас там и узнает вас...» Я сказал: «Это моя проблема».

Он сказал: «Нет — это не ваша проблема. Они убьют меня, они скажут: “Это ты его туда отвез; иначе, как бы он нашел это быстро? Мы считали, что ты отвезешь его домой после нашей встречи, а не в быстро”».

Я сказал: «Не беспокойся, я буду тебя защищать, я скажу им, что я настаивал, что, увидев надпись “быстро”, я спросил: “Что это? Я хочу знать”».

Он сказал: «Тогда хорошо, но, Бхагаван, вы втягиваете меня в очень неприятную историю».

Я сказал: «Не беспокойся, пошли».

Мне пришлось войти туда первому, он следовал за мной; ему пришлось пойти за мной. Там был кондиционер, но он вспотел. Я сказал: «Харшад, — так его звали, - твое имя означает веселье. Пойми - веселье!»

Но случилось то, чего он боялся. Хозяин быстро услышал меня: он вышел и припал к моим ногам. С Харшадом случился нервный шок. Все остановилось; даже танцовщица прекратила свой стриптиз - все замерло. Когда хозяин припал к моим ногам, другие посетители, которые не имели представления о том, кто я такой, начали подходить и прикасаться к моим ногам, а танцовщица ушла со сцены. Я сказал: «Харшад, мне, кажется, что для меня это невозможно уже в этой жизни». А хозяину я сказал: «По крайней мере, принесите мне мороженое».

Он спросил: «Вы примете мороженое?»

Я ответил: «Приму? Я заказываю мороженое, я люблю тутти-фрутти». Я ел мороженое, а вся толпа стояла вокруг меня. Я спросил: «Что вы делаете? Занимайтесь своим делом!» Харшад прятался за толпой, так как боялся, что если хозяин увидит его...

Когда я закончил есть мороженое, он подошел ко мне и потащил меня оттуда. Он сказал мне: «Бхагаван, пошли! Я никогда не сяду за руль, если вы будете так делать».

Я спросил: «Но что я сделал? Я не создал никаких проблем ни для кого. Ты спросил меня: «Хотите мороженого?», поэтому я заказал порцию. И во всей этой суете они не спросили счет. Пойди и заплати».

Он сказал: «Я не пойду туда один. Я не могу идти туда; если вы пойдете впереди...»

Я сказал: «Тогда не беспокойся, потому что никто сейчас не думает об этом счете. Мы доставили удовольствие им, они доставили удовольствие нам, все сбалансировано. Особо беспокоиться не о чем. Но где ты прятался все это время? Мне пришлось съесть две большие порции мороженого, потому что хозяин принес самое лучшее мороженое, самые большие порции. Где ты был? Мне пришлось съесть две порции, а это многовато».

Харшад продолжал возить меня, но каждый раз, когда нам встречалось быстро или что-то в этом

роде, он увеличивал скорость. В таких случаях я говорю: «Харшад, бистро», а он отвечает: «Никогда больше!»

Люди каким-то образом узнали об этом, и ему крепко досталось от них. В Бомбее в те дни было много стариков, моих последователей, очень уважаемых людей: кто-то был в прошлом мэром, кто-то был в прошлом шерифом, кто-то министром. Я всем сказал: «Не надо наказывать Харшада, он уже достаточно наказан».

Он потел и начал дрожать в бистро, но я просто наслаждался всем; вся сцена была такой неправдоподобной. А для девушки-танцовщицы это было чем-то абсолютно новым.

Она, вероятно, никогда не делала этого раньше и никогда не будет делать этого опять.

В раю, вероятно, есть что-то стоящее. Но так много столетий эти люди говорят о рае и аде; и как только вы попадете в их сеть знаний, вы будете конечным человеком. Вы перестанете быть живым. Тогда их знания заставят вас почувствовать себя невежественным, ничтожным, виноватым, грешником. Даже когда вы едите мороженое, вы чувствуете, что совершаете грех. Это странно, потому что ни в одном религиозном писании не говорится, что мороженое - это грех.

Но религии направлены против всяческих удовольствий. Поэтому написано в писании или нет... В будущем произойдет многое, чего сейчас еще нет. Конечно, эти, так называемые, всеведущие святые и мессии, все они не имеют представления даже о мороженом - что же говорить об атомных бомбах и ядерном вооружении? Но они дали основной критерий: все, чем можно наслаждаться, - грех, это против Бога. Быть счастливым означает быть против Бога; испытывать блаженство означает быть его заклятым врагом. Я блаженный человек.

Если есть Бог, но я знаю, что его нет... Если я не нашел его в себе, а я заглядывал во все уголки своего сознания и не нашел еще его нигде, то его не может быть нигде. Его не может быть ни в каком сознании, потому что природа сознания одинакова. А сознание является наивысшим расцветом существования; если его нет даже в этом наивысшем расцвете, то где он может быть? А за сознанием нет уже ничего.

В тот момент, когда вы узнаете непознаваемое, таинственное, чистое сознание, очищенное от всех мыслей, идей, писаний, религий, вы не узнаете ничего, вы узнаете все.

Вы не узнаете ничего, потому что знания остаются далеко позади, это было бремя. С вас свалилось тяжелое бремя - это всего лишь пыль, накапливаемая на зеркале вашего сознания. Это зеркало сейчас чистое, такое чистое и такое пустое, что оно ничего в себе не отражает. Оно просто присутствует, ничего не отражая, потому что, кроме этого, ничего нет. Подумайте только о зеркале, находящемся в абсолютном одиночестве. Что это будет за ситуация для зеркала? Оно будет все-таки зеркалом, но ничего не отражающим зеркалом. Вот что происходит, когда вы обращаете свой взгляд во внутрь себя.

Сознание находится там, осознание находится там; фактически впервые оно находится там во всей своей общности. Думать не о чем, отражать нечего, узнавать нечего. В этом смысле вы становитесь наивным, чистым, невежественным. Но в другом смысле, из-за того, что ничего не остается, что вы могли бы узнавать, вы знаете уже все. Вкус вашего собственного сознания - это

вкус всех сознаний, разницы нет.

Но священство не может жить моими мыслями и идеями.

Священство вымрет. Оно должно вымирать, это совершенно необходимо. Они наполнили вас знаниями, а со знаниями пришла идея о невежестве. Они наполнили вас такими странными идеалами, что если вы будете следовать им, то с вами будет покончено; если вы не будете следовать им, с вами все равно будет покончено. Идеалы, которые они дал и вам, не естественны. Если вы попытаетесь следовать им, вам придется идти против своей природы; вам придется калечить себя, разрушать себя. А если вы будете следовать своей природе, вы будете чувствовать себя виноватыми, грешниками. И тогда появится огромный страх - вас ждет ад. Не беспокойтесь: ни ада, ни рая не существует.

Единственное, что важно, - это ваше чистое осознание.

Тогда, где бы вы ни были, вы будете в раю.

Я могу бросить вызов Богу, чтобы он бросил меня в ад, без всяких проблем, без страха, потому что я смогу организовать там коммуны. И это будет действительно важная коммуна, потому что там будут такие яркие личности.

Но меня опять уносит... Я говорил вам о генеральном прокуроре, который заявляет, что мы здесь смешали государство и религию. Совсем недавно я получил информацию, что федеральное правительство Америки разослало во многие христианские церкви, учреждения, школы, больницы, детские дома две проповеди, готовые проповеди; но эти проповеди были посланы только католикам-христианам. Эти проповеди были подготовлены федеральным правительством для сирот, чтобы ознакомить их с некоторыми заповедями. И в этом они превзошли даже Иисуса.

Когда я услышал это, мне стало немного жалко Иисуса, потому что, какая же будет его ситуация? В этих проповедях много заповедей, но одна заповедь просто потрясающая. Она предназначена для сирот, чтобы они молились богу так: «Мы счастливы, что ты сделал нас беспомощными сиротами, так что ты наша единственная надежда и опора». А вся заповедь: «Блаженны сироты, так как они наследуют царствие божие».

Я был потрясен. Иисус сказал: «Блаженны нищие, ибо они наследуют царствие божие». Возникает проблема. Кто будет наследовать царство божие — сироты или бедняки? Американское правительство нашло самых бедных из всех бедняков: сирот. Теперь бедняки будут казаться почти супербогачами. Они не смогут больше пролезать через игольное ушко. Нет, только сироты могут это..

Что же теперь собирается делать Иисус? Ведь эти люди, соблюдая заповеди Иисуса, создали определенные трудности для него, нечто вроде соревнования. В мире так много сирот; рано или поздно все становятся сиротами. Когда-то умирает ваш отец, когда-то - мать, и вы становитесь сиротой. Кто же еще сирота? Даже миллионеры могут стать сиротами.

Меня действительно очень волновал вопрос, что будет делать Иисус, так как все, кто потерял своих родителей, - сироты, а родителей теряют рано или поздно все. Вопрос лишь в том, когда вы

станете сиротой, ведь вы потенциально являетесь сиротой, все в мире - сироты. И я начал думать - Господи! Если весь мир должен наследовать царствие Божие, то как же быть с бедняками? Кто будет слушать этих бедняков? Когда сироты лишь выступают вперед - «Блаженны сироты», - у бедняков не будет больше ни одного шанса.

Разве это государство не вмешивается в религию? Если бы этот генеральный прокурор имел чувство человеческого достоинства, он должен был бы объявить всю Америку незаконной! Зачем правительству писать проповеди, чтобы священники использовали их для воздействия на у мы сирот? И правительство очень избирательно: проповеди разосланы только католическим обществам. Здесь живут и евреи, и люди других религиозных мировоззрений, но больше всего, подавляющее большинство составляют живущие здесь раджнишисты. Нам не прислали этих проповедей. Такое правительство и народ, которым оно управляет, — соображает ли оно, что делает?

Были и другие известия. Ядовитый газ, который изготавливали и хранили миллионами баррелей для третьей мировой войны — устарел. Сейчас разработали другой ядовитый газ, еще более сильный, поэтому нужно избавиться от всех прежних миллионов баррелей газа. Куда их деть?

Сейчас они находятся в Америке, в пустынных местах, под землей. Но как вы думаете, как долго это может продолжаться? Скоро и многие из ваших атомных бомб устареют, они уже устарели. Скоро устареет и большая часть атомного оружия. Где вы будете размещать все то, что вы создали? Либо в океане, либо в земле, но в обоих случаях это может оказаться встречным огнем, это может повернуть против вас. Может быть, третьей мировой войны не будет: Россия окажется в таком же положении, им придется где-то размещать устаревшее оружие.

Нельзя продолжать накапливать отходы, которые больше не нужны, потому что у вас появились более новые вещи. У России появилось более хорошее оружие, поэтому и вам приходится создавать более хорошее оружие; вы создадите его, и России придется размещать где-то ее старые запасы. Эти правительства вмешиваются в жизнь своих людей, в жизнь всего человечества - и, однако, они законны.

Здесь нет правды. Конечно, мои беседы нельзя назвать проповедями. Вы можете называть их - полупроповеди, нет, скрытые проповеди. Интересно, какая религия, по их мнению, вмешивается в дела государства? И какое здесь государство? Во-первых, мы не совсем та религия, которая имеет определение в любом словаре во всем мире. Нам придется создать наш собственный словарь, наши собственные определения.

А какое здесь государство? Лишь городской совет, который должен заботиться о дорогах, о чистоте, о домах, о больнице. Как религия будет вмешиваться в дороги? Я очень старался, но не смог это представить себе: как смешивать религию с дорогами? Как смешивать религию с домами? Как смешивать религию с больницей, с лекарствами, с уколами? Они должны дать нам какой-то ключ относительно того, как это делать. Ни один религиозный священник не приходит в больницу, чтобы утомлять там больных.

Здесь нет осиротевших, потому что мы не верим в семью. Мои люди - единственные, кто имеет иммунитет к сиротству: они не могут стать сиротами. Мы не верим в семью, мы верим в общину, а община никогда не умрет. У вас всегда будут ваши тети и дяди. Люди будут приходить и уходить, но коммуна... А коммуна - наша семья.

Когда умирает отец, то по обычаям Индии старший сын должен предать огню тело своего отца, когда его положат на погребальный костер. Когда умер мой отец, меня спросили - Лаксми спросил меня: «Что делать? - потому что санньясины в Индии говорят, что Бхагаван должен предать тело огню».

Я сказал: «Но он был моим учеником». Очень давно он был моим отцом, а я был его сыном; но потом все изменилось. В этой общине никто не является отцом, никто не является матерью; здесь только дяди и тети. Мы отказались от этой идеи, от идеи папочек и мамочек!»

Я продолжаю рассуждать логически. Я могу показаться вам сумасшедшим, но у меня свои методы. Я отказался от Бога, потому что это большой папочка. И теперь я буду сбивать с ног всех более мелких папочек. Я должен сбивать с ног всех. Великого папочки больше не существует, великой мамочки тоже больше нет; теперь давайте покончим и с более мелкими.

Иудейский Бог говорит: «Я не хороший; я не ваш дядюшка. Я очень ревнивый и сердитый Бог». Я ношу эту фразу в своем сердце по той простой причине, что он говорит: «Я не ваш дядюшка». Я хочу создать коммуны, и я ее создаю там, где существуют только дяди и тети. Этим заканчиваются глубокие корни всей религиозной чепухи. Бог - это всего лишь ваш отец, но возвеличенный в миллион раз.

Существуют религии, которые верят в Матерь Божию: они возвеличили Мать. Но, на самом деле, это всего лишь увеличенные фотографии. Вы можете легко сжечь их; и когда вы сожжете их, вам придется отправиться к вашим настоящим папам и мамам. Я ведь не говорю, что их надо сжигать живыми. Я говорю, что поскольку речь идет о вашей философии, места для ваших пап и мам не должно быть.

Это не будет неуважительно по отношению к ним. Вы, в основном, ненавидите их. Нет ни одного мальчика, который не ненавидел бы своего отца, а если вы копнете глубже, вы обнаружите эту ненависть. Не существует и девочки, которая не ненавидела бы свою мать.

Каждый мальчик имеет любовные отношения со своей матерью. Конечно, реально это невозможно. Но каждый мальчик любит свою мать и ненавидит отца, потому что он является соперником. Каждая девочка любит своего отца и ненавидит мать, потому что она - соперница и более сильная. Девочка хочет монополизировать отца, мальчик хочет монополизировать мать. Один из моих молодых санньясинов, которому лишь два с половиной года, слушал мои магнитофонные записи, а его отец и мать говорили о них. Он казался настоящим интеллигентным человеком. Он - голландец. Он пришел к Шиле, потому что хотел встречи со мной; он попросил на голландском языке о встрече, ей кто-то перевел. Шила сказала: «Это трудно».

Он сердито схватил телефон, не зная как звонить, не зная, есть у меня телефон или нет, не зная моего номера. Он просто сказал: «Бхагаван!» — и начал на голландском языке договариваться о встрече. Несколько дней назад его мать написала мне письмо: «Что мне делать с вашим маленьким санньясином — он говорит мне: “Я хочу любить тебя так, как мой папа любит тебя”». Они должны любить друг друга перед ним - и это будет абсолютно правильно, вот как это должно быть. Вот так ребенок должен узнать одну из самых важных вещей в жизни. Он не будет чувствовать себя виноватым, он не будет прятать это, как если бы он делал что-то плохое. Поэтому они должны любить друг друга на глазах своего ребенка.

А ребенок, должно быть, слышал это, поэтому он сказал своей матери: «Бхагаван говорит, что каждый мальчик любит свою мать. Я люблю тебя, и я хочу любить тебя так же, как мой отец»! Его мать прислала мне письмо: «Что теперь делать? Вы создаете столько неприятностей. Сначала вы предложили, чтобы детям было позволено находиться там, где их родители совершают любовный акт, поэтому мы разрешили ему это. Сейчас он хочет совершать любовный акт со мной, и он очень настойчив, очень упрям!»

Но говорит ли это ребенок или нет, это все равно находится в мыслях у ребенка.

Если ребенок — мальчик, объектом его любви будет мать, если — девочка, то объектом любви будет отец. И пока это остается внутри вас, вы никогда не сможете кого-либо полюбить. Ни одна женщина не может быть точным повторением вашей матери. Жизнь не создает одинаковые копии из углеводорода снова и снова. Любая женщина, которую вы встретите, будет отличаться от вашей матери, и в этом заключается трудность. Трудности возникают, так как она другая, вы не находите в ней своей матери.

А с ее стороны, женщина находит, что вы не тот человек, которого она хочет; вы не ее отец. Что-то в вас может быть похожим на ее отца, и что-то похоже на вашу мать в ней и привлекает вас, поэтому вы соединяетесь. Но это «что-то» — настолько мало, что вскоре будет разрушено вашими выпадами, направленными друг против друга!

Если вы не освободились от своей матери и отца... Это не означает, что вы должны быть против них: это на самом деле доходит до полного развития. Когда-то ребенок оставляет чрево матери. Это не означает, что он относится к своей матери без уважения, что ему приходится оставаться в чреве матери всю жизнь. Он бы убил мать. Выход из чрева не означает неуважения. Когда-то ребенок перестает сосать молоко из ее груди. Это не означает, что он поворачивается к ней спиной, что он более не заботится о ней. Он становится независимым. Нет, вот это должно быть: ребенок разрывает лишь внешние пути.

Но внутренние пути сохраняются до конца. Внутренние пути тоже нужно порвать. И самым сильным ощущением является следующее: в тот момент, когда вы кончаете со своим внутренним миром, с мамой и папой, вы впервые можете любить и уважать их просто как людей. Вы можете почувствовать жалость к ним, так как они потеряли все. Что они получили?

Они пришли в жизнь, но они не ощущают этой жизни; а смерть приближается или уже унесла их. Они умерли прежде, чем родились. Они умирают еще до того, как их рождение оказывается возможным. Вы можете чувствовать сострадание, вы можете чувствовать любовь, вы можете жалеть их; вы можете делать что-то, чтобы помочь им, но это возможно только тогда, когда вы полностью свободны.

У меня нет проповедей, чтобы адресовать их сиротам, потому что здесь у меня нет сирот. Это слово такое мерзкое. Когда вокруг так много людей, любящих вас, почему вы должны быть сиротами? Вся коммуна может заменить вам и отца и мать -почему вы должны быть сиротой?

Общество, которое порождает сирот, в основе своей неправильное общество, потому что оно базируется на очень маленькой ячейке — на семье. Эта ячейка настолько мала, что рано или поздно в ней, все станут сиротами. А она должна быть такой большой, чтобы, если что и случится, никто никогда не стал бы сиротой.

Я забираю вашего Бога у вас. Я забираю у вас ваших матерей и отцов.

Как я могу смешивать религии?

Я забираю у вас всю вашу религию, с которой вы были хорошо знакомы.

В судах вам приходится давать клятву во имя Бога, положив руку на Библию, а эти суды - они разве не смешивают религии? Даже суды делают такие незаконные вещи, хотя и предполагается, что они защищают законность и закон, а правительство продолжает использовать любую возможность, чтобы заставить религию служить себе.

Этот римский папа находился в своей резиденции в течение двух лет, но через два года он совершил два десятка кругосветных путешествий. В Ватикане сейчас ходит шутка: «Мы слышали, Бог - везде, но римский папа был там до него». Один журналист, сопровождавший его во всех этих поездках, так пресытился всей стратегией и эксплуатацией во имя Бога, что написал статью, в которой он осудил папу за огромное количество поездок: за два года папа побывал двадцать четыре раза в кругосветных путешествиях; получалось по одному путешествию в месяц. Он собирался поехать в очередной раз, но появилась эта статья.

В своей статье журналист-писал: «Иисус никогда никуда не ездил. Бедняга просто вошел в Иерусалим и был распят! Вот как власть придержащие приняли его, а его представитель, папа, ездит по свету, и его всюду принимают власть придержащие с красными коврами и розами. Происходит, кажется, что-то странное: Иисуса встретили и распяли, а его миссионера принимают с таким шиком. Красные розы и ковры при встрече! Это не согласуется с учением Иисуса». Вот что писал этот журналист. Так как он написал эту статью, его исключили из предстоящего кругосветного путешествия для папы; журналист не может ехать с папой. Первые двадцать четыре тура он сопровождал папу, а сейчас, из-за того, что он сказал правду в первый раз...

Вы говорите правду, и вы попадаете в беду. Вся наша беда, беда всей коммуны, очень проста. Написали на долларе: «Мы верим в Бога». На долларе! Кто же смешивает религию даже с грязным долларом. Над Верховным Судом написано: «Мы верим в Бога».

Если когда-нибудь я случайно окажусь в Верховном Суде, — а это весьма вероятно, я могу там оказаться, — то я собираюсь спросить их: «Где же Бог? С чьего благословения вы написали это? А если у самого входа находится ложь, вы не можете требовать, чтобы я дал клятву быть правдивым. Более того, попросите меня говорить ложь и только ложь, а не правду, так как самая большая ложь здесь, над входом в Верховный Суд». На каждой долларовой бумажке находится великая ложь: мы верим в Бога.

Они продолжают смешивать религии, как только могут; но они правы, они поступают по закону. У меня нет способа смешивать мою религию с чем-нибудь еще, она не смешивается. Это единственный законный город во всем мире. Если смешение религии делает город незаконным, то тогда все города мира являются незаконными, потому что религия смешивается везде. Это единственное место, где религия вообще не смешивается. Фактически, здесь религии не существует вообще. То, что существует, совсем не религия - это религиозность.

А это аромат, благоухание.

Вы не можете дать ему название.

Вы не можете сделать из этого святое писание.

Я знаю, что я не знаю себя, но это то, что подразумевается под выражением «познай себя». Под этим выражением «познай себя» Сократ подразумевает именно это ощущение, которое вы испытываете, когда оказываетесь в состоянии «наивысшего незнания».

Но все слова опасны. Вам надо быть очень внимательными и осторожными, когда вы пользуетесь словами; вот почему я использовал такие слова: я ничего не знаю о себе.

Беседа 29

ВЕРА - ЭТО ПРОСТО ОБМАН СЛЕПОГО

27 января 1985 года

Бхагаван,

Не является ли ложной теория реинкарнации?

Я не занимаюсь теориями. Я простой человек, а не теоретик.

Теоретик - великий мыслитель. Он ничего не знает о реальности, но он создает и создает теории о ней. Всю свою жизнь он ходит вокруг да около. Таково истинное значение слова «about» - «о, вокруг, рядом». Теория всегда «о», всегда «вокруг»; а истина, реальность находятся как раз в центре, никогда не «вокруг». Но теоретик достаточно искусно крутится «вокруг да около».

В тот момент, когда вы спрашиваете меня: «Верна ли теория реинкарнации?», ваш вопрос дает мне знать о многом. Во-первых, вам нужно, чтобы я поддержал вашу веру.

Вера всегда нуждается в поддержке. Истина никогда не требует поддержки. Она достаточна сама по себе. Истине не нужны ни свидетели, ни свидетельства.

Даже если весь мир будет против человека истины, его это не будет волновать, так как истина — это то, что не зависит от людей, которые поддерживают ее. Один человек может быть прав, а весь мир может ошибаться. Истина — это не то политическое нечто, за которое вам приходится голосовать.

Ваш вопрос говорит о том, что вы верите в теорию реинкарнации. Вера всегда непрочна, пуглива, потому что глубоко внутри вы понимаете, что вы не знаете: она может быть верной, а может быть и неверной. Вам бы хотелось, чтобы кто-нибудь, кому вы более или менее доверяете, поддержал бы вашу теорию, вашу веру. Вот отсюда и возникает ваш вопрос.

Вы верите мне, вы любите меня. Если я могу сказать вам: да, эта теория правильная, тогда получится, как будто бы делается вливание крови кому-то, кто много ее потерял: ваша теория, ваша вера начинает становиться сильнее, устойчивее.

Вы не знаете, но, по крайней мере, кто-то, кто знает, поддерживает ее, и вы верите этому

человеку; он не может лгать. Я не хочу, чтобы вы так мне доверяли. Отдавайте мне свою любовь, но не доверяйте мне. В тот момент, когда вы начинаете доверять кому-либо еще, вы перестаете задавать себе вопросы. Я бы не хотел, чтобы вы прекратили задавать себе вопросы. Любить - это великолепно, так как вы в любви делитесь чем-то, но во имя веры вы фактически обманываете себя.

Многие тысячи лет человечество обманывали и эксплуатировали таким образом. Я хочу разрушить всю эту стратегию до самого основания.

Доверяйте только собственному переживанию. Не имеет значения, что я скажу - да или нет. Имеет значение лишь - испытали ли вы это в жизни или нет.

Это должно изменить вашу жизнь.

Существует три религии: иудаизм, христианство, ислам, которые заняли отрицательную позицию по отношению к теории реинкарнации. Они говорят, что эта теория неверна. Это отрицательная вера. Помните, что вера может быть либо отрицательной, либо положительной, но она не меняет своей природы. Это отрицательная вера. Эти три религии находятся под влиянием отрицательной веры в то, что реинкарнации не существует.

Параллельно этим трем религиям существуют еще три религии - индуизм, буддизм, джайнизм, которые придерживаются положительной позиции. Они говорят - да, реинкарнация существует, это реальность. Но это тоже вера, положительная вера.

У меня же - третья позиция, которая не апробировалась до сих пор и которая, как я утверждаю, является правильной позицией. Я говорю вам: принимайте эту теорию, как гипотетическую, не говорите ни да ни нет. Если вы будете принимать ее как гипотетическую, это будет означать: «Я готов разбираться в ее сути без предрассудков, без отрицательного или положительного отношения. Я готов вникнуть в эту теорию без всякого предубеждения, чтобы найти истину».

Религии вообще не используют слово «гипотеза». Вы или верите, или не верите. Тот, кто не верит, — все равно верит, только негативно. Качественно они не имеют различий, они относятся к одному и тому же типу людей. Когда вы принимаете отрицательную или положительную веру, происходит то, что ваш ум уже имеет определенное решение. Перед познанием, перед жизненным испытанием вы имеете уже решение по поводу того, что такое истина. Это я называю нечестным, неискренним. Как только вы принимаете что-то отрицательно или положительно, ваш мозг должен создать иллюзию вашей веры.

Вы можете видеть это. Среди мусульман, среди христиан, среди иудеев вы не найдете детей, которые помнили бы свои прежние жизни, но в индуизме, джайнизме, буддизме вы всегда где-нибудь, почти каждый день, находите какого-нибудь ребенка, который помнит свои прежние жизни. Люди пытаются понять, опираются ли его воспоминания на какие-то факты или это всего лишь его воображение. Было обнаружено много случаев, когда факты очень точно подтверждали это.

Например, я сам серьезно занимался одним таким случаем. Девушка, которая родилась в Катни, небольшом городке в восьмидесяти милях от Джабалпура, вспомнила, что она была женой человека, который жил в городе Джабалпур и у которого был гараж. Она вспомнила его имя,

возраст, местонахождение дома, местонахождение гаража. Так вот, этот человек по имени Рамакант Паракх жил всего лишь через четыре-пять домов от меня. Вот как я занялся этим делом.

Однажды он прибежал ко мне. Он сказал: «Из Катни только что позвонили о том, что какая-то девушка вспоминает, что она была моей женой. Моя жена действительно умерла, и дата ее смерти совпадает точно с датой, когда эта девушка родилась».

Вечером она родилась, а утром умерла моя жена. Она помнит мое имя, она помнит мою работу, мой дом. Что вы думаете? Что я должен делать?

Я сказал: «Давай поедem вместе. Мы поедem в Катни. Это недалеко, всего лишь два часа езды, и будет лучше, если мы поедem инкогнито. Ты не должен говорить, что ты Рамакант Паракх. Я скажу, что это я Рамакант Паракх, что это я владею гаражом».

Я сказал им: «Я Рамакант Паракх». И девушка сразу же признала меня своим мужем. Тогда я сказал ее родителям: «Не пытайтесь извлечь пользу из веры в индуизм. Я не Рамакант Паракх; у меня нет гаража. У меня нет жены, поэтому не возникает и вопроса о ее смерти. Этот человек Рамакант Паракх. Его жена умерла, и вы, должно быть, знали - когда. Пожалуйста, расскажите мне всю правду, или я пойду в полицию. И у вас будут неприятности, потому что ваша дочь признала во мне своего мужа. Она совсем не знает, кто Рамакант Паракх. Нет даже уверенности, что это Рамакант Паракх, ведь только я говорю так. Поэтому не думайте, что вы сможете передумать в полиции и сказать, что этот человек Рамакант Паракх. Расскажите мне точно, что вы собирались делать».

Ее отец очень испугался и рассказал мне все о том, как он подготовил эту девушку. Один из ее друзей предложил это имя и дату, так как он знал Рамаканта Паракха. Он собирался принести фотографию Рамаканта Паракха, и тогда они собирались поехать в Джабалпур с девушкой, с представителями печати, чтобы она могла узнать дом. Мой друг собирался дать им всю информацию, потому что он знает все о Рамаканте Паракхе - и его жену, и дом, и гараж. Потом девушка должна была войти в дом и найти вещи, которыми она обычно пользовалась. Потом она должна была пойти и найти гараж и показать машину, которую она любила.

«Пожалуйста, простите меня, - сказал он. - Мы пытались извлечь из этого дела выгоду». В Индии, если реинкарнация устанавливается точно, девушка становится почти богиней и люди начинают поклоняться ей, приносить деньги, приносить сладости и фрукты: это большое дело. А он был брамином, и это дело было бы организовано очень хорошо.

Если бы этот человек, Рамакант, не пришел ко мне, человеку не такому, как все, его наверняка обманули бы.

Если бы девушка увидела фотографию, она нашла бы этого человека в толпе из нескольких сотен человек. И за всем этим стоял друг самого Рамаканта.

Я сказал: «Что он собирался иметь с этого?» Человек ответил: «Пополам, пятьдесят на пятьдесят». В Индии это происходит почти каждый день, то в одном месте, то в другом: появляется ребенок, который помнит; и сразу же появляется дело, без каких-либо капиталовложений или публикаций. И ни индуист, ни буддист, ни джайн не собираются вникать

в это дело глубоко, потому что они боятся, что их теория может оказаться неверной. Они готовы поддерживать ее.

Вы будете удивлены тем, что, когда я разоблачил это и поместил сообщение в газетах о том, что это все мошенничество, ко мне пришли брамины и джайны, даже их лидеры появились у меня; они знали меня очень хорошо. Они сказали: «Вам не следовало бы делать этого. Какое значение имеет то, что бедный брамин получит немного денег от этого? Это не важно. Важна наша теория, наша философия. Разоблачение всего лишь одного случая обмана не означает, что наша теория неверна».

Я сказал: «Это не означает того, что ваша теория неверна, поэтому - почему вы волнуетесь? Вы можете продолжать верить в свою теорию, а если я найду кого-нибудь еще, я и его тоже разоблачу. Это тоже не означает... сотни людей могут быть разоблачены, но это, однако, не разрушит вашу теорию. Может быть, все эти люди обманщики, но это не означает, что теория реинкарнации неверна. Но почему вы пришли ко мне, если это не означает, что теория реинкарнации неверна. Я не говорю, что она неверна; все, что я сказал, это то, что этот человек пытался использовать религиозные предрассудки, веру всей страны». Сегодня вы не можете сделать это в мусульманской стране. Вы не можете даже думать об этом.

Одного молодого человека привезли в “Вудленд, где я обычно жил в Бомбее, может быть, Вивек там бывала. Ему было не более девяти лет, и он читал проповеди по Шримад Бхаеавадгите, Упанишадам. Я проводил беседы по Махавире в Паткар-холле в Бомбее. Туда пришел отец мальчика вместе с сыном, чтобы послушать меня. Слушая меня, отец подумал, что если бы он привел своего мальчика ко мне и если бы я его поддержал, то в Бомбее его сын также мог бы стать знаменитостью.

И Мальчик сразу же стал везде иметь успех, потому что трудно предположить, что девятилетний парнишка может хотя бы понять Гиту или Упанишады, а он цитировал их на чистом санскрите, попутно комментируя. Итак, его представили мне и после беседы я велел им прийти ко мне домой.

Я сказал отцу: «В известном смысле, вы пришли не к тому человеку. Я могу видеть, что вы разрушили мозг этого маленького мальчика. Это не что иное, как эксперимент по гипнозу. Вы гипнотизируете мальчика и повторяете шлоки (стихи). А в гипнотическом состоянии возраст не имеет значения: то, что повторяется гипнотизером, просто записывается мозгом; это не связано с запоминанием наизусть. Вы повторяли этому мальчику, когда он был под воздействием гипноза, все эти сутры, все эти комментарии; в них нет ничего нового» - потому что когда они пришли, я велел мальчику сесть на диван и начать одну из проповедей.

Он спросил: «Какую проповедь? Одночасовую, тридцатиминутную или десятиминутную?»

Я сказал: «Десятиминутную».

Он немедленно сел в позу лотоса - он смотрелся великолепно, очень красивый ребенок, - и он начал десятиминутную проповедь. Я выслушал его, а потом сказал его отцу: «Ни одно слово не является новым. Все было написано прежде. Ты повторял это мальчику, пока он был в гипнотическом сне, и ты его подготовил». Этот мальчик был всего-навсего мальчиком, поэтому когда я попросил его начать проповедь, он спросил: «Какую?» Отец подготовил его. Во время

больших конференций бывали перерывы иногда в десять минут, иногда в тридцать минут, иногда в шестьдесят. В эти перерывы мальчик и читал свои проповеди.

Я сказал мальчику: «Ты можешь рассказать мне проповедь за три минуты?»

Он спросил: «Три минуты? Но я не знаю такой проповеди. Я знаю только три проповеди: десятиминутную, тридцатиминутную и шестидесятиминутную. Я не знаю никакой другой». Он повторил очень красиво, и это казалось великим откровением для девятилетнего ребенка - сутры Упанишад; их смысл, комментарии к ним.

Но я сказал отцу: «То, что ты сделал, - хорошее дело, но, делая это хорошее дело, ты разрушаешь ум ребенка. Всю свою жизнь он будет зомби. Уничтожь все, что ты насильно внедрил в его мозг. Загипнотизируй его и вели ему забыть все, чему ты его научил».

Отец был потрясен. Он сказал: «Странно: как ты смог определить это так быстро? Я объездил весь мир; я заработал тысячи рупий, и уважение, и паблисити во всем мире. Его приглашал даже президент Индии, чтобы послушать проповедь этого мальчика в своем доме. И когда президент слушал проповедь, то все министры и все правительство обязаны были присутствовать при этом. Президент сам надел на него гирлянду и вручил золотую медаль. А ты пытаешься все это изменить».

Я сказал: «Я пытаюсь все изменить, потому что я озабочен не твоим бизнесом, а всей жизнью этого ребенка. Он умный мальчик, выше среднего уровня. У него - большое будущее, собственная судьба. Неужели ты хочешь, чтобы он всю жизнь читал проповеди - десяти, тридцати и шестидесятиминутные? А ты помнишь, что происходит с такими детьми?»

В Индии поклоняются очень многим девочкам и мальчикам, когда они еще маленькие. Естественно, на людей производит очень сильное впечатление, когда они слушают такие прекрасные проповеди от девятилетнего ребенка. Но эти дети не будут всю жизнь оставаться девятилетними детьми. Такая проповедь в устах человека, которому уже тридцать лет, будет казаться глупой. Кто будет его слушать?

«Можешь ли ты сказать мне, куда все эти дети потом исчезают? Каждый год можно услышать, что где-то какой-то ребенок выдвигает великие теории. Что же происходит потом, когда они вырастают? О них никто не беспокоится тогда, так как то, что они говорят, уже не кажется чудом в устах тридцатилетнего человека. Это может казаться чудом в устах шестилетнего ребенка, пятилетнего ребенка. Твой ребенок тоже пойдет тем же путем».

«Но пребывание в течение тридцати лет в состоянии типа зомби с повторением чего-то, чему его учат под гипнозом, является очень опасным. Это постоянно держит его в состоянии, близком к наркотическому. И если в течение тридцати лет он находился в таком состоянии наркотического опьянения, он превратится в дурака. И что ты хочешь доказать этим? Реинкарнацию? - То, что это является доказательством реинкарнации? »

Девятилетний ребенок не может понимать или запомнить такие длинные отрывки. Поэтому он говорит, что это воспоминания о его прошлой жизни, когда он был ученым, великим ученым, и что эта память оживает вновь. Это доказывает факт реинкарнации, говорят они. Вот почему это — двойной бизнес: за свои проповеди он получает деньги, и за свою реинкарнацию он получает

деньги тоже.

Я сказал: «Возвращайтесь домой, - они из Удджаина, и верни этого ребенка в нормальное состояние. Не эксплуатируй собственного ребенка».

Я знал, что он не собирается делать этого, хотя он сказал: «Я постараюсь».

Я сказал: «Я не верю, что ты постараешься - ты слишком много вложил в это дело». И он действительно не прекратил это. Я спрашивал своих друзей из Удджаина: шоу продолжается. Ребенка приводят на все религиозные конференции и церковные благотворительные базары. Все продолжается, и он зарабатывает много денег.

Но вы не можете делать такое ни в христианской стране, ни в мусульманской, ни в еврейской общине, так как они считают такие проявления совершенно нереальными.

Насколько я знаю, реинкарнация является реальностью: это мой собственный опыт.

Но то, что для меня - истина, для вас - теория.

В этом - трудность.

И я не хочу, чтобы моя истина стала вашей теорией.

Я хочу, чтобы она стала истиной и для вас.

Вот почему я сказал: я не имею дел с теориями, с верами.

Моя профессия - истина.

Это напоминает мне Сократа, который впервые использовал слово «профессия» для истины. Когда суд приговорил его к смерти, ему дали несколько альтернатив, ведь он был человеком выдающегося ума; даже те, кто был против него, не испытывали радости от того, что его казнили. Он был гордостью Афин. Без Сократа - чем были бы Афины? Ему дали несколько альтернатив. Ему сказали: «Если ты перестанешь говорить об истине, если ты перестанешь учить людей, ты будешь помилован».

Сократ сказал: «Это невозможно. Говорить истину и учить истине - моя профессия. Это не альтернатива. Лучше умереть, чем отказаться от своей профессии. По крайней мере, никто не сможет сказать, что Сократ был трусом: чтобы спасти свою жизнь, он продал истину».

Ему сказали: «Тогда вторая альтернатива - ты покинешь Афины». Греция в те дни была разделена на городские демократии, каждый город был независимой демократией. «Поэтому, если ты покинешь границы Афин, у нас не будет проблем. Ты можешь иметь свою школу где угодно. Твои студенты могут поехать туда, и ты сможешь продолжать свою профессию».

Сократ сказал: «Вы хотите, чтобы я предстал перед другим судом, где-нибудь еще? Хватит и одного. И если Афины, вершина греческой цивилизации, не могут понять меня и принять меня, кто же тогда поймет меня и примет? А чем будут Афины без меня? Мне будет недоставать Афин. Афинам - меня. Нет, я не собираюсь идти этим путем. Я сделал Афины тем, чем они

стали сейчас».

И он был прав. Он не строил домов и дорог, но если Афины до сих пор живы в памяти человечества, то это благодаря Сократу и его ученикам. Его учеником был Платон, учеником Платона - Аристотель; а эти три человека — самые сливки афинской культуры, цивилизации; они гении. Платон и Аристотель не приблизились к Сократу. Учитель - несравненен. Платон - великий философ, и в истории философии Платон более важен, так как Сократ никогда ничего не писал.

В этом надо разобраться: люди, которые знают истину, предпочитают говорить, а не писать. Во всем мире — и это не может быть простым совпадением - во все века, во всех странах, они предпочитали говорить. В этом заключается какое-то особое значение. Они все знают, что слово не может передать истину, но сказанное слово может иметь, по крайней мере, нечто живое в себе.

Жест Учителя, глаза Учителя — что-то в Учителе должно сопровождать это слово, подобно аромату, подобно чему-то такому, чего вы не можете уловить, не можете точно определить. Но сказанное слово имеет совершенно другие параметры, чем написанное слово. Одно и то же слово, но написанное, это как тело одного и того же человека, который жил когда-то.

Написанное слово похоже на мертвое тело, а сказанное слово наполнено жизнью - по крайней мере в тот момент, когда есть кто-то, кто слушает это слово. Между тем, кто слушает, и тем, кто говорит, на какое-то мгновение возникает живая вибрация. Слово не бывает одно: жест, глаза, голос, глубина, из которой оно исходит... Где вы найдете такую глубину на плоском листке бумаги? Где вы найдете глаза, жесты, глубину в чернилах? Все будет мертво. Это будет то же самое слово, но в нем не будет огня. Это будет свеча без пламени. Но ведь важна не сама свеча; важным является живое пламя.

Но историки пропустили, что определенные свидетельства содержатся в книгах Платона, по той простой причине, что у них есть эти книги; есть книги Аристотеля, в них есть подтверждения тоже. Сказанное слово было живым, оно играло и танцевало, а потом исчезло. Сократа помнят только потому, что Платон упоминает о нем в своих книгах и приводит диалоги с ним. Сколько в этих книгах Сократа и сколько Платона - трудно сказать, потому что нет способа определить это; Сократ не оставил ничего после себя. Но я очень хорошо знаю, так как было очень много других учеников Сократа, которые тоже писали о Сократе, и все эти записи разные.

Записи Платона считаются самыми известными, потому что он был действительно великим писателем. Другие же ученики просто вели записи, записи в классе. Но я просмотрел все эти классные записи и могу сказать с уверенностью, что девяносто процентов того, что писал Платон, — это его воображение. У него богатое воображение, и он был творческой личностью. Что-то сократовское присутствует там, но очень трудно найти, где именно: все это слишком перемешано с самим Платоном. Но Платон является великим.

Сократ — почти мифологическая личность. Существует много людей, которые думают, что Сократ никогда не существовал, что это всего лишь действующее лицо в диалогах Платона. Точно так же Гурджиев говорит об Иисусе, что Иисус никогда не существовал; что Иисус является только частью спектакля, который разыгрывается в Иерусалиме каждый год.

Доказать, что Иисус был исторической личностью, очень трудно, потому что за исключением тех четырех Евангелий, которые были написаны его собственными учениками, не существует никаких ссылок на Иисуса в еврейской литературе, не существует никаких ссылок в письменах тех лет, на камнях, зданиях, вообще нигде во всех римских летописях. Если человека распинают, то должна быть хотя бы запись о том, что этого человека распинают. А если вы собираетесь распять такого человека, как Иисус, то вы просто обязаны сделать запись об этом. Но нет никаких записей. А эти бедные четверо учеников - никто из них ведь не обладает качествами Платона. И даже сам Иисус не обладает качествами Сократа.

Сократ - гигант, гималайский гигант. Каждое его слово наполнено огромным значением. Он сказал: «Я не собираюсь покидать Афины. Без меня - чем станут Афины? Вы убьете меня — это сделает Афины бессмертными». А эти глупцы не могли понять, что он говорит. А он говорил истину: именно потому, что Сократа отравили в Афинах, Афины стали бессмертными.

Но я помню его, потому что он был первым человеком, который применил слово «профессия» для истины: «Я не собираюсь бросать свою профессию». В действительности, даже если бы он захотел бросить свою профессию, он не смог бы сделать это.

Человеку, который прибыл в этот мир, неподвластно остановить процесс распространения того, что он накопил.

Я говорю: «Для меня реинкарнация является истиной. Но я не говорю, чтобы вы верили в мой опыт, в мое переживание, потому что вера в мое переживание не сможет стать вашим переживанием, она не сможет помочь вам каким-либо образом самим испытать это; наоборот, это станет помехой для вас. Если вы верите в то, - что я говорю, тогда вам не нужно задавать вопросы».

Религиозная истина, субъективная истина отличается от объективной истины, от научной истины.

Альберт Эйнштейн открывает некую истину о физике. И теперь нам не нужно проходить через процедуру вопросов и ответов еще раз - это было бы глупо. То, над чем Альберту Эйнштейну пришлось работать много лет, вы можете сделать за несколько часов. Это зависит от вашей образованности; вы можете справиться с этим даже за несколько минут. Вам не нужно начинать поиск.

Эдисон работал три года, чтобы сделать первую электрическую лампочку. Теперь, если кто-нибудь собирался бы работать три года для того, чтобы сделать одну электрическую лампочку, это было бы глупо. Лампочки продаются на рынке. Никто не задумывается сейчас, что целых три года существовало сконцентрированное стремление познать истину... А Эдисон работал по шестнадцать часов в сутки, по восемнадцать часов в сутки до глубокой ночи. Я вспоминаю о той последней ночи, когда он открыл это.

Вы можете понять его экстаз: три года невероятной работы и, наконец, появляется лампочка. Появляется свет. Он сидел и с изумлением смотрел на эту лампочку, он не мог поверить. Хотя он работал над ней в течение трех лет, надеясь, что однажды он найдет правильный ключ... Если бы этот ключ не сработал, он попробовал бы другой; он продолжал бы и продолжал бы пробовать. Его ученикам надоело это, и они его оставили; с ним осталась только жена. Она

любили этого бедного человека и очень жалела его. Очень часто она предлагала ему: «Прекрати эту бессмыслицу. Ты можешь сделать так много другого».

Эдисон открыл очень многое в истории человечества - ему принадлежит тысяча открытий. Его жена говорила: «Тратить свою жизнь зря не кажется рациональным. За три года ты смог бы сделать гораздо больше. Прошло три года, ты постарел: за эти три года ты стал выглядеть так, как если бы прошло уже тридцать лет». Но она все-таки осталось с ним.

В ту последнюю ночь, ночь, когда он открыл свою лампочку, а он сделал это приблизительно около двенадцати часов, — он был так взволнован своим открытием, находился в таком экстазе, что в три часа утра его жена закричала: «Убери этот свет! — ведь она не имела никакого представления о том, что это был за свет, - и ложись спать или!..»

Только тогда он понял, что уже три часа утра. Он кинулся к своей жене и закричал: «Сначала пойди и посмотри на свет».

Она сказала: «Убери этот свет!» Так как она думала о той лампе, которой он обычно пользовался во время работы.

Эдисон сказал: «Это не та лампа, которую я включаю и выключаю; это свет, над которым я работал все три года, а ты говоришь мне: “Убери свет!” Хотя бы на минуточку сходи и посмотри, что произошло».

Вам не нужно работать три года, чтобы сделать электрическую лампочку, вам не нужно работать много лет, чтобы сделать радио. Нет, в науке существует объективная истина. Как только становятся известными принципы чего-то, все могут пользоваться ими, чтобы делать это за очень короткий период времени. Фактически, нет необходимости и делать это, так как это изготавливается промышленностью.

Но субъективную истину нельзя изготовить на предприятии, хотя священники именно это и пытаются сделать. Что собой представляют их священные писания? Это они пытались как бы изготовить истину. Они пытались облечь истину в слова. Они пытались продавать священные книги: «У вас есть Библия, а что еще имел Иисус? Просто держите эти четыре Евангелия рядом со своим сердцем, этого будет достаточно».

Иисус, конечно, держал их несколько ближе к своему сердцу, за своими ребрами; ваша Библия будет находиться перед ребрами, но разница в несколько дюймов - не очень большая разница. Но если вы в самом деле фанатический приверженец Иисуса, вы можете сделать операцию и вшить Библию в свое сердце, в свои легкие и объявить себя Иисусом Христом, потому что именно эти слова были в сердце у Иисуса Христа, а теперь они в вашем сердце. Именно это и делают тысячи христианских священников во всем мире, эти христиане, покушающиеся на Библию. Можно почувствовать некоторую жалость к бедному Иисусу. А что они делают с его Библией? Унижают ее! Почему же они покушаются на нее?

Один из моих вице-канцлеров - доктор Харисингх Гаут был известным юристом. Он был широко известен. Я не думаю, что в сфере законов был другой такой человек, человек его масштаба и славы. У него было несколько офисов: в Пекине, в Нью-Дели, в Лондоне, и он постоянно ездил из одного офиса в другой. Он вел дела в Китае, в Индии, в Англии и других странах. Там, где

возникало какое-то дело, которое невозможно было решить, появлялся он.

Он обычно говорил на своих занятиях по юриспруденции, на которых бывал и я... Я не был его студентом, но он любил меня и даже ждал меня. Если иногда я опаздывал он, бывало, говорил своим студентам: «Давайте подождем: один из моих студентов еще в пути. Он придет сюда, я уже слышу стук его деревянных сандалий. Он придет сюда уже через несколько минут».

Его студенты сердились; они говорили: «Его нет даже в списках студентов юридического факультета, а вы оказываете ему большее уважение, чем нам». Он говорил: «Вы этого не поймете - вы просто стараетесь понять закон, а этот молодой человек старается сделать что-то совсем другое, чего вы не можете понять. Он всегда старается понять, не является ли закон всего лишь расширением логики. Меня интересует его любознательность. Я хочу подождать его».

Он обычно говорил своим студентам: «Когда вы получаете дело исключительно благоприятное - у вас есть факты и вы уверены в том, что вы выиграете это дело, - тогда будьте очень скромными перед судом, очень вежливыми. Представьте все факты, но не будьте агрессивными; в этом нет необходимости, так как фактов достаточно».

«Но когда вы ведете дело, в котором бы не уверены и не знаете, выиграете вы его или нет - у вас шансов пятьдесят на пятьдесят, - тогда не будьте скромными, не будьте кроткими. Приносите в суд как можно больше книг по юриспруденции, с выдержками из законов, с примерами из других дел, рассмотренных прежде. У вас нет достаточного количества фактов, поэтому вам надо создать большой дым из слов, законов, прецедентов, статей, поправок. Вам надо создать так много законных слов и выражений, чтобы они полностью скрыли имеющиеся у вас факты».

Но если вы хотя бы на одну сотую процента уверены в том, что вы проиграете дело, так как все факты против вас, все свидетели против вас - вашего подзащитного поймали с поличным, — тогда будьте агрессивны, наступательны. Швыряйте книги по юриспруденции, рвите эти книги, стучите по столу. Не соблюдайте принятых правил. Меньшее, чем это, вам не поможет. У вас не будет другого шанса, если вы не будете таким наступательным и агрессивным, расшвыривая книги и законы вокруг себя, разрывая их, с тем, чтобы вызвать замешательство в суде. Может быть, это вам поможет.

«Вызовите замешательство в суде и дайте суду знать... Если человек так агрессивен, так наступателен и так уверен, то, очевидно, в этом что-то кроется, иначе он не вел бы себя так храбро перед ними; в противном случае... Итак, создавайте подозрение, сомнение и старайтесь воспользоваться этим сомне- нием».

Эти уничижители Библии просто пытаются быть агрессивными, самоуверенными. Факты не в их пользу; факты никогда не бывают в вашу пользу, если вы верите во что-то. Только тогда, когда вы лично что-то переживаете, не возникает необходимости быть таким агрессивным, тогда вы можете говорить с чувством юмора.

Тогда вам не нужно вышвыривать раввина из-за его очень здоровой и гигиеничной чистой шутки. Еще более удивительно то, что совет раввинов...

Я бы мог понять это, если бы католики исключили какого-нибудь епископа или кардинала или даже папу, но я не понимаю раввинов, потому что они имеют самые прекрасные шутки в мире.

Сравнения здесь быть не может; они обладают самым хорошим чувством юмора, но Англия - это такая свалка, - даже еврейские раввины уже потеряли свое чувство юмора.

Всего лишь несколько дней назад отлучили епископа. Вероятно, евреи пытаются соревноваться - теперь вот должны будут отлучить раввина. Никто не хочет отставать: «Если вы можете сделать это, то и мы можем». Но тот епископ был действительно виноват в том, что говорил что-то вредное для христианства. Я не хочу сказать, что его следовало отлучить, но то, что он говорил, было действительно опасно для христианства. Я бы поддержал его, если бы был архиепископом, я бы посоветовал всем другим епископам следовать ему.

Его бы не отлучили; его бы возвысили, его бы восхваляли, потому что хотя бы раз за две тысячи лет один епископ сказал правду, полуправду, отнюдь не всю правду. Но даже для того, чтобы сказать полуправду, нужна храбрость. А этот бедный раввин вообще ничего не сделал! И это действительно позор, что раввина отлучают всего лишь за шутку. Евреи выжили только благодаря их чувству юмора. Не было ничего другого, чтобы их поддерживало. Они потеряли свою страну, они потеряли вообще все; во всех странах их преследовали, убивали, чинили зверства над ними. Но они все-таки доказали, что у них есть такой характер, такое мужество, что вы не сможете их уничтожить.

В чем же их сила? Насколько я могу видеть - их сила в их чувстве юмора. Даже в самых больших несчастьях они могли шутить и смеяться. Даже в газовых камерах перед тем, как должны были открыть кра'н, евреи, должно быть, шутили. Это действительно была прекрасная сцена, достойная шуток. Этот Адольф Гитлер был сумасшедшим, но он действительно совершал смешные поступки.

Прежде чем послать кого-нибудь в газовую камеру, он, как правило, брил людей наголо. Большинство из раввинов имели бороды; с них сбрасывали все волосы. Странно; почему он был против волос? Их заставляли раздеваться догола, а потом им говорили, что они будут принимать душ. Газовая камера была известна как «большой душ». Конечно, никто не возвращался из этого большого душа, поэтому никто не мог сказать, что происходило внутри. Но каждый день людям, которые шли туда, говорили: «Теперь вы примете душ».

Итак, голые и полностью бритые, тысячи евреев, включая сотни раввинов, входили молча вовнутрь. Как вы думаете, что они там делали? Прежде чем включали газ и все они травились, они, должно быть, смеялись и шутили. Они могли выжить в очень враждебном мире по той простой причине, что они никогда не теряли чувства юмора. Каким бы большим не было несчастье и страдания, они не теряли способности смеяться.

Это первый случай во всей истории иудаизма, когда раввина отлучили за то, что он рассказал шутку, которая совсем не была грязной. В принципе, ни одна шутка не бывает грязной. Шутки, которые называются грязными, называются так потому, что вы прежде всего думаете о том, что секс грязен. Это следствие: так как секс грязный, любая шутка, которая имеет какое-то отношение к сексу, становится грязной: это очень странно - вы рождены в сексе, но вы не грязны. По христианскому учению вы грязны, вы рождены от первоначального греха; так они говорят - вы грязны, очень грязны. И очиститься вам нет возможности, не поможет даже сухая чистка.

Сухая чистка напоминает мне историю о том, как один человек мыл свою кошку мылом. Кошка

пыталась убежать, а он старался удержать ее. Человек, который проходил мимо, заглянул и сказал: «Что ты делаешь? Ты такой старомодный! Твой способ приведет к тому, что кошка забрызгает водой весь твой дом и всю твою одежду. Сейчас можно пользоваться устройством для сухой чистки».

Он сказал: «Это хорошая мысль. Я воспользуюсь этим устройством».

На следующий день прохожий встретился с этим человеком и спросил: «Как дела?»

Он ответил: «Кошка сдохла».

Человек сказал: «Кошка сдохла? Что случилось?»

Он ответил: «Она чувствовала себя хорошо после сухой чистки, но автоматическая сушка ее прикончила». Он стал ультрасовременным: он купил не только устройство для сухой чистки, но и сушку.

Как только вы признаете, что секс является грязным, тогда не будет больше возможности иметь что-нибудь чистое в целом мире, потому что все возникает из одной и той же сексуальной энергии. Тогда и птицы, поющие свои трели, будут грязными - исключите их из жизни. Павлины, танцующие для того, чтобы привлечь самку, - исключите их, ведь они становятся поистине грязными созданиями. А чего стоит их грязный трюк - раскрывать так красиво свой хвост! Бедная самка не может не обратить внимание на этих истинно грязных самцов, которые совершают все эти трюки. Если вы исключите секс из мира, вы исключите и жизнь.

Ни одна шутка не является грязной. Отлучив того раввина, совет раввинов в Англии доказал только одно: они сами грязные старики. Это показывает их ум.

Однажды психоаналитик осматривал пациента. Он нарисовал на бумаге линию и спросил: «Посмотри и сосредоточь свое внимание на линии. Что это тебе напоминает?»

Пациент ответил: «Прекрасную женщину!» .

Психиатр сказал: «Мы на правильном пути». Он нарисовал треугольник и снова спросил: «А теперь сосредоточьтесь».

Пациент ответил: «Мне не нужно сосредотачиваться - это напоминает мне очень красивую женщину».

Психиатр сказал: «Странно». Он нарисовал круг и спросил: «А теперь?..»

Психиатр был поражен, потому что пациент ответил: «В вашей голове ничего нет, кроме секса — вы постоянно рисуете голых женщин, то так, то этак. Разве вы не можете нарисовать что-нибудь еще?» Этот человек думает, что в голове у психиатра только секс!

Эти раввины и их совет - должно быть, они были на самом деле сексуально озабоченными.

Все эти люди постоянно твердят вам, что хорошо, что плохо, что правда, что неправда; а вы им все время верите. .

Эта вера привела все человечество к этой путанице. Мои усилия направлены на то, чтобы полностью остановить этот процесс - процесс веры. Вы не должны верить мне. Если я скажу, что истина - это все то, что я сам испытал, то единственно, что вы должны делать, - это принять это за гипотезу и стараться испытать это самим.

Существуют некие способы, чтобы вспомнить ваши пре-жниежизни, простые способы вспомнить это. Нет нужды верить. У нас имеется процесс повторного рождения - надо просто проникнуть глубже. Когда вы достигаете момента рождения, надо следовать этому процессу. Вы приближаетесь к моменту зачатия. Продолжаете этот процесс и приближаетесь к смерти в вашей прошлой жизни. Продолжайте дальше, и вы удивитесь тому, что все, что случилось с вами в ваших предыдущих многочисленных жизнях, все еще содержится в глубинах вашей памяти. В вашем подсознании ничего никогда не теряется.

Даже когда вы не обращаете на что-то внимания, ваше подсознание запоминает это. Теперь это называется сублими-нальной (подсознательной) памятью, и этим термином пользуются в нескольких странах. В некоторых странах это запрещается, но никто не знает... так как даже если вы запрещаете что-то, вы можете этим пользоваться: вы идете в кино, а в кино может использоваться рекламирование с помощью внушения. Между двумя кадрами, десятки раз на протяжении фильма появляется слово «кока-кола», но оно появляется и исчезает так быстро, что вы не можете его увидеть; вы просто не видите его.

Если вы смотрите кино, вы должны знать, как оно действует. Все изображения неподвижны. Например, я поднимаю руку: в фильме будет множество рисунков, отображающих разные позиции. Всего лишь одно движение - поднятие руки - означает множество неподвижных картинок с различными позициями; они движутся так быстро, что вы не видите их по отдельности, как статические изображения. Они движутся так быстро, что вы можете видеть движущуюся руку, а не неподвижные изображения разных позиций руки.

Если вы прокрутите этот фильм медленно, вы сможете увидеть. В разрыве между двумя изображениями движущейся руки - а они движутся так быстро, что вы не можете увидеть этот разрыв, — вставляется «кока-кола», раз двенадцать на протяжении всего фильма. Вы не сможете вспомнить, что вы это видели, но в этот день продажа кока-колы в городе увеличится в два или даже в три раза.

Имеются средние цифры о том, сколько кока-колы продается каждый день. В день, когда дается реклама в кино, продажа кока-колы увеличивается в три раза. Что произошло? Ваше подсознание продолжает накапливать все то, что вы не видите глазами, не слышите ушами, не чувствуете телом.

Вы будете удивлены. Если вас загипнотизировать и спросить, что произошло первого января тысяча девятьсот семьдесят первого года в течение всего дня, с момента вашего пробуждения до того момента, когда вы снова легли спать, сознательно вы ответите: «Первое января тысяча девятьсот семьдесят первого года? Я не помню». Кто помнит первое января тысяча девятьсот семьдесят первого года, если в этот день не произошло каких-либо важных событий: умерла ваша мать, или отец, или вы разошлись с вашей женой, или еще что-нибудь подобное. Обычно, если это был ничем не примечательный день, вы не можете вспомнить его, но если вас загипнотизировать, а это очень простое дело - загипнотизировать вас...

Вам нужно всего лишь сказать, чтобы вы посмотрели на любой светящийся предмет, висящий над вашей головой, расслабили ваше тело и смотрели на этот предмет не мигая. А человек, который гипнотизирует вас, будет продолжать говорить: «Вы засыпаете. Ваши глаза становятся тяжелыми, тяжелыми, все тяжелее и тяжелее». И вы начинаете чувствовать, что ваши веки становятся все тяжелее, но вам надо держать глаза открытыми как можно дольше. Вам не разрешают закрывать глаза, гипнотизер не говорит вам, чтобы вы их закрыли. Вы получили команду держать их открытыми до самого последнего момента. Поэтому вы стараетесь не закрывать глаза изо всех сил, но веки ваши становятся все тяжелее и тяжелее, вы начинаете чувствовать, что тело ваше становится оцепенелым.

Гипнотизер продолжает говорить: «Все ваше тело цепенеет. Вы не можете двинуть ни рукой, ни ногой, если даже и захотите: ваше тело превратилось почти в камень», — а ваши глаза уже почти закрылись. Вы делаете последнее усилие, как это делает утопающий, делая последнюю попытку спастись перед тем, как утонуть и пойти на дно. Вы можете убедиться теперь, что вы больше не можете держать глаза открытыми, они стали очень тяжелыми; с ваших век свисают камни.

На это уходит не более трех минут; вы засыпаете. Но разница между обычным сном и гипнотическим заключается в том, что при обычном сне вы не помните о том, что вас окружает. При гипнотическом сне вы реагируете на гипнотизера и не помните ничего другого. Если кто-нибудь еще скажет вам что-нибудь в это время, вы не услышите его; даже если он назовет вас по имени, вы не ответите. Но если ваш гипнотизер что-нибудь шепнет вам, вы услышите его.

Гипнотизер может сказать вам: «Пожалуйста, вернитесь в тысяча девятьсот семьдесят первый год, в первое января. Что произошло утром, когда вы встали?» И вы начинаете все вспоминать. Это можно даже записать: «Когда я встал, то сначала я искал домашние туфли, чтобы пойти в ванную комнату. В ванной я взял зубную щетку, и она упала на пол» -такие вещи, которые не имеют никакого значения. Что вы ели на завтрак, что вы делали после этого - вы вспоминаете мельчайшие подробности, вплоть до того времени, как вы легли спать.

Вас может разбудить лишь обратный процесс: «Теперь время истекло, ваше тело становится легче, ваши глаза начинают становиться все менее и менее тяжелыми, сейчас вы можете открыть глаза», И вы не будете помнить, что вы восстановили все события первого января тысяча девятьсот семьдесят первого года. Но если вам их показать, вы их узнаете: «Да, это действительно имело место, но как вы узнали об этом?» Вы не будете осознавать, что это вы сами все рассказали.

Гипноз - это одно из самых мощных средств, которые еще недостаточно используются. В нем нет ничего плохого, но все религии против него. Религия — странная вещь: она против всего того, что может привести вас к какой-то истине. Они создали эту атмосферу на всей земле, что гипноз - это что-то плохое. Это осуждение, если кто-нибудь скажет: «Ты загипнотизирован». Это унижение: «Загипнотизирован? Я?»

Но вы будете удивлены тем, что можно загипнотизировать только очень умных людей. Заурядные люди очень трудно поддаются гипнозу, а дураков вообще нельзя загипнотизировать. Это очень простой критерий; если вы попробуете сделать это на трех людях, вы сможете выяснить, кто из них дурак. Теперь научно доказано, что дураки не поддаются гипнозу по той простой причине, что, во-первых, когда вы говорите им, чтобы они смотрели на что-то

блестящее, они будут смотреть на что-то еще. Вы предлагаете им держать глаза открытыми, а они закрывают их. Все возможно для дурака. Вы предлагаете ему лечь, а он встает. Гипноз здесь невозможен, потому что у них нет ума, чтобы ухватить мысль, и это все зависит от них.

По свету ходит неправильное представление, что все зависит от силы гипнотизера. Это отнюдь не так. Гипнотизер не обладает силой. Никакой гипнотической силы не существует, то есть вас гипнотизирует совсем не сила гипнотизера. Это не так, совсем не так с научной точки зрения. Это ваш ум взаимодействует с указаниями, которые дает вам гипнотизер; можно использовать даже магнитофон. Гипнотизер вообще не нужен. Вы не можете сказать: «Этот магнитофон обладает гипнотической силой». Гипнотизер просто повторяет определенные предложения. Если вы умно взаимодействуете с ним, сон к вам придет.

Я обычно живу вместе с одним из моих двоюродных братьев. У него была странная привычка: ему было очень трудно расставаться с чем-нибудь. Я нашел ему прекрасную работу, а он работал в третьесортном месте; зарплата была плохой, да и работы было очень много. Но у него была привычка - он не мог бросить то, что делал. Я пытался убедить его: «Ты глупо поступаешь. Здесь ты будешь хозяином. Твоя зарплата будет в три раза больше, у тебя будет хороший офис. Ты будешь хозяином: будет нужна только твоя подпись несколько раз в день, воти все, а здесь ты лишь третьеразрядный клерк; весь день пишешь, переписываешь, перерабатываешь каждый день».

Но он сказал: «Мне нравятся здесь люди, здесь мои друзья, здесь все меня знают. На новом месте, - он очень нервничал, - на новом месте новые люди...»

Я сказал: «Я пойду с тобой. Я познакомлю тебя со всеми». Нет не помогло, тогда я сказал: «Лучше бы я загипнотизировал тебя» — раньше я пытался сделать это с ним. А он был очень умным человеком, который всегда был первым на всех своих экзаменах, а сейчас он - профессор.

Я все время экспериментировал с ним - он хороший объект для гипноза, - все, что я ему предлагал сделать, — он делал. Даже пост-гипнотические предложения, минута за минутой, он выполнял. Например, однажды я велел ему (под гипнозом): «Завтра, точно в двенадцать часов, когда часы на башне пробьют двенадцать (башня эта находилась очень близко от нас), ты поцелуешь свою подушку». И я вывел его из гипнотического состояния.

На следующий день, начиная с одиннадцати часов, я уже стоял у его кровати, чтобы он не смог подойти к кровати. Он не имел представления о том, что происходит, но он хотел подойти к кровати. Я стоял там, чтобы помешать ему. Потом я взял подушку и вышел в сад. Он пришел вслед за мной, не зная, что происходит, и точно в двенадцать, когда часы на башне стали бить, он подскочил ко мне, схватил подушку, поцеловал ее и так застеснялся, что убежал.

Я спросил: «Что ты делаешь?»

Он ответил: «Сам не знаю. Я никогда не целовал свою подушку - я говорю тебе правду! Почему я должен был поцеловать подушку? Но несколько мгновений я не думал ни о чем Другом, кроме этой подушки; меня это беспокоило. А почему ты унес мою подушку в сад? Я никогда раньше не видел, чтобы ты выносил мою подушку в сад. Мне так стыдно; прошу простить меня за то, что я выхватил у тебя подушку и совершил такой глупый поступок - поцеловал эту подушку!»

Я сказал: «Не о чем беспокоиться. Это было пост-гипнотическое внушение. Ты просто выполнял инструкции. Ты не мог предотвратить это, это было подсознательно». Вы очень удивитесь, когда узнаете, что когда я попытался с помощью гипноза убедить его сменить работу, он испугался, так как я пытался убедить его без гипноза в течение двух-трех дней, но он не поддавался. Поэтому он согласился на гипноз, но в тот момент, когда я сказал ему: «Ты сменишь свою работу и уйдешь из старого офиса, который просто ужасен», - он мгновенно сел.

Он сказал: «Нет!»

Я сказал: «Но ты был под гипнозом».

Он сказал: «Да, я был, но это совсем другое дело, когда ты приходишь ко мне, чтобы сказать мне что-то плохое о моей работе». Единственное, что он помнил, даже находясь в состоянии гипноза, это то, что если будет упомянута его работа, он сразу же выйдет из состояния гипноза.

Так что это совсем не сила гипнотизера, а ум и сотрудничество, так как он слушался меня в девяносто девяти случаях, делал все, что я ему велел, кроме одного.

Вы можете сказать: «Садись. Вот стоит корова, подои корову» — и человек сядет, начнет доить корову, которой там не будет. Вы можете сказать все, что угодно - и человек будет делать это, но против его воли ничего не получится. Поэтому люди, которые думают, что вас могут загипнотизировать против вашей воли - очень ошибаются. В руках у гипнотизера не его сила, а ваша сила. Если вы позволяете гипнотизеру внушать вам и вы помогаете ему... Если вы сопротивляетесь, вас нельзя загипнотизировать. Поэтому требуется большой ум, требуется доверие. Можно загипнотизировать только умных и доверяющих тебе людей.

Гипноз - одно из игнорируемых, отвергаемых измерений жизни. Он может помочь вам восстановить все предыдущие жизни так быстро, что не возникает никаких проблем — вам не нужно верить в них; сначала войдите в гипноз. А в гипнозе вы сможете получить пост-гипнотическое внушение о том, что гипнотизер больше не нужен. Вместо этого, вы считаете от одного до ста, и к тому времени, когда вы досчитаете до ста, вы войдете в гипноз самостоятельно.

И обо всем, что бы вам хотелось, чтобы произошло в вашем гипнозе, вам надо напоминать себе, прежде чем вы начнете считать от одного до ста. Вы просто говорите: «Я хочу вернуться в свою предыдущую жизнь», - и начинаете считать от одного до ста. И вы уснете. А второе, что вы должны сказать: «Через десять-пятнадцать минут я вернусь в свое обычное состояние». Потому что гипнотизера нет, вы сами делаете это самостоятельно. Но гипнотизер вам очень помогает, он может легко сломать лед, сделать дорожку, дать вам ключ. Все будет работать: «Повторите свое имя три раза, и вы будете загипнотизированы».

Поэтому я предлагаю - не спрашивайте меня, является ли теория реинкарнации правильной или нет. Для меня она является правильной, для вас - нет, пока еще нет. Не занимайте никакой позиции - ни положительной, ни отрицательной. Оставайтесь открытыми для гипноза. Исследуйте. Если вы можете вернуться в свои предыдущие жизни, это является достаточным доказательством, что у каждого из нас - долгое, долгое прошлое. А это дает еще одно глубокое понимание: если есть предыдущие жизни, это означает, что будут и будущие жизни, эта жизнь всего лишь в середине. Конечно, вхождение в будущие жизни невозможно, так как будущее еще

не случилось. Но войти в прошлое очень легко, так как оно уже было; память там, и запись там. Это так, как будто вы забыли дорогу в комнату записей, где все это было записано.

Примите это за гипотезу. Со мной - все является гипотезой.

Если вы можете довериться мне настолько, что готовы исследовать, искать, - тогда это сработает.

У меня нет доктрины, чтобы учить вас, единственный гипноз для вас - найти истину самостоятельно.

Любая истина, которую вы не найдете, - не является истиной.

Истина является истиной только тогда, когда вы найдете ее.

Таково главное свойство истины - вы должны найти ее самостоятельно, она истинно ваша, вы можете сказать с полной ответственностью, что это так.

Но не становитесь авторитарными.

Видите ли вы разницу между этими словами? С полной ответственностью могу сказать, что реинкарнация — это правда, но я не авторитет. Если я говорю, что вы должны поверить в это, что это правда, тогда я авторитет для вас. Этот авторитет - просто мой жизненный опыт. Быть авторитарным означает, что я хочу навязать вам это мнение и превратить его в вашу веру.

Моя религия не имеет доктрин, не имеет догматов, не имеет теорий. Это странная религия. Ничего подобного раньше не случалось, но в этом-то и прелесть. Она оставляет вас полностью свободными.

Если я могу дать вам только свободу, значит - я дал вам все.

Если я могу помочь вам освободиться от всей чепухи, в которую вас запутали другие, это больше, чем можно было бы ожидать.

Как только вы освободитесь, тогда все измерения - здесь, они открыты; вы можете двигаться сами, самостоятельно. А двигаться самостоятельно так прекрасно.

Вы когда-нибудь наблюдали за маленькими детьми? Когда они начинают ходить, если вы хотите поддержать их за ручку, они этого не желают. Вы пытаетесь им помочь, вы боитесь, что ребенок может упасть, но вы понимаете экстаз ребенка. Вы разрушаете его экстаз, беря его за ручку. Он предпочел бы упасть, но сам, самостоятельно. И что за беда, если он и упадет один, два, три раза? Он узнает, как не падать. Просто наблюдайте, так, чтобы он не попал в какую-то беду. Другими словами, если он падает просто на землю, а не в пропасть, не нужно волноваться. Пусть он учится, потому что лучше, чтобы он упал и научился, как не падать. Тогда ваше наблюдение не потребуется; тогда его можно будет оставить одного даже на краю пропасти.

В детстве я часто играл в одну странную игру, которую я сам придумал, - очень опасную игру. Я заставил соседских детей ходить по деревянной доске, которая там просто лежала. Наш новый дом был построен, и осталось много досок; та доска была очень длинной и плоской доской. Я заставлял детей ходить по ней, и они ходили; проблем никаких не возникало. Я спросил: «Вы

можете пройти по ней? Тогда я положу ее между двумя балконами». Потом я сказал: «Теперь пройдите по ней. Это та же самая доска: вы по ней ходили, когда она лежала на полу. Разницы ведь нет, если не считать того, что она теперь находится высоко».

И они, конечно, говорили: «Мы не можем пройти по ней». Но я спрашивал: «В чем же разница? Ведь это та же самая доска, по которой вы ходили много раз и не падали». Я показывал им, я ходил по ней. Моя мать выбегала из дома, когда она видела меня на этой доске в очередной раз. Я делал ей знак рукой: «Спокойно, так как если ты скажешь что-нибудь, я могу упасть», — поэтому она стояла даже не дыша.

Я проходил по доске, и она начинала беситься и кричать: «Что это?»

Я объяснил ей: «Это игра, которую я изобрел; и в эту игру я намерен играть всю свою жизнь».

Она сказала: «Что? Всю жизнь? В эту игру?» Я ответил: «Это игра. Позже я смогу назвать это по-другому. Но это игра». Я все еще играю эту игру. Уверенность — вот что вам нужно. На земле вы можете очень легко пройти по доске, потому что вы знаете, что вы не упадете. Доска та же самая, с теми же размерами, с той же шириной, но возникает страх, боязнь того, что вы можете упасть. Если вы настороже, если вы внимательны, вы можете пройти по ней: проблемы нет. Просто будьте бдительны, тогда вы сможете идти по любой гипотезе — не будет опасности впасть в веру. Оставайтесь бдительными. Используйте любую гипотезу. Вы обязаны найти истину, любая истина будет хорошей, так как она является частью всей истины; отсюда вы можете двигаться дальше и искать всю истину. Постарайтесь ухватиться за хвост слона, этого будет достаточно: вы найдете всего слона. Может потребоваться некоторое время, чтобы найти, все остальное - ведь слон большой, — но вся проблема будет заключаться в том, чтобы ухватиться именно за тот хвост, который нужен. Вера - это не то, за что нужно хвататься.

И я не поддерживаю веру - какая бы она ни была -положительная или отрицательная. Я поддерживаю только гипотезы. Второй вопрос?

Бхагаван,

Вы сказали, что нельзя одурачить человека, который в чем-то убежден. А вы нас не дурачите?

Да, это правда: нельзя одурачить человека (pull men's leg -буквально «тянуть человека за ногу»), который в чем-то убежден. Но вторая часть этой фразы немного сложна, так как человек, который в чем-то убежден, не захочет вас дурачить обычным способом. Он будет тянуть вас за голову. Это выражение - «he pulls your head up» (буквально «он тянет вашу голову вверх») - не существует ни в одном языке, но это именно то, что делает человек с твердыми убеждениями.

В этой жизни все стремятся тянуть других за ноги, чтобы утащить их вниз и, тем самым, возвыситься самим. Человек с убеждениями гораздо выше вас. Ему очень трудно дотянуться до вашей ноги и особенно на ранчо Большая Грязь. Ему придется нырять глубоко в грязь, чтобы отыскать вашу ногу. Ни один человек с убеждениями не будет этого делать.

Но он будет тянуть за что-то, он не оставит вас в покое. Он будет тянуть вас за голову, это единственный способ, когда кто-то находится глубоко в грязи. Это ранчо Большая Грязь является настоящим отображением всего мира, потому что все находятся в грязи, глубоко в

грязи, опускаются все ниже и ниже. Даже вашу голову найти очень трудно, не говоря уже о вашей ноге, если вы не стоите вверх ногами! В этом случае, возможно, вас нужно будет тянуть за ногу, но это случается очень редко. Люди не стоят на голове в грязи.

Такого рода ситуации случаются - я сейчас вспомнил одну историю. Это было когда-то, когда умер Морарджи Десаи. Он надеялся, конечно, попасть в рай, но дьявол пригласил его в ад. Морарджи Десаи сказал: «Как! Я бывший премьер-министр. Разве ты не знаешь?»

Дьявол сказал: «Мы знаем тебя хорошо. Мы уже давно ждем тебя, но ты все время пил свою урину и воняешь так сильно, что смерть приходила за тобой много раз, но уходила назад — так велико было зловоние. Наконец, мы заставили смерть пойти за тобой, сказав: «Надо что-то делать. Этот человек живет уже слишком долго». А у тебя есть выбор... Ты очень крупный политик, лидер, важное лицо, поэтому я могу сделать для тебя это одолжение. У нас в аду три секции, ты можешь выбрать».

Морарджи Десаи заглянул в первую секцию: там людей бросали в огонь. И хотя их бросали в огонь и они горели там, они не умирали; им было страшно больно, их вытаскивали из огня и снова швыряли туда. Он сказал: «Нет, сюда я не пойду».

Вторая секция, в которую он заглянул, была немного лучше, чем первая, но не для него. Странно, огромное количество насекомых, которых он никогда раньше не видел, ползали по телам людей, проделывая в них дырки, вползая в одни дырки и выползая через другие. Тело каждого человека представляло собой огромное количество дыр, потому что эти насекомые все ползали и ползали по эти телам. Морарджи Десаи сказал: «Нет, это место тоже не для меня. Я бы хотел посмотреть на третью секцию».

Когда он заглянул в третью секцию, он почувствовал некоторое облегчение, потому что в ней все казалось не так страшно, как в первых двух секциях. И он уже имел некоторую привычку к этому месту: она была полна мочи и кала. Он уже был знаком с первой половиной (мочой), а со второй ему предстояло познакомиться, что еще ему оставалось делать - ведь там было всего три секции. Одно было хорошо — это доходило только до колен и люди стояли в этом и пили кофе.

Морарджи Десаи сказал: «Хорошо, это подойдет». Как только он вошел в секцию, дьявол закричал: «Перерыв для кофе закончен». Все закончили пить кофе. «Теперь становимся на голову». Вот тогда Морарджи Десаи и понял, что это совсем не так легко.

Итак, люди стоят на головах только в этой третьей секции ада. В жизни люди Находятся глубоко в грязи, но все-таки стоят на ногах. Просветленный человек тянет вас вверх за вашу голову. Такого выражения на самом деле не существует» потому что языки создаются не просветленными людьми; они создаются обычными людьми для обычных людей для обычных целей.

Для просветленных... в мире не существует ни одного языка, который был бы создан просветленными людьми для просветленных людей с целью просветления. В этом основная трудность; вот почему все они чувствуют, что истину нельзя выразить словами. Не существует языка, который был бы создан людьми, знающими истину. В действительности никогда и не было так много людей, знающих истину, чтобы возникла необходимость создать такой язык. Очень редко случается, что кто-то становится просветленным; зачем же тогда язык? С кем он

собирается говорить на языке просветленных?

Но моя проблема заключается в том, что я пытаюсь тянуть вас вверх, поэтому по пути я иногда составляю свои собственные фразы, создаю свой собственный язык, свои собственные слова. Как бы там ни было, но если мое сообщение дойдет до вас, хотя бы какая-то его часть, то этого будет достаточно. Потому что даже маленькой искорки хватает, чтобы поджечь целые джунгли. Вся ваша жизнь может загореться всего лишь от маленькой искорки, попавшей в вас.

Беседа 30

ЕДИНСТВЕННО ПОДЛИННАЯ ДЕМОКРАТИЯ: ДИКТАТУРА ПРОСВЕТЛЕННЫХ

28 января 1985 года

Бхагаван,

Почему вы против коммунизма?

Я против коммунизма, но по очень странной причине. Эта странная причина заключается в том, что это вовсе не коммунизм. Слово «коммунизм» образовано от слова «коммуна»; но коммунизм - это не коммуна-изм. Он не имеет никакой базы в самом понятии «коммуна»; наоборот, это просто антикапитализм. Это название дает вам ложное понятие о чем-то положительном, но фактически, это только лишь отрицательный подход: это антикапитализм. И мое понимание заключается в том, что все, что в основе своей является отрицательным, никак не может способствовать эволюции человечества.

Именно из-за этого факта атеизм не стал полезным для эволюции человечества, для его самосознания, для его роста. Это лишь чистая отрицательность. Просто говорить, что Бога нет, и основывать свою философию на вере в то, что Бога нет, полнейшая глупость. Для жизни нужно что-то положительное. Фактически, для жизни нужно что-то настолько положительное, чтобы оно смогло поглотить и все отрицательное. Поэтому очень положительное заключается в том, что отрицательному не нужно оставаться вне его или быть против него; оно должно быть поглощено.

Иисус говорит: «Не хлебом единым жив человек». Я не могу согласиться с ним, так как человечество, главным образом, живет только на хлебе; большая часть людей всегда жила только на одном хлебе. Я знаю, что он имел в виду. Я не против того, о чем он думал. Я против его высказывания. Он подразумевал, что человеку нужно нечто большее, чем физическое что-то; нечто большее, чем телесное что-то, нечто более высокое, трансцендентальное, без чего человек может прозябать, но не может жить. Я поддерживаю скрытый смысл его высказывания, но высказывание Иисуса очень неполное.

Почему я упомянул его высказывание? Я хотел сделать аналогичное высказывание, но вложить в него огромный смысл.

Я говорю вам: человек не может жить только на отрицании.

А коммунизм - это только отрицательная философия, подобная атеизму.

Вдумайтесь только: как вы можете расти, если вас окружают лишь одни «нет».

Для роста нужна лестница из «да».

«Нет» - мертво; оно эквивалентно смерти.

Смерть — это максимальное «нет». Жизнь - это максимальное «да». Для жизни требуется какая-то база из «да-философии».

Коммунизму нечего предложить. Это очень странно, но следует понять, что все ошибочные идеи являются побочными продуктами иудаизма. Например, христианство, которое представляет собой философию отрицания. Крест является символом этой отрицательности. Вы можете сделать крест из золота, но крест останется крестом. То, что вы сделаете его из золота, еще не означает, что вы превратите его в «да-символ»; он останется «нет-символом».

Христианство отрицает в жизни все, что приносит радость, все, чему вы можете радоваться. Это - антижизнь. Оно уходит своими корнями в смерть, и весь его мир начинается после вашей смерти. Ваша жизнь не имеет никакой ценности, если она не приносится в жертву ради той жизни, которая наступит после смерти.

Вы видите здесь искажение? Настоящая жизнь до смерти или после нее? А если жизнь продолжается после смерти, тогда зачем вам быть против жизни сейчас? Ведь та же жизнь будет продолжаться, и, может быть, она будет продолжаться в более широком, более крупном масштабе, но это будет все та же жизнь, что и сейчас. А если вы против этой жизни, то как вы можете быть за ту жизнь? Это будет всего лишь продолжение и развитие.

Христианство является первым искажением иудаизма. Второе искажение, которое появилось из иудаизма, — это психоанализ Фрейда. Фрейд был евреем, как и Иисус, но между ними существует большая разница. Иисус пытался доказать, что он является мессией для всех евреев. Он был несколько доверчивым и невинным, может быть, он не знал, что мессии бывают только в прошлом или в будущем, но никогда - в настоящем. Вы можете признавать их, когда их еще нет, они еще не родились, но вы не можете принимать их, когда они являются вашими современниками. Для ваших современников у вас нет ничего, кроме презрения; может быть, это слово и является корнем слова «современник» (contempt - презрение, contemporary - современник).

А Иисус старался, чтобы его принимали за мессию еще при жизни. Фрейд был более опытным, более интеллектуальным, более культурным человеком. Его метод заключался не в том, чтобы доказать, что он еврейский мессия - он знал о том, что произошло с Иисусом, — он пытался сделать совсем другое. Это логическое понимание: Иисусу не удалось его попытка; теперь можно попытаться сделать что-то противоположное.

Иудаизм очень настроен против секса. Все религии против секса, поэтому иудаизм не содержит в себе ничего особенного. Но другие религии против секса лишь теоретически; практически они понимают натуру человека и его слабости. Например, индуизм учит вас идти дальше секса, но не осуждает сам секс. Наоборот, эта религия дает вам методы и средства, поэтому вы можете воспользоваться энергией секса, чтобы войти в несексуальное измерение. Индуизм не против секса, вы просто не должны оставаться в плену у секса. Нет необходимости быть против секса;

лучше использовать его в качестве средства для достижения цели. Зачем биться головой о камень? Это не поможет разрушить камень, это разобьет лишь ваш череп. Но евреи именно это и делают.

В Ветхом Завете говорится, что Бог так рассердился на два прекрасные города Гоморру и Содом, что он полностью их разрушил. Что же они делали? Они наслаждались сексом во всех возможных измерениях - вот в чем их преступление. Только у хасидов есть прекрасная история о разрушении Sodoma и Гоморры, но эта история неприемлема для ортодоксального иудаизма, она не является частью ортодоксального иудаизма.

Иудаизм принес миру только одну прекрасную вещь, и это хасидизм. Но евреи против хасидов. Они считают, что хасиды им неровня, что это павшие евреи. Но я заглянул в ортодоксальный ум евреев и в ум хасидов: если я должен решать, кто из них пал, тогда я скажу, что ортодоксальные евреи пали так низко, что дальше падать уже некуда. Они достигли самого дна.

Хасидизм - это прекрасный цветок - единственное, что пришло от иудаизма и что можно сохранить в истинной религии. Но они - отверженные люди.

У хасидов есть прекрасная история о Содоме и Гоморре, о которой ни Ветхий Завет, ни другие ортодоксальные источники не сообщают, поэтому, конечно, это творение хасидов, их изобретение, их воображение. Но я люблю эту историю, и я хотел бы, чтобы и вы запомнили ее.

История о том, что Бог решает в своем гневе на евреев разрушить Содом и Гоморру. Хасидский святой приходит к Богу и спрашивает его: «Если в Содоме сто хороших человек и сто тысяч плохих человек, а ты собираешься разрушить весь город, то учитываешь ли ты тот факт, что погибнут и эти сто хороших человек?»

Бог задумывается.

Потом он говорит: «Об этом я не подумал, но тебе придется доказать, что в этом городе есть сто хороших человек».

Хасид сказал: «Подожди. Может быть, я не смогу найти ста человек, но подумай, если даже их будет всего десять в целом городе, разве будет правильно и по-божески разрушать весь город? Разве ты не поддержишь тех десятерых человек, которые считаются хорошими даже в том ужасном месте, которое ты собираешься разрушить?»

Бог сказал: «Мне придется подумать. Да, разницы, действительно нет — находится ли там сто хороших человек или только десять, но тебе надо будет найти этих десятерых».

Хасид сказал: «Подожди немного - еще всего лишь один вопрос. Если в городе найдется лишь один хороший человек, как ты думаешь, не является ли “хорошесть” одного человека гораздо более ценной, чем “плохость” ста тысяч человек? “Плохость” - это отрицательное качество; оно не имеет ценности. Ты не должен обращать на это внимания, иначе это качество сможет стать ценным. Тот один хороший человек имеет перевес».

Бог сказал: «Твои рассуждения правильны. Будет ли сто хороших человек, десять хороших человек или один хороший человек, я буду стоять за хороших людей. Но тебе надо будет

доказать, что в городе есть такой один хороший человек».

Хасид сказал: «Я здесь, перед тобой. Не нужно никуда ходить. Вот почему я все время уменьшал число - ведь я мог не найти ста человек, я мог не найти десяти человек. А как судить? С того самого момента, как я стал хорошим, я забыл саму идею суждения о людях. Для меня все люди хорошие. Я не могу видеть плохое в ком-либо, потому что плохое - лишь тень; это не сама суть человека. Он, возможно, поступал плохо, но это не делает его сущность плохой. Один поступок может быть плохим, два поступка могут быть плохими, три поступка могут быть плохими, сто поступков могут быть плохими; но все-таки сущность человека остается такой же чистой, как и всегда».

«Сущность человека не может определяться его действиями. Он может отбросить свои действия, отбросить свое прошлое, и с этого самого момента такой человек может стать святым. Никто не может помешать ему. Как вы можете судить? Не существует метода для того, чтобы судить. Вот почему я продолжал сокращать числа. Дело совсем не в том, что нет хороших людей; на самом деле я жил в обоих городах, и я нашел там только хороших людей.

В тот момент, когда вы станете хорошим, ваше суждение пропадет и вы перестаете судить о людях, так как суждение зависит от действий, а действие является чем-то очень поверхностным. Это похоже на то, как если бы вы судили об океане по зыби. Это было бы абсурдно - судить об океане по зыби на его поверхности. Действия - всего лишь рисунки на воде: вы их еще не закончили, а они уже исчезли. И ваша сущность вне ваших действий; она всегда относится абстрактно к тому, что вы делаете. Вопрос в следующем: «Кто вы?»

Хасид сказал: «А сейчас я вижу только то, что собой представляют люди. Иногда человеку, который очень красив, добр, свят, может быть, приходится поступать так, что он кажется плохим, что может идти против условностей. Вы не можете судить о нем по самому действию. Вот почему я сокращал число хороших людей. И вот я здесь. Я живу в обоих городах: я живу полгода в Содоме и полгода в Гоморре. Ты готов уничтожить меня?»

И по истории хасидов Бог решил не уничтожать эти города. Но это история хасидов, а хасиды единственные хорошие люди, которые вышли из иудаизма. Естественно, их отвергают, потому что они отвергают всю вашу чепуху. Они не принимают рассказ в Ветхом Завете о том, что Бог разрушил Содом и Гоморру. Они говорят: «Там был наш святой, и он спас эти города..Он спас оба города; и он спас в действительности все человечество, так как если Гоморра и Содом достойны того, чтобы их спасти, тогда не существует ни единого человека, которого стоило бы уничтожить».

У Фрейда была такая же тенденция, как и у Иисуса - быть пророком - что очень уж по-еврейски; это что-то вроде расового заболевания. Этот Моисей берет на себя ответственность. Он создает целую игру с пророками и мессиями и создает в умах бедных людей, которых не так много, представление об этом; они получают какое-то представление и начинают думать, что так оно и есть. Фрейд был, по существу, мессией, но он знал, что если он заявит, что он мессия, - а он был также и трусом... Он не был так фанатично храбр, как Иисус, поэтому то, что он сделал вместо того, чтобы предложить себя в качестве жертвы для распятия, — он попытался создать нечто совершенно новое — стать зачинателем новой религии.

Психоанализ, по Фрейду, является религией, а он - основатель, пророк, отец. Согласно

психоанализу то, что он делал, было выступлением против всего еврейского антагонизма к сексу. Вот как он говорил евреям: «Я с вами не имею ничего общего, не нужно готовить крест для меня. Я делаю нечто совершенно другое, по сути — противоположное тому, что вы совершали четыре тысячелетия».

Но в своем подсознании Фрейд вынашивал мысль о том, чтобы стать пророком. И он всю свою жизнь очень боялся, что кто-нибудь станет Иудой. Только пророки боятся Иуд, в противном случае не было бы необходимости... Например, я не боюсь: если вы все превратитесь в Иуд, ничего плохого в этом не будет; в этом не будет никакого вреда. Так как я не выступаю в роли мессии, как вы можете предать меня?

Иуда мог совершить предательство, потому что, как мне кажется, он, должно быть, был сыт по горло этим человеком, который постоянно притворялся, что он единственный сын бога, мессия, которого вы ждали и который собирается спасти весь мир. Каждому наскучил бы такой человек. Я чувствую, что просто из-за скуки он принял тридцать сребреников от священнослужителя и продал Иисуса. Он даже не считал, что Иисус стоит больше, чем тридцать серебряных монет. На самом деле, он просто хотел избавиться от всего этого кошмара, когда ему приходилось так страдать от этого человека.

Так как вы никогда не жили с пророком, вы не знаете: он всегда прав, а вы всегда ошибаетесь. Что бы он ни говорил — это всегда слово самого Бога. Не спрашивайте почему. Его здесь нет, чтобы объяснить это вам, он просто диктует вам свои заповеди. Умри или сделай, но не спрашивай почему.

Иуда был единственным образованным человеком среди тех, кто окружал Иисуса, он даже был более образован, чем сам Иисус. Иисус был совершенно необразованным человеком. Иуда был единственным человеком, о котором можно было подумать, что он обладает каким-то интеллектом. Должно быть, он пресытился; всегда существует предел тому, сколько человек может вынести, вытерпеть. В конце концов, он отправил пророка к евреям.

Но я не пророк.

Вы не можете продать меня.

Я никогда не диктовал вам, что делать.

Я никогда не приказывал вам следовать за мной.

Я никогда не притворялся, что я кто-то, специально посланный свыше, для того, чтобы донести до вас какое-то послание.

Я не чей-нибудь почтальон: я просто делаю свое собственное дело.

Правильно или нет, я просто делаю свое собственное дело.

Если вы чувствуете, что вам это приятно, - добро пожаловать. Если вы чувствуете, что это не заслуживает вашего внимания, пожалуйста, бросьте это. Нет проблем. Вам это не навязывают.

Фрейд хотел быть пророком. Вся его жизнь является доказательством этого. Он отвергал

психиатров, психоаналитиков и психологов так же, как религии и политические партии отвергали некоторых людей; любой человек, которого начинали подозревать, должен быть немедленно отвергнут. Что это были за подозрения? Фрейд подозревал, что он будет предан, но что может быть предано, если вы не принесли истины? Кто-то может, по мере своих сил, делать свое собственное дело. Вы делаете свое дело; он свободен делать свое дело. Но Фрейд продолжал отвергать людей и держал только очень небольшую группу, абсолютно преданных ему людей. Требовалось надежное окружение.

Таков метод пророка. Либо вы за него, либо вы его враг. Он не приемлет третьей категории типа «меня это не интересует». Он не приемлет никакой третьей категории. Для него существовало только два типа людей: те, кто был за Фрейда, и те, кто был против Фрейда. Те, кто был против, включались во вторую категорию; третьей категории вообще не существовало.

Фрейд делал как раз противоположное тому, что делал Иисус, по той же самой причине, по которой это делал Иисус. Он создал психоанализ. Никто другой в целом мире не мог бы создать психоанализ. Он должен был быть создан только евреем, когда бы он не создавался. Это не случайно.

Существовало очень большое «анти» отношение к сексу, и христианство довело его до логического конца, потому что они хотели доказать, что они значительно превосходят евреев. Сами евреи отказались от своего символа наивысшего расцвета - от мессии, а христиане приняли этого мессию в качестве основателя новой религии. Естественно, возникло большое соперничество.

Христианство пошло против секса и жизни даже еще дальше, чем иудаизм.

Зигмунд Фрейд взял реванш над обеими религиями, так как христианство - всего лишь ответвление от иудаизма. Оно переняло все глупости иудаизма и добавило свои собственные глупости. Фрейд заявил, что психоанализ может решить все проблемы человека. Теперь это является одной из тенденций пророков. У них всегда есть панацея - одно единственное лекарство от всех болезней. Это не научный подход.

Каждая болезнь требует индивидуального подхода, требует индивидуального лечения. В мире возникают проблемы не из-за одной причины, существует множество причин. Да, существует несколько причин, которые являются основными, и если их уничтожить, множество других причин может исчезнуть, но не существует одной, единственной причины. Все религии говорят, что существует только одна причина.

Христианство говорит, что этой причиной является первородный грех: просто человек должен уничтожить то, что сделали Адам и Ева, и тогда все будет так, как и должно быть. Джайнизм думает, что единственной причиной является насилие. Если исчезнет насилие — исчезнут все проблемы. Точно так же все религии предлагают одинаковые средства для лечения - проповедников, Библию, Бога.

Религия Зигмунда Фрейда - психоанализ. Он направлен против иудаизма и христианства. Христианство нельзя рассматривать отдельно от иудаизма. Эта религия была создана евреями, это еврейская фирма; и фактически евреи должны заявить, что Ватикан принадлежит им, и вышвырнуть оттуда папу и всех этих епископов. Иисус был их крови, все эти люди - католики,

протестанты и очень многие христиане, являющиеся порождениями одного неграмотного еврейского ума, эксплуатируют свое изобретение.

Фрейд просто пошел против них, думая, что это не будет считаться чем-то еврейским, но это было еврейским. Он воспитывался в климате антижизни, антисекса, антиудовольствия. Вот почему евреи не ценят хасидов - они жизнеутверждающие; а это для евреев проблема. Они наслаждаются жизнью, они танцуют, они поют; и это кажется вовсе не религией - танцы и пение. Даже старые хасиды танцуют великолепно; они очень любят жизнь. Но это неприемлемо для евреев.

Фрейд обнаружил, что все проблемы возникли в результате подавления секса. Поэтому все, с чем бы вы не приходили к

Фрейду, он, как правило, сводил к какой-то сексуальной проблеме. Сексуальные проблемы были источником любого заболевания - умственного, физического, социального, экономического - безразлично. Иногда удивляешься: когда человек начинает считать себя проповедником, он теряет весь свой разум и интеллект.

Например, если человек, который с ума сходит по деньгам, пойдет к Зигмунду Фрейду, Фрейд скажет, что этот человек озабочен деньгами. Каким будет лечение и что, как вы думаете, может быть причиной? Подавление секса! На поверхности вы не сможете увидеть здесь связи: он говорит о деньгах, а вы говорите о сексе! Он никогда не думал о сексе, но это только доказывает, что то, о чем говорит Фрейд, правильно. Так как его сексуальная энергия подавляется, она проявляется в виде сильного стремления к деньгам: за деньги можно купить секса столько, сколько вы хотите.

Богачи пойдут в синагогу, в церковь, в храм, они будут слушать разные проповеди против секса; и это те самые люди, которые способствуют возникновению проституции во всем мире!

В Индии существовала традиция, которая заключалась в том, что самая прекрасная девушка какого-нибудь города не имела шанса выйти замуж. Быть прекрасной было опасно; а быть самой прекрасной означало быть проституткой. Такова была традиция. Конечно, они сделали эту традицию как можно более прекрасной. Они обычно проводили конкурсы - такие же, как и вы проводите, — мисс Америка, мисс Вселенная, может быть, даже мисс штата Орегон. Нет, я не считаю, что есть какая-то мисс штата Орегон или что она может быть. Это невозможно. Такие конкурсы проводились в Индии раньше, в прошлом, и самая прекрасная девушка, которую выбирали на таком конкурсе, объявлялась нагарвадху.

Слово «нагарвадху» означает «жена всего города». Ее уважали как богиню, но на самом деле она была проституткой; каждый мог вести себя с ней как с собственной женой. Конечно, она была вне досягаемости для бедных, вне досягаемости для среднего класса, даже для верхушки среднего класса, только супербогатые - король, принц, лорды могли пользоваться ею, так как ее цена была такой высокой за одну ночь, что хотя она и называлась женой всего города, в действительности она была женой всего лишь какого-то десятка избранных людей.

Эти люди были богатыми спонсорами Гаутамы Будды и

Вардхаманы Махавиры. С одной стороны, они строили храмы, караван-сарай, чтобы люди могли

в них останавливаться, сажали деревья на улицах на протяжении тысяч миль, чтобы путники могли иметь тень над головой в жаркую погоду, возводили статуи. Они делали всякие целомудренные акты, и, тем не менее, они создали институт нагарвадху, жен для всего города. Проституцию они превратили в прекрасное дело - женщина, которую избирали, очень гордилась этим.

Они сделали и другое: они создали еще один институт для тех, кто не мог себе позволить воспользоваться высочайшим секс-символом их общества. Их нельзя было полностью исключить из этого дела, иначе они могли быть опасными. Поэтому они создали другой институт. Родителям прекрасных девушек сказали, что если они отдадут своих прекрасных дочерей в храм, они получат большую милость, они попадут в рай. Девушки, которых посылали в храм, назывались дэвабалас, или божественные девушки.

Индия страна особая. Для человека, который живет в Индии, невозможно воспользоваться словом типа «девушка по вызову», вместо этого слова он предпочтет сказать «божественная девушка». Каково же ее предназначение? Ее предназначение - обслуживать Любого, кто этого хочет, а деньги должны идти храму. Эта девушка, всего лишь проститутка, в каждом храме были сотни таких девушек. Все деньги шли храму, поэтому священники были счастливы. Бедняки тоже были счастливы, потому что за небольшую сумму они могли иметь прекрасных женщин. И женщины не чувствовали себя оскорбленными: они ведь были «божественными»; они были необычными женщинами, они были особыми женщинами.

Для священников был создан третий институт. Конечно, они заслуживали чего-то особого, потому что помогали богатым, королю, королеве, помогали бедным - помогали всем. Они заслуживали какой-то награды; и вы удивитесь, когда узнаете, что это была за награда. Их наградой было то, что каждая невеста, вступившая в брак, должна была провести свою первую ночь со священником, так как сначала священник и Бог должны были ее очистить; только после этого она считалась чистой.

И никаких проблем не возникало, так как это было традиционно и общепринято: все были счастливы. Муж тоже был счастлив тем, что его жену сначала предлагали Богу. Конечно, сам Бог не присутствует — присутствует всегда какой-то представитель, священник, папа или кто-нибудь еще, но этот представитель так же хорош, как и Бог. Женщина была счастлива тем, что она была принята Богом, его представителем.

Итак, на поверхности индуизм продолжал выступать против секса; но это было как-то более гуманно: на самом деле допускался любой возможный вид секса.

Но иудаизм был искренне против секса, против любых удовольствий в жизни. Фрейд грубо ворвался в их антисексуальную, антижизненную позицию. Но опять же у него отрицательная философия. И Иисус тоже дает отрицательную философию: вы должны быть ограждены от жизни. Этой жизни надо сказать абсолютное «нет».

Зигмунд Фрейд основывает свою философию на отрицательной позиции: откажитесь от подавления секса и все проблемы будут решены. Я не понимаю этого, так как существуют племена в мире, у которых нет сексуальных запретов, но есть очень сложные проблемы: бедность, болезни, отсутствие науки, никакого интеллектуального роста, никакого развития сознания. Удивительно, но общество, которое не ограничивает каким-то образом секс, остается

отсталым.

Общество, которое подавляет секс, развивается; это более цивилизованное и культурное общество. Очень странно! Если верить Фрейду, то вся культура, вся цивилизация будет возвращаться к первобытному состоянию. Но у них имеется весь набор проблем - больше, чем у вас. Они сталкиваются с основными проблемами: нет пищи, нет одежды, нет интеллектуального потенциала, чтобы производить пищу, одежду, различные механизмы и все остальное.

То, что предлагает Фрейд, - это не трансценденция секса, не выход за пределы секса; он отбрасывает вас обратно в условия неразвитого, варварского общества, в котором секс был полностью доступен. Но зачем вам секс, если нет хлеба? Что вы будете делать с сексом без одежды, без лекарств, без прочих проявлений человеческой культуры? Да, вы можете продолжать производить детей, но вы не сможете прокормить их - у вас недостаточно пищи для самих себя.

Если Фрейда принять тотально, то вся цивилизация умрет. Он просто против иудейской и христианской идеи подавления секса, но он не собирается помогать человечеству. Он - реакционер. Он не задумывался о смысле всего этого. Почему люди, которые секс не подавляют, не прогрессируют? Этот вопрос должен быть самым главным.

Люди, которые подавляют секс наполовину, прогрессируют тоже наполовину. Это очень странно, но соотношение одно и то же: чем больше подавляется секс, тем в большей степени развивается общество. Оно становится более разумным, более изобретательным и более развитым в научном отношении.

Думаете ли вы, что эти первобытные племена могут произвести Зигмунда Фрейда, что красные индейцы могут произвести Зигмунда Фрейда? Невозможно даже представить себе это. Зигмунд Фрейд может появиться только в христианско-иудейском контексте, потому что именно здесь он нашел основной ключ - подавление секса. Но он не дает вам никаких положительных оснований. Можно убрать подавление секса, но это не даст вам никакой идеи о трансценденции. Но он доказал одно - что он хороший проповедник, что проповедуемые им идеи весьма оригинальны.

Он создал во всем мире великое движение. Это второе разрушительное следствие иудаизма. Первым является Иисус, вторым - Фрейд, третьим - Карл Маркс. Почему Карл Маркс против капитализма? Это не значит, что он действительно против капитализма; но он бедный еврей, и он полон зависти к тем, кто богат. Это еврейская черта, очень характерная для них.

Я гляжу на Индию и с удивлением нахожу там параллели этому явлению. Что касается отношения к богатству, то джайны являются индийскими евреями. Вы не найдете ни одного нищего джайна. Джайны являются сверхбогачами, это верхушка среднего класса, в худшем случае средний класс. Изредка вы можете встретить бедного джайна - не нищего, но бедного. Эти бедные джайны были первыми, кто почувствовал влечение к коммунизму. Я был удивлен, обнаружив этот факт.

Один из моих далеких родственников - очень известный коммунистический лидер, товарищ Бхагчанд. Я спрашивал его: «Понимаете ли вы, что ситуация заключается не в том, что вы хотите разрушить капитализм, а в том, что вы просто завидуете богатым джайнам?» Но люди очень

изошрены в построении своих философий.

Три поколения семьи Маркса были бедными. Сам он не работал и оставался бедным всю свою жизнь. Это кажется странным: он целиком зависел от своего богатого друга, но выступал против капитализма. Его богатый друг, Фридрих Энгельс, был богатым фабрикантом. Он всю свою жизнь кормил Карла Маркса и его семью, а Маркс так никогда и не работал: за свою жизнь он не заработал и цента.

Энгельс, по-видимому, был человеком великого сострадания. Он видел, что человек является гением и нуждается в поддержке. Хотя Маркс писал против капитализма, он был великим мыслителем. Он убедил Энгельса в том, что капитализм является основной причиной всех проблем в мире: «Если мы сможем разрушить капитализм и распределить все богатства поровну между людьми, все проблемы исчезнут».

Карл Маркс - это, главным образом, завистливый еврей, который украшает свою зависть прекрасными словами. Лечение, которое он предлагает, ошибочно. Во-первых, если вы распределите богатство тех, кто богат, между бедными, то какой будет результат? Бедные не станут богатыми, а богатые станут бедными: вы будете распределять бедность. Да, люди не будут больше чувствовать зависти, потому что все будут одинаково бедны. Я против бедности, следовательно, я против коммунизма.

Я хочу, чтобы люди были одинаково богаты, а не одинаково бедны.

Но для этого требуется совершенно другой подход. Вопрос не в распределении богатства - потому что не так много богатства, которое надо распределять. Сколько существует людей, которые являются богатыми? В Индии - два процента.

Распределение богатства двух процентов среди девяноста восьми процентов бедняков похоже на чайную ложку сахара, которую бросают в океан, чтобы сделать его сладким. Просто вы без всякой необходимости потеряете эту чайную ложку сахара. По крайней мере, можно было бы дать одному человеку чашку чая, но даже эта возможность потеряна. Не то чтобы другие получали что-нибудь, им просто понравится сама идея: «Теперь никто не пьет чай, мы все равны». В противном случае этот человек пил бы чай, а все остальные завидовали бы.

Люди, которые создали свое благосостояние, обладали определенным талантом для этого. Вам следует использовать их талант; вам следует превратить его в искусство и учить этому искусству всех, их нельзя наказывать за то, что они создали благосостояние.

В первобытном обществе, в примитивном обществе, от которого остались еще некоторые фрагменты то там то здесь на земле, нет бедных и нет богатых; конечно, нет и зависти. Никому ничего не принадлежит. Все в равной степени ничем не владеют; но никто не производит и богатства.

Фактически, люди, которые производят богатства, создают в других потребность также производить богатство. Не уничтожайте этих людей - используйте их как символ. Они владеют определенным искусством создавать богатство - сделайте это искусство доступным для всех, научите их всех. Вы преподаете экономику в университетах; было бы гораздо лучше, если бы вы обучали искусству становиться богатым так, как учат экономике; но вы не помогаете людям

узнавать искусство становления богатым. Студенты получают, золотые медали в университетах,, а потом исчезают.

Когда я был профессором, я спросил одного из моих вице-канцлеров: «Думали ли вы когда-нибудь, что происходит с вашими золотыми медалистами? Они должны сверкать в обществе. Каков смысл вашей золотой медали? Человек, который оказывается первым в университете, исчезает, о нем никогда ничего не слышно. Что с ним? Это показывает просто бедность вашей золотой медали и бедность всего вашего образования. Даже если бы он возглавил всю вашу образовательную систему, что бы он тогда получил?»

Я спрашивал профессоров экономики: «Вы преподаете экономику двадцать или тридцать лет — вы разбогатели?»

Они отвечали: «Какое это имеет отношение к преподаванию экономики».

Я говорил: «Экономика должна быть наукой о том, как стать богатым. Вы всего лишь бедный профессор, и если за тридцать лет преподавания вы не смогли раскрыть секрета создания богатства, что же тогда говорить о ваших студентах? Кто-нибудь из них стал богатым?» Нет, экономика не занимается всем этим; она занимается абсолютно теоретическими вопросами, которые не имеют никакого отношения к практической жизни.

Идея Маркса - распределение богатства. Почему? Причина, которую он предлагает, психологически неверна, абсолютно неверна. Его причина заключается в том, что все люди равны. Это психологически абсурдно. Нет даже двух людей, равных друг другу, что же говорить обо всех людях, о целом человечестве? Каждый человек уникален, он не может быть равным какому-нибудь другому индивидууму.

Говоря, что все люди равны, Карл Маркс разрушает уникальность отдельного индивидуума.

Вот почему я против него и против всей его философии - я за уникальность каждого отдельного человека.

Я не говорю, что кто-то выше вас, а кто-то ниже вас. Помните! Я просто говорю, что вы ни с кем не сравнимы.

Вы это вы, а другой есть другой.

Вы не сравниваете розу с лотосом, вы просто говорите, что это две разные вещи. Две разные индивидуальности, хотя оба они люди, оба они уникальные индивидуальности, совершенно несравнимые.

Маркс предлагает эту дурацкую идею - и на нее покупаются все во всем мире: коммунисты, антикоммунисты, все подхватывают эту идею; даже капиталисты усвоили мысль о том, что все люди равны. Почему же никто не раскритиковал ее и не боролся с ней? По той простой причине, что она кажется очень гуманной. Господи! Должно ли что-то быть истинным или ложным - можно ли судить о правильности чего-то с помощью логических или гуманистических идей? Тогда, любая ложь, которая, как вам кажется, является гуманистической, должна быть принята. И над этой ложью — о том, что все люди равны, — и была воздвигнута вся структура

коммунизма.

Теперь вы знаете, ведь это так просто понять, что все люди обладают в разной степени интеллектом и способностью к творчеству. Все не могут стать поэтами, все не могут стать учеными, все не могут стать художниками; и это прекрасно, что все этого не могут сделать, в противном случае жизнь потеряла бы всю радость. Эта радость заключается в уникальности индивидуума, в том, что он уникален, неповторим, незаменим, и как только он уходит из жизни, его место навсегда остается свободным. Никто не сможет заполнить его место так, как он заполнял его; это мог сделать только он.

Маркс очень своеобразно отбрасывает всю важность индивидуума. Я называю это «своеобразным», потому что он выдвигает идею о равенстве всех людей. В такой прекрасной идее о равенстве всех — вы не сможете определить, что именно он отнял у вас. Он сделал из вас всего лишь спицу в колесе, причем заменяемую. Он поместил вас на ленту заводского конвейера, где производятся автомобили: одинаковые машины должны собираться на автоматическом конвейере.

Форд производит за одну минуту одну машину. В течение двадцати четырех часов каждую минуту с конвейера сходят одна за одной похожие друг на друга машины. Но человек - это не механизм, который можно собрать на конвейере; вы не можете разобрать его на части, а затем - собрать вновь. Мы получили бы большую помощь, если бы могли разбирать или собирать человека по частям - почистили бы изнутри и везде, заменили бы лампочки кое-где, несколько выключателей, вышедших из строя, несколько болтов и винтов, которые ослабли или стали тугими, а потом собрали бы его снова, вставив батарейку.

Это было бы действительно хорошо, но это было бы величайшим бедствием, которое могло бы когда-либо иметь место.

Тогда человек исчезает, он превращается в робота, который работает на батарейке. Это просто: если он ломает руку, проблем не возникает - всегда имеются в запасе дополнительные детали. Он идет в цех, и его руку меняют; он получает новую руку и все. Только время от времени у него могут возникать проблемы, например, когда он говорит какой-нибудь женщине: «Я люблю тебя», — и в этот момент он начинает издавать какие-то звуки: «грр... грр... грр... моя батарейка садится... позовите механика». Время от времени он будет произносить: «Грр, грр», - он не сможет говорить, его батарейка села.

Или вам могут надеть на запястье небольшой счетчик, который будет сообщать вам, что опустить, что поднять, что нужно в данный момент: нужно ли вам немного бензина, или воды, или надо ли вам сменить масло. Так будет проще, - но вы не будете людьми, вы будете роботами.

Маркс, делая вас равными, предлагает философию, которая, в конечном счете, должна сделать вас роботами — таково логическое заключение марксистской философии.

Только роботы могут быть равны. Достоинство человека - в его уникальности.

Но позвольте мне повторить в связи с тем, что есть возможность, что меня неверно поймут: я не говорю, что кто-то выше вас, а кто-то — ниже. Я просто говорю, что неверна сама идея

проводить сравнение; вы — это только вы. Я не могу назвать вас неравными. Я не могу назвать вас равными. Вы следите за моей мыслью? Я не могу назвать вас неравными.

Вот критика, которую коммунисты направляют против меня, - будто я говорю людям, что люди не равны. Это совершенно несправедливо по отношению ко мне. Я не говорю, что люди не равны, я говорю, что они не являются одинаковыми людьми; под этим я подразумеваю, что они также не являются неравными. Неверна сама идея неравенства. Человек уникален. Человек - это не просто член общества. Он индивид, независимое целое в самом себе.

Подумайте об этом так, и вы увидите это совершенно ясно. Если кто-нибудь говорит, что все должны писать стихи, тогда даже если кто-то и пишет стихи лучше, чем вы, их поэзия должна цениться на равных основаниях с вашей поэзией. Все должны быть в равной степени поэтами, в равной степени музыкантами.

Вы можете видеть абсурдность в том, что если Егуди Менухин должен быть равным вам, то вы ничего не получите, а этот бедняга потеряет все. Вы не можете быть Егуди Менухиным. Он обладает определенной гениальностью, с которой он родился, которая заложена в самой его химии, в самой его физиологии, в самой его сущности. У вас нет этой химии, этой физиологии, этой сущности. Его родители были другими, родители его родителей были другими.

Вы не можете иметь его качества распределенными, это невозможно. И это погубит все прекрасные цветы в жизни человека. Но вы так не думаете. Вы думаете, что Егуди Менухин — сам по себе, нет вопроса о ком-то еще, кто берет его качества, делит и распределяет их. Но вы не понимаете этого так же, как и то, что есть люди, которые обладают определенным талантом быть богатыми.

Все не являются Генри Фордом, не могут им быть; и в этом. нет необходимости. Один Генри Форд создал уже достаточное количество транспортных средств. Больше не нужно. Если все станут Генри Фордами, то знаете, что получится в результате? Результатом явится то, что ходьба пешком будет быстрее, чем езда на автомобиле. Это уже и происходит сейчас. В городах типа Нью-Йорк, Бомбей, Токио и Калькутта, на расстояние, которое вы можете пройти пешком за десять-пятнадцать минут, у вас уйдет полтора часа на автомобиле.

Я обычно останавливался в Калькутте у одного из самых важных, талантливых, богатых людей - Саху Шантипрасада. Он уже умер. Зал, в котором я проводил свои беседы, находился недалеко от его дома - в десяти минутах ходьбы, но в его машине это было непредсказуемо. Если моя лекция должна была начаться в семь тридцать, он начинал паниковать с пяти часов, говоря мне, чтобы я собирался.

Я говорил: «Вы сумасшедший! Лекция начнется в семь тридцать, и идти туда всего лишь десять минут. Если мы пойдем туда пешком, это у нас займет лишь десять минут».

Но он говорил: «Мы не пойдем пешком. А уличное движение в Калькутте так хаотично, что вы никогда не знаете... Нам надо выйти из дома, по крайней мере, за полтора часа».

И тогда все-таки случалось, что мы опаздывали, а иногда мы приезжали слишком рано, и нам приходилось просто сидеть в машине. Я говорил: «Ведь это глупо, Саху Шантипрасад».

Но он отвечал: «Я не могу позволить вам идти пешком — вы мой гость».

Я говорил: «Это правда, я твой гость, но мне приходится сидеть в твоей машине по четыре часа, когда мы едем на лекцию и возвращаемся домой. Это странно, так как за четыре часа я могу доехать до Бомбея или Дели, а я доезжаю только до этого зала!»

Если бы существовало много Генри Фордов, то мир стал бы еще труднее, чем сейчас. Нет, природа производит достаточное количество людей для конкретных целей. Природа обладает очень глубокой регулирующей силой.

Например, когда рождаются дети, если сегодня рождается сто девочек, то должно родиться сто десять мальчиков. Я был очень удивлен этими данными. Почему сто девочек и сто десять мальчиков.

Разве природа также имеет шовинистическое отношение к мужчинам? Нет, это не так; природа просто регулирует: десять мальчиков умирает до женитьбы. Девочки сопротивляются заболеваниям лучше; мальчики слабее, если говорить о сопротивляемости к заболеваниям. Они могут быть физически сильнее, обладать мускульной энергией, но это другая энергия, а когда речь идет о сопротивляемости к заболеваниям, о болезнях и смерти, то они слабее женщин.

Итак, ста девочек будет достаточно для ста десяти мальчиков, так как десять мальчиков умрет к тому времени, когда они будут в возрасте, пригодном для брака; это нечто такое, что природа регулирует сама с самого начала. Если бы этого не происходило, то девяносто мальчиков приходилось бы на сто девочек. И десять девочек имели бы трудности и создали бы для этих девяноста мальчиков такие трудности, что вы и представить себе не можете... Был бы хаос.

Если эти десять девушек не получают мужей, не будут иметь друзей-юношей, вы что, думаете, они будут сидеть и медитировать? Они начнут хватать чужих мужей, и в результате - возникнет хаос. Чтобы избежать этого хаоса, природа должна с самого начала быть бдительной и обеспечить дополнительно десять юношей, потому что они в нужное время исчезнут.

Если природа регулирует все это таким образом, она и другое регулировала точно так же, пока люди не стали вмешиваться в природу. Столетиями человечество на земле не менялось. И только человек начал вмешиваться в природу - через медицину, через новые изобретения - для того, чтобы продлить жизнь человека. Теперь возникли трудности на всей земле. Природа сохраняла равновесие: люди рождались, но и умирали в достаточном количестве. Эта пропорция была почти одинаковой. Вы же сделали вот что: вы предотвращаете смерть, но вам не разрешается предотвращать рождение. Теперь папа все время публикует проповеди о том, что аборт будет делаться только нелегально.

На днях я слышал, что в столице состоялась демонстрация, в которой принимало участие семьдесят тысяч человек, участники которой требовали, чтобы аборт были запрещены, объявлены незаконными. И когда президент Рейган - вы только посмотрите на этих политиков! - был губернатором Калифорнии, он подписал билль о легализации аборт, так как в Калифорнии были большие волнения по поводу легализации аборт. Потом он подписал этот билль, а теперь он торжественно возглавляет эту процессию, которая требует внести поправку в конституцию, объявляет вновь запреты на аборт, так как это против религии и против жизни.

Рейган поддержал этот протест, так как теперь все эти ортодоксальные люди в стране, особенно христиане, католики и евреи, - все люди присоединились к этому движению. Объявляя начало этой процессии, Рейган сказал: «За всю свою жизнь я совершил всего лишь одну ошибку, и это было тогда, когда я был губернатором Калифорнии и подписал этот билль. Это была единственная ошибка, которую я совершил».

Политики могут легко изменить свое лицо. Куда бы ни шла толпа, они оказываются перед ней. Они не могут проигрывать, поэтому им надо быть очень бдительными. Я много раз говорил, что политические лидеры - это последователи последователей. Великий политик - это политик, который знает, куда идут его последователи, и держится перед ними. Не имеет значения, куда они идут. Он должен оставаться впереди, для того, чтобы они всегда знали, что он - лидер. Он должен держать все свои чувства наготове, в противном случае, когда-нибудь он оглянется и увидит, что все последователи двинулись куда-нибудь еще, оставив его одного.

Он побежит и догонит последователей и сразу же окажется впереди, потому что они были за легализацию абортов; сейчас он против них, потому что они против этого. Что он может сделать? Он должен быть лидером во что бы то ни стало. Его дело - быть лидером - и не имеет значения, какова причина. А что вы хотите?

Это не имеет значения; единственное, что имеет значение, — это то, что он — впереди.

Так вот, все эти люди - католики, индусы, мусульмане, иудеи, — все они против абортов. Если они против абортов, тогда они должны быть более логичными в этом вопросе, тогда они должны быть также и против спасения жизни людей; тогда будет равновесие. Но никто не протестует.

В больницах есть люди, которые, как правило, изматывают врачей и медсестер. Их ноги висят в одном направлении, а руки висят где-то в другом направлении. Кому-то требуется постоянная помощь врача и медсестер, требуется много лекарств, кому-то нужен кислород: если вы отключите кислород, он умрет. Почему вы поддерживаете в нем жизнь? В чем смысл того, что он живет? Зачем вы его терзаете? Но врачей учили: «Ваша цель - спасти жизнь». Этому учил еще Гиппократ две тысячи лет тому назад, когда смерть косила всех подряд.

Теперь эти глупцы продолжают давать клятву Гиппократа: «Всю свою жизнь я буду бороться за жизнь». Но все изменилось. Когда Гиппократ говорил это, то из десяти детей умирало девять еще до того, как им исполнялось два года; выживал лишь один ребенок из десяти. Конечно, этот человек говорил что-то очень важное, когда он велел им пытаться спасти жизнь, но сейчас все происходит наоборот. Даже в таких странах, как Индия, из десяти детей умирает только один ребенок. В то время умирало девять, а оставался в живых - один, сейчас девять детей остаются в живых, а умирает только один ребенок - и прилагаются все усилия для того, чтобы спасти и этого одного.

Можно попытку спасти ребенка; но зачем вы спасаете стариков, которые пожилы, пожилы достаточно, которые страдали, наслаждались, делали все — хорошее и плохое? Теперь пора: дайте им уйти. Но врачи не могут отпустить их, так как это незаконно. Они не могут отключить кислород, поэтому мы продолжаем спасать умирающих и полумертвых людей.

Ни один папа не напишет заповедь, по которой этим людям разрешат освободиться от их тел. А что же остается от их тел? У кого-то нет ног, у кого-то - рук; у кого-то не работает сердце, а

вместо него работает батарейка; у кого-то не работают легкие; у кого-то не работают почки, вместо них работают механические почки. Но какая цель у этих людей? Что они будут делать, даже если вы будете поддерживать их жизнь таким образом?

Да, самое большое, несколько человек из них будут работать, но это - все. Какую творческую жизнь они будут иметь? И какую радость они смогут иметь во всем том, что для них делается? Им делаются постоянные уколы. Они не могут спать, и тогда им дают снотворные таблетки. Они не могут проснуться, и тогда в их кровь вводят стимулятор, чтобы они смогли проснуться. Но зачем - ради клятвы Гиппократата? Пусть Гиппократ идет к черту! Он даже не представлял, к чему может привести его клятва.

Нужно организовать какое-то движение за то, чтобы, когда люди проживут достаточное время, у них возникало бы желание освободиться от своих тел, и тогда больницы обеспечивали бы им удобную, приятную смерть. Было бы разумно, если бы в каждой больнице была специальная палата со всеми устройствами, которые бы делали смерть приятной, приносящей удовлетворение процедурой.

Вместо лекарств там должен быть человек, который бы учил умирающих людей медитировать, так как теперь нужны не лекарства, а медитация - надо знать, как расслабиться и мирно исчезнуть из своего тела. В каждой больнице должны быть такие специалисты по медитации - их роль очень важна, так же важна, как и роль врача. До сих пор они не требовались, так как была только одна функция: спасать жизнь человеческую. Теперь эта функция расширилась: нужно еще и помогать им умирать. В каждом университете должен быть факультет, на котором учили бы, как медитировать, чтобы сами люди были готовы. Когда наступает время умирать, они полностью готовы умереть с радостью, с ощущением праздника.

Но самоубийство - это преступление. Это будет считаться преступлением. А меня будут считать человеком, который учит людей незаконным вещам. Но что еще я могу делать в незаконном городе? Я могу говорить только то, что абсолютно правильно; меня нисколько не волнует, законно это или нет. Меня волнует правда, а не закон. Правда же в том, что у вас - несбалансированная жизнь, природа. Пожалуйста, верните ей ее равновесие. Либо вам надо прекратить спасать детей, либо аборт должны остаться легальными; методы контроля за рождаемостью должны использоваться очень широко, фактически, должно стать преступлением не использовать их. Если бы кого-нибудь поймали на том, что он не использует их, его следовало бы заключить в тюрьму.

Но этот мир очень странный: рожайте больше детей и подоходный налог у вас будет меньше. Прекрасный мир! Правительство поддерживает вас в том, чтобы у вас было больше детей.

Какая же здесь логика? Если я должен буду создавать закон, я скажу, что чем больше у вас детей, тем больше подоходный налог; с каждым ребенком он удваивается. Имейте столько, сколько вы хотите, но подоходный налог будет удваиваться каждый раз, так что даже богачи не смогут справиться с этими налогами, что же говорить о бедных и о среднем классе? Только тогда они подумают о контроле за рождаемостью, в противном случае они не собираются делать этого.

Посмотрите на красных индейцев. Почему они должны использовать контроль за рождаемостью? Ведь каждый рожденный ребенок приносит им больше денег от правительства. Пусть только они молчат... Это их страна, а все остальные здесь - иностранцы, за исключением

красных индейцев. Здесь не только я — турист, здесь туристы все, кроме красных индейцев. Рональд Рейган тоже — турист, все туристы. Возможно, они путешествуют уже триста лет, а я - всего лишь три года; это не имеет значения, это ничего не меняет: туристы есть туристы. Как долго вы путешествуете...

В действительности, старых туристов нужно высылать, они достаточно попутешествовали! Новые туристы должны приветствоваться. Это, по-видимому, вполне логично: вы путешествовали триста лет - так много поколений - что же еще вы делаете здесь? Путешествуйте где-нибудь еще. А мы намерены привезти сюда других туристов - освободите место!

Они хотят провести в парламенте билль против меня, так как они не могут найти никакого другого способа, чтобы отправить меня отсюда. Они пытаются сделать это в течение трех лет. Весь государственный департамент, все члены парламента Портленда занимаются моим делом; к нему никого больше не допускают. Я говорю им: если вы будете работать триста лет, вы не сможете найти ничего, за что меня можно было бы выслать. Я всего лишь путешествую в течение трех лет, и только в моем доме. Высылайте старых туристов.

Но то, что предпринимается по отношению к красным индейцам всего лишь для того, чтобы помешать им начать заявлять о своих правах, - просто бесчеловечно. Внешне это выглядит гуманно - то, что каждый индеец получает каждый-месяц определенное количество денег. Естественно, они рожают детей столько, сколько могут, так как каждый ребенок - это экономическая выгода, каждый ребенок приносит больше денег. А почему они получают деньги не работая? За этим стоит очень преступная идея.

Если человек не имеет работы и имеет достаточно денег, что он будет делать тогда? Он будет пить; он будет принимать марихуану, гашиш, опиум. Что еще ему остается делать? У него достаточно денег и нет никакой работы, нет образования; ему надо как-то убить время, поэтому он галлюцинирует. Все красные индейцы стали наркоманами. Конечно, так никто не говорит — это дело «гуманистов».

Они бедные люди; но есть и другие бедные люди; вы ничего им не даете; они просят работы; вы же не даете им даже работы. Они хотят работать; у вас же нет для них работы. Они хотят хлеба; вы же производите пули. Почему красные индейцы? Держите их под наркотиками, и они не будут чинить беспорядки и не начнут говорить, что эта земля принадлежит им: «Все прочь!» Странно, хозяина держат в резервациях, эти резервации — настоящие тюрьмы без стен, гости же стали владельцами этой страны. Теперь они решают, кто должен въезжать в страну, а кто не должен. Великолепная идея!

Мне вспоминается одна история. Суфий-факир находился с женой в своем жилище, они собирались лечь спать. Жилище было очень небольшим. Кто-то постучал в дверь; шел дождь, и суфий сказал жене: «Открой дверь. Кто-то стоит на улице, а идет дождь».

Жена сказала: «Но у нас нет места - здесь только мы двое можем лечь спать. Здесь нет места».

Суфий сказал: «Место всегда есть, нужно лишь сердце. Открой дверь, говорю я тебе, открой дверь».

Когда муж сказал это, жена открыла дверь очень неохотно. Вошел какой-то человек. Затем жена

спросила мужа: «Что мы будем делать?»

Он сказал: «Не делай проблемы из ничего. Двое могут спать, а трое могут сидеть. Для того чтобы сидеть, места здесь достаточно; поэтому мы будем сидеть и болтать. У этого путника, может быть, есть что нам рассказать, может быть, много историй, и мы будем наслаждаться всю ночь.

В это время опять кто-то постучал в дверь. Гость сидел рядом с дверью, поэтому факир сказал: «Откройте дверь, пожалуйста. Кто-то стоит на улице».

Гость сказал: «Здесь мало места. Нас уже много. Пусть он идет дальше».

Факир сказал: «Нет. Моя жена так же говорила о тебе: “Пусть он идет дальше”. Если бы мы не открыли дверь, тебе пришлось бы идти через лес под дождем. Сегодня опасная ночь, я не уверен, что ты благополучно добрался бы до города, остался бы в живых. Открой дверь!» Гость открыл дверь, но очень неохотно.

Вот как функционирует мозг человека. Он не мог даже подумать, что он лишь гость, а не хозяин. Вошел человек (второй человек), и гость сказал факиру: «Что же ты теперь собираешься делать?»

Он ответил: «Мы очень уютно сидели втроем, вчетвером мы будем сидеть не так уютно. Давайте сдвинемся потеснее -освободим место для четвертого человека». Они потеснились; теперь все жилище было занято. Затем раздался странный стук в дверь; казалось, что этот стук исходил не от руки человека. Факир сказал: «Я знаю, кто там — откройте дверь».

Новый гость сидел рядом с дверью. Он сказал: «Нет! Я не собираюсь открывать дверь. Здесь нет места, нас тут слишком много. Я сижу ближе всех к двери, я никому не позволю открыть ее. Где место?»

Факир сказал: «Вам надо ясно понять одно: я хозяин; я позволил вам войти, но я могу вас и вышвырнуть. Мы удобно сидели, но из-за тебя мы стали сидеть не так удобно. Теперь мы будем стоять. Пусть он войдет - нельзя никому отказать, если есть хоть сколько-нибудь места. Я говорю, что мы можем стоять; мы не будем сидеть, потому у нас будет мало места.

Что мог поделать этот гость? Ему пришлось открыть дверь. И они очень удивились - вошел осел... Гости сказали факиру: «Разве этот осел тоже будет здесь с нами?»

Он сказал: «Раз вы можете быть здесь... Кто ты? Он мой старый друг, мы старые знакомые; он часто приходит, когда идет дождь. А ты никогда прежде не приходил - я могу выгнать тебя, но не его. Тем более, что это бедное животное; ты сможешь найти какой-то способ, чтобы спастись, а куда может пойти он? Пусть он встанет в середине. Мы будем стоять вокруг него, а он может стоять в середине. Мы можем разговаривать и получать удовольствие в беседе, а он время от времени будет присоединяться к нам».

Он сказал: «Запомните одно: это жилище бедного человека, а не королевский дворец. В королевском дворце нет места. Хотя этот дворец и большой, в нем нет места, потому что в нем нет сердца. Здесь свободное пространство очень ограничено, но сердце не имеет границ».

Красные индейцы - хозяева этой земли, но их вытеснили в резервации и леса. Они являются тюрьмами без стен – очень хитрые тюрьмы, так как заключенным платят деньги. Они играют в азартные игры, дерутся, пьют, они убивают друг друга. Они - очень бедные люди, потому что им больше нечего делать. А деньги продолжают сыпаться на них: чем больше детей, тем больше денег. Вот они и рожают детей и получают все больше и больше денег, все больше и больше пьянеют. Это настоящее преступление. Это не имеет ничего общего ни с гуманностью, ни с идеалами человеколюбия.

А те, кто просто захватил их землю, они теперь решают, могут ли войти новые гости или нет. Это странно. Кто дал им право решать? Эта земля принадлежит не им. Среди них есть итальянцы, немцы, французы, англичане, греки, ирландцы -они все должны отправиться на свою землю.

Мы - единственные люди, у которых нет земли, так как мы не принадлежим ни к какой стране. Ни одну страну мы не называем своей отчизной, мы не верим в мамочек и папочек. Весь мир - наш; мы не претендуем на нечто малое. Передвижение людей обеспечивается правом, полученным при рождении: человек может ехать, куда ему хочется; он не совершает никакого преступления, когда он ездит. Но если кто-то и должен уехать, то это должны быть только старые туристы.

Сейчас эти старые туристы пытаются принять билль против меня в парламенте. Им следует помнить, что я намерен выступить в парламенте, и я один собираюсь сказать им: «Вас всех надо выселить, так как вы уже достаточно попутешествовали, - ведь это простая логика! Должны прийти новые люди. И мы обещаем, что когда придет много новых людей, мы уйдем без проблем. Но давайте, по крайней мере, достаточно попутешествуем».

Ум, которым обладал Карл Маркс, был, конечно, очень талантливым. Он привел мир к всеобщему движению - конечно, он сделал больше Иисуса. Это чисто иудейское соперничество. Просто состязаются иудеи. Это их дело и ничье больше. Фрейд вызвал всеобщее движение среди психоаналитиков, но Маркс превзошел всех. Почти половина мира сейчас — коммунистическая, но не богатая, а бедная половина, очень бедная.

Вы можете увидеть это в Германии. Сразу за стеной начинается коммунистический мир. От того Берлина, который был разрушен во второй мировой войне, половина осталась свободной и демократичной, а половина была захвачена коммунистами. Та половина, которая осталась независимой, свободной и капиталистической, - богата: небоскребы, прекрасные дороги, все. Там все так, как будто второй мировой войны никогда и не было. В свободном западном Берлине вторая мировая война не оставила и следа; на самом деле эта война принесла даже какую-то пользу, так как было покончено со всем старым, разрушенным, гнилым, все стало свежим и новым. Западный Берлин сейчас является самым современным, самым молодым и самым новым городом во всем мире.

А по другую сторону стены этот город темен и мрачен, как если бы вторая мировая война закончилась лишь вчера; люди живут в полуразрушенных бараках. По этому великолепному контрасту вы можете видеть, что может сделать коммунизм, а что - капитализм. В той части города, которая принадлежит коммунистам, не поднялся ни один небоскреб, ни одно новое здание, не появилось ни одной новой дороги, нового завода -отсутствует созидание. Да, они распределили богатство - они сделали богатых людей - бедными. И сейчас эти бедняки

находятся в таком состоянии, что не могут вновь создать богатство.

Вся Россия является бедной страной, весь Китай является бедной страной. Да, потеряно одно: не стало богатых людей. Коммунизм базируется на ложной идее: идее о равенстве людей, но люди не равны.

Вторая идея очень важная; но верна моя интерпретация, а не та, которую выдвигал Маркс: «Равные возможности для всех». Вот как это должно быть - равные возможности для всех, но при этом надо не забывать, что каждый человек уникален, поэтому каждый человек будет использовать равные возможности для того, чтобы отличиться от других людей. Наивысший результат — появление людей так отличающихся друг от друга, что вы не можете даже и представить.

По Марксу равные возможности означают, что все должны быть равны: равно богатыми, равно умными, равно здоровыми. Это явная чепуха, так как ваши родители не были моими родителями; у вас не такие гены, как у меня, и в вас заложены другие программы. Способа изменить гены и программы не существует, поэтому даже небольшие отклонения приводят к большим различиям.

Итак, равные возможности - это хорошая идея, и нам следует испытать ее пока по-человечески, практически. Но не нужно быть фанатиком этой идеи, потому что если вы хотите довести до совершенства равенство возможностей, то вы просто ненормальны: это невозможно.

Позвольте мне привести несколько примеров. Если вы старший сын в семье, то младший сын в вашей семье не может иметь такие же возможности, что и старший сын. Так как вы родились первым, конечно, вам досталось больше родительской любви, ведь вы были чем-то новым для них; потом стали появляться другие дети, и в этом уже не было ничего нового. Родился второй мальчик, но он будет теперь только вторым. Старший сын во всех культурах должен наследовать деньги отца. Почему? Это не случайно: ему досталось больше любви, чем остальным, он родился первым.

Тогда последний сын будет также иметь совсем другой статус - ведь он будет самым маленьким, всеми любимым, всеми защищаемым - и братьями, и всей семьей. Но средние сыновья - они нигде: ни на этом полюсе, ни на том. Они не будут получать такого же внимания, что первый и последний сыновья. Последний сын станет любимцем всей семьи, потому что больше уже никого не будет: пришел последний гость.

Как же можно всем предоставить равные возможности. Либо вам придется организовывать рождения одновременно, чтобы мать рождала сразу двенадцать детей и давала им равные возможности.

Но равные возможности отсутствуют с самого начала. Когда женщина беременеет, ни она, ни ее муж не знают, что начинаются мотогонки, никто не знает. Когда сперматозоид движется к яйцу, все получается, как при гонках: они все выстраиваются в один ряд в ожидании третьего свистка, а потом начинается гонка.

Материнская яйцеклетка ждет, а сперматозоиды из тела отца, врываясь в тело матери, начинают большую гонку - миллионы сперматозоидов пытаются первыми достичь яйцеклетки. Тот, кто

первым достигает ее, тот и побеждает; все другие погибнут. Это вопрос жизни и смерти. Это не обычные гонки, при которых, если вы потерпите поражение сейчас, то потом... Следующего раза не будет — только одна единственная возможность для миллионов живых клеток. Только одной клетке удастся это, так как так это работает. Яйцо матери обладает природным свойством - закрываться, как только в него попадает один мужской сперматозоид. Другие стучатся в стенки, но в течение двух часов они погибают.

На протяжении всего пути происходят потери. Этот путь не так мал, как вы думаете, - для этих маленьких клеток он равен приблизительно двум милям, пропорционально. Если бы они имели ваши пропорции, то весь путь был бы равен двум милям.

Так что они совершают огромную работу - марафонский бег! Конечно, побеждает сильнейший.

Иногда случается, что до яйцеклетки добегают двое, — тогда рождается двойня, а иногда даже трое достигают яйцеклетки. Известны случаи, когда рождалось девять детей, потому что даже девять сперматозоидов могут попасть в яйцеклетку одновременно; они все войдут в одну и ту же дверь, потому что они приблизились к ней одновременно. После того как они входят, дверь закрывается, но такие случаи, когда до цели доходят девять сперматозоидов, очень редки. Как правило, один из них оказывается достаточно умным и как-то ухитряется попасть туда первым.

Все они стартуют почти одновременно, но уже тогда, от самого момента зачатия, возможности становятся разными. Никто не знает тех, кто уже умер, что это были за люди. Может быть, кто-то был Альбертом Эйнштейном, кто-то Рави Шанку-ром, кто-то Микеланджело. Никто не знает об этих бедных людях, которые просто умерли в этой первой гонке и не получили никакого другого шанса.

А затем небольшие события в жизни ребенка... Вы не можете их уравнивать. Например, когда Наполеону Бонапарту было шесть месяцев, его няня, которая заботилась о нем, оставила его на какое-то мгновение и на, него прыгнула дикая кошка, поставила обе лапы ему на грудь и посмотрела в его глаза. В это время вернулась няня и прогнала эту кошку, но Наполеон всю свою жизнь боялся кошек. Он не боялся львов, он мог вступить безоружным в борьбу со львом, но перед кошкой он просто превращался в нервно больного человека.

Наполеон потерпел поражение всего лишь один раз - вся его жизнь была жизнью победителя. Только один раз он был побежден английским генералом, который знал о его слабости. Генерал пришел, держа перед собой семьдесят кошек; увидев семьдесят кошек, Наполеон стал сильно нервничать, он забыл все о том, что делать и чего не делать. Это была победа не генерала, а победа кошек.

Как можно умудриться дать равные возможности всем? Ведь если даже такой маленький инцидент может оказаться настолько фатальным... Наполеон был храбрым борцом перед кем угодно, но превращался в ничто перед кошкой. Английский генерал совсем не рассчитывал на это, но он одержал победу, воспользовавшись небольшим психологическим трюком, зная о слабости Наполеона, что когда он видит кошку, он не может думать, он просто каменеет. Когда Наполеон находился в таком нервном состоянии, вся его армия конечно была в растерянности; они потеряли человека, который был их жизнью, их светом, их путеводной звездой.

Как же можно умудриться дать равные возможности всем детям на земле? Это совершенно

невозможно. Поэтому не пытайтесь доводить идею коммунизма до ее логического конца - тогда она становится абсурдной.

Да, это моя интерпретация - и она заключается в том, что все должны иметь возможности получить образование, возможности добыть пищу, возможности добыть одежды, возможности делать все, что человеку хочется делать. Здесь не должно быть дискриминации: эти возможности должны быть даны каждому по его таланту и по его потенциальным возможностям.

Но в коммунизме этого не происходит. Во имя равных возможностей всех заставляют оставаться на самом низком уровне, потому что только там вы можете держать людей в равном состоянии. Если вы хотите, чтобы они были равны тем, кто находится на более высоком уровне, тогда вам нужно больше богатств, больше благосостояния, а этого нет.

За шестьдесят лет, которые прошли после русской революции, русские не смогли создать никакого благосостояния, чтобы сделать Россию богатой. Равные возможности есть, но что делать с этими равными возможностями? Вам нужны люди, которые могут использовать эти возможности; но им не нужны одинаковые возможности, им нужны разные возможности, одинаково разные возможности.

Я против коммунизма, потому что это лишь отрицательная философия. Я за коммуна-изм.

Это слово совершенно правильное - коммуна-изм.

Коммуна относится с уважением к уникальности каждой отдельной личности, относится с уважением к таланту каждой отдельной личности, она пытается помочь человеку вырастить этот талант, пытается помочь ему дорасти до его потенциала.

Я хочу, чтобы коммуны были во всем мире, так чтобы нации могли постепенно исчезнуть, а вместо них были бы только коммуны: живые маленькие объединения людей, радостно помогающие каждому человеку становится самим собой.

Маркс предлагает диктатуру пролетариата, диктатуру бедноты. Это глупо. Они бедны, а если они возьмут власть, они всех сделают бедными. А что еще они могут сделать?

Я предлагаю диктатуру просветленных. До сих пор этого еще никто не предлагал. Иногда из глубин моего сумасшедшего сознания... Эту идею я вынашивал всю свою жизнь - диктатура просветленных, потому что если это диктатура просветленных, то тогда это не диктатура. Здесь противоречие в терминах. Просветленный человек не может быть диктатором как Иосиф Сталин или Адольф Гитлер.

Да, просветленный человек может диктовать вам, но из любви, не из-за власти - у него нет власти - из его предвидения, потому что у него есть глаза, чтобы видеть и чувствовать потенциальные возможности людей.

Его указания можно считать предложениями, советами, направляющими указаниями.

Только при диктатуре просветленных появляется возможность, реальность истинной

демократии и подлинного расцвета коммуна-изма.

Равенство путем распределения богатств, а не бедности; уничтожение бедности до самых корней и поднятие всех до уровня богатых.

Мой коммуна-изм - это более высокая стадия капитализма. Коммунизм Маркса против капитализма.

Мой коммуна-изм способен впитать в себя капитализм, используя его как средство, как точку опоры.

Том 4.

Беседа 25

РЕЛИГИЙ, КАК И БОЛЕЗНЕЙ, - МНОГО;

ИСТИНА, КАК И ЗДОРОВЬЕ, - ОДНА

22 февраля 1985 года

Бхагаван,

Что такое религия и почему в мире так много религий?

Возможно ли иметь одну религию для всего человечества?

Религия - это просто вид науки, но с одним отличием: наука спрашивает об объективной реальности - той, которая существует вне вас.

Наука исключает самих ученых. Она спрашивает обо всем, кроме самих спрашивающих.

Религия спрашивает о спрашивающих.

Это вопрос о внутреннем, субъективном.

Чрезвычайно удивительно, что ученые никогда не беспокоились о сознании, которое осуществляет все исследования, изобретения, открытия. Это кажется абсолютно абсурдным, что вы не обеспокоены наиболее существенной действительностью в мире, поскольку человек - единственный, кто обладает субъективностью, у кого есть внутренний мир.

Стул, стол - они существуют. Но они не знают, что они существуют, внутри них нет познающего. Они существуют для вас, не для себя. В них нет никого, они лишь только средства. Вы можете использовать их, плохо обращаться с ними, это не имеет значения, потому что нет никого внутри, кому можно было бы причинить боль, кто почувствовал бы себя плохо, кто мог бы отреагировать.

Человек - это единственное явление с глубокой внутренней сущностью. Все остальное — поверхностно. Все остальное — просто поверхность; за поверхностью нет ничего. Это просто

как шелуха на луковице: вы снимаете один слой и находите другой слой; вы снимаете этот слой и находите еще один. Вы продолжаете снимать слой за слоем, и в конце ничего не остается у вас в руках. Вы можете продолжать снимать кожуру, в конце концов вы никого не найдете там.

И наука очень точна, очень логична; но ученый странным образом отстраняет себя от своих исследований. Он выносит себя за скобки. Он - единственный источник, и он ни во что не включен из того, что делает. Он исполнитель, он свидетель, он искатель, но он не существует.

Ученый не верит в то, что он существует, по той простой причине, что он не может поставить себя как объект исследования перед собой. Как можете вы принять себя в качестве объекта исследований? Просто попробуйте.

Вы выпрыгиваете перед собой, но того, из кого вы выпрыгнули, больше нет, он выпрыгнул. И снова перед вами никого нет. Вы все время прыгаете... Ученый заключает, что вы не можете поставить себя перед собой, потому что вас нет. Если бы вы были просто как другие предметы - скалы, деревья, все существование. - вы были бы в состоянии поставить себя на стол. Но вся эта идея делает ученого выглядящим глупо.

Ученый все время думает, что он очень умный, очень понятливый, и, конечно, так оно и есть в том, что касается вещей. Но есть область, в которой он плохо разбирается. Он верит в вещи, а поскольку он - не вещь, то это очевидно доказывает, что его нет. Существуют только вещи, кроме вещей, нет ничего; и если вы показываете что-то, что не является вещью и все же существует, то он не поверит в это.

Сначала вы должны доказать вещественность. Но это невозможно - сознание не вещь. Что мы можем поделаться? Но просто то, что это не вещь, не означает, что это не существует.

Один слепой человек был приведен к Гаутаме Будде; он был логик и очень одаренный человек. Многие ученые пытались доказать ему существование света; все они пытались, но напрасно. Он всегда побеждал - в каждой аргументации, в каждой дискуссии, в каждой дебатах. Он стал знаменитым.

Все знают, что свет есть, но это невозможно доказать слепому по той простой причине, что для слепого должны быть выполнены определенные условия, чтобы доказать ему существование чего-нибудь.

У него только четыре органа чувств вместо пяти, у него нет способности видеть. И нет способа доказать ему, что у него нет этой способности. Как вы можете доказать это? Вы не можете показать ему: «Другие люди имеют глаза, а ты нет». В этом истинная проблема - в том, что вы не можете показать ему; если бы вы могли показать ему, то не было бы проблемы. Он мог бы увидеть глаза других людей, так почему бы не увидеть и свет?

Итак, сначала он сказал: «Вы все пытаетесь доказать мне что-то, чего не существует. Глаз нет. А если существуют, то просто дайте мне понюхать их, я могу различать запахи. Дайте мне попробовать их на вкус, я могу различать вкус. У меня есть четыре чувства... И то же самое о свете. Все это просто ложь. Если свет существует, то ударьте по нему чем-нибудь, он-зазвучит. Все, что существует, будет звучать, если по нему ударить чем-нибудь. Я не слышу звука. Или, по крайней мере, положите его в мои руки. Я могу чувствовать тяжелое ли это, шероховатое ли,

гладкое ли».

Но как положить свет ему в руки? Как дать ему почувствовать его вкус? Какой у света вкус? Какой у света запах? Но вы не можете сказать, что он абсолютно не прав. Что он может сделать? У него нет глаз. Все, что у него есть, он готов использовать, а вы не в состоянии дать ему доказательство, которое он может оценить.

Подобная ситуация и с учеными, если не хуже. Ученый наблюдает, экспериментирует, но он не готов поверить в то, что в нем есть наблюдатель. Это нечто будет наблюдать за вами: «Как это возможно?»

Наблюдение - один из методов науки; конечно, наблюдатель необходим. Для наблюдения необходимы три вещи: наблюдаемое, объект; процесс наблюдения; и наблюдатель, от которого начинается процесс наблюдения. Наблюдение - это связь между объектом и наблюдателем; между познаваемым и познающим происходит процесс познания.

Ученый готов воспринять познаваемое, он готов воспринять знание; но он не готов воспринять познающего по той простой причине, что познающий сам не может быть сделан объектом познания - и он верит только в объективную реальность.

Если вы взглянете на это подобным образом, то наука будет выглядеть таким идиотским подходом, основанным на такой глупой идее; даже маленький ребенок может понять это. Но вы можете также понять затруднение. Ученый тоже чувствует это в моменты, когда он не полностью ученый, а немного и человек. Он может видеть суть; но эта проблема заключается в том, что если что-то не наблюдается, то его существование не доказано. Оно остается только предположительным.

Поле деятельности религии - это та область, которую наука постоянно отрицает: познать познающего, увидеть смотрящего, почувствовать чувствующего, осознать сознание. Определенно, это гораздо более великое приключение, чем любая наука, потому что это происходит внутри самого ученого. Ученый может отправиться к истокам, может найти самую отдаленную границу объективной реальности, но он останется абсолютно несведущим относительно самого себя.

В Индии есть маленькие глиняные лампы, это не что иное, как маленькие чаши, сделанные из глины и наполненные маслом. В них есть простота и красота, но также и проблема. Из-за этой проблемы в Индии есть пословица: Дийя тале андхера - «Под лампой - темнота». Вот чашка, вот пламя в ней, оно распространяет повсюду свет, везде, но под самой лампой - темнота.

Странно, но это абсолютно точно в отношении ученого: он освещает все, но под собой, в себе - темнота, возможно, темнее, чем в ком-нибудь еще. Кажется, как если бы он освещал весь мир, а вся темнота, которую он изгнал из всех углов, сконцентрировалась в его собственном существе.

Вы спрашиваете меня, что такое религия? Религия должна осветить тот темный внутренний мир, которого наука не может достигнуть, где наука не может даже надеяться что-нибудь найти.

Религия приходит в эту темноту и рассеивает ее.

Поэтому-то переживание религии называют просветлением.

В тот момент, когда темнота внутри вас исчезает, вы преобразуетесь, превращаетесь в новое существо. Вся ваша жизнь останется той же, но с некоторым отличием, а отличие таково, что действительно создает отличие.

Вы будете есть, когда голодны, вы будете спать, когда устали; но эти простые акты имеют совсем другое сопутствующее значение, другое качество, другую интенсивность, другую особенность. Вы будете спать, и все-таки вы бодрствуете. Вы будете потрясающе любящими, новы никогда не влюбитесь, потому что влюбиться (по-английски, буквально, - упасть в любовь) несет в себе противоположность в терминах. В любви должны подниматься, не падать. Вы будете постоянно любящими, изливающими свою любовь - и не только на того, кто связан с вами.

Обычная любовь персонально ориентирована: вы любите свою мать, вы любите своего брата, вы любите свою жену, вы любите своего сына. Любовь просветленного человека персонально не ориентирована; это просто его особенность, его аромат. Даже если мимо пройдет незнакомец, то и на него будет распространяться эта любовь, как и на всякого другого. Вне зависимости от того, воспринимает он ее или нет, это действует на него. Он может держать свои двери открытыми, он может оставаться твердым, неуязвимым, закрытым; но это его действие.

Человек, который знает себя, просто подобен вам.

Он другой, но только с одним отличием: Его дом освещен, а ваш дом темен.

У вас есть все возможности осветить его. Все есть, вы просто должны включить свет. Вы должны найти выключатель, что также не очень трудно - ведь это ваш дом.

Человек открывал миллионы звезд в своем прошлом, пытаясь даже разузнать о будущем, - и неспособен отыскать в себе маленький выключатель, который может сделать всю его жизнь потрясающим экстазом.

Религия - это поиск вашего внутреннего света, вашей внутренней сути.

Это такой же большой поиск, как и наука, но намного более глубокий, более высокий.

Религия - это высочайший поиск.

Это самое захватывающее приключение, в котором может участвовать человек.

И найденное - это безмерное сокровище из всего того, что является прекрасным, блаженным, мирным, вечным, бессмертным.

Это ваше царствие.

Я не назову это царствием Божьим. Кто этот парень. Бог? И какое отношение к вашему царствию имеет Бог? Это ваше царствие.

Иисус заставляет вас чувствовать себя бедняком, нищим. Вы блаженны - почему? Потому что

вы унаследуете царствие Божье. Оно не ваше, оно чье-то еще; оно зависит от его милости. Так продолжайте молиться, умоляя господя: «Будь милостивым». Оставайтесь нищими. Иисус делает вас нищими, и почти все религии делают то же самое. Поэтому-то я и называю все эти религии псевдорелигиями. Это не истинные религии.

Истинная религия сделает вас императором.

Это не значит, что вы унаследуете чье-то царство, - ведь все унаследованное может быть отнято. И будет соревнование: кто получает первым, кто получает больше, кто получает более высокое положение?

В последнюю ночь, когда Иисус уходил от своих учеников, ему был задан точно такой же вопрос; «Господь, ты теперь уходишь. Одна вещь осталась неустроенной, - а вы должны помнить, что все они были евреями; дело, в конце концов, есть дело. - Мы так долго следовали за тобой...» - а они следовали за ним именно ради наследования царства Божьего.

А вопрос вот в чем - их было двенадцать. Конечно, они принимают в расчет, что Иисус - сын Божий, так что он будет на правильной стороне, он будет вторым в царстве Божьем... -“но кто будет третьим? Ты должен выбрать для своих двенадцати учеников, кто какое положение будет занимать там”.

Итак, если вы говорите в терминах царств, которые вы унаследуете, тогда все эти вопросы просты: «Кто унаследует больше?» И существует постоянный страх, что если вы делаете что-то неправильно, вы можете потерять это, так что продолжайте молить господя.

Это то, что во всем мире делают христиане, индусы, мусульмане. Очень странная ситуация... все они говорят: «Будь смиренным. Не желай страстно имущества, не будь привязанным к вещам; довольствуйся тем, что имеешь, тем, кто ты есть». Но почему все эти люди везде молятся? Утром, вечером, весь день напролет, миллионы людей молятся, тратятся миллионы часов. Для чего? Наследство.

Так много людей... Я как-то сказал своему отцу: «Я не хочу никакого наследства».

Он сказал: «Что?!»

Я ответил: «Разделенное между столькими людьми, оно становится почти ничем. Так много миллионов людей было раньше, так много миллионов людей существует теперь, и мир все еще не закончился; еще миллионы людей будут здесь. Только подумайте, простая арифметика: при стольких миллионах людей, какая доля царства будет моим наследством?»

Он сказал: «Ты никогда не перестанешь задавать безумные вопросы!»

Я ответил: «Это не безумный вопрос. Я сын бизнесмена, я просто спрашиваю - это просто бизнес. Если я собираюсь посвящать столько часов в день... какая отдача будет от этого? Я не думаю, что Бог хотя бы узнает меня в такой толпе в судный день. Представляете себе эту толпу?»

«Я не думаю, что кто-нибудь будет беспокоиться о том, какие грехи я совершил и какие добродетельные дела я сделал. В такой толпе... и все должно быть решено в двадцать четыре

часа - один судный день. Я не думаю, что будет какой-нибудь суд в этот день. И не только мужчины, столько же будет и женщин. Будет столько шума и болтовни, а встреча людей - так много жизней они не встречались... Вы просто представьте ситуацию!»

«И какой суд может быть в этот день? Кто-нибудь побеспокоится о Боге? Люди будут искать своих друзей и жен, и каждый должен иметь миллионы жен в миллионах жизней и миллионы детей. Я не думаю... - сказал я отцу. -.. Я абсолютно уверен, что в этот день в особенности не будет никакого суда. Кто будет слушать?»

Но все эти люди молятся, потому что псевдорелигии создали в вас нищих. А нищий никогда не может быть религиозным: только император может быть религиозным; поэтому я и говорю вам о том, что религия - это предельная роскошь.

Вы должны полностью отбросить мысль о том, чтобы быть бедняком и нищим; вы не бедны.

И царство не где-нибудь в будущем, в чьих-то там руках, так что вы должны умолять его, и массировать ему ноги, и умамливать его. Оно внутри вас; оно уже здесь. Просто немного поищите в себе... И это то, что и является религией: немного поискать внутри.

Но псевдорелигии продолжают насилловать вас точно так же, как это делает и наука. Наука, по крайней мере, объективна и приносит некоторые результаты, потому что она связана с вещами. Псевдорелигия - наихудшее из того, что может произойти. Это не религия, это не исследование внутри; это не наука, это не исследование в объективном существовании. Тогда что же это?

Это исследование чего-то, что находится внутри, но пытаются найти это снаружи; то, что находится внутри, ищется снаружи. Это и есть псевдорелигия.

Наука немного слепа в отношении самого ученого, но в отношении всего остального она имеет очень ясное восприятие.

Религия абсолютно восприимчива, потому что она - абсолютная осознанность.

Псевдорелигии нет нигде, - ни здесь, ни там. Она ни объективна, ни субъективна. Это жульничество, это обман людей. И псевдорелигия всегда боролась против науки и против истинной религии.

Как раз на днях в Афинах десять тысяч священников греческой православной церкви отправились с маршем протеста в столицу - кажется, двадцатый век никогда не придет - из-за того, что в учебнике греческих университетов упомянут Дарвин и его теория о том, что человек эволюционировал от животных. Против этого учебника, говоря, что он должен быть немедленно запрещен, эти епископы, и кардиналы, и высшие священники; все маршировали в черных мантиях - великий день оплакивания того, что этот глупец Чарльз Дарвин все еще остается в учебниках.

И они требовали, у них были плакаты со словами: «Все, что против Бога и Божьей церкви, не будет дозволено. Все, что против Бога, должно быть запрещено во всех общеобразовательных институтах, а Греция должна быть объявлена христианской страной».

Эти люди против Чарльза Дарвина. Нет проблем, любой может быть против Чарльза Дарвина. Но вашими действиями вы точно доказываете, что вы хотите изъять из учебников. Такое поведение не свойственно человеку. Если у вас есть мужество и интеллект, докажите, что Чарльз Дарвин ошибается.

Прошло так много лет, прошел почти целый век: за целый век все христианские мыслители, теологи, профессора - а их можно считать на миллионы - не смогли доказать, что этот один человек ошибается.

На каком основании вы хотите, чтобы эта теория была изъята из учебников? Просто, потому что вы так сказали? Просто, потому что она идет против теории христиан - вот в чем беда.

Бог создал мир за шесть дней, а Чарльз Дарвин говорит, что мир эволюционирует - вот в чем беда. Вы, должно быть, не поняли, в чем в точности заключается проблема. Их не беспокоит, что вы произошли от обезьян, это не имеет значения. Если Бог может сделать человека из грязи... Вот что значит слово гуманный: из гумуса, грязи; слово Адам тоже означает «из грязи».

Если это не оскорбительно, что Бог создал человека на грязном ранчо... Вот почему это место называется «Ранчо Большая Грязь», ведь там произошло величайшее событие. Нет, это не оскорбление.

Бог создал женщину из ребра мужчины... Он не смог найти ничего другого? До чего замечательная идея - ребро мужчины! Итак, если это не оскорбление, тогда в чем проблема, если Чарльз Дарвин думает, что человек медленно эволюционировал из обезьяны? Обезьяны, кажется, должны быть намного лучше, чем грязь; по крайней мере, они живые, на самом деле очень живые... разумные существа. Что в этом неправильного? И если мужчина или женщина могут быть созданы из ребра... обезьяна, по крайней мере, имеет все органы, не только ребра. Нет, это не проблема.

Люди подумали, что эти священники, эти христиане против теории эволюции потому, что обезьяны - это оскорбительно. Нет, проблема в том, что Бог сотворил человека; сотворение и эволюция не могут идти вместе. Это противоположные слова.

Сотворение означает конечный продукт; в шесть дней Бог закончил мир. Он сделал последнее, окончательное прикосновение, и после этого он не беспокоился ни о чем. Это просто как с фабрики, со сборочного конвейера автомобиль сходит полностью законченным. Он не эволюционирует впоследствии - вырастают две руки, исчезает хвост, и странные вещи начинают происходить с ним, - нет, он законченный продукт.

Идея религий заключается в том, что Бог создал мир как законченный продукт. Теперь нет вопроса об эволюции: обезьяны были созданы им обезьянами, человек был создан им человеком, деревья были созданы им деревьями; и не было эволюции.

Нет прогресса, вещи статичны. Они там, где они всегда были. Нет движения. Фактически, если вы углубляетесь в это, время теряет все свое значение. Вашим часам нет необходимости все время бессмысленно тикать, потому что ничто не меняется; все является законченным продуктом.

Чарльз Дарвин ненамеренно... потому что он сам был ортодоксальным христианином, он не осознавал того, "что он делает." Это случилось так, как если бы человек в бессознательном состоянии продолжал делать что-то, иногда даже против своей собственной философии, своей собственной религии. Он не осознавал, что он делает что-то против Бога. Он был очень богобоязненным человеком. Он не думал, что идея эволюции идет против Бога. Но она против.

Она подразумевает, что никогда не было никакого сотворения. Вещи никогда не существовали как законченный продукт, они всегда эволюционировали. Эволюция - это непрерывный, постоянно идущий, вечный процесс. Мы не достигли конца. Никогда не было никакого начала, никогда не будет никакого конца. Это эволюция - постоянное развитие, непрерывность. Это создает трудности, она перечеркивает всю идею сотворения.

Итак, эти псевдорелигии боролись против науки. Все, что идет против их священных писаний, должно быть запрещено. Все, что становится выше, что становится более гуманным, более разумным, должно быть подавлено.

Приблизительно двадцать лет назад в Америке прекратили молитвы в школах и других образовательных учреждениях, потому что демократическому правительству не следует поддерживать какую-либо веру. Если вы поддерживаете какую-либо веру, то чью веру вы собираетесь поддерживать? При демократии это, естественно, будет вера большинства, но тогда кто будет защищать права меньшинства?

Если христиане в большинстве, страна является христианской; тогда кто будет заботиться о евреях, мусульманах, индусах, буддистах - о меньшинствах? Их детей будут заставлять творить христианские молитвы, читать христианские священные книги, ходить в христианские церковные школы, держать экзамены в них. И все это против них.

Это просто против индивидуальной свободы, это не демократично. Итак, это был огромный шаг, когда молящиеся были распущены, остановлены. Но христиане страстно желали - и теперь у них есть президент, такой же фанатичный, как и любой обычный христианин. Теперь он поддерживает закон, по которому принудительно вводится одна минута молчания во всех общественных образовательных учреждениях: школах, колледжах, университетах.

На первый взгляд здесь, кажется, нет проблемы. Молчание, в общем-то, различно; одна минута молчания - она ни еврейская, ни христианская, ни индуистская, но тогда вы слишком глупы.

Стратегия состоит в том, что христианские священники говорят детям в их религиозных братствах: «Используйте эту одну минуту для христианской молитвы. Оставайтесь молчащими, а внутри повторяйте по памяти молитву». Теперь молитву приводят через заднюю дверь. Вот как работают политики!

Первым делом Рональд Рейган должен доказать, что он сам может оставаться молчащим в течение одной минуты. И теперь есть приборы, так что это не проблема проверить, молчите вы или нет. Это совсем как кардиограмма: к вашему лбу прикрепляются провода и прибор начинает рисовать график - думаете вы или нет. Если вы думаете, тогда на графике будут длинные зубцы, маленькие зубцы, большие зубцы. Если вы не думаете, тогда на графике будет гармоничная плавная кривая.

Теперь это так просто определить, думает молчащий человек или нет. Просто держать рот закрытым теперь недостаточно.

Сперва Рональд Рейган должен доказать, что он может оставаться молчащим в течение одной минуты. Но никто не просит его. Двадцать один штат в Америке уже принял закон о том, что одна минута молчания во всех общественных учебных заведениях обязательна; просто намек президента, и все они готовы. А священники делают свою работу, говоря: «Используйте эту одну минуту», - так возвращается молитва.

Эти псевдорелигии развращают человеческий разум любым способом. Они дали вам ненаучные идеи, антинаучные идеи. Они также дали вам ортодоксальные, старые, мертвые, устаревшие идеологии, которые не дают вам стать современными.

И наиболее вредно из того, что они делают, это то, что они не дают вам разобраться, что же такое религия, потому что, прежде чем вы найдете, что такое религия, вы уже - христиане, индусы, мусульмане. Ребенок не имеет шанса исследовать, сомневаться, спрашивать.

Когда ребенок так податлив, что вы можете выгравировать на нем что угодно, тогда вы и гравируете. А позже, когда он становится тверже... эта гравировка остается с ним на всю жизнь. Трудно изгладить ее, очень трудно освободиться от нее; она становится почти частью его костей и мозга.

Вы спрашиваете меня, почему так много религий. Религий существует так же много, как много существует болезней. Существует только один вид здоровья, вам не нужны к нему прилагательные. Если кто-нибудь спрашивает: «Как ваше здоровье?» — вы отвечаете: «Я совершенно здоров». Он не спрашивает вас: «Какого вида ваше здоровье?» Если вас спросят: «Какого вида ваше здоровье?» - вы будете удивлены. Вы ответите: «Просто здоров! Здоровье - это просто здоровье, чувство здоровья, ощущение, что все как надо, что все идет спокойно, что я счастлив, что я не могу подумать, что может быть лучше, чем есть».

Много ли существует видов здоровья? Нет, существует только один вид: здоровье. Но болезней - миллионы.

То же самое относится и к истине: истина одна. Но существуют миллионы видов лжи, потому что ложь зависит от вас; вы можете продолжать выдумывать их столько, сколько хотите. Болезни зависят от вас. Вы можете продолжать жить неправильно, неправильно питаться, делать неправильные вещи, и вы можете все время создавать новые болезни.

То же самое и со здоровьем - всегда новое, но оно всегда было тем же самым. Вы можете называть его самым древним и в то же время самым последним, самым новым.

Пять тысяч лет назад кто-то был здоров, и теперь вы здоровы; вы думаете здесь будет какая-то разница? Он был не вашего цвета, он не знал вашего языка, и прошли пять тысяч лет; но если кто-то был здоров, неважно, кто он был, на каком бы языке он ни говорил, какого бы цвета он ни был, мужчина или женщина, молодой или старей, если он был здоров, тогда вы знаете, по крайней мере, о нем одно - он был здоров.

Это чувство здоровья вы можете испытать. Вам ничего не надо знать об этом человеке, хорош

ли он собой, уродлив ли, низок ли, высок ли - не имеет значения; одна вещь похожа: он здоров и вы здоровы. Лишь это одно одинаково.

Но болезни... каждый день продолжают появляться новые болезни. Существуют миллионы болезней, и будет намного больше, так как человек становится все более изобретательным.

Вы никогда не пойдете к доктору, если чувствуете себя здоровым, не пойдете, говоря: «Вот уже две недели я чувствую себя здоровым, должно быть, что-то не так?»

Фактически, в древнем Китае была лишь одна вещь заслуживающая упоминания; возможно, через некоторое время в будущем она может быть использована снова. Конфуций оказал на Китай наибольшее влияние. Одна из его идей была... и она была осуществлена, на века она осталась действующей. Идея была вот в чем: доктору должны платить за сохранение пациента здоровым, не за исцеление его. Если доктору платят за ваше исцеление, тогда его естественный интерес в том, чтобы вы оставались больны. Чем сильнее вы больны, тем лучше; чем больше людей больны, тем лучше. Вы создаете дихотомию в разуме целителя.

Сначала вы учите врача тому, что его работа - сохранять людям здоровье: «Ваша задача продлевать их жизнь, энергию, молодость». Но если насущный интерес врача будет в том, чтобы все оставались здоровыми, молодыми, никто не болел, тогда он умрет с голоду. Если все здоровы, тогда доктора будут больны, совершенно больны, больны смертельно. Что же им делать?

Нет, насущный интерес врача идет против философии, которой он был обучен. Его интерес в том, чтобы люди оставались больными, чем больше заболеваний, тем лучше. Отсюда вы поймете одну странную вещь: если бедный человек заболит, то ему станет лучше скорее, чем богатому человеку. Странно... почему бедному человеку станет лучше скорее? Да потому что доктор хочет избавиться от него, ему не нужно тратить напрасно время. У бедного человека нет денег; напротив, он просит у доктора немного денег на лекарства.

Если доктор прописывает фрукты, молоко, то и это, бедный человек говорит: «Тогда дайте мне немного денег. Когда у меня будут деньги, я верну их». А доктор знает, что он не сможет вернуть их. Итак, дайте ему лекарства, дайте ему фрукты -лучше вылечить его поскорее.

Но если заболевает более богатый человек, тогда все становится очень длительным. Возможно, доктор молится Богу: «Сохрани его больным». Возможно, он разбавляет лекарства; и в странах, подобных Индии, вам не надо ничего делать, потому что никто не знает, что есть в пакете. Вы делаете инъекции, а это просто чистая вода. Таким образом, фармакологи чрезвычайно полезны в сохранении людей больными.

Идея Конфуция чрезвычайно важна; он говорит, что каждый должен платить доктору ежемесячную плату за сохранение своего здоровья. Если человек остается здоровым весь месяц, тогда он платит определенное количество денег доктору. Если он заболевает, тогда плата соответственно уменьшается.

Очень странно вначале, потому что по всему миру мы делаем прямо противоположное, - но очень логично, очень здраво. И Конфуций во многих отношениях - здравомыслящий человек. У каждого должен быть свой врач, и каждый должен платить врачу за сохранение своего здоровья,

не за излечение. Если он болеет, тогда расходы несет доктор - лекарства и все затраты, и его заработная плата будет также уменьшена, потому что он не заботился о человеке.

Это продолжалось столетия. И это работало хорошо, потрясающе хорошо для обоих; для врачей, для пациентов, для обоих работало хорошо. Доктора не были так тяжело обременены. И пациенты были совершенно счастливы, потому что насущный интерес доктора не был направлен против них, он был в их пользу.

Итак, доктор не был заинтересован в том, чтобы они так или иначе заболели и зависели от лекарств. Он прописывал больше упражнений - прогулки, плавание, спорт, - так они и оставались здоровыми. И столетия, пока оставалось влияние Конфуция, Китай был, должно быть, самой здоровой страной в мире.

Точно такая же ситуация и с псевдорелигиями. Псевдорелигии хотят, чтобы вы были духовно больны. Они не хотят, чтобы вы были полны света, они хотят, чтобы вы были заполнены тьмой, грустью, болью; в этом их насущный интерес.

Если люди действительно счастливы и радостны, тогда церкви будут пусты, синагоги исчезнут. Кто будет платить всем этим раввинам и всем этим епископам? За что? Кто собирается слушать их глупые советы?

Псевдорелигии живы только потому, что вы не осведомлены в подлинной религии. Следовательно, если где-то появляется кто-то с подлинной идеей религии, то немедленно все псевдорелигии выступают против него. Это должно быть взято как указатель. Иудей может быть против христианина, христианин может быть против иудея, мусульманин может быть против индуса; это нормально, это просто лавочники борются между собой, конкуренты борются между собой.

Но вы не найдете, чтобы все эти так называемые религии были против одного человека. А если вы где-то найдете это, то будьте немного настороже и внимательны: этот один человек должен иметь нечто такое, что больно задевает все псевдорелигии одинаковым образом. Он больно задевает их ложную сущность. И теперь это больше не вопрос христиан, индусов или мусульман; имеется лишь один вопрос.

Кто-то сказал: «В Америке правительственные источники полагают, что вы посланы сюда Советским Союзом». А в Советском Союзе мои книги запрещены! У меня есть несколько санньясинов оттуда, конечно подпольно, но они встречаются, а одна женщина была поймана, потому что она была курьером, перевозившим книги, журналы и другие вещи. И они изводили ее всеми возможными способами.

Они хотели, чтобы она призналась, что я американский агент, готовящий людей и засылающий их в коммунистические страны для саботажа. Она сказала: «Но это абсолютно абсурдно!» Она сообщила мне: «Это странно. В Америке думают, что вы из Советского Союза, а в Советском Союзе люди думают, что вы американский агент!»

Я ответил: «Это не ново. То же самое случилось и в Индии: индусы были против меня, джайны были против меня, буддисты были против меня, мусульмане были против меня, христиане были против меня, парсы были против меня. Все это религии, которые против меня».

И меня много раз спрашивали: «Можно понять, что одна религия против вас, но все религии?..»

Затем и коммунистическая партия присоединилась к ним. Коммунистическая партия опубликовала книгу против меня. Тогда это было действительно весело: люди, которые верят в Бога, они против меня; люди, которые не верят в Бога, и они против меня; материалисты против меня, идеалисты против меня. Идеалисты думают, что я материалист; материалисты думают, что я идеалист. И никто не спрашивает меня, кто я на самом деле. Они решают сами, но все они против меня.

Но в одном пункте они согласны: если я должен быть уничтожен, то все они будут вместе. Не будет ни различий, ни теологических проблем, ни старинных раздоров и борьбы, ничего. Они все будут согласны, что этот человек должен быть уничтожен по той простой причине, что я не выступаю против какого-либо единственного принципа, я выступаю против коренной причины: ложной сущности религий.

А почему была вовлечена в это коммунистическая партия? Потому что я сказал, что коммунизм - это материалистическая псевдорелигия, как и фашизм был псевдорелигией.

Теперь последователи Адольфа Гитлера говорят, что он был перевоплощением пророка Илии. И я получил от них письма, говорящие: «Вы не должны высказываться против Адольфа Гитлера, потому что это задевает наши религиозные чувства».

Я сказал: «Мой Бог, невозможно выступать даже против Адольфа Гитлера!» Я никогда не думал, даже в самых сумасшедших моих идеях я никогда не думал, что это будет задевать религиозные чувства людей. Политические чувства я мог бы понять, но нет политических чувств, существуют только политические идеи.

Да, если я говорю против Иисуса, чьи-то религиозные чувства могут быть задеты. Но вот письмо от президента Американской Нацистской партии и его угроза: «Вы должны прекратить высказывания против Адольфа Гитлера, потому что это не имеет ничего общего с политикой, это наши религиозные чувства».

Адольф Гитлер - религиозный лидер... Если бы эти люди победили, то вы можете себе представить: Адольф Гитлер, Бенито Муссолини - эти люди были бы выставлены в церквях, синагогах, в храмах. Кришна, и Иисус, и Будда были бы выброшены прочь, и вы поклонялись бы этим людям.

И это не притянута за волосы. Это случилось в России. Россия была одной из наиболее ортодоксальных христианских стран. Что случилось после революции? Теперь поклоняются могиле Ленина, а пока Сталин был жив, поклонялись его статуям, его портретам. Книга Карла Маркса Капитал стала священной книгой коммунистов. И с Капиталом случилось то же самое несчастье, какое случается со всякой священной книгой: ее никто не читает.

Стать священной книгой - это самое большое несчастье, какое может произойти с любой книгой, потому что тогда никто не читает ее. Она слишком священна, чтобы ее читать; просто поклоняться ей, положить несколько цветов на нее.

Маленького мальчика спросили в школе: «Можешь ли ты рассказать нам, что такое Библия?»* - потому что несколько дней учитель объяснял, что такое Библия.

Мальчик встал и сказал: «Да, я могу рассказать вам. В моей Библии сестра хранит свои любовные письма, а мама хранит локон волос моего папы».

Учитель спросил: «Твой папа умер?» Мальчик ответил: «Мой папа не умер, но у него выпали волосы, это просто память. Она хранит волосы, которые были у него. А мой папа хранит там билеты в кино, ва скачки, лотерейные билеты - в моей Библии так много вещей». В ней нет Иисуса, в ней нет Моисея. Вот значительные вещи, находящиеся в ней.

Священная книга в конце концов достигает этого состояния. Чем святее она становится, тем меньше ее читают.

Эти книги я, по крайней мере, прочитал, потому что для меня они не святые, это просто книги, подобные всякой другой, - они плохо написаны, не великие шедевры. Невозможно даже и сравнивать их со Львом Толстым, или Достоевским, или Чеховым, или Горьким - естественно, потому что Лука и Марк, эти бедные парни, что они могут сделать, чтобы стать Достоевским, Толстым? Это невозможно. Фактически, все, что они сделали, восхитительно; неграмотные, бедные, ничего не знающие - по крайней мере, они собрали все, что говорил Иисус.

И что мог Иисус сказать именно в тех четырех Евангелиях? И те четыре Евангелия могут быть сжаты, потому что все они повторяются, все четыре: четыре версии той же самой личности, четыре журналиста передают одну речь. Каждое немного отличается, но это та же самая вещь.

Вся Библия может быть сжата в маленькую открытку, все, что существенно, может быть написано на открытке. И даже тогда эти существенные вещи не подлинны, они все заимствованы. Иисус цитирует; они все в кавычках. Он цитирует старых пророков, а те старые пророки цитируют других старых пророков. Это очень странная история... Кто тот парень, который начал всю эту чепуху? Его очень трудно найти; они все цитируют.

Библия не очень стара, но в Индии есть очень древние книги; они также все цитируют. Даже Риг Веда, которой, как полагают, по крайней мере пять тысяч лет... даже согласно христианским теологам, весь интерес которых заключается в том, чтобы приблизить время ее создания как можно ближе к настоящему времени, потому что у них есть одна проблем. Эта проблема состоит в том, что Библия говорит, что Бог создал мир за четыре тысячи четыре года до рождества Иисуса. Если есть книга, которая старше, то это создаст трудности. Итак, весь интерес христианских теологов - снизить ее возраст; но они не могут сделать больше, чем это.

Действительно, согласно индусским астрологам - и это, кажется, должно быть очень научное наблюдение - Риг Веда описывает расположение звезд, которое было девяносто тысяч лет назад. Относительно этого западная астрономия согласна: то расположение звезд, то конкретное расположение, было девяносто тысяч лет назад. А оно описано так точно, что невозможно, чтобы книга, написанная пять тысяч лет назад, могла описать что-то, что произошло за восемьдесят пять тысяч лет до этого. Нет способа описать это, и с такой точностью. Просто по памяти от поколения к поколению было передано это... но тогда мир тоже должен существовать задолго до четырех тысяч лет до рождества Иисуса.

Это делает возраст мира равным только шести тысячам лет. В Индии есть города, которым, согласно западным ученым, семь тысяч лет. И если города были там, а города такие, что вы не в состоянии поверить!.. И, глядя на сегодняшнюю Индию, это становится даже более невероятным.

Я побывал в Моханджодро и Харрапуре; оба теперь в Пакистане. Кажется, что Моханджодро должен был быть великим городом своего времени; семь раз его разрушали стихийные бедствия, но как именно, до сих пор не решено. Но люди были действительно отважны; они создавали его снова, и снова, и снова.

Город существует в семи слоях. Когда был найден первый слой, думали, что это все, что есть, что это весь город. И просто случайно, пока копали первый слой города, нашли, что кажется должен быть также и другой слой, на семь метров ниже. Семь метров грязи покрывали предшествующий город; должно было произойти ужасное наводнение, чтобы принести так много ила, что весь город был покрыт им. В Моханджодро вскоре были найдены семь слоев. Сейчас подошли к последнему слою; теперь уже нет другого уровня. Каждый раз там было наводнение. Никогда не узнают, как много тысяч лет потребовалось для того, чтобы город был семь раз разрушен и восстановлен заново.

Прекрасно видно, что дороги были больше, чем в современном Бомбее, намного шире. Город не был просто примитивным видом города. Дома были с ваннами, которых нет в сегодняшней Индии, по крайней мере в девяноста восьми процентах домов.

Ванные комнаты - современное явление. Даже всего лишь две сотни лет назад в Европе не было ванных комнат; отхожие места были действительно отхожими местами. И когда впервые в Америке сотню лет назад были сделаны первые ванны, был такой шум! Это было против религии, иметь ванную в доме, отхожее место внутри дома - это был грех.

Это обсуждалось в парламенте. С громадным трудом Верховный Суд решил, что если кто-то хочет иметь ванную в своем доме, то он это может; если он хочет ванную в доме, то это никого не касается. Если вы не хотите идти в его дом, не ходите. Но это его личная свобода.

За сотню лет мы далеко ушли. Последняя разработка из Скандинавии - комната в ванной комнате. Мне понравилась эта идея. Почему пристроенная ванная комната? Ванная больше, комната внутри нее. Это должно быть и в нашей коммуне в первую очередь. Это войдет в историю, и, возможно, снова будут трудности в парламенте: "Эти люди делают теперь слишком много - помещают свою комнату и рабочий кабинет в ванной!" Но в Моханджодро имеются ванные комнаты, подземные канализационные системы, трубопроводы - не металлические, а сделанные из глины, - трубопроводы, подводящие воду в ванны, горячую воду и холодную; плавательные бассейны, и по крайней мере трехэтажные здания... семь тысяч лет назад.

Эта культура должна была быть на земле по крайней мере в течение двух - трех тысяч лет; иначе, как могли разработать все эти вещи?

Все эти священные книги я прочел. Одна вещь одинаково ясна в каждой священной книге: она ложна, она не основана на подлинном переживании; это действительно стратегия держать людей в невежестве относительно подлинного переживания, потому что если подлинное переживание становится достоянием людей, все духовенство теряет свой ореол, свою власть,

свое положение. А духовенство - одна из крупнейших профессий в мире, наиболее уважаемая профессия и, возможно, старейшая профессия.

Люди говорят, что проституция является старейшей профессией. Я так не думаю, потому что как без священника вы можете быть проституткой? Кто будет называть ее проституткой? Кто будет осуждать ее как проститутку? Священник нужен прежде проститутки. Фактически, проститутка является продуктом духовенства. Священник должен осуждать секс, должен осуждать любую внебрачную связь, должен осуждать добрачные связи. Все это необходимо, чтобы создать проституцию, - он должен осуждать проституцию.

Духовенство кажется старейшей эксплуататорской профессией, и, определенно, намного худшей, чем проституция, ведь проститутка, по крайней мере, предлагает вам что-то. И я не думаю, что она абсолютно бесполезна. Возможно, из-за проституции большинство ваших браков стабильно; она спасает ваши браки.

Жены не беспокоятся, если муж ходит к проститутке, потому что это только сексуальная связь, нет проблемы. Он приобретает определенный товар, вот и все. Но если муж ходит к другой женщине, которая не проститутка и которая не может быть куплена, тогда жена пугается, тогда она выходит из себя, покрывается пятнами. Тогда есть опасность.

Проститутка никогда не конкурент, она не будет думать как конкурент. И эта бедная женщина спасает ваши браки, предотвращает много изнасилований, случающихся в обществе, потому что те люди, для которых она достижима, если бы она была не достижима, искали бы другую женщину. Они не станут просто сидеть тихо, ничего не делать, и пусть трава вырастет сама. Для них трава вовсе не растет; так можно просидеть вечность.

Проститутка спасает многих женщин от изнасилования. И эта бедная женщина приведена в такое положение всем вашим обществом и осуждена. Вы привели ее в это положение. Ни одно общество не разрешило женщине экономическую свободу; ни одно общество не разрешило женщине образование, культуру, равенство с мужчиной. Вы не оставили ей ничего; кроме своего тела, ей нечего продать.

И за это положение священник несет наибольшую ответственность. Если кто и отправится к черту, то это священник, а не проститутка, потому что это он вызывает все эти вещи.

Все святые писания и все священники делают одну вещь, просто одну вещь: пытаются спрятать подлинную религию, которая прорывается, несмотря на все их усилия. Но они продолжают прятать ее.

Они делают две вещи, чтобы спрятать ее. Во-первых, они борются с ней. Они пытаются распять ее, они пытаются убить ее.

Я видел кепки и свитеры с изображением моей головы на них, голова перечеркнута. Они были распроданы - должно быть, в миллионах экземплярах, ведь их сделали в Гонконге, в Тайбее. Когда Гонконг и Тайбей или Корея производят что-либо, они производят это миллионами, никак не меньше. Они не могут поместить меня на крест, это было бы слишком грубо и отталкивающе, но желание есть. Это желание просматривается в тех картинках, плакатах; мысль та же.

Первое - это уничтожить человека любым возможным способом. Это то, что они делают здесь. Они говорят, что этот город противозаконен, потому что он смешивает религию и государство. Теперь они принимают закон в законодательном собрании штата о том, что наша школа не должна получать никаких субсидий от правительства, потому что, они говорят, это религиозная школа. Все христианские школы получают субсидии; все учителя - христиане, все учащиеся - христиане, и нет проблемы.

Наши школы вовсе не учат религии, потому что мы не обретаем никакой религии таким путем. Наши учителя даже не носят малу в школе, когда они идут учить.

Я видел фильм о Верховном Суде Америки и о том, как он постепенно дрейфует, все в большей и большей степени защищая правительство, чем человека. А причина, почему они так делают, в том, что в Америке... Верховный Суд состоит из девяти судей; они назначаются президентом, и это пожизненное назначение. Это условие было сделано таким, чтобы никто не мог оказывать на них давление. Если однажды судья назначен, то он назначен на всю свою жизнь; поэтому вы не можете оказывать на него давление. Какое давление вы можете оказывать на него?

Вы не можете выгнать его с работы. Нет более высокого поста, на который вы можете помешать ему продвинуться, вы не можете понизить его в должности. Ему ничего нельзя сделать, вот почему возникла эта идея. Но они забыли одну вещь: этот замечательный день, когда президент должен назначать судью. И по случайному стечению обстоятельств пятеро из девяти судей уходят в отставку в этом году; срок их службы закончился.

Теперь у Рональда Рейгана есть власть назначить пятерых из девяти судей Верховного Суда: пятеро будут его людьми. Это отнимает всю независимость и славу Верховного Суда. Теперь они танцуют под дудку Рональда Рейгана. Поскольку он хотел, чтобы эта одна минута молчания была введена, суд не смог отклонить это, несмотря на то, что тот же самый суд за двадцать лет до этого запретил молитву, которая продолжалась два столетия.

Этот фильм носит исследовательский характер; он вертится вокруг проблемы, исследует учителей, директоров школ... И я был удивлен, что открыто, в средствах массовой информации, учителя заявляют... одна женщина-учитель заявила: "Я двадцать четыре часа в сутки христианка, даже когда я учу, я христианка. И я буду продолжать учить моим убеждениям. И христианство не религия, это способ жизни".

Если христианство - способ жизни, тогда все религии - способы жизни. В чем проблема? И если христианин может сказать: "Я двадцать четыре часа в сутки христианин", тогда почему еврей не должен быть двадцать четыре часа в сутки евреем? А что касается моих людей, они работают по крайней мере вдвое больше, чем другие. Они сорок восемь часов в сутки раджнишисты; в двадцать четыре часа они делают сорокавосемь часовую работу.

И это не только способ жизни, это также и способ смерти, потому что мы имеем свой стиль в жизни, мы имеем свой стиль в смерти. Но мы не учим никакой религии, потому что у нас нет никаких убеждений. А эта женщина говорит открыто, что она будет продолжать, чтобы ни решало правительство или Верховный Суд, она будет продолжать учить своим убеждениям.

Эти школы будут все время получать субсидии от правительства, и все школы, почти все, в

таким же положении. Но закон против только нашей школы, одной единственной школы, одной маленькой школы.

Они прежде всего будут стараться уничтожить нас всеми возможными способами.

Когда я приехал сюда в первый раз, я видел каждый пятнадцатый день месяца, что дорогу, принадлежащую округу, ремонтируют. Но в последние два года они прекратили делать ремонт этой дороги, потому что этой дорогой пользуются наши люди, таким образом: «Пусть они терпят, сколько смогут».

Первое усилие псевдорелигий будет - уничтожить. И когда они преуспели в убийстве человека или некоторым образом в камуфлировании его откровения, тогда вторая вещь - восхвалять его, сделать из его учений великую религию. Это покажется вам очень противоречивым, но так они работают.

Убить подлинного человека, подлинное откровение, а затем извратить все, что он сказал; наложить на это комментарии, сделать из этого великую теологию так, чтобы все, что он сказал потерялось в суматохе; сделать из этого религию.

Опять новая работа для новых священников - они не пропустят этого момента. Иисуса распинают, а папу радушно приветствуют. На самом деле они должны распинать каждого папу, просто чтобы доказать, что именно они последователи Иисуса, его представители. Что-то должно быть сделано. Если вы не хотите распять полностью, просто отрежьте чью-нибудь голову, чьи-нибудь руки, чьи-нибудь ноги, но делайте что-нибудь, чтобы доказать, что этот человек представляет Иисуса, который был распят... представляет его, по крайней мере, частично.

Но их радушно принимают. Когда последний папа приехал в Индию, то это была проблема. Президент Индии приехал в Бомбей встречать его - доктор Радхакришнан был президентом. После, в Дели, я спросил его: «Вы никогда не ездили встречать шанкарачарью, вы никогда не ездили встречать главу джайнов или буддистов. Вы индус, и вы последователь шанкарачарьи Южной Индии. Вы никогда не ездили в аэропорт Дели, чтобы встречать его, когда он приезжал в Дели. Почему же вы едете встречать папу?»

Он ответил: «Это политика».

Я сказал: «Тогда, если вы прямой человек, отрекитесь от этой политики и публично разоблачите ее». Папу должен встречать президент, потому что папа контролирует шестьсот миллионов католиков во всем мире, - и страны, которые он контролирует, - богатейшие в мире. «Итак, это не папа, кого вы едете встречать. Вы не пошли бы встречать Иисуса, вы были бы одним из тех, кто распял Иисуса. Его представитель встречен, радушно принят, а вам даже не стыдно».

Но именно это происходит во всем мире: везде, куда приезжает папа, - торжественная встреча, встреча на красном ковре. Иисусу не устроили и единственной торжественной встречи. Даже маленького красного коврика не расстелили. Единственным приветствием было то, что он должен был сам нести свой крест, а он не был сильным человеком, и крест был по-настоящему большим и тяжелым. Он три раза падал на пути, но они не разрешили никому поддерживать его.

Его хлестали бичами и говорили: «Поднимайся! Вот твое учение. Ты говорил людям, что каждый должен сам нести свой крест, теперь неси его».

Таким было приветствие, которое он получил.

Стоило Иисусу умереть, как открыли новое предприятие. На его смерти начали новую религию, новый источник занятости для духовенства; и действительно, это обернулось большим бизнесом. Насколько я знаю, евреи все еще обижаются; они упустили величайшую благоприятную возможность. Это был их собственный парень, кто учредил всю эту фирму, а другие пожирают плоды! Они упустили свой шанс.

Итак, сначала псевдорелигии убьют действительно религиозного человека, источник. А затем духовенство соберется вокруг и создаст еще одну псевдорелигию. Вот почему псевдорелигий продолжает становиться больше, и больше, и больше; их уже три сотни на земле.

А вы спрашиваете меня, возможно ли иметь одну религию для всего человечества? Это невозможно и не нужно, потому что идея монополии всегда присутствовала.

Мусульмане пытаются сделать весь мир мусульманским, так чтобы была одна религия. Христиане пытаются обратить весь мир в христианство, так, чтобы была только одна религия. Все эти люди пытаются иметь одну религию для всего человечества.

Нет, даже поддержать эту идею опасно, потому что это просто означает истреблять других. Но кто мы? Если кто-то хочет оставить индуизм, или ислам, или христианство, тогда это его выбор. И никому до этого нет дела. Религия - это частное дело, личное дело. Вам нравится определенный цветок, а мне он не нравится, но это не значит, что мы враги.

Нет необходимости, чтобы была только одна религия.

Но может быть одна религиозность.

Люди могут принадлежать к различным видам религий, но, тем не менее, они могут нести одно и то же качество религиозности. Тогда нет проблем с тем, идут ли они в церковь, или в синагогу, или в храм, или никуда. Они могут никуда не ходить, собственный их дом - храм.

Это возможно - не только возможно, это должно быть сделано фактически существующим - может быть одна религиозность для всего человечества, но эта религиозность может принимать так много форм как это возможно. Я люблю мир, полный разнообразия, полный красок, полный различных ароматов. Нет необходимости организовывать все человечество по одному образцу, по одной модели. Это будет уродливо. Это не сделает человека богатым, это сделает человека крайне бедным.

Итак, это немного сложно. Но вы должны понять меня.

Я допускаю так много религий, как это возможно. Фактически, я буду рад, чтобы каждый человек мог иметь свою собственную религию - столько религий, сколько человек в мире, но все имеют одно и то же качество религиозности. Могут быть миллионы влюбленных, но качество любви одно и то же; имеются миллионы разумных людей, но качество разумности одно и то же.

Осветите свое внутреннее бытие, и ваша жизнь начнет распространяющиеся колебания, которые точно такие же; с кем бы ни случилось просветление, в том возникнут такие же колебания. И вы будете способны легко распознавать людей, какого бы цвета они ни были, каким бы ни был их язык, какой бы ни была их страна, вы будете в состоянии немедленно распознать, что дом этого человека светел.

Вы можете видеть это даже снаружи; даже из окон свет показывает, что внутри светло. Вам даже не надо входить в дом. Дом может иметь любую форму, любой цвет, любую окраску, любую архитектуру, - это не имеет значения. Что имеет значение, так это то, показывают окна свет или нет, наполнены ваши глаза светом или нет, излучает ваше существо религиозность или нет.